ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

9.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1898

Къ біографіи Всероссійскаго патріарха Іоакима Савелова.

Считаю необходимымъ исправить ошибку въ біографіи патріарха Іоакима (въ мірѣ Ивана большаго Петровича Савелова, род. 6 Янв. 1620 † 17 Марта 1690 г.), помѣщенной въ „Русскомъ БіографическомъСловарѣ“ (Спб. 1897, стр. 174—177), гдѣ между прочимъ высказано мнѣніе, будто патріархъ Іоакимъ началъ учиться грамотѣ лишь въ 1657 году, т.-е. въ то время, когда онъ находился уже строителемъ Валдайскаго Иверскаго монастыря*). Это мнѣніе впервыя высказалъ г. Прозоровскій въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи „Сильвестръ Медвѣдевъ“ (стр. 457), основываясь на сообщеніи „діакона Ѳедора“ (напечатано Н. И. Субботинымъ въ „Матеріалахъ для исторіи раскола“). Діаконъ Ѳедоръ говоритъ, что патріархъ Іоакимъ „не зналъ отъ писанія развѣ азбуки“. Но г. Прозоровскій идетъ дальше; онъ не допускаетъ даже знанія грамоты и категорично заявляетъ: „грамотѣ Іоакимъ началъ учиться по переѣздѣ изъ Кіевскаго Межигорскаго монастыря въ Иверскій“. Откуда почерпнулъ это свѣдѣніе г. Прозоровскій, неизвѣстно; онъ далъ слишкомъ много вѣры показанію врага Іоакима и, не провѣривши этого показанія, занесъ его на страницы своего ученаго изслѣдованія, а у него вѣроятно, позаимствовалъ и составитель біографіи Іоакима, о которой идетъ рѣчь.

Іоакимъ Савеловъ, поступивъ въ 1655 году въ монастырь, былъ хорошо грамотенъ. Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ дѣлахъ Помѣстнаго Приказа по г. Можайску (столбецъ 565, дѣло № 1; столбецъ 41, дѣло 14; Отказная книга № 1, дѣло № 138) сохранилось нѣсколько собственноручныхъ челобитень (1651—1653) Ивана большаго Петровича Савелова, т.-е. будущаго Всероссійскаго патріарха Іоакима, написанныхъ *увѣреннымъ*, *четкимъ* и *красивымъ почеркомъ*. Несомнѣнно стало быть, что патріархъ Іоакимъ былъ грамотенъ еще до своего постриженія, и показаніе „діакона Ѳедора“ является ложнымъ.

Мнѣ кажется, что подобныя свѣдѣнія, сообщаемыя лишь на основаніи такихъ источниковъ, какъ слова „діакона Ѳедора“, не должны имѣть мѣста въ капитальныхъ трудахъ, какимъ является „Русскій Біографическій Словарь“.

Кромѣ указаннаго, невѣрно показанъ годъ возведенія Іоакима въ митрополиты Новгородскіе: онъ занялъ митрополичью каѳедру не въ 1673 году, какъ сказано въ Словарѣ, а 22 Декабря 1672 года. Въ Іюлѣ же 1673 года, т.-е. вслѣдъ за кончиною патріарха Питирима, мы его видимъ опять въ Москвѣ, которую онъ больше уже и не покидалъ, будучи 23 Іюля 1674 года возведенъ на патріаршій престолъ.

Л. М. Савеловъ.

Коротоякъ, 15 Іюля 1898.

*) Постригся въ монахи въ 1655 г. въ Кіевскомъ Лужецкомъ монастырѣ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

1898.

3.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Да вѣдають потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминають
За ихъ труды, за славу, за добро...

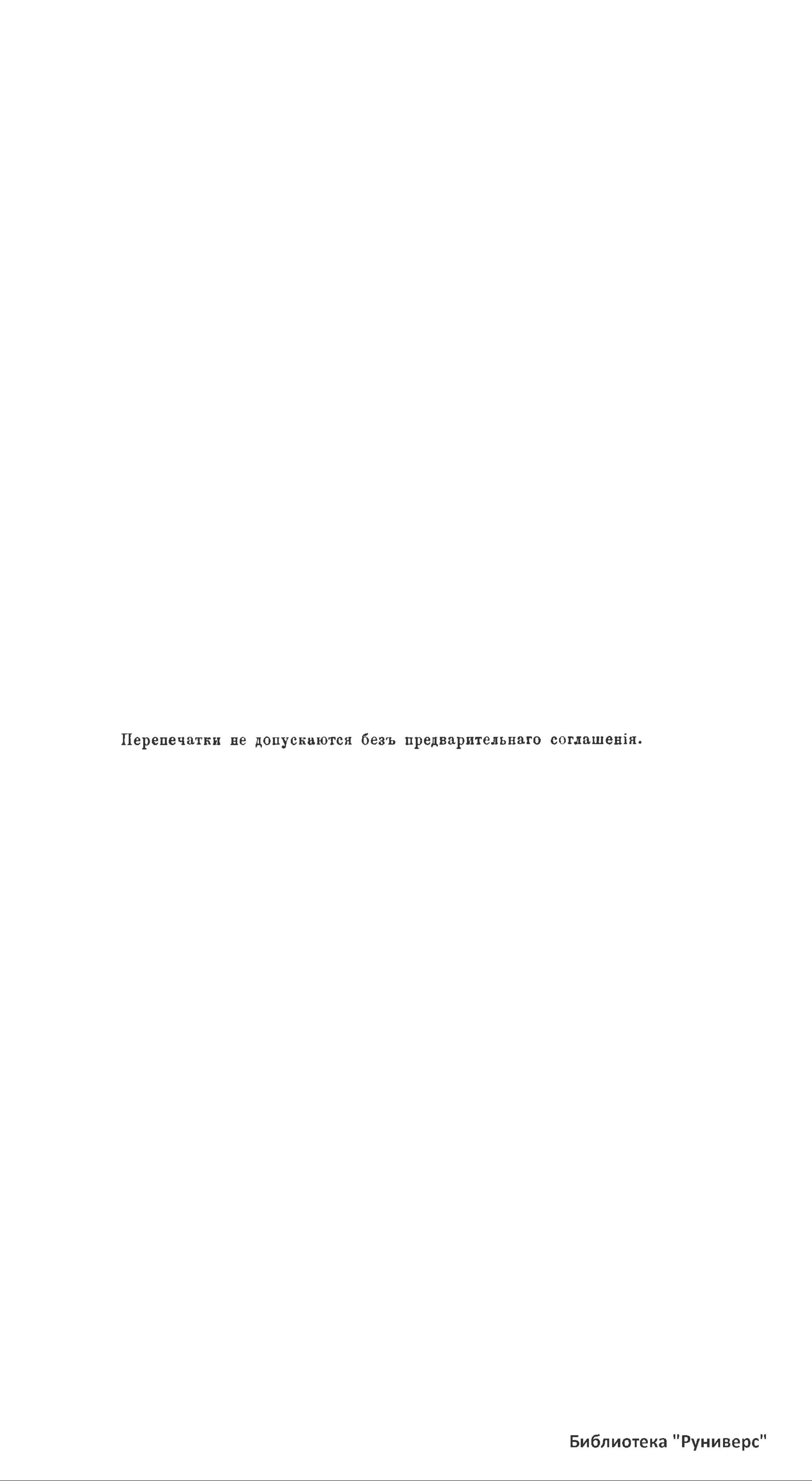
Пушкинъ.

1898.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ УКАЗОВЪ ГРАФА ПЕТРА БОРИСОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА ЕГО УПРАВИТЕЛЯМЪ [1]).

Имѣющійся въ Шампетрѣ въ гостиныхъ комнатахъ портретъ Лифляндца Мантейфеля, написанный въ голубомъ платьѣ, который прежде стоялъ въ Вознесенскихъ хоромахъ, уложа хорошенько въ ящикъ, прислать въ Москву.

Въ Москвѣ, 1 Генваря 1778.

*

Пишетъ ко мнѣ Иванъ Аргуновъ, что списанный имъ для меня портретъ матушкинъ для отправленія въ Москву отданъ тебѣ. Отправить его вмѣстѣ съ портретомъ Петра Великаго.

Въ Москвѣ, 4 Генваря 1778.

*

Будуаръ со всѣмъ украшеніемъ, что̀ въ немъ есть, со стеклами зеркальными, съ рѣзьбою, съ дверьми и поломъ, съ канапе, съ креслами и съ обшивами, разобрать бережно, положа знаки или №. Здѣсь его собрать можно безъ затрудненія [2]). Изъ наугольной четыре портрета большихъ, батюшкинъ, матушкинъ, князь Алексѣя Мих. и кн. Марьи Юрьевны изъ конторки. Портретъ принца Евгенія, портретъ Прокоповичевъ.

Въ Москвѣ, 18 Генваря 1778.

*

Одинъ скороходъ Нѣмецъ, который у меня служилъ, отъ дому отошелъ; вмѣсто его надобно мнѣ скорохода, котораго поискать изъ Нѣмцевъ или изъ другихъ націй.

Въ Москвѣ, 30 Генваря 1778.

*

О письмахъ батюшкиныхъ для объясненія къ кн. Мих. Михайл. Щербатову посылалъ; онъ сказалъ, что архивныя письма, въ томъ числѣ и они, отданы отъ него Адаму Васильевичу Олсуфьеву, а изъ описи твоей видно, что ихъ принялъ полковникъ Энденъ; и на чемъ остановиться, не знаю.

Въ Москвѣ, 13 Марта 1778.

*

---

[1]) См. вторую книгу „Русскаго Архива“ сего года, выпуски 5—7.

[2]) Комната эта донынѣ сохранилась.

О походной церкви, которая въ Шампетрѣ, княгиня Алёна Никитична [1]), такъ какъ тебѣ сказывала, писала письмомъ къ графу Николаю Петровичу и проситъ, чтобъ ей эта церковь отдана была; но какъ въ князь Александрѣ Алексѣевичѣ всегда бываетъ надобность, онъ же и самъ ласкается: того ради, тоё церковь совсѣмъ и съ палаткою, какъ она есть, отдать и по отдачѣ писать ко мнѣ; а буде въ той церкви есть какая церковная утварь, оную оставить и не отдавать.

Въ Москвѣ, 12 Апрѣля 1778.

*

Походную церковь княгинѣ А. Н. надлежитъ отдать и съ антиминсомъ, ибо антиминсъ принадлежитъ къ той церкви.

Въ Москвѣ, 26 Апрѣля 1778.

*

Какъ уже купчая съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ на приморскій дворъ совершена, онъ, конечно, не отступится. Ежели денегъ скоро не отдастъ, со временемъ еще ему напомнить отъ себя можешь и когда получишь, отдать ихъ Вѣрѣ Борисовнѣ [2]), потомъ ко мнѣ отписать; тогда я ту сумму велю принять здѣсь отъ Андреяна Андреяновича.

Для взятья Аглинскихъ гончихъ собакъ люди отправлены, а графъ Алексѣй Кириловичъ сказывалъ, что какъ онъ былъ въ Петербургѣ, при немъ ужъ корабли были въ виду.

Въ Марковѣ, 6 Мая 1778.

*

Что письма батюшкины списываютъ, я тѣмъ доволенъ; но притомъ какъ на прошедшей почтѣ къ тебѣ писалъ, ежели за отъѣздомъ изъ Петербурга князя Щербатова остались еще несписанныя 709 г. письма, тѣ, всѣ сколько ихъ не списали, не помѣшкавъ списать и прислать сколько найдется отъ того 709 по 719, Февраля по 17-е число того 719, всѣ списать и прислать. Я желалъ имѣть и цыфирныя письма; въ нихъ, можетъ быть, многое откроется, но надобно имъ сдѣлать переводъ. Того ради поговорить въ Иностранной Коллегіи, не возмется ли кто перевести, ибо въ И. К. оное переводятъ и всѣ ключи тѣхъ цыфръ знаютъ, договорясь, почему за переписку возмутъ съ письма, и отдавать переводить.

Мнѣ сказывали здѣсь, что князь Михайла Михайловичъ Щербатовъ давалъ письма батюшкины списывать по выбору только тѣ, въ которыхъ никакой важности нѣтъ, а которыя поважнѣе тѣ оставлялъ, они остались и не списаны; я и самъ то примѣчаю, что 706 и 707 годовъ писемъ почти совсѣмъ нѣтъ, гдѣ были дѣла Астраханскія и батюшка посыланъ былъ въ Астрахань. Но какъ о томъ надобно знать,

[1]) Супруга генералъ-прокурора, князя А. А. Вяземскаго, въ рукахъ котораго соединялось тогда почти все внутреннее управленіе Россіи. П. Б.

[2]) Единоутробная сестра графа, супруга Ѳедора Аврамовича Лопухина. П. Б.

всѣ ли письма порядкомъ были списываны или иныя остались, о чемъ тебѣ справиться, и ежели которыя письма отъ 700 года остались несписанныя, тѣ всѣ по окончаніи послѣднихъ, хотя осенью или зимою, списывать, ибо о томъ позволеніе есть, и легко исполнить можно.

Въ Марковѣ, 9 Мая 1778.

*

Письма батюшкины, какія еще найдутся списывая присылать, и цыфирныя, которыя еще не списаны, списать безъ переводу и прислать, потому что ихъ здѣсь переведутъ.

Шампетра я никому и ни за какую цѣну не продамъ, что̀ герцогинѣ *), ежели она станетъ говорить, сказать; а деньги за наемъ, какъ переѣдетъ на дачу, заплатятся, ибо сумма небольшая.

Въ Кусковѣ, 7 Іюня 1778.

*

О письмахъ батюшкиныхъ ничего больше предписывать не имѣю. Сколько ихъ еще есть, также ежели какія есть и на мызѣ документы, оные всѣ стараться списать и прислать.

Въ будуарѣ на полу былъ коверъ обшитой сукномъ малиновымъ, который съ будуаромъ сюда не присланъ; прислать въ Кусково.

Въ Кусковѣ, 25 Іюня 1778.

*

Академику Иванову часы за путированіе статуи если не подарены, конечно подарить; дурно, что такъ мѣшкаешь.

Ежели назначенныхъ на рисункѣ фестоновъ, по словамъ мраморнаго мастера, сдѣлать нельзя, то ихъ измѣнить, а вмѣсто ихъ отдѣлать гладкою работою, такъ какъ они дѣлаются; ибо, надѣюсь, такихъ колоннъ множество въ Царскомъ Селѣ. Но какъ графъ Яковъ Александровичъ по своей дружбѣ обѣщалъ мнѣ то одолженіе сдѣлать, ту колонну отдѣлать подъ своимъ присмотромъ, того ради къ нему отъ меня сходить и, объявивъ отъ меня его сіятельству и графинѣ Прасковьѣ Александровнѣ почтеніе, донесть и просить, чтобы по вышеписанной моей рефлекціи они были отдѣланы.

Графу Якову Александровичу донесть отъ меня, что и другой томъ книги батюшкиныхъ писемъ скоро выйдетъ, который его сіятельству сообщу.

Въ Кусковѣ, 16 Іюля 1778.

*

Имѣющійся въ Петербургѣ станокъ токарный съ находящимися при немъ инструментами, которые были въ Петербургской библіотекѣ подъ смотрѣніемъ Вороблевскаго, поставить станокъ въ казенной, что̀ подъ церковью, а инструментъ въ библіотекѣ, собравъ его весь, что̀

*) Герцогиня Курляндская нанимала Шереметевскую дачу Шампетръ близъ Нарвской заставы. П. Б.

при немъ есть, и при отправленіи биліарда отправить ко мнѣ въ Москву.

Заказать сдѣлать въ Петербургѣ въ Кусково ботикъ морской четырехвесельной, такой, чтò присланъ былъ отъ тебя, да въ село Марково шлюбку шестивесельную, безъ всякой рѣзьбы и украшенія.

Въ Кусковѣ, 18 Іюля 1778.

*

На будущей почтѣ, для поднесенія Государынѣ пришлю при письмѣ къ кн. Александру Алексѣевичу книгу батюшкиныхъ писемъ вторую часть и двѣ книги для поднесенія же ихъ высочествамъ чрезъ Николая Иваныча Салтыкова, и впредъ на будущей почтѣ по приказу моему будетъ отправленъ при реестрахъ Василій Вороблевскій, которые такимъ же образомъ, какъ прежде, тобою были отдаваны; ибо я на будущей недѣлѣ ѣду въ Марково, и безъ меня Вороблевскій не будетъ къ тебѣ отправленъ.

Въ Кусковѣ, 26 Іюля 1778.

*

Остальныя (книги) тѣмъ же порядкомъ вручить графу Никитѣ Ивановичу Панину, князю Григорію Григорьевичу Орлову, графу Якову Алекс. Брюсу, Адаму Васильевичу Олсуфьеву, графу Ивану Григорьевичу Чернышову, а князь Григорію Александровичу Потемкину для врученія отдать Ѳедору Матвѣевичу Толстому и попросить отъ меня, чтобъ онъ ему пожаловалъ вручилъ *).

29 Августа 1778.

*

Фонтанный домъ для найма пристойнымъ образомъ отдѣлать полное приказаніе имѣешь, и господинъ Кроссъ хотѣлъ тотъ домъ смотрѣть для иностранныхъ и особливо для Португальскаго посланника. Я очень доволенъ буду, ежели кто изъ иностранныхъ по его рекомендаціи возметъ и послѣ буду его благодарить, о чемъ можешь его отъ меня и попросить. Ежели оно выйдетъ, такъ можно чтò и прибавить, чтобъ было сходно по наемщику.

Въ Марковѣ, 30 Сентября 1778.

*

Пишетъ ко мнѣ Пебальгскихъ моихъ мызъ инспекторъ Рейхартъ, что Гасловой мызы прикащикъ Пробстъ отправилъ къ тебѣ въ Петербургской мой домъ покупныхъ для меня двухъ верховыхъ лошадей, которыхъ тебѣ принять и содержать въ домѣ моемъ подъ хорошимъ присмотромъ, въ конюшнѣ, на кормѣ, и для принятія оныхъ и приводу въ Москву пришлется отъ меня нарочной конюхъ, съ которымъ сюда

*) Письма Петра В. къ графу Б. П. Шереметеву были изданы его сыномъ въ одной книгѣ въ листъ, въ 1774 году, а письма отвѣтныя въ 4-ку, въ 4 книгахъ въ Москвѣ же 1778—1779. Ихъ слѣдовало бы переиздать съ подлинниковъ. П. Б.

отправить порядочно, а какія лошади приведены будутъ шерстьми и собою, о томъ ко мнѣ отписать.

Въ Москвѣ, 5 Ноября 1778.

*

Письмо прикащика.

Государь мой братецъ Петръ Александровичъ! Его сіятельство графъ государь пожаловалъ мнѣ пару платья суконную, станцоваго цвѣту, съ оливками, съ кистями серебряными, за дѣло театра, который теперь хотя и сдѣланъ, но не поставленъ на мѣсто въ залѣ, который будетъ посреди залы не у стѣнъ и потолка, а на воздухѣ.

Покорный слуга и братъ Никита Александровъ.

29 Ноября 1778.

*

Мнѣ извѣстно, что на сдѣланномъ откупщикомъ Власовымъ праздникѣ дому моего люди не были, чѣмъ тебѣ дѣлается честь; надѣюсь, они тобою въ томъ предостережены и не дано къ тому поводу.

Въ Москвѣ, 6 Декабря 1778.

*

Что касается до отдачи въ наемъ Фонтаннаго дома, я его меньше 3000 р. на годъ никакъ не отдамъ и чтобы кто бы его ни взялъ на три года; а при томъ чтобы выговоренъ былъ бы весь тотъ флигель пріѣзжать графинѣ Варварѣ Петровнѣ, съ покои, церковь, гдѣ была образная и подъ нею антресоли, разумѣется вся та часть и подъ ними нижніе всѣ покои, чтò можешь видѣть изъ прилагаемой при семъ записки.

Антресоли жъ прибрать и отдѣлать для пріѣзду графа Николая Петровича; можетъ быть онъ будетъ весною въ Петербургѣ, которыя и впредъ останутся для его пріѣзду, ибо тутъ выходъ особой и никакъ мѣшать не будетъ.

Въ Москвѣ, 4 Февраля 1779.

*

Продаются въ Петербургѣ у книгопродавца проповѣди бывшаго при флотѣ оберъ-іеромонаха Гавріила *), которыя выданы чрезъ стараніе Рубана, оныя выкупя прислать ко мнѣ.

Въ Москвѣ, 25 Февраля 1779.

*

Что Фонтанный домъ нанимаетъ Зоричъ на годъ и даетъ положенную отъ меня сумму 3000 р., очень изрядно; а мое желаніе въ томъ состоитъ, чтобъ отданъ былъ на три года, тебѣ пропозировать и приложить всѣ старанія, не возметъ ли господинъ Зоричъ хотя на два

*) Бужинскаго. П. Б.

года, представя въ резонъ, что какъ въ Петербургъ будутъ скоро чужестранные министры, то конечно его возмутъ и на три года.

Въ Москвѣ, 2 Апрѣля 1779.

*

О Григорьѣ Николаевичѣ Тепловѣ сожалѣю, онъ человѣкъ былъ очень знакомый.

Въ Москвѣ, 8 Апрѣля 1779.

*

Я надѣюсь, что мозаику Ломоносова фабрики такову, что отъ тебя прежде для убранія партеръ присыланъ былъ, достать и нынѣ можно.

Въ Кусковѣ, 30 Апрѣля 1779.

*

Что герцогиня Курляндская отправилась въ Москву, а на ея мѣсто въ Шампетръ перешелъ вице-канцлеръ Остерманъ, ему о томъ ничего не говорить; ибо въ контрактѣ не выговорено, чтобъ ей никого не пускать.

Въ Кусковѣ, 22 Іюля 1779.

*

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ прислалъ къ брату своему Петру Ивановичу Американское лѣкарство, которымъ лѣчатся отъ подагры; оно называется тафья. Того ради чрезъ камердинера его или чрезъ кого домашнихъ его можно видѣть обстоятельно, откуда выписано, то можно ли его отъ графа Петра Ивановича достать для меня хотя одну бутылку?

Въ Москвѣ, 28 Ноября 1779.

*

Реестръ какія газеты для меня выписывать:

Книжку Журнала Энциклопедіи. Газеты: Рейнскія, Лейденскія, Колоньскія, Салютеръ, Меркюръ Историкъ Голландскій.

Commentaires sur les lois anglaises par Blackstone, tr. de l'anglais, 6 vol. 9 рубл.

*

Мнѣ надобно сдѣлать въ Англіи для ѣзды моей двѣ кареты четверомѣстныя, одну для ѣзды въ городѣ, другую для поля. Какихъ фасоновъ ихъ сдѣлать, тому при семъ посланъ съ мѣрою рисунокъ и для лучшаго понятія особое описаніе, и рисунки же гербу моему и имени, какіе написать на тѣхъ каретахъ.

Но какъ городская карета противъ дорожной будетъ понаряднѣе, а дорожная простѣе, полагаю на городскую чтобъ стоила на мѣстѣ отъ 800 до 1000 р., дорожная отъ 600 до 800 р. Того ради поговорить на Англійскихъ лучшихъ конторахъ у Питерсона и другихъ, чтобы тѣ кареты для меня выписали изъ Лондона.

Въ Москвѣ, 3 Декабря 1779.

*

Газеты и колотая рыба получены; въ рыбѣ трехъ форелей не явилось.

Прислать для примачиванія глазъ водки самой чистой, да водки Унгарской, выбравъ которой лучше, ящикъ.

Въ Москвѣ, 5 Декабря 1779.

*

Что Римской императоръ въ Петербургѣ будетъ, то правда; онъ теперь въ Москвѣ, который вчерась былъ у меня въ Кусковѣ и очень довольно гулялъ. (Получ. 17 Іюня 1780).

Отправлено въ Петербургъ для поднесенія Ея Императорскому Величеству персиковъ—50, обрикозовъ—100, вишень—400. Его свѣтлости князю Григорію Александровичу персиковъ—25, обрикозовъ—50, кофе—600. Г. Петръ Шереметевъ.

Для хожденія по дѣлу Бровчевскаго *) на сей недѣлѣ отправляется отсюда въ Петербургъ Алексѣй Толмачовъ, съ полнымъ отъ меня наставленіемъ.

По совѣту князь Андрея Николаевича письмо къ князю Григорію Александровичу послано въ пакетѣ, адресованномъ къ нему князю Андрею Николаевичу, который получа ему и письмо къ князю Александру Алексѣевичу Вяземскому вручитъ.

Что касается до отдачи въ наемъ Фонтаннаго дому, ежели, какъ ты пишешь, будетъ нанимать госпожа Ланская, ей никакъ не отдавать, и лучше нѣсколько времени безъ найма такъ простоитъ, нежели съ такими людьми имѣть дѣло; ибо выйдетъ такое же безпокойство, какъ съ Зоричемъ, а стараться, чтобы взялъ кто-нибудь изъ чужестранныхъ или Россійскихъ кто-бы былъ постепеннѣе.

Въ Кусковѣ, 28 Мая 1780.

*

Петръ Александровъ отвѣчаетъ:

Я нижайшій, какъ имѣлъ ѣздить по указу в. с. въ Петергофъ къ князю Григорію Александровичу, его свѣтлости долго дожидался; и между тѣмъ, будучи у одного изъ первыхъ его камердинера, который давно мнѣ нижайшему знакомъ, дошло въ разговорахъ по начатіи его онымъ камердинеромъ и до дѣла Бровчевскаго; по какъ мною между прочаго секретно, въ надеждѣ знакомства того камердинера, спрошено, нѣтъ ли Бровчевскому вспоможенія въ дѣлѣ и отъ его свѣтлости, на что имъ сказано, что отъ кн. Григорія Александровича никакого вспомо-

*) Въ чемъ состояло это дѣло, для насъ не вполнѣ ясно. Кажется, что Бровчевскій отыскивалъ свободы. Онъ или его отецъ могъ быть однимъ изъ Польскихъ шляхтичей, взятыхъ въ плѣнъ и въ подданство къ графу Б. П. Шереметеву, подобно Ковалевскому, на внучкѣ котораго впослѣдствіи женился графъ Николай Петровичъ Шереметевъ. П. Б.

женія нѣтъ, а старается-де за него очень Иванъ Ивановичъ Бецкій, которому камердинеру, кажется, въ томъ повѣрить можно, потому что онъ Бровчевской у г-на Бецкаго всегда и вхожъ былъ. П. Александровъ.

*

Какъ изъ отписки твоей видно, что герцогиня Курляндская скончалась, а Шампетръ отданъ былъ ей въ наймы, смотрѣть, чтобъ чего не растащили и не вышло какого безпорядку.

Въ Кусковѣ, 16 Іюля 1780.

*

При семъ послано отъ меня на нарочной эстафетѣ письмо къ князю Григорію Александровичу Потемкину и при немъ фрукты, одни для поднесенія Ея Императорскому Величеству въ трехъ ящикахъ, другіе для него въ одномъ ящикѣ, и на тѣхъ ящикахъ сдѣлана надпись, которые получа тотчасъ, гдѣ онъ находится въ городѣ или въ Петергофѣ или въ Царскомъ Селѣ, къ нему отнести и то письмо и при немъ фрукты вручить и, ежели спроситъ какъ званіемъ фрукты, сказать по посланной при семъ запискѣ, ежели можно видѣть цѣлы ли довезены, можетъ онъ прикажетъ или чрезъ адъютантовъ свѣдаешь, а не отъ лакеевъ изъ передней, и о всемъ томъ отпишешь обстоятельно.

Въ Кусковѣ, 27 Іюля 1780.

*

Здѣсь сказываютъ, будто графъ Никита Ивановичъ Панинъ для поправленія своего здоровья отпущенъ изъ Петербурга на годъ и 8 мѣсяцевъ, который будто оттуда проѣдетъ въ Вяземскія свои деревни, о чемъ тебѣ чрезъ кого можешь освѣдомиться вѣрно, и меня увѣдомить по первой почтѣ.

Въ Москвѣ, 21 Декабря 1780.

*

О вареніи въ Фонтанномъ домѣ для людей квасовъ велѣлъ съ тобою по отпискѣ твоей разобраться управителямъ, чего отъ нихъ и требовать.

Шампетръ хочетъ нанять Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, къ которому адресоваться и сказать ему цѣну и объ отдачѣ договориться. Ежели онъ ту цѣну дастъ, что̀ другіе даютъ, въ томъ ему дать преимущество, т. е. лучше отдать за ту цѣну ему, и что̀ учинено будетъ, о томъ писать ко мнѣ. Я хочу по дружбѣ Ивана Иваныча сдѣлать ему въ томъ преимущество безъ потери и показать ему что̀ я могу для него, всегда сдѣлаю.

Въ Москвѣ, 29 Декабря 1780.

*

Что для осмотру Петербургскихъ моихъ мызъ ѣздилъ и что къ поправленію нашелъ, о томъ приказалъ, то все изрядно. Крестьяне же,

надѣюсь, теперь отягощенія въ работахъ не имѣютъ; впрочемъ смотрѣть за ними, чтобы жили порядочно и не допускать до своевольства и въ справедливыхъ просьбахъ ихъ стараться защищать.

Въ Москвѣ, 30 Декабря 1780.

*

Два донесенія управителя Петра Александрова.

1.

Мастеръ, который дѣлаетъ фонари съ зеркаломъ, находится при Императорской Академіи Наукъ, механикъ Кулибинъ, и тѣ фонари дѣлаетъ и изобрѣтены имъ самимъ, которыхъ фонарей, имъ сдѣланныхъ, имѣется довольное число, только цѣною не такіе, какъ вашимъ сіятельствомъ предписано по 30, а по 60 р. каждый фонарь. Для освѣдомленія о томъ мастерѣ и о цѣнѣ фонарей имѣлъ быть у ея высокородія Аграфены Ивановны Волынской, и за присланной фонарь при засвидѣтельствованіи почтенія благодарилъ; о цѣнѣ же фонарей отъ ея высокородія сказано, что дѣлаются по 60 р., какъ и она покупала. Чего ради тотъ фонарь, по собраніи съ Юхоцкихъ крестьянъ денегъ, какъ мастеръ безъ денегъ фонарей не отпускаетъ, и по заплаченіи за оный, взятъ и отправленъ къ вашему сіятельству; а какимъ образомъ дѣлать употребленіе того зеркальнаго фонаря, взято и отправлено къ вашему сіятельству при семъ описаніе. При семъ отправилъ и Гоцкій календарь на нонѣшній 1780 годъ на Французскомъ языкѣ. Петръ Александровъ.

Въ Спб., 20 дня Генваря 1780.

2.

Сверхъ всего протчаго объясненія о всемъ происшедшемъ, о славленіи Бровчевскаго его сіятельству князю Андрею Николаевичу Щербатову, по пріѣздѣ его въ Петергофъ, сего числа отъ е. с. объявлено, чтобъ, вопервыхъ, съ его свѣтлостью Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ говорилъ, какъ онъ Бровчевскаго знаетъ, какой онъ человѣкъ, и о всемъ объяснилъ, на что̀ его свѣтлость говорилъ его сіятельству, что онъ про оное дѣло знаетъ, только съ его стороны ему, Бровчевскому, никогда не было помощи, а кто дѣлаетъ, того не знаетъ. При бесѣдѣ былъ и Ѳедоръ Матвѣевичъ Толстой и все слышалъ, а о именномъ повелѣніи его свѣтлость и подавно не знаетъ. Его сіятельство видѣлся также и говорилъ съ г. Волковымъ и съ г. Самойловымъ. Волковъ говорилъ, что есть повелѣніе разбора о немъ, Бровчевскомъ, а Самойловъ много съ его сіятельствомъ спорилъ и говорилъ, что-де онъ подлинно шляхтичъ по его виду, въ томъ во всемъ противу его рѣчи, и другое, будто в. с. его, Бровчевскаго, напрасно тѣсните и укрѣпляете силой, и онъ, прямо говорилъ, дѣлаетъ безчеловѣчно. И наконецъ, г. Волковъ въ разговорѣ сказалъ, что-де уповаетъ, будетъ

разобраніе въ Нижнемъ Земскомъ Судѣ, на что́ князь сказалъ, что естли такъ, то тому дѣлу не будетъ конца и въ вѣкъ. Еще-де сказалъ, съ моей-де стороны лучше бъ графъ далъ ему пашпортъ, тѣмъ дѣло бъ и кончилось. Сказалъ ему, Самойлову, что онъ ошибается, а мнѣ-де лучше и короче знать нежели ему, Самойлову, и вышелъ у его сіятельства великой споръ; но его сіятельство оставилъ впредь не замедля до объясненія съ его свѣтлостью Григоріемъ Александровичемъ, а что-де Иванъ Ивановичъ Бецкій старается о немъ, Бровчевскомъ, онъ-де свѣдомъ. Я-де и самъ теперь не знаю, какъ болѣе къ пользѣ со стороны е. с. приступить. Приказали изъ всего дѣла сдѣлать экстрактъ, а къ в. с. о всемъ вышеписанномъ писать приказалъ самъ персонально и непремѣнно, на что̀-де я буду ожидать отъ е. с. на сіе извѣстія. Петръ Александровъ.

*

При семъ посланы: первое, письмо къ Александру Дмитріевичу Ланскому и при немъ въ особливомъ большомъ ящикѣ бюстъ батюшкинъ съ консолемъ, которой отъ меня адресованъ для объявленія Ея Императорскому Величеству, при посланномъ особливомъ къ Ея Величеству письмѣ, положенномъ въ его конвертѣ; да собственно къ нему перстень, осыпанный мелкими бриллiантами, которой положенъ въ малиновомъ ящичкѣ, гдѣ положена и Польская кавалерія для передѣлки. Второе, письмо къ Николаю Ивановичу Салтыкову, и при немъ въ особливомъ ящикѣ адресованы Кусковскіе виды, для поднесенія Ихъ Императорскимъ Высочествамъ. Третіе, письмо къ княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой и при немъ, въ особомъ же ящикѣ, батюшкины портреты, книги и Кусковскіе виды, о чемъ о всемъ тебѣ, въ бытность мою въ Петербургѣ, уже было объяснено. Того ради тѣ письма вручить, при томъ чрезъ Государынина камердинера Ключарева, у котораго въ смотрѣніи Эрмитажъ, навѣдаться, тотъ бюстъ въ томъ Эрмитажѣ поставленъ ли будетъ и на какомъ мѣстѣ поставится, меня увѣдомить. Сходить отъ меня къ графу Ивану Григорьевичу Чернышову и къ Ивану Ивановичу Шувалову, объявить отъ меня почтеніе, спросить о здоровьѣ и донести, что я въ Москву пріѣхалъ благополучно *).

Въ Москвѣ, 28 Генваря 1783.

*

Въ отвѣтъ Петръ Александровъ доносилъ:

При врученіи вышеписаннымъ особамъ писемъ и посылокъ мною нижайшимъ усматривано, что тѣ письма и посылки приняты всѣми

*) Въ 1782 г. графъ Петръ Борисовичъ ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ передъ тѣмъ открылся памятникъ Петру Великому, котораго онъ лично зналъ въ своемъ отрочествѣ. П. Б.

благосклонно, и всѣ отзывались, кажется, съ пристойною лаской; о бюстѣ же батюшки вашего, по докладѣ Ея Императорскому Величеству, поставился въ Эрмитажѣ.

2-го Февраля 1783.

*

На нарочной штафетѣ присланное при томъ письмо отъ Ея Императорскаго Величества и при немъ табакерка, украшенная брилліантами, и другія письма получены исправно; все, кажется, тобою исполнено порядочно, чѣмъ я доволенъ.

А при семъ послано отъ меня письмо къ Александру Дмитріевичу Ланскому, и въ немъ положено письмо благодарительное къ Ея Величеству за оказанную ко мнѣ высочайшую милость, которое письмо, при объявленіи моего почтенія, ему, Александру Дмитріевичу, персонально вручить; да послано письмо отъ меня къ князю Александру Алексѣевичу въ отвѣтъ на его письмо.

Въ Москвѣ, 13 Февраля 1783 г.

*

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ пишетъ ко мнѣ, чтобъ камину, который онъ приказалъ отдѣлать для меня, прислать къ нему мѣру, рисунокъ котораго отъ меня ему вручить.

Въ Кусковѣ, 7 Августа 1783.

*

Какъ я прежде просилъ князя Александра Алексѣевича о докторѣ Ладо, которой меня лѣчитъ, то къ княгинѣ Алёнѣ Никитичнѣ адресоваться отъ меня и напомнить объ немъ прежнюю мою просьбу, чтобъ она пожаловала, одолжила меня, попросила объ немъ князя Александра Алексѣевича; ибо онъ для моего здоровья очень надобенъ, о чемъ ко мнѣ пишетъ докторъ Рожерсонъ, что и онъ въ этомъ случаѣ будетъ помогать, и что она можетъ о томъ меня обстоятельно увѣдомить.

Въ Марковѣ, 4 Сентября 1783.

*

Въ бытность здѣсь, въ Москвѣ, Армянинъ N. сказывалъ барону Лоутицу *), что онъ имѣетъ отдать въ проценты деньги тысячъ 50—60 или болѣе, и ежели мнѣ надобно, то онъ отдастъ на пять лѣтъ, по шести процентовъ; а какъ для нѣкоторыхъ платежей нынѣ мнѣ тысячъ 60 надобно, того ради къ нему, N. отъ меня съѣздить и поговорить, чтобъ онъ далъ 60.000 на пять лѣтъ по 6%, хотя мѣдныхъ или какіе у него есть, съ закладомъ на эту сумму деревень, выплачивать капиталу по 12.000 р., съ оставшей суммы проценты и деньги чтобъ получить въ Москвѣ.

Въ Москвѣ, 6 Ноября 1783.

*

---

*) Этотъ баронъ, новый охотникъ, проживалъ у графа П. Б. Шереметева. П. Б.

Газеты, книжка Собесѣдникъ 1-я часть, звѣзды, банка, Аглицкое тканье и атласы получены.

Въ Москвѣ, 9 Ноября 1783.

*

Газеты и Французскія груши получены, и какъ изъ отписки твоей видно, что Армянинъ денегъ наличныхъ, которыя бы могъ мнѣ отдать изъ процентовъ, не имѣетъ, и чтобъ надежно было отъ него и впредъ получить неуповательно, а видно, что онъ въ томъ только струсилъ, то и оставить такъ; ибо я въ займѣ денегъ большой нужды не имѣю, а ежели о томъ послѣ отзовется, о томъ меня увѣдомить.

Въ Москвѣ, 20 Ноября 1783.

*

Съ Армяниномъ не имѣть никакого дѣла, ибо, какъ изъ письма твоего къ Чубарову видно, что онъ идетъ обманомъ и хочетъ, чтобъ за деньги, которыя онъ обѣщаетъ дать, выманить Вознесенское; сего никогда не будетъ. И такъ, остается сказать, что его деньги не надобны.

Въ Москвѣ, 23 Ноября 1783.

*

Софійскаго уѣзду, сельца моего Вознесенскаго и деревни Новой старостѣ и крестьянамъ.

Указалъ я съ будущаго 1784 года с. Вознесенскаго крестьянъ ото всѣхъ тягостей и работъ, какія они имѣли, отъ карауловъ и отъ протчихъ тягостей уволить.

Въ Москвѣ, 4 Декабря 1783.

*

Ораніенбаумскаго уѣзда, Лебяжей моей мызы прикащику и крестьянамъ.

Указалъ я Лебяжей моей мызы со крестьянъ, къ пользѣ ихъ, чтобъ они въ своихъ работахъ и промыслахъ были свободны и тѣмъ бы могли себя поправить и придти въ лучшее состояніе, съ будущаго 1784 года ото всѣхъ ихъ тягостей освободить.

Въ Москвѣ, 4 Декабря 1783.

*

На послѣднія мои письма отъ князя Александра Алексѣевича и отъ княгини отвѣту на сей почтѣ не получилъ, хотя онъ тебѣ и сказалъ, что собирается отвѣчать; да и на прежнія многія не отвѣчалъ же, а какъ ты у нихъ бываешь, примѣчать, не перессорилъ ли кто меня и не холоднѣе ли тебя противъ прежняго принимаютъ? Ежели до сихъ поръ какая перемѣна тобою усмотрѣна, или что̀ о томъ свѣдаешь, ко мнѣ обстоятельно отписать.

Въ Москвѣ, 18 Декабря 1783.

*

Ивана Ивановича Шувалова, который тебѣ говорилъ о выпискѣ каминовъ, попросить, чтобъ выписалъ мнѣ изъ Англіи одинъ каминъ стальной и со стальною рѣшеткой, такой мѣры, какъ я видѣлъ у него.

Въ Москвѣ, 20 Апрѣля 1784.

*

При семъ отправляю письмо къ Александру Дмитріевичу Ланскому и при немъ четыре ящика съ фруктами; три для поднесенія Ея Императорскому Величеству, а четвертый ему, господину Ланскому.

Фрукты я ежегодно обыкъ отправлять, о чемъ ты извѣстенъ, ибо они присылаются тебѣ и нынѣ по той же привычкѣ.

Въ Кусковѣ, 23 Іюня 1784.

*

Бюстъ мой полученъ исправно, которой не такъ хорошо вышелъ какъ батюшкинъ, и какъ я батюшкинымъ бюстомъ доволенъ, то для платежа г. Шубину, вмѣсто того, чтобъ надобно ему заплатить за два оные бюста по 400 р. за каждый, 800 р. посылаю 1000 р., въ томъ числѣ сверхъ договорной цѣны за тщательную отдѣлку батюшкина бюста дарю ему 200 р. По отдачѣ ему и съ какимъ удовольствіемъ онъ тѣ деньги приметъ, о всемъ обстоятельно ко мнѣ писать *).

Въ Кусковѣ, 26 Іюня 1784.

*

Противъ Фонтаннаго моего дому, по берегу Фонтанки, рѣшетку я полагаю дѣлать не фигурную, а только будетъ у нея аспидъ каменной и столбы, а промежду столбовъ рѣшетка деревянная, чему пришлю рисунокъ, и ту рѣшетку, какъ ты представляешь, сдѣлать прямую, такъ какъ была пристань, не принимая къ лакейскому флигелю земли; ибо ежели принять, то будетъ превеликая кривизна и порча фасада, и какъ ту рѣшетку дѣлать неотмѣнно надобно, то по представленію твоему матеріалы, какіе ты считаешь дешевлѣ, заготовлять.

Въ Марковѣ, 1 Октября 1784.

*

Пишешь о пожарѣ, который былъ въ Ямской слободѣ, отчего и Фонтанный мой домъ былъ въ опасности. Удивительно, что такой большой былъ пожаръ, ибо она выстроена вся каменная, а не деревянная.

Учредить, чтобы во время случающихся пожаровъ торгующіе въ Петербургѣ, Юхоцкой и другихъ моихъ крестьянъ въ Фонтанный и Милліонный домы, гдѣ предвидится нужнѣе, приходили, такъ какъ оное и всегда бывало, что̀ и въ Москвѣ учреждено; ибо то въ тягость быть имъ не можетъ. Что касается до переправки службъ, которыя покрыты гонтомъ, ежели необходимость требуетъ, чтобъ тѣ крыши были пере-

*) Оба бюста донынѣ хранятся въ Кусковѣ.

крыты, то какія именно—писать, и при томъ во что́ тѣ перекрышки черепицею станутъ—вѣрный счетъ прислать.

Въ Кусковѣ, 21 Октября 1784.

*

Для обивки въ Кусковской спальнѣ полу коверъ стараться купить безъ каймы, ибо съ каймою очень дорого стоитъ.

Въ Кусковѣ, 23 Октября 1784.

*

Присланы газеты, рисунокъ яхты и счетъ во что она станетъ, не менѣе 2000 р., а можетъ быть и больше, что́ составитъ еще немалую прибавку. Я въ такіе большіе депансы входить былъ не намѣренъ. А мое желаніе въ томъ, чтобы сдѣлать то судно не прямую яхту, а увеселительную. Того ради, на томъ основаніи поговоря, объясниться хорошенько.

По Петербургскимъ газетамъ, на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ господина Нартова, продается многочисленное собраніе рѣдкихъ Россійскихъ и чужестранныхъ рудъ, окаменѣлостей и животныхъ; того ради тѣ вещи тебѣ осмотрѣть, въ чемъ состоятъ отписать, и взявши имъ реестръ съ цѣною и съ отмѣткою, каковы они, прислать.

Въ Москвѣ, 30 Октября 1784.

*

Отписка твоя отъ 9 сего мѣсяца получена, и какъ изъ оной видно, что яхта будетъ дѣлаться, то изрядно; при томъ, чтобъ къ отправленію нынѣшнимъ зимнимъ путемъ была отдѣлана, а что объ ней губернаторъ докладывалъ Ея Величеству и она изволила смотрѣть ея рисунокъ, и то, какъ изъ отписки твоей видно, только для того, что какъ для судовъ верфь учреждена, то всякія суда уже начали дѣлать, надѣюсь въ томъ, кромѣ удовольствія, быть ничего не можетъ.

Въ Москвѣ, 16 Декабря 1784.

*

Поискать въ Петербургѣ въ службу въ домъ мой скорохода Нѣмца, чтобъ былъ состоянія хорошаго и не пьяница. У меня скороходы были, но я одного отпустилъ за пьянство.

Въ Москвѣ, 30 Декабря 1784.

*

Для принятія въ домъ мой рекомендуютъ учителя Ортенберга, который нынѣ живетъ въ Петербургѣ, о которомъ можешь освѣдомиться; но я его не знаю. Лучше бъ, кажется, имѣть такого извѣстнаго человѣка, рекомендованнаго, какъ къ тебѣ писалъ, отъ Ивана Ивановича и отъ князь Андрея Николаевича*).

Въ Москвѣ, 18 Генваря 1784.

---

*) Т.-е. отъ старшаго куратора Московскаго университета И. И. Шувалова и отъ князя А. Н. Щербатова, который былъ родня и близкій другъ графу П. Б. Шереметеву. Дочери князя Щербатова въ теченіе многихъ лѣтъ получали денежныя выдачи изъ Шереметевской Конторы. П. Б.

Всякій Вторникъ по нѣскольку блюдъ прибавлять кушанья, чтобъ былъ полный столъ на 16 кувертовъ, рыба чтобъ была сверхъ того. Кондитору также приказать, чтобы въ тѣ дни было приборнѣе.

Февраля 28-го дня 1784.

*

Мнѣ уже извѣстно, что учитель Ортенбергъ, о которомъ тебѣ писано, попалъ въ домъ Голицына въ службу, почему имѣть его уже не можно; а мнѣ учитель, который бы за молодымъ человѣкомъ [1]) могъ имѣть присмотръ и учить могъ, надобенъ такой, хотя бъ и не настоящій былъ гувернеръ, котораго сыскать трудно, но училъ бы и имѣлъ присмотръ. Буде-жъ Иванъ Ивановичъ скажетъ, что онъ человѣкъ молодой и его рекомендовать не можетъ, то приложить стараніе пріискать.

Въ Москвѣ, 11 Марта 1784.

*

Объ рекомендованномъ Французомъ Деламаркомъ, выѣхавшемъ съ Унціусомъ за секретаря, можешь освѣдомиться съ Иваномъ Ивановичемъ и съ княземъ Андреемъ Николаевичемъ: они Унціуса знаютъ.

Въ Москвѣ, 14 Марта 1784.

*

Кондиціи:

Жалованье 500 р. въ годъ, которое получать по третямъ года. Долженъ онъ жить вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, при которомъ будетъ и столъ съ нимъ же, быть при немъ неотлучно и имѣть въ поведеніи за нимъ присмотръ, обучать всему, что̀ до учителя принадлежитъ.

Въ Москвѣ, 1 Апрѣля 1784.

*

Въ домовую мою канцелярію управителямъ.

Какъ на содержаніе стола для дѣвочекъ-актрисъ [2]) положенной суммы опредѣлено не было и держалось изъ положенной на столъ моей суммы, въ чемъ было безпорядочно, того ради опредѣляю на столъ имъ всякій день по рублю 15 к., и тѣ деньги выдавать всякій мѣсяцъ метрдотелю Терехову, изъ которой суммы забирая или покупая столъ и подъ его смотрѣніемъ, велѣть содержать особо, не смѣшивая ни съ чѣмъ, и велѣть ему стараться, чтобъ по той суммѣ онѣ были довольны, а кого кормить, при семъ пріобщенъ реестръ.

Апрѣля 2-го дня 1784.

---

[1]) Вѣроятно за однимъ изъ Реметевыхъ. П. Б.

[2]) Для воспитанія и обученія актрисъ у графа Шереметева было нѣчто въ родѣ пансіона. П. Б.

1784 Апрѣля 4-го дня. Въ обыкновенный столъ калачей Французскихъ:

Для стола е. сiятельству 15, въ кухню кухмистру 3, въ Русскую кухню 2, барону Лоутицу, когда не бываетъ за столомъ и мадамѣ 4, Якову Петровичу 1, Алёнѣ Степановнѣ [1]) 1, лѣкарю, когда не бываетъ за столомъ 1, и того 27. Во Французскую кухню для обыкновеннаго стола большой хлѣбъ на три дни 15. Музыканту Фацiусу, кондитеру Журденю, перукмахеру Руссо по хлѣбу въ день выдавать изъ канцелярiи деньгами, а въ бытность по деревнямъ, ежели пожелаютъ, давать натурою [2]).

*

Учителя, котораго рекомендуетъ Французъ Деламаркъ и объ немъ онъ пишетъ ко мнѣ особливымъ письмомъ, я знаю. Онъ человѣкъ высокопарной, къ тому жъ и подагрикъ; онъ большею частiю боленъ нежели здоровъ, который съ тѣмъ человѣкомъ, къ кому я принимаю, всюду ходить и ѣздить не можетъ. И по симъ обстоятельствамъ не нахожу его быть способнымъ, что̀ и Деламарку сказать. А мнѣ надобно, хотя и изъ посредственныхъ, чтобъ съ нимъ всюду неотлученъ былъ. Пишетъ ко мнѣ Иванъ Ивановичъ, что онъ находитъ его годнымъ. Какъ Ив. Ив. въ это пошелъ, того ради къ нему сходить отъ меня и при объявленiи моего почтенiя за прiисканiе того учителя его благодарить.

Въ Кусковѣ, 9 Мая 1784.

*

При семъ посланъ портретъ за стекломъ покойной государыни императрицы Елисаветы Петровны и при немъ ободокъ золотой, который и показать табакерошнику Адору и поговорить, чтобъ онъ сдѣлалъ мнѣ табакерку золотую, овальную, всю гладкую и борты чтобъ были гладкiе безъ финифти на крышкѣ, чтобъ сдѣлалъ имя ея величества и надъ именемъ корону.

Въ Кусковѣ, 24 Iюня 1784.

*

Для убранiя здѣсь въ Кусковѣ въ гротѣ стола поискать въ Петербургѣ купить раковинъ заморскихъ не изъ дорогихъ, нѣсколько разныхъ сортовъ, такихъ что̀ убираютъ гротеско и большая часть, чтобъ были шумовы головки [3]) и другихъ сортовъ, какiя сыщутся въ продажѣ (самыя большiя и дорогiя тутъ не идутъ) которыя переслать сюда не замѣшкавъ, ибо тотъ столъ будетъ убираться Августа къ 1-му числу.

Въ Кусковѣ, 1 Iюля 1784.

*

---

[1]) Мать Реметевыхъ.

[2]) Какъ виденъ тутъ человѣкъ Петровскаго времени, скопидомливый и разсчетливый. Таким было большинство Русскихъ людей. П. Б.

[3]) Особаго рода раковины, производящiя какой-то шумъ, когда приставить къ уху. П. Б.

Сходить отъ меня къ Елисаветѣ Дмитріевнѣ Кушелевой, къ сестрѣ Александра Дмитріевича Ланскаго, и, объявивъ ей мое почтеніе, спросить о здоровьи и при томъ объ немъ объяснить мое сердечное сожалѣніе, что и я въ томъ имѣю участіе, потерявъ друга, и какъ того поворотить не можно, совѣтую ей не входить въ безразсудное огорченіе и беречь себя.

Въ Кусковѣ, 8 Іюля 1784.

*

Мое желаніе есть, чтобъ сдѣлать въ Петербургѣ для здѣшняго Кусковскаго пруда яхту со всѣмъ украшеніемъ и мачтами и каютомъ и на ней чтобъ было шесть пушекъ небольшихъ съ уменьшеніемъ противъ тѣхъ, какія обыкновенно дѣлаются, да обыкновенную восьмивесельную баржу. Того ради съ мастеромъ переговорить.

Въ Кусковѣ, 12 Августа 1784.

*

Представляешь, что, въ силу именныхъ указовъ, велѣно Петербургскую дорогу всякому владѣльцу противъ своей дачи исправить, т.-е. подлѣ бальяровъ каналъ вычистить и грязь вывозить въ пристойныя мѣста и по срединѣ дороги въ ширинѣ на три сажени насыпать щебнемъ изъ дикаго камня толщиною на 4 дюйма, и сверхъ того засыпать пескомъ, и чтобъ для удобнаго стоку воды та дорога въ срединѣ была возвышена, которую послѣ и содержать навсегда въ такой исправности, и велѣно отъ правительства объявить обывателямъ, не пожелаютъ ли исправленіе той дороги съ платежомъ противъ заключенныхъ съ казенной стороны о Царско-Сельской дорогѣ договоровъ отдать подрядчику на четыре года съ платежемъ по 20 к. съ погонной сажени, или сами обыватели особо съ торгу равно содержать будутъ, въ чемъ отъ тебя требуютъ подписи. Но какъ надѣюсь, что эта дорога была исправлена, то и протчіе владѣльцы тоже исправлять должны по цѣнѣ. Предвидится, исправленіе той дороги большую сумму составить не можетъ. Того ради, ежели необходимость того требуетъ и миновать не можно, ту дорогу по предписанію отъ правительства отдѣлать.

Въ Марковѣ, 29 Сентября 1784.

*

Гусаръ прибавить двухъ человѣкъ, которымъ отдать полевую ливрею отъ верховыхъ гусаръ, а верховымъ сшить платье новое полевое съ воланами.

Ноября 14-го дня 1784.

*

Служащая въ домѣ моемъ мадамъ Француженка сдѣлалась больна, которая для излѣченія своей болѣзни ѣдетъ въ Парижъ, здѣсь же хорошей мадамы для воспитанія и обученія дѣтей сыскать трудно, а какъ въ Петербургѣ мадамы изо всѣхъ мѣстъ безпрестанно пріѣзжаютъ и найтить не такъ трудно, какъ здѣсь: того ради поискать въ Петербургѣ мадамъ Француженку такую, которая бы могла дѣтей[1]) воспитывать хорошо и обучать по-французски, ежели попадетъ, и чтобы умѣла и на другихъ языкахъ, но при томъ чтобы была состоянія хорошаго и имѣла рекомендацію отъ хорошихъ людей, которая ежели найдется достойная, буду давать ей жалованья до 500 рубл., и сверхъ того содержаніе, и ежели такая сыщется, то кто таковая и отъ кого о хорошемъ ея состояніи будетъ рекомендація и какова содержанія она будетъ требовать, о томъ о всемъ обстоятельно писать ко мнѣ, что̀ разсмотря, сдѣлаю на то положеніе.

Въ Москвѣ, 27 Генваря 1785.

*

Для пристанища князю Александру Алексѣевичу [2]) покой построить и прибрать, и что̀ касается до уступки деревни, не токмо оной деревни, но и никакой части изъ сельца Вознесенскаго, по прописаннымъ къ тебѣ прежде обстоятельнымъ резонамъ, ни подъ какимъ видомъ не могу и изъ моего положенія не выйду; а какъ я ту деревню люблю, то и ласкаю себя, что, можетъ быть, Богъ приведетъ въ ней еще пожить, да и для графа Николая Петровича она нужна, и ему нельзя не имѣть такой деревни, которая недалеко отъ города и къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ присутствіе Государево бываетъ. И такими резонами, ежели изъ-за сего какія покушенія будутъ, и отойтить. Мнѣ здѣсь извѣстно, что княгиня Алёна Никитична о томъ писала къ князь Петру Михайловичу Волконскому [3]), который теперь нездоровъ и у меня еще не былъ, а какъ будетъ, то и ему тоже скажу на отрѣзъ, что того сдѣлать не могу, чтобъ о томъ впредъ и покушенія не было.

Въ Москвѣ, 10 Февраля 1785.

*

Въ строеніи князь Александру Алексѣевичу пристанища узнать напередъ, оное ему надобно ли прямо, и нѣтъ ли въ томъ какихъ фальшей, не ведетъ ли для того, чтобъ какимъ случаемъ выманить ток-

---

[1]) Дѣтей Реметевыхъ Анастасіи и Маргариты Петровенъ, а также и актрисъ.

[2]) Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій долженъ былъ пріѣзжать часто въ Пеллу для докладовъ Государынѣ. Въ Пеллѣ же настоящаго дворца еще не было, а эта дача находилась въ сосѣдствѣ съ Шереметевскимъ сельцомъ Вознесенскимъ. П. Б.

[3]) Наслѣдникъ Бестужевскаго богатства, построившій прекрасный домъ съ театромъ на Большой Лубянкѣ, нынѣ Кредитнаго Общества (Ростопчинскій). П. Б.

мо извѣстную деревню и что̀ по оному можешь узнать, меня увѣдомить; буде же прямо ему то надобно, то не мѣшкавъ отдѣлать, ибо я обѣщалъ. Ѣдетъ отсюда Александръ Григорьевичъ Гурьевъ [1]), съ которымъ что̀ надобно о мадамѣ къ Ивану Ивановичу прикажу, и здѣсь мадамъ пріискана; только годна ли будетъ, еще не знаю.

Въ Москвѣ, 24 Февраля 1785.

*

Здѣсь мнѣ сказывали, будто Государыня изволила купить еще дачу Ватковскаго, о чемъ чрезъ кого можно освѣдомиться, велика ли та дача, и что̀ за нее заплачено, въ которомъ мѣстѣ и близко-ли къ Неплюевой дачѣ и въ какомъ разстояніи отъ дачъ моихъ сельца Вознесенскаго.

Въ Москвѣ, 16 Марта 1785.

*

Выписанныхъ изъ слободы Борисовки въ актрисы двухъ дѣвочекъ за неспособностью ихъ къ тому, отпустить обратно, давъ на дорогу имъ по 5 рублей каждой и тамъ, до выхода ихъ въ замужество, давать дачу; а когда онѣ намѣрены будутъ выйти въ замужество, то за добропорядочное ихъ здѣсь житье выдать на приданое по 25 рублей каждой, и ежели имъ надобно будетъ, то тѣ деньги выдать и прежде замужества.

17 Апрѣля 1785.

*

Выписываю я изъ Голландіи чрезъ Ольдекопа королевской фамиліи восемь портретовъ, о которыхъ онъ мнѣ пишетъ, что они у него приготовлены, и онъ ихъ изъ Амстердама отправляетъ въ Петербургъ на первыхъ корабляхъ.

Въ Кусковѣ, 8 Мая 1785.

*

Отправить портреты не мѣшкавъ, потому что мнѣ портреты очень надобны для уборки Кусковской картинной галлереи.

Въ Кусковѣ, 12 Мая 1785.

*

При семъ послано отъ меня письмо къ князь Александру Алексѣевичу, въ которомъ приложено отъ меня письмо къ Ея Императорскому Величеству; оное при объявленіи моего почтенія ему вручить.

На сей почтѣ получилъ отъ Ея Императорскаго Величества милостивое письмо въ отвѣтъ на мое письмо, которымъ я прежде благодарилъ Ея Величество за пожалованіе графа Николая Петровича [2]), и

---

[1]) Отецъ будущаго министра финансовъ, домашній человѣкъ у И. И. Шувалова. П. Б.

[2]) Чиномъ тайнаго совѣтника. П. Б.

при томъ изволила прислать мнѣ книгу въ переплетѣ о правѣ дворянства [1]), о чемъ тебѣ для знанія объ ономъ даю знать.

Въ Кусковѣ, 15 Мая 1785.

*

Донесеніе Петра Александрова.

О путешествіи Ея Величества небезъизвѣстно, что со всѣмъ проѣздомъ обратно продолжится не болѣе 17 дней [2]). Отсутствіе изъ Царскаго Села послѣдовало въ прошедшую Субботу, а кто именно въ той свитѣ съ Ея Величествомъ отправился, о томъ, сколько могъ получить свѣдѣнія, прилагается при семъ особливая записка. Построеніе противъ Фонтаннаго вашей свѣтлости дому ограды, оное строеніе производилось подъ присмотромъ архитектора Ивана Егоровича Старова.

*

Какъ изъ отписки твоей видно, что князь Александру Алексѣевичу надобность будетъ близко купленной Неплюевой дачи, а особливо въ лѣтнее время, приставать: того ради отъ меня сходить къ княгинѣ Алёнѣ Никитичнѣ, какъ оно дошло до моего свѣдѣнія, а въ Новой Деревнѣ крестьянскихъ хорошихъ избъ нѣтъ, и будетъ ему пристанище безпокойное, то не угодно ли будетъ его сіятельству, чтобъ для него, гдѣ ему угодно будетъ, я прикажу построить нарочно покой, и ежели оное надобно будетъ, то выбравъ въ сельцѣ Вознесенскомъ изъ флигелей, или изъ какого другого строенія, одну горницу съ сѣньми, а ежели принято будетъ, то двѣ комнаты и между ними сѣни, перевезти и поставить гдѣ онъ прикажетъ, которую обить бумажками и меблировать чѣмъ надобно изъ хоромъ, чтобъ пристойно было и могъ съ покоемъ приставать. А при томъ предварительно ей отъ меня, и ежели сыщешь случай, то князь Александру Алексѣевичу, донести, какъ деревни графини Варвары Петровны [3]) были подъ главною опекой покойнаго графа Захара Григорьевича, о чемъ его сіятельство довольно извѣстенъ, нынѣ же, послѣ его кончины, остались въ смотрѣніи подначальныхъ опекуновъ: то я для предохраненія и лучшаго порядка разсудилъ,

---

[1]) Знаменитая Дворянская Грамота. П. Б.

[2]) Екатерина ѣздила осматривать Вышневолоцкій каналъ. Изъ Москвы поѣхали въ Тверь выборные люди звать ее въ первопрестольную столицу, гдѣ она не была съ 1775 года. Екатерина приняла приглашеніе и на короткое время пріѣзжала въ Москву, гдѣ осматривала строеніе своего дворца въ Царицынѣ. П. Б.

[3]) Дочери графа, графини Разумовской, которая въ это время уже разъѣхалась съ своимъ мужемъ, графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ, удержавшимъ четырехъ дѣтей при себѣ, которыя воспитывались Швейцаркою Каламъ. П. Б.

чтобъ на мѣсто графа Захара Григорьевича вошелъ графъ Яковъ Александровичъ, который на то и согласился, и теперь идетъ съ графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ переписка, и что надо по тому производство, чтò чрезъ недѣлю все и кончится, и какъ прежде то шло чрезъ кн. Александра Алексѣевича, то объясниться съ е. с. о томъ, къ себѣ ли изволитъ приказать мнѣ написать письмо, по которому онъ приметъ трудъ донести Ея Императорскому Величеству, или прямо прикажетъ мнѣ писать къ Ея Императорскому Величеству, такъ по совѣту его сiятельства и сдѣлаю. А графъ Яковъ Александровичъ будетъ писать отъ себя. Чтò на то скажутъ, о томъ меня обстоятельно увѣдомить, не замѣшкавъ.

*

Что въ сельцѣ Вознесенскомъ хоромы внутри и снаружи поправляешь, то я считаю за излишнее, ибо по ветхости ихъ не надѣюсь, чтобы можно было кому въ нихъ имѣть пристанище; но какъ оное, видится, до полученiя сего исправлено, то такъ и остается. Что же принадлежитъ до пристанища, построеннаго для князя Александра Алексѣевича, то оное прибрать и огородить дворикъ кольями дозволяется.

За смотрѣнiе и трудъ въ отдѣлкѣ рѣшетки чтò надобно подарить архитектору Фельтену, о томъ представить.

Ея Императорское Величество изволитъ быть въ Москву, и ожидаемъ Ея Величество завтрашняго числа.

Ежели дойдетъ какой случай видѣться съ княгиней Алёной Никитичной или тамъ кто при ней, то отзываться, что я всегда считаю князь Александра Алексѣевича себѣ другомъ, и во всѣхъ случаяхъ имъ всегда доволенъ, и стараться въ бытность его въ Вознесенскомъ, сколько можно, ласкаться и въ чемъ можно ему угождать.

Въ Москвѣ, 2 Iюня 1785.

*

По переѣздѣ моемъ въ Москву изъ Кускова для встрѣчи Ея Величества сдѣлался я нездоровъ, и Ея Величество вчерашняго дня изволила ко мнѣ заѣхать въ Московскiй домъ; а отсутствiе въ путь, слышно, послѣдуетъ завтрашнiй день.

Въ Москвѣ, 5 Iюня 1785.

*

Покой при новой деревнѣ сельца Вознесенскаго совсѣмъ отдѣланъ, и княгинѣ Алёнѣ Никитичнѣ тому строенiю поданъ планъ, и она тѣмъ довольна. Оное все изрядно; надѣюсь то имъ нынѣ въ присутствiи Ея Величества и надобно будетъ. Съ моей стороны чтò можно было въ ихъ удовольствiе сдѣлать, сверхъ того и оказывать всякiя ласки и учтивости; а какъ Ея Величество въ мызу Пеллу изволитъ прибыть и

когда отсутствіе будетъ, и не будетъ ли какихъ новостей о строеніи въ тѣхъ мызахъ, меня увѣдомить.

По вѣдомости о строеніяхъ и починкахъ въ Фонтанномъ домѣ и Шампетрѣ какъ теперь за надобное почитаю противъ дому додѣлать рѣшетку, о которой мнѣ изволила сказывать и Ея Величество, что она дѣлается и хороша, и мостовую по Литейной по необходимости должно сдѣлать.

Поискать въ Петербургѣ купить два бюста гипсовыхъ обыкновенной мѣры Еллинскихъ боговъ, какіе сыщутся, которые спросить въ Академіи Художествъ.

Для уборки въ Кусковскомъ саду партеръ поискать мозаическихъ песковъ разныхъ цвѣтовъ, мрамору пудъ 50, также нѣсколько морскихъ раковинъ.

Въ Кусковѣ, 12 Іюня 1785.

*

Что Ея Величество, будучи въ Москвѣ, изволила меня пожаловать мраморнымъ обелискомъ, о томъ тебѣ дано знать, о которомъ изволила приказать Степану Өедоровичу Стрекалову. Того ради въ Петербургѣ съ моимъ почтеніемъ къ нему отъ меня адресоваться учтивымъ образомъ. Какъ мнѣ для того обелиска къ будущей веснѣ надобно приготовить мѣсто, но я объ немъ, какой онъ мѣры, совсѣмъ не извѣстенъ, а мнѣ Ея Величество изволила приказывать, чтобы его поставить въ виду противъ дому: то не можетъ ли онъ сдѣлать одолженіе приказать дать мнѣ ему рисунокъ и ежели прикажетъ дать оной, доставить и прислать ко мнѣ. Больше же сего ни о чемъ съ нимъ не объясняться и о дѣлѣ его не просить, и не входить ни въ какія подробности; а рисунокъ мнѣ надобно для того, что по мѣрѣ его мѣсто выбрано будетъ отдѣльно и приготовлено, какъ мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества повелѣно.

Въ Кусковѣ, 16 Іюня 1785.

*

Послѣ бытности у меня Ея Величества въ домѣ, ѣздилъ я Ея Величество благодарить и принятъ Ея Величествомъ очень милостиво при чемъ Ея Величество изволила меня пожаловать мраморнымъ обелискомъ, чѣмъ меня много изволила обрадовать, и изволила обѣщать подъ своимъ присмотромъ его отдѣлать, съ того обелиска, который въ Царскомъ Селѣ передъ покоями Ея Величества, о чемъ изволила приказать Степану Өедоровичу Стрекалову. При томъ княгиню Алёну Никитичну отъ меня попросить, ежели по какому случаю о томъ обелискѣ будетъ разговоръ, чтобъ о моемъ удовольствіи и сколько я тою Ея Величества милостію обрадованъ, чтобъ донесла Ея Величеству, и что

я самъ къ ней о томъ не писалъ, не хотя ее безпокоить моими письмами, а буду писать впредъ.

Въ Кусковѣ, 19 Іюня 1785.

*

Что касается до построенныхъ въ Новой Деревнѣ князь Александру Алексѣевичу покоевъ, ежели въ нихъ когда князь Григорій Александровичъ захочетъ имѣть пристанище, какъ они теперь пусты, то въ томъ накакого препятствія не дѣлать.

Въ Кусковѣ, 21 Іюня 1785.

*

Что архитектору Старову табакерку въ 275 р. подарили, и онъ доволенъ, изрядно. Подарокъ, кажется, довольной, и какія по дому будутъ надобности, надѣюсь, онъ постарается сдѣлать.

Въ Кусковѣ, 3 Іюля 1785.

*

Былъ у меня здѣсь графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ *) и сказывалъ, что дана ему комиссія отъ Александра Андреевича Безбородки, чтобъ торговать сельцо Вознесенское. Я ему на то сказалъ, что никому ни за какія деньги его продать не могу, а развѣ надобность будетъ коронѣ: въ такомъ случаѣ противиться не можно, и объявлю за него мое требованіе, о чемъ онъ хотѣлъ писать къ нему г. Безбородкѣ. Но какъ я не думаю, чтобъ оное сельцо Вознесенское ему надобно было, а больше думаю, что хотятъ его купить для строенія, которое тамъ располагаютъ для дворца, того ради тебѣ, сыскавъ какой случай, навѣдаться. Что же касается до партикулярной продажи, то я никому и ни за какую цѣну не продамъ.

Я Якову Александровичу сказалъ: ежели то сельцо надобно будетъ купить для короны, то, не требуя за него денегъ, промѣняюсь на экономическія деревни. Желаніе мое есть взять деревни: Владычно и Крутицы, которые подлѣ Кускова, и дачи подошли подъ самое Кусково, ты ихъ знаешь; да какъ въ нихъ крестьянъ очень мало и дачи невелики, то еще деревню Завражье, которая близъ Троицкихъ дачъ; въ томъ можно сдѣлать расчетъ и, ежели они дороже стоятъ, доплатить.

Въ Кусковѣ, 7 Іюля 1785.

*

Въ полученномъ отъ тебя на сей почтѣ письмѣ отъ княгини Алёны Никитичны пишетъ она ко мнѣ, что ея величество, возвратясь изъ Пеллы, изволила говорить князь Александру Алексѣевичу, хваля свою мызу, не худо бы было коли бы я построилъ что-нибудь

*) Тогдашній Московскій главнокомандующій, зять графа Румянцова-Задунайскаго. П. Б

для виду Пеллы, не застраивая только самаго мыса; то княгиня Алёна Никитична и думаетъ, что онымъ мои старыя конюшни покривились. Вотъ выписаны точныя рѣчи изъ ея письма, и какъ изъ онаго видно, что тѣ старыя конюшни дѣлаютъ дурной видъ, а можетъ быть изъ какого-нибудь строенія изъ той мызы и видны, и того ради разобравъ, ежели тѣ конюшни дѣлаютъ какой дурной видъ, поговорить съ архитекторомъ Старовымъ, который при строеніи того дворца; ежели они мѣшаютъ какому-нибудь виду, то ихъ тотчасъ сломать и мѣсто очистить.

Въ Кусковѣ, 31 Іюля 1785.

*

У книгопродавца Миллера вырѣзанной г. Скородумовымъ съ картины славнаго живописца Муриллова, находящейся у его свѣтлости князя Григорія Александровича Потемкина, цѣна 3 руб.

Въ лавкѣ Овчинникова планъ пещерамъ при Кіевской Печерской Лаврѣ съ показаніемъ угодниковъ, гдѣ какія мощи почиваютъ на цѣломъ листу раскрашенной, цѣна 50 к.

Въ Кусковѣ, 4 Августа 1785.

*

Мадамъ Француженка въ службу въ домъ мой пріискана здѣсь, которой и написать; ибо она будетъ принята, и ежели по сему случаю спроситъ Иванъ Ивановичъ, о томъ ему сказать и благодарить отъ меня, что онъ во исполненіи просьбъ моихъ не оставляетъ. Мадамъ я принимаю, которая жила у господина Кросса, и онъ мнѣ ее давно рекомендовалъ и другіе, какъ извѣстную въ поведеніяхъ и въ ученіи и ежели Иванъ Ивановичъ о томъ чтò будетъ говорить, оное ему объяснить.

О смерти брата твоего сожалѣю, и оставшей женѣ его съ дѣтьми отъ меня положено будетъ пропитаніе.

Въ Москвѣ, 17 Августа 1785.

*

У книгопродавца Вейтбрехта выписываются книги:

1) Les maximes de gouvernement monarchique.

2) Sur les droits des princes et des peuples.

3) De la moralité et de la religion.

4) Des différentes formes de gouvernement. London 1778—4 vol. 5 р. 60.

*

На воротахъ сдѣланныхъ въ рисункѣ противъ Фонтаннаго дому въ отдѣланномъ кружкѣ надобно написать или вырѣзать полной мой гербъ, а не одни кресты и вмѣсто сдѣланныхъ къ нему висячихъ фестоновъ сдѣлать по пропорціи съ обѣихъ сторонъ львы, чтобъ оное клеймо держали, о чемъ поговорить съ архитекторомъ Старовымъ,

чтобъ онъ расположилъ и сдѣлалъ рисуночекъ, который прислать ко мнѣ для апробаціи.

Въ Марковѣ, 14 Сентября 1785.

*

Пишешь о прожектѣ, что къ мызѣ Пеллѣ назначена прямая дорога, которая проходитъ чрезъ дачи мои сельца Вознесенскаго, и ежели оная конфирмована будетъ, то въ тѣхъ моихъ дачахъ бо́льшая часть лѣсу будетъ вырублена, и хотя казенной экспедиціи директоръ тебѣ о томъ и объяснилъ, что то еще не вышло, однако онаго не оставлять и навѣдываться.

Въ Москвѣ, 30 Октабря 1785.

*

Въ письмахъ къ князю и княгинѣ Вяземскимъ писалъ и подтвердилъ я прежнюю мою просьбу и мое намѣреніе, что я нынѣ, при выборѣ здѣсь, въ Москвѣ, вновь губернскаго предводителя, отслужа мое положенное время, отъ того откажуся; но какъ время тому выбору скоро наступитъ, то и желательно мнѣ отъ нихъ знать, какъ имъ по тамошнимъ обстоятельствамъ извѣстно, апробуютъ ли оное мое расположеніе. Того ради княгиню Алёну Никитичну о томъ отъ меня попросить, чтобъ она князь Александру Алексѣевичу о томъ объяснила и меня увѣдомила, почему я надежнѣе въ томъ и могу поступить, а мое положеніе уже сдѣлано, что я того назначенія на себя никакъ не приму, а что̀ на то скажутъ, о томъ меня обстоятельно увѣдомить.

Александръ Николаевичъ Зиновьевъ о помолвленіи съ княжною Катериною Сергѣевною Трубецкой ко мнѣ писалъ.

Въ Москвѣ, 17 Ноября 1785.

*

По причинѣ частыхъ подагрическихъ моихъ припадковъ и происходящихъ отъ того сильныхъ спазмъ, сегодня писалъ къ графу Якову Александровичу Брюсу, что я въ назначенное собраніе, для выбора изъ дворянъ новыхъ предводителей, прибыть не въ состояніи и не буду, а особливо по наступившимъ морозамъ. О томъ хотя чрезъ княгиню Алёну Никитичну надобно увѣдомить кн. А. А., чтобъ онъ извѣстенъ былъ, для чего я не былъ въ нынѣшнемъ дворянскомъ собраніи, и могъ бы меня въ томъ извинить.

Въ Москвѣ, 1 Декабря 1785.

*

Слышно здѣсь, что собранныя послѣ Пугачова деньги желающимъ имѣть отдаются въ проценты по комиссіи, порученной о томъ Петру Васильевичу Завадовскому.

Въ Москвѣ, 11 Декабря 1785.

*

О князь Александрѣ Алексѣевичѣ здѣсь слухъ носится, что онъ очень боленъ и безъ всякой надежды; не знаю, правда ли то, ибо ты о томъ ничего не пишешь, о чемъ меня увѣдомить. Изъ отписки твоей видно, что Португальскій министръ посланными волчьими кожами доволенъ.

Въ Москвѣ, 8 Генваря 1786.

*

Что для Португальскаго министра нарочно убитъ черный волкъ и дѣлается чучело, о томъ тебѣ дано знать.

Въ Москвѣ, 22 Генваря 1786.

*

Отъ господина Ермолова письмо на сей почтѣ получилъ, и на оное къ нему посылаю письмо же, и письмо къ Александру Васильевичу Храповицкому въ отвѣтъ на его письмо, при которомъ прислана мнѣ отъ него пожалованная отъ Ея Императорскаго Величества комедія.

Въ Москвѣ, 16 Февраля 1786.

*

Ея Императорскому Величеству угодно мѣдную доску съ надписью изготовить въ Петербургѣ и доставить ко мнѣ, о чемъ изволила повелѣть Стрекалову; но какого содержанія она будетъ, мнѣ неизвѣстно. Князь Андрей Николаевичъ пишетъ ко мнѣ, что Степанъ Ѳедоровичъ ему сказалъ, что Ея Величество, прочтя посланную отъ меня надпись, изволила сказать, что она сама изволитъ надпись сдѣлать. Оное пишу тебѣ для одного знанія.

Въ Москвѣ, 26 Марта 1786.

*

Выбралъ я на дѣло въ Кусковскую церковь ризъ, стихаря, епитрахели, воздуховъ и поручей, парчу по серебряной землѣ, съ золотомъ и съ цвѣтами.

Въ Москвѣ, 6 Апрѣля 1786.

*

Мое желаніе есть 28 числа Іюня сдѣлать праздникъ.

Въ Москвѣ, 20 Апрѣля 1786.

*

Отъ г. Ивана Григорьевича[1]) для яхты унтеръ-офицера и матроса стараться достать и сюда отправить.

Въ Кусковѣ, 4 Мая 1786.

*

Вчерашняго дня получилъ отъ г. Ермолова[2]) письмо въ отвѣтъ на мое, при которомъ отправлены были отъ меня извѣстные тебѣ фрукты, который пишетъ, что Ея Величество изволила указать, отписать ко мнѣ высочайшее удовольствіе и поблагодарить.

---

[1]) Чернышова, президента Адмиралтействъ-Коллегіи. П. Б.

[2]) Это Александръ Петровичъ, кратковременный любимецъ Екатерины II-й, предшественникъ графа Александра Матвѣевича Мамонова (L'Habit Rouge). П. Б.

Пишешь, что въ Петербургѣ продолжаются безпрестанные дожди и стужи, почему присутствія Ея Величества въ Пеллѣ-мызѣ еще не было.

Въ Кусковѣ, 8 Іюня 1786.

*

Присланный мраморный обелискъ поставленъ и выходитъ хорошо.

Въ Кусковѣ, 17 Іюня 1786.

*

Поискать въ Петербургѣ для меня стекло, въ которое читаютъ письма, раскрывное, въ перламутрѣ, оправленное въ серебрѣ. Спросить въ лавкѣ Руспинія, ибо я у него прежде оныя получалъ.

Въ Москвѣ, 19 Октября 1786.

*

Въ Петербургѣ есть въ продажѣ эстампъ, портретъ Александра Дмитріевича Ланскаго, гравированный съ портрета его, который послѣдній съ него писанъ. Прислать ко мнѣ чрезъ почту; оные эстампы многіе имѣютъ здѣсь, къ которымъ присланы изъ Петербурга.

Въ Москвѣ, 22 Октября 1786.

*

При семъ отправилъ къ князь Андрею Николаевичу письмо и при немъ серьги брилліантовыя племянницѣ его Елисаветѣ Павловнѣ въ подарокъ, которая помолвлена за подполковника Поликарпова, которыя ему вручить.

Въ Москвѣ, 26 Октября 1786.

*

Графинѣ Варварѣ Петровнѣ хочется имѣть у себя дѣтей, дочерей для воспитанія, но графъ Алексѣй Кириловичъ упорствуетъ и ей не отдаетъ, о чемъ въ семъ пакетѣ и отправлено просительное письмо къ Государынѣ.

Въ Останковѣ, 1 Октября 1786.

*

Письмо отъ князь Ѳедора Сергѣевича Барятинскаго со вложеніемъ въ него книжкою, пожалованною мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества, получено. О дѣтяхъ графини Варвары Петровны получилъ я отъ княгини Алёны Никитичны письмо.

Былъ у меня Александръ Петровичъ Нечаевъ, который нынѣ пожалованъ экзекуторомъ въ Сенатѣ, сказывалъ мнѣ, что при немъ былъ въ сельцѣ Вознесенскомъ съ кн. Григоріемъ Александровичемъ о дачѣ Ватковскаго разговоръ, что оныя дачи хотятъ и надобно купить, особливо Ватковскаго, которая ближе, но чрезвычайно дорого просятъ и купить не можно, что̀ пересказать кн. Андрею Николаевичу и притомъ ему объяснить, какъ о томъ за столомъ и при немъ тоже разговаривали, что я изъ этой цѣны въ угодность Ея Величеству уступаю тысячъ 20 или 30. Ежели угодно, я на всемъ соглашаюсь, только бъ тѣмъ показать мое некорыстолюбіе и чтобъ сдѣлать угодное.

Въ Москвѣ, 15 Октября 1786.

*

Копія съ оперы Цефалъ и Прокрисъ, пара звѣздъ Андреевскихъ и часы съ цѣпочкою получены.

Присланная опера будетъ разсмотрѣна и ежели въ ней найдутся какіе недостатки, о томъ тебѣ дастся знать.

Въ Москвѣ, 7 Декабря 1786.

*

Отецъ Александра Матвѣича Мамонова былъ у меня, который отъ Ея Величества объявилъ мнѣ милостивое благоволеніе, и Александръ Матвѣичъ прислалъ мнѣ съ нимъ двѣ книжки, оперу и комедію. Я къ нему писалъ благодарить и свожу съ нимъ чрезъ то знакомство. Сіе для вѣдома пишу.

Въ Москвѣ, 31 Декабря 1786.

*

Надпись на обелискъ при письмѣ графа Александра Андреевича Безбородко получилъ, который пишетъ ко мнѣ, что Ея Императорскому Величеству угодно было самой ту надпись сдѣлать, съ которой для знанія твоего послана при семъ копія [1]).

Въ Москвѣ, 15 Октября 1786.

*

Ежели до полученія сего по прежнему моему письму отъ г. Бибикова музыки къ оперѣ и описанія платья и декорацій еще не добился, о томъ постараться, чтобъ оное не помѣшкавъ ко мнѣ доставилъ, въ разсужденіе того, что время надобно довольное ее выучить, сшить платье и сдѣлать декораціи. Мнѣ оное все надобно приготовить къ возвратному пути Ея Величества въ Москву, для чего я дѣлаю нарочный театръ.

Въ Москвѣ, 28 Генваря 1787.

*

При семъ послано отъ меня письмо къ графу Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину и при немъ эгрета бриліантовая, которую я къ нему послалъ для отдачи племянницѣ его Головиной [2]), которая мнѣ своя и идетъ за мужъ.

Въ Москвѣ, 12 Апрѣля 1787.

*

---

[1]) Вотъ эта надпись: „*Екатерина II пожаловала графу Петру Борисовичу Шереметеву въ 1785 году, во время бытности его губернскимъ предводителемъ Московскаго дворянства*". Графъ Петръ Борисовичъ отъ себя помѣстилъ надъ этою надписью слова: „*Въ незабвенную милость*". Обелискъ возвышается и нынѣ предъ Кусковскимъ домомъ. Къ нему прибавилась, чрезъ *сто лѣтъ* спустя, другая надпись о посѣщеніи Кускова императоромъ Александромъ III-мъ, 15 Мая 1886 года. Знаменательно, что Екатерина упомянула въ надписи о предводительствѣ Московскаго дворянства.

[2]) Единокровная сестра графа, Анна Борисовна (1673—1732), была за графомъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Головинымъ. П. Б.

Здѣсь теперь для прибытія Государыни большіе расходы, и сколько можно деньги беречь и не употреблять напрасно.

Въ Кусковѣ, 17 Мая 1787.

*

Вчерашняго числа здѣсь въ Кусковѣ изволила у меня присутствовать Ея Величество и изволила кушать вечернее кушанье и намѣрена пожаловать и въ Останково [1]). Итакъ, по сему случаю, не имѣю время переписываться, а о чемъ надобно будетъ, буду писать впредъ.

Въ Кусковѣ, 1 Іюля 1787.

*

Приморскую мою дачу Шампетръ, по предоставленію твоему, Гебельту, какъ онъ живетъ порядочно и наблюдаетъ по хозяйству бережливость и чистоту, еще на три года въ наймы за 1.000 р. отдать.

P. S. Михаила Сергѣевича [2]) жена живетъ здѣсь въ Москвѣ. Она фамиліи Чагиныхъ. У нея братъ живетъ въ Твери, великой ябедникъ. Можетъ быть, онъ съ челобитчикомъ поѣдетъ въ Петербургъ, и г. Терской, будучи у меня здѣсь, о манифестѣ, который теперь вышелъ, что 10-лѣтній срокъ положенъ будетъ для такихъ ябедническихъ дѣлъ, которыя тѣмъ прекратятся, мнѣ разсказывалъ; я ему о томъ и въ письмѣ писалъ, и потому по тому дѣлу больше къ нему и адресоваться.

Въ Кусковѣ, 2 Августа 1787.

*

Сказывали мнѣ здѣсь, будто Петръ Васильевичъ Завадовской съ женою своею разошелся и будто она уже выѣхала изъ его дома [3]). Того ради стороною, секретно, справиться, правда ли оное, изъ-за чего-то промежду ними несогласіе вышло, ибо онъ недавно и женился.

Въ Останковѣ, 9 Августа 1787.

*

Князь Александръ Алексѣевичъ и княгиня Алёна Никитична о помолвленіи дочери своей ко мнѣ пишутъ, также и женихъ рекомендуетъ себя, на которыя ихъ письма въ отвѣтъ посылаю отъ себя письмо, которое имъ вручитъ. Я разсудилъ невѣсту подарить вышеписаннымъ, присланнымъ отъ тебя цвѣткомъ и въ письмѣ къ княгинѣ Алёнѣ Никитичнѣ написалъ, что онъ посланъ къ ней, притомъ оной цвѣтокъ посланъ на сей почтѣ и на твое имя, и притомъ сдѣлать примѣчаніе, довольна ль будетъ тѣмъ подаркомъ.

Въ Москвѣ, 2 Ноября 1787.

*

---

[1]) Намѣреніе Екатерины быть въ Останкинѣ не состоялось. Графъ Петръ Борисовичъ былъ тогда уже 74-лѣтнимъ старцемъ. Въ Кусковѣ Государыня слушала пѣніе актрисъ и обласкала будущую графиню Прасковью Ивановну. П. Б.

[2]) Шереметева (такъ называемаго „претендателя“).

[3]) Слухъ этотъ оказался несправедливъ. П. Б.

Пишешь, что ты отъ подагры освободился, а вчерашняго числа ноги простудилъ и сдѣлался опять боленъ. Того ради берегися, сколько можно.

Въ Москвѣ, 21 Февраля 1788.

*

Бывшій при домѣ моемъ управитель Иванъ Чубаровъ умеръ, то на мѣсто его опредѣляю быть управителемъ Ивана Аргунова.

Марта 4-го дня 1788.

*

При семъ приложенное письмо къ князь Александру Алексѣевичу должно прежде подать княгинѣ Алёнѣ Никитичнѣ и прямо доложить е. с., а въ немъ писана мнѣ просьба о Михаилѣ Васильевичѣ Волынскомъ. Онъ проситъ объ опредѣленіи его въ Московскій верхній надворный судъ 1-го департамента въ предсѣдатели на мѣсто умершаго князя Туркестанова; о томъ уже отъ Петра Дмитріевича Еропкина*) посланъ въ Сенатъ рапортъ, но въ немъ упомянутъ другой кандидатъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ Пушкинъ, а я князю рекомендую опредѣлить Волынскаго. И такъ все это объясни княгинѣ и е. с. проси, чтобъ изволила сіе письмо вручить князю.

Получ. Марта 22-го 1788.

*

Князь Андрей Николаевичъ пишетъ ко мнѣ и благодаритъ, что лошади его пущены на траву въ Вознесенской моей дачѣ; я принужденнымъ нашелся оное сдѣлать по дороговизнѣ въ Петербургѣ сѣна, которое продается по 60 коп. пудъ, и что тобою приняты, похвально. Въ разсужденіи всѣхъ его ко мнѣ обязанностей надобно для него дѣлать уваженія и если впредъ, чтò ему потребно будетъ изъ запасовъ и протчаго, по приказанію его отпускать.

По дошедшему извѣстію, княгиня Алёна Никитишна выдаетъ дочь свою въ замужество, а по ближнему нашему родству я обязанъ на такой случай сдѣлать пристойной подарокъ, и для того пріискать въ Петербургѣ изъ бриліантовыхъ вещей эгрету или чтò другое въ 1.200 рублевъ.

Въ Кусковѣ, 22 Іюня 1788.

*

За отданные въ Астрахани сады коронѣ положено было по десяти кадокъ винограда и десять арбузовъ, которое число при бывшемъ и нынѣшнемъ царствованіи по нынѣшній 1788 годъ я получалъ; но нынѣ, по случаю того, что тѣ сады изъ казны проданы промышленникамъ, винограду и арбузовъ присылки ко мнѣ нѣтъ. И для того сходить къ кн. А. А. Вяземскому напомнить, что Ея Императорское Величество

---

*) Тогдашняго Московскаго главнокомандующаго. П. Б.

за отданные мною сады отпускъ винограду и арбузовъ изволила высочайшимъ своимъ повелѣніемъ подтвердить и приказано было его сіятельствомъ лично при мнѣ кому надлежитъ предписать (онъ, конечно, объ томъ вспомнитъ) и просить, чтобъ онъ постарался возстановить ту привилегію.

Октября 2-го дня 1788 г.

*

Письмо князя А. А. Вяземскаго.

Милостивый государь мой Петръ Борисовичъ!

Какъ Герольдія по должности своей сбираетъ нынѣ всѣ дипломы и гербы для сочиненія гербовника, но на пожалованное графское достоинство фамиліи вашего сіятельства не имѣетъ копіи ни съ диплома, ни съ герба, да и по справкѣ нѣтъ онаго и въ Колегіи Иностранныхъ Дѣлъ: то и прошу ваше сіятельство, чтобъ изволили приказать, списавъ съ оныхъ копіи, доставить сюда въ герольдмейстерскую контору, пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Александръ Вяземской.

Октября 3-го дня 1788.

*

Аргуновъ непремѣнно перемѣстится въ новое его званіе, а только переѣздъ въ Москву по просьбѣ его отсроченъ до просухи.

По отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга въ 770 году оставлены Иваномъ Чубаровымъ разныя письма и дѣла, которыя были у него, и уповательно тогда при отъѣздѣ въ Москву отданы были отъ него въ кладовую, для чего справиться и осмотрѣть, сколько тѣхъ писемъ; если имъ есть опись, оставя съ нея копію, прислать ко мнѣ, а если описи нѣтъ, то стараться разобрать и описать *).

Октября 23-го дня 1788.

*

Никита Александровъ брату своему Петру Александрову.

Ежели ты еще увѣдомленія моего не получилъ, то чрезъ сіе увѣдомляю, что мы лишились отца и питателя, графа Петра Борисовича 30 Ноября въ 2 часа пополудни и котораго погребеніе будетъ 7-го числа, и графъ Николай Петровичъ въ жалостномъ положеніи.

2 Декабря 1788. Получ. Декабря 5-го 1788.

---

*) Можетъ быть, тутъ и находилась переписка между Филаретомъ Никитичемъ и Θедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, которую нѣкогда читала и высоко цѣнила Екатерина (см. ея Антидотъ въ IV-й книгѣ нашего сборника „Осмнадцатый Вѣкъ“. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕИЗВѢСТНАГО ЛИЦА.

Профессоръ И. В. Помяловскій любезно передалъ намъ для „Русскаго Архива“ рукописную книжку, въ 8-ю долю листа, въ 278 страницъ. Она писана въ сороковыхъ годахъ: въ ней (стр. 147) находится стихотвореніе на 1-е Генваря 1844 года. Стихи въ этой книжкѣ чередуются съ прозою, и все написано безъ поправокъ, довольно тщательно. Первыя двѣ страницы заняты слѣдующимъ предисловіемъ:

„Старинная Русская пословица говоритъ, что привычка вторая натура. Ясно я это вижу надъ собою. Долго живя на свѣтѣ, много имѣлъ я и привычекъ, и наклонностей. Отъ однихъ отсталъ я, другія отстали отъ меня. Это естественный порядокъ вещей; но привычка читать и писать не токмо не оставила меня, но усилилась“.

„Писать на славу, надо родиться поэтомъ, а Пушкины родятся рѣдко. Писать на продажу—подвергаешься критикѣ. А потому пишу собственно для себя и добрыхъ моихъ пріятелей и не печатаю ничего. Многіе, въ томъ числѣ и безсмертной Пушкинъ, совѣтовали мнѣ отдать нѣкоторыя піесы въ печать, но я не рѣшился.

Кому за семьдесятъ пробило,
Ни въ чемъ тотъ славы не найдетъ;
Въ немъ честолюбіе застыло:
Онъ тихо къ вѣчности идетъ.
С.... Пр. *)“

Эти четыре стиха кажутся намъ лучшими изъ многихъ, которые находятся въ книжкѣ и которые обличаютъ въ сочинителѣ живое благочестіе, благородство и независимость мыслей, высоту побужденій, но страдаютъ иногда даже отсутствіемъ размѣра и правописанія. Большая часть книжки писана прозою, изъ которой приводимъ нижеслѣдующіе отрывки. П. Б.

*

Я родился въ смутную эпоху, когда злодѣй Пугачевъ громилъ въ сосѣдственной губерніи. Родители мои со старшими дѣтьми уѣхали въ Москву, оставивъ меня у крестьянки, кормилицы моей, подъ именемъ сына ея.

---

*) Не ручаемся, вѣрно ли передаемъ эти три буквы подписи: онѣ неразборчивы. П. Б.

Лѣта ребяческія ничьи неинтересны. На десятомъ году отцу моему вздумалось учить насъ языку Нѣмецкому. Онъ отправилъ старосту Ивана въ Москву съ пшеницей и просомъ, приказавъ ему нанять Нѣмца-учителя не дороже ста пятидесяти рублей въ годъ.

Привезли Нѣмца за 140 рублей; но онъ былъ не столько учитель, сколько переписчикъ и великій мастеръ дѣлать бумажныя коробки и тому подобное. Черезъ годъ взяли другого. Этотъ былъ великій охотникъ играть на флейтѣ. Курсъ на Нѣмцевъ возвысился, и ему платили уже 180 рублей. Впрочемъ онъ имѣлъ и нѣкоторое понятіе о ученіи, и если я что нибудь понялъ въ Нѣмецкомъ языкѣ и ариѳметикѣ, то за это обязанъ ему. Чрезъ два года отъ поѣхалъ въ Москву, тамъ женился и уже не возвращался.

Нашли третьяго. Этому платили 250 рублей. Онъ былъ отставной квартирмейстеръ Прусской службы, человѣкъ грубый, даже жестокій, дозволялъ себѣ бить насъ линейкой по рукамъ, щипать за уши, драть за волосы; однимъ словомъ, былъ солдатъ и обращался по солдатски. Ему было лѣтъ подъ шестьдесятъ, любилъ пуншъ и пиво. Ерофеичъ тогда еще не существовалъ; водка замѣняла его, которую Нѣмецъ не браковалъ. Долго я терпѣлъ жестокія его наказанія, жаловался отцу (мать наша давно уже скончалась), но въ жалобахъ толку не было. Мнѣ уже было тогда 15 лѣтъ, и мысли не столько обращались на ученье, сколько на другіе предметы... Въ небытность отца дòма, этотъ Нѣмецъ, разсердясь на меня, такъ больно ударилъ меня линейкою, что я, выскочивъ изъ-за стола, вцѣпился ему въ волосы, повалилъ и избилъ такъ, что онъ не могъ ходить. Когда отецъ возвратился, старушка-бабушка наша разсказала это происшествіе отцу въ такомъ видѣ, что Нѣмца на другой же день отправили въ Москву.

Скоро послѣ сего отправился я въ Петербургъ на службу. Вотъ я сержантъ гвардіи, безъ надзора, безъ руководителя, одинъ среди вихря столицы. Не знаю, какъ уцѣлѣла голова моя на плечахъ. Прошло шесть лѣтъ бурныхъ, въ которыхъ были и такіе случаи, за которые нынѣ...; но всякій вѣкъ имѣетъ свои понятія и смотритъ на все съ разной точки.

Въ 792-мъ году я былъ капитанъ императорской арміи, поскакалъ рубить Поляковъ и очутился въ Варшавѣ.

Варшава была тогда столица роскоши, свободы мыслей и ненависти къ Русскимъ. Это доказано и впослѣдствіи, и даже весьма недавно. Но что̀ оно было прежде, это знаютъ только тѣ, которые были

тамъ въ это время. Я былъ счастливѣе другихъ; скоро научился ихъ языку. Фортуна улыбнулась мнѣ. Меня полюбили тамъ, и два съ половиною года прошли очень весело.

О Полькахъ и говорить нечего, ихъ знаетъ вся Европа, и кто же не отдастъ имъ справедливости? Онѣ умны, милы, любезны, свободны въ обращеніи. Но не предполагайте, какъ думаютъ многіе, чтобъ легко овладѣть ими. Благородное кокетство ихъ имѣетъ свои границы. Я бы желалъ, чтобъ и наши патріотки поучились у нихъ многому. Ихъ привязанность и всевозможныя пожертвованія въ пользу отечества достойны всеобщаго уваженія. Самое кокетство ихъ съ Русскими имѣетъ похвальную цѣль. Кто способенъ разсуждать, тотъ пойметъ это, будетъ остороженъ и не попадетъ въ ихъ сѣти. Я это испыталъ надъ собою и не токмо не порицаю ихъ, но уважаю и отдаю полную имъ справедливость.

Война кончена, но армія наша оставалась тамъ; дѣла политическія того требовали. Гродно назначено было мѣстомъ сейма, куда съѣхались всѣ магнаты Польскіе, куда прибылъ и король.

Умный, но дерзкій полковой нашъ командиръ князь Циціановъ не любилъ меня, а потому я и перешелъ въ дежурство графа Н. А. Зубова; но когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ, я нашелъ случай быть принятымъ въ свиту графа Сиверса, который былъ тамъ полномочнымъ посломъ. Его также отозвали въ Петербургъ.

Исторія подполковника Бибикова съ нѣкоторымъ Польскимъ вельможею, въ которой и я имѣлъ участіе, заставила меня взять отпускъ и уѣхать въ Россію. Пріѣхавши въ Москву, я прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Войска наши, оставшіяся въ Польшѣ, пострадали отъ революціи. Графъ, а впослѣдствіи князь, А. В. Суворовъ разгромилъ Прагу и угрожалъ стереть съ лица земли Варшаву; но Варшава покорилась.

Изъ Москвы я послалъ просьбу объ отставкѣ и оставилъ службу.

Вотъ я и на родинѣ, въ деревнѣ у отца стараго и строгаго, считающаго дѣтей наравнѣ съ подданными покорными волѣ его.

Давнопрошедшее.

Въ 1792 году служилъ я капитаномъ въ С.-Петербургскомъ гренадерскомъ полку, а покойный фельдмаршалъ Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли въ этомъ же полку маіоромъ. 13-го Іюля мы пришли и остановились лагеремъ вдоль рѣки Вислы. На слѣдующій день объ-

явлено, что война кончена. 18-е число въ полку нашемъ было освященіе знаменъ. Я былъ дежурнымъ по лагерю.

Рано поутру я былъ позванъ къ полковому командиру князю П. Д. Циціанову, отъ котораго получилъ приказаніе находиться у цѣпи лагеря и тамъ дожидаться пріѣзда посла нашего, графа Сиверса, главнокомандующаго графа Игельстрома и прочихъ генераловъ, равномѣрно чиновниковъ и жителей Варшавскихъ, которыхъ и проводить до полковой церкви. Внутри лагеря останется маіоръ Барклай-де-Толли

Въ десять часовъ прибылъ посолъ и многіе генералы, какъ наши, такъ и Польскіе, и множество частныхъ лицъ Варшавскихъ, которыхъ проводилъ я до церкви.

По окончаніи духовной процессіи, всѣ пошли въ полковничью палатку, гдѣ приготовленъ былъ великолѣпный завтракъ. Часа черезъ два, когда всѣ уже разъѣхались изъ лагеря, полковой адъютантъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что полковникъ зоветъ меня къ себѣ. Тамъ нашелъ я маіоровъ Барклая-де-Толли, князя Циціанова, родного брата полкового командира, и адъютанта.

«Господинъ капитанъ», сказалъ полковникъ, «вы не знаете службы и не занимаетесь ею; безпорядокъ, происшедшій на главномъ бекетѣ, дѣлаетъ стыдъ всему полку».

Я отвѣчалъ ему, что, по приказанію его, я находился у цѣпи, а потому и не могъ отвѣчать за внутренность лагеря. Почтенный Михаилъ Богдановичъ подошелъ къ полковнику и сказалъ: «Капитанъ не виноватъ; причиною безпорядка караульный офицеръ; слѣдовательно онъ и виноватъ. Если же нужно быть виноватымъ двумъ, то другой я, потому что лагерь зависѣлъ отъ меня».—«Я не хочу ничего знать», съ досадою сказалъ полковникъ, «за все отвѣчаетъ дежурный капитанъ». И оборотясь ко мнѣ: «отдайте вашу саблю».

«Вы, господинъ полковникъ, поступаете несправедливо», сказалъ Барклай-де-Толли. Съ симъ вмѣстѣ снялъ онъ съ крючковъ саблю свою, поставилъ у стола и сказалъ: «Пусть и моя сабля будетъ вмѣстѣ съ капитанской» и, не дожидаясь отвѣта, вышелъ. Я также арестованнымъ пошелъ въ палатку мою, гдѣ нашелъ почтеннѣйшаго Михаила Богдановича и нѣсколько офицеровъ. Скоро пришелъ и братъ полковника. Всѣ они единогласно совѣтовали мнѣ, чтобъ саблю мою не бралъ я иначе, какъ у развода, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, и чтобы полковникъ объявилъ, что я арестованъ былъ безвинно.

Чрезъ полчаса вошелъ адъютантъ и, подавая мнѣ саблю мою, сказалъ: «Полковникъ возвращаетъ вамъ саблю и совѣтуетъ болѣе заняться службой». Я отвѣчалъ ему, что сабли не возьму иначе, какъ бывъ оправданъ самимъ полковникомъ въ присутствіи всѣхъ офицеровъ; а буде я виноватъ, то пусть отдаетъ меня подъ судъ.

Адъютантъ, оборотясь къ Барклаю, сказалъ: «Полковникъ проситъ васъ пожаловать къ нему». Онъ всталъ и, оборотясь ко всѣмъ, сказалъ: «Господа, прошу васъ подождать меня здѣсь; я тотчасъ возвращусь». Чрезъ нѣсколько минутъ является опять адъютантъ и говоритъ мнѣ и всѣмъ бывшимъ тутъ офицерамъ, что полковникъ проситъ всѣхъ къ себѣ въ палатку.

Приходимъ. Сабля моя и Барклаева лежатъ на стулѣ. Полковникъ говоритъ мнѣ: «Я вамъ посылалъ вашу саблю, для чего вы не взяли ея?»—«Отвѣтъ мой я сказалъ уже адъютанту, который, вѣроятно, передалъ онъ вашему сіятельству».—«Молодой человѣкъ», отвѣчалъ онъ, «весьма радъ, что вы имѣете благородную амбицію. Признаюсь, что поступилъ съ вами не совсѣмъ справедливо. Прошу васъ взять вашу саблю и забыть о прошедшемъ. Теперь говорю это при немногихъ, а завтра при разводѣ скажу при всѣхъ».—«Не нужно», возразило нѣсколько голосовъ: «вы удовлетворили капитана, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣхъ насъ». Онъ подалъ мнѣ руку и сказалъ: «Миръ. Надѣюсь, что съ этой минуты мы не будемъ ссориться и будемъ добрыми товарищами». М. Б. Барклай-де-Толли взялъ обѣ сабли, подошелъ ко мнѣ и, отдавая свою, сказалъ: «Товарищъ! Мы вмѣстѣ были арестованы, и сабли наши лежали на одномъ стулѣ. Желаю, чтобъ въ первомъ дѣлѣ съ непріятелемъ мы вмѣстѣ и отличились». Полковникъ сказалъ Барклаю: «Присоедините и мою къ вашимъ, чтобы всѣ онѣ свыклись и дѣйствовали совокупно!» Громогласное ура раздалось въ палаткѣ. Шампанское зашипѣло въ бокалахъ.

Полковникъ, однако, не сдержалъ своего слова и всегда былъ не въ добромъ ко мнѣ расположеніи, въ особенности послѣ исторіи съ капитаномъ Чичеринымъ, у котораго я былъ секундантомъ. Много прошло лѣтъ. Михаилъ Богдановичъ былъ уже фельдмаршалъ, а я отставной маіоръ и жилъ въ Тамбовѣ. Пріѣзжаетъ адъютантъ его, полковникъ Николевъ, для выбора кантонистовъ. Между разговоровъ сказалъ я ему, что съ фельдмаршаломъ служилъ въ одномъ полку. Черезъ годъ Николевъ пріѣзжалъ опять, остановился у меня въ домѣ и привезъ мнѣ письмо отъ фельдмаршала:

«Старинный товарищъ! Отъ адъютанта моего Николева узналъ я что вы живете мирнымъ гражданиномъ въ Тамбовѣ, что вы женаты.

Если есть у васъ сынъ и въ такомъ возрастѣ, что можетъ вступить въ службу, пришлите его ко мнѣ. Всегда желающій вамъ добра М. Барклай-де-Толли».

Слеза благодарности выкатилась изъ глазъ моихъ. Сыну моему тогда было семь лѣтъ, а черезъ годъ онъ умеръ. Немногіе помнятъ сослуживцевъ своихъ, достигнувъ до высшей степени. Немного и Барклаевъ.

Нѣсколько словъ о царствованіи Екатерины Великой.

Дворъ Лудовика XIV-го былъ блестящій. Послѣ его дворъ Екатерины Великой блисталъ болѣе всѣхъ въ Европѣ.

Я въ это время служилъ въ гвардіи, въ 792 году вышелъ въ армію и ускакалъ рубить Поляковъ; слѣдовательно, былъ уже не ребенокъ и могъ понимать не ребячески.

Царствованіе ея можно назвать золотымъ вѣкомъ для Россіи. Всѣ классы, всѣ состоянія людей были довольны, веселы, счастливы. Скажутъ: «были и недовольные»; но это не даетъ права полагать, что она тому виною. Между милліоновъ людей невозможно, чтобы не было недовольныхъ.

Ее упрекаютъ за излишнюю довѣренность и щедрыя награды. Спрашиваю: кто изъ таковыхъ сдѣлалъ вредъ или безчестіе отечеству? Всѣхъ болѣе князя Потемкина за потерю людей и трату огромныхъ денежныхъ капиталовъ во время войны съ Турками; но не обращаютъ вниманія на пользы государственныя, происшедшія отъ сей войны впослѣдствіи. Не говоря о временахъ давно минувшихъ, у насъ на свѣжей еще памяти любимцы прежнихъ царствъ.

Сравните ихъ съ любимцами Екатерины и порицайте ее.

Ей не присягнули: Андрей Васильевичъ Гудовичъ, Петръ Ивановичъ Измайловъ и князь Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ. Она не токмо не преслѣдовала ихъ, но чрезъ нѣсколько времени велѣла князю Вяземскому написать къ нимъ, чтобъ они перестали дурачиться и пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ будутъ приняты на службу. Они отказались, и она сказала: «Вижу, что они не любятъ меня. А за что? Имъ же хуже». И оставила ихъ въ покоѣ.

Наполеонъ, этотъ наскоро выпечатанный и модниками прославляемый императоръ, простилъ ли бы того, кто осмѣлился не присягнуть ему? Но кроткая и великая Екатерина не обратила на это вни-

манія; она знала свое величіе и ту любовь, которою преисполнены къ ней всѣ ея подданные. Не пушки и не штыки, которыми Наполеонъ ограждалъ тронъ свой, были ей нужны. Нужна была любовь народа, и она имѣла ее. Тридцатичетырехлѣтнее ея царствованіе и послѣ тридцати вѣковъ останется въ исторіи царствъ земныхъ незабвеннымъ въ памяти благомыслящихъ.

Молодой гвардейскій офицеръ П..., будучи въ караулѣ въ лѣтнемъ дворцѣ, при разводѣ часовыхъ во время ночи, въ дождливую и холодную погоду, ходя по площадкѣ у гауптвахты и будучи недоволенъ, что его разбудили, говоря самъ съ собою, порицалъ ее. Отворяется окно, и онъ слышитъ слѣдующія слова: «Господинъ офицеръ, можно все думать, но нельзя всего говорить». И окно затворилось.

На слѣдующій день она приказала справиться, кто въ извѣстный часъ разводилъ караульныхъ на часы и представить его къ ней.

П—ой думалъ, что онъ погибъ, и когда его представили, онъ упалъ на колѣни.

«Встаньте, господинъ офицеръ», сказала она, «и скажите, чѣмъ вы мною недовольны?» Онъ опять упалъ на колѣни и безпрестанно повторялъ: виноватъ. «Совѣтую вамъ быть осторожнѣе», сказала она. «Хорошо, что это услышала я сама, а не другой кто. Тогда, еслибъ мнѣ донесли о семъ, я уже не могла бы простить васъ. Надѣюсь, что вы примите совѣтъ мой и будете благоразумнѣе».

Вологодскій дворянинъ Костромитиновъ имѣлъ процессъ. Сенатъ рѣшилъ дѣло не въ его пользу. Императрица утвердила рѣшеніе Сената. Костромитиновъ написалъ просьбу на имя Божіей Матери и въ придворной церкви положилъ эту бумагу у образа Богоматери. Въ просьбѣ своей онъ жаловался уже не на Сенатъ, а на Императрицу.

Когда доложили о семъ Государынѣ, она прочла бумагу, приказала все дѣло представить ей и нашла Костромитинова правымъ. Сенату сдѣланъ былъ выговоръ, а Костромитинова приказала пригласить къ себѣ.

Когда онъ явился, она сказала ему: «Господинъ Костромитиновъ, я виновата предъ вами; помиритесь со мной. Вы теряли 120 душъ крестьянъ. Я приказала возвратить ихъ вамъ и такое же количество дать вамъ изъ моихъ. Выбирайте, гдѣ вамъ удобнѣе».

Я означилъ только три случая, а ихъ вѣрно было и болѣе. Сенаторы Н. Н. Муравьевъ и А. М. Лунинъ, знаменитый оберъ-полиц-

мейстеръ и потомъ генералъ-губернаторъ Н. П. Архаровъ разсказывали мнѣ много подобныхъ.

Всѣ войны, бывшія въ ея царствованіе, оканчивались со славой; ни одинъ непріятельскій воинъ не перешагнулъ черту, означающую границу Русскую. Шведы покусились на это и дорого заплатили за дерзость свою. Буйная Польша осмѣлилась не исполнять воли ея и потеряла три лучшихъ части своего королевства. Иностранцы упрекаютъ насъ за это, но мы взяли свое.

Всѣ государи и всѣ кабинеты уважали ее, искали дружбы и гордились пріобрѣтеніемъ оной. Императоръ Австрійскій и король Шведскій были у нея въ гостяхъ. Порта Оттоманская трепетала предъ ней. Полководцы ея, Румянцовъ и Суворовъ, стали на ряду съ знаменитыми полководцами въ мірѣ. Князь Вяземскій пріобрѣлъ имя министра тонкаго и дальновиднаго, благоразумнаго государственною бережливостью и сохраненіемъ порядка во всѣхъ многосложныхъ и обширныхъ дѣлахъ по его части. Не говорю о прочихъ государственныхъ дѣлахъ, гдѣ ясно видны ея великій умъ и нѣжность сердца. Она хоть и женщина, но умѣла избирать вождей, министровъ и всѣхъ правителей государственныхъ безошибочно, что̀ весьма рѣдко бываетъ въ обширныхъ имперіяхъ.

Дворъ ея украшенъ былъ людьми образованными и совершенно ей преданными, которые однакожъ не страшились говорить ей правду, когда долгъ чести и совѣсти того требовалъ. А женщины такія были красавицы, какихъ нынѣ весьма рѣдко встрѣчаемъ мы. Напримѣръ П. А. Потемкина, Е. С. Остенъ-Сакенъ, Н. А. Турчанинова, три сестры Энгельгардовы, княгиня П. Ю. Гагарина и еще многія.

Величіе души ея и нѣжность сердца были выше всякаго выраженія. Все, что̀ касалось лично до нея оскорбительнаго, она презирала, и вмѣсто мщенія кроткій выговоръ заставлялъ дерзость раскаиваться.

Отъ перваго вельможи до послѣдняго гражданина всѣ были покойны, веселы, довольны и благословляли ея царствованіе. Сибири не только не страшились, но даже забыли, существуетъ ли она на земномъ шарѣ. Одни только закоренѣлые преступники боялись ея.

Я человѣкъ частный, при ней я служилъ на ряду съ прочими, наградъ особенныхъ не получалъ; слѣдовательно говорю безпристрастно, говорю какъ вѣрноподданный, и слова мои не лесть, а изліяніе, души и сердца.

Хваля усердно Екатерину за превосходныя качества души ея, должно сказать и то, что блестящее царствованіе ея представляетъ на-

блюдателю и нѣкоторыя пятна. Отъ палатъ до хижинъ нравы разслабѣли отъ примѣра двора роскошнаго, любострастнаго. Богатство государства принадлежало красивымъ любимцамъ. Правосудіе не слишкомъ цвѣло въ ея время. Вельможа, чувствуя несправедливость свою въ тяжбѣ съ дворяниномъ, переносилъ дѣло въ Кабинетъ; тамъ оно засыпало и долго не пробуждалось, развѣ по особенному какому-либо случаю. Но гдѣ дѣло таковое доходило до ея конфирмаціи, то, не смотря ни на какое лицо, она рѣшала его по закону.

Многіе торговали правдою и чинами. Чужеземцы владѣли воспитаніемъ. Дворъ забылъ языкъ Русскій. Сыновья бояръ разсыпались по чужимъ землямъ тратить деньги и время для пріобрѣтенія Французской или Англійской наружности.

Екатерина Великая, женщина душою, являлась слабою въ подробностяхъ, дремала на розахъ, была обманываема или сама себя обманывала, не видала или не хотѣла видѣть многихъ заблужденій и довольствовалась общимъ успѣшнымъ, славнымъ теченіемъ своего царствованія.

Кончина ея заградила уста строгимъ судьямъ сей великой монархини. Настало царство грозное... Спрашиваю, кто не вспомнитъ великую? Кто не прольетъ слезъ о ней?

Любя отечество, благоговѣя предъ царемъ, я говорилъ искренно. Возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго и съ сердцемъ чистымъ молю Всевышняго о благоденствіи царя и царства Русскаго.

*

Судя по хорошему здоровью, которымъ наградила меня природа, еслибъ я былъ воздержнѣе, то прожилъ бы сто лѣтъ; но житейское море, въ которомъ съ шестилѣтняго моего возраста купаюсь я, много отняло средствъ къ достиженію онаго. Пылкій и живой характеръ мой, полная свобода и разгульное общество, въ которомъ находился я, не давали мнѣ опомниться. Двадцати лѣтъ я былъ уже капитаномъ дѣйствующей арміи и находился въ Варшавѣ. Былъ взятъ въ дежурство графа Н. А. Зубова, а по отбытіи его въ Петербургъ причисленъ въ свиту нашего посла графа Я. Е. Сиверса. Это было лучшее время моей молодости. Изъ Варшавы перешли мы въ Гродну, куда прибыли король и всѣ магнаты Польскіе. Дѣла государственныя шли своимъ порядкомъ, это не по нашей офицерской части: намъ предстояли дѣла другого рода. У посла нашего каждую недѣлю были балы, у графовъ Потоцкаго, Понятовскаго и Сапѣги тоже. У многихъ другихъ обѣды и вечера. На всѣхъ этихъ праздникахъ въ свитѣ посла, а иногда и

одинъ, я бывалъ, и время шло быстро и пріятно. Двадцатилѣтнему офицеру на такихъ праздникахъ можетъ ли быть скучно?

Польша была тогда не та, какою сдѣлалась въ послѣдствіи. Пятьдесятъ лѣтъ времени дѣлаютъ великую перемѣну, а Польки?.. Онѣ во всемъ свѣтѣ признаны любезными. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что съ Польками легко дѣлать короткую связь. Онѣ живы, свободны, даже вольны въ обращеніи; но все это имѣетъ свои границы, за которыя перейти весьма трудно.

Я имѣлъ квартиру у графа Паца; у него было двѣ дочери, и обѣ были со мной очень ласковы, но переходъ за Рубиконъ остался недоступенъ. Потомъ я жилъ въ домѣ богатаго пана Нарбута, у котораго были три дочери, двѣ дѣвицы и третья разводка, полковница Климанская, съ которою повидимому близокъ былъ къ желаемому концу, однакожъ не достигъ его, а въ послѣдствіи долженъ былъ имѣть дуэль съ какимъ-то родственникомъ ея, гвардейскимъ офицеромъ, искавшимъ ея расположенія.

Польша сама по себѣ, а и въ Россіи много было со мной различныхъ приключеній. О нѣкоторыхъ есть здѣсь особая статья. Рѣзвостей было много; молодость моя шла бурно, но упрека на совѣсти въ дѣлѣ черномъ не осталось ни одного.

Съ тридцати пяти лѣтъ моихъ перемѣнилъ я нѣсколько образъ жизни моей, но перемѣнилъ не такъ, чтобъ сдѣлаться мизантропомъ или отшельникомъ. Я никогда не былъ ни буйнымъ, ни записнымъ гулякой, да и уклонялся отъ всего подобнаго. Съ добрыми пріятелями не отставалъ ни отъ чего; меня любили, и я нигдѣ и никогда не былъ лишнимъ.

Теперь мнѣ за семьдесятъ лѣтъ, но всѣ мои добрые знакомые не называютъ меня брюзгливымъ старикомъ и не скучаютъ быть со мною.

Женщины, эти кумиры наши, радости и горести жизни нашей, большое имѣли на меня вліяніе. Много было случаевъ, гдѣ онѣ кружили мнѣ голову; но и я не дремалъ, и молодость моя прошла не даромъ. Смѣтливый мущина знаетъ, какъ и чѣмъ понравиться. Теперь, оканчивая дни мои, не хлопочу, чтобъ прожить сто лѣтъ, а стараюсь лишь о томъ, чтобъ послѣдніе годы прожить безъ тяжкихъ болѣзней. Въ теченіе всей жизни моей только одинъ разъ я былъ серьезно боленъ. Что̀ такое подагра, простуда, горячка, спазмы, ревматизмъ и пр. и пр., я не знаю. Ни микстуръ, ни пилюль, ни декохтовъ и протчихъ медицинскихъ конфектъ я не испыталъ. Иногда посылаю въ аптеку, но

зачѣмъ? За чернилами. Тридцать пять лѣтъ я не ужинаю, столько же лѣтъ купаюсь или обтираюсь холодною водою и нахожу это весьма полезнымъ.

Непріятные случаи.

1.

Когда-то, вмѣстѣ съ нѣкоторыми пріятелями, ѣздилъ я на охоту въ Рязанскую губернію. Тамошній житель Самсоновъ, котораго никто изъ насъ не зналъ, присылаетъ письмо и проситъ всѣхъ къ себѣ обѣдать, предлагаетъ свои мѣста для охоты, увѣряя, что въ нихъ много звѣрья. Мы дали слово и на слѣдующій день поѣхали. Насъ встрѣтилъ молодой человѣкъ довольно ловкій, вѣжливый. Условились о ѣздѣ, назначили мѣсто, гдѣ съѣхаться. Между тѣмъ подали обѣдать.

Почти съ перваго блюда онъ началъ всѣхъ потчивать виномъ, а самъ пилъ болѣе другихъ. Я тогда почти ничего не пилъ, а потому и отказывался.

Тотчасъ послѣ обѣда явилась труппа лихихъ Цыганъ; начали подавать пуншъ, и хозяинъ, будучи уже въ разгулѣ, неотступно просилъ всѣхъ, въ томъ числѣ и меня, пить. Но я рѣшительно отказался, чтò ему, примѣтно, было досадно.

Чѣмъ долѣе, тѣмъ болѣе онъ становился пьянъ и придирался ко мнѣ. Я напомнилъ ему объ обязанности хозяина къ гостю, но онъ ничего не слушалъ и говорилъ дерзости. Мы хотѣли ѣхать, не пускаетъ. Потомъ онъ велѣлъ принесть пистолеты, зарядилъ ихъ пулями и выстрѣлилъ въ карту довольно мѣтко. «Видишь, какъ я стрѣляю», сказалъ мнѣ. Я ему отвѣчалъ, что если онъ считаетъ себя обиженнымъ, то можетъ завтра требовать сатисфакціи и получитъ ее. Пистолеты отняли, а онъ не переставалъ придираться ко мнѣ. На столѣ стояла тарелка съ яблоками и лежалъ ножъ. Вотъ онъ съ азартомъ идетъ ко мнѣ скорыми шагами и, можетъ быть, съ намѣреніемъ ударить меня. Я схватилъ со стола этотъ ножъ и, приставивъ къ горлу его, сказалъ: «Разбойникъ! Иди со мной къ моей коляскѣ; но если хоть одинъ изъ людей твоихъ осмѣлится подойти, то прежде чѣмъ коснуться до меня, этотъ ножъ по самый черенъ будетъ въ горлѣ твоемъ». Товарищи мои окружили насъ и всѣ молча пошли изъ дому. Подали наши экипажи. Не отнимая ножа отъ горла его, я ему сказалъ: «Садись въ коляску». Онъ сѣлъ. Выѣхавъ изъ деревни, я приказалъ остановиться и сказалъ ему: «Ступай, наглецъ, вонъ!» Коляска моя помчалась и 15 верстъ не останавливаясь ни на минуту домчала меня до квартиры.

Поутру сказали намъ, что Самсоновъ вслѣдъ за нами пріѣхалъ и спитъ въ коляскѣ. Я предполагалъ, что пріѣхалъ онъ требовать сатисфакціи и готовился къ оной. Чрезъ полчаса входитъ онъ къ намъ и у всѣхъ, а болѣе у меня, проситъ прощенія. По пословицѣ «худой миръ лучше доброй брани», все кончено, и о прошломъ ни слова болѣе.

Нѣсколько лѣтъ спустя встрѣтились мы въ Москвѣ въ Англійскомъ клубѣ. Онъ на другой же день пріѣхалъ ко мнѣ, звалъ къ себѣ; но я не поѣхалъ. При каждой потомъ встрѣчѣ онъ повторялъ свои приглашенія, но чтобы кончить это, я ему сказалъ, что готовъ быть съ нимъ вмѣстѣ вездѣ, но къ нему не поѣду никогда. Онъ огорчился, а потомъ подумавши сказалъ: «Вы благоразумнѣе меня. Несчастный характеръ мой таковъ, что трудно всякому быть въ добромъ ко мнѣ расположеніи. По крайности дайте мнѣ слово, что вы совершенно забыли и никогда не вспомните о прошедшемъ, въ которомъ и теперь повторяю просьбу мою о прощеніи».

Такимъ образомъ три года продолжалось знакомство наше въ бытность мою въ Москвѣ. Еслибъ этотъ человѣкъ не имѣлъ несчастной страсти къ вину, то былъ бы довольно любезенъ. Теперь онъ давно уже въ могилѣ.

2.

Въ 1828-мъ году, поздно ночью, пріѣхалъ я въ Лебедянь на ярмарку. Не выходя изъ коляски, велѣлъ искать квартиру. Скоро это кончилось, и я покойно легъ спать. Поутру я пошелъ на конную, и не далѣе какъ чрезъ полчаса приходитъ ко мнѣ мой человѣкъ и говоритъ, что передовые генерала Л. Д. Измайлова пріѣхали и требуютъ, чтобъ квартира тотчасъ была очищена, что вслѣдъ за ними будетъ и генералъ; въ противномъ случаѣ они выбросятъ всѣ мои вещи на улицу.

Я пригласилъ съ собою полицейскаго чиновника и пошелъ съ нимъ къ квартирѣ. Дѣйствительно, наглецы эти буянили; но полицейскій чиновникъ ихъ унялъ, и я опять отправился на конную.

Вслѣдъ за мной пришелъ ко мнѣ какой-то господинъ съ дворянскою медалью и весьма запальчиво сказалъ: «Вы заняли генеральскую квартиру, прикажите тотчасъ очистить ее; генералъ сейчасъ будетъ самъ, а онъ не любитъ ничего ждать долго». Я улыбнулся и отвѣчалъ: «Квартиру я нанялъ; не мое дѣло разсуждать, кому она принадлежала. Если она была нанята кѣмъ-либо прежде, то взыскивайте на хозяинѣ; а

теперь она принадлежитъ мнѣ». Онъ: «Но генералъ всегда тутъ останавливается, и если вы тотчасъ не очистите ея, то генералъ много сдѣлаетъ вамъ непріятнаго». Я: «Угрозъ вашихъ я не боюсь. Здѣсь не Запорожская сѣча и не Дѣдново».

Въ эту минуту подошелъ ко мнѣ мой человѣкъ и сказалъ: «Генералъ пріѣхалъ и проситъ васъ къ себѣ». - «А гдѣ онъ?»—«У нашей квартиры». Я пошелъ туда, а вслѣдъ за мной и тотъ господинъ, который стращалъ меня. Генерала нашелъ я сидящаго у воротъ моей квартиры. «Вы заняли мою квартиру», сказалъ онъ. «Я квартиру нанялъ, и вотъ хозяинъ, который мнѣ отдалъ ее и получилъ задатокъ». «Но я всегда останавливаюсь здѣсь».—«Это не мое дѣло. Виноватъ хозяинъ, что одну и туже квартиру отдаетъ двоимъ».—«Какимъ же образомъ намъ это кончить?»—«Самымъ простымъ: прикажите найти себѣ другую квартиру, а я останусь на этой».—«Неужели вы мнѣ не уступите ея? Я нездоровъ и очень усталъ».—«Это дѣло иное. Уступить вамъ ее охотно готовъ, но отдать по неправильному требованію ни въ какомъ случаѣ не согласился бы»; и, оборотясь къ человѣку моему, сказалъ: «Сейчасъ найди квартиру и переберись туда».

Потомъ, оборотясь къ тому господину, который нахально хотѣлъ занять квартиру, я сказалъ: «Гдѣ же непріятности, которыми вы стращали меня? Вамъ бы надлежало пристойнымъ образомъ попросить меня, и квартира была бы давно очищена». Генералъ улыбнулся и сказалъ: «*Онъ худо распорядился, простите его*».

Мы разстались; но во все время тамошняго нашего пребыванія встрѣчались холодно и рѣдко говорили.

На слѣдующее лѣто я пріѣхалъ въ Липецкъ и тамъ нашелъ этого генерала. Каждый почти день мы встрѣчались съ нимъ у минеральнаго колодца, но говорили рѣдко и мало. Квартиры наши были рядомъ. Со мной была тамъ хорошая верховая черная лошадь. Когда водили ее на водопой мимо его квартиры, онъ останавливалъ кучера и любовался ею. Потомъ прислалъ ко мнѣ своего берейтора спросить, не продаю ли я эту лошадь и что̀ прошу за нее?

«Непродажная», отвѣчалъ я. Четверка рыжихъ добрыхъ лошадей ходили у меня въ коляскѣ. Онъ опять прислалъ, не продамъ ли я коренныхъ? «Нѣтъ», отвѣчалъ я.

При свиданьи въ галлереѣ онъ сказалъ мнѣ: «*Ты не хочешь мнѣ уступить ни твоей верховой, ни упряжныхъ; а я бы заплатилъ такую цѣну, которая удивила бы тебя*».—«Чтобъ удивить меня, отвѣчалъ я,

надо очень большую сумму: я хотя и не богачъ, но прихоти свои цѣню дорого». Онъ нахмурился, и разговоръ прекратился.

Чрезъ нѣсколько дней онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Насъ было четверо: онъ, Меллеръ-Закомельской, полковникъ Соколовъ и я. Разговаривая о разныхъ предметахъ, онъ спросилъ меня: «Есть ли здѣсь карточная игра?»—«Есть», отвѣчалъ я.—«Карты великое зло», сказалъ онъ. «Я самъ прежде игралъ, но вотъ уже три года какъ играть пересталъ. Еслибъ отъ меня зависѣло, то я бы учредилъ законъ, чтобы всякаго изобличеннаго въ азартной игрѣ вѣшать».

Я: «Согласенъ, что игра не добродѣтель; но есть много зла гораздо сильнѣе игры, которое дѣлаетъ вредъ не частный, а общественный».

Онъ: «А чтожъ бы такое?»

Я: «Многое. Вопервыхъ: судья, торгующій вѣсами правосудія. Богачъ, притѣсняющій бѣднаго. Наглецъ, дозволяющій себѣ обижать честнаго, но негласнаго человѣка, и такъ далѣе. Вы строго хотите наказывать играющихъ; но еслибъ законъ, который вы для сего назначаете, послѣдовалъ тремя годами прежде, тогда чтò бы вы сказали о немъ?»

Онъ наморщился и съ неудовольствіемъ сказалъ: «Ты ужъ начинаешь браниться, а потому лучше прекратить разговоръ сей. Хорошо, что ты не министръ. У насъ съ тобой разныя правилы и образъ мыслей; мнѣ ихъ перемѣнять нѣтъ никакой причины, а тебѣ совѣтую быть осторожнѣе».

Я: «Если правду считаете вы за брань, то конечно лучше разговоръ сей кончить. Вы вольны оставаться съ своими правилами, а я съ моими. Ни вы меня, ни я васъ заставить думать иначе не можемъ»

Обѣдъ кончился, и я хотѣлъ идти домой, но онъ остановилъ меня и сказалъ: «Куда спѣшишь? Посидимъ и поспоримъ еще». Я отговаривался нездоровьемъ и привычкой послѣ обѣда отдохнуть, а потомъ ѣхать на рѣку купаться.

Онъ: «Спать уже поздно, а купаться поѣдемъ вмѣстѣ.»

Зная его дерзость и нахальство, я послалъ за моимъ человѣкомъ, которому приказалъ пріѣхать ко мнѣ въ коляскѣ и привезти карманные пистолеты, зарядивъ ихъ пулями. Онъ исправно выполнилъ мое приказаніе, и пистолеты были у меня въ карманѣ.

Мы всѣ четверо сѣли въ его фаэтонъ, а коляска моя ѣхала за нами. Дорогою онъ началъ придираться ко мнѣ; но я велъ себя осто-

рожно и на слова его, относившіяся собственно ко мнѣ, отвѣчалъ вольно и свободно.

Выѣхавъ за заставу, надо было переѣзжать мостикъ. Кучеръ пріостановился и сказалъ: «Не пройдетъ четверня рядомъ» *).—«Пошелъ мимо! крикнулъ онъ.

Со всѣхъ ногъ шестерня помчалась, и форейторъ съ оторванными постромками и парою своихъ лошадей очутился на другой сторонѣ, а коренныя застряли въ тинѣ. Нечего дѣлать: надо было выходить изъ фаетона. Долго хлопотали, вытаскивая лошадей; а фаетонъ высвободить было невозможно. Моя коляска стояла на сухомъ берегу. Я предложилъ ему ѣхать въ ней обратно въ городъ и прислать людей за фаетономъ. «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «я не поѣду».—«Въ такомъ случаѣ я поѣду одинъ».—«И тебя не пущу».—«Вы вольны дѣлать, что̀ вамъ угодно, а я поѣду назадъ», сказалъ я и пошелъ къ моей коляскѣ. Онъ схватилъ полу сюртука моего и съ азартомъ сказалъ: «Не пущу!»

Я вынулъ изъ кармана пистолетъ и сказалъ: «Генералъ! Я долго и терпѣливо сносилъ ваши дерзости; пора ихъ оставить. Вы привыкли дѣлать ихъ, а я не привыкъ сносить ихъ. Научитесь впредъ быть благоразумнѣе. Не подумайте, чтобъ пистолетъ мой былъ пустой; въ немъ такой подарокъ, отъ котораго ни ваше богатство, ни генеральство не защитятъ васъ. Я дворянинъ и офицеръ, честь моя не дешевлѣ вашей. Вы богатѣе меня золотомъ, а не честью, и могу васъ увѣрить, что дешево не продамъ ея». Онъ не отвѣчалъ ни слова. Меллеру и Соколову я предложилъ ѣхать со мною; но они отказались. Я сѣлъ въ коляску и поѣхалъ въ городъ.

Послѣ этого происшествія мы хотя съ нимъ и встрѣчались, но никогда уже не говорили ни слова. Нѣкто, знакомый мнѣ и ему, Сухотинъ сказывалъ мнѣ, что онъ поклялся отомстить мнѣ; но это не удалось.

Годъ спустя, мы встрѣтились въ Москвѣ въ Голандскомъ магазинѣ у Дазера. Когда я вошелъ туда, онъ торговалъ дамское сѣдло, за которое давалъ 150 рублей, а просили 200 р. Онъ перешелъ въ другое отдѣленіе магазина и смотрѣлъ телескопы. Я, купивши нѣкоторыя бездѣлки, спросилъ у Дазера о послѣдней цѣнѣ сѣдла. Онъ отвѣчалъ, что менѣе назначенной цѣны отдать не можетъ. Хотя оно мнѣ

*) Это была не рѣка, а топкой ржавецъ.

совсѣмъ было не нужно, я вынулъ деньги, отдалъ хозяину, а сѣдло велѣлъ отнести въ мою карету. Генералъ оборотился ко мнѣ и сказалъ: «Не хорошо перекупать вещь, которую торгуетъ другой».

— «Вы торговали и не купили», отвѣчалъ я. «Впрочемъ, если оно вамъ нужно, я могу уступить его вамъ».—«Я не привыкъ никѣмъ одолжаться», сказалъ онъ.—«А я не привыкъ ни передъ кѣмъ унижаться», отвѣчалъ я.

Это было послѣднее наше свиданіе.

Въ послѣдствіи, когда я познакомился съ Меллеромъ, онъ сказывалъ мнѣ, что этотъ наглецъ неоднократно говорилъ, что не умретъ безъ того, чтобъ не отомстить мнѣ. Однакоже умеръ, не достигнувъ своего желанія. Въ послѣдніе годы свои онъ притихъ; ибо правительство, узнавъ о его поведеніи и жестокостяхъ съ его подданными, предписало взять его имѣніе въ опеку, а за нимъ имѣть надзоръ.

*

Можетъ быть, кому-либо изъ читателей „Русскаго Архива“ доведется узнать, кто именно писалъ эти записки. Просимъ тогда насъ увѣдомить, дабы получили мы возможность доставить ихъ и подлинную рукопись наслѣдникамъ сочинителя, которые конечно не посѣтуютъ за ихъ обнародованіе. П. Б.

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ М. С. РЕБЕЛИНСКАГО.

(1802—1812).

Въ 3-мъ выпускѣ „Русскаго Архива" 1897 года помѣщена ***первая*** часть дневниковъ Уфимскаго жителя Михаила Семеновича Ребелинскаго, сообщенныхъ намъ преподавателемъ Уфимской мужской гимназіи М. Н. Правдинымъ. Нынѣ у инспектора той же гимназіи Н. Е. Пикачева нашлась ***вторая*** часть этихъ дневниковъ съ 1802 по 1812 годъ. Она начинается записью въ Оренбургѣ и кончается Уфой.

Дневники эти также представляютъ собою записную книжку, какъ и прежніе; такого же размѣра, на такой же бумагѣ, съ такимъ же количествомъ (семь) графъ на каждой страницѣ.

П. Юдинъ.

Въ Оренбургѣ. 1802 годъ.

Январь 5. Получена партикулярно съ указа копія, коимъ позволено всякаго рода людямъ покупать землю. *12.* Полученъ указъ, что гражданскій здѣшній губернаторъ Глазенапъ отставленъ [1]) съ половиннымъ жалованьемъ. Возобновлены ордена Владимирскій и Егорьевскій.

Февраль 3. Оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ опредѣленъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Вражской [2]). Получены письма, будто губернія переводится въ Уфу [3]). *10.* Подтверждаютъ изъ Петербурга письмами, что о переводѣ губерніи въ Уфу поднесенъ уже докладъ. *16.* Пріѣхалъ гражданскій губернаторъ Вражской. *17.* Получено дѣйствительное свѣдѣніе, что о переводѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ изъ Оренбурга въ Уфу докладъ Государемъ конфирмованъ; получены штаты. *24.* День былъ солнечный и теплый, такъ что текли по улицамъ ручьи.

Мартъ 2. Съ почтою полученъ указъ о переводѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ изъ Оренбурга въ Уфу. *10.* Полученъ указъ

---

[1]) См. о его назначеніи въ 1-й части дневниковъ („Рус. Архивъ", 1897, III, 477). Въ „Краткомъ описаніи Оренбургской губерніи" Жуковскаго, стр. 91, неправильно показано, что Глазенапъ пробылъ Оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ только одинъ 1800-й годъ.

[2]) Алексѣй Александровичъ Враской.

[3]) См. о томъ подробности въ 1-й части дневниковъ.

о штрафахъ. *17.* День солнечный. *27.* На улицахъ сдѣлалось уже весьма сухо.

Апрѣль 6. Получено съ эстафетою повелѣніе, чтобы солдатъ выводить на лѣто въ лагери. *12.* Въ 10-мъ часу пополуночи былъ пожаръ, отъ коего сгорѣлъ домъ Чекалова со всѣми службами. *20.* Оренбургскій комендантъ Лебедевъ опредѣленъ военнымъ губернаторомъ въ Иркутскъ, а на его мѣсто въ Оренбургъ переведенъ изъ Верхнеуральска комендантъ Борщовъ [1]). *29.* Получено (повелѣніе), чтобъ на Страстной и Святой недѣляхъ присутствія не имѣть.

Май 1. Куплены мальчишка Исайка и дѣвка Маринка (за) 240 рублей. *11.* Полученъ указъ о возобновленіи городовъ Белебея и Бугуруслана [2]).

Іюнь 5. Получилъ изъ Уфы увѣдомленіе, что купленъ для меня домъ, состоящій на Сергіевской улицѣ [3]), за 600 рублей. *11.* Продалъ Оренбургскій домъ протопопу Нѣмкову за 500 рублей. *13.* Прислано отъ военнаго губернатора къ гражданскому губернатору сношеніе о переводѣ присутственныхъ мѣстъ въ Уфу, почему въ Губернскомъ Правленіи и сдѣлано распоряженіе: ѣхать Правленію 20-го, Уголовной Палатѣ—23, Гражданской Палатѣ—26, Казенной Палатѣ—29 Іюня. На станціяхъ велѣно выставлять по 100 лошадей. *21.* Въ сей день получилъ отъ дворянскаго собранія на дворянство грамоту, подписанную предводителемъ и депутатами въ 21 день Іюня 1802 года. *23.* Къ вечеру былъ громъ жестокій, коимъ убило дѣвку и другую оглушило, разстояніемъ отъ города верстахъ въ двухъ. *26.* Въ 8 час. пополуночи выѣхалъ при транспортѣ изъ Оренбурга (и 1-го Іюля прибылъ въ Уфу).

Въ Уфѣ.

Іюль 2. Въ этотъ день транспортъ переправлялся чрезъ перевозъ (на р. Бѣлой). *18.* О дѣтяхъ моихъ Михайлѣ и Иванѣ послано донесеніе къ губернатору объ опредѣленіи въ Палату [4]). *22.* Въ сей день дано отъ губернатора Палатѣ предложеніе, что онъ дѣтей моихъ опредѣлить согласенъ губернскими регистраторами. *23.* Въ Палатѣ сдѣлана резолюція, чтобъ дѣтямъ чины оные объявить. *27.* Дѣтей на чины приводили въ соборѣ къ присягѣ.

---

[1]) Ген.-м. Николай Петровичъ Лебедевъ былъ Оренбургскимъ оберъ-комендантомъ съ 1798 года. Ген.-м. Петръ Аѳанасьевичъ Борщовъ комендантъ Оренбурга до 1804 года.

[2]) Которые указомъ 2-го Декабря 1796 года, при образованіи Оренбургской губерніи на новыхъ основаніяхъ, были оставлены за штатомъ.

[3]) Эта мѣстность называется теперь „Старая Уфа", а въ то время составляла средину города.

[4]) Ниже будетъ видно, какихъ лѣтъ были эти дѣти.

Августъ 31. Полученъ указъ, коимъ не велѣно губернаторамъ и всѣмъ гражданскимъ чиновникамъ давать отъ городовъ квартиры.

Сентябрь 29. Запрещено къ заводамъ покупать и переводить крестьянъ.

Октябрь 7. Полученъ указъ о рекрутскомъ наборѣ съ 500 душъ по одному рекруту; принимать же оныхъ въ губернскихъ городахъ. Учреждены въ государствѣ вновь министры, и вышла новая должность Сената. Начальникамъ губерній запрещено мѣшаться въ производство дѣлъ. *20.* Сыну Ивану минуло *восемь* лѣтъ. *25.* Въ ночь на сіе число ледъ на Бѣлой сталъ. *26.* Сыну Михайлѣ минуло *одиннадцать* лѣтъ. (Иванъ родился въ 1794-мъ, а Михайла въ 1791 году).

Ноябрь 3. Изъ Москвы увѣдомляютъ, что тамъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ чувствуемо было землетрясеніе. Полученъ указъ, что лейбъ-гвардіи поручикъ Шубинъ за выдуманную исторію о заговорѣ противъ Императора и за лживый ему о томъ доносъ сосланъ на поселеніе. *15.* Новость токмо та, что на дрова для солдатскихъ казармъ Оренбургской инспекціи велѣно отпускать восемнадцать тысячъ рублей. *23.* Полученъ указъ о бытіи въ Гражданской Палатѣ совѣтникомъ Евграфу Благушину.

Декабрь 8. Изъ Оренбурга пишутъ, что о городѣ Уфѣ планъ посланъ на утвержденіе. *14.* Изъ Оренбурга увѣдомляютъ, что тамъ было утвержденіе вновь пришедшаго въ Россійское подданство Трухменскаго хана [1]); при семъ происходила церемонія [2]), на которую и на подарки вышло слишкомъ шесть тысячъ рублей. *23.* Купечество градскимъ головою (Уфы) выбрало Петра Анисимова. *27.* Новости токмо тѣ, что губернскимъ предводителемъ избранъ Алексѣй Моисеевъ [3]). Продана дѣвка Маришка за 160 руб. *28.* Стало извѣстно, что военный губернаторъ [4]) представилъ министру внутреннихъ дѣлъ Кочубею, для поднесенія Государю, планъ здѣшнему городу, для переносу онаго на новое мѣсто [5]).

1803.

Мартъ 8. Получены министерскимъ канцеляріямъ штаты и предварительныя правила народнаго просвѣщенія.

Апрѣль 16. Ледъ на рѣкѣ имѣлъ движеніе, однакожъ въ горахъ остановился. *18.* Ледъ на рѣкѣ (Бѣлой) проплылъ весь. *22.* Сегодня

---

[1]) Пиръ-Гали-хана. См. на принятіе этого подданства двѣ грамоты, приведенныя въ нашей статьѣ „Адаевскій бунтъ" („Русская Старина" 1894, VII, 136—137).

[2]) О подобныхъ церемоніяхъ см. нашу статью „Церемоніалы ханскихъ выборовъ" („Русскій Архивъ" 1892, IV, 497—508).

[3]) Надворный совѣтникъ Алексѣй Ѳедоровичъ Моисеевъ пробылъ губернскимъ предводителемъ дворянства одно трехлѣтіе по 1805 годъ.

[4]) Т.-е. Оренбургскій, ген.-м. Н. Н. Бахметевъ (см. 1-ю часть дневниковъ).

[5]) Городъ Уфу предполагалось перенести ниже по теченію р. Бѣлой.

посланъ паки городу Уфѣ планъ, съ назначеніемъ, по требованію, разстоянія отъ новаго мѣста рѣки и взвозовъ. *29.* Прокуроръ представилъ обо мнѣ, чтобъ опредѣлить губернскимъ стряпчимъ уголовныхъ дѣлъ.

Май 1. Сего числа учитель началъ учить (дѣтей). *5.* Стало извѣстно по письмамъ, что вице-губернаторомъ здѣсь будетъ Николай Романовскій. *22.* За дѣвку взято 165 рублей.

Іюнь 13. Получилъ мѣсто (что) по выходѣ изъ Казанской улицы [1]). Сегодня заложилъ на ономъ сарай и конюшню.

Іюль 7. Сего числа понесли иконы въ село Богородицкое [2]). *8.* Изъ села возвратились. Народу для встрѣчи было весьма довольно. *14.* Въ сей день заложены погребъ и хлѣбный амбаръ. *17.* Сего числа вдовы Константиновой собака, сорвавшись съ цѣпи, укусила малаго Исайки ногу. *19.* Къ укушенному у малаго мѣсту приключился антоновъ огонь, и оттого померъ.

Августъ 2. Оренбургскій военный губернаторъ Бахметевъ оставленъ генералъ-маіоромъ по арміи, а на его мѣсто велѣно быть князю Григорію Семеновичу Волконскому. *11.* Полученъ городу Уфѣ планъ, конфирмованный Государемъ въ 3-й день Іюля. *15.* Въ монастырѣ [3]) въ сей день праздникъ, и при ходѣ въ оный со крестами народу было очень довольно.

Сентябрь 1. Учитель рисовальный началъ учить дѣтей. *11.* Въ 3 часа выѣхалъ къ Демидову въ Качинскій заводъ (куда пріѣхалъ 13-го числа въ 8 часовъ вечера, а 19-го, въ 10 часовъ утра, выѣхалъ обратно, и 21-го, въ 8 часовъ вечера, пріѣхалъ въ Уфу).

Октябрь 18. Полученъ манифестъ о кончинѣ великой княгини Елены Павловны. *27.* Ледъ на рѣкѣ скрѣпился.

Ноябрь 16. Пріѣхалъ сюда военный губернаторъ, князь Г. С. Волконскій, остановился въ домѣ Березовскаго. *19.* Военный губернаторъ обозрѣвалъ Губернское Правленіе и Палаты.

Декабрь 13. Морозъ превышалъ 32 градуса.

---

[1]) Очевидно, на углу нынѣшнихъ Большой Казанской и Посадской улицъ, которыя въ то время только что застраивались.

[2]) Крестный ходъ съ иконою Казанской Божіей Матери въ село Богородское, въ 18 верстахъ отъ Уфы по Сибирскому тракту, установленъ въ память избавленія села этого въ 1677 году отъ Сеитовскаго бунта

[3]) Въ Успенскомъ мужскомъ. Каждогодно туда съ Казанскою иконой Божіей Матери совершается крестный ходъ.

1804. Высокосъ.

Январь 17. Новости токмо таковы, что съ почтою полученъ указъ изъ Сената, коимъ велѣно здѣшней Уголовной Палатѣ судей и секретаря отрѣшить за неправое рѣшеніе дѣла дворянки Каловской.

Апрѣль 16. Померъ прокуроръ [1]) Николай Ивановичъ Смирновъ, 35 лѣтъ. *20*. Ледъ на Бѣлой имѣлъ движеніе.

Май 11. Въ сей день, въ 3-мъ часу пополудни загорѣлся, отчего неизвѣстно, въ Усольской улицѣ домъ, и отъ того выгорѣло 76 домовъ, одна церковь [2]) съ колокольнею и 23 дома разломали. *20*. День былъ пасмурный и шелъ до обѣда дождь, съ весны еще первый.

Іюль 31. Пишутъ изъ Оренбурга слѣдующее. Ежели свѣдаетъ духовный Сѵнодъ о чудесахъ военнаго губернатора, князя Григорія Семеновича Волконскаго, то велитъ упомѣстить (его) въ число святыхъ въ Четь-Минеи. Онъ ходитъ всегда въ худомъ рубищѣ, въ изодранныхъ сапогахъ, желтыя портки и бѣлая байковая фуфайка, оберченная черною тряпицей голова, или носитъ худой кожаный картузъ; иногда въ такомъ странномъ нарядѣ надѣваетъ и ордена. Въ полдни за городомъ ложится между навозными кучами спать, а ночью ночлегъ имѣетъ на валу [3]) и всегда сопровождаемъ бываетъ мужиками, ребятами и нищими, изъ коихъ инымъ даетъ деньги, а инымъ, поднимая съ земли, каменья, нерѣдко вынимаетъ изъ кармана образъ и при собраніи всей толпы, ходя, начинаетъ молиться. По ночамъ иногда приходитъ въ церковь, посылаетъ за плацъ-маіоромъ, комендантомъ и дежурнымъ [4]) и священникомъ, потомъ заставляетъ служить молебенъ и по окончаніи отпускаетъ ихъ обратно. Въ церковь, во время обѣдни, нерѣдко приноситъ свою ризницу и свои образа и потомъ опять уноситъ. Но, при всей своей таковой набожности, превеликій охотникъ до кумысу и волочится за женщинами, хотя слишкомъ семьдесятъ уже ему лѣтъ. Чтожъ принадлежитъ до исправленія возложенныхъ на него должно-

---

[1]) Т.-е. бывшій.

[2]) Очевидно, это была церковь Рождества Богородицы. Въ „Памятной книжкѣ Уфимской губерніи“ 1883 г., отд. II, стр. 11, упоминается, что церковь эта „очень можетъ быть принадлежала къ первымъ временамъ построенія Уфы, между тѣмъ какъ неизвѣстно, когда сломана или сгорѣла она; но мѣсто, гдѣ она была, осталось памятнымъ“. Единственный образъ, уцѣлѣвшій отъ церкви этой, Рождества Богородицы, очень древняго письма, особенно чтимый народомъ, находится теперь въ церкви Св. Сергія Радонежскаго, на Большой Сергіевской улицѣ, въ Старой Уфѣ.

[3]) Т.-е. на крѣпостномъ земляномъ валу.

[4]) Дежурнымъ по карауламъ офицеромъ.

стей, то, судя по описанному его характеру, самъ всякій угадать можетъ, сколь долженъ быть (онъ) дѣятеленъ. Вотъ нонѣшнихъ временъ патріоты отечества [1]).

Октябрь 9. Полученъ указъ о рекрутскомъ наборѣ съ пятисотъ одного. *11.* Двѣ женщины родили таковы, кои около пятнадцати лѣтъ какъ за мужемъ, но не рожали.

Ноябрь 15. Пишутъ изъ Оренбурга, что по случаю въ Уральскомъ городкѣ открытія войсковой канцеляріи и учрежденія казачьихъ полковъ, казаки сдѣлались ослушны, то для приведенія ихъ въ послушаніе выступили въ Уральскъ Уфимскаго (мушкатернаго) полка два батальона, Оренбургскихъ казаковъ 400, Тептярей 300, Башкирцевъ 1.000, крѣпостныхъ казаковъ 300, Рыльскій мушкатерный полкъ, драгунъ (Оренбургскаго полка) три эскадрона, Ногайскихъ Татаръ 150 и одна рота артиллеріи [2]).

---

[1]) Князь въ царствованіе Александра Павловича носилъ Гатчинскій мундиръ что̀ видно даже на портретѣ, висящемъ въ столовой залѣ Неплюевскаго кадетскаго корпуса (въ Оренбургѣ). О его чудачествахъ мой отецъ разсказываетъ такой интересный анекдотъ. Какъ-то разъ зимой, въ своемъ странномъ полу-мужицкомъ, полу-дворянскомъ костюмѣ, съ палочкой въ рукахъ, князь отправился пройтись по Нѣжинской дорогѣ (Орскій трактъ). Шелъ онъ долго и отмахалъ верстъ десять, сбился съ дороги, перезябъ и не могъ уже вернуться въ городъ. На счастье его встрѣтился какой-то казакъ, везъ возъ дровъ на базаръ.—Стой, братецъ! Ты куда? — „Въ городъ". — Сбрасывай дрова! Казакъ посмотрѣлъ на страннаго незнакомца: „Что, молъ, али ополоумѣлъ человѣкъ? Зачѣмъ сбрасывать? Чай я ихъ продавать везу!" отвѣчалъ онъ.—Вотъ тебѣ 10 рублей вези меня въ городъ! И князь далъ казаку золотой. Казакъ, конечно, не заставилъ себя долго ждать, сбросилъ свои дровишки, посадилъ князя на дровни, закуталъ его своею шубенкой и погналъ лошадь во всю прыть, какая только у ней была. Доро́гой князь расспрашивалъ казака о его житьѣ-бытьѣ, о семьѣ, и узналъ, что возница человѣкъ бѣдный, одинокій, обремененъ большою семьей и пр. Доѣхавъ до квартиры, князь приказалъ казаку немножко пообождать, потомъ переодѣлся въ форму, пригласилъ его въ комнату и угостилъ водкой, а тѣмъ временемъ приказалъ конюху ввалить ему куль овса для лошади. Къ числу странныхъ распоряженій князя Волконскаго относится возобновленіе „симовъ", для изобличенія Киргизскаго прорыва. Это были по берегу Урала, на всемъ протяженіи границы, воткнутые въ землю тонкіе прутья тальнику, которые, будучи связаны своими верхушками, образовали родъ изгороди. Въ случаѣ обнаруженія порчи симовъ, ближайшій пикетъ давалъ знать объ угрожавшей опасности сосѣднимъ постамъ. (Подробности о томъ см. въ нашей статьѣ „Графъ В. А. Перовскій", „Русская Старина", 1896, V, стр. 412). Князь задумывалъ въ 1804 году походъ на Хиву и устройство линіи Оренбургской на лучшихъ основаніяхъ (см. „Русская Старина" 1894, XII, 238).

[2]) Волненія въ Уральскомъ войскѣ произошли вслѣдствіе преобразованій по проэкту генералъ-лейтенанта Медера. Казаки отказывались отбывать воинскую повинность по разверсткѣ каждый. Вслѣдствіе того въ 1805 году у нихъ попрежнему оставлена на-

Декабрь 4. Изъ Оренбурга пишутъ, что войска вошли въ Уральскъ безъ сопротивленія, и 800 человѣкъ конницы отпущено назадъ. *28.* День солнечный и весьма холодный, ибо морозъ простирался до 33-хъ градусовъ при сѣверномъ вѣтрѣ. Въ здѣшній (Успенскій) монастырь пріѣхалъ архимандритъ, молодой человѣкъ 28 лѣтъ и ученый [1]).

1805.

Февраль 5. Въ сей день минуло четырнадцать лѣтъ моей женитьбы, ибо вѣнчанъ 5 Февраля 1791 года.

Мартъ 10. Велѣно всѣ пушки, здѣсь стоящія въ цейгаузѣ, чугунныя распродать, а мѣдныя отвезть въ Оренбургъ, какъ и равно и весь принадлежащій къ нимъ приборъ. Могія пушки были съ самаго заведенія города [2]) *14.* Снѣга въ нонѣшнюю зиму столько велики, что таковыхъ немногіе помнятъ. *21.* На улицамъ, однакожъ, появилось навозу довольно.

Апрѣль 7. По улицамъ отъ навоза и водороинъ ѣздить стало весьма худо. *18.* Часу въ четвертомъ пополудни ледъ на рѣкѣ тронулся. *27.* Часу въ четвертомъ пополудни слышенъ былъ громъ. Вода на Бѣлой все еще прибываетъ и стала довольно велика, ибо возлѣ горъ

емка. (О порядкѣ найма см. въ нашей статьѣ „Графъ Перовскій“, „Рус. Старина“ 1896 г., кн. VI, стр. 528—529). О дѣлѣ этомъ не имѣется въ печати никакихъ свѣдѣній. У насъ есть два довольно любопытныхъ письма графа Кочубея къ князю Волконскому, что въ возмущеніи этомъ главную роль играла „войсковая старшина“, казаки же были „только простыми пружинами начальниковъ ихъ“. Въ письмахъ этихъ до нѣкоторой степени выясняется система управленія князя Волконскаго и его дѣятельность.

[1]) Это былъ знаменитый впослѣдствіи Филаретъ, управлявшій Уфимскимъ Успенскимъ монастыремъ, въ тоже время состоя ректоромъ Уфимской духовной семинаріи съ 1804 по 1810 г., когда былъ перемѣщенъ ректоромъ семинаріи въ Тобольскъ. Далѣе онъ былъ епископомъ въ Калугѣ (съ 1-го Іюня 1819 г.), Рязани (12 Января 1825 г.), архіепископомъ Казанскимъ (съ 25 Февраля 1828), Ярославскимъ (съ 19 Сентября 1836 г.) и, наконецъ, митрополитомъ Кіевскимъ (съ 18 Апрѣля 1837 г.). Въ 1840 году онъ принялъ великую схиму, съ именемъ Ѳеодосія. Скончался 21 Декабря 1857 года. Имя его въ мірѣ было Ѳеодоръ Георгіевичъ Амфитеатровъ; родился 17 Апрѣля 1778 г. въ с. Высокомъ, Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи, образованіе получилъ въ Сѣвской семинаріи, гдѣ, по окончаніи курса въ 1798 году, былъ оставленъ преподавателемъ, съ постриженіемъ въ монашество.

[2]) Т.-е. съ 1574 года. О времени основанія Уфы до сихъ поръ идутъ разнорѣчивыя данныя, даже въ послѣднемъ трудѣ В. Н. Витевскаго: „Неплюевъ и Оренбургскій край“. Нельзя не пожалѣть, что уничтожены пушки, эти такъ-сказать живые памятники основанія Уфы.

свободно можно плавать изъ Бѣлой въ Уфу, поелику въ Золотухѣ [1]) не видно ни одной гривки. *29.* Вода прибываетъ. Мяснаго ряду одна сторона вся уже въ водѣ.

Май 4. Вода стала убывать. *5.* Ночью былъ морозъ таковъ, что замерзли лужи. *6.* Сегодня было освященіе знаменъ, присланныхъ въ Уфимскій гарнизонъ [2]). *8.* День былъ очень холоденъ, въ ночь и въ день выпало снѣга вершка на три, и лежалъ (онъ) цѣлые сутки.

Іюнь 13. Сего числа заложили у меня корпусъ. *21.* Во 2-мъ часу пріѣхалъ сюда военный губернаторъ князь Волконскій. *24.* Военный губернаторъ во 2-мъ часу выѣхалъ въ Оренбургъ.

Сентябрь 12. Рекрутскій наборъ съ пятисотъ по четыре человѣка. *19.* Объявлена война Франціи и Прусаку (?), а потому и войска выступили за границу.

Октябрь 10. Продалъ домъ, состоящій въ Сергіевскомъ приходѣ, князю Мустафину за 450 рубл. *17.* Переѣхалъ во вновь строющійся домъ и, по неотдѣлкѣ еще корпуса, помѣстился во флигелѣ.

Ноябрь 8. Въ сей день я имянинникъ; минуло мнѣ 37 лѣтъ.

Декабрь 1. Рѣдкость только та, что по сію пору въ комнатахъ летаютъ комары. *14.* Батюшка [3]) сдѣлалъ духовную, назначилъ [4]) домъ со всею въ немъ посудою и скотомъ, а мнѣ отдалъ 500 рублей, шесть стакановъ и кружку серебряныя, достальныя-жъ деньги, сколько ихъ за расходомъ останется, раздѣлить пополамъ. *19.* У купечества кончилась балотировка. Назначены въ засѣдатели въ палаты: Василій Шишковскій, Александръ Плотниковъ въ Гражданскую, Петръ Ветошниковъ и Кадомцевъ въ Уголовную, а городскимъ головой Василій Подъячевъ. *31.* Можно сочесть рѣдкостью, что все время нонѣшней зимы продолжается тепло, и не было морозовъ болѣе 18-ти градусовъ, и то не болѣе морозовъ трехъ.

1806.

Февраль 1. Съ почтою полученъ указъ, что гражданскій губернаторъ Алексѣй Александровичъ отставленъ съ полнымъ пенсіономъ, а на его мѣсто опредѣленъ Фризель [5]).

---

[1]) Золотуха—предмѣстье Уфы, подъ Бѣлыми горами, на устьѣ р. Уфы, за Старою Уфой, противъ мужскаго монастыря. Она еще извѣстна по исторіи Пугачевскаго бунта.

[2]) Знамена были присланы Уфимскому гарнизонному батальону, сформированному вмѣстѣ съ гарнизонными батальонами Оренбургскимъ, Пермскимъ и Вятскимъ, по высочайшему повелѣнію 4-го Января 1804 года.

[3]) Батюшка, т. е. отецъ автора дневниковъ, протоіерей о. Семенъ Ребелинскій.

[4]) Очевидно, назначенъ домъ брату, священнику Андрею Ребелинскому.

[5]) Тайный совѣтникъ Иванъ Григорьевичъ Фризель управлялъ губерніей до 1809 г.

Мартъ 4. Въ 11-мъ часу ночи неизвѣстно отчего загорѣлся корпусъ, стоящій на горѣ, гдѣ архіерейскій домъ, въ которомъ помѣщена была семинарія и консисторія, и весь сгорѣлъ до основанія, даже не успѣли вынести ничего. *11.* Съ нонѣшней почтою въ Оренбургскомъ Губернскомъ Правленіи [1]) полученъ указъ, въ коемъ и я, по докладу министра юстиціи, за отличіе по службѣ, произведенъ въ коллежскіе асессоры. *30.* На сіе число въ ночи, въ 5 часу, родилась у меня дочь, которая въ сей день и молитвована, и дано имя Глафира.

Апрѣль. 10. Ледъ шевелился раза три и наконецъ часу въ 4 пополудни проплылъ. Глафиру сегодня крестили, воспріемниками были губернскій прокуроръ Григорій Павловичъ Бочинскій съ купеческой женой Маврой Васильевной Жулябиной [2]).

Май 27. Сегодня съ почтою полученъ указъ о производствѣ статскомъ, отъ 6-го Мая, въ числѣ коемъ произведены дѣти мои Михайло и Иванъ въ коллежскіе регистраторы [3]) *31.* Новопожалованныхъ въ Губернскомъ Правленіи приводили къ присягѣ.

Іюль 12. Въ сей день преосвященный здѣшній Амвросій [4]) выѣхалъ въ Тобольскъ, ибо онъ туда переведенъ въ епархію архіепископомъ, а сюда опредѣленъ изъ архимандритовъ 2-го Кадетскаго корпуса законоучитель Августинъ [5]). *24.* Пріѣхалъ новый преосвященный и остановился ночевать за восемь верстъ отъ города въ деревнѣ Романовской. *25.* Преосвященный, въ 9 час. по утру, въѣхалъ въ городъ. Между тѣмъ изъ собора принесены были иконы въ Спасскую церковь, куда и онъ взъѣхалъ, чтобъ одѣться, и потомъ съ иконами шелъ до собора пѣшкомъ, гдѣ служилъ обѣдню, говорилъ самъ проповѣдь и послѣ обѣдни молебенъ, и потомъ уже отправился въ каретѣ въ архіерейскій домъ.

Августъ 1. Въ городѣ сталъ чувствуемъ коровій падежъ, и весьма въ недолгое время умерло около пятисотъ скотинъ. Болѣзнь начально примѣчается по сильному теченію изо рта слюнъ и изъ глазъ слезъ.

---

[1]) Оно находилось въ Уфѣ (см. выше).

[2]) Сестра жены автора, Анны Васильевны, урожденной Анисимовой.

[3]) Первому было 14, а второму 11 лѣтъ.

[4]) Преосвященный Амвросій (Келембетъ) былъ первымъ епископомъ Оренбургскимъ и Уфимскимъ, назначенъ сюда изъ архимандритовъ Новгородскаго Антоньева монастыря, потомъ перемѣщенъ архіепископомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ.

[5]) Августинъ (Сахаровъ) правилъ епархіей по 1819 годъ, когда былъ уволенъ на покой въ Троицкую пустынь. Въ „Сборникѣ матеріаловъ къ исторіи Уфимскаго дворянства“ 1879, стр. 23, и въ „Уфимскомъ Юбилейномъ Сборникѣ“ Гурвича 1887, стр. 265, неправильно показано, что онъ назначенъ изъ архимандритовъ Антоніева монастыря.

8. Умерло вдругъ у меня двѣ скотины. *15*. Съ крестнымъ ходомъ изъ собора въ монастырь людей было посредственно; архимандрита не было поелику онъ 11 числа сего мѣсяца уѣхалъ съ архіереемъ по всей епархіи. *23*. Въ сей день отъ гражданскаго губернатора получено предложеніе, что сына Василія согласенъ онъ опредѣлить канцеляристомъ *). *30*. Скончалась дочь Глафира.

Сентябрь 4. Перебрался изъ флигеля въ корпусъ, поелику сей послѣдній совсѣмъ уже отдѣлкою конченъ.

Октябрь 5. Въ сей день, на мѣсто учителя Соколова, сталъ къ дѣтямъ ходить учитель Протопоповъ.

Ноябрь 15. Въ сегодняшнюю ночь прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ о рожденіи великой княжны Елисаветы Александровны въ 3 число Ноября.

Декабрь 2. Рекрутъ прежде велѣно брать съ пятисотъ четырехъ; но сегодня получено, чтобъ одного еще прибавить. *3*. По газетамъ значитъ, что Французы разбили Прусскую армію и взяли четыре города, въ томъ числѣ и Берлинъ, столичный. *9*. Полученъ манифестъ объ объявленіи войны Франціи. Главнокомандующій отправленъ генералъ Каменскій. Здѣшній военный губернаторъ награжденъ орденомъ Андрея Первозваннаго. *23*. Полученъ манифестъ, чтобъ собрать въ нѣкоторыхъ губерніяхъ рекрутъ со ста четыре человѣка, а съ прочихъ, въ томъ числѣ и со здѣшней, съ таковаго же числа деньгами. *24*. Рекруты оные набираться будутъ для ландмилиціи, а потому и будутъ съ бородами.

1807.

Январь 5. Партикулярно пишутъ, что Россійская армія разбила Французовъ, но удовлетворительнаго еще ничего нѣтъ. *25*. Послѣ обѣда часу въ 3-мъ наступила сильная мгла. Получено отъ губернатора предложеніе, что онъ на дачу чина сыну моему Василію губернскаго регистратора согласенъ.

Мартъ 22. Купилъ у маіорши Пеутлинговой семью людей, состоящую въ трехъ душахъ мужескихъ и въ двухъ женскихъ, заплачено 600 рублей.

Апрѣль 9. Сего числа, пополудни въ 11 часовъ, скончался любезный мой родитель. Теченія жизни его было 78 лѣтъ. Болѣзнь его продолжалась, хотя слишкомъ годъ, однакожъ все могъ бродить, наконецъ 25 Марта заболѣлъ уже такъ, что слишкомъ двѣ недѣли не вставалъ съ постели и до самой смерти почти былъ съ чувствами. *11*. Любезна-

---

*) Сыну Василію было всего 7 лѣтъ.

го покойника схоронили. Въ 10-мъ часу пополуночи собрались въ домъ архимандритъ (Филаретъ) два протопопа и шесть священниковъ, протодьяконъ съ прочими дьяконами и пѣвчими; вынесли для отпѣванія въ каѳедральный теплый[1]) соборъ (поелику онъ 43 года былъ священникомъ при томъ соборѣ), гдѣ, простоявъ обѣдню, потомъ отпѣтъ и до самаго кладбища всѣмъ онымъ духовенствомъ былъ провожаемъ и со звономъ. Положенъ же по правую руку церкви, на полуденную сторону, не далѣе, какъ полтора аршина отъ стѣны церковной.

Май 25. Въ воздухѣ появилось весьма великое множество бѣлыхъ бабочекъ, такъ что никто столько не запомнитъ.

Іюнь 16. Новости токмо тѣ, что Россійскими войсками взятъ Турецкій городъ Анапа. *30.* Въ 3-мъ часу пополудни нашла туча, весьма съ сильнымъ вѣтромъ и дождемъ; громъ грянулъ токмо два раза, но у предводителя Гражданской Палаты Ѳедорова убило пять лошадей и двухъ оглушило.

Іюль 14. Новости есть тѣ, что наша армія, имѣвъ неудачное съ Французами сраженіе, отступила 120 верстъ назадъ. *17.* Въ сей день былъ молебенъ о заключенномъ 27 Іюня съ Французами мирѣ. Извѣстіе сіе съ нарочнымъ получено изъ Оренбурга отъ военнаго губернатора.

Августъ 25. Стало извѣстно, что верстъ за 18 отъ города Уфы, близъ деревни Енгальино, въ ночь сдѣлался провалъ на 60 саж. въ длину и ширину, такъ глубоко, что дна достать не могутъ. Прежде на семъ мѣстѣ было болото. Во время провала слышенъ былъ сильный шумъ и звукъ.

Сентябрь 5. Начали паки валиться отъ повѣтрія коровы. *14.* Съ почтою полученъ и манифестъ о мирѣ съ Франціей. Кондиціи для Россіи весьма маловыгодны.

Октябрь 19. На 18-е число ушли изъ острогу семь человѣкъ колодниковъ, подрывшись изъ казармы подъ острогъ, всего 15 аршинъ. *20.* На 20-е число въ ночи, равно какъ и сегодня вечеромъ, въ Фроловской улицѣ, неподалеку отъ часовни[2]), были пожары отъ поджогу неизвѣстныхъ людей. *27.* Съ почтою, 22-го числа полученною, присланъ указъ, коимъ велѣно распустить милицію; чиновникамъ, въ ней служившимъ, дать золотыя медали, а нижнимъ чинамъ серебряныя.

---

[1]) Т.-е. Смоленскомъ соборѣ, нынѣ церковь Св. Троицы на Троицкой площади, что̀ уголъ Большой Казанской и Посадской улицъ.

[2]) Св. мучениковъ Флора и Лавра, которая стояла на углу Нижне-Флоровской и Малой Ильинской улицъ.

Декабрь 3. Палата Гражданская перешла изъ флигеля, при архіерейскомъ домѣ состоящаго, въ домъ купленный, именуемый «Клубомъ». *23.* Министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей уволенъ, на мѣсто его вступилъ князь Куракинъ. *27.* Князь Ефимъ Ураковъ [1]), бывъ въ гостяхъ въ деревнѣ у Шестакова, скоропостижно умеръ.

1808.

Январь 13. Куплены у прапорщика Карягина, роду Каракалпацкого, парнишка и дѣвченка за 100 рублей [2]). *16.* Стало извѣстно, что изъ Астраханской губерніи перешла чума въ Саратовскую, а изъ оной стала распространяться въ Симбирскую и Оренбургскую губерніи, почему и отправлены на границы губерніи лекаря [3]). *23.* Въ сей день крестили Каракалпачатъ: мальчишкѣ дано имя Николай, а дѣвченкѣ Авдотья; воспріемниками были сынъ Иванъ и губернскій секретарь Михайла Егоровъ, воспріемницами Марья Воронова и Марья Груздева.

Февраль 25. Сторговано сельцо Таптыково у коллежскаго регистратора Порфира Стрѣлкова, въ коемъ земли 2350 десятинъ, крестьянъ мужескаго пола, въ ревизію написанныхъ, 95 душъ съ женами и дѣтьми, съ домомъ, со скотиною и прочимъ, значущимся въ поставленномъ сего числа и записанномъ въ маклерскую книгу условіи, цѣною за 30800 рублей; отъ города Уфы состоитъ сельцо оное въ 17 верстахъ.

Мартъ 10. Съ сего числа началъ къ дѣтямъ ходить учитель, для ученія по-французски, по-нѣмецки, математикѣ и географіи.

Апрѣль 19. Въ сей день было молебствіе о присоединеніи силою оружія на вѣчныя времена Шведской Финляндіи къ Россіи.

Іюль 12. Пополудни въ 6-мъ часу скончалась любезная родительница отъ водяной болѣзни, поживъ на свѣтѣ слишкомъ 70 лѣтъ. Положена она въ одной могилѣ съ покойнымъ родителемъ моимъ. *13.* Матушку пополудни въ 4 часа схоронили. Отпѣваема была въ церкви

---

[1]) Извѣстный родъ дворянъ Уфимскихъ, происходящихъ отъ владѣтельныхъ Ногайскихъ князей.

[2]) Согласно привиллегіи, данной гор. Оренбургу 7 Іюля 1734 года, захваченныхъ въ плѣнъ туземцевъ можно было крестить и поселять въ Уфимской провинціи; ихъ можно было также продавать.

[3]) Какъ видно изъ рескрипта Саратовскому губернатору, статскому совѣтнику Панчулидзеву, 14 Января 1808 года, болѣзнь эта называлась *„желчною горячкой"*; впервыя она появилась въ Ноябрѣ 1807 г. въ Царицынскомъ уѣздѣ, занесенная туда на судахъ мѣщаниномъ Поляковымъ. Отъ кн. Куракина предложено было кн. Волконскому учредить карантины на границахъ Оренбургской губерніи и земли войска Уральскаго.

на кладбищѣ. *24.* Въ 5-мъ часу пополудни пріѣхалъ военный губернаторъ, князь Волконскій. *26.* Въ сей день начали наводить на Бѣлой рѣкѣ вновь устраиваемый мостъ [1]), на коемъ архіерей служилъ молебенъ и водоосвященіе, въ присутствіи военнаго и гражданскаго губернаторовъ и прочаго многаго собранія. *29.* Военный губернаторъ пополудни въ 7-мъ часу выѣхалъ въ Оренбургъ.

Сентябрь 28. Полученъ указъ о наборѣ съ 500 душъ по одному рекруту.

Октябрь 11. Съ проѣзжихъ по мосту велѣно брать: съ лошади по 1 коп., а съ пѣшихъ по деньгѣ, по высочайшему повелѣнію. *24.* На Бѣлой пошелъ весьма сильный ледъ, коимъ вырвало половину почти моста и унесло ниже архіерейскаго дома.

1809. Планета Луна.

Январь 2. Померъ коллежскій совѣтникъ Степанъ Романовскій [2]). *3.* Получена здѣшнему архіерею Августину кавалерія Св. Анны, для чего въ 7-мъ часу вечера былъ въ соборѣ благовѣстъ и благодарственный молебенъ. *4.* Сына Василія отдалъ учиться по-французски къ учителю Понсу. *10.* На выборъ дворянъ приводили къ присягѣ. *14.* Дворянство балотировку кончило.

Мартъ 14. Губернаторъ Фризель сдѣлался еще до масляницы боленъ сумашествіемъ; наконецъ, испрося отпускъ на мѣсяцъ, выѣхалъ 12-го числа сего мѣсяца больной въ Петербургъ. *28. Христосъ воскресе!* Новости токмо тѣ, что пополудни въ три часа загорѣлась Покровская церковь и сгорѣла до основанія, и не вынесено изъ нея ничего, поелику огонь показался внутри, а отчего неизвѣстно. Она стояла идучи въ Сибирскую улицу, подымаясь на гору, на правой сторонѣ въ полугорѣ [3]).

---

[1]) Это былъ первый на р. Бѣлой мостъ, а до того времени перевозили на паромахъ и лодкахъ (Вавиловскій перевозъ).

[2]) Если не ошибаемся, предсѣдатель Гражданской Палаты.

[3]) Въ „Памятной книжкѣ Уфимской губерніи“ 1883 года, отд. II, стр. 13, объ этомъ описывается такъ: „На Сибирской ул. едва ли не съ XVI вѣка стояли двѣ деревянныя церкви, въ близкомъ между собой разстояніи: одна холодная въ честь Покрова Богородицы, другая теплая—Св. Николая Чудотворца; потомъ первая за ветхостью была сломана, и богослуженіе до 1808 года совершалось въ теплой“. Но это, какъ видно по дневникамъ, невѣрно. На мѣстѣ вышепоказанной погорѣвшей (отъ зажженной свѣчи) церкви купецъ Жулябинъ (своякъ автора дневниковъ) построилъ (и понынѣ существующую) каменную церковь Покрова Богородицы, съ придѣломъ Св. Николая. Иконостасъ въ церковь эту въ 1817 году пожертвовалъ авторъ сихъ дневниковъ.

Апрѣль 17. Вода на Бѣлой начала уже убывать. *18.* Въ сей день померъ соборный протопопъ Василій Михайловъ, около 60 лѣтъ (отъ роду), служилъ протопопомъ 27 лѣтъ. *25.* Протопопа погребали: отпѣвалъ самъ преосвященный, со всѣми городскими священниками, несли до кладбища съ образами и со звономъ. Народу провожало крайне много.

Май 3. Въ ночь выпалъ съ вершокъ снѣгъ. *5.* Полученъ съ почтою указъ, что губернаторъ Фризель отставленъ, и велѣно до выздоровленія производить получаемое имъ жалованье, а на мѣсто его опредѣленъ ген.-м. Михайло Ѳедотычъ Веригинъ, съ переименованіемъ въ д. ст. совѣтники. *13.* Былъ благодарственный молебенъ о бракосочетаніи великой княжны Екатерины Павловны съ трехдневнымъ звономъ.

Іюнь 29. Въ 11 часовъ пополуночи пріѣхалъ вновь опредѣленный гражданскій губернаторъ М. Ѳ. Веригинъ.

Іюль 18. Съ почтою получены предсѣдателямъ (палатъ) Ѳедорову и Шишатскому, и совѣстному судьѣ Булгакову, первымъ двумъ Св. Анны 2-й степени, а послѣднему Владимира 3-й степени.

Августъ 28. Во всенощную у купца М. Тарпанова бѣжала дочь Екатерина. *30.* Тарпанова обвѣнчалась съ семинаристомъ Миртовымъ.

Сентябрь 5. Съ почтою полученъ указъ, изданный въ 6-й день Августа, коимъ запрещено производить по статской службѣ въ чины незнающихъ наукъ. Пишутъ, что здѣшній мундиръ [1]) перемѣненъ, и будетъ темнозеленый, съ оранжевымъ воротникомъ и обшлагами, съ голубою выпушкой и гладкими пуговицами; а нижнее платье бѣлое. *20.* Получено отъ 14-го числа Сентября письмо, что братнинъ сынъ, а мой племянникъ, Василій Андреевъ (такъ какъ уволенъ изъ духовнаго званія) опредѣленъ въ Оренбургскую Пограничную Комиссію губернскимъ регистраторомъ, а находится въ канцеляріи военнаго губернатора (въ Оренбургѣ).

Октябрь 10. Полученъ указъ о наборѣ рекрутъ съ 500 душъ по пяти рекрутъ.

Ноябрь 9. Сего числа полученъ указъ объ опредѣленіи меня въ Оренбургскіе губернскіе казначеи. *15.* Отказался отъ секретарской должности [2]). *23.* Вступилъ въ должность губернскаго казначея.

1810. Планета Марсъ.

Январь 23. Морозъ болѣе 30 градусовъ. Полученъ указъ (что) учрежденъ Государственный Совѣтъ; въ министрахъ многимъ перемѣна.

Февраль 19. Съ нарочною эстафетой полученъ манифестъ 2-го Февраля о наложеніи разныхъ податей и налоговъ.

[1]) Т.-е. губернскій, гражданскаго вѣдомства.

[2]) Секретаря Гражданской Палаты.

Мартъ 1. На улицахъ весьма воды стало много. *27.* Полученъ имянной указъ, съ растолкованіемъ манифеста 2-го Февраля о податяхъ.

Апрѣль 11. Ледъ на Бѣлой имѣлъ движеніе. *13.* Уплылъ. *17. Христосъ воскресе!* День былъ хотя съ перемѣнною ясностью, однакожъ столь великому празднику не соотвѣтствовалъ. На улицахъ такая стала грязь, что на маленькихъ дрожкахъ пара лошадей едва вывозить можетъ. Новости токмо, что преосвященный (Августинъ), по своему меланхолическому характеру, началъ ѣздить въ кибиткѣ, сдѣланной весьма неаккуратно, аршина въ два вышины, и закрывшись наглухо кожей. Въ сей день (онъ) подчивалъ господъ послѣ обѣдни вмѣсто водки кого «кофіемъ», кого чаемъ, съ закускою самою монашенской, и то безъ ножей и вилокъ. Характеръ странный! Живетъ уединенно, мучитъ себя пустыми занятіями по Консисторіи, не любитъ, чтобъ ходили въ крестовую церковь барыни; духовенство лучшее все разогналъ и разослалъ по епархіи; напротивъ, собралъ таковыхъ, кои не болѣе заслуживаютъ, какъ быть въ селѣ, и то посредственномъ. Архимандрита (Филарета) не любитъ, кажется, болѣе нежели сущаго врага; но сей, напротивъ, человѣкъ со всѣми достоинствами и весьма скромный. Никто по сію пору не отгадаетъ, что уединеніе и постничество, каковымъ себя его преосвященство выказываетъ (есть), истинное или притворное. Кажется, больше можно полагать, что (онъ есть) сильный (і)езуитъ, нежели праводушный монахъ.

Май 14. Въ четыре часа и тридцать минутъ пополуночи скончалась любезная моя Анна Васильевна, бывъ больна болѣе полутора года, сначала горячкой, потомъ лихорадкой, и отъ обѣихъ сихъ болѣзней остались какія-то послѣдствія, которыя мучили ее несносно и, наконецъ, прекратили жизнь въ самомъ среднемъ ея состояніи. Житія моего съ нею было 19 лѣтъ, три мѣсяца и восемь дней, ибо вѣнчаны мы были 5 Февраля 1791 года. Происхожденія-жъ была она Уфимскихъ купцовъ Анисимовыхъ. *16.* Любезную мою покойную въ 10-мъ часу пополуночи вынесли въ кладбищенскую церковь, гдѣ простоявъ обѣдню и по надлежащемъ отпѣваніи, которое совершали архимандритъ, два протопопа и четыре священника, протодьяконъ и два дьякона съ пѣвчими, въ одиннадцать часовъ погребли, по входѣ въ ограду, на правой сторонѣ, возлѣ самой церкви, аршина на два разстояніемъ отъ покойныхъ моихъ родителя и родительницы, къ общему весьма многихъ о ней сожалѣнію. *20.* Архіерей вчерашняго числа уѣхалъ въ Оренбургъ, взявъ съ собою прислужниковъ всего-навсего токмо четырехъ и собрался экстренно; но не для чего другаго, какъ по ипоходрическому его расположенію. *21.* Архіерей, доѣхавъ отъ Уфы до второй станціи, возвратился назадъ.

Сентябрь 30. Вице-губернаторъ Романовскій вышелъ въ отставку, а на мѣсто его опредѣленъ Илья Ѳедоровъ.

Октябрь 18. Полученъ манифестъ о рекрутскомъ наборѣ съ пятисотъ троихъ.

1811.

Февраль 8 (Среда Масляницы). Старинное обыкновеніе стало выводиться, ибо никто еще не катался. *11* (Суббота). Каталось людей довольно, но противъ прежнихъ лѣтъ мало.

Мартъ 12. Получено отъ министра финансовъ предложеніе, чтобъ всю мѣдную монету выслать изъ всей губерніи, для обращенія въ новый видъ, въ Екатеринбургъ [1]). Сія монета была по 16 р. изъ пуда, пятаковъ, грошей, копѣекъ, денежекъ и полушекъ, а нынѣ будетъ дѣлано изъ пуда 24 рубля и состоять будетъ изъ однихъ грошей, копѣекъ и денежекъ. *24.* Въ Спасскую церковь [2]) отосланы ризы и стихарь парчевые, стоющіе около пятисотъ рублей, въ память любезной моей покойницы.

Май 4. Кучеръ Петрушка вилъ въ банѣ веревки и во 2-мъ часу пополудни удавился. Причины, къ тому побудившей, никакой не найдено. *5.* Отъ Бугурусланскаго городничаго присланъ къ губернатору рапортъ, что 6 числа Апрѣля видимо было тамъ на небѣ явленіе. Сначала показался лагерь, а предъ нимъ три огненныхъ столба, потомъ изъ столбовъ сдѣлалось три стрѣлы, наконецъ одна, и потомъ (все) исчезло. *18* (Четвергъ). Семикъ не другое что, какъ древній обычай, и названіе получилъ не отъ чего, кажется, иного, какъ отъ того, что седьмой Четвергъ съ Пасхи. Въ сей день собирается дѣвушекъ до двадцати и болѣе въ одинъ домъ, дѣлается на дворѣ родъ бесѣдки, уставленной деревцами съ листьями. Тутъ, сидѣвъ, онѣ поютъ пѣсни и пляшутъ. Потомъ, въ часу пятомъ пополудни, выходятъ съ березкою въ рукахъ въ поле, становятся въ кругъ, также поютъ и пляшутъ. Приходящимъ зрителямъ, кто-бъ они не были, поютъ пѣсни съ величаніемъ, припѣвая тутъ женатымъ имена ихъ женъ, а холостымъ сестеръ. За сіе приходящіе благодарятъ и платятъ деньги. На полѣ остаются онѣ до самаго вечера, и потомъ продолжаютъ тоже паки во дворѣ, иногда всю ночь. Тутъ молодые ребята приходятъ толпами и занимаются разными съ ними играми, однакожъ не подозрительными, и безчинства никакого не бываетъ. Деньги берутъ себѣ тѣ только, называемыя хозяйками, двѣ дѣвушки, кои собираютъ и учреждаютъ сей семикъ. Тоже самое дѣлается и въ Троицынъ день. Въ городѣ бы-

---

[1]) Гдѣ тогда былъ монетный дворъ.

[2]) На Большой Казанской улицѣ. Очевидно, авторъ былъ туда прихожаниномъ.

ваетъ семиковъ или хороводовъ по пяти и по шести. Прежде хаживали дѣвушки и изъ лучшихъ домовъ, но нынѣ, кромѣ низкаго состоянія, не собираются. И сей старинный обычай весьма началъ ослабѣвать, такъ что и зрителей бываетъ весьма мало. Отчего-жъ и когда ввелось сіе обыкновеніе, дознаться я не могъ. *24.* Утромъ былъ морозъ такой, что мерзла вода. *25.* Племянникъ Василій Андреевичъ Ребелинскій пишетъ отъ 23 Мая изъ Оренбурга, что онъ произведенъ въ 14-й классъ въ архиваріусы, въ Оренбургскую Пограничную Экспедицію.

Іюнь 19. Пополудни въ 6 часовъ пріѣхалъ сюда Оренбургскій военный губернаторъ, князь Волконскій, и остановился въ домѣ Березовскаго. *21.* Военный губернаторъ ходилъ по губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ. *22.* Князь осматривалъ нижнія присутственныя мѣста и казначейства. *23.* Князь ѣздилъ ко всѣмъ чиновникамъ съ визитами, въ томъ числѣ заѣзжалъ и ко мнѣ. *27.* Военный губернаторъ въ 12-мъ часу пополуночи выѣхалъ.

Іюль 7. Крестный ходъ въ с. Богородицкое. Нонѣшній годъ иконы несли по улицѣ Казанской, а не по Сибирской, какъ прежде было. *30.* На мундирахъ губернаторскомъ, вице-губернаторскомъ и прокурорскомъ воротники и обшлага велѣно имѣть съ шитьемъ таковымъ: буде пуговицы бѣлыя, то съ серебрянымъ, а буде жолтыя, то съ золотымъ.

Августъ 6. Предсѣдатель Уголовной Палаты *) произведенъ въ д. ст. совѣтники, о чемъ съ сегодняшнею почтой полученъ уже и указъ. *20.* Весьма сильный морозъ. Губернскому прокурору Бочинскому присланъ 4-й степени Владимира орденъ. *27.* Ночью видна была звѣзда на Сѣверѣ, отъ которой происходило, подобно лучамъ, сіяніе кверху. Она видима въ каждую ночь, буде небо не покрыто облаками. *29.* Товары весьма дороги. Сукно Голландское 30 р. аршинъ, и меньше десяти рублей нѣтъ сукна никакого. Сахаръ 90 рублей пудъ, чай ординарный 4 р. фунтъ, медъ 16 и 17 р. пудъ.

Сентябрь 24. Стешка дѣвка родила двойни.

Октябрь 2. Любезный мой братецъ, Троицкой церкви священникъ, бывъ съ 24 числа Сентября боленъ, сего числа пополудни въ 11-мъ часу скончался. Онъ имѣлъ мѣсяца два лихорадку. Но вдругъ 24 числа почувствовалъ страшную въ себѣ слабость и потомъ жаръ, а наконецъ водяную, отчего и жизнь прекратилась. Врачи полагаютъ причину лихорадки, которая сдѣлала внутри большую обструкцію, такъ что не было уже никакого средства сдѣлать помощь. Онъ въ жизнь

*) Шишатскій.

свою почти безпрестанно находился въ должностяхъ, много лѣтъ былъ присутствующимъ Духовнаго Правленія, потомъ членомъ Консисторіи, членомъ Комитета Оспеннаго, служилъ съ набедренникомъ. Онъ не проходилъ наукъ (въ семинаріи), но имѣлъ природный особеный даръ. Ему, 17 числа сего мѣсяца, въ день Андрея Критскаго, минуло токмо еще 57 лѣтъ. Преосвященный Августинъ, въ почесть за его службу, приказалъ проводить съ хоругвями и по церквамъ со звономъ. *4.* Любезнаго моего покойника, въ первомъ часу пополудни, погребли. Несли его въ кладбищенскую церковь по Казанской улицѣ, въ препровожденіи всего здѣшняго духовенства и пѣвчихъ. Въ церкви оной отстоялъ онъ обѣдню. Потомъ пріѣхалъ преосвященный и отпѣвалъ со всѣмъ духовенствомъ самъ и по отпѣтіи, до могилы проводя, отслужилъ панихиду. Положенъ по правую руку, близъ самаго алтаря, вплоть, возлѣ покойныхъ родителей. *13.* Шелъ дождь, вездѣ сдѣлались лужи. Рекрутскій наборъ съ 500 четыре человѣка. *19.* Пополудни въ третьемъ часу скончалась и жена покойнаго любезнаго моего брата, а моя невѣстка, Татьяна Яковлевна, изъ роду Невѣровыхъ. Жила въ замужествѣ 39 лѣтъ, а послѣ покойнаго своего мужа двѣ недѣли и два дня. *21.* Покойную сегодня похоронили въ одну могилу съ мужемъ. И такъ, послѣ кратковременной разлуки (они), соединились на вѣки! *24.* Полученъ съ почтою указъ о бытіи Оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ статскому совѣтнику Наврозову [1]).

Ноябрь 11. Полученъ указъ о генеральномъ по здѣшней губерніи производствѣ (sic). *18.* Комета начала скрываться и видима стала токмо съ вечера и то недолго. *24.* Получ. манифестъ, чтобъ вмѣсто рекрута принимать деньгами по 2.000 рубл.

Декабрь 6. Комету стало весьма мало видно. *24.* Полученъ указъ о произведеніи меня въ надворные совѣтники со старшинствомъ съ 31 Декабря 1810 г.

1812.

Январь 14. Въ сей день сговорилъ себѣ невѣсту, дочь надворнаго совѣтника П. Евспигина Надежду Петровну. *19.* Со своей невѣстой въ 8-мъ часу вечера вѣнчался въ Спасской церкви. Въ церемоніалѣ были: отцомъ вице-губернаторъ Ѳедоровъ, матерью надв. совѣтница Березовская. Въ церковь ѣздили губерн. прокуроръ Богинскій, племянникъ Ребелинскій и купцы: градской голова Жулябинъ [2]) и Петръ Анисимовъ [3]). Со стороны женской: сосѣдка помѣщица Баженова и купече-

---

[1]) Матвѣй Андреевичъ Наврозовъ былъ губернаторомъ по 1822 годъ.

[2]) Своякъ по первой женѣ.

[3]) Братъ первой жены.

ская жена Анисимова [1]), а отъ невѣсты были: надвор. совѣт. Березовскій, акушеръ Бѣляевъ съ женою, маіоръ Авдѣевъ [2]). Вѣнчаны соборнымъ протопопомъ съ протодьякономъ и пѣвчими. По пріѣздѣ въ домъ, попеременно пѣли пѣвчіе и играла музыка. *20.* Мы ѣздили съ визитами въ 26 домовъ. *23.* Сегодня былъ у меня обѣдъ и балъ. Обѣдало сорокъ пять человѣкъ, а на балѣ было около ста.

Февраль 15. Пишутъ изъ Оренбурга, что племянникъ Ребелинскій сговорилъ за себя у купца Ивана Кутина дочь Татьяну, съ которою 12 числа сего мѣсяца было обрученье. *29* (Четвергъ Масляница). По улицамъ людей каталось немного. На р. Бѣлой губернаторомъ сдѣлана для катанья гора, на которой катальщиковъ довольно, и многіе уходили безъ рукъ и безъ ногъ.

Мартъ 3. (Воскресенье). Каталось во всю Масляну весьма нынѣ мало.

Апрѣль 8. Ледъ на Бѣлой тронулся. Полученъ съ курьеромъ манифестъ о наборѣ съ 500 душъ по два рекрута, и наборъ кончить въ одинъ мѣсяцъ. *16.* Двое приказныхъ и одинъ отпущенникъ поѣхали на Гривку [3]) ловить зайцевъ. Лодка опрокинулась отъ сильнаго вѣтра; двое утонули, а третій пробился къ дереву, влѣзъ и привязался, гдѣ и сидѣлъ четверо сутокъ, не ѣвши, при большомъ холодѣ, наконецъ снять живой.

Май 1. День съ утра былъ съ перемѣнною ясностью, а послѣ полденъ изрядной. Мы выѣзжали на гору, подъ Нижегородки [4]) состоящую, для гулянья, гдѣ играла музыка, нами взятая, и стрѣльба была изъ пушки. И потому стеклось зрителей весьма довольно. *30.* Пишутъ изъ Оренбурга, что племянникъ мой Василій Андр. свадебное свое дѣло кончилъ и 26 числа Мая вѣнчался.

Іюнь 6. У племянника былъ (въ Оренбургѣ) въ 30 ч. Мая свадебный балъ, на коемъ былъ военн. губерн. князь Волконскій и весь генералитетъ и прочіе. Во время стола было 45 выстрѣловъ изъ пушекъ, и Шампанское лилось рѣкой. *21.* Полученъ рапортъ, что въ с. Богородскомъ былъ градъ по куриному яйцу. *23.* Съ Туркомъ заключенъ миръ въ 10 число Мая.

---

[1]) Жена Петра Анисимова.

[2]) Егоръ Никитичъ, племянникъ автора дневниковъ (по сестрѣ), служилъ въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, родной дядя впослѣдствіи извѣстному писателю Михаилу Васильевичу Авдѣеву.

[3]) Противъ города за р. Бѣлой.

[4]) Такъ-называемая Подгородная слобода, къ Западу отъ нынѣшней Уфы, близъ пароходныхъ пристаней на р. Бѣлой. Названіе получила потому, что поселившіеся жители были выходцы изъ Нижегородскаго имѣнія графа Шереметева.

Іюль 8. Стало извѣстно, что въ 12 ч. Іюня объявлена Франціи война. *14.* Въ сей день во 2-мъ часу пополудни померъ любезный мой сынъ Михайла Михайловичъ, бывъ боленъ только восемь дней горячкою, на 21-мъ году отъ рожденія. *15.* Покойнаго въ 11-мъ часу пополуночи погребли, и положенъ (онъ) въ одну могилу съ его матерью. Въ 11 часу (ночи?) изъ облачка выкатился шаръ огненный, который, летя по воздуху, треснулъ, и оттого сдѣлался звукъ на подобіе свѣтлаго (?) грома, съ раскатами бываемаго.

Августъ 2. По манифесту о сводѣ людей, для временнаго на защиту отечества отъ Французовъ ополченія, дворянство начало съѣзжаться, и съѣхалось уже довольно. *4.* Полученъ манифестъ, что здѣшняя губернія отъ временнаго ополченія исключается, и дворянство въ тотъ же (день) много разъѣхалось. *20.* Съ курьеромъ полученъ манифестъ о наборѣ рекрутъ съ 50 душъ по рекруту.

Октябрь 14. Получено удостовѣрительное свѣдѣніе, что Москва 3-го числа Сентября взята Французами, и всѣ окрестности выжжены, остался одинъ только Кремль. *26.* Ледъ на Бѣлой сталъ. *31.* Выпалъ въ первый разъ небольшой снѣжокъ.

Ноябрь 7. Шелъ дождь, *8* и *9.* Со снѣгомъ. *22.* Пріѣхалъ правитель (канцеляріи?) министра финансовъ Алексѣевъ проѣздомъ въ Челябу. *24.* Алексѣевъ сегодня выѣхалъ въ Челябу. *26.* Получены: манифестъ и реляція о выходѣ изъ Москвы Французовъ и о разбитіи ихъ злодѣйской арміи Русскими войсками за Смоленскомъ, кои вышли изъ Москвы 11-го Октября. *27.* Было молебствіе о пораженіи Французской арміи, гдѣ читаны манифестъ и реляція.

Декабрь 3. Полученъ съ почтой указъ, коимъ возстановить велѣно семь духовныхъ праздниковъ, а именно: 1) Декабря 6 и Мая 9-го, дни Николая Чудотворца, 2) Августа 29 Усѣкновеніе главы Предтечи (Господня Іоанна), 3) Сентября 26—Іоанна Богослова, 4) Сентября 8—Рождество Богородицы, 5) Октября 1—Покрова Богородицы, 6) Октября 22—Казанской Богородицы и 7) день сошествія Св. Духа—Понедѣльникъ *).

Годъ былъ урожаю весьма средняго. Орѣховъ родилось довольно. Хлѣбъ продавался: мука пшенич. 1 р. 50 к., и 2 р. пудъ, ржаная 80, 90 коп., 1 р. и 1 р. 10 коп., мясо говяжье—3, 3 р. 50 к. и 4 р., свиное 3 и 3 р. 50 к., масло коровье 14, 15 и 16 р., постное 9 и 10 р., сахаръ 75, 80, 90 и 100 руб. пудъ, кофе 2р. 50 к. и 3 р., чай ординарный 6 и 7 р. фунтъ, медъ 12, 13 и 15 р. пудъ.

---

*) Упраздненные императоромъ Павломъ (см. 1-ю часть дневниковъ).

Въ здѣшнюю губернію приведено плѣнныхъ болѣе 3.000 человѣкъ. Дворянство многихъ губерній ставило въ ополченіе отъ девяти душъ (одного) человѣка, а другія губерніи—рекрутъ съ 500 по десяти человѣкъ. Разбойникъ Наполеонъ со всею своею сволочью не только изъ Москвы, но и изъ Россіи бѣжалъ столь стремительно, что оставилъ по дорогѣ почти всю артилерію и обозы. Кончилось въ нонѣшнемъ (году) видимое путешествіе кометы, которая отошла отъ насъ въ неизмѣримое пространство. Велѣно еще собрать рекрутъ съ 500 душъ по восьми человѣкъ, въ томъ числѣ и со здѣшней губерніи, не смотря на то, что изъ нея ушло въ армію Башкиръ и казаковъ болѣе 15.000 человѣкъ *).

---

*) Нельзя, между прочимъ, не замѣтить здѣсь, что въ то время, какъ на окраинахъ зима не отличалась особенными морозами, внутри Россіи, и именно по пути слѣдованія Французовъ, стояли нестерпимые холода.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ ИГУМЕНІИ ЕВГЕНІИ ОЗЕРОВОЙ *).

24 Іюля (1872), день празднованія Свв. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, преосвященный Леонидъ опять съ отеческою любовію прибылъ въ обитель, совершилъ всенощное бдѣніе и литургію, кушалъ обще съ нами въ трапезѣ; на другой день 25, день Ангела А. С. Цуриковой и сестры преосвященнаго Олимпіады Васильевны, тоже служилъ.

1872 года 8-го Сентября совершилось освященіе возобновленнаго собора въ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ. Освящалъ самъ митрополитъ Иннокентій въ сослуженіи настоятеля обители, преосвященнаго викарія Леонида. Я къ вечеру явилась поздравить обоихъ святителей, принята была милостиво обоими, старшимъ, какъ начальникомъ, а преосвященнымъ Леонидомъ, какъ отцемъ по духу. На другой день освященія пригласили меня къ столу высокопреосвященнаго, при чемъ невольно пришла мнѣ въ голову о себѣ пословица: *Залетѣла ворона не въ свои хоромы.* Изъ нашего убогаго обиталища да вдругъ явилась я между сановитыхъ и важныхъ людей! А все преосвященный. Увѣрена, что его тутъ слово. Умилительно было ихъ видѣть вмѣстѣ. Одинъ—маститый старецъ, проведшій жизнь въ апостольскихъ трудахъ миссіонерства, простой рѣчью, но мудрый опытомъ жизни, удрученный годами, почти слѣпой. Другой же высокообразованный, нѣжный сердцемъ и изысканный въ привычкахъ и обращеніи, между тѣмъ съ сыновнею покорностію и любовію внимающій каждому слову и повелѣнію старца. Вотъ намъ примѣръ покоренія высшимъ и старшимъ.

Преосвященный далъ мнѣ краткую рѣчь, говоренную имъ въ святыхъ вратахъ Саввинской обители при встрѣчѣ митрополита.

«Высокопреосвященнѣйшій владыко! 474-й годъ стоитъ сія обитель, а около 470 лѣтъ стоитъ храмъ, который теперь, по обновленіи, готовъ къ освященію и только ожидаетъ твоего пришествія. Ты подвигся на сыновній призывъ нашъ, послушниковъ пр. Саввы и твоихъ. Благодаримъ тебя сыновне. Своими священнодѣйственными и тайнодѣйственными молитвами обнови древнюю святыню и моли Господа, да обновитъ въ насъ смиренныхъ инокахъ и во всемъ православіи тотъ крѣпкій духъ благочестія, который дѣйствовалъ въ пр. Саввѣ, благовѣрныхъ князьяхъ и въ народѣ того времени».

---

*) См. „Русскій Архивъ" сего года, выпускъ 7-й, стр. 388.

На сколько утѣшительны душѣ моей отношенія ко мнѣ владыки Леонида! Многіе не понимаютъ его. На сколько онъ внимателенъ къ совѣсти своей, на столько въ немъ желанія ко спасенію душъ. Какъ пріятно видѣть его смиреніе. Съ какою онъ любовію къ батюшкѣ о. Иліи. А о себѣ что̀ скажу? Не стою и стопы ноги его, а онъ съ какой отеческой любовію и довѣріемъ ко мнѣ грѣшной!

1872 года 10-го Сентября прибылъ къ намъ съ освященія изъ Саввина монастыря новый благочинный, архимандритъ Пименъ. Можетъ быть, какъ распорядитель, онъ и хорошъ, но мнѣ не по сердцу: не умѣетъ цѣнить ничего высокаго. Покойный владыка Филаретъ для него вовсе не близокъ; да онъ и не въ состояніи понять его, такъ какъ и многихъ другихъ добрыхъ людей. Онъ скорѣе похожъ на сыщика полиціи, чѣмъ на духовное лицо, не смотря на то, что ведетъ разговоръ отъ Писанія и духовными выраженіями. Господи прости мое мышленіе и, можетъ быть, осужденіе! Былъ онъ у м. Іоанны, велѣлъ дать ей послушаніе церковницы въ больничной церкви; она приняла съ любовію. Для чего и съ какою цѣлію сіе сдѣлано, не знаю.

1872 года 22-го Сентября покрыли рясофоромъ сестру Дарью, воспитанную съ трехъ лѣтъ въ монастырѣ бабушкой ея, монахиней Евфросиньей, которая умирая передала ее, 13-ти лѣтнее дитя, на мои руки. Нынѣ ей 30 лѣтъ. Способна и умна. Нарекли Никандрой, въ память чада моего, взятаго Господомъ. Вотъ милостію Божіею уже и мои дѣтишки въ дѣла входятъ: ты, Никандра, а тамъ рясофорная Евфросинья, Емилія, Юлія, всѣ могутъ, каждая въ свою мѣру, быть добрыми слугами обители. Дай Богъ!

Припомнился мнѣ разсказъ покойной матушки Евгеніи. Она, въ бытность свою въ Москвѣ по дѣламъ обители, всегда останавливалась въ домѣ дѣтей своихъ, а моихъ родителей. Однажды, возвратясь отъ владыки-митрополита, она съ смущеніемъ передавала имъ, что, пріѣхавъ на подворье, она нашла тамъ одну изъ Московскихъ игуменій и когда онѣ вмѣстѣ вошли, то святитель пригласилъ матушку на диванъ съ собой рядомъ, а Московской сказалъ: «*а ты постой, изомнешься*». На ней была нарядная ряса, а на матушкѣ Евгеніи, по обычаю, грубаго манатейнаго сукна. Владыка любилъ простоту и даже нищету въ монашескомъ образѣ. Забыла сказать: въ послѣдній годъ жизни своей на Пасхѣ отецъ и владыка прислалъ мнѣ въ замѣнъ пасхальнаго яйца въ благословеніе Св. Евангеліе, которое по смерти моей предоставляю тебѣ, чадо мое, монахиня Евгенія, какъ благословеніе святителя и мое грѣшное. Двѣ надписи къ книгамъ, даннымъ на благословеніе митрополитомъ Филаретомъ разнымъ лицамъ. *1-я, на Евангеліи*: «Имамы извѣстнѣйшее апостольское и пророческое слово, ему же внимающе добрѣ тво-

ритѣ, дондеже день озаритъ и денница возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ. Внемли, Господи, душѣ внимающей слову Твоему! *2-я, на третьей части его бесѣдъ*: Искренно ищущій душевной пользы найдетъ ее и не въ совершенномъ словѣ».

Лучшій собесѣдникъ мой—воспоминаніе объ отцѣ и владыкѣ Филаретѣ. Случилось ему однажды замѣтить между двухъ личностей, имъ руководимыхъ, раздраженіе. Онъ всѣ мѣры употреблялъ къ прекращенію гнѣва словомъ назиданія; когда же оно оказалось недѣйствительно и гнѣвъ продолжался, тогда виновной запретилъ читать молитву Господню «*Отче нашъ*», пока не испроситъ прощенія. Бывало, на вопросъ о правилѣ келейномъ скажетъ: «Миръ, любовь, служеніе другъ другу, безъ разбора лицъ и положеній свѣтскихъ, вотъ жертва Господу пріятная; а правило каждой, что̀ по силѣ, то и неси». А самъ-то всякую ночь неопустительно исправляетъ его! Часто говаривалъ: «Бѣги чести, и честь побѣжитъ за тобой; гонись за честью и славой міра, они отвратятся отъ тебя.» Меня всегда держалъ онъ строго. Я, во все время моего отношенія къ нему, не слыхала, чтобы онъ привѣтливо похвалилъ мои дѣйствія. Однажды только, не помню по какому случаю, онъ будто мимоходомъ сказалъ: «Да, такъ, это разсудительно». И это простое слово было выше всякой награды! Не любилъ владыко хвалить и тѣмъ возвозбуждать гордость и самомнѣніе, но миловалъ, училъ, ограждалъ всячески. Я боялась его, такъ что безъ трепета не могла переступить порога его; но одно слово его уничтожало страхъ, и я чувствовала, что чрезъ него исходило на меня Божіе благословеніе. Я, бывало, искала случая, стремилась въ Москву изъ монастыря, чтобы видѣть его, услышать слово его. На мнѣ исполнялось слово Псалмопѣвца: какъ елень желала душа моя слышать слово его! Я никогда не разсчитывала, что̀ сказать и что̀ умолчать: душа моя была открыта предъ нимъ. Не любилъ онъ многословія и всегда отвѣчалъ на вопросъ ясно и кратко. Часто повторялъ: «Что умолчишь, не будешь раскаяваться, а о сказанномъ часто сожалѣть можно». Училъ всегда, какъ можно избѣгать случаевъ могущихъ навести на переговоры и сплетни, даже ежели они сами по себѣ добры и похвальны. «Всегда должно, говорилъ онъ, смотрѣть впередъ на послѣдствія и такъ направлять дѣйствія свои. Старайся такъ жить, чтобы въ сердцѣ были вѣра и упованіе на Бога, въ дѣлѣ заботливость безъ тревоги, а въ умѣ разсужденіе и разсмотрѣніе на десять лѣтъ впередъ. Такимъ образомъ живи и Господу себя и ввѣренныхъ тебѣ вручай».

1873 года 8-го Января преставилась монастырская сестра Варвара; за нѣсколько недѣль до кончины облекли ее въ рясофоръ, оставя по ея просьбѣ прежнее имя. «Не хочу оставлять Великомученицу; она

хранила, миловала меня всю жизнь мою», сказала болящая. Удивительна была ея дѣтская простосердечная вѣра, которая обращалась съ молитвой, какъ съ бесѣдой, къ Господу, къ Владычицѣ, а особенно къ своему патрону великомученицѣ Варварѣ. Къ ней относилась со всякимъ своимъ желаніемъ и простодушно высказывала, что ея слушается великомученица. И точно, когда дня за два до кончины она пожелала сообщиться Св. Таинъ, нашъ священникъ отложилъ до слѣдующаго дня, потому что больная утромъ употребляла пищу. Вечеромъ неожиданно, никѣмъ не вызванный пріѣхалъ изъ Саввина монастыря отецъ-духовникъ и самъ сообщилъ ее, что̀ больной принесло великое утѣшеніе. «Вотъ, сказала она, пожаловалась моей великомученицѣ Варварѣ на священника, а она-то и прислала моего родного батюшку». Терпѣливо и кротко страдала, все послѣднее время ожидала кончины, какъ радостнаго призыва на пиръ. Во все время тяжкой болѣзни своей, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль (больна была чахоткой около 8 лѣтъ), очень часто сообщалась Св. Таинъ, особоровалась слишкомъ за мѣсяцъ, дня за два до кончины выслушала отходныя молитвы, со всѣми прощалась и незамѣтно, тихо предала духъ Господу. Миръ душѣ терпѣливой и безхитростной, вѣчная тебѣ память, милая наша Варварушка! Осталось отрадное чувство полнаго упованія о блаженной участи души ея.

1873 года, 5-го Марта, окончила жизнь наша добрая Варвара Андреевна Эзопина, взросшая съ нами, на 57 году отъ роду. Вся жизнь ея была самоотверженная, посвященная ближнему, не говорю уже о нашемъ семействѣ; но ея любовь и готовность служить простиралась на всѣхъ и каждаго. Миръ доброй и кроткой душѣ ея!

Того же года 17-го Марта, на первой недѣлѣ Великаго поста, вызвала меня въ Саввинскій скитъ болѣзнь нашего почтеннѣйшаго и, смѣю сказать, преподобнаго старца о. Ильи. Слава Богу! Застала его уже не на болѣзненномъ одрѣ, однако еще весьма слабымъ. Встрѣтивъ меня по обычаю съ отеческою любовію и радушіемъ, утвердилъ въ мысли приготовиться на завтра къ пріобщенію Св. Таинъ въ скиту. Мы были втроемъ: сестра о. духовника м. Апполинарія, добрая моя Сашурка Лебедева и азъ грѣшная. Много утѣшилась грѣшная душа моя. Благодарю Господа и старца! Отецъ игуменъ Галактіонъ проводилъ это время въ скиту; онъ подъ гнѣвомъ у преосвященнаго Леонида. Удивительно, какое бываетъ въ людяхъ, совершенно чужихъ, сходство въ нравахъ! Онъ съ преосвященнымъ точь въ точь въ такихъ же отношеніяхъ, какъ мы съ м. Іоанной. Сказать нечего, а отношенія нестерпимы и раздражительны до невозможности. Настойчивая воля и самомнѣніе, кажется, всему причиной. Да между нами еще благодѣтель, котораго при всемъ беречь надо. Тяжко преосвященному съ его горя-

чимъ, но благороднымъ характеромъ. Писала я грѣшная къ нему, просила о прекращеніи духовнаго наказанія игумена, но успѣхъ плохой: терпѣніе владыки надорвано. Не знаю, какъ и что̀ впередъ будетъ. Ну, Богъ съ ними! Возвращаюсь къ возлюбленному моему старцу о. Ильѣ. Онъ оправился, пріѣхалъ къ намъ. По слабости силъ его, раздѣлили сестеръ для исповѣди на двѣ недѣли, на 3 и 4, и Господь призрѣлъ опять на мое недостоинство: о. духовникъ благословилъ пріобщиться въ Субботу на 4-й недѣлѣ. Къ концу поста сообщенія Св. Таинъ конечно быть не можетъ: распутица. Не знаю, за что, почему, отчего, но на душѣ мирно и радостно, хотя по грѣхамъ должна бы быть скорбь и сокрушеніе сердца. Конечно за молитвы старца и другихъ близкихъ.

Хочу записать его совѣты и наставленія.

1) Всегда направлять юныхъ къ пути откровенія, какъ къ необходимому для жизни духовной и вручать ихъ старшимъ для руководства, судя по ихъ сердцу и желанію.

2) Было время, на меня собственно находилъ сильный страхъ смерти. О. духовный преподалъ: положить 33 поклона по числу лѣтъ земной жизни Господа Нашего Іисуса Христа, 10 Божіей Матери, 7 Ангелу-Хранителю, и того 50. Съ помысломъ страха бороться усердно. Молитвой Іисусовой отразить его, а врагу говорить: Что тебѣ? Умру и къ Господу моему пойду, а тебя не боюсь: ни единой власти не имѣешь на мнѣ.

3) Іисусову молитву устную творить какъ можно чаще и четки тянуть сколько возможно, но молитвы умной и сердечной не касаться дерзновенно: для нея нужно безмолвіе.

4) Церковной службы какъ можно держаться; но когда останешься въ келіи, то или самой прочитать или съ кѣмъ-либо другимъ полунощницу безъ 17-й каѳисмы, шестопсалміе, 12 псалмовъ, потомъ 1, 3, 6 часъ или за каждый часъ 50 Іисусовыхъ молитвъ и 7 поклоновъ, и тогда съ мирной совѣстью остаться можно до̀ма или для отдыха или за дѣломъ. 5) *Совѣтъ вмѣсто заповѣди.* Однажды просила я у него какой - либо *заповѣди*, т.-е. наложить на меня что-либо къ постоянному и непремѣнному исполненію. Онъ на сіе сказалъ, что *заповѣдь* дѣло страшное, и неисполненіе ея вяжетъ душу и давшаго, и кому дана; и потому заповѣди не даю, а *совѣтъ* даю и прошу исполнять его. Въ случаѣ же нарушенія души наши не связаны.

6) Хранить самой и внушать другимъ миръ и любовь; она паче поста и молитвы.

7) Когда творишь молитву Іисусову, то не всегда должно говорить *Г. І. Х. С. Б. помилуй мя грѣшную,* а просто: *Г. І. Х. С. Б.*

помилуй мя; ибо мы не вѣдаемъ судебъ Божіихъ, просимъ помилованія въ грѣхахъ, а можетъ быть въ то время угрожаетъ какая - либо бѣда, настойчивое прошеніе раздражаетъ Господне милосердіе. Когда же молишься о содѣянномъ какомъ - либо грѣхѣ, тяготящемъ совѣсть твою, то прилагай къ молитвѣ Іисусовой слова *помилуй мя грѣшную.*

5 Марта къ празднику Благовѣщенія преосвященный разрѣшилъ отъ эпитиміи о. игумена и былъ съ нимъ милостивъ.

Теперь владыко угнетенъ дѣломъ игуменьи Митрофаніи, обвиненной въ фальшивыхъ векселяхъ. Господи, помози владыкѣ Леониду, а ее обрати на путь спасенія!

1873 года 16-го Апрѣля, о. игуменъ Саввина монастыря возведенъ въ санъ архимандрита, въ день Ангела преосвященнаго Леонида и имъ самимъ и посвященъ; но, кажется, отношенія ихъ этимъ не улучшились.

1873 года 5 Іюля совершилось открытіе общины, что̀ въ Лукинѣ, собранной около 1855 года въ с. Пахрѣ близъ церкви однимъ блаженнымъ Иваномъ Степановичемъ, умершимъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ Бозѣ почившій святитель Филаретъ покровительствовалъ и защищалъ словомъ своимъ это малое стадо противъ притѣсненій полиціи и даже генералъ-губернатора Закревскаго. Для устроенія бѣдныхъ сестеръ владыка передалъ имъ усадьбу, пожертвованную г-жею Головиной въ пользу Екатерининской пустыни, настоятель которой нашелъ сей участокъ земли неудобнымъ и ненужнымъ для своей обители.

Вотъ уже три года, какъ онѣ переселились въ новое свое обиталище, при коемъ находится въ саду маленькая каменная церковь во имя Воздвиженія Честнаго Креста, пахотная земля, луга и дровяной лѣсъ. Еще при жизни своей Иванъ Степановичъ, пріобрѣтая пособіе для общины своей у благодѣтелей, познакомился съ семействомъ купца Саватюгина и родственницу его вдову уговорилъ переселиться въ Пахру и управлять обществомъ собранныхъ имъ сестеръ. Она повиновалась призыву, вѣруя, что на то есть воля Божія, и хотя неграмотная и немудрая, но ради Бога несла трудъ управленія и всѣ скорби вкупѣ съ ввѣренными ей. Въ послѣдствіи племянникъ ея Е. Ѳ. Саватюгинъ взялъ на себя попеченіе объ общинѣ, устроилъ настоятельскія келіи, трапезный корпусъ съ церковью въ три этажа, гдѣ помѣщаются келіи для сестеръ, кухню, просфорню и хлѣбную, конный и скотный дворы и маленькую гостиницу; къ тому же и полное содержаніе обители, которая еще не обезпечена никакимъ капиталомъ и кромѣ вышеупомянутой земли ничего не имѣетъ. Преосв. Леонидъ часто говорилъ объ устроеніи этой общины, даже даны были по его приказанію правила общежитія нашего, утвержденныя Святѣйшимъ Сѵнодомъ

и правила келейныя. Въ 1872 году мѣсяца два провели у насъ въ обители двѣ сестры общины, учились шить шапки и рясы; но ясно, что до меня не касалось дѣло. Нынѣ, въ праздникъ сошествія Св. Духа, 28 Мая, прибылъ къ намъ въ обитель купецъ Саватюгинъ съ просьбою отпустить монахинь для постриженія его тетки и одну въ духовную ей мать съ тѣмъ, чтобы оставить ее на неопредѣленное время для учрежденія порядковъ и устава монастырскаго. Конечно безъ письменнаго или личнаго приказанія начальства я не могла этого сдѣлать, отправилась въ Москву, явилась къ преосвященному, тамъ нашла и отца благочиннаго ихъ и нашего архимандрита Пимена. Рѣшили, что должно исполнить просьбу купца Саватюгина. Я предложила въ учредительницы м. Іоанну; а они мнѣ объявили, что должна ѣхать сама принять отъ Св. Евангелія старицу Прасковью Родіоновну (тетку Саватюгина) и водворить м. Іоанну ей въ сотрудницы и помощницу. Преосвященный написалъ со мной письмо отечески милостивое, вызывая м. Іоанну на это послушаніе; она приняла предлагаемое видимо спокойно, стала сбираться, потомъ началось прощаніе, слезы ея приверженныхъ; она въ ночь захворала и отказалась отъ порученія за болѣзнію. Что̀ дѣлать? Надо выбирать другую (такъ было приказано, ибо не были увѣрены въ согласіи м. Іоанны) и везти съ собою. Предлагала двумъ монахинямъ, Мастридіи и Ѳеофаніи; обѣ отказались, представляя свою неопытность въ дѣлахъ хозяйства. Наконецъ, не зная, какъ уладить, сама почти не понимая и видя безвыходное положеніе, предложила м. Клеопатрѣ, исправляющей должность казначеи у насъ въ монастырѣ, простой, неграмотной, но въ теченіе 15 лѣтъ бывшей благочинной и постоянно занимавшейся хозяйствомъ; она за послушаніе согласилась, и на другой день, взявъ съ собою еще двухъ монахинь и тебя, чадо мое, третью, да Елисавету для обученія чтенію и письму, отправились въ Москву въ домъ къ Саватюгинымъ. Преосвященный уже уѣхалъ на Угрѣшу освящать церковь и открывать тамъ народное училище, а оттуда въ Лукино для постриженія. Посадили насъ въ карету и по мучительной дорогѣ довезли до Лукинской общины, гдѣ насъ ожидали съ великимъ страхомъ. Нашли мы, правда, собранныхъ сестеръ; но это стадо безъ пастыря, жалкія и сиротливыя, земля невоздѣланная, но кажется добрая; порядка, разумѣется, ни малѣйшаго, и даже есть какая-то примѣсь раскольническихъ привычекъ, но не убѣжденій. Я вмѣнила себѣ въ обязанность со всѣми недоумѣніями обращаться къ о. благочинному; но, видя, что его рѣшенія не приходятся къ дѣлу и могутъ еще навести на непріятность, я стала относиться и вопрошать преосвященнаго, всегда отечески ко мнѣ грѣшной расположеннаго, и вмѣсто гостей, какъ намъ указывалъ о. благо-

чинный, мы сдѣлались хозяйками и распорядительницами въ новой обители. Во время всенощнаго бдѣнія пріѣхалъ владыка съ о. архимандритомъ Пименомъ; я ихъ встрѣтила, и преосвященный приказалъ приготовить монастырское одѣяніе сестеръ, положить у подножія иконы Іерусалимской Божіей Матери, собрать всѣхъ сестеръ и послѣ всенощной, совершивъ молебенъ Владычицѣ міра, окропилъ одѣянія св. водой и облекъ избранныхъ, а на утро за литургіей, которую совершалъ о. благочинный Пименъ, постригъ настоятельницу и нарекъ ее Павлой. По окончаніи литургіи онъ сказалъ трогательное слово, въ которомъ выразилъ всѣ понесенные ими труды и скорби и потомъ, вмѣсто обычнаго врученія по постриженіи, обратился къ старицѣ, которой уже около 75 лѣтъ, изнуренной душевными и тѣлесными трудами, желая ей совершить подвигъ настоятельства, а меня грѣшную призывалъ къ содѣйствію ей любовію и усердіемъ для учрежденія и устройства.

Кажется, старица довольна принятіемъ образа ангельскаго и открытіемъ общины, но уже не въ силахъ нести никакого подвига иноческаго. Потомъ владыка со всѣми посѣтителями и вкупѣ съ сестрами раздѣлилъ общую монастырскую трапезу и, отъѣзжая, приказалъ мнѣ быть у него на Угрѣшѣ. Пробывъ два дня съ новопостриженной и сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія относительно порядка и службы церковной, я простилась съ сестрами и, оставя свою старуху м. Клеопатру и сестру Елисавету на неопредѣленное время, явилась къ преосвященному, который объявилъ мнѣ, что поручаетъ открытую общину моему попеченію и вліянію и что желаетъ видѣть въ ней Аносинскій порядокъ и устройство. Дѣлать нечего, надо было съ покорностію принять порученіе. Конечно, довѣріе начальства, мнѣніе незаслуженное объ нашемъ благоустроеніи, не скрою, было для меня лестно и дало поводъ къ борьбѣ съ чувствомъ тщеславія, всегдашнимъ врагомъ человѣческой природы; но послѣ первыхъ минутныхъ впечатлѣній ясно представились и весь предстоящій трудъ, и недостатокъ собственныхъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и люди, которыхъ можно употребить, и рядъ могущихъ встрѣтиться столкновеній и непріятностей. Но на все воля Господня! Вѣрую, что и въ немощи и неразуміи нашемъ сотворитъ силу Свою и устроитъ все на пользу вновь насажденнаго винограда Своего.

Того же года, по указанію преосвященнаго Леонида, поселилась на нѣсколько недѣль дѣвица Обухова Елисавета Трофимовна, 25 лѣтъ, писательница и, кажется, духовная дочь преосвященнаго. Похоже, что имѣетъ намѣреніе къ монашеской жизни; но не знаю, гдѣ она намѣрена проходить ее, у насъ или гдѣ въ другомъ монастырѣ. Чтò изъ сего Господь устроитъ? Буди воля Его!

Того же года 12 Іюля Обухова передавала намъ многое. Она знаетъ много ученыхъ личностей, многихъ изъ духовенства, чтитъ глубоко память въ Бозѣ почившаго Филарета. Между прочимъ передавала слѣдующее: 1) Покойный владыка въ юбилей своего 50-лѣтія возложилъ на преосвященнаго Леонида омофоръ, который былъ на немъ при посвященіи въ епископы, чтὸ немало всѣхъ удивило; скорѣе этотъ даръ долженъ былъ принадлежать преосвященному Игнатію, родственнику его, но святитель разсудилъ иначе. Пр. Леонидъ хранитъ его какъ сокровище и возлагаетъ при служеніи въ день рожденія въ Бозѣ почившаго владыки, 26-го Декабря. 2) Въ первые дни послѣ кончины митр. Филарета схимникъ, жившій въ Лаврѣ (имени его Обухова не запомнитъ, онъ уже умеръ) видитъ во снѣ, что святитель Филаретъ приноситъ ему и даетъ тяжелыя вериги.—Не могу носить ихъ, святый владыко, говоритъ старецъ, они мнѣ не подъ силу. — Я ихъ носилъ 50 лѣтъ, а тебя не носить прошу, а беречь ихъ; носить будетъ тотъ, кто пойдетъ седьмой за тѣломъ моимъ. Когда шествіе съ тѣломъ преставившагося владыки входило въ Лавру, седьмымъ шелъ преосвященный Леонидъ *).

1873 года 19 Іюля получила скорбную вѣсть, что изъ Лукинской общины больную Клеопатру привезли въ Москву въ домъ купца Саватюгина; употребляли всѣ средства, но все осталось тщетно: она, пріобщась Св. Таинъ, скончалась въ 6 часу утра 19 Іюля послѣ кратковременной болѣзни. Прислали за видомъ, необходимымъ для похоронъ; я должна была просить преосвященнаго Леонида, который былъ въ Саввинѣ монастырѣ, разсмотрѣть посылаемый мною видъ и еще исходатайствовать у игуменьи Ново-Дѣвичьяго монастыря дозволеніе положить тѣло м. Клеопатры въ ея обители. Нашъ милостивый отецъ, владыка Леонидъ, отнесся письмомъ къ иг. Евпраксіи, прося отъ своего имени дать послѣднее жилище старицѣ, окончившей свой земной путь на дѣлѣ труднаго послушанія. 18 лѣтъ мы были съ ней въ мирномъ и согласномъ служеніи; ея кроткій нравъ сносилъ мою горячность, а я старалась понести ея медленность. Она была смиренна, сознавала вполнѣ, что должность казначейская, проходимая ею послѣдніе два года, неудобоисполнима для нея, смотрѣла, какъ могла, съ усердіемъ за хозяйствомъ, а расчеты, дѣлà, разъѣзды, посѣщенія, пріемъ посѣтителей и утонченныя распоряженія въ порядкѣ предоставляла тебѣ, чадо, не только не завидуя, но радуясь; смотрѣла, что ты, дѣлая за нее, пріобрѣтаешь опытъ и можешь занять ея мѣсто.

*) Кончиною преосв. Леонида въ 1876 году разрушились всѣ мечтательныя предсказанія. Вотъ опасность вѣрить сновидѣніямъ. Храни Богъ! Какъ разъ въ прельщеніе введетъ врагъ.

На погребеніе поѣхали ея другъ и дочь отъ Евангелія м. Макрина, племянница покойной юная Евдокія, м. Мастридія и старушка Гаврилова. Миръ праху твоему или лучше миръ доброй душѣ твоей, послушливое и доброе чадо обители! Поступивъ 17 лѣтъ еще при основательницѣ обители игуменьи Евгеніи, проходила она разныя послушанія въ теченіе 40 лѣтъ, что̀ не могло обойтись безъ столкновеній и скорбей разнаго рода.

Того же года 22 Іюля, къ вечеру, мы встрѣчали нашего возлюбленнаго владыку преосвященнаго Леонида. Возвращаясь изъ Саввина монастыря и отобѣдавъ 22-го у П. Г. Цурикова, онъ прибылъ въ нашу пустыню. Прослушавъ въ Троицкомъ соборѣ многолѣтіе, всѣхъ благословлялъ и въ краткой рѣчи выразилъ свое участіе о кончинѣ м. Клеопатры, ублажая подвигъ послушанія ея. 23-го, послѣ заупокойной литургіи, самъ совершалъ панихиду, за которой поминалъ въ Бозѣ почившаго владыку митропол. Филарета, игуменью Евгенію, новопреставленную м. Клеопатру и многихъ другихъ, обѣдалъ у Любови Васильевны Васильевой, которая нанимаетъ флигель у сестры Варвары Семеновны (и эта особа ютится ко мнѣ грѣшной; она въ близкихъ отношеніяхъ съ княжной Анной Ивановной Гагариной). Вечеромъ, за всенощной подъ храмовой нашъ праздникъ преосвященный выходилъ на литію и величанье, на другой день служилъ литургію и совершалъ крестный ходъ вокругъ монастыря, кушалъ въ трапезѣ съ нами и посѣтителями, между коими былъ и П. Г. Цуриковъ. Вечеромъ всѣ пошли внизъ къ сестрѣ Варварѣ Семеновнѣ; тамъ въ саду устроили чай, и хоръ нашихъ монастырскихъ сестеръ пѣлъ разные гимны и псалмы, между прочимъ любимый псаломъ владыки *Хвалите имя Господне* Болгарскимъ напѣвомъ. Преосвященный былъ привѣтливъ и милостивъ отечески со всѣми; возвратясь въ монастырь, прошелъ по садику около нашего флигеля и посѣтилъ въ немъ всѣ келіи. На слѣдующій день, 25-го, опять служилъ по случаю двухъ именинницъ, Анны Сергѣевны Цуриковой и сестры своей Олимпіады Васильевны, послѣ литургіи былъ молебенъ. Кушалъ кофе у меня въ келіяхъ и, возвратясь въ свою, вызвалъ тебя, чадо, чтобы сказать о предстоящемъ тебѣ послушаніи быть исправляющей должность казначеи, и далъ 100 рублей для раздачи нашимъ сестрамъ и богадѣленкамъ-старицамъ на чай. Всѣхъ благодарилъ, въ рукодѣльной взялъ для подарковъ бездѣлюшекъ, зашелъ къ схимницѣ Аннѣ и отправился въ Москву па обѣдъ къ сестрицѣ Олимпіадѣ Васильевнѣ. Наканунѣ посѣтилъ Е. Т. Обухову. Милость и любовь владыки оцѣнить невозможно; все ему нравится, всѣмъ доволенъ, а ко мнѣ грѣшной являетъ не только отеческую милость, но братскую любовь и довѣріе. Ѣздила въ Москву благодарить

преосвященнаго за посѣщеніе, и ему угодно было оставить меня у себя обѣдать запросто вдвоемъ. Стòю ли такого истинно-родственнаго расположенія? Господь утѣшаетъ насъ любовію святителя; намъ остается только благодарить, цѣнить и всячески хранить ее.

1873 года, въ постъ Успенія Пр. Богородицы, 11-го Августа сообщались мы Св. Таинъ. Во время литургіи, послѣ нѣкотораго смущенія духа, пришла мнѣ мысль: можетъ быть въ послѣдній разъ въ жизни сподобляюсь я сей святыни, и возмущаютъ меня пустяки, не стоющіе вниманія. Мысль о смерти не встревожила меня, а напротивъ успокоила, и я въ мирномъ духѣ предала себя волѣ Господа моего. Послѣ обѣдни батюшка о. Илья пришелъ ко мнѣ въ келію и по краткой бесѣдѣ, въ которой я и не упоминала о мысли моей, онъ, прощаясь со мной, говоритъ съ улыбкой: „*желаю въ мирѣ и радости дождаться и будущаго поста*“. Точно его свѣтлая душа провидѣла впечатлѣнія моей грѣшной душеньки. Чту и люблю сердечно духовно-мудраго старца, извнѣ простаго и ненаученаго мудрости вѣка сего.

1873 года 20 Августа полученъ указъ объ утвержденіи исправляющей должность казначеи тебя, чадо. Видно, Господу такъ угодно; какъ ни старалась отдалить это назначеніе во избѣжаніе непріятностей внутри монастыря, но Господь творитъ по Своему мудрому смотрѣнію. Имѣй всегдашнее усердіе въ дѣлѣ, имѣй терпѣніе на столкновенія и любовь все прощающую и вся терпящую. Милость преосвященнаго умѣй цѣнить.

Того же года 29-го Августа посѣтило обитель семейство Шереметевыхъ, уже внуки Надежды Николаевны Шереметевой, родной сестры матушки игуменьи Евгеніи. Старшая за графомъ Пушкинымъ, меньшая Анна, дѣвица, и невѣстка ихъ, жена ихъ брата Василія, рожденная Столыпина, которая мнѣ очень пришлась по сердцу, кроткая, серьезная, богобоязливая женщина. Все прошедшее воскресло въ памяти. Родственная связь, ихъ радушіе, религіозное направленіе сдѣлали между нами пріятное отношеніе. Онѣ пріѣхали навѣстить Любовь Васильевну и всѣ вмѣстѣ у насъ провели нѣсколько часовъ весьма пріятно. Все семейство глубоко чтитъ преосвященнаго Леонида. Къ 18 Сентябрю, въ 50-лѣтній юбилей обители, обѣщали пріѣхать.

Того же года 8 Сентября, была я въ Саввинѣ монастырѣ въ день праздника Рождества Богородицы. Владыка Леонидъ, подписывая резолюцію на облеченіе въ рясофоръ двухъ послушницъ, вспомнилъ и о *своемъ Кіевскомъ чтецѣ* (такъ называетъ онъ Александру Лебедеву, она теперь около меня келейной), приказалъ и ее облечь, благословилъ иконой и четками, съ отеческою любовію наставлялъ и ласкалъ ее, поручая ей мое спокойствіе. Чада мои дорогія, васъ Господь соеди-

нилъ! Съ 12 лѣтъ Саша взросла на твоихъ рукахъ и потомъ душею ввѣрилась твоему попеченію. Блюди ее и веди въ Царство Небесное! Васъ соединяетъ какое-то духовное осѣненіе. Помнишь ли, когда подавала я прошеніе въ Бозѣ почившему митр. Филарету о опредѣленіи тебя указомъ въ монастырь, то приснопамятный святитель, снявъ четки съ руки своей, благословилъ тебя, сказавъ: *„благословляю тебя монашеской рукой“*. Не могу забыть того проницательнаго и глубокаго взора, который вперилъ на тебя святитель и той любвеобильной улыбки при твоихъ отвѣтахъ на его вопросы. Впослѣдствіи ты получила нѣсколько иконъ отъ него. Юная наша Сашурка Лебедева также почти въ томъ же обстоятельствѣ, отъ чада владыки Филарета, преосвященнаго Леонида, получаетъ четки и икону. Да почіетъ на васъ обѣихъ благословеніе святителей и да совокупляетъ васъ въ духовной любви и здѣсь и въ будущей жизни неразлучно! Прошу, какъ отъ присныхъ чадъ моихъ, молитвъ о мнѣ грѣшной.

Въ это же мое пребываніе въ Саввинѣ монастырѣ совершилось рѣшеніе на вступленіе Обуховой въ обитель. Владыка Леонидъ съ отеческимъ участіемъ и любовію отнесся къ ней. Господи благослови начало новой ея жизни! Просила я владыку осчастливить обитель въ день 50-лѣтія своимъ прибытіемъ и служеніемъ, чего онъ самъ желалъ и задолго о семъ говорилъ. Сдѣлано распоряженіе. Возвратясь въ обитель, начали съ радостію дѣлать нужныя приготовленія къ празднику. Павелъ Григорьевичъ пришелъ на помощь и далъ на издержки 350 р. с.

Сентября 16-го числа съ вечера совершена заупокойная вечерня съ панихидой о митр. Филаретѣ, матушкѣ Евгеніи и о всѣхъ почившихъ сестрахъ обители, присовокупя ближайшихъ родныхъ приснопамятной нашей основательницы. На другой день 17 числа къ 8 часамъ утра раздался ударъ колокола и возвѣстилъ прибытіе владыки. Срѣтили мы его у св. вратъ; онъ вошелъ прямо въ церковь, и послѣ литіи началась заупокойная утреня; на 17-й каѳизмѣ облачался святитель и передъ отпускомъ на могилѣ матушки игуменьи совершилъ литію, потомъ нерасходно обѣдня, молебенъ св. мученицѣ Любови за именинницу Любовь Васильевну, у которой и кушалъ въ этотъ день. Вечеромъ торжественная всенощная и кончили около полуночи, и когда провожали владыку въ келіи его, небо было ясно и звѣздно; потомъ поднялся вѣтеръ, нашли облака, и сумрачное утро обѣщало ненастье. Вставъ рано, я обошла монастырь, сдѣлала распоряженія, какъ вдругъ нашъ отецъ и владыка требуетъ тебя, чадо, и отдаетъ тебѣ свои приказанія. О, на сколько утѣшилось мое грѣшное сердце, когда я увидѣла, что ты по волѣ святителя распоряжалась, устраивала, хлопотала; я радовалась, смотря на тебя, что ты уже не мнѣ одной

принадлежишь, но вошла въ общее и явное служеніе обители, что ты уже жезлъ старости моей! Въ 9 часовъ ударили къ обѣднѣ и, когда служащіе пришли за владыкой къ служенію, и я съ ними, срѣтилъ онъ меня съ иконою преподобнаго Саввы, списанной въ первый разъ съ той, которая стоитъ въ соборѣ Саввина монастыря на мѣстѣ погребенія преподобнаго, писанная игуменомъ Діонисіемъ вскорѣ по преставленіи угодника Божія, и на сей иконѣ внизу сдѣлана надпись: *Сія святая икона списана съ древней, стоящей надъ мѣстомъ погребенія преподобнаго Саввы Сторожевскаго чудотворца, принесена изъ обители Препод. Саввы Леонидомъ епископомъ Дмитровскимъ во благословеніе Борисо-Глѣбской Аносиной пустыни игуменьѣ Евгеніи съ сестрами 1873 года Сентября 18-го.* Съ чувствомъ благодаренія облобызала я икону и приняла ея пришествіе, какъ знаменіе благодатнаго покровительства Преподобнаго. Она предшествовала владыкѣ, и на пути къ церкви онъ, смущенный ненастной погодой и боясь дождя, вопросилъ меня, не устроить ли ходъ до литургіи? Не знаю сама почему и какъ, но я сказала, что лучше въ свое время послѣ обѣдни. Владыка соизволилъ; вошли въ храмъ Живоначальной Троицы и поставили икону на правой сторонѣ у клироса. Началась литургія, поминались на заупокойной эктеніи всѣ способствовавшіе устроенію обители: императоръ Александръ I, митрополиты Петербургскій Серафимъ, Московскій Филаретъ, Кіевскій Филаретъ, архіепископъ Парѳеній, іеромонахъ (гробовой въ Ростовѣ) Амфилохій. Потомъ была проповѣдь, которую произносилъ самъ преосвященный съ глубокимъ чувствомъ; онъ вспомянулъ все участіе и милость въ Бозѣ почившаго архипастыря Филарета, его посѣщеніе послѣ освященія Саввинскаго скита и въ ту минуту, когда онъ повѣствовалъ, что бѣлый клобукъ святителя виднѣлся посреди иноческаго собранія, и солнце ярко озаряло его, въ эту минуту облака разошлись, и солнечный лучъ упалъ прямо на проповѣдующаго святителя, котораго очи были наполнены слезами и голосъ измѣнялъ слову. Неожиданное озареніе всѣхъ поразило: точно благодать Божія возсіяла на воспоминающихъ. Дивныя дѣла Божія надъ обителью! П. Г. Цуриковъ, стоявшій рядомъ со мной, азъ грѣшная и многіе другіе проливали слезы умиленія и благодаренія. Безъ сомнѣнія молитвы почившихъ митр. Филарета и мат. игуменіи Евгеніи сливались съ молитвою церкви; они духомъ присутствовали и благословляли сіи священныя для обители воспоминанія. По окончаніи проповѣди вижу и изумляюсь, что монахини собираются къ алтарю у сѣверной двери, и между ними схимница; износятъ незнакомыя мнѣ иконы и между ними образъ Владимирской Божіей Матери въ серебряной вызолоченой ризѣ (съ краевъ вычеканено: *Леонидъ е. Д. игуменьѣ Евгеніи Б. Г. А. мона-*

стыря, 1873 года 18 Сентября), даютъ на руки смиренной схимницѣ Аннѣ еще образъ Св. Іоанна Златоуста въ окладѣ такомъ же (сзади на доскѣ надпись на слоновой кости золотомъ: *въ знакъ благодарности и искренней любви отъ преданныхъ дѣтей матери нашей игуменьѣ Евгеніи въ память 50-лѣтія обители, 18-го Сентября 1873 года*) и Св. Троицы. Святитель съ амвона призываетъ меня, благословляетъ первой иконой, говоря: *Вы уже имѣете въ храмѣ вашемъ святыню Успенскаго собора, вотъ и другая; ее вручаю вамъ нынѣ въ благословеніе отъ меня.* Потомъ, взявъ слѣдующую, сказалъ онъ: *Сію икону, на коей изображенъ святитель, въ день памяти котораго даровалъ вамъ Господь жизнь, столь полезную многимъ, приносятъ вамъ сестры обители вашей въ знакъ ихъ дѣтской признательности.* Наконецъ, принесши третью икону, произнесъ: *Примите благословеніе отъ благодарнаго причта храма вашего.* Послѣ сего ходъ двинулся. Ясное и теплое солнце озаряло шествіе. Рядъ иконъ, несомыхъ монахинями, за ними шли священнослужители въ бѣломъ блестящемъ облаченіи, сопровождаемые владыкой, который былъ въ голубомъ бархатномъ сакосѣ, бѣломъ глазетовомъ омофорѣ, въ сіяющей золотомъ митрѣ, съ жезломъ въ рукахъ и, какъ пастырь добрый, велъ за собой стекшійся народъ. Внезапная благорастворенность воздуха, строй и порядокъ шествія, вѣяли на душу чѣмъ-то благодатнымъ изъ иного міра. Казалось, души праведныхъ усопшихъ шествовали съ нами и молитвами своими усугубляли торжественную молитву живыхъ. По возвращеніи въ церковь прочтена благодарная молитва съ колѣнопреклоненіемъ, потомъ обычное многолѣтіе. Владыка разоблачился, благословлялъ народъ и пошелъ съ посѣтителями въ мою келію, гдѣ кушалъ чай. Давно желалъ преосвященный учредить у насъ *чинъ возношенія панагіи*, что̀ въ первый разъ нынѣ и совершилось благолѣпно послѣ трапезы, гдѣ кушалъ самъ владыка, служащіе, посѣтители и всѣ сестры вкупѣ. Общее вниманіе всегда смущаетъ меня; во все время оно было обращено ко мнѣ. Думала я, что теперь уже конецъ; но и тутъ старшій священникъ обратился ко мнѣ съ рѣчью благодаренія и похваленія. Нечего дѣлать, надо было смиренно выслушать и привѣтливо благодарить за усердіе. Затѣмъ наши клиросныя запѣли громогласное многолѣтіе, и шествіе служащихъ со владыкою двинулось въ церковь, чтобы отнести на мѣсто панагіаръ, и оттуда всѣ посѣтители отправились въ келіи преосвященнаго; тамъ были поданы кофе и десертъ, и за симъ окончилось празднество. Владыка подарилъ обители панагіаръ съ тѣмъ, чтобы каждый праздникъ совершалось *возношеніе панагіи*, чего въ Саввинѣ монастырѣ не могли добиться. Послѣ бесѣды съ милостивымъ отцемъ и владыкой, я благодарила за его отеческую любовь и милость и когда благодарила за его

драгоцѣнное благоволеніе, принося ему въ даръ св. икону, то онъ сказалъ мнѣ, что эта икона ему нравится и потому даетъ ее собственно мнѣ, въ мою келію. Цѣню вполнѣ благословеніе святителя и желаю, чтобы эта икона проводила меня и на вѣчное жилище, что̀ и ему сказала. На другой день 19-го числа владыка былъ на обѣдѣ у Цурикова, куда и я была приглашена, и отъ него онъ уѣхалъ въ Саввинъ монастырь, куда я на другой день, т.-е. 20-го Сентября, и отправилась благодарить преосвященнаго, поднесла отъ обители икону святителя Евменія (день открытія монастыря) и плетеные у насъ въ рукодѣльной золотые воздухи, прося ихъ употреблять при служеніи, какъ собственно ему принесенные. Саввинскій казначей о. Павелъ послѣ передалъ мнѣ слово добраго владыки, что гдѣ будетъ онъ служить, тамъ будутъ и эти воздухи и гдѣ ляжетъ тѣло его, тому храму будутъ и они отданы.

Въ Саввинѣ монастырѣ о многомъ задушевно и откровенно бесѣдовали, между прочимъ и объ архимандритѣ Пименѣ. Я высказала свою мысль чистосердечно; лгать и хитрить не могу предъ возлюбленнымъ моимъ владыкою. Тамъ же встрѣтила строителя Геѳсиманскаго скита о. Анатолія, обѣдали съ нимъ у преосвященнаго, много говорили о незабвенномъ общемъ отцѣ митр. Филаретѣ и между прочимъ, какъ онъ ненавидѣлъ не только явную ложь, но даже всякую тѣнь неправды. О. Анатолій разсказывалъ слѣдующее. Однажды Филаретъ быстро собрался изъ лавры въ скитъ; келейникъ забылъ взять его босовики (туфли кожаныя), зная, что владыко немедля ихъ потребуетъ, ибо имѣлъ привычку въ келіи постоянно носить ихъ, въ тревогѣ проситъ строителя Анатолія дать свои и подаетъ митрополиту. — «Чьи босовики?» — «Ваши; они здѣсь оставались, владыко святый», говоритъ келейникъ. Когда строитель вошелъ, владыко повторяетъ тотъ же вопросъ и получаетъ такой же отвѣтъ. Видя, что это несправедливо, посылаетъ за сапожникомъ скита. — «Кому ты шилъ эти босовики?» — «Отцу строителю», отвѣчаетъ сапожникъ. Узнавъ правду, святитель дѣлаетъ замѣчаніе: «зачѣмъ употреблять ложь.» — «Для вашего спокойствія хотѣли скрыть забывчивость келейника.» — «Ни въ какомъ случаѣ ложь не должна быть. Я не терплю ея».

Забыла сказать, что, отъѣзжая отъ насъ утромъ 19-го числа, владыка благословилъ Обухову оставаться въ монастырѣ съ условіемъ совершеннаго отдаленія отъ ея родителей и родныхъ на цѣлый годъ. Онъ ставитъ высоко ея умъ и дарованіе писательницы. Дай Богъ, чтобы она утвердилась и оправдала надежды владыки. Помѣстили ее въ нашемъ корпусѣ; кажется, имѣетъ желаніе къ покоренію и проста въ обращеніи, а какъ вмѣститъ монастырскую жизнь, Богъ вѣсть.

1873 года 30 Сентября совершено освященіе храма во имя Іерусалимской Божіей Матери въ Крестовоздвиженской общинѣ, чтò въ селѣ Лукинѣ. Преосвященному Леониду угодно поддержать единодушное соединеніе съ нашимъ монастыремъ и даже подчинить это рождающееся общежитіе руководству насъ грѣшныхъ. Для того онъ желалъ, чтобы мы отправились туда заранѣе и все устроили къ освященію. Люблю владыку, чту его свѣтлую и чистую душу, готова все исполнить, чего онъ желаетъ, и потому съ любовію отправила впередъ монахинь Макрину и Филарету для обстановки церкви, устава и чтенія, потомъ и сама съ тобой, чадо, Александрою Лебедевой и Елисаветою Обуховой прибыли въ это неустроенное гнѣздо. Чтò сказать о немъ? Мѣсто удобное, можно бы учредить порядокъ и хозяйственное заведеніе; есть земля, лѣсъ, капиталъ, съ котораго получается до 3000 р. сер., благодѣтели, почитатели основателя, юродиваго Ивана Степановича, а главное, самъ купецъ Саватюгинъ, строитель и попечитель общины; есть между сестеръ и добренькія личности, но головы нѣтъ для управленія, и еще повторю, кажется, въ глубинѣ имѣется закваска невѣжественно-раскольническая. Преосвященный глядитъ впередъ и желаетъ всенепремѣнно, при первой возможности, водворить въ настоятельницы кого-либо изъ нашихъ. Я предложила благочинную нашу мать Ѳеофанію, и въ помощь ей можно дать нѣкоторыхъ изъ сестеръ. Кажется, и Саватюгинъ, со всею своей любовью къ теткѣ, матери Павлѣ, желаетъ ея удаленія на покой, ибо видитъ недостатки, безтолковость и безсмысленность ихъ монастырской обстановки. Трудно будетъ новой начальницѣ переломить ихъ закоренѣлую непокорность, пріобучить къ духовному и внѣшнему порядку. Служеніе начальницы въ этомъ монастырѣ истинно будетъ миссіонерство у какихъ-либо дикарей, да и труднѣе: тѣ ничего не вѣдаютъ, а эти настойчивыя кривотолки. Безъ сомнѣнія, будетъ и награда отъ Господа соразмѣрная труду. Скажу откровенно: предвижу многообразный трудъ, непріятныя столкновенія, но не чуждаюсь, аще Господь благословитъ, помочь въ этомъ дѣлѣ. Не знаю, участіе ли къ нимъ и желаніе имъ добраго, чувство ли внутренняго самолюбія, покореніе ли любвеобильному владыкѣ Леониду, но я съ любовію и сожалѣніемъ смотрю на это блуждающее стадо, не имущее пастыря разумнаго, и готова откликнуться на ихъ духовныя нужды, на сколько Господь вразумитъ мое неразуміе и немощь. Освященіе совершилось благолѣпно и въ порядкѣ. Хоръ пѣвчихъ Чудовскихъ, пышный обѣдъ, много разнородныхъ гостей, купечество, окрестное чиновное дворянство, Угрѣшенское духовенство, во главѣ коего архимандритъ Сергій, нынѣ помощникъ по благочинію архимандриту Угрѣшенскому Пимену, приглашенные священники, наше

монашество, свита владыки и самъ святитель составили общество около 200 человѣкъ. Погода благопріятствовала празднику. Въ концѣ литургіи преосвященный, вручая благотворителю (Саватюгину) и настоятельницѣ Павлѣ икону Знаменія Божіей Матери отъ его высокопреосвященства, произнесъ имъ краткую рѣчь. Служеніе было продолжительное; затѣмъ нескончаемый обѣдъ, потомъ усталость до изнеможенія владыки, краткость дня и дурная дорога заставили преосвященнаго остаться въ Лукинѣ и на 1-е Октября, праздникъ Покрова. Въ 8-мъ часу началась всенощная, которую пѣли сестры общины. На другой день служилъ преосвященный и въ концѣ литургіи сказалъ слово, относящееся болѣе къ сестрамъ обители. По окончаніи была поднесена ему икона Іерусалимской Божіей Матери, въ серебряномъ вызолоченомъ широкомъ окладѣ и, къ моему смущенію, и мнѣ такая же. Потомъ опять обѣдъ и, наконецъ, всѣ разъѣхались, и мы за владыкой на Угрѣшу. Непрерывная и необходимая суета утомила всѣхъ насъ. Съ чувствомъ довольства оставила я Лукино, и за владыкой преважно покатили мы въ четырехмѣстной каретѣ, вмѣсто обычной намъ телѣжки. Едва въѣхали въ Угрѣшенскую монастырскую гостиницу, отъ владыки посолъ, чтобы мы всѣ явились къ нему пить чай. Усталыя и полусонныя, мы исполнили милостивое приказаніе и провели вечеръ въ пріятной бесѣдѣ, вспоминая митрополита Филарета, его образъ дѣйствій и мыслей при руководствѣ къ монашеству. Вмѣстѣ съ нами былъ и архимандритъ Сергій. Онъ мнѣ по духу, простой въ обращеніи, радушный, добросердечный, повидимому, внимательный къ себѣ и ему ввѣреннымъ. Обѣщалъ онъ быть у насъ въ обители, сколько по дѣлу благочинія за о. Пимена, столько и за любовь монашескую.

На другой день, 2-го Октября, ранняя обѣдня въ домовой церкви архіерейскаго дома, потомъ пришли опять къ отцу-владыкѣ. Передъ чаемъ самъ читалъ намъ дневное Евангеліе и Апостолъ и нѣсколько изъ книги *Сказаніе о Св. Отцахъ*, наставлялъ много Е. Обухову, всѣхъ насъ благодарилъ за трудъ и усердіе, далъ мнѣ часть вещей, служившихъ ему при освященіи храма, провожалъ до воротъ обители, въ монастырской лавочкѣ взялъ всѣмъ по иконѣ Св. Николая Чудотворца, въ серебряномъ окладѣ, и всѣхъ насъ благословилъ на путь. Особенно печется владыка о устроеніи Е. Обуховой, видитъ въ ней, какъ мнѣ кажется, болѣе чѣмъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ, увлекается ея талантомъ *писательницы*, воображеніе и слово отъ ума принимаетъ за внутреннее чувство. Отца Пимена на Угрѣшѣ не было: онъ въ Москвѣ. Бѣдный старикъ боленъ, жаль мнѣ его; говорятъ, каменная болѣзнь, дѣлали операцію. Преосвященый удивляется наглости газетъ, которыя клевещутъ, будто о. Пименъ былъ подъ началомъ за дерзкое

обращеніе съ братіей и жилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Екатерининской пустынѣ; можетъ быть, скорбь эта ускорила развитіе болѣзни. Владыка оказываетъ ему всякое вниманіе и участіе и подвигаетъ къ тому же всѣхъ подчиненныхъ, кто слушаетъ его.

Въ обитель я возвратилась уже 4-го Октября. Всѣ сестры срѣтили съ радостію и любовью, спаси ихъ Господи! Любовь Васильевна тоже привязалась душою и скучала безъ меня; перешла на осень въ ограду, въ Мухановскій домъ, ходитъ въ трапезу и совершенно довольна своимъ пребываніемъ.

1873 года, кажется, 14-го Октября. Какое бываетъ странное ощущеніе въ человѣкѣ! Есть истины божественныя, которымъ вѣришь вполнѣ; но онѣ не входятъ ясно въ умъ и сердце, а стоятъ какъ бы у вратъ ума; ихъ случается иногда выразить словомъ-другимъ въ назиданіе, иногда приходитъ самой разсужденіе о нихъ, и не смотря на это, существо не проникнуто ихъ святостію, сердце не умѣетъ чувствовать и оцѣнить все сокровище божественной премудрости, и вдругъ, безъ всякой особой причины, безъ чтенія, безъ молитвы, онѣ являются и поражаютъ душу, врѣзываясь ясно въ умѣ и сердцѣ. Такъ нынѣ случилось и со мной. Я проснулась утромъ, начала вставать къ утрени довольно лѣниво, взоръ упалъ на икону Распятаго Спасителя, и явилась мысль свѣтлая, ясная, глубокая. Какая цѣль всей жизни? Какъ и чѣмъ достигнуть соединенія со Христомъ?—*Очищеніемъ сердца*, былъ внутренній отвѣтъ. И эта мысль свѣтло разъяснилась въ умѣ и сердцѣ.

20-го Октября исполнили резолюцію преосвященнаго Леонида: накрыли рясофоромъ двухъ представленныхъ, Ксенію и Евдокію, и нашу дорогую Сашурку. Слава Богу, да укрѣпитъ и поможетъ ей Господь во всемъ.

3-го Ноября. Любовь Васильевна уѣхала въ Москву со скорбію и слезами и тамъ скучаетъ. Чтò будетъ изъ всего этого? Нынѣшнее лѣто было очень суетно, не столько многочисленностью посѣтителей, сколько необходимостью въ осторожности съ живущими подлѣ обители и гостящими внутри оной. Чтò же сказать и какъ обсудить себя? На столько ли принесено душевной пользы разнаго рода людямъ, ищущимъ совѣта и утѣшенія, на сколько сдѣлано ущерба моему внутреннему душевному состоянію? Не нахожу отвѣта.

Того же года 9-го Декабря. Сердечное ощущеніе, бывшее 14-го Октября, такъ нынѣ разъяснилъ на духу нашъ драгоцѣнный старецъ, о. духовникъ Илія. Сердечный голосъ, вѣщающій объ *очищеніи сердца*, сопровождаемый мирнымъ духомъ, безъ страха и возмущенія, есть гласъ Ангела-Хранителя. Читай чаще молитву *Царю Небесный* и пр., твори Іисусову молитву и Богородицѣ; молитвою *очищается сердце.* Память

смертная, иногда со страхомъ бываемая и съ яснымъ напоминовеніемъ грѣховъ содѣянныхъ, есть строгое Божіе указаніе. Мирная же мысль о смерти, въ полной надеждѣ на милость беззприкладную Господа, есть Его милостивое указаніе и ободреніе на страшный часъ смерти и суда: всегдашняго страха ни одинъ человѣкъ вынести бы не могъ. Не нахожу слова, достойнаго для нашего старца; да продлитъ Господь дни его на пользу многихъ!

Того же года 18-го Декабря, была въ Москвѣ по волѣ преосвященнаго, была у его сестры Ушаковой, живущей въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Еще новое трудное сношеніе. Себѣ боюсь тщеславнаго смущенія, для нея сомнѣваюсь, будетъ ли польза отъ моего скудоумія. Не умѣю я бесѣдовать съ людьми учеными и ожидающими отъ меня чего-то. За послушаніе исполнила волю владыки, а тамъ да управитъ все Господь! Можетъ быть, окончится однимъ этимъ посѣщеніемъ. Сестра преосвященнаго даже понятія о духовномъ устроеніи не имѣетъ, какъ и всѣ живущіе въ мірѣ люди, хотя и въ стѣнахъ монастырскихъ. Съ м. игуменьей у нея общеніе поверхностное; онѣ не сходятся.

Въ 1874 году въ концѣ зимы распространился слухъ о намѣреніи всѣхъ сословій Москвы изъявить преосвященному Леониду признательность и любовь свою въ день посвященія его во епископа и совершить торжественное поздравленіе по случаю 15-ти лѣтняго епископскаго его служенія церкви Московской въ чинѣ викарія. Рѣшилась поднести ему въ этотъ знаменательный день *Аѳонскую деревянную рѣзную панагію*, подаренную мнѣ при моемъ вступленіи въ монастырь въ 1849 г. митр. Филаретомъ. Придѣлала цѣпочку изъ серебряной проволоки съ перламутровыми перенизочками, устроила футляръ изъ пальмоваго дерева съ надписью на верху: *Панагія, присланная со Св. Горы Аѳонской въ Бозѣ почившему митрополиту Московскому Филарету*. На ребрѣ крышки спереди въ срединѣ *26-е Апрѣля* (день посвященія) и подъ симъ на ящичкѣ *1859—1874*. 24 Апрѣля отправилась я въ Москву, чтобы имѣть возможность прежде всѣхъ и безъ стеченія многочисленныхъ посѣтителей принести поздравленіе и приношеніе. Едва пріѣхала въ Москву на квартиру сестеръ Озеровыхъ, отобѣдала, легла отдохнуть, сбросивъ лѣтнюю одежду и даже обувь; вдругъ слышу суету и шумъ. Сашурка вбѣгаетъ и возвѣщаетъ, что нашъ драгоцѣнный владыка самъ хотѣлъ узнать, пріѣхала ли я, и, услыша, что я уже здѣсь, вошелъ, чтобы видиться со мною. Не помню, какъ я вскочила съ кровати, нашла теплые сапоги, безъ чулокъ наскоро надѣла ихъ, не знаю, что попалось ряса или дорожный халатъ, и выбѣжала встрѣтить его на крыльцо. Кушалъ чай у насъ, былъ такъ радушно-родствененъ, что я истинно

не нахожу словъ къ благодаренію. Я просила дозволенія быть у него на другой день. Онъ назначилъ къ ранней обѣднѣ въ 7 часовъ и, пробывъ съ нами около получаса, уѣхалъ домой. На утріе встали рано съ Сашей и отправились на подворье. Ждали обѣдню съ часъ. Владыка былъ занятъ, въ 8 часовъ она началась, и въ концѣ ея преосвященный, узнавъ, что именно 25 Апрѣля день моего посвященія въ игуменство (чему минуло въ это число ровно 20 лѣтъ) самъ служилъ многосложный молебенъ евангелисту Марку, страстотерпцамъ Св. Борису и Глѣбу и благодарный тутъ же. Въ первую минуту я смутилась (не терпитъ душа моя никакихъ особенностей собственно изъ-за меня); но любовь и милость архипастыря могли ли не преодолѣть смущенія, тѣмъ болѣе, что постороннихъ никого не было, и я успокоилась. Невольно слезы свидѣтельствовали о благодарномъ чувствѣ къ Богу и Его святителю. Войдя въ пріемную, я принесла поздравленіе съ 15-тилѣтнимъ служеніемъ и поднесла панагію, которую онъ принялъ съ любовію и надѣлъ на всенощное бдѣніе наканунѣ своего торжества. Я же 25-го, испрося дозволеніе, уѣхала въ Лавру, гдѣ была на панихидѣ по владыкѣ Филаретѣ, которому и отъ преосвященнаго воздала поклоненіе, испрашивала благословеніе на продолженіе служенія церкви (какъ онъ мнѣ поручалъ). Видѣла отца архимандрита Антонія. Это уже совершенное разрушеніе; слабый, опершись на костыль, сидѣлъ старецъ на диванѣ въ своей гостиной, принялъ съ любовію, но уже краснорѣчіе его исчезло, хотя онъ въ совершенной памяти; не смѣя утруждать его, приняла благословеніе, вѣроятно въ послѣдній разъ, и вышла съ грустнымъ чувствомъ изъ его келіи. Помню его красиваго, крѣпкаго съ волей непреклонною; теперь же управляетъ дѣлами *соборъ*, а онъ почти недвижимый и тѣломъ, и волей. Говорятъ, ему 85-й годъ.

Возвратясь изъ Лавры, нашла просфоры, письма и поздравленія отъ обители со днемъ моего 20-тилѣтія въ настоятельствѣ, такія задушевныя, такія дѣтски-преданныя, не только отъ сестеръ обители и отъ тебя, чадо, но даже отъ причта монастырскаго, что, желая сообщить мое сердечное чувство роднымъ моимъ, не могла прочесть ихъ: слезы радости и благодаренія отнимали и голосъ, и слово. Присланная вами мать-благочинная до слезъ оскорбилась, что уже на застала меня въ Москвѣ; я спѣшила уѣхать, чтобы не пропустить часа отбытія машины на желѣзной Лаврской дорогѣ. Да воздаетъ Господь и тебѣ, мое родное чадо, и всѣмъ сестрамъ Своею милостью и благодатью и да хранитъ навсегда обитель въ мирѣ и любви послѣ многихъ и долгихъ волненій и немирствія!

Долго не могла я добраться до преосвященнаго. Онъ заваленъ дѣлами; наконецъ 30-го Апрѣля обѣдала у него и провела весь вечеръ. Онъ милостиво разсказывалъ о днѣ торжества своего, по случаю 15-тилѣтія, показывалъ приношенія отъ всѣхъ сословій города. Владыка не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ общемъ намѣреніи и изъявленіяхъ. Послѣ всенощной, когда изъ церкви вошелъ въ гостиную, первое увидѣлъ накрытый скатертью столъ и на немъ кувшинъ и лохань для архіерейскаго служенія серебряные, вызолоченые, превосходной работы. На кувшинѣ вокругъ вычеканены виды по серебру: *Виѳаніи*—начало монашеской жизни преосвященнаго; *Московской Семинаріи*, гдѣ былъ ректоромъ; храмовъ *Св. Духа и Филарета Милостиваго въ Лаврѣ*, гдѣ покоится тѣло митр. Филарета; *Саввина монастыря*—ему принадлежащаго по викаріатству; *дôма Саввинскаго подворья*—мѣсто его жительства; дôма министра въ Петровскомъ-Разумовскомъ, гдѣ проводитъ онъ лѣтнее время. На днѣ лохани изображенъ весь *Кремль* при лучахъ заходящаго солнца, гдѣ принялъ онъ хиротонію. Г-нъ Сухотинъ отъ лица всего дворянства говорилъ привѣтственную рѣчь и просилъ не отвергнуть усердія и приношенія дворянскаго общества. Владыка отвѣтствовалъ на привѣтствіе. Тутъ же отъ княгини Черкаской поднесена была большая серебряная вызолоченая лампада. Владыка благословлялъ и отпускалъ присутствующихъ поздравителей, стоя. На другой день послѣ обѣдни пріемная и гостиная еще до выхода преосвященнаго изъ церкви были наполнены старшимъ духовенствомъ. Протопресвитеръ, соборные протоіереи, архимандриты и игумены монастырей съ иноками и прочее духовенство съ просфорами. Это зрѣлище поразило владыку. Мысль, знаетъ ли о семъ митрополитъ Иннокентій? Это празднованіе можетъ показаться излишнимъ и для него щекотливымъ и непріятнымъ, а ему скорбно, чѣмъ бы то ни было, возмутить спокойствіе высокопреосвященнаго; эти мысли до того смутили пр. викарія, что онъ не могъ ничего говорить. Въ это время входитъ намѣстникъ Чудова монастыря съ иконой Нерукотвореннаго Образа Спасителя и съ поздравительнымъ отеческимъ письмомъ изъ Петербурга отъ архипастыря, писаннымъ собственною рукою. Нашъ преосвященный, обрадованный вниманіемъ старца-митрополита, оправился, оживился, и все приняло иной видъ. Всѣ начали подходить съ иконами и привѣтствіями, на которыя онъ отвѣтствовалъ. Потомъ г-нъ Востанжогло съ первенствующимъ купечествомъ поднесъ драгоцѣнную брилліантовую панагію цѣною около 6000 р. сер. За ними градской голова Шумахеръ, отъ Градской Думы, привѣтствуя рѣчью, просилъ дозволенія учредить стипендію въ Духовной Академіи для 3-хъ бѣднѣйшихъ студентовъ на 4-хъ годовой курсъ съ именемъ преосвященнаго. Владыка былъ тро-

нутъ и веселъ, всѣхъ благодарилъ. Вѣроятно, адресы и рѣчи будутъ напечатаны. По полудни часа въ 2 приходили игуменьи Московскихъ монастырей съ иконами. Послѣ того былъ обѣденный столъ у него на 19 особъ, между коими изъ мірскихъ были братъ и сестра владыки и П. Г. Цуриковъ, благодѣтель нашъ. Теперь владыка отвѣчаетъ на адресы и дѣлаетъ благодарственныя посѣщенія почетнымъ лицамъ.

Вечеромъ много говорили о духѣ измѣненія и перемѣнъ и о случившемся у насъ отъ нѣкоторыхъ дерзкомъ требованіи монашества, чего прежде и думать не смѣли: такъ духъ времени вторгается мало по малу въ самыя уединенныя мѣста и обители. Владыка утѣшилъ меня много, давъ рукопись свою, какъ онъ встрѣчалъ всю августѣйшую фамилію и высоконовобрачную великую княгиню Марію Александровну, и дозволилъ этотъ эпизодъ занести въ нашу монастырскую лѣтопись. Торжество его 15-тилѣтняго юбилея, напечатанное въ газетахъ, тоже вписала я въ лѣтопись.

Въ томъ же 1874 году, въ день Св. Пасхи, извѣщена я была возлюбленнымъ моимъ преосвященнымъ Леонидомъ о полученіи награды золотымъ наперснымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными каменьями. Сколько тронуло меня благорасположеніе святителя, столько и смутило. Сознавая вполнѣ, что виднаго ничего не сдѣлано, за что бы можно наградить, и что мнѣ всегда тягостна всякая особенность, я желала, ежели бы возможно, отстранить отъ себя всякую видимость и предпочтеніе. Писала я къ нему откровенно, чтобы умиротворить себя, и милостивый отвѣтъ владыки и вниманіе его прекратили мое смущеніе. Самъ же онъ радовался, какъ дитя, что ходатайство его имѣло успѣхъ. Ему хотѣлось, чтобы къ 25 Апрѣлю, дню, въ который минуло 20 лѣтъ моему настоятельскому служенію обители, возложить на меня высочайшую награду, писалъ о томъ къ митрополиту въ Петербургъ; но крестъ не былъ готовъ, и надо было ждать времени. Наконецъ 28-го Мая съ почты получила крестъ, и съ нимъ отправилась я въ Москву, желая, чтобы преосвященный самъ возложилъ его на меня, какъ знакъ его отеческаго расположенія. Но онъ разсудилъ иначе, помня слово Св. Апостола «*ему же честь честь*», приказалъ придти къ нему утромъ и послѣ пріема просителей ввелъ меня въ моленную близъ алтаря своей домовой церкви, возложилъ крестъ на Св. Престолъ, прочелъ оному тропарь, краткую ектенію за игуменію Евгенію съ сестрами, окропилъ св. водой, благословилъ имъ меня и отправилъ къ митрополиту, сказавъ, что ждетъ меня къ обѣду спрыскивать обнову.

Всегда мнѣ грустно и трудно входить на Троицкое подворье, куда столько лѣтъ привыкла входить съ благоговѣйнымъ страхомъ и

сердцемъ, исполненнымъ вѣры и любви къ усопшему отцу и благодѣтелю митрополиту Филарету; кажется, что чувство это и умреть со мною; но невозвратнаго не возвратишь! Вѣрую, что благословеніе его почіетъ надъ обителью, и можетъ быть почившій владыка призритъ и на меня грѣшную.

Вошла. Обождавъ нѣсколько, зовутъ къ высокопреосвященному. Старецъ принялъ благосклонно, спросилъ: «Кто это?—«Я изъ Аносиной пустыни настоятельница игуменья Евгенія. Приношу глубокое благодареніе за вашу архипастырскую милость: по почтѣ я получила крестъ и прошу усердно сотворить другую, возложивъ его на меня вашею святительскою рукою». Старцу митрополиту видимо было пріятно, что я дѣйствовала не въ силу недавняго указа Св. Сѵнода, чтобы не утруждать иногородныхъ, представленныхъ къ наградамъ, а пусть сами оныя возлагають.—«Хорошо,» сказалъ онъ, «гдѣ крестъ?» Осязалъ мою голову (ибо онъ почти слѣпъ) и надѣлъ на меня. Указалъ мѣсто, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о хозяйствѣ, о благосостояніи обители и по просьбѣ юной Александры (Саши-монаха) благословилъ ее серебрянымъ крестикомъ, спросилъ, давно ли живетъ въ монастырѣ и отпустилъ съ миромъ.

Когда къ 3 часамъ явились мы къ преосвященному, его не было дома: онъ отлучался для распоряженій въ храмѣ Спасителя, который Государемъ порученъ его надзору. Не прошло 5 минутъ, стукъ кареты возвѣстилъ его возвращеніе. Едва осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ предъ дверьми церкви своей, его радостный взоръ обратился на меня. Опять онъ повелъ въ молельную меня и Александру, сказавъ ей: «намъ съ тобой надо молиться и благодарить Господа, иди съ нами». Прочелъ благодарную молитву, и мы вошли въ гостиную, въ которой никого не было.—«Что, Саша-монахъ, наша родная-то матушка въ драгоцѣнномъ крестѣ! Ну, что скажешь?»—«Кушать готово,» сказалъ вошедшій слуга. Входимъ, столъ на три прибора и накрытъ по праздничному.—«Матушка, прошу покорно на мое мѣсто: вы виновница нашего праздника.» Я въ смущеніи откланиваюсь, отнѣкиваюсь, но владыка непреклоненъ: «непремѣнно, за послушаніе.» Нечего дѣлать, надо покоряться. Подаютъ блюда мнѣ первой; право, и аппетитъ пропалъ, смерть совѣстно, точно я была кукла нарядная. Преосвященный и Саша сѣли по сторонамъ. Обѣдъ отличный, все время владыка не спускалъ глазъ съ креста и наконецъ сказалъ: «радуюсь, что сдѣланъ со вкусомъ и прочно.» Въ концѣ обѣда Шампанское. «За здравіе нашей родной матушки,» сказалъ владыка. Мы обѣ прикоснулись губами къ бокалу. «Пей, Александра: вѣдь это нашъ праздникъ съ обителью; въ лицѣ твоемъ всю обитель поздравляю и привѣтствую съ ра-

достью.» При отъѣздѣ отозвалъ ее отъ меня и далъ 25 р. на гостинцы сестрамъ. «Я хочу, чтобы въ этотъ радостный день всѣ были утѣшены и ваша трапеза украшена десертомъ; дай особо схимницѣ и м. Евгеніи.»

Отблагодаривъ отъ глубины души добраго и любвеобильнаго святителя, отправились мы навѣстить сестру Кругликову и ей показать крестъ. Тамъ радость выражалась объятіями и распросами. На другой день рано утромъ поспѣшили отъѣздомъ въ обитель. У самыхъ вратъ монастыря увидѣла я тебя, чадо, и твой взоръ, твои горячія объятія и слезы безъ словъ высказали твое радостное чувство. Войдя въ ограду, увидѣла не только сестеръ, но и семьи причта и даже всѣхъ работниковъ, служащихъ при обители; въ келіи ожидали меня монахини и сестры клиросныя; едва переступила порогъ, раздался концертъ, приготовленный по этому случаю (достала его м. Филарета, не знаю гдѣ, разучила), и съ такой дѣтской любовію и восторгомъ онѣ пѣли, что невозможно было удержать слезъ, видя ихъ любовь и усердіе. Всѣ поздравляли, кто плакалъ, кто смѣялся отъ радости. Заставили меня надѣть крестъ, разсматривали, благодарили Бога и владыку. Сегодня 4-е Іюня угощеніе въ трапезѣ; приглашены причтъ и живущіе около обители, съ ними Любовь Васильевна, которая прибыла на лѣто въ свое жилище у сестры Варвары Семеновны.

Послѣ трапезы и молитвы о. діаконъ провозгласилъ многолѣтіе, и мои клиросныя опять воспѣли его! Всѣ благодарили съ такою непритворною радостію, что, кажется, самое холодное сердце не могло не быть тронуто. Странникамъ тоже былъ приготовленъ праздничный обѣдъ. Когда возвращались въ келію, устроены были столы въ нашемъ садикѣ и приготовленъ кофе для причта, гостей и нашихъ пѣвчихъ. Погода была чудная, и когда дѣти клиросныя запѣли: *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ*, казалось, что вся природа пѣла вмѣстѣ съ ними; птички точно вторили имъ, и вѣтерокъ, шелестя въ вѣтвяхъ деревъ, нашептывалъ хвалу Создателю! Весь вечеръ проведенъ мирно и пріятно, всѣ веселы и радостны, и что̀ для меня было утѣшительно, одна изъ *дерзко просившихъ монашества* просила прощенья, сознавая свою вину.

Слава Богу! Милое чадо мое! Твоя любовь и усердіе устроили праздникъ для обители и утѣшеніе моему грѣшному сердцу. Да воздастъ тебѣ Господь Своею милостію и благодатью!

При празднованіи 50-лѣтняго юбилея обители, въ 1873 году 18-го Сентября, былъ награжденъ набедренникомъ младшій священникъ Смирновъ, а представленъ мною къ камилавкѣ старшій Левитскій; нынѣ онъ и получилъ 1874 года 14 Іюня, возвратился радостный и утѣшен-

ный до зѣла изъ Москвы, почти слезно благодарилъ меня, давая мнѣ понять, на сколько онъ тронутъ. Онъ хотя звѣздъ не исчиталъ, но добраго сердца человѣкъ.

Сего же 14 Іюня получила я письмо отъ преосвященнаго, изъ котораго ясно видно, что княгиня Анна Ивановна ускользаетъ изъ рукъ его; видно, что вліяніе его на ея душу исчезаетъ, а о насъ чтò и говорить? Всегда ласкова, мила, но душевнаго, глубокаго, сердечнаго ничего нѣтъ. Міръ и богатство держатъ въ когтяхъ ея добрую душу; а владыка скорбитъ о душѣ ея. Больная тревожная, стремится сама не знаетъ куда, совѣта не пріемлетъ. Чтожъ тутъ сдѣлаешь? Да хранитъ и управитъ ее Господь. Е. Обухова начинаетъ входить въ чувство любви уединенной жизни. Господь благословитъ... будетъ, кажется, доброе чадо обители. И Болотова Марья Михаиловна приходитъ въ разумъ. На дняхъ посѣтилъ обитель графъ Бобринской съ дѣтьми; былъ женатъ на одной изъ Шереметевыхъ, но она умерла, оставя трехъ сиротъ.

Того же года 20-го Іюля, въ праздникъ Св. Пророка Иліи, наканунѣ Воскресенья, совершалось всенощное бдѣніе; передъ шестопсалміемъ по обычаю погашены свѣчи предъ мѣстными иконами храма Живоначальной Троицы. Когда, предъ пѣснію *Хвалите имя Господне*, одна изъ молодыхъ церковницъ подошла зажигать свѣчу предъ иконой Покрова Б. Матери, едва взялась она за чашечку налѣпка, свѣча сама собою возгорѣлась. Послѣ я спросила у нея, замѣтила ли она, какъ загорѣлась свѣча; она не обратила вниманія. Эта сестра вообще еще не внимательна и разсѣянна (Олимпіада). Я сказала, что, вѣроятно, оставалась искра, и надо гасить осторожнѣе впередъ. Вообще не люблю обращать вниманія юныхъ на сверхестественное: онѣ впадаютъ въ суевѣріе и уже во всякой бездѣлицѣ ищутъ чудеснаго. Но я сама видѣла. Не знаю, замѣтилъ ли кто еще изъ присутствующихъ, и Богъ вѣсть, чтò причинило и чтò означало внезапное возгорѣніе. Какъ искрѣ таиться въ фитилѣ все время чтенія шестопсалмія и двухъ каѳисмъ и загорѣться безъ приближенія огня, отъ одного легкаго движенія при прикосновеніи къ налѣпку руки? Такъ какъ всегда и во всемъ покровъ Владычицы осѣняетъ насъ всѣхъ грѣшныхъ: можетъ быть, Она и этимъ хотѣла явить Свою милость; можетъ быть, кто изъ праведныхъ уже отшедшихъ отъ насъ пребывалъ съ нами и симъ явилъ свое присутствіе. Богъ вѣсть!

Того же 1874 г. къ 17 Іюля, по обычаю, преосвященный Леонидъ прибылъ въ Саввинъ монастырь къ ихъ празднику, но къ 20 долженъ былъ возвратиться для крестнаго хода въ Москву, потому что некому изъ архіереевъ было замѣнить его. Мы теряли надежду видѣть его

24-го Іюля въ праздникъ нашей обители Св. Бориса и Глѣба; но любвеобильной святитель не захотѣлъ оскорбить *малое стадо*, любящее его сердечно и нелицемѣрно. Наканунѣ, послѣ нѣкотораго колебанія о своемъ отъѣздѣ изъ Москвы, рѣшился ѣхать, и въ 6-мъ часу пополудни срѣтили мы его у св. вратъ монастырскихъ. Потомъ обѣдалъ у Любовь Васильевны, отдохнулъ, и уже въ 8½ час. началось всенощное бдѣніе, наутріе литургія, ходъ около ограды, потомъ кушалъ въ трапезѣ вкупѣ съ нами, съ причтомъ и посѣтителями. Вечеромъ посѣтилъ сестеръ Озеровыхъ. Закуска у меня въ кельѣ, и наконецъ въ первый разъ экзаменъ юнымъ сестрамъ обители. Отвѣчали удовлетворительно изъ Новой Скрижали: о богослуженіяхъ, о монашеской одеждѣ, о значеніи и раздѣленіи храма, о панагіи, еще заученную древнюю лѣтопись о убіеніи Св. Благов. Кн. Бориса и Глѣба. Владыка остался доволенъ, замѣтилъ, что осмысленно отвѣчаютъ, и далъ на память всѣмъ экзаменованнымъ дѣвчатамъ по подмоточкѣ, которыя дѣлаются у насъ же въ монастырѣ для продажи. Дѣти наши были въ восхищеніи. Учитъ ихъ Елисавета Обухова. Владыка премудро поступилъ, ничѣмъ не отличивъ ея отъ прочихъ: это сдержитъ ея самолюбіе и самомнѣніе. О, жалкое, барское, избалованное, горделивое, напыщенное воспитаніе! Какъ портитъ оно самую душу! Но я не безъ надежды; толчки неминуемые переработаютъ и, можетъ быть, будетъ настоящимъ человѣкомъ. Призовемъ въ помощь Господа и возмемъ терпѣніе, имъ все превозмогается; мы съ тобой, чадо, на себѣ не разъ сіе испытывали. Владыка благословилъ, отъѣзжая, мнѣ книгу *Толкованіе на псалмы* для помощи при обученіи сестеръ; зашелъ къ схимницѣ Аннѣ, ко мнѣ въ келью, къ тебѣ, чадо, потомъ въ церковь, всѣхъ благодарилъ, всѣхъ благословилъ, простился и поѣхалъ въ Москву, обѣщаясь къ 1-му Августу возвратиться въ Саввинъ монастырь на весь Успенскій постъ. Мнѣ не велѣлъ ѣздить въ Москву благодарить за посѣщеніе, а «увидимся въ Саввинѣ на свободѣ», сказалъ привѣтливо святитель.

Того же года въ Успенскій постъ мы говѣли. Нашъ преподобный старецъ отецъ-духовникъ Илія пробылъ по обычаю слишкомъ недѣлю; бесѣдуя о необходимости отсѣкать всякаго рода пристрастія, дабы избѣжать отвѣта предъ Богомъ за удовлетвореніе страстямъ своимъ, разсказалъ о себѣ слѣдующее. «Когда я жилъ еще въ міру, былъ молодъ, постоянно страдалъ кровотеченіемъ изъ ноги; врачъ посовѣтовалъ мнѣ нюхать табакъ, и точно кровь унялась; но я такъ привыкъ къ табаку и такое возымѣлъ къ нему пристрастіе, что не такъ какъ лѣкарство употреблялъ, но не могъ обойтись безъ него самое краткое время. Когда поступилъ въ Площанскую пустынь и предалъ себя старцу въ руководство (который и доселѣ живъ, и я веду съ нимъ духовную

переписку), то онъ совѣтовалъ оставить табакъ, какъ пристрастіе неприличное и даже грѣховное въ монастырѣ, толкуя мнѣ, что каждый членъ, служившій пристрастію, будетъ осужденъ; что Господь все прощаетъ, Его милосердіе покрываетъ всякой покаянный грѣхъ, когда онъ не повторяется, а такъ какъ въ нюханьѣ табаку нѣтъ и раскаянія, ибо не почитаютъ это пристрастіе за грѣхъ, то оно остается непрощенно и, что ежели я буду продолжать, то будетъ осуждено мое обоняніе на ощущеніе вѣчнаго зловонія; прочіе грѣхи, какъ покаянные, простятся, а носъ понесетъ осужденіе. Слова не помогали, старецъ отучалъ, унося мою табакерку, я же въ бумажкѣ носилъ табакъ; наконецъ, за слово его, началъ бросать, но не могъ воздержать себя и опять начиналъ нюхать. Видя свою немощь, усердно и постоянно молился Владычицѣ, чтобы Она открыла мнѣ тайну словъ старца и отняла бы отъ меня грѣховное пристрастіе. По разнымъ обстоятельствамъ я долженъ былъ оставить Площанскую пустынь и перешелъ въ скитъ Саввы Сторожевскаго въ самомъ началѣ его устроенія. Продолжалъ молиться Владычицѣ и бороться со своею страстію, и вотъ однажды, подойдя къ своему искушенію, т.-е. къ табаку, ощутилъ отъ него такое нестерпимое зловоніе, котораго подобнаго нѣтъ на землѣ, такъ что нѣсколько дней сряду оно меня преслѣдовало. Тогда-то я понялъ, что̀ говорилъ мнѣ старецъ; понялъ, что Владычица услышала молитву мою, и бросилъ табакъ совершенно. Кровь снова появилась, но я небрегу о семъ: это кровотеченіе хотя докучно и непріятно, но облегчаетъ голову и зрѣніе; лучше его потерпѣть, чѣмъ въ будущемъ ощущать вѣчное зловоніе за грѣховное пристрастіе». Вотъ намъ примѣръ, какъ очищеніе души должно идти впереди всего. Жизнь старца не сократилась: ему 80 лѣтъ, здоровье не пострадало.

1874 года въ Августѣ мѣсяцѣ рѣшилась я посѣтить игуменью Коломенскаго Брусенскаго Успенскаго дѣвичья монастыря Ангелину, бывшую Гликерію, дочь моей старушки-няни, товарища моего перваго дѣтства. Она поступила въ Б.-Г. Аносинъ монастырь вскорѣ послѣ его открытія, постоянно была келейной у матушки Евгеніи, воспиталась духовно подъ ея руководствомъ и впослѣдствіи перешла съ монахинею Олимпіадой въ Коломенскій монастырь, куда сію послѣднюю назначилъ настоятельницей митрополитъ Филаретъ. Жизнь игуменіи Олимпіады описана подробно въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и, кажется, думаютъ издать ее особою книжкой. Мнѣ хотѣлось отъ м. Ангелины узнать подробности о внутренней жизни незабвенной нашей матушки Евгеніи. Но м. Ангелина ни писемъ, ни документовъ никакихъ не имѣетъ; любитъ, чтитъ память своей матери духовной и благодѣтельницы; но память уже измѣняетъ, и потому многаго не могла она мнѣ передать.

Нынѣшняя поѣздка въ Москву и въ Коломну была мнѣ пріятна, и потому хочу подробно записать ее.

Въ Субботу, 17-го Августа, выѣхала я послѣ ранней обѣдни, по обычаю при прощаньѣ сопровождаемая за св. врата толпою монастырскихъ сестеръ. Иногда мнѣ и надоѣдаютъ эти прощанья, но въ душѣ всегда ощущаю благодарность къ Богу и къ моимъ *монашечкамъ* за ихъ любовь и усердіе. Пріѣхали въ Новую Слободу, въ пустую квартиру сестеръ Озеровыхъ, благополучно. На другой день, въ Воскресенье, отправились на Саввинское подворье; во время обѣдни прибылъ какой-то генералъ, военный, въ густыхъ эполетахъ, во многихъ орденахъ, и намъ всѣмъ объявили, что владыка никого принять не можетъ. Однако мы дождались конца литургіи, чтобы принять благословеніе, и преосвященный, увидя меня, съ привѣтомъ сказалъ: *милости просимъ*, тоже самое семейству Ломовыхъ, своимъ родственникамъ и Натальѣ Ивановнѣ Толстой, которая съ внучкомъ пришла принять благословеніе на помѣщеніе мальчика въ Катковскій лицей. Я первая вошла въ гостиную. Владыка, обратясь къ сидѣвшему уже съ нимъ генералу, говоритъ: «Рекомендую вамъ, ваше высокопревосходительство, игуменью Аносина монастыря, о которой часто вамъ говорилъ; это моя матушка-настоятельница». Генералъ сказалъ какое-то привѣтствіе, я въ смущеніи что-то несвязное проворчала, и меня посадили на диванъ между преосвященнымъ и генераломъ. Подали чай; я сидѣла, какъ кукла, безмолвная; между ними шелъ разговоръ о дѣлахъ государственныхъ и вообще серьезный, не по моему уму-разуму. Наконецъ, когда всѣ разошлись, владыка спросилъ: «Знаете ли вы, кому я васъ представлялъ?»—«Понятія не имѣю, св. владыко».—«Это бывшій министръ Зеленой. Сначала мы служили вмѣстѣ. Честный, правдивый слуга отечества и царя; онъ боленъ, большею частью живетъ за границей, лѣчится».—«Владыка, къ чему вы такъ меня отрекомендовали? Я отъ смущенія едва не закричала».—«Чтò это, мать моя, развѣ мы въ лѣсу?» А самъ въ удовольствіи, что возвеличилъ меня предъ членомъ Государственнаго Совѣта. Милость и расположеніе владыки достойно я цѣнить не умѣю. А самолюбію-то какая пища! О, какъ надо всегда быть на стражѣ своихъ ощущеній; тщеславіе такъ и готово вкрасться въ душу и въ сердце. На другой день съ Сашей-монахомъ, всегдашней моею спутницей, обѣдали въ Петровскомъ-Разумовскомъ у владыки, гдѣ онъ проводитъ лѣто. Гуляли вмѣстѣ съ нимъ въ саду, видѣлись съ сестрицами его, провели вмѣстѣ пріятно часть вечера, и я испросила дозволеніе ѣхать въ Коломну.

На другой день, въ 11 часовъ утра, мы покатили по Рязанской желѣзной дорогѣ, и къ 3-мъ часамъ были у воротъ дѣвичьей Успен-

ской Брусенской обители. Стоитъ она около древней зубчатой городской стѣны, которая и составляетъ часть ея ограды; монастырь штатный, но имѣетъ общую трапезу, хуторà съ хлѣбопашествомъ, огородами и скотоводствомъ, для содержанія оной. Кажется, можно бы устроить общежитіе, но м. игуменья больна, глуха и стара: трудно взяться ей за преобразованіе. У нихъ три общихъ монастырскихъ корпуса, прочія кельи принадлежатъ своимъ владѣльцамъ. Церковь выстроена игуменьею Олимпіадой, хороша, просторна, содержится чисто; но есть что-то такое, чтò не представляетъ обители, а точно приходскій храмъ. Служба идетъ довольно хорошо, пѣніе манерное, но неизящное, вообще нѣтъ строя монастырскаго и вкуса въ обстановкѣ. Монастырь тѣсный и некрасивый. Особенныхъ занятій нѣтъ, только нѣсколько сестеръ ходятъ въ больницы, для хожденія по очереди за больными, и за это получаютъ онъ монастыря плату по 2 р. въ мѣсяцъ; пища посылается имъ изъ монастыря. Земское управленіе очень ими довольно. Игуменья встрѣтила насъ съ радостью и любовью; свидѣлись, какъ старые друзья, завязалась бесѣда живая и сердечная; она съ утѣшеніемъ припоминала свое дѣтство, свою жизнь съ матушкою Евгеніей. Постараюсь, для памяти и назиданія всѣмъ намъ, записать.

1) При открытіи еще общежитія матушкѣ Евгеніи была рекомендована ея хорошею знакомою, г-жею Неклюдовой, проживавшая въ Александровскомъ монастырѣ Матрена Ивановна, впослѣдствіи при постриженіи наименованная Серафимой; она ее вызвала къ себѣ въ обитель, вручила надзоръ, сдѣлала смотрительницею. Матрена Ивановна вошла въ должность, положила начало монашескому устроенію, ввела келейное правило, порядокъ въ богослуженіи, обучила уставу, обряду въ трапезѣ, и вообще держала чинъ монастырскій. Когда матушка вошла въ общежитіе, та покорялась ей безусловно, исполняла возлагаемыя послушанія. Впослѣдствіи, когда матушка была поставлена игуменьей и утвержденъ монастырь, произошли непріятности, сплетни, и Серафима переведена въ Вознесенскій монастырь, гдѣ и умерла. Игуменья Ангелина чтила ее за строгость и монашеское направленіе.

2) Матушка Евгенія несла безчисленныя скорби, сколько отъ болѣзненнаго состоянія, столько отъ совершеннаго одиночества и удаленія людей, ей близкихъ по сердцу: не съ кѣмъ было сказать слова отъ души. М. Анастасія, казначея монастыря, не понимала ея, избѣгала всякаго серьезнаго и дѣльнаго разговора; юная Гликерія была ея единственная собесѣдница, читала по вечерамъ Св. Писаніе, часто Добротолюбіе. При семъ матушка ей говорила слово на пользу душевную: «*Будешь старѣе, послѣ меня можешь найти мое слово и мысль въ моихъ запискахъ*». Онѣ хранились въ письменномъ столѣ; тутъ и пере-

писка съ разными духовными лицами. Но по кончинѣ матушки все утратилось. М. Анастасія, преемница ея, говорила, что все переслано къ Озеровымъ, а что̀ съ записками произошло въ самомъ дѣлѣ—неизвѣстно; дѣло въ томъ, что ни у Озеровыхъ, ни въ обители нигдѣ ничего нѣтъ, кромѣ одной церковной книги, писанной рукою матушки и которая нынѣ хранится въ ризницѣ. Часто Гликерія, сидя на стулѣ при болѣзненномъ одрѣ игуменьи Евгеніи и читая ей, пока та забудется тонкимъ сномъ, сама засыпала крѣпко, падала со стула, роняла книгу и этимъ стукомъ будила забывшуюся страдалицу. За небрежность ставили Гликерію на поклоны, потомъ наставляли, наконецъ прощали, а ночь уже проходила безъ сна. Но наказанія и увѣщанія были переполнены материнской любви и желанія душевнаго исправленія, не досаду и нетерпѣніе возбуждали, а только усугубляли любовь въ сердцѣ юной Гликеріи. Она взяла предосторожность и вмѣсто стула устраивалась на скамеечкѣ подлѣ кровати; когда и случалось задремать и свалиться, то обходилось безъ стуку.

3) Камилавки безъ бахромокъ произошли отъ того, что матушка Евгенія сильно страдала головными болями и для облегченія по камилавкѣ крѣпко стягивала голову сложеннымъ узко платкомъ; бахрома нагнетала виски, а безъ повязки матушка не могла обойтись. Монахиня Серафима 2-я, всегда догадливая и смѣтливая, чтобы успокоить матушку, сшила себѣ камилавку безъ бахромы, сказавъ, что это пустынный древній покрой; матушкѣ очень полюбилась простота покроя, и она приказала себѣ сшить такую же: виски ей не тѣснило, и бахромы отмѣнены. Сестры поворчали, но скоро привыкли, и камилавки безъ бахромы остались навсегда.

4) Въ послѣдній день жизни игуменьи Евгеніи пришли двѣ странницы, Донская казачка и Русская, просились принять ихъ въ обитель. Казначея Анастасія имъ отказала. Гликерія (нынѣ игуменья Ангелина) сказала матушкѣ о скорби и слезахъ просившихся. Она приказала призвать ихъ, обличила Донскую монахиню Олимпіаду, что она говоритъ неправду, называя себя крестьянкою и Русской, тогда какъ она съ Дону. *Ложъ всегда вредна и грѣшна, не употребляй ея.* Приняла обѣихъ, но сказала: *Товарка твоя жить здѣсь не будетъ,* а объ Олимпіадѣ сказала: *Это послѣдній мой пріемъ. Вы будете помнить, кого я приняла; ты, Гликерія, всѣхъ моложе, держи это въ памяти.* Олимпіада потомъ была игуменьей Брусенскаго монастыря, Гликерія (Ангелина) перешла съ ней изъ Аносина, была казначеей и нынѣ, по прошенію всѣхъ сестеръ обители, утверждена игуменьей.

5) Матушка Евгенія стѣсняла себя и лишалась всякаго тѣлеснаго покоя и утѣшенія. Постель ея состояла изъ войлока на доскѣ и ко-

жаной подушки. Мебель: деревянныя, самыя простыя кресла и табуретъ, обитые затрапезомъ. Одежда: манатейнаго толстаго сукна ряса и крашенинный подрясникъ. Бѣлье: двѣ суровыя власяницы, другой перемѣны она не имѣла; въ баню не ходила; когда опрятывали ее по кончинѣ, то это были однѣ изсохшія кости, покрытыя землей, а лицо усопшей сіяло радостью небесной. Кончину свою предузнала. Это описано въ лѣтописи монастырской. Много мы говорили съ игуменьею Олимпіадой о ея подвигахъ, о ея теплой и слезной молитвѣ, о ея твердой вѣрѣ. Нравъ она имѣла пылкій и горячій, но доброта сердца и раскаяніе заглаживали запальчивость нрава. Много понесла трудовъ и клеветы, часто имѣла удивительные сны или, скорѣе, извѣщенія. Запись о всемъ должна быть сохранна въ монастырѣ.

Ходили смотрѣть тотъ храмъ и домъ, гдѣ митрополитъ Филаретъ молился и воспитался отъ 7 до 17 лѣтъ. Встрѣтилъ насъ священникъ храма Живоначальной Троицы. Онъ принятъ въ домъ къ родственницѣ покойнаго святителя. Встрѣтилъ радушно и подробно все показывалъ и объяснялъ. Средній срубъ дома тотъ же; видѣли стѣну, ничѣмъ не залѣпленную и нетронутую еще того времени, кругомъ же сдѣланы пристройки. Покойный владыка, когда я строила домъ для причта и подала ему планъ съ особо пристроенною къ помѣщенію кухней, сказалъ: «Зачѣмъ? Это лишнее; я разскажу тебѣ, какъ мы жили еще въ семьѣ. Когда дѣдушка готовился къ служенію и долженъ былъ читать правило, то, бывало, скажетъ: «*Дѣти, на печку*!» И мы тамъ притаимся до окончанія его молитвы. Такъ пусть и теперь дѣлаютъ. Видѣла комнатку, гдѣ была эта кухня, нынѣ обращена въ переднюю, ибо черезъ нее ходъ въ чистые покои. Ходили на тотъ ручей въ оврагѣ, гдѣ ребенкомъ Васей набиралъ онъ востренькіе камешки и носилъ ихъ въ карманѣ, чтобы ими бить горшки у монахинь Успенскаго монастыря. Доселѣ тамъ въ памяти, что одна изъ монахинь была въ содружествѣ съ матушкою владыки, которая посылала его съ какою-либо домашнею стряпней къ старицѣ-монахинѣ, а онъ, приходя, получалъ за то гостинцы, собранные у всѣхъ старицею для ея милаго Васи. Онъ изъ шалости камешками билъ сушившіеся на колышкахъ горшечки и убѣгалъ домой послѣ проказъ своихъ; сосѣдка, другая монахиня, его бранила и гоняла. Когда уже былъ святителемъ и первостоятелемъ церкви Московской, то назначилъ старицѣ за убытки, что̀ ей творилъ малюткой, по смерть ея ежемѣсячную пенсію 25 р. ас. Видѣли мы храмъ, при которомъ служили іереями дѣдъ и отецъ м. Филарета, нынѣ въ томъ же видѣ обновленный усердіемъ гражданъ Коломны, къ юбилею владыки. Священникъ онаго разсказывалъ, что предъ иконостасомъ находилась спускная лампада (нынѣ запрещаютъ ихъ устраивать, опаса-

ясь паденія), которую, какъ всегда, при окончаніи службы поднимали шнуркомъ выше, чѣмъ во время служенія. Малютка Василій, уставъ отъ службы и видя, что спускъ уже подняли, говорилъ матушкѣ своей: «*скоро кончатъ, молитва къ Богу улетѣла*». Мнѣ обѣщали сдѣлать фотографію этого домика.

Посѣтили Ново-Голутвинъ общежительный монастырь, были у архимандрита Сергія, который принялъ насъ съ радушіемъ и любовію, все показывалъ. Монастырь до него поставленъ былъ штатный, опущенный, безобразный; теперь учредилось общежитіе, обитель обновляется, явились благодѣтели, изъ 16 человѣкъ теперь болѣе 50, служба продолжительная, церкви очищенныя, трапеза, келіи, ризница устроены на монастырѣ, садъ плодовитый и много цвѣтовъ.

Наконецъ, пробывъ двое сутокъ, простились съ м. игуменьей Ангелиной. Благодарила я ее отъ сердца за ея любвеобильный пріемъ; она съ казначеей своей проводила насъ до вокзала желѣзной дороги. Едва ли свидимся еще съ нею; она никуда уже не выѣзжаетъ.

Возвратилась въ Москву 23-го числа. 24-го обѣдали въ Петровскомъ-Разумовскомъ у преосвященнаго. Онъ съ обычною любовію и милостію передавалъ, что встрѣчалъ Царя, что митрополитъ не могъ сего исполнить по нездоровью и писалъ къ Государю письмо, на которое получилъ манифестъ весьма милостивый. Потомъ было открытіе новаго заведенія для дворянъ, обучающихся въ Московскихъ гимназіяхъ и не имѣющихъ родителей или родныхъ, а живущихъ по квартирамъ. Сословіе дворянское для наблюденія за ихъ правильнымъ воспитаніемъ учредило особое заведеніе и дано всѣмъ помѣщеніе и надзоръ, во исполненіе возложенной на сословіе дворянъ обязанности Государемъ Императоромъ слѣдить за нравственнымъ воспитаніемъ юношества. Преосвященный служилъ молебенъ и произнесъ рѣчь. Государь былъ тронутъ, подалъ руку преосвященному и благодарилъ его.

Какъ мнѣ пріятно, что поднесенная мною панагія покойнаго митр. Филарета съ преосвященнымъ вездѣ: онъ цѣнитъ это сокровище. Пробывъ до 6 часа вечера у владыки, въ Разумовскомъ, я взяла письмо къ его сестрицѣ Е. В. Ушаковой и отправилась въ Алексѣевскій монастырь. Чтобы сохранить миръ и приличіе безъ *пачпорта*, т.-е. безъ письма, нельзя туда являться. Говорила съ Екатериной Васильевной, что̀ Господь внушилъ. Она доброе имѣетъ желаніе, но понятія о духовномъ направленіи никакого; жаждетъ бесѣды, но умомъ и сердцемъ принять слова не можетъ, потому, мнѣ кажется, что не ощущаетъ потребности оставить *все* и идти за Христомъ Господомъ; міръ одержитъ въ своей сѣти еще умъ ея и сердце. Она бережетъ свое уединеніе, но не входитъ во внутренную жизнь монашескую и едва ли

монахиней когда быть можетъ. Въ разговорѣ передала она мнѣ слишкомъ лестное моему самолюбію слово преосвященнаго. Она просила у него какую-то книгу, чтобы научиться жить. Онъ отвѣчалъ ей: *ежели бы ты короче была знакома съ м. и. Евгеніей, она тебѣ и безъ книги бы все разсказала.* Боюсь, боюсь мысленнаго фарисея: какъ разъ сотворитъ жилище въ моемъ грѣшномъ сердцѣ. И рукодѣльями всѣ восхищаются; и тутъ пріятно самолюбію, что идетъ успѣшно. Вотъ какъ свято и праведно слово Св. Іоанна Лѣствичника, что тщеславіе словно ёжъ: какъ его ни брось, онъ все ляжетъ спицами кверху. Прошла къ игуменіи Антоніи; та на дачѣ въ своей же обители. Ея новый домикъ чудо какъ милъ, но не для монаха; истинно, это дача! Господи, прости мнѣ грѣшной, не по духу мнѣ ея обстановка.

Была въ Москвѣ у Никитской игуменіи Флоры. Бѣдная старуха ослѣпла, была мнѣ до нельзя рада.

Безъ меня прибыла въ обитель къ намъ монахиня Горицкаго монастыря Арсенія, родная сестра о. архимандрита Пимена, безъ церемоніи объявила, что прибыла вмѣсто о. благочиннаго; приняли ее со всѣмъ радушіемъ, все осматривала до малѣйшихъ подробностей, была очень довольна; ее на нашихъ лошадяхъ доставили до Воскресенска. Благодарю тебя, чадо мое дорогое, что могу отлучиться спокойно,зная, что ты употребишь все стараніе для соблюденія порядка и благоустроенія въ обители.

Княгиня А. И. Гагарина, не смотря ни на чьи совѣты и представленія, ѣдетъ за границу лѣчиться. Сношенія со владыкой, кажется, оставлены, ни въ чемъ совѣта его не ищетъ, о другихъ и толковать нечего. А добрая душа! Все портитъ богатство; нѣтъ препонъ къ исполненію всякаго своего желанія, человѣкъ и вертится въ вихрѣ своихъ помышленій. Бѣдная, жаль ея!

1874 г. въ Сентябрѣ поступила въ обитель Софья Смирнова изъ дворянъ, дочь Над. Мих. Смирновой, проживавшей около обители на гостиницѣ болѣе 20 лѣтъ. Софья проходила должность гувернантки въ домахъ, имѣетъ отличный атестатъ изъ Николаевскаго Института, послѣдніе три года жила у доктора, занималась въ деревнѣ больницей, имѣетъ свѣдѣнія о медицинѣ по практикѣ и чтенію. У насъ водворилась въ должность аптекарши и смотрительницы при нашей монастырской больницѣ. Господи, благослови ея начало!

1874 г. 15 Октября обновленъ въ Воскресенскѣ храмъ Новаго Іерусалима, основанный патріархомъ Никономъ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ. Обновленъ главный престолъ въ честь Воскресенія Христова, великолѣпно, усердіемъ П. Г. Цурикова. Совершалось малое освященіе (ибо св. престола не трогали) митрополитомъ Иннокентіемъ, преосвященнымъ Леонидомъ, протопресвитеромъ Успенскаго собора

Новскимъ, архим. обители Леонидомъ, архимандритомъ Саввина Сторожевскаго монаст. Галактіономъ и протоіереемъ Веніаминовымъ, сыномъ высокопр. Иннокентія. На другой день освященія, по приказанію пр. Леонида, я представлялась митрополиту, просила къ себѣ въ обитель, но конечно онъ не поѣхалъ по старости и слѣпотѣ. Въ покояхъ митрополита встрѣтилъ меня нашъ владыка; онъ боялся, что опоздаю и не воздамъ должной чести митрополиту. Онъ боялся, чтобы чѣмъ-нибудь Аносинъ монастырь не уронилъ себя! Всѣ дѣйствовавшіе при обновленіи храма обѣдали у П. Г. Цурикова и отъ него всѣ въ Москву, кромѣ пр. Леонида, который возвратился въ свой возлюбленный Саввинъ монастырь до 22-го числа. Ѣду прощаться съ нимъ.

19 Сент. приняла благословеніе отъ добраго и милостиваго пр. Леонида и, возвратясь въ обитель, нашла Коломенскую казначею м. Ювеналію, которая исполнила желаніе мое и привезла видъ домика въ г. Коломнѣ, гдѣ митрополитъ Филаретъ провелъ дни юности своей.

Въ бытность мою въ Саввинѣ много толковали объ Елисаветѣ Обуховой. 18-го Сент. были всѣ ея родные. Послѣ свиданія съ ними, такъ какъ годъ испытанія ея оконченъ, я спросила о ея намѣреніяхъ и рѣшеніи, чтобы доложить преосвященному. Она объявила мнѣ и просила передать владыкѣ, что она къ нашей обители никогда расположенія не имѣла и никогда входить въ нее не желала, но сдѣлала это за послушаніе, усматривая въ словѣ владыки волю Божію; что ей очень трудно, но что она еще попробуетъ и потомъ скажетъ добросовѣстно, можетъ ли остаться у насъ навсегда, что въ міръ она не возвратится ни за что, а ежели уже нельзя говорить съ владыкой, то по его отъѣздѣ изъ Саввина желаетъ посовѣтоваться съ о. духовникомъ. Я слово въ слово передала владыкѣ. Онъ былъ удивленъ, никакъ не ожидалъ такого исхода и приказалъ сказать: «Ежели Елисавета думаетъ идти обратно въ міръ, или къ Валеріи перейти въ Страстной монастырь или въ какой-либо Московскій, то должна знать, что это будетъ ея погибель, что дверь моя будетъ затворена навсегда *бѣлянкѣ-монашенкѣ* и ея роднымъ, что срамно будетъ принимать ихъ послѣ всей возни съ ними для устройства Елисаветы. А не угодно ли ей въ Зосимову или въ Бородино?»

Того же года 2-го Ноября былъ оконченъ судъ надъ игуменьей Серпуховскаго монастыря Митрофаніей, приговорена на 14 лѣтъ къ поселенію въ Сибири. Она, говорятъ, подала на аппеляцію въ Сенатъ (по нынѣшнему, не помню, какъ называютъ). Дѣло ужасное, неслыханное въ монашествѣ. Вотъ до чего доводитъ тщеславіе, неудержанное въ первыхъ порывахъ. Господи, сохрани каждаго человѣка!

Того же года сестры Озеровы, согласясь съ другими сестрами, продали домъ родительскій, что̀ въ приходѣ у Св. Власія; въ немъ всѣ мы возросли, всѣ воспитались, въ немъ видѣли всѣ семейныя радости и скорби. Грустно, когда все былое уничтожается; а то пріятно, что купили домъ сыновья сестры Александры Семеновны Глѣбовой, добрые, честные, дѣльные молодые люди, каждый въ своемъ родѣ. Проданъ домъ за 25.000 р. сер. Предварительно было много хлопотъ по этому дѣлу, собирали тщательно всѣ доказательства, что я не имѣю права участвовать въ этомъ капиталѣ. Когда все было окончено, добрые друзья Кругликовы, всегда честные и деликатные, удивили и тронули меня своимъ родственнымъ вниманіемъ и участіемъ, приславъ изъ своей части, состоящей, за издержками по дѣлу, изъ 4.874 р.—829 р. с. на мою долю, деликатно выражаясь, что «эту малую сумму, нашъ почтенный и добрый другъ, ты не откажешь принять для твоей небогатой обители». Спаси ихъ Господи не за деньги, но за ихъ дружбу, любовь, память и вниманіе ко мнѣ грѣшной!

Того же года, въ началѣ Октября, посѣтилъ обитель графъ Шереметевъ съ женой и свояченицей, остались подъ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ отъ обители. Много купили маленькихъ работъ и заказали нѣсколько иконъ. Дай Богъ, чтобы гдѣ-нибудь и что-нибудь дѣлало доброе впечатлѣніе на мірянъ. Монашество падаетъ, а процессъ Митрофаніи вовсе очернилъ его. Стало быть, гдѣ можно, надо полагать всѣ силы, даже и внѣшне, поддержать его, а внутри вооружиться молитвой на врага, ищущаго непрестанно вредить церкви Христовой и ниспровергать все доброе и высокое.

Того же года 11-го Ноября была я удивлена письмомъ сестеръ Озеровыхъ, которыя, тоже соединя свои двѣ части изъ проданнаго дома, отдѣлили слѣдующую мнѣ, не по праву. Не знаю, какъ рѣшитъ преосвященный употребленіе этихъ денегъ.

Милый другъ мой и чадо мое доброе, чѣмъ болѣе живется на свѣтѣ, тѣмъ болѣе должно вникать въ великій промыслъ Божій. Говорятъ люди нынѣшнихъ понятій: нѣтъ чудесъ на свѣтѣ. А ежели мы будемъ внимательны, то они являются почти непрестанно. Развѣ не чудо сила молитвы? Мы съ тобой все время раздумывали и тужили, что трудно выпутываемся изъ долговъ, стали замѣчать, что усердіе нашего благодѣтеля уже не такъ горячо; просить мы съ тобой не умѣемъ, о чемъ никогда не сожалѣю, а напротивъ радуюсь, ибо ханжить и Господу и людямъ противно. Молиться мы съ тобой лѣнивы, особенно азъ грѣшная вся въ нерадѣніи, сіе видитъ Господь. Вотъ мы и повадились съ тобой навязывать молитвенный подвигъ на людей. Ну, мать схимница, какъ хочешь молись: намъ нужно по крайней мѣрѣ 250 р.

для расплаты. Она, простодушная, какъ младенецъ, принимаетъ порученіе, молится за послушаніе, и черезъ нѣсколько времени устраивается продажа дома Озеровыхъ; неожиданно онѣ располагаются выдать мнѣ должную шестую часть, хотя уже не по закону, ибо я монахиня и права не имѣю, но по доброму чувству любви и гласу совѣсти, и вмѣсто 250 р. с. получаемъ 2.500 р. Разумѣется, наши интересы связаны крѣпко съ обителью; неужели намъ дѣлиться съ ней? Вотъ, чадо, развѣ не чудо? Господь даетъ ощущать нужду, затрудненія, но всегда скоръ на помощь! Ежели при лѣности моей и Его милость такъ щедро изливается на насъ и хранитъ насъ, что̀ было бы, ежели бы жизнь текла по примѣру подвижниковъ и праведныхъ, о которыхъ не только читала, но коихъ столько видала я и пользовалась любовію и назиданіемъ!

Того же года 25-го Ноября была у преосв. Леонида, совѣтовалась съ нимъ объ употребленіи полученныхъ денегъ и рѣшили такъ: 1.000 р. с. на кирпичъ для столбовъ, 600 р. с. на оборотъ во время расплатъ необходимыхъ, когда нѣтъ средствъ въ обители. Обѣ суммы не вписывать въ приходо-расходную книгу, чтобы не увеличивать прихода; а такъ какъ это моя собственность, то я могу ихъ употребить куда и какъ желаю. Росписки на все существуютъ и хранятся у тебя, а остальные 900 р. раздѣляю между васъ четверыхъ, какъ неимущихъ и мнѣ ближайшихъ по любви и усердію ко мнѣ грѣшной. О тебѣ не говорю: ты первенецъ мой, твоего труда и скорби было болѣе всѣхъ. А той, которой достанется поменьше, та имѣетъ свои деньжонки; но не хочу оскорбить лишеніемъ. Пакетъ съ билетами запечатанъ монастырской печатью и отданъ Софьѣ Африкановнѣ Смирновой на сохраненіе, въ случаѣ моей смерти. Ты ей отдашь ея росписку въ полученіи пакета, а она представитъ тебѣ большой пакетъ съ пакетами на имя каждой запечатанными.

Кончаю сію тетрадь. Вторая начнется письмами матери моей ко мнѣ въ разныя времена; они могутъ быть полезными каждому своимъ чистымъ, нравственно-христіанскимъ направленіемъ.

Отецъ Софьи Смирновой служилъ съ моимъ отцомъ въ Межевомъ комитетѣ, а мать вдова 20 лѣтъ живетъ на гостиницѣ около монастыря. Софью знаемъ съ юныхъ лѣтъ. Владыка разрѣшилъ и ее и Обухову одѣть въ монашеское платье. Пакетъ съ деньгами взятъ впослѣдствіи у дѣвицы Смирновой и находится у насъ въ Страстномъ монастырѣ, вовсе нынѣ передапъ въ собственность монахинѣ Евгеніи Виноградовой, чаду моему. 1877 года. Игуменья Евгенія.

ЦЕСАРЕВИЧЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВЪ АСТРАХАНИ ВЪ 1863 ГОДУ.

Въ Апрѣлѣ 1863 года, состоявшій при Его Высочествѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, флигель-адъютантъ полковникъ Рихтеръ увѣдомилъ начальника Астраханской губерніи, что въ Іюнѣ этого года Великій Князь Николай Александровичъ предполагаетъ предпринять путешествіе по Россіи и, между прочимъ, около 23-го Іюня посѣтитъ г. Астрахань, гдѣ пробудетъ нѣсколько дней, и потомъ отправится въ Царицынъ, присовокупивъ при этомъ, что „Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ желаетъ, чтобы къ пріѣзду и встрѣчѣ Его Высочества никакихъ приготовленій дѣлаемо не было" [1]). Полковникъ Рихтеръ только просилъ д. с. с. Дегая озаботиться своевременно пріисканіемъ удобнаго помѣщенія какъ для Цесаревича, такъ и для его свиты [2]), „со всѣми принадлежностями для стола и кухни" и сдѣлать распоряженіе о наймѣ для разъѣздовъ по городу 3-хъ двухмѣстныхъ экипажей. „Во избѣжаніе же посѣщенія Цесаревичемъ такихъ больницъ и госпиталей, въ которыхъ содержатся больные заразительными и эпидемическими болѣзнями", требовалось „тотчасъ по пріѣздѣ Его Высочества въ разныя мѣста получать объ этомъ надлежащія свѣдѣнія. А для того, чтобы знать заранѣе, что̀ именно заслуживаетъ быть осмотрѣннымъ въ Астрахани", полковникъ Рихтеръ просилъ доставить ему „въ возможно-непродолжительномъ времени краткую записку о всѣхъ достопримѣчательностяхъ города".

Выѣздъ Его Высочества изъ Петербурга состоялся 11-го Іюня въ 4 час. вечера. Путь Великаго Князя лежалъ на Шлиссельбургъ (по р. Невѣ), потомъ Ладожскимъ озеромъ и р. Свирью въ Сермаксу и Лодейское Поле, откуда Онежскимъ озеромъ и каналомъ на Вознесенскую пристань, Петрозаводскъ, Черные Пески и г. Вытегру. Далѣе дер. Маркова (у шлюза Св. Николая) и Десятины по рр. Вытегрѣ, Ковжѣ и Маріинскимъ каналомъ.

---

[1]) Изъ дѣла Астрах. губер. архива за 1863 г., № 22. Отношеніе Рихтера за № 567.

[2]) Состоявшей изъ генералъ-адъютанта графа С. Строгонова, полковника Рихтера, камеръ-юнкера гр. Н. Строгонова, доктора Шестова, надв. сов. Оома и профессоровъ Побѣдоносцова и Бабста. Кромѣ того, при великокняжескомъ поѣздѣ находилось прислуги: камердинеръ, три рейткнехта, мундкохъ, поварской ученикъ и должностной помощникъ.

Потомъ сухимъ путемъ до Аннинскаго моста, р. Ковжею, Бѣлоозерскимъ каналомъ и Шексной на шлюзъ Св. Константина и Бѣлоозерскъ, опять сухимъ путемъ въ Горицкій монастырь и затѣмъ вновь р. Шексной въ Кириловъ, Ивановъ Боръ, Ниловицы, Любцы и Рыбинскъ. Дальнѣйшее путешествіе Цесаревича направлялось внизъ по Волгѣ до Ярославля, Костромы (откуда сухимъ путемъ въ с. Иваново и обратно), Нижняго-Новгорода (сухимъ путемъ въ Горбатовъ, с. Павлово и обратно), Казани, Чистополя (на Камѣ), Симбирска, Самары, въ Саратовъ, Царицынъ, Сарепту и Астрахань, куда Великій Князь, согласно маршруту, прибывалъ 25 Іюня и обратно выѣзжалъ 28-го числа въ Царицынъ, а затѣмъ на Калачинскую пристань (по желѣзной дорогѣ), Ростовъ на Дону, Таганрогъ и на лошадяхъ до Бердянска, отсюда по Азовскому и Черному морямъ на Керчь и Ливадію. Пробывъ здѣсь съ 19-го Августа по 25 Сентября, Цесаревичъ посѣтилъ Новочеркаскъ, откуда сухимъ путемъ, черезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу, прослѣдовалъ въ Москву и по желѣзной дорогѣ на поклоненіе святынямъ въ Сергіеву Лавру и въ Ростовъ-Великій (въ экипажахъ), снова въ Москву и, наконецъ, въ Царское Село, совершивъ, такимъ образомъ, свыше 7 тысячъ верстъ разнообразнаго пути.

Хотя, вслѣдствіе полученнаго отъ Рихтера великокняжескаго повелѣнія, особенныхъ приготовленій для встрѣчи Цесаревича не дѣлалось, тѣмъ не менѣе мѣстное начальство, городскія и сельскія общества, инородцы, казаки, не желая ударить себя лицомъ въ грязь передъ другими городами, спѣшно и дѣятельно готовились къ встрѣчѣ дорогого гостя: составлялись разныя депутаціи, замышлялись различныя подношенія, хлѣбъ-соль, подарки, и задумывались разныя предпріятія, для увѣковѣченія времени посѣщенія Наслѣдникомъ Русскаго престола отдаленной Астрахани.

Мѣстное Губернское Правленіе ко дню пріѣзда Его Высочества составило довольно любопытную записку о всѣхъ почти достойныхъ вниманія городскихъ учрежденіяхъ и сооруженіяхъ, изъ которыхъ многія уже тогда являлись замѣчательными древностями.

Во главѣ такихъ достопримѣчательностей былъ поставленъ Астраханскій Кремль, построенный на такъ называемомъ Заячьемъ бугрѣ. Начало основанія его относятъ къ 1582 году *). Царь Ѳедоръ Іоанновичъ повелѣлъ

*) Въ брошюрѣ „Г. Астрахань и его окрестности“ (1882, стр. 10) указано, что построеніе Кремля начато вскорѣ по завоеваніи Астрахани, при Іоаннѣ Грозномъ и окончено при царѣ Василіѣ Шуйскомъ. Между тѣмъ въ „Хозяйственномъ описаніи Астраханской и Кавказск. губерній“, изд. 1809 г. говорится, что Кремль построенъ вскорѣ послѣ перенесенія Астрахани на нынѣшнее мѣсто. Перенесеніе же города съ праваго на лѣвый берегъ, какъ полагаютъ, совершалось зимой 1558 г. Въ 1631 г., по указу царя Михаила Ѳедоровича, Астрахань распространена новыми крѣпостными стѣнами Бѣлаго города.

укрѣпить его восемью башнями [1]), а стѣны каменныя построены царемъ Борисомъ Годуновымъ. Матеріалъ для строенія ихъ употребляли изъ развалинъ прежней Татарской столицы Сарая, за 70 верстъ отъ Астрахани, на берегу Ахтубы, близъ Селитрянаго селенія [2]).

Второй достопримѣчательностью Астраханской былъ каѳедральный Успенскій соборъ, построенный въ два этажа, колоссальное зданіе въ 30 саженъ вышины и 12 саж. длины [3]). Возведенъ въ 1699 году при Астраханскомъ архіепископѣ Самсонѣ на мѣстѣ бывшей тутъ же соборной церкви [4]).

Въ немъ замѣчательны: а) престолъ, окованный со всѣхъ пяти сторонъ серебромъ, вѣсу въ немъ 3 п. 7 фун. 58 зол.[5]), б) царскіе врата се-

---

[1]) Въ настоящее время сохранилось только четыре башни: Артиллерійская, Архіерейская, Житная и Крымская. Послѣдняя высотой до 63 футовъ и въ три этажа, изъ которыхъ въ каждомъ по одному каземату. Для въѣзда въ Кремль двое воротъ: Пречистенскіе (противъ города), съ соборной колокольней надъ ними, гдѣ устроены башенные часы, и Никольскіе (къ сторонѣ Биржи), съ церковью Св. Николая.

[2]) Селитряное селеніе находится въ Енотаевскомъ у. на мѣстѣ бывшаго селитрянаго завода, построеннаго въ 1720 г. тамъ, гдѣ были развалины Ханскаго дворца и Татарской мечети, называемой „Бѣлой“. Изъ этихъ развалинъ Астраханскій купецъ Кобяковъ соорудилъ „изъ битаго кирпича на глинѣ“ кругомъ завода каменныя стѣны и четыре башни для защиты отъ набѣговъ Калмыковъ и Киргизовъ.

[3]) Длина съ алтаремъ 17 саж. 1 арш., ширина 12 саж. 2 арш.

[4]) Соборъ находится на восточной сторонѣ Кремля. Сначала здѣсь была деревянная церковь, посвященная воспоминанію срѣтенія иконы Божьей Матери, именуемой „Владимирская“, присланной Іоанномъ IV въ 1568 году. Архіепископъ Астраханскій и Терскій Ѳеодосій (1602—1607 г. изъ архимандритовъ Астрахан. Троицкаго монастыря), въ 1602 г. построилъ на этомъ мѣстѣ каменную церковь во имя Успенія Богоматери, разобранную въ 1698 г. по непрочности стѣнъ и сводовъ. Наконецъ въ 1699 г. при митрополитѣ Самсоніи (1697—1714) приступлено было къ постройкѣ нынѣ существующаго соборнаго храма, который оконченъ въ 1710 г. мастеромъ каменнаго дѣла, дворовымъ человѣкомъ князя Львова, Дороѳеемъ Мякишевымъ, получившимъ за свой трудъ сто руб. ассигнаціями. Нынѣшній соборъ построенъ въ Византійскомъ стилѣ о пяти главахъ съ четырехконечными крестами. Вокругъ собора устроена арками каменная крытая галлерея, на которой основывается другая открытая галлерея, идущая вокругъ верхняго этажа. Въ верхнемъ (Успенскомъ) храмѣ замѣчательны: иконостасъ въ 8 ярусовъ, высотою 32 арш., съ 4 массивными столбами, и царскіе врата съ сѣнью, серебряные, на кипарисныхъ доскахъ, построенные при архіепископѣ Гаіи (1808—1821). Нижній же храмъ мраченъ и бѣденъ украшеніями, и его можно назвать усыпальницею, гдѣ погребаются Астраханскіе іерархи. Соборъ соединенъ посредствомъ крытой галлереи съ архіерейскимъ домомъ, гдѣ портреты Астраханскихъ митрополитовъ и архіепископовъ.

[5]) Престолъ сооруженъ при архіепископѣ Астраханскомъ и Енотаевскомъ Павлѣ (1826—1832).

ребряные сооружены въ С.-Петербургѣ Ѳедоромъ Штанге иждивеніемъ купца Петра Сапожникова, стоющія 140 тысячъ рублей ассигнаціями, в) пять мѣстныхъ иконъ: Вседержителя, Успенія Богородицы, Богоматери Іерусалимскія, Іоанна Крестителя и Михаила архангела въ сребро-золоченыхъ ризахъ, г) Евангеліе въ листъ, вокругъ обложено позолоченымъ серебромъ и украшено разнаго рода драгоцѣнными камнями; изображенія на немъ писаны на золотѣ сквозною финифтяною работою; построено тщаніемъ и иждивеніемъ Астраханскаго преосвященнаго епископа Меѳодія въ 1768 году [1]), д) Евангеліе въ листъ, на которомъ верхняя доска и клейма на нижней доскѣ серебряныя, сооружено при императрицѣ Екатеринѣ казеннымъ коштомъ и стараніемъ премьеръ-маіора Паробича въ 1763 году [2]); е) Евангеліе въ малый листъ, напечатанное въ 7114 (1606) году [3]); ж) потиръ, у коего самая чаша золотая, при немъ дискосъ, у коего верхняя тарелка золотая и звѣзда тоже золотая; з) потиръ среброзолоченный, на немъ иконы золотыя съ эмалью, сооруженъ Астраханскимъ митрополитомъ Самсономъ въ 1705 г.; и) потиръ серебряный, построенъ (какъ значится на немъ) Астрах. архіепископомъ Іосифомъ 7114 году; і) ковшъ большой серебряный, пожалованный императоромъ Петромъ I Астраханскому конному стрѣльцу Ивану Ѳедорову 1715 г.; к) двѣ драгоцѣнныя панагіи: первая пожалована Екатериной II архіепископу Тихону (1792—1793) [4]), а послѣдняя императоромъ Александромъ I архіепископу Анастасію (1805—1806); л) двѣ митры, одна изъ нихъ украшена разными драгоцѣнными камнями, въ числѣ коихъ находится большой изумрудъ; другая жемчужная [5]); м) панагія среброзолоченая съ надписью: „Лѣта 7139 Октября въ 8 день сдѣлана сія панагія митрополитомъ Паисіемъ Селунскимъ“; н) саккосъ [6]) золото-шелковый (вытканный по голубому полю золотыми четырехконечными крестами), на немъ изображеніе лика Спасителя съ благословляющей десницей, подаренъ патріархомъ Александрійскимъ и Антіохійскимъ Паисіемъ архіепископу Іосифу въ 1667 г. при возведеніи

---

[1]) Епископъ Астраханскій и Ставропольскій Меѳодій I-й управлялъ паствой съ 1758 по 1776 г.

[2]) Вѣсомъ 1 п. 38 ф. Венгерецъ Паробичъ былъ выписанъ въ 1752 г. для управленія Астраханскими казенными садами (до него было ихъ 14, онъ прикупилъ 7). Мѣстность близъ нынѣшняго губернаторскаго садика (Александровскій скверъ) на бывшей плацъ-парадной площади, противъ губернаторскаго дома, до сей поры носитъ названіе Паробичевъ бугоръ, откуда произошло и наименованіе начинающейся отъ него улицы „Паробичебугорной“.

[3]) По листамъ скрѣплено патріархомъ Никономъ.

[4]) Въ брошюрѣ „Г. Астрахань и его окрестности“ (1882, стр. 14) неправильно указано, что панагія эта пожалована Екатериной I: при этой императрицѣ ни одного изъ архіепископовъ Астраханскихъ съ именемъ Тихона не было.

[5]) Всего въ Успенскомъ соборѣ хранится девять митръ.

[6]) Всего въ соборѣ 50 саккосовъ.

его въ санъ митрополита Астраханскаго и Терскаго [1]); о) фелонь темносиняго травчатаго бархата, у которой передняя часть равна задней (какъ надо полагать, въ нее облекались святители до 1667 г., до митрополита Іосифа, начавшаго употреблять саккосъ); п) посохъ серебряный, рѣзной, жалованный Астраханскому архіепископу Ѳеодосію (1602—1607) Борисомъ Годуновымъ; р) два деревянные посоха (одинъ съ змѣями и четырьмя серебряными яблоками, другой съ костяными змѣями), обложены крокодиловой кожей, съ надписями: „Лѣта 7177 посохъ убіеннаго Іосифа митрополита Астраханскаго и Терскаго“ [2]).

Въ соборѣ покоятся тѣла усопшихъ царей Грузинскихъ, Вахтанга Леоновича и Теймураза Николаевича, и воеводы Астраханскаго князя Прозоровскаго съ братомъ Михаиломъ.

Далѣе, въ числѣ достопримѣчательностей Астрахани были перечислены: Спасопреображенскій мужской монастырь, основанный въ 1597 г. (нынѣ упраздненный), Римско-католическая церковь во имя Успенія Богородицы, построенная въ 1762 г. (каменная), въ ней живописные образа, присланные изъ Италіи[3]), Армянскій Успенскій соборъ, выстроенный по повелѣнію Петра I-го въ 1706 году, мечети Персидская 1859 г. и Татарская, съ 1810 каменная, вмѣсто древней деревянной, существовавшей 130 лѣтъ.

Въ то время въ Астрахани еще существовалъ портъ, въ которомъ были механическій заводъ, пловучій докъ и арсеналъ, переданные въ 1868 г. (послѣ перевода порта въ Баку) по контракту пароходной компаніи „Кавказъ и Меркурій“. Устройство порта этого относится ко времени царя Алексѣя Михайловича, когда была заведена впервыя „Каспійская флотилія“. Въ 1722 году, императоръ Петръ I, послѣ осмотра мѣстности, по своему плану повелѣлъ устроить здѣсь адмиралтейство, которое вскорѣ было снабжено всѣмъ нужнымъ для постройки и вооруженія флотиліи. По возвращеніи „съ Каспійскаго моря въ Астрахань“ императоръ самъ построилъ для флотиліи этой ботъ и баржу, которые и понынѣ хранятся въ особо

---

[1]) Митрополитъ Іосифъ былъ уроженецъ Астраханскій, въ 1656 г. посвященъ въ архіепископы, а въ 1667 г. въ митрополиты, и имѣлъ третье мѣсто между митрополитами. Въ томъ же году патріархи, по соизволенію царя, благословили его при крестномъ ходѣ въ недѣлю Вайй возсѣдать на ослѣ. При взятіи Астрахани Стенькой Разинымъ, Іосифъ былъ преданъ на пытку палачу Ларькѣ, который, связавъ ему руки и ноги и продѣвъ между ними дерево, положилъ его на разведенный огонь въ одной шерстяной свиткѣ, а потомъ сбросилъ съ раската. Тѣло его покоится въ церкви Свв. Аѳанасія и Кирилла.

[2]) Кромѣ того въ Успенскомъ соборѣ достойны вниманія: большой деревянный крестъ, въ которомъ вложены серебряные ящики за стекломъ, съ мощами 58 святыхъ; опаленная огнемъ и обагренная кровью власяница митр. Іосифа, въ которой онъ былъ мученъ и убитъ 11-го Мая 1671 года сподвижниками Разина, и водосвятная чаша серебряная, 2 пуд. 8 фун. вѣса, сооруженная при епископѣ Меѳодіѣ.

[3]) Въ 1720 г. церковь эта была деревянною.

устроенномъ зданіи адмиралтейства[1]). Кромѣ того, на островѣ Сѣдлистомъ[2]), въ устьѣ р. Волги, въ 90 верст. отъ Астрахани (въ томъ же 1722 г.), Петръ соорудилъ земляное квадратное укрѣпленіе о четырехъ бастіонахъ, длиною каждый 90 саж., высота вала $3^1/_2$ арш., толщина 3 саж., со рвомъ глубиною въ 3 саж. Въ этомъ укрѣпленіи были возведены деревянные магазины для склада боевыхъ и хлѣбныхъ припасовъ. Затѣмъ, напоминаніемъ о Петрѣ было еще одно грушевое дерево, посаженное самимъ царемъ недалеко отъ Астрахани въ казенномъ саду. Хотя самое дерево уже давно срублено, но побѣги его сохраняются и понынѣ. Много было перечислено къ пріѣзду Цесаревича и другихъ достопримѣчательностей Астраханскихъ.

Двадцать пятое Іюля, день пріѣзда Его Высочества, было полно тревогъ и волненій. Дома горожанъ и зданія присутственныхъ мѣстъ украсились флагами и вензелями. Народъ, разодѣтый по праздничному, чтобы не пропустить великокняжескаго прибытія, чуть не съ самаго утра устремился къ Волгѣ, въ широкія аллеи Астраханскаго порта. Кремлевскія стѣны и колокольни ближайшихъ церквей переполнились ожидающими. По обоимъ берегамъ великой рѣки нарочно, какъ бы на смотръ, выстроились разные пароходы и пароходики, баржи, барки, баркасы и лодки, убранныя флагами и гирляндами изъ разноцвѣтныхъ матерій, съ сѣдоками всѣхъ ранговъ и всевозможныхъ профессій. Глаза всѣхъ были устремлены вверхъ по Волгѣ, откуда ожидался царственный путешественникъ. Наконецъ, вдали, сначала показался бѣлый дымокъ, и чрезъ нѣсколько времени изъ-за изгиба рѣки выплылъ грузный военный пароходъ. Народъ не выдержалъ, и несмолкаемое радостное „ура“ полилось неудержимымъ потокомъ на встрѣчу приближающемуся дорогому гостю. Великій Князь стоялъ на трапѣ и раскланивался съ привѣтствовавшими его народными толпами.

Цесаревичъ ѣхалъ изъ Царицына. Въ 7 час. вечера 25 Іюля пароходъ причалилъ къ Астраханскому берегу. На пристани Его Высочество встрѣтили представители мѣстнаго управленія, во главѣ съ Астраханскимъ губернаторомъ д. с. с. Александромъ Павловичемъ Дегай. Отсюда, сопровождаемый свитой и властями, Великій Князь, посреди стѣной стоявшаго по улицамъ народа, въ открытой двухмѣстной коляскѣ, прослѣдовалъ въ Успенскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ, съ крестомъ и св. водой, престарѣлымъ архіепископомъ Аѳанасіемъ съ синклитомъ городского духовенства. По выслушаніи благодарственнаго Господу Богу молебна, Цесаревичъ, изволилъ отбыть на приготовленную для него квартиру въ домѣ Астраханскаго губернатора.

---

[1]) Въ Портѣ Астраханскомъ находится и домикъ Петра Великаго.

[2]) Нынѣ Бирючья Коса.

[3]) Въ числѣ ихъ были показаны еще хранившіеся въ Губернскомъ Правленіи: бронзовый ковчегъ, съ „уложеніемъ для управленія губерніями“, украшенный алмазами, стѣнные часы и кресло для предсѣдателя, пожалованные Екатериной II-й Астраханскому намѣстничеству.

На другой день 26 числа, утромъ, Великій Князь принималъ служащихъ всѣхъ вѣдомствъ, дворянство, городскія общества всѣхъ городовъ Астраханской губерніи (которыя поднесли ему хлѣбъ-соль) и депутаціи отъ Астраханскихъ казаковъ и отъ государственныхъ и временно-обязанныхъ крестьянъ. Затѣмъ представлялись депутаты отъ Русскихъ Персіянъ и отъ Персіянъ, подданныхъ его величества Шаха, Киргизы Букеевской орды, Калмыки, Туркмены и Татары Кундровскіе и Юртовскіе. Эти депутаціи, по своимъ обычаямъ, поднесли Его Высочеству: Персіяне Русскіе — богатый коверъ; подданные Шаха, вмѣстѣ съ консуломъ—Персидскій вальтрапъ и въ ящикахъ разныя сласти, Киргизы—тоже коверъ и Татары—хлѣбъ-соль.

Послѣ пріема, Цесаревичъ посѣтилъ Астраханскій институтъ благородныхъ дѣвицъ[1]), гдѣ ему представлялись прибывшія въ Астрахань жены Киргизскихъ султановъ Букеевской орды; затѣмъ Армяно-Григоріанскій соборъ и, наконецъ, женскую гимназію, или, какъ она называлась въ то время „Маріинское женское училище 1-го разряда", всего только три года существовавшее въ Астрахани[2]).

День 26-го Іюля долженъ остаться на всегда памятнымъ для этого училища. Велицій Князь и потомъ сдѣлалъ многое, чтобы поддержать и возвысить этотъ, только что нарождавшійся, разсадникъ женскаго просвѣщенія въ Астраханской губерніи. Въ то время училище помѣщалось въ наемномъ домѣ. Будучи встрѣченъ внизу лѣстницы начальницею училища и членами попечительнаго совѣта, Его Высочество изволилъ пройти въ залъ, гдѣ были собраны всѣ воспитанницы, проживавшія въ городѣ. Съ попечительницей училища Л. А. Дегай[3]) Великій Князь бесѣдовалъ о состояніи вообще училища, о его нуждахъ и недостаткахъ, разспрашивалъ о числѣ воспитанницъ[4]) и объ ихъ успѣхахъ. Помѣщеніе училища онъ нашелъ до-

[1]) Институтъ имѣлъ 27 воспитанницъ, въ числѣ ихъ двѣ пансіонерки на иждивеніи Государя Императора.

[2]) Открыто осенью 1860 года. Помимо того, для великокняжескаго обозрѣнія предполагались: губернская гимназія (165 воспитанниковъ) съ благороднымъ пансіономъ (27 восп.), военное училище (150 в.), пансіонъ Астрахан. казач. войска, существующій съ 1830 г. (30 в.), правосл. духовн. семинарія (89 в.), Армянск. дух. семинарія (44), Армян. Агабабовс. училище на 12 пансіонер. (открыто въ 1810 г. куп. Агабабовымъ и содержится доходами съ пожертвованнаго имъ двухъ-этажнаго каменнаго дома); Калмыцкое училище на 50 чел. для приготовленія въ переводчики, толмачи и друг. должности по управленію Калмыцкимъ народомъ, и дѣтскіе пріюты: Александровскій (99 дѣв. и 29 мал.) и Николаевскій (90 д., 25 м.); больница приказа обществ. призрѣнія на 100 кроват., домъ умалишен. (40 кр.), воен. госпиталь (300), богадѣльня прик. об. пр. (85), город. богадѣл. (50), больница куп. Сапожникова съ 1830 г. (25 кр.), тюрьма на 200 ч., смирительный домъ (12 ч.), общественая библіотека и музей (7164 т. книгъ) и шелкомотальня, устроенная комерціи сов. Сапожниковымъ въ 1858 году.

[3]) Супруга губернатора.

[4]) Въ то время было всего 78 воспитанницъ.

вольно тѣснымъ, хотя чистымъ. Цесаревичъ весьма сочувственно отнесся къ незавидному положенію этого учебнаго заведенія, соболѣзновалъ о немъ и впослѣдствіи, при отъѣздѣ „въ обезпеченіе прочнаго его существованія на будущее время", назначилъ ему 15 тыс. рубл., пожертвованныхъ Макаровыми и Сапожниковыми. На эти деньги потомъ былъ купленъ домъ на Смоленской улицѣ, а самое училище преобразовано въ семиклассную гимназію.

Въ тотъ же день въ 4 час. пополудни Великій Князь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ обѣдъ городскаго общества, послѣ котораго ѣздилъ осматривать станицу Казачебугорную [1]), чтобы поклониться тамъ мѣстной святынѣ—Донской иконѣ Божьей Матери, виноградники въ саду купца Бѣлова, а на возвратномъ пути посѣтилъ Александровскій пріютъ.

27-го числа, послѣ божественной литургіи, Его Высочество осматривалъ работы по углубленію фарватера р. Волги, въ 60 верстахъ отъ города, близъ такъ называемой Шараповой Косы, и работы по очисткѣ бара въ самомъ Каспійскомъ морѣ. На, обратномъ пути обозрѣвалъ во всей подробности рыболовный промыселъ на ватагахъ компаніи Макарова, Бенардаки и Утина, гдѣ удостоилъ посѣщеніемъ обѣденный столъ въ особо приготовленной купцомъ Макаровымъ палаткѣ[2]).

---

[1]) Въ пяти верстахъ отъ города, ниже по теченію р. Волги. Тамъ находится войсковая церковь въ честь Донской ик. Б. М. и войсковой госпиталь. Кругомъ станицы виноградные сады, мѣсто загородныхъ прогулокъ.

[2]) Предполагалось еще осмотрѣть: 1) Варваціевъ каналъ, соединяющій р. Волгу съ р. Кутумомъ и раздѣляющій Астрахань на двѣ части, который начатъ устройствомъ въ 1744 г. богатымъ рыбопромышленникомъ надв. сов. Варваціемъ, употребившимъ на это дѣло изъ своихъ суммъ 600 т. руб., съ цѣлію обезопасить Астрахань отъ частыхъ наводненій, затопляющихъ городъ, и оконченъ въ 1817 г.; 2) Царевъ—селеніе въ 1 вер. отъ города, чтобы видѣть бытъ Юртовскихъ Татаръ; 3) Калмыцкій базаръ—торговое мѣсто, на противоположномъ берегу р. Волги, въ 7 вер. отъ Астрахани, гдѣ живутъ Калмыки и находится ихъ Ламайской вѣры хурулъ (молитвенный домъ); 4) Чаганскій казенный учужный промыселъ въ 18 верс. ниже по теченію Волги на р. Чаганѣ, гдѣ подъ забойками производится рыболовство во всякое время года; 5) Икряный промыселъ Сапожникова на р. Бахтимирѣ (въ 35 вер., образцовое жиротопное заведеніе, рыбопріемный плотъ и выходъ для просола рыбы, замѣчательный еще тѣмъ, что сюда въ 1858 г. съ Чаганскаго учуга былъ перенесенъ павильонъ, устроенный въ 1825 году для пріема императора Александра I; 6) Бертюлевскіе соляные магазины (на р. Бертюлѣ, въ 20 вер. отъ Астрахани), главный соляной складъ въ губерніи, откуда производится оптовая продажа соли для всѣхъ мѣстностей рыбныхъ промысловъ и 7) въ 18 и 50 вер. отъ города (сухопутно) Кошкашинскія, Дарминскія и Курочкинскія самосадочныя соляныя озера. Но время, назначенное для пребыванія Великаго Князя въ Астрахани (три дня), не позволило сдѣлать этихъ осмотровъ (Изъ дѣла Астр. губ. архива „о пріѣздѣ Его Высочества" за 1863 г. № 22).

На слѣдующій день (28 Іюля), также послѣ обѣдни въ соборѣ, Великій Князь производилъ парадъ расположеннымъ въ Астрахани войскамъ, посѣтилъ портъ и въ 11 час. утра отбылъ въ Хошоутовскій улусъ, въ имѣніе Найона Тюменева [1]), гдѣ ему былъ показанъ бытъ Калмыковъ и ихъ богослуженіе. Принявъ обѣдъ, предложенный ему знатными представителями Калмыцкаго народа: Церенъ-Норбо-Тюменевымъ, Тундутовымъ и Дугаровымъ, Цесаревичъ въ 9 час. вечера возвратился на пароходъ, на которомъ на другой же день, не заѣзжая въ Астрахань, отбылъ въ Царицынъ.

Время трехдневнаго пребыванія Великаго Князя Николая Александровича въ древней столицѣ Астраханскаго царства не осталось безъ добрыхъ дѣлъ. Горожане Астраханскіе одинъ другаго старались превзойти въ благотворенія. Первымъ откликнулось Астраханское городское общество, которое постановило вносить ежегодно 3000 рубл. для призрѣнія подкидышей. Слѣдомъ за нимъ Армянское городское общество, при обсужденіи вопроса о преобразованіи Агабабовскаго училища, рѣшило испросить разрѣшеніе на учрежденіе въ немъ 12-ти стипендій для дѣтей бѣдныхъ Армянъ изъ Персидскихъ подданныхъ. Потомъ Красноярское и Царевское городскія общества ассигновали: 1-е 300 руб., а 2-е—380 руб. на благотворительныя дѣла по назначенію начальства. Затѣмъ, исключительно въ распоряженіе Его Высочества, пожертвовали: 1-й гильдіи купцы Иванъ и Василій Макаровы 10 тыс. руб. и коммерціи совѣтники братья Алексѣй и Александръ Сапожниковы 5 тыс. рубл.; кромѣ того, ловцы конторы учужныхъ водъ представили 300 руб. въ пользу раненыхъ Русскихъ воиновъ въ Польшѣ, а купецъ Шайкинъ—100 руб. для солдатъ, раненыхъ въ дѣлахъ съ Польскими мятежниками, обязавшись „жертвовать по 100 руб. ежегодно, въ продолженіе военныхъ дѣйствій, если бы настоящія политическія обстоятельства привели къ войнѣ съ иностранными державами“. По докладѣ о томъ Его Величеству, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „благодарить жертвователей за ихъ вѣрноподданническія чувства“.

П. Юдинъ.

---

[1]) Выше Астрахани въ 80 вер. на лѣвомъ берегу Волги. Домъ этого владѣльца съ каменнымъ хуруломъ, украшеннымъ разными священными предметами, выписанными прямо изъ Китая.

ВЪ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ КОНСТАНТИНѢ НИКОЛАЕВИЧѢ.

Съ именемъ императора Александра II-го въ благодарной памяти исторіи и будущихъ поколѣній неразрывно связано имя брата Его Великаго Князя Константина Николаевича, который, на девять лѣтъ моложе Его возрастомъ, служилъ Ему ревностнымъ пособникомъ въ исполненіи высокихъ думъ и великодушныхъ предначертаній, завѣщанныхъ Имъ отъ Ихъ родителя.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей нашего вѣка, изумлявшій современниковъ, у насъ и въ чужихъ краяхъ, разносторонностью своихъ познаній не въ наукахъ только, но и въ изящныхъ искусствахъ, человѣкъ горячаго сердца, пламенно любившій отечество и съ увлеченіемъ всегда готовый на все возвышенное и доблестное.

Съ сердечною признательностью вспоминаемъ про бесѣды, которыми Онъ изволилъ насъ удостоивать, про всегдашнее участливое отношеніе Его къ нашему историческому сборнику, который онъ украсилъ письмами къ Нему В. А. Жуковскаго, и гдѣ въ 1873 году четыре страницы (01345—01348) принадлежатъ перу Его; про Его постоянное покровительство М. П. Погодину, вдовѣ котораго онъ выхлопаталъ большую пенсію; про то, какъ навѣстилъ Онъ въ Нескучномъ умиравшаго С. М. Соловьева; про то, наконецъ, что, лишь благодаря настойчивому Его ходатайству, могъ появиться на свѣтъ изданный нами богословскій томъ сочиненій А. С. Хомякова. Перечисленіе Его добрыхъ дѣлъ могло бы занять собою цѣлую книгу.

Нынѣ позволяемъ себѣ привести здѣсь два отрывка изъ Его писемъ къ Александру Васильевичу Головнину, сообщенные намъ въ 1882 году симъ послѣднимъ.

Это своего рода цвѣты, возлагаемые на Кремлевскій памятникъ.

Петръ Бартеневъ.

Изъ писемъ Великаго Князя Константина Николаевича къ А. В. Головнину.

I.

Парижъ, 2 (14) Марта 1882.

Какъ мнѣ странно писать тебѣ не на траурной бумагѣ. Я съ этими черными полосками такъ свыкся въ теченіе года, что мнѣ кажется, что писать на обыкновенной бумагѣ несовмѣстимо съ благоговѣніемъ къ памяти Брата.

Вчера былъ ровно годъ страшному дню, и я убѣдился, что время нисколько не уменьшаетъ ни тяжести потери, ни боли въ сердцѣ. Я точно во второй разъ пережилъ этотъ ужасный день. Весь онъ, часъ за часомъ, протекалъ въ моемъ воспоминаніи, вызывая туже боль, тоже страданіе. Мы, разумѣется, слушали въ здѣшней прелестной церкви заупокойную обѣдню и панихиду. Собралась масса народа, и своихъ, и иностранцевъ (бывшій посолъ Флёри, m-me Lagréné, рожденныхъ Дубянская, артисты нашего Французскаго театра), и можно навѣрное сказать, что не было ни одного сухаго глаза.

II.

Оріанда, 28 Мая 1882.

У покойнаго Брата внимательность ко всѣмъ была развита въ сильнѣйшей степени съ самой ранней его молодости. Никто въ мірѣ не обладалъ въ такой степени, какъ онъ, тѣмъ, что̀ называется les attentions du coeur *), такою тонкою, милою, любезною благовоспитанностью, и потому-то онъ былъ всѣми такъ любимъ!

Съ самаго ранняго моего дѣтства мнѣ Его ставили въ примѣръ.

---

*) Сердечная внимательность.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО ОТЦУ

Вѣна, Генваря 5 дня 1803.

Въ другое время началъ бы я сіе письмо поздравленіями на Новый годъ; теперь же невозможно мнѣ говорить вамъ о другомъ, какъ о встрѣчѣ, о радости, съ которою я обнялъ любезнаго брата. Вы вѣрно за оное не прогнѣваетесь. Какъ не брать вамъ участія въ радости сына вашего? При томъ мнѣ даже кажется смѣшно поздравлять васъ, желать вамъ добра, здоровья, и я никакъ не хочу быть въ числѣ сыновей, которые ждутъ приближенія Новаго года, чтобы желать всякаго блага своимъ отцамъ: всѣ дни для меня равны и, слѣдовательно, не проходитъ ни одного, въ который бы я, по крайней мѣрѣ *мысленно*, не молилъ Бога о васъ, любезный батюшка. И такъ, въ разсужденіи васъ, для меня нѣтъ Новаго года, и я всю свою жизнь буду все только развѣ наканунѣ онаго. Но нечувствительно отдалился я отъ предмета своего; начну дѣло издалека. Нѣкоторыя происшествія и обстоятельства побудили г-на Леонтьева [2]) послать курьера въ Петербургъ. Доброе его сердце не стало ждать просьбы моей: онъ первому мнѣ предложилъ ѣхать. Вы легко можете угадать, какой былъ мой отвѣтъ; однимъ только былъ я недоволенъ, т.-е. что не могъ выѣхать черезъ пять минутъ. Видя, что мнѣ не очень хотѣлось въ Петербургъ (ибо это не давало мнѣ совершенной и основательной надежды побывать въ Москвѣ, да и онъ не желалъ, чтобъ особа миссіи столь далеко и, можетъ быть, надолго отлучилась), положилъ онъ послать меня только до Вѣны и вручить графу Андрею Кирилловичу [3]) депеши, съ просьбою переслать ихъ далѣе.

И такъ, получа пакеты, деньги на проѣздъ въ одинъ конецъ, наставленія и словесныя препорученія къ графу, отправился я изъ

---

[1]) См. выпускъ 8-й, во II-й книгѣ „Русскаго Архива“ сего года.

[2]) Который, за перемѣщеніемъ Италинскаго въ Константинополь и до пріѣзда его преемника Татищева, исправлялъ должность нашего посланника въ Неаполѣ.

[3]) Графу Разумовскому.

Неаполя 20-го Декабря до обѣда, довольно равнодушно. Въ 23 часа поспѣлъ я благополучно въ Римъ, нашелъ Гагариныхъ, выѣзжающихъ изъ сего города; они взяли меня въ карету. Между Римомъ и Флоренціей принужденъ я былъ вырвать себя отъ нихъ; на одной станціи вышелъ изъ кареты на минуту и написалъ записку князю прощальную. Онъ слишкомъ былъ уменъ, чтобъ не извинить меня, и далъ мнѣ дружескій отвѣтъ. Я взялъ лошадь верховую, одну для себя, другую моему камердинеру (котораго, по счастію, взялъ съ собою), на третьей былъ почталіонъ съ моимъ чемоданчикомъ и служилъ намъ путеводителемъ. Скакавъ такимъ образомъ почти сутки, я возвратилъ потерянное или, лучше сказать, посвященное дружбѣ время, и чрезъ Флоренцію, Болонію, Феррару и Венецію прибылъ въ 11-й день благополучно въ Вѣну.

Долго думалъ я, какъ бы лучше обрадовать брата; а кончилось тѣмъ, что внезапный сюрпризъ, который я ему сдѣлалъ, подошедъ къ нему вдругъ на улицѣ, его, такъ сказать, обездушилъ: онъ узналъ меня только дòма и не прежде, какъ пришедъ только туда, подлинно по-братски меня обнялъ. Увидѣвъ меня на улицѣ, побѣлѣлъ весь въ лицѣ и поцѣловалъ меня очень машинально; уже послѣ радость его не имѣла предѣловъ. Я не знаю, сколько здѣсь пробуду. Графъ очень ласково меня принялъ и велѣлъ подолѣе перваго проѣзда моего остановиться въ Вѣнѣ и пр. Онъ и всѣ совѣтуютъ мнѣ дождаться Татищева и съ нимъ возвратиться въ Неаполь. Но гдѣ онъ? Когда сюда будетъ? Богъ знаетъ. Я бы къ нему написалъ, ежели бы вѣрно зналъ, гдѣ онъ. Леонтьевъ далъ мнѣ совершенную во всемъ волю и сказалъ, что полагается на мое благоразуміе. Я не хочу употребить ласки его во зло; совсѣмъ тѣмъ прежде мѣсяца никакъ не надѣюсь выѣхать отсюда.

Извините меня, любезный батюшка, предъ всѣми родными и пріятелями: голова у меня не на мѣстѣ; по сю пору не могу собраться съ мыслями отъ радости, а при томъ нѣтъ ни минуты времени; всѣ сіи дни отдыхалъ. Богъ меня пронесъ по этой проклятой дорогѣ; я не знаю, какъ я доѣхалъ: восемь ночей не спалъ, въ открытой повозкѣ, перекладной, подъ чистымъ небомъ, дождемъ, снѣгомъ, вѣтромъ и стужею. Изъ Неаполя выѣхалъ я въ китайчатомъ дорожномъ платьѣ и по мѣрѣ, чтò подвигался, все прикупалъ, чѣмъ кутаться: то шинель, то теплые сапоги, то шапку и пр. Я слишкомъ былъ въ Неаполѣ занятъ радостію быть въ Вѣнѣ и совсѣмъ забылъ, какъ туда доѣду.

*

Вѣна, 9 (21) Генваря 1803 г.

Благодарю васъ за всѣ новости Московскія и радуюсь, что вы не отказываете дѣлаемымъ вамъ приглашеніямъ; я знаю, что сидѣніе вамъ вредно: вы никогда не были столь бодры, какъ когда жили въ Воронцовѣ *), гдѣ вы болѣе ходили, нежели сидѣли.

Съ Исократомъ, по совѣту вашему, я подружусь. Я намѣренъ составить себѣ здѣсь маленькую библіотеку. Въ Неаполѣ совсѣмъ книгъ нѣтъ; а безъ книгъ часто тоска; все писать нельзя, а послѣ ученія пріятно отдыхать съ такимъ товарищемъ, какъ книга.

Время здѣсь летитъ, а не проходитъ. Я по сіе время не могу нарадоваться жить, какъ прежде, съ братомъ въ одной комнатѣ. Мнѣ кажется, что я его нѣсколько уже лѣтъ не видалъ: такъ ему обрадовался. Не смотря на то, что я уже три недѣли въ Вѣнѣ, я гѝрода почти не видалъ, ибо дòма есть всегда о чемъ говорить; всякій разсказываетъ свое: я о Неаполѣ, а онъ объ Вѣнѣ, и такъ время нечувствительно проходитъ. Два раза въ недѣлю, какъ другіе, обѣдаю я у посла; въ другіе дни, ежели не дома, то у Тутолмина или Бибикова; часто по вечерамъ бываю я у графа Панина; не смотря на сіе, графиня, какъ ни увидитъ, все пеняетъ, что я рѣдко къ нимъ ѣзжу. Я уже не знаю, чѣмъ платить имъ за ласки ихъ. Намедни графъ видѣлъ меня въ партерѣ. Venez dans ma loge, сказалъ онъ мнѣ, vous serez plus à votre aise. Я пришелъ, благодарилъ, и онъ велѣлъ мнѣ всегда бывать въ своей ложѣ. Этого не довольно: видя, что я пѣшкомъ, хотѣлъ домой меня везти, звалъ ужинать; я отговорился, что въ сапогахъ и не одѣтъ. Онъ отвѣчалъ: Cela ne fait rien; не смотря на это, я не захотѣлъ во зло употребить ласку его: пошелъ домой, одѣлся и поѣхалъ къ нему ужинать. Онъ часто у меня объ васъ спрашиваетъ. Вчера сказалъ мнѣ: Vous en faites un mystère; mais je sais que m-r votre père va venir ici. Онъ и всѣ Русскіе отсюда поѣдутъ въ Неаполь, и я надѣюсь тамъ скорѣе найти случай изъявить графу всю мою благодарность за милости его. Я вообще благодарю Бога; по сіе время, кромѣ несчастія не видѣть васъ, я не имѣлъ другой причины оплакивать разлуку нашу; всѣ меня любятъ, по крайней мѣрѣ, ласкаютъ и дѣлаютъ одолженія, которыхъ я даже и не требую. Кому я симъ обязанъ, ежели не вамъ, любезный батюшка? Одно ваше имя есть ужъ похвала.

*

*) Т.-е. въ Подмосковной, у фельдмаршала князя Репнина.

Вѣна, Генваря 14 (26) дня 1803 года.

Ваши слова: «Нѣсть спасенія въ Архивѣ» очень заставили смѣяться меня и Гагарина, которому я сіе мѣсто прочелъ. Дай Богъ найти мнѣ спасеніе въ Неаполѣ. Я никакъ не вѣрю, чтобъ можно было развратиться молодому человѣку, когда онъ имѣетъ такого отца, какъ я, нѣсколько разсудка и хорошія правила. Нѣтъ, любезный батюшка, не ждите отъ насъ себѣ ни заботъ, ни малѣйшаго неудовольствія, не только печали. Теперь утѣшаемся мы, думая о той минутѣ, въ которую васъ обнимемъ. А какъ показаться на глаза ваши недостойными всего того, что̀ вы для насъ сдѣлали? Въ двадцать лѣтъ не причинилъ я вамъ никакого огорченія. Зачѣмъ бы мнѣ перемѣниться? Хотя великая разница быть надсматриваему, или господиномъ надъ самимъ собою; но гдѣ есть охота, зачѣмъ не быть успѣху?

Я не вижу, почему бы не могли процвѣтать въ нашемъ климатѣ каштаны; теплыя и неприступныя шубы, въ которыхъ они окутаны, заставили бы меня думать, что они для Россіи сотворены.

*

Вѣна, 17 (29) Генваря 1803 года.

Какъ Леонтьевъ ничего отъ меня не таитъ и даже довольно снисходителенъ со мною совѣтоваться, ежели дѣло не превышаетъ понятіе мое: то служеніе съ нимъ мнѣ можетъ быть великой пользы, и для того желаю я очень быть въ Неаполѣ прежде Татищева. Я просилъ Л. остановить журналъ до моего пріѣзда; пріѣхавши, я все впишу, и тогда Татищевъ, находя вездѣ мою руку, увидитъ, что я работалъ, а не гулялъ въ Неаполѣ. Мнѣ хочется ѣхать курьеромъ; но жаль, что не оказія ждетъ курьера, но курьеръ ея. Я отъ времени до времени буду писать къ Андрею Яковлевичу *), напоминая ему всегда о старомъ его подчиненномъ, который всегда готовъ быть подъ командою его и ждетъ только приказанія его. Онъ теперь въ числѣ лучшихъ нашихъ министровъ, и его представленія всегда будутъ уважены. Что̀ до мѣстопребыванія касается, то я, право, не такъ деликатенъ: гдѣ бы я ни жилъ, лишь бы то было мнѣ полезно или вамъ пріятно.

Конецъ вашего милаго письма заставилъ меня отъ радости плакать; вы меня называете: дорогой мой Александръ. Вы на ласки не очень щедры и кому оныя говорите, того вѣрно любите. Къ моей радости прибавилась еще другая: недовольно мнѣ было видѣть брата;

---

*) Италинскому.

третьяго дня прiѣхалъ сюда князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ. Онъ и княгиня, слава Богу, здоровы и мнѣ очень обрадовались. Они проживутъ здѣсь недѣли двѣ или менѣе и поѣдутъ къ вамъ въ Москву, а оттуда въ Петербургъ, проживя у васъ не болѣе, какъ нѣсколько дней. Я теперь имѣю случай мстить брату, и покуда онъ оставляетъ меня, чтобы быть въ канцелярiи, я сижу у нихъ.

Я получилъ на сихъ дняхъ письмо отъ Леонтьева. Какъ мнѣ прiятно давать вамъ опыты, что не лѣнюсь и стараюсь заниматься. Вы извините, ежели припишу здѣсь маленькiй аттестатъ обо мнѣ. Вотъ чтò онъ пишетъ между прочимъ: «Je n'ai qu'un instant à moi; le courrier, porteur de mes dépêches et de celles du comte Mocenigo, m'a extrêmement occupé; je viens de finir et n'en puis plus: tant j'ai été obligé de travailler sans mon cher aide, qui fait tout en ordre, avec élégance et propreté, tandis que le grand diplomate, qui est resté avec moi, traite tout si légèrement que j'ai été obligé de faire le tout moi-même, afin de ne pas envoyer du griffonage à la cour etc.»

*

Вѣна, Февраля 9 1803 года.

Графъ и графиня Панины отмѣнно милостивы ко мнѣ; вчера сдѣлала она со мною шутку: прежде просила меня часто играть на клавикордахъ, но я отговаривался, что не умѣю довольно хорошо играть; она обѣщалась отмстить. Вчера немного у нихъ было, все свои; я склонился и поигралъ. Вдругъ велѣла она сѣсть на мое мѣсто какому-то старичку, и вышло, что я игралъ при одномъ изъ славнѣйшихъ виртуозовъ: какой-то Шведъ, путешествующiй и теперь здѣсь находящiйся. Подлинно былъ я хорошо наказанъ. Къ счастiю, что пришла на помощь мою пословица: Графиня, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Одна изъ особъ, также ко мнѣ милостивыхъ, есть наша посольша, женщина прелюбезная и преумная. Вчера обѣдалъ я у графа (по приглашенiю ея); онъ мало къ себѣ допускаетъ, и былъ маленькiй круглый столъ: семья ихъ, мои Неапольскiе Гагарины, Бибиковъ, Анстетъ и я. Скоро будетъ балъ и у графа Зичи; посольша спросила, буду ли я тамъ? Я отвѣчалъ, что съ нимъ незнакомъ; она подошла, попросила посла, а сей велѣлъ Анстету вмѣсто себя ѣхать и представить меня гр. Зичи. Прощаясь, сказалъ я посольшѣ: Madame l'ambassadrice, si jamais je me fais peindre, ce ne sera pas autrement qu'à vos pieds, vous remerciant pour toutes les bontés que vous avez pour moi.—Dansez beaucoup, c'est tout ce que je vous demande, отвѣчала она.

Комиссію вашу Везувію я исполню и надѣюсь съ успѣхомъ, ибо мнѣ кажется, что онъ по сіе время болѣе слушаетъ просьбъ подождать, чѣмъ тѣхъ, которыя ему дѣлаютъ, чтобы производить изверженіе. И такъ, можете надѣяться на него полюбоваться. Чтò не бываетъ на семъ свѣтѣ, и я не удивлюсь, ежели Везувій очутится вдругъ въ Нѣмецкой Слободѣ; тогда не будете вы жаловаться на ваши 20° холоду. У насъ также сильная здѣсь стужа: вчера поутру было 22° холоду, а менѣе 8° никогда; снѣгъ завалилъ всѣ дороги, и многіе принуждены были воротиться. Рибопьеръ былъ опрокинутъ и столь руку ушибъ, что принужденъ въ Краковѣ остановиться и лѣчиться. Не знаю, не секретъ ли это; но въ глазахъ моихъ это секретъ, за тѣмъ, что могло бы огорчить мать его; а она, можетъ быть, того не знаетъ. Нашъ Тургеневъ посланъ курьеромъ, дабы взять данныя ему депеши и отвезти ихъ въ Петербургъ, или воротиться, ежели тотъ самъ будетъ въ силахъ ѣхать. Я боюсь, чтобы Иванъ Петровичъ, имѣя его разъ у себя, не отпустилъ его болѣе въ Вѣну.

Смерть графини Дарьи Петровны*) была мнѣ чувствительна; она отмѣнно насъ ласкала и сыну велѣла въ Москвѣ съ нами короче знаться. Мятлевы завладѣютъ теперь графомъ, коего дѣла только оттого изрядно шли, что графиня въ оныя мѣшалась. Пусть новый вашъ оберъ-полицеймейстеръ дастъ опытъ своего проворства и отыщетъ посылку мою къ вамъ; а я воспою за то славу его. На сихъ дняхъ прибылъ сюда Андрей Пини, къ Касинію въ Римъ причисленный; его отправляютъ послѣ завтра въ нашу сторону, и потому одно какое-либо чрезвычайное обстоятельство можетъ быть причиною скораго моего назадъ отправленія. Впрочемъ пора ужъ домой; поѣду одакожъ съ огорченіемъ: я здѣсь, чтò называется, разлакомился. Новое вкушаю удовольствіе съ пріѣзда Гагариныхъ сюда. Ихъ отъѣздъ, также какъ и мой, все откладывается. 15-го сего мѣсяца ѣдутъ Ив. Вас. Тутолминъ и А. А. Бибиковъ съ женами къ намъ въ Италію. Графъ Панинъ еще на время остается. Жалѣю, что вы не распечатали письмо Евсея, вы бы насмѣялись; оно писано въ томъ порядкѣ, какъ пишутъ стихи и на всякой строчкѣ слова: я изволилъ сказать, я изволилъ писать и пр.; кончается тѣмъ, что онъ молитъ Бога видѣть меня въ моемъ, въ его и во всякомъ другомъ благополучіи. Въ другое время ему намараю пару словъ, теперь недосугъ.—Братовъ Гагаринъ, которому я прочелъ нѣкоторыя мѣста письма вашего, сказалъ: Ah, quel père vous avez! Comme on voit que tout ce qu'il dit vient du coeur, qu'il le sent, et pas comme beaucoup de vieillards, qui croyent que 50

*) Салтыковой.

ou 60 ans leur donnent le droit de prêcher depuis le matin jusqu'au soir et quelquefois sans raison ou mal à propos une morale froide, trop connue et qui ne tonche ni ne persuade.

*

Вѣна, Февраля 7 (19) дня 1803.

У насъ также нѣтъ конца веселіямъ; я почти всякій день на балахъ и очень всѣми обласканъ. Французскій посолъ на своемъ балѣ ко мнѣ подошелъ и спросилъ: всѣ ли такъ хорошо танцуютъ въ Россіи? Я отвѣчалъ: C'est três commun, mais tout le monde n'est pas aussi obligeant que monsieur l'ambassadeur. Черезъ три или четыре дня кончатся всѣ веселія и карнавалъ; но за то всѣ четыре дня я званъ на танцы, которымъ предаюсь я съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ, что нѣтъ должности на сердцѣ, ни мысли, что на другой день въ 7 часовъ надобно быть въ канцеляріи, какъ братъ, который долженъ былъ вчера оставить балъ въ 11 часовъ, ибо сегодня почтовый день; но скажу къ его похвалѣ, что не всѣ здѣсь слѣдуютъ его примѣру, за то болѣе любимъ Анстетомъ, ибо до графа всякая малость и подробность доходить не можетъ.

Вы меня два раза благодарите за подарки; а я скажу вамъ въ третій разъ, что это очень меня радуетъ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ комиссій вашихъ и вѣрно исполню ихъ къ удовольствію вашему. На 50 черв. можно купить въ Италіи сокровища, по крайней мѣрѣ такія вещи, коими Москву удивить можно. Слава о посланномъ мною княгинѣ ожерельѣ дошла уже до меня: къ Гагарину пишутъ сестры и мать, прося подобнаго ожерелья, и я ему обѣщаюсь изъ Неаполя прислать. Жаль, что мѣста не было, я хотѣлъ послать княгинѣ два прекрасныя опахала; съ первою оказіею перешлю; оба представляютъ виды Рима. Сегодня дается Вѣнскою молодежью карусель, на которомъ будетъ императоръ со всею своею фамиліею. Ввечеру ратники даютъ большой балъ.

Чувствительно благодарю за память Ивана Володимировича *). Пріятно быть въ памяти людей ему подобныхъ. Мы съ Тургеневымъ весьма часто объ немъ говорили.

Вообразите себѣ, что третьяго дня было славное катанье на саняхъ; а сегодня почти ни на одной улицѣ нѣтъ куска снѣгу, и вся мостовая видна, какъ лѣтомъ, много только грязи; изъ 18 градусовъ морозу сдѣлалось вдругъ 2 только; всѣ въ насморкахъ и кашляхъ,

---

*) Лопухина.

между прочими и княгиня Гагарина, которая, надѣюсь, однѣми моими молитвами выздоровѣетъ. Князь все еще не знаетъ, когда поѣдетъ. О моемъ отправленіи не говорятъ, ибо недавно отправили въ Италію Андрея Пини, причисленнаго къ Касинію въ Римъ.

Время мое провожу я все по старому и наичаще бываю у нашихъ Русскихъ, а болѣе бываю у графа Панина, который отмѣнно ко мнѣ милостивъ. Онъ также говорилъ со мною о перспективѣ моей и нашелъ, что мнѣ надобно будетъ не на всегда остаться въ Неаполѣ, но искать мѣста при важнѣйшей миссіи. Но спѣшить намъ незачѣмъ, и ничего нельзя начать, покуда начальникъ мой не будетъ на мѣстѣ, кто бы то ни былъ. Успокойтесь: объ Андреѣ Яковлевичѣ есть извѣстіе, что онъ доѣхалъ благополучно. Я часто его вспоминаю, но не могу однакожъ не быть довольнымъ, что онъ оставилъ Неаполь, ибо это клонится къ его пользѣ и добру. Отъ Леонтьева я писемъ не получаю: онъ вѣрно полагаетъ меня уже въ дорогѣ. Вы, я думаю, удивитесь, видѣть меня въ Вѣнѣ. Ежели бы я не былъ посланъ сюда, то поѣхалъ бы, можетъ быть, въ Парижъ. Но я о семъ не тужу: въ Парижѣ нѣтъ у меня брата, при томъ же сей городъ далѣе отъ Москвы, нежели Вѣна; а я и теперь не умѣю ждать писемъ вашихъ терпѣливо.

Совсѣмъ было забылъ обѣщаніе, которое далъ Климу, хотя братъ вѣрно вамъ о томъ уже писалъ, но я повторю. Климова жена Авдотья великихъ услугъ вамъ показывать не можетъ; я ее помню простою бабою, а болѣе ничего. Сдѣлайте милость, дайте ей пашпортъ. А дабы въ ономъ не раскаиваться, можете дать только на годъ и потомъ оный не возобновлять, ежели признàете оное за нужное. Она сильно о томъ проситъ мужа, говоря, чтобы онъ не допустилъ ей лишиться своей невинности и чести. Кто ея не видалъ, подумалъ бы, что она прекрасная 18-ти лѣтняя дѣвушка. Я смѣюсь его словамъ, но не могу не уважить просьбы человѣка, который ревностно служитъ брату и отвыкъ отъ прежняго пьянства и грубости. Предаю все дѣло на ваше благоразсмотрѣніе, любезный батюшка, и повторяю просьбу мою покорнѣйше, ежели она основательна.

*

Вѣна, 3 Марта 1803 г.

Благодарю васъ, любезный батюшка, за пожалованіе мнѣ 500 р.; оба векселя я получилъ. Кто не видалъ подàрковъ, а только награжденіе, подумалъ бы, что я послалъ къ вамъ весь кабинетъ князя Александра А. Щербатова. Но говорится: на милость нѣтъ образца. Подарки очень неважны, но тѣмъ для меня милы, что вамъ понравились.

Вижу съ удовольствіемъ одобреніе ваше заранѣе за табакерку, которую намѣреваюсь вамъ прислать. Фельдмаршальской табакеркѣ не долго торжествовать.

Благодарю васъ за всѣ новости; ежели бы былъ въ Россіи, поплясалъ бы на Вязмитиновой свадьбѣ, благо не ему платить музыкантамъ; поздравьте его отъ меня, когда будете писать.

Отъ матушки получилъ я на сихъ дняхъ письмо, и часто самъ къ ней пишу. Посылаю къ ней черезъ нѣсколько дней съ вѣрною оказіею табакерку съ обоими нашими портретами, а свой портретъ пришлю я вамъ съ Гагаринымъ, коего отъѣздъ еще не положенъ и откладывается за худыми дорогами. У насъ съ Фастомъ нѣтъ такихъ секретовъ, которыхъ бы мы отъ васъ таить старались; въ такомъ случаѣ я бы отъ оныхъ отрекся. А не даетъ онъ вамъ писемъ своихъ вѣрно отъ délicatesse mal placée.

Я говѣю и братъ тоже. Имѣю удобный случай лучше исполнить долгъ сей не откладывая; въ Неаполѣ же хотя и есть церковь, но служба производится на Греческомъ языкѣ, который я понималъ, будучи 6 лѣтъ. Вы мнѣ простите, любезный батюшка, невольныя мои прегрѣшенія, ибо я другихъ противъ васъ не знаю, а ежели люблю васъ всѣмъ сердцемъ, то право не отъ того, что 5-я заповѣдь то приказываетъ; это скажу и попу. Но сколь премудра заповѣдь сія! Исполняя ее, творишь, вопервыхъ, угодное Богу, слѣдуешь побужденіямъ, которыя сердце ужъ безъ того имѣетъ; а получаемая за то награда, долголѣтіе, есть главное основаніе счастія дѣтей твоихъ! Наши молитвы до неба доходятъ, любезный батюшка: вы здоровы, а мы счастливы.

*

Вѣна, 12 Марта н. ст. 1803 г.

Здѣсь время дурно: ни весна, ни осень, сыро и вѣтрено, снѣгъ падаетъ съ дождемъ. Впрочемъ нѣтъ заботы; ни отъ снѣга, ни отъ дождя я не растаю, а горячки отъ того не получу, что вымочу ноги. Нѣмцы очень терпѣливо сносятъ сіе время: послѣ обѣда всѣ за пуншемъ; а кому море по колѣно, для того грязь—ничего. Это точно правда, и я видалъ дамъ, которыя пьютъ пуншъ такъ, какъ Миллеръ у васъ Бургонское. Но я боюсь, не занимаю ли я ужъ васъ вздорами? Я знаю, сколь вы снисходительны; впрочемъ я не знаю что̀ бы вамъ путнаго сказать. Развѣ что благополучно отговѣлъ, исповѣдывался у Андр. Аѳанас. Самборскаго, жившаго когда-то въ вашихъ Московскихъ палатахъ; онъ васъ весьма почитаетъ. Въ семъ ужъ вѣрно меня не перещеголяетъ; во всемъ другомъ себя съ нимъ сравнить не смѣю. Я

съ дочерью его [1]) говорилъ; она очень помнитъ графиню Катер. Алекс. Пушкину и дѣтей ея; просила меня черезъ васъ послать ей свое почтеніе; радуется, что Марья Алекс. замужемъ [2]) и желаетъ ей счастія. При семъ случаѣ возобновите и меня въ памяти старинной нашей наставницы, коей ласки и милости я всегда помнить и чувствовать буду. Ванѣ [3]) я долженъ отвѣтъ на одно письмо; постараюсь сегодня сквитаться, между тѣмъ посылаю ему проценты, т.-е. поклоны.

Наши Русскіе здѣсь всѣ было поднялись ѣхать и все еще здѣсь. Бибиковъ со своими ѣдетъ 28-го сего мѣсяца въ Швейцарію; надѣюсь, что сдержитъ слово, ибо три дня послѣ другой займетъ его квартиру. Панинъ, у котораго я часто бываю, былъ нездоровъ рюматизмомъ, выздоровѣлъ, но не говоритъ объ отъѣздѣ своемъ, равно и Тутолмины; оба вамъ кланяются. Всѣми ими я очень обласканъ и стараюсь оное заслужить. Особа, коей милостями я также пользуюсь, есть наша посольша, умная и милая женщина, ввела меня во многіе домы, гдѣ были прекрасные балы во время карнавала; вчера сказала мнѣ: Ah, ça! Ne vous plaignez pas des mauvais chemins, vous n'en serez pas malade ce mois-ci à Vienne. Мы два раза въ недѣлю обѣдаемъ у посла и кромѣ того разъ навсегда званы на всѣ большіе обѣды у него; кромѣ сего всякую недѣлю бываютъ большіе званые обѣды у министровъ здѣшнихъ и иностранныхъ, на которые насъ очень часто приглашаютъ. Однимъ словомъ, мы не можемъ Вѣны не хвалить, ежели бы то было только за ласки, которыя намъ оказываютъ. Иностранцевъ очень отличаютъ и Русскихъ любятъ. Всѣ тѣ, которые васъ знаютъ, Кобенцль и пр., желаютъ васъ видѣть. Сей намедни у Англинскаго министра, за столомъ сидя подлѣ брата, пилъ ваше здоровье, а мы за оное молимъ Бога и не знаемъ какъ дождаться минуты, въ которую васъ обнимемъ. Я увѣренъ, что путешествіе въ такой край, какъ Италія, будетъ вамъ и полезно для здоровья, и пріятно; не хочу только, чтобы путешествіе было для васъ отяготительно, сколь ни принесетъ намъ радости; въ такомъ случаѣ лучше намъ прискакать обнять любезнаго батюшку. Но я и не хочу говорить о вещахъ, которыя совершенно зависятъ отъ воли вашей, а можетъ быть еще больше отъ обстоятельствъ; что̀ впереди, неизвѣстно.

Гагарины все еще здѣсь и просятъ, какъ я, дорогу поправиться. У васъ по мосту-мосту прошелъ дѣтина въ голубомъ кафтанѣ; а здѣсь

---

[1]) Вышедшею позднѣе за перваго директора Царскосельскаго Лицея, Вас. Ѳед. Малиновскаго.

[2]) За Алексѣя Захаровича Хитрова.

[3]) Графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, сыну археолога.

чуть было самъ Дунай не сдѣлался молодцомъ и не сорвалъ деревянный какой-то мостъ; но не удалось, и мостъ уцѣлѣлъ.

Палатинъ Іосифъ по приглашенію нашего Императора поѣхалъ 10-го въ Петербургъ, неизвѣстно зачѣмъ.

Иду смотрѣть Пальмиру или, лучше сказать, слушать ее. Не забудьте моей просьбы о Климовой женѣ, коей невинность и честь въ опасности (какъ она сама то пишетъ). Я бы не думалъ, чтобы могли найтиться люди, которые бы рѣшились дѣлать покушеніе на такія сокровища, когда они въ рукахъ такой бабы. Впрочемъ я не только ея не обвиняю, но даже покорно повторяю вамъ ея просьбу. Худо помню даже ея лицо, а поведеніе ея мнѣ неизвѣстно.

*

Вѣна, 2 (14) Марта 1803.

Анекдотъ вашъ съ двумя друзьями въ Ліонѣ такъ насъ всѣхъ напугалъ, что мы разъ навсегда отказались отъ сюрпризовъ. Правда, что другъ перешелъ уже мѣру; но вообще сюрпризы не могутъ радовать и быть пріятными; въ оныхъ случаяхъ душа и сердце столь объемлемы удивленіемъ, что не остается мѣста для другого чувства. Узнать, что скоро увидишь милаго человѣка, слышать, что онъ пріѣхалъ, наконецъ—увидѣть его! Можно ли сіи три радости промѣнять на *столбнякъ*, который нашелъ на брата, когда я вдругъ обнялъ его на улицѣ? Почему пріятнѣе удивлять, нежели радовать? Въ первомъ торжествуетъ одинъ, въ другомъ двое. Мнѣ кажется, что я пустился на разсужденія; это бываетъ всякій разъ, что̀ я къ вамъ пишу, ибо пишу все то, что̀ думаю и что̀ ни попадется. Хорошо писать по линейкамъ, по писаному, по тесаному, покуда учишься азбукѣ; а теперь вы, вѣрно, не взыщете, ежели не найдете большаго порядка въ моихъ письмахъ, лишь бы они изображали все то, что̀ думаю, чувствую и дѣлаю.

Дороги не у васъ однихъ дурны; здѣсь они такъ мерзки, что всѣ тѣ, которые было выѣхали, принуждены были воротиться, отъѣхавъ нѣсколько почтъ. Одинъ Англичанинъ увѣрялъ, что онъ употребилъ 11 часовъ, чтобы сдѣлать три почты.

На сихъ дняхъ видѣлъ я Пальмиру; музыка довольно обезображена, но представленіе прекрасно. Вы знаете, что тутъ пріѣзжаютъ три принца свататься за Пальмиру. Одинъ является верхомъ, другой на слонѣ, прекрасно сдѣланномъ, а третій на живомъ большомъ верблюдѣ. Coup d'oeil прекрасный; но верблюдъ началъ бѣситься, актеръ

такъ перетрусился, что долго не могъ отдохнуть и отъ дрожанія пѣлъ все трилерами. Voilà de quoi remplir une lettre pour Анна Петровна; да некогда писать, ѣдемъ обѣдать къ послу, который говѣетъ, не могу отложить: и такъ два обѣда у него прогулялъ.

Третьяго дня ужиналъ я у графа Никиты Петровича. Графиня сказала мнѣ, что Алтести здѣсь; онъ даже обѣдалъ у посла, но меня тогда не было; желалъ бы видѣть его; удивляюсь, что онъ не имѣлъ также сего любопытства. Говорятъ, что ѣдетъ въ Италію.

*

Вѣна, 4 (16) Марта 1803.

Съ Рибопьеромъ я вамъ писалъ, но онъ ушибъ руку около Кракова, до котораго дотащился кое-какъ, чтобы лѣчиться, много страдалъ и потерялъ, говорятъ, палецъ. Какъ онъ, имѣвъ важные пакеты для двора, увѣдомилъ тотчасъ графа о несчастіи своемъ, препятствовавшемъ ему далѣе ѣхать, графъ немедленно отправилъ Тургенева, а сей, взявъ пакеты посла у Рибопьера (а съ ними и письма наши къ вамъ), повезъ ихъ въ Петербургъ. Великое принимаю участіе въ выздоровленіи Николая Николаевича Каменскаго. Болѣзнь Фаста меня очень тревожитъ; я его люблю искренно, и извѣстіе о выздоровленіи его обрадуетъ меня чрезмѣрно. Какое бы было для меня удовольствіе сидѣть у его постели, читать ему книгу, или дѣлать все, что̀ хочетъ.

Я вижу, что мы Татищева не такъ скоро дождемся. Не хочу послѣдовать несчастному примѣру Рибопьера. Въ пожалованіи старинныхъ пріятелей Карнѣева и Лубяновскаго искренное принимаю участіе; пора имъ быть болѣе, нежели нашимъ братомъ асессоромъ.

Не знаю, поздравить ли васъ съ новыми хлопотами, то-есть съ директорствомъ въ Благородномъ Собраніи. Пріятно имѣть опыты довѣренности и предпочтенія цѣлаго дворянства; но, зная вашъ образъ жизни, я бы желалъ, чтобы всѣ сіи опыты доходили до вашего покойнаго и теплаго кабинета, не принуждая васъ ѣздить по худой погодѣ за Кузнецкій мостъ. Мавра Лукинишна у васъ; это вѣрно изъ экономіи: узнала, что можетъ безденежно бывать въ клубѣ, и для того пріѣхала погостить въ Москву и стала еще у директора. Цѣлую у нея ручку. Помнитъ ли она, я названный ея cousin? Александрѣ Лукинишнѣ много кланяюсь; боюсь, что онѣ ужъ уѣхали. Ежели Фастъ не встанетъ, то вѣрю, что слабъ; но для нѣжной женщины болѣзнь того, который ее любитъ, есть обстоятельство, которое нѣкоторымъ образомъ дѣлаетъ его интереснымъ. Ежели онъ такъ нѣженъ, то совѣтую

принимая лѣкарство, говорить: et même avec de la rhubarbe je bois à ta santé... Вамъ Москва не даетъ покою; время у васъ дурно, не простудитесь, ради Бога, выѣзжая такъ часто, а всѣхъ удовольствовать мудрено. Я бы лучше желалъ, чтобы къ вамъ болѣе ѣздили; а это, мнѣ кажется, зависитъ отъ одного вашего желанія. Поздно теперь о томъ говорить; но жалѣю, что вы говѣете на первой недѣлѣ; послѣ всѣхъ выѣздовъ ѣсть худую пищу цѣлую недѣлю не такъ пріятно; но Богъ милуетъ.

По сю пору не могу привыкнуть писать по-русски съ такою легкостью, какъ по-французски. Правда и то, что моя переписка съ вами есть первая порядочная, которую я веду на нашемъ языкѣ: всегда и всѣмъ писалъ по-французски или по-нѣмецки. Не повѣрите, какъ Нѣмецкимъ боярамъ пріятно видѣть молодого человѣка, особливо Русскаго, знающаго ихъ языкъ, и когда имъ скажешь: j'ai fait mes études en allemand, они улыбаются. Мнѣ, конечно, дадутъ деньги на проѣздъ: Анстетъ, пріятель нашъ, любитъ брата, о томъ постарается. Когда есть работа, то все заставляютъ брата дѣлать. Между нами сказано: Гагаринъ*) умный малый, ученъ, знаетъ очень хорошо языки, но нерадивъ и не имѣетъ терпѣнія кончить чтò начнетъ. Гагариныхъ я люблю обоихъ, но не мудрено угадать кого болѣе. Je me pique d'être galant. Дамы всегда имѣютъ шагъ надъ кавалерами. Съ княземъ сталъ я друженъ подлинно послѣ переписки нашей, когда онъ былъ въ Римѣ, а я въ Неаполѣ. Обоихъ рекомендую вамъ; онъ обѣщался непремѣнно къ вамъ съѣздить; я и княгиню уговариваю и настою, чтобы она непремѣнно у васъ обѣдала. Вы, право, ее полюбите.

*

Вѣна, 11 (23) Марта 1803.

На прошедшей недѣлѣ прислалъ сюда Леонтьевъ курьеромъ офицера одного. Я получилъ отъ него письмо. Хотя онъ и не говоритъ ничего о возвращеніи моемъ, но я не хочу во зло употребить слова его: je me repose aveuglement sur vous; faites ce que vous jugerez à propos; vous êtes trop raisonnable pour faire mal. Vous êtes sur les lieux et vous savez mieux que moi ce que vous avez à faire. Tout ce que je viens de dire regarde votre retour à Naples etc. Тотчасъ послѣ пріѣзда курьера, узнавши, что онъ будетъ отправленъ назадъ, говорилъ я съ Анстетомъ и изъявилъ ему желаніе ѣхать съ симъ офицеромъ обратно, чѣмъ избавлю и канцелярскую казну отъ двойныхъ издержекъ. Не знаю, говорилъ ли онъ о томъ графу; но въ ту Суб-

*) Извѣстный впослѣдствіи сенаторъ князь Павелъ Павловичъ? П. Б.

боту пріѣзжаю я къ послу обѣдать; вхожу, кланяюсь. Ah, voici notre Napolitain, сказалъ онъ княгинѣ Гагариной; mais à présent il faudra qu'il retourne à Naples; nous avons une bonne occasion pour cela. Послѣ спросилъ у меня съ улыбкою: Serez-vous fâché de quitter Vienne? Посольша, услыша, что Анстетъ мнѣ назначаетъ три дня срока, подошла ко мнѣ, говоря: N'ayez pas peur, je prends sur moi de vous retenir encore quelques jours de plus. Вчера встрѣтился я съ нею. Eh bien, suis-je une bonne négociatrice? И въ самомъ дѣлѣ, я не прежде выѣду, какъ 26 или 27 сего мѣсяца. Надобно, пора ѣхать, Леонтьевъ очень занятъ, и я имѣю счастіе пользоваться его довѣренностью. У сего же курьера есть своя коляска и мѣсто не только для меня, но и для камердинера моего. Симъ избавлюсь я отъ проклятыхъ перекладныхъ и отъ платежа за оныя, равно какъ и отъ непріятности на всякой почтѣ перевязывать чемоданъ съ одной повозки на другую.

Графъ ѣдетъ съ г. Панинымъ на охоту на нѣсколько дней. Леонтьевъ имѣетъ позволеніе отлучиться на годъ съ жалованьемъ въ Россію. Онъ очень нетерпѣливо ждетъ Татищева.

*

Вѣна, 18 (30) Марта 1803.

Желаю очень, чтобы Русскій мой штиль исправился и не давалъ болѣе Французскому верха надъ собой; но упражненіемъ надѣюсь достигнуть цѣли своей. Италинскій, въ 1764 году оставивъ Россію, не только не забылъ своего языка, но сдѣлалъ въ немъ даже успѣхи, а жилъ все съ иностранцами.

Говорятъ, что Татищеву пожалована лента. Вотъ и пашпортъ! Вы говорите, что всѣ хотятъ съ нами переписываться. Меня очень это радуетъ; но признаюсь вамъ, что любить бы ихъ не сталъ менѣе, ежели бы хотѣніе ихъ кончилось однимъ только хотѣніемъ. Какъ переписываться со всѣми тому, который не только не имѣетъ секретаря, но и самъ еще секретарь? Жаль, что Евсей не чувствуетъ истины сей, а то избавилъ бы меня отъ писемъ своихъ. Такъ и быть, напишу отвѣтъ; но это будетъ въ послѣдній разъ. Въ немъ хорошаго то, что трудолюбивъ и порядоченъ, опрятенъ; я никогда его празднаго не видалъ; немного глухъ, tel valet, tel maître. Княгиню лѣчитъ тетушка Много надобно времени, чтобы перепробовать всѣ лѣкарства; ежели начала она опытъ свой симпатическими, то дай Богъ терпѣнія больной. Странно, что лѣкарства въ чести у тѣхъ, которые отъ нихъ и больны. Княжна Гагарина, сестра князя Павла Гавриловича, пріѣхавъ сюда, была тѣмъ же больна. Знаете, чѣмъ вылѣчилась? Всѣ ее увѣ-

ряли, что ей кажется, но что носъ совсѣмъ не распухъ. Три дня думала: кому болѣе вѣрить, себѣ или другимъ? А въ четвертый все прошло. По сіе время не видалъ я ничего, что̀ бы могло сравниться съ Благороднымъ Собраніемъ въ Москвѣ. Непростительно будетъ для Москвы, ежели она допуститъ придти оному въ упадокъ. Но сего заключенія нельзя сдѣлать, читая письмо ваше: оно опять теперь оживилось. Когда-то велитъ Богъ въ ономъ потанцовать? А у меня есть знакомый директоръ, который вѣрно не откажетъ билета для входу.

Маврѣ Лукинишнѣ множество поклоновъ отъ меня; еще болѣе Александрѣ Лукинишнѣ; сія дѣлала красные мои дни въ Вильнѣ: жива какъ огонь и не такъ жестока, какъ сестра ея. Зачѣмъ не пріѣхала она годъ прежде? Тогда бы вѣрно не уступилъ я тетушкѣ право на столь милое сосѣдство.

Вчера обѣдали мы у Самборскаго. Онъ насъ славно накормилъ; видно, дочь его вмѣшалась въ стряпанье, ибо были славныя Русскія и Англинскія блюда*). За столомъ Гагаринъ (братовъ) вспомнилъ, что имянины графа Алексѣя Ивановича Пушкина, и всѣ пили его здоровье; прошу ему оное, при почтеніи моемъ, сказать.

*

Вѣна, 12 Апрѣля 1803.

Стану теперь говорить объ отъѣздѣ своемъ. Оный долженъ былъ совершиться сегодня. Я отдѣлалъ всѣ прощальные визиты; въ 8 ч. вечера надлежало мнѣ принять пакеты въ канцеляріи; нашелъ всѣхъ за работою для другого курьера, въ Петербургъ отправляемаго. Сошелъ внизъ къ посольшѣ; благодарилъ ее за частыя ея милости и ласки. Она мнѣ милостиво отвѣчала: demain c'est notre jour, et vous ne partirez pas sans avoir dîné chez nous; partez l'après dîner. По сіе время кажется, что оно такъ и будетъ. Пашпортъ ужъ у меня; его отнесли къ Французскому послу, который кое-что припишетъ, чтобы въ Цизальпинской не сдѣлали остановокъ никакихъ. Я вамъ скажу вещь, которая меня обрадовала и вамъ навѣрно будетъ пріятна, любезнѣйшій батюшка: Анстетъ мнѣ сказалъ, что посольша въ письмѣ своемъ къ королевѣ Неаполитанской, съ которой она въ связи, меня препоручила милостямъ ея величества, что̀ очень мнѣ можетъ быть полезно. Ужъ болѣе недѣли, какъ графиня говорила мнѣ о семъ письмѣ и просила меня никакъ оное не отдавать, какъ черезъ нѣкотораго королевскаго секретаря (коего имя мнѣ и записала), ежели нельзя бу-

---

*) Супруга протоіерея Самборскаго была Англичанка Фильдингъ.

детъ вручить онаго собственноручно. Я просилъ графиню не оставлять брата; а пріѣхавши въ Неаполь, напишу ей о исполненіи ея приказанія и о благодарности моей. Посолъ занятъ, и я его сегодня вовсе не видалъ; сбѣгаю поутру, ежели противъ чаянія не буду отправленъ до обѣда. На дорогу даютъ мнѣ 80 черв.; только что станетъ чтобъ доѣхать, но все лучше чѣмъ ничего, чтò бы однакожъ несправедливо было. Къ счастію, что у товарища своя коляска: покойнѣе будетъ ѣхать. Прощался я съ Самборскимъ, который далъ мнѣ на дорогу, кромѣ благословенія, славный куличъ. Цѣлый день бѣгалъ, закупалъ, прощался, укладывался и такъ засуетился, что съ мыслями собраться не могу. Теперь два часа пополуночи, усталъ, и спать хочется, но не кончу письма , покуда не скажу всего. Пришелъ я теперь отъ Гагариныхъ. Они ѣдутъ непремѣнно въ одинъ день съ Тутолмиными, т.-е. 19-го сего мѣсяца въ Москву, какъ я вамъ уже писалъ. Завидую ихъ счастію, хотя и люблю ихъ искренно. Рекомендую ихъ любезному батюшкѣ. Князь вѣрно къ вамъ явится; а княгиня обѣщала мнѣ у васъ отобѣдать, ежели никого не будетъ; всѣхъ нашихъ я ей описалъ и Фастушку тутъ же.

Александръ Пини здѣсь дней съ пять и ѣдетъ черезъ столько же времени въ Пизу къ матери. Знаете, что онъ женатъ на certaine m-lle Miller, которая мнѣ очень обрадовалась; я учился съ нею въ Петропавловской школѣ, et c'était ma danseuse de menuet.

Сегодня обѣдалъ я у посла; послѣ стола подозвалъ онъ меня къ окошку, спросилъ: не недоволенъ ли я, что онъ меня такъ долго здѣсь задержалъ; звалъ на будущій годъ опять курьеромъ къ себѣ и т. п. Я просилъ графа не оставлять брата. N'en doutez pas, отвѣчалъ онъ. Послѣ обѣда принялъ я въ канцеляріи пакеты, расписался въ оныхъ и въ 80 черв., данныхъ мнѣ на дорогу. Наконецъ я ѣду завтра до свѣта. Всѣ говорятъ, что дороги хороши и ежели занесетъ меня чѣмъ-нибудь, то развѣ пылью: снѣгъ давно уже исчезъ. О Неаполѣ вамъ ничего не пишу, до пріѣзда моего туда. Говорятъ, что Французы тамъ показываются, что война съ Англіею дѣло рѣшенное и т. п. Жаль, ежели бѣдная Италія сдѣлается опять театромъ кровопролитія.

*

Римъ, Апрѣля 16 (28) 1803.

Во Флоренціи былъ я столько времени, сколько надобно было для исполненія нѣкоторыхъ комиссій. Въ тотъ самый вечеръ, чтò я пріѣхалъ, выѣхала оттуда княгиня Лобанова, которая черезъ Венецію и Вѣну возвращается въ Россію. Я заѣхалъ въ Венецію, которая почти

по дорогѣ, забѣжалъ на Санмакрскую площадь, отъ которой въ восхищеніи; тамъ въ caffé della Concordia написалъ брату письмецо, пообѣдалъ, пошатался по городу и уѣхалъ очень доволенъ своею экспедиціею. Я здѣсь пятый или шестой день. Пріѣхавши, тотчасъ хотѣлъ ѣхать далѣе; но меня уговорилъ поостановиться г. Карповъ, новый мой начальникъ, у котораго я и живу. Многія причины заставили меня на сіе согласиться, любезный батюшка, а именно: 1) Я имѣлъ пакетъ для врученія Кассинію, а сей былъ въ деревнѣ и долженъ быть сюда только для перваго почтоваго дня. 2) Карповъ съ первою почтою ожидалъ свои инструкціи и кредитивныя письма, по полученіи коихъ онъ тотчасъ былъ готовъ ѣхать, и меня съ собою взять хотѣлъ. 3) Рима совсѣмъ я не видалъ, радъ былъ воспользоваться симъ случаемъ, чтобы оный посмотрѣть. Сверхъ того графъ торопиться не велѣлъ, и письмо его къ Леонтьеву только писано для препровожденія насъ; а курьерствомъ наградили насъ, дабы не имѣли хлопотъ въ заставахъ, таможняхъ и пр.

Обѣдаю я всякой день у В. Г. Лизакевича, и въ томъ онъ непремѣнно настоялъ. C'est un bon vivant и большой хлѣбосолъ.—Карпова назначеніе на мѣсто Леонтьева до прибытія Татищева меня очень обрадовало. Вы его, я думаю, не знаете. Нѣтъ человѣка такъ несчастливаго, какъ онъ: служитъ 35 лѣтъ не только безпорочно, но усердно своему государю, и все въ чужихъ краяхъ; имѣлъ начальниками 10 человѣкъ, начиная отъ графа И. А. Остермана въ Стокгольмѣ до г. Лизакевича; всѣ они поѣхали довольные имъ и съ обѣщаніями сдѣлать для него все, что̀ отъ нихъ будетъ зависѣть, и все кончилось одними только обѣщаніями. Тѣ, которые были многими чинами его ниже и, право, его не сто̀ятъ, теперь почти всѣ министрами, а онъ на 1500 р. секретаремъ Туринской миссіи. Другіе службою дѣлаютъ фортуну, а онъ для нея продалъ все, что̀ имѣлъ въ Россіи, потерялъ здоровье, пожертвовалъ удовольствіемъ жить съ родными своими, которыхъ 20 лѣтъ не видалъ. Онъ очень ученъ; знаетъ свой, Французскій и Итальянскій языки отмѣнно хорошо, любитъ отечество, какъ душу, и всѣмъ въ свѣтѣ готовъ для онаго пожертвовать; довольно поговорить полчаса съ нимъ, чтобъ это примѣтить; пречестный человѣкъ, хорошее имѣетъ сердце. Жаль, право, что такой человѣкъ забытъ. Назначеніе его въ Неаполь принесетъ ему только убытокъ: надобно будетъ тамъ жить домомъ, принимать, имѣть карету. А чѣмъ? Я вамъ много объ немъ говорю, любезный батюшка, дабы вы знали, кто мой новый начальникъ; а вы, можетъ быть, объ немъ и не слыхали никогда; ежели когда у васъ объ немъ спросятъ, то можете отвѣчать то, что̀ я сказалъ вамъ. Вамъ вѣрно пріятно и нужно будетъ знать, съ кѣмъ я живу.

Всѣ здѣсь говорятъ о войнѣ: старая шутка праздному нувелисту; надобно же о чемъ-нибудь да говорить: во время войны—о мирѣ, а когда все кажется спокойно—о войнѣ.

Кассинія видѣлъ я вчера; сегодня онъ опять уѣхалъ въ деревню. Онъ взялъ на себя исполненіе комиссій вашихъ въ разсужденіи мозаикъ, которыя перешлетъ съ первымъ удобнымъ случаемъ. Я было думалъ все это сдѣлать, но долженъ ѣхать; а Кассини вѣрно лучше меня будетъ умѣть выторговать. Мое пребываніе здѣсь считаю большимъ ночлегомъ.

*

Неаполь, 10 Мая 1803.

Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Вѣнѣ, послѣ радостей и увеселеній, накатавшись и даже болѣе нежели до̀ сыта, прибылъ я наконецъ 3-го сего мѣсяца въ Неаполь, любезнѣйшій батюшка. Ужъ нѣсколько тому времени назадъ, какъ графъ Моцениго увѣдомилъ насъ, что посылаетъ въ непродолжительномъ времени курьера чрезъ Неаполь и Вѣну въ Петербургъ; сіе заставило меня не посылать писемъ моихъ на почту, имѣя курьерскую и вѣрную оказію для пересылки оныхъ. Вотъ что̀ заставило меня увѣдомить васъ нѣсколько поздно о пріѣздѣ моемъ сюда. Я подожду еще нѣсколько дней; ежели курьеръ не явится, то отдамъ сіе на почту, а съ нимъ могу написать и другое.—Здѣсь всѣ жалуются, что не получаютъ половины посылаемыхъ изъ Россіи писемъ. Съ одной стороны я сему не удивляюсь: никто путемъ не знаетъ, куда адресовать въ Италію письма. Примѣръ княгиня Лобанова: она здѣсь, письма адресуютъ въ Римъ; она тамъ, ей пишутъ сюда; а между тѣмъ никому не даютъ комиссіи ихъ прибирать, и они гуляютъ по всей Италіи. Послѣ этого какъ не вѣрить, что душа всего порядокъ?

Мы здѣсь уже отчаиваемся имѣть Татищева. Я объ немъ много слышалъ въ Вѣнѣ и здѣсь слышу хорошо. Не оттого ли, что канцлерскій племянникъ? Впрочемъ достойному дядѣ очень легко имѣть достойнаго племянника. Я весьма, весьма нетерпѣливъ знать, кого къ намъ пришлютъ. Вы сами знаете, что все счастіе нашего брата зависитъ отъ того, каковъ начальникъ; а иному, хоть объ стѣну лбомъ бейся, не угодишь. Объономъ слыхалъ я; но избави Богъ въ ономъ увѣриться!

Что̀ дѣлаетъ Ивана Петровича первозванный?*) А его Александръ ужъ не въ Македоніи ли своей? Я давно что-то не слыхалъ объ немъ. Благодарю васъ за всѣ новости, особливо за камеръ-юнкерство Вани. Гагаринъ мнѣ пишетъ: «Je crains que le cerveau de mon cousin ne

*) Т. е. Андрей Ивановичъ Тургеневъ.

soit devenu de plaisir de la простокваша». Je ne désire pas de le voir content à ce point; que ferait la patrie de lui? Онъ хочетъ опредѣлиться къ миссіи? Они всѣ тамъ ни рыба, ни мясо; въ канцеляріи служители канцелярскіе даже имѣютъ шагъ надъ ними, а ѣздить во дворецъ танцовать можно и въ Петербургѣ. Ваню же отпустить одного еще рано. Всѣ молодые люди, которые до 18—19 лѣтъ не имѣютъ понятія о свободѣ и вдругъ теряютъ изъ глазъ родителей своихъ, обыкновенно портятся: все имъ ново и на все кидаются, что̀ называется, à tête perdue. Отъ худого остеречься, право, нельзя Географіею и Исторіею; а наука жить въ свѣтѣ, мнѣ кажется, не можетъ быть врожденною въ насъ. Ваня добрый малый; желаю, чтобы былъ утѣшеніемъ родителей своихъ. На первый случай отпустилъ бы я его одного въ Петербургъ, далъ бы ему его содержаніе и велѣлъ бы издалека за нимъ присматривать. Тутъ бы открылись его склонности, поведеніе и пр. Я увѣренъ, что Алексѣй Ив. не знаетъ даже самъ, что̀ его Ваня? Впрочемъ конечно должно Вѣну предпочесть всѣмъ городамъ; онъ бы могъ жить съ Гагаринымъ и братомъ.

Вы не можете вообразить радость Леонтьевыхъ, увидя меня. Они обходятся со мною совершенно какъ бы съ братомъ своимъ. Онъ какъ-то любитъ работу мою, и мы всѣ сіи дни готовили экспедицію ожидаемаго курьера и еще много остается дѣла. Графиня Скавронская очень меня ласково приняла и велѣла мнѣ вамъ написать, что она мною довольна; но это не диковинка: ходи къ ней только всякой день, да играй съ нею въ вискъ, то и въ любимцы попадешь.

*

Неаполь, 6 (18) Мая 1803.

Кромѣ тѣхъ, которые при миссіи нашей, есть еще у насъ многіе Русскіе: князь Долгорукой, братъ генералъ-адъютанта, съ которымъ я еще въ Римѣ познакомился, отсюда ѣдетъ въ Сицилію и Мальту; Петерсонъ, молодой Лифляндецъ, милый малый. Скоро ждутъ сюда вдову графиню Воронцову; я ея не знаю. Между путешествующими также здѣсь принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій (братъ Прусской королевы), съ которымъ я хорошо познакомился; онъ имѣетъ все, что̀ надобно, чтобы плѣнять: прекрасенъ собою, учтивъ, ласковъ, уменъ; однимъ словомъ, рѣдко найти принца столь благовоспитаннаго. Ему очень хочется въ Россію съѣздить. То-то дамы наши! Подлинно надобно будетъ опять запѣть: «Умы дамскіе вскружились, по marchandes de modes пустились». Король далъ для него славный балъ въ любимомъ своемъ дворцѣ la Favorita, гдѣ очень было весело, не было этикету, и всѣ были во фракахъ.

Что̀ вы скажете на это, что мы теперь почти всякой день топимъ камины, что Генварь и Февраль были отъ жаровъ несносны, а Май холоденъ? Впрочемъ, Итальянцы говорятъ, что холодно; а я нахожу, что у насъ лѣтомъ такіе дни бываютъ и что всѣ говорятъ, qu'il fait beau.

Всѣ здѣсь говорятъ о мирѣ; дай Богъ, чтобы была правда. Пріѣхавшій на сихъ дняхъ курьеръ изъ Лондона привезъ подтвержденіе сихъ слуховъ. Война была бы пагубна для сего королевства, которое бы болѣе всѣхъ пострадало и за все бы заплатило. Можетъ быть, что король теперь отмѣнитъ переѣздъ свой въ Палерму, для котораго дѣлались ужъ пріуготовленія. Дворъ переѣхалъ вчера изъ Портичи въ Казерту и возвратится 30-го въ столицу, для празднованія королевскихъ имянинъ. Нѣсколько дней назадъ пошелъ въ Царьградъ со своимъ судномъ Русскій купецъ Афендульевъ; я писалъ съ нимъ къ Андрею Яковлевичу, отъ котораго мы получили письмо. Пишетъ, что отмѣнно былъ принятъ, что Цареградскій домъ валится и пр., хвалитъ Буюкдере.

*

Неаполь, 14 (26) Мая 1803.

Третьяго дня пріѣхалъ ожиданный изъ Корфу фельдъегерь и воспослѣдовала наша большая экспедиція въ Петербургъ. Пини, къ несчастію, уѣхалъ поутру рано за городъ, и мы съ Леонтьевымъ отъ 11 часовъ утра до полуночи не покидали пера, какъ только для обѣда, такъ что я вамъ много и писать не могъ. Вотъ одна непріятность того дня; ибо работать, право, для меня очень весело, и я чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе, что почти всѣ посланныя бумаги, коихъ было 24, были моей руки. Пріятно служить съ добрымъ начальникомъ. Леонтьевъ такъ снисходителенъ, что ничего не пишетъ, не показавъ мнѣ и не потребовавъ моего мнѣнія. Между тѣмъ я Карпову очень радъ. Его называютъ дикимъ отъ того, можетъ быть, что онъ не любитъ вѣшаться на шею и дѣлать пустыхъ комплиментовъ; но когда любитъ кого, то, вѣрно, всѣмъ для него пожертвуетъ. Италинскій не служилъ, когда сей былъ уже секретаремъ посольства, въ которомъ чинѣ онъ по сіе время.

Муромцова проситъ музыки. Я бы съ охотою всѣмъ сталъ служить; но вы знаете, какимъ неудобствамъ подвержены пересылки чего бы то ни было отсюда въ Россію: надобно оказіи вѣрной, а онѣ столь рѣдки. На сихъ дняхъ поѣхалъ въ Россію черезъ Римъ, Пизу, Франкфуртъ (мимо Вѣны), Любекъ маіоръ Бревернъ. Онъ былъ въ Голландіи раненъ и отпущенъ на излѣченіе; знаетъ Ник. Григ. Репнина. Онъ

въ Любекѣ сядетъ на корабль, ежели найдетъ идущій въ Ригу, гдѣ квартируетъ полкъ его, то туда отправится прямо; а не то долженъ будетъ ѣхать въ Петербургъ, Ревель, смотря, куда будетъ оказія первая. Въ Петербургѣ адресовалъ я его И. А. Алексѣеву, котораго вы предупредите. Ежели вы имѣете вѣрную особу въ Ригѣ, то препоручите ей явиться къ Бреверну, взять у него мою посылку и оную вѣрно къ вамъ доставить; я ему это ужъ сказалъ; а не то долженъ онъ будетъ искать самъ вѣрной оказіи. Онъ предлагалъ мнѣ отдать посылку князю Сергію Ѳедоровичу Голицыну въ Ригѣ; но я не склонился на сіе, не зная, довольно ли вы съ нимъ коротки, чтобы можно было это сдѣлать. Оставляю все на вашъ произволъ. Не худо вамъ знать, что Бревернъ не прежде думаетъ быть въ Россіи, какъ въ Августѣ. Ежели бы зналъ, что не такъ поздно до васъ дойдутъ гостинцы, послалъ бы многія прекрасныя мелочи, которыя купилъ, проѣзжая чрезъ Римъ и Венецію. Сей городъ странностію своею очень меня удивилъ. La place St.-Marco безподобна; все тамъ такъ живо, всѣ націи свѣта, всѣ одежды, языки, всякіе товары, лакомства, однихъ пирожковъ, можетъ быть, 50 родовъ; со всѣмъ тѣмъ не нашелъ я подовыхъ. Леванскіе, Турецкіе товары въ изобиліи... Долженъ перервать: сейчасъ получилъ записочку отъ Леонтьева. «Munissez-vous, mon cher, d'une bonne dose de patience et venez chiffrer», пишетъ онъ. Иду.

*

Неаполь, 19 (31) Мая 1803.

Пріѣхалъ курьеръ изъ Ливорны съ достовѣрнымъ извѣстіемъ, что война уже Англичанами Франціи объявлена. Участь сего королевства будетъ, конечно, бѣдственна и, вѣроятно, дворъ переѣдетъ для бо́льшей безопасности въ Палерму.

Пини, мой товарищъ, находя убыточнымъ нанимать такъ часто экипажъ, чтобъ ѣздить во внутрь города, яко въ театры и пр., которые отъ насъ въ ½ часа разстоянія, нанялъ квартиру около большой улицы Толедо; я же остался одинъ и теперь въ совершенномъ покоѣ, имѣю лишнюю комнату, которая мнѣ очень нужна была: одна гостиная, другая спальня, а третья кабинетъ, прихожая и комната для моего камердинера. Чтобы уменьшить расходъ, отдалъ я внаймы конюшню и сарай, кои вовсе мнѣ были безполезны; такъ что мнѣ въ годъ теперь приходится платить только рублей 150; а квартира, право, завидная по всему; только что немного далеко отъ внутренности города.

*

Неаполь, 6 Іюня 1803.

Я сколь можно болѣе упражняюсь на Русскомъ языкѣ. Можетъ ли быть что-либо стыднѣе, какъ незнаніе своего языка? Италинскій и Леонтьевъ переписку съ дворомъ ведутъ по-русски, и отъ этого сдѣлалъ я большую навычку писать на немъ, что̀ прежде не было. Карповъ мнѣ говорилъ, что будетъ переписываться по-французски, хотя свой языкъ хорошо знаетъ, но къ первому очень привыкъ. Татищевъ, стало, уже не будетъ; мнѣ хотѣлось очень ему написать, но не зналъ что̀ и по что̀? А не худо бы заставить себя имъ помнить.

Васъ, я вижу, въ Москвѣ затормошили гуляньями и праздниками. Вездѣ гулянья зависятъ отъ времени; а въ Москвѣ, какъ я вижу, не то, и всѣ подъ Дѣвичье поѣхали только отъ словъ: вся Москва тамъ будетъ.

Пенго̀ благодарю за его память. Вы говорите, что у него родился сынъ; я знаю, что ему точно за 70 лѣтъ. Дай Богъ подобныхъ подвиговъ въ сихъ лѣтахъ нашимъ молодымъ людямъ!

Я никогда не сомнѣвался, что Собраніе возметъ верхъ надъ новымъ клубомъ, и радуюсь, что мое предсказаніе Елисаветѣ Васильевнѣ сбылось. Я бы этотъ клубъ женилъ на Музыкальной Академіи, которая такъ же вспыхнула и погасла.

Ваня давно ко мнѣ не писалъ; видно, теперь не нашъ братъ асессоръ. А я, право, его счастію не завидую, желая ему не только райской, но и камергерской ключъ, не зная, котораго онъ болѣе желаетъ. Онъ добрый очень малый; но довольно мало занимался, ежели не намѣренъ остаться навсегда камеръ-юнкеромъ. Наша переписка съ Боголюбовымъ что-то остановилась; онъ на два письма долженъ мнѣ отвѣты.

Сегодня Англинскій фрегатъ взялъ почти въ самомъ портѣ Французское купеческое судно, нагруженное масломъ; въ виду почти Неаполя крейсируетъ Англинскій флотъ, состоящій изъ 11 линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ, подъ командою адмирала Бикертона. Англинскій повѣренный въ дѣлахъ сказывалъ мнѣ, что скоро ожидаютъ въ море сіе Нельсона. Дворъ переѣхалъ сюда изъ Казерты; а переѣздъ въ Палерму имѣетъ совершиться развѣ по занятіи края сего Французскими войсками.

Въ разсужденіи плановъ Неаполя, Помпеи и пр., которые вы желаете имѣть, буду я хлопотать; нельзя, чтобы ихъ не было. Но чѣмъ отговариваться, скажу вамъ лучше, любезный батюшка, напрямикъ,

что я дѣлаю вамъ коллекцію большую всѣхъ Неапольскихъ видовъ, на подобіе вашихъ Цареградскихъ, въ числѣ коихъ будутъ и есть уже требуемые вами рисунки. Дай Богъ хорошенько только переслать, а вамъ, вѣрно, полюбится. Я нанялъ живописца, который для меня ѣздитъ и снимаетъ. А стòитъ это немного.

*

Неаполь, 8 Іюня 1803.

Вы говорите: «слѣдуйте моимъ совѣтамъ». Будьте увѣрены, любезный батюшка, что мы слишкомъ васъ и себя любимъ, чтобъ онымъ не слѣдовать. Я къ матушкѣ пишу всякій разъ, что отправляемъ репорты и цидулы въ Коллегію нашу подъ адресомъ Александра Васильевича *). Я сіи дни очень былъ занятъ. Леонтьевъ поѣхалъ съ женою и прочими въ Пестумъ и мнѣ оставилъ отправленіе почты. Вчера легъ я спать, когда начинало разсвѣтать, ибо имѣю странный вкусъ любить писать при свѣчахъ.

Я получилъ письмо отъ Н. Н. Каменскаго; благодарю его весьма за память его, а отвѣчать буду въ другое время. Новаго ничего, но малому надобно вѣрить: говорятъ о мирѣ. Скоро будутъ сюда Нельсонъ и назначенный вновь къ здѣшнему двору министръ Великобританскій. Кассини мнѣ пишетъ, что 15 тысячъ Французскаго войска идетъ сюда и что 7 тысячъ уже въ Анконѣ.

*

Неаполь, 17 Іюня 1803.

Съ нѣкотораго времени у насъ такъ много дѣла, что забраться долженъ съ утра въ канцелярію и часто не прежде полуночи возвращаюсь домой, чему я не только не жалуюсь, но, напротивъ того, очень радъ. Мы здѣсь какъ въ другомъ свѣтѣ; часто, право, случается, что лучше знаемъ, чтò дѣлается въ Африкѣ, нежели въ Европѣ. Въ почтовые дни всѣ меня атакуютъ, ибо болѣе всѣхъ писемъ получаю. Съ того времени, какъ приближается сюда 13 тысячъ Французскаго войска, подъ командою генерала St.-Cyr, всѣ Англичане оставляютъ Неаполь. Всякій день ждутъ Нельсона сюда, который идетъ съ малою силой изъ Гибралтара; боятся, ужъ не взять ли онъ непріятелемъ? Ежели всѣ новости разсказать, не было бы конца. А лучше желалъ бы я знать, собираетесь ли вы опять въ деревню сей годъ, возьмете ли вы Фаста съ собою, который, кажется, опять поѣхалъ съ теткою отыскивать крестъ Спасителевъ? Вашъ садъ, я думаю, теперь игрушка; очень бы любопытенъ былъ узнать, чтò въ немъ прибавилось; а щиты ваши,

---

*) Приклонскаго.

скажу вамъ правду, лучше многихъ декорацій здѣсь въ театрѣ San Carlo. Здѣсь очень скупятся на театральныя издержки; а было бы чѣмъ блеснуть!

Графъ Разумовскій пишетъ Леонтьеву, что проѣхалъ чрезъ Вѣну князь Козловскій, везущій Карпову инструкціи его и пр. А Леонтьевы уже собираются. Сейчасъ пріѣхалъ сюда г. Элліотъ, новый Англинскій министръ. Я полагаю, что Козловскій привезетъ мнѣ много писемъ изъ Россіи; но мнѣ говорятъ, что онъ къ Лизакевичу опредѣленъ; вы мнѣ говорили, что къ Кассинію.

Мнѣ здѣшній банкиръ выдалъ деньги за Апрѣль, Май и Іюнь, но проклятыми Неапольскими ассигнаціями, которыя мало въ чести; надобно ихъ посылать въ банки, и насилу добьешься въ недѣлю деньги, и то платя кассирамъ. Банки подвержены очень подрывамъ, былъ тому примѣръ съ мѣсяцъ или два назадъ. Дабы избѣжать сіе, пишу я банкиру въ Вѣну, чтобы велѣлъ мнѣ выдавать ежемѣсячно серебромъ одинъ разъ навсегда по 70 дукатовъ или 58⅓ піастровъ Неапольскихъ.

*

Неаполь, 9 (21) Іюня 1803.

Проѣхали ли у васъ Гагарины, здоровы ли, были ли у васъ, чтò дѣлали, долго ли были въ Москвѣ, полюбились ли вамъ? въ чемъ не сомнѣваюсь, не желая быть разнаго мнѣнія съ вами. Княгиню люблю я чрезмѣрно, хотя съ возвращенія моего изъ Вѣны, къ счастію моему, пересталъ быть Вертеромъ. Время, которое я съ ними провелъ здѣсь, въ Неаполѣ, всегда будетъ въ моей памяти. Жаль, что я только тогда догадался, что оно было потеряно, когда они уѣхали. Хорошо, что еще такъ все обошлось. Обыкновенно большая связь съ одними, особливо съ женщинами, рождаетъ ссоры и вражду съ другими.

Пини старшій теперь въ Пизѣ у матери, которая лѣтъ 20 его не видала. Леонтьевъ собирается, ищетъ судно хорошее, поѣдетъ въ Венецію, а оттоль въ Карлсбадъ; проживя тамъ мѣсяцъ, проведетъ зиму въ Дрезденѣ, и съ послѣднимъ путемъ отправится въ Россію искать мѣста, а въ Неаполь уже не воротится. И такъ, секретарское мѣсто здѣсь вакантно.

Совѣсть есть, по моимъ мыслямъ, маленькій временный адъ. Все, чтò вы мнѣ говорите, доказывается мнѣ ежедневными опытами и примѣрами. И такъ, не могу я не имѣть неограниченной и слѣпой къ вамъ довѣренности. Вы говорите, что одинъ худой поступокъ влечетъ другіе за собой. Какъ это правда! Стòитъ взять лгуна, который, чтобы доказать одну ложь, долженъ лгать сто разъ.

ИЗЪ СТАРАГО СТИХОТВОРНАГО СБОРНИКА.

1.

Онъ.

На утрѣ дней его ужъ битвы закипѣли,
По всей землѣ гремѣлъ оружій звонъ.
На утрѣ дней его, какъ птицы, налетѣли
Его враги со всѣхъ сторонъ.

*

Одна гроза смѣнялася другою,
Одна ужаснѣе другой,
И много разъ, казалось, подъ грозою
Поверженъ онъ, не встанетъ вновь на бой.

*

Но силу силою встрѣчая,
Всегда упоренъ и одинъ,
Въ бѣдахъ и сѣчахъ возрастая,
Враговъ повергнулъ исполинъ.

*

Его младые члены бранный
Лишь укрѣпилъ племенъ напоръ,
И добылъ онъ себѣ желанный,
Ему назначенный просторъ.

4

Стоялъ онъ, подымаясь тихо
Надъ успокоенной землей,
Смиривъ враговъ, не помня лиха,
Блистая благомъ и красой.

*

Но кто жъ тогда противъ него поднялся,
Кто мощь его цвѣтущую сломилъ?
Уже ли брань?... Онъ брани не боялся,
Онъ въ брани бы врагамъ не уступилъ.

*

Нѣтъ, не враги,—ихъ сѣти были гнилы,—
Нѣтъ, на него возстали не они,
И не нашлось ему соравной силы,
Не начатъ споръ, какъ было въ оны дни.

*

Нѣтъ, новый врагъ, опаснѣе: измѣна!
Она возстала хитрою змѣей,
Она связала тяжкой цѣпью плѣна
Могучаго среди страны родной.

*

Опутала его коварными сѣтями,
Наемникамъ въ работу отдала
И истомила тяжкими годами
Плѣненія и внутренняго зла.

*

Лежитъ во прахѣ онъ; она одна ликуетъ,
Богатства, имъ добытыя, беретъ,
Ихъ отдаетъ другимъ, и сыплетъ, и пируетъ,
Трудовъ сбивая долгій плодъ.

*

А онъ лежитъ за древнею столицей,
Презрѣніемъ покрытый съ ней однимъ;
Безсиленъ онъ,—и годы вереницей
Тяжелые смѣняются надъ нимъ.

*

Въ плѣну онъ позабылъ, чтó было прежде,
Забылъ свои труды и подвиги войны...
О, вѣрить ли ласкающей надеждѣ,
Что встанетъ снова онъ во блескѣ старины?...

*

Одежда древняя, съ нимъ вмѣстѣ, посмѣянью
И поношенію оставлена, лежитъ;
Глядимъ вокругъ—вездѣ чужое одѣянье,
Вездѣ чужой, иноплеменный видъ.

*

Тяжелъ удѣлъ—въ плѣну хилѣть и пресмыкаться;
Хитрó измѣны цѣпь на немъ наложена!
Но, говорятъ, съ земли онъ началъ подниматься,
И шапка-мурмолка видна.

1845.

2.

Садовникъ.

(Басня).

Въ здоровомъ климатѣ, на почвѣ благотворной,
Не знаю какъ и кѣмъ, но брошено зерно.
И вотъ подъ бурями и тихо и покорно,
Все развивалося оно...

*

Хозяева за нимъ немного походили:
Садовники плохіе были.
А между тѣмъ въ глазахъ сосѣдей и враговъ,
Младое дерево цвѣло уже красиво,
Хоть тихо и лѣниво,
Но обѣщало дать къ веснѣ златыхъ плодовъ.

*

Къ несчастью, деревцо досталося въ наслѣдство
Лихому молодцу. Онъ парень ловкій былъ,
Соскучился все ждать и за море въ сосѣдство
Пустился въ путь; и край тотъ чудный посѣтилъ,
Гдѣ все для глазъ отрада,
Гдѣ много разрослось златого винограда,
Гдѣ рощи и сады лимонные шумятъ,
И сочные плоды деревья тяготятъ.

*

И вотъ хозяинъ мой,
Все думу думаетъ; разумникъ былъ большой!
Къ тому же былъ упрямъ, и дерзокъ, и силенъ.
И диво дивное задумалъ скоро онъ.
И ну давай съ деревъ, со всѣхъ чужихъ садовъ,
Сбирать гдѣ только могъ красивѣйшихъ плодовъ,
И все къ себѣ таскать....
Потомъ сталъ къ дереву цвѣточки прививать,
Навязывалъ плоды, мылъ корни и верхушку
И сдѣлалъ для себя изъ дерева игрушку.

*

Онъ долго тѣшился... Ему всѣ удивлялись.
Сосѣди надъ его работою смѣялись;
Но все же иногда изъ сада своего
Съ боязнью тайною взирали на него.
А между тѣмъ плоды на деревѣ качались,
Гнилые все плоды, невкусные для глазъ.
А новые владѣльцы говорили:
Ну что бы тамъ себѣ сосѣди ни твердили,

По крайней мѣрѣ и у насъ
Цвѣтутъ теперь плоды; хотя нельзя ихъ ѣсть,
За то они у насъ по крайней мѣрѣ есть!...

*

И дерево стоитъ, и замерли въ немъ силы,
Оно не дѣйствуетъ и не даетъ цвѣтовъ,
А отъ испорченныхъ плодовъ
Все вѣетъ тлѣніемъ могилы.
Такъ гибнетъ на зарѣ отъ солнечныхъ лучей
Въ тѣни развившійся младой цвѣтокъ полей;
Такъ въ жизни иногда усердное лѣченье
Здоровый организмъ приводитъ въ разрушенье.

*

Но къ счастью дерева все можетъ измѣниться.
Тутъ случай надобенъ: садовнику родиться,
Который тотчасъ бы сорвалъ съ него плоды,
И, дерево поливъ струей родной воды,
Оставилъ снова бы цвѣсти на волѣ,
Какъ въ прежней долѣ,
Питаться воздухомъ роднымъ,
Свободнымъ, чистымъ и живымъ.
И дерево тогда поднимется высоко,
И вѣтви отъ него раскинутся широко,
За тѣмъ, что чудное зерно
Все тайныхъ силъ еще полно.

Л. Ар.

Москва, 1845 года.

Мысль обоихъ этихъ стихотвореній раздѣлялась кружкомъ людей, къ которому принадлежалъ и пишущій эти строки въ ранней своей молодости. (Держусь ея и нынѣ, по милости Божіей). Рожденіе покойнаго Государя Александра Александровича, относящееся именно къ тому году, когда стихотворенія эти написаны, было какъ бы отвѣтомъ на чаяніе поэтовъ. П. Б.

А. С. НОРОВЪ.

Кто зналъ лично или даже слышалъ объ Аврамѣ СергѣевичѣНоровѣ, тому дорого воспоминаніе о человѣкѣ, съ именемъ котораго связано понятіе о честномъ государственномъ дѣятелѣ, ученомъ труженикѣ, даровитомъ писателѣ, искреннемъ христіанинѣ. А. С., управляя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, съ любовью относился къ учащемуся поколѣнію. Въ тяжелую годину Крымской войны умѣлъ онъ своимъ воодушевленнымъ словомъ пробуждать въ юношахъ безпредѣльную любовь къ дорогому отечеству и указывалъ имъ на свѣтлую будущность Россіи и ея великое историческое призваніе. Когда начались безпорядки въ Казанскомъ университетѣ, онъ успѣлъ искреннею бесѣдой со студентами легко и свободно умиротворить волненіе молодежи. Своимъ живымъ, чуждымъ всякаго служебнаго педантизма, общеніемъ съ учащими и учащимися, Норовъ вселялъ и въ тѣхъ и въ другихъ довѣріе къ себѣ, къ учрежденіямъ, къ закону. Извѣстны его ученые труды; извѣстно, съ какимъ знаніемъ дѣла собрана имъ его библіотека; извѣстно также, какъ вѣски были его слова въ дѣлахъ православной церкви на Востокѣ. Въ личномъ отношеніи это былъ *человѣкъ благоволенія*, котораго можно сравнить съ В. А. Жуковскимъ или П. А. Плетневымъ *).

Зная близко Аврама Сергѣевича, я съ любопытствомъ открылъ книжку „Русской Старины“ (Май 1898 г.), на обложкѣ которой увидалъ заглавіе статьи „*Мои воспоминанія объ А. С. Норовѣ. М. И. Михельсона*“ (съ портретомъ Норова). Я зналъ, что г-нъ Михельсонъ одно время состоялъ при А. С. Норовѣ чиновникомъ особыхъ порученій и ѣздилъ съ нимъ въ чужіе края. Не сомнѣваюсь, что и г-ну Михельсону Аврамъ Сергѣевичъ сдѣлалъ какое нибудь добро.

Какія же воспоминанія вынесъ г-нъ Михельсонъ изъ путешествія своего съ А. С. Норовымъ?

Воспоминаетъ онъ, что въ Варшавѣ Норовъ поручилъ ему купить въ магазинѣ у Даціаро для стереоскопа фотографій скабрёзнаго содержанія,

*) Читатели наши помнять прекрасныя Записки А. С. Норова о 1812 годѣ и о Бородинской битвѣ, гдѣ онъ лишился ноги (см. „Русскій Архивъ“ 1881, III, 173). П. Б.

раскрашенныхъ и нераскрашенныхъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ *не говорить, что это онъ покупаетъ для него.* Въ настоящее время г-нъ Михельсонъ повѣщаетъ о томъ печатно, на страницахъ историческаго изданія, и сообщаетъ, что покупка была очень удачна, а министръ „остался очень доволенъ новымъ пріобрѣтеніемъ...“

Затѣмъ г-нъ Михельсонъ разсказываетъ, что по какому-то случаю багажъ Норова попалъ не на ту дорогу; розыскъ багажа и ключей отъ сундуковъ усложнился еще тѣмъ обстоятельствомъ, что служитель Аврама Сергѣевича (сколько я помню, это былъ его камердинеръ Шарль), имѣя отдѣльный паспортъ, куда-то исчезъ. Такимъ образомъ пришлось ему г-ну Михельсону замѣнить бѣглеца и позаботиться о багажѣ министра. По поводу этого исчезновенія Шарля авторъ воспоминаній сообщаетъ, что имъ дознано на мѣстѣ и подробно сообщено ему *конфиденціально*, что Аврамъ Сергѣевичъ со своимъ служителемъ зашелъ въ ресторанъ, „при искрометной влагѣ мало по малу бесѣда ихъ оживилась... и вѣроятно подъ вліяніемъ бокала Шампанскаго...“ Не желая продолжать эту выдержку изъ воспоминаній г. Михельсона, скажу только: не стыдно ли ему на старости лѣтъ писать такую пошлость? Всякій, кто зналъ А. С. Норова, скажетъ тоже.

Еще сообщаетъ г-нъ Михельсонъ, что Норовъ, въ Лейпцигѣ, обозвалъ кельнера свиньей. *Du Schwein!* крикнулъ оскорбленный „невниманіемъ кельнера нашъ министръ“, и что это сорвавшееся слово вызвало вмѣшательство жандарма и пр.

Оканчиваетъ же свою статью г-нъ Михельсонъ замѣчаніемъ, что онъ самъ *прекрасно* исполнилъ порученіе министра по обревизованію среднихъ учебныхъ заведеній въ Германіи!

Невольно вспоминается Французская поговорка: il n'y a pas de grand homme pour son valet de chambre. Такія ли подробности можно узнать о любомъ государственномъ и историческомъ дѣятелѣ отъ его прислуги?.. *)

Н. П. Поливановъ.

---

*) Вспоминаемъ замѣчаніе митрополита Филарета О. М. Бодянскому, когда въ издаваемыхъ имъ „Чтеніяхъ“ появились подробности о причинахъ, помѣшавшихъ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ вступить на престолъ ея отца по кончинѣ Петра II-го: „Вѣдь не всѣ же части нашего тѣла мы обнажаемъ. А какое наказаніе послѣдовало за обнаженіе Ноя?“ П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ А. В. ГОЛОВНИНУ.

1.

Князя И. И. Васильчикова.

Кіевъ, 23 Октября 1860.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1860 года доставлены были мнѣ свѣдѣнія, что студенты здѣшняго университета стараются сблизиться съ простымъ народомъ и дѣйствовать на него внушеніемъ вредныхъ понятій и мыслей; что между ними образовалось общество коммунистовъ, цѣль котораго состоитъ въ сближеніи съ простымъ народомъ для обезпеченія себѣ его содѣйствія на случай возмущенія въ Польшѣ; что ради этой цѣли студенты сближаются съ крестьянами, проповѣдуютъ имъ равенство правъ всѣхъ людей, общее право всѣхъ на обладаніе имуществомъ, называютъ крестьянъ «братьями степи» и ядятъ вмѣстѣ съ прислугою и что общество коммунистовъ, имѣя во главѣ бывшаго студента Владимира Антоновича, состоитъ болѣе чѣмъ изъ ста членовъ, изъ которыхъ дѣятельнѣйшими извѣстны Ѳаддей Бѣльскій и братья Поповскіе.

Путемъ секретныхъ наблюденій и розысковъ обнаружено, что Ѳаддей Бѣльскій, бывая въ имѣніи отца своего с. Маковищахъ, Кіевскаго уѣзда, все время проводилъ съ крестьянами, принималъ участіе въ ихъ полевыхъ работахъ, читалъ имъ какіе-то Малороссійскіе стихи. Пособниками его въ этомъ дѣлѣ являются братъ его, студентъ Осипъ Бѣльскій (уже умершій), студенты Иванъ Загурскій и какой то еще студентъ. На Ѳаддея Бѣльскаго взводилось подозрѣніе, что онъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1860 года, завелъ съ крестьянами въ имѣніи отца своего с. Маковищахъ разговоръ о свободѣ, разсказывая, что они ждутъ вольности, а между тѣмъ помѣщики всѣми силами стараются, чтобы ея не было, совѣтывалъ имъ дѣйствовать по примѣру дѣдовъ. Чрезъ посредство одного лица взято у Бѣльскаго нѣсколько листовъ рукописи на Малороссійскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Исторія Украйны», которую Бѣльскій читалъ крестьянамъ.

Въ рукописи этой разсказывается, въ сжатомъ очеркѣ, исторія Литвы, Польши и Руси со времени Литовскаго князя Гедимина, о правахъ и постановленіяхъ, дѣйствовавшихъ въ этихъ земляхъ, объ угнетеніи простого народа, о религіозныхъ преслѣдованіяхъ, объ образованіи казачества на Украйнѣ и Запорожьѣ, объ его вольности и удальствѣ, объ уничтоженіи этой вольности, о Польской шляхтѣ, о возстаніи казаковъ за свои права подъ предводительствомъ гетмана Хмѣльницкаго и объ успѣхахъ этого возстанія.

Въ способѣ изложенія этого повѣствованія проглядываетъ, повидимому, цѣль показать простому народу относительное его положеніе въ прежнее время.

Кромѣ свѣдѣній о существованіи въ Кіевѣ коммунистскаго общества были получены донесенія, что въ обществѣ помѣщиковъ ходятъ слухи о стремленіяхъ студентовъ Кіевскаго унив. Бѣльскаго, Поповскихъ, Сорочинскихъ, Антоновича и Даньковича проповѣдывать равенство всѣхъ людей и что у нихъ образовалось общество подъ предсѣдательствомъ бывшаго студента Совинскаго, человѣка состоянія ограниченнаго, характера строптиваго, слывущаго ученымъ, но въ политическомъ отношеніи неблагонадежнаго. За дѣйствіями Совинскаго и всѣхъ поименованныхъ лицъ учрежденъ самый строгій секретный надзоръ, которымъ, однакоже, до сего не обнаружено ни цѣли общества, ни даже того, дѣйствительно ли существуетъ подобное общество.

II.

Графини Е. В. Сальясъ.

20 Октября 1862, Москва.

Я писала рядъ статей о романѣ Гюго Les Misérables. Всѣ онѣ благополучно прошли черезъ цензуру, кромѣ послѣдней. Послѣдняя статья была написана въ такомъ консервативномъ духѣ, что я не рѣшалась печатать ее, опасаясь вооружить противъ себя общественное мнѣніе. Никогда еще, въ теченіе всей моей литературной дѣятельности, не написала я такой анти-либеральной статьи. Два дня я колебалась, посылать ли ее въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ-подъ пера моего подъ первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня чтеніемъ романа Гюго. По зрѣломъ размышленіи я, однако, рѣшилась послать ее на томъ основаніи, что дѣло честнаго писателя не есть льстить вкусу и мнѣніямъ публики, а высказывать свои убѣжденія. Въ статьѣ этой я особенно осуждала Виктора Гюго за опоэтизированіе и апоѳеозъ междоусобной борьбы, баррикадъ, и выражала мнѣніе, что междоусобная война величайшее изъ бѣдствій. Въ сокращеніи романа я почти цѣликомъ выпустила описаніе баррикадъ и отнеслась къ героямъ ихъ слишкомъ даже иронически. Я больше говорила отъ отношеніяхъ влюбленнаго Француза къ женщинѣ и указала на безнравственность уличнаго героя, который умираетъ на баррикадѣ съ непристойною пѣсней на языкѣ. По письму изъ Петербурга я узнала, къ моему удивленію, что статья запрещена, та статья, которую я опасалась послать, оберегая мое литературное имя отъ порицаній публики. Я убѣждена, что ея не читали, или читая не обратили вниманія на ея духъ и направленіе. Могу ли я просить васъ приказать просмотрѣть ее?

Позвольте мнѣ, изложивъ мою просьбу министру, обратиться къ вамъ теперь, какъ къ человѣку, и объяснить вамъ другую сторону литературнаго дѣла, сторону матеріальную, весьма для всякаго автора важную. Когда за границей запрещаютъ газету или журналъ, помимо періодическихъ изданій остается другой пространный каналъ для сбыта литературныхъ произведеній: книгопродавцы покупаютъ рукописи и издаютъ ихъ книгами и брошюрами. У насъ, помимо журналовъ, печатать негдѣ, издателей нѣтъ. Въ моей ранней юности я слышала говоръ публики о закрытіи Телеграфа и Телескопа; но авторъ, вмѣстѣ съ публикой, почувствовали этотъ ударъ только въ нравственномъ отношеніи, но не въ матеріальномъ. Авторовъ было мало, и большая часть статей печаталась *даромъ*. Съ тѣхъ поръ не было другой такой бѣды. Теперь, по прекращеніи Современника и Русскаго Слова, платившихъ за статьи большія деньги, уцѣлѣвшіе журналы завалены статьями, и редакторы уже сбавили цѣну. Авторы находятся въ бѣдственномъ положеніи, съ одной стороны, не зная куда и какъ сбыть свои статьи, съ другой—видя ихъ весьма часто возвращенными изъ цензуры, какъ неудобныя къ печати.

Въ моей литературной дѣятельности я прожила горькія минуты. Я была свидѣтелемъ жестокихъ страданій друзей моихъ, которые были доведены до того, что не имѣли глотка живого воздуха для умственной жизни и копѣйки денегъ на нужды семейства. Они съ отчаяніемъ созерцали свои рукописи, валявшіяся на столахъ, съ роковою внизу надписью: неудобно къ печати. Много силъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, много здоровья было потрачено въ этой неравной борьбѣ, много злыхъ чувствъ и негодованія накипѣло на душѣ. Въ особенности памятенъ мнѣ Ширинскій-Шихматовъ. Онъ въ современныхъ запискахъ займетъ, вѣроятно, непослѣднее мѣсто. Исторія Маколея была запрещена, были запрещены классики, переводчики лишались насущнаго хлѣба. Я, какъ и другіе, страдала матеріально и нравственно. Человѣкъ, живущій жалованьемъ отъ правительства, или богатый человѣкъ не понимаетъ, что̀ влечетъ за собою запрещеніе хотя бы одной статьи. Запрещеніе моей статьи о Misérables лишаетъ меня 500 или 600 р. с., т.-е. спокойнаго существованія въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ. Я писала ее въ продолженіе шести недѣль. Утѣшая меня въ этой потерѣ трудовъ и денегъ, мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что лица, переводившія Бокля, находятся въ бо̀льшемъ еще, чѣмъ я, затрудненіи: и они потратили напрасно и труды, и время, и остались безъ гроша денегъ. Я бы могла сказать еще многое и многое, но должна писать кратко, зная, что вы заняты.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898 года.

(Годъ 36-й).

«Русскій Архивъ» въ 1898 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три большія книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890**, **1891**, **1892**, **1893**, **1894**, **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

10.

Стр.

*

☛ Разослана гг. иногороднымъ подписчикамъ 7-я книжка „Русскаго Архива“ сего года.

Предувѣдомленіе.

Гг. подписчики на „Русскій Архивъ“ 1899 года благоволятъ означать, при подпискѣ, какую именно книгу „Архива Князя Воронцова“ желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ къ „Русскому Архиву“ 1899 года. (Содержаніе этихъ книгъ изданія см. на оборотѣ).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи.

на Страстномъ бульварѣ.

1898.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ КНИГЪ

„АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА". *)

III. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону I. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ Доклады гр. М. Л. Воронцова. Семилѣтняя война. Записка гр. Воронцова о ней. Дѣло Лестова Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографія показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А Н. Радищева и Е. В. Рубановской. Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады КоллегіиИностранныхъДѣлъ. Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Съ планомъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Проектъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV. Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Гюльера. Приложенъ портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ.

IX. Письма гр. С. Р. Воронцова. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову и разнымъ лицамъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ въ царствованіе Павла и АлександраI. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ, княгини Е. Р. Дашковой; Д. П. Трощинскаго. А. И. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письма гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ съ руки гр. П.-В. Завадовскаго.

XIII. Письма князя А. А. Безбородка.

XIV. Письма князя Кочубея, гр. И. Маркова, кн. А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова, И. П. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ. Записка гр. С. Р. Воронцова о внутреннемъ управ-

*) Первыхъ двухъ книгъ болѣе не имѣется.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА.

1859-й годъ *).

Встрѣтивъ новый 1859 годъ въ семейномъ кругу, не ближе какъ въ концѣ Января я возвратился къ мѣсту моего служенія въ Калугу, и тамъ, по приглашенію Семена Павловича Яковлева, переѣхалъ къ нему въ домъ. Хорошо жилось мнѣ въ этой семьѣ, обращавшейся со мною какъ съ близкимъ родственникомъ. Въ Калугѣ поселился тогда на всю зиму съ женою и дѣтьми Алексѣй Александровичъ Тимашевъ-Берингъ послѣ Московскаго служебнаго своего паденія. Очевидно было, что бѣдняжка чрезвычайно тяготился этой новой для него провинціальной праздной жизнію и старался развлекаться рысканіемъ цѣлый день по городу. У него было большое имѣніе въ одномъ изъ близкихъ къ Калугѣ уѣздовъ, гдѣ онъ началъ проводить лѣтнее время и гдѣ до поздней осени могъ потѣшаться псовою охотою; но зимній сезонъ возвращался съ неодолимою для него скукою и монотонностію. У Яковлевыхъ усядемся мы, бывало, вечеромъ втроемъ у камина, хозяйка дома, братъ ея А. А. Берингъ да я, и мы весьма изрядно, смѣю сказать, удовлетворяли немногихъ нашихъ слушателей пѣніемъ ирмосовъ великопостнаго канона Св. Андрея Критскаго. Я похвально уже отзывался о высокомъ и серебристомъ сопранѣ Зенаиды Александровны, а Алексѣй Александровичъ владѣлъ весьма пріятнымъ, хотя не очень громкимъ, теноровымъ голосомъ, и былъ музыкантъ по инстинкту. Сохранившіяся же у меня въ то время октавныя, густыя ноты (сдержанныя, конечно, для комнатнаго размѣра) довершали и поддерживали полный аккордъ этого столь торжественнаго пѣнія.

У Яковлевыхъ провелъ однажды вечеръ мѣстный житель г. Мѣчниковъ, о которомъ не стоило бы и упоминать, не будь онъ братомъ авантюриста, получившаго нѣкоторую, хотя незавидную, извѣстность, какъ эмигрантъ, сподвижникъ Гарибальди и революціонеръ, заслуживающій здѣсь краткаго разсказа объ его похожденіяхъ. Этотъ Меч-

*) См. 8-й выпускъ „Р. Архива“ сего года, стр. 522—589.

никовъ находился, не знаю по какому случаю и въ какой должности, при Мансуровѣ, когда послѣдній устраивалъ въ 1858 году духовную нашу миссію въ Іерусалимѣ и, разсорившись за что-то съ Мансуровымъ, перебрался въ Италію, тамъ поступилъ волонтеромъ въ Гарибальдійскій легіонъ и участвовалъ въ пресловутомъ завоеваніи Сициліи въ 1860 году. При вступленіи въ Неаполь побѣдоноснаго этого легіона, Мечниковъ, увидѣвъ въ толпѣ Неаполитанскихъ зѣвакъ священника тамошняго нашего посольства, закричалъ ему: «здравствуйте, батюшка!» Священникъ такъ и обомлѣлъ, услыхавъ Русскій окликъ отъ красной блузы Гарибальдійца. Вслѣдъ за тѣмъ агитаторъ нашъ, выписавшись изъ охотничьяго легіона, переселился во Флоренцію, но, не имѣвъ никакихъ средствъ къ существованію, принялся за живопись, о которой имѣлъ нѣкоторое понятіе, хотя особеннымъ талантомъ и не отличался. Немудрено впрочемъ, что Мечниковъ примкнулъ къ партіи демократическаго движенія, болѣе отъ голода, чѣмъ отъ чего другаго; и во всякомъ случаѣ я не слыхалъ и нигдѣ не читалъ, чтобы онъ былъ въ сношеніяхъ съ Герценистами. Если придется мнѣ довести настоящія мои записки до событій 1863 г., то мы опять встрѣтимся съ этимъ Мечниковымъ, но уже въ роли оратора на большомъ митингѣ, устроенномъ во Флоренціи въ честь Польскаго возстанія, революціонерною Итальянскою партіею, подъ предсѣдательствомъ демагога и даровитаго писателя Гверацци. Въ числѣ любопытныхъ на этомъ посмѣшищѣ находился и я.

Хорошо не помню, въ 1860 ли году или позднѣе, жила въ гувернанткахъ при дочеряхъ С. П. Яковлева Француженка не первой уже молодости, мамзель Мюлани, которая, при первой со мною встрѣчѣ, чуть не кинулась мнѣ на шею, узнавъ, что я дядя графини Бутурлиной, монахини въ Римскомъ институтѣ ордена Святаго Сердца Іисуса, гдѣ эта гувернантка воспитывалась. Живая Француженка тутъ же не удержалась спросить у меня: «Вы вѣрно изъ нашихъ?» (т.-е. вы католикъ?), но сейчасъ же опомнившись, добавила:—«Нѣтъ... я понимаю... этого не можетъ быть.» Я постарался успокоить энтузіастку увѣреніемъ, что хотя и не принадлежу къ Римско-Католической церкви, но считаю себя чадомъ Католической апостольской церкви, и что глубоко чту мою племянницу, ея бывшую наставницу; и съ этой минуты мы сдѣлались друзьями. У нея былъ, какъ мнѣ показалось, правильный и серьезный взглядъ на дѣло женскаго воспитанія, но пылкія ея выходки и сужденія Французскаго оттѣнка, высказывать которыя она не стѣснялась, могли дѣлать ее смѣшною въ глазахъ юныхъ ея воспитанницъ.

Я воспользовался нахожденіемъ въ Калугѣ Н. А. Обнинскаго (выбраннаго Боровскими дворянами въ Губернскій Комитетъ объ улучшеніи крестьянскаго быта), чтобы получить отъ него росписку, данную Н. А. Дивовымъ покойному его тестю И. А. Кавецкому, въ 8000 р. сер., полученныхъ имъ заимообразно отъ моей матери. Я вполнѣ былъ убѣжденъ, что требованіе мое было на столько справедливо, что не могло встрѣтить никакихъ затрудненій; но тутъ-то я наткнулся на неожиданное препятствіе. «Ни-ни за что не разстанусь съ этимъ до-документомъ; я его держу какъ орудіе противъ его пре-превосходительства, по милости к-котораго графъ Закревскій ч-чуть-чуть не арестовалъ меня въ Москвѣ въ 1854 году,» рѣшительно произнесъ заика-полковникъ. «Какъ же это вы отказываетесь возвратить мнѣ документъ, по которому мы покончили всѣ наши съ вами счеты?» возразилъ я. «Вѣдь согласитесь, полковникъ, что если бы я попросилъ васъ выдать мнѣ эту самую росписку, когда я въ прошломъ году принялъ, въ уплату недоплаченныхъ тестемъ вашимъ за Бѣлкино денегъ, долгъ генерала Дивова моей матери, что тогда вы бы вѣроятно выдали мнѣ ее?»—«Можетъ статься, что и выдалъ бы,» отвѣчалъ онъ.—«Такъ зачѣмъ же вы теперь хотите наказать меня за мою оплошность?»—«А не хочу в-выдать эту росписку, по-потому что могу по-побезпокоить еще его прев-восходительство.» Я просто былъ въ отчаяніи. Дивовъ уже съ годъ какъ бомбардировалъ меня требованіями доставить ему этотъ документъ, такъ какъ, когда я его увѣдомилъ, что я миролюбно покончилъ съ Обнинскими, онъ тотчасъ же выдалъ мнѣ заемное письмо на сумму должную имъ моей покойной матери и уплатилъ мнѣ за годъ впередъ проценты по 7 или 8. Нелегко и не съ перваго раза уломалъ я упрямаго полковника выдать мнѣ этотъ документъ; но наконецъ онъ согласился, да и то, при объясненіи, что дѣлаетъ это изъ одного личнаго ко мнѣ уваженія.

Незамѣтно для меня прошелъ цѣлый мѣсяцъ въ семейномъ кругу Яковлевыхъ, и во второй половинѣ Февраля пришлось мнѣ оторваться отъ этой душевной моей Капуи и перебираться, по дѣламъ службы, въ Мещовскій и Мосальскій уѣзды, гдѣ я былъ задержанъ до начала Апрѣля. Въ добавокъ, я заболѣлъ довольно серьезно въ Мосальскѣ, но къ счастію напалъ на искуснаго врача при Палатѣ Государственныхъ Имуществъ г. Плетнера, который скоро поставилъ меня на ноги *).

---

*) Государственные крестьяне, очень любившіе этого врача, перекрестили его Плетневымъ.

На возвратномъ пути въ Калугу я застрялъ нѣсколько дней въ заштатномъ городѣ Серпейскѣ, по причинѣ разлитія рѣчекъ, опоясывающихъ этотъ городишко. Я пріютился довольно удобно у вновь опредѣленнаго станового пристава, знакомаго мнѣ по Тарускому уѣзду, гдѣ онъ женился на дочери тамошняго станового г. Безчастнаго, того самого, что̀ былъ изъ главныхъ обличителей неправильныхъ дѣйствій его принципала, исправника Бахметева. Невыносимо скучна была мнѣ эта задержка; еще бы немного, и я не попалъ бы въ Калугу къ Страстной недѣлѣ, и вотъ, однажды, я бросился на постель отъ нечего дѣлать съ папиросою въ зубахъ и, позвавъ находившагося при мнѣ жандарма Самохвалова, велѣлъ ему разсказывать мнѣ что-нибудь новое. «А что̀ вамъ поразсказать?» началъ синемундирный агентъ-пролазъ; развѣ то, что здѣшній почтмейстеръ *) распечатываетъ крестьянскія письма съ деньгами; отбираетъ деньги себѣ, а письма, стало быть, истребляетъ.» Меня это взорвало до того, что я вскочилъ съ постели. «Можешь ли ты доказать что̀ говоришь?» спросилъ я уже не шутя, зная, что мой молодецъ, при всемъ мастерствѣ въ своей профессіи, увлекался подчасъ безъ достаточныхъ на то основаній. «Извольте хоть сами допросить секретно о томъ изъ здѣшнихъ жителей, на которыхъ я вамъ укажу и которые приходили ко мнѣ тайкомъ въ сумеркахъ съ жалобою.» И дѣйствительно, допрошенные мною по его указанію люди, имъ приведенные, когда стемнѣло, къ заднему крыльцу моей квартиры подтвердили, хотя немного колеблясь, о продѣлкахъ почтмейстера, въ числѣ которыхъ самымъ виднымъ случаемъ, послужившимъ мнѣ уликою, былъ слѣдующій. Какой-то отставной нижній чинъ давно ожидалъ отъ своего сына присылки значительной довольно суммы, 100 или болѣе рублей, и неоднократно справлялся объ этихъ деньгахъ въ почтовой конторѣ, но отвѣтъ былъ всегда, что онѣ еще не получены. Однажды, вслѣдствіе спроса сыномъ въ одномъ письмѣ, получилъ ли, наконецъ, его отецъ давно отправленныя деньги, служивый сталъ настоятельно требовать справки у почтмейстера по этому дѣлу, и когда сей послѣдній продолжалъ увѣрять, что деньги не получены, солдатъ нашъ погрозилъ ему, что пойдетъ въ губернію (т.-е. въ Калугу) и покажетъ начальству письмо сына, и въ самомъ дѣлѣ отправился было въ путь. Оробѣвшій почтмейстеръ воротилъ его и началъ подъ какимъ-то (не помню) предлогомъ предлагать сдѣлку съ

*) Хотя въ малолюдномъ Серпейскѣ всего двѣ церкви, три-четыре каменныхъ дома, а прочія всѣ строенія деревянныя лачужки, и мѣстной промышленности (обогатившей безуѣздный городъ Сухиничи) никакой нѣтъ, есть однакоже почтовая контора. О мостовыхъ, конечно, и помину нѣтъ.

этимъ солдатомъ; тотъ, дабы избавиться, вѣроятно, отъ дальнѣйшихъ хлопотъ, помирился на половину слѣдуемой ему суммы. Заручившись этими данными, я составилъ секретное о всемъ дѣлѣ дознаніе и, по возвращеніи въ Калугу, представилъ мою записку В. А. Арцымовичу, словесно объяснивъ ему, что считаю непремѣнною моею обязанностію содѣйствовать своему начальству въ раскрытіи административныхъ всякаго рода злоупотребленій, которыя оставались бы неизвѣстными инымъ путемъ, и что потому дозволяю себѣ дѣлать подъ рукою дознанія по такимъ даже дѣламъ, о которыхъ не имѣю предписаній. Губернаторъ поблагодарилъ меня, и я узналъ много позднѣе, что онъ далъ формальный ходъ дѣлу, и что почтмейстеръ былъ преданъ суду и отрѣшенъ отъ мѣста. Одну только подробность изъ секретныхъ моихъ дѣйствій въ Серпейскѣ не ясно помню, а именно: истецъ-солдатъ не рѣшался еще, кажется, на окончательную сдѣлку съ почтмейстеромъ, а я указалъ ему подать прошеніе губернатору съ приложеніемъ послѣдняго письма отъ сына.

Въ Калугу я попалъ въ Вербному Воскресенію и, причастившись Св. Таинъ въ Чистый Четвергъ, поспѣшилъ въ Знаменское, чтобы встрѣтить съ своими свѣтлый праздникъ. Все начало лѣта я провелъ дома. Сперва были у меня кое-какія дѣла по Тарускому уѣзду, но если бы даже и не было у меня никакихъ, то В. А. Арцымовичъ, какъ и предшественникъ его, снисходительно смотрѣлъ на продолжительныя мои отлучки изъ Калуги, зная, что онѣ были мотивированы домашними моими обстоятельствами. То-то наслаждался я полнымъ отдыхомъ послѣ безпрерывныхъ моихъ занятій и разъѣздовъ! Съ Митею я принялся усидчивѣе за Французскій языкъ, при всемъ томъ, что это было для меня немного затруднительно отъ моего незнакомства съ педагогическими пріемами, и одновременно съ этимъ я имѣлъ удовольствіе посадить его впервыя на лошадь. Бойкость его очень радовала меня, и я думалъ, что изъ него выйдетъ, если не военный кавалеристъ, то смѣлый ѣздокъ-аматёръ. Года два позднѣе, онъ шлепнулся съ бракованной фронтовой лошади, купленной для него вмѣсто прежней, бывшей въ родѣ клячи, и хотя онъ не сильно ушибся, но съ тѣхъ поръ потерялъ всякую охоту къ верховой ѣздѣ. Оранжерея моя еще въ то время (т.-е. въ 1859 г.) процвѣтала, благодаря усердію моего самоучки Семена Максимова, но увы! она доживала предпослѣдніе свои дни. Ужъ какъ я ни поддерживалъ и ни подпиралъ ее, перестроить же всю з̀аново не хватало у меня средствъ и, два года спустя, она окончательно развалилась. Не столько сожалѣлъ я о цвѣточномъ отдѣленіи (такъ какъ развести снова эти растенія нетрудно), какъ о двухъ отдѣле-

ніяхъ съ болѣе чѣмъ полувѣковыми персиковыми и абрикосными шпалерами, дававшими ежегодно сильный плодъ. Одно изъ наибольшихъ лишеній, которыя чувствую по сю пору отъ прежней моей обстановки, это то, что не имѣю болѣе возможности заниматься садоводствомъ, и преимущественно цвѣтоводствомъ. Въ остальномъ я давно примирился съ своею судьбою, то-есть въ томъ, что̀ лично до меня касается; но эта покорность не заглушаетъ никакъ душевной зазнобы, съ которою сойду въ могилу, что оставляю своего сына тоже почти что неимущимъ, тогда какъ я получилъ отъ моего родителя хорошее состояніе. А что̀ до житейскихъ моихъ требованій, то они умѣренны, и пансіонъ, завѣщанный мнѣ моимъ дѣтскимъ наставникомъ и позднѣйшимъ благодѣтелемъ, г. Слоаномъ, удовлетворяетъ ихъ. Да и немного нужно человѣку на исходѣ седьмого десятка, пережившему столько житейскихъ бурь, какъ пришлось на мою долю. Тѣмъ не менѣе скрывать не могу, что хотѣлось бы мнѣ имѣть какую-нибудь свою тѣнистую подмосковную дачу (а подмосковную непремѣнно потому, что послѣднія семь зимъ, проведенныхъ въ родной бѣлокаменной, сдѣлали меня неспособнымъ жить круглый годъ, какъ бывало прежде, въ деревенской глуши). Дачку хотѣлось бы мнѣ, эдакъ въ 10 или много-много въ 12 десятинъ, гдѣ я могъ бы снова, на закатѣ жизни, предаваться садоводству. Бо̀льшаго не желалось бы, кажется, ничего.

Уже нѣсколько времени слышно было, что въ разныхъ уголкахъ обширнаго нашего государства появились между крестьянами общества трезвости и составлялись мірскіе приговоры, съ назначеніемъ денежнаго штрафа за посѣщеніе кабаковъ и даже за употребленіе вина у себя на дому. Въ этомъ проявленіи, охватившемъ, весною 1859 года, нѣкоторыя селенія Тарускаго уѣзда, было, конечно, много отраднаго; но, къ сожалѣнію, нельзя было приписать похвальную эту крестьянскую инціативу нравственнымъ исключительно побужденіямъ, по крайней мѣрѣ, что̀ касается до Тарускаго уѣзда. Отнюдь не желая истолковать въ худую сторону этотъ крестьянскій протестъ, не могу не сказать, что протестъ былъ отчасти вызванъ, если вѣрить молвѣ, постепеннымъ и обременительнымъ повышеніемъ цѣнъ на вино и, вмѣстѣ съ симъ, на дурное его качество. Струсилъ порядочно Тарускій откупщикъ и, по наущенію приказныхъ крючкотворцевъ, онъ взошелъ съ прошеніемъ къ губернатору о запрещеніи крестьянамъ составлять такія общества съ мірскими ихъ приговорами, на основаніи, какъ бы вы думали? статьи закона, по которой клубы и никакія общества или компаніи, промышленныя или увеселительныя, не могутъ составляться безъ вѣдома и разрѣшенія высшаго начальства. Этимъ про-

шеніемъ мѣстная администрація поставлена была, однакоже, въ фальшивое положеніе. Удовлетворить просителя значило бы порицать зачатки народной нравственности, а отказать ему было бы тождественно съ стѣсненіемъ казеннаго интереса, и могло ввести откупщика въ убытки, тогда какъ въ законѣ же повелѣвалось оказывать всякое возможное вспомоществованіе легальнымъ его требованіямъ, какъ лицу, содѣйствующему приращенію государственныхъ доходовъ. Не помню, какъ выпутался изъ этой дилеммы В. А. Арцымовичъ, но чуть ли не послѣдовалъ на это прошеніе какой-то хитросплетенный отвѣтъ, годный вашимъ и нашимъ.

Въ Маѣ или Іюнѣ племянникъ мой, графъ Дмитрій Петровичъ, извѣстилъ меня, что онъ отыскалъ въ кладовой Флорентинскаго своего дома (наслѣдованнаго отъ моей матери, а его бабки) значительную партію старинныхъ поврежденныхъ картинъ, сложенную мною тамъ, при поспѣшномъ моемъ отъѣздѣ изъ Флоренціи въ 1839 году; что въ числѣ ихъ нѣкоторыя оказались настолько порядочными, что нашелся покупатель, дававшій 1000 франковъ за всю партію, и что мой племянникъ рѣшился безъ моего согласія покончить съ покупателемъ, при чемъ онъ прислалъ мнѣ при письмѣ переводъ въ 300 рубл. сер. Вотъ уже не снилось мнѣ никогда получить чрезъ двадцать лѣтъ не только такую сумму, но хоть что-нибудь за весь этотъ хламъ. Я поспѣшилъ передать ему теплое мое спасибо за подобную находку и тотчасъ же поскакалъ въ Москву на нѣсколько дней, чтобы дисконтировать этотъ переводъ въ банкирской конторѣ Марка и комп.; на эти деньги я сейчасъ пріобрѣлъ давно желаемую мною молотильную машину у Бутенопа, для Знаменскаго моего хозяйства.

Этою же весной послѣдовало никѣмъ неожиданное окончательное паденіе всесильнаго Московскаго генералъ-губернатора, графа А. А. Закревскаго. Причиною тому было неудовольствіе на него Государя за то, что онъ допустилъ бракъ своей дочери, графини Лидіи Арсеньевны Нессельроде (давно разъѣхавшейся съ мужемъ и проживавшей въ Москвѣ у родителей) съ служившимъ при графѣ Закревскомъ молодымъ княземъ Друцкимъ. А обвѣнчаны они были какимъ-то сельскимъ священникомъ въ Скопинскомъ уѣздѣ (Рязанской губ.). Князь Друцкой (съ которымъ я познакомился во Флоренціи много позднѣе) былъ безъ всякаго состоянія, но не дуренъ собою и очень пріятенъ въ обществѣ. Сохранено ли было за графомъ Закревскимъ генералъ-адъютантское званіе, не помню; но онъ остался жить въ Москвѣ, въ купленномъ имъ домѣ у Николая Аполлоновича Волкова, въ Леонтьевскомъ пере-

улкѣ, а на его мѣсто былъ назначенъ изъ гренадерскаго корпуса генералъ - адъютантъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ. Мнѣ все мерещится, не повліяли ли на мнѣніе Государя о графѣ Закревскомъ безпрерывныя на него нападки Лондонскаго «Колокола», который Государь, какъ увѣряютъ, любилъ читать.

Оберъ-полицеймейстеромъ на мѣсто А. А. Тимашева - Беринга былъ назначенъ князь Крапоткинъ изъ флигель-адъютантовъ.

Желая продлить какъ можно болѣе мое «dolce far niente» въ Знаменскомъ, я подалъ въ отпускъ на четыре мѣсяца (черезъ что́ я лишался жалованья на все это время) и затѣялъ было въ сообществѣ съ раззорившимся Тарускимъ помѣщикомъ Григоріемъ Андреевичемъ Быховцемъ (человѣкомъ не безъ теорико-научной начитанности, но никуда не годящимся на практикѣ) слѣдующее коммерческое предпріятіе. Надо знать, что незадолго предъ этимъ нѣкій трудолюбивый Курляндецъ, г. Биксенмейстеръ, завелъ въ Тарусѣ механическую лѣсопильню, при арендуемой имъ городской мельницѣ на рѣкѣ Тарусѣ, и такъ какъ дѣло пошло у него удовлетворительно, неугомонный и вѣчно неудачный прожектеръ Г. А. Быховецъ предложилъ мнѣ составить вдвоемъ компанію на паяхъ, для постройки паровой лѣсопильни въ самой Калугѣ. На это предпріятіе не было, разумѣется, ни гроша ни у него, ни у меня; но онъ утверждалъ, что достаточно будетъ заручиться однимъ согласіемъ правительства на сформированіе компаніи, и что тогда акціонеры такъ и расхватаютъ наши акціи. Онъ взялся сочинить проектъ и уставъ компаніи и, надо сознаться, что онъ начертилъ все это весьма шикозно и заманчиво; но послѣ долгаго ожиданія результатовъ отъ нашего хожденія по сему дѣлу, мы получили въ слѣдующемъ (1860) году категорическій отказъ отъ департамента внутренней торговли министерства финансовъ.

Въ Іюлѣ я поѣхалъ къ Н. А. Дивову въ Городище, по его приглашенію. Онъ покончилъ въ то время съ Варшавскою своею службой и числился по императорскому коннозаводству. Маршрутъ свой я выбралъ не чрезъ Москву, что̀ составило бы большой крюкъ, а изъ Серпухова повернулъ вдоль берега Оки на Каширу и переночевалъ на постояломъ дворѣ при Бѣлопесоцкомъ монастырѣ, на лѣвомъ берегу Оки, насупротивъ Каширы *). На этомъ постояломъ дворѣ узналъ я впервыя, благодаря лубочнымъ гравюрамъ, украшавшимъ неоштука-

---

*) Бѣлопесоцкій монастырь, а также Голутвинскій, близъ Коломны, при сліяніи Москвы-рѣки съ Окою, были основаны учениками преподобнаго Сергія.

туренныя стѣны моей свѣтелки, что Полтавскій побѣдитель попалъ было въ какую то разбойничью пещеру (въ миѳическомъ, должно быть, уѣздѣ), изъ которой, однакоже, удалось ему выбраться и спастись отъ своихъ преслѣдователей только тѣмъ, что съ акробатическою ловкостью онъ перескочилъ чрезъ острогъ изъ заостренныхъ брусьевъ: событіе, о которомъ умалчиваютъ, къ сожалѣнію, историки. Удивительно, откуда взялась эта легенда; но, очевидно, что она изъ того же источника, какъ распространенное въ народѣ сказаніе о безпечномъ (или беззаботномъ) монастырѣ, раззорить который угрожалъ все тотъ же батюшка нашъ Петръ Алексѣевичъ, если монахи не рѣшатъ сразу трехъ загадокъ, имъ заданныхъ; но на выручку иноковъ явился, какъ извѣстно, мельникъ, успѣвшій своимъ умомъ-разумомъ спасти обитель. Прошу извинить это отступленіе.

Изъ Каширы въ Зарайскъ потянулся я транспортною дорогой на вольныхъ ямщикахъ, въ одну упряжь 50 верстъ. Не отмѣтилъ я гдѣ слѣдовало, что, не доѣзжая до Бѣлопесоцкаго монастыря (или проѣхавши его по дорогѣ въ Коломну), уцѣлѣли на скатѣ горы слѣды пространнаго стариннаго городка; онъ состоитъ изъ квадратнаго укрѣпленія съ валомъ, какъ строили противъ Татарскихъ набѣговъ.

Наканунѣ 25 Іюля я поѣхалъ изъ Городища въ Рязань, чтобы отслужить на слѣдующій день въ Казанскомъ монастырѣ заупокойную литургію по моей Анночкѣ, бывшей имянинницею въ этотъ день. При въѣздѣ въ Рязань, покинутую мною почти что нѐхотя три года назадъ, меня волновали поочередно горькія воспоминанія и сладостное какое-то ощущеніе какъ бы нечаянной встрѣчи со старымъ другомъ, съ которымъ мы давно не видались. Какъ и въ этомъ 1859 году, такъ и понынѣ, меня манитъ туда какая-то таинственная сила, не испытываемая ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, и въ которой не могу дать себѣ яснаго отчета. Это какъ будто бы голосъ, нашептывающій мнѣ: не здѣсь ли, въ самомъ дѣлѣ, мое гнѣздо?

Въ Казанскомъ монастырѣ игуменья Екатерина и нѣкоторыя изъ сестеръ опознали и привѣтствовали меня, какъ своего человѣка, и этимъ онѣ подкрѣпили мое болѣзненно-радостное настроеніе. Тогда-то и передала мнѣ почтенная старица Екатерина всѣ подробности о потрясающемъ происшествіи, разыгравшемся въ ея кельѣ два года назадъ, на храмовомъ праздникѣ обители, жертвою коего былъ прежній достопочтенный архіепископъ Гавріилъ. Хотя я не былъ знакѡмъ съ новымъ губернаторомъ, г. Клингенбергомъ, но счелъ нужнымъ навѣстить его (а почему было нужно, самъ не понимаю, развѣ только по-

тому, что бываютъ такія минутныя вспышки, когда весь міръ кажется намъ особенно милымъ). Онъ и жена его приняли меня очень привѣтливо, и онъ даже сказалъ мнѣ, что много наслышался обо мнѣ, но почему-то вообразилъ себѣ, что я молодой еще человѣкъ (мнѣ минуло тогда 52 года). По отзыву всей Рязани, хорошій, какъ есть, человѣкъ былъ этотъ г. Клингенбергъ *). Изъ бывшихъ моихъ сослуживцевъ никого почти уже не оставалось, или они занимали другія должности. Правителемъ губернаторской канцеляріи былъ г. Шереметевскій, прежній секретарь депутатскаго собранія, но болѣе всего извѣстный какъ искусный цвѣтоводъ, и онъ же смѣнилъ меня въ званіи директора городскаго сада. Меня чрезвычайно тронула радость старой старожихи этого сада и трехъ ея дочерей-кружевницъ, когда онѣ увидали меня, такъ какъ онѣ слышали, что я будто бы отправился въ Элисейскія поля. Однимъ изъ первыхъ моихъ рысканій по городу было взглянуть на бывшій домъ Дивова, въ стѣнахъ котораго произошла катастрофа 26 Марта 1854 года; а оттуда я прошелся мимо второй моей квартиры на Левицкой улицѣ. О, сколько было пережито въ обѣихъ этихъ квартирахъ! Повернулъ я потомъ на соборную площадь (еще незастроенную, какъ нынѣ) и растянулся на муравѣ крутого берега, надъ которымъ высится одинокая церковь Спаса на Яру, любуясь захожденіемъ солнца на далекомъ полустепномъ горизонтѣ за впаденіемъ Трубежа въ Оку. Словомъ, былъ ли, не знаю, уголокъ города, куда бы я не заглянулъ, чтобы узнать, не произошла ли тамъ какаянибудь перемѣна со дня моего отъѣзда. Эта лихорадочная поспѣшность обозрѣть предметы, ничего по себѣ не говорившіе, но связанные съ воспоминаніями эпохи, повліявшей на остальную мою жизнь, имѣла нѣкоторую аналогію съ первымъ моимъ посѣщеніемъ Бѣлкина въ 1825 году, послѣ девятилѣтней заграничной отлучки. Справедливо замѣтилъ о мнѣ одинъ умнѣйшій мой знакомый, что я родился фантазёромъ. Мучитъ меня и въ моихъ сѣдинахъ эта нервная впечатлительность (то, что̀ Англичане зовутъ «a morbid sensitiveness») и тогда становлюсь я похожъ на растеніе мимозу, извѣстную подъ названіемъ «не тронь меня».

Присутствовалъ я также при архіерейскомъ служеніи хваленаго какъ администратора Смарагда, но оно не понравилось мнѣ въ сравненіи со служеніемъ его предшественника Гавріила. Владыка Смарагдъ показался мнѣ мужиковатъ въ пріемахъ и походкѣ; но за то я остался

---

*) Изъ губернаторовъ онъ былъ назначенъ чѣмъ-то въ родѣ помощника статсъ-секретаря при Комиссіи прошеній и умеръ въ началѣ 70-хъ годовъ.

доволенъ, увидавъ повышеннаго въ протодіаконы статнаго изъ себя и октаво-басистаго Молчанова, того самаго діакона, котораго я пригласилъ на отпѣваніе моей дочери. Прежняго протодіакона, давно спавшаго съ голоса, но оставшагося изъ лучшихъ чтецовъ, когда-нибудь слышанныхъ мною, новый архіерей смѣнилъ и посвятилъ въ священники, сначала въ соборъ, но потомъ бѣдняжку упекли куда-то въ село.

Въ Городищѣ я прогостилъ недѣли двѣ или три. Это было самое цвѣтущее время Дивовскаго коннозаводства. Конечно, немалыхъ денегъ оно стоило своему хозяину, но вѣдь иногда и съ деньгами толку не бываетъ, и не говоря уже объ умѣніи, многое зависитъ отъ счастливыхъ случайностей: онѣ-то и способствовали быстрому развитію Городищенскаго завода. Николай Адріяновичъ купилъ чисто на авось въ 1853 году, на заводѣ князя Алексѣя Ѳедоровича Орлова въ Падахъ, двухъ переставшихъ отъ старости жеребиться кобылъ, за ничтожную сумму; а Русскій авось оказалъ на этотъ разъ такую услугу моему кузену, на которую не могли никакъ разсчитывать ни онъ самъ, ни управляющіе заводомъ князя Орлова. Одна изъ этихъ бракованныхъ ветеранокъ оказалася жеребою, и на слѣдующій, 1854 годъ, принесла великолѣпнаго жеребца сѣрой масти, котораго прозвали по достоинству «Жемчугомъ» и который сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ первостатейныхъ производителей (т. е. случныхъ жеребцовъ) Городищенскаго завода. Первымъ таковымъ (производителемъ) былъ у Дивова вороной безъ отмѣтокъ жеребецъ, по прозвищу «Воронъ,» купленый также въ Падахъ за 3 тыс. рубл., да и то князь Орловъ единственно только изъ дружбы къ Дивову сдѣлалъ это исключеніе изъ принятыхъ въ его заводѣ правилъ пускать въ продажу однихъ лишь мереньевъ и нежеребовыхъ кобылъ. И вотъ какая исторія вышла впослѣдствіи изъ-за этого Ворона. Дивовъ, не рѣдко фантазируя и оригинальничая въ своихъ взглядахъ, часто упрекалъ свою братію по коннозаводству, что эти господа не пускали въ продажу всю годовую ставку (т. е. трехлѣтнихъ мереньевъ и кобылъ), а оставляли иныхъ у себя въ заводѣ. Онъ находилъ безсмыслицею въ коммерческомъ дѣлѣ такъ поступать, а если-молъ вы желаете оставить что-нибудь за собою, то стоитъ только-де назначить такую баснословную цѣну, которую никто не захочетъ дать. На этомъ-то основаніи въ его заводскихъ реестрахъ даже случные жеребцы (которые никогда и нигдѣ не продаются, пока они годны) обозначены были въ продажу, и сколько я ни оспаривалъ эту ложную теорію, я не могъ въ этомъ его убѣдить. Вышло, что я былъ правъ. Однажды во время его отсутствія пріѣхалъ въ Городище богачъ Николай Гавриловичъ Рюминъ (начинавшій тогда заводить свой

заводъ рысистой породы) и, просмотрѣвъ въ заводской книгѣ, что цѣна Ворону назначена 10 тыс. рубл., сказалъ управляющему заводомъ и всѣмъ Городищенскимъ имѣніемъ, что онъ охотно пріобрѣтаетъ Ворона за эту сумму, и что деньги при немъ. Переполошились оба управляющіе при этомъ заявленіи и отвѣчали, что безъ разрѣшенія его превосходительства принять денегъ они не могутъ. Полетѣла немедленно телеграмма къ Дивову въ Петербургъ (или въ Варшаву), который отвѣчалъ ловкимъ какимъ-то, но рѣшительнымъ отказомъ. Но если пользовались въ тѣ поры такимъ почетомъ Воронъ и Жемчугъ, одинъ изъ ихъ товарищей по ремеслу (производителей), пресловутый когда-то Туманъ, завода Ивана Николаевича Дубовицкаго, и сынъ непобѣдимаго на иподромахъ Горюна, вышелъ въ концѣ 50-хъ годовъ изъ фавора, и поступилъ въ дышловую каретную упряжь своего господина. А вѣдь это былъ тотъ самый субъектъ, котораго я самъ бережно привелъ въ 1852 г. изъ Дядькова, котораго холили сперва до того, что только не спалъ онъ на постилкѣ изъ хлопка, и однажды, когда засѣкся на ходу до крови, причинилъ было безсонную ночь его превосходительству. Sic transit gloria mundi! [1]). Подобныя житейскія превращенія были нерѣдкимъ дѣломъ въ Городищенскомъ домохозяйствѣ.

Быстро прославился Городищенскій заводъ, хотя Дивовъ никогда не пускалъ своихъ лошадей бѣгать на призъ, и продажа ихъ шла ходко (за 3-хъ лѣтнихъ мереньевъ и кобылокъ платили ему по 700 и 800 рублей); но выручка едва покрывала расходъ, потому что обстановка завода и его содержаніе были слишкомъ роскошны [2]).

На обратномъ пути въ Знаменское, я получилъ въ Серпуховѣ письмо отъ моего племянника, графа Дмитрія Петровича, увѣдомлявшаго меня о своемъ намѣреніи принять Россійское подданство, все равно что утраченное, такъ какъ со смерти своего отца онъ не возобновлялъ Русскаго паспорта, во избѣжаніе, какъ онъ говорилъ въ письмѣ, подвергнуть своихъ дѣтей фальшивому положенію, тяготѣвшему дотолѣ надъ нимъ, а именно, что онъ не принадлежалъ ни къ какому отечеству [3]).

---

[1]) Такъ проходитъ мірская слава. Я только что вспомнилъ, что за 3-хъ лѣтняго Тумана Дивовъ далъ (если не ошибаюсь) 2500 рублей.

[2]) Послѣ 1861 г. спросъ на каретныхъ цѣнныхъ лошадей значительно уменьшился, и Городищенскій заводъ началъ приносить значительные убытки, вслѣдствіе чего, въ 1864 или 1865 году, Дивовъ продалъ весь свой заводъ молодому князю Орлову за 30 тысячъ рублей.

[3]) Племянникъ мой женился въ Римѣ въ 1857 или 1858 году на Португалькѣ Мингуезъ, воспитанницѣ Римскаго монашенскаго пансіона Святаго Сердца Іисусова, гдѣ монахинею была, какъ я уже говорилъ, племянница моя графиня Анна Петровна. Отецъ молодой Мингуезъ (давно уже умершій) былъ когда-то Португальскимъ посланникомъ при папѣ.

Тутъ же онъ просилъ меня содѣйствовать ему въ этомъ благомъ намѣреніи; но какъ ни радостно было мнѣ это столь неожиданное проявленіе его патріотизма, я отвѣчалъ ему, что при всей моей готовности служить ему въ чемъ только могу, не имѣю на то никакихъ средствъ, ни случаевъ, потому что давно уже прервалъ прежнія мои связи съ Петербургскими тузами, безъ помощи которыхъ ничего тутъ не подѣлаешь. Въ слѣдующемъ однакоже 1860 году онъ началъ хлопотать и сноситься съ нѣкоторыми вліятельными лицами въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а въ концѣ 1861 года самъ пріѣзжалъ въ Россію и добился своего, какъ о томъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Не ошибусь, кажется, отнеся къ событіямъ описываемаго здѣсь 1859 года окончательное усмиреніе всего Кавказа и возведеніе въ фельдмаршалы главнокомандующаго этимъ краемъ князя А. И. Барятинскаго. Сдавшемуся грозному столь долго Шамилю назначена была мѣстомъ жительства Калуга, куда онъ и прибылъ съ сыновьями, а немного позднѣе пріѣхали туда всѣ ихъ жены. Говорятъ, что одна изъ женъ старика Шамиля (ихъ было, кажется, три) была молодая и удивительной красоты Армянка, съ дѣтства еще обращенная въ Исламъ, имени Шуанетъ или Жуанетъ. Шамилю отведенъ былъ большой трехъ-этажный домъ на Золотаревской улицѣ, насупротивъ церкви Одигитріи, и чрезъ нѣсколько дней онъ, чтобы доказать свое знакомство съ обычаями цивилизованной жизни, сдѣлалъ визиты губернатору и главнымъ должностнымъ лицамъ, а за тѣмъ пожелалъ познакомиться съ Калужскими дамами. Въ этихъ случаяхъ его сопровождалъ переводчикъ, Кавказскій офицеръ Богуславскій, прикомандированный къ его особѣ. Нельзя было считать Шамиля военноплѣннымъ, потому что онъ носилъ при себѣ богатую шашку, подаренную ему самимъ Государемъ во время его проѣзда чрезъ Курскъ или Харьковъ, гдѣ Государь находился по случаю смотра войскъ. Говорили, будто милостивый пріемъ, оказанный великодушнымъ нашимъ монархомъ старому имаму, растрогалъ послѣдняго до того, что, по пріѣздѣ въ Калугу, онъ поспѣшилъ принять Русское подданство. Мнѣ разсказывали также, что когда онъ взошелъ въ домъ Семена Павловича Яковлева, чтобы познакомиться съ его женою, то, услышавъ, что часы пробили двѣнадцать часовъ (молитвенное для мусульманъ время), остановился въ залѣ, присѣлъ на корточки и только по окончаніи обычной молитвы прошелъ въ салонъ, гдѣ ожидала его Зенаида Александровна. Примѣръ его поучителенъ для насъ православныхъ, всегда готовыхъ пожертвовать уставными правилами нашей церкви, чтобы не казаться смѣшными въ обществѣ, и часто приходитъ мнѣ на память изреченіе Спасителя, что кто устыдится

Его предъ людьми, Онъ устыдится таковыхъ предъ Своимъ Отцемъ небеснымъ на страшномъ судѣ.

Для укомплектованія домашней прислуги Шамиля, въ истопники, сторожа, конюхи и пр. наняты были отставные или безсрочноотпускные солдаты; всѣ они не иначе звали его какъ Шмель. Однажды задалъ онъ обѣдъ мѣстнымъ властямъ (поваръ былъ, вѣроятно, изъ горцевъ), и на столѣ явились даже Шампанскіе бокалы; но хозяинъ извинился передъ гостями, что, какъ у строгаго мюрида, у него въ домѣ не допускаются никакіе спиртуозные напитки, и за тѣмъ бокалы запѣнились шипучимъ лимонадомъ. Никто изъ Калужанъ мужскаго пола не былъ допущенъ къ лицезрѣнію супругъ имама и его сыновей; но мѣстныя дамы, подстрекаемыя любопытствомъ, отдали визитъ Шамилю и были введены имъ на женскую половину.

Размысливъ, что служба моя препятствуетъ мнѣ заниматься какъ бы слѣдовало воспитаніемъ Мити, которому шелъ 13-й годъ (а не захотѣлъ я, къ сожалѣнію, отдать его въ какое-нибудь учебное заведеніе, опасаясь за его здоровье), да и служебныя занятія были въ ущербъ хозяйственнымъ отъ частыхъ моихъ отлучекъ, я рѣшился въ Ноябрѣ или Декабрѣ подать въ отставку. Чиномъ я былъ невзраченъ: всего коллежскій ассесоръ, а съ нимъ трудно было получить какое-либо мѣсто съ окладомъ на столько значительнымъ, чтобы онъ давалъ мнѣ возможность жить съ семействомъ въ губернскомъ городѣ; а о столицахъ и мечтать было нечего. Въ виду совмѣщенія службы съ возможностію проживать въ Знаменскомъ, хотѣлось мнѣ одно время быть выбраннымъ въ уѣздные судьи, не взирая на незначительность оклада при этой должности (всего 300 и 400 рублей), о чемъ я даже намекнулъ Д. А. Черткову. Я долженъ сказать, что хотя между нами бывало нѣсколько служебныхъ стычекъ, но въ промежуткахъ Д. А. Чертковъ, какъ настоящій джентельменъ, былъ всегда внимателенъ ко мнѣ и не забывалъ, что мы оба одного поля ягоды, и потому, на мой намекъ быть избраннымъ въ судьи, онъ отозвался, что будетъ имѣть это обстоятельство въ виду на будущее время, такъ какъ судьею былъ тогда Николай Александровичъ Гродненскій, а до слѣдующихъ выборовъ оставалось еще много времени. Позднѣе, я самъ раздумалъ дать ходъ этому проекту, такъ какъ въ концѣ 1860 года снова поступилъ на службу.

1860-й годъ.

Во всю эту зиму я не трогался изъ Знаменскаго. Хотя уже въ отставкѣ, но не было у меня недостатка въ занятіяхъ, а что̀ до финансоваго моего положенія, оно много улучшилось съ 1858 года, со времени моей сдѣлки съ Обнинскими, благодаря чему я теперь получалъ отъ нихъ ежегодно 600 рублей процентовъ съ оставшагося у нихъ моего капитала, да 600 р. (или приблизительно) отъ Дивова по долгу моей матери, а всего 1200 р., тогда какъ, будучи чиновникомъ особыхъ порученій, я получалъ всего съ разъѣздными и суточными (во время моихъ отлучекъ по уѣздамъ) не болѣе 700 рублей.

Тутъ-то я принялся было посерьезнѣе заниматься съ моимъ Митею. Весною 1860 г. жена моего шурина, Марія Сергѣевна Нарышкина, выслала къ намъ изъ Москвы, по моей просьбѣ, какого-то своего протеже, бѣдняка-студента (товарища что ли двухъ ея сыновей, бывшихъ тогда въ университетѣ); но онъ продержался у насъ менѣе полугода. Я спохватился во̀ время, что это былъ нигилистъ: превозносилъ Спинозу и сбилъ было съ панталыку нашего мальчугана, внушая ему, что незачѣмъ ходить въ церковь, что пусть-де туда ходятъ одни старики, тогда какъ Митя съ ранняго дѣтства усердно всегда молился. Я долго ничего не зналъ ни о пропагандѣ студента-хохла, ни о сценахъ, происходившихъ между нимъ и ученикомъ его въ классной, такъ какъ съ Марта до Іюня я находился въ Москвѣ и Петербургѣ (какъ не замедлю о томъ разсказать), но какъ только вся эта неурядица дошла до моего свѣдѣнія, я сейчасъ же разсчиталъ популяризатора новыхъ идей и при свиданіи съ Маріею Сергѣевною поблагодарилъ ее за подобный выборъ.

Немалая часть моего досуга была посвящена садоводству, воздушному и оранжерейному. Результаты послѣдняго рода культуры выходили у меня, смѣю сказать, блистательными, хотя въ ограниченныхъ размѣрахъ (такъ какъ помѣщеніе было у меня небольшое), но достаточныхъ, чтобы уставить всю террасу нашего дома амѳитеатромъ цвѣтущихъ растеній въ полномъ разгарѣ и горками въ нѣсколько рядовъ. Пріѣзжіе любовались новою этою для нихъ обстановкою, и особенно замѣчательны были у меня коллекціи крупныхъ пятипяденныхъ пеларгоніумовъ, только что вышедшихъ въ культуру подъ названіемъ одіера, фукцій и альстромерій (отмѣчу мимоходомъ, что садовники мои переименовали послѣднее названіе въ астролябіи). И всю эту цвѣтущую

роскошь выхаживалъ мой самоучка Семенъ Максимовъ, тогда какъ мнимо-ученые садовники, нанимаемые мною въ помогу ему (а одинъ изъ этихъ поступилъ ко мнѣ изъ славившагося тогда въ Москвѣ заведенія Финтельмана), почти что ничего не умѣли дѣлать безъ моего указанія, а когда пробовали, то только портили. Ни вкуса, ни соображенія никакихъ не было у этихъ *ученыхъ*, мною прозванныхъ *мочеными*, практикантовъ, и я пересталъ ихъ нанимать.

Такъ какъ по програмѣ этихъ записокъ въ нихъ должна входить всякая всячина, и благо, что я попалъ на сюжетъ садоводства, то желаю сказать о результатахъ моего опыта искусственнаго оплодотворенія черезъ перекрещиваніе растительной пыли, отчего получаются новыя разновидности, называемыя «гебридами.» Думаю, что это сообщеніе не будетъ безъ интереса для аматёровъ цвѣтоводства; но если оно наскучитъ читателю не-специалисту, то совѣтую ему пропустить весь слѣдующій параграфъ.

Впала мнѣ разъ въ голову такая мысль: почему-молъ нѣтъ въ культурѣ голубыхъ пеларгоніумовъ, тогда какъ прототипъ этого рода, полевой (луговой тоже) пеларгоніумъ («Geranium pratense» а у простонародія «волкона») окрашенъ прелестнымъ лазуревымъ колеромъ? И вотъ, во время цвѣтѣнія оранжерейныхъ моихъ пеларгоніумовъ и этого полеваго гераніума, я бережно перенесъ акварельною кистью пыль тычинокъ первыхъ на пестикъ дикорастущаго голубаго пеларгоніума, а съ тычинокъ послѣдняго я сдѣлалъ тоже самое надъ пестикомъ нѣкоторыхъ культурныхъ пеларгоніумовъ: либо тотъ, либо другой, думалъ я, долженъ бы оплодотвориться. И дѣйствительно, одинъ изъ нихъ (какой, не помню) вынесъ сѣмянной стручекъ. Можно себѣ вообразить, какъ я обрадовался столь удачнымъ началомъ! Бережно собравъ сѣмена этого стручка, я посѣялъ ихъ въ горшокъ и выростилъ изъ нихъ одинъ экземпляръ, который на столько поднялся и укоренился на слѣдующую весну, что я его высадилъ на лѣто на открытую грядку. Не зацвѣлъ онъ на первый годъ, чего впрочемъ я и не ожидалъ, такъ какъ сѣянцы изъ пеларгоніумовъ зацвѣтаютъ обыкновенно на послѣдующій лишь годъ (къ великому посту); однакоже по формѣ, толщинѣ и необычайной шершеватости листьевъ, я имѣлъ поводъ думать, что я воспроизвелъ новый совершенно родъ этого столь живописнаго семейства. Къ осени я снова пересадилъ моего птенца въ горшокъ бо́льшаго размѣра и поставилъ его на переднюю полку оранжереи; но, къ неописанному моему горю, мой Семенъ Максимовичъ опоздалъ какъ-то приставить оранжерейныя рамы, и преждевременный, ночной, осенній мо-

розъ сразу побилъ всѣ тогдашніе мои пеларгоніумы, и въ томъ числѣ лелѣяннаго мною сѣянца. Не случилось мнѣ впослѣдствіи повторить этотъ опытъ и не знаю, попадалъ ли на эту мою мысль кто-либо изъ нашихъ или заграничныхъ садоводовъ, но по сю пору голубыхъ пеларгоніумовъ въ культурѣ нѣтъ; а мнѣ все мнится, что процессъ, употребленный мною, могъ бы, пожалуй, привести, если не къ желаемой цѣли, то къ какимъ нибудь новымъ результатамъ, болѣе отличительнымъ, нежели къ полученію одной лишь новой разновидности. Кстати два слова о моихъ опытахъ въ томъ же 1860 году надъ тутовыми (шелковичными) деревьями, о культурѣ которыхъ сильно хлопотало тогда Общество Русскаго сельскаго хозяйства. Поощрители этой отрасли культуры увѣряли, что эти деревья на столько удовлетворительно будто бы аклиматизованы въ центрѣ Россіи (въ Московской и Рязанской губерніяхъ), что выдерживаютъ зиму безъ покрыши, хотя они не доходятъ до размѣровъ настоящихъ деревьевъ, а остаются кустарниками. И такъ, я досталъ гдѣ-то сѣмяна двухъ сортовъ «morus alba» и «morus nigra» (бѣлый и черный родъ) и посѣялъ ихъ на грядкѣ въ половинѣ уже лѣта, и въ томъ же году они дали сильные, но жировые, какъ мнѣ показалось, побѣги. На зиму я ихъ не покрывалъ, а на слѣдующую весну всѣ эти побѣги замерзли и снова начали отбивать отъ корней. Тоже самое повторилось въ послѣдующія 4 или 5 лѣтъ, и въ концѣ концовъ растенія эти стали мало по малу совершенно пропадать. Надо полагать, что коренья съ каждой зимой все болѣе и болѣе (т. е. глубже) замерзали. Такъ какъ эти кустарники никогда не древеснѣли, то я убѣжденъ, что въ нашей полосѣ Россіи не иначе можно разводить тутовую культуру, какъ съ прочною покрышкою на зиму. Но если заниматься этимъ изъ спекуляціи, то надо разводить эти деревца въ большихъ размѣрахъ, и тогда возникаетъ вопросъ, стóитъ ли игра свѣчъ, хотя для собиранія листьевъ въ кормъ шелковичныхъ червей достаточно бы было имѣть это растеніе даже въ видѣ кустарника. Подобнаго же рода опыты я до двухъ разъ предпринималъ надъ бѣлою (душистою) акаціею, выдерживающею зиму безъ покрыши въ Воронежской губерніи; но хотя я тщательно завертывалъ ее на зиму, экземпляры мои никогда не зацвѣли, потому что побѣги не древеснѣли и каждую зиму замерзали, а новые выходили весною изъ корней. На 4-й или 5-й годъ и эти растенія, какъ и тутовыя деревья, окончательно пропали. Говоря о моихъ занятіяхъ по садоводству между 1847 и 1851 годами, не упомянулъ я, помнится мнѣ, о сильныхъ моихъ посѣвахъ георгинъ, чтобы получить новыя разновидности. Высѣвалъ я до 300 и 400 георгинъ, частью своими, а частью купленными въ Москвѣ сѣмянами, и въ результатѣ было, что изъ этого огромнаго посѣва не болѣе

какъ семь, или много - много, десять экземпляровъ оказывались на столько хорошими, чтобы быть оставленными для культуры; а иные выходили даже полумахровыми, и конечно, выкидывались.

Этимъ я кончаю садоводское мое отступленіе и возвращаюсь къ прерванному ходу житейскихъ моихъ похожденій.

Въ концѣ Февраля или въ самомъ началѣ Марта Зенаида Сергѣевна Дивова выписала меня въ Москву, по дѣлу моего племянника, графа Дмитрія Петровича съ Обнинскими, которое было поручено ей моимъ племянникомъ. Она выслала мнѣ на проѣздъ въ Москву 50 рублей изъ денегъ Дмитрія Петровича, какъ она увѣряла меня, и помѣстила меня въ Москвѣ, въ меблированныхъ комнатахъ, которыя содержали фотографъ г. Пешесъ и его жена Елисавета Павловна, бывшая мамзель Гофаръ, гувернантка воспитанницы Дивовыхъ, Зенаиды Николаевны Колесовой. Нумера эти были въ Газетномъ (нынѣ Камергерскомъ) переулкѣ, въ домѣ Хлудова (нынѣ Шаблыкина) и выходили на Большую Дмитровку, насупротивъ Конторы императорскихъ театровъ. Уютно было мнѣ тамъ: хозяева предупреждали всѣ мои желанія, комнаты убраны съ полнымъ комфортомъ, и столъ изъ лучшей всегда провизіи, даже съ ранними овощами (этимъ особенно занималась Елисавета Павловна), и все это даровое! Впрочемъ, рѣдко приходилось мнѣ пользоваться хозяйскимъ столомъ, такъ какъ я почти что ежедневно обѣдалъ у Зенаиды Сергѣевны, жившей тогда въ домѣ князя Юсупова, на Тверскомъ бульварѣ, рядомъ съ оберъ-полицмейстеромъ. Кузина моя вызвала меня въ Москву по дѣламъ будто бы общаго нашего племянника, но послѣ случайнаго кое-когда и отрывочнаго о томъ разговора мнѣ сдѣлалось яснымъ, что никакой нужды въ моей особѣ не было, что все это былъ только предлогъ, и что милѣйшей моей кузинѣ хотѣлось, чтобы я провелъ нѣсколько времени съ нею. Не измѣняетъ она въ дружбѣ и въ тепломъ сочувствіи ко мнѣ въ теченіе сорока уже лѣтъ!

Бывали у нея вечеринки, на которыхъ я опять повстрѣчался съ давнишними моими знакомыми, Ипполитомъ Ивановичемъ Подчаскимъ и его женою Елисаветой Петровной, бывшей вдовой графа Потемкина, а по себѣ княжной Трубецкой, сестрою Декабриста князя Сергѣя Петровича. Ей отлично бы шло прозвище Русской Нинoны де-л'Анкло́, такъ какъ даже и въ то время (въ 1860 г.) можно было ее включить въ ряды неувядшихъ красавицъ, а ей было за 60 лѣтъ *). По части

*) Она сильно измѣнилась три года позднѣе, когда я ее видѣлъ въ Ниццѣ въ 1863 году, едва оправившуюся послѣ потери единственнаго ея сына, умершаго въ Висбаденѣ.

женской красоты царила тогда въ салонѣ Дивовой княжна Зоя Александровна Багратіонъ, круглая сирота, безъ всякаго состоянія и по этому оставшаяся, быть-можетъ, по сю пору весталкою. Когда я увидѣлъ ее впервыя, плавно входившую въ гостиную, то не шутя остолбенѣлъ. Въ ней были и величественная осанка, и правильный античный профиль, и бархатная экспрессія темно-карихъ и томныхъ Азіатскихъ глазъ, и черная роскошная коса, переплетенная въ нѣсколько рядовъ, и сказалъ я про себя, какъ въ 1846 году, при встрѣчѣ въ Петербургскомъ салонѣ княгини М. П. Волконской съ другою подобною прелестью, графинею Александрою Васильевною Гудовичъ [1]): «Et il existe chez nous une jeunesse dénuée d'entrailles au point de demander une dot à un ange pareil? [2]).

Тутъ же я былъ представленъ Николаю Васильевичу Сушкову, со смертью котораго (8 Іюля 1871) высшее наше общество утратило одного изъ свѣтскихъ столповъ православія, а церковь сильнаго контроверсиста съ папизмомъ. Разскажу примѣрную черту, касающуюся до меня, этого человѣка, у котораго участіе къ нуждамъ ближняго и ходатайство за него были душевною потребностью. Спустя нѣсколько дней послѣ упомянутой вечеринки у Дивовой, я поѣхалъ, какъ требовала вѣжливость, съ визитомъ къ Н. В. Сушкову, постоянно жившему въ домѣ Милютина, близъ Тверской, насупротивъ Стараго Пимена, гдѣ онъ и умеръ. Онъ принялъ меня чрезвычайно дружественно, какъ бы давнишняго знакомаго, и послѣ нѣсколькихъ словъ вступительнаго разговора вдругъ сказалъ, что карета его подана и что онъ хочетъ свезти меня къ генералъ-губернатору, Павлу Алексѣевичу Тучкову, съ которымъ онъ былъ на короткой ногѣ. Меня это крайне озадачило, и я отнѣкивался тѣмъ, что не имѣю чести быть знакомымъ съ генераломъ Тучковымъ. «Это все равно», настаивалъ Николай Васильевичъ, «дѣло вотъ въ чемъ. Когда я встрѣтился намедни съ вами у Дивовой, вы сказывали мнѣ, что хотя вы теперь въ отставкѣ, но что ваше положеніе такое, что безъ службы не можете обойтись; ну я и поспѣшилъ разсказать объ этомъ почтенному Павлу Алексѣевичу. Вотъ, молъ», сказалъ я, «съ какою интересною личностью я недавно познакомился: человѣкъ носитъ громкую фамилію и нуждается службою. На это Павелъ Алексѣевичъ отвѣчалъ, что желаетъ познакомиться лично съ вами и заранѣе предлагаетъ вамъ чрезъ меня поступить на службу при немъ. И такъ, мы ѣдемъ къ нему». Я горячо поблагодарилъ не-

---

[1]) Гр. Гудовичъ вышла замужъ позднѣе за князя Михаила Павловича Голицына.

[2]) И есть же у насъ молодежь настолько безсердечная (по-французски сказано „безутробная“), которая требуетъ приданаго отъ подобнаго ангела!

жданнаго, негаданнаго моего покровителя, и мы отправились къ П. А. Тучкову. Съ первыхъ его словъ онъ показалъ, что готовъ принять живое во мнѣ участіе и, кстати, спросилъ, не родственникъ ли я графу Бутурлину, служившему вмѣстѣ съ нимъ въ чертежной въ главномъ штабѣ послѣ 1815 года? Я отвѣчалъ, что это былъ родной мой братъ, умершій въ Римѣ въ 1853 году. Послѣ разспросовъ о прежней моей службѣ, П. А. Тучковъ повторилъ (на сколько помнится мнѣ) то самое, что̀ уже передалъ мнѣ Николай Васильевичъ, т.-е. что онъ приглашалъ меня поступить на службу при его особѣ; но я, поблагодаривъ его за столь лестное для меня предложеніе, объяснилъ ему, что въ настоящую минуту не могу воспользоваться его благосклонностью по семейнымъ причинамъ, требовавшимъ личнаго моего надзора для хозяйственнаго устройства имѣнія моей жены. Позднѣе я спохватился, что я поступилъ въ этомъ, какъ и въ другомъ случаѣ, до котораго скоро дойдетъ рѣчь, крайне опрометчиво и ошибочно; но въ сказанное время я не такъ судилъ: меня затрудняло то обстоятельство, на чьи руки передать Знаменское хозяйство?

Старикъ князь Николай Ѳедоровичъ Голицынъ (уже знакомый читателю, какъ долго проживавшій по причинѣ Московскихъ своихъ долговъ у тетки умершей его жены, Таруской помѣщицы Авдотьи Ивановны Нарышкиной, въ с. Лопатинѣ), провѣдавъ какъ-то, что я въ Москвѣ, и узнавъ, гдѣ я квартировалъ, прислалъ однажды свою карету за мной, и лакей передалъ мнѣ, что князь ждетъ меня къ обѣду. Жилъ онъ на Старой Басманной, насупротивъ церкви Св. Никиты Мученика и наискосокъ отъ дома его брата, князя Михаила Ѳедоровича [1]). Изысканность безъ утрировки въ туалетѣ, вельможность манеръ Версальскихъ традицій, примѣненныя къ Александровской полу-русской эпохѣ, утонченная свѣтскость и вѣжливость, даръ говорить любезности безъ приторностей и придавать интересъ разсказу о самыхъ банальныхъ даже предметахъ, говоръ протяжный и негромкій, умѣніе обворожить при первомъ знакомствѣ собесѣдника, какой бы онъ ни былъ сферы: таковы были общія черты барскаго поколѣнія, родившагося въ Екатерининское время, и таковымъ остался князь Николай Ѳедоровичъ до послѣдняго дня жизни [2]). Глубже блестящей поверхности было вообще мало въ этомъ поколѣніи, но въ свѣтскомъ отношеніи можно, кажется

---

[1]) Разсказывалъ мнѣ князь Николай Ѳедоровичъ, что въ этомъ домѣ указываютъ на одно окно, у котораго, по семейному преданію, отецъ мой имѣлъ привычку садиться и распѣвать свои Французскія и Итальянскія шансонетки и романсы, аккомпанируя себѣ на гитарѣ.

[2]) Онъ умеръ въ Москвѣ въ 1861 году.

мнѣ, отдать предпочтеніе несеріозности этой школы безцеремонному и подчасъ грубоватому обращенію иныхъ изъ нынѣшнихъ передовыхъ и болѣе практичныхъ общественныхъ дѣятелей и недѣятелей. Безукоризненная чопорность наблюдалась княземъ Николаемъ Ѳедоровичемъ, даже во время болѣзни, когда онъ принималъ интимныхъ лишь своихъ друзей въ халатѣ и сидя въ Волтеровскихъ креслахъ, но принималъ ихъ не иначе, какъ послѣ каждоутренней операціи бритья.

Кромѣ меня князь не ждалъ никого къ обѣду въ этотъ день, и все-таки обѣдъ въ гастрономическомъ отношеніи и по сервировкѣ (состоявшей изъ граненаго хрусталя и фарфора съ живописью) былъ таковъ, хоть бы для угощенія любого министра. Невѣроятно, чтобы для столь незначущаго лица, каковымъ былъ я, выставлена была вся эта роскошь, хотя догадываюсь, что появленіе на столѣ пары замороженныхъ бутылокъ Шампанскаго было атенціею ко мнѣ моего амфитріона, которому извѣстна была эта грѣшная моя слабость; но наврядъ ли ошибусь, предполагая, что подобная кулинарная и сервизная обстановка была у него ежедневно: нѣчто въ родѣ Лукуловской, когда Римскій Эпикуреецъ обѣдалъ одинъ.

Изъ вельможническихъ вкусовъ князя Николая Ѳедоровича, удовлетвореніе которыхъ допускало его когда-то значительное состояніе (позднѣе онъ разстроился карточною игрою и жилъ на годовомъ окладѣ въ 3 или 4 тысячи рублей, опредѣленномъ ему его братьями, князьями Александромъ и Михаиломъ Ѳедоровичами), сохранилась у него охота къ картинамъ старинныхъ школъ. Въ небольшой его коллекціи находились весьма хорошія произведенія Французскихъ и другихъ націй живописцевъ XVII и XVIII вѣка, пріобрѣтенныя имъ, чай не дешево, у иностранцевъ, эксплуатировавшихъ Русскихъ баръ въ концѣ прошлаго и въ первой четверти текущаго вѣка. Между прочими картинами помню огромную историческую, кисти одного изъ первоклассныхъ Французскихъ художниковъ, сюжетъ которой былъ заимствованъ изъ жизни Св. Людовика Французскаго короля. Картина эта, какъ былъ увѣренъ ея владѣлецъ, украшала когда-то кабинетъ несчастнаго Людовика XVI, и потому князь намѣревался поднести ее въ богатой рамкѣ съ лиліями Бордоскому герцогу (графу Шамбору). О дальнѣйшей судьбѣ этой картины ничего не знаю, а куплена она была у стараго моего и читателей знакомаго, Итальянца Осипа Карловича Негри, Московскаго торговца художественными и антикварными предметами *). Въ числѣ

*) О. К. Негри поселился въ Москвѣ въ первыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, сдѣлался своимъ человѣкомъ въ аристократическихъ домахъ и переѣхалъ торговать въ Петербургъ въ началѣ 40 годовъ. Въ 1862 году онъ былъ еще живъ.

княжеской коллекціи была довольно замѣчательная картина Итальянской школы XVII вѣка, изображающая королеву Екатерину Медичи съ придворнымъ ея астрологомъ, гадающимъ надъ наполненнымъ сосудомъ.

Но сверхъ салоннаго лоска были у князя Николая Ѳедоровича и мягкія нравственныя стороны. Чувствительность была у него дѣтская, муху не обидитъ; а щедрость его изливалась не только на прислугу (тогда крѣпостную, но утопавшую во всемъ возможномъ довольствіи), но и на всякаго изъ его знакомыхъ, если только тѣ лица не считали за униженіе принять отъ него подарки; а дарить у этого добряка было страстью. Узнавъ на примѣръ, что дочь общаго нашего съ нимъ друга О. А. Тридона начинала учиться на фортепіано, онъ выслалъ ей изъ Москвы въ Тарусу инструментъ; а мнѣ онъ подарилъ на память замѣчательный эскизъ хорошаго Французскаго (или Голандскаго) живописца съ подлинною его подписью, представлявшій всемірный потопъ. Поговорка: каковъ попъ, таковъ и приходъ, примѣнялась къ излюбленному и немного избалованному его камердинеру Ѳедору, малому съ элегантными манерами и съ нѣкоторою долей развитости. Правду сказать, вѣдь житье было барскимъ фаворитамъ и при крѣпостномъ правѣ *)!

Такъ какъ въ то время я намѣревался возобновить, при новомъ и столь милостиво уже высказавшемся царствованіи, дѣло о взятіи моего имѣнія въ вѣдомство государственныхъ имуществъ помимо публичныхъ торговъ, а для достиженія этой цѣли иного пути не было какъ черезъ Коммиссію подачи прошеній, то князь Николай Ѳедоровичъ снабдилъ меня теплымъ письмомъ къ брату своему князю Александру Ѳедоровичу, статсъ-секретарю въ этой коммиссіи. Послѣдняя эта попытка не удалась мнѣ, какъ о томъ разскажу въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь упомяну, что князь Александръ Ѳедоровичъ былъ въ тоже время предсѣдателемъ слѣдственной и секретной коммиссіи по дѣлу о безумномъ заговорѣ нѣсколькихъ Малороссійскихъ студентовъ Петербургскаго и Московскаго университетовъ, цѣлью коего было отторгнуть отъ Россіи Малороссію и изъ послѣдней сдѣлать независимое государство.

*) Въ подтвержденіе этой истины напоминаю, что у одного моего пріятеля, убогаго Зарайскаго помѣщика Д. Н. Апраксина, былъ изъ дворовыхъ молодчина кучеръ Архипъ, привыкшій жить на высокой платѣ у Московскихъ купцовъ. Когда Н. А. Дивовъ поселился въ Городищѣ и искалъ хорошаго кучера, сосѣдъ его, упомянутый Д. Н. Апраксинъ, поручился за своего Архипа, а мнѣ сказалъ: „Хотя я и охотникъ до лошадей и мнѣ сподручно бы было оставить у себя Архипку, но жаль обидѣть парня; онъ вѣдь привыкъ къ хорошему жалованію, а этого я не въ состояніи дать ему“.

Подробности заговора остались тайной для публики, и неизвѣстно также, были ли эти юные конспираторы въ сношеніи съ Лондонскими Герценистами. Въ обществѣ былъ говоръ, что въ Петропавловскихъ казематахъ сидѣло значительное количество этой молодежи. Украинофильство или, точнѣе, малороссофильство, было тогда въ ходу и привилось, какъ модная страсть, къ нѣкоторымъ чисто-великороссійскимъ юношамъ, изъ числа которыхъ я знавалъ одного Москвича. Этому отчасти, хотя конечно безсознательно, способствовалъ нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ. Его апоѳеозъ Юрія Хмельницкаго и другія, можетъ быть, журнальныя статьи развивали это увлеченіе; а что̀ до него лично, мнѣ сообщилъ одинъ достовѣрный человѣкъ, что популярность Н. И. Костомарова въ Малороссійскихъ губерніяхъ доходила до того, что тамошніе жители заказывали чайные сервизы съ его портретомъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что, одновременно съ этимъ малороссофильствомъ, Польская молодежь въ югозападномъ (вѣроятно, и въ сѣверозападномъ) краѣ вдалась въ казакофильство и мечтала о возстановленіи Запорожской Сѣчи совокупно съ возстановленіемъ границъ старой Рѣчи Посполитой. Цѣль была, конечно, враждебная Русскому правительству, но въ тоже время и демократическая, и какъ шляхетскій протестъ противъ высшей Польской аристократіи. За одно ли было съ Польско-католическимъ казакофильствомъ православное украинофильство, сказать не могу; но немудрено, что первое, маскируя настоящую свою цѣль, успѣло заманить въ свой лагерь кое-кого изъ чисто-Малороссійскихъ патріотовъ*). Цѣли были разныя, но оба направленія сходились въ одномъ: отдѣлиться, во что бы ни стало, отъ Россіи.

Носился также въ то время слухъ, что Тверской губернскій предводитель Унковскій сочинилъ какой-то проектъ объ эманципаціи крестьянъ на выгодныхъ будто бы условіяхъ для обѣихъ сторонъ, и этотъ проектъ распространился въ публикѣ до того, что Государь вызвалъ автора его въ Петербургъ и имѣлъ будто бы съ нимъ продолжительный разговоръ, исходъ котораго не отозвался однакоже особенно благопріятно для Тверского предводителя, потому что онъ былъ сосланъ на время въ одну изъ отдаленныхъ губерній. А вѣдь это былъ тотъ самый лѣнивый студентъ Унковскій, другъ и товарищъ по Московскому университету въ концѣ 40-хъ годовъ Костромскому моему сосѣду Сергѣю Никаноровичу Кетову. Напоминаю, что Унковскій

*) Изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей этого полонизованнаго казакофильства былъ извѣстный Чайковскій, бѣжавшій въ Турцію и тамъ сдѣлавшійся ренегатомъ подъ именемъ Садыкъ-паши; онъ принялся организовать Задунайскихъ казаковъ-раскольниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Некрасовцевъ.

школьничалъ на Тверскомъ бульварѣ въ тѣ часы, когда его товарищи были на лекціяхъ; а дабы отвлечь отъ себя подозрѣніе въ этихъ проказахъ, онъ тутъ же притворялся заснувшимъ на скамьѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ, какъ малый способный, наверстывалъ потерянное время, заимствуясь тетрадями своихъ товарищей, и всегда блистательно выдерживалъ экзамены. Въ концѣ 50 годовъ онъ уже успѣлъ отрекомендовать себя въ своей губерніи, а послѣ реформы 19 Февраля 1861 г. онъ бросился въ ультра-либеральную тенденцію и сдѣлался безплатнымъ адвокатомъ крестьянъ въ Рязанской даже губерніи, при составленіи уставныхъ грамотъ.

Въ самомъ разгарѣ предварительныхъ работъ къ близкому уже обнародованію крестьянской реформы распространилась въ читающей публикѣ книга одного извѣстнаго Французскаго публициста Токвиля, озаглавленная «L'ancien régime et la révolution». Аллармиство горячо ухватилось за эту книгу, примѣняя къ Россіи сказанное въ ней, что Французская революція сдѣлалась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ правительственной неурядицы, продолжавшейся весь XVIII вѣкъ. Выводъ этотъ не новый и извѣстенъ всякому даже гимназисту; но дѣло въ томъ, что наши ворчуны какъ будто бы забывали, что уступки и прочія реформы были вымучены у Людовика XVI насильственно и потому слишкомъ уже опоздали, между тѣмъ какъ нашъ царь добровольно предпринялъ иниціативу въ столь важномъ дѣлѣ, дабы отстранить возможность будущаго кризиса. Въ это же самое время у нашихъ пессимистовъ и тормазчиковъ ходила по рукамъ копія съ мнимаго письма Гизо къ нашему Государю, въ которомъ Французскій государственный мужъ будто предостерегалъ великодушнаго монарха объ опасности задуманной имъ реформы, потому-де, что она не будетъ оцѣнена даже тѣмъ сословіемъ, въ пользу котораго она должна состояться, и на практикѣ не окажется плодотворною по извѣстной политической аксіомѣ, что народныя эманципаціи совершаются не иначе какъ съ боя, то есть, снизу вверхъ, а не сверху внизъ. Эта парадоксальная аргументація приходилась, разумѣется, по нутру этимъ господамъ; но скоро пришлось имъ разочароваться, когда бывшій министръ Людовика-Филиппа, узнавъ о существованіи приписываемаго ему письма, отрекся отъ него въ газетахъ.

Оставляю въ сторону на нѣкоторое время ходъ внутренней нашей политики и перейду, для разнообразія, въ художническій міръ.

Шуринъ мой Нарышкинъ досталъ мнѣ входный билетъ въ картинную галлерею Кокорева, недоступную для всей публики. Это было величайшимъ для меня наслажденіемъ послѣ тринадцатилѣтняго отчужде-

нія (съ 1847 г.) отъ всего, что̀ походило на художество. Въ одной изъ залъ отборной этой коллекціи вся стѣна была увѣшана снизу до верху пятью твореніями геніальнаго Карла Павловича Брюлова. Въ срединѣ стѣны поражалъ зрителя портретъ во весь ростъ графини Юліи Павловны Самойловой, сходившей съ лѣстницы Миланскаго театра въ маскарадномъ костюмѣ и съ маскою въ рукѣ, и къ ней прижималась прелестная ея воспитанница Джіованнина, дѣвочка 13 или 14 лѣтъ въ костюмѣ Гречанки [1]). Картина была недокончена, но пылала жизнію, какъ все, что̀ выходило изъ-подъ кисти неподражаемаго нашего художника, и непонятно мнѣ, какъ могла графиня Самойлова (еще въ живыхъ въ 1860 г.) разстаться съ этимъ сокровищемъ, и какъ могло оно попасть къ откупщику Кокореву. Съ обѣихъ сторонъ портрета висѣли, по два съ каждой стороны, эскизы овальной формы портретныхъ головокъ императрицы Александры Ѳеодоровны и трехъ ея красавицъ-дочерей. Говорю эскизы, потому что лѣнивый подъ часъ Карлъ Павловичъ не докончилъ никогда (на сколько мнѣ извѣстно) начатыхъ имъ портретовъ молодыхъ великихъ княгинь (или еще княженъ) и тѣмъ навлекъ на себя вполнѣ заслуженное негодованіе августѣйшаго ихъ родителя. Таковъ онъ былъ: независимая и незаискивающая эта натура не преклонялась ни передъ золотымъ тельцомъ, ни передъ кумиромъ придворныхъ почестей. Впрочемъ, безцеремонная его выходка съ царскою семьею не подвергла его никакимъ дальнѣйшимъ непріятностямъ кромѣ той, что Государьересталъ посѣщать его мастерскую. Не скрываю, что когда я неожиданно очутился передъ этой волшебной стѣною, не профанированною ничьею другою кистью, я прослезился отъ волненія.

Несправедливо однакоже будетъ умалчивать и о другихъ замѣчательныхъ произведеніяхъ, тутъ же собранныхъ. Выдавались особенно нѣсколько морскихъ видовъ большого размѣра нашего Айвазовскаго и двѣ пейзажныя его попытки, настоящіе «tour de force» [2]) по однообразію выбранныхъ имъ сюжетовъ. Первая представляла знойный полдень въ украинской степи во время жатвы, а вторая — обозъ чумаковъ, медленно подвигающійся по гололедкѣ, и съ одного бока Жидовская корчма, составляющая единственный выдающійся предметъ на плоскомъ горизонтѣ. Но бо̀льшею рѣдкостію между произведеніями отечественнаго художества можно было назвать два первоначальные этюда Иванова: голова Предтечи и Еврейскаго мальчика. Послѣдній изъ нихъ

---

[1]) Молодую эту Итальянку графиня Юлія Павловна выдала позднѣе замужъ, наградивъ ее щедро.

[2]) Фокусы.

очень типиченъ и одушевленъ, и почти жаль, что Ивановъ повторилъ его съ замѣтными уже варіантами въ настоящей своей картинѣ «Проповѣдь Іоанна Предтечи.» Были также четыре или пять ландшафтовъ знаменитаго Швейцарца Калама (такого числа собранныхъ вмѣстѣ я нигдѣ не видалъ), и они стоили конечно Кокореву немалыхъ денегъ [1]). Два, кажется, жанровые сюжета; одинъ представлялъ лошадей въ запряжкѣ и пашущими, а другой со стадомъ или табуномъ лошадей; обѣ картины были работы Французской дѣвицы Розы Бонёръ (Rosa Bonheur), исключительно писавшей животныхъ. Двѣ большія картины нашего современника Сверчкова, изображающія извѣстное, скажу даже шумное, событіе въ жизни хозяина коллекціи, когда онъ, по окончаніи Крымской войны, устроилъ торжественную встрѣчу прибывшимъ въ Москву доблестнымъ Севастопольскимъ морякамъ-защитникамъ и по царски угощалъ ихъ у себя [2]). Одна изъ этихъ картинъ изображала санный поѣздъ тройками, на которыхъ размѣщены были моряки и ихъ угоститель-коммерсантъ; всѣ эти лица были, какъ слѣдовало, портреты. Сюжета второй картины не помню.

Домъ Кокорева находится гдѣ-то за Покровкой въ глухомъ переулкѣ, неподалече отъ дома прежняго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [3]), былъ построенъ въ старо-боярскомъ стилѣ, и съ боку возвышалось нѣчто въ родѣ терема съ кровлею изъ какого-то особеннаго блестящаго металла, да чуть ли не по мѣстамъ позолоченнаго. Внутренняя архитектура, мебель и орнаменты соотвѣтствовали тому же стилю и старобоярскому домовому быту; не были забыты даже и палати. Одна обширная горница была приспособлена къ аудиторіи въ виду засѣданій для какихъ-то «Русскихъ бесѣдъ,» литературныхъ или по предметамъ сельскаго хозяйства, и въ центрѣ этой ротонды со скамейками возвышалась каѳедра съ конторкою (бюрò) для чтеца. Всѣ эти предметы, какъ и потолокъ съ наружными балками, были изящной рѣзьбы. Осуществились ли предполагаемыя бесѣды, не знаю; но, спустя три-четыре года, Кокоревъ продалъ свои хоромы и перенесъ картинную коллекцію въ другой свой домъ, но и послѣдній онъ вскорѣ про-

---

[1]) По мнѣнію моему, нынѣшній нашъ (въ 70-хъ годахъ) пейзажистъ Шишкинъ превзошелъ Калама, долго считавшагося почти что неподражаемымъ.

[2]) Разсказывали, и помнится мнѣ, что это было даже въ газетахъ, что Кокоревъ при этой встрѣчѣ благодарилъ храбрыхъ моряковъ отъ имени всей Россіи: выходка, показавшаяся мнѣ тогда болѣе чѣмъ странною, даже заносчивою. Кто же уполномочивалъ милліонера разыгрывать роль представителя всѣхъ сословій отечества?

[3]) Архивъ помѣщается съ прошлаго (1874) года въ зданіи нарочно выстроенномъ на углу Моховой и Воздвиженки.

далъ, чѣмъ и кончилось, къ сожалѣнію, существованіе для публики его галлереи.

Я давно уже слыхалъ о портретистѣ Зарянкѣ, тогда директорѣ Московскаго художественнаго класса (что̀ на Мясницкой), и я настолько былъ пораженъ новостію его пошиба въ портретѣ покойнаго Александра Дмитріевича Черткова (единственной его работѣ, которую случилось мнѣ видѣть дотолѣ), что пожелалъ лично съ нимъ познакомиться и отправился въ его мастерскую. Онъ ничуть не удивился посѣщенію незнакомца и принялъ меня, какъ принимаютъ заграничные художники всякаго незнакомаго аматёра, то-есть сочувственно и безцеремонно, съ палитрою на большомъ пальцѣ и стоя передъ мольберомъ, на которомъ онъ писалъ портретъ молодой дѣвушки, дочери генерала Мясоѣдова. Легко всегда сойтись съ талантливымъ человѣкомъ, и чрезъ какихъ-нибудь пять минутъ мы бесѣдовали объ искусствѣ вообще, какъ бы старинные знакомые. Мое мнѣніе о Зарянкѣ таково. Онъ былъ своего рода труженикъ и уже никакъ не спекулировалъ на свою кисть; въ противномъ случаѣ онъ не писалъ бы по одному портрету въ теченіи шести и болѣе мѣсяцевъ. Оговариваюсь, что мое выраженіе о его труженичествѣ не слѣдуетъ принимать въ неблагопріятномъ для него смыслѣ, т.-е. въ отрицаніи въ немъ таланта, и не въ томъ значеніи какъ я примѣняю это выраженіе къ Иванову; потому что въ историческомъ творчествѣ требуется непремѣнно вдохновеніе, а не одно труженичество, тогда какъ въ живописи съ натуры можно обойтись и безъ вдохновенія. Говорю можно обойтись, но можно и допустить сдержанное въ извѣстныхъ границахъ вдохновеніе, лишь бы оно не увлекалось фантазіею въ ущербъ строгой копировки живого подлинника. Зарянка раболѣпно передавалъ на холстѣ, безъ всякихъ, такъ сказать, разсужденій, натуру; и передавалъ онъ одинаково то что̀ было въ ней хорошаго и дурного; копировалъ онъ все это мозаично и за иллюзіею вымышленнаго эфекта не гнался, и все-таки детальные эфекты выходили у него рельефно, когда онъ усматривалъ ихъ въ живомъ подлинникѣ или въ аксессуарахъ. И чѣмъ прилежнѣе онъ выполнялъ копотную и сухую задачу копировки, тѣмъ болѣе безсознательно придавалъ жизни своему труду: тутъ всякое творчество неумѣстно. Не спорю, что иные его портреты отзываются нѣкоторою сухостію въ линіяхъ, въ контурахъ; встрѣчается даже неграціозность въ позахъ; но за то въ этихъ самихъ позахъ никакой афектаціи, никакой театральной пластики нѣтъ. Портреты Брюлова поражаютъ зрителя больше нежели Зарянкины, потому что первые эфектнѣе, а эфектнѣе они потому что не безъ примѣси поэзіи; да и кромѣ того, вы ви-

дите разгулъ мастерской кисти, и васъ ослѣпляетъ волшебство (не рѣдко пестроватое) колорита. Это все такъ; но нельзя не сказать, что геніальность Брюлова всегда сумѣла замаскировать декоративность его манеры. Для тонкихъ знатоковъ въ искусствѣ она явна, а непосвященные никогда не подмѣтятъ ея. Безспорно, что стоитъ Брюловъ выше Зарянки въ искусствѣ; но что̀ до меня, послѣдній вопреки встрѣчающейся въ немъ сухости (да и то не всегда) ближе къ натурѣ. У него ли́ца (хотѣлось бы мнѣ сказать персоны) выходятъ изъ рамки, или какъ бы позируютъ за пустой рамкою, между тѣмъ какъ у Брюлова вы восхищаетесь его произведеніемъ, но всетаки не забываете ни на секунду, что рамка включаетъ въ себѣ натянутый холстъ. Зарянка доходитъ до смѣшнаго даже совершенства въ иллюзіи деталей; напримѣръ, когда онъ пишетъ какого-нибудь господина съ шляпою въ рукѣ или на головѣ, вы можете опредѣлить, какая это шляпа, пуховая или касторовая. Одинъ мой знакомый видѣлъ Зарянкинъ портретъ какого-то военнаго; въ пуговицѣ мундира отражался предметъ, находившійся за открытымъ окномъ, у котораго позировалъ этотъ военный. Художникъ не счелъ себя въ правѣ пропустить даже и это видѣнное имъ отраженіе и на эту мелочь употребилъ усидчивый миніатюрный трудъ. Манеру свою Зарянка не могъ передать удовлетворительно никому изъ своихъ учениковъ *).

Въ половинѣ Марта Н. А. Дивовъ пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга, гдѣ онъ провелъ зиму. Онъ уже не находился на дѣйствительной службѣ, хотя и числился по коннозаводству и носилъ генеральскіе эполеты. Собираясь обратно въ Невскую столицу, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ, онъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ на его счетъ и жить въ Петербургѣ на его квартирѣ. Предложеніе это я принялъ съ восторгомъ уже потому, что со времени открытія Николаевской желѣзной дороги въ 1851 году ни разу еще не случалось мнѣ прокатиться по ней, а вовторыхъ потому, что оно давало мнѣ возможность лично ходатайствовать въ Комиссіи прошеній по дѣлу о вознаграждении за причисленіе моего имѣнія въ 1849 году къ Министерству Государственныхъ Имуществъ. Кузенъ мой взялъ особое въ вагонѣ отдѣленіе: роскошь, стоившую 200 (кажется) рублей. И не снилось мнѣ никогда о столь комфортабельномъ способѣ путешествія. Тутъ была настоящая комната съ диваномъ, стульями, съ

*) Въ эти послѣднія пять-шесть лѣтъ замѣчателенъ сдѣлался молодой портретистъ (въ Москвѣ) Шервудъ. Онъ успѣшно присвоилъ себѣ ширь контуровъ и блескъ палитры Брюлова съ оконченностью деталей на манеръ Зарянки. Удивляюсь, какъ мало о немъ говорятъ газеты.

ломбернымъ столомъ и съ печкою въ углу. Едва тронулись мы въ путь, какъ къ намъ взошла Марія Алексѣевна Бабина (жена Ивана Александровича, Раненбургскаго помѣщика и извѣстнаго скотовода), случайно узнавшая, что Дивовъ ѣдетъ съ тѣмъ же поѣздомъ, какъ она. Посидѣла она съ нами недолго, и когда хотѣла уходить, потому что съ нею ѣхала во 2-мъ классѣ г-жа Акимова, кузенъ мой, какъ любезный кавалеръ, попросилъ Марію Алексѣевну пригласить отъ его имени ея спутницу пожаловать къ намъ въ вагонъ вмѣстѣ съ нею, чтобы отъ скуки ради составить табельку (преферансъ), хотя ни онъ, ни я не были знакомы съ госпожею Акимовой. Она приняла предложеніе, и черезъ нѣсколько минутъ обѣ дамы взошли къ намъ, и мы засѣли вчетверомъ за карточный столъ. Новую мою знакомую (умнѣйшую личность) звали Надежда Николаевна Акимова. Это весталка не первой уже молодости, землевладѣлица небольшой, но хорошо устроенной, какъ слышно, усадьбы въ Скопинскомъ уѣздѣ, гдѣ она пользуется нѣкоторымъ значеніемъ. У нея двѣ сестры, моложе ея, монахинями въ Рязани, гдѣ, странно сказать, отецъ ихъ поселился съ дворовою, вѣроятно, своею челядью, и умеръ въ выстроенномъ имъ въ оградѣ своемъ домѣ, что̀ неблагопристойно, по моему, въ женскомъ монастырѣ. При ограниченныхъ средствахъ Надежда Николаевна живетъ очень прилично, съ элегантною даже обстановкой, а главное, никому не должна ни копѣйки. Она издавна пріѣзжаетъ каждую зиму на шесть мѣсяцевъ въ Москву, вдвоемъ съ своею горничной, и останавливается всегда въ меблированныхъ комнатахъ на Тверской, въ домѣ Голяшкина, гдѣ я сблизился съ нею, такъ какъ съ 1869 года я почти всегда провожу зимніе мѣсяцы въ номерахъ того же содержателя Руднева. Въ зимнее свое пребываніе въ Москвѣ Надежда Николаевна не отказываетъ себѣ въ общественныхъ удовольствіяхъ, посѣщаетъ Итальянскую оперу и концерты и разъѣзжаетъ по своимъ знакомымъ въ наемной каретѣ, а послѣ Святой возвращается на лѣто въ свое Скопинское гнѣздо и тамъ накопляетъ деньжонокъ для будущаго Московскаго зимняго сезона. Не имѣя близкихъ родственниковъ, она сдѣлала распоряженіе (это я слышалъ не отъ нея, а отъ посторонних), по которому вся ея усадьба и земля, оставшаяся сверхъ крестьянскаго надѣла, поступаютъ, по ея смерти, во владѣніе крестьянъ, подъ нѣкоторыми заранѣе выговоренными условіями. Этого достаточно, чтобы дать понятіе о дорожной нашей компаньонкѣ.

Выѣхавъ изъ Москвы въ 11 часовъ утра, мы незамѣтно провели весь день за зеленымъ сукномъ, за исключеніемъ обѣда на Бологовской станціи, и не ранѣе какъ въ 3-мъ часу полусонныя наши парт-

нерки отретировались къ своимъ мѣстамъ, во 2-мъ классѣ. Я растянулся на диванѣ, а кузенъ мой чуть ли не на своей дорожной складной кровати и, проснувшись въ семь часовъ, комфортабельно напился чаю на какой-то станціи, гдѣ поѣздъ останавливался на двадцать минутъ, а въ 10 часовъ мы въѣзжали въ Петербургскій вокзалъ, гдѣ Н. И. Колесовъ [1]) ожидалъ насъ съ каретою, такъ что не видалъ я, какъ время протекло изъ Москвы до Питера. Квартира Дивова была на Мойкѣ, у Конюшеннаго моста, черезъ два дома отъ Машкова переулка.

Какъ я ни былъ утомленъ отъ малаго спанья въ дорогѣ, но умывшись поспѣшилъ осмотрѣть недавно открытый и освященный Исаакіевскій соборъ, этотъ музей всѣхъ отраслей Русскаго художничества, кромѣ одного зодчества, такъ какъ въ этомъ отношеніи храмъ не соотвѣтствуетъ обрядности Восточной церкви, и его стиль ничто иное, какъ подражаніе нѣкоторымъ католическимъ (по не готическимъ) базиликамъ, и въ особенности Парижской церкви Святой Женевьевы. Лишнимъ считаю перечесть здѣсь всѣ художественныя сокровища, заключающіяся въ этомъ храмѣ, но съ прискорбіемъ отмѣчу, что, не взирая на устройство зимняго отопленія, сырость значительно повредила многимъ стѣннымъ картинамъ, находящимся на большомъ возвышеніи (на пилястрахъ и подъ карнизомъ), вопреки взятой осторожности, т. е. набивкѣ толченымъ углемъ пустаго пространства между этими картинами и стѣною. Изъ наиболѣе поврежденныхъ замѣчена была мною «Нагорная проповѣдь Спасителя», одна изъ лучшихъ композицій Петра Васильевича Басина, нашего Андрея-дель-Сарто [2]). Отъ сырыхъ испареній не расходится, какъ слышно, сплошной туманъ въ самомъ куполѣ съ весны до половины лѣта, и изъ этого можно предвидѣть, какой участи ожидаютъ въ недальнемъ будущемъ труды Брюлова въ куполѣ, имъ расписанномъ до самаго фонаря, и подкупольные геніальные четыре его евангелиста. Существуетъ молва, что весь храмъ постепенно осаживается; но такъ какъ иные отвергаютъ это обстоятельство, то неизвѣстно, на чьей сторонѣ правда.

Не успѣлъ я еще сказать, что съ конца 1859 года Николай Адріановичъ уговорилъ своего брата-отшельника Александра Адріановича

[1]) Напоминаю, что Н. И. Колесовъ (въ 1860 году онъ уже былъ „ваше превосходительство"), сынъ артиллерійскаго полковника, стоявшаго со своею ротой въ Тарусѣ въ 20-хъ годахъ, женился въ 1849 году на воспитанницѣ Дивовыхъ Зенаидѣ Николаевнѣ.

[2]) Андрей-дель-Сарто, столбъ Флорентинской школы XVI вѣка, чуть ли не превосходитъ самаго Рафаэля безукоризненностью рисунка. Этимъ самымъ, если не колоритомъ, отличается и П. В. Басинъ.

переселиться совсѣмъ изъ Городища въ Петербургъ. Такъ какъ Николай Адріановичъ часто и на долго отлучался изъ своего имѣнія, то онъ не безъ причины страшился оставлять въ деревенской глуши семидесятилѣтняго своего брата безъ всякаго медицинскаго пособія [1]). Переѣхалъ было въ Питеръ этотъ отшельникъ со всею своей громадною библіотекой и нанялъ годовую квартиру, неподалече отъ братниной, въ Большой Конюшенной; но не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ ему почудилось, что его финансы не дозволяютъ ему жить въ Сѣверной Пальмирѣ (а этотъ холостякъ получаетъ исправно отъ своего брата 4500 рублей въ годъ). И вотъ, лѣтомъ того же 1860 года, онъ возвратился уже окончательно въ свою Городищенскую келью. На этотъ переѣздъ и на эфемерное свое пребываніе въ Питерѣ онъ истратилъ, пожалуй, около половины всего своего годового дохода. Во время составленія экономическихъ своихъ соображеній въ Петербургѣ, онъ придумалъ было переселиться въ Выборгъ, гдѣ, какъ его увѣряли, жизнь неимовѣрно дешева.

Опоздалъ я, къ сожалѣнію, нѣсколькими днями къ интересному публичному диспуту между М. П. Погодинымъ и Н. И. Костомаровымъ о Варяжскомъ происхожденіи Руси, для котораго пріѣхалъ въ Петербургъ нашъ Московскій историкъ-ветеранъ. Петербургскій его противникъ утверждалъ, какъ извѣстно, что никакого Нормандскаго происхожденія не было въ Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, и что они были Жмудскими выходцами, чего не смогъ переварить Московскій оппонентъ, полувѣковой (со временъ Каченовскаго) поборникъ Варяжской Руси, и вотъ на какую тему состоялся диспутъ. Ни тотъ, ни другой не убѣдили другъ друга, какъ можно было ожидать; но диспутанты, какъ люди благовоспитанные, сошлись и разошлись пріятелями [2]). Не безъ остроты отозвался о диспутѣ одинъ изъ сатирическихъ и иллюстрированныхъ листковъ того времени. На подмосткахъ подсудимыхъ изображены были три растрепанныхъ субъекта, съ доскою у каждаго на груди и надписью: «Варяги, не помнящіе ни роду, ни племени», а подъ картинкою было добавленіе, что, такъ какъ въ настоящемъ разбирательствѣ, такого-то числа Марта 1860 года, судъ не могъ придти къ единогласному

[1]) Въ настоящее время (въ 1875 г.) нашъ эксъ-іезуитъ здравствуетъ и продолжаетъ вести въ томъ же Городищѣ еще болѣе уединенную жизнь, и хотя онъ на чистый воздухъ никогда не выходитъ, но не обремененъ недугами и, какъ говорятъ, хорошо ѣстъ и спитъ. Ему, должно быть, минуло 85 лѣтъ.

[2]) Михаилъ Петровичъ разсказываетъ, что они оба пріѣхали въ одной каретѣ на этотъ диспутъ и что дорогою условились, какъ вести имъ пренія.

заключенію о судьбѣ подсудимыхъ, то засѣданіе отсрочивается впредъ до таковаго же числа Марта 2860 года, то-есть черезъ 1000 лѣтъ.

Пріѣхали мы въ Петербургъ наканунѣ Благовѣщенія, приходившагося въ тотъ годъ на Вербной недѣлѣ, а такъ какъ на слѣдующій день послѣ праздника былъ горестный для меня день кончины моей дочери, то я, отслушавъ раннюю литургію въ Казанскомъ соборѣ, заказалъ панихиду, подъ конецъ которой, откуда ни возьмись, бывшій мой Рязанскій сослуживецъ, Александръ Ивановичъ Протасьевъ, высказавшій мнѣ столь много родственнаго участія въ Рязанской моей катастрофѣ и взявшійся быть распорядителемъ похоронами моей Анны. По какому случаю онъ очутился тутъ и въ такой ранній часъ, не помню; но случайность эта показалась мнѣ знаменательною и утѣшительною въ томъ смыслѣ, что здѣсь, на чужбинѣ, очутился человѣкъ, знавшій вблизи это чистое существо. А. И. Протасьевъ женился не задолго передъ тѣмъ на одной красавицѣ, графинѣ Толстой, и служилъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

Казанскій соборъ внушаетъ мнѣ краткое отступленіе.

У меня издавна была страстишка просвѣщать крѣпостныхъ моихъ личардовъ. Первые два опыта надъ Порзненскимъ Василіемъ Ваваевымъ и Игнатовскимъ Тимошкой были неудачны: тотъ и другой спились, и я ихъ прогналъ. На этотъ разъ былъ при мнѣ славный парень, 18 или 19 лѣтъ, изъ Знаменскихъ крестьянъ, Павелъ Чухлимовъ. И вотъ въ Страстную Пятницу пошли мы вдвоемъ поклоняться плащаницамъ по разнымъ церквамъ, да кстати и сравнить убранство ихъ. Въ Казанскомъ соборѣ я, указывая моему Павлу на могилу Кутузова, спросилъ его, слыхалъ ли онъ о знаменитомъ этомъ полководцѣ. «Какъ же-съ», отвѣчалъ онъ: «говорятъ, что онъ зналъ *о часъ прохода планиды Господней*». Тутъ уже не онъ, а я научился чего-то новаго отъ него.

Удивились и обрадовались моему появленію на Невскихъ берегахъ княгиня Марія Семеновна Черкасская и ея дочь, баронесса Марія Петровна Бюлеръ, и особенно радушно принялъ меня Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ, снисходительно когда-то смотрѣвшій на Одесскія мои шалости. На Страстной недѣлѣ княгиня Марія Семеновна доставила мнѣ рѣдкій случай услышать хоръ Шереметевскихъ пѣвчихъ, дирижёромъ которыхъ былъ знаменитый композиторъ церковной музыки Ломакинъ. Въ домовую графскую церковь имѣли входъ одни его знакомые, и не будь этого случая, не слыхать бы мнѣ никогда этого хора, который въ выборѣ голосовъ соперничалъ съ придворною ка-

пеллой. Можно было пожалѣть лишь о томъ, что пѣніе было слишкомъ огласительно для небольшого размѣра домовой церкви. Выходя оттуда послѣ одной изъ службъ, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ Калужскою моею ученицей Итальянскаго языка, Олимпіадою Семеновною Яковлевой, которая такъ и ахнула; меня же эта встрѣча не особенно поразила, такъ какъ я зналъ, что она проживала въ Петербургѣ у своей бабушки, княгини Софіи Егоровны Вяземской [1]). «Бабушка, бабушка, графъ Бутурлинъ здѣсь!» закричала эта чудная молодая дѣвушка во всеуслышаніе. Княгиня, уже спускаясь съ лѣстницы, подошла ко мнѣ и дружелюбно просила меня навѣщать ее какъ можно чаще, начиная съ этого же дня. И такъ, вотъ уже былъ третій домъ въ Петербургѣ, всегда открытый для меня.

Хотя Пасха была въ самомъ началѣ Апрѣля, но погода стояла почти что лѣтняя, а въ Понедѣльникъ на Святой разразилась сильнѣйшая гроза и полилъ теплый дождь. Никакихъ слѣдовъ снѣга давно не было, Нева совершенно очистилась ото льда, и мы гуляли въ однихъ пальто, тогда какъ въ патріархальной Бѣлокаменной на Страстной недѣлѣ еще стояли по обѣимъ сторонамъ улицъ коричневые снѣжные курганы, стѣсняющіе проѣздъ экипажей.

Спустя нѣсколько дней, я посѣтилъ князя Александра Ѳедоровича Голицына и вручилъ ему рекомендательное письмо его брата князя Николая Ѳедоровича. Братья были очень дружны между собою; князь Александръ Ѳедоровичъ принялъ меня такъ ласково и отнесся къ моему дѣлу такъ сочувственно, какъ я никакъ не могъ ожидать отъ Петербургскаго высокопоставленнаго сановника, котораго я видѣлъ въ первый разъ въ жизни [2]). Онъ обѣщалъ мнѣ сдѣлать все зависящее отъ него по моему дѣлу предъ Государемъ, у котораго князь былъ въ милости, и я было успокоился, что если и не возвратятъ мнѣ всей стоимости моего имѣнія, то получу по крайней мѣрѣ какое нибудь денежное вспомоществованіе; и какъ бы ни малозначительна могла быть эта

[1]) Напоминаю, что княгиня С. Е. Вяземская, урожденная Панина, а по первому мужу Тимашева-Берингъ, была мать Меропы Александровны Новосильцовой, Зенаиды Александровны Яковлевой, г-жи Колокольцовой и незамужней Фелониды Александровны. Отъ втораго мужа ея остался въ живыхъ одинъ только князь Григорій Николаевичъ Вяземскій.

[2]) Ужасное несчастіе постигло князя Александра Ѳедоровича нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Единственный его сынъ, сопровождая Великаго Князя Константина Николаевича, при которомъ онъ находился адъютантомъ, катался въ шлюбкѣ по открытому морю близъ Кронштадта; поднялась сильная буря, и молодой князь Голицынъ утонулъ. Ужъ за то и досталось, какъ говорятъ, Великому Князю отъ державнаго его родителя.

сумма, но въ тогдашнихъ моихъ обстоятельствахъ, даже тысченки три-четыре, и тѣ были бы истиннымъ для меня кладомъ.

Изъ старыхъ моихъ знакомыхъ я не рѣшился посѣтить Авраама Сергѣевича Норова, боясь его безпокоить; къ тому же жена его Варвара Егоровна (рожденная Панина, младшая сестра вышепомянутой княгини С. Е. Вяземской) была при смерти и скоро скончалась. Бывалъ я нѣсколько разъ у Паленовъ. Графиня Вѣра Григорьевна (читатель помнитъ ли, что она была первою моею пассіею?) была еще неимовѣрно хороша по ея лѣтамъ (ей было 51 или 52 года), и мужъ ея, графъ Ѳедоръ Петровичъ, былъ свѣжъ въ умственныхъ способностяхъ и довольно еще бодръ физически; хотя ему было много за 70 лѣтъ, но онъ сильно страдалъ желчью, чтò и видно было по бѣлкамъ глазъ. У меня же съ графиней Вѣрою Григорьевною была общая больная струна: три или четыре года передъ тѣмъ она лишилась взрослой дочери Алеки, рѣдкой, какъ говорятъ, красоты, скончавшейся отъ скоротечной болѣзни, точь въ точь какъ моя Анна*). На одномъ вечерѣ у Паленовъ я, единственный разъ въ жизни, видѣлъ канцлера графа Нессельроде. Это былъ маленькій, сухощавый, живой еще старичекъ и очень рѣчистый; но ничего, на сколько помнится мнѣ, не было имъ тогда сказано, чтò бы стоило быть записаннымъ. На другомъ вечерѣ у нихъ же сидѣлъ графъ Петръ Петровичъ Паленъ, и я пожиралъ глазами доблестнаго ветерана столь многихъ нашихъ войнъ и славнаго дипломата; онъ же и былъ моимъ корпуснымъ командиромъ въ Турціи въ 1829 году, но тогда не удалось мнѣ никогда его видѣть. Осанка его была величава, высокій ростъ не сгорбился еще отъ бремени годовъ, и на высокомъ его челѣ и сухощавомъ и продолговатомъ лицѣ не видать было морщинъ; глаза были открытые и носъ немного орлиный. Словомъ, отъ этого человѣка вѣяло рыцарствомъ и солдатскою прямотою. Когда графъ Ѳедоръ Петровичъ представилъ меня ему, онъ подарилъ меня такою привѣтливою улыбкой, что какъ бы подумалъ: «это изъ нашинскихъ», и не преминулъ сказать мнѣ что-то пріятное о моихъ родителяхъ, которыхъ онъ помнилъ, будучи еще очень молодымъ офицеромъ. Разговоръ между братьями шелъ о событіяхъ дня и коснулся нѣкоторыхъ военныхъ предметовъ, не особенно впрочемъ интересныхъ (о новыхъ назначеніяхъ, наградахъ и пр. и пр.); кромѣ того, графъ Петръ Петровичъ разсказывалъ, что еще въ 40-хъ годахъ, въ бытность его нашимъ посломъ въ Парижѣ,

---

*) Молодая графиня Паленъ, какъ слышно, была почти что помолвлена съ сыномъ графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, умершимъ отъ тифа въ Крыму во время войны.

маршалъ Бюжо̀ говорилъ ему, что нѣтъ сомнѣнія, что черезъ немного лѣтъ принятъ будетъ во всѣхъ остальныхъ Европейскихъ войскахъ покрой сюртука (la jupe), вмѣсто прежняго куцаго фрачнаго покроя для мундировъ, какъ эта форма болѣе раціональна (закрывающая нижнюю часть брюха) и взошла тогда въ употребленіе во Франціи.

Дипломатическою новостью было то, что недавно умершій нашъ посланникъ въ Мадридѣ князь Михаилъ Александровичъ Голицынъ (племянникъ Московскаго князя Сергѣя Михайловича) оставилъ посмертное письмо къ Государю, въ которомъ просилъ прощенія за то, что, находясь на службѣ, онъ скрывалъ о своемъ переходѣ въ Латинскую церковь[1]). Постъ этотъ предложенъ былъ тогда князю Семену Михайловичу Воронцову, хотя онъ никогда дотолѣ не занималъ особеннаго виднаго мѣста, ни по военной, ни по гражданской службѣ; но онъ отказался отъ этой чести. Преемникомъ князя Голицына назначенъ былъ князь Александръ Никитичъ Волконскій (сынъ нашей Коринны, княгини Зенаиды Александровны Волконской); онъ женатъ на Нѣмкѣ, и мнѣ кажется, что я слышалъ, что и онъ перешелъ будто бы втайнѣ въ Римскую церковь[2]). Испанскимъ посломъ при нашемъ дворѣ былъ тогда герцогъ д'Осуна-дель-Инфантадо, тотъ самый, съ которымъ я имѣлъ въ дѣтствѣ поверхностное знакомство во Флоренціи, когда онъ, еще мальчикомъ 9 или 10 лѣтъ, проживалъ у тетки своей Флорентійской герцогини Строцци, часто бывавшей у насъ въ домѣ. Въ Петербургѣ я встрѣтился съ нимъ одинъ только разъ въ салонѣ княгини Маріи Семеновны Черкасской; но такъ какъ онъ ни слова не сказалъ о прежнемъ нашемъ знакомствѣ, когда хозяйка представила насъ другъ другу, то я не счелъ нужнымъ напомнить ему о томъ, что̀ онъ, повидимому, забылъ.

Губернскіе комитеты объ улучшеніи крестьянскаго быта покончили тогда свои работы и были распущены; изъ ихъ состава иные

---

[1]) За открытое исповѣданіе Католицизма князя Голицына уволили бы, вѣроятно отъ службы, и огромное его имѣніе могло бы поступить въ опеку и быть переданнымъ его сыну князю Сергѣю Михайловичу (женившемуся впослѣдствіи на Цыганкѣ). И есть люди, утверждающіе, что мы пользуемся въ Россіи всеобщею вѣротерпимостію! Впрочемъ, благодаря просвѣщенной терпимости нынѣшняго правительства, на эти переходы смотрятъ сквозь пальцы. Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ есть одно высокопоставленное лицо, древней Русской фамиліи и женатое на Русской княжнѣ, которое также, какъ слышно, скрываетъ свое отступничество въ Римскую церковь.

[2]) Слухъ этотъ не вѣренъ: князь А. Н. Волконскій не переходилъ въ католичество. У могилы его, на Римскомъ кладбищѣ Campo Verano, большая икона Владимірской Божіей Матери. П. Б.

были выбраны для засѣданія въ Петербургской главной Редакціонной Коммиссіи по этому же дѣлу. Сдается мнѣ, что этимъ только тѣшили по пустому господъ составителей губернскихъ проектовъ и какъ будто-бы Редакціонная Коммиссія намѣревалась извлечь что-нибудь изъ этихъ проектовъ, между тѣмъ какъ въ сущности общій планъ освобожденія съ его подробностями былъ давно уже заготовленъ, и правительство не намѣревалось допустить въ немъ никакихъ новыхъ измѣненій. Выбранъ былъ изъ Тарускаго уѣзда Дмитрій Александровичъ Чертковъ, котораго я засталъ уже поселившимся въ домѣ Вонлярлярскаго (кажется Евгенія), гдѣ онъ жилъ, если не то что̀ зовется открыто, но прилично своему состоянію. Петербургъ былъ нейтральною для обоихъ насъ почвой, да и я находился въ то время внѣ службы, и потому Тарускій предводитель видѣлъ во мнѣ только графа Бутурлина-аристократа, а не короннаго чиновника, и онъ обошелся со мною на столько предупредительно, что я обѣдалъ у него раза два. Не мѣшаетъ однакоже добавить, что это было не болѣе какъ перемиріе, нарушенное снова съ его стороны на служебной аренѣ, и въ томъ же Тарусскомъ уѣздѣ, вскорѣ по обнародованіи манифеста 19 Февраля 1861 года, когда я былъ Тарусскимъ судебнымъ слѣдователемъ, тенденціозные наши взгляды снова выяснились и столкнулись. Самый домъ Вонлярлярскаго напоминалъ мнѣ цѣлый рядъ давно истекшихъ пріятныхъ минутъ и наводилъ на меня грустное впечатлѣніе, при сравненіи настоящаго (въ 1860 г.) свѣтскаго моего положенія съ тѣмъ, чѣмъ я былъ въ 1842 и 1843 годахъ, когда въ этомъ же домѣ (принадлежавшемъ тогда Потапову) весело провела зиму Зенаида Сергѣевна Дивова. Но еще грустнѣе почувствовалось мнѣ, когда я посѣтилъ несовершеннолѣтняго князя Петра Дмитріевича Волконскаго въ родительскомъ его домѣ, на углу Дворцовой Набережной и Машкова переулка, гдѣ я когда-то былъ принятъ, какъ въ своей семьѣ. Теперь въ немъ жили три круглыя сироты: пятнадцатилѣтній мальчикъ съ своимъ гувернеромъ-Швейцарцемъ, и его двѣ сестры, княжны Софія и Екатерина Дмитріевны съ ихъ Англійскою наставницею миссъ Смитъ (удивительно эффектно рисовавшею ландшафты тупымъ карандашемъ), а изъ старшихъ семейныхъ никто не жилъ (да и некому было жить) съ этою молодежью. Юный князь Петръ наслѣдовалъ всю мягкость материнскаго сердца и ласково обходился съ старыми друзьями его родителей, судя по тому, что когда я въ разговорѣ съ нимъ объ его отцѣ (дѣтскомъ моемъ товарищѣ) сказалъ мимоходомъ, что не имѣю, къ сожалѣнію, его портрета, мальчикъ убѣжалъ въ сосѣднюю комнату и принесъ оттуда дагеротипный портретъ своего отца, который онъ просилъ меня принять въ знакъ памяти.

У Левшиныхъ я часто бывалъ и часто тамъ обѣдалъ безъ приглашенія, какъ и у Черкасскихъ. Въ гранитной сѣверной Пальмирѣ, пропитанной космополитизмомъ, благодаря прорубленному ея основателемъ окну въ Европу, уцѣлѣли въ Левшинскомъ семействѣ традиціи добраго стараго Русскаго быта и семейный складъ. Нѣжность и полное довѣріе во взаимныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, уже взрослыми, не могли не поразить посторонняго даже наблюдателя. Особенно привлекательна умомъ и начитанностію была старшая дочь, Ольга Алексѣевна, болѣзненной натуры дѣвушка, отъ чего она, вѣроятно, и не вышла замужъ. Съ дозволенія родителей, она усвоила себѣ нѣкоторыя полубританскія эманципированныя привычки, напримѣръ принимала своихъ друзей обоего пола въ своемъ апартаментѣ. Тамъ просиживалъ я съ нею по цѣлымъ иногда вечерамъ, бесѣдуя вдвоемъ на любимомъ ею Англійскомъ нарѣчіи (что̀ нисколько не мѣшало ей быть Русскою вполнѣ женщиной) о всеобщей литературѣ, и нерѣдко выносилъ я оттуда новый взглядъ на извѣстный мнѣ прежде предметъ, но незамѣченный мною дотолѣ, или слышалъ отъ нея совершенно новую и блистательную мысль. При всей страсти къ занятіямъ, ничего нѣтъ въ Ольгѣ Алексѣевнѣ похожаго на синій чулокъ, и скромность не дозволяетъ ей никогда кокетничать ея ученостію. Симпатичною въ высшей степени была граціозная блондинка вторая сестра, Варвара Алексѣевна, и для меня загадка, какъ ухитрилась судьба направить ее на дѣвственную стезю старшей сестры. Левшины издавна были очень дружны съ Черкасскими и видались ежедневно. У первыхъ встрѣтилъ я раза два знаменитаго нашего живописца морскихъ видовъ Айвазовскаго; въ обществѣ онъ былъ довольно молчаливъ, и даже въ разговорѣ съ хозяевами, когда не было гостей, ничто не выказывало въ немъ великаго художника, тогда какъ Брюловъ, даже когда шутилъ, сіялъ какою-то вдохновенностію.

Познакомившись у нихъ же съ ихъ родственникомъ генералъ-адъютантомъ барономъ Мейндорфомъ (умершая жена котораго, Ольга Ѳедоровна, урожденная Брискорнъ, была родною сестрой г-жѣ Левшиной), отважнымъ когда-то командиромъ кирасирскаго принца Альберта полка, я разспрашивалъ его о справедливости слуха, будто бы во время блистательной атаки имъ сдѣланной въ Гроховскомъ сраженіи, 13 Февраля 1831 года, одинъ Польскій офицеръ выстрѣлилъ въ него три раза, и послѣ третьей осѣчки, опустивъ пистолетъ, сказалъ: «respect aux braves» *) и что на это баронъ Мейндорфъ будто отвѣчалъ,

*) Почтительность подобаетъ храбрецамъ.

«je méprise le respect d'un rebelle» *) и тутъ же свалилъ Поляка палашемъ. Баронъ Мейндорфъ отрицалъ (не изъ скромности ли?), но подтвердилъ другой слухъ, что одинъ изъ его офицеровъ Потуловъ пронесся со своимъ взводомъ черезъ Пражскій мостъ и ворвался сквозь градъ картечи въ самую Варшаву, гдѣ изрубили его и всѣхъ его храбрыхъ товарищей. «И какой отличный офицеръ былъ этотъ Потуловъ!» добавилъ съ чувствомъ добродушный ветеранъ. Онъ почти что со слезами разсказывалъ намъ о вновь проектированномъ переименованіи обѣихъ армейскихъ кирасирскихъ дивизій въ драгуны. Сначала Государь, внемля убѣдительнымъ просьбамъ своего генералъ-адъютанта, согласился было оставить одну изъ этихъ дивизій (вѣроятно ту, въ составъ которой входилъ принца Альберта полкъ, нынѣ Малороссійскій драгунскій), но экономическія соображенія тогдашняго военнаго министра превозмогли, и реформа была распространена на обѣ кирасирскія дивизіи.

Незадолго передъ тѣмъ была дуэль между сыномъ барона Мейндорфа, молодымъ конногвардейскимъ офицеромъ, и молодымъ Демидовымъ, тогда еще студентомъ Петербургскаго университета, сыномъ Авроры Карамзиной. Демидовъ былъ раненъ и все-таки просидѣлъ нѣкоторое время въ Петропавловской крѣпости, а противникъ его остался на свободѣ или отдѣлался нѣсколькими днями ареста на гауптвахтѣ. Надо полагать, что военный судъ мотивировалъ снисходительное это рѣшеніе, имѣя въ виду, что вызовъ произошелъ отъ Демидова, и что молодой Мейндорфъ долженъ былъ поневолѣ драться. Слышно было, что арестантская камера (скорѣе думаю, цѣлый апартаментъ) въ Петропавловской крѣпости была по сему случаю отдѣлана и меблирована со всею возможною роскошью и чуть ли не оклеена новыми обоями; при матушкиномъ сынкѣ - милліонерѣ были его камердинеръ и артистъ-поваръ, къ нему хаживалъ обѣдать плацъ-маіоръ. Но этого мало: говорили, что нѣкій университетскій профессоръ согласился раздѣлять временное заточеніе студента-богача, и вѣроятно, небезвозмездно.

Не преминулъ я навѣстить знакомаго мнѣ съ дѣтства въ Римѣ и не разъ упомянутаго профессора Петра Васильевича Басина. Дряхлымъ старикомъ онъ еще не былъ, но глаза плохо ему служили, и онъ лишь отрывочно могъ заниматься. У него были набросаны въ то время нѣкоторые этюды и эскизы по заказамъ для строющагося (и до сего времени недоконченнаго) Московскаго собора Спаса. Сюже-

---

*) Я презираю почтительность мятежника.

ты были историческаго содержанія; одинъ изъ нихъ изображалъ зодчаго Аристотеля Фіоравенти, представляющаго планъ для сооруженія Московскаго Успенскаго собора Іоанну III-му. Наброски эти много обѣщали; не знаю, исполнилъ ли ихъ нашъ художникъ въ настоящемъ видѣ. Пригласилъ онъ меня однажды обѣдать у него. Гостями были его собратія и одинъ или два литератора. Въ числѣ первыхъ былъ архитекторъ Александръ Павловичъ Брюловъ, родной братъ умершаго Карла Павловича [1]) и молодой архитекторъ, фамиліи его не помню, только-что отстроившій Русскую церковь въ Ниццѣ. Кто были остальные гости, также не помню. Всѣ эти господа здорово пили, тянули все Портъ-вейнъ да Мадеру, а Шампанскимъ, должно быть, брезгали, и все-таки не было у нихъ ни въ одномъ глазѣ отъ этихъ одуряющихъ либацій.

Былъ я и у Сергѣя Степановича Ланского, министра внутреннихъ дѣлъ. Визитъ мой былъ безкорыстный, ибо я находился внѣ службы. И онъ, и дочь его, никогда не вышедшая замужъ, Варвара Сергѣевна, нынѣ графиня, встрѣтили меня съ такою же задушевною фамиліарностію, какою я пользовался въ ихъ семействѣ двадцать лѣтъ назадъ. Сергѣй Степановичъ пригласилъ меня на вечеръ, гдѣ я встрѣтился съ недавнимъ еще моимъ начальникомъ В. А. Арцымовичемъ, тогда въ отпуску въ Петербургѣ, и еще съ однимъ Петербургскимъ тузомъ, который однакоже вспомнилъ, что онъ видалъ меня во дни оны въ великосвѣтскихъ салонахъ и первый протянулъ мнѣ руку. Тутъ же, я въ первый и единственный разъ въ жизни видѣлъ г. N., о взбаломочности характера котораго разсказывали забавныя черты, относившіяся ко времени его губернаторствованія въ провинціи, а позднѣе въ столицѣ [2]).

---

[1]) Онъ перестроилъ фасадъ малаго манежа, что̀ на дворцовой площади, и выстроилъ большое зданіе примыкающее къ Мраморному дворцу, когда послѣдній былъ назначенъ для жительства Великаго Князя Константина Николаевича. Но, на сколько помнится мнѣ, особенною извѣстностію А. П. Брюловъ не пользовался.

[2]) Разсказывали, что однажды этотъ господинъ N., безуспѣшно хлопоча въ думскомъ засѣданіи о пониженіи цѣны на мясо, обозвалъ почтенныхъ представителей этой торговли, находившихся на лицо, мошенниками, быть можетъ, и заслуженно. Обидѣлась не на шутку, однакоже, Петербургская корпорація Мининыхъ, и потребовала, чтобы о томъ составленъ былъ журналъ. Испуганный губернаторъ немедленно далъ знать о семъ казусѣ своему министру, тотъ Государю, а между тѣмъ оскорбленные Минины не расходились и настаивали на своемъ требованіи. Полученъ былъ наконецъ высочайшій отвѣтъ, но въ такомъ смыслѣ, что Государь не считалъ себя въ правѣ отнимать у гражданъ дарованное имъ закономъ. Скандалъ однакоже какъ-то уладился безъ дальнѣйшихъ по-

Не политическою, но общественною злобой дня было тогда перемѣщеніе Англійскаго Клуба въ домъ Татищева, выходившаго однимъ фасомъ на Караванную улицу, а другимъ на Фонтанку. Два если даже и не три поколѣнія клубскихъ членовъ обѣдывали и проводили часть ночей въ домѣ Бутурлина въ Демидовскомъ переулкѣ, выходившемъ на Мойку. Долго тамъ подвизался на зеленомъ полѣ непобѣдимый биліардный маркеръ Тюря, дававшій любому сопернику пятьдесятъ очковъ впередъ, и при промахѣ послѣдняго Тюря сразу кончалъ всю партію съ обязательствомъ класть шары въ одну только изъ шести лузъ. Живо сохранялись въ этомъ завѣтномъ домѣ литературныя традиціи до-Пушкинской еще эпохи. Здѣсь графъ Хвостовъ заставлялъ пойманную имъ жертву выслушивать бездарныя его вирши, удерживая ее за пуговицу; здѣсь же показывали кресло, на которомъ дѣдушка Крыловъ совершалъ свой послѣобѣденный кейфъ, и здѣсь же тѣни Скобелева и другихъ именитыхъ членовъ какъ бы еще расхаживали по заламъ. И вотъ почему нѣкоторымъ клубскимъ старожиламъ жутко казалось, быть можетъ, разставаться съ любимыми пенатами, хотя новое помѣщеніе представляло несравненно болѣе удобства и простора, нежели старое. И дѣйствительно, въ новомъ помѣщеніи все было элегантно и роскошно; даже устроенъ былъ зимній экзотическій садикъ съ фонтаномъ, какъ помнится мнѣ. Новоселье отпраздновано было торжественнымъ по подпискѣ обѣдомъ, попасть на который не было никакой почти возможности по числу билетовъ, которыхъ однакоже было до 400 или 500, а спросъ на нихъ былъ вдвое больше. Однакоже, и противъ всякаго моего чаянія, кто-то изъ знакомыхъ мнѣ клубскихъ членовъ досталъ мнѣ посѣтительскій билетъ. Почитай, что всѣ министры, военныя и гражданскія власти были тутъ на лицо, и приглашенъ былъ также весь персоналъ дипломатическаго корпуса, акредитованнаго при нашемъ дворѣ. Дежурнымъ старшиною и распорядителемъ банкета былъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой, впослѣдствіи графъ, а тогда товарищъ

слѣдствій для вспыльчиваго губернатора, человѣка благонамѣреннаго и честнѣйшаго. А въ провинціи вотъ что̀ однажды приключилось съ нимъ. Выходя въ свой пріемный залъ, онъ увидѣлъ тамъ незнакомаго ему человѣка, котораго онъ принялъ за становаго, имъ вызваннаго для головомойки (также незнакомаго ему лично), и вотъ весь его гнѣвъ обрушился на этого господина. Какъ ни силился послѣдній вставить словечко, но грозный губернаторъ не давалъ ему говорить. Наконецъ, тотъ, не вытерпѣвъ, перебилъ губернатора словами: „Вѣдь говорили же мнѣ, что нашъ губернаторъ сумасшедшій человѣкъ, но я не вѣрилъ, чтобы оно могло быть до такой степени“ и затѣмъ, поклонившись, вышелъ изъ залы. Тогда только г. N. узналъ изъ разспросовъ постороннихъ, что онъ имѣлъ дѣло съ однимъ помѣщикомъ ввѣренной ему губерніи, который счелъ своею обязанностію засвидѣтельствовать свое почтеніе его превосходительству.

министра иностранныхъ дѣлъ, каковымъ числился канцлеръ графъ Нессельроде, но въ сущности таковымъ уже былъ князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ (въ экстренныхъ лишь случаяхъ князь относился къ канцлеру). Послѣ обѣда съ безконечными тостами, всѣ разбрелись по заламъ, кто покурить, кто вздремнуть въ уголкѣ на мягкихъ диванахъ, а кто поиграть на билліардѣ и въ кегли. Послѣ сервировки кофея, чая и ликеровъ, всѣ снова собрались въ столовый залъ, гдѣ пылала въ чашѣ чудовищнаго размѣра, скорѣе похожаго на чанъ, жженка, варившаяся на Шампанскомъ винѣ съ ананасами, апельсинами и разными другими эссенціями, а мѣшалъ поминутно эту ароматическую смѣсь самъ распорядитель пиршества И. М. Толстой. Когда прислуга стала разносить публикѣ стаканы съ этимъ нектаромъ, Французскій посолъ, герцогъ Монтебелло, отдѣлившись немного впередъ отъ своего кружка и оборотясь лицомъ къ присутствующимъ, громогласно провозгласилъ: «à la santé de l'Empereur» [1]). Подобный тостъ, не обозначавшій о какомъ императорѣ, о своемъ ли, или о нашемъ шла у него рѣчь, крайне не понравился мнѣ; и я, нагнувшись къ моему сосѣду и другу, барону Ѳедору Андреевичу Бюлеру, замѣтилъ: «Je crois que la bouche de m-r de Montebello ne se serait pas contractée, s'il eu dit: à la santé de Sa Majesté l'Empereur de Russie» [2]). Сынъ маршала Ланна былъ маленькій и тщедушный брюнетъ, и я нашелъ въ его физіономіи нѣкоторое сходство съ потретами Шатобріана, за исключеніемъ вдохновенности, выглядывавшей въ авторѣ «Генія Христіанства». Въ это время августѣйшій повелитель Французскаго посла всячески лебезилъ передъ нашимъ дворомъ, что̀ не помѣшало ему однакоже, три года спустя, поднять Польскій вопросъ, въ которомъ онъ, какъ извѣстно, претерпѣлъ полнѣйшее дипломатическое пораженіе.

Оживительный напитокъ придалъ новый толчекъ всему обществу, и въ разныхъ комнатахъ образовались отдѣльные кружки съ ихъ ораторами. Когда проходили чрезъ билліардную, подозвалъ меня къ себѣ сидѣвшій тутъ С. С. Ланской, весело разговаривавшій со своимъ товарищемъ по министерству, А. И. Левшинымъ. «Скажите-ка намъ, что̀ подѣлываетъ теперь вашъ мусьё Слоанъ?» смѣясь спросилъ онъ у меня и повернулся съ полулукавою улыбкою къ своему собесѣднику, который также улыбнулся. Надо знать, что съ бывшимъ Англійскимъ моимъ наставникомъ Сергѣй Степановичъ когда - то близко сошелся въ Москвѣ, въ концѣ 20-хъ годовъ, когда онъ тамъ жилъ съ семействомъ

[1]) За здоровье императора.

[2]) Я думаю, что ротъ господина де-Монтебелло не скривился бы, если бы онъ сказалъ: за здравіе Его Величества Россійскаго Императора.

до своего назначенія Костромскимъ губернаторомъ и былъ склоненъ къ англоманіи; а что̀ до Алексѣя Ираклієвича, онъ хорошо помнилъ г. Слоана въ Одессѣ въ 1824 и 1825 годахъ и опять повстрѣчался съ нимъ въ 1839 г. во Флоренціи, гдѣ Левшинъ прожилъ недѣли двѣ съ своимъ семействомъ. Вопросъ о моемъ наставникѣ, сдѣланный въ полуироническомъ тонѣ, могъ быть мотивированъ дошедшимъ до этихъ господъ слухомъ, что скромный нѣкогда гувернеръ превратился въ маленькаго Креза. Послѣ краткихъ моихъ объясненій, какимъ образомъ разбогатѣло такъ неожиданно лицо интересующее обоихъ моихъ собесѣдниковъ, С. С. Ланской вдругъ перемѣнилъ разговоръ и сталъ разспрашивать меня о моей службѣ. «Вы теперь въ отставкѣ?» спросилъ онъ.—«Точно такъ.»—«Что̀ же намѣреваетесь вы дѣлать?»—«Не знаю еще самъ.»—«Если желаете снова поступить на службу, я васъ сейчасъ же назначу вице-губернаторомъ гдѣ-нибудь» [1]).—«Чувствительно благодарю ваше высокопревосходительство; но въ эту минуту семейныя мои обстоятельства требуютъ, чтобы я пожилъ у себя въ деревнѣ.»—«Ну, какъ хотите», заключилъ министръ. И вотъ какого маха я далъ тогда; а все изъ ошибочной (какъ нынѣ ясно вижу) мысли, по которой устройство бездѣльнаго Знаменскаго хозяйства казалось мнѣ важнымъ дѣломъ; да и при томъ побаивался я, правду сказать, какъ бы меня не турнули вице-губернаторствовать на первый случай въ какую-нибудь отдаленную глушь, какъ Пермь, Вятка или Самара. Что же дѣлать? И близокъ локоть, да не укусишь. Это былъ третій случай въ моей жизни, что я промахнулся и пошелъ à côté de ma carrière [2]).

Одинъ знакомый мнѣ любитель живописи и рисованія, разсматривая однажды мою, начатую еще въ 30-хъ годахъ, коллекцію видовъ съ натуры во Владимирской, Московской, Рязанской и Калужской губерніяхъ, преимущественно древнихъ памятниковъ, посовѣтовалъ мнѣ показать ихъ директору военной типографіи главнаго штаба, гдѣ издавалась и издается по сію пору ежегодно «Памятная Книжка» съ видами разныхъ мѣстностей Россіи, гравированныхъ на стали. Я послушался его и понесъ свою коллекцію къ директору военной типографіи, г. Пеликану (сыну извѣстнаго врача того имени), который, взявъ мои рисунки, обѣщался показать ихъ начальнику главнаго штаба, генералу Герценшвейгу [3]), а меня попросилъ придти для отвѣта черезъ

[1]) А вѣдь я былъ тогда только коллежскимъ ассесоромъ!

[2]) Сошелъ на сторону отъ дороги.

[3]) Впослѣдствіи Варшавскій военный генералъ-губернаторъ, застрѣлившійся въ 1862 году.

нѣсколько дней. Когда я пришелъ къ г. Пеликану за отвѣтомъ, онъ сказалъ мнѣ, что выбраны для изданія два изъ моихъ рисунковъ (это были, кажется, видъ подмосковнаго недоконченнаго Царицынскаго дворца и видъ въ городѣ Калугѣ); за оба мнѣ заплатили по 25 рублей, цѣна свыше всякаго моего ожиданія. Художественныя мои выручки этимъ, однакоже, не ограничились, и я отправился на авось къ академику Тиму, издававшему «Художественный Листокъ», и онъ выбралъ у меня десять карандашныхъ рисунковъ, по 5 рублей за каждый, а спустя нѣсколько дней прислалъ мнѣ еще 10 рублей за акварель женскихъ крестьянскихъ костюмовъ Зарайскаго уѣзда, которую я набросалъ второпяхъ тутъ же въ Петербургѣ, по эскизу изъ дорожнаго моего альбома. И вотъ, я такимъ образомъ нечаянно выручилъ 110 рублей, весьма пригодныхъ для Петербургскихъ моихъ издержекъ; но сверхъ того, повезло какъ-то мнѣ и насчетъ литературнаго гонорара. Не сказывалъ я нигдѣ, что со времени моего переѣзда изъ Рязани въ Знаменское и въ Калугу, осенью 1856 года, я въ свободное отъ службы время занялся переводомъ по-русски брошюрки Итальянскаго ученаго каноника Чіампи о первомъ самозванцѣ, составленной имъ по неизданнымъ дотолѣ Итальянскимъ и Латинскимъ документамъ и, къ счастію, я захватилъ съ собою въ Петербургъ эту рукопись. Не припомню, кто именно указалъ мнѣ на историческій сборникъ, недавно начавшій выходить подъ заглавіемъ «Архивъ» *), какъ на журналъ, въ которомъ могъ имѣть мѣсто мой переводъ. Не теряя времени, я отправился къ издателю и редактору сборника, Николаю Васильевичу Калачеву (тогда профессору Петербургскаго университета) и, къ моему удивленію, я засталъ у него желѣзнодорожную мою спутницу, Надежду Николаевну Акимову. Она была очень дружна съ женою меньшого брата Николая Васильевича и остановилась въ Петербургѣ у молодой этой четы, квартировавшей почти рядомъ съ Дивовымъ у Конюшеннаго моста, и потому я часто видался съ г-жою Акимовой. Думаю, что ея рекомендація обо мнѣ Н. В. Калачеву принесла свою долю пользы, и переводъ мой, съ приложеннымъ къ нему видомъ дома Калужскаго мѣщанина Коробова, въ которомъ жилъ, по преданію, Тушинскій воръ, принятъ былъ издателемъ «Архива», и я получилъ 60 рублей. Это была первая въ жизни моей выручка за литературный трудъ, и потому я возгордился; да и могъ ли я разсчитывать, ѣхавши въ Петербургъ, что тамъ свалятся мнѣ, какъ бы съ неба, 170 рублей? Сверхъ этихъ денегъ, я попользовался еще процентами банковыхъ билетовъ 1-го заграничнаго займа, отъ первоначальныхъ

---

*) Сборникъ этотъ просуществовалъ всего одинъ годъ.

двухъ тысячъ рублей, случайно сбереженныхъ усердіемъ не разъ упомянутаго повѣреннаго моего Радзиковскаго изъ послѣдняго, полученнаго въ 1845 году, оброка отъ Костромскаго моего имѣнія, которыя деньги были тогда же положены въ Московскую Сохранную Казну на имя дочери моей до ея совершеннолѣтія, а по ея кончинѣ онѣ были перечислены, по моей о томъ просьбѣ, на имя малолѣтняго моего сына. Такъ какъ, по существовавшему до того положенію въ Сохранной Казнѣ, вклады приносили по 6 процентовъ, то первоначальный капиталъ въ двѣ тысячи рублей разросся въ 1860 году до 4-хъ безъ малаго тысячъ рублей. Весьма скорблю, что въ первое время хозяйственнаго переполоха, едва ли не неизбѣжнаго и всеобщаго вслѣдствіе манифеста 19 Февраля 1861 года, я вынужденъ былъ употребить бо̀льшую часть этого капитала на наше Знаменское хозяйство, а отчасти на житейскія наши потребности. И такъ, всѣхъ денегъ за рисунки, литературную статью и проценты съ сыновняго капитала оказалось у меня болѣе 400 рублей, и вотъ на какія средства я продолжалъ жить въ Петербургѣ по отъѣздѣ оттуда Николая Адріяновича.

Существовала издавна интимность между моимъ кузеномъ и княземъ Алексѣемъ Өедоровичемъ Орловымъ, какъ я уже о томъ упомянулъ, по поводу пріобрѣтенія Дивовымъ случнаго жеребца Ворона, что̀ составляло безпримѣрное исключеніе въ правилахъ, установленныхъ на княжескомъ заводѣ. Князь Орловъ, на пути въ Воронежское свое имѣніе Пады, заѣзжалъ въ Городище, и Дивовъ не разъ гостилъ тамъ у князя. Зная испытанную молчаливость Николая Адріяновича, князь нерѣдко передавалъ ему тайны современной политики, внутренней и внѣшней; а впослѣдствіи, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, братъ мой передавалъ мнѣ кое-что объ интересныхъ этихъ бесѣдахъ. Иное изъ его разсказовъ входитъ въ составъ настоящихъ моихъ записокъ, а прочее я внесъ въ особенную тетрадь отрывочныхъ моихъ воспоминаній, которая можетъ служить дополненіемъ къ настоящимъ запискамъ.

Когда Дивовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, онъ не менѣе двухъ или трехъ разъ въ недѣлю обѣдалъ у князя Алексѣя Өедоровича, и такъ какъ большею частью они обѣдали вдвоемъ, то князь былъ съ Дивовымъ на распашку. У князя былъ старикъ-камердинеръ изъ его крѣпостныхъ, болѣе 40 лѣтъ служившій при немъ и потому пользовавшійся привиллегіей говорить все, что̀ приходило ему на умъ. Его-то и можно выставить въ подтвержденіе справедливости Французской поговорки: что «il n'y a pas de héros pour son valet de chambre» *).

*) Никакой баринъ не герой въ глазахъ своего камердинера.

Однажды Дивовъ, пріѣхавъ къ князю, не былъ немедленно допущенъ къ нему, по случаю его болѣзни; старый личарда счелъ своею обязанностью занять посѣтителя разговоромъ о его баринѣ и, между прочимъ, выразился такъ: «Помилуйте, ваше превосходительство; ну куда совладать нашему князю со всѣми должностями, лежащими на немъ? Никогда вѣдь онъ не занимался гражданскими дѣлами, а вотъ онъ предсѣдатель и Комитета Министровъ, и Государственнаго Совѣта!»...

Н. А. Дивовъ такъ описывалъ характеръ князя Алексѣя Ѳедоровича. Онъ обладалъ въ высшей степени необходимыми въ дипломатіи качествами: тонкостію ума, ловкостію вести переговоры, не высказывая вполнѣ, въ чемъ состояли его инструкціи. Эти качества и содѣйствовали его успѣхамъ въ заключеніи Адріанопольскаго мира 1829 г. и на Парижскомъ конгрессѣ въ 1856 году. Но рядомъ съ этимъ, князь Орловъ неспособенъ былъ ни къ какому усидчивому труду, не имѣлъ широкаго взгляда въ государственныхъ вопросахъ внутренней администраціи, но паче всего, его преодолѣвала лѣнивая его натура, и не любилъ онъ, чтобы его безпокоили. Отъ этого онъ и избѣгалъ вмѣшиваться въ дѣла другихъ министерствъ. Въ молодости, какъ субалтернъ-офицеръ, онъ проявлялъ неустрашимую отвагу, позднѣе онъ выказалъ себя примѣрнымъ командиромъ конно-гвардейскаго полка; но этимъ только и ограничивались боевыя его достоинства, и онъ никогда бы не могъ совладать не только съ цѣлою арміей, но едва ли съ корпусомъ. А были все-таки въ немъ высокое сановническое достоинство и благонамѣренность, которыя онъ не разъ выказалъ на занимаемомъ имъ постѣ шефа жандармовъ. Никого онъ не сдѣлалъ несчастнымъ, а вліяніе его было огромное, ибо покойный Государь называлъ его своимъ другомъ *).

Умѣстнымъ считаю помѣстить здѣсь сообщенное Дивову княземъ Орловымъ о поѣздкѣ его въ Вѣну, по порученію покойнаго Государя, передъ Крымскою войной, съ цѣлью заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Австріей, а потомъ съ Пруссіей. По пріѣздѣ въ Вѣну онъ вошелъ въ сношеніе съ тогдашнимъ первымъ министромъ Буолемъ, который, какъ руссофобъ, заявилъ князю рѣшительный отказъ по этому предмету. Тѣмъ не менѣе, князь выпросилъ аудіенцію у императора и, коснувшись цѣли своего пріѣзда, встрѣтилъ уклончивый отвѣтъ отъ облагодѣтельствованнаго Русскимъ царемъ Габсбург-

*) Въ публикѣ говорили, что въ интимныхъ бесѣдахъ съ Государемъ князь говорилъ ему *ты*. Но достовѣрно то, что въ этихъ бесѣдахъ Государь звалъ графа Алексѣя Ѳедоровича „Алёшею“.

скаго монарха. Оставалась надежда на одну Пруссію; но князь Алексѣй Ѳедоровичъ, имѣвъ случай зондировать расположеніе этого двора черезъ Прусскаго представителя въ Вѣнѣ, убѣдился изъ словъ послѣдняго, что и въ Берлинѣ нельзя было надѣяться на успѣхъ, и потому онъ немедленно возвратился прямо въ Петербургъ. Не помню, приводилъ ли я въ этихъ запискахъ мнѣніе Дивова, что если бы покойный Государь предвидѣлъ неблагополучный исходъ переговоровъ съ Турецкимъ правительствомъ о святыхъ мѣстахъ въ 1853 году, то онъ послалъ бы въ Константинополь не князя Меншикова, а графа Орлова; а перваго изъ нихъ Государь не долюбливалъ за его язычекъ *).

Подъ исходъ Апрѣля кузенъ мой поразилъ меня своимъ рѣшеніемъ покончить съ Петербургскою годовою своею квартирой и возвратиться черезъ нѣсколько дней въ Городищенское свое гнѣздо; а такъ какъ я намѣревался продлить мое пребываніе въ Петербургѣ, пока хватитъ мнѣ на это денегъ, то приходилось мнѣ перебираться на другую какую-нибудь квартиру. Въ эту весеннюю пору княгиня М. С. Черкасская и дочь ея отправлялись на все лѣто въ Рязанское ихъ имѣніе, Петровское; но баронъ Бюлеръ оставался въ Петербургѣ по служебнымъ его обязанностямъ, и онъ предложилъ мнѣ переѣхать къ нему. Это перемѣщеніе было и пріятное, и удобное для меня, и я прожилъ съ барономъ Ѳедоромъ Андреевичемъ до самаго моего отъѣзда въ Москву, въ началѣ Іюня. Княгиня Черкасская и Бюлеры занимали бель-этажъ большого дома на набережной, у Гагаринской пристани. Баронъ Бюлеръ управлялъ тогда отдѣленіемъ газетной экспедиціи при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и былъ, насколько помнится мнѣ, членомъ цензурнаго комитета иностранныхъ и Русскихъ газетъ; сверхъ того, на него было возложено составленіе ежедневныхъ экстрактовъ изъ всѣхъ заграничныхъ газетъ о наиболѣе интересныхъ свѣдѣніяхъ въ политическомъ мірѣ, для прочтенія Государю. Выдержки эти переписывались изящными калиграфами; но такъ какъ одному барону Бюлеру не подъ силу было перечитывать всѣ газеты, то онъ имѣлъ подъ своимъ вѣдѣніемъ двухъ помощниковъ, однимъ изъ которыхъ былъ молодой Капнистъ. Въ одно послѣобѣда, когда я взошелъ къ нему въ кабинетъ и засталъ его заваленнаго газетами всевозможныхъ форматовъ и на разныхъ языкахъ, онъ предложилъ мнѣ помочь ему въ работѣ. Я взялъ первую попавшуюся мнѣ подъ руку газету (Русскую Иллюстрацію, или какой-то художественный или юмористическій листокъ), просмотрѣлъ ее съ должнымъ, какъ мнѣ казалось, внимані-

*) Извѣстна острота князя Александра Сергѣевича, что если Николая Павловича нельзя назвать *мудрымъ*, то можно назвать *мудренымъ*.

емъ и отрапортовалъ барону Өедору Андреевичу, что прочитанный мною листокъ столь же безвреденъ, какъ новорожденный младенецъ, или какъ панегирическія статьи князя Шалихова, усыпительной памяти, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 20-хъ и 30-хъ годовъ. «Спасибо, братецъ», сказалъ баронъ, и я принялся за другой нумеръ. Но плохо же былъ я посвященъ въ тайны науки, которою отличались нѣкогда Красовскіе, Тимковскіе, Флеровы и подобные имъ знаменитые аргусы печатнаго дѣла въ первой половинѣ текущаго вѣка, потому что на слѣдующее утро баронъ мой, вмѣсто вчерашняго «спасибо», встрѣтилъ меня другимъ комплиментомъ: «Ну, братецъ, одолжилъ было ты меня! Хорошо, что я пробѣжалъ совершенно случайно цензированный тобою первый листокъ. Нашелъ я тамъ такія штуки (въ какомъ родѣ были онѣ, антиправительственныя, антирелигіозныя или противъ нравственности, не упомню), что попалъ бы я въ просакъ по твоей милости».

Узнавъ, что старая княгиня Софья Григорьевна Волконская находилась въ Петербургѣ, я счелъ долгомъ свидѣтельствовать личное мое почтеніе этому другу молодости моей матери и тетокъ графинь Воронцовыхъ. Княгиня тогда гостила (постояннаго жительства у нея не было съ давнихъ лѣтъ) у своего зятя Павла Дмитріевича Дурновò, на Англійской набережной. Она приняла меня довольно привѣтливо и въ разговорѣ спросила, знакòмъ ли я съ ея зятемъ, на чтò я отвѣчалъ, что я встрѣчался когда-то съ нимъ во Флоренціи, во время моей молодости, когда онъ и его родители гостили у его дяди, Николая Никитича Демидова, и онъ бывалъ у насъ въ домѣ. (Позднѣе я не возобновилъ какъ-то моего съ нимъ знакомства, хотя и встрѣчалъ его раза два у его шурина, князя Дмитрія Петровича Волконскаго). Когда, по окончаніи моего визита, я всталъ, чтобы выходить, княгиня Софья Григорьевна пригласила меня отобѣдать у нея и назначила день; но наканунѣ этого дня я получилъ отъ нея записку, въ которой она говорила, что такъ какъ я незнакомъ съ ея зятемъ, хозяиномъ дома, то она не можетъ принять меня. Я показалъ эту записку Бюлеру, и мы оба вдоволь натѣшились этою безцеремонною выходкою чудихи, вдовы министра Императорскаго Двора.

Не навѣстить другую знатную даму, графиню Анну Михайловну Толстую, было бы съ моей стороны неблагодарностію, и вотъ почему. Съ нею я познакомился у Черкасскихъ, когда она гостила у нихъ въ Петровскомъ, лѣтомъ 1855 или 1856 года, и она съ перваго же раза приняла живѣйшее участіе въ моей судьбѣ, настаивая, чтобы я непремѣнно перебрался на службу въ Петербургъ и обѣщая на это

свое содѣйствіе, pour me pousser au service [1]), какъ она выражалась. «И какъ это возможно», говорила она, «чтобы графъ Бутурлинъ былъ затерянъ на службѣ въ провинціи!» Не мудрено, что если бы я въ этотъ мой пріѣздъ въ Петербургъ воспользовался незаслуженнымъ ко мнѣ вниманіемъ графини Толстой, я могъ бы получить хорошее назначеніе даже и тамъ; но какъ я неоднократно уже говорилъ, службы я тогда не искалъ. Не знаю, кто могъ быть добродушнѣе и простѣе въ обращеніи, чѣмъ эта женщина. Графиня Анна Михайловна, урожденная княжна Хилкова, была по первому мужу княгиня Щербатова, и отъ него имѣла двухъ дочерей, изъ которыхъ одна была уже за мужемъ за княземъ Кропоткинымъ [2]), а другая за генераломъ Храповицкимъ, по смерти котораго она вышла за моего друга, вдовца Павла Александровича Вревскаго, убитаго, какъ я уже говорилъ, генералъ-адъютантомъ въ Крымскую войну въ 1855 году. Княгиня, овдовѣвъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ, вышла замужъ за графа Александра Николаевича Толстаго (прозваннаго въ обществѣ Lili Tolstoy), человѣка украшеннаго уже сѣдинами, но еще юнаго сердцемъ, душею и свѣтскими привычками и манерами. Говорятъ, что взаимное чувство давно влекло ихъ другъ къ другу, но князь Щербатовъ былъ еще въ живыхъ, а изобрѣтенный позднѣе способъ вѣнчаться съ милымъ намъ человѣкомъ при жизни настоящаго супруга и безъ церковнаго расторженія перваго брака не былъ еще въ обычаяхъ прежняго поколѣнія, хотя и офранцуженнаго. Отъ этого брака дѣтей нечего было ожидать. Толстые жили въ своемъ домѣ на Кирочной или Фурштатской улицѣ (а можетъ быть и на Сергіевской; помню только, что это была одна изъ улицъ, выходившихъ изъ Литейной по направленію къ Таврическому саду), и внутреннее убранство ихъ дома было непохоже на обыкновенное тѣмъ, что сохраняло всецѣло оттѣнокъ ранней Александровской эпохи, то-есть смѣси Аѳинскаго и Римскаго классицизма со стилемъ первой Наполеоновской имперіи. Представителями этого стиля были неуклюжіе и некомфортабельные диваны, кушетки, кресла и даже ножки столовъ, геридоновъ [3]) и подзеркальниковъ, всѣ съ позолоченными орлиными головами и иногда съ таковыми же крыльями; а спинки кресель и стульевъ представляли позолоченныя лиры, вставленныя въ лавровый вѣнокъ, и всю эту мебель поддерживали необыкновенныя ножки, косматыя лапы, а иногда и морды царя звѣрей. Сообразно этому стилю, карнизы подъ потолками и надъ дверями были лѣп-

[1]) Дать мнѣ служебный толчекъ.

[2]) Назначенный Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ послѣ А. А. Тимашева-Беринга.

[3]) Маленькій круглый столъ.

ной и недешевой работы, съ аллегорическими атрибутами и миѳологическими барельефами надъ дверями. На счетъ всей этой лѣпной работы утвердительно сказать не могу, были ли онѣ въ этомъ видѣ въ домѣ Толстыхъ; но, судя по археологической неприкосновенности всего прочаго, которою щеголяли въ началѣ вѣка, предполагаю, что святотатственная рука позднѣйшихъ новаторовъ не коснулась этихъ вычурныхъ лѣпныхъ произведеній. Картины, украшавшія пріемные апартаменты, были современны той же эпохѣ, и тутъ же висѣли фамильные портреты кисти извѣстной и талантлииой г-жи Лебрюнъ. На обѣдѣ у Толстыхъ (сервированномъ съ особенною аристократическою изящностію) я встрѣтилъ и даже имѣлъ честь вести подъ руку въ столовую и обратно въ гостинную графиню Завадовскую, урожденную Влодекъ, бывшую изъ первыхъ Петербургскихъ красавицъ, лѣтъ тридцать передъ тѣмъ, и всетаки мало измѣнившуюся въ этомъ 1860 году. У графини Анны Михайловны было большое имѣніе (звали его, кажется, село Кузьминка) на Окѣ, неподалече отъ Рязани и отъ Городища, гдѣ она проводила иногда часть лѣта, и вотъ почему она пріѣзжала гостить къ Черкасскимъ въ Петровское на нѣсколько дней.

Часто встрѣчается въ этихъ разсказахъ княгиня М. С. Черкасская, а о существованіи ея сына князя Семена Петровича я какъ будто-бы и позабылъ, и вотъ почему это случилось. Съ конца 40-хъ годовъ, еще при жизни отца своего князя Петра Дмитріевича, молодой князь Семенъ до того пристрастился къ живописи, что поступилъ въ Академію Художествъ. Тамъ онъ кончилъ курсъ съ успѣхомъ и, предпочитая артистическую профессію всякой государственной службѣ, отрекся отъ всего внѣшняго міра, отдѣлился отъ своего семейства, завелъ свою мастерскую, а позднѣе набралъ около себя учениковъ. Между тѣмъ, эксцентрическій аматёръ-художникъ наслѣдовалъ значительное состояніе отъ своего отца (умершаго, какъ уже было сказано, въ 1852 году), и позднѣе на его долю досталась часть изъ наслѣдства богача графа Мамонова; но все это не измѣнило его образа жизни. Изъ прислуги онъ довольствовался одною кухаркою, которая въ тоже время убирала его квартиру, смотрѣла за бѣльемъ и исполняла всѣ его коммиссіи. Безпечный какъ истый художникъ, онъ передалъ полное управленіе надъ своими имѣніями матери и отъ нея бралъ нужныя на прожитокъ деньги, а по нероскошнымъ своимъ привычкамъ не истрачивалъ всего своего годового дохода. Касательно же таланта можно сказать, что природа нескудно его наградила. Лишь только онъ свыкся съ механизмомъ кисти и правильнымъ употребленіемъ палитры, онъ, во время лѣтняго своего гощенія у матери въ Петровскомъ, весьма уже бойко

и вѣрно набрасывалъ портреты съ нѣкоторыхъ тамошнихъ крестьянъ. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ весною 1860 года, князь Семенъ Петровичъ кончалъ картину тенденціознаго жанра, сюжетомъ которой былъ баринъ средней руки, собиравшій оброкъ со своихъ крестьянъ, произведеніе, за которое присуждена была князю на выставкѣ медаль (золотая или серебряная, не упомню). Картина была задумана замѣчательно хорошо и выполнена весьма удачно въ нѣкоторыхъ ея деталяхъ. За столомъ сидѣлъ деревенскій помѣщикъ зрѣлыхъ лѣтъ, въ халатѣ и ермолкѣ, и пересчитывалъ кредитные билеты и звонкую монету, которыми заставленъ былъ письменный столъ. Толпа крестьянъ, вносящихъ оброкъ, составляла второй планъ картины, и рядомъ съ бариномъ, или немного позади его, стоялъ староста или бурмистръ съ тупымъ выраженіемъ лица. На первомъ планѣ и впереди крестьянской группы стояла на колѣняхъ нищенствующая (какъ видно было по одеждѣ) вдова, слезно просившая о сложеніи съ нея оброка, при чемъ она указывала на двухъ малолѣтнихъ ея сиротъ, безсознательно стоявшихъ также на колѣняхъ, прокормить которыхъ было и безъ того ей не подъ силу; но безпомощность этой семьи не трогала нимало загрубѣлаго и тучнаго плантатора. Мимо молящей крестьянки шмыгалъ казачекъ съ закуренною для барина трубкой и поглядывалъ на просительницу безъ всякаго къ ней участія и даже съ лукавою улыбкой. Весь этотъ эпизодъ былъ мастерски схваченъ съ натуры, и вся картина, какъ можно видѣть изъ моего описанія, была подъ стать духу времени, то-есть въ защиту меньшей братіи, не смотря на то, что была написана потомкомъ древняго боярскаго рода. Послѣ 1863 года князь Симеонъ Петровичъ переселился въ Парижъ, и я потерялъ его изъ виду. Слышно, что онъ будто бы впалъ тамъ въ аристократическое преступленіе, состоящее въ томъ, что женился на какой-то натурщицѣ.

Въ тринадцатилѣтнюю небытность мою въ Петербургѣ перестроенъ былъ заново Баварскимъ архитекторомъ барономъ Кленцемъ *) весь старый Эрмитажъ, съ прибавкою пространнаго ваятельнаго отдѣленія. Величественное это зданіе съ портикомъ, иначе съ подъѣздомъ, поддерживаемымъ мраморными каріатидами со стороны Большой Милліонной, приспособлено нынѣ къ выставкѣ художественныхъ предметовъ гораздо болѣе, нежели былъ старый Эрмитажъ; но новое это зданіе, находясь въ связи со старымъ зимнимъ дворцомъ, построеннымъ въ капризномъ стилѣ, называемомъ рококо, представляетъ классическою своею архитектурою рѣзкую черезъ чуръ (на мой глазъ) противупо-

---

*) Правильнѣе, по плану барона Кленца; ибо производство работъ возложено было на Русскихъ архитекторовъ, г. г. Стасова и Ефимова.

ложность съ Растреллевскимъ зданіемъ. «Cela jure trop,» изреченіе весьма характеристичное, но, къ сожалѣнію, непереводимое по-русски. Изъ наизамѣчательныхъ статуй этого музея можно считать Греческую Венеру и группу Каина и Авеля современнаго Флорентинца Дюпрѐ. Происхожденіе первой изъ нихъ слѣдующее. Ее нашли въ Римскихъ раскопкахъ въ 40-хъ годахъ, и знатоки древняго искусства признали ее произведеніемъ лучшей школы Греческаго ваянія временъ Фидіаса и Праксителя, подъ стать Аполлону Бельведерскому и Венерѣ Медиційской, съ которою Петербургская имѣетъ дѣйствительно большое сходство. Поза головы и всего стана, экспрессія и головная прическа, почти однѣ и тѣже въ обѣихъ; но Петербургская Венера меньшей величины, какъ мнѣ показалось, чѣмъ Флорентинская. Кромѣ роста, разница состоитъ въ неважныхъ деталяхъ, какъ напримѣръ въ изгибахъ колѣнъ и поставкѣ ногъ, а также и въ аксессуарахъ, въ числѣ которыхъ нѣтъ у Петербургской дельфина, который находится съ боку у ея Этрурійской соперницы. По существующему издавна въ Римѣ положенію, всѣ ископаемыя древности классическаго достоинства (даже когда раскопки предприняты частными лицами, туземцами или иностранцами) не выпускаются изъ вѣчнаго города: эти предметы оцѣниваются комиссіею экспертовъ и пріобрѣтаются Римскимъ правительствомъ для національнаго музея. Исключеніе изъ этого правила было сдѣлано, въ 20-хъ годахъ, въ пользу Баварскаго короля Лудовика, основавшаго Мюнхенскія Глиптотеку и Пинакотеку, и повторилось съ нашею Венерой потому только, какъ предполагаю, что въ то время (между 1844 и 1846 годами) папа Григорій XVI старался всячески угодить императору Николаю Павловичу, имѣя въ виду заключеніе конкордата между нашимъ правительствомъ и Римскою куріею.

Оставляю въ сторону на короткое время общій вопросъ объ искусствѣ и хочу пуститься въ резонерство и въ нѣкоторыя размышленія о нравственномъ вліяніи искусства на профановъ, такъ какъ эти размышленія давно бродятъ у меня въ головѣ, по поводу нагихъ миѳологическихъ боговъ и богинь, встрѣчающихся такъ часто въ публичныхъ галлереяхъ. Во-первыхъ, ставлю слѣдующій вопросъ. Мирится ли женская природная стыдливость съ эстетическимъ чувствомъ въ искусствѣ до забвенія этой самой стыдливости? А вотъ почему ставлю я такой вопросъ. Нерѣдко случалось мнѣ замѣчать съ издѣтства, что молодыя женщины, въ томъ числѣ дѣвицы, какъ Русскія, такъ и скромныя Британки, застѣнчивыя во всѣхъ прочихъ случаяхъ жизни, вытаращивали, не краснѣя, глаза и восхищались всѣми этими античными Венерами, Нимфами, Аполлонами, мускулёзными Геркулесами и подобны-

ми статуями въ томъ же видѣ, въ какомъ были наши прародители до ихъ грѣхопаденія, иногда даже безъ принятаго въ ваяніи фиговаго или винограднаго листка. Скажутъ, быть можетъ, что идеализація высшаго искусства заглушаетъ здѣсь всякую плотскую чувственность. Охотно допускаю это объясненіе въ отношеніи къ профессіональнымъ жрецамъ искусства, но сомнѣваюсь въ существованіи этого священнаго огня въ столь сильной степени въ публикѣ, состоящей изъ молодыхъ дѣвицъ и юношей, чтобы этотъ огонь превращался въ непроницаемую броню противъ плотскихъ ощущеній. Но, допуская даже, что этотъ эстетическій экстазъ доходитъ до мимолетнаго забвенія приличій, внушенныхъ съ дѣтства, тѣмъ не менѣе спрашиваю: отчего же эти самыя молодыя женщины, дѣвицы и Англійскія мисси ускоряютъ шагъ, проходя мимо совершенно также голыхъ красавицъ, писанныхъ Рубенсомъ (что̀ я самъ видѣлъ) и отворачиваются отъ нихъ, говоря даже «quelle horreur, quelle indécence!»?*). Да неужели страстность или сладострастіе сильнѣе развиваются отъ предмета, исполненнаго колерами, нежели отъ мраморныхъ формъ, не соблазняющихъ нимало этихъ женщинъ и дѣвицъ? Вотъ что̀ заставляетъ меня призадумываться, и желаю, чтобы кто-нибудь истолковалъ мнѣ это удовлетворительно; и затѣмъ, возвращаюсь къ прерванному обзору Петербургскаго музея.

Послѣ Эрмитажной Венеры, и даже болѣе чѣмъ она, поразила меня группа Каина и Авеля (немного болѣе натуральнаго роста) грандіозностію исполненія и замысла и, прочитавъ на піедесталѣ имя Дюпрѐ, я мысленно поздравилъ было Францію, породившую одного изъ первыхъ скульпторовъ нашего времени. Но каково̀ было мое удивленіе, когда въ бытность мою во Флоренціи, три года спустя, мнѣ показали великолѣпные барельефы въ недостроенномъ еще фасадѣ церкви Санта-Кроче (Святаго Креста), и я только что тогда узналъ, что г. Дюпрѐ, авторъ этихъ барельефовъ, чистый Флорентинецъ, послѣ чего я имѣлъ случай посѣтить его студію. Репетицію убитаго Авеля Петербургской группы я видѣлъ вылитую изъ бронзы въ Флорентинской галлереѣ дворца Питти. Да и въ самомъ дѣлѣ, Французское благёрство и литературное ихъ хвастовство такъ велики, что журналисты и иностранные путешественники не преминули бы провозгласить по всей вселенной, что Парижъ можетъ гордиться первѣйшимъ въ мірѣ скульпторомъ, по фамиліи Дюпрѐ, между тѣмъ какъ сдѣлай эту рекламу Итальянскій скромный журналъ, на врядъ ли бы ему повѣрила Европа. Кстати, говоря о ваятеляхъ, нельзя было не восхищаться двумя колосальными гипсовыми группами нашего даровитаго и преждевременно умершаго

*) Какая мерзость, какое безстыдство!

Пименова, выставленными въ это время или немного позднѣе въ одной изъ залъ Академіи Художествъ. Одна изъ группъ была Преображеніе, а другая Воскресеніе Христово. Весьма жаль, если эти гипсовыя модели останутся неисполненными мраморомъ или бронзою; а это довольно вѣроятно, при индиферентизмѣ и скаредности Русскаго общества въ отношеніи къ національному искусству.

Въ театрѣ не бывалъ я ни разу во время этого моего пребыванія въ Петербургѣ, но я зналъ изъ городскихъ вѣстей, что отъ блистательной плеяды Русскихъ артистовъ Александринскаго театра 40-хъ годовъ остались только Сосницкій, Мартыновъ, Каратыгинъ 2-й и Самойловъ. Изъ женскаго персонала сошли со сцены обѣ сестры Самойловы и Дюрова, и въ началѣ 60-хъ годовъ оставались на сценѣ однѣ лишь женскія посредственности. О Михайловскомъ театрѣ мало както говорили; должно быть, Французскій спектакль вышелъ изъ моды у представителей и представительницъ высшей аристократіи. За то весь фуроръ былъ концентрированъ на Итальянской оперѣ, гдѣ знаменитый, но дюже пожилой теноръ, Тамберликъ продолжалъ еще выкрикивать свой грудной ре-бемоль въ дуэтѣ Яго, въ Отелло. Съ нимъ соперничалъ, хотя въ другомъ родѣ пѣнія, теноръ Кальцолари. Онъ не владѣлъ могущественно-оглушительнымъ тембромъ Тамберлика; но методъ его былъ граціознѣе, да и самый тембръ свѣжѣе. Особенно шла къ его средствамъ партитура оперы Верди «Травіата». Изъ нынѣшняго репертуара не слыхалъ я ничего сладкозвучнѣе дуэта между сопраномъ и теноромъ, въ этой же оперѣ: «Parigi, o cara, noi lasciaremo» [1]).

Такъ какъ, въ началѣ этихъ Записокъ, я обязался, что они будутъ поелику возможно зеркаломъ моей души, хотя похвастаться не могу, что «это зеркало прекрасно» [2]), то не скрою одной черты моего малодушія и даже трусости. Читатель помнитъ, надѣюсь, моего коммиссіонера по картинной спекуляціи, Тосканца Джіованни Паоли, бывшаго прежде камердинеромъ у брата моего графа Петра Дмитріевича. Послѣ финансоваго моего разгрома въ 40-хъ годахъ, я оставался долженъ

[1]) Прошу смотрѣть на театральный этотъ обзоръ, какъ далеко неполный: въ немъ отмѣчено мною лишь то, что я узналъ отъ моихъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ не было настоящихъ театраловъ. Замѣчательно однакоже, что не только въ описываемое время, но и по сю пору (въ 1875 г.) держится на Петербургской Русской оперной сценѣ басъ Петровъ, славившійся уже въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, для котораго Глинка написалъ партію Сусанина въ „Жизни за Царя". Не слыхалъ я отъ роду, чтобы пѣвецъ могъ держаться на сценѣ въ продолженіе болѣе 40 лѣтъ.

[2]) Изъ стараго водевиля временъ Хмѣльницкаго и Ленскаго.

ему за его службу около тысячи рублей. Когда онъ, отошедши отъ меня, опредѣлился въ 1845 или 1846 году метръ-д'отелемъ къ князю Петру Михайловичу Волконскому, онъ нѣсколько разъ бомбардировалъ меня письмами въ Знаменское, требуя должныхъ ему денегъ и грозя обратиться къ высшему начальству, такъ какъ я далъ ему документъ въ эту сумму. Въ 1847 году онъ уже находился въ той же должности (метръ-д'отеля) у Всеволожскихъ (сама барыня была урожденная Жеребцова) и сопровождалъ ихъ за границу, и въ это время прекратились докучныя для меня его требованія. Въ 1856 году, во время коронаціи, онъ уже былъ въ услуженіи у княгини Кочубей, которая пользовалась большимъ состояніемъ перваго ея мужа князя Эспера Александровича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго и переѣхала по случаю коронаціи въ свой Московской домъ на Тверской, гдѣ она дала для двора одинъ изъ самыхъ блестящихъ баловъ. Зная, что въ 1860 году Паоли все еще находился у княгини Кочубей, я, подъ вліяніемъ паники отъ прежнихъ его писемъ и дабы не встрѣчаться съ нимъ на улицѣ, близъ Аничкова дворца, переходилъ на лѣвый тротуаръ Невскаго проспекта, изъ опасенія, не равно кредиторъ мой выйдетъ невзначай изъ дома Бѣлосельскихъ, который стоитъ, какъ извѣстно, на правомъ углу Невскаго проспекта и Фонтанки. Ребяческое подобное опасеніе не можетъ нынѣ тревожить меня, и я дорожу тѣмъ величайшимъ благомъ, что въ нищенскомъ почти моемъ положеніи я никому не состою должнымъ.

Навѣстивъ однажды Рафаила Зотова (прежняго рецензента въ редакціи Отечественныхъ Записокъ) по дѣлу о помѣщеніи моихъ рисунковъ Русскихъ древностей въ «Иллюстрацію», издаваемую тогда Бауманомъ, въ которой г. Зотовъ былъ редакторомъ, я не безъ удивленія узналъ отъ него, что въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ не стѣснялись вести корреспонденцію съ Герценомъ, что̀ доказываетъ однакожъ, какъ слабо правительство преслѣдовало распространеніе знаменитаго «Колокола» и всякое съ нимъ сношеніе.

Въ Европейскомъ политическомъ мірѣ была та новость, что патріотъ Гарибальди отплылъ изъ Генуи съ горстью волонтеровъ (едва превышавшею, помнится мнѣ, 500 или 600 человѣкъ) съ провозглашеннымъ заранѣе намѣреніемъ овладѣть Сициліею, въ чемъ онъ успѣлъ въ теченіе какого-нибудь одного мѣсяца, разбивъ цѣлый корпусъ Неаполитанцевъ. Видно, что хорошо было это войско; но не такіе еще военные фокусы и сюрпризы должны были совершаться на Итальянской классической почвѣ въ наступавшее десятилѣтіе *).

*) Куріознѣе всего прочаго, что Итальянское объединенное королевство, послѣ

Передъ выѣздомъ моимъ изъ Петербурга послѣдовалъ рѣшительный отказъ изъ департамента внутренней торговли объ учрежденіи просимой мною и Григоріемъ Андреевичемъ Быховцомъ компаніи на акціяхъ для постройки паровой лѣсопильни въ Калугѣ. Не скажу, чтобы эта неудача особенно опечалила меня, такъ какъ я убѣдился, что мой компаніонъ мало надеженъ, да и проектъ самъ по себѣ былъ непрактиченъ.

Въ началѣ Іюня, на возвратномъ пути въ Знаменское, я остановился на полторы недѣли въ Москвѣ, гдѣ шуринъ мой Нарышкинъ обрадовалъ меня извѣстіемъ, что милая его дочь Лиза помолвлена съ Николаемъ Сергѣевичемъ Кашкинымъ, сыномъ помѣщика съ хорошимъ весьма состояніемъ, Козельскаго уѣзда. Здѣсь надо сказать нѣсколько словъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Едва выпущенный изъ бывшаго Царскосельскаго Лицея, онъ былъ вовлеченъ въ 1848 году въ общество коммунистовъ извѣстнаго Петрашевскаго. Молодой Кашкинъ былъ сосланъ на Кавказъ рядовымъ, получилъ тамъ довольно тяжкую рану и солдатскій Георгіевскій крестъ, былъ произведенъ въ офицеры и въ 1858 году жилъ въ отставкѣ у родителей въ деревнѣ. Съ нимъ я познакомился въ Калугѣ въ 1869 году у губернатора Арцымовича. Собою онъ былъ замѣчательно хорошъ, хотя болѣе женской, нежели мужскою красотой (по-французски, un joli garçon), и по сю пору онъ очень моложавъ на лицо. Кожа у него рѣдкой бѣлизны, щеки были смолода розовыя, какъ у любой Нѣмочки-блондинки, глаза лазуревые, волоса свѣтло-каштанные, а руки и ноги такихъ формъ, что имъ могла бы завидовать аристократическая львица. Ростомъ онъ былъ немного выше средняго, и во всѣхъ его манерахъ замѣтна была какая-то женоподобная нѣга. Не таковъ однакоже онъ на дѣлѣ: умственный трудъ ему ни по чемъ, и онъ особенно хорошо владѣетъ перомъ *).

Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ все еще продолжалъ жить съ семействомъ въ Москвѣ, гдѣ онъ получалъ довольно изрядный окладъ отъ тамошняго питейнаго откупа; но сверхъ сего, онъ былъ однимъ изъ директоровъ вновь основавшейся компаніи, учредитель которой былъ предпріимчивый Московскій Крезъ, Д. П. Шиповъ. Цѣль общества была устройство улучшенныхъ прачешныхъ заведеній при баняхъ, въ разныхъ пунктахъ города, и мысль эта была гуманная по себѣ и удобная для столичныхъ жителей. Вмѣсто нынѣшнихъ плотовъ на Москвѣ-

---

разбитія его войскъ въ пухъ и въ прахъ Австрійцами на морѣ и на сушѣ, въ 1866 году пріобрѣло отъ побѣдителей Венецію со всею ея областью!

*) Въ настоящее время (въ 1875 году) онъ членъ Калужскаго Окружнаго Суда.

рѣкѣ, гдѣ всегда тѣснятся прачки, съ опасностію отморозить руки и ноги въ зимней стужѣ, что также препятствуетъ хорошей стиркѣ бѣлья, компанія помышляла открыть бани въ разныхъ частяхъ города, въ которыхъ излишекъ воды могъ быть употребленъ для мытья бѣлья въ теплыхъ для прачекъ помѣщеніяхъ, съ самою ничтожною платою за входъ, и одновременно съ этимъ посѣтители бань могли, покуда мылись и парились, отдавать грязное свое бѣлье въ прачешное отдѣленіе и, выходя изъ бани, получать бѣлье вымытымъ, высушеннымъ и выглаженнымъ, и все это за самую бездѣльную цѣну. Для поспѣшной же сушки бѣлья предполагалось устроить паровые аппараты. Дѣло казалось практичнымъ; сберегалось здоровье сотень несчастныхъ прачекъ, и проектъ встрѣченъ былъ съ нѣкоторымъ сочувствіемъ въ публикѣ, но патріархальные нравы и закоснѣлость въ старыхъ привычкахъ матушки Бѣлокаменной не дозрѣли, повидимому, до оцѣнки подобнаго прогресса: акціи не разошлись, и дѣло кануло въ присущный ему элементъ, то-есть, въ воду, но только не въ Москворѣцкую, а въ миѳологическую Лету.

Кстати о предпріятіяхъ. Меня чуть не втащили въ одно изъ нихъ, во время моего проѣзда черезъ Москву. Нѣкій столичный пройдохахлыщъ впуталъ метръ-д'отеля Зенаиды Сергѣевны, стариннаго моего знакомаго (съ 1826 года) Флорентинца Танини, въ предпріятіе о составленіи вдвоемъ компаніи для сохраненія и страховки громоздкихъ вещей и взятія ихъ подъ залогъ. Господинъ этотъ представилъ непрактичному въ коммерческихъ дѣлахъ и едва говорившему по-русски Флорентинцу турусы на колесахъ объ огромныхъ барышахъ, предстоявшихъ отъ этого дѣла и успѣлъ уже выманить у легковѣрнаго своего товарища значительныхъ денегъ, чуть ли не болѣе 6 т. рублей, прежде чѣмъ получено было разрѣшеніе отъ правительства на учрежденіе этой компаніи. Но для составленія ея двухъ товарищей было недостаточно, какъ оба они полагали, а нужно было по крайней мѣрѣ третьяго, и потому они предложили мнѣ быть этимъ третьимъ компаніономъ, хотя бы только для проформы. Я долго отклонялъ отъ себя эту честь, извиняясь моимъ невѣдѣніемъ подобныхъ операцій, да и денегъ у меня не было никакихъ, о чемъ было извѣстно самому Танини; но оба товарища отстранили эти препятствія. «Намъ нуженъ», говорили они, «человѣкъ не столько денежный, какъ съ вѣсомъ въ обществѣ и со звонкою, если возможно, фамиліею, а вы соединяете въ себѣ эти два условія». Послѣ долгихъ настаиваній съ ихъ стороны я согласился, но не иначе какъ отказываясь заранѣе отъ всѣхъ предстоящихъ барышей, и чтобы оба эти господина обезпечили меня ре-

версомъ, что, въ случаѣ неудачи, я ни въ чемъ не отвѣчаю. Этою уступкой я ничѣмъ не рисковалъ, да и предвидѣлъ, что все дѣло было ничто иное, какъ чистѣйшій пуфъ. Они приняли мои условія, и въ этомъ смыслѣ былъ написанъ контрактъ между нами. Прозорливость моя не замедлила оправдаться на дѣлѣ, и Флорентинецъ простился на вѣки со своими деньгами, а компаніонъ его попытался было улизнуть тайкомъ изъ Москвы, но, настигнутый въ самомъ вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги, получилъ при всей публикѣ пару полновѣсныхъ пощечинъ отъ медвѣжьей ладони Этрурійскаго эксъ-курьера, чѣмъ и кончилась вся спекуляція, на подобную развязку которой никакъ не разсчитывалъ, конечно, Петербургскій прощалыга.

По дорогѣ изъ Москвы въ Знаменское я завернулъ въ Серпуховской Владычный женскій монастырь, чтобы провѣдать знакомую мнѣ монахиню Антонину, бывшую въ мірѣ Баумгартенъ, съ которою теща моя была на фамиліарной ногѣ, со времени общей ихъ молодости, когда мать Антонина жила въ домѣ княгини Анны Ивановны Щербатовой, урожденной Нарышкиной [1]). Умнѣйшая особа была эта дѣвица Баумгартенъ, и смолоду очень свѣтская и охотница танцовать; но по какому случаю появилось въ ней призваніе къ иноческой жизни, не знаю или не упомню. Съ тещею моей она была на *ты* и кое-когда навѣщала ее въ Знаменскомъ. Однажды (это было еще при жизни моей дочери), когда мать Антонина гостила у насъ и когда теща моя жила въ отдѣльномъ флигелѣ на дворѣ, гостья-монахиня спросила у нея, зачѣмъ она не живетъ въ большомъ домѣ съ нами всѣми? На объясненіе тещи моей, что она не желаетъ безпокоить своихъ дѣтей и что ей свободнѣе жить отдѣльно, пріятельница ея безцеремонно отвѣчала: «Ну, какъ же! Знаю я тебя давно, матушка; ты и смолоду чудила». Когда я навѣстилъ мать Антонину во Владычномъ монастырѣ, она уже нѣсколько времени томилась ракомъ въ груди и года два спустя померла, какъ ни старался поддерживать ее искусный и въ Москвѣ извѣстный, Серпуховской врачъ Петръ Александровичъ Кундасовъ. Она повела меня по всей обители, тщательно и даже изящно устроенной вновь поступившею игуменьей, матерью Митрофаніей, «de triste mémoire» [2]).

[1]) Мать лейбъ-гусара, князя Дмитрія Алексѣевича Щербатова, о которомъ я не разъ уже упоминалъ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Щербатовой, сестра которой была замужемъ за Александровымъ, сыномъ великаго князя Константина Павловича.

[2]) Скорбной знаменитости. Это та самая игуменья, дочь генералъ-адъютанта барона Розена, которая съ прошлаго (1874) года и по сіе время судится по дѣлу о подложныхъ векселяхъ купца Солодовникова; процессъ этотъ надѣлалъ много шуму и въ Россіи, и за границей, и напечатанъ со всѣми подробностями въ переводѣ на иностранныхъ языкахъ.

Но не однимъ внѣшнимъ устройствомъ обители выказала себя на славу игуменья Митрофанія. Она завела золотошвейную мастерскую и этимъ значительно увеличила доходы обители, такъ какъ заказы сыпались отовсюду. Она устроила также аптеку, нанявъ для сего одного провизора, который выучилъ двухъ монахинь разбирать Латинскіе рецепты и по нимъ составлять медикаменты. Я давно зналъ, что эксъ-баронесса Розенъ отличалась недюжиннымъ талантомъ въ живописи, но здѣсь впервыя пришлось мнѣ этимъ любоваться въ цѣломъ, какъ есть, иконостасѣ работы ея кисти. Строго, но безъ утрировки, придерживаясь древней иконописи, она съ умѣніемъ избѣгала сухости и монотонности контуровъ церковно-Греческаго стиля и смягчала ихъ правильностью рисовки. Механизмъ кисти былъ размашистый, «à la» Брюловъ, безъ деталей, и надо было смотрѣть на эту работу въ нѣкоторомъ разстояніи; но тогда эффектъ былъ сильный; фоны были вездѣ золотые. Этотъ стиль живописи былъ тогда еще новизною, и образчики его я видѣлъ въ первый разъ въ Петербургѣ въ 40-хъ годахъ. У этой женщины была вообще бездна вкуса во всемъ, и златошвейныя работы дѣлались по сочиненнымъ ею рисункамъ, и тотъ же изящный во всемъ вкусъ выказывался въ бульварчикахъ съ цвѣтниками, украшающихъ внутренность монастыря. Не пренебрегая болѣе важными предметами, она отыскала въ архивной пыли неизвѣстные или забытые документы на отчужденныя издавна отъ монастыря пустоши и другія угодія и неутомимою своею дѣятельностью возвратила ихъ своему монастырю, который началъ съ того времени все болѣе и болѣе процвѣтать. Жаль, что эта дѣятельность, столь безкорыстная для нея самой (такъ какъ не видать, чтобы она нажила лично какихъ-нибудь капиталовъ), была омрачена нѣкоторыми черными пятнами; а это происходило отъ ея фальшивой точки исхода. Оказывается теперь, что въ ея дѣйствіяхъ по благотворительности она какъ будто придерживалась приписываемому Іезуитамъ правилу, что цѣль оправдываетъ средства.

Въ теченіе лѣта сообщено было мнѣ въ Тарусѣ оффиціальнымъ порядкомъ о высочайшемъ отказѣ на мое прошеніе о вознагражденіи меня за взятіе моего имѣнія въ казенную собственность помимо торговъ. Отказъ былъ основанъ на мнѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ, куда поступило мое прошеніе. Понятно, что никому нѣтъ охоты класть охулки на свои руки, и потому тогдашній министръ (кажется, М. Н. Муравьевъ) одобрилъ въ этомъ случаѣ дѣйствія его предшественника. Будь я менѣе безхарактеренъ, мнѣ сейчасъ же слѣдовало просить высочайшей милости, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы сынъ мой (которому минуло тогда 13 лѣтъ) былъ принятъ на казенный

счетъ въ какое-нибудь учебное заведеніе и не обманывать самого себя, что имѣю возможность успѣшно воспитывать его дома. Думаю, что, при Петербургскихъ моихъ связяхъ, не встрѣтилъ бы я отказа въ этой просьбѣ, и теперь совѣсть сильно меня упрекаетъ въ томъ. Единственное, и то слабое, мое извиненіе состоитъ въ томъ, что я опасался за его здоровье, требовавшее неусыпныхъ попеченій, чего трудно было ожидать въ чужихъ людяхъ.

Свадьба молодой Нарышкиной состоялась лѣтомъ, въ имѣніи отца ея жениха, Сергѣя Николаевича Кашкина, вблизи къ Козельску и къ Оптиной пустыни. Туда поѣхали съ моимъ шуриномъ жена моя съ Митею, а я остался, самъ не знаю зачѣмъ, въ Знаменскомъ съ тещею. Охочь былъ подшучивать мой шуринокъ, весь въ отца (свѣтская любезность Жанð Нарышкина была довольна извѣстна Московскому высшему обществу до и послѣ 1812 года), и вотъ на этой свадьбѣ вздумалъ онъ мистифировать стараго учителя Русскаго языка Иванова, выдавая свою сестру (т.-е. мою жену) за жену губернатора Арцымовича. (Здѣсь приходится мнѣ напомнить читателю, что въ началѣ 30-хъ годовъ этотъ Ивановъ былъ учителемъ въ Тарускомъ уѣздномъ училищѣ и проводилъ бóльшую часть времени въ домѣ тещи моей, а въ концѣ 50-хъ годовъ уже былъ штатнымъ смотрителемъ Перемышльскаго уѣзднаго училища). Жена моя не выдержала роли ея превосходительства и робко-почтительнаго обхожденія съ нею Иванова и съ хохотомъ спросила: «Помилуйте, любезный Ѳедоръ Ивановичъ, да неужели вы не узнаёте старой вашей ученицы, Екатерины Ивановны Нарышкиной?» Очень натурально, что онъ не могъ узнать мою жену, съ которой не встрѣчался въ теченіи двадцати пяти лѣтъ.

Что за миловидная пара была Николай Сергѣевичъ Кашкинъ и Лиза Нарышкина! Жили они какъ голубки, но не суждено было долго длиться этому семейному счастію. Лиза умерла въ послѣднихъ дняхъ Декабря 1869 года въ Калугѣ, послѣ родовъ; хотя роды были благополучны, но у нея было органическое поврежденіе въ спинномъ мозгу. Обожавшій свою дочь шуринъ мой пощаженъ былъ судьбою: онъ опередилъ дочь свою въ могилѣ тремя съ половиною годами ранѣе.

На этой же свадьбѣ находился и одушевлялъ общество своею веселостью другой неземной жилецъ, сынъ сенатора Ипполита Ивановича Подчаскаго, только-что опредѣлившійся на службу въ Калугѣ.

Лѣтомъ опасно заболѣлъ безкорыстный и неутомимый по службѣ Тарускій нашъ исправникъ, Александръ Александровичъ Сумароцкій, единственная опора двухъ незамужнихъ и собою преспмпатичныхъ его

сестеръ. Болѣзнь его быстро превратилась въ воспалительное состояніе, и чрезъ нѣсколько дней его не стало, въ чемъ онъ самъ отчасти былъ виноватъ, по упрямству не пустивъ себѣ крови, какъ настаивалъ опытный Таруской нашъ врачъ и его другъ Яковенко. Сангвиническій темпераментъ Сумароцкаго требовалъ энергическихъ мѣръ; но онъ не довѣрялъ ни на грошъ медицинскому искусству и особенно насчетъ кровопусканія, и говаривалъ, что кто только пуститъ себѣ кровь, тотъ пропащій человѣкъ. Стеченіе всѣхъ сословій на его похоронахъ краснорѣчиво говорило, каковъ былъ этотъ человѣкъ. Не помню, сказывалъ ли я о его Геркулесовой силѣ и безстрашности. Онъ останавливалъ тарантасъ, катившійся на полномъ ходу съ горы, схватившись за ступицу задняго колеса одною рукой. А насчетъ его отваги достаточенъ будетъ одинъ примѣръ. Повадились въ уѣздѣ конокрады не изъ простыхъ крестьянъ, а изъ неслужащихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ; ихъ было два или три брата, и работали они, вѣроятно, со своими челядинцами. И вотъ Сумароцкій, взявъ съ собою одного разсыльнаго, въ глубокую ночь накрылъ ихъ съ поличнымъ, схватилъ и привезъ въ городъ въ качествѣ арестантовъ.

По новому министерскому распоряженію о замѣщеніи выбывшихъ исправниковъ по дворянскимъ выборамъ коронными чиновниками по усмотрѣнію губернаторовъ (мѣра эта, впрочемъ, была необязательна), В. А. Арцымовичъ назначилъ въ Таруской уѣздъ, вмѣсто умершаго Сумароцкаго, своего чиновника особыхъ порученій, Викентія Ѳомича Раковскаго, одного изъ насъ трехъ, Рязанскихъ бѣглецовъ. И вотъ съ того времени В. Ѳ. Раковскій все болѣе и болѣе пошелъ въ гору.

При открытіи охотничьяго сезона, то-есть въ первыхъ числахъ Сентября, перебрался изъ Серпуховскаго своего уѣзда въ Таруской Петръ Александровичъ Нащокинъ, со своею многолюдною псовою охотой. Личность эта была изъ тѣхъ утраченныхъ на вѣки типовъ, существованіе которыхъ возможно было лишь въ Московскомъ и провинціальномъ обществахъ въ первой четверти текущаго вѣка, и вотъ почему она напрашивается на очеркъ.

П. А. Нащокинъ, потомокъ извѣстнаго Ордина-Нащокина, завѣдывавшаго Посольскимъ Приказомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и двоюродный братъ Павла Воиновича Нащокина (друга А. С. Пушкина), проживалъ бо̀льшую часть года въ Серпуховскомъ подгородномъ своемъ имѣніи Рай-Семеновское, гдѣ при жизни еще его отца (въ началѣ текущаго вѣка) открытъ былъ источникъ какихъ-то цѣлебныхъ

водъ, посѣщаемыхъ въ свое время значительною частью Московской публики. Позднѣе гигіеническая несостоятельность этихъ водъ была признана; онѣ мало-по-малу опустѣли, и въ 30-хъ годахъ о нихъ и помину уже не было. Петръ Александровичъ имѣлъ свой домъ въ Москвѣ, въ Средне-Гнѣздниковскомъ переулкѣ, насупротивъ церкви Св. Николы въ Гнѣздникахъ, и въ немъ онъ проводилъ зимніе мѣсяцы *). Каждою осенью съ давнихъ временъ онъ отправлялся въ отъѣзжее поле и, перетравивъ все возможное въ Серпуховскомъ и Подольскомъ уѣздахъ, перекачивалъ нерѣдко въ нашъ Тарускій. Въ этихъ случаяхъ онъ возилъ съ собою полный оркестръ духовыхъ инструментовъ изъ вольно-наемныхъ Русскихъ и Нѣмецкихъ музыкантовъ, и часто оркестръ этотъ былъ выше посредственнаго. У насъ онъ дѣлалъ стоянку по нѣскольку дней, глядя по количеству зайцевъ и краснаго звѣря въ округѣ, и былъ не только не накладнымъ гостемъ, а, напротивъ, прибыльнымъ для хозяйства. Свита его доходила до 20 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ (послѣдніе были ружейники) и до тридцати лошадей; а охотничьи изъ нихъ были всѣ Донцы; число же гончихъ, борзыхъ и лягавыхъ доходило, пожалуй, и до сотни. За забранное имъ и его свитою молоко, сливки, масло, крупу, муку, овощи, сѣно, овесъ и дрова платилъ онъ щедро, не торгуясь, а просилъ только о дозволеніи выпускать свой табунъ въ дни отдыха на паръ, и этимъ онъ даже удобривалъ поля; а по отъѣздѣ его накапливались въ конюшняхъ весьма почтенныя груды навоза, и это имѣло свое значеніе въ хозяйствѣ. Въ числѣ экипажей была всегда при немъ фура, со всякаго рода провизіей и гастрономическими утонченностями, выписываемыми изъ Москвы; былъ съ нимъ также артистъ-поваръ, и даже, если не ошибаюсь, полная кухонная батарея на случай, если пришлось бы готовить въ избахъ. Такъ какъ ежедневная охота длилась до сумерокъ и даже позднѣе, то онъ обѣдалъ въ отведенныхъ ему комнатахъ съ сыномъ (не долго служившимъ въ кавалергардскомъ полку) и со своими гостями, участвовавшими въ его охотѣ.

Обѣдъ былъ изготовленъ его поваромъ, а въ прогульные отъ охоты дни онъ угощалъ роскошною своею трапезою съ отборными всегда винами домохозяевъ, а затѣмъ собирался оркестръ и игралъ до поздняго часа ночи. Если у домохозяевъ были молодныя дѣвушки, или онѣ находились тутъ какъ гости, и были при этомъ и кавалеры (что̀ случалось, такъ какъ изъ окрестностей пріѣзжали желающіе послушать

---

*) Домъ этотъ онъ отдалъ въ приданое дочери своей, вышедшей замужъ за небезталантливаго писателя Тарновскаго, сына брандъ-маіора при оберъ-полицеймейстерѣ Л. М. Цынскомъ.

музыку), то вечеръ проходилъ въ танцахъ. А иногда, для разнообразія, Петръ Александровичъ устроивалъ представленія бѣлой магіи à-ла-Боско [1]), для чего, облекшись въ традиціонный костюмъ фокусника, занималъ свою безплатную публику опытами экспериментальной физики, въ чемъ былъ весьма искусенъ, и возилъ для этого съ собою цѣлый кабинетъ фокусныхъ аппаратовъ. Но кромѣ этого таланта была у него еще болѣе эксцентрическая специальность: онъ былъ патентованный, какъ слѣдуетъ, зубной врачъ. Профессію эту онъ изучилъ въ Парижѣ, гдѣ и получилъ дипломъ на нее. При немъ былъ ящикъ съ нужными по этой части инструментами, и онъ выдергивалъ кому угодно зубы, пломбировалъ ихъ и вставлялъ фальшивые, и все это, разумѣется, даромъ. Когда я съ нимъ познакомился (осенью 1857 года), онъ былъ весьма еще красивый, высокій, широкоплечій и свѣжій мужчина, съ сѣдыми стриженными подъ гребешокъ волосами и съ нафабренными усами и шпаніолеткою [2]), и трудно было догадаться, что ему уже минуло семьдесятъ лѣтъ. Съ видной наружностью онъ соединялъ хорошія манеры, свѣтскую любезность, говорилъ громко и немного отрывисто; Французскимъ нарѣчіемъ щеголялъ, какъ всѣ его сверстники Александровскаго времени и владѣлъ неисчерпаемою памятію, снабжавшею его анекдотами всякаго рода. На охотѣ, онъ самъ, сынъ его и всѣ его охотники носили красный кéпи военнаго покроя.

Не удалось какъ-то мнѣ побывать въ Рай-Семеновскомъ; но по отзыву посѣтителей не было вниманія, ни предупредительности, которыхъ хозяинъ дома не выказывалъ бы своимъ гостямъ, и аппартаменты, имъ отведенные, отличались утонченнымъ комфортомъ. Все было тамъ припасено, даже до нѣсколькихъ сортовъ мыла и прочихъ парфюмерныхъ принадлежностей. За столомъ у себя дома и въ отъѣзжемъ полѣ лилось Шампанское; но самъ онъ былъ крайне воздерженъ и не выпивалъ болѣе полубокала, изъ опасенія удара, такъ какъ онъ былъ тученъ и сангвиническаго тѣлосложенія. Въ началѣ 50-хъ годовъ онъ раздробилъ себѣ ногу ниже колѣна, при паденіи въ подвалъ въ оранжерейномъ простѣнкѣ, и пришлось прибѣгнуть къ ампутаціи; она была сдѣлана безъ хлороформа, и въ продолженіе операціи паціентъ ни разу не вскрикнулъ, а глотками пилъ Шампанское и курилъ сигару. Оперировавшій его Серпуховской врачъ Кундасовъ раз-

---

[1]) Этотъ Боско былъ хиромантикъ Европейской знаменитости въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Тѣмъ не менѣе удалось какому-то шулеру порядочно облупить, какъ я слышалъ, этого мага.

[2]) Такъ, кажется, зовется (а иногда „impérial") клочекъ бороды подъ нижнею губой.

сказывалъ мнѣ много позднѣе, что ампутація продолжалась болѣе получаса, такъ какъ хирургія не была его спеціальностію, и онъ согласился взяться за операцію по отсутствію другаго хирурга и по убѣдительнымъ просьбамъ самаго Нащокина, а вовторыхъ, потому что инструменты его не были достаточно острыми; отложить же операцію для точенія ихъ потребовало бы слишкомъ много времени. Однакоже деревяшка не мѣшала впослѣдствіи Нащокину скакать верхомъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Въ давно минувшіе дни его молодости, Рай-Семеновскій помѣщикъ слылъ буйнымъ господиномъ и игрокомъ и попался въ 20-хъ годахъ въ какую-то шумную въ свое время исторію, подробности которой мнѣ мало извѣстны, но въ ней чуть ли не были также замѣшаны Москвичи гг. Шатиловъ и шуринъ его Алябьевъ [1]), которымъ еще въ 1840 году запрещенъ былъ въѣздъ въ обѣ столицы, а П. А. Нащокину велѣно было (если не ошибаюсь) жить безвыѣздно въ своемъ имѣніи. Въ 50-хъ годахъ запретъ жить въ столицахъ давно уже былъ снятъ. Ходили также разные несовсѣмъ похвальные анекдоты о прежнемъ его ухарствѣ и дикомъ произволѣ (но только не надъ своими крестьянами), по примѣру нѣкоторыхъ изъ провинціальныхъ крупныхъ баръ первой четверти текущаго вѣка; но до этого предмета я не коснусь уже потому, что подробностей о немъ не знаю, да еслибы и зналъ, то не далъ бы имъ мѣста здѣсь, такъ какъ опытъ меня научилъ, что народная молва не всегда вѣрна, да и вообще я предпочитаю придерживаться Латинской поговорки, что лучше молчать объ умершихъ людяхъ, если нельзя сказать ничего о нихъ похвальнаго. Относительно же отжившаго типа дворянъ-буяновъ нахожу, что индивидуальныя личности заслуживаютъ снисходительности, когда онѣ вращаются со дня ихъ рожденія въ зараженной стихіи; мѣрить ихъ на нашъ аршинъ и пропускать ихъ черезъ наше общественное рѣшето было бы крайне несправедливо. То ли еще творили крупные помѣщики и даже придворные магнаты въ блаженный, какъ называютъ его, вѣкъ матушки-Екатерины [2])?!

---

[1]) Г. Алябьевъ пользовался въ свое время большою славою какъ композиторъ романсовъ. Кажется мнѣ, что несостарившійся по сю пору „Соловей, мой соловей“ есть его произведеніе.

[2]) Вольтеру приписываютъ слова „que la Russie est pourrie avant d'être devenue mûre (что Россія сгнила прежде чѣмъ созрѣла); но рѣзкое это сужденіе Фернейскаго философа не можетъ никакъ относиться къ Русскому простому люду, котораго онъ не зналъ.

Изъ несовсѣмъ похвальныхъ слуховъ о молодости П. А. Нащокина я однакоже вывелъ заключеніе, что въ необузданномъ разгулѣ Русской широкой натуры, въ этихъ такъ называемыхъ въ старину «шалостяхъ» (а по нынѣшнему самовольныя расправы) проглядывали нерѣдко расточительность и вельможныя замашки. Щедрая рука вознаграждала причиненный ею же матерьяльный вредъ: тѣшь, молъ, мой обычай, но не бойся, въ убыткѣ не будешь. Случилось однажды, что, во время отдыха съ охотою Петра Александровича въ какой-то деревнѣ, одинъ изъ тамошнихъ крестьянъ не соглашался ни за какія деньги отдать свой пустой сарай для помѣщенія въ немъ охотничьихъ лошадей, за что г. Нащокинъ (какъ разсказываютъ) сжегъ весь сарай до тла и тутъ же щедро (и вѣроятно даже свыше стоимости) заплатилъ за сгорѣвшее строеніе. Я думаю, что еслибы пожаръ распространился и далѣе, то и тогда виновникъ бѣдствія не заикнулся бы тряхнуть карманомъ, нѣсколькими тысячами рублей, для полнаго удовлетворенія пострадавшихъ крестьянъ, а между тѣмъ утѣшался бы мыслію, что онъ поставилъ на своемъ. Но это были дѣла давно минувшихъ лѣтъ, а когда я познакомился съ Петромъ Александровичемъ, не оставалось въ немъ и тѣни прежняго самодурства и удальства. Справедливо замѣтилъ одинъ Французскій наблюдатель общественныхъ нравовъ прошлаго столѣтія, герцогъ Сенъ-Симонъ (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ позднѣйшимъ мечтателемъ той же фамиліи и основателемъ полурелигіозной секты, носившей названіе Сенъ-Симонистовъ), что бываетъ мода на преступленія, такъ какъ и на покрой платья *). Дикое ухарство, мною здѣсь описываемое, названо было мною провинціальною замашкою, потому что едвали было возможно развиваться ему въ столицахъ.

Докончу портретъ Петра Александровича одной еще чертою. Когда онъ разъѣзжалъ однажды съ своею охотою по Серпуховскому шоссе, мимо его промчалась телѣга съ сѣдокомъ, а вдали (сзади) слышны были крики: «держи, держи!» Подозрѣвая, что въ улепетывавшемъ человѣкѣ было что-то сомнительное, Нащокинъ пустился съ своими верховыми въ догонку за нимъ, остановилъ его, насильственно привелъ его въ городъ и сдалъ съ рукъ на руки исправнику, разсказавъ послѣднему о мотивахъ произведеннаго имъ ареста. Серпуховской Фуше разсыпался въ благодареніяхъ за эту услугу, такъ какъ арестантъ

---

*) Самоубійство, это скорбное и часто повторяющееся явленіе въ послѣднихъ десять или пятнадцать лѣтъ, можно подвести подъ аксіому Французскаго писателя. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстаго.*

оказался давно извѣстный воръ. Петръ Александровичъ сказывалъ намъ объ одномъ сдѣланномъ имъ въ своей округѣ распоряженіи, которое не мѣшало бы ружейнымъ охотникамъ принять къ свѣдѣнію: въ виду ежегоднаго уменьшенія дичи въ окрестностяхъ Рай-Семеновскаго, онъ выдавалъ установленную плату за всякую убитую *хищную* птицу, и черезъ три-четыре года дичь умножилась.

Стоянка въ Знаменскомъ Нащокинской охоты причинила намъ только одну, и то неважную, непріятность. Лягавая красавица одного изъ его ружейниковъ прельстила и увела съ собою караульнаго нашего пса, водолаза Буксира, хотя бѣглецъ имѣлъ свою, однопородную съ нимъ подругу. На первомъ привалѣ отъ Знаменскаго, гдѣ Петръ Александровичъ угостилъ насъ въ послѣдній разъ банкетомъ и музыкальнымъ вечеромъ, я увидѣлъ нашего дезертира; но какъ ни старались мы заманить его обратно домой, онъ только помахивалъ хвостомъ и окончательно ушелъ съ охотою. О подобной сентиментальности во псѣ я никогда не слыхивалъ.

Съ этого привала, гдѣ жена и я ночевали (такъ какъ это было у знакомаго намъ помѣщика, роднаго брата умершаго исправника Сумароцкаго), я предпринялъ экскурсію на простой телѣгѣ, чтобы срисовывать съ натуры нѣкоторыя примѣчательныя мѣстности по берегу Протвы, каковыми можно назвать нынѣшнее село Оболенскъ, бывшее въ древности княжескимъ удѣломъ и остававшееся городомъ до половины прошлаго XVIII вѣка, и село Троицкое, бывшее любимою резиденціею княгини Екатерины Романовны Дашковой. Оттуда я проѣхалъ съ той же цѣлью въ Боровскъ и въ этомъ древнемъ разсадникѣ благочестія расположился на постояломъ дворѣ весьма опрятномъ, съ вывѣскою «Пале-Рояль.» О просвѣщеніе, куда ты не проникло!

Осенью этого же года (1860) состоялась одна основная реформа по слѣдственной части, предвѣстница коренной реорганизаціи всего судебнаго вѣдомства, высочайше утвержденной 24 Ноября 1864 года. Производство слѣдствій лежало дотолѣ на полиціи (городской и уѣздной), на губернаторскихъ чиновникахъ особыхъ порученій и на слѣдственныхъ приставахъ, находившихся въ обѣихъ столицахъ и въ нѣкоторыхъ (но не во всѣхъ) губернскихъ городахъ, по особенно важнымъ дѣламъ *). Слѣдственная часть была въ крайне жалкомъ положе-

*) Въ экстренныхъ иногда случаяхъ Губернскія Правленія поручали производство слѣдствій ассесору или совѣтнику этого же Правленія, а губернаторы—обыкновеннымъ чиновникамъ ихъ канцелярій.

ніи. Частные пристава, квартальные надзиратели и ихъ помощники, не успѣвавшіе и безъ того сладить съ ежедневными ихъ занятіями, скомкивали, бывало, слѣдствія (часто уголовныя) кое-какъ, на скорую руку и лишь бы внѣшняя формалистика была соблюдена, а о сути дѣла мало заботились. Случалось, что свидѣтельскія показанія писались какъ будто бы отъ спрошенныхъ подъ присягою лицъ, тогда какъ они не присягали. Сажались подъ арестъ обвиняемые безъ достаточныхъ причинъ, и наоборотъ оставлялись на свободѣ такіе, противъ которыхъ были тяжкія улики. Да и многія другія безобразія дѣлали эти изслѣдователи, исчислить которыя невозможно, не говоря уже о пристрастномъ направленіи дѣла въ угодность начальству, или по лицепристрастію. На нѣкоторыя эти противузаконныя дѣйствія я уже указалъ, говоря о служебныхъ моихъ занятіяхъ при Рязанскомъ и Калужскомъ губернаторахъ, и изъ этого можно усмотрѣть, на сколько вся эта обвѣтшалая система требовала коренной реорганизаціи, и она-то наконецъ послѣдовала въ 1860 году. Учреждены были судебные слѣдователи, и исключительно на нихъ однихъ возложено было производство уголовныхъ обвиненій, влекущихъ къ бóльшей или меньшей потерѣ гражданскихъ правъ. Но для облегченія судебныхъ слѣдователей возложено было на членовъ полиціи производить первоначальное дознаніе о происшествіяхъ и преступленіяхъ, то-есть удостовѣряться, совершено ли было дѣйствительно преступленіе, или былъ о томъ ложный лишь слухъ; а въ случаѣ скоропостижной смерти, полиція должна была констатировать, послѣдовала ли смерть отъ естественныхъ причинъ или отъ убійства. Обязанностію полиціи было также сохранять въ цѣлости вещественныя доказательства и слѣды преступленія до прибытія на мѣсто слѣдователя, котораго она (полиція) немедленно извѣщала о первоначальныхъ ея дѣйствіяхъ и затѣмъ передавала ему все дальнѣйшее производство. Слѣдователи назначались въ первое время начальниками губерній по соглашенію съ губернскими прокурорами и считались членами уѣздныхъ судовъ, гдѣ и засѣдали въ случаяхъ неполнаго числа присутствующихъ. Они находились подъ указомъ и контролемъ Уголовныхъ Палатъ, въ которыхъ учреждено было для этого особое отдѣленіе подъ названіемъ «ревизіонный столъ судебныхъ слѣдователей». (Съ нимъ-то пришлось мнѣ воевать подъ конецъ, и побѣда не осталась на моей сторонѣ, какъ надѣюсь разсказать въ своемъ мѣстѣ). Слѣдственные участки были разграничены по усмотрѣнію (какъ надо полагать) начальниковъ губерній и утверждались Министерствомъ Юстиціи, а окладъ судебнымъ слѣдователямъ былъ назначенъ довольно значительный сравнительно съ тогдашними штатами по Министерству

Юстиціи [1]): съ квартирными, столовыми и разъѣздными деньгами новые судебные слѣдователи получали безъ малаго 1.400 р. въ годъ и считались въ VIII-мъ классѣ.

Новый Тарускій исправникъ, онъ же и бывшій мой сослуживецъ, В. Ѳ. Раковскій, подалъ мнѣ однажды совѣтъ проситься на эту должность, и я ухватился за эту мысль тѣмъ живѣе, что хозяйственныя мои хлопоты не удовлетворяли вполнѣ моей умственной дѣятельности, и я начиналъ скучать отъ неимѣнія обязательныхъ занятій. Не теряя времени, я отнесся письмомъ къ В. А. Арцымовичу, прося его назначить меня, буде это возможно, Тарускимъ судебнымъ слѣдователемъ. (Я забылъ дополнить, что въ иныхъ уѣздахъ было назначено по одному только судебному слѣдователю, съ городомъ включительно, въ другихъ уѣздахъ было по два участка, а въ Калужскомъ уѣздѣ, сверхъ двухъ участковъ, былъ назначенъ третій судебный слѣдователь, для самаго губернскаго города).

Арцымовичъ любезно отвѣчалъ мнѣ, что онъ съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ исполнить мое желаніе, и я сейчасъ же поѣхалъ въ Калугу, чтобы лично подать ему форменное прошеніе.

Выходя отъ губернатора, я поспѣшилъ къ моимъ друзьямъ Яковлевымъ и засталъ всю ихъ семью за вечернимъ чаемъ. Тутъ же сидѣлъ домашній ихъ врачъ Ѳедоръ Васильевичъ Бекеръ, который спросилъ у меня мимоходомъ о причинѣ моего пріѣзда въ Калугу. Когда я отвѣчалъ на его вопросъ, онъ сказалъ: «Понимаю; значитъ, что и вы проситесь также на новомодную должность. Конечно, оно сначала всегда бываетъ такъ: народецъ все чистенькій, какъ вы и Подчаскій [2]). Помню, что точно такое же увлеченіе было и въ 30-хъ годахъ: хотѣли облагородить уѣздныя должности по дворянскимъ выборамъ, и вотъ, между прочимъ, графъ Ростопчинъ (Сергѣй Ѳедоровичъ) пошелъ въ Подольскіе уѣздные судьи, такъ какъ у него было имѣніе тамъ; а какой-то богатый князь или графъ пошелъ, по его примѣру, въ исправники; но эта вспышка недолго длилась. Аристократы охладѣли и

---

[1]) Судья въ уѣздныхъ судахъ получалъ, кажется (да и то съ недавняго времени), всего 500 р. въ годъ.

[2]) Единственный сынъ сенатора Ипполита Ивановича Подчаскаго, о которомъ я уже упомянулъ, какъ объ одномъ изъ гостей на свадьбѣ моей племянницы Лизы Нарышкиной. Этотъ прекрасный собою и много обѣщавшій молодой человѣкъ былъ назначенъ также судебнымъ слѣдователемъ по Калужскому уѣзду; но онъ недолго служилъ: заболѣвъ чахоткою въ слѣдующемъ 1861 году, онъ умеръ въ Висбаденѣ въ томъ же, кажется, году или въ началѣ 1862 года.

скоро вышли въ отставку, а на ихъ мѣста поступила опять прежняя мелкотравчина. Такъ же будетъ и съ вашею новомодною должностью. Вы всѣ, чистенькій народецъ, скоро удерете, а тамъ поползутъ, вмѣсто васъ, квартaшки». Предсказаніе доктора Бекера сбылось [1]).

По словесному предложенію губернатора, мы, чистенькій нашъ народецъ, собирались два-три раза по вечерамъ, дабы сообща познакомиться съ новымъ почти для насъ дѣломъ и сообразить будущія наши дѣйствія. Пояснителями новаго «Наказа судебнымъ слѣдователямъ» (во многомъ различествовавшаго съ прежними правилами о производствѣ слѣдствій) взялись быть Николай Петровичъ Гавриловъ, тогда товарищъ предсѣдателя Уголовной Палаты, составившій себѣ репутацію по слѣдственной части [2]), и тогдашній Калужскій губернскій прокуроръ, г-нъ Трузсонъ [3]). Вставлялъ также кое-когда свои замѣчанія присутствовавшій на нашихъ вечернихъ бесѣдахъ князь Андрей Васильевичъ Оболенскій, предсѣдатель Гражданской Палаты. Остроты и шутки оживляли серіозный ходъ этихъ преній, а одинъ изъ молодыхъ нашихъ собратій Сабуровъ (изъ студентовъ), вмѣстѣ съ Подчаскимъ, составили пѣсню на новую нашу должность, изъ которой помню два стиха:

„По чину мы маіору равны,
А по разъѣздамъ—становымъ“.

И дѣйствительно, матушка-казна не упустила и этого случая, чтобы не поскряжничать. Зачислить насъ въ 8-й классъ ничего ей не стоило, это былъ лишь почетъ; но исправникъ, числящійся въ этомъ классѣ, получалъ прогоны на тройку, какъ штабъ-офицеръ (коллежскій асессоръ), а эту-то третью лошадь казна отжилила у новыхъ судебныхъ слѣдователей, назначивъ имъ прогонныя деньги на пару, какъ становымъ приставамъ.

---

[1]) Со введеніемъ общей новой судебной реформы въ 1866 году, эти судебные слѣдователи-квартaшки были замѣнены болѣе надежными лицами. Но замѣчательно, что большинство этихъ новыхъ лицъ не утверждены по сю пору и числятся исправляющими должность судебныхъ слѣдователей. Ясно, по моему, что этою мѣрой руководствуется г. министръ юстиціи, дабы имѣть право смѣнять и удалять ихъ по своему усмотрѣнію, чего онъ не имѣлъ бы права сдѣлать, если бы судебные слѣдователи были утверждены въ ихъ должностяхъ, такъ какъ по новымъ судебнымъ уставамъ всѣ лица юридическаго вѣдомства не могутъ быть смѣняемы или удаляемы безъ преданія суду или безъ ихъ согласія.

[2]) Незадолго послѣ сего, Н. П. Гавриловъ былъ назначенъ Кіевскимъ губернскимъ прокуроромъ, а затѣмъ Псковскимъ. Теперь онъ предсѣдатель (кажется) Тульскаго Окружнаго Суда.

[3]) Сынъ Трузсона, бывшаго въ 40-хъ годахъ Бобруйскимъ комендантомъ.

Мое опредѣленіе на должность судебнаго слѣдователя въ Тарускій уѣздъ состоялось во второй половинѣ Октября 1860 года.

Такъ какъ со времени выхода въ отставку графа Дмитрія Николаевича Толстаго, въ Августѣ 1858 года, мы потеряли его изъ виду, то пробѣлъ этотъ надо дополнить.

Изъ Калуги графъ уѣхалъ первоначально къ себѣ въ деревню (въ Данковскомъ уѣздѣ), осенью въ Парижъ, и оттуда въ Прагу, излюбленный имъ городъ по чисто-славянской его національности, гдѣ графъ провелъ зиму [1]), пригласивъ въ сопутники, на полное его содержаніе, молодого чиновника Калужской его канцеляріи Дьякова. Вернувшись въ Россію, въ концѣ 1859 или въ началѣ 1860 года, онъ удостоился слышать отъ министра внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскаго, что Государю желательно, чтобы онъ снова поступилъ на службу и принялъ бы мѣсто Воронежскаго губернатора. Понятно, что графъ не помыслилъ отговариваться, подъ предлогомъ неизлѣчимыхъ его недуговъ, придуманныхъ имъ и докторомъ Холмскимъ въ 1858 году, и заявилъ свою готовность служить, гдѣ только благоугодно будетъ Царю. Вскорѣ послѣ его прибытія въ Воронежъ, онъ переманилъ туда въ совѣтники Губернскаго Правленія Владимира Андреевича Лысогорскаго, бывшаго въ то время тѣмъ же въ Калужскомъ Губернскомъ Правленіи, а преемникомъ г. Лысогорскаго, какъ правителя губернаторской канцеляріи, назначенъ былъ вновь прибывшій съ В. А. Арцымовичемъ какой-то Петербуржецъ [2]), котораго менѣе чѣмъ чрезъ годъ замѣнилъ В. Ѳ. Раковскій, не долго бывшій Тарускимъ исправникомъ. На мѣсто же Раковскаго Тарускимъ исправникомъ былъ уже въ началѣ 1861 года Владимиръ Антоновичъ Шумовскій, изъ гвардейскихъ офицеровъ [3]). Въ концѣ этого же 1860 года поступилъ на службу въ Калугу проживавшій тамъ съ 1858 года, прощеный декабристъ, Петръ Николаевичъ Свистуновъ. Куда поступилъ онъ первоначально, не помню; но при обнародованіи манифеста 19 Февраля 1861 года П. Н. Свистуновъ уже былъ членомъ отъ правительства въ Калужскомъ губернскомъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ.

---

[1]) Нѣтъ Славянскаго нарѣчія, съ которымъ графъ Дмитрій Николаевичъ не былъ бы знакомъ, въ томъ числѣ и съ Польскимъ.

[2]) Если память моя вѣрна, это былъ г. Серно-Соловьевичъ; онъ же чуть ли не былъ замѣшанъ позднѣе въ какомъ-то подпольномъ обществѣ.

[3]) Онъ былъ женатъ на дочери помѣщика Калужскаго уѣзда г. Скворцова, сына извѣстнаго камердинера императора Александра Павловича.

Въ описанномъ теперь періодѣ, отъ 1857 года до осени 1860 года, въ семейной нашей лѣтописи ничего особеннаго не произошло, кромѣ того, что мой племянникъ, графъ Дмитрій Петровичъ, женился на Португалькѣ, которая оказалась достойнѣйшею молодою женщиной.

Не помню навѣрно, въ этомъ ли 1860 году или въ слѣдующемъ, умеръ въ Туринѣ зять мой, маркизъ Клавдій д'Эксъ-Сейссель. Сестра моя Елисавета Дмитріевна давно уже разъѣхалась съ мужемъ и поселилась во Флоренціи (при жизни еще нашей матери), съ малолѣтнею своею дочерью Алиной, воспитывавшеюся въ тамошнемъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. При первомъ извѣстіи объ ударѣ, случившемся съ ея мужемъ, она поспѣшила къ нему, и хотя застала его еще живаго, но безъ языка и въ безсознательномъ почти состояніи. Сестра моя, этотъ ангелъ доброты, кротости и долготерпѣнія, увѣрена по сю пору, что мужъ узналъ ее и протянулъ, или хотѣлъ протянуть, ей руку. Онъ былъ незлаго сердца человѣкъ, честный и изумительной храбрости, но вспыльчивый до сумасшествія.

*

Тутъ кончаются Записки графа М. Д. Бутурлина. Онъ умеръ осенью 1876 года, въ Москвѣ, въ Городской больницѣ. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО ОТЦУ ИЗЪ НЕАПОЛЯ ВЪ МОСКВУ [1]).

Неаполь, 6 Іюля 1803.

Поступокъ Шереметева [2]) дѣлаетъ ему честь, и теперь онъ будетъ извѣстенъ не потому только, что имѣетъ 140 т. душъ. Дай Богъ всякому Русскому такихъ чувствованій и чтобъ были они внушаемы не надеждою полученія лентъ, блистательныхъ и отличныхъ награжденій, но чистосердечною ревностію ко благу любезнаго отечества. Мнѣ, право, часто, приходила на умъ мысль: зачѣмъ Шереметевъ, который чрезмѣрно богатъ и бездѣтенъ [3]), не сдѣлаетъ что-нибудь отличнаго для Россіи? Мы здѣсь всѣ пили здоровье графа Николая Петровича.

Одной табакерки далъ я вамъ фальшивое истолкованіе, потому что и мнѣ соврали. Stellaria не есть окаменѣлость морская, но вотъ чтò: въ Сардиніи есть одна грота, въ которой отъ сырости капаетъ съ потолка; нѣкоторыя капли, будучи слишкомъ легки, чтобы пасть, утвердились и со временемъ окаменѣли. Другіе же говорятъ, что это родъ извести и что воды совсѣмъ тутъ нѣтъ. Не знаю, кому изъ трехъ вѣрить; но, чтò бы ни было, камень по одному своему рисунку уже хорошъ.

На прошлой недѣлѣ ѣздилъ я съ Рихтеромъ и Долгоруковымъ въ Castellamare, Sorento и островъ Капри. Мы тамъ провели три дня очень весело. Мѣстоположенія сіи прекрасны. Есть въ Sorento на горѣ одинъ монастырь, изъ котораго видны: по правую Неапольскій, а по лѣвую Салернскій заливы. Ничего съ симъ видомъ сравниться не можетъ; весь Неаполь съ окружностями какъ на ладони. Теперь открыты i Regi Studi, и третьяго дня видѣлъ я славнаго Фарнезскаго Гер-

---

[1]) См. выше, стр. 120.

[2]) Рѣчь идетъ о грандіозномъ дѣлѣ частной благотворительности объ учрежденіи въ Москвѣ Страннопріимнаго Дома графа Шереметева.

[3]) А. Я. Булгаковъ въ Неаполѣ не зналъ, что у графа Н. П. Шереметева въ этомъ 1803 году (3 Февраля) родился сынъ графъ Дмитрій.

кулеса; какъ видно, что лѣвая рука придѣлана послѣ. Неужели никогда не дойдутъ до того, чтобы перещеголять древнихъ въ скульптурѣ? Флора не моя статуя, и я ей предпочитаю статуи Марка Аврелія и Луція Вера Также видѣлъ я оригинальныя статуи: Venus sortant du bain et Venus aux belles prises (не прогнѣвайтесь). Множество бюстовъ императоровъ и философовъ. Фарнезскій левъ у насъ неизвѣстенъ, а безподобная статуя l'Hercule et le lion sont réellement faits pour être rivaux et lutter ensemble. La bibliothèque, qui y est aussi, est immense, mais le nombre des livres modernes n'est pas grand.

Не знаю, какъ буду одинъ изворачиваться; а теперь мы дѣломъ завалены: дѣлаемъ реестръ подробный архива, дабы сдать Карпову все порядочно. Сегодня будетъ, я думаю, послѣднее отправленіе Леонтьева.

*

Неаполь, 10 Іюля 1803.

Петръ Ивановичъ Карповъ пріѣхалъ сюда 5-го сего мѣсяца и вступилъ уже въ отправленіе должности своей; успѣлъ мнѣ дать множество доказательствъ дружбы своей; требуетъ, чтобы я съ нимъ жилъ, чему я очень радъ. Однакожъ онъ человѣкъ небогатый, живетъ жалованьемъ, слѣдовательно экономно; я не хочу ему быть въ тягость: все будетъ пополамъ. Мы ищемъ квартиру. Я разсчелъ, что то, что̀ плачу за экипажи (по отдаленности моего дома отъ города) было бы достаточно для нанятія лучшихъ комнатъ въ городѣ. Лучше же жить хорошо, не нанимать каретъ, колясочекъ и пр., а сидѣть дома и дѣлать что-нибудь. Компанія и разговоры Карпова столь пріятны (когда его хорошо узнаешь), что, право, можно обойтись безъ обществъ. Мнѣ очень удивительно, что ему не дадутъ поболѣе жалованья; это, право, несправедливо. Мы разочли съ нимъ и нашли, что, платя всѣ необходимыя издержки въ житіи домашнемъ и пр., остается ему въ мѣсяцъ на одѣваніе, прихоти и т. п., около 40 дукатовъ или почти столько нашихъ рублей серебряныхъ. Человѣкъ, который 35 лѣтъ служитъ внѣ отечества и ревностно! Татищеву сдѣлало бы честь за Карпова стараться; онъ, который Карповыми трудами получаетъ 24.000 р. по Неапольскому посту даромъ. Ежели, паче чаянія, можете вы что-нибудь для него сдѣлать, любезный батюшка, не оставьте сего честнаго и вѣрнаго служителя отечества. Я бы все въ свѣтѣ для него сдѣлалъ. Но что̀ я на свѣтѣ?! Письма, которыя онъ получаетъ отъ канцлера и своихъ старыхъ шефовъ, доказываютъ довѣренность и даже почтеніе ихъ къ нему; а между тѣмъ никто ему добра не дѣлаетъ. Князь Юсуповъ, князь Бѣлосельскій, князь Чарторижскій, Гагаринъ etc. были его шефы. Эки матадоры! Всѣ съ нимъ въ перепискѣ. Жаль, что не тщеславенъ;

честь бы ослѣпила, можетъ быть и заставила забыть нужду и несчастіе. Въ томъ можно Карпова обвинить, что съ роду ничего не требовалъ и не просилъ. Ce que j'ai, говоритъ онъ, on a voulu me le donner, je ne l'ai pas cherché; car je n'ai ni père, ni mère, ni protecteurs, et à présent je suis vieux; j'ai les os trop dures pour plier le dos et faire des révérences profondes; mais ce serait cruel si je devais servir jusqu'à mon dernier soupir pour ne pas mourir de faim. И подлинно, другіе наживаются, а онъ деревню маленькую, которую имѣлъ въ Тулѣ, продать долженъ былъ, и Юсуповъ ему это дѣло и учредилъ. Не жалѣю, что такъ много вамъ говорилъ объ немъ, любезный батюшка; не худо вамъ знать, кто и каковъ мой новый начальникъ; повторяю, что *честный, добродѣтельный и заслуженный человѣкъ*, любящій Россію до безумія, знающій ея интересы, разсуждающій здраво о всемъ и имѣющій чувствительное сердце.

Войска Французскія въ семъ королевствѣ очень тихо живутъ.

*

Неаполь, 7 (19) Іюля 1803.

Леонтьевы выѣхали, наконецъ, 13-го сего мѣсяца; я проводилъ ихъ до Mollo di Gaëta, гдѣ мы всѣ жили три дни у принца Гессе-Филипстальскаго, командующаго Гаетою. Онъ кормилъ насъ преславно и далъ намъ балъ, въ которомъ пропрыгали до пяти часовъ утра. Вы не повѣрите, что я отвыкъ почти отъ танцевъ; грѣхъ бы не великъ забыть это совсѣмъ, ежели бы можно вмѣсто того что̀ получше выучить. Я танцовалъ вмѣсто вальсовъ la tarantella e minoetto d'amore, danses du pays très agréables. Принцъ самъ потрудился показать мнѣ всѣ древности, коими окружности Гаеты наполнены, яко гробница Цицерона и баня его и пр., и велѣлъ своему живописцу снять для меня виды всего. Есть въ Гаетѣ также церковь маленькая della S-ta Trinita, которая конечно не имѣетъ себѣ подобной по странности своего положенія. Я не буду умѣть сего растолковать, но прилагаю маленькій рисуночекъ съ истолкованіемъ. Около сихъ мѣстъ росло славное Фалернское вино; то малое, которое теперь тамъ, дурно и кисло. Я болѣе трехъ дней не имѣлъ позволенія отлучиться; и такъ, не смотря на просьбы Леонтьевыхъ, долженъ былъ съ сими добрыми людьми распрощаться и возвратился третьяго дня въ Неаполь. Я теперь на новой квартирѣ, которая безподобна: цѣлый этажъ. Лобанова оный занимала и платила 170 дукатовъ Неапольскихъ, а мы только 70; Карповъ, имѣя болѣе комнатъ, 45, а я 25 дукатовъ на мѣсяцъ. Карповъ принужденъ держать карету и мнѣ позволилъ ею располагать. Жалѣю, что не могу съ нимъ раздѣлять и сію издержку. Онъ бѣдный человѣкъ, но

и мнѣ должно, какъ вы говорите «протягать ножки по одежкѣ». Мнѣ наскучило ходить по чужимъ обѣдамъ: одѣнься, найми коляску (по солнцу способу нѣтъ идти), послѣ обѣда заболтаешься, засидишься, придешь домой уже темно, и день почти потерянъ за обѣдъ; а теперь я въ мигъ изъ кабинета въ столовой, а изъ столовой въ кабинетъ. Выгода жить вмѣстѣ съ Карповымъ очень для меня и для него велика. Карповъ весьма хорошій политикъ, имѣетъ много чтенія и опытности, и въ разговорахъ его много хорошаго можно почерпнуть; ввечеру, болтая, мы просиживаемъ до двухъ часовъ пополуночи. Онъ возитъ меня съ собою и заставляетъ иной разъ участвовать въ конференціяхъ своихъ съ министрами; мы намедни были у Англинскаго г. Элліота, который мнѣ сказывалъ, что зналъ васъ очень въ Яссахъ или Крыму, не помню. Онъ очень пріятнаго общества человѣкъ. Жаль, ежели разлучатъ отъ меня Карпова. Можно бы, кажется, ему дать un poste fixe; по сю пору все затыкаютъ имъ промежутки. Справедливо ли это будетъ, когда будетъ Татищевъ или кто другой, чтобы Карповъ, послѣ должности повѣреннаго въ дѣлахъ, возвратился въ Римъ, чтобы сдѣлаться опять простымъ секретаремъ Лизакевичевой миссіи? Ежели бы я смѣлъ, то просилъ бы Куракина не о себѣ, но о Карповѣ; князь же его знаетъ съ Стокгольма*), я чай, 30 лѣтъ назадъ.

На концѣ послѣдней своей депеши къ канцлеру Леонтьевъ прибавляетъ: «Оставляя такимъ образомъ постъ мой, за долгъ себѣ поставляю донести вашему сіятельству, что во все время исправленія мною дѣлъ миссіи сей, имѣлъ я въ г-нѣ асессорѣ Булгаковѣ ревностнаго помощника, коего усердіе и отличныя способности во всемъ соотвѣтствуютъ желанію его быть полезнымъ службѣ Его Императорскаго Величества». Л. былъ Пиніемъ недоволенъ, но я его просилъ объ немъ написать, и онъ прибавилъ и объ немъ рекомендацію, но весьма слабую и сравнилъ его съ Рихтеромъ, который очень недавно служитъ и совсѣмъ по-русски не знаетъ. Впрочемъ канцлеръ видитъ самъ, что всѣ бумаги, до него доходящія, одной руки и что одинъ долженъ быть у насъ, который работаетъ все.

*

*) Первая дипломатическая поѣздка князя А. Б. Куракина была въ Стокгольмъ въ 1776 году. О ней и объ его тамошнемъ романѣ много весьма любопытныхъ свѣдѣній въ имѣющей скоро появиться VIII-й книгѣ „Архива Князя Ѳ. А. Куракина“.

Неаполь, 19 Іюля (1 Августа) 1803.

Какъ я ни хлопоталъ, чтобъ Карповъ о себѣ писалъ, не хочетъ. «Меня назовутъ попрошайкою; скажутъ, что я не доволенъ быть здѣсь повѣреннымъ въ дѣлахъ, а того не знаютъ, что я теперь совсѣмъ разстрою свое состояніе; честь хороша богатому, а я прошу хлѣба». Вотъ обыкновенно отвѣты его. Я прочелъ ему вашъ параграфъ, который его почти убѣдилъ; онъ принялъ весьма чувствительно ваше сожалѣніе не быть въ Петербургѣ, чтобъ за него похлопотать. Eh bien, me dit-il, voilà des personnes, qui ne me connaissent pas même, s'intéressent à mon sort malheureux, et ceux avec qui j'ai vecu, que j'ai obligé mille fois, que j'ai servi comme on peut servir des maîtres, ces personnes, toutes puissantes qu'elles sont, m'oublient.

Французскія войска здѣшнія, города̀ Отрантъ, Тарантъ и Пескари занимающія, очень тихо живутъ и наблюдаютъ строгій порядокъ. Медіація нашего Императора много произвела; дай Богъ, чтобъ она избавила прекрасную и несчастную Италію отъ новыхъ опустошеній. Братъ сдѣлалъ мнѣ въ замѣну за посланныя ему на гитару струны великое одолженіе: прислалъ порядочную кучу чаю. C'est rare ici comme les erruptions, и я на чай прошу, какъ другіе на балъ. Командоры Рачинскій и Монкларъ привезли мнѣ сей гостинецъ. Они спѣшатъ въ Мессину къ гросъ-мейстеру и на возвратѣ остановятся въ Неаполѣ. Графиня Воронцова*) также здѣсь, пріятнаго весьма общества женщина, пробудетъ здѣсь мѣсяца два для сына, который страждетъ горломъ, но теперь здоровъ. Леонтьеву бѣдную до того кормили и обкуривали всякими предосторожностями отъ marais Pontins, что она стала кровью плевать въ Римѣ. Les précautions ont cessé, et elle se porte bien.

*

Неаполь, 3 (15) Августа 1803.

Графиня Воронцова, которая не прежде какъ черезъ полтора мѣсяца отсюда выѣдетъ, поджидаетъ сюда сестру свою la belle Galitzine, которая теперь въ Римѣ. Наши депутаты, Рачинскій и Монкларъ, только на сихъ дняхъ поѣдутъ въ Мессину къ гросъ-мейстеру Томази, а Богъ знаетъ, когда воротятся. Совѣтую нѣжному Фасту волочиться за сестрою Гагарина, въ Москвѣ оставшеюся; она весьма влюбчиваго нрава; впрочемъ не знаю, не перемѣнилъ ли климатъ нашъ ея чувствъ; мы были часто и почти всегда въ ссорѣ, но не серіозной.

---

*) Графиня Ирина Ивановна Воронцова, вдова графа Ларіона Ивановича, сестра княгини Евдокіи Ивановны Голицыной (Princess Nocturne). Ея единственный сынъ—первый графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Здѣсь только слышно слово война, а все спокойно, о переѣздѣ въ Палерму не говорятъ болѣе; со всѣмъ тѣмъ военное судно и нѣсколько фрегатовъ въ портѣ здѣшнемъ и въ готовности при первомъ повелѣніи идти въ путь. Говорятъ, что колонна Французская должна скоро занять сію столицу. Но мало ли что̀ говорятъ! Король и вся фамилія печальны съ нѣкотораго времени. Сколь ни радъ я буду видѣть новую землю, ежели придется ѣхать въ Палерму; но грустно будетъ, что переписка наша подвергнется многимъ непріятностямъ и неудобствамъ.

Поступокъ крестьянъ покойнаго князя Репнина меня тронулъ. Говори послѣ этого, что въ нашихъ бородачахъ нѣтъ чувства! Сія черта даетъ понятіе какъ о Русскихъ мужикахъ, такъ и о рѣдкихъ добродѣтеляхъ князя. Какъ мало у насъ такихъ господъ! Слова: *отецъ ты нашъ*, которыя безпрестанно на языкѣ нашихъ мужиковъ, доказываютъ, что всѣ бы должны слѣдовать князеву примѣру. Я Карпову все это разсказалъ, и онъ былъ въ восхищеніи. Шитую книжку Анны Петровны вы не прислали и хорошо сдѣлали: я привыкъ носить маленькую сафьянную, подарокъ княгини Гагариной; въ эту книжку вставилъ я также братовъ портретъ, который очень меня утѣшаетъ.

Къ князю Александру Борисовичу отвѣчалъ я прямо съ Карповымъ; онъ такими лестными словами писалъ князю обо мнѣ, что мнѣ, право, стыдно ихъ повторять. Меня это однакожъ очень обрадовало; я знаю, что Карповъ не щедръ на похвалы и говоритъ всегда то что̀ думаетъ, или молчитъ.

Я ѣздилъ на сихъ дняхъ въ Портичи къ m-r Heiter, присланному сюда изъ Англіи нарочно для развертыванія древнихъ манускриптовъ, въ Геркулакумѣ найденныхъ. Терпѣніе его меня удивило. Въ архивѣ *) столбцы меня бѣсили; это ничего: надобно посмотрѣть здѣсь, какая работа скучная, все почти сгнило, малѣйшій вѣтеръ уноситъ рукопись по клочкамъ. Жаль, что по сіе время ничего интереснаго не нашли. On à trouvé un traité sur l'ancienne musique et quelque chose sur la médecine, mais c'est mauvais. A présent m-r Heiter a découvert un ouvrage extrêmement intéressant; le nom de l'auteur n'est pas encore connu. Mais on a trouvé que Cicéron y a beaucoup pillé et y a emprunté ses plus belles pensées. L'ouvrage n'est pas encore entièrement déchiffré. Я иду сегодня съ живописцемъ въ Вергиліеву гробницу и дамъ ему лучшій пунктъ, чтобъ снять видъ оной; а когда жаръ прой-

---

*) Т.-е. въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ А. Я. Булгаковъ началъ свою службу.

деть, поѣду съ нимъ въ Помпею. Всѣ виды сего интереснаго мѣста, которые до сего видѣлъ, не сходны, украшены и даютъ совсѣмъ не то понятіе о Помпеѣ. Роясь въ бумагахъ, нашелъ я рисунокъ страннаго положенія одной церкви въ Гаетѣ; сдѣлалъ я оный для васъ; но, видно, забылъ его послать; прилагаю при семъ. Не знаю, найдете ли вы толкъ, потому что написано это съ головы.

*

Неаполь, 22 Августа 1803 н. ст.

Очень было мнѣ пріятно описаніе вашихъ праздниковъ, данныхъ палатину*). Но по что онъ у насъ былъ, того ни отъ кого не слышу. Василья дворецкаго я не знаю; видно, новичекъ и соколокъ, потому что успѣли его продать; желаю вамъ и Андрея сбыть; онъ оправдаетъ пословицу: Tel maître, tel valet. Я моимъ камердинеромъ чрезвычайно доволенъ; онъ далъ мнѣ много доказательствъ рѣдкой честности, и чувства, которыя онъ имѣетъ, не во всѣхъ даже благорожденныхъ бываютъ. Сверхъ того, онъ сочинитель, знаетъ фундаментально чистый Итальянскій языкъ и поправляетъ переводы, которые я дѣлаю для упражненія въ семъ языкѣ.

У насъ третій день дождь, громъ и молнія, что̀ очень здѣсь рѣдко лѣтомъ бываетъ. Вчера была сильная гроза, молнія упала на починивающееся Неапольское судно «Архимедъ» и оное зажгла; но скоро все было погашено, и сгорѣла средняя только мачта. Счастіе, что не было ни крошки пороху; а то, можетъ быть, взорвало бы всѣ суда, въ портѣ стоящія. На Англинскомъ кораблѣ, стоявшемъ на рейдѣ, убило матроса также молніей. Говорятъ, что Французское войско, сіе королевство занимающее, будетъ сильно умножено, т.-е. до 30 тыс., и займетъ даже Неаполь. Король послалъ нѣсколько полковъ въ Мессину, для охраненія Сициліи отъ нападенія со стороны Франціи или Англіи. Въ день большой грозы было также маленькое землетрясеніе, сильнѣе, однакожъ, перваго, о которомъ я вамъ давно писалъ. Я въ это время писалъ и такъ испугался, что перо выпало изъ рукъ. Les physiciens disent que les entrailles de la terre sont très enflammés et prédisent l'erruption, mais voilà deux années qu'on en parle et deux ans que le Vesuve fait la guerre à leur érudition.

23-го Августа. Профессоръ Rizi Zannoni, славный здѣшній географъ, давно предпринялъ карту всей Италіи на 15 листахъ, которая черезъ два года совсѣмъ будетъ окончена; первые два листа уже гра-

---

*) Т.-е. Венгерскому палатину, зятю императора Александра Павловича.

вируются и скоро выйдутъ. Карповъ получилъ чрезъ канцлера повелѣніе отъ Государя Императора подписаться на сію карту и далъ уже задатку 30 дукатовъ здѣшнихъ; весь же атласъ будетъ стоить подписавшимся 60 дукатовъ здѣшнихъ, около 100 р., что̀ совсѣмъ недорого, какъ по отмѣнной точности, такъ и по прекрасному изданію карты. Ежели прикажете, то подпишусь на экземпляръ вамъ, потому что будутъ продавать гораздо дороже. Мнѣ случилось говорить съ г. Занони у Италинскаго; онъ мнѣ сказывалъ, что, по сдѣланнымъ имъ на берегахъ Далмаціи наблюденіямъ, нашелъ, что всѣ карты Италіи, по сіе время напечатанныя, двумя почти градусами слишкомъ къ Востоку, и что симъ Адріатическое море теряло настоящую свою ширину. Есть также карты топографическія окружностей Неаполя, имъ же изданныя, которыя также весьма хороши.

*

Неаполь, 18 (30) Августа 1803.

Пини еще не возвратился; а Рихтеръ, мнѣ кажется, не готовитъ себя серіозно ни къ чему. Похвалы меня никогда не ослѣпятъ; впрочемъ, для меня лестны только похвалы моихъ начальниковъ, отъ которыхъ можетъ зависѣть мое счастіе, а прочія вздоръ. Покойный Щепотьевъ, прощаясь со мною, сказалъ мнѣ слово, котораго я никогда не забуду, и отмѣнно справедливо: «сравнивай себя всегда съ тѣми, кто лучше, а не хуже тебя, какъ знаніями, такъ и поведеніемъ».

Зотова знаетъ одинъ молодой человѣкъ, умный, который здѣсь теперь; онъ отдаетъ справедливость его вѣжливости, скромности и пр., но не великое имѣетъ понятіе о разумѣ его.

Намедни у Скавронской подходитъ ко мнѣ человѣкъ, высокій, довольно еще молодой, обнимаетъ меня, говоритъ, что зналъ меня 5-лѣтнимъ ребенкомъ и пр. Кто это? Графъ Лудольфъ, пріѣхавшій сюда въ отпускъ съ дочерью изъ Царьграда. Онъ раза три повторилъ просьбу написать вамъ его истинное почтеніе, разговаривалъ о Буюкдере, объ Италинскомъ и пр. Говорятъ, что дочь его идетъ замужъ за St.-Priest старшаго, полковника Семеновскаго, бывшаго у насъ въ Вильнѣ, а потомъ въ Москвѣ. Свадьба должна, какъ утверждаютъ, совершиться въ Вѣнѣ.

Всѣ здѣсь говорятъ о бомбардированіи Англичанами Алжира, отъ коего требуютъ освобожденія всѣхъ христіанъ, въ немъ находящихся въ плѣну и, кромѣ того 500 т. черв. Не худо бы проучить сихъ разбойниковъ. Лѣто начинаетъ спадать у насъ, и въ 7 часовъ вечера безъ свѣчъ уже не видать.

Я съ графинею Воронцовой ѣзжу по картиннымъ галлереямъ и по окрестностямъ Неаполя. Не худо вамъ знать, что я сдѣлался страстнымъ охотникомъ и великимъ знатокомъ въ картинахъ. Счастье, что нѣтъ денегъ! Не одну бы копію купилъ за оригиналъ. Графиня нашла почти всѣ настоящіе оригиналы картинъ князя Юсупова, а сей купилъ копіи за страшныя деньги и выдаетъ и полагаетъ ихъ оригиналами. Графиня сказывала мнѣ, что онъ далъ 36000 рублей за то, что̀ могъ бы въ Римѣ имѣть за 500 р. Бѣдное наше дворянство!

*

Неаполь, 6 Сентября 1803.

Не думаю, чтобы переписка наша разстроилась переѣздомъ двора въ Палерму, ибо о семъ и говорить перестали съ тѣхъ поръ, что молніей нѣсколько повредило здѣшній военный корабль, одинъ, который есть и на которомъ можно бы было (ради Барбаресковъ) безпрепятственно переѣхать въ Сицилію.

Карпову прочелъ я пассажъ, гдѣ вы объ немъ говорите и совѣтуете мнѣ исполнять ревностно его приказанія. Онъ мнѣ совѣтуетъ искать мѣсто, гдѣ бы я имѣлъ болѣе случаевъ отличиться. Vos talents se perdent ici, me dit-il; vous apprendrez peu de nouveau, et sans votre application vous pourriez même oublier ce que vous savez déjà. La routine des affaires vous est déjà parfaitement connue; cherchez un plus vaste champ pour la déployer» и тому подобное. Это правда, конечно; но мнѣ кажется, что при маленькомъ дворѣ легче попадешь въ совѣтники и въ повѣренные въ дѣлахъ; а когда этотъ шагъ сдѣланъ, то, находя поведеніе и способности, сами начальники почтутъ за нужное дать мѣсто при важнѣйшемъ дворѣ. Я думаю держаться сего правила, покуда буду доволенъ своими начальниками, отъ которыхъ зависитъ счастіе мое. По сю пору нѣтъ у насъ секретаря посольства; сіе мѣсто по штату слѣдуетъ надворному совѣтнику, а моя очередь къ повышенію недалека. И такъ, терпѣніе! Увидимъ, что̀ Богъ пошлетъ. Карповъ нашъ, и что̀ отъ него будетъ зависѣть, все то для насъ сдѣлаетъ. Я очень любопытенъ знать, какая будетъ участь сего достойнаго человѣка по пріѣздѣ министра сюда. Пора, очень пора наградить вѣрную и долговременную службу его. Онъ потерялъ надежду и хочетъ кинуться въ отставку. Полагаю, что за 36-лѣтнюю службу не пошлютъ его по міру ходить. Такое несчастіе рѣдко. При Ростопчинѣ былъ онъ, по уничтоженіи Туринской миссіи, назначенъ совѣтникомъ посольства въ Стокгольмъ, съ 4000 р. и указъ подписанъ, треть жалованья даже послана ужъ въ Швецію; его ни одинъ человѣкъ, ни Коллегія не увѣдомили о новомъ назначеніи. Миссія Туринская воз-

обновляется, онъ жалованья не получаетъ, пишетъ въ Петербургъ, прося заступить прежнее мѣсто при Туринской миссіи, не зная ни слова о томъ, что имѣетъ ужъ мѣсто въ Швеціи. Туда было много охотниковъ; тотчасъ все передѣлано, посланъ Алопеусъ, а бѣдный Карповъ невинно самъ себѣ повредилъ и остался съ 1500 рубл. при Сардинскомъ королѣ. Теперь Алопеусъ, говорятъ, министръ, чѣ̀мъ былъ бы Карповъ безъ несчастнаго сего случая. Не больно ли это? Карповъ же былъ десять лѣтъ въ Швеціи и знаетъ ее, какъ свой карманъ. А, право, Алопеусъ не стòитъ Карпова и мизинца. Я не почитаю излишнимъ говорить подробно о человѣкѣ, который, кромѣ того, что мой начальникъ, любитъ меня очень много. Ежели можете шепнуть о немъ когда при случаѣ, сдѣлайте сіе: онъ того заслуживаетъ.

Братъ дѣлаетъ мнѣ описаніе своего путешествія и великой привязанности Венгерцевъ къ покойному нашему ангелу, Александрѣ Павловнѣ.

La princesse Wolkonsky me dit entre autre: «être utile en quelque chose à ce qui appartient à m-r votre père est une satisfaction pour moi-même». Donc je vous remercie beaucoup, mon cher papa, de ce que je vous appartiens. Чтò сдѣлалось съ кн. Дарьей? [1]) Экая мысль пришла! Впрочемъ, жалѣю объ ней весьма искренно. Поздравьте много отъ меня Ивана Володимировича[2]). Кто дѣлаетъ добро другимъ, заслуживаетъ, чтобы и ему оное оказывали.

Съ тѣхъ поръ, что вы мнѣ пишете, въ первый разъ былъ я огорченъ ужасно письмомъ отъ васъ. Преждевременная смерть добраго нашего друга Андрея [3]) повергнула меня въ печальнѣйшія разсужденія. Можетъ ли послѣ того человѣкъ собою располагать? Не долженъ ли всякую минуту имѣть безпорочную совѣсть и быть готовымъ къ смерти? Но больно, право, очень оставить свѣтъ такъ рано и умереть не въ рукахъ родителей и брата, котораго онъ обожалъ. Образъ сего милаго малаго меня не покидаетъ, и я не могу разсѣять печальныхъ мыслей ничѣмъ. Бѣдный Иванъ Петровичъ! Слава Богу, что перенесъ сей ударъ безъ вреда своему здоровью. Я бы все желалъ знать подробнѣе: былъ ли Андрей въ памяти умирая? Но полно говорить о сей печальной матеріи. Начало вашего письма меня очень испугало; я тотчасъ кинулся читать конецъ и нашелъ тамъ сію горестную вѣсть. Дай

---

[1]) Сестра княгини Волконской, княжна Дарья Николаевна Репнина, бѣжала изъ ея дома съ нѣкіимъ Каленбергомъ. П. Б.

[2]) Лопухина.

[3]) Андрея Ивановича Тургенева, скончавшагося въ Петербургѣ.

Богъ силъ бѣднымъ родителямъ перенесть ихъ печаль, а сыну лучшаго жребія на томъ свѣтѣ.

Николая Николаевича[1]) записка очень мнѣ была пріятна и доказала мнѣ, сколь мало надобно, чтобы заставить себя любить всѣми. Всѣ мы были очень къ нему привязаны, хотя онъ не любитъ и не умѣетъ ласкать и часто на насъ покрикивалъ. Я за великое удовольствіе и счастіе почитаю быть въ его глазахъ хорошаго мнѣнія. О смерти лошади Московскаго Тасса писалъ мнѣ братъ, а брату вы.

На сихъ дняхъ взялъ я у банкира за Іюль, Августъ и Сентябрь 210 дукатовъ здѣшнихъ или 70 унцій (золотомъ); это ужъ вслѣдствіе новаго учрежденія, на которое я просилъ ваше согласіе издавна.

*

Неаполь, 13 Сентября 1803.

Мозаики ваши отправлены Кассиніемъ 30-го Авг. къ брату съ курьерскою оказіей и, можетъ быть, теперь ужъ у васъ. Я заплатилъ Кассинію 84 Римскихъ піастровъ или 38½ черв. Голландск., издержанные имъ на ихъ покупку. Онъ пишетъ мнѣ между прочимъ, что мастеръ сей ѣдетъ въ Москву, гдѣ завести хочетъ лавку и школу, и что снабдилъ его рекомендаціей къ вамъ. Не видавъ мозаикъ, желалъ бы онъ отъ васъ узнать, подлинно ли онѣ такъ хороши.

Благодарю васъ за описаніе вашихъ праздниковъ. Мое истинное почтеніе Ивану Петровичу Тургеневу[2]); увѣрьте его, что участіе, которое я принимаю въ его печали, чрезмѣрно. Андрей вѣрно счастливъ и занимается теперь счастіемъ своихъ родителей. Лишиться сына умнаго, добродѣтельнаго, съ добрымъ сердцемъ, съ дарованіями и въ цвѣтѣ его лѣтъ, есть потеря жестокая. Но Богъ далъ Ив. Петр. другихъ сыновей, и надѣюсь, увѣренъ даже, что они будутъ ему утѣшеніемъ и замѣной любезному нашему Андрею. Жалѣю о братѣ, который все мнѣ говорилъ и писалъ: Ахъ! Кабы Тургенева опять къ Вѣнской миссіи; это вѣрно сдѣлается; съ нимъ втрое пріятнѣе намъ жить и пр. Друзья мои, говорилъ Андрей, ежели судьба не велитъ мнѣ быть при родныхъ, то, право, къ вамъ постараюсь возвратиться. Можетъ ли человѣкъ собою располагать послѣ сего? Но полно о семъ.

---

[1]) Бантыша-Каменскаго.

[2])
Какъ былъ онъ изумленъ
Тогда, какъ смерть ошибкою ужасной
Не надъ его одряхшей головой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!

Государь изволилъ славно поймать Львова. Я увѣренъ, что сему очень не хотѣлось летѣть на воздушномъ шарѣ и что, имѣя 2000 р., оные бы вѣрно не захотѣлъ заплатить. Впрочемъ за что? Странно платить за случай сломать себѣ шею.

На сихъ дняхъ пріѣхала сюда княгиня Голицына, сестра графини Воронцовой (урожденныя Измайловы). Первая прекрасна собою, похожа нѣсколько на княгиню Гагарину, а вторая очень милая женщина и часто мнѣ говоритъ объ васъ; съѣзжалась съ вами у дяди своего Н. Б. Юсупова. Пробудутъ онѣ здѣсь съ мѣсяцъ. Лудольфъ, всякій разъ, что̀ меня видитъ, объ васъ спрашиваетъ и препоручаетъ мнѣ много вамъ отъ него кланяться. Около Мессины нашли какое-то чудо морское, 70 пальмовъ длины и 300 quintaux вѣсомъ; говорятъ, что привезутъ сюда показывать за деньги. Отъ Бекера имѣли мы письма, но онъ о семъ не упоминаетъ. Впрочемъ это до дипломатики не касается; кончится все вздоромъ. На прошлой недѣлѣ повѣшено нѣсколько убійцевъ, которые заставляютъ содрогаться человѣчество. Сынъ убилъ отца, мать отравила двухъ дѣтей; она была вдова и, дабы выйти замужъ за любовника, который не хотѣлъ имѣть фамиліи на шеѣ, рѣшилась на сей поступокъ. Другая женщина заколола своего духовника. Это ужасно! Между дикими сіи примѣры рѣдки, а здѣсь сіе разсказывается съ равнодушіемъ и довольствуются называть подобныхъ изверговъ: o che birbone! Вообразите, что ихъ никогда тотчасъ не осуждаютъ на смерть, но судятъ съ годъ иной разъ и даютъ имъ время или бѣжать или откупиться, чтобы новыя дѣлать злодѣйства. Мерзкій народъ!

*

Неаполь, 27 Сентября 1803.

Я очень занятъ отправленіемъ одного человѣка, котораго королева посылаетъ завтра въ Вѣну и съ которымъ шлю брату гостинцы. Пини нашъ очень кстати сегодня воротился изъ Пизы и привезъ мнѣ обратно посылку мою; я ее также съ сею оказіей брату перешлю для доставленія вамъ, потому что Александръ Пини, вмѣсто того, чтобы ѣхать, какъ думалъ, въ Сентябрѣ въ Россію, остается у матери до весны и даже скоро сюда будетъ на житье.

Портретъ мой скоро будетъ готовъ, и всѣ находятъ, что похожъ. Графъ Бальменъ (Сардинской миссіи нашей въ Римѣ) возвращается въ Россію; но я не смѣю ему ввѣрить портрета (можетъ потерять и пр.) и иначе не пришлю, какъ съ вѣрнѣйшею оказіей. У меня есть теперь четыре оказіи: Воронцова, Голицына, командоры наши, Рачинскій и Монкларъ и Александръ Пини. И такъ прошу мнѣ написать,

что желаете именно, чтобы я вамъ прислалъ; постараюсь исполнить комиссію въ угодность вамъ. Еще просьба маленькая: желая изъявить Ивану Алексѣевичу*), что помню его ласки, желалъ бы, чтобы вы переслали ему одну изъ посылаемыхъ вамъ табакерокъ, ту, которая менѣе вамъ полюбится; я даже письмо къ нему постараюсь написать и съ будущею почтой вамъ пришлю. Жалѣю о смерти бѣднаго Херхеулидзева. Ужъ не кинулся ли онъ самъ въ Неву изъ отчаянія? Благодарю васъ за описаніе праздника въ Петергофѣ и воздушнаго шара Гарнерена. Je remarque qu'en général presque tous les ballons ont un faible pour la terre et ne s'en détachent qu'avec peine; cela prouve en quelque façon que l'homme ne doit pas voler.

Бароцци мнѣ пишетъ изъ Венеціи, называетъ меня сыномъ своего благодѣтеля и другія учтивости, увѣдомляетъ о вступленіи своемъ въ званіе нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Венеціи и пр.

*

Неаполь, 2 Октября 1803.

Здѣсь былъ одинъ князь Лихтенштейнъ, франтъ и называлъ меня le vieux jeune homme; но безчестія въ семъ нѣтъ. Съ графиней Воронцовой и ея сестрой Голицыной было приключеніе на возвратномъ ихъ пути изъ Пестума. Я долженъ былъ ихъ проводить, но остался, потому что ко Вторнику назадъ поспѣть не могли. Вотъ чтȯ. Видятъ человѣка, растянутаго на дорогѣ, покрытъ плащемъ, лицо изрублено и плаваетъ въ крови, мертвъ. Чтȯ дѣлать? Мертвому помочь нельзя. Ѣдутъ далѣе, встрѣчаютъ 11 солдатъ, связывающихъ 7 разбойниковъ. Сіи пришли грабить ярмарку Салернскую; узнавъ, что есть солдаты, положили ихъ прежде перерѣзать, чтобы спокойно грабить, и подлинно ихъ сами атаковали, болѣе часу дрались и наконецъ были взяты и связаны. Человѣкъ, лежавшій на дорогѣ, былъ ихъ атаманъ. Солдаты потеряли одного человѣка, который умеръ отъ раны. Ежели бы наши полчаса прежде проѣхали, Богъ знаетъ, чтȯ бы случилось. Какая земля; Платить иной разъ жизнію за прогулку!

Я теперь въ Метастазіи по уши, и по три раза одну піесу перечитываю. Какъ онъ милъ! Ежели присылка коллежскаго списка или штата *не сопряжена съ великими трудностями*, то примите мою всепокорнѣйшую челобитную въ ономъ, любезнѣйшій батюшка. Я писалъ къ Приклонскому, послалъ ему струнъ, но неудачно заигралъ и отвѣта не добьюсь.

*

*) Другу Я. И. Булгакова, сенатору Алексѣеву въ Петербургѣ.

Неаполь, 10 Октября 1803.

Воронцова шуткою мнѣ вчера сказала: Ah! bonjour, m-r le grand diplomate; on ne vous voit plus. Qui vous empêche de venir partager l'Europe chez moi?—Si le partage devait se faire, lui répondis-je, celui qui aurait Naples dans ce moment-ci serait sûrement le plus heureux. —Vous êtes, je vois, digne fils de votre papa, me dit la comtesse и просила вамъ написать поклонъ.

Волконскаго я только потому знаю, что въ нашемъ архивѣ много его бумагъ и переписка съ миссiею сею во время бытности его въ Мальтѣ. А князь Филипстальскiй командуетъ крѣпостiю и всею провинцiею Гаэты; онъ лѣтъ съ восемь какъ въ Неапольской службѣ и лучшiй здѣшнiй генералъ; но самый Пруссакъ: куритъ и пьетъ сильно. Французы же одну только Калабрiю заняли.

Скавронская просила меня чаще у нея обѣдать и когда хочу, но не могу Карпова одного оставлять. Теперь вдвое надобно быть осторожнѣе: мои доходы едва превышаютъ издержки и что̀ лишняго было, издержано, и почти не на меня, на чужiя покупки все, напримѣръ Леонтьеву etc. Все сiе заплатится вѣрно, но когда? Теперь непремѣнные расходы суть: квартира (дукаты здѣшнiе) 25, столъ, смотря по тому рѣже или чаще дома, болѣе или менѣе гостей или никого, отъ 30 до 40, положимъ 35; Англинскiй учитель 6, рисовальный учитель 9, мой Антонiй 15 (прежде было 18; но какъ то, что̀ остается послѣ нашего обѣда, очень достаточно для обѣда моего и Карпова камердинеровъ, то я три сбавилъ), прачка 4, au faquin de la maison 1; вотъ, кажется, главные. И того 95 дук., а въ мѣсяцъ приходится мнѣ всего на все до 107—8 и 110 дук. И такъ на одежду, прихоти и многiя нужныя необходимыя мелочи, яко для письма бумага и пр., завтракъ, вино съ водою и за столомъ, остается около 15 дук. И такъ надобно большой порядокъ и экономiю.

За сказанное о Карповѣ весьма васъ благодарю, любезнѣйшiй батюшка. Но князь, будучи вице-канцлеромъ, ничего ему не сдѣлалъ, и даже Карповъ не могъ отъ него получить за плату должныхъ ему Коллегiею денегъ, которыя и пропали такъ, Богъ знаетъ за что, и вотъ что̀ заставило его мнѣ сказать: Autant je suis vivement pénétré des bonnes dispositions de m-r votre père à mon égard, autant je voudrais qu'il n'importunât plus le prince Kourakine, qui, s'il était disposé à me faire du bien, aurait du commencer au moins du tems de son ministère par me faire payer ce qui m'était dû légitimement. Я увѣренъ, что

тутъ mésentendu, ибо князево сердце мнѣ извѣстно, Карповъ же его вовсе не знаетъ и сказалъ это сгоряча.

Неаполь, 1 Ноября 1803.

Я не могъ отказать прекрасной княгинѣ Голицыной, которая просила меня проводить ее въ малую поѣздку около Неаполя. Мы отправились 19-го прошедшаго мѣсяца, а воротились, противъ чаянія, только 26-го, ибо худая погода задержала насъ на островѣ Ischia три дня. Начали мы обозрѣніе наше мѣстечкомъ Castellamare, увеселительный дворецъ короля. Потомъ были по порядку въ Sorento; видъ съ одной изъ его горъ, называемой Conti di Fontanelle, ни съ чѣмъ сравниться не можетъ; je dirai comme Boufflers, quand il était sur les Alpes: on peut de cette montagne cracher à volonté dans le golfe de Naples ou celui de Salerne. Видѣли также домъ Тасса и нѣкоторыя древности, ѣли славную Сорентскую телятину; дивлюсь, что ею никто еще не объѣлся до смерти, какъ монахъ опился Монтефіасконскимъ виномъ etc. etc. etc. Оттуда отправились мы въ островъ Капри, который я всякой день вижу изъ моихъ оконъ; онъ наполненъ достопамятными развалинами 13 дворцовъ, Тиберомъ тамъ построенныхъ, и множествомъ гротъ, имѣющихъ всякая что-нибудь примѣчательнаго. Изъ Капри пустились мы въ Ischia, другой островъ, который намъ показался очень милъ послѣ каменистаго убѣжища славнаго Римскаго тирана. Здѣсь непогода задержала насъ три дня. Время разгулялось, и мы отправились въ Прочиду (островъ); объѣздили всѣ сіи мѣста: le cap de Misène, le tombeau d'Agrippine, les Centa Camarelle ou prisons de Néron, la Piscina amirabile, fameux réservoir ancien, les trois temples à Baya, les étuves de Tripoli, vulgairement nommées bains de Néron, le lac d'Averne, temple d'Apollon, grote de la Sybille, Puzzol avec son grand nombre d'antiquités etc. Не было бы конца называть только мѣста, которыя мы обрыскали въ 8 дней, не только дать вамъ подробное описаніе; сіе, однакожъ, сдѣлалъ я для себя въ своемъ журналѣ. Вы не повѣрите, какъ всѣ путешествія въ Италіи, которыя я читалъ и могъ судить, будучи на мѣстѣ, несправедливы, увеличены или недостаточны. Lalande, которому, конечно, надобно дать первенство, умолчалъ о многихъ предметахъ, весьма примѣчанія достойныхъ; но сказанное по большей части справедливо. Не смотря на то, что видѣлъ много извѣстныхъ мнѣ уже мѣстъ, путешествіе сіе весьма было пріятно. Княгиня очень мила и препріятнаго разговора.

Сюда пріѣхалъ какой-то маіоръ Энгельгардъ, вчера къ намъ явился, маленькій, толстый; онъ путешествуетъ, какъ говоритъ, съ княземъ

Степаномъ Борисовичемъ Куракинымъ. Ихъ разбили воры около Болоніи, убили его камердинера, а барина самого приколотили; у Куракина отняли на 40.000 р., а у него на 9000 р. Все по сію пору Энгельгардомъ сказываемое столь странно мнѣ кажется, что не знаю, что̀ думать. Онъ говорится роднею княгинѣ Голицыной; а она увѣряетъ, что въ глаза его не знаетъ.

1-го Ноября ввечеру. Энгельгардъ напроказилъ, хотѣлъ отъ меня сатисфакціи, Богъ знаетъ за что. Карповъ, подозрѣвая, весьма его очень прижалъ; онъ сослался на доносъ одного человѣка, вчера уѣхавшаго, будто я объ немъ сказалъ, что онъ бродяга, а не дворянинъ. Теперь мы узнали, что сей мнимый Энгельгардъ внезапно уѣхалъ, Богъ знаетъ куда и съ чѣмъ (ибо Карповъ ему въ деньгахъ отказалъ), боясь, чтобы Карповъ его не принудилъ предо мною оправдаться въ выдуманной лжи. Какой свѣтъ! Смирно живши встрѣчаются непріятности!..

*

Неаполь, Ноября 8-го дня 1803, н. ст.

Что касается до Карпова, то я думаю, аренда ему будетъ безполезна: будучи отъ нея столь отдаленъ, не можетъ онъ ничто распорядить, ни видѣть самъ собою; будетъ обокраденъ приказчикомъ; а между тѣмъ сказано будетъ, что его наградили. Его сестры двоюродныя за Г. Р. Державинымъ, Капнистомъ, Львовымъ, графомъ Штейнбокомъ; но гдѣ имъ возиться за его дѣлами? А гораздо бы лучше вы́ходить ему пенсію: онъ былъ бы доволенъ и безъ хлопотъ. Италинскому также была дана покойнымъ государемъ деревня, которая должна была приносить 5000 р. годоваго дохода; а вмѣсто того онъ въ 5 лѣтъ получилъ только 2000 р. На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда графъ Ливенъ, братъ государева генералъ-адъютанта, и скоро ѣдетъ въ Парижъ.

Энгельгардъ сказался роднею княгини Голицыной, которая его не знаетъ, потомъ отговорился извиненіями, что ошибся, ибо Голицыныхъ много. Но какъ онъ предпринялъ столь дальній путь, будучи ограбленъ около Болоніи, не узнавъ прежде, точно ли родня ему княгиня, сіе я не понимаю. А могъ онъ то узнать отъ Долгорукова, который отсюда недавно уѣхалъ, и котораго, говоритъ, что видѣлъ во Флоренціи. Энгельгардъ, обѣдая у насъ, началъ хвастать, что онъ адъютантъ государевъ, что путешествуетъ, имѣя отъ Императора комиссію и на казенный счетъ; наконецъ увѣрить хотѣлъ, что кавалеръ Св. Георгія 2-го класса. Я ему на это сказалъ: «M-r Engelhard, cette croix est une distinction rare et éclatante, qui jamais n'a été prodiguée à un

simple major et si cela était, toute la Russie le saurait; ce n'est pas possible. Je croirai à tout ce que vous avez dit, mais pas à cela». Онъ началъ смѣяться, говоря: «Какъ мнѣ не знать, какой степени имѣю крестъ». Карповъ, почитая его помѣшаннымъ въ умѣ, ушелъ спать. Энгельгардъ просилъ представить его здѣсь въ дома etc. На другой день приходитъ (я сидѣлъ у Карпова въ кабинетѣ, читали полученную почту) и проситъ пашпортъ, чѣмъ очень насъ удивилъ. Карповъ ему отказалъ, не полагаясь на то, что̀ онъ говорилъ, что воры, ограбя его, отняли у него пашпортъ, съ которымъ выѣхалъ изъ Россіи. Наконецъ доставилъ ему пашпортъ отъ здѣшняго министерства, удержавъ для своего оправданія тотъ, который выдалъ ему весьма неосторожно въ Римѣ Кассини, и возвратнаго же въ Римъ отказать не могъ. Энгельгардъ просилъ Карпова доставить ему у банкира кредитъ, но сей отказался; потомъ просилъ конференціи наединѣ. Я вышелъ; черезъ четверть часа Карповъ меня позвалъ, говоря: voilà m-r qui me porte des plaintes sur vous et qui demande satisfaction; il s'y est opposé, mais j'ai cru devoir vous appeler pour éclaircir la chose. Я у него спросилъ, quand, où et en quoi je l'avais offensé?—Hier, ici, à dîner, en parlant de la croix.—Pour cela, m-r, je vous le répète encore une fois и повторилъ ему. К. его увѣрилъ, что кромѣ правды тутъ ничего нѣтъ. Mais ceci, dit-il, n'est pas le principal; je sais de bonne part que m-r Bulgakow m'a qualifié d'avanturier. Карповъ, видя, что это ничто иное, какъ ложь и имъ выдуманная, сказалъ ему съ сердцемъ: M-r, qui que soit celui qui vous a fait ce rapport, dites lui de ma part que c'est un gueux, un menteur, qui mérite cent coups de bâtons. Je suis homme à soutenir, de quelle manière il veut, ce que j'avance; je connais trop bien celui que je deffends. Энгельгартъ потерялся и еще болѣе былъ смѣшонъ, когда я началъ требовать, для моего оправданія, имя доносчика. Онъ не хотѣлъ его назвать, но какъ Карповъ также сильно настоялъ, то онъ назвалъ лакея барона Ропа, котораго давно нѣтъ уже въ Неаполѣ. Je m'étonne, сказалъ ему К., que vous vous avisiez de venir vous plaindre d'une personne que toute la ville connait et sur le rapport de qui? d'un vaurien de domestique que vous ne voyez que pour la première fois. Pour qui nous prenez-vous donc? Comme K. haussait la voix, Engelhard perdit contenance et commença à battre la campagne, disant: vous m'avez tenu des propos durs hier.—M-r, lui répondis-je, c'est facile à éclaircir; je ne vous ai jamais parlé sans témoins et si ce que vous dites est vrai, en homme d'honneur, vous eussiez du d'abord me répondre sur le même ton et ne pas attendre qu'une journée se passe et venir ensuite porter des plaintes. Pourquoi m'avez-vous ôté les moyens de me justifier en laissant partir le

calomniateur? Онъ отвѣчалъ, что во мнѣ не сомнѣвается, что имя мое извѣстно, что нѣтъ Русскаго, который бы не зналъ Булгакова и пр., что затѣмъ только ѣдетъ въ Римъ, чтобы наказать виновнаго и барина его, который объ немъ дурно говорилъ; потомъ ушелъ. Я написалъ ему записочку; онъ велѣлъ сказать, что самъ придетъ мнѣ отвѣчать словесно. Я еще разъ послалъ ввечеру, но узналъ, что полчаса по полученіи моей записки онъ скрылся; видно, уѣхалъ въ Римъ. Все поведеніе сего человѣка столь странно, что не знаемъ, что̀ думать: въ умѣ онъ не помѣшанъ; какую пользу ждалъ онъ себѣ отъ ссоры со мною? Зачѣмъ сюда пріѣзжалъ? Съ чѣмъ поѣхалъ? Онъ говоритъ, что васъ эскортировалъ, когда вы ѣхали изъ Царьграда. Представя въ Римѣ поддѣльное письмо отъ князя Александра Борисовича Куракина, выманилъ онъ у Лизакевича 25 черв., а у Кассинія пашпортъ. Слухъ носится, что сей посадилъ его теперь подъ караулъ. Лизакевича такъ онъ увѣрилъ, что князь ѣдетъ въ Неаполь, что онъ нанялъ ему почти домъ въ Римѣ, для проѣзда; а здѣсь онъ говорилъ, что князь Степанъ ѣдетъ. Онъ взялъ на себя слишкомъ трудную роль; у него нѣтъ для того ни довольно ума, ни знаній, ни ловкости, ни памяти.

*

Неаполь, 14-го Ноября 1803.

Гарнеренову путешествію здѣсь всѣ дивятся. Въ Болоніи какой-то искусникъ тоже сѣлъ въ шаръ и взялся въ Миланъ доставить почту; началъ было хорошо, но вдругъ вѣтеръ перемѣнился, и занесло его въ Адріатическое море, тамъ упалъ, чуть не утонулъ; сильнымъ вѣтромъ опять его подняло и понесло къ Востоку; съ тѣхъ поръ не имѣется еще извѣстія. И ежели всѣ почты полетѣли на шарахъ, то и не получимъ ничего, можетъ быть. Мнѣ кажется, что Гарнеренъ дешево взялъ съ Москвы. Я бы не хотѣлъ себѣ сломить шеи за всѣ сокровища свѣта. Я любопытенъ видѣть сіе зрѣлище; въ Римѣ поднялся при мнѣ, но маленькій шаръ, безъ людей. Я жду Татищева съ великимъ нетерпѣніемъ; а ежели пришлютъ кого на его мѣсто, который не по сердцу, то служба моя здѣсь очень мнѣ будетъ непріятна, и я радъ какъ бы убраться куда-нибудь. Но о себѣ я не пекусь: утро вечера мудренѣе; желаю видѣть брата въ комплектѣ и съ жалованьемъ. Мой первый шагъ сдѣланъ ужъ, а его еще нѣтъ. У графини Скавронской былъ вчера балъ и сегодня тоже, по случаю свадьбы одной Француженки, ея фаворитки. Мнѣ пишутъ изъ Флоренціи, а именно князь Долгорукой, братъ генералъ-адъютанта: Je suis fâché, mon cher, de ce que vous n'avez pas régalé m-r Engelhard d'une volée de coups de bâtons. Ce drôle a été chez moi sous le nom de prince Kourakine, offi-

cier de marine et chevalier de S-t George, parlant toujours de son oncle le prince Alexandre Kourakine; ses manières, ses discours, sa figure ne m'ont pas laissé douter que c'est un chevalier d'industrie etc. Очень непріятно, что сей бродяга обезславливаетъ своими мерзкими поступками столь почтенныя имена. Il est autant Engelhard que Kourakine. Peut-être, au reste avec sa bêtise il n'ira pas loin.

*

Неаполь, 29-го Ноября 1803.

Многіе знаютъ, что огонь жжетъ отъ того, что обожглись. Я былъ довольно счастливъ узнать многое изъ чужихъ опытовъ. Рихтеръ, молодой человѣкъ, добрый, находящійся при здѣшней миссіи, просилъ отца объ отзывѣ своемъ; отецъ выхлопоталъ сіе и прислалъ ему 5000 рубл. на дорогу, позволяя ему возвратиться какою хочетъ дорогою. Какое богатство и случай накупить рѣдкости разныхъ земель, видѣть сіи земли, ѣздить, не отказывая себѣ ничего! Вмѣсто того долги, которые онъ здѣсь надѣлалъ, оставляютъ ему едва треть тѣхъ 5000 рубл., и онъ долженъ ѣхать моремъ или ждать оказіи, чтобъ заплатить только бездѣлицу. Это довольно живой примѣръ для меня, но останется между нами, любезный батюшка; ибо, дойдя до отца въ Ригѣ, огорчило бы его.

Вчера пріѣхала сюда камеръ-фрейлина Протасова съ двумя племянницами, которыя очень хороши, говорятъ; я никого еще не видалъ. Время безподобно: всѣ балконы у насъ отперты, и я, писавъ къ вамъ, гляжу на море, покрытое множествомъ рыбачьихъ лодокъ, а вдали большое военное судно, которое, гордо выступая, приближается къ намъ. Позилипскій берегъ, который противъ меня въ $1^1/_2$ миляхъ, кажется подъ моимъ носомъ: такъ воздухъ чистъ. Весь Неаполь на ногахъ и говоритъ намъ съ гордымъ восхищеніемъ: O che paese! Siamo nel Novembre! Подлинно прекрасный климатъ; но мало признаютъ его здоровымъ: воздухъ наполненъ сѣрою et la terre est toute volcanique. Везувій молчитъ; часто бываю я обманываемъ выходящими изъ отверстія его облаками и испареніями; принимая оныя за дымъ, хочу кричать: une erruption, une erruption!

*

Неаполь, 6 Декабря 1803 года н. ст.

Вчера графиня Скавронская давала балъ для Протасовыхъ; я весь вечеръ протанцовалъ. За увѣдомленіе о чернилахъ весьма мы вамъ благодарны: они высыхаютъ, какъ скоро ихъ нальешь. Карповъ для депешъ даетъ мнѣ свою чернильницу; у него хороши, но и имъ ко-

нецъ скоро будетъ. Мы теперь о семъ хлопочемъ: пробуемъ все, что̀ есть въ Неаполѣ. Очень вамъ благодаренъ за предостереженіе: подлинно бѣлыя чернила для стараго министра хуже цыфрей. Ежели бы чернила были Венгерскія, Милетъ вѣрно бы хотѣлъ быть перо̀мъ. Вы мнѣ не упоминаете о поступкѣ Приклонскаго; братъ мнѣ все описалъ; жаль мнѣ бѣдную тетушку. Но вотъ каково быть ослѣпленною и не истреблять худое въ началѣ его. Я съ Приклонскимъ жилъ въ молодости, теперь видѣлъ его въ Петербургѣ; но, право, не могу его разобрать воспитаніе его не со стороны наукъ, но нравственности, весьма было пренебрежено, мнѣ кажется. Это очень огорчитъ бѣдную тетушку.

О моемъ перемѣщеніи, конечно, еще не время говорить; надобно дождаться пріѣзда министра прежде всего. Все тоже быть здѣсь, гдѣ я одинъ, можно сказать, или въ Вѣнѣ, гдѣ куча; мнѣ бы хотѣлось въ Берлинъ: близко отъ своихъ, пріятный городъ и умный министръ, что̀ главное; ибо большая часть сихъ господъ сами еще школьники, какъ я. Въ Лондонѣ дорого жить; въ Парижѣ слишкомъ много разсѣянности; при маленькихъ Нѣмецкихъ дворахъ дѣла немного, да и не того рода, мнѣ кажется. Только Берлинъ и Царьградъ мнѣ представляются. Скажите мнѣ, какъ Алопеусъ попалъ въ министры въ Швецію: заслуги, достоинства, или покровительство? Я его помню штукою недиковинною.

Желаю генералъ-прокурорства Ивану Володимировичу, не такъ для него самого, какъ для имущихъ тяжбы въ Сенатѣ. Любезному Ивану Петровичу Тургеневу мой поклонъ; я сихъ двухъ господъ люблю и почитаю, какъ родныхъ.

У васъ дурное время, а у насъ также вдругъ перемѣнилось: волны на морѣ такъ велики, что перепрыгиваютъ черезъ каменную, довольно высокую, набережную; когда сіи волны идутъ издали, кажется, что проглотятъ домъ нашъ, стоящій у самаго берега. Протасова говоритъ, что васъ знаетъ, что я похожъ на васъ лицемъ; дай Богъ чтобъ и всѣмъ я походилъ. Она ѣдетъ черезъ 10 дней; пробирается въ Монпелье къ водамъ. Племянницы ея хороши, какъ говорили. Здѣсь говорятъ, что Везувій гнѣвается на Неаполь, что страшное будетъ изверженіе; въ Terra-del-Greco (у подошвы горы сей) слышны подземные стуки и стрѣльба; но запрещено это по городу разглашать, ибо народъ совсѣмъ не нашего мнѣнія: сіе позорище его не увеселяетъ и, по его мнѣнію, предзнаменуетъ великія несчастія. Я предзнаменую, что все вздоромъ кончится. Провидѣніе позволяетъ, чтобы Везувію немного тошнилось, но не допуститъ, чтобы вырвало. Впрочемъ, мои

краски, пинзеля, карандаши, и *особливо резинластикъ* въ порядкѣ и ждутъ важное происшествіе. Въ Помпеѣ вырыли новый домъ, въ которомъ нашли много древностей, между прочимъ, кучу вазъ, называемыхъ здѣсь etrusques (генерально), хотя много Греческихъ и проч.

Людольфу я сказалъ отъ васъ, что̀ вы велѣли. Вчера на балѣ сказалъ онъ мнѣ: écrivez à m-r votre père que moi, ma fille et vous nous avons dansé dans la même contredance. Это подлинно правда и доказываетъ вамъ, какъ онъ еще свѣжъ и крѣпокъ. Скавронской пишетъ одинъ пріятель изъ Одессы, что сей городъ третій теперь въ Россіи, что очень населяется, много прекрасныхъ домовъ, обществъ, театры, гулянья и пр., что дюкъ Ришелье всѣми генерально отмѣнно любимъ. Скавронская мнѣ подарила записную книжку прекрасную, узнавъ, не знаю какъ, что я имянинникъ.

Всѣ глаза обращены на десантъ Бонапартія. Вотъ стихи одного Итальянца; скажите ихъ Біанкѣ.

Bonaparte non vuol parte,
Ma vuol tutto per sua parte,
E nel mondo non v'è parte,
Che non voglia Bonaparte.

*

Неаполь, 19 Декабря 1803 года.

Людольфъ въ радости. Дворъ здѣшній, по критическимъ своимъ обстоятельствамъ, нѣсколько лѣтъ не давалъ ему ни копѣйки, отчего онъ задолжалъ въ Царьградѣ до 30.000 дукатовъ; теперь король все сіе заплатилъ, и въ воздаяніе за претерпѣнный имъ убытокъ и нужду пожаловалъ ему еще, сверхъ того, 20.000 дукатовъ. Я его отъ себя и отъ васъ поздравилъ. Вѣроятно, что, пріѣхавши сюда только хлопотать, Людольфъ, окончa свое дѣло, возвратится въ Царьградъ. Мнѣ непонятно, какъ дѣло моихъ сестрицъ по сіе время еще все тянется. Дай Богъ, чтобы новый министръ юстиціи оправдалъ свое званіе. Я подумаю о совѣтѣ вашемъ въ разсужденіи князя Лопухина; но, кажется, Гагарины меня вовсе забыли. Я недавно послалъ къ нимъ разныя вещи, о коихъ они меня просили, но не пишутъ ничего; видно lontano da noi—lontano dal core. Истинный другъ—рѣдкая вещь. Говорятъ о перемѣнѣ въ нашемъ министерствѣ; это всю сферу нашу перемѣнитъ; тогда за новые надобно будетъ приняться планы. О Пентерелли никто мнѣ не умѣетъ дать свѣдѣнія; видно, онъ въ другой части Италіи.

Русскіе, здѣсь бывшіе, разъѣхались; теперь только Хитровъ, и сей также скоро хочетъ ѣхать. Но скоро будутъ сюда Тутолмины изъ Рима и многіе другіе. Въ чужихъ краяхъ мы всѣ какъ братья; какъ скоро слышу, что пріѣхалъ Русскій, бѣгу къ нему, хотя и незнакомъ, и принимаемъ всегда дружески. Мнѣ дѣлаютъ тысячу вопросовъ о Неаполѣ, а я о Россіи, и время проводится нельзя пріятнѣе. Вчера былъ у Скавронской большой обѣдъ; звали насъ на славное блюдо; что̀ вы думаете?—Гречневая каша. Багратіонъ прислалъ ей крупъ изъ Петербурга; мы ѣли за его здоровье, желая ему еще тысячу побѣдъ надъ непріятелемъ.

Я все сбираюсь и не могу попасть въ Помпею. Славныя Геркуланскія танцовщицы (коихъ рисунки у васъ были въ угольной комнатѣ, отъ которой идетъ аллея въ садъ) посланы въ подарокъ первому консулу со многими другими достопамятностями и кучею Геркуланскихъ манускриптовъ, называемыхъ здѣсь *papiri*. Парижъ мало-по-малу сдѣлается сѣдалищемъ древности. Время у насъ хотя и преславно, хотя и жарко, а Везувій покрытъ снѣгомъ: прекрасная картина, которой я еще не видалъ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ РУССКАГО АРХИВА.

(О Дантесѣ-Гекеренѣ).

На страницѣ 647 осьмой книжки «Русскаго Архива» помѣщены стихи А. Н. Креницына:

И кто же убійца твой? Пришлецъ,
Барона пажикъ развращенный,
Порока жалкій первенецъ,
Французъ продажный и презрѣнный
и т. д.

Несправедливость этихъ стиховъ заставляетъ меня писать вамъ эти строки. Мало остается современниковъ Пушкина, барона Гекерена и Дантеса. Хотя въ 1837 году мнѣ было только 14 лѣтъ, однакоже я прекрасно помню всѣ обстоятельства рокового поединка и часто встрѣчался въ домѣ моихъ родителей съ тремя участниками кровавой драмы, лишившей насъ безсмертнаго поэта, преждевременную кончину котораго Россія будетъ вѣчно оплакивать. Но горе, насъ постигшее, не даетъ намъ права быть несправедливыми, извращать истину и унижать патріотическую грусть недостойною клеветою.

Дантесъ былъ незаконнорожденный сынъ и воспитывался во Франціи. Родители его не были въ то время извѣстны. Предполагали, что Нидерландскій посланникъ баронъ Гекеренъ могъ быть его отцомъ. Это предположеніе было основано на томъ, что онъ его усыновилъ. Въ 1837 году Дантесъ былъ молодцоватымъ и исправнымъ офицеромъ Кавалергардскаго полка, любимый товарищами и обществомъ, въ которомъ онъ жилъ. Онъ, между прочими, часто посѣщалъ домъ Гончаровыхъ и ухаживалъ за сестрою жены Пушкина, на которой потомъ и женился. Его любезность и вниманіе, которое онъ обращалъ не только на невѣсту, но и на ея сестру возбудили въ ея мужѣ ревность. Нѣкоторые увѣряли, что Пушкинъ имѣлъ причины ревновать; но болѣе близкіе знакомые это отрицали.

Нѣсколько неподписанныхъ писемъ, которыя Пушкинъ получилъ въ это время отъ скрывшаго свое имя негодяя, еще увеличили его

раздраженіе и, будучи вообще подозрительнаго и желчнаго нрава, онъ написалъ оскорбительное письмо барону Гекерену. Дантесъ, который почиталъ стараго барона своимъ благодѣтелемъ и былъ названнымъ его сыномъ, не могъ оставить этой обиды безъ вниманія.

На поединкѣ Дантесъ велъ себя безукоризненно, какъ подобало офицеру Россійской императорской гвардіи. Когда Пушкинъ упалъ раненый, Дантесъ подбѣжалъ было къ нему съ секундантами, чтобы его поднять. Но Пушкинъ остановилъ его, приказавъ остаться на мѣстѣ и выдержать его огонь (что̀ секунданты ни въ какомъ случаѣ не имѣли права дозволить). Дантесъ повиновался и вернулся на свое мѣсто. Тогда Пушкинъ, полулежа, приподнялся, уперся на какую-то перекладину старыхъ перилъ, тутъ лежавшую, для того чтобы ловче цѣлиться (опять секунданты не должны были это дозволить), слишкомъ долго цѣлился (опять слабость секундантовъ), выстрѣлилъ и попалъ въ Дантеса по направленію груди; но пуля засѣла въ руку и дальше не проникла. Пушкинъ, увидѣвъ, что Дантесъ раненъ и пошатнулся, бросилъ пистолетъ вверхъ и закричалъ: «браво!»

Вотъ описаніе поединка, какъ я не одинъ разъ слышалъ на другой же день въ домѣ моихъ родителей, близко знавшихъ и полковыхъ товарищей Дантеса и другихъ его общихъ съ Пушкинымъ знакомыхъ.

Неужели Русскимъ людямъ должны быть доступны одни увлеченія и порывы негодованія, и мы не въ состояніи судить справедливо и безпристрастно?

Гдѣ же тутъ «Барона пажикъ» гдѣ же «продажность» и откуда: «презрѣніе?»

Оба противника вели себя безстрашно и благородно. Можно пожалѣть о проявленіи злости и желчности со стороны Пушкина. Секунданты, дозволившіе раненому Пушкину стрѣлять, упираться для прицѣливанія и слишкомъ долго цѣлиться, поступили неправильно и въ этомъ виноваты.

Дантесъ же ничѣмъ не запятналъ своей чести и, если бы было иначе, то графъ П. Д. Киселевъ, патріотъ, высоко чтившій и поддерживавшій достоинство Русскаго имени, никогда бы не позвалъ его къ своему столу.

N. N.

*

Все это такъ; но правъ и Ѳ. И. Тютчевъ, сказавшій про Дантеса-Гекерна:

Будь правъ или виновенъ онъ
Предъ нашей правдою земною,
На вѣкъ онъ вышнею рукою
Въ цареубійцы заклейменъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ С. Д. ПОЛТОРАЦКАГО

о Русскихъ писателяхъ.

Въ библіотекѣ Румянцовскаго и Публичнаго Музеевъ въ Москвѣ хранится очень цѣнный и интересный экземпляръ „Опыта Россійской библіографіи“ Сопикова, принадлежавшій покойному С. Д. Полторацкому. На листкахъ бумаги, вплетенныхъ между страницъ „Опыта“, находится много собственноручныхъ замѣтокъ Полторацкаго, примѣчаній и исправленій къ книгамъ, упоминаемымъ въ „Опытѣ“. Въ своихъ примѣчаніяхъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, поправляетъ ошибочно означенные года изданія, дополняетъ ими пропущенныя изданія и книги, указываетъ иногда оригиналы переводныхъ книгъ; въ нихъ же встрѣчаются сѣтованія его на неакуратность, неточность и неполноту труда Сопикова. Нѣсколько замѣтокъ его касаются авторовъ, содержатъ нѣкоторыя біографическія данныя и потому могутъ служить матеріаломъ для ихъ біографій. Эти замѣтки, вмѣстѣ съ заглавіями книгъ, къ которымъ онѣ написаны, считаю не лишнимъ сообщить для всѣхъ интересующихся біо- и библіографіей.

1. Древняго и новаго вѣка люди, или уборной столъ госпожи маркизии Помпадуръ; соч. г. Вольтера; перевелъ съ Французскаго О. К. Спб. 1777, въ 8.

„Перевелъ не О. К. На книгѣ означено такъ: Древняго и новаго вѣка люди и проч. Переведено и приписано отъ переводчика другу его О. П. К. 1777 года. Другъ переводчика О. П. К.—это означаетъ Осипа Петровича Козадавлева, который былъ впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ. У Плавильщикова (№ 4211) и Смирдина (№ 8728) этой ошибки не сдѣлано, переводъ не приписанъ О. К., а означенъ безъимяннымъ, какъ это и слѣдовало“. (Сопиковъ, ч. I, № 3478).

2. Несчастія отъ непостоянства происходящія, или письма маркизы Сирсе и графа Мирбеля; соч. г. Дората; переводъ съ Французскаго; 2 части; Спб. 1779, въ 8.

Тоже, изданіе второе: 2 части: Москва, 1788, въ 8.

„Переводъ Михаила Алексѣевича Пушкина, отца Алексѣя Михаиловича и дѣда Ивана Алексѣевича. Умеръ въ Тобольскѣ, въ ссылкѣ*) около 1790 года и тамъ это перевелъ; сказывалъ мнѣ это сегодня дядя жены моей Павелъ Вас. Киндяковъ, который самъ былъ сосланъ (понапрасну) въ Тобольскъ Павломъ I въ одно время съ Коцебу. Коцебу упоминаетъ о Киндяковѣ въ своей книгѣ Une année mémorable de ma vie. Киндякову минуло сегодня 88 лѣтъ, онъ родился въ Астрахани, 5 Іюня 1763 (Москва, Вторникъ 5 Іюня 1851). Замѣтку эту, со словъ Киндякова написанную, нашелъ я въ моихъ картонахъ по прошествіи 12 лѣтъ! (Москва, Воскр. 2/14 Іюня 1863)". (Сопиковъ, ч. III, № 6846—47).

3. Разговоръ уѣздныхъ дворянъ о выборѣ въ судьи; М. 1790, въ 8.

Тоже; изд. второе; Спб. 1790, въ 8.

„Никол. Вас. Сушковъ утверждаетъ, что это сочиненіе его дяди Мих. Вас. Храповицкаго, на томъ основаніи, что въ бумагахъ Храповицкаго встрѣчались Сушкову черновые отрывки почерка Храповицкаго, изъ этого Разговора уѣздныхъ дворянъ о выборѣ въ судьи. Книжка очень рѣдка". (Сопиковъ, ч. IV, № 9422—23).

4. Чувствованіе Россіянина при чтеніи милостивыхъ манифестовъ, изданныхъ Императоромъ Александромъ I; Спб. 1801, въ 4.

„Не Спб., а Москва. Соч. князя Петра Козловскаго. Есть у С. А. Соболевскаго экземпляръ, подаренный Козловскимъ съ его собственноручною надписью, Алексѣю Өедоров. Малиновскому, со многими поправками; въ стихахъ, что̀ у Сопикова не показано. Москва въ Унив. Типогр. у Хр. Клаудія 1801, Апрѣля во 2 день, въ 4 д., 9 страницъ" (Сопиковъ, ч. V, № 12599).

В. Н. Рогожинъ.

*) За дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій. См. нашъ сборникъ „Осьмнадцатый Вѣкъ", книга I-я, въ письмахъ Екатерины II-й къ князю М. Н. Волконскому. П. Б.

О СОБРАНІИ СОЧИНЕНІЙ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Въ этомъ году исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти Ѳ. И. Тютчева; между тѣмъ до сихъ поръ у насъ нѣтъ полнаго собранія его сочиненій. При жизни Тютчева стихи его издавались два раза (въ 1854 и 1868 г.); эти изданія естественно не полны. Изъ посмертныхъ изданій два (изданія Русскаго Архива 1883 и 1886 г.) и не задавались цѣлью дать полное собраніе. Полнѣе другихъ Петербургское изданіе 1886 г.; въ него включены и писанныя по-французски статьи Тютчева и нѣсколько его юношескихъ безусловно-слабыхъ стихотвореній (напр. „На камень жизни роковой“ стр. 3 или „Посланіе къ А. В. Шереметеву“ стр. 41). Но и въ этомъ изданіи нѣтъ нѣсколькихъ произведеній Тютчева, напечатанныхъ при его жизни; кромѣ того, въ этомъ изданіи немало важныхъ неточностей и совсѣмъ не приведено разночтеній (варіантовъ).

Цѣль моей статьи помочь полнотѣ будущаго собранія сочиненій Тютчева и правильности чтенія его стиховъ. Въ моихъ замѣчаніяхъ я исхожу отъ Петербургскаго изданія 1886 года, какъ отъ наиболѣе полнаго. Оговариваюсь, что, указывая пропуски и ошибки, я далеко не надѣюсь исчерпать предметъ: мои указанія въ значительной степени отрывочны и случайны. Сначала я перечисляю тѣ стихотворенія, встрѣченныя мною въ разныхъ изданіяхъ, которыя несомнѣнно или съ нѣкоторой вѣроятностью принадлежатъ перу Тютчева, но не перепечатаны ни въ одномъ изъ собраній его сочиненій. Затѣмъ я привожу нѣкоторыя его стихотворенія въ той обработкѣ, какъ они напечатаны въ старыхъ временникахъ, чтобы показать, насколько разночтенія у Тютчева заслуживаютъ вниманія. Въ заключеніе я указываю усмотрѣнныя мною неточности въ чтеніи Петербургскаго изданія 1886 года.

I.

Я могу указать *восемь* стихотвореній, которыми, на мой взглядъ, должно бы было пополнить собраніе сочиненій Тютчева.

I. „Посланіе Горація къ Меценату, въ которомъ приглашаетъ его къ сельскому обѣду“. Переводъ этотъ, по словамъ Аксакова, былъ сдѣланъ Тютчевымъ 14 лѣтъ; его воспитатель, небезъизвѣстный писатель Раичъ, представилъ этотъ „опытъ“ Обществу Любителей Россійской Словесности, которое и напечатало его въ XIV-ой части своихъ Трудовъ (М. 1819 г.). Ко-

нечно, это еще незрѣлое произведеніе, но въ немъ видно уже значительное умѣніе владѣть стихомъ. Вотъ заключительныя строки:

Пусть бурями увитый Нотъ
Пучины сланыя крутитъ и воздымаетъ,
И черные холмы морскихъ кипящихъ водъ
Съ громовой тучею сливаетъ,
И бренныхъ кораблей
Рветъ снасти, все крушитъ въ свирѣпости своей...

*

Отчизны мирныя покрытой небесами,
Не буду я боговъ обременять мольбами;
Но дружба и любовь, среди житейскихъ волнъ,
Безбѣдно приведутъ въ пристанище мой челнъ...

II. Въ трудахъ того же Общества, (1822 г.) подъ названіемъ „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ“ помѣщено слѣдующіе стихотвореніе.

Весеннее привѣтствіе стихотворцамъ.

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухаетъ намъ!
Творенью пиръ даетъ природа,
Свиданья пиръ даетъ сынамъ!..
Духъ силы, жизни и свободы
Возноситъ, обвѣваетъ насъ!..
И радость въ сердце пролилась,
Какъ отзывъ торжества природы,
Какъ Бога животворный гласъ.

*

Гдѣ вы, Гармоніи сыны?
Сюда!.. и смѣлыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагрѣтой яркими лучами
Любви, восторга и весны!..

*

О вы, чей взоръ столь часто освѣщенъ
Благоговѣнія слезами,
Природы храмъ отверстъ, пѣвцы, предъ вами!
Вамъ ключъ къ нему Поэзіей врученъ!
Въ пареніи своемъ высокомъ
Не измѣняйтесь никогда!..
И вѣчная природы красота
Не будетъ вамъ ни тайной, ни упрекомъ!

*

Какъ полнымъ пламеннымъ расцвѣтомъ,
Омытыя Авроры свѣтомъ,
Блистаютъ розы и горятъ—

И Зефиръ радостнымъ полетомъ
Ихъ разливаетъ ароматъ:
Такъ разливайся жизни сладость,
Пѣвцы, за вами по слѣдамъ!
Такъ пòрхай ваша, други, младость
По свѣтлымъ счастія цвѣтамъ!..

Стихотвореніе это подписано *Н. Тютчевъ.* У Ѳ. И. Тютчева былъ братъ Николай (на смерть котораго написано стихотвореніе „Братъ, столько лѣтъ сопутствовавшій мнѣ"); но нѣтъ никакихъ указаній, чтобы и онъ писалъ стихи. Напротивъ, приведенное стихотвореніе по духу очень близко произведеніямъ Ѳ. Тютчева. Онъ всегда любилъ весну, и восхваленію „цвѣтущаго блаженства Мая" посвящено имъ позднѣе немало стихотвореній. Кромѣ того, отдѣльныя выраженія напоминаютъ его другіе стихи. Со словами о струнѣ, „нагрѣтой яркими лучами", можно сопоставить образы изъ „Арфы Скальда (стр. 49) и слѣдующіе стихи, гдѣ глаголъ „грѣть" употребленъ тоже нѣсколько неожиданно: „На мраморѣ весною разогрѣтомъ". (Могила Наполеона стр. 97) и „Розъ дыханьемъ Декабрьскій воздухъ разогрѣтъ" (1 Декабря 1827 г. стр. 113). Выраженіе „пòрхать" съ тѣмъ же удареніемъ встрѣчается у Тютчева еще въ стихѣ: „Вдругъ что-то пòрхнуло въ окно" (стр. 20). Да кто, наконецъ, кромѣ творца „Природа - сфинксъ" могъ въ 1822 году написать:

И вѣчная природы красота
Не будетъ вамъ ни тайной, ни упрекомъ?

III. Въ „Сѣверной Лирѣ" на 1827 годъ помѣщено за подписью „Т...." стихотвореніе: „Къ Н....", на которое указываетъ Аксаковъ, какъ на Тютчевское. Вотъ оно:

Къ Н....

Твой милый взоръ, невинной страсти полный,
Златой разсвѣтъ небесныхъ чувствъ твоихъ,
Не могъ, увы! умилостивить ихъ—
Онъ служитъ имъ укорою безмолвной.
Сіи сердца, въ которыхъ правды нѣтъ,
Они, о другъ, бѣгутъ, какъ приговора,
Твоей любви младенческаго взора,
Онъ страшенъ имъ, какъ память дѣтскихъ лѣтъ.
Но для меня сей взоръ благодѣянье,
Какъ жизни ключъ, въ душевной глубинѣ
Твой взоръ живетъ [1]) и будетъ жить во мнѣ,
Онъ нуженъ ей [2]), какъ небо и дыханье.
Таковъ горѣ [3]) духовъ блаженныхъ свѣтъ,
Лишь въ небесахъ сіяетъ онъ, небесный;
Въ ночи грѣха, на днѣ ужасной бездны,
Сей чистый огнь, какъ пламень адскій, жжетъ [4]).

24 Ноября 1824.

---

[1]) Въ подлинникѣ: живитъ.— [2]) Душѣ или жизни?— [3]) Въ подлинникѣ: горѐ.— [4]) Въ подлинникѣ: сжетъ.

Выраженіе *укора* встрѣчается у Тютчева еще въ стихотвореніи „О, не тревожь меня укорой справедливой“ (стр. 181); удареніе *духóвъ* вмѣсто *духовъ* обычно у Тютчева (напр. „На міръ таинственный духовъ“ стр. 134). Въ этомъ стихотвореніи по мысли есть общее со стихотвореніемъ „Проблескъ“ (стр. 184), написанномъ около того же времени.

IV. Въ той же книжкѣ „Сѣверной Лиры“ въ статьѣ Делибюрадера „Отрывокъ изъ сочиненія объ искусствахъ“ приведено стихотвореніе, о которомъ въ выноскѣ сказано: стихи г. Тютчева.

Нѣтъ вѣры къ вымысламъ чудеснымъ,
Разсудокъ все опустошилъ,
И покоривъ законамъ тѣснымъ
И воздухъ, и моря, и сушу,
Какъ плѣнниковъ ихъ обнажилъ,
Ту жизнь до дна онъ изсушилъ,
Чтó въ дерево вливала душу,
Давала тѣло безтѣлеснымъ!..
Счастливы древніе народы!
Ихъ міръ былъ храмомъ всѣхъ боговъ;
И книгу матери-природы
Они читали безъ очковъ!..
Счастливы древніе народы!
Нашъ міръ, о други, не таковъ.

Кромѣ послѣднихъ строкъ это стихотвореніе вполнѣ достойно имени Ѳ. И. Тютчева. Что касается расположенія созвучій, то оно напоминаетъ такія стихотворенія какъ „Первые листья“, „Конченъ пиръ“, „Поэзія“, „Грустный видъ и грустный часъ“.

V. Въ первомъ изданіи Гербеля переводовъ Шиллера (1857 г. т. II, стр. 247) помѣщенъ слѣд. переводъ за полной подписью Ѳ. И. Тютчева.

Фортуна и Мудрость.

Съ Временьщикомъ Фортуна въ спорѣ
Къ убогой Мудрости летитъ:
„Сестра, дай руку мнѣ—и горе
Твоя мнѣ дружба облегчитъ!
Дарами лучшими своими
Его осыпала, какъ мать,
И что-жъ? ничѣмъ ненасытимый,
Меня скупой онъ смѣлъ назвать.
Софія, вѣрь мнѣ, будемъ дружны...
Смотри—вотъ горы серебра;
Кинь заступъ твой, теперь ненужный:
Съ насъ будетъ, милая сестра“.
— Лети!—ей Мудрость отвѣчала:
— Не слышишь?—другъ твой жизнь клянетъ!
Спаси безумца отъ кинжала;
А мнѣ въ Фортунѣ нужды нѣтъ.

VI. Въ статьѣ Аксакова приводится отрывокъ изъ одного стихотворенія Ѳ. И. Тютчева, которое затѣмъ было напечатано цѣликомъ Ѳ. Ѳ. Тютчевымъ въ газетѣ „Свѣтъ“ (1893 г. № 175, романъ „На границѣ“). Это одно изъ лучшихъ произведеній Тютчева.

Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ
Часы одни ужаснѣе другихъ;
Ихъ тяжкій гнетъ, ихъ горе неземное
Не выскажетъ, не выдержитъ мой стихъ.
Вдругъ все замретъ; слезамъ и умиленью
Нѣтъ доступа; все пусто и темно;
Минувшее не вѣетъ легкой тѣнью,
А подъ землей какъ трупъ погребено.
И вотъ надъ нимъ въ дѣйствительности ясной,
Но безъ любви, безъ солнечныхъ лучей,
Такой же міръ бездушный и безстрастный,
Не знающій, не помнящій о ней.
И я одинъ съ моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу,
Разбитый челнъ, заброшенный волною
На безъимянномъ дикомъ берегу.
О, Господи! дай жгучаго страданья
И мертвенность души моей разсѣй.
Ты взялъ ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мнѣ оставь по ней.

Принадлежность Тютчеву стиховъ, которые не приведены у Аксакова, подтверждается отдѣльными выраженіями. Напр. часто встрѣчается у Тютчева *вспоминанье* вмѣсто *воспоминанье* (стр. 306 „Славянамъ“ или стр. 194 „Ей оставались вспоминанья... Но измѣнили и онѣ“). Стихотвореніе это по содержанію можетъ быть сближено со многими другими стихами Тютчева; въ нѣкоторыхъ встрѣчаются почти тѣ же образы (стр. 46 „Какъ надъ горячею золой“, стр. 170 „Графинѣ Ростопчиной“).

VII. У Аксакова приведенъ еще отрывокъ одного изъ послѣднихъ стихотвореній Тютчева, писанныхъ имъ уже послѣ удара. Вотъ начало.

На ранней дней моихъ зарѣ,
Въ Кремлѣ, рано утромъ, въ Чудовомъ монастырѣ,
Въ уютной кельѣ, темной и смиренной
(Тамъ жилъ тогда Жуковскій незабвенный),
Я ждалъ его и въ ожиданьи
Колоколовъ Кремля я слушалъ завыванье.
За мѣдною слѣдилъ я бурей,
Поднявшейся съ безоблачной лазури..

Полнота изданія выиграла бы, еслибъ и такіе наброски были включены въ него.

VIII. Въ Галатеѣ за 1829 годъ (№ 44) помѣщена слѣдующая „Эпиграмма“:

Стяжать вѣнокъ отъ васъ не мѣчу,
Но ваши похвалы люблю,
Коль на пути своемъ ихъ встрѣчу.
Балластъ хотя не назначаетъ
Куда и какъ плыть кораблю,
Но путь его онъ облегчаетъ.

Слогъ этого стихотворенія напоминаетъ позднѣйшіе стихи Тютчева „На случай". Своеобразное сравненіе похвалы современниковъ съ балластомъ на кораблѣ совершенно въ духѣ остроумія Тютчева. Подпись подъ стихами *Т....въ*.

Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ этихъ восьми въ старыхъ повременныхъ изданіяхъ можно отыскать еще много забытыхъ стиховъ Тютчева. Есть также слухи, что у нѣкоторыхъ лицъ хранятся стихи Тютчева въ рукописи. Нечего говорить, какимъ дорогимъ подаркомъ для всѣхъ почитателей нашего великаго писателя было бы, еслибъ эти произведенія вошли въ будущее полное собраніе его сочиненій.

II.

Не менѣе важно включить въ будущее собраніе сочиненій Тютчева разночтенія стиховъ.

О Тютчевѣ разсказываютъ, что, написавъ новое стихотвореніе на какомъ-нибудь обрывкѣ бумаги, онъ комкалъ этотъ листокъ и бросалъ его подъ столъ. Аксаковъ сообщаетъ, что для изданія 1868 года не было возможности достать подлинниковъ руки самого писателя. Мало того: Тютчеву было доставлено оглавленіе всей предполагавшейся книжки; оно пролежало у него мѣсяцъ и было возвращено непросмотрѣнное. Самъ Тютчевъ такъ писалъ Погодину:

Стиховъ моихъ вотъ списокъ безобразный;
Не заглянувъ въ него, дарю имъ васъ.

Съ другой стороны Фетъ въ предисловіи къ III выпуску „Вечернихъ Огней" говоритъ слѣдующее: „Счастливъ художникъ, способный исправлять свои произведенія согласно указаніямъ знатоковъ. Но и тутъ есть извѣстныя границы и опасности. Можно, что́ называется, записать картину. Это случилось даже съ позднѣйшими изданіями Тютчева, гдѣ алмазные стихи появились замѣненные стразами".

Такое противорѣчіе просто объясняется тѣмъ, что Аксаковъ и Фетъ говорятъ о разныхъ временахъ стихотворной дѣятельности Тютчева. Тютчевъ, по свидѣтельству Аксакова, видимо относился такъ къ своимъ стихамъ въ послѣдніе годы; но въ первую половину жизни, до 1854 г., онъ не разъ передѣлывалъ и исправлялъ ихъ. Что Фетъ, художникъ по духу родственный Тютчеву, считаетъ эти исправленія искаженіями, привлекаетъ къ нимъ особенное вниманіе. Я приведу здѣсь, въ примѣръ, нѣкоторыя болѣе значительныя передѣлки, напоминая, что мое собраніе разночтеній очень неполно.

Въ числѣ стихотвореній Тютчева, доставленныхъ И. С. Гагаринымъ Пушкину и печатавшихся въ Современникѣ съ 1836 г. подъ общимъ заглавіемъ „Стихотворенія, присланныя изъ Германіи", есть нѣсколько написанныхъ тѣмъ довольно обычнымъ у Нѣмцевъ размѣромъ, гдѣ смѣшиваются двухъ и трехсложныя стопы (Knittelvers). Такой размѣръ не былъ новостью въ Русской словесности. Первый образецъ его далъ еще Ломоносовъ, написавшій „Триметры изъ анапестовъ и ямбовъ сложенные". Въ первыя десятилѣтія нашего столѣтія этимъ размѣромъ нерѣдко дѣлались у насъ переводы съ Нѣмецкаго; таковъ, напримѣръ, въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1825 годъ переводъ „Перчатки" Шиллера, сдѣланный Мих. Загорскимъ („Предъ вратами звѣринца король Францискъ возсѣдалъ"); таковъ и переводъ самого Тютчева изъ Гейне „Съ чужой стороны", какъ онъ напечатанъ въ „Сѣверной Лирѣ" на 1827 годъ. Впослѣдствіи „стихи безъ мѣры" употреблялъ Губеръ въ своемъ переводѣ Фауста; позднѣе Фетъ, а въ наши дни нѣкоторые изъ молодыхъ стихотворцевъ.

Несмотря на то, такой размѣръ не получилъ у насъ признаннаго права гражданственности. „Современникъ", находя нужнымъ оправдывать Губера за такой размѣръ, говорилъ въ 1839 году (т. XIII): „Ужели переводчикъ обязанъ вводить гармонію тамъ, гдѣ ея нѣтъ въ подлинникѣ, потому только, что на его языкѣ не было писано стиховъ безъ метра?" Но это говорилось въ томъ самомъ изданіи, гдѣ три года назадъ помѣщался цѣлый рядъ безразмѣрныхъ стихотвореній Тютчева! Столь одинокими оставались попытки выйти изъ установленныхъ размѣровъ. Довольно понятно поэтому, что Тютчевъ нашелъ нужнымъ для изданія 1854 г. большую часть своихъ безразмѣрныхъ стихотвореній привести къ точнымъ размѣрамъ. Въ иныхъ стихотвореніяхъ и послѣ исправленія остались нѣкоторыя неправильности размѣра (напр., въ выше указанномъ переводѣ изъ Гейне), другія же были вплотную уложены на Прокрустово ложе размѣра. Едва ли не объ этихъ исправленіяхъ вспоминаетъ Фетъ, говоря о алмазахъ замѣненныхъ стразами.

Вотъ стихотвореніе „Сонъ на морѣ" въ томъ видѣ (съ сохраненіемъ правописанія), какъ оно было напечатано въ „Современникѣ" (1836 г. т. III.)

Сонъ на морѣ.

И море и буря качали нашъ челнъ;
Я сонный былъ преданъ всей прихоти волнъ.
Двѣ безпредѣльности были во мнѣ;
И мной своевольно играли онѣ.
Вкругъ меня какъ кимвалы звучали скалы,
Окликалися вѣтры и пѣли валы.
Я въ хаосѣ звуковъ леталъ оглушенъ;
Но надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ.
Болѣзненно-яркій, волшебно-нѣмой
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой;
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ:
Земля зеленѣла, свѣтился эѳиръ,
Сады-лавиринѳы, чертоги, столпы,
И сонмы кипѣли безмолвной толпы.

Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ,
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ...
По высямъ творенья какъ богъ я шагалъ
И міръ подо мною недвижный сіялъ.
Но всѣ грезы насквозь, какъ волшебника вой;
Лишь слышался грохотъ пучины морской;
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

Кто дастъ себѣ трудъ сравнить приведенное чтеніе съ общеизвѣстнымъ (стр. 55—56), тотъ согласится, что почти каждое исправленіе ослабило силу выраженія. Даже мелочи, какъ выпущенное *но* въ 8-мъ стихѣ и вставка *и* въ 3-мъ отняли кое-что у стихотворенія. Стихи 6—7 читаются теперь

Вокругъ какъ кимвалы звучали скалы,
И вѣтры свистѣли, и пѣли валы.

Звонкій, звукоподражательный стихъ „Вкругъ меня, какъ кимвалы, звучали скалы“ сталъ глухимъ: „Вокругъ, какъ кимвалы. .“ Выраженіе „Окликалися вѣтры“ столь ярко, столь сильно, что его не замѣнитъ внутреннее созвучіе въ стихѣ „И вѣтры сви*стѣли* и *пѣли* валы“. Пожалуй еще неудачнѣе передѣлка 19 стиха. Въ первоначальномъ чтеніи этотъ стихъ своимъ порывистымъ движеніемъ нарушалъ плавность разсказа, врывался въ него какъ вой волшебника въ міръ, имъ созданный. Въ передѣлкѣ это свойство стиха исчезло.

Сквозь грезы какъ дикій волшебника вой.

Добавленное опредѣленіе *дикій* лишнее: это понятіе заключается уже въ самомъ словѣ *вой.*

Единственнымъ исправленіемъ, дѣйствительно придавшимъ новую красоту стихотворенію, можно считать измѣненіе стиха 14-го („И сонмы кипѣли безмолвной толпы“); теперь мы читаемъ:

И чудился шорохъ несмѣтной толпы.

Замѣчательно, что это измѣненіе не вызвано исправленіемъ размѣра. Что касается до замѣны выраженія „какъ богъ я шагалъ“ другимъ „я гордо шагалъ“, то въ сравненіе можно указать на послѣдній стихъ стихотворенія „Осенній вечеръ“ (стр. 29), читавшійся прежде (Современ. 1840 г. т. XIX)

Божественной стыдливостью страданья.

Теперь читаемъ „*возвышенной* стыдливостью“.

Другимъ сходнымъ примѣромъ исправленія размѣра можетъ служить стихотвореніе Silentium (стр. 88). Замѣчу кстати, что въ „Современникѣ“ 1836 года (т. III) это заглавіе имѣетъ на концѣ восклицательный знакъ, что̀ даетъ особый оттѣнокъ всему стихотворенію и, конечно, обличаетъ руку самого творца. Размѣръ въ стихотвореніи былъ выдержанъ на протяженіи всѣхъ трехъ отдѣловъ, кромѣ двухъ стиховъ перваго. Эти два стиха и подверглись передѣлкѣ. Первоначально было:

Пускай въ душевной глубинѣ
Встаютъ и заходятъ онѣ
Безмолвно, какъ звѣзды въ ночи.

А теперь читаемъ:

И всходятъ и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи.

Въ первомъ стихѣ появилось ненужное сочетаніе настоящаго и будущаго времени, а во второмъ исчезло опредѣленіе *безмолвно*, дававшее смыслъ всему сравненію.

Не должно казаться страннымъ, что Тютчевъ впадалъ въ такія ошибки, передѣлывая свои стихи. Онъ былъ пѣвцомъ мимолетныхъ настроеній; чтобы исправлять разъ написанное, ему требовалось рѣдкое тождество настроеній. Впрочемъ, есть у Тютчева и такія передѣлки, которыя дѣйствительно придавали новую прелесть стихамъ. Мы всѣ еще въ школѣ затвердили „Весеннюю грозу“. Между тѣмъ знакомое намъ чтеніе значительно отличается отъ того, какъ первоначально было напечатано это стихотвореніе въ „Галатеѣ“ (1829 г. № 3). Оно состояло тогда только изъ трехъ отдѣловъ.

Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ Мая:
Какъ весело весенній громъ
Изъ края до другого края
Грохочетъ въ небѣ голубомъ!

*

Съ горы бѣжитъ ручей проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ;
И говоръ птицъ и ключъ нагорный
Все вторитъ радостно громамъ!

*

Ты скажешь: вѣтренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

Въ исправленномъ видѣ стихотвореніе полнѣе, художественнѣе.

Выиграло, пожалуй, и стихотвореніе „Видѣніе“ (стр. 57. „Есть нѣкій часъ...“), послѣ того какъ оно было отдѣлено отъ стихотворенія „Олеговъ Щитъ“ (стр. 206). Первоначально („Галатея“ 1829 г. № 34) эти два стихотворенія составляли одно, подъ общимъ заглавіемъ „Видѣніе“. Это стихотвореніе было раздѣлено на три части; первую часть образовывало стихотвореніе теперь называемое „Видѣніе“, вторую—первые восемь стиховъ „Олегова Щита“, третью—его послѣднее четверостишіе въ такомъ видѣ:

Глухая полночь; все молчитъ!
Вдругъ изъ-за тучъ луна сверкнула
И надъ вратами Истамбула
Зажгла Олеговъ щитъ!

Связующей мыслью этихъ двухъ стихотвореній являлись, видимо, тѣ пророческіе сны, которыми боги тревожатъ дѣвственную душу музы въ часъ видѣній. Олеговъ Щитъ—одно изъ такихъ видѣній. Впослѣдствіи („Раутъ" 1854 г.) Тютчевъ перепечаталъ стихотвореніе „Олеговъ Щитъ", какъ отдѣльное, и добавилъ обозначеніе „молитва магометанъ", „молитва христіанъ", чего въ „Галатеѣ" не было.

Немало у Тютчева и исправленій отдѣльныхъ возраженій. Такъ въ разныхъ мѣстахъ замѣнено вмѣсто *„баютъ"*—*„молвятъ"*, вм. *„въ пыли"*—*„въ тиши"*, вм. *„издыхающая"* (земля)—*„усыпленная"* и т. п. Иногда эти поправки вызваны звуковой стороной стиха (напр. *„О ночь, ночь! гдѣ...* замѣнено: *Ночь, ночь, о гдѣ...*); иногда желаніемъ болѣе правильнаго оборота (Первоначально было: *Въ душномъ воздуха молчаньѣ—Какъ предчувствіе грозы...* А теперь: *Въ душномъ воздухѣ молчанье...*); иногда требованіемъ времени. (Въ стихотвореніи „Могила Наполеона" первоначально было: *„Еще гремитъ твоихъ побѣдъ—Отзывный гулъ въ колеблющемся мірѣ...* А теперь читаемъ: *Давно ль умолкъ перунъ его побѣдъ..*) и т. д.

Думаю, что приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы выяснить значеніе разночтеній Тютчева. Изданіе, которое соберетъ ихъ, окажетъ значительную услугу словесности.

III.

На ряду съ собраніемъ разночтеній стоитъ задача установить правильное чтеніе всѣхъ стиховъ Тютчева. Только лицамъ, сравнивавшимъ различныя изданія Тютчева, извѣстно, на сколько не установлено это чтеніе. Конечно, причина этому въ томъ, что послѣдніе годы жизни самъ художникъ не занимался изданіемъ своихъ произведеній. Есть стихи, которые каждый издатель печатаетъ по своему. Я приведу нѣсколько примѣровъ различій въ двухъ изданіяхъ, вышедшихъ одновременно (въ 1886 г.) въ Москвѣ и Петербургѣ.

Въ стихотвореніи „Послѣдняя любовь" (стр. 219) по Петербургскому изданію читаемъ:

Лишь тамъ на Западѣ бродитъ сіяніе.

По Московскому изданію: *брежжитъ сіяніе.* Послѣдній стихъ того же стихотворенія по Петербургскому изданію:

Блаженство ты и безнадежность.

По Московскому:

Ты и блаженство и безнадежность.

Такія различія не мелочь въ стихахъ, такъ какъ здѣсь дорогъ звукъ каждаго слова.

Въ Петербургскомъ изданіи стихи „Съ горы скатившись камень легъ въ долинѣ" и „Когда пробьетъ послѣдній часъ природы" помѣщаются, какъ отдѣльныя произведенія (стр. 67 и 92); въ Московскомъ изданіи они соеди-

нены въ одно цѣлое, что несомнѣнно вѣрнѣе. Эти отрывки связаны общей мыслью; художникъ спрашиваетъ,—кто сбросилъ этотъ камень, силы природы или человѣкъ? и отвѣчаетъ,—все совершается по волѣ Творца.

Укажу кстати, что подобная же внутренняя связь есть между стихами „Утро въ горахъ" и „Снѣжныя горы" *) (стр. 9 и 11) и между стихами „Какое дикое ущелье" и „Съ поляны коршунъ поднялся" (стр. 8 и 28). Желательно, чтобы эти стихи печатались рядомъ.

Но что особенно запутано въ изданіяхъ Тютчева—это знаки препинанія. Часто всѣ изданія отличаются въ этомъ отношеніи одно отъ другого. Такъ во всѣмъ извѣстномъ стихотвореніи „Весеннія воды" (стр. 5. „Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ") на концѣ перваго четверостишія стоитъ въ „Современникѣ" (1836 г. т. III) черточка (тире); въ изданіи 1854 г. многоточіе; въ изданіи 1868 года точка съ запятой; въ изданіяхъ „Русскаго Архива" точка; въ Петербургскомъ изданіи 1886 г. запятая и черточка. Слѣдовательно, глаголъ „гласятъ" понимается въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ. И это примѣръ не единичный

Иногда только узнавъ чтеніе въ томъ изданіи, гдѣ стихи были напечатаны съ рукописи, начинаешь понимать истинный смыслъ выраженій. Такъ въ стихотвореніи „Душа моя—Элизіумъ тѣней" (стр. 114) первый стихъ во всѣхъ изданіяхъ неизмѣненнымъ повторяется въ началѣ второго четверостишія. Но въ „Современникѣ" (1836 г. т. IV) во второй разъ этотъ стихъ читается такъ:

Душа моя, Элизіумъ тѣней!

Это уже не восклицаніе, а обращеніе, что подтверждается слѣдующимъ „*тобою*".

Эту путаницу въ знакахъ препинанія въ извѣстной мѣрѣ оправдываетъ отношеніе самого Тютчева къ своимъ стихамъ. Менѣе извинительно, если издатели путаютъ указанія годовъ (хронологическія даты). Я нашелъ въ Петербургскомъ изданіи 1886 г. цѣлый рядъ неточностей.

Въ этомъ изданіи стихотворенія раздѣлены на двѣ половины. Во второй (съ 1837 г.) они расположены по годамъ, и подъ каждымъ стихотвореніемъ стоитъ указаніе года. Вотъ списокъ замѣченныхъ мною ошибокъ въ этихъ указаніяхъ.

Стихотвореніе „Проблескъ" (стр. 184 „Слыхали ль въ сумракѣ глубокомъ") отнесено къ 1852 г., а напечатано въУраніи за 1826 г.

Стихотв. „Олеговъ Щитъ" (стр. 206) отнесено къ 1854 г. (годъ его перепечатки въ Раутѣ), но раньше напечатано въ „Галатеѣ" за 1829 г. № 34.

---

*) Они напечатаны вмѣстѣ въ „Галатеѣ" (1830 г., № 13). Тамъ есть еще одно четверостишіе (стоявшее послѣ: „Съ своими черными лѣсами").

Едва въ трепещущихъ листахъ
Перебирается прохлада,
Звонокъ пасущагося стада
Почти замолкъ на высотахъ.

Стихотв. „Душа хотѣла бъ быть звѣздой" (стр. 117), „О чемъ ты воешь вѣтръ ночной" (стр. 135), „И гробъ опущенъ ужъ въ могилу" (стр. 120), „Душа моя—Элизіумъ тѣней" (стр. 114) и „Надъ виноградными холмами" (стр. 133) отнесены къ годамъ 1840, 1847, 1841, 1837 и 1847, а напечатаны были въ „Современникѣ" за 1836 г. т. III, IV и VI.

Стихотвореніе „Давно-ль, давно-ль, о югъ блаженный" (стр. 118), „Смотри, какъ западъ загорѣлся" (стр. 259) и „День и Ночь" (стр. 134), отнесены къ годамъ 1840, 1863 и 1847, а напечатаны въ „Современникѣ" за 1838 годъ, т. IX и X и за 1839 г., т. XI.

Сюда можно присоединить стихотвореніе „Такъ здѣсь-то суждено намъ было" (стр. 113). Оно отнесено къ 1837 г., а напечатано въ „Современникѣ" за 1838 г., т. IX, при чемъ озаглавлено „1 Декабря 1827 г.".

Эти 11 стихотвореній прямо-таки ошибочно отнесены къ годамъ, означеннымъ подъ ними. Кромѣ нихъ, есть еще много другихъ стиховъ, указанія на года подъ которыми внушаютъ сомнѣніе. Такъ къ стихотвореніямъ, написаннымъ до 1837 г. отнесены: „Осенній вечеръ" (стр. 29), „Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленной" (стр. 101), „Какъ ни гнететъ рука судьбины" (стр. 76. „Весна"), и „Не вѣрь, не вѣрь поэту" (стр. 33); между тѣмъ первыя два были напечатаны въ „Современникѣ" за 1840 г., т. XIX, а два послѣднія въ „Современникѣ" за 1839 г., т. XIII.

Вообще стихотворенія первой части, собранныя подъ неопредѣленнымъ заглавіемъ, написанныя до 1837 г., могли бы быть распредѣлены по годамъ съ бо̀льшей точностью. Почти всѣ они были напечатаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, такъ что ихъ легко можно было бы расположить по годамъ перваго появленія въ печати.

Въ заключеніе повторю пожеланія, съ которыми я обращаюсь къ будущему полному собранію сочиненій Тютчева. Желательно, чтобы изъ старыхъ повременныхъ изданій были собраны всѣ стихи, о которыхъ можно предполагать, что они написаны Тютчевымъ. Если это окажется возможнымъ, желательно, чтобы были напечатаны и тѣ стихи Тютчева, которые до сихъ поръ сохраняются въ рукописи. Желательно, чтобы чтеніе всѣхъ стиховъ было провѣрено, когда можно, по рукописямъ, или, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ изданіямъ, гдѣ эти стихи появились впервыя. Желательно, чтобы былъ сдѣланъ сводъ разночтеній. Необходимо исправить указанія годовъ. Жаль, что приходится еще высказывать эти самыя естественныя пожеланія черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти великаго писателя.

Напомню еще о томъ, что 25 лѣтъ—достаточный промежутокъ, чтобы можно было приступить къ печатанію *писемъ* Тютчева, которыя, навѣрно, хранятся у его многочисленныхъ знакомыхъ. Отрывки, приведенные Аксаковымъ, показываютъ, что письма Тютчева замѣчательны не менѣе его стиховъ.

Валерій Брюсовъ.

И. А. КУСКОВЪ.

Едва ли кому извѣстна жизнь и дѣла коммерціи-совѣтника Ивана Александровича Кускова, не мало потрудившагося въ бывшихъ Россійско-Американскихъ колоніяхъ. И. А. Кусковъ, сынъ Тотемскаго мѣщанина, родился въ 1765 году. Въ 1787 году, 22 лѣтъ отъ роду, онъ отправился въ городъ Иркутскъ, тамъ встрѣтился съ Каргопольскимъ купцомъ Александромъ Андреевичемъ Барановымъ, и 20 Мая 1790 г. заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому обязался быть у него въ услуженіи „при коммерческой должности". Барановъ и Кусковъ отправились сначала въ Охотскъ, а оттуда къ „Американскимъ берегамъ, въ компанію промысла гг. Голикова и Шелехова", куда достигли въ 1791 г. Барановъ былъ первымъ и главнымъ правителемъ компаніи въ продолженіе 27 лѣтъ, а Кусковъ его помощникомъ.

Безкорыстіе, вѣрность и честность И. А. Кускова и необыкновенное усердіе къ службѣ обратили на него вниманіе начальства, и въ 1806 году онъ получилъ отъ графа Н. П. Румянцова слѣдующее письмо: „Государь мой Иванъ Александровичъ! Принявъ въ уваженіе отзывъ Правленія Россійско-Американской компаніи и капитана, бывшаго на кораблѣ „Невѣ" о тѣхъ дѣятельныхъ трудахъ, коими вы содѣйствуете управленію въ селеніяхъ Россійско-Американской компаніи, я почелъ справедливымъ исходатайствовать у Его Императорскаго Величества чинъ комерціи-совѣтника, коимъ Государь Императоръ васъ жалуетъ. Я буду весьма доволенъ, если вы примете домогательство мое о сей наградѣ въ той цѣнѣ, въ коей я ставлю ее; ибо со времени управленія мнѣ ввѣреннымъ министерствомъ*) только пятеро удостоены сего отличія, и нынѣ вы получаете его отъ монаршаго благоволенія, какъ достоинство, по справедливости вамъ слѣдующее. Впрочемъ, пребываю съ моимъ почтеніемъ къ вамъ, государь мой, покорный слуга, графъ Николай Румянцовъ. Октября 13 дня 1806 года. Г-ну Кускову, Тотемскому купцу".

Въ 1812 году И. А. Кусковъ учредилъ на берегахъ Верхней Калифорніи небольшую колонію и устроилъ въ ней крѣпость, назвавъ ее „Россъ", комендантомъ которой и былъ назначенъ. Не смотря на человѣколюбивое отношеніе къ мѣстнымъ жителямъ-язычникамъ, онъ не разъ подвергался смертельнымъ опасностямъ отъ нихъ, но былъ спасаемъ своею женой, Екатериною Прохоровной, хорошо знакомою съ языкомъ и обычаями жителей. Она была землячка его, дочь Устюжскаго мѣщанина, который бывалъ въ Индіи. Лишившись родителей, она какими-то судьбами попала въ Сѣверную Америку и встрѣтилась съ И. А. Кусковымъ.

---

*) Т.-е. „Министерствомъ Коммерціи". П. Б.

Черезъ десять лѣтъ послѣ основанія колоніи и крѣпости „Россъ“, Кусковъ оставилъ Америку и отправился въ Петербургъ, пробывъ въ этомъ отдаленнѣйшемъ краѣ 31 годъ (1791—1822). Его дѣятельность въ это время характеризуется слѣдующимъ аттестатомъ, который ему выдалъ правитель компаніи Муравьевъ. „Господинъ коммерціи-совѣтникъ, Иванъ Александровичъ Кусковъ, издавна продолжалъ служеніе въ Америкѣ, въ честь своего имени и на пользу отечества, за что̀ былъ взысканъ высочайшею милостью. Послѣднее время пребыванія его въ Америкѣ онъ начальствовалъ на берегахъ Новаго Альбіона, въ селеніи и крѣпости „Россъ“; сію крѣпость онъ, г. Кусковъ, самъ основалъ и выстроилъ, завелъ въ ней корабельную верфь и построилъ тамъ три купеческіе корабля, которые и поднесь съ великою пользой употребляются въ колоніяхъ Россійско-Американской компаніи. Онъ среди дикихъ народовъ, близъ крѣпости, завелъ скотоводство, огородство и часть землепашества; онъ умирилъ враждующія между собой толпы дикихъ и въ продолженіе многихъ лѣтъ удерживалъ сихъ дикарей въ добромъ союзѣ съ живущими въ крѣпости, единственно мѣрами кротости и справедливости. Съ 1820 года Сентября 15 онъ находился подъ моимъ начальствомъ, и я съ удовольствіемъ, въ знакъ моего душевнаго уваженія, симъ свидѣтельствую о благородномъ поведеніи, высокой его чести и неуклонной ревности на пользу общую. Его опытность и познанія мѣстныхъ обстоятельствъ столь важны, что трудно замѣнить его кѣмъ бы то ни было. Я, съ сердечнымъ пожеланіемъ ему всѣхъ благъ, но съ душевнымъ прискорбіемъ, разстаюсь съ нимъ. Дано въ Ново-Архангельскѣ, за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ печати Россійско-Американской компаніи. Апрѣля 20 дня 1822 года. Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго Государя моего, флота капитанъ-лейтенантъ и кавалеръ, Россійско-Американскихъ колоній главный правитель Матвѣй Муравьевъ. Секретарь Николай Грибановъ“.

И. А. Кусковъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ для окончательнаго разсчета съ Главнымъ Правленіемъ. Мѣстное правленіе предписало попутнымъ конторамъ своимъ производить ему ссуду денегъ, если онъ будетъ нуждаться въ нихъ. Вѣроятно, онъ выѣхалъ изъ Америки не съ тугою мошной, потому что воспользовался ссудами въ конторахъ: Охотской 17 Августа, Якутской 28 Ноября 1822 года и въ Иркутской 24 Января 1823 года. По произведенному въ С.-Петербургѣ разсчету, ему пришлось получить 58.425 рубл. 23 к. и, кромѣ того, по прежнимъ условіямъ, 6 штукъ морскихъ бобровъ и 7.000 рублей.

Въ томъ же 1823 году И. А. Кусковъ возвратился на родину, въ городъ Тотьму; но недолго пришлось ему отдохнуть дома: въ Октябрѣ мѣсяцѣ онъ умеръ, 58 лѣтъ отъ роду. Изъ описи, произведенной по распоряженію Тотемскаго Сиротскаго Суда, общій итогъ имѣнія и капиталовъ его выразился въ суммѣ 70.318 руб. 50 к., изъ которыхъ законную часть получила жена его Екатерина Прохоровна, а куда дѣвалась остальная—свѣдѣній не имѣется. И. А. Кусковъ умеръ бездѣтнымъ.

Вологда. **С. Ковалевъ.**

ПАМЯТНИКЪ АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ И МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ МУЗЕЙ.

Московскій Кремль, мѣсто упокоенія собирателей и созидателей земли Русской, этотъ „алтарь Россіи", гдѣ все вызываетъ цѣлый рядъ воспоминаній историческихъ, украсился памятникомъ Александру Второму, плодомъ творческой фантазіи Павла Васильевича Жуковскаго, сына того поэта, кто неустанно, и словомъ, и примѣромъ, насаждалъ и развивалъ возвышенныя свойства души въ своемъ державномъ воспитанникѣ, незабвенномъ государѣ Александрѣ Николаевичѣ.

Въ этомъ своеобразномъ произведеніи зодчества, столь полно удовлетворяющемъ чувство прекраснаго своею глубокою гармоничностью и соотвѣтствіемъ со всѣми окружающими его Кремлевскими достопамятностями, художникъ выразилъ, думается намъ, мысль знаменательную. Памятникъ, „любовью народа" воздвигнутый, указываетъ на неразрывную связь преобразователя Россіи съ его почившими предшественниками, указываетъ на то, что въ „новизнахъ его царствованія старина наша слышалась".

Бронзовое изваяніе Государя величаво-спокойное, но въ тоже время полное движенія и внутренней силы, находится подъ сѣнью, что придаетъ ему священный характеръ и не даетъ вниманію останавливаться на нѣкоторыхъ подробностяхъ одежды, ничего общаго съ древностью не имѣющихъ. Потолокъ галлереи, расположенной съ трехъ сторонъ главной сѣни, украшенъ мозаичными изображеніями собирателей и созидателей земли Русской. Важно и задумчиво глядятъ на васъ эти лики, полные самобытности и жизни, и могучею рѣчью безъ словъ повѣствуютъ вамъ о дняхъ давно минувшихъ, но близкихъ сердцу вашему; они какъ бы развертываютъ передъ вами картину своего многотруднаго, упорнаго собиранія державы Русской. И при видѣ картины этой невольно возникаетъ мысль, что лишь благодаря имъ стали возможны преобразованія столь чуждаго имъ, повидимому, по духу Монарха, и начинаетъ пробуждаться сознаніе, что „любовь народа" не отдѣляетъ и не отдѣлитъ того, кому она поставила памятникъ, отъ тѣхъ, прахъ коихъ почиваетъ въ Кремлевскихъ соборахъ.

Такія мысли и чувства вызываетъ въ насъ вновь воздвигнутый памятникъ.

Но напрасно будемъ мы искать въ немъ чего-нибудь, что̀ напоминало бы намъ о дѣяніяхъ покойнаго*). Памятники, скульптурныя изображенія, подобны языческимъ храмамъ, которые были какъ бы кіотомъ для статуи божества; они лишь указываютъ на внѣшнее, оставляя въ сторонѣ внутреннее. Лишь *Музей* можетъ быть настоящимъ памятникомъ: онъ, не отвергая и внѣшняго изображенія, подобно христіанскому храму, открываетъ внутренній строй, даетъ возможность проникнуть въ самую душу того, кого и чему онъ посвященъ.

Дѣянія императора Александра Николаевича еще слишкомъ свѣжи въ памяти, и мы не станемъ перечислять его многочисленныхъ юридическихъ и экономическихъ преобразованій, значеніе и польза которыхъ до сихъ поръ еще возбуждаютъ самую разнорѣчивую оцѣнку. Вспомянемъ лишь объ одномъ изъ его дѣяній, которое для всѣхъ безспорно цѣнно, но, увы, къ стыду нашему, почти совсѣмъ забыто.

А между тѣмъ намъ, Москвичамъ, особенно надлежитъ помнить, что Царь, которому открытъ памятникъ въ Кремлѣ, самъ воздвигнулъ предъ Кремлемъ, въ родной ему Москвѣ, памятникъ матери своей—Публичный Музей: ибо въ основу публичной библіотеки положена имъ дорогая для него, какъ сына, и сама по себѣ драгоцѣнная библіотека его матери. Къ ней были присоединены библіотеки близкихъ къ отцу его людей (Віельгорскаго, Норова).

Такой Музей для самого Основателя и всего царскаго дома не могъ быть оффиціальнымъ лишь учрежденіемъ; онъ былъ для нихъ какъ бы храмомъ. И намъ передавали, что Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, посѣщая этотъ Музей, съ чувствомъ умиленія вступали въ залы, занятыя библіотекою ихъ матери.

И дѣйствительно, сынъ, можно сказать, положилъ лишь тѣло своей матери въ новой столицѣ, душу же царицы, сроднившуюся съ Русскою землей, перенесъ вмѣстѣ со своими братьями, которымъ библіотека принадлежала по завѣщанію, въ древле-престольный городъ.

Въ библіотекѣ Императрицы еще хранятся, конечно, тѣ книги, чтеніе которыхъ, какъ извѣстно, доставляло ей душевную отраду до самыхъ послѣд-

---

*) Долженъ, впрочемъ, оговориться: галлереею, гдѣ можно, сидя на дубовыми досками покрытыхъ скамьяхъ, наглядно обучаясь исторіи Русской, любоваться и самымъ памятникомъ Государя, и Кремлемъ, и дивнымъ видомъ на широко раскинувшуюся Москву, и отечески благословляющимъ положеніемъ правой руки Государя, столь напоминающемъ жестъ въ конной статуѣ Марка Аврелія, художникъ какъ бы указываетъ на права и широкую свободу, столь щедро предоставленныя Русской землѣ покойнымъ Александромъ Николаевичемъ.

нихъ часовъ жизни. „Во все время смертельной болѣзни, какъ и всегда, Ея Величеству читали, а она, слушая, работала“, говоритъ въ своихъ Запискахъ баронесса М. П. Фредериксъ. Какъ жаль, что въ этихъ Запискахъ не указано что̀ именно было читано Императрицей, особенно въ ея послѣдніе дни...

Перенесеніе въ Москву (оплакивающую паденіе Втораго Рима и принявшую наименованіе Третьяго) Музея канцлера Румянцова, задушевною мыслью котораго было освобожденіе Царьграда, напоминало забытое наименованіе, указывало на *міровое* значеніе Москвы, воскрешало замершія чувства.

И не напрасно стоитъ Публичный Музей передъ Кремлемъ, этимъ алтаремъ Россіи, по слову Царя-Миротворца, стоитъ на второй поклонной горѣ! *)

Нужно вспомнить, что библіотека Императрицы помѣщается какъ разъ въ центрѣ Музея, подъ тѣмъ мѣстомъ, откуда отецъ ея со своими сыновьями (будущимъ королемъ и первымъ императоромъ Германскимъ), преклонивъ колѣна, привѣтствовалъ Москву, какъ спасительницу Германіи и всей Западной Европы. Событіе это предлагали увѣковѣчить или скульптурно на вышкѣ зданія, гдѣ событіе имѣло мѣсто, или рельефно внутри самаго Музея; но предложеніе это оставлено безъ вниманія. Между тѣмъ (какъ справедливо говорится въ статьѣ „Международная благодарность“) скульптурное воспроизведеніе этого событія „помѣщенное на вышкѣ Музея, лицомъ къ Кремлю, непрерывно напоминало бы и Русскимъ, не помнящимъ значенія Кремля, и чужеземцамъ, не сознающимъ вины передъ нимъ, что̀ такое Кремль, къ какому великому дѣлу онъ всѣхъ призываетъ“. Въ немъ указывалось бы и значеніе Москвы, какъ собирательницы и спасительницы Запада и Востока, другъ отъ друга и отъ самихъ себя.

Не смотря на такой смыслъ Публичнаго Музея, врядъ ли кто поминаетъ за него благодарнымъ словомъ его Основателя: столь ничтожнымъ кажется для маловдумчивыхъ и забывчивыхъ любителей просвѣщенія это *мирное* учрежденіе Императора-Преобразователя. А между тѣмъ не позорно ли было для такого древняго города, какъ Москва, не имѣть не только Музея (кромѣ самородныхъ, каковы Оружейная палата, Сѵнодальная ризница, домъ бояръ Романовыхъ — эти созданія древней Москвы), но и библіотеки? Александръ Второй снялъ съ Москвы этотъ позоръ. Онъ хотѣлъ уравнять Москву съ Петербургомъ въ этомъ отношеніи, и конечно чтителямъ памяти его нужно было бы содѣйствовать осуществленію этой его мысли; но такого содѣйствія не видно, потому-то ростъ Музея и библіотеки его не соотвѣтствуетъ потребностямъ центральнаго города Россіи. Если бы были пріобрѣтаемы всѣ книги, на которыя читателями заявлены требованія

*) См. Р. Архивъ 1896 (I, 264), „Международная благодарность“.

то надо было бы расширить библіотеку по Ваганьковскому переулку до Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Но и одного сосѣдняго съ Музеемъ дома пріобрѣсти не удалось, не смотря на настоятельную необходимость, и два учрежденія, такъ много Императору Александру Второму и канцлеру Румянцову обязанныя, доселѣ отдѣлены другъ отъ друга.

Не мѣшаетъ замѣтить, что требованія на книги или большею частью отъ воспитанниковъ университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и отказы на эти требованія тѣмъ прискорбнѣе, что они какъ бы даютъ учащимся оправданіе въ ихъ занятіи тѣмъ, что̀ ничего общаго съ ученіемъ, а тѣмъ болѣе съ благимъ просвѣщеніемъ, не имѣетъ.

Было бы неблагодарностью со стороны Музея и Москвы считать Александра Второго лишь обыкновеннымъ основателемъ. Нѣтъ! При самомъ открытіи Музея, онъ благословилъ его, какъ бы крестный отецъ, иконою: картиною „Явленіе Христа народу“ этимъ лучшимъ произведеніемъ Русской живописи.

Музей есть мѣсто живаго поминовенія усопшихъ. Онъ созидается сынами умершимъ отцамъ. Для такого Музея приближеніе Агнца, вземлющаго грѣхъ міра (какъ причину смерти), т. е. приближеніе Воскресителя, есть исполненіе самаго глубокаго, самаго задушевнаго чаянія — наступленія дня, отъ вѣка желаннаго.

Въ продолженіи мысли Государя Александра Николаевича, т. е. въ расширеніи библіотеки Публичнаго Музея и въ уравненіи ея съ Петербургской Публичной, въ учрежденіи при Музеѣ особой залы имени этого высокопросвѣщеннаго Монарха, не сойдутся ли единодушно почитатели высокихъ душевныхъ свойствъ покойнаго? Не разовьется ли этимъ прекрасная мысль П. В. Жуковскаго: неразрывно соединить память Его съ Москвою? А въ прославленіи и распространеніи мирнаго учрежденія Александра Втораго не найдется ли силъ и способовъ разрѣшить многочисленные юридическо-экономическіе вопросы, поставленные Александромъ Вторымъ и до сихъ поръ не разрѣшенные?

Юрій Бартеневъ.

Москва.
14 Сентября 1898 года.

леніи въ Россіи. Записка о жизни и дѣятельности Питта младшаго.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому и гр. А. А. Безбородко. Переписка его съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

XVII. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну.

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову. Д. П. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ. Н. Н. Новосильцова.

XIX. Переписка гр. С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову, В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова(. Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіей Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову.

XXII. Переписка гр. С. и Л. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и П. А. Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Логинова къ графу С. Р. Воронцову.

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма И. П. Голикова, А. В. Храповицкаго, П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова, о царствованіи Іоанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Rélation de la Révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ графинѣ А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышева Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898 года.

(Годъ 36-й).

«Русскій Архивъ» въ 1898 году выходитъ **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три большія книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный — **80** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

11.

Приложенъ портретъ Н. И. Ильминскаго

(къ стр. 267-й въ 10-мъ выпускѣ).

Предувѣдомленіе.

Гг. подписчики на „Русскій Архивъ“ 1899 года благоволятъ означать, при подпискѣ, какую именно книгу „Архива Князя Воронцова“ желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ къ „Русскому Архиву“ 1899 года. (Главное содержаніе этихъ книгъ приведено на оберткѣ 10-го выпуска „Русскаго Архива“ 1898 года).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1898.

НОВЫЯ КНИГИ.

Вл. Череванскій. Двѣ волны. Историческая хроника (1147—1898). 2 ч. Спб. 1898. Бол. 8-ка. Со многими рисунками.

Еще Пушкинъ въ 1825 году писалъ другу своему, моряку Матюшкину, проводившему цѣлые годы въ дальнихъ плаваніяхъ: „И снова ты бѣжишь Европы *обветшалой*". Можетъ быть, того же понятія о Европѣ былъ и Государь нашъ Александръ Александровичъ, пославшій своего Первенца и Наслѣдника въ образовательное путешествіе не на Западъ Европейскій, а къ берегамъ Тихаго океана, про который сказано, что это Средиземное море будущей всемірной исторіи. Царственное путешествіе и вслѣдъ за нимъ желѣзная дорога черезъ всю Сибирь суть событія всемірнаго значенія. Начинаетъ исполняться завѣтъ Петра Великаго, записанный Остерманомъ на его Нѣмецкой Библіи: „За тѣмъ и стали мы лицемъ къ Европѣ, чтобы потомъ отвернуться отъ нея". Отнынѣ Русскому человѣку предлежатъ новыя области вѣдѣнія, и мы должны знакомиться съ такими странами и народами, о которыхъ прежде не имѣли почти никакого понятія.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важна книга г-на Вл. Череванскаго. Двѣ волны означаютъ два движенія — Восточныхъ народовъ на Россію и поступательное распространеніе Россіи въ Восточную и Среднюю Азію. Безъ ученыхъ ссылокъ, но съ очевиднымъ знаніемъ дѣла сочинитель вводитъ читателя въ своеобразный міръ Монгольскихъ завоевателей. Чингисъ-ханъ и Батый наполняютъ собою первую книгу. Положеніе Русскаго человѣка подъ игомъ Татарскимъ изображено съ отмѣннымъ искусствомъ и, кажется, въ первый разъ высказанъ горькій упрекъ нашему духовенству за его своекорыстную покорливость. Завоеватель Тимуръ—настоящій геній. Авторъ очевидно увлеченъ Востокомъ и Азіею, и первая *волна* у него выходитъ, пожалуй, симпатичнѣе второй. Читатель можетъ также поставить ему въ вину излишнюю иногда хлесткость выраженій.

Сочиненіе это, появленіе котораго нельзя не привѣтствовать, оканчивается грозною картиною усиливающагося Магометанства и хронологическимъ перечнемъ событій, которыми означалось движеніе обѣихъ волнъ. Книги украшены многими рисунками, изъ которыхъ особенно любопытны изображенія Азіатскихъ предметовъ, находящихся въ собственномъ собраніи сочинителя. П. Б.

Николай Ивановичъ Ильминскій.

(Род. 23 апрѣля 1822, † 27 декабря 1891 года).

Н. И. ИЛЬМИНСКІЙ.

Вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ писемъ Николая Ивановича Ильминскаго, содержащій въ себѣ письма его къ оберъ-прокурору Св. Сунода К. П. Побѣдоносцеву. Это большая книга въ 414 страницъ, полная захватывающаго интереса.

Прочитавъ эту книгу, читатель прежде всего выноситъ представленіе о живомъ, неутомимомъ дѣятелѣ, пламенномъ патріотѣ, самоотверженно преданномъ дѣлу св. церкви и родины, словомъ, объ одномъ изъ такихъ дѣятелей, которые составляютъ гордость страны. Что̀ касается самаго существа вопросовъ, коимъ посвятилъ себя Н. И. Ильминскій то, кромѣ высокаго значенія ихъ въ исторіи Русской церкви, они и въ политическомъ отношеніи занимаютъ первенствующее положеніе.

Но кто же это былъ Н. И. Ильминскій, «мужъ великой силы и великаго дѣла», какъ выразился о немъ К. П. Побѣдоносцевъ [1]).

«Немногіе знали его въ верхнихъ слояхъ общества, тамъ, гдѣ передаются изъ устъ въ уста громкія имена политическихъ дѣятелей, прославленныхъ писателей, полководцевъ и министровъ, а Ильминскій значится въ спискахъ директоромъ Казанской Учительской Семинаріи. Но имя этого человѣка-родное и знакомое повсюду въ восточной половинѣ Россіи и въ далекой Сибири; тамъ тысячи простыхъ людей и инородцевъ оплакиваютъ его кончину, тысячи богобоязненныхъ сердецъ умиленно поминаютъ его въ молитвахъ, какъ великаго просвѣтителя и человѣколюбца» [2]).

Нельзя не удивляться тому, что одинъ человѣкъ, при скромномъ служебномъ положеніи, съ опредѣленными, казалось, рамками дѣятельности, могъ распространить ее далеко за предѣлами Казанской губерніи, въ губерніяхъ: Симбирской, Самарской, Уфимской, Оренбургской, Вятской,

[1]) См. Вѣчная память. Воспоминанія о почившихъ. Москва 1896, стр. 74.

[2]) Тамъ же, стр. 75.

въ Туркестанскомъ краю, въ отдаленной Сибири, у Якутовъ; словомъ, не было уголка, куда душа его не стремилась, чтобы содѣйствовать утвержденію истинъ вѣры и послужить родному Русскому дѣлу.

Эта-то задача приблизила его къ К. П. Побѣдоносцеву, въ которомъ онъ нашелъ горячаго покровителя и споспѣшника во всѣхъ благихъ своихъ предпріятіяхъ. Характеристикѣ его въ книжкѣ «Вѣчная память» посвящено нѣсколько особенно теплыхъ страницъ. Тамъ говорится, между прочимъ: «Будучи Русскимъ и церковнымъ человѣкомъ, Ильминскій всею душою радовался возстановленію церковно-приходскихъ школъ, въ коихъ справедливо видѣлъ единственное и могучее средство привязать народъ къ школѣ и воспитать его въ здравомъ духѣ Русскаго человѣка, въ любви къ церкви и отечеству, въ добрыхъ нравахъ и вкусахъ. Онъ ревностно примкнулъ къ начавшемуся движенію и сталъ въ число членовъ Синодальнаго Училищнаго Совѣта. Своею педагогическою опытностью онъ много содѣйствовалъ правильному устройству школьнаго дѣла и въ своихъ «Бесѣдахъ о народной школѣ» (С.-Петербургъ 1889 г.) оставилъ школѣ драгоцѣнные завѣты здравой христіанской педагогіи». «Частныя письма Ильминскаго приносили всегда отрадное ощущеніе друзьямъ его. Бывало, вставъ, откроетъ книгу, нападетъ на псаломъ, и проснется его филологическое чутье, и заговоритъ въ немъ поэтическое чувство, и сейчасъ напишетъ изъясненіе того или другаго слова со всею его исторіей, или нарисуетъ поэтическую картину природы, раскрывая смыслъ вдохновенной рѣчи Пророка. Или, остановивъ вниманіе на словѣ церковной молитвы, освѣтитъ по источникамъ Славянскимъ и Греческимъ ея происхожденіе, ея смыслъ грамматическій и историческій. Напишетъ и пошлетъ одному изъ сочувственныхъ друзей своихъ. Вотъ одно изъ такихъ писемъ. «Сегодня, при восходѣ солнца, вдругъ мнѣ пришли на память слова 103 псалма: на *тыхъ* птицы небесныя привитаютъ. Что̀ за форма на *тыхъ*? Если предложный (мѣстный) падежъ, слѣдовало бы «на тѣхъ». Справляюсь съ древнимъ псалтыремъ по изданію преосв. Амфилохія, оказывается—на ты... винительный падежъ. Связь рѣчи, стихъ 10: Посредѣ горъ пройдутъ воды (ὕδατα)... на ты (то-есть на воды-то) птицы небесныя привитаютъ, (κατασκηνώσει), то-есть сверху, съ воздуха или съ горъ-то спускаются и гнѣздятся небесныя пташки. Отъ среды каменія дадятъ гласъ. Какая картина! Въ ущеліяхъ межъ скалъ и утесовъ (какъ напр. на Кавказѣ, въ Кисловодскѣ) протекаютъ ручьи, на нихъ могутъ расти кусточки. И вотъ пташки (пѣвчія) заводятъ въ этихъ кустахъ гнѣзда и поютъ себѣ на привольѣ, и далеко по ущельямъ и скаламъ разносятся ихъ голоса.

«Отъ среды каменія (ἐκ μέσου τῶν πετρῶν). По этому поводу я по Симфоніи пріискалъ всѣ мѣста, гдѣ слово камень. Всѣхъ мѣстъ въ псалтырѣ 18; изъ нихъ 5 камень (λίθος): Паче злата и камене честна. Вѣнецъ отъ камене честна. Да не преткнеши о камень ногу твою. Благоволиша раби твои каменіе. Камень его же не брегоша зиждущіи. Остальныя 13 (πέτρα) скала: На камень вознесе мя. Изведе воду изъ камене, и проч. Міръ человѣческій, таже вселенная и тоже держится силою тяготѣнія. Избранная душа съ глубокимъ чувствомъ благожеланія, съ горячимъ стремленіемъ къ правдѣ въ жизни—тоже свѣтило, силою коего держится, движется и обращается цѣлый міръ малыхъ свѣтилъ: ибо дѣйствіе одной души на другую безгранично и безконечно». Такимъ свѣточемъ былъ въ кругу своемъ незабвенный Николай Ивановичъ. Это былъ поистинѣ учитель въ высшемъ значеніи слова, отъ котораго многіе огни загорались яснымъ свѣтомъ. Ученики его во множествѣ разошлись, имъ наученные и направленные, по дальнему Востоку учителями, священниками, діаконами инородческихъ мѣстностей; изъ глубины пустынь Оренбургскихъ, Иркутскихъ, Алтайскихъ, Якутскихъ, отзывались сочувственные голоса на зовъ его. Къ нему обращались за совѣтомъ и одушевленіемъ не именитые, не знатные, не богатые, но тѣ «малые и простые», кои работаютъ по темнымъ угламъ, проливая свѣтъ посреди мрака, холода и невѣдѣнія. Не было въ этихъ углахъ нужды, на которую онъ не отзывался бы, не было бѣды и горя, коему онъ не сострадалъ бы. Сущіе простецы-инородцы обращались къ нему и не разъ въ простыхъ нуждахъ, мимо коихъ другой прошелъ бы съ пренебреженіемъ, отстаивалъ онъ ихъ и помогалъ имъ ходатайствами своими въ губерніи и въ столицѣ».

«Другой такой ясной и чистой души не приходилось мнѣ встрѣчать въ жизни. Отрадно было смотрѣть въ глубокіе, добрые и умные глаза его, свѣтившіе въ душу внутреннимъ душевнымъ свѣтомъ; а бесѣда его была ни съ чѣмъ несравненная, всегда съ солью, всегда въ простотѣ, чуждой всякой аффектаціи, но исполненной поэтическихъ образовъ. Когда онъ говорилъ о Священномъ Писаніи, особливо о псалмахъ, которые любилъ особенно, о богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ, какъ оживлялось лицо его, какимъ свѣжимъ ключомъ лилась изъ устъ его рѣчь, исполненная глубокихъ философскихъ и филологическихъ сближеній, поэтическихъ образовъ, картинъ изъ природы! Когда онъ разсказывалъ, сколько было въ его разсказахъ того тихаго, добраго юмора, безъ котораго рѣдко обходится добрая Русская душа! Несравненная простота души давала ему способность сближаться одинаково съ людьми всякаго общественнаго положенія, и самымъ простымъ и

бѣднымъ онъ былъ столь же легокъ и пріятенъ, какъ начальственнымъ и знатнымъ. При томъ никогда и ни въ чемъ не слышалось въ немъ ничего похожаго на какую-либо претензію: все достоинство простоты соединялось въ немъ со всею ея скромностію. Посреди всяческой суеты, превращающей нерѣдко шумную городскую дѣловую жизнь въ пустыню умственную и нравственную, какъ бывало отрадно отдыхать на этомъ оазисѣ глубокой мысли и горячаго чувства, который образовывался всюду около Николая Ивановича. Мудрено ли, что дѣйствіе этой души на всѣхъ, знавшихъ ее, было неотразимо и благодѣтельно?»

«Вслѣдствіе такихъ свойствъ своей природы Ильминскій былъ и идеальнымъ педагогомъ. Онъ относился недовѣрчиво, иногда отрицательно къ новѣйшимъ теоріямъ, возводимымъ въ обычный нынѣ всюду «курсъ педагогіи», читаемый нерѣдко кѣмъ попало, по кое-какимъ книжкамъ. Самъ онъ обладалъ существеннымъ секретомъ всякой истинной педагогіи: умѣньемъ *войти въ душу человѣка*, съ ея миросозерцаніемъ, привычками, наклонностями. Къ нему можно было примѣнить слово Апостола: *всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу*».

Беззавѣтная любовь Ильминскаго къ святому дѣлу, можно сказать, творила чудеса. Мы можемъ указать на близко извѣстные намъ случаи. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи есть большая деревня крещеныхъ Татаръ Аты (200 дворовъ). Всѣ они до послѣдняго перестали крестить дѣтей, не исполняли никакихъ христіанскихъ обязанностей, праздновали съ мусульманами Пятницы, словомъ сдѣлались совершенными Магометанами. Священникъ, и священникъ не лѣностный, въ 30 лѣтъ своего служенія ничего не могъ сдѣлать. Ильминскій открываетъ тамъ школу, присылаетъ учителемъ своего питомца, и въ пять лѣтъ вся деревня до единаго обратилась въ лоно св. церкви, а нынѣ тамъ красуется уже православный храмъ.

Многіе изъ питомцевъ Ильминскаго, крещеные Татары, посвящены въ священники съ назначеніемъ въ крещено-Татарскія селенія. Противъ нихъ, какъ замѣчаетъ Ильминскій, возстаютъ наши Русскіе священники. Быть можетъ, относительная легкость, съ какою достигаютъ инородцы священническаго сана, и шевелитъ недоброе чувство въ душѣ иного Русскаго; но мнѣ самому случилось слышать мнѣніе Русскаго священника. Онъ, конечно, ставитъ выше священника Русскаго, потому что тотъ съ молокомъ матери усваиваетъ церковность, чего не можетъ быть у Татарина, простого мужика. Къ своему сану идетъ Русскій исподволь, и онъ не замѣчаетъ въ своемъ положеніи такого рѣзкаго перехода, который могъ бы вскружить голову, вызвать самомнѣніе и

гордость. При этомъ непремѣннымъ условіемъ онъ ставитъ полное знаніе инородческаго языка, безъ чего никакія нравственныя качества не привяжутъ къ нему и къ церкви инородца. Намъ указывали примѣръ: въ с. Драгунъ-Бешметовѣ священникъ Русскій, отлично говорящій по-татарски. У него всѣ до единаго отпавшіе обратились въ лоно св. церкви. Почтенный батюшка довольствуется жалованьемъ 600 рубл. и за требы не беретъ. Его любятъ и уважаютъ. Вотъ почему желательно бы было, чтобы въ духовныхъ семинаріяхъ восточнаго края серьезно преподавали инородческіе языки, смотря по тому, въ какой губерніи какое племя преобладаетъ.

Въ одной бесѣдѣ о народной школѣ Ильминскій высказалъ свой взглядъ на воспитаніе, который долженъ войти въ сознаніе общества и въ основу педагогическаго дѣла. Онъ пишетъ: «Душевная сила старшихъ передается въ душу ребенка и возбуждаетъ ее, а не внѣшнія дѣйствія сами по себѣ. Между тѣмъ иныя явленія, даже скоро проходящія и мимолетныя, ребенокъ быстро воспринимаетъ и усвоиваетъ. Это значитъ, что въ природѣ души его, въ данномъ періодѣ, какъ бы на очереди стоятъ и требуютъ движенія и удовлетворенія такія именно потребности, преимущественно потребности религіозныя и нравственныя. Въ этотъ главнымъ образомъ періодъ дѣтской жизни полагаются начала божественнаго чувства и молитвы. Это также происходитъ путемъ подражанія, но возбуждающая религіозно-молитвенная сила родственнѣе для души ребенка, доступнѣе и дѣйствительнѣе. Нужно только, чтобы божественное и религіозное чувство въ ребенкѣ возбуждалось чувствами и расположеніями взрослыхъ; ибо чѣмъ глубже и сильнѣе эти чувства и расположенія, тѣмъ явственнѣе выразятся они въ голосѣ, положеніи, лицѣ и т. п. Мать или бабушка, наканунѣ праздника затепливъ предъ св. иконой лампадку, молится, кладетъ на себѣ крестное знаменіе, кланяется, становится на колѣни, въ лицѣ ея отражается умиленіе; твердитъ она молитвы немногословныя, но голосомъ искреннимъ и умиленнымъ. Бываютъ въ семействахъ несчастія; заболѣетъ, умретъ кто-нибудь: та же родная женщина, еще съ бо́льшею горячностью и со слезами, молится Богу. Подобная молитва дѣйствуетъ на ребенка, и душа его непосредственно и живо проникается тѣмъ умиленіемъ и искреннимъ богопочтеніемъ, которыя проявляются въ выраженіи лица и особенно въ голосѣ, исходящемъ изъ души и звучащемъ глубокими и сердечными ощущеніями. Въ добрыхъ Русскихъ семействахъ имя Божіе и молитва постоянно на устахъ, постоянно творится крестное знаменіе. Ребенокъ имѣетъ ежедневно много случаевъ воспринимать молитвы, благочестивыя дѣйствія и расположенія. Прино-

сять младенца въ церковь; здѣсь онъ видитъ святыя иконы, священнослужителей въ облаченіяхъ, народъ молящійся, слышитъ пѣніе. Онъ не понимаетъ словъ; но вся совокупность того, что̀ онъ видитъ и слышитъ, производитъ на него впечатлѣніе. Разъ одинъ мужчина принесъ въ нашу семинарскую церковь ребенка лѣтъ двухъ, котораго онъ держалъ на рукахъ. Когда діаконъ несильнымъ теноромъ читалъ эктенію, ребенокъ вторилъ въ его тонъ; но когда пѣли пѣвчіе, хотя гораздо громче, ребенокъ молчалъ. Какъ опять начиналъ говорить діаконъ, ребенокъ опять велъ голосъ въ тонъ діакона; и это повторялось нѣсколько разъ, такъ что отецъ вышелъ съ нимъ изъ церкви. Это напомнило мнѣ извѣстный въ физикѣ законъ, что струна или другое звучащее тѣло отзывается на созвучные тоны. И въ душѣ того младенца внутреннія струны отзывались на голосъ діакона, который дѣйствительно былъ симпатичный. Такъ и вообще должна находить отголосокъ въ дѣтской душѣ церковная служба. Въ этотъ второй періодъ ребенокъ въ значительной степени усвоиваетъ языкъ, прислушиваясь къ разговору старшихъ членовъ семьи. При этомъ онъ возбуждается и проникается больше тѣми разговорами, гдѣ глубже и живѣе, симпатичнѣе выражаются сердечныя движенія и чувства».

«Третья часть дѣтскаго возраста, преддверіе отрочества, отъ пяти до десяти лѣтъ. Ребенокъ уже достаточно принялъ впечатлѣній въ тѣсномъ кругу семейства и отчасти подготовилъ свои силы къ дальнѣйшему развитію; подросъ и укрѣпился и тѣлесный организмъ его. Теперь кругъ его дѣятельности расширяется; влекомый любознательностью, удальствомъ, эстетическимъ наслажденіемъ, онъ бѣжитъ въ поле, въ лѣсъ, взбирается на деревья, на горы, отваживается плавать, любопытствуетъ слушать разговоры и пр. Здѣсь, слѣдовательно, поле воспріятій для ребенка гораздо шире, предметовъ и явленій больше, они разнообразнѣе. Дѣтская душа не на всѣ, впрочемъ, эти явленія и предметы сразу набрасывается съ одинаковою силой и стремительностью, по индивидуальному своему расположенію, инстинктивно и безсознательно, но дѣйствительно и непремѣнно дѣлаетъ выборъ между предметами и явленіями, вдохновляется и проникается наиболѣе потребными и сочувственными ему. Въ этомъ періодѣ продолжается усвоеніе и развитіе религіозныхъ и нравственныхъ впечатлѣній. Ребенокъ такого возраста уже чаще можетъ бывать въ церкви, болѣе можетъ вслушиваться въ возгласы, эктеніи и напѣвы, всматриваться въ усердную и умиленную молитву предстоящихъ, можетъ встрѣчать и даже учаственно сопровождать или раздѣлять такія сильныя и глубоко-дѣйствующія явленія, какъ похороны; можетъ видѣть и встрѣчать

разнаго рода несчастныхъ, больныхъ, слѣпыхъ, голодныхъ и холодныхъ, сиротъ и вдовъ, оборванныхъ и безпомощныхъ. Эти явленія возбуждаютъ въ ребенкѣ глубокую и искреннюю жалость и участіе. Онъ готовъ отдать все свое, чтобы помочь страждущему; онъ страдаетъ такъ же сильно и болѣзненно, какъ будто самъ испытываетъ несчастіе. Случается ребенку этого же возраста видѣть, въ своемъ ли, или чужомъ семействѣ, семейныя радости, церковные праздники: въ немъ развиваются и воспитываются чувства радости, счастія, безкорыстнаго сочувствія къ ближнимъ, участія въ чужихъ радостяхъ. Бываютъ въ семействахъ раздоры, обиды и побои, или же внѣ своего дома натолкнется ребенокъ на какую-нибудь драку, когда одинъ обижаетъ другого: возникаетъ болѣзненное чувство обиды, несправедливости, незаслуженнаго страданія. Словомъ, ребенокъ въ этомъ періодѣ можетъ встрѣчать разнообразныя явленія жизни, которыя пробуждаютъ въ немъ тѣ или другія нравственныя ощущенія и душевныя состоянія».

Задушевнымъ, искреннимъ отношеніемъ къ дѣлу воспитанія и объясняется необыкновенный успѣхъ дѣятельности Ильминскаго. Намъ случалось слушать педагогическіе курсы для сельскихъ учителей, и мы не могли не замѣтить, какъ, при всемъ нравственномъ ихъ направленіи, лекторъ тщательно обходилъ вопросъ религіи, эту главную основу нашей народной жизни, этотъ краеугольный камень всего нашего зданія. И выходитъ фальшь, разладъ слова съ дѣйствительностью.

Въ 1864 году Ильминскій открылъ центральную крещено-Татарскую школу, мужскую и женскую. Въ 1867 году, по мысли и заботамъ преосвященнаго викарія Гурія, въ Казани учреждено было Братство св. Гурія. Ильминскій сталъ самымъ дѣятельнымъ его членомъ, и просвѣщеніе инородцевъ путемъ школьнаго образованія оживилось. Центральная школа разрослась, какъ могучее дерево, разбрасывая кругомъ свои вѣтви. Въ 1891 году въ одной Казанской губерніи было уже 128 инородческихъ школъ. «Сколько внесли эти школы свѣта въ темную деревенскую среду, сколько посѣяли добрыхъ сѣмянъ христіанскихъ!» замѣчаетъ почтенный авторъ книги: «Вѣчная память». Въ Симбирскѣ вѣяніе духа, проникшее изъ этого же Казанскаго гнѣзда, создало центральную Чувашскую школу и въ связи съ нею болѣе сотни Чувашскихъ школъ по уѣздамъ. Наконецъ, стараніями того же Ильминскаго, учреждена для Вотяцкихъ учителей центральная школа въ Уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи».

Приведемъ на память время предшествовавшее и отношеніе къ дѣлу высокопоставленныхъ лицъ. Когда въ 1831 году въ Уфу былъ

назначенъ епископъ Михаилъ, онъ, обозрѣвъ обширную тогда Оренбургскую епархію, нашелъ много крещеныхъ инородцевъ, Чувашей, Черемисъ и Татаръ, отпавшими отъ церкви и рядомъ съ тѣмъ сильную между ними пропаганду Магометанскую. Вскорѣ по его назначеніи край Оренбургскій лишился своего незабвеннаго начальника, графа Сухтелена *), на мѣсто котораго былъ назначенъ Русскій человѣкъ В. А. Перовскій, съ большими уполномочіями, съ сильнымъ положеніемъ при дворѣ. Но какъ отнесся онъ къ дѣлу просвѣщенія инородцевъ? Преосвященный Михаилъ возымѣлъ намѣреніе учредить въ Уфѣ миссіонерское общество. Два священника, знакомые съ Чувашскимъ, Черемисскимъ и Татарскимъ языками, изъявили готовность посвятить себя миссіонерскому подвигу. Преосвященный, понимая, что нельзя посылать миссіонеровъ не предупредивъ о томъ гражданскую власть, написалъ Перовскому, прося не отказать миссіонерамъ въ законномъ содѣйствіи, такъ же, какъ она оказывается ученымъ экспедиціямъ. На это Перовскій далъ слѣдующій отвѣтъ: «Я не архіерей и не миссіонеръ, а военный губернаторъ; мое дѣло смотрѣть за тишиной и порядкомъ въ краѣ и чтобы не нарушались ни въ чемъ государственные законы и порядки; дѣло же проповѣди и утвержденія вѣры Христовой принадлежитъ пастырямъ церкви, какъ преемникамъ апостоловъ, а вмѣшательства всякой другой власти и быть не должно». Прихлебатели Перовскаго находили отвѣтъ этотъ полнымъ государственной мудрости. Не такую цѣну давали ему настоящіе Русскіе люди. Что же касается преосвященнаго Михаила, то онъ послѣ того не заглянулъ въ Оренбургъ и избѣгалъ переписки съ военнымъ губернаторомъ. Дѣло миссіонерское заглохло: ни у кого недостало энергіи его вести далѣе.

Прошло 40 лѣтъ. Наступило уже время полной дѣятельности Ильминскаго, въ Оренбургѣ учредили учебный округъ. Казалось, дѣло миссіонерское двинется, учебное начальство пойдетъ рука объ руку съ духовною властью и если не будетъ содѣйствовать ей непосредственно въ ея служеніи, то, преслѣдуя задачу политическую (обрусеніе инородцевъ), тѣмъ самымъ сольетъ свою дѣятельность съ дѣятельностью духовной власти въ единую, цѣльную и живую силу. Но въ 1880 году мы были разочарованы, услыхавъ отъ попечителя округа на вопросъ нашъ, какъ идетъ дѣло, слѣдующій отвѣтъ: «Прекрасно, въ особенности инородческія школы утѣшаютъ. Но что странно: у ихъ учителей непреодолимое желаніе принимать Православіе. Я этого не допускаю».

*) Графъ Сухтеленъ, хотя былъ Лютераниномъ, относился съ большимъ уваженіемъ къ господствующей церкви; выѣзжалъ онъ, напримѣръ, встрѣчать архіерея верстъ за 30, устраивалъ ему помѣщеніе въ своемъ домѣ и т. п.

Не скрывая своего изумленія, мы выразили желаніе узнать причину. «Я боюсь, что это подорветъ довѣріе къ школѣ у родителей, и они не будутъ пускать туда дѣтей». Мы замѣтили тогда г. попечителю, что Черемисы, а тѣмъ болѣе Чуваши, отличаются такимъ равнодушіемъ въ этомъ отношеніи, что перемѣна вѣры дѣтьми не производитъ у нихъ никакого смущенія; но можно опасаться, чтобы не нашлись другіе и не воспользовались бы такою податливостью народа и тѣмъ не усложнили въ будущемъ нашей государственной задачи.

И вотъ, если лица просвѣщенныя, облеченныя довѣріемъ и властью, ставили грамотность выше интересовъ церкви и интересовъ государственныхъ, при чемъ, не зная края и характера инородцевъ, самоувѣренно, по личнымъ своимъ соображеніямъ, направляли дѣло по невѣрному и опасному пути: сколько нужно было Ильминскому имѣть любви, терпѣнія, чтобы пробивать подобныя преграды? Къ счастью, въ Оренбургѣ вскорѣ произошла перемѣна, и попечитель Михайловъ уже всею душею сочувствовалъ Ильминскому, который, надо сказать, у попечителей Казанскаго учебнаго округа, особенно у Шестакова, находилъ горячую поддержку.

Но, раскинувъ свою дѣятельность на обширной площади, Ильминскій не всегда былъ счастливъ сочувствіемъ лицъ, которыя могли бы помогать ему въ его начинаніяхъ. Немало печали приносили ему ошибки и равнодушіе къ дѣлу людей сильныхъ и вліятельныхъ. Однако это не ослабляло его энергіи. Отдавшись дѣлу душею, онъ до послѣдняго вздоха не измѣнилъ ему. Его не соблазнило и лестное приглашеніе быть членомъ Академіи Наукъ.

К. П. Побѣдоносцевъ, узнавъ Ильминскаго, понялъ его значеніе для края и сталъ покровителемъ его. Онъ расположилъ къ нему бывшаго тогда министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Св. Синода, графа Д. А. Толстаго, которому неоднократно потомъ говорилъ, что «самое плодотворное дѣло его и самая важная его заслуга передъ Россіей состоитъ въ томъ, что онъ уразумѣлъ и поддержалъ Н. И. Ильминскаго» («Вѣчная память», стр. 81).

Еще въ 1864 г., какъ упомянули мы, Ильминскій съ профессоромъ Маловымъ на свои скудныя средства основалъ въ Казани школу для крещено-Татарскихъ дѣтей. Школа эта сразу пріобрѣла себѣ общее сочувствіе. Графъ Д. А. Толстой оказалъ ей пособіе, профессора Казанскаго университета въ 1866 году ознаменовали счастливое событіе спасенія жизни Государя сборомъ на эту школу. Графъ Д. А. Толстой посѣтилъ ее въ Сентябрѣ 1868 года. Узнавъ ближе Ильминскаго, онъ

оцѣнилъ благіе результаты, ожидаемые отъ этой школы, и опредѣлилъ ея будущность. Въ залѣ университета, передъ всѣмъ высшимъ ученымъ сословіемъ города, графъ Толстой сказалъ: «Если распространеніе просвѣщенія необходимо во всѣхъ концахъ Имперіи, то нигдѣ эта необходимость не чувствуется болѣе, какъ именно здѣсь, на окраинѣ Востока. Какихъ племенъ не видалъ я въ продолженіе кратковременнаго моего путешествія: и Калмыковъ, и Киргизовъ, и Мордву, и Черемисъ, и Татаръ! Все это дико и невѣжественно, все это еще не тронуто просвѣщеніемъ; все это непочатой матеріалъ для науки и цивилизаціи. Я знаю, что скорыхъ успѣховъ здѣсь ждать невозможно; но была бы большая заслуга положить начало просвѣщенію этихъ восточныхъ племенъ, а за ними и дальнѣйшаго Востока. Вотъ достойныя Россіи завоеванія на Востокѣ, завоеванія цивилизаціи, самыя прочныя и притомъ самыя дешевыя изъ всѣхъ завоеваній. Пусть православная церковь проложитъ путь Евангеліемъ, а за нимъ послѣдуетъ наука съ своимъ свѣтомъ. Это совокупное дѣйствіе вѣры и науки несомнѣнно разсѣетъ восточную темь. Конечно, не намъ, а нашимъ преемникамъ возможно будетъ разрѣшить эту нелегкую задачу; по крайней, мѣрѣ положимъ ей начало. Въ недавнемъ времени уже сдѣланъ опытъ устройства Татарской школы однимъ изъ вашихъ сослуживцевъ въ самой Казани. Я старался помочь ему, сколько могъ по православному духовному вѣдомству. Вы также удѣлили часть вашихъ собственныхъ денежныхъ средствъ. Школа пошла весьма удачно, и все предвѣщаетъ ей хорошую будущность. Нужно надѣяться, что дѣло на этомъ не остановится, а со временемъ возникнетъ много такихъ школъ, и тогда просвѣщеніе между восточными племенами утвердится на прочныхъ основахъ». Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о ревизіи Казанскаго учебнаго округа графъ Толстой изложилъ, между прочимъ: «Инородцы обитаютъ въ большомъ числѣ почти во всѣхъ губерніяхъ этого округа, въ томъ же невѣжествѣ, въ которомъ находились нѣсколько столѣтій тому назадъ и при томъ въ отчужденности отъ Русскаго элемента. Просвѣщать постепенно инородцевъ, сближать ихъ съ Русскимъ духомъ и съ Россіей составляетъ, по моему мнѣнію, задачу величайшей политической важности въ будущемъ. Въ прошломъ году два частныя лица, по убѣжденію и призванію, положили начало дѣйствительнаго и прочнаго миссіонерства. Профессоръ университета Ильминскій и профессоръ Духовной Академіи Маловъ учредили на собственныя, весьма ограниченныя, средства школу для крещеныхъ Татаръ. Школа эта заслужила всеобщее сочувствіе, а теперь устраиваются съ тою же цѣлію двѣ небольшія Татарскія школы въ уѣздахъ, гдѣ преподаватели будутъ молодые Татары, обучившіеся въ Казанской школѣ. Оказавъ этой

школѣ все зависящее отъ меня содѣйствіе, я предполагаю сдѣлать изъ нея со временемъ центральное Татарское училище, связывая съ нимъ всѣ Татарскія школы, которыя удается устроить какъ въ Казанской, такъ и въ смежныхъ съ нею губерніяхъ. Вообще же относительно просвѣщенія Татаръ я имѣю намѣреніе Казанскую Татарскую школу устроить окончательно и увеличить. Городъ подарилъ уже ей мѣсто, а одинъ купецъ вызвался на свой счетъ возвести зданіе и пр.».

Признавъ просвѣщеніе инородцевъ важнѣйшимъ государственнымъ вопросомъ, графъ Толстой передалъ на обсужденіе училищныхъ совѣтовъ Казанскаго Учебнаго Округа вопросъ о томъ, какими способами и какимъ путемъ можетъ быть это достигнуто? Около двухъ лѣтъ шла работа и вызвала цѣлую литературу. Отдавая дань увлеченію Западомъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія одновременно собирало свѣдѣнія о разрѣшеніи этого вопроса Англіей въ Индіи и Франціей въ Алжирѣ: работа врядъ ли ненапрасная, такъ какъ вопросъ этотъ весьма просто разрѣшенъ уже былъ Ильминскимъ. Онъ положилъ въ это дѣло душу, и оно взошло и принесло плоды на диво всѣмъ.

Въ своемъ воспоминаніи объ Ильминскомъ» К. П. Побѣдоносцевъ, говоря о миссіонерствѣ въ Россіи, замѣчаетъ: «Когда будетъ написана правдивая исторія миссіонерства, или правильнѣе сказать, исторія христіанскаго просвѣщенія въ Россіи, она будетъ по истинѣ вѣрнымъ отраженіемъ особенностей Русскаго духа и Русской культуры». Вотъ эта-то особенность сказалась здѣсь, ею и обезпеченъ успѣхъ: «духъ животворитъ».

Графъ Толстой, не останавливавшійся на полупути, 2 Февраля 1870 г. въ Совѣтѣ Министерства, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, при участіи попечителей Казанскаго и Одесскаго Учебныхъ Округовъ, всесторонне обсуждалъ вопросъ объ образованіи инородцевъ. Совѣтомъ начертана цѣлая образовательная система начальныхъ школъ съ учительскою семинаріей во главѣ. Учительская семинарія предположена закрытымъ заведеніемъ на 240 человѣкъ, пополамъ изъ Русскихъ и инородцевъ. Въ начальныхъ школахъ орудіемъ первоначальнаго обученія для каждаго племени признано его народное нарѣчіе, и учителями инородческихъ школъ обязательно предложено назначать изъ того же племени, но хорошо знающихъ Русскій языкъ или Русскихъ, свободно владѣющихъ инородческою рѣчью.

Мы видимъ, что члены Совѣта Министерства были ознакомлены съ вопросомъ множествомъ печатныхъ сборниковъ, брошюръ и статей; ихъ познакомили и съ пріемами Западными, но въ общемъ ничего не

изобрѣлъ Совѣтъ новаго и утвердилъ ту систему, которую въ скромной работѣ своей проводилъ Ильминскій. Несомнѣнно бесѣды его съ графомъ Толстымъ произвели на сего послѣдняго неотразимое впечатлѣніе.

Наконецъ въ 1872 году въ Казани была открыта Учительская Семинарія, и Николай Ивановичъ былъ назначенъ ея директоромъ. Дѣло инородческаго просвѣщенія еще болѣе оживилось. Съ 1874 года при Семинаріи стали открываться одна за другою школы: Черемисская, Чувашская, Мордовская. Съ этого времени еще живѣе закипѣла работа Переводческой Коммиссіи, учрежденной по мысли Ильминскаго при Братствѣ Св. Гурія. Подъ ближайшимъ руководствомъ Ильминскаго издано болѣе ста названій богослужебныхъ и учебныхъ книгъ и книгъ духовнаго и нравственнаго содержанія въ переводахъ на языкахъ: Татарскомъ, Чувашскомъ, Алтайскомъ, Якутскомъ, Бурятско-Тунгузскомъ, Гольдскомъ, Вотяцкомъ, Мордовскомъ, Черемисскомъ, Остяцко-Самоѣдскомъ, Киргизскомъ. При этомъ многія изъ нихъ, печатавшіяся въ количествѣ 1200 и 5000 экземпляровъ, выдержали по нѣскольку изданій.

Зная въ совершенствѣ Церковно-Славянскій языкъ, Ильминскій, при чтеніи Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, вдумывался въ значеніе каждаго выраженія и выяснялъ мысль справками съ древнѣйшими списками Греческими и Славянскими. Плодомъ такой работы была изданная имъ книга «О переводѣ православныхъ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки». Книга эта, служа руководствомъ при переводахъ, облегчала много работу Переводческой Коммиссіи въ отношеніи правильной передачи мысли.

Любовъ Ильминскаго къ Церковно-Славянскому языку оставила по себѣ не одинъ памятникъ. Книжка его «О сравнительномъ достоинствѣ разныхъ редакцій Церковно-Славянскаго перевода Псалтири и Евангелія», по мнѣнію лица свѣдующаго, исполнена остроумныхъ и драгоцѣнныхъ замѣчаній. Руководство его къ обученію Церковно-Славянской грамотѣ, составленное для церковно-приходскихъ школъ, выдержало уже нѣсколько изданій и не имѣетъ себѣ подобнаго въ практическомъ употребленіи. Наконецъ, уже въ самое послѣднее время изданъ имъ древле-Славянскій текстъ Четвероевангелія, составленный по соображеніямъ всѣхъ древнѣйшихъ списковъ.

Когда графомъ Деляновымъ былъ возбужденъ вопросъ о лучшей постановкѣ въ начальныхъ школахъ Церковно - Славянской грамоты, Ильминскій, сочувствуя этой мысли, изложилъ свое мнѣніе и предста-

вилъ попечителю Учебнаго Округа, который, какъ выразился онъ, «расхваливъ паче всякой мѣры, представилъ министру, и, по его приказанію, статья помѣщена въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Вообще графъ Деляновъ весьма сочувствовалъ Ильминскому и давалъ большую цѣну его мнѣніямъ. Самъ же онъ, по словамъ Ильминскаго, значительно поднялъ въ народныхъ школахъ церковность, Славянское чтеніе и пѣніе.

Когда до Ильминскаго дошелъ слухъ объ исключеніи Славянскаго языка изъ академическаго курса, это возмутило его, и онъ написалъ Константину Петровичу Побѣдоносцеву: «У насъ въ духовенство всосалось пренебреженіе къ славянщинѣ; готовы все по боку. Поэтому-то мнѣ еще сильнѣе и настоятельнѣе желательно напечатать редакцію Четвероевангелія; авось хоть этой искрой затлѣется угасающее чувство родного Славянскаго и православнаго нашего дѣла». И не странно ли? По мнѣнію лицъ, въ совершенствѣ знающихъ языки Греческій, Латинскій и Славянскій, только первый можетъ соперничать съ Славянскимъ въ правильности и красотѣ построеній; что же касается языка Латинскаго, то для него никакое соперничество невозможно. А между тѣмъ мы изучаемъ Латынь, забывая свой родной классическій языкъ». Къ чему же это вело? Ильминскій замѣчаетъ: «Исправители Библіи прошлаго столѣтія были несомнѣнно ученые богословы и знатоки Латинскаго и Греческаго языковъ, но о Славянскомъ языкѣ не имѣли никакого понятія, и вотъ они перепортили всю Библію». Какъ образчикъ неправильности нашихъ Славянскихъ переводовъ онъ указываетъ на антифонъ: «Отъ юности моея мнози борютъ мя страсти», въ коемъ прилагательное мужескаго рода согласовано съ существительнымъ женскаго рода. «Это у насъ проходитъ не только безъ смущенія, но и безъ всякаго сознанія», замѣчаетъ онъ, «а что̀ было бы, если бы гимназистъ или семинаристъ написалъ: multi passiones? Сочли бы это за непростительную ошибку».

Церковности въ Русскомъ воспитаніи Ильминскій придавалъ великое значеніе. Напавъ однажды на Греческіе школьные октоихи, напечатанные въ Венеціи (одинъ въ 1738, а другой въ 1845 годахъ), онъ познакомилъ Константина Петровича съ содержаніемъ ихъ начальныхъ пяти страницъ, и замѣчаетъ, что Греки отъ дѣтскаго возраста «напитываются» православною церковностью, въ чемъ и лежитъ разгадка ихъ устойчивости въ Православіи, не смотря на многовѣковое иго и давленіе иновѣрной пропаганды.

Можно ли отрицать, что политическая прочность нашего государственнаго строя стоитъ въ зависимости отъ воспитанія и что основа-

тельное изученіе Церковно-Славянскаго языка и любовь къ церковности суть, исторически выяснившіяся условія нашей силы и устойчивости? Къ сожалѣнію, о значеніи церковности для Россіи имѣютъ болѣе вѣрное представленіе иностранцы, а мы мало о томъ думаемъ. Такъ Ильминскій указывалъ на одну статью журнала «Вѣра и Разумъ», гдѣ приведено слѣдующее разсужденіе протестанта: «Самая опасная для Русской церкви сила—это Новый Завѣтъ на Русскомъ языкѣ. Съ того времени, какъ дозволено распространеніе этой книги, борьба церкви противъ разлагающаго движенія дѣлается съ каждымъ годомъ тяжелѣе, и если ей не удастся это, то всякое внѣшнее давленіе на отдѣльныхъ личностей и ихъ религіозныя отправленія останутся напрасными». Сдѣлавъ эту выписку и присоединяясь къ высказанному мнѣнію, Ильминскій дѣлаетъ такое заключеніе: «Изъ вышеприведенной статьи дѣлается понятнымъ, почему иностранные миссіонеры съ такою настойчивостью распространяютъ Русскій переводъ Библіи и Новаго Завѣта; труднѣе понять, съ какой стати мы, Русскіе, такъ усердно содѣйствуемъ ихъ видамъ». «Если православные міряне», говоритъ онъ, «плѣняясь, благодаря ясному Русскому изложенію, содержаніемъ Евангелія и вообще Библіи, принимаютъ Русскій переводъ и бросаютъ текстъ Славянскій, то они уже прервали связь съ православною церковностью».

Найдя дѣятельную поддержку своему мнѣнію у своихъ высокихъ покровителей, Ильминскій заканчиваетъ письмо отъ 16 Мая 1889 года слѣдующею восторженною рѣчью: «9-го Мая, знаменитый для меня день, напомнило мнѣ начало тропаря: «Приспѣ день свѣтлаго торжества». Но, впрочемъ, это еще не день, а заря свѣтлаго дня. Лишь дай Богъ, чтобы заря эта болѣе и болѣе разгоралась, и заблистало бы настоящее солнце истаго Славянства, какъ есть церковнаго».

Преданный горячо дѣлу просвѣщенія крещеныхъ инородцевъ, Ильминскій зорко слѣдилъ за усиливавшеюся пропагандой магометанской, принявшей видъ открытой борьбы съ Православіемъ: до того было ясно и явно ея проявленіе. Однимъ изъ орудій своихъ пропаганда эта избрала клевету на тѣхъ епископовъ, которые своею дѣятельностью особенно мѣшали ея успѣху, какъ, напримѣръ, на Никанора Уфимскаго *), Антонія Казанскаго, Діонисія Уфимскаго, о которомъ Ильминскій выразился: «Преосвященный Діонисій—благословенная отрасль незабвеннаго миссіонера Иннокентія, достойный подражатель апостольскаго духа». Наша печать, столь равнодушная къ вопросамъ церкви,

*) Позднѣе архіепископа Херсонскаго.

безъ разбора и провѣрки помѣщала на своихъ столбцахъ корреспонденціи, полныя гнусной клеветы на святителей, отличавшихся ревностнымъ служеніемъ церкви, а иные, какъ архіепископъ Антоній, высокою притомъ подвижническою жизнью. Ильминскій не могъ этого вынести и рѣшился 11 Февраля 1882 года написать Константину Петровичу письмо, которое и было началомъ переписки, прекратившейся только съ кончиною Ильминскаго.

Говоря объ усиливающейся магометанской пропагандѣ, онъ обращаетъ вниманіе на ошибку, допущенную правительствомъ, въ назначеніи муфтіемъ представителя богатаго и вліятельнаго рода дворянъ Тевкелевыхъ. Ошибку эту онъ относилъ къ недальновидности бывшаго Оренбургскаго военнаго губернатора Безака. Намъ кажется вѣрнѣе это назначеніе объяснить участіемъ бывшаго тогда министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева, который вообще благоволилъ къ своимъ землякамъ Оренбургцамъ, а съ Тевкелевымъ у него было даже родство (сестра Тевкелева дѣда была родною бабкой Тимашева). Не знаемъ, былъ ли Тевкелевъ въ Оренбургѣ, но намъ извѣстно, какъ онъ, предъ назначеніемъ пріѣхавъ въ Петербургъ, подъ предлогомъ опредѣленія родного племянника въ Пажескій корпусъ, очень долго оставался тамъ. Онъ предварительно побывалъ въ Меккѣ и, какъ хаджи, перемѣнилъ Европейскій нарядъ на Азіатскій халатъ и бѣлую чалму. Своимъ костюмомъ онъ и жена его, всегда въ блестящемъ Татарскомъ нарядѣ, сдѣлались предметомъ общаго вниманія. На балѣ въ Дворянскомъ Собраніи Государь Александръ Николаевичъ подошелъ къ нимъ и милостиво разговаривалъ. Этого было достаточно, чтобы Тевкелеву пріобрѣсти покровителей, а Тимашеву обезпечить назначеніе его муфтіемъ.

Вообще Ильминскій находилъ, что учрежденіемъ должности муфтія, не имѣющей основаній ни по Корану, ни по Шаріату, императрицею Екатериной сдѣлана большая ошибка, въ свое время, быть-можетъ, имѣвшая оправданіе. Но зло ослаблялось назначеніемъ на эти должности людей малопросвѣщенныхъ и невліятельныхъ; назначеніемъ же знатныхъ и по своему образованныхъ лицъ мы, по мнѣнію его, создаемъ себѣ большія затрудненія. «Татарская интеллигенція», писалъ онъ, «вмѣсто обычнаго неуклюжаго и неблаговиднаго фанатизма, начинаетъ усвоивать точку зрѣнія національно-политическую, подъ видомъ интеллигентнаго прогресса». Такія опасенія сразу оправдались. Ново-назначенный муфтій началъ рядомъ съ правительственными учрежденіями, въ подрывъ имъ, создавать духовную судебно-административную власть. «Зачѣмъ идешь ты къ мировому посреднику?» внушительно замѣчалъ

онъ Татарину: «у тебя есть свой мулла. Иди къ нему. Мулла тебя не разсудитъ, ко мнѣ приходи». Ильминскаго заботила и перемѣна во взглядахъ Магометанъ на составъ магометанскаго собранія. Должности членовъ его, кадіевъ, съ окладомъ въ 250 рублей, солидные муллы гнушались. Теперь избранъ ученый фанатикъ-мулла Самиховъ, жестокій врагъ Русско-Татарскихъ школъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и Казанскіе купцы-Татары назначили ему отъ себя 600 рублей въ годъ. Ильминскій объясняетъ, что Казанскіе купцы всегда были жертвователями на мечети и медрессы, но никогда до сего не вмѣшивались въ дѣла своего духовнаго управленія. Изъ Уфимскаго магометанскаго управленія создается политическій центръ, съ тяготѣніемъ къ Стамбулу. Это тяготѣніе уже сказалось распространеніемъ въ Казани Турецкихъ газетъ и учебниковъ. Ильминскій находилъ своевременнымъ упраздненіе должности муфтія со смертью Тевкелева, отъ котораго онъ, сдѣлавъ очень вѣрную его характеристику, особаго зла не ожидалъ. Умеръ, наконецъ, Тевкелевъ, кавалеръ Св. Анны 1-й степени. Должность не упразднена, но дѣло избранія было соединено съ большимъ рискомъ. Кандидатомъ выступилъ Бакчуринъ, котораго, какъ знатока Азіатскихъ языковъ и національностей, человѣка ловкаго и опытнаго въ Азіатской политикѣ, Ильминскій находилъ опаснымъ, предпочитая ему настоящаго муфтія Султанова. О семьѣ ихъ онъ говоритъ: «Султановы (ихъ нѣсколько братьевъ), помѣщики средней руки, ни богатствомъ, ни аристократизмомъ, ни вліяніемъ, ни чинами особенно не выдающіеся. Учились въ доброе старое время въ первой Казанской гимназіи. Если кандидатъ не попалъ въ университетъ, то или по недальнему развитію и недостатку любознательности, или по урослости и стремленію къ захолустной деревенско-барской свободѣ, халатности и молодой хозяйкѣ. По-русски грамотны, отлично владѣютъ Русскою рѣчью, но мусульманства, въ его Арабскихъ источникахъ, конечно, не изучали и только читаютъ Татарскія книжки». «И такъ, все къ лучшему», добавляетъ онъ, «или, по крайней мѣрѣ, изъ худыхъ къ наименѣе худому. Только не нужно самимъ-то намъ особыми какими-либо отличіями и привиллегіями возвеличивать и прославлять иновѣрное представительство. Пусть оно знаетъ свое относительное положеніе предъ архіереемъ, напримѣръ, православнымъ». Къ сожалѣнію, эта мысль была совершенно отстранена при новомъ назначеніи. Муфтій получалъ скромное содержаніе, 1200 рублей, а новому муфтію назначили пять, если не шесть, тысячъ, т.-е. въ $2^1/_2$ раза выше архіерейскаго оклада.

По мнѣнію Ильминскаго, чрезвычайныя награды муфтіямъ поднимутъ ихъ значеніе въ глазахъ населенія и придадутъ имъ болѣе смѣ-

лости. Но и здѣсь путь былъ уже проложенъ «слѣпыми вождями». Случай набѣжалъ и ловко былъ обращенъ къ успѣху такой затѣи.

Во время Турецкой войны 1877 г. среди мусульманъ нашего Восточнаго края замѣчалось нѣкоторое волненіе, поддерживаемое софтами. Шелъ говоръ, что Татары запасаются оружіемъ, что на Уфимской ярмаркѣ разомъ скуплены Татарами всѣ ружья, что это движеніе встрѣчаетъ одобреніе со стороны муфтія. Кто зналъ Тевкелева, тотъ не повѣритъ, чтобы онъ сказалъ хоть одно слово, которое могло бы послужить къ его обвиненію. Но есть разные способы для выраженія мысли, помимо слова. Здѣсь намъ разобраться труднѣе. Однако слухъ былъ переданъ Тевкелеву лицомъ высокооффиціальнымъ. Тевкелевъ ѣдетъ въ Петербургъ, жалуется на недоброжелателей, намѣревающихся повредить ему въ глазахъ правительства, которому онъ, какъ подданный и офицеръ Русской арміи, служитъ вѣрой и правдой. Онъ проситъ защиты, проситъ признанія такого слуха клеветою, что̀ можетъ быть выражено только крупною наградой: иначе ему нельзя вернуться въ Уфу, въ виду такого настроенія общества. И гусарскій маіоръ въ чалмѣ вернулся въ Уфу со Станиславскою звѣздой. Вспоминаю время моего дѣтства, при Николаѣ Павловичѣ, когда муфтій назначался изъ болѣе грамотныхъ муллъ, ахуновъ. Такой муфтій, долго служившій въ этой должности, бывалъ обрадованъ пожалованіемъ ему золотой медали. Восторгу же его, когда онъ получилъ отъ Государя крытую зеленымъ бархатомъ соболью шубу, кажется, не было границъ. Видимо, онъ не могъ разстаться съ царскимъ подаркомъ; и каждое послѣ обѣда, въ жаркое лѣтнее время, на одной лошадкѣ въ дрожкахъ-гитарѣ совершалъ прогулку, къ немалой забавѣ нашей маленькой публики.

Второе, что̀ смущало Ильминскаго, это выборъ Татаръ на вліятельное мѣсто предводителя. Предводитель есть предсѣдатель земскаго собранія и училищнаго совѣта, завѣдующаго, по положенію 1874 года, исключительно православными школами. Ильминскій считалъ необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предводителемъ дворянства магометанинъ, обязанности предсѣдателя училищнаго совѣта возлагать на инспектора народныхъ училищъ. Какъ всегда, мысль свою онъ подкрѣплялъ дѣлами. Въ Белебеевскомъ уѣздѣ выбрали предводителемъ Татарина, онъ же и предсѣдатель Земской Управы. Вскорѣ дошло до свѣдѣнія Ильминскаго, что земское собраніе, подъ предсѣдательствомъ новаго предводителя - Татарина, назначило мулламъ за преподаваніе вѣроученія въ сельскихъ школахъ жалованье, отказавъ въ томъ священникамъ. Надо думать, что постановленіе это было отмѣнено, такъ

какъ далѣе изъ писемъ Ильминскаго узнаёмъ, что муллы изъ управы получали жалованье аккуратно, а священники не получали по два года. Значитъ, «не мытьемъ, такъ катаньемъ». Подъ давленіемъ тѣхъ же воротилъ въ Белебеевскомъ земскомъ собраніи, вопреки высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 23 Октября 1878 года, отняли отъ Ахматовской и Курчеевской миссіонерскихъ школъ пособія, которыми онѣ содержались съ 1870 годовъ, и школы пришлось закрыть. Второй случай: смѣна сельскаго писаря Сизова, крещенаго Татарина чиновникомъ-магометаниномъ. Ильминскій указываетъ поводъ къ тому. «Сизовъ, какъ единица, не представлялъ ничего важнаго; а теперь, при размножившихся школахъ, волостной писарь, такой же Татаринъ, составляетъ уже маленькую силу, которую нужно уничтожить. И вся-то крещено-Татарская сила тамъ началась со вчерашняго дня, но Магометане далеко впередъ видятъ, не какъ мы, Русскіе».

Но что̀ такое волостной писарь? Это слишкомъ малая сошка. Интрига магометанская, пользуясь недальновидностью нашихъ властей, швыряла и чиновниками съ виднымъ положеніемъ и сильнымъ вліяніемъ на дѣло народнаго просвѣщенія. Такъ инспекторъ народныхъ училищъ Поповъ, ревностно исполнявшій свои обязанности и всѣми силами боровшійся противъ вліянія магометанства, переведенъ изъ Стерлитамакско Белебеевскаго округа въ Златоустъ безъ видимой нужды, такъ какъ здѣсь былъ замѣнъ одного другимъ. «Попечитель не чуетъ этихъ, впрочемъ, не особенно скрытыхъ пружинъ. Точь-въ-точь Крыловскій слонъ на воеводствѣ». Графъ Деляновъ, вслѣдствіе ходатайства Стерлитамакскаго земства, телеграфировалъ попечителю, что ему невѣрно передано о борьбѣ Попова со Стерлитамакскимъ земствомъ. На это попечитель телеграммой отвѣчалъ: «Слезами можно умолить замолвить слово, но мнѣ достовѣрно извѣстно, что Поповъ ссорится съ Белебеевскимъ (?) земствомъ. Подробности почтой». Изложивъ эту печальную повѣсть, Ильминскій заканчиваетъ ее такъ: «Что̀ бы однако ни написалъ Иванъ Яковлевичъ, онъ не можетъ уничтожить факта, что отдать Попова на съѣденіе Татарамъ значитъ пошатнуть и уронить миссіонерское инородческое просвѣтительное дѣло въ Белебеевскомъ уѣздѣ. Въ виду такой важности даннаго случая и его ближайшаго отношенія къ церковному и миссіонерскому дѣлу, я рѣшился довести его до вашего свѣдѣнія и убѣдительнѣйше просить васъ, подкрѣпите своимъ участіемъ великодушное и просвѣщенное движеніе Ивана Давыдовича къ защитѣ Попова, котораго нужно возстановить въ инспекціи Белебеевскаго и Стерлитамакскаго уѣздовъ, «да не когда речетъ врагъ: гдѣ есть Богъ ихъ?»

Сопоставляя телеграмму попечителя съ живымъ словомъ истинно-Русскаго человѣка, читатель съ прискорбіемъ приходитъ къ заключенію, какъ Русскому святому дѣлу трудно завоевать подобающее положеніе въ отечествѣ.

Къ сожалѣнію, это не единственный примѣръ заступничества Ильминскаго за самоотверженныхъ дѣятелей на пользу церкви и Русскаго дѣла, страдавшихъ отъ несправедливаго отношенія къ нимъ лицъ, у которыхъ должны бы они имѣть поддержку и защиту. Письма Ильминскаго, въ которыхъ приводится рядъ такихъ случаевъ, знакомятъ насъ съ равнодушіемъ и недальновидностью лицъ, поставленныхъ на стражѣ родныхъ интересовъ. Вотъ еще примѣры. Избирается и *утверждается начальствомъ* Магометанинъ старшиною Елышевской волости, состоящей изъ смѣшаннаго населенія Магометанъ, крещеныхъ Татаръ и Русскихъ. Членами волостного суда или Магометане или отступники. Можно судить, какъ жутко приходилось крещеному люду отъ этого, тогда безъ апелляціоннаго, суда! Но никому до этого не было дѣла. Не было дѣла и до того полнаго притѣсненія, какое должны были перенести жители Большихъ Саврушъ, когда внезапно это начальство явилось къ нимъ и, въ пополненіе долга за земскій овесъ, разорило всѣ крещено-Татарскія семейства, не тронувъ ни одного изъ должниковъ-отступниковъ. Ни становой приставъ, ни урядникъ, ни стражникъ, никто не выступилъ въ защиту притѣсненныхъ. Правда, свидѣтелями несправедливости были здѣсь люди маленькіе и мало развитые; но равнодушіе лицъ, поставленныхъ довѣріемъ власти во главѣ учрежденій, людей Русскихъ и просвѣщенныхъ, не представляетъ уже никакихъ оправданій. Такъ оно выразилось въ предписаніи Казанскому Губернскому Присутствію отъ 24 Сентября 1880 года, за № 5402, коимъ указывалось, что отпавшихъ отъ православія въ магометанство облагать сборомъ на содержаніе приходскихъ церквей не слѣдуетъ. Вотъ и извольте тутъ бороться съ магометанскою пропагандой!

Право, не знаешь, чему болѣе удивляться: равнодушію ли къ роднымъ государственнымъ интересамъ лицъ, коимъ вручена ихъ охрана, или тому, какъ, будучи ближайшими исполнительными органами законодательной власти, они дѣлаютъ лично распоряженіе, противорѣчащее планамъ и мысли законодателя? Разумѣется, еслибъ вопросъ былъ проведенъ чрезъ Государственный Совѣтъ, этотъ, казалось бы, единственный путь для его разрѣшенія, онъ не былъ бы рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. А можетъ быть здѣсь вѣрнѣе усмотрѣть Петербургскій канцелярскій либерализмъ, выражавшій такую наклонность

умалять значеніе власти, и недосмотръ бывшаго тогда министра, преданность котораго церкви и Русскому дѣлу стоитъ конечно внѣ сомнѣній.

Ильминскій, коль скоро узналъ о такомъ распоряженіи, немедленно написалъ Константину Петровичу, прося убѣдить новаго министра вытребовать обратно бумагу, которая, кстати сказать, въ силу ея изумительнаго содержанія и общихъ опасеній, что все крещеное Татарство, слабое разумомъ вѣры, отступитъ отъ церкви, лежала болѣе пяти лѣтъ подъ спудомъ. Намъ, впрочемъ, кажется, здѣсь вкралась ошибка: Ильминскій относитъ это распоряженіе къ графу Игнатьеву, а самую бумагу (если здѣсь нѣтъ опечатки) ко второй половинѣ 1880 года, когда былъ министромъ уже графъ Лорисъ-Меликовъ. Если это такъ, то и самое распоряженіе для насъ становится болѣе удобо-объяснимымъ.

Картина магометанской пропаганды, которую такъ ярко рисуетъ Ильминскій въ своихъ письмахъ, чрезвычайно интересна и поучительна тѣмъ, что открываетъ намъ глаза, вызываетъ краску стыда за наши ошибки и недосмотры, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на необходимыя бдительность и вниманіе.

Въ Россіи, говоритъ Ильминскій, «зачинается магометанскій вопросъ». Но зачался онъ не со вчерашняго дня, а между тѣмъ и донынѣ Азіатскимъ народамъ предоставляются особыя льготы, и ихъ ничто не можетъ манить быть Русскими, съ чѣмъ можетъ быть соединена утрата этихъ льготъ. Этимъ, пожалуй, поддерживаются ихъ обособленность и сепаратическія ихъ вожделѣнія. Масса Татарскаго населенія фанатично и враждебно смотритъ на Православіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ грубо и непривлекательно», замѣчаетъ Ильминскій. Но пропаганда идетъ не отсюда, а отъ просвѣщеннаго магометанства. Однимъ изъ сильныхъ орудій своихъ интеллигентное магометанство признало печатное слово, которымъ не безъ основанія надѣялось дѣйствовать на безпринципное общество, подкупить расположеніе власти и усыпить ея бдительность. Къ ряду такихъ явленій Ильминскій относитъ изданіе въ Бахчисараѣ газеты Тарджуманъ (Переводчикъ) городскимъ головой Гаспринскимъ. Онъ усматриваетъ здѣсь слѣдующую цѣль: 1) Распространить между Русскими Магометанами Европейское просвѣщеніе на магометанской основѣ; 2) все магометанское населеніе въ Россіи объединить и сплотить «подъ знаменемъ мусульманства раціоналистическаго и усовершенствованнаго Европейскою цивилизаціей, пропущенной сквозь Турецкую, Константинопольскую призму». «Возникающая Татарская интеллигенція приподноситъ свой ядъ ехидный въ видѣ позолоченныхъ пилюль литературно и галантерейно, и приводитъ въ

восторгъ нашу близорукую и безсердечную интеллигенцію. Это гораздо опаснѣе фанатизма, а въ соединеніи съ нимъ есть сила великая, тѣмъ болѣе, что у нашего-то заправляющаго класса нѣтъ ни усердія къ Православію, ни основательныхъ религіозныхъ и государственныхъ понятій»*).

Въ этомъ жестокомъ обвиненіи, къ сожалѣнію и стыду нашему, нѣтъ преувеличенія. Ну, какъ, напримѣръ, объяснить слѣдующее дѣло? Деревни крещеныхъ Татаръ Старыя и Новыя Гордоли занимаютъ дачу болѣе вѣка. Въ 1889 или въ 1890-мъ году подъ бокомъ у нихъ приселяются Башкиры, вѣроятно, продавшіе собственную землю. И вотъ черезъ 7—8 лѣтъ, имъ замежевываютъ часть Гордолинской дачи, отведя Гордолинцамъ добавочную землю за 30 верстъ отъ ихъ селенія и церкви, среди фанатичнаго магометанскаго населенія. А безпрепятственная магометанская пропаганда на Алтаѣ подъ благовиднымъ предлогомъ торговли? А открытая проповѣдь муллъ о разрѣшеніи перехода въ Магометанство? А разселеніе среди крещеныхъ Татаръ раскольниковъ, ярыхъ ненавистниковъ Православія? И въ то же время Константинопольскія газеты трубятъ о притѣсненіи у насъ магометанъ!

Какую же службу Русскому дѣлу сослужила печать? Мурза Алимъ пишетъ либеральныя раціоналистическія статьи въ защиту Мусульманства, и для нихъ Русская академическая газета охотно отдаетъ свои столбцы; а Остроумовъ, желая образумить Русское общество въ его опасномъ увлеченіи, пишетъ дѣльную статью о Коранѣ, и редакція Православнаго Обозрѣнія отказываетъ ее напечатать. Послѣ тщетной попытки онъ вынужденъ былъ ее помѣстить въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ. Но кто же ихъ читаетъ?

Въ дѣятельности Ильминскаго по обрусенію, въ особенности въ заботахъ о просвѣщеніи новопріобрѣтеннаго Туркестанскаго края мы видимъ тѣ же энергію и любовь, благодаря которымъ спорилось у него всякое дѣло. Онъ, напримѣръ, чувствуя, какъ слабѣетъ организмъ его, готовилъ себѣ преемникомъ Остроумова; но какъ только К. П фонъ-Кауфманъ заявилъ желаніе основать учительскую семинарію въ Туркестанѣ, въ цѣляхъ распространенія Русскаго просвѣщенія, и обратился къ нему съ просьбой указать директора, Ильминскій, не заду-

*) Покойный князь С. М Воронцовъ, близко знакомый съ Магометанствомъ по службѣ своей на Кавказѣ, по командировкѣ въ Персію и по обширнымъ владѣніямъ въ Крыму (императоръ Александръ II-й называлъ его въ шутку царемъ Крымскимъ), говаривалъ намъ, что міру предстоитъ пережить еще новый рядъ событій, могущихъ возникнуть отъ союза Магометанства съ Лютеранствомъ. Недаромъ мечеть и кирка похожи между собою. „Сихъ голыхъ стѣнъ, сей храмины пустой ...“ Н. Б.

мавшись, уступилъ Остроумова и защищалъ его отъ злыхъ навѣтовъ, коими старались повредить ему по кончинѣ почтеннаго К. П. Кауфмана.

Остроумовъ, получавшій въ Казани высшій окладъ, поставилъ свою новую задачу выше всякихъ матеріальныхъ соображеній. Любя дѣло, онъ вскорѣ изучилъ новый край со всѣми его особенностями. Эта-то любовь къ дѣлу легла крѣпкою связью въ отношеніяхъ его съ Ильминскимъ. Сообщая послѣднему свои наблюденія и замѣчанія, онъ давалъ тѣмъ возможность Ильминскому знакомиться съ краемъ и доводить мнѣнія и предположенія Остроумова до свѣдѣнія лицъ, которыя вô время могли поддержать ихъ или дать имъ ходъ. Такъ Остроумовъ настаивалъ на томъ, чтобы Киргизовъ обучать отдѣльно отъ Сартовъ. «Сарты имѣютъ прочно сложившійся мусульманскій характеръ, тогда какъ Киргизы народъ еще свѣжій, какъ дѣти любознательный, переимчивый и воспріимчивый; къ нимъ можно еще привить Русскія понятія и симпатіи. Для нихъ и будетъ полезно такое заведеніе, какъ учительская семинарія, гдѣ бы основательно преподавался Русскій языкъ, а не Русская литература, нынѣ мало назидательная; внушался бы здравый взглядъ на вещи, а не многочисленность отрывочныхъ и популярныхъ свѣдѣній обо всемъ, только надмевающихъ и развращающихъ молодыя головы».

Знакомясь такимъ образомъ съ краемъ, Ильминскій рекомендуетъ, если по новому преобразованію будетъ учреждена должность попечителя для управленія учебнымъ дѣломъ, выбирать человѣка Русскаго, патріотичнаго, дѣльнаго и основательнаго, непремѣнно симпатичнаго, хотя и незнакомаго съ восточными языками. При этомъ онъ предупреждаетъ, что для завѣдыванія и веденія учебнаго дѣла въ Туркестанскомъ краю не слѣдуетъ прельщаться студентами факультета восточныхъ языковъ и особенно Лазаревскаго института, «не потому, что они плохо знаютъ языки, а потому главное, что они не имѣютъ патріотически-миссіонерскаго направленія, которое между тѣмъ существенно необходимо въ томъ краѣ и которое можетъ воспитываться въ миссіонерскомъ отдѣленіи Казанской Академіи».

Приведемъ кстати мнѣніе Ильминскаго о настоящей постановкѣ у насъ учебнаго дѣла. «За послѣднія 10—20 лѣтъ», пишетъ онъ, «ученые комитеты и временныя комиссіи усиленно работаютъ и создаютъ инструкціи и положенія прекрасныя, стройныя, блестящія; однакоже много ли изъ нихъ оказались на дѣлѣ производительными и прочными? Часто они скоро измѣнялись и отмѣнялись. Припоминается, какъ въ прошломъ столѣтіи Кіевская Могилянская Академія поставляла преподавателей на всю Россію, и когда изъ той или другой епархіи требо-

вался учитель для того или другого предмета или класса, академія посылала иногда студента философіи, или даже риторики. Не особенно давно бывало, что въ академію назначались изъ средняго отдѣленія ученики особенно даровитые, если высшее отдѣленіе не представляло даровитыхъ юношей. Теперь все установлено въ строгія и точныя рамки: не дошелъ до конца или не получилъ по одному какому либо предмету удовлетворительнаго бала—пропалъ. Теперь поэтому аккуратная посредственность скорѣе пройдетъ и достигнетъ академій и университетовъ, чѣмъ блестящій и выдающійся талантъ, но не всеобъемлющій... Заѣла насъ формалистика. Не то было въ первыя времена Казанской Академіи. Тогда Алексѣй Бобровниковъ занимался Монгольскимъ языкомъ и вѣчно нянчился съ Монгольскими долговязыми книгами; тогда Семенъ Гремячинскій занимался ботаникой, дѣлалъ экскурсіи по Казанской губерніи, наконецъ въ Астраханскую губернію и на Каспійское прибрежье. Изъ одного вышелъ замѣчательный оріенталистъ, и вѣковѣчнымъ памятникомъ его осталась Монгольско-Калмыцкая грамматика—капитальное произведеніе; другой пріобрѣлъ степень доктора естественной исторіи и назначался въ профессора Московскаго университета. Нынче, съ этой семестровой формалистикой, съ массой формально-обязательнаго учебнаго труда и долбленія ничто подобное невозможно».

Что касается постановки дѣла въ школахъ грамоты, то Ильминскій еще сильнѣе порицалъ формализмъ. «Зачѣмъ стѣснять опредѣленнымъ какимъ-либо типомъ и программой и даже № бумаги и перьевъ эти самыя первоначальныя школы грамотности? Пусть учатъ и учатся, кто какъ и насколько можетъ, лишь бы было правильное ученіе православное и доброй нравственности. Человѣкъ обезпеченнаго состоянія, какъ самъ привыкъ, такъ и другимъ рекомендуетъ кушать съ фаянсовой тарелки ножомъ и вилкой и серебряной ложкой и т. п.; а если человѣку не на что купить не только этой обстановки, даже подчасъ хлѣба, стало быть онъ долженъ умирать съ голоду за отсутствіемъ фаянсовой тарелки. Я бы къ подобнымъ случаямъ примѣнилъ слова Спасителя: «*Маѳо, Маѳо, печешися о мнозѣхъ, едино же есть на потребу*». Какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ Ильминскій приводитъ сужденіе христіанъ-Чувашъ, изучившихъ Евангеліе, Библію, Чети-Минею и богослужебныя книги, а писать почти не умѣвшихъ. Многіе изъ нихъ были и учителями и съ трудомъ могли расписаться въ полученіи жалованья. Они говорили: «мы не въ писаря готовились, а старались узнать Христову вѣру».

Какъ къ опытному дѣятелю, хорошо знавшему не только инородческіе языки, но и характеръ самихъ инородцевъ, къ Ильминскому не

разъ официальныя лица обращались съ просьбой изложить свое мнѣніе. Его отзывы бьютъ въ глаза знаніемъ, опытностью, искренностью и несокрушимою логикой.

Но, не смотря на то, Ильминскому приходилось выдерживать споръ противъ основного его положенія въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ. Такъ преосвященный Сергій, предсѣдатель Братства Св. Гурія, находилъ, что допущеніе инородческихъ языковъ въ школу и церковь создаетъ народности въ ущербъ и во вредъ Русскому народу и государству. Онъ былъ въ пользу преподаванія въ школахъ и богослуженія на Русскомъ языкѣ. Но преосвященный, уроженецъ Смоленской губерніи, воспитанникъ Московской Академіи, аскетъ по жизни, имѣлъ видимо слабое понятіе о восточномъ нашемъ краѣ; и нельзя не признать ошибки въ его мнѣніи. Ильминскій вѣрно соображалъ, что, не зная Русскаго языка и не понимая богослуженія, крещеные инородцы никогда не полюбятъ ни школы, ни церкви; а эта любовь къ церкви и къ понятному для нихъ ея богослуженію уничтожитъ рознь и предубѣжденіе противъ Русскихъ и всего Русскаго. Это уже и составитъ начало сближенія съ Русскими. Ильминскій имѣлъ утѣшеніе убѣдиться въ вѣрности такого положенія: дѣти крещеныхъ Татаръ, уходившіе въ школу и церковь, стали чуждаться дѣтей Магометанъ-Татаръ и льнуть къ Русскимъ, съ которыми ихъ роднила церковь. Чуваши приходятъ говѣть въ Спасскій, Семіозерный и Раиѳскій монастыри. Двое Чувашъ приходятъ изъ Самарской губерніи, за 350 верстъ, потому именно, что въ ихъ селеніи Чувашская школа, а въ ней читаются Чувашскія книги. «Стало быть, Чувашскія книги ведутъ къ Русской святынѣ», заключаетъ Ильминскій.

Мысль о богослуженіи на инородческихъ языкахъ принадлежитъ императору Николаю Павловичу, который и приказалъ ее исполнить. Почему же она осталась безъ исполненія, и потребовалось новое разрѣшеніе Св. Сунода? Здѣсь очевидно безучастное отношеніе къ вопросу. И великая заслуга Ильминскаго, что онъ разбудилъ всѣхъ, кому слѣдовало бодрствовать, и исполнилъ дальновидную мысль мудраго царя.

Но поэтическая натура Ильминскаго и необыкновенная ревность къ дѣлу иногда увлекали его и наталкивали на столкновенія съ лицами, горячо сочувствовавшими народному просвѣщенію. Такъ указываетъ онъ на возраженія того же епископа, какъ предсѣдателя Переводческой Коммиссіи, противъ перевода богослужебныхъ книгъ, на Мордовскій языкъ, въ нарушеніе высочайше утвержденныхъ правилъ 18 Марта 1868 года. Правилами разрѣшалось Братству Св. Гурія изда-

ніе православно - вѣроучительныхъ и религіозно-нравственныхъ книгъ «на всѣхъ инородческихъ языкахъ Казанскаго края, кромѣ Мордовскаго, такъ какъ Мордовское племя совершенно обрусѣло». Переводческая Коммиссія, увлекаемая благими цѣлями, издавала переводы Тунгузскіе, Гольдскіе, Остяцкіе и Мордовскіе. Ильминскій оправдывалъ Коммиссію тѣмъ, что она руководствуется не буквою, а духомъ тѣхъ правилъ, ибо по слову Апостола «*буква убиваетъ, а духъ животворитъ*» (2 Кор. 3, 6). Намъ кажется, что къ данному случаю болѣе примѣнимо другое изреченіе апостола: «*Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется*». (Рим. 13, 1). Преосвященный Сергій находилъ правильнымъ буквально придерживаться высочайше утвержденныхъ правилъ, а вопросу о расширеніи программы Комиссіи дать ходъ, указанный для данныхъ случаевъ закономъ. Могъ ли иначе поступить епископъ? Если бы всякій исполнительный органъ, какъ бы ни были благи его цѣли и намѣренія, сталъ измѣнять высочайше утвержденныя положенія, какое бы вышло управленіе государствомъ? И не шло ли бы это на руку либеральнымъ стремленіямъ колебать авторитетъ власти?

Борьба, какую довелось вести Ильминскому противъ пропаганды магометанской въ значительной мѣрѣ, какъ видѣли мы, затруднялась оплошностью и промахами правительственныхъ лицъ. Да и самое поле было подготовлено правительствомъ: учрежденіе должности муфтія, потомъ назначеніе на эту должность вліятельныхъ и интеллигентныхъ лицъ, свободное допущеніе магометанской пропаганды у Киргизовъ, пропаганды Монгольскихъ ламъ среди Бурятъ и т. д. Указывая на эти промахи и худыя послѣдствія ихъ для Русскаго государственнаго дѣла, Ильминскій самъ работаетъ безъ устали: онъ снабжаетъ учителями школы разныхъ губерній, наиболѣе Уфимскую, вслѣдствіе частыхъ требованій ревностнаго просвѣтителя, епископа Діонисія; онъ переводитъ и поправляетъ переводы богослужебныхъ книгъ на разные инородческіе языки, и даже Корейскій; онъ не упускаетъ ни одного случая, чтобы не воспользоваться для дѣла знаніемъ другихъ. Оказался, напримѣръ, въ Казанской Академіи Японецъ Сато. «Случай отъ сотворенія міра единственный и драгоцѣнный», пишетъ Ильминскій, и сейчасъ же предлагаетъ составить кружокъ изъ 2—3 студентовъ, «безкорыстныхъ ревнителей языковѣдѣнія», для занятій съ нимъ. Онъ, наконецъ, ревнуя о благолѣпіи церковнаго богослуженія и замѣчая ошибки и неточности въ переводѣ нашихъ богослужебныхъ книгъ, работаетъ надъ ихъ провѣркой, сличая съ древними списками, и вноситъ свои мѣткія замѣчанія.

Въ этой работѣ иногда являлось и увлеченіе, столь свойственное живой и поэтической натурѣ его. Такъ, напримѣръ, онъ придаетъ особое значеніе тому, что въ Майской Минеѣ 1721 года онъ нашелъ новшество: титулъ императора начинается прописною буквой, когда до того титулъ царя писался съ малой буквы; имя же Петра и поднесенный ему титулъ «Великаго, Отца» напечатаны сплошь прописными буквами. Въ Служебникѣ 1734 года, при Аннѣ Іоанновнѣ, титулы императрицы, цесаревны и принцессы и ихъ имена начинаются прописными буквами. Въ Постной же Тріоди 1742 года онъ нашелъ титулъ императрицы напечатаннымъ весь прописными буквами. Въ молебнѣ на восшествіе на престолъ Екатерины II-й титулы ея и цесаревича и имена ихъ напечатаны сплошь прописными буквами. Это и вошло въ обычай. Ревнуя о старинѣ, Ильминскій и въ этомъ случаѣ желалъ возврата къ ней.

Суть дѣла врядъ ли представляетъ такое значеніе, какое отводитъ ей Ильминскій. Дѣло другое—догматы. Посягательство на нихъ не можетъ быть допускаемо и терпимо. Но вѣдь церковь, вѣчно живая, не можетъ быть безучастною къ народной жизни, не отвѣчать на спросы и нужды времени. Она, напримѣръ, молится во время народныхъ бѣдствій, слагая особыя молитвы. Припомнимъ, что въ прошломъ вѣкѣ замѣтно сталъ упадать авторитетъ и обаяніе власти, что̀ довело до ея ниспроверженія. Церковь православная всегда заботилась о поддержаніи власти у насъ; можно сказать, она даже созидала ее: она не могла забыть ученіе Апостола, который просилъ, Господа ради, повиноваться власти, не только единовѣрной, но и иновѣрной, и повиноваться не «за страхъ», а «за совѣсть». Въ такомъ установленіи печатать царскій титулъ прописными буквами церковь вовсе, кажется намъ, не выражала подобострастія, а лишь заботу о подъемѣ значенія власти, въ виду колебанія ея въ другихъ странахъ и, пожалуй, желаніе закрѣпить за Екатериной законность ея избранія. Въ Петербургскихъ церквахъ не очень давно введенъ хорошій обычай, достойный подражанія для всѣхъ церквей: по окончаніи богослуженія, когда поютъ «Благочестивѣйшаго» и т. д. оставлять царскія врата отверстыми, пока поминается Государь и царствующій домъ, чтобы тѣмъ напоминать народу объ уваженіи къ священной особѣ царя, молитвою за котораго должно закончиться богослуженіе. Здѣсь тѣ же побужденія и та же цѣль; и никто, вѣрно, не скажетъ, что такое новшество неумѣстно.

Настоящее время можно назвать временемъ чудесъ: до того они повторяются часто и до того они явны и неоспоримы. Древнему Из-

раилю, когда онъ забывалъ Бога, посылались разныя наказанія, не исключая плѣна, и вмѣстѣ съ тѣмъ Богъ воздвигалъ среди народа пророковъ, которые напоминали народу своему о Богѣ, объ обязанностяхъ передъ Нимъ и о доброй нравственности. Мы не можемъ не замѣчать, что бѣдствія наши дѣлаются почти непрерывными, и вмѣстѣ съ тѣмъ попечительный Промыслъ являетъ рядъ чудесъ, чтобы укрѣпить насъ въ вѣрѣ, обратить къ Нему. Почему же церкви Его не выразить заботы объ охраненіи установленной власти?

Ревнуя о древнемъ чинѣ богослуженія, Ильминскій смущался новизною въ костюмахъ архіерейскихъ пѣвчихъ, которые приличествующіе имъ прежніе стихари замѣнили Польскими кунтушами. Да, стихарь у пѣвчихъ вездѣ оставленъ. Во дни юности мнѣ случилось быть у праведнаго Симеона въ Верхотурьи; и только тамъ меня пріятно поражалъ хоръ изъ 16 человѣкъ въ стихаряхъ. Быть можетъ, и тамъ нынѣ это оставлено.

Чтобы оцѣнить плодотворную дѣятельность Ильминскаго, мало познакомиться съ его статьями, съ его переводами: надо побывать въ тѣхъ мѣстахъ, населенныхъ инородцами, гдѣ на каждомъ шагу и въ каждомъ сердцѣ сохраняется о немъ память.

Конечно, его дѣятельность не была бы столь плодотворною, если-бъ онъ не встрѣтилъ высокаго покровителя, который не только горячо ему сочувствовалъ и содѣйствовалъ исполненіемъ его предначертаній и ходатайствъ, но поощрялъ его своимъ участіемъ лично къ нему, ободрялъ его духъ, трогательно заботился о его здоровьѣ.

Пройдутъ года, наше настоящее со всѣми его неправдами, завистью, злобой отойдетъ въ область прошлаго, и передъ безпристрастнымъ историкомъ высоко возстанутъ эти два лица, которыя, не смотря на великую рознь въ ихъ положеніи, дружно, въ потѣ лица, работали на отечественной нивѣ.

Мы вѣруемъ, что прежде всего въ книгѣ судебъ Божіихъ имена ихъ занесутся съ именами тѣхъ благихъ рабовъ, которые не скрыли данныхъ имъ талантовъ, но во много и много разъ ихъ умножили.

И Листовскій.

АРХИВЪ ДОНСКОГО ДВОРЯНСТВА.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

У насъ весьма еще печально поставлено архивное дѣло, и встрѣтить устроенный архивъ—это такая рѣдкость, что, думаю, будетъ небезынтересно читателямъ „Русскаго Архива“ узнать о томъ, что такой архивъ существуетъ. Пишущему эти строки пришлось нѣсколько дней заниматься въ немъ и познакомиться со способомъ веденія родословной книги Донского дворянства. Кромѣ того, можетъ быть мои строки возбудятъ и среди другихъ депутатскихъ собраній желаніе не быть хуже своего Донского собрата *), и они займутся приведеніемъ въ порядокъ какъ своихъ архивовъ, такъ и родословныхъ книгъ, въ чемъ, кажется нуждается большинство архивовъ и родословныхъ книгъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ архивъ Донского Депутатскаго Собранія помѣщался въ одной изъ комнатъ стараго деревяннаго зданія, въ канцеляріи, при чемъ всѣ документы и дѣла были свалены въ уголъ около печки, которая дала трещину, и надо удивляться, что отъ этой кучи бумажнаго хлама, топтавшагося къ тому же еще и ногами, осталось еще достаточно цѣннаго для мѣстнаго дворянства матеріала.

Къ счастію, архивъ этотъ попалъ въ завѣдываніе вновь избраннаго секретаря дворянства А. Н. Пивоварова, заявившаго уже себя работами по исторіи Дона и собравшаго цѣнный рукописный матеріалъ по этому предмету.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ г. Пивоварова, по избраніи его секретаремъ дворянства, было перенесеніе архива въ болѣе безопасное помѣщеніе. Такимъ мѣстомъ оказался одинъ изъ подваловъ дворянскаго дома, съ трудомъ уступленный администраціей дворянскаго клуба, желавшаго его сохранить для своихъ надобностей.

Конечно подвалъ не можетъ считаться идеальнымъ помѣщеніемъ для рукописей, но за неимѣніемъ ничего лучшаго и сравнивая его съ прежнимъ, около печки, пришлось удовольствоваться и этимъ скромнымъ хранилищемъ, тѣмъ болѣе, что подвалъ совершенно сухой.

Послѣ перенесенія архива въ безопасное помѣщеніе началось приведеніе его въ порядокъ, что̀ уже и исполнено.

---

*) Мы имѣли удовольствіе слышать, что именно это и дѣлается въ архивѣ Московскаго дворянства, коего нынѣшній предводитель по матери своей происхожденіемъ съ Дона. Искреннѣйше желаемъ успѣха. П. Б

Въ настоящее время всѣхъ дѣлъ въ архивѣ 7477 (часть дѣлъ была утрачена при прежнихъ порядкахъ), которыя расположены по алфавиту фамилій и раздѣлены на 71 связку. Къ дѣламъ существуютъ два указателя: одинъ указатель дѣлъ съ показаніемъ № связки и № дѣла по порядку, другой же—указатель лицъ внесенныхъ въ родословную книгу Донской области, съ показаніемъ времени состоявшагося постановленія депутатскаго собранія и съ отмѣткою объ утвержденіи Департаментомъ Герольдіи, т.-е. архивъ приведенъ въ такой порядокъ, что всякая справка о любомъ родѣ или даже лицѣ требуетъ весьма незначительнаго времени.

Кромѣ приведенія въ порядокъ архива г. Пивоваровъ, найдя сочувствіе своимъ начинаніямъ у областного предводителя дворянства М. С. Маркова, занялся составленіемъ родословныхъ книгъ, такъ какъ до него онѣ на дѣлѣ не существовали, какъ не существуютъ, я думаю, и въ другихъ мѣстахъ: каждый знаетъ въ которую часть родословной книги внесенъ его родъ, но если бы онъ пожелалъ взглянуть на эту часть, то, конечно, ему бы ее показать не могли; на нее постоянно дѣлаются ссылки, но въ природѣ ея не существуетъ.

Совершенно иначе поставлено въ настоящее время это дѣло въ Донскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи; тамъ эти части существуютъ на яву, и каждый можетъ найти свою родословную въ соотвѣтствующей части.

Части эти представляютъ собою ящики, имѣющіе форму книгъ и оклеенные краснымъ сафьяномъ, гдѣ сложены на отдѣльныхъ большихъ листахъ родословныя, засвидѣтельствованныя копіи которыхъ могутъ получать представители родовъ, внеся всего одинъ рубль.

Дворянскихъ родовъ въ Области Войска Донского въ настоящее время около 2000; составлено и переписано на бѣло родословій болѣе 700 и до 300 родословій находятся въ черновомъ видѣ; въ теченіе настоящаго трехлѣтія, т.-е. въ теченіе 1898 — 1900 гг. предполагается эту работу окончить.

Къ сожалѣнію, г. Пивоваровъ до настоящаго времени строго придерживался формъ рекомендуемыхъ IX-мъ томомъ Свода Законовъ, почему родословія получаются слишкомъ оффиціальныя и даютъ одни голыя мужскія имена и потому не удовлетворяютъ требованіямъ генеалогіи, ищущей кромѣ однихъ именъ еще и дѣяній извѣстныхъ лицъ и родственныхъ связей. Ничего подобнаго пока не даютъ родословія, составляющіяся Донскимъ депутатскимъ собраніемъ; говорю пока, потому что г. Пивоваровъ рѣшилъ теперь отступить отъ принятаго порядка и оживить свои родословія, введя туда краткія біографическія свѣдѣнія, женскія имена и, по возможности, свѣдѣнія о предкахъ лицъ, признанныхъ въ дворянскомъ достоинствѣ, хотя бы эти предки и не имѣли дворянскаго достоинства. Это тѣмъ болѣе желательно, что казачья старшина прошлаго столѣтія, пользовавшаяся извѣстнымъ званіемъ лишь заурядъ, т.-е. по избраніи круга и лишь на время по-

хода, совершенно отсутствуетъ въ этихъ родословіяхъ, тогда какъ между ними много лицъ игравшихъ выдающуюся роль въ боевой жизни Дона. Мы не видимъ тамъ блестящихъ представителей казачества какъ Краснощековы, Фроловы, Сулины и многіе другіе. Если же будутъ вноситься имена принадлежавшія Донскимъ вождямъ, водившимъ храбрыхъ сыновъ Дона къ побѣдамъ, то конечно историческій интересъ этихъ родословій только выиграетъ; но нельзя не отмѣтить, что трудъ этотъ будетъ не легокъ, такъ какъ при этомъ нельзя будетъ ограничиться однимъ только архивомъ депутатскаго собранія, гдѣ почти нѣтъ документовъ старше начала нынѣшняго столѣтія, и при пользованіи имъ однимъ нельзя будетъ довести родословія до желанной полноты. Нѣтъ возможности связать нынѣшнихъ представителей лучшихъ Донскихъ фамилій съ ихъ славными предками, имена которыхъ досихъ поръ сохраняетъ Донской казакъ въ своихъ пѣсняхъ.

Какъ исключеніе, можно указать на Ефремовыхъ: въ документахъ, имѣющихся въ архивѣ Донскаго депутатскаго собранія, есть свѣдѣнія о всѣхъ представителяхъ ихъ рода, начиная съ Ефрема Петрова, пріѣхавшаго на Донъ въ 1670 году.

Намъ остается поздравить г. Пивоварова съ тѣмъ, что̀ уже имъ сдѣлано и пожелать полнаго успѣха въ его дальнѣйшихъ работахъ по приведенію въ извѣстность мало извѣстной до сихъ поръ жизни Донскаго казачества во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Леонидъ Савеловъ.

Коротоякъ.
23 Августа 1898.

Кому принадлежатъ Записки неизвѣстнаго лица.

Полковникъ Алексѣй Оскаровичъ Зеландъ любезно указалъ намъ, что часть этихъ Записокъ уже появилась въ печати («Историч. Вѣстникъ» 1887, кн. XI, стр. 408—424), гдѣ и названъ писавшій ихъ. Это—капитанъ *Степанъ Протасьевъ*, Тамбовскій помѣщикъ. Свѣдѣнія о немъ можно найти въ «Исторіи С.-Петербургскаго Гренадерскаго полка. Спб. 1892, стр. 181». Нѣкоторые характерные разсказы Протасьева опущены у насъ, другіе въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Очевидно, что рукописи разныя. П. Б.

леніи въ Россіи. Записка о жизни и дѣятельности Питта младшаго.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому и гр. А. А. Безбородко. Переписка его съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

XVII. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну.

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову. Д. П. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ. Н. Н. Новосильцова.

XIX. Переписка гр. С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову, В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова(. Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіей Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову.

XXII. Переписка гр. С. и Л. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и П. А. Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Логинова къ графу С. Р. Воронцову.

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма И. П. Голикова, А. В. Храповицкаго, П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова, о царствованіи Іоанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Rélation de la Révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ графинѣ А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышева Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898 года.

(Годъ 36-й).

«Русскій Архивъ» въ 1898 году выходитъ **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три большія книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный — **80** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

11.

Приложенъ портретъ Н. И. Ильминскаго

(къ стр. 267-й въ 10-мъ выпускѣ).

Предувѣдомленіе.

Гг. подписчики на „Русскій Архивъ“ 1899 года благоволятъ означать, при подпискѣ, какую именно книгу „Архива Князя Воронцова“ желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ къ „Русскому Архиву“ 1899 года. (Главное содержаніе этихъ книгъ приведено на оберткѣ 10-го выпуска „Русскаго Архива“ 1898 года).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1898.

НОВЫЯ КНИГИ.

Вл. Черевансній. Двѣ волны. Историческая хроника (1147—1898). 2 ч. Спб. 1898. Бол. 8-ка. Со многими рисунками.

Еще Пушкинъ въ 1825 году писалъ другу своему, моряку Матюшкину, проводившему цѣлые годы въ дальнихъ плаваніяхъ: „И снова ты бѣжишь Европы *обветшалой*". Можетъ быть, того же понятія о Европѣ былъ и Государь нашъ Александръ Александровичъ, пославшій своего Первенца и Наслѣдника въ образовательное путешествіе не на Западъ Европейскій, а къ берегамъ Тихаго океана, про который сказано, что это Средиземное море будущей всемірной исторіи. Царственное путешествіе и вслѣдъ за нимъ желѣзная дорога черезъ всю Сибирь суть событія всемірнаго значенія. Начинаетъ исполняться завѣтъ Петра Великаго, записанный Остерманомъ на его Нѣмецкой Библіи: „За тѣмъ и стали мы лицемъ къ Европѣ, чтобы потомъ отвернуться отъ нея". Отнынѣ Русскому человѣку предлежатъ новыя области вѣдѣнія, и мы должны знакомиться съ такими странами и народами, о которыхъ прежде не имѣли почти никакого понятія.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важна книга г-на Вл. Черевансклго. Двѣ волны означаютъ два движенія— Восточныхъ народовъ на Россію и поступательное распространеніе Россіи въ Восточную и Среднюю Азію. Безъ ученыхъ ссылокъ, но съ очевиднымъ знаніемъ дѣла сочинитель вводитъ читателя въ своеобразный міръ Монгольскихъ завоевателей. Чингисъ-ханъ и Батый наполняютъ собою первую книгу. Положеніе Русскаго человѣка подъ игомъ Татарскимъ изображено съ отмѣннымъ искусствомъ и, кажется, въ первый разъ высказанъ горькій упрекъ нашему духовенству за его своекорыстную покорливость. Завоеватель Тимуръ—настоящій геній. Авторъ очевидно увлеченъ Востокомъ и Азіею, и первая *волна* у него выходитъ, пожалуй, симпатичнѣе второй. Читатель можетъ также поставить ему въ вину излишнюю иногда хлесткость выраженій.

Сочиненіе это, появленіе котораго нельзя не привѣтствовать, оканчивается грозною картиною усиливающагося Магометанства и хронологическимъ перечнемъ событій, которыми означалось движеніе обѣихъ волнъ. Книги украшены многими рисунками, изъ которыхъ особенно любопытны изображенія Азіатскихъ предметовъ, находящихся въ собственномъ собраніи сочинителя. П. Б.

ОТГОЛОСОКЪ ПУГАЧЕВЩИНЫ НА УКРАЙНѢ*).

Въ Кіевѣ, во Фроловскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ находившихся рядомъ келіяхъ, жили двѣ женщины. Одна изъ нихъ была монахиня Піара, дѣвушка лѣтъ двадцати пяти; другая нѣкая Мароа Сычевская, вдова пятидесяти лѣтъ, не принявшая „чина ангельскаго“, но имѣвшая помѣщеніе въ монастырѣ.

Въ великій постъ 1787 года послѣ обѣда Сычевская услышала въ келіи своей сосѣдки шумъ и громкій разговоръ мужчины. Сычевская вся обратилась въ слухъ и, приложивъ ухо къ стѣнѣ, старалась не проронить ни единаго слова. Появленіе мужчины въ келіи монахини не удивило ея; но въ монастырѣ царили сплетни, дрязги, доносы, которыми обыкновенно и заполнялось время между церковными службами. Въ ожиданіи благопріятнаго повода къ чесанію языка на счетъ своей сосѣдки, Сычевская стала подслушивать, что̀ было не трудно, такъ какъ въ сосѣдней комнатѣ, видимо, пьяный мужчина говорилъ громко. Безсвязный его говоръ пересыпанъ былъ „ежечасно шуточными и издѣвочными на себя рѣчами“, въ родѣ: „Колычевъ-дурачекъ! Слава Богу, давшему намъ; слава Богу, приведшему насъ! Прошелъ всю Европію и Азію. Держи кувшинъ, не пролей молока!“

Услышавъ такія иносказательныя и важныя, какъ ей казалось, изреченія, Сычевская замерла отъ восторга: вступленіе обѣщало много занимательнаго.

Въ келіи между тѣмъ пьяный мужчина продолжалъ безъ умолку говорить разныя „другія пословицы“ въ томъ же духѣ. Онъ между прочимъ, „хвалился“ монахинѣ, что пожалованъ чиномъ и „прочимъ своимъ авантажемъ“ и чѣмъ-то стучалъ въ полъ. По временамъ Піара тоже что-то говорила; но сосѣдка не могла разслышать словъ ея. Сычевская только услышала, что на одинъ ея вопросъ гость отвѣчалъ „Екатерина“, а на его вопросъ Піара сказала „не умію“.

*) Матеріаломъ для этой статьи послужилъ „Экстрактъ, учиненный въ учрежденной по особому секрету коммиссіи, изъ дѣла, производимаго въ оной, о зломъ умыслѣ проживающей въ Кіевѣ полковницы Тюменевой и названнаго брата отставного прапорщика Колычева и племянника отставного капитана Спиридонова“. Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба, опись 193, связка 15.

Но скоро въ келіи все умолкло, что̀ еще болѣе показалось заманчивымъ любопытной вдовѣ. Спустя нѣсколько минутъ, Сычевская услышала, что дверь келіи тихо растворилась и кто-то вышелъ. Сгорая отъ любопытства, Сычевская тоже поспѣшила въ коридоръ и столкнулась съ Піарой. Монахиня таинственно поманила ее къ себѣ и, указывая въ открытую дверь келіи, тихо сказала:

— Посмотрите сего человѣка, на кого онъ похожъ; да хорошенько посмотрите!

Сычевская посмотрѣла и увидѣла спавшаго на лавкѣ какого-то въ военной формѣ и не первой уже молодости мужчину. Внимательно присмотрѣвшись, она отвѣчала, что не знаетъ его и видитъ въ первый разъ.

— А чи вы видѣли императора Петра Третьяго? спросила Піара.

— Въ живыхъ не видѣла, а видѣла только портретъ.

— Чи схожъ же сей съ нимъ? снова спросила Піара.

Эти вопросы показались Сычевской подозрительными. „Государевы слово и дѣло“ жили еще въ памяти народа. Сычевская испугалась.

— А что же-де это? спросила она Піару.

Словоохотливая монахиня, не замѣчая страха своей сосѣдки, спокойно продолжала:

— Кажутъ, що будто онъ, и яко бы доселѣ странствовалъ по разнымъ мѣстамъ. Это-де самый тотъ, который незадолго предъ симъ былъ у полковницы Тюменевой въ Донскомъ платьѣ, названный ея братъ; а нынѣ переодѣлся въ Нѣмецкое и хвалится, что пожалованъ маіоромъ.

Далѣе монахиня Піара сообщила Сычевской, что этотъ человѣкъ давалъ ей читать какія-то письма „отъ высокихъ лицъ“ къ нему, на что̀ она сказала, что читать не умѣетъ; что бывшую при немъ шпагу подарила ему „Екатерина“.

Послѣ того сосѣдки разошлись. Піара куда-то ушла, а Сычевская возвратилась къ себѣ въ комнату и, раздумывая надъ тѣмъ, какъ ей поступить, стала поджидать, что̀ будетъ дальше.

Чрезъ нѣкоторое время она услышала, что въ келію Піары пришла знакомая ей полковница Тюменева и начала будить спавшаго офицера: „Иванъ Андреевичъ, встань!“ Но Иванъ Андреевичъ спалъ богатырскимъ сномъ; его насилу растолкали и увели куда-то.

Зазвонили къ вечернѣ; всѣ отправились въ церковь.

Послѣ службы Піара зашла къ Сычевской и сказала ей, что за Тюменевой посылала она, чтобы та забрала своего родственника; что сія по-

слѣдняя сильно испугалась, увидя его въ келіи, и въ страхѣ спрашивала, не видалъ ли его кто. На это Сычевская замѣтила: „Что же ей (Тюменевой) бояться, если это дѣйствительно ея братъ?“

— Я-жъ тебѣ прежде говорила, чтобы ты присмотрѣлась хорошенько!

При этомъ Піара снова начала говорить, что это не простой человѣкъ, а Петръ Θеодоровичъ. На вторичное замѣчаніе Сычевской, что императоръ умеръ и „поминовеніе о немъ чинилось“ и „это такъ было въ Пугачевскій бунтъ“, Піара сказала:

— Тамъ дѣйствовалъ фельдмаршалъ его Пугачевъ, а онъ (императоръ) странствовалъ по разнымъ мѣстамъ и спасенъ былъ полковницею Тюменевою. Да и нынѣшняя война чрезъ него открылась [1]).

— Не дай, Боже! Развѣ намъ совсѣмъ пропасть! сказала Сычевская. Надо объявить!

— И я полковницѣ сказала: Вотъ вы, сударыня, открылись. Что, какъ скажу кому либо о семъ? А она мнѣ: „Пожалуй, скажи; въ ту минуту пропадешь ты, и я пропаду“.

Поговоривъ еще, сосѣдки разошлись.

Чрезъ нѣсколько дней, истопникъ, убирая монастырскую трапезную, нашелъ въ ней письмо на имя игуменьи Фроловскаго монастыря и передалъ ей. Письмо было такого содержанія.

„Ваше высокопреподобіе Августа Павловна [2]). По истинной совѣсти объявляю о полковницѣ, имѣвшей пребываніе въ монастырѣ здѣсь, которая теперь на квартирѣ съ названнымъ братомъ и племянникомъ: у нихъ злые и тайные умыслы, каковые въ Пугачевскій мятежъ были, что̀ и нынѣ хотятъ возбудить, что̀ достовѣрно мною слышано. Подъ клятвою Божіею объявляю, но объявить о себѣ боюсь. Они же всѣ соглашаются ѣхать: то какъ возможно, ускорьте“.

Полковница, о которой говорилось въ этомъ письмѣ, была нѣкая Марья Петровна Тюменева, женщина уже пятидесяти трехъ лѣтъ отъ роду. Отецъ ея былъ полный генералъ Кошкаревъ, а мать происходила изъ старинняго рода Пановыхъ, давшаго многихъ стольниковъ и воеводъ. Для того времени Тюменева была хорошо образована, знала Французскій и Нѣмецкій языки, хотя вслѣдствіе постояннаго вращенія въ болѣе низкихъ сферахъ успѣла

---

[1]) Т. е. вторая Турецкая война, начавшаяся осенью 1787 года, а разсказъ относится къ веснѣ этого года, когда императрица Екатерина жила въ Кіевѣ. Какъ это согласить? Не описка ли въ означеніи года? П. Б.

[2]) Опять противорѣчіе. По спискамъ іерарховъ и настоятелей монастырей, соч. П. М. Строева, игуменья Кіевскаго Фроловскаго монастыря Августа Апраксина опредѣлена туда только въ 1790 году. П. Б.

ихъ позабыть. Будучи еще дѣвицей, Тюменева, по ея словамъ, находилась при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны сначала камеръ-юнгферой, а послѣ фрейлиной. Замужемъ была за полковникомъ Олоненскаго драгунскаго полка; овдовѣвъ, пустилась странствовать по разнымъ Россійскимъ монастырямъ, совершая переѣзды изъ Пскова въ Харьковъ, изъ Харькова въ Петербургъ и пр. Чаще всего бывала она въ Псковѣ въ Предтеченскомъ монастырѣ. Она „посвятила себя служенію Богу" и странствовала по разнымъ городамъ за сборомъ подаяній для Псковской обители. Иногда Тюменева, не будучи монахиней, надѣвала рясу, „не ставила себѣ того въ предосужденіе", „чина же ангельскаго" не принимала, такъ какъ не могла подыскать для себя подходящаго монастыря: въ нѣкоторыхъ не было свободныхъ мѣстъ, а иной монастырь по недостаточному своему благочестію казался ей несоотвѣтствующимъ.

Въ 1786 году она появилась въ Кіевѣ и выпросила у митрополита Самуила позволеніе жить во Фроловскомъ монастырѣ, гдѣ въ отведенной келіи и поселилась. Но и здѣсь ей было не по душѣ. Она со всѣми ссорилась, жаловалась игуменьѣ на черницъ и жившихъ въ монастырѣ разныхъ „бѣлицъ", выставляя ихъ непорядочными. Тюменева показала митрополиту какой-то аттестатъ, выданный изъ Государственной Военной Коллегіи и изъ Управы Благочинія. Ей отвели отдѣльную келію, гдѣ она устроилась съ удобствами: при ней состояли крѣпостной ея крестьянинъ и назначенная отъ монастыря, въ качествѣ прислуги, „закелейница Великороссійской породы дѣвица Марѳа Милова". Вообще Флоровскій дѣвичій монастырь, какъ вѣроятно и многіе другіе, походилъ тогда на какую-то гостиницу, гдѣ въ келіяхъ рядомъ съ постриженными монахинями жили какія-то пришелицы въ родѣ Тюменевой. Къ нимъ приходили мужчины, пьяные, оставались ночевать; а къ этимъ „бѣлицамъ" „хаживали" въ гости молодыя монахини.

Тюменева разсказывала всѣмъ, что была когда-то очень богата, что у нея было помѣстье въ Казанской губерніи и восемь тысячъ крестьянъ, коихъ она продала; что у нея, кромѣ того, было три большихъ дома: два въ Петербургѣ и одинъ въ Ораніенбаумѣ; всего состоянія на пятьсотъ тысячъ. Тюменева любила разсказывать о своей жизни при дворѣ. Между прочимъ она не разъ говорила: когда императоръ Петръ Третій былъ арестованъ въ Ораніенбаумѣ, то графъ Алексѣй Орловъ отправилъ ее въ Петербургъ съ такими словами: „Поѣзжай, матушка, въ Петербургъ; тутъ не твое дѣло!" А послѣ извѣстнаго переворота онъ отнялъ у нея все ея состояніе. Съ нея сняли будто бы ленту статсъ-дамы и пожаловали княгинѣ Дашковой. Тюменева, съ помощью своего дяди Олсуфьева, хлопотала будто бы у императрицы Екатерины о возвращеніи состоянія; Императрица будто бы обѣщала, но послѣ позабыла, а дольше наскучать она не рѣшалась. И много подобныхъ исторій разсказывала Тюменева своимъ слушателямъ. Справедливы ли онѣ были, или нѣтъ, слѣдствіе не могло выяснить. Но, по всѣмъ вѣроятіямъ, Тюменева была самозванною ех-фрейлиною.

Правитель Кіевскаго намѣстничества генералъ-поручикъ Ширковъ позднѣе, когда назначено было слѣдствіе надъ Тюменевой, пріѣзжалъ къ ней и убѣждалъ сознаться. Онъ говорилъ, что, служа въ л.-г. Преображенскомъ полку двѣнадцать лѣтъ, онъ никогда не слыхалъ ни о полковникѣ Тюменевѣ, который служилъ якобы тоже въ Петербургѣ, ни о такой фрейлинѣ, а всѣхъ ихъ онъ, часто бывая при дворѣ, зналъ хорошо. Но полковница твердо стояла на своемъ и высказывала такое близкое знакомство съ придворною жизнію, что смутила самого Ширкова.

Игуменья Фроловскаго монастыря, получивъ найденный въ трапезной доносъ, препроводила его митрополиту Самуилу, а тотъ Кіевскому намѣстнику. Въ тоже время надзиратель подпоручикъ Забудскій подалъ городничему рапортъ, гдѣ доносилъ почти тоже, что было въ письмѣ къ игуменьѣ. Забудскій былъ женатъ на дочери Сычевской. Сія послѣдняя, услышавъ такія ужасныя вѣсти отъ Піары, два раза приходила къ своему зятю совѣтоваться, какъ ей поступить. Забудскій былъ тогда боленъ; поэтому мать и дочь рѣшили, для ускоренія дѣла, написать извѣстное письмо и незамѣтно подбросить его въ трапезную.

Генералъ Ширковъ, получивъ доносъ и рапортъ городничаго, усмотрѣлъ въ томъ важное дѣло. Онъ учредилъ „по особому секрету" коммиссію, поручивъ ей начать дѣло „о зломъ умыслѣ проживающей въ Кіевѣ полковницы Тюменевой и сообщниковъ ея: названнаго брата, отставного прапорщика Колычева и племянника отставного капитана Спиридонова". Коммиссія прежде всего распорядилась произвести обыскъ у названныхъ лицъ, а ихъ самихъ арестовать и заковать „въ желѣзо", назначивъ къ нимъ для наблюденія приставовъ и воинскій караулъ.

Одинъ изъ главныхъ привлеченныхъ къ слѣдствію людей былъ Иванъ Андреевичъ Колычевъ, тотъ, который пьянымъ приходилъ къ монахинѣ Піарѣ и безсвязный разговоръ котораго послужилъ поводомъ къ доносу.

Колычевъ происходилъ изъ однодворцевъ Воронежской губерніи; въ 1763 года онъ поступилъ на службу рядовымъ. Въ первую Турецкую войну служилъ онъ въ Старооскольскомъ пѣхотномъ полку. Во время вылазки изъ крѣпости Бендеръ, Колычевъ на глазахъ всей роты былъ взятъ въ плѣнъ Турками и подъ конвоемъ пересланъ въ г. Турну, гдѣ попалъ служителемъ къ Турку Усейму Бельбеку, у коего и проживалъ по день освобожденія изъ плѣна. По заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира Колычевъ, не знавшій даже о немъ, не былъ освобожденъ при общемъ размѣнѣ плѣнныхъ. Бельбекъ, будучи вполнѣ доволенъ Колычевымъ, оставилъ его своимъ невольникомъ, но оказывалъ ему извѣстное довѣріе. Исполняя должность приказчика, Колычевъ по торговымъ дѣламъ часто имѣлъ случаи ѣздить по разнымъ городамъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ изъ города Силистріи ему удалось бѣжать и по ночамъ и глухими мѣстами пробраться въ Молдавію, а оттуда

чрезъ Валахію въ Польшу. Дорогою на него напали разбойники, отняли двѣнадцать серебряныхъ левовъ, пистолеты, кинжалъ, сняли верхнее платье и, слегка ранивъ въ голову, отпустили. Колычевъ побрелъ въ Россію. По дорогѣ у казаковъ онъ выпросилъ кое-какое платье и въ нарядѣ Донского казака пришелъ въ Кіевъ, гдѣ прямо явился къ генералъ-адъютанту графу Ангальту и подалъ прошеніе, объяснивъ, кто онъ. Послѣ разныхъ хлопотъ и справокъ его уволили въ отставку съ чиномъ прапорщика. Въ то время Колычеву было уже сорокъ четыре года. Къ роли самозванца поэтому онъ не подходилъ: императоръ Петръ Третій, еслибы ему и удалось „спастись", считалъ бы себѣ тогда уже шестьдесятъ лѣтъ.

Въ Кіевѣ Колычевъ жилъ безъ дѣла и нанимался иногда на земляныя работы. На допросахъ онъ протестовалъ противъ „чрезвычайнаго преступленія", взводимаго на него. Онъ говорилъ, что только по возвращеніи изъ плѣна, въ Кіевѣ узналъ о бунтѣ Пугачевскомъ и о ходившей въ народѣ баснѣ, что Петръ III не умеръ, а вмѣсто него погребенъ другой. Онъ ссылался на свидѣтельство работавшихъ съ нимъ солдатъ, разсказывавшихъ ему обо всемъ этомъ. Слѣдователи не приминули этихъ солдатъ розыскать и разспросить. Солдаты показали, что ничего подобнаго не говорили и самого Колычева не помнятъ. Хотя слова Колычева и казались правдоподобными, но тѣнь осталась, а подозрѣніе усилилось.

Если Колычевъ и былъ въ чемъ-либо подобномъ виновенъ, то дѣйствовалъ только по наущенію другихъ; самъ онъ былъ неспособенъ на какіе-либо заговоры. Онъ былъ не болѣе, какъ пьяница, и легкомысленъ не по лѣтамъ. На нѣкоторое время онъ уѣзжалъ куда-то изъ Кіева и вернувшись началъ сорить деньгами и „упражняться въ пьянствѣ". Онъ завелъ знакомство съ отставными солдатами, съ писарями и т. п.; сталъ просиживать цѣлыми днями въ трактирахъ, гдѣ „нечувствительно напивался виноградныmъ виномъ и другими разными напитками до пьяна". Всѣ его собутыльники показывали послѣ, что, „упражняясь въ пьянствѣ" съ Колычевымъ, они не замѣчали за нимъ никакихъ „сумнительствъ", а говорили обыкновенно „объ игривыхъ похожденіяхъ", коими обыкновенно и оканчивалась каждая попойка. Колычевъ былъ большой Донъ-Жуанъ. На судѣ, въ качествѣ свидѣтелей, фигурировало много женщинъ разныхъ возрастовъ, до пятидесяти включительно, у коихъ онъ бывалъ „въ гостяхъ" послѣ кутежей, оканчивавшихся обыкновенно къ ночи. Колычевъ объяснилъ появленіе у него денегъ тѣмъ, будто бы ему выдали жалованіе за все время его пребыванія въ плѣну. Вообще Колычевъ часто лгалъ, давалъ сбивчивыя показанія и, будучи уличаемъ, ссылался обыкновенно на то, что былъ „нечувствительно пьянъ и послѣ не помнитъ". Онъ, напримѣръ, отрекся даже отъ того, что спалъ въ келіи у монахини Піары, а бывъ въ томъ уличенъ свидѣтелями, прибѣгъ къ обычному объясненію. Своимъ собутыльникамъ онъ иногда обѣщалъ доставить въ будущемъ „благополучіе" и дѣлалъ какіе-то и о чемъ-то туманные намеки. Но уличить его слѣдователямъ не удалось.

Внимательно слѣдя за каждымъ шагомъ обвиняемыхъ, они часто не могли выяснить, гдѣ былъ въ такой-то часъ Колычевъ. Откладывая все въ сторону, начинали доискиваться и привлекали десятки свидѣтелей. Послѣ тщательныхъ допросовъ и очныхъ ставокъ оказывалось, что Колычевъ пріятно проводилъ время у одной изъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, „съ коими былъ весьма близокъ", а свое запирательство объяснялъ „нечувствительностью" послѣ „упражненія". Колычевъ какъ бы потѣшался надъ слѣдователями. Что-то „сумнительное" несомнѣнно было во всемъ этомъ дѣлѣ, но открыть его комиссіи не удалось. Колычевъ былъ неудачно выбранъ орудіемъ для самозванства и если принялъ на себя эту роль, то не съ иною цѣлью, какъ „сладко попить и поѣсть".

Слѣдователи заподозрѣли, не совратился ли Колычевъ, будучи въ плѣну у Турокъ, для благъ житейскихъ, въ бусурманскую вѣру. Удостовѣриться въ томъ было поручено медику, который, произведя тѣлесный осмотръ, донесъ въ рапортѣ, что никакихъ поврежденій, недостойныхъ для Христіанина, не усмотрѣлъ.

Къ своей „сестрицѣ" Тюменевой Колычевъ относился также легкомысленно и, видимо, вступилъ въ это родство, преслѣдуя все туже цѣль. По этому поводу онъ далъ слѣдующее показаніе. По прибытіи въ Кіевъ, безъ цѣли ходилъ онъ по базару, не имѣя копѣйки денегъ въ карманѣ. Ему очень хотѣлось ѣсть и выпить. Проходилъ онъ какъ-то мимо монастыря. Стоявшая около его воротъ какая-то женщина обратилась къ нему съ вопросомъ: „Кто ты, человѣкъ, и откуда?" Онъ назвалъ свою фамилію. Женщина эта пустилась въ подробные разспросы и послѣ объявила, что она его сестра, такъ какъ отецъ Колычева былъ ея дядя, и просила своего такъ счастливо найденнаго брата къ себѣ на чай. Колычевъ охотно согласился на родство, а еще болѣе охотно отправился пить чай, коему должна была, по его понятіямъ, предшествовать закуска. У Тюменевой бездомный Колычевъ познакомился съ ея племянникомъ, капитаномъ Спиридоновымъ и съ того же дня водворился у него на квартирѣ.

Однажды Колычевъ сидѣлъ въ компаніи и „пилъ виноградное вино и разные другіе напитки". Въ кабакъ явились его родственники, сестра и братъ и тщетно старались вытащить его оттуда. Своимъ товарищамъ, по ихъ уходѣ, Колычевъ сказалъ, что этой старухи совсѣмъ не знаетъ и „почитаетъ ее за какую ни на есть сводню", на что̀ товарищи посовѣтовали „не связываться съ нею".

Изъ взаимныхъ отношеній родственниковъ не трудно было вывести заключеніе, что Тюменева и Спиридоновъ, слѣпо поступавшій по ея указаніямъ, внимательно слѣдили за поведеніемъ Колычева и всячески старались удерживать его отъ пьянства, какъ бы опасаясь, что онъ можетъ въ чемъ-то проговориться. Во всей этой заботѣ сказывалось нѣчто болѣе важное,

чѣмъ забота двоюродной сестры о сорока-четырехлѣтнемъ случайно найденномъ безпутномъ братѣ.

Упоминаемый выше, причастный дѣлу дворянинъ капитанъ Спиридоновъ былъ молодой человѣкъ двадцати лѣтъ, Петербургскій уроженецъ. Онъ былъ хорошо образованъ, зналъ языки. Службу свою онъ началъ въ л.-г. Преображенскомъ полку, а въ 1787 году изъ гвардіи перевелся въ армію, по правиламъ того времени, изъ сержантовъ капитаномъ и скоро вышелъ въ отставку. Тюменева была дѣйствительно его тетка, хотя онъ и не зналъ, родная ли, но была его крестная мать и на свой счетъ воспитала его послѣ смерти сестры своей, матери Спиридонова. О „дядѣ“ своемъ (Колычевѣ) Спиридоновъ ничего не могъ сказать и раньше о немъ ничего не слышалъ. Въ Кіевѣ капитанъ проживалъ подъ видомъ покупки лошадей для полка, по порученію князя Дашкова.

Первое время своего пребыванія въ Кіевѣ Спиридоновъ очень часто бывалъ въ монастырѣ у тетки, подолгу сиживалъ у нея, а иногда и оставался ночевать, о чемъ знала и настоятельница. Чрезъ нѣкоторое же время Тюменева, чтобы пользоваться большею свободою, переѣхала жить на квартиру своего племянника. Они втроемъ ютились въ одномъ „покойцѣ“, гдѣ часто и принимали гостей. О Спиридоновѣ ничего предосудительнаго изъ дѣла вывести нельзя, кромѣ нѣкоторой таинственности. Капитанъ показывалъ, что въ отношеніи къ своей теткѣ ничего „несоотвѣтствующаго благопристойности онъ съ нею не имѣлъ“ и „отъ него народнаго соблазна не было“. Спиридоновъ, также какъ и Колычевъ, настойчиво опровергалъ обвиненіе, на него взводимое. Онъ говорилъ, что служилъ всегда „по присягѣ“ вѣрно и самъ бы не преминулъ донести начальству, „если бы усмотрѣлъ въ чемъ противное интересу Ея Императорскаго Величества“.

Оправдываясь отъ обвиненія въ распространеніи преступныхъ слуховъ, Тюменева показала, что во время смерти императора Петра III она была въ Петербургѣ и „сама лично“ видѣла тѣло его; поэтому могла ли бы она выдумать такую ни съ чѣмъ несообразную исторію? Она принимала у себя монахиню Піару за ея, какъ ей казалось, благочестивую жизнь, при чемъ бесѣдовала съ нею, какъ и съ другими своими гостями, исключительно о духовномъ. О мнимомъ же спасеніи императора ничего и никому не говорила. Если же Колычевъ и называлъ себя Петромъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, то она о томъ „ничего не вѣдаетъ“.

На допросахъ Тюменева держала себя смѣло, часто принимала оскорбленный видъ и была недовольна очными ставками „съ какою-то монахиней“.

Намѣстникъ Ширковъ въ рапортѣ своемъ къ графу Румянцеву писалъ, что онъ „персонально примѣчалъ“, какъ Тюменева прикидывалась иногда нѣмою, „видя близкія доказательства“. Призванный докторъ „при-

ставилъ ей Шпанскія мухи и другія лѣкарства, по своему искусству, употребилъ", послѣ чего къ полковницѣ возвращался даръ слова. На очныхъ ставкахъ съ Піарою, главнымъ образомъ уличавшею ее въ распространеніи слуховъ о спасеніи Петра III, Тюменева падала въ обморокъ „отъ внутренняго душевнаго безпокойства".

При обыскѣ въ квартирѣ трехъ родственниковъ ничего не оказалось предосудительнаго, но изъ найденныхъ нѣсколькихъ писемъ содержаніе трехъ показалось коммиссіи нѣсколько подозрительнымъ. Въ одномъ изъ нихъ какой-то Маркъ Бахановскій писалъ своему пріятелю, квартирному хозяину Спиридонова, Мартыну Грищенкѣ какую-то безсмысленную ерунду или, по опредѣленію акта въ обыскѣ, какіе-то „аллегорическіе термины". Призванный сочинитель письма и получившій оное объяснили, что, за долго еще до переѣзда Спиридонова на квартиру, они, шутки ради, писали другъ другу такія письма. Одно изъ нихъ и осталось въ ящикѣ стола въ комнатѣ, гдѣ поселились послѣ капитанъ съ тетушкой. Слѣдователи повѣрили этому объясненію и распорядились подлинное письмо „истребить", а отъ нихъ (Бахановскаго и Грищенка) отобрать подписку, „что впредъ такихъ сумнительныхъ аллегорическихъ писемъ писать не будутъ".

Въ другомъ найденномъ письмѣ Тюменева писала кому-то о намѣреніи своемъ ѣхать въ Сибирь; а въ третьемъ она увѣряла Колычева, что „его высочество великій князь сюда не будетъ" и чтобы онъ, Колычевъ, ѣхалъ „во свояси". Относительно перваго письма Тюменева показала, что писала его было къ своему двоюродному брату полковнику Кочетову, но отправить не успѣла. Въ немъ она сообщала о намѣреніи своемъ ѣхать въ Петербургъ хлопотать о пожалованіи племяннику въ отставкѣ чина маіора, и о переводѣ его на службу въ Сибирь, куда обыкновенно переводили двумя чинами. Въ третьемъ же письмѣ она отвѣчала Колычеву на его сообщеніе о слухѣ, что наслѣдникъ трона ѣдетъ путешествовать и будетъ въ Кіевѣ. „Ѣхать во свояси" писала потому, что знала безпокойный нравъ и буйный характеръ своего брата, за который онъ уже былъ однажды арестованъ въ г. Золотоношѣ, когда онъ чрезъ нее проѣзжалъ, и получилъ также предписаніе оставить Кіевъ. Въ Золотоношѣ даже пошли какіе-то слухи о его самозванствѣ, хотя и очень туманные. Въ нихъ ему, впрочемъ, удалось оправдаться.

Главный свидѣтель, настойчиво и опредѣленно обвинявшій Тюменеву, была монахиня Піара. Повидимому, она говорила правду, хотя съ самаго начала и навлекла на себя подозрѣніе, не вѣрно показавъ свои лѣта: она, что удивительно, прибавила себѣ, вопреки обыкновенію убавлять, цѣлыхъ десять лѣтъ. Послѣ многократныхъ допросовъ и увѣщаній священникомъ не таить ничего, Піара къ своимъ прежнимъ показаніямъ прибавила еще слѣдующее.

Однажды она сидѣла въ гостяхъ у Тюменевой и пила чай. Въ то время съ шумомъ открылась дверь и въ комнату ввалился человѣкъ въ

какомъ-то пестромъ халатѣ. Піара перепугалась и хотѣла было уйти, но неизвѣстный (то былъ Колычевъ) успокоилъ ее, говоря: „не бойся, матушка, я не Москаль, а казакъ“. Въ обращеніи этого казака съ Тюменевой монахиня замѣтила нѣчто, показавшееся ей подозрительнымъ. По этому чрезъ нѣсколько дней Піара, подстрекаемая любопытствомъ, явилась къ Тюменевой и, осторожно, какъ бы случайно заведя разговоръ, спросила, кто этотъ человѣкъ, такъ ее напугавшій. Тюменева отвѣчала:—„Такъ, странствуетъ по всему свѣту“. На просьбы Піары объяснить опредѣленнѣе, Тюменева ничего не отвѣчала и перемѣнила разговоръ. Чрезъ нѣкоторое время полковница спросила свою гостью, не выдастъ ли она кому-либо того, что̀ она готова открыть ей. Піара поклялась. Тогда Тюменева спросила, не слыхала ли она объ императорѣ Петрѣ III. Піара отвѣчала, что давно „публиковано въ манифестѣ“ о его смерти. Тюменева на это сказала:—„Не правда; вмѣсто него похороненъ былъ какой-то солдатъ, а императоръ спасся, и тотъ Колычевъ именно онъ и есть“.

Піара показывала, что сильно испугалась и, думая, что Тюменева сошла съ ума, поспѣшила уйти отъ нея. Послѣ этого полковница не разъ говорила ей тоже самое, что „онъ императоръ странствуетъ по всему свѣту“.

Тюменева отвергала показанія монахини и пыталась даже запутать въ дѣло настоятельницу монастыря Августу *). Она показала, будто Піара однажды сообщила ей, что игуменья призывала ее къ себѣ въ келію, гдѣ, какъ она послѣ узнала, за дверью стоялъ городничій, и убѣждала сказать ей, какіе Тюменева вела съ нею развоворы объ императорѣ Петрѣ III.

Очная ставка, данная по этому поводу, не привела ни къ чему. Обѣ стороны стояли на своемъ: Тюменева, что никогда подобныхъ разговоровъ съ Піарою не вела, а бесѣдовала лишь только о духовномъ; Піара, что все сказанное ею—истинная правда. Тюменева ударилась въ обиду и заявила, что съ монахинею не хочетъ имѣть никакого дѣла, пока она не будетъ лишена монашества, и требуетъ, чтобы для допроса ее повели бы къ графу Румянцеву-Задунайскому, такъ какъ комиссія держитъ сторону Піары.

Итакъ, комиссіи не удалось добиться ничего опредѣленнаго: всѣ родственники отрицали взводимыя на нихъ обвиненія. Въ упорствѣ особено отличалась Тюменева. Видимо, если во всемъ томъ и было нѣчто „сумнительное“, то могло исходить только отъ этой послѣдней. Прапорщикъ же Колычевъ, если и пытался изобразить изъ себя Петра, то дѣйствовалъ исключительно по наущенію Тюменевой; самъ же по себѣ онъ болѣе предпочиталъ упражняться въ пьянствѣ и любовныхъ похожденіяхъ.

Смѣлые протесты обвиняемыхъ повергли комиссію въ недоумѣніе, что̀ ей дѣлать. Она, видимо, даже заколебалась, какъ ей взглянуть на то

*) Игуменья Августа была урожденная графиня Ягужтнская; мужъ ея, графъ Апраксинъ, ее покинулъ. П. Б.

дѣло, или какъ на важное, грозившее породить большіе безпорядки, или какъ на обычный тому времени доносъ, сдѣланный по злобѣ или легкомыслію. Тѣмъ не менѣе, въ дѣлѣ этомъ чувствовалось все-таки что-то „сумнительное“. Особенно показанія наивной Піары казались правдоподобными и служили большою уликою. Комиссія заканчивала уже слѣдствіе, не собравъ явныхъ уликъ и не прійдя ни къ какому заключенію; но неожиданное новое обстоятельство прекратило ея колебаніе въ этомъ отношеніи.

Въ комиссію поступилъ рапортъ прапорщика Харитонова, коему былъ порученъ присмотръ за Тюменевой. Въ немъ онъ доносилъ, что бывшіе въ караулѣ капралъ Гавриловъ, рядовые Ивановъ и Дубинъ показали ему слѣдующее. Во время его, Харитонова, отсутствія, Тюменева, обратившись къ караульнымъ, сказала: „Не умѣете вы хлѣба ѣсть! Въ Петербургѣ такіе же солдаты, взявъ деньги, выпустили арестанта; и какъ тотъ арестантъ, такъ и они понынѣ живы“. Солдатъ допросили, и они подтвердили сообщеніе прапорщика, показавъ при томъ, что арестантка не разъ принималась имъ разсказывать подобныя исторіи и смѣялась надъ ними, говоря: „Конечно вы не Русскіе и не крещеные! Да и какіе вы солдаты? Вы олухи, не умѣете хлѣба ѣсть! А какъ у насъ, бывало, въ Петербургѣ не такіе солдаты и то единожды выпустили важнаго колодника въ окошко, взявъ съ него немало денегъ“. А на замѣчаніе одного караульнаго: „кто, такимъ образомъ, деньги отъ колодниковъ беретъ, тотъ на свѣтѣ мало живетъ“, Тюменева сказала: „не правда, и тотъ колодникъ, и тѣ солдаты и теперь живутъ и денежки имѣютъ“.

Въ другой разъ Тюменева разсказывала солдатамъ, что караульные такимъ же образомъ выпустили въ Псковѣ въ окно арестантку, богатую купчиху, взявъ съ нея двѣ тысячи рублей.

Въ этомъ комиссія усмотрѣла важное обвиненіе и несомнѣнную улику противъ Тюменевой, заключивъ, что она съ умысломъ разсказывала подобныя исторіи солдатамъ, разсчитывая поколебать ихъ вѣрность и тѣмъ подготовить средства къ побѣгу. Тюменева, будучи допрошена по этому поводу, заперлась, утверждая, что подобныхъ словъ она не говорила, а вела разговоръ съ солдатами отъ скуки, безъ всякаго умысла, для препровожденія времени. О томъ же, что караульные выпустили въ Псковѣ арестантку, она дѣйствительно разсказывала, но тогда же прибавила, что солдаты за это были сосланы.

Кромѣ донесенія прапорщика Харитонова, въ комиссію поступилъ еще рапортъ квартальнаго Киселевскаго. Онъ доносилъ, что Тюменева, идя съ нимъ въ комиссію для допроса, завела разговоръ, подобный тѣмъ, о которыхъ показывала Піара. На очной ставкѣ съ квартальнымъ Тюменева, по обыкновенію, заперлась, показавъ, что она „и не думала“ ничего подобнаго говорить.

Комиссія пришла къ заключенію, что Тюменева и ея сообщники, хотя противъ нихъ явныхъ уликъ и не было, тѣмъ не менѣе виновны „въ зломъ умыслѣ, ибо разнорѣчили и точнаго признанія не учинили“.

Вполнѣ законченное слѣдствіе было коммиссіею представлено намѣстнику Ширкову, а тотъ препроводилъ „экстрактъ“ изъ него генералъ-фельдмаршалу, командующему Украинскою арміею графу Румянцеву - Задунайскому. Фельдмаршалъ, внимательно слѣдя за ходомъ дѣла, часто понуждалъ комиссію спѣшить его окончаніемъ.

Въ своемъ заключеніи къ дѣлу генералъ Ширковъ писалъ, что, дѣлая очныя ставки обвиняемымъ, онъ замѣтилъ „нѣкотораго рода расколъ, ханжество и бродяжество Тюменевой; она завлекала къ тому же свою вымышленную родню, монахиню, которой не болѣе двадцати пяти лѣтъ (она показывала себѣ 35) и двадцати-лѣтняго капитана Спиридонова“. Основываясь на свѣдѣніяхъ, собранныхъ городничимъ, Ширковъ приходилъ къ убѣжденію, что Тюменева составляетъ какую-то секту и вербуетъ въ нее молодыхъ людей; что она очень неспокойнаго нрава, дѣлала въ монастырѣ постоянныя „безпокойства“ и „къ крайнему предосужденію своего званія бродитъ въ рубищахъ по базару, соблазняя простой народъ, который почитаетъ ее набожною, на дѣлѣ же она не болѣе, какъ развратительница молодыхъ людей“. Она, напримѣръ, ютилась съ двумя мужчинами въ одной комнатѣ, выбирая квартиры въ глухихъ переулкахъ, „въ самыхъ негодныхъ избушкахъ“.

„Очень вѣроятно, прибавлялъ Ширковъ (въ рапортѣ своемъ графу Румянцеву отъ 18 Марта 1788 года), что Тюменева, будучи коварнаго, высокомѣрнаго и предпріимчиваго духа, сумѣла подобрать подражателей злымъ своимъ замысламъ, Спиридонова и Колычева, называя ихъ родственниками, но, какъ слѣдствіе показало, того не было, отвлекая Спиридонова отъ службы, а Колычева, по склонности распутной жизни, уговорила на все“.

Подлинное слѣдственное дѣло Кіевскій намѣстникъ препроводилъ „для осужденія по силѣ указовъ“ въ Кіевскій Земскій Судъ.

Чѣмъ рѣшилъ Судъ это дѣло, неизвѣстно; но по всему можно заключить, что Тюменева со своими родственниками совершила на казенный счетъ путешествіе въ далекую Сибирь.

Евгеній Альбовскій.

ГАВРІИЛЪ БОДОНИ.

Въ 1894 году въ Кишиневѣ напечатана была г. Стадницкимъ книга о митрополитѣ Гавріилѣ Банулеско-Бодони, экзархѣ Молдовлахійскомъ (1808—1812) и митрополитѣ Кишиневскомъ (1813 – 1821 г.). Предметъ, затронутый авторомъ, очень важенъ для исторіи Русской церкви въ царствованіе Александра I, но въ тоже время мало извѣстенъ въ печати. Г. Стадницкій взялъ на себя трудъ изучить избранный имъ предметъ на основаніи архивнаго матеріала, какой имѣлся у него подъ руками на мѣстѣ. Къ этому онъ присоединилъ нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ печатныхъ сочиненій, изданныхъ за границей въ Румыніи и на Румынскомъ языкѣ. Самый поверхностный взглядъ на книгу свидѣтельствуетъ о большомъ знакомствѣ автора съ богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ, какой представляли ему архивы мѣстныхъ административныхъ учрежденій до такой степени, что онъ даже забываетъ справляться съ матеріалами, уже имѣвшимися въ печати [1]), а пользуется ими прямо по первоисточникамъ. Впрочемъ задачею нашей статьи служитъ не столько критическій разборъ книги г. Стадницкаго, сколько *дополненіе ея.* Дѣло въ томъ, что добросовѣстный трудъ его очень много теряетъ свою цѣнность оттого, что въ немъ встрѣчаются пробѣлы, недомолвки, дополнить которые было не по силамъ автора, пользовавшагося только мѣстными архивными источниками. Трудъ г. Стадницкаго получилъ бы совершенно законченный видъ, если бы авторъ его ознакомился съ синодальнымъ архивомъ. Принятая на себя изслѣдователемъ задача писать спеціальное сочиненіе объ іерархическомъ лицѣ, да при томъ на ученую степень, возлагала на него прямую обязанность познакомиться съ матеріалами, имѣющимися въ архивѣ высшаго церковнаго управленія. Этотъ пробѣлъ чувствуетъ и самъ писатель: онъ, напримѣръ, говоря объ одномъ дѣлѣ, прямо заявляетъ, что оно дошло до Петербурга, «но какимъ путемъ, неизвѣстно» [2]). А между

---

[1]) Напримѣръ, совершенно пропущена статья Зыкова, напечатанная въ Кишиневск. Епарх. Вѣдом. 1879 г. № 14–15.

[2]) Стр. 163.

тѣмъ въ синодальномъ архивѣ имѣются важные документы, которые очень просто разъясняютъ то, что̀ неизвѣстно для г. Стадницкаго.

Цѣлію настоящей статьи мы поставляемъ восполненіе книги г. Стадницкаго данными, почерпнутыми изъ синодальнаго архива. Для того чтобы читатели, незнакомые съ книгою о митрополитѣ Гавріилѣ Бодони, могли составить о немъ болѣе или менѣе ясное представленіе, мы постараемся изложить краткій біографическій очеркъ этого архипастыря на основаніи изданной книги, а спеціально будемъ останавливаться только на такихъ пунктахъ, на которые у насъ подъ руками имѣются новые, не затронутые авторомъ, матеріалы.

I.

Митрополитъ Гавріилъ Банулеско-Бодони принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ Русскихъ архипастырей конца XVIII и начала XIX вѣка. Будучи Молдаваниномъ по происхожденію, по воспитанію и служенію своему онъ былъ вполнѣ Русскимъ. Гавріилъ Бодони родился въ 1746 году въ городѣ Быстрицѣ въ Трансильваніи отъ дворянина Григорія Банулеско-Бодони и второй его жены Анастасіи и нареченъ при крещеніи Григоріемъ. Отецъ его принадлежалъ къ одной почтенной Молдавской фамиліи, переселившейся въ Трансильванію изъ Молдавіи. О первыхъ годахъ жизни Гавріила мало извѣстно; обстановка его, вѣроятнѣе всего, была бѣдна, о чемъ можно заключать изъ того, что мальчикъ Григорій какъ началъ, такъ и кончилъ свое обученіе, пользуясь заботами родственниковъ, а не родныхъ отца и матери. Первоначальное его обученіе началось въ Быстрицкомъ училищѣ, но скоро онъ отсюда взятъ былъ своимъ дядею по матери сельскимъ священникомъ по близости г. Быстрицъ, который научилъ его, насколько самъ зналъ, Молдавской грамотѣ. Добрый дядя на собственныя средства отправилъ девятилѣтняго своего племянника въ Седмиградскую нормальную школу, въ которой онъ изучилъ между прочимъ Латинскій и Славянскій языки. По окончаніи обученія въ нормальной школѣ Банулеско, въ образовательныхъ цѣляхъ, посѣтилъ Будупештъ и другіе большіе города Венгріи. Но любознательный юноша далеко не считалъ свое образованіе законченнымъ. Въ 1771 году онъ отправился для поступленія въ Кіевскую Духовную Академію и впродолженіе двухъ лѣтъ слушалъ курсъ богословскихъ наукъ. Молодой Банулеско всей душой стремился къ родной Молдавіи и Валахіи, гдѣ въ то время господствующимъ языкомъ былъ Греческій. Не обладая достаточнымъ знаніемъ Греческаго языка, Григорій Банулеско рѣшился для изученія его предпринять путешествіе въ Грецію и провелъ нѣ-

сколько времени, обучаясь въ высшихъ Греческихъ школахъ острововъ Хіоса, Патмоса, а также Аѳонской горы и города Смирны. Пробывъ около трехъ лѣтъ въ разныхъ Греческихъ школахъ, Банулеско въ 1776 году возвратился къ себѣ на родину въ Трансильванію и здѣсь въ продолженіе года занималъ должность учителя въ одномъ изъ Седмиградскихъ городовъ, именно Насаудѣ. Но молодой ученый, любившій педагогическое дѣло, не хотѣлъ служить Австріи, а стремился въ родную Молдавію и прибылъ въ Яссы. Молдавскимъ митрополитомъ въ это время былъ Гавріилъ изъ Молдавской фамиліи Калимаховыхъ, человѣкъ образованный и мудрый. Къ нему-то и явился молодой пришелецъ изъ Трансильваніи съ просьбою о поддержкѣ въ незнакомой, но родственной странѣ. Митрополитъ дружелюбно принялъ молодого человѣка и вскорѣ назначилъ его учителемъ Латинскаго языка въ Ясское княжеское училище, гдѣ молодой наставникъ познакомился и даже подружился съ ученымъ Грекомъ Никифоромъ Ѳеотоки, впослѣдствіи архіепископомъ Словенскимъ, а потомъ Астраханскимъ. Недолго учительствовалъ въ Яссахъ молодой Банулеско: митрополитъ Гавріилъ высоко цѣнилъ умъ и дарованія пришельца и задался планомъ приготовить изъ него высокопросвѣщеннаго дѣятеля для церкви. Съ этою цѣлію онъ предложилъ ему во второй разъ отправиться въ Грецію для усовершенствованія въ знаніи Греческаго языка. На этотъ разъ добрый митрополитъ снабдилъ молодого ученаго деньгами для путешествія и рекомендательными письмами къ Константинопольскому патріарху, въ которыхъ онъ просилъ послѣдняго дать его посланнику средства для проѣзда на о. Патмосъ. Банулеско съ радостію принялъ предложеніе Молдавскаго митрополита, своего благодѣтеля, и въ 1779 году отправился въ Константинополь, гдѣ радушно былъ принятъ вселенскимъ патріархомъ. Во время своего кратковременнаго пребыванія въ Константинополѣ въ томъ же 1779 году онъ принялъ монашеское постриженіе въ Успенскомъ монастырѣ отъ митрополита Парѳенія Черники и названъ по имени своего благодѣтеля Гавріиломъ. Вскорѣ послѣ того молодой монахъ отправился и прибылъ на о. Патмосъ и поступилъ въ число учениковъ тамошняго училища. Здѣсь монахъ Гавріилъ усердно взялся за изученіе древняго и современнаго Греческаго языка, и въ теченіе трехлѣтняго пребыванія его на о. Патмосѣ ему удалось въ совершенствѣ изучить Греческій языкъ. Точно также, только въ точности неизвѣстно когда именно, Гавріилъ пріобрѣлъ знаніе и новаго Французскаго языка, которымъ онъ владѣлъ и на которомъ писалъ такъ, какъ настоящій природный Французъ. На третій годъ пребыванія Гавріила на о. Патмосѣ, тамъ открылась чума, и училище было временно закрыто. Молодой монахъ хотѣлъ бы еще продолжать свое образова-

ніе, но не могъ по случаю эпидеміи и потому долженъ былъ позаботиться о возвращеніи въ Молдавію. Митрополитъ Гавріилъ обрадовался своему питомцу и предложилъ ему мѣсто учителя Греческаго языка въ Ясскомъ училищѣ, остававшееся свободнымъ послѣ отъѣзда въ Россію іеромонаха Никифора Ѳеотоки. 31 Августа митрополитъ рукоположилъ монаха Гавріила въ іеродіакона, а 1 Сентября въ іеромонаха и назначилъ его проповѣдникомъ Слова Божія Ясской митрополіи. Но и на этотъ разъ недолго пришлось Гавріилу служить въ Яссахъ. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ безпорядковъ въ Ясскомъ княжескомъ училищѣ онъ рѣшился оставить Яссы и, воспользовавшись предложеніемъ своего прежняго сослуживца и друга Никифора Ѳеотоки, занимавшаго уже въ это время мѣсто архіепископа Словенскаго, перейти къ нему на службу, удалился изъ Молдавіи. Въ Іюлѣ 1782 года онъ уже находился въ Полтавѣ. Архіепископъ Никифоръ опредѣлилъ пріѣзжаго ученаго іеромонаха учителемъ Греческаго языка въ Словенскую семинарію, а въ слѣдующемъ 1783 году сдѣлалъ его префектомъ той же семинаріи. Но и здѣсь педагогическая дѣятельность Гавріила продолжалась очень короткое время. Въ 1784 году, подъ предлогомъ болѣзни, но на самомъ дѣлѣ по другимъ причинамъ, связаннымъ съ послѣдними событіями въ Молдавіи, іеромонахъ Гавріилъ отказался отъ занимаемыхъ имъ должностей и отправился въ Яссы, заѣхавъ на нѣкоторое время въ Кіевъ. Митрополитъ Молдавскій Гавріилъ 25 Марта 1785 года рукоположилъ своего питомца въ архимандрита. Въ 1786 году, по кончинѣ митрополита Гавріила и вслѣдствіе перемѣнъ въ іерархіи Молдавской церкви, архимандритъ Гавріилъ Банулеско народнымъ выборомъ выставленъ былъ кандидатомъ на каѳедру епископа Романскаго, что̀ вполнѣ соотвѣтствовало послѣднимъ предсмертнымъ распоряженіямъ митрополита. Только корыстолюбіе Греческихъ чиновниковъ, окружавшихъ дворъ Молдавскаго господаря, помѣшало этому рукоположенію: каѳедра Романскаго епископа предоставлена была одному Греку. Обиженный несправедливостію Молдавскаго правительства, архимандритъ Гавріилъ немедленно оставилъ Яссы и прибылъ въ Гуши къ мѣстному епископу Іакову, который радушно принялъ обиженнаго архимандрита и назначилъ его экзаменаторомъ и проповѣдникомъ въ своей епархіи. Такая должность не могла удовлетворить его. Въ 1787 году, во время второй Турецкой войны, бѣжалъ въ Россію Молдавскій господарь Александръ Маврокордато и по распоряженію Русскаго правительства поселился въ Полтавѣ. Вслѣдъ за господаремъ прибыли въ Полтаву и многіе Молдавскіе бояре и между ними архимандритъ Гавріилъ Банулеско. Маврокордато обласкалъ ученаго и всесторонне-образованнаго архимандрита, сдѣлалъ его учителемъ своихъ дѣтей и своимъ домаш-

нимъ священнослужителемъ. По рекомендаціи Молдавскаго господаря архіепископъ Екатеринославскій Амвросій обратилъ свое вниманіе на пріѣзжаго скромнаго архимандрита. Въ Декабрѣ 1787 года архіепископъ Амвросій написалъ въ Святѣйшій Сѵнодъ просьбу о позволеніи принять Гавріила въ свою епархію. Сѵнодъ далъ просимое разрѣшеніе, и архимандритъ Гавріилъ назначенъ былъ ректоромъ Екатеринославской семинаріи и вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ Греческаго языка. «Дѣятельность Гавріила на педагогическомъ поприщѣ была весьма плодотворна», какъ говоритъ г. Стадницкій въ своемъ изслѣдованіи, «особенно какъ преподавателя Греческаго языка, который онъ зналъ въ совершенствѣ; на ряду съ архіепископомъ Евгеніемъ Булгарисомъ и Никифоромъ Өеотоки, архимандритъ Гавріилъ вполнѣ можетъ называться творцомъ Греческой школы въ Россіи, давшей такихъ знаменитыхъ эллинистовъ каковы: Мартыновъ, Гнѣдичъ, Огинскій и другіе».

Въ 1787 году открылась вторая Турецкая война. Молдавія была занята Русскими войсками, находившимися подъ командою сначала графа П. А. Румянцева, а потомъ князя Г. А. Потемкина. Около этого времени (1788 г.) скончался митрополитъ Молдавскій Леонъ [1]). 23-го Августа 1789 года состоялся указъ Екатерины Св. Сѵноду, которымъ князю Потемкину предоставлялось право «на праздное мѣсто митрополита Молдавлахійскаго избрать изъ *тамошней націи* особу въ *вѣрности испытанную* и потребныя къ тому достоинства имѣющую», а Сѵноду повелѣвалось возложить на преосвященнаго Екатеринославскаго Амвросія посвященіе сего избираемаго митрополита [2]). Изъ этого указа прямо видно, что про избраніе Молдавскаго митрополита *самою Молдавскою націею*, о чемъ, какъ о достовѣрномъ, говоритъ г. Стадницкій въ своемъ сочиненіи, не могло быть даже и рѣчи. Все избраніе кандидата на митрополію предоставлялось одному главнокомандующему. Точно также само собою падаетъ и другое положеніе г. Стадницкаго о томъ, что избраніе націею въ Молдавскаго митрополита архимандрита Гавріила Банулеско было утверждено Русскою властію, хотя послѣдняя и отложила посвященіе его во епископа. Тотчасъ по полученіи высочайшаго указа отъ 23 Августа, Сѵнодъ 24 Августа послалъ указъ архіепископу Амвросію, въ которомъ сдѣлалъ всѣ распоряженія для хиротоніи, послалъ чинъ хиротоніи и присяги, при чемъ *для ускоренія дѣла* предоставлялось Амвросію измѣнить текстъ самой

---

[1]) Далѣе мы излагаемъ событія по подлинному дѣлу архива Св. Сѵнода, которое было неизвѣстно г. Стадницкому, допустившему оттого въ своемъ сочиненіи нѣкоторыя неясности и неправильности.

[2]) Дѣло Св. Сѵнода 1789 г. № 102.

присяги, соображаясь съ мѣстными условіями и обстоятельствами, безъ сношенія съ Сѵнодомъ, а только «съ апробаціи» главнокомандующаго князя Потемкина. Князь Потемкинъ, съ высочайшаго соизволенія, не дожидаясь хиротоніи новаго Молдавскаго митрополита, причислилъ къ арміи архіепископа Екатеринославскаго Амвросія, который, будучи еще на пути въ Молдавію, вызвалъ изъ Полтавы архимандрита Гавріила Банулеско, какъ человѣка близко знакомаго съ занятою Русскими войсками страною, и потому могущаго быть хорошимъ помощникомъ архіепископу. 22 Декабря 1789 года императрица Екатерина объявила Св. Сѵноду новый указъ, которымъ находившійся при Русской арміи архіепископъ Амвросій получалъ званіе мѣстоблюстителя Молдавлахійской митрополіи, а въ помощь ему повелѣвалось посвятить епископомъ Бендерскимъ и Бѣлградскимъ архимандрита Гавріила Банулеско. Обо всемъ этомъ немедленно дано было знать князю Потемкину и архіепископу Амвросію. 11 Января 1792 года блюститель Молдовлахійской митрополіи рапортовалъ Св. Сѵноду, что за смертью князя Потемкина онъ замедлилъ совершить рукоположеніе Гавріила во епископа. Потомъ архіепископъ Амвросій сообщалъ Сѵноду, что, по сношеніи его съ графомъ Александромъ Андреевичемъ Безбородко, онъ совершилъ хиротонію Гавріила во епископа 26 Декабря 1791 года, въ Яссахъ въ храмѣ Вознесенія, что̀ въ монастырѣ Іоссіи, вмѣстѣ съ преосвященнымъ митрополитомъ Іоною Травельскимъ (изъ Грузіи) и Григоріемъ Іерапольскимъ. Новорукоположенный епископъ сталъ въ положеніе викарія къ преосвященному Амвросію и поселился въ Яссахъ вмѣстѣ съ мѣстоблюстителемъ въ монастырѣ Іоссіи *).

29 Декабря 1791 года въ Яссахъ заключенъ былъ мирный договоръ съ Портой, по которому Молдавія и Валахія должны были снова войти въ составъ Турціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Молдавлахійская церковь по прежнему переходила въ вѣдѣніе Константинопольскаго патріарха. Совершенно непонятно послѣ этого высочайшее повелѣніе императрицы Екатерины, въ силу котораго 11 Февраля 1792 г. епископъ Аккерманскій (Бѣлградскій) и Бендерскій Гавріилъ назначенъ былъ митрополитомъ Молдавлахійскимъ. Это странное назначеніе послужило впослѣдствіи источникомъ лишнихъ хлопотъ для Русскаго правительства и поводомъ къ непріятностямъ для новоназначеннаго митрополита Молдавскаго. Въ Яссахъ съ давнихъ временъ установился «особый чинъ возведенія на престолъ митрополіи Молдавскія». По этому самому чину вступилъ на митрополичій престолъ Молдавіи и митрополитъ Гавріилъ. Онъ сдѣлалъ собственноручный списокъ «чина возведенія», а преосвя-

*) Дѣло архива Св. Сѵнода 1789 г. № 102.

щенный Амвросій препроводилъ его въ Св. Сvнодъ. Вотъ этотъ чинъ: «Назначенный быть митрополитомъ, преосвященный архіерей въ положенный день ѣдетъ къ господарю во дворецъ въ сопровожденіи пѣшихъ панцырей, гдѣ, при собраніи бояръ, вистерникъ (главный казначей), по повелѣнію господаря, надѣваетъ на него мантію, и самъ господарь вручаетъ ему посохъ, поднесенный отъ постельника *). Послѣ сего митрополитъ въ томъ же провожаніи отправляется, въ мантіи, въ митрополитскую церковь, и съ посохомъ напереди его ѣдетъ на верховой лошади архидіаконъ. Между тѣмъ собирается духовенство, какъ и другіе свѣтскіе чиновники, въ означенную митрополитскую церковь. Когда будущій митрополитъ приблизится къ церкви, тогда встрѣчаютъ его священникъ съ Евангеліемъ, два діакона съ кадилами и два стихарные со свѣщами. По вступленіи въ церковь начинаютъ пѣть «Достойно есть»; а митрополитъ, ставъ предъ царскими дверьми, поклоняется, по обычаю, трижды, потомъ цѣлуетъ святыя иконы и, обратясь къ народу, стоитъ. Тогда первенствующій архіерей, стоя предъ нимъ, возглашаетъ возведеніе его и потомъ говоритъ: *аксіосъ*, что̀ повторяютъ и пѣвчіе, и въ сіе же самое время и другіе изъ соприсутствующихъ архіереевъ, отошедъ отъ мѣстъ своихъ къ царскимъ вратамъ позади митрополита, поклоняются трижды, и когда новый митрополитъ благословитъ народъ и пѣвчіе будутъ пѣть: *исполла эти деспота*, то оные преосвященные, принявъ его подъ руки, возводятъ на митрополичье мѣсто. Потомъ архидіаконъ читаетъ ектенію: *помилуй насъ Боже* и пр., на которой поминаетъ новаго митрополита. По окончаніи же оной бываетъ многолѣтствіе господарю и новому митрополиту. Выходя изъ церкви, митрополитъ ѣдетъ къ господарю благодарить. Оттуда посаждается новый митрополитъ въ господарской каретѣ и предъ нимъ двое изъ бояръ, постельникъ и вистерникъ, и около кареты четыре человѣка изъ гвардіи господарской, впереди же два церковные чиновника, одинъ съ палкою, а другой съ паприцею, а впереди всѣхъ господарскій комасъ (главный конюшій) съ своими и объѣзжаютъ городскія улицы, благословляя народъ, а по церквамъ всѣмъ звонятъ. Потомъ возвращается въ свою резиденцію и принимаетъ поздравленіе отъ приходящихъ и отъ господарской музыки».

Такъ какъ Молдавія занята была еще Русскими войсками, то естественно при исполненіи древняго чина возведенія на Молдавскую митрополію пришлось сдѣлать нѣкоторыя измѣненія. При возведеніи Гавріила на митрополію, роль господаря занималъ главнокомандующій графъ М. В. Каховскій, въ домѣ котораго при собраніи бояръ одинъ изъ послѣднихъ возложилъ на Гавріила мантію, а самъ генералъ подалъ посохъ. Новый митрополитъ ѣздилъ благодарить главнокомандующаго въ придворной каретѣ; вмѣсто бояръ въ ней сидѣли съ митрополитомъ два архимандрита, вмѣсто господарской гвардіи было двадцать четыре человѣка Русскихъ гусаръ, вмѣсто конюшаго множество мел-

*) Кромѣ должности, которую имя его означаетъ, постельникъ отправляетъ должность посланника господарскаго къ начальникамъ Турецкимъ.

кихъ бояръ и съ ними третій логофетъ (секретарь особливый иностранныхъ дѣлъ). Провозглашеніе Гавріила митрополитомъ въ каѳедральной церкви сдѣлалъ преосвященный Амвросій, архіепископъ Екатеринославскій, при чемъ сказалъ новопоставленному архипастырю рѣчь. Митрополитъ Новгородскій Гавріилъ 16 Апрѣля 1792 года чинъ возведенія на каѳедру Молдавскаго митрополита предложилъ на разсмотрѣніе Св. Сѵнода, который тотчасъ же, по выслушаніи этого дѣла, постановилъ, чтобы архіепископъ Амвросій не титуловался болѣе блюстителемъ экзархіи Молдавлахійской.

Недолго Гавріилъ Бодони первосвятительствовалъ въ Молдавіи: всего нѣсколько мѣсяцевъ (съ 11 Февраля до 19 Іюня 1792 г.). Лишь только Русскія войска очистили Молдавію, которая опять поступила во владѣніе Турціи, тоже самое, по естественному порядку вещей, долженъ былъ сдѣлать, т.-е. оставить Молдавскую митрополію, и митрополитъ Гавріилъ; но, къ удивленію, онъ не захотѣлъ сдѣлать этого добровольно. Вновь назначенный Молдавскій господарь Александръ Мурузи, по распоряженію Константинопольскаго патріарха, потребовалъ отъ митрополита Гавріила отреченія отъ Молдавлахійской каѳедры. На это предложеніе преосвященный Гавріилъ отвѣчалъ отказомъ, говоря, что онъ не можетъ оставить занимаемой имъ каѳедры «безъ императорскаго указа (Русской императрицы) и синодальнаго опредѣленія». *) Господарь, вскорѣ по прибытіи своемъ въ Молдавію, послалъ сорокъ вооруженныхъ Арнаутовъ, которые въ ночь на 19 Іюня арестовали митрополита Гавріила. Подъ сильною стражею онъ отправленъ былъ въ Константинополь и посаженъ въ тюрьму при патріаршемъ домѣ. Г. Стадницкій въ своей книгѣ представляетъ нѣсколько свидѣтельствъ изъ Румынскихъ и Греческихъ историковъ, которые всѣ одинаково признаютъ поставленіе Гавріила неканоническимъ и противнымъ обычаю страны.

Теперь послушаемъ, какъ оправдывалъ свой поступокъ самъ, непосредственно заинтересованный въ дѣлѣ, іерархъ. Взглядъ на свои злоключенія высказанъ имъ въ письмѣ къ Новгородскому митрополиту Гавріилу, подлинникъ котораго хранится въ архивѣ Св. Сѵнода.

«Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь, отецъ и благодѣтель!

Къ прочимъ моимъ искушеніямъ и сильнымъ гоненіямъ отъ противной стороны прибавилась неутѣшная скорбь о смерти преосвященнаго Амвросія, Екатеринославскаго архіепископа; поелику я въ немъ лишился отца, руководителя и предстателя, знающаго совершенно состояніе Молдавлахійской церкви и источники гоненія противъ ста-

*) Стадницкій, стр. 72.

рающихся о благосостояніи оной. Но, ласкаясь благосклонностію вашего высокопреосвященства и ревностію къ могуществованію обуреваемыхъ, нынѣ, при избавленіи моемъ отъ опасности и принятіи во дворъ Россійскаго Императорскаго посольства, съ засвидѣтельствованіемъ вашему высокопреосвященству, по долгу моему, нижайшаго моего почтенія, смѣю доложить, какимъ образомъ Молдавскій господарь Мурузъ, дабы выиграть въ Молдавіи и при Оттоманской Портѣ свои интересы, не усумнился стремиться противъ самаго благоволенія всеавгустѣйшея Монархини, которая, изъ одной къ благосостоянію церкви Божіей ревности, удостоила меня сего священнѣйшаго сана. Помянутый господарь, послѣ какъ разнымъ образомъ показалъ свое неудовольствіе противъ моего производства и какъ напослѣдокъ выхлопоталъ у Порты, посредствомъ патріаршескаго репорта, съ помощію рейзъ-решитъ-ефенди, фирманъ, чтобы перемѣнить меня, яко произведеннаго противъ патріаршескаго преимущества, немедля приближался къ Яссамъ. Прежде вступленія своего въ городъ, Іюня 19 дня, около полуночи, послалъ онъ сорокъ вооруженныхъ Арнаутовъ, изъ которыхъ иные окружили митрополію, а иные, съ начальниками своими, стремясь внутрь резиденціи, напали на меня съ обнаженными саблями и, ухватя меня безъ рясы и безъ клобука, скорѣйшимъ путемъ представили предъ господаремъ. Все его стараніе состояло въ томъ: принудить меня, дабы отказался отъ Молдавлахійской епархіи, увѣдомляя меня, между прочимъ, что и патріархи противъ меня изверженіе свое послали, на что̀, представляя ему обычай и преимущество Молдавлахійской епархіи, султанскими декретами утвержденное, я пространно доказалъ, что ни въ чемъ противъ патріаршескаго преимущества въ разсужденіи моего производства не совершено. Видя же, что ни устрашеніями, ни великими обѣщаніями въ своемъ намѣреніи не успѣваетъ, послалъ меня, подъ великимъ и строгимъ Турецкимъ карауломъ, въ Константинополь. Уже я, при всѣхъ устрашеніяхъ, что̀ мнѣ въ дорогѣ толковали, ежели не откажусь, молился Милосердному Богу подкрѣпить, лучше жизнь потерять, нежели такъ подло предать церковь и честь августѣйшія Монархини, которая толь благосклонно и всемилостивѣйше удостоила меня своей милости. Какъ прибылъ въ Константинополь, немедля отданъ здѣшнему патріарху, у котораго, по повелѣнію Мурузову, находился послѣ подъ стражею четыре мѣсяца, между страха и опасности; онъ же равное приложилъ стараніе, дабы склонить меня къ отказанію отъ Молдавлахійской епархіи, но отчаеваясь въ своемъ успѣхѣ, напослѣдокъ самъ началъ мнѣ говорить, что онъ признаетъ мою невинность, но сильно былъ принужденъ движиться противъ меня и подписать мое изверженіе, сочиненное въ домѣ Мурузовѣ *); да и прочіе два патріарха тайнымъ образомъ просили прощенія, объявляя, что они, по строгому повелѣнію, подписали, не зная, что̀ оное изверженіе въ себѣ содержитъ, ибо запрещено было имъ и читать его. Наконецъ, здѣшнее правленіе предложило мнѣ занять здѣсь, въ Турціи, другую епархію или жало-

*) Сочинитель былъ нѣкто Мурузскій придворный бояръ, который скоро послѣ прибытія моего, здѣсь, въ Царьградѣ, скончался чумою.

ванье и жить на Цареградскихъ островахъ. Но править епархіей по здѣшнему (инако не можно) было бы явное нарушеніе моей присяги, по которой я торжественно Богу обѣщался при посвященіи моемъ во архіерея; ибо съ великимъ сожалѣніемъ довольно примѣтилъ, что все здѣшнее архіерейское правленіе не иное есть, какъ орудіе здѣшняго владѣнія къ употребленію здѣшняго христіанскаго народа въ самыхъ закону христіанскому противныхъ происшествіяхъ, а что̀ говорить о симоніи, по которой вся безъ разбору святыня дорогими цѣнами продается въ своихъ странахъ, и грабить здѣсь всякимъ непозволительнымъ образомъ деньги у своихъ епархіальныхъ, сверхъ слуха и чаянія, считается первый долгъ, дабы отвѣтствовать непредѣльному лихоимству. Предложеніе убо ихъ, будучи совсѣмъ противное моей совѣсти, никакъ не могъ принять; потому объявилъ имъ, что я избралъ лучше: посвятить себя волѣ и услугамъ всеавгустѣйшея Монархини, о чемъ увѣдомясь его высокородіе, повѣренный въ дѣлахъ, господинъ Александръ Семеновичъ Хвостовъ требовалъ меня у Порты, по котораго требованію я отпущенъ изъ-подъ стражи въ дворъ Россійскаго Императорскаго посольства, гдѣ благосклонностію и великодушіемъ его высокородія утѣшаюсь, ожидая милостивѣйшее повелѣніе всеавгустѣйшія Монархини и благословеніе вашего высокопреосвященства и всего Святѣйшаго Всероссійскаго Сѵнода. Смиренно убо прошу ваше высокопреосвященство, яко милостивый отецъ, благоволите принять меня подъ своимъ благопризрѣніемъ и покровительствомъ, которому я благонадежно себя поручая, имѣю при семъ честь поздравить ваше высокопреосвященство слѣдующими праздниками и наступленіемъ новаго года, моля усердно воплотившагося Бога Слова нашего ради спасенія, дабы даровалъ ваше высокопреосвященство Святой Церкви здрава, долгоденствующа и успѣвающа во всѣхъ святыхъ намѣреніяхъ, къ пользѣ и радости Православной Церкви, симъ съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ вашего высокопреосвященства, милостиваго отца и покровителя, всенижайшій слуга Гавріилъ, митрополитъ Молдавлахійскій.

Константинополь,
1792 года Декабря 1°.

Митрополитъ Новгородскій Гавріилъ 17 Января 1793 года доложилъ письмо экзарха Св. Сѵноду.

Къ сожалѣнію, изслѣдователь личности Гавріила Банулеско, подробно передавая объ обстоятельствахъ лишенія его каѳедры и объ его арестѣ, не высказываетъ своего взгляда на этотъ церковно-историческій случай. Мы думаемъ, что авторъ потому уклонился отъ этого вопроса, что онъ долженъ былъ бы тогда по необходимости излюбленную имъ личность нѣсколько низвести съ того высокаго пьедестала, на который онъ всюду ее ставитъ. Въ книгѣ г. Стадницкаго представляются всѣ данныя для установленія опредѣленнаго взгляда на затронутый вопросъ. «Митрополитъ Гавріилъ, пишетъ его біографъ, во время удаленія съ каѳедры митрополита Молдавскаго, показалъ

столько мужества, проявилъ такое величіе духа, что по справедливости вызываетъ удивленіе къ себѣ». При болѣе безпристрастномъ взглядѣ на дѣло, въ дѣствіяхъ преосвященнаго Гавріила сказывается не величіе духа, не мужество, *а простой и ясный практическій разсчетъ опытнаго въ политикѣ и дальновиднаго человѣка.* Ясно и безспорно то, что поставленный Русскимъ правительствомъ въ Молдавіи митрополитъ не съ церковно-канонической, но съ государственной точки зрѣнія не правъ въ своемъ упорствѣ отречься отъ Молдавской митрополіи. Несомнѣнно Гавріилъ лучше другихъ понималъ, что онъ, какъ ставленникъ Русской императрицы и Русскаго Св. Сѵнода, *не могъ* остаться митрополитомъ въ Молдавіи, подвластной другой державѣ и подчиненной въ церковномъ отношеніи Константинопольскому патріарху. Онъ могъ сохранить за собою престолъ Молдавской митрополіи только въ томъ случаѣ, если бы онъ принялъ Турецкое подданство и подчинился Константинопольскому патріарху; но онъ не хотѣлъ ни того, ни другого. Теперь совершенно нелогичнымъ и страннымъ является отвѣтъ митрополита Гавріила господарю, что онъ не можетъ оставить занимаемой имъ каѳедры безъ императорскаго указа и синодальнаго опредѣленія, то-есть тѣхъ властей, юрисдикція которыхъ не простиралась уже болѣе на Молдавію. Неискренностію отзывается и другое его заявленіе о томъ, что онъ не можетъ оставить Молдавію, не желая тѣмъ нарушить присяги, данной Русской императрицѣ. Дѣло въ томъ, что необязательность этой присяги для него ясна изъ того уже, что сама Императрица, которой давалась присяга, по мирному трактату отказалась отъ своихъ правъ на Молдавію и Валахію. Кромѣ того, при самой хиротоніи Гавріила имѣлись въ виду всякія случайности, и потому въ формѣ присяги Св. Сѵнодомъ дозволено было внести измѣненія и оговорки, сообразныя съ мѣстными условіями и политическими обстоятельствами страны. Во имя исполненія своей присяги, Гавріилъ, напротивъ, долженъ былъ самъ оставить Молдавію и переселиться въ Россію. За всѣми указанными оправданіями скрывались у Гавріила особыя цѣли. Въ нежеланіи отказаться отъ Молдавской митрополіи кроется его стремленіе *навсегда* остаться Молдавскимъ митрополитомъ. Князь А. А. Безбородко, послѣ уже заключенія мира съ Турціей, писалъ императрицѣ Екатеринѣ, что «новый митрополитъ надѣется утвердить себя *надолго* на своемъ мѣстѣ» *). Гавріилъ предполагалъ, и не безъ основанія, что его, какъ ставленника могущественной Русской императрицы, славной побѣдительницы Порты, побоятся тронуть разбитые и униженные ею Турки.

---

*) Записки Одесскаго Общ. Ист. и Древн., т. IX, 292.

А если бы это послѣднее и случилось, то и въ такомъ случаѣ онъ основательно могъ разсчитывать на поддержку Русскаго правительства, и тутъ, значитъ, вѣрный выигрышъ былъ на его сторонѣ. Потому-то митрополитъ Гавріилъ заранѣе подвергалъ себя всякимъ случайностямъ, могущимъ послѣдовать за его упорство. Ему не удалось остаться митрополитомъ въ Молдавіи, но за то своимъ арестомъ и пребываніемъ въ Константинопольской тюрьмѣ онъ выигралъ очень много въ глазахъ Русскаго правительства и получилъ гораздо больше того, чтὸ онъ потерялъ въ Молдавіи. По ходатайству Русскаго посла при Портѣ, митрополитъ получилъ и подарокъ отъ Императрицы: украшенный драгоцѣнными камнями крестъ и бѣлый клобукъ, которымъ въ царствованіе Екатерины украшались не всѣ и Русскіе митрополиты.

II.

13 Сентября 1792 г. скончался Екатеринославскій архіеп. Амвросій. Долго не назначали ему преемника. Вмѣсто него епархіей управлялъ викарій, епископъ Ѳеодосійскій и Маріупольскій Іовъ (Потемкинъ), который на это время переѣхалъ изъ своего обыкновеннаго мѣстопребыванія (въ гор. Старомъ Крыму) въ Полтаву и жилъ въ архіерейскомъ домѣ. 10 Мая 1793 года Св. Сѵноду объявленъ былъ слѣдующій высочайшій указъ: «На праздное архіерейское мѣсто въ епархіи Екатеринославской и Херсонеса Таврическаго всемилостивѣйше опредѣляемъ Молдавлахійскаго митрополита Гавріила». Очень можетъ быть, что императрица Екатерина намѣренно медлила назначеніемъ въ Екатеринославъ архіерея, въ ожиданіи окончанія дѣла митрополита Гавріила и возвращенія его въ Россію. Указъ о своемъ назначеніи въ Екатеринославъ Гавріилъ получилъ въ бытность свою въ городѣ Николаевѣ. 7-го Іюня онъ прибылъ въ Полтаву и вступилъ въ управленіе епархіей. 18 Іюля выѣхалъ изъ Полтавы въ Старый Крымъ преосвященный Іовъ *).

Г. Стадницкій въ своемъ изслѣдованіи не представляетъ ничего для характеристики Гавріила какъ Екатеринославскаго архипастыря. Ко времени управленія митрополитомъ Гавріиломъ Екатеринославскою епархіей относятся два дѣла, имѣющіяся въ архивѣ Св. Сѵнода. Въ одномъ дѣлѣ рисуются не особенно симпатичныя и дружественныя отношенія преосвященнаго Гавріила къ своему викарію, преосвященному Іову, епископу Ѳеодосійскому и Маріупольскому. Трудно указать причину нѣкотораго предубѣжденія митрополита Гавріила Бодони противъ своего викарія. Причина тому скрывалась, можетъ быть, въ отдален-

*) Дѣло Св. Сѵнода 1793 г., № 103.

номъ времени, относящемся къ назначенію Гавріила въ епископа Бѣлградскаго и Аккерманскаго. Дѣло въ томъ, что князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій проектировалъ устроить изъ завоеванныхъ отъ Турціи областей особую епархію и епископомъ туда предназначалъ своего племянника Іова Потемкина*), и здѣсь Іовъ, помимо своей воли, становился поперекъ дороги Гавріилу. Могло случиться и то, что нововназначенный владыка, по пріѣздѣ своемъ въ Полтаву въ званіи самостоятельнаго архіерея, остался недоволенъ нѣкоторыми распоряженіями преосвященнаго Іова, управлявшаго Екатеринославской епархіей съ Сентября 1792 по 10 Мая 1793 года. 17 Іюня 1794 года Гавріилъ Бодони отправилъ слѣдующее доношеніе въ Святѣйшій Сѵнодъ.

«Частныя донесенія мнѣ изъ Тавріи, что викарій Екатеринославской моей епархіи преосвященный Іовъ, епископъ Ѳеодосійскій и Маріупольскій, поступаетъ во многомъ противъ узаконеній, принудили меня послать нарочно изъ духовныхъ надежнаго человѣка въ Таврію для изысканія справедливости, который, возвратясь оттуда, репортомъ сего Іюня 12-го мнѣ донесъ: 1-е. Въ служеніяхъ церковныхъ его преосвященнаго Іова на великомъ выходѣ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ отъ сослужащихъ съ нимъ, по приказу его, не произносится, а только онъ самъ одинъ, принявъ дары, произноситъ. 2-е. Послушника Іосифа Колодинскаго, уволеннаго при отъѣздѣ его преосвященства изъ Полтавы въ Таврію изъ Полтавскаго монастыря, отправилъ онъ въ Молдавію и по постриженіи его тамъ въ монашество съ переименованіемъ Іоасафомъ, произвелъ онъ, епископъ Іовъ, первѣе іеродіакономъ, а потомъ іеромонахомъ, послѣ жъ опредѣлилъ и присутствующимъ въ свою Ѳеодосійскую консисторію. 3-е. Принимаетъ онъ же, преосвященный Іовъ, монашествующихъ, выходящихъ изъ-за границы, безъ позволенія Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, и у него при домѣ всѣхъ монашествующихъ находится до пятнадцати человѣкъ, въ числѣ коихъ изъ-за границы принятый одинъ по имени извѣстный іеромонахъ Варсонофій, а прочіе неизвѣстны. 4-е. Діакону Никифору Михайловскому въ церкви, во время служенія его епископа Іова, обрѣзаны на головѣ волосы, и отправленъ былъ изъ церкви на военную гауптвахту подъ караулъ, а на третій день свобожденъ и допущенъ попрежнему къ служенію. Другого діакона Діомида предъ домомъ архіерейскимъ и трехъ человѣкъ изъ пѣвчихъ на военной гауптвахтѣ по приказамъ же его епископа Іова били палками; діаконъ до начатія имъ епископомъ служенія, а пѣвчіе во время служенія изъ церкви отправлены и наказаны были на гауптвахтѣ при посланныхъ отъ него-жъ изъ церкви протодіаконѣ и діаконѣ, одѣтыхъ въ стихаряхъ, и 5-е. При служеніяхъ онъ епископъ Іовъ совсѣмъ не воспоминаетъ моего имени, да и по церквамъ Греческимъ подчиненнымъ ему съ самаго пріѣзда его въ Таврію не воспоминается. Я, увѣрясь на таковомъ поданномъ

---

*) Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. IX стр. 290. Письмо архіепископа Амвросія къ графу П. А. Зубову отъ 23 Января 1792 г.

мнѣ репортѣ и опасаясь на случай за непредставленіе взысканія; Святѣйшему Правительствующему Сvноду благопочтеннѣйше считаю моею должностію на благоразсмотреніе о томъ представить и докладываю, что я безъ позволенія Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода формальнаго объясненія отъ упомянутаго преосвященнаго Іова требовать не отважился».

Въ этомъ доношеніи приходится встрѣчаться съ нѣкоторыми странностями. Почему это преосвященный Гавріилъ самъ «не отважился» потребовать объясненія у своего подчиненнаго викарія? На это онъ имѣлъ полнѣйшее право, противъ котораго менѣе всего могъ возражать его викарій. А между тѣмъ, еслибы митрополитъ Екатеринославскій, прежде чѣмъ послать свое доношеніе въ Сvнодъ, потребовалъ объясненія у преосвященнаго Іова, тогда половина выставленныхъ противъ него обвинительныхъ пунктовъ не имѣла бы мѣста. Митрополитъ Гавріилъ не отважился на прямой законный образъ дѣйствій, но за то рѣшился на худшій и болѣе обидный для обвиняемаго. Уклоняясь отъ прямыхъ офиціальныхъ сношеній съ своимъ викаріемъ, митрополитъ посылалъ въ Крымъ нарочнаго надежнаго человѣка изъ духовниковъ, чтобы разслѣдовать дѣйствія своего викарія на мѣстѣ. Это посольство отзывается явною обидою для преосвященнаго Іова, помимо того, что оно несообразно съ церковными порядками: совершенно неприлично лицу духовнаго сана низшей степени производить разслѣдованіе надъ епископомъ. Это чувствовалъ и самъ преосвященный Гавріилъ; поэтому онъ въ своемъ доношеніи не упомянулъ о лицѣ, подавшемъ ему рапортъ, хотя точно указалъ мѣсяцъ и день подачи его. Ясное дѣло — это не случайность, потому что преосвященный Гавріилъ вообще отличался удивительною точностію и аккуратностію даже въ своей частной перепискѣ.

29 Іюля Святѣйшій Сvнодъ поручилъ преосвященному Екатеринославскому потребовать отъ преосвященнаго Іова письменное объясненіе по всѣмъ указаннымъ на него въ доношеніи пяти пунктамъ. 5 Октября 1794 года преосвященный Іовъ Потемкинъ представилъ Гавріилу Бодони слѣдующіе отвѣты на каждый пунктъ въ отдѣльности.

«I. Святѣйшій Правительствующій Сvнодъ въ церковныхъ служеніяхъ на великомъ выходѣ сослужащіе со мною всегда воспоминаютъ, а чтобъ когда либо сіе упущено было, я не примѣтилъ. Что же никому не приказывалъ о невоспоминаніи, въ томъ ссылаюсь на тѣхъ же со мною сослужащихъ. О семъ не только приказывать, но и подумать страшно для меня, яко въ Православномъ Грекороссійскомъ законорожденнаго и воспитаннаго, а не съ другой какой либо религіи перекрещеваннаго.

II. Послушника сего для постриженія въ монашество за границу въ Молдавію не посылалъ; а такъ какъ онъ, будучи священническихъ дѣтей лѣтъ сорока пяти и по разбору 1784 г. бывшему оставленный въ числѣ церковниковъ, въ надеждѣ полученія монашескаго чина былъ въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ при разныхъ поручаемыхъ ему должностяхъ до восьми лѣтъ; наконецъ во время управленія моего Екатеринославскою епархіею по просьбѣ его съ тою же надеждою принятъ въ штатъ мой и посвященъ въ стихарь псаломщикомъ: то я, предполагая что изъ таковыхъ ничѣмъ не обязанныхъ можно постригать архіереямъ въ штатъ свой на убылыя мѣста и безъ представленія Святѣйшему Сvноду, и при отправленіи своемъ изъ Полтавы имѣя надобность тогда же послать въ Дубосары для забратія тамъ оставленныхъ мною собственныхъ вещей, отправилъ его туда съ билетомъ домовой своей конторы; а вмѣстѣ же писалъ и къ начальнику Роговскаго монастыря, состоящаго въ епархіи вашего высокопреосвященства, іеромонаху Вассіану о постриженіи помянутаго послушника въ монахи, которымъ онъ Августа 13-го 1793 г. и постриженъ, при чемъ и переименованъ Іоасафомъ, ко мнѣ же въ Крымъ прибылъ съ письмомъ постригавшаго его 23 Сентября, и здѣсь по знанію его церковнаго устава и добропорядочному поведенію, не имѣя при домѣ своемъ кромѣ двухъ извѣстныхъ Коментарія и Ісаіи никакихъ іеромонаховъ, посвятилъ я его Октября 9-го во іеродіаконы, а Февраля 4-го сего года во іеромонахи, и какъ въ Ѳеодосійской Консисторіи кромѣ одного игумена Анѳима не было другаго присутствующаго, но и тотъ по обязанности своей монастыремъ, который разстояніемъ отсюда болѣе нежели за полтораста верстъ, не могъ всегда быть въ присутствіи. Прописанные-жъ іеромонахи Коментарій и Ісаія не были еще приведены къ присягѣ, ибо о послѣднемъ получилъ я отъ вашего высокопреосвященства разрѣшеніе только 4 Марта сего года, къ присягѣ приведенъ Таврическимъ областнымъ правленіемъ онъ же Мая 13-го, а о Коментаріи до нынѣ того не имѣю: то по сей же обязанности 13-го Марта опредѣлилъ его Іоасафа въ Ѳеодосійскую Консисторію присутствующимъ и ризничимъ.

III. Никогда безъ позволенія Святѣйшаго Правительствующаго Сунода выходящихъ изъ-за границы монашествующихъ я не принималъ. Касательно-жъ іеромонаха Варсонофія, который по бытности сего въ Яссахъ въ митрополіи келаремъ и вашему высокопреосвященству довольно извѣстенъ, то онъ являлся ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы принять его въ мой штатъ, объявляя, что, по произведеніи его въ Молдавіи епархіальнымъ преосвященнымъ Веніаминомъ, епископомъ Хушенскимъ, во іеромонахи съ данною отъ онаго преосвященнаго отпускною грамотою, перешелъ въ новопріобрѣтенную область въ монастырь Пацацелы, состоящій въ епархіи вашего высокопреосвященства, посыланнымъ отъ васъ для описанія церквей и монастырей священникомъ Свѣтайномъ записанъ. Но какъ мнѣ въ немъ дальной надобности не было, то я и не просилъ, какъ слѣдовало, вашего высокопреосвященства объ опредѣленіи его ко мнѣ, а велѣлъ ему возвратиться въ

означенный Пацацельскій монастырь, почему онъ Мая 31 дня сего года туда и отправился.

При домѣ же моемъ нынѣ на лицо монашествующіе суть: 1) іеромонахъ Михей лѣтъ пятидесяти четырехъ, природою Малороссіянинъ, діаконскій сынъ, 1774 Марта 9-го въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ того монастыря намѣстникомъ іеромонахомъ Иліею постриженъ въ монахи и того года Мая 25 преосвященнымъ Гавріиломъ митрополитомъ Кіевскимъ произведенъ въ іеродіакона; 1791 Октября 27 рукоположенъ по повелѣнію онаго митрополита преосвященнымъ архіепископомъ Никодимомъ во іеромонаха; 1787 Іюля 4 взятъ предмѣстникомъ моимъ покойнымъ епископомъ Дороѳеемъ въ Старый Крымъ; 1789 Октября 28 онымъ преосвященнымъ былъ опредѣленъ къ Маріупольской Маріи Магдалины церкви на приходъ, а сего 1794 г. Мая 15 взятъ мною въ штатъ мой духовникомъ и Августа 5-го числа опредѣленъ въ Ѳеодосійскую Консисторію присутствующимъ. 2) Іеродіаконъ Тимоѳей тридцати-пяти лѣтъ природою изъ Великороссіянъ, сынъ мѣщанскій, въ 1789 году по приказанію преосвященнаго епископа Дороѳея постриженъ игуменомъ Анѳимомъ въ монахи и находился при архіерейскомъ домѣ, а сего 1794 года Мая 29 числа мною произведенъ въ іеродіакона и исправляетъ служеніе. 3) Монахъ Досиѳей лѣтъ тридцати, природою Малороссіянинъ, сынъ казачьяго званія, въ 1786 году въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ архимандритомъ Дороѳеемъ постриженъ въ монашество; а въ 1787 по полученіи онымъ архимандритомъ архіерейскаго сана взятъ въ Старый Крымъ въ домъ архіерейскій, гдѣ и находится въ пономарской должности. 4-й монахъ Спиридонъ уволенный ко мнѣ вашимъ высокопреосвященствомъ изъ монастыря Роговъ.

IV. Сентября въ 11 день 1793 года во время служенія моего въ домовой церкви, при посвященіи одного кандитата въ иподіаконы, діаконъ Никифоръ Михайловскій, препоясывая его ораремъ, оторвалъ кусокъ онаго и, показывая его, началъ хохотать, а потомъ, шатаясь съ тѣмъ кускомъ по церкви къ алтарю, тоже чинилъ, чѣмъ сдѣлалъ мнѣ въ чтеніи подлежащей надъ иподіакономъ молитвы помѣшательство, почему велѣлъ ему изъ стихаря разоблачиться; но когда онъ началъ упрямиться и еще громкимъ своимъ предо мною извиненіемъ и паденіемъ въ ноги пріостановилъ чтеніе часовъ и меня привелъ въ немалое смущеніе: то, не могши болѣе сносить его поступка, приказалъ подрѣзать ему волосы и выгнать изъ церкви; на военную же гауптвахту онъ совсѣмъ отсылаемъ не былъ, и не чрезъ три дня, а тогожъ самаго дня послѣ литургіи мною прощенъ. Другаго діакона Діомида не только не предъ служеніемъ, но и не въ день служенія и не предъ домомъ архіерейскимъ наказывалъ, а въ бытность мою сего года въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ городѣ Еникале при отправленіи моемъ въ островъ Фанагорію, когда было донесено мнѣ, что онъ безчувственно пьянъ валялся по городу въ грязи въ виду народа, а наконецъ заснулъ на берегу Азовскаго моря и чуть было волнами не утянутъ въ воду, что по изслѣдованію моему оказалось справедливо: то я, по учиненіи надлежащаго увѣщанія, чтобъ онъ отъ пьянства воздержался, велѣлъ ему на

другой день готовиться къ отъѣзду домой въ Крымъ; но какъ и того дня будучи уже я готовъ къ отъѣзду въ Фанагорію ожидалъ его часовъ нѣсколько, и желая чтобъ при себѣ его отправить домой, послалъ за нимъ, то онъ и тогда пришелъ въ пьяномъ же образѣ, сказывая, что онъ не собрался еще съ своимъ экипажемъ, за что выйдя изъ терпѣнія велѣлъ я стоявшему у дверей унтеръ-офицеру прогнать его затѣмъ экипажемъ палкою. Пѣвчихъ же послѣ уже того, не трехъ, но двухъ, Марка Мокрицкаго и Романа Лебедева, за то что они во время служенія моего при воспоминаніи на великомъ выходѣ мною высочайшей фамиліи захохотали на всю церковь, выслалъ только изъ церкви, а по окончаніи уже литургіи велѣлъ не протодіакону и не въ стихарѣ, но іеромонаху Іоасафу не на гауптвахтѣ (которой совсѣмъ тогда въ Старомъ Крыму не было, ибо полкъ за 30 верстъ стоялъ въ лагерѣ), но на конюшнѣ въ домѣ наказать за безстрашіе ихъ тѣлесно. Послѣ же того, какъ они Мокрицкій и Лебедевъ, упражняясь въ пьянствѣ, продолжали свои шалости, въ Іюлѣ еще мѣсяцѣ отослалъ ихъ отъ себя вонъ.

V. Имени вашего высокопреосвященства при служеніяхъ не воспоминалъ я по незнанію, воспоминаютъ ли другіе викаріи мѣстныхъ своихъ архіереевъ и не имѣя о томъ предписанія; было ли же оное предмѣстникамъ моимъ, я неизвѣстенъ, ибо всѣ дѣла епаршескія послѣ покойнаго преосвященнаго Дороѳея захвачены наслѣдниками и донынѣ не возвращены; и между присланными отъ вашего высокопреосвященства сего года Августа 11 по силѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода указа съ относящихся ко всегдашнему исполненію по епархіи моей синодальныхъ опредѣленій и указовъ копіями таковаго предписанія не имѣется. Запрещенія же о невоспоминаніи по церквамъ подчиненнымъ мнѣ, ни письменнаго, ни словеснаго, никому не давалъ. Естьли ваше высокопреосвященство извѣстны о таковомъ, которому оное отъ меня дано: то на него же и во свидѣтельство ссылаюсь.

Все сіе показываю по сущей справедливости, въ чемъ и подписываюсь.

Къ сему отвѣту Екатеринославской епархіи викарій Іовъ, епископъ Ѳеодосійскій и Маріупольскій, руку приложилъ».

Св. Сѵнодъ, по выслушаніи отвѣтовъ и объясненій преосвященнаго Іова, 23 Декабря 1794 года постановилъ: «Оному преосвященному епископу Іову дано знать, что Святѣйшій Сѵнодъ поступокъ его, епископа, въ подрѣзаніи діакону Никифору Михайловскому волосъ въ церкви при народномъ собраніи находитъ сану архіерейскому и пастырской кротости крайне несвойственнымъ, а для общества соблазнительнымъ и какъ съ духовными обрядами, такъ и съ указными предписаніями несходственнымъ; потому что подрѣзаніе волосъ священнослужителю употребляется точію при лишеніи сана его, которое преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ безъ представленія Святѣйшему Сѵноду указомъ изъ него 1765 года Сентября 15 дня возбранено; равнымъ образомъ и съ діакономъ Діомидомъ за усмотрѣнное въ немъ пьянство поступлено имъ епископомъ съ излишнею строгостію, ибо священнослужителей тѣлесно наказывать указами изъ Св. Сѵнода

1767 года Іюня отъ 12 дня запрещено; въ противность же симъ указамъ его, діакона, предавать палочному тѣлесному, да еще чрезъ военно-служащаго, наказанію не надлежало. Чего ради подтверждено ему, преосвященному, чтобы впредь отъ таковыхъ строгихъ и священному чину несвойственныхъ наказаній удержался, а поступалъ бы въ томъ и во всемъ управленіи ввѣренною ему преосвященному паствою, на основаніи Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ правилъ, Духовнаго Регламента и другихъ государственныхъ узаконеній и изъ Святѣйшаго Сѵнода предписаній непремѣнно. На послѣдокъ, предписать и предписано ему, епископу, чтобы онъ мѣстнаго Екатеринославской епархіи архіерея имя, слѣдуя наблюдаемому прочими викарными архіереями примѣру, какъ самъ при священнослуженіяхъ своихъ, гдѣ слѣдуетъ, воспоминалъ, такъ и всѣмъ викарной своей епархіи священноцерковнослужителямъ исполнять сіе приказалъ неупустительно» *).

Другой случай, относящійся ко времени пребыванія Гавріила Бодони на Екатеринославской каѳедрѣ, имѣетъ особенный и своеобразный характеръ, любопытный въ житейскомъ отношеніи. Въ Іюнѣ 1795 года преосвященный Гавріилъ, во время обозрѣнія своей епархіи, прибылъ въ городъ Херсонъ и прожилъ тамъ всего три дня. Какъ бы то ни было, только въ книгѣ городскихъ расходовъ Херсона появилась такая запись подъ 31 Декабря 1795 г.: «издержано для угощенія митрополита Гавріила 595 р. 27 коп.» Эта запись такъ бы осталась навсегда достояніемъ архива, еслибы нѣкоторые изъ мѣщанъ г. Херсона не подали жалобы на притѣсненія и непомѣрные налоги Херсонскаго магистрата. Дѣло дошло до Сената, который обратилъ вниманіе между прочимъ и на вышеприведенную запись. 7 Ноября 1800 года Сенатъ вѣдѣніемъ сообщилъ Сѵноду выдержки изъ слѣдственнаго дѣла Херсонскаго магистрата. Сѵнодъ потребовалъ объясненія отъ митрополита Гавріила, тогда уже находившагося въ Кіевѣ. 17 Декабря 1800 г. преосвященный Гавріилъ писалъ въ Св. Сѵнодъ: «1795 года Декабря 31 числа, да и никогда во всей жизни своей зимою въ Херсонѣ я не былъ, слѣдственно и издержка якобы на угощеніе меня въ то время, показана вовсе несправедливо. Помню же я, что при посѣщеніи Новороссійской епархіи въ 1795 г. въ Іюнѣ мѣсяцѣ, былъ въ Херсонѣ и пробылъ тамъ по обстоятельствамъ касательнымъ къ должности моей только три дни, во время котораго моего тамъ пребыванія отъ Херсонскаго магистрата на счетъ общественной суммы угощенія мнѣ никакого не происходило, да и приглашенія къ тому вовсе ни отъ кого не было. Ибо, какъ по имѣющимся у меня *достовѣрнымъ дорожнымъ запискамъ значится:* Іюня 4 ночью въ 10 часу съ полудня выѣхалъ я въ городъ, 5-го осматривалъ тамошнюю Греческую вновь строившуюся каменную церковь и, учиня надлежащее въ чемъ слѣдовало распоряженіе, возвратился въ свою квартиру, гдѣ и обѣдалъ и

*) Дѣло Св. Сѵнода 1794 г. № 93.

никуда въ гости не выѣзжалъ, 6-го служилъ въ тамошней соборной Екатерининской церкви Божественную литургію, 7-го отправлялъ дѣла къ духовенству того города и уѣзда касавшіяся, и въ тѣ два дни приглашаемъ былъ къ обѣденному столу частными людьми, и именно 6-го Грекомъ морскимъ офицеромъ, коего имени и прозванія не припомню, 7-го Грекомъ же маіоромъ Аѳанасіемъ Юрьевичемъ Керасовитомъ, а 8-го числа, рано, отправивъ весь свой обозъ въ путь и отобѣдавъ у тамошняго господина городничаго Ивана Никитича по собственному его же приглашенію, тотчасъ изъ города выѣхалъ. При обѣденныхъ оныхъ столахъ со мною кромѣ двухъ протопоповъ, Іоанна Сулимы, находившагося при мнѣ въ проповѣднической должности, и Херсонскаго Іоанна Богдановича никого болѣе не было; прочіе же чины, коихъ было два іеромонаха, протодіаконъ съ двумя діаконами и пѣвчіе, квартировали особо и никуда никѣмъ съ магистратныхъ чиновъ приглашаемы не были, а на продовольствіе ихъ также и находившихся служителей, тожъ на покупку сѣна и овса для лошадей, выдаваемы были отъ меня собственныя деньги».

17-го Января 1801 года Св. Сѵнодъ сообщилъ Сенату объясненіе митрополита Гавріила, чѣмъ дѣло и кончилось [1]).

Ко времени управленія митрополитомъ Гавріиломъ Екатеринославскою епархіей относится основаніе г. Одессы. Онъ и освятилъ мѣсто для города и нѣсколькихъ храмовъ [2]).

III.

2 Сентября 1799 г. скончался Кіевскій митрополитъ Іероѳей, и преемникомъ ему назначенъ митрополитъ Гавріилъ Бодони. Ссылаясь на слова Аскоченскаго о томъ, что императоръ Павелъ назначеніемъ симъ желалъ успокоить старца и оказать ему монаршее вниманіе за понесенныя имъ испытанія, г. Стадницкій тѣмъ самымъ хочетъ показать, что назначеніе Гавріила въ Кіевъ было единоличнымъ дѣломъ Императора. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго не было. Императоръ Павелъ показалъ прекрасный и поучительный примѣръ охраненія правъ Св. Сѵнода. 17 Сентября 1799 года Измайловъ изъ Гатчины писалъ оберъ - прокурору Св. Сѵнода Дмитрію Ивановичу Хвостову: «По отношенію ко мнѣ вашего превосходительства и по всеподданнѣйшему докладу моему, Государь Императоръ избрать кандидатовъ на мѣсто умершаго митрополита Іероѳея и представить отъ Св. Сѵнода о семъ докладъ высочайше дозволяетъ». Это офиціальная сторона дѣла. А неофиціально, но чрезъ какія именно посредства неизвѣстно, предложено было митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Гавріилу перейти на Кіевскую каѳедру. Это доселѣ неизвѣстное обстоятель-

---

[1]) Дѣло архива Св. Сѵнода 1800 г., № 1003.

[2]) Стадницкій, стр. 80.

ство подтверждается его письмомъ къ славному послѣдствію стихоплету: «Превосходительный господинъ, Дмитрій Ивановичъ. Милостивый государь! Я, довольно себя извѣдывая, не нахожу силъ, *чтобы принять правленіе назначаемыя мнѣ епархіи.* Мои лѣта и возобновленные припадки обезнадеживаютъ, чтобы получить облегченіе. Я располагаюсь просить увольненія отъ всѣхъ и нынѣшнихъ моихъ должностей. И такъ покорнѣйше прошу опредѣленіе доклада остановить и назначить для избранія другой день. Я съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства, милостиваго государя, усерднѣйшій слуга и богомолецъ Гавріилъ митрополитъ Новгородскій. Сентября 24 дня 1799 года» [1]). Не это ли самое письмо послужило основаніемъ для ходившихъ тогда слуховъ о переводѣ Гавріила Бодони въ Петербургъ [2]).

27 Сентября 1799 года Св. Сvнодъ представилъ для замѣщенія Кіевской каѳедры двухъ кандидатовъ: Новороссійскаго (переименованнаго при Павлѣ изъ Екатеринославскаго) митрополита Гавріила и Астраханскаго архіепископа Платона (Любарскаго). 29 Сентября, въ Гатчинѣ, императоръ Павелъ на представленномъ ему синодальномъ докладѣ написалъ: «перваго». При докладѣ представлены были Императору формуляры кандидатовъ, при чемъ Гавріилу показано было только 49 лѣтъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ему было 53. Въ формулярѣ Новороссійскаго митрополита ничего не говорилось о тѣхъ испытаніяхъ, которыя, по мнѣнію г. Аскоченскаго, обратили на него вниманіе Императора; тѣмъ болѣе нельзя было Гавріила Бодони въ это время назвать «старцемъ».

9-го Ноября 1799 года Гавріилъ Бодони оставилъ Новороссійскій архіерейскій домъ (въ Новоміргородѣ) и 17-го Ноября прибылъ въ Кіевъ «не забирая, какъ онъ самъ рапортовалъ Св. Сvноду, съ собой людей, принадлежащихъ къ Новороссійской епархіи» [3]). Въ началѣ царствованія Александра, 7-го Апрѣля 1801 года митрополитъ Гавріилъ получилъ званіе члена Св. Сvнода, безъ выѣзда изъ своей епархіи, и орденъ Св. Андрея Первозваннаго при слѣдующемъ рескриптѣ: «Преосвященный Гавріилъ митрополитъ Кіевскій! Узнавъ съ удовольствіемъ о попеченіи, какое вы простираете къ сохраненію порядка и благоустройства въ ввѣренной вамъ первопрестольной епархіи, нахожу себя обязаннымъ отдать достоинствамъ вашимъ совершенную справедливость и тѣмъ утвердить, колико любезны и почтенны для меня христіанскія добродѣтели, санъ вашъ украшающія. Въ семъ уваженіи сопричисляя васъ къ сословію членовъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, безъ отлученія васъ отъ вашей паствы,

---

[1]) Дѣло Св. Сvнода 1799 г. № 240.

[2]) Древняя и Новая Россія 1879 г., № 7, стр. 180.

[3]) Дѣло Св. Сvнода 1799 г. № 240.

признаю за благо возложить на васъ орденъ Св. Ап. Андрея Первозваннаго, коего знаки при семъ препровождаю. Пріятно мнѣ при семъ мыслить, что орденъ сей, установленный въ честь апостола, который первый водрузилъ крестъ вѣры на горахъ Кіевскихъ, съ толикимъ приличіемъ будетъ украшать пастыря Кіевской церкви. Впрочемъ, поручая себя вашимъ молитвамъ, пребываю вамъ всегда доброжелательный Александръ» *).

Будучи Кіевскимъ митрополитомъ, Гавріилъ совершенно неожиданно для себя подвергся было одной непріятности, кончившейся, впрочемъ, для него благополучно, благодаря его удивительной акуратности и осторожности. Отставной флотскій лейтенантъ Алексѣй Макшеевъ обратился въ Св. Сvнодъ съ просьбой о дозволеніи ему постричься въ монашество въ одномъ изъ монастырей Новороссійской епархіи. Св. Сvнодъ далъ ему позволеніе. Тогда Макшеевъ произвольно надѣлъ на себя монашеское одѣяніе, назвался Іерусалимскимъ путешественникомъ, около полугода странствовалъ на пути изъ Петербурга до Новоміргорода, былъ въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ и вездѣ подъ видомъ благочестія и набожности выпрашивалъ у истинно-благочестивыхъ людей пожертвованія на разоренные церкви и монастыри. Нѣкоторыя женщины, увлеченныя наружнымъ благочестіемъ Макшеева, жертвовали ему даже лучшія свои платья, куски разныхъ матерій. Благодаря этому, у него образовался запасъ самыхъ разнообразныхъ матерій и предметовъ, что дало ему возможность сдѣлать нѣсколько вещей для церковныхъ облаченій. Въ Міргородъ Макшеевъ прибылъ наканунѣ выѣзда оттуда митрополита Гавріила въ Кіевъ и письменно просилъ отъѣзжавшаго владыку взять его съ собою. Митрополитъ также введенъ былъ въ заблужденіе наружной набожностью и искреннимъ видомъ просителя. Макшеевъ еще въ Новоміргородѣ подносилъ въ даръ высокопреосвященному разныя вещи, отъ которыхъ тотъ сначала отказался совершенно. «Макшеевъ, какъ сообщалъ потомъ самъ митрополитъ Гавріилъ, изъясняясь объ усердіи своемъ и приверженности ко мнѣ, показывая крайнее свое прискорбіе и сумнѣніе о моемъ къ нему неблаговоленіи, убѣждалъ меня слезною просьбою къ принятію, употребя и другихъ людей склонить меня къ тому». Тогда митрополитъ, отдавъ ему нѣкоторыя вещи обратно, оставилъ у себя менѣе цѣнные предметы (напримѣръ фунтъ чаю, четки, полотенце). Изъ Новоміргорода проходимецъ Макшеевъ ѣхалъ вмѣстѣ съ митрополитомъ и на его собственныя средства; точно также и въ Кіевѣ около мѣсяца онъ жилъ на собственномъ содержаніи митрополита. Затѣмъ Гавріилъ опредѣлилъ его въ число послушниковъ Кіево-Печерской Ла-

*) Дѣло Св. Сvнода 1801 г. № 278.

вры и сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы его надѣляли отъ монастыря всѣмъ необходимымъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Кіевъ Макшеевъ просилъ митрополита принять у него разныя церковныя вещи, составляющія принадлежности церковной ризницы, освятить ихъ и употреблять въ церкви. Митрополитъ Гавріилъ хотя и не отказалъ въ исполненіи его просьбы и дозволилъ ризничему принять отъ него ризницу, но приказалъ сохранять ее впредъ до разсмотрѣнія. Окончательно принять ризницу Гавріилъ не хотѣлъ въ виду того, что еще не былъ увѣренъ въ твердомъ намѣреніи жертвователя принять монашество. Церковныя вещи Макшеева находились въ митрополичьей ризницѣ на храненіи не болѣе четырехъ мѣсяцевъ; нѣкоторыя изъ нихъ употреблялись при богослуженіи въ домовой митрополичьей церкви раза три, а иныя раза четыре, но никакъ не болѣе. Между тѣмъ жизнь Макшеева въ Кіево-Печерской Лаврѣ далеко не подходила подъ правила монашескаго благоповеденія: онъ рѣдко ходилъ въ церковь къ богослуженію, отлучался изъ Лавры безъ вѣдома начальства, обращался съ людьми дурного поведенія, занималъ и тратилъ деньги ссылаясь на то, что у него въ Лаврѣ у митрополита хранится принадлежащая ему дорогая ризница, имѣлъ у себя Нѣмецкій кафтанъ и всякое свѣтское платье, въ которое и переодѣвался, когда отправлялся въ городъ изъ Лавры. Наконецъ, онъ умѣлъ выпрашивать у самого митрополита, у его келейника, у ризничаго денегъ взаймы и конечно никому изъ нихъ не отдавалъ.

Когда до митрополита дошли слухи о дурномъ поведеніи Макшеева и особенно о дѣлаемыхъ имъ подъ ризницу займахъ, то онъ, во избѣжаніе разныхъ непріятностей, приказалъ своему ризничему возвратить ему его вещи подъ росписку. Макшеевъ подалъ митрополиту прошеніе объ увольненіи его изъ Лавры въ первобытное состояніе, на что и получилъ полное согласіе и увольненіе. Предъ выходомъ своимъ изъ Лавры, онъ предлагалъ митрополиту купить у него ризницу за тысячу рублей; но митрополитъ отказался, въ виду того, что въ Лаврѣ и безъ того имѣется богатая и многочисленная ризница. Митрополиту отставной лейтенантъ открывался, что, еще до принятія монашества, онъ намѣренъ былъ предпринять путешествіе въ Іерусалимъ и другія святыя мѣста, а на самомъ дѣлѣ, лишь только вышелъ изъ Лавры, какъ началъ гулять по Кіеву въ шелковыхъ чулкахъ и цвѣтныхъ Нѣмецкихъ кафтанахъ и очень скоро женился на одной вдовой поручицѣ.

Макшеевъ почему-то счелъ себя обиженнымъ митрополитомъ Гавріиломъ и сталъ ему мстить самымъ возмутительнымъ образомъ. Онъ подалъ на митрополита жалобу Кіевскому губернатору Беклешову, въ которой требовалъ уплаты себѣ полутора тысячи рублей за ризницу,

испорченную и порванную будто бы въ домовой церкви митрополита. Другимъ прошеніемъ, поданнымъ тому же губернатору, онъ просилъ взыскать съ митрополита болѣе ста рублей денегъ за разныя пустыя вещи, поднесенныя имъ митрополиту въ презентъ. Губернаторъ оставилъ оба прошенія безъ всякихъ послѣдствій. Тогда Макшеевъ обратился съ прошеніемъ на высочайшее имя, въ которомъ излагалъ тѣже самыя нахальныя требованія. Прошенія его переданы были отъ Государя въ Св. Сѵнодъ, который и потребовалъ отъ Гавріила подробнаго объясненія. По выслушаніи представленныхъ Кіевскимъ митрополитомъ объясненій, Сѵнодъ 15-го Іюля 1800 года постановилъ: оштрафовать за такую дерзость Макшеева, о чемъ дано было знать Кіевскому Губернскому Правленію. Въ Августѣ того же года сіе послѣднее чрезъ полицію взыскало съ Макшеева 82 р. 50 копѣекъ штрафа изъ его третного жалованья, и о рѣшеніи Сѵнода доведено до свѣдѣнія Государя [1]).

Г. Стадницкій не даетъ въ своей книгѣ никакихъ данныхъ для характеристики митрополита Гавріила, какъ епархіальнаго администратора Кіевской митрополіи. Нельзя не пожалѣть и о томъ, что вмѣсто непосредственнаго изученія отношеній Гавріила къ подвѣдомственной ему Кіевской Академіи изслѣдователь ограничился ссылкою на сочиненіе Аскоченскаго, изъ котораго онъ выписалъ только оглавленіе статей, касающихся изучаемой имъ личности, откуда видно, что Гавріилъ входилъ во всѣ самыя частныя стороны академической жизни.

Изъ дѣлъ синодальнаго архива видимъ, что митрополитъ Гавріилъ отличался строгою наблюдательностію и внимательно слѣдилъ за дѣйствіями многочисленныхъ въ его епархіи католиковъ и уніатовъ. Такъ въ 1803 году до него дошло свѣдѣніе о томъ, что при костелѣ въ селѣ Копачевѣ, Кіевскаго уѣзда, въ должности костельнаго дьячка состоялъ православный крестьянинъ Андрей Мухоморъ. Митрополитъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Сѵнода, который запретилъ упомянутому крестьянину отправлять дьячковскую должность при костелѣ [2]). Въ деревнѣ Гушкѣ, въ которой насчитывалось до 170 душъ православныхъ, недавно обратившихся изъ Уніи, жила вдова шляхтянка Бакинская, которая и стала распространять среди селенія слухи о томъ, что имѣющаяся въ ея домѣ икона Богоматери чудотворная. Къ ней въ избу явились уніатскіе священники и начали пѣть молебны и акаѳисты, увлекая къ себѣ православныхъ. Митрополитъ настоялъ на томъ, чтобы эта икона была взята въ Кіевскій костелъ. Были и другія печальныя картины религіозной жизни Кіевской паствы: такъ

[1]) Дѣло Св. Сѵнода 1800 г. № 274.

[2]) Дѣло Св. Сѵнода 1803 г. № 171.

вдова одного священника Анастасія Сидорова и племянникъ ея Василій Лагодинскій открыто перешли изъ Православія въ Унію [1]).

Въ одномъ изъ своихъ донесеній Гавріилъ сообщалъ Св. Сѵноду объ открывшемся въ одной деревнѣ страшномъ суевѣріи, подъ вліяніемъ котораго крестьяне собирались топить женъ [2]).

Гавріилъ охотно принималъ въ свою епархію выходцевъ изъ Молдавіи и Валахіи [3]), но съ непонятною строгостью относился къ тѣмъ изъ Русскихъ, которые принимали рукоположеніе въ священныя степени у Молдавскихъ архіереевъ и потомъ возвращались въ Россію. Такихъ священниковъ и діаконовъ, не смотря на всѣ документальныя доказательства, Гавріилъ предлагалъ Святѣйшему Сѵноду разстригать и посылать къ гражданскому начальству. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Сѵнодъ соглашался съ представленіемъ Кіевскаго митрополита, но иногда старался и смягчать его крутыя дѣйствія [4]).

16 Октября 1802 года митрополитъ Гавріилъ доносилъ Сѵноду: «14 Октября въ самомъ началѣ втораго часа пополудни было въ Кіевѣ землетрясеніе; оно продолжалось если не болѣе, то уже не менѣе трехъ или четырехъ минутъ и хотя отъ него не токмо деревянныя, но и всѣ вообще каменныя зданія по довольному примѣчанію довольно чувствительно и очевидно колебались, однако вреда никому и ничему не приключилось» [5]).

21 Августа 1803 года митрополитъ Гавріилъ, согласно прошенію, уволенъ былъ отъ управленія Кіевской митрополіей. Истинныя причины удаленія его на покой до сихъ поръ не выяснены; но то были не болѣзнь и старость. Ему въ это время было всего 57 лѣтъ. Гавріилъ получилъ и рескриптъ:

«Преосвященный Гавріилъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій!

Соболѣзнуя о причинахъ, побуждающихъ васъ просить объ увольненіи отъ управленія ввѣренной вамъ духовной паствы и желая содѣйствовать возстановленію здоровья вашего, указомъ Святѣйшему Правительствующему Сѵноду сего числа даннымъ удовлетворилъ я прошенію вашему, предписавъ во изъявленіе особеннаго моего вниманія, которое служеніе ваше на себя обращало, производить вамъ ежегодно по три тысячи рублей и единовременно выдать на обзаведеніе таковую же сумму. Надѣясь, что пребываніе въ благорастворенномъ климатѣ города Одессы будетъ имѣть желаемое вліяніе на здоровье

---

[1]) Дѣло Св. Сѵнода 1801 г. № 577.

[2]) Дѣло Св. Сѵнода 1801 г. № 620.

[3]) Дѣла Св. Сѵнода за 1800 годъ № 45, 1802 года №№ 549, 684, 928; за 1803 годъ № 334 и др.

[4]) Дѣло Св. Сѵнода 1800 г. № 217.

[5]) Дѣло Св. Сѵнода 1802 г. № 811.

ваше, пребываю вамъ доброжелательный Александръ. С.-Петербургъ, Августа 21-го 1803» [1]).

Въ Августѣ 1805 года [2]) митрополитъ Гавріилъ, вслѣдствіе дороговизны жизни въ Одессѣ, просилъ позволенія переѣхать въ городъ Дубоссары, на что и послѣдовало согласіе высочайшей власти [3]). Какъ въ Одессѣ, такъ и въ Дубоссарахъ митрополитъ Гавріилъ имѣлъ у себя, съ разрѣшенія Св. Сѵнода, домовую церковь. Священникъ и причетникъ этой церкви содержались на собственныя средства митрополита, которому представляло много труда подыскать подходящихъ для этой цѣли лицъ: являлись охотники, но такіе, которые отъ старости и болѣзненности едва могли совершать богослуженіе и если совершали его, то очень непродолжительное время [4]).

IV.

Въ 1806 году началась новая война Россіи съ Турціей. По занятіи Молдавіи Русскими войсками управленіе страной поручено было Русскимъ правительствомъ сначала сенатору Кушникову, а потомъ Милашевичу. Въ 1808 году Молдавія и Валахія, зависѣвшія до сихъ поръ въ церковномъ отношеніи отъ Константинопольскаго патріарха, подчинены были Русскому Св. Сѵноду. 27 Марта 1808 года состоялся именной высочайшій указъ Св. Сѵноду «о бытіи бывшему Кіевскому митрополиту Гавріилу паки членомъ Св. Сѵнода и онаго экзархомъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи». Еще ранѣе этого указа, 14 Марта, Св. Сѵнодъ обращался въ канцелярію оберъ-прокурора съ слѣдующимъ важнымъ вопросомъ: «на какомъ основаніи Греческіе патріархи уступили Св. Сѵноду прáва свои въ тѣхъ мѣстахъ, которыя пріобрѣтены Русскимъ оружіемъ?» 23 Марта канцелярія оберъ-прокурора отвѣчала, «что акта или дѣла объ ономъ въ архивѣ не оказалось». Послѣ высочайшаго указа 27 Марта Сѵноду некогда было думать о сохраненіи каноновъ церкви: ему нужно было торопиться исполненіемъ высочайшаго повелѣнія. 2 Апрѣля митрополиту Гавріилу посланы были въ Дубоссары выданные изъ Императорскаго Кабинета двѣ тысячи рублей на подъемъ. Тотчасъ по полученіи увѣдомленія о своемъ назначеніи экзархомъ въ Молдавію митрополитъ Гавріилъ отвѣчалъ синодальному оберъ-прокурору князю Голицину слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ отъ 2 Мая: «По полученіи въ благосклонномъ вашего сіятельства ко мнѣ отъ 9 Апрѣля начертаніи извѣстія о всемилости-

[1]) Дѣло Св. Сѵнода 1803 г. № 558.
[2]) У Стадницкаго, стр. 86, ошибочно сказано въ 1804 году.
[3]) Дѣло Св. Сѵнода 1803 г. № 558. Дѣло канцел. оберъ-прокурора № 2.408.
[4]) Дѣло Св. Сѵнода 1808 г. № 147.

вѣйшемъ монаршемъ соизволеніи о мнѣ, *согласно моему изъясненію*, спѣшу принесть вамъ, высокомилостивый мой благодѣтель, нижайшую мою благодарность за сіе высокое покровительство и милость. Въ восторгѣ души моей, чувствуя всю цѣну добродѣтелей вашего сіятельства, молю Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, да украситъ здравіе и умножитъ драгоцѣнную жизнь вашего сіятельства при всякомъ благоденствіи къ пользѣ Церкви Святой и славѣ отечества и меня нижайшаго да удостоитъ оправдать сіе высокое покровительство вашего сіятельства». Изъ этого письма видно, что митрополитъ Гавріилъ самъ предложилъ Голицыну свои услуги для занятія экзархатства Молдавлахійскаго.

18 Мая прибылъ новый экзархъ въ Яссы и 22 числа того же мѣсяца въ соборной церкви Св. Великомученика Георгія, въ присутствіи главнокомандующаго князя Прозоровскаго, всѣхъ наличныхъ генераловъ, членовъ дивана и тамошняго дворянства, принесъ и присягу на должность. Для того, чтобы присяга была понятна всѣмъ присутствовавшимъ въ храмѣ, по принесеніи ея митрополитомъ, она была въ Молдавскомъ переводѣ прочитана Герасимомъ, епископомъ Романскимъ. Въ присягѣ, согласно сдѣланному при самомъ назначеніи Гавріила въ Молдавію синодальному распоряженію, дозволявшему сообразно съ мѣстными обстоятельствами и съ одобренія главнокомандующаго сдѣлать необходимыя измѣненія и дополненія, прибавлены были два слѣдующія выраженія: «хощу и долженъ есмь Его Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Александру Павловичу, Самодержцу Всероссійскому, главѣ Грекокаѳолическія Православныя Церкви и великому покровителю края сего, вѣрно и нелицемѣрно служить, не менѣе того по обязанности синодальнаго экзарха, всемилостивѣйше отъ Его Императорскаго Величества на меня возложенной, съ полнымъ усердіемъ пещись о благѣ ввѣренной мнѣ паствы и наставлять оную на путь истины и къ соблюденію законовъ Св. Православныя Грекокаѳолическія Христіанскія вѣры».

Митрополитъ Гавріилъ 5-го Іюня писалъ оберъ-прокурору князю Голицыну: «Долгомъ поставляю вашему сіятельству донести, что я прибылъ въ столичный городъ Молдавскаго княжества Яссы благополучно, гдѣ принятъ съ великою радостью всего здѣшняго народа и, на основаніи полученнаго мною изъ Св. Сѵнода указа, по учиненіи присяги, въ управленіе ввѣренной мнѣ паствы вступилъ, о чемъ я Св. Сѵноду по сей же почтѣ рапортую. Долѣе же затруднять вашего сіятельства распространеніями изъясненій по моей должности не разсудилъ нынѣ, ожидая болѣе свѣдѣній текущихъ дѣлъ, а докладываю только, что кромѣ Молдавской епархіи, отъ которой митрополитъ Веніаминъ, еще въ Февралѣ мѣсяцѣ, совершенно и публично отказался, и въ которой я, для рѣшенія текущихъ дѣлъ по порядку, духовную династерію изъ здѣшняго духовенства особо учредилъ, и

Валахійская епархія, въ разсужденіи чрезвычайнаго общаго безпорядка, требуетъ, дабы въ штатѣ экзаршества учредилось присутственное мѣсто изъ достойныхъ и дѣятельныхъ Россійскихъ духовныхъ особъ, знающихъ законы и порядокъ, которое было-бъ при экзархѣ для заведенія надлежащаго порядка. Я для обозрѣнія намѣренъ въ Букарештъ ѣхать послѣ нѣкотораго времени и тогда не упущу прислать вашему сіятельству подробное обо всемъ изъясненіе, какъ и о доходахъ и долгахъ Ясской митрополіи, въ которой его сіятельство, князь А. А. Прозоровской совѣтуетъ имѣть мнѣ пребываніе. Нужныхъ для штата моего людей еще не собралъ и думаю просить Св. Сѵнодъ, дабы отпустить мнѣ именно, коихъ знаю, изъ Россіи. Письмоводителя требовалъ изъ Екатеринославской консисторіи и ожидаю нетерпѣливо».

По званію Молдавлахійскаго экзарха, Гавріилу подчиненъ былъ и Валахійскій митрополитъ, съ тремя подвѣдомственными ему епископами. Ему же, какъ экзарху, подчинены были два епископа Молдавской митрополіи. Такимъ образомъ въ рукахъ его сосредоточилась обширная власть. Въ Яссахъ онъ исполнялъ двѣ должности, и екзарха, и митрополита. Кромѣ того, на основаніи мѣстныхъ Молдавскихъ законовъ, онъ занималъ первое мѣсто въ Молдавскомъ диванѣ, благодаря чему имѣлъ вліяніе и на гражданскія дѣла страны.

Въ Сентябрѣ 1808 года митрополитъ Гавріилъ учредилъ въ Яссахъ, для управленія дѣлами экзархата, экзаршескую дикастерію; кромѣ того, въ Яссахъ же учреждена была, для завѣдыванія дѣлами собственно Молдавской митрополіи, духовная консисторія. Штатъ экзаршеской дикастеріи состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: трехъ членовъ присутствующихъ, одного секретаря, двухъ повытчиковъ, четырехъ писцовъ, двухъ переводчиковъ, одного экзекутора и двухъ сторожей. На содержаніе дикастеріи, каѳедральнаго собора и свиты архіерейской назначено было 24.420 рублей или сорокъ тысячъ семьсотъ левовъ. Экзарху лично назначено было жалованье въ 10.800 р. Содержаніе экзарха и его штата получалось изъ средствъ страны, чрезъ диваны Молдавіи и Валахіи. Въ помощь себѣ по управленію обширнымъ Молдавскимъ экзархатомъ митрополитъ Гавріилъ, съ высочайшаго разрѣшенія, выписалъ изъ Одессы бывшаго своего ученика, протоіерея Одесскаго Николаевскаго собора, Петра Куницкаго. На дорогу о. Куницкому выдано было изъ Кабинета пятьсотъ рублей.

31-го Октября 1808 года митрополитъ Гавріилъ писалъ князю Голицыну: «Въ Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ обозрѣвалъ я нѣкоторыя мѣста ввѣренной мнѣ паствы и былъ въ столичномъ Валахійскомъ городѣ Бухарестѣ, гдѣ прожилъ болѣе 20 дней. Чтò мною усмотрѣно доселѣ и сдѣлано по должности въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, о томъ посылаю донесеніе въ Святѣйшій Сѵнодъ, предварительно представляя оное при семъ вашему сіятельству, яко моему благодѣтелю, утруждаю

покорнѣйшею моею просьбой разсмотрѣть и потомъ въ Святѣйшій Сvнодъ доставить. По содержанію перваго отношенія вашего сіятельства относительно нынѣшней должности моей, коимъ предоставить мнѣ изволили избрать мѣсто для всегдашняго пребыванія, и поелику митрополитъ Молдавскій Веніаминъ отказался отъ епархіи, разсмотрѣть, будутъ ли митрополитанскіе доходы довольны къ содержанію моему со штатомъ, симъ честь имѣю донести, что сходно съ желаніемъ и совѣтомъ господина главнокомандующаго арміей, генералъ-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровскаго, я остался пребываніемъ въ Яссахъ, хотя домъ митрополитанскій здѣсь очень невмѣстительный и безъ пристройки; почти расположиться со всѣмъ штатомъ невозможно, да и пристроить не изъ чего: ибо хотя митрополія имѣетъ нехудые доходы, но бывшими митрополитами Іаковомъ и Веніаминомъ введена въ тяжкіе долги, которые простираются выше двухсотъ тысячъ левовъ по неоспоримымъ векселямъ, платя однихъ процентовъ до 18 тысячъ левовъ въ годъ. И потому доходы митрополитанскіе едва ли довлѣютъ на содержаніе епархіальнаго здѣшней митрополіи штата, духовныхъ чиновниковъ съ дикастеріей, на нужные по экономіи и другимъ надобностямъ расходы, на уплату процентовъ и по малой части долговъ, которые я принужденъ по возможности выплачивать; а на экзаршескій штатъ ничего почти не остается. Вслѣдствіе сего, господинъ тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ, предсѣдательствующій въ диванахъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, Сергій Сергіевичъ Кушниковъ, по моему представленію, обѣщался словесно назначить изъ обоихъ дивановъ и изъ доходовъ Бессарабіи на содержаніе экзарха тридцать тысячъ левовъ (пятнадцать тысячъ рублей) и оную сумму начинать производить съ 1-го числа Генваря слѣдующаго 1809 года; а до того я содержу штатъ изъ нѣкоторой суммы, собственно мнѣ отъ дивана, при вступленіи въ должность, доставленной. Означенная сумма тридцать тысячъ левовъ, по здѣшней дороговизнѣ во всѣхъ вещахъ и съѣстныхъ припасахъ, особливо ежели экзархъ не будетъ вмѣстѣ пользоваться и митрополитанскими доходами, а останется на одномъ экзаршескомъ жалованьѣ, недостаточна будетъ на содержаніе экзарха со штатомъ. И потому осмѣливаюсь утруждать ваше сіятельство моею просьбой о прибавкѣ, по благоразсмотрѣнію вашего сіятельства, и дабы отпускъ суммы, какая будетъ рѣшительно назначена, былъ надеженъ, исходатайствовать высоко-монаршаго на то утвержденія. Затѣмъ прилагаю примѣрное положеніе экзаршескаго штата и покорнѣйше прошу, милостивый благодѣтель, разсмотрѣть оное, и въ чемъ заблагоразсудить изволите не оставьте учинить свои дополненія и по утвержденіи прислать».

Въ Декабрѣ 1808 года митрополитъ Гавріилъ, по ходатайству князя Голицына, получилъ крестъ изъ драгоцѣнныхъ камней для ношенія на бѣломъ клобукѣ на голубой лентѣ. Крестъ оцѣнивался въ пять тысячъ сорокъ пять рублей. Первоначально Молдавлахійскому экзарху назначена была панагія цѣнностью въ четыре тысячи двѣсти рублей, но затѣмъ она была возвращена въ Кабинетъ. Протоіерею Куницкому въ тоже время пожалованъ былъ орденъ Анны 2-го класса.

Въ Декабрѣ же 1808 года синодальный оберъ-прокуроръ князь Голицынъ писалъ главнокомандующему князю Прозоровскому о томъ, что Молдавскіе бояре, по высочайшему покровительству, получили обратно вотчины, отнятыя у нихъ Турками во время владычества послѣднихъ; что же касается до монастырскихъ вотчинъ, то онѣ остались еще не возвращенными. Эти вотчины раньше, во время командованія графа П. А. Румянцова, были возвращаемы монастырямъ. «Государь, сообщалъ Голицынъ главнокомандующему, находитъ, что и нынѣ лучше было бы не брать монастырскихъ вотчинъ въ казну, и приказалъ спросить вашего мнѣнія». Послѣдній въ свою очередь пожелалъ знать мнѣніе по этому вопросу предсѣдателя въ диванахъ сенатора Кушникова. Сенаторъ отвѣчалъ главнокомандующему, что возвратъ всѣмъ боярамъ ихъ удѣловъ можетъ поселить въ отчужденномъ сего преимущества духовенствѣ заключеніе, хотя и мнимое, что недовольно уважается ихъ санъ, коего вліянія въ *нынѣшнихъ обстоятельствахъ сего края* могутъ быть ощутительно полезны нашей державѣ, то и почитаю полезнымъ отдать и монастырямъ ихъ вотчины, дабы тѣмъ отдалить и малѣйшее сомнѣніе духовенства». Государь повелѣлъ возвратить вотчины монастырямъ.

Для того, чтобы расположить духовенство страны въ пользу Россіи, Русское правительство щедро раздавало награды его представителямъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и совсѣмъ того не заслуживали. Такъ митрополитъ Валахійскій Досиѳей получилъ орденъ Анны 1 класса при рескриптѣ, епископъ Романскій Герасимъ и Іосифъ, епископъ Арджескій, оба получили, по представленію экзарха, драгоцѣнныя панагіи изъ Императорскаго Кабинета. Награжденіе Валахійскаго митрополита имѣло въ глазахъ экзарха особую заднюю цѣль. «Не могу скрывать предъ вашимъ сіятельствомъ», писалъ экзархъ князю Голицыну въ Петербургъ отъ 31 Октября 1808 года, «что всѣ не только духовные, но и свѣтскіе формально жалуются и негодуютъ на митрополита Досиѳея; да и въ томъ объясниться долгомъ себя поставляю, что при правленіи его Валахійскою митрополіей, кромѣ всѣхъ слабостей его, мною замѣченныхъ, противъ которыхъ жалуется паства, не предвижу и желаемаго успѣха въ предполагаемомъ учрежденіи благоустройства и порядка: онъ человѣкъ тонкой мірской политики по признанію всѣхъ, но повидимому, не привыкъ править подъ руководствомъ чьимъ-либо. Я бы весьма радъ былъ, ежелибъ онъ нынѣ при вступленіи сихъ княжествъ подъ покровительство и власть всемилостивѣйшаго Монарха нашего Александра Перваго обрадованъ былъ какимъ-нибудь знакомъ отличія яко митрополитъ княжества Валахійскаго, и потомъ бы за глубокою старостію и слабостію самъ просился на покой» *).

*) Исторія назначенія Гавріила экзархомъ изложена нами на основаніи дѣла канцеляріи оберъ-прокурора № 3 550.

Экзархъ при управленіи Молдавлахійской церковію имѣлъ въ виду приблизить это управленіе къ организаціи Русской церкви. Такъ, кромѣ дикастеріи, онъ ввелъ и назначилъ благочинныхъ, для руководства которыхъ перевелъ съ Русскаго языка на Молдавскій благочинническую инструкцію. Тѣже самыя распоряженія сдѣланы были экзархомъ и въ Валахіи, хотя нѣсколько позднѣе: введеніе метрическихъ книгъ для записи родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ, учрежденіе въ приходахъ церковныхъ старостъ. Румынскіе церковные историки говорятъ, что количество священниковъ въ Молдавіи и Валахіи было тогда такъ велико, что соперничало съ количествомъ міряна [1]). Нельзя не пожалѣть о томъ, что г. Стадницкій не позаботился представить болѣе обстоятельныя, а главное документальныя данныя по затронутому имъ вопросу. Эти данныя могли быть добыты имъ и изъ мѣстныхъ архивовъ. Приводимъ нѣсколько статистическихъ свѣдѣній, взятыхъ нами изъ архива Св. Сѵнода. По сообщенію экзарха, въ Молдавіи и Бессарабіи находилось монастырей и скитовъ 203, мірскихъ (приходскихъ) церквей—2.312, въ томъ числѣ въ самыхъ Яссахъ 32 мірскія церкви, всѣхъ монашествующихъ 1.860, всего бѣлаго духовенства—15.197, всего православнаго населенія мужскаго пола—405.091, женъ и дѣтей у духовенства — 9.358, женъ и дѣтей у остальныхъ обывателей—382.678; всего населенія обоего пола въ Молдавіи и Бессарабіи—814.605. Въ митрополіи Валахійской: въ самой столицѣ Валахіи Бухарештѣ приходскихъ церквей 186, во всей Валахіи 3.105 церквей приходскихъ, всѣхъ вообще церквей и монастырей 3.308, всего духовенства 16.305 (за исключеніемъ священно и церковнослужительскихъ дѣтей), въ томъ числѣ однихъ священниковъ насчитывалось 6.149; всего православнаго народонаселенія 656.780 [2]).

Одною изъ мѣръ для ограниченія количества духовенства митрополитъ Гавріилъ поставилъ требованіе извѣстнаго образовательнаго ценза отъ всѣхъ лицъ, желающихъ поступать на служеніе церкви, чего до сихъ поръ въ Молдавіи и Валахіи не требовалось. Бывшее около Яссъ при монастырѣ Соколѣ училище для обученія священно-церковнослужительскихъ дѣтей церковному чтенію и пѣнію экзархъ проектировалъ со временемъ обратить въ полную духовную семинарію со введеніемъ въ кругъ обязательныхъ предметовъ и Русскаго языка. Въ Валахіи не было никакого училища, и потому митрополитъ Гавріилъ предложилъ Валахійскому дивану устроить таковое для образова-

---

[1]) Стадницкій, стр. 123.

[2]) Дѣла Святѣйшаго Сѵнода 1811 г. № 442; 1808 г. № 571. Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора N 3.897.

нія дѣтей духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ экзархъ пріискивалъ и способныхъ для этой цѣли людей. Съ этою между прочимъ цѣлію имъ вызваны были изъ Одессы протоіерей Куницкій и изъ Кіевской Академіи учитель Иванъ Нестеровичъ (впослѣдствіиИриней, архіепископъ Иркутскій † 1864 г.). Въ виду большаго наличнаго состава священноцерковнослужителей экзархомъ сдѣлано было распоряженіе всѣмъ подвѣдомственнымъ ему епископамъ о томъ, чтобы они пріостановились вовсе рукоположеніемъ впредъ до распредѣленія по мѣстамъ наличныхъ священно и церковнослужителей *).

Особенное вниманіе митрополитъ Гавріилъ обратилъ на установленіе правильныхъ отношеній церковной власти къ гражданской. Вскорѣ по вступленіи своемъ въ управленіе экзархатомъ онъ возбудилъ вопросъ о томъ, чтобы гражданское начальство не вмѣшивалось въ дѣла церковнаго управленія. Объ этомъ онъ ходатайствовалъ предъ сенаторомъ Кушниковымъ. Для защиты духовенства отъ произвола гражданскаго начальства въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ митрополитъ Гавріилъ настоялъ на томъ, чтобы слѣдствія надъ духовными лицами, совершившими тѣ или другія уголовныя преступленія, производились при депутатахъ съ духовной стороны по назначенію Консисторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ для руководства означенныхъ депутатовъ при слѣдственныхъ дѣлахъ, касающихся духовныхъ лицъ, имъ составлена и напечатана была особая инструкція, излагающая обязанности и кругъ дѣйствій депутатовъ съ духовной стороны.

Духовенство въ Молдавіи и Валахіи въ разсматриваемое время много терпѣло отъ злоупотребленій бояръ вообще, въ особенности же бояръ, засѣдавшихъ въ диванахъ. Члены дивановъ облагали духовенство контрибуціонными сборами и привлекали духовныхъ лицъ къ отбыванію разныхъ натуральныхъ повинностей. Экзархъ выступилъ энергическимъ борцомъ на защиту угнетеннаго духовенства; званіе экзарха Св. Сѵнода и первоприсутствующаго въ диванѣ открывало ему возможность бороться на этомъ пути не безъ успѣха. Въ Бухарестѣ, напримѣръ, по распоряженію дивана, домà священно и церковнослужителей отдаваемы были подъ квартиры военныхъ. Экзархъ просилъ Кушникова сдѣлать распоряженіе объ освобожденіи домовъ духовенства отъ военнаго постоя. По настоянію Кушникова диванъ предписалъ освободить священниковъ отъ этой повинности. Не смотря впрочемъ на распоряженія дивана и на приказы сенатора Кушникова, дома священниковъ продолжали отдаваться подъ воинскій постой, въ чемъ особенно виновато было самоволіе исправниковъ и квартальныхъ изъ Евре-

*) Стадницкій, стр. 123—136.

евъ. Кромѣ военнаго постоя духовенство наравнѣ съ простымъ народомъ обременяемо было и натуральными повинностями: перевозкою провіанта, устроеніемъ мостовъ и дорогъ, при чемъ за самый малѣйшій отказъ со стороны того или другого духовнаго лица отъ исполненія подобныхъ распоряженій земскіе исправники прибѣгали къ оскорбленіямъ и даже побоямъ. Были такіе возмутительные случаи, когда священниковъ схватывали въ облаченіи, во время совершенія божественной литургіи, увлекали изъ церкви и посылали ихъ со своими обозами перевозить провіантъ. Кушниковъ, согласно просьбѣ экзарха, уволилъ отъ должности нѣсколькихъ исправниковъ, болѣе другихъ виновныхъ въ оскорбленіи духовенства, опубликовалъ ихъ поступки и объявилъ всѣмъ исправникамъ, чтобы они оказывали духовенству должное почтеніе и не позволяли себѣ никакихъ насилій и произвола по отношенію къ нему.

Митрополитъ Гавріилъ много усилій употреблялъ и на то, чтобы освободить духовенство Молдавлахійское отъ денежныхъ податей и взносовъ. Диваны, особенно Валахійскій, облагали духовенство, даже не сносясь съ экзархомъ, такъ называемыми контрибуціонными деньгами. Противозаконныя дѣйствія бояръ-диванистовъ вызывали противодѣйствіе и энергическій отпоръ со стороны экзарха. Въ Сентябрѣ 1809 года преосвященный Гавріилъ обратился къ сенатору Кушникову «по поводу наложенія Валахійскимъ диваномъ на тамошнее духовенство и монастыри контрибуціоннаго сбора во сто двадцать тысячъ левовъ» и просилъ его объ освобожденіи духовенства отъ этого налога. Предсѣдательствующій въ диванахъ сенаторъ потребовалъ объясненій отъ Валахійскаго дивана по поводу сдѣланнаго имъ распоряженія о сборѣ денегъ съ духовенства, послѣ чего, по распоряженію Кушникова, диванамъ предписано было совершенно не вмѣшиваться въ дѣла касающіяся духовенства *). Преосвященный экзархъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ Валахійскаго дивана сообщалъ синодальному оберъ-прокурору 11 Октября 1809 года изъ Яссъ: «Нижайше прошу писать князю Багратіону, чтобы онъ далъ строгое повелѣніе Валахійскому дивану не угнетать монастырей и бѣлое духовенство налогами и работами наравнѣ съ мужиками: ибо до того дошло дѣло, что земскіе Волошскіе исправники изъ церквей въ священныхъ ризахъ тащили бѣдныхъ священниковъ, били немилосердно и гнали на работу ихъ для свозки сѣна по станціямъ и хотя по моимъ жалобамъ г. президентъ дивановъ Сергій Сергѣевичъ Кушниковъ наказалъ оныхъ исправниковъ удаленіемъ отъ должности и предписалъ Волошскому дивану запретить такіе неслыханные поступки съ духовными лицами, но потомъ оный диванъ опять далъ повелѣніе употребить ихъ на та-

*) Стадницкій, стр. 140—158.

кую же работу и употребляются, и сіе кажется по интригамъ въ диванѣ митрополита Досиѳея, который вмѣсто защиты самъ подписалъ такое обидное для духовенства опредѣленіе повидимому, чтобъ надсмѣхаться надъ моимъ стараніемъ о духовенствѣ: ибо въ бытность мою въ Валахіи диванъ Волошскій далъ общее повелѣніе не подвергать духовенство ни къ какимъ налогамъ и работамъ, какъ и въ Молдавіи диванъ не только священниковъ, но и причетниковъ публичнымъ работамъ и налогамъ никогда не подвергалъ» [1]). Оберъ-прокуроръ 5-го Ноября доложилъ письмо экзарха Государю, который чрезъ главнокомандующаго князя Багратіона далъ строжайшее повелѣніе Валахійскому дивану «воздерживаться отъ всякихъ обидъ и притѣсненій духовнымъ лицамъ».

Экзархъ вооружался противъ денежныхъ сборовъ съ духовенства, произвольно налагаемыхъ на него диванами; но съ другой стороны, зная бѣдственное положеніе простого народа, для облегченія его, склонялъ подчиненное себѣ духовенство къ добровольному пожертвованію на нужды Русской арміи. Такъ благодаря стараніямъ экзарха, Молдавское и Валахское духовенство въ 1809 году пожертвовало значительную сумму на нужды арміи, за что м. Гавріилъ получилъ высочайшій рескриптъ. «Преосвященный митрополитъ Гавріилъ, Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи экзархъ. Къ совершенному удовольствію моему зрѣлъ я подвигъ Молдавскаго духовенства, ознаменовавшаго любовь свою къ отечеству принесеніемъ отъ достоянія своего 76.640 левовъ на пользу арміи. Толь похвальный примѣръ достойное возродилъ соревнованіе и въ Валахійскомъ духовенствѣ, жертвующемъ нынѣ для того же предмета 150.000 левовъ. Относя подвигъ сей къ одному изъ многихъ доказательствъ отличнаго служенія вашего, мнѣ пріятно изъявить вамъ мою признательность и купно съ симъ удостовѣрить Валахійское духовенство въ совершенномъ и непремѣнномъ моемъ благоволеніи. Пребываю всегда вамъ благосклонный Александръ. С.-Петербургъ, 25 Февраля 1810 года» [2]).

Не смотря на предписанія высшаго начальства, диваны продолжали угнетать Православное духовенство. Такъ въ 1810 году Валахійскій диванъ самовольно обложилъ монастыри и бѣлое духовенство контрибуціею на поставку для арміи провіанта и обязалъ духовенство участвовать наравнѣ съ поселянами въ починкѣ мостовъ и перевозкѣ сѣна къ Дунаю и за Дунай. Экзархъ возсталъ противъ этого незаконнаго распоряженія Валахійскаго дивана и обратился къ Русскому главнокомандующему графу Каменскому 2-му съ протестомъ противъ вмѣшательства дивана въ дѣла церкви и обремененія имъ духовенства разными повинностями. Главнокомандующій сообщилъ о притѣсненіяхъ дѣлаемыхъ Валахійскимъ

---

[1]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора, № 3898.

[2]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора, 3.907, л. 37.

диваномъ духовенству, предсѣдателю дивана сенатору Красно-Милашевичу. По распоряженію сенатора контрибуціонный сборъ былъ отмѣненъ, и одновременно съ тѣмъ предписано было дивану и всѣмъ земскимъ властямъ, «дабы они перестали угнетать духовенство и обращать оное въ обывательскія повинности и вообще прикосновенности къ нему не имѣли» *).

Всѣ распоряженія экзарха, всѣ благотворныя мѣры, вводившіяся имъ въ Молдавлахійской церкви, получали свою поддержку въ Петербургѣ. Оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода князь Голицынъ представленіямъ Молдавлахійскаго экзарха давалъ быстрый и рѣшительный ходъ. Весьма часто оберъ-прокуроръ бумаги, получаемыя изъ Молдавіи, докладывалъ непосредственно Государю, помимо Сѵнода, и отъ имени Государя давалъ ходъ и направленіе дѣламъ такое, какое соотвѣтствовало планамъ и желаніямъ представителя Молдавлахійской церкви.

Г. Стадницкій, излагая цѣлый рядъ мѣропріятій митрополита Гавріила по управленію Молдавлахійской церковію, не объясняетъ главной причины успѣховъ предпринятыхъ имъ реформъ; точно также онъ не берется объяснять причинъ той смѣлости и рѣшительности, съ которою выступалъ экзархъ въ своихъ представленіяхъ и многочисленныхъ ходатайствахъ. Да это и не въ предѣлахъ возможности для изслѣдователя. Разгадка всѣхъ этихъ дѣйствій экзарха кроется вдали, въ Петербургѣ, гдѣ его всею силою своего могущественнаго вліянія поддерживалъ первый царедворецъ Александра I, князь Голицынъ. Мало того, въ Петербургѣ старались съ избыткомъ вознаграждать митрополита Гавріила за тѣ хлопоты, какіе выпадали на его долю въ Молдавіи и Валахіи. Что это было такъ, видно изъ слѣдующаго.

30-го Января 1810 года Государь, по ходатайству оберъ-прокурора князя Голицына, повелѣть соизволилъ сдѣлать на счетъ Кабинета для Молдавовлахійскаго экзарха митрополита Гавріила бархатную мантію, которая 24 Марта и была отправлена ему при письмѣ синодальнаго оберъ-прокурора.

Русскіе главнокомандующіе высоко цѣнили заслуги и дѣятельность митрополита Гавріила. 9-го Августа1809 года князь Прозоровскій скончался. Новый главнокомандующій князь Багратіонъ во время командованія Дунайской арміей силою своей могущественной власти поддерживалъ митрополита Гавріила въ его трудахъ по управленію. Князь Багратіонъ командовалъ арміей до весны 1810 года, въ Мартѣ того же года принялъ начальство надъ нею графъ Н. М. Каменскій. Въ свое короткое время командованія онъ по отношенію къ экзарху держалъ себя

*) Стодницкій, стр. 163.

очень предупредительно. Только два послѣдніе главнокомандующіе графъ Кутузовъ (съ 7 Апр. 1811 г. по 12 Мая 1812 г.) и адмиралъ Чичаговъ поставили себя, особенно первый, во враждебныя отношенія къ экзарху, на что были впрочемъ особыя причины.

V.

Не смотря на твердый и энергическій образъ дѣйствій экзарха въ защитѣ духовенства отъ произвола свѣтскихъ властей, отдѣльные случаи насилія и обидъ духовнымъ лицамъ не прекращались. Въ 1811 году Молдавскій и Валахійскій диваны, въ разрѣзъ всѣмъ распоряженіямъ Русскаго правительства, опять обложили духовенство контрибуціею. Г. Стадницкій*) говоритъ, что объ этихъ своевольныхъ распоряженіяхъ калановъ и насиліяхъ надъ духовенствомъ земскихъ исправниковъ доведено было до свѣдѣнія Государя Александра I, но какимъ путемъ, неизвѣстно. На самомъ дѣлѣ изъ документовъ, имѣющихся въ архивѣ Сvнода, этотъ путь извѣстенъ очень хорошо. Дѣло въ томъ, что митрополитъ Гавріилъ, выведенный вѣроятно изъ терпѣнія постоянными обидами и притѣсненіями духовенства, рѣшился разъ навсегда положить конецъ такому тяжелому порядку вещей. Кромѣ того у него накопилось немало и другихъ важныхъ вопросовъ, касавшихся разныхъ сторонъ управляемаго имъ экзархата, которые требовали авторитетнаго разрѣшенія центральной власти. Писать о нихъ въ Петербургъ представлялись немаловажныя препятствія. Извѣстно, что вся переписка, въ томъ числѣ и переписка экзарха съ Петербургомъ, происходила, по случаю военнаго времени, чрезъ главную квартиру. Митрополитъ Гавріилъ опасался такимъ путемъ посылать свои бумаги, въ которыхъ встрѣчались описанія нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ въ образѣ дѣйствій высшихъ Русскихъ военныхъ властей и въ поведеніи Русскихъ войскъ. Перлюстрація писемъ—дѣло самое обыкновенное въ военное время. И митрополитъ своею перепискою, отправляемою такимъ путемъ, могъ бы не достигнуть желаемыхъ цѣлей, а только повредилъ бы себѣ во взглядахъ на него главнокомандующаго и военныхъ властей. Экзархъ избралъ для достиженія своихъ цѣлей особенный путь: онъ сталъ просить дозволенія пріѣхать самому въ Петербургъ по дѣламъ своего экзархата. 8-го Августа 1811 года онъ написалъ изъ Яссъ слѣдующее письмо къ князю Голицыну:

«Хотя нѣкоторыя злоупотребленія, въ епархіяхъ мнѣ ввѣренныхъ до опредѣленія моего существовавшія, о которыхъ вашему сіятельству и Святѣйшему Сvноду извѣстно, съ Божіею помощію и покровитель-

*) Стр. 163.

ствомъ благочестивѣйшаго Монарха исправлены, но за всѣмъ тѣмъ вящшая польза здѣшней церкви и долгъ мой и исправленіе еще нѣкоторыхъ обычаевъ, вошедшихъ по обстоятельствамъ бывшихъ временъ и правительства въ дѣянія церкви, принудили меня рѣшиться покорно просить позволенія явиться лично въ Св. Сѵнодъ для обстоятельнѣйшаго объясненія и для полученія разрѣшенія какъ на сіи, такъ и на другія потребующія исправленія обстоятельства, *въ чемъ на письмѣ не такъ удобно объясниться можно.* Не скрываю притомъ предъ вашимъ сіятельствомъ и того, что я имѣю усерднѣйшее желаніе повергнуть себя лично къ стопамъ благочестивѣйшаго Монарха, общаго покровителя Святой Церкви и православныхъ народовъ съ вѣрноподданническою признательностію и благодареніемъ за высокія Его Императорскаго Величества милости, на меня изліянныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ получить и то удовольствіе, каковое предполагаю въ личномъ свиданіи и полученіи непосредственныхъ наставленій вашего сіятельства и Св. Сѵнода. До сего времени удерживало меня отъ исполненія сего желанія неимѣніе на кого оставить епархію, а какъ нынѣ по всемилостивѣйшему изволенію всеавгустѣйшаго Монарха и благотворному предстательству вашего сіятельства имѣю я помощникомъ викарія Молдавской митрополіи преосвященнаго епископа Бендерскаго и Аккерманскаго Димитрія, на котораго могу возложить исполненіе дѣлъ и служеніе, то покорнѣйше прошу вашего сіятельства исходатайствовать мнѣ благоволеніе Его Императорскаго Величества и благословеніе Св. Сѵнода пріѣхать въ столичный городъ С.-Петербургъ и на то снабдить меня пашпортомъ и подорожною.

Я рѣшился утруждать васъ, милостивый мой благодѣтель, сею нижайшею моей просьбою, надѣясь на покровительство вашего сіятельства, что не оставите какъ примѣрно по другимъ моимъ просьбамъ, такъ и по сему нынѣ великодушно удостоить меня споспѣшествованіемъ къ полученію желаемаго».

Замѣчательно въ этомъ письмѣ то, что экзархъ о причинахъ, побуждающихъ его предпринять поѣздку въ Петербургъ, говоритъ слишкомъ въ общихъ фразахъ и выраженіяхъ, вѣроятно для того, чтобы не подать повода къ подозрительному отношенію къ себѣ со стороны главной квартиры. 2-го Сентября Государь, по докладу князя Голицына, разрѣшилъ Молдавлахійскому экзарху пріѣздъ въ Петербургъ и приказалъ приготовить ему помѣщеніе на Троицкомъ подворьѣ Московскихъ митрополитовъ. По осмотрѣ дома Троицкаго подворья оказалось, что этотъ домъ имѣлъ большія неудобства. Тогда Государь повелѣлъ пріискать и нанять для пріѣзда митрополита Гавріила особый домъ у кого-нибудь изъ частныхъ лицъ. По высочайшему повелѣнію нанятъ былъ на счетъ казны домъ въ четвертой адмиралтейской части, у Калинкина моста, у отставнаго генерала Геринга срокомъ на четыре мѣсяца за шестьсотъ рублей, и на отдѣлку дома выдано изъ казны четыреста рублей. Домъ нанятъ былъ со службами и мебелью 1 Октя-

бря 1811 года. Кн. А. Н. Голицынъ обнаружилъ такую предупредительность къ Молдавлахійскому экзарху, что особымъ письмомъ спрашивалъ его о томъ, къ какому времени приблизительно онъ разсчитывалъ пріѣхать въ Петербургъ. Объ этомъ кн. Голицынъ спрашивалъ для того, чтобы своевременно откомандировать къ заставѣ особаго курьера для встрѣчи и проводовъ пріѣзжаго владыки до нанятаго для него дома. 26-го Октября князь Голицынъ препроводилъ свое письмо на имя митрополита Гавріила къ министру полиціи съ просьбою отослать его *на заставу для немедленнаго доставленія его* экзарху при самомъ въѣздѣ его въ городъ.

Между тѣмъ въ столицѣ для экзарха приготовлялся рѣдкій подарокъ. 13-го Октября 1811 года, Государь повелѣлъ на счетъ Кабинета приготовить для пожалованія митрополиту Гавріилу соболью шубу, покрытую темнозеленымъ или фіолетовымъ бархатомъ. Князь Голицынъ тотчасъ по пріѣздѣ въ столицу Гавріила увѣдомилъ его объ этой высокомонаршей милости. Письмомъ отъ 14-го Ноября м. Гавріилъ благодарилъ его за увѣдомленіе о царскомъ подаркѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ Молдавлахійскій экзархъ принялся за хлопоты по дѣламъ своего экзархата. Здѣсь, вдали отъ мѣста своего служенія, онъ могъ болѣе свободно и смѣло высказываться о разнообразныхъ его нуждахъ. 3-го Декабря 1811 года онъ препроводилъ къ кн. Голицыну особую записку, въ которой откровенно указывалъ на причины, побудившія его предпринять такое долгое путешествіе, да еще въ неблагопріятное время года. Приводимъ изъ нея выдержку.

«Издавна находятся въ городахъ Яссахъ и Букурештахъ публичныя школы, называемыя господарскія, яко бывшія подъ покровительствомъ господарей. Въ Яссахъ имѣютъ онѣ особенное свое зданіе при митрополіи, строенное бывшимъ господаремъ Молдавскимъ, покойнымъ Григоріемъ Гикою. Деньги же на содержаніе сихъ школъ, на жалованье учителямъ и нѣкоторымъ ученикамъ въ Молдавіи собираются отъ бѣлаго духовенства; а въ Валахіи отъ бѣлаго духовенства и отъ монастырей по древнему расположенію господарей, которые за то бѣлое духовенство облегчали отъ общественныхъ съ народомъ обязанностей; опекуны же сихъ школъ всегда бывали Молдавскій въ Молдавіи и Валахійскій въ Валахіи митрополиты, и опредѣленные три или четыре изъ бояръ; сіи же бояре болѣе занимались симъ опекунствомъ, нежели самъ митрополитъ. Въ нынѣшнемъ времени, да и прежде, въ сихъ школахъ ученіе производилось весьма плохо: ибо господа опекуны не такъ старались объ ученіи, какъ о собственной своей пользѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи школьные доходы и размѣряя жалованье учи-

телямъ и ученикамъ болѣе по интересной склонности, нежели по предвидимой пользѣ. Науки, кромѣ Греческаго языка, а иногда Французскаго или Латинскаго, не преподавались, а случаемъ были и такіе Греческіе учители, которые преподавали логику и математику, но безъ желаемаго успѣха, ибо ученики были только чужіе Греки, которые, получивъ по 10 и по 15 левовъ въ мѣсяцъ, больше склонялись быть при школѣ для полученія жалованья, нежели для упражненія въ наукахъ и при малѣйшемъ неудовольствіи, или чаяніи лучшаго состоянія, удалялись куда хотѣли. Изъ тамошнихъ же уроженцевъ или изъ боярскихъ дѣтей, въ сей школѣ весьма рѣдко учились; потому для уроженцевъ Молдавскихъ никакой пользы оныя школы не приносили, и не приносятъ. Того ради не угодно ли будетъ приказать оныя школы обратить въ духовную семинарію и отдать подъ единственное управленіе экзарха и его дикастеріи, который имѣлъ бы долгъ преобразить оную на подобіе духовныхъ въ Россіи семинарій, по нынѣшнимъ новымъ учрежденіямъ духовныхъ школъ, съ преподаваніемъ ученія и съ умноженіемъ наукъ по примѣру духовныхъ семинарій на Россійскомъ или Латинскомъ языкѣ? Греческій же, Французскій и Нѣмецкій преподавались бы въ сихъ школахъ такъ же своимъ порядкомъ, по примѣру Россійскихъ школъ, гдѣ могутъ не только духовные, но и свѣтскіе удобно учиться наукамъ и языкамъ. Свѣтскихъ же желаніе и просьба есть объ образованіи сихъ школъ для общей пользы. Въ такомъ расположеніи боярскіе кураторы вовсе не нужны; ибо экзархъ и его дикастерія должны какъ о состояніи школъ, объ успѣхахъ ученія и о доходахъ съ расходами, по командѣ, гдѣ повелѣно будетъ, ежегодно рапортовать. Но поелику школы сіи заняты нынѣ по повелѣнію г-на дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Красно-Милашевича присутственными мѣстами Молдавскаго дивана, а ученики и учители удалены въ другое мѣсто, совсѣмъ для нихъ тѣсное и неудобное, то не благоугодно ли будетъ приказать, дабы для дивана возвращенъ былъ въ управленіе господарскій дворецъ по прежнему, занятый нынѣ военнымъ госпиталемъ, каковой госпиталь въ серединѣ города, какъ для больныхъ по нездоровому воздуху, такъ и для города къ умноженію болѣзненныхъ припадковъ въ немъ вреденъ? При томъ сей пространный дворецъ могъ бы служить не только для помѣщенія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, но и для удобной квартиры президента и помѣщенія другихъ. Для больныхъ же довлѣютъ три госпиталя внѣ города: Галатской при монастырѣ Галатѣ, Ипсилантовой при домѣ Ипсиланта, да Спиридоновой, гдѣ кромѣ тамошнихъ жителей помѣщаются и военные. А школьное строеніе оставалось бы для преподава-

нія ученія и жительства учителей и учениковъ, на какой конецъ и строенъ сей домъ при митрополіи.

Издавна узаконенный обычай хранился въ Молдавіи и Валахіи, что митрополиты Молдавскіе, а въ Валахіи кромѣ митрополита и другіе архіереи, присутствовали въ диванѣ и подписывали первые всякія дѣла и рѣшенія, кромѣ уголовныхъ, что̀ и нынѣ выполняется, при моемъ присутствіи какъ въ Ясскомъ диванѣ, такъ и въ Валахскомъ въ Букурештахъ. Въ нынѣшнемъ военномъ времени присутствіе сіе архіерейскимъ лицамъ причиняетъ, кромѣ безпокойства, и напрасное отягощеніе, въ такихъ судебныхъ мѣстахъ, гдѣ никакого законнаго порядка не хранится, ни уваженія сана, а презрѣніе одно замѣчается: ибо въ тяжбахъ бываетъ всегда безпорядочное и шумное преніе, происходящее отъ интереснаго желанія и старанія получить въ свою пользу рѣшеніе, не внимаютъ никакому увѣщанію или изъясненію правды, а часто сторона сильная родствомъ или пріятелями судей, вмѣстѣ съ судящимися, явно враждуетъ духовнымъ судьямъ; а обиженная жалуется на духовныхъ, яко не противоборствующихъ за правду. При томъ тяжущіеся, не имѣя запрещенія ходить приватно по судьямъ и просить, чтобъ рѣшили дѣло въ ихъ сторону и пользу, таскаются безпрестанно и безпокоятъ духовныя лица хлопотливыми своими дѣлами, такъ что такіе хлопоты превосходятъ труды епархіальнаго правленія; при томъ даются доклады подъ именемъ репорта президенту о рѣшеніи дѣлъ съ подписаніями судей, въ числѣ коихъ первые подписываются духовные. Они же президенты никогда почти въ диванѣ не бываютъ, а рѣшаютъ всякое дѣло въ своемъ домѣ по своему произволенію и внушенію какой-либо партіи, уничтожая часто судейское мнѣніе. Въ такомъ случаѣ терпитъ подписаніе митрополита, или архіереевъ при уменьшеніи къ нимъ народнаго почтенія и уваженія съ извѣстнымъ объ нихъ мнѣніемъ, что или презираются свѣтскими начальниками или потакаютъ неправдѣ съ прочими судьями. По такимъ и другимъ обстоятельствамъ нынѣшняго дивана, не благоугодно ли будетъ митрополитовъ и архіереевъ уволить отъ присутствія съ ними, а особливо ежели учредится для духовныхъ особый департаментъ. Ежели же угодно будетъ продолжать духовнымъ сіе присутствіе въ диванахъ, нижайше прошу приказать устроить инако порядокъ сихъ присутственныхъ мѣстъ, дабы присутствіе митрополита и архіереевъ было для пользы паствы, а не въ поруганіе духовнаго сана.

Цѣль духовнаго экзаршескаго учрежденія и данной экзарху власти есть попеченіе о соблюденіи въ духовенствѣ положенныхъ Православною Церковію правилъ и поправленіе растраченнаго церковнаго порядка, который въ разсужденіи, между прочимъ, долговременнаго

Турецкаго владѣнія пришелъ у собратій нашихъ единовѣрцовъ въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи въ великое пренебреженіе и упадокъ. Исправленіе всего того требуетъ часто пособій свѣтской власти; но къ сожалѣнію моему отъ нѣкотораго времени началъ я неоднажды чувствовать тамъ не только не уваженіе и помощь, по неожидаемое замѣшательство и безпокойствіе отъ стороны свѣтскаго правительства, по духовнымъ дѣламъ принадлежащимъ экзаршескому управленію. Я, не входя въ подробное изъясненіе моихъ безпокойствъ и въ личные противъ тамошней опредѣленной свѣтской власти доносы, всенижайше прошу ваше сіятельство повторить тамошнему свѣтскому начальству строгое приказаніе, дабы они не только не мѣшались въ дѣлахъ къ духовному разбирательству принадлежащихъ, но въ случаѣ требованія отъ духовнаго начальства помощи или защиты безъ всякаго отговора обязаны были подавать всякое вспомоществованіе.

Митрополитанскій Ясскій домъ находился, какъ и нынѣ, въ скудости строенія, а церковь митрополитанская безъ подобающаго внѣшняго благолѣпія и утварей. Я хотя, съ самаго начала вступленія моего на жительство въ оный домъ, старался всячески какъ о прибавкѣ самонужнаго строенія, такъ и о прибавленіи ризницы и внѣшняго подобающаго благолѣпія вылитіемъ пристойныхъ колоколовъ, которыхъ прежде не было въ помянутой митрополіи кромѣ одного колокольчика и доски, называемой биломъ, въ которую стучатъ при призываніи народа въ церковь: великіе долги, въ которыхъ находилась оная митрополія, сдѣланные двумя прежними предмѣстниками моими митрополитами, сильно препятствовали мнѣ умножить самонужнѣйшаго строенія, хотя для одного удобнаго помѣщенія экзаршескаго штата. Почему осмѣливаюсь всенижайше просить вспомоществованія на нужное строеніе отъ прибавки по парѣ на каждое ведро винограднаго вина, сдѣланное во время сбиранія вадраритныхъ денегъ при собираніи виноградовъ. Указанный сборъ отъ вина винограднаго есть такой, что платитъ подать каждый хозяинъ четыре пары за ведро, и сія же подать называется вадраритомъ. Чинить прибавку на оную подать, какъ господарскими хризовулами, такъ проклятіями архіереевъ Молдавской земли строго запрещено; но разрѣшается она въ случаѣ богоугодныхъ требуемыхъ воспомоществованій, на какое примѣры имѣются. Ибо извѣстно, что для вспомоществованія Гробу Господню, въ нѣкоторое время, прибавлено по парѣ на ведро, и сія сумма прибавки выдана патріарху Іерусалимскому, такъ же и прежде для выплатки долговъ Романской епископіи; по сему примѣру и мнѣ прошлаго года сдѣлано вспомоществованіе по парѣ съ ведра на уплату митрополитанскихъ долговъ. А сего же года сдѣлана сія прибавка про-

тивъ помянутаго запрещенія однимъ приказомъ президента диванов господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Красно-Милашевича для вспомоществованія въ выкупѣ контрибуціоннаго хлѣба. Я не утруждаю просьбою къ опредѣленію сей пары на всегдашнее вспомоществованіе митрополіи, а на два или на три года, пока нужное строеніе въ митрополіи окончится; ибо безъ таковаго, или подобнаго вспомоществованія, никакого строенія производить не можно».

Записка о нуждахъ Молдавлахійской церкви, представленная экзархомъ, рисуетъ въ довольно мрачныхъ чертахъ положеніе духовенства въ Молдавіи и Валахіи. Нельзя не пожалѣть о томъ, что она изложена очень дурнымъ языкомъ: въ ней встрѣчаются неправильные обороты рѣчи, затемняющіе иногда самый смыслъ записки.

7-го Марта 1812 г. кн. Голицынъ доложилъ Государю записку митрополита Гавріила, на которую послѣдовало рѣшеніе высочайшей власти, въ нѣкоторыхъ пунктахъ согласное съ планами Молдавлахійскаго экзарха, а иныя положенія записки отклонены или измѣнены. По двумъ пунктамъ (второму и шестому) записки послѣдовалъ положительный отказъ. Во второмъ параграфѣ своей записки экзархъ ходатайствовалъ объ учрежденіи при митрополіи особаго департамента изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для разбирательства тяжебныхъ дѣлъ духовенства по дѣламъ гражданскаго характера. На учрежденіе этого духовносвѣтскаго департамента высочайшаго согласія не послѣдовало. Точно также по шестому параграфу записки, въ которомъ доказывалось неудобство присутствія архіереевъ въ диванахъ, Государь повелѣлъ оставить дѣло въ прежнемъ положеніи. По другимъ возбужденнымъ въ запискѣ вопросамъ Государь повелѣлъ предварительно снестись съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ. Такъ по первому параграфу, въ которомъ говорилось о выведеніи дивана Молдавскаго изъ дома, принадлежащаго школѣ и о подчиненіи этой школѣ исключительному вѣдѣнію экзарха, по пятому параграфу объ освобожденіи духовенства отъ воинскаго постоя и по осьмому объ учрежденіи особаго сбора въ пользу митрополіи, Государь объ этихъ трехъ обстоятельствахъ поручилъ митрополиту Гавріилу внести записку на разсмотрѣніе въ учрежденный для Молдавскихъ дѣлъ комитетъ. Очень можетъ быть, для того, чтобы не обострять отношеній Молдавлахійскаго экзарха съ мѣстными гражданскими властями, Государь 27 Марта 1812 года обнародовалъ рескриптъ на имя предсѣдателя въ диванахъ сенатора Красно-Милашевича, въ которомъ, не указывая источника, откуда получены имъ свѣдѣнія, строжайшимъ образомъ предписывалъ позаботиться объ огражденіи Молдавлахійскаго духовенства отъ всякихъ обидъ и насилій, въ частности отъ уплаты контрибуціонныхъ денегъ,

отъ натуральныхъ повинностей и работъ въ пользу арміи и о невмѣшательствѣ свѣтскаго начальства въ дѣла духовныя. Мало того, рескриптомъ требовалось разъяснить, какимъ образомъ произошло *формальное* требованіе контрибуціи съ духовенства, сколько собрано денегъ и куда именно онѣ были обращены.

Какъ ни осторожно держалъ себя экзархъ въ Петербургѣ, но старанія его о томъ, чтобы не затрогивать сильную въ Молдавіи и Валахіи свѣтскую власть не всегда достигали цѣли. Графъ Кутузовъ, ознакомившись съ содержаніемъ высочайшаго рескрипта сенатору Красно-Милашевичу, счелъ себя нѣсколько затронутымъ и попытался оправдаться. 19 Апрѣля 1812 года онъ писалъ князю Голицыну:

«По поводу содержащейся въ помянутомъ рескриптѣ высочайшей воли Его Императорскаго Величества, долгомъ почитаю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что я самъ въ прошломъ 1811 году, по сношенію со мною преосвященнаго митрополита Гавріила, Молдавлахійскаго экзарха, принялъ строжайшія мѣры, дабы духовенство, въ сихъ княжествахъ обрѣтающееся, ограждено было отъ всякаго рода утѣсненій, обидъ и насилій, и дабы оказываемо оному было принадлежащее къ сану уваженіе, послѣ чего не могъ я ожидать, чтобы преосвященный митрополитъ Гавріилъ встрѣтилъ необходимость дѣлать о томъ гдѣ либо настоятельныя представленія, а менѣе того утруждать высочайшую особу. Что же касается до *формальнаго яко бы требованія за 1811-й годъ и текущій 1812-й годъ контрибуціи отъ духовенства, то я могу удостовѣрить, что таковаго требованія отнюдь никогда чинимо не было*; но при всякомъ случаѣ, пожертвованія въ пользу арміи чинятся по добровольному духовенства приношенію и по приглашенію, къ столь похвальному дѣлу преосвященнаго Игнатія, митрополита Валахійскаго, который единственною попечительностію своею и содѣйствіемъ въ соотвѣтствіе доброй на то воли самого духовенства, показываетъ опыты усердія и рвенія къ облегченію тягостнаго положенія прочихъ обывателей здѣшняго края. Къ тому обязываюсь присовокупить также для свѣдѣнія вашего сіятельства, что бѣлаго духовенства княжествъ Молдавіи и Валахіи ни въ какомъ отношеніи нельзя сравнивать съ духовенствомъ Россійскимъ; ибо здѣсь въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, гдѣ примѣрно полагать можно до тридцати домовъ, почти половинная часть находится священниковъ, діаконовъ и другаго званія церковнослужителей, которые стараются вписываться въ духовное званіе единственно для того, дабы быть изъяту отъ платежа податей и не отбывать наравнѣ съ прочими обывателями другихъ повинностей. Все сіе я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, при удобномъ случаѣ довести также до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества.

Нельзя не удивляться смѣлости и безцеремонности, съ какими относился къ истинѣ такой высокопоставленный человѣкъ, какъ главнокомандующій Дунайской арміей: онъ увѣрялъ, что формальнаго требованія контрибуціонныхъ денегъ съ духовенства никогда чинимо не было. Экзархъ Молдавлахійскій постарался его дѣйствія вывести наружу. Съ этой

цѣлію 22 го Января 1812 года онъ представилъ новую докладную записку князю Голицыну, въ которой между прочимъ писалъ: «Предсѣдательствующій въ диванахъ, конечно не иначе какъ по предписанію главнокомандующаго, именемъ высочайшаго указа потребовалъ, чтобы Молдавское духовенство внесло на хлѣбную контрибуцію за 1812 годъ по меньшей мѣрѣ 50 тысячъ левовъ, которые нынѣ внесены въ Молдавское казначейство, о чемъ мнѣ извѣстно по полученному отъ намѣстника Ясской митрополіи архимандрита Кирилла рапорту, на что и квитанція въ митрополіи получена. Такую же сумму по требованію президента въ диванахъ внесло Молдавское духовенство и въ 1811 году, о чемъ квитанція имѣется. А Валахійское духовенство по требованію того же самаго президента должно взнести еще съ осени прошлаго 1811 года для сего 1812 года 120 тысячъ левовъ. Изъ числа сей суммы по требованію главнокомандующаго графа Кутузова надлежало удѣлить на учрежденную по волѣ его сіятельства въ Букурештѣ богадѣльню 25 тысячъ левовъ, а послѣднія 95 тысячъ левовъ отдать въ казначейство Валахійскаго княжества на покупку контрибуціоннаго хлѣба на 1812 годъ. Эта сумма также внесена. «Прошу васъ благоволите потребовать свѣдѣнія отъ министра финансовъ о томъ, означенная сумма, выданная отъ Молдавскаго и Валахскаго духовенства, показана въ доходахъ сихъ княжествъ или нѣтъ» [1]). Князь Голицынъ обратился къ министру финансовъ Гурьеву, но въ отвѣтѣ же не было нужды, такъ какъ Молдавія и Валахія съ 16-го Мая 1812 года перешли опять подъ власть Турціи.

Любопытна и другая чисто-житейская сторона, сопровождавшая отъѣздъ митрополита Гавріила изъ Яссъ въ Петербургъ. Лишь только онъ оставилъ Яссы, вся мѣстная полиція подняла голову, считая себя теперь вполнѣ свободною въ расправѣ надъ духовенствомъ, монастырями и даже надъ самой митрополіей. Частные пристава, размѣщавшіе Русскихъ солдатъ по квартирамъ за извѣстную плату, оставляли дома зажиточныхъ людей свободными, а всю тяжесть военнаго постоя обращали на бѣдныхъ людей. Теперь по отъѣздѣ экзарха полицейскіе пристава обрушились на монастыри и духовенство. Они ставили воённый постой даже въ самую митрополію, въ избы митрополитанскихъ слугъ, конюховъ, поваровъ, которыхъ и обязывали кормить своихъ постояльцевъ, не смотря на то, что первые ровно ничего сами не имѣли, а содержались на счетъ митрополіи. Но и этого оказалось мало. Ясская полиція дошла до того, что стала назначать военный постой въ митрополитанскія лавки, находившіяся въ арендѣ у купцовъ. Послѣдніе, во избѣжаніе постоя, должны были въ теченіе одной недѣли уплатить полиціи 57 рублей [2]). Нельзя думать, что такая дерзость Ясской по-

[1]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора Св. Сѵнода № 4765.

[2]) Докладная записка митрополита Гавріила отъ 23-го Января 1812 года, составленная на основаніи донесенія протоіерея Купицкаго. Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода № 4346.

лиціи, шедшей въ разрѣзъ всѣмъ распоряженіямъ высшей Русской власти, была случайною. Вѣрнѣе всего она видѣла попустительство къ тому со стороны высшихъ своихъ властей, т. е. дивана.

Вскорѣ по пріѣздѣ экзарха въ Петербургъ состоялось (16 Января 1812 года) высочайшее повелѣніе о присутствіи ему въ Св. Сѵнодѣ во все время пребыванія его въ столицѣ. Къ Пасхѣ 1812 года онъ получилъ Андреевскій орденъ съ бриліантами.

Митрополитъ Гавріилъ прожилъ въ Петербургѣ до 9 Іюня 1812 года [1]).

По званію Молдавлахійскаго экзарха Гавріилъ заботился о нуждахъ церквей иновѣрныхъ. Благодаря его заботамъ и стараніямъ въ Молдавіи и Валахіи, въ 1809 году основана была особая Армянская епархія, архіереемъ которой назначенъ былъ жившій на покоѣ Армянскій архіепископъ Григорій, который получилъ эту каѳедру по рекомендаціи Молдавлахійскаго экзарха [2]).

Церковноадминистративная дѣятельность митрополита Гавріила, направленная къ установленію строгаго порядка и законности во всѣхъ сферахъ жизни Молдавлахійской церкви, къ сожалѣнію не могла идти свободно и прививаться вслѣдствіе противодѣйствія, какое оказывали мѣстные церковные администраторы, особенно Досиѳей, митрополитъ Валахійскій. До войны Россіи съ Турціей онъ совершенно самостоятельно управлялъ Валахійской церковію, а со времени назначенія экзарха онъ долженъ былъ состоять подъ его начальствомъ, что̀ совсѣмъ не нравилось Валахійскому первосвятителю. Поэтому митрополитъ Досиѳей не обращалъ вниманія на экзарха и не исполнялъ его распоряженій. Такъ онъ не представилъ экзарху, не смотря на неоднократныя требованія послѣдняго, подробныхъ вѣдомостей о монастыряхъ, церквахъ и священно-церковнослужителяхъ по Валахійской митрополіи для представленія въ Св. Сѵнодъ. Точно также преосвященный Досиѳей, не обращая вниманія на многочисленныя предписанія экзарха, не учредилъ у себя консисторіи. Мало того, онъ не признавалъ законнымъ самое учрежденіе экзархатства въ Молдавіи и Валахіи и высказывалъ увѣренность въ закрытіи его. Онъ отрывисто говорилъ: «что-де повидимъ, что̀ еще будетъ» [3]). Для ознакомленія съ положеніемъ Валахійской церкви экзархъ командировалъ туда одного

---

[1]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 4263. 16-го Мая 1812 года митрополитъ Гавріилъ доносилъ Св. Сѵноду, что онъ получилъ высочайшее соизволеніе на отъѣздъ въ Яссы. Дѣло Св. Сѵнода 1812 г. № 465.

[2]) Стадницкій, стр. 165—169

[3]) Дѣло архива Св. Сѵнода 1808 года № 571. Рапортъ Гавріила Св. Сѵноду отъ 18 Октября 1809 года.

члена своей дикастеріи, протоіерея Георгія Радостата, который описалъ порядки церковные въ очень мрачномъ видѣ. 18-го Октября 1809 года митрополитъ донесъ Св. Сѵноду о неповиновеніи митрополита Досиѳея и о постоянномъ противодѣйствіи его предпринимаемымъ имъ мѣрамъ церковнаго благоустройства, а потому просилъ Св. Сѵнодъ объ увольненія Досиѳея отъ управленія Валахійской митрополіей. 11-го Октября экзархъ отправилъ частное письмо къ синодальному оберъ-прокурору.

«Оставляя другихъ, коихъ терпѣніе и благоразуміе пастыря можетъ исправить, не могу не жаловаться явно на Валахійскаго митрополита Досиѳея и его племянника епископа Бузевскаго Констанція. Милость и снисхожденіе ваши его не исправили, а хуже сдѣлали, точно по словамъ покойнаго князя Прозоровскаго, который сіи слова мнѣ и говорилъ, прибавляя при томъ: напишу ко двору всѣ интриги и коварства сего интриганта, по которымъ недостоинъ онъ не только присланной ему кавалеріи, но никакой милости. Но я посредствомъ Сергѣя Сергѣевича Кушникова склонилъ князя къ снисхожденію дозволить прислать ему кавалерію, и прислана. Однако, предсказаніе покойника князя исполнилось, и онъ не исправился, а хуже сдѣлался, а особливо послѣ кончины князя онъ вышелъ изъ повиновенія, такъ что я принужденъ былъ представить Св. Сѵноду: ибо чрезъ его упорство никакого порядка въ Валахіи устроить не могу. Требуемыя неоднократно описи монастырей, церквей и о числѣ духовныхъ особъ, въ Валахійскомъ княжествѣ находящихся, для доставленія, по приказанію въ Св. Сѵнодъ, не присылаетъ. Своего племянника Бузевскаго епископа въ епархію Бузевскую для управленія оною и исправленія злоупотребленій изъ Букурешта по моимъ представленіямъ не посылаетъ... Сего года въ Іюлѣ мѣсяцѣ сочинили ему пасквилы и прилѣпили въ трехъ частяхъ города Букурешта. Въ оныхъ пасквилахъ называютъ его архіереемъ, Туркамъ и Французамъ преданнымъ, неблагодарнымъ къ Русскимъ и измѣнникомъ, и увѣщеваютъ его къ исправленію жизни и нравовъ.

Извините меня, ваше сіятельство, великодушно: совѣсть меня принуждаетъ открыть вамъ все, что̀ знаю, хотя менѣе пишу, нежели слышу и примѣчаю, надѣясь, что когда-нибудь доложу лично то, что̀ перу не предаю. Изъ сихъ и другихъ поступковъ митрополита Досиѳея, коихъ представленіями не разсуждаю болѣе обременять слухъ вашего сіятельства, благоизволите усмотрѣть, сколь нужна защита для исполненія моей должности. Ежели за благо разсудите устранить его отъ правленія, ибо иначе не предвижу пресѣченіе злоупотребленій и порядокъ тамъ, то я долженъ съ штатомъ ѣхать въ Букурештъ и жить до учрежденія благоустройства, что̀ все предаю благоразсмотрѣнію вашего сіятельства. Ежели ваше сіятельство не благоразсудите устранить отъ правленія Валахійскаго митрополита Досиѳея, то по нужнымъ дѣламъ и разнымъ изъясненіямъ, касающимся до благоустройства, нужно мнѣ лично явиться и говорить съ вашимъ сіятельствомъ, для того покорнѣйше прошу исходатайствовать мнѣ дозволеніе пріѣхать въ С.-Петербургъ».

Желаніе экзарха исполнилось. Св. Сѵнодъ опредѣленіемъ своимъ отъ 27-го Ноября 1809 года уволилъ Досиѳея отъ управленія Валахійской митрополіей, а на его мѣсто по непосредственному повелѣнію Императора назначенъ былъ Игнатій, митрополитъ бывшій Артскій. Мѣстопребываніемъ уволеннаго Досиѳея назначенъ былъ сначала монастырь Добровеци близъ Яссъ, а потомъ монастырь Аниноза въ Валахіи, вдали отъ Бухареста. Впослѣдствіи Досиѳей добился себѣ дозволенія ѣхать на цѣлительныя воды въ Австрію, въ Трансильванію и отсюда просилъ себѣ продленія срока для лѣченія и увеличенія отпуска за границу. Преосвященный экзархъ сообщилъ объ этой просьбѣ Досиѳея князю Голицыну и съ своей стороны высказывалъ мнѣніе, что «сумнительно его оставить въ Австрійскихъ владѣніяхъ, какъ такого человѣка, который по сану своему занималъ въ Валахіи первое мѣсто и считаетъ себя обиженнымъ удаленіемъ отъ онаго» [1]). И дѣйствительно, по возвращеніи Валахіи Туркамъ, Досиѳей продолжалъ считать себя законнымъ митрополитомъ и заявлялъ, что онъ изгнанъ былъ съ митрополичьей каѳедры внѣшнею силою незаконно. Въ концѣ 1812 года онъ подалъ новому Валахійскому князю прошеніе объ увольненіи своемъ за старостію и болѣзнями на покой [2]).

Получивъ изъ Петербурга увѣдомленія объ удаленіи Досиѳея и назначеніи на его мѣсто Игнатія м. Гавріилъ писалъ князю Голицыну что преосвященный Игнатій назначенъ на каѳедру Валахійскаго митрополита не по рекомендаціи Молдавлахійскаго экзарха, какъ рѣшительно утверждаетъ Стадницкій, а по предложенію кн. Голицына изъ Петербурга. А потому если Гавріилъ и успокоивалъ Валахійскихъ бояръ тѣмъ, что назначенный къ нимъ митрополитъ Игнатій, хотя и Грекъ, но человѣкъ ученый и Всероссійскому высочайшему двору съ наилучшей стороны извѣстный [3]), но въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ, основываясь на рекомендаціи синодальнаго оберъ-прокурора. У г. Стадницкаго нѣтъ свѣдѣній о митрополитѣ Игнатіи до самаго назначенія его въ Валахію. Мы представимъ нѣкоторыя изъ нихъ на основаніи дѣлъ Синодальнаго архива.

Личность митрополита Игнатія и его отношеніе къ Русскому двору покрыты темною завѣсою. Въ Іюнѣ 1808 года преосвященный Игнатій находился въ Неаполѣ. Государственный канцлеръ Румянцевъ сообщилъ синодальному оберъ-прокурору, что Государь Императоръ соизволилъ на прибытіе преосвященнаго Игнатія въ Петербургъ. Для него, по высочайшему повелѣнію, нанята была на счетъ Кабинета

---

[1]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 3097.

[2]) Стадницкій, стр. 178—179.

[3]) Стр. 186 и въ примѣч. на 187 стр.

квартира въ домѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Канкрина, по полторы тысячи рублей въ годъ. Преосвященный Игнатій прибылъ въ Петербургъ въ Іюнѣ 1808 г. съ братомъ своимъ Христофоромъ Дандре, секретаремъ Димитріемъ Мострасомъ и камердинеромъ. Любопытно, что ни одно изъ этихъ трехъ лицъ не имѣло паспортовъ. Князь Голицынъ обратился къ А. Д. Балашову съ просьбою о выдачѣ состоящимъ при Игнатіи лицамъ паспортовъ, ссылаясь на то, что «*митрополитъ Игнатій лично извѣстенъ Государю Императору*». Паспорты были даны. 5-го Ноября 1808 года Государь пожаловалъ пріѣзжему іерарху пенсію въ 3 т. р. 11-го Ноября того же года князь Голицынъ увѣдомлялъ Молдавлахійскаго экзарха: «Преосвященный Игнатій имѣетъ высочайшее повелѣніе отправиться къ вашему высокопреосвященству для опредѣленія на епархію въ областяхъ, управленію вашему ввѣренныхъ, при открывшейся вакансіи». Загадочно то, что первоначальныя свѣдѣнія о назначеніи Государемъ Игнатію пенсіи и предназначеніи его въ Дунайскія княжества получены были синодальнымъ оберъ-прокуроромъ отъ графа Кутузова, впослѣдствіи главнокомандующаго Дунайскою арміей. Государь 9 Октября 1809 года, повелѣлъ сдѣлать для преосвященнаго Игнатія мантію, которую послѣдній и получилъ 17 Ноября, а на слѣдующій день онъ писалъ князю Голицыну по-французски: «Князь! Я получилъ съ глубокою благодарностію епископскую мантію, которую Его Величество Государь Императоръ благоволилъ мнѣ прислать. Доставляя мнѣ честь явиться ко двору и заявить мою нижайшую преданность, Его Величество поднимаетъ меня изъ униженія, въ которое я былъ повергнутъ слѣдствіемъ обстоятельствъ и неизгладимой памяти о прошедшемъ. Я чувствую всю цѣну благодѣянія, которымъ удостоила меня милость Его Величества. Смѣю просить ваше сіятельство повергнуть къ стопамъ Его Величества чувство, которымъ я проникнутъ». 27-го Ноября 1809 года состоялся указъ Св. Сvноду о назначеніи Игнатія Валахійскомъ митрополитомъ. «Преданный Государю Императору всея Росіи и предпочитая всякому частному интересу интересы служенія Его Величеству, писалъ онъ князю Голицыну, я только и стремился къ счастію возможности исполнять подъ высочайшимъ покровительствомъ священныя обязанности моего сана. Мѣсто, которое Его Величество нашъ Августѣйшій Повелитель, удостоилъ мнѣ дать, доставляетъ мнѣ счастливый случай показать моими трудами мое усердіе, искреннія чувства, которыя меня привязываютъ къ Россіи и преданность, которую я имѣю къ ея августѣйшему Монарху. Всѣ мои желанія отнынѣ исполнены». По докладѣ, 22-го Декабря, этого письма Государю, Игнатію выдана была изъ Кабинета тысяча рублей на путевыя издержки. Въ Февралѣ 1810 года новый митрополитъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Валахію.

Вскорѣ по увольненіи Досиѳея отъ митрополіи экзархъ самъ отправился въ Бухарестъ для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ

церковныхъ дѣлъ Валахіи. Первымъ его распоряженіемъ здѣсь было учрежденіе при Валахійской митрополіи духовной консисторіи. По прибытіи своемъ въ Бухарестъ экзархъ, по положенію страны, занялъ мѣсто первоприсутствующаго въ Валахійскомъ диванѣ и въ этомъ званіи посвятилъ много заботъ и труда для упорядоченія и гражданскихъ дѣлъ. Здѣсь онъ выступилъ ревностнымъ помощникомъ князя Багратіона, командовавшаго нашею Дунайской арміей, который настолько высоко ставилъ заслуги экзарха и пользу его дѣятельности въ краѣ, что ходатайствовалъ предъ Государемъ о перемѣщеніи экзарха изъ Яссъ въ Бухарестъ. 27-го Февраля 1810 года князь Багратіонъ писалъ Государю:

«Отъ общаго собранія дивана княжества Валахійскаго получилъ я представленіе, въ которомъ, изъясняя глубочайшее благоговѣніе свое ко всемилостивѣйшему Вашимъ Императорскимъ Величествомъ опредѣленію на мѣсто бывшаго здѣсь митрополита Досиѳея Игнатія, бывшаго митрополита Артскаго, въ тоже время въ соображеніи настоящаго положенія княжества Валахіи, осмѣливается изложить желаніе всего сословія бояръ здѣшнихъ, чтобы на нынѣшнее время, пока обстоятельства перемѣнятся и митрополитъ Игнатій успѣетъ пріобрѣсть познаніе языка края здѣшняго, митрополитъ и экзархъ Гавріилъ оставленъ былъ въ Букурештѣ къ мѣстному управленію здѣшнею епархіею, а на перваго возложено бы было управленіе епархіею Молдавскою. Къ таковой просьбѣ побуждается диванъ наиболѣе тѣмъ, что здѣшняя епархія во время прежняго митрополита Досиѳея приведена въ такое разстройство, что требуетъ самыхъ дѣятельнѣйшихъ и скорыхъ попеченій къ приведенію ея въ должный порядокъ; митрополитъ же Гавріилъ, кромѣ познанія языка, имѣетъ весьма подробныя и основательныя свѣдѣнія о краѣ семъ и успѣлъ снискать себѣ отличную любовь и довѣренность народа. По личному моему объясненію съ митрополитомъ Гавріиломъ изъявилъ онъ свое на таковое желаніе дивана Валахскаго согласіе, естли только воспослѣдуетъ на то высокомонаршее соизволеніе Вашего Императорскаго Величества.

Къ причинамъ, представленнымъ отъ дивана и бояръ Валахскихъ, нахожу я еще присовокупить и то, что уже изъ давнихъ лѣтъ митрополитъ Гавріилъ далъ самыя неоспоримыя доказательства безпредѣльной его приверженности и преданности къ высокомонаршему престолу Вашего Императорскаго Величества; что и въ настоящее время моего здѣсь главнокомандованія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно было пособіе народа для арміи Вашего Императорскаго Величества, предшествовалъ онъ всегда благими примѣрами, споспѣшествуя способами духовенства къ пренесенію тягостей, на народъ падающихъ; что нынѣ, когда народъ Валахійскій исторженіями и угнетеніями бывшаго правительства доведенъ до ненависти противу Русскихъ, никто болѣе и успѣшнѣе его не можетъ содѣйствовать къ искорененію толь пагубнаго для насъ впечатлѣнія, и наконецъ, что и въ наступающую кампанію, коея дѣйствія исходить должны изъ Валахіи, онъ благими вну-

шеніями и наставленіями можетъ принесть самую большую и существенную пользу арміи».

12-го Марта 1810 года князь Багратіонъ снова писалъ Государю о митрополитѣ Гавріилѣ:

«Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужны пособія отъ земли для арміи Вашего Императорскаго Величества, поспѣшествуетъ онъ въ томъ самымъ дѣятельнымъ образомъ пособіями изъ достоянія духовенства. Такъ, напримѣръ, *и нынѣ, для исполненія Высочайше повелѣнной съ Генваря по Сентябрь мѣсяцъ поставки хлѣба отъ земли, далъ онъ отъ духовенства по Молдавіи 75тысячъ, а по Валахіи 150тысячъ піастровъ Турецкихъ.* Врожденная въ большей части здѣшнихъ обывателей наклонность къ соблюденію личныхъ выгодъ паче общей пользы рождаетъ и въ членахъ дивана нерѣдкія распри и несогласія. Присутствіемъ своимъ старается митрополитъ Гавріилъ, поколику то возможно, примирять всѣхъ и соглашать ихъ, по крайней мѣрѣ, на единодушныя дѣйствія, особливо же въ тѣхъ случаяхъ, которые сопряжены съ интересами Вашего Императорскаго Величества. *Когда бы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было пожаловать его кавалеромъ ордена Св. Владимира 1-й степени, то бы таковая отличная высоко-монаршая награда, особливо въ настоящее критическое, или лучше сказать рѣшительное время,* съ одной стороны придала бы болѣе вѣсу и успѣха его благимъ внушеніямъ, а съ другой—послужила бы къ вящшему усугубленію имъ трудовъ и напряженій его».

22-го Апрѣля письмо Багратіона доложено было княземъ Голицынымъ Государю, а 30 Апрѣля митрополиту Гавріилу былъ пожалованъ Владимирскій орденъ.

Преемникъ князя Багратіона, графъ Каменскій, просилъ митрополита Гавріила остаться въ Бухарестѣ впредъ до рѣшенія Государя на ходатайство своего предшественника. Каменскій предполагалъ до времени оставить Игнатія митрополитомъ Молдавскимъ, а Гавріила—Валахійскимъ, съ тѣмъ, чтобы экзархъ могъ имѣть постоянное пребываніе въ Бухарестѣ. Государь не согласился, однакоже, на перемѣщеніе митрополитовъ, изъ опасенія разныхъ политическихъ толковъ, а предоставилъ митрополиту Гавріилу, какъ главному начальнику Молдавлахійской церкви, имѣя пребываніе въ Яссахъ, временами посѣщать и Бухарестъ и оставаться тамъ столько времени, сколько могутъ потребовать нужды и обстоятельства Валахійской церкви *).

5-го Мая прибылъ въ Бухарестъ новый митрополитъ Игнатій, котораго экзархъ ввелъ въ управленіе ввѣренною ему паствой.

*) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 3907, л. 57 и д.

31-го Января 1811 года Государь пожаловалъ изъ Кабинета Валахійскому митрополиту золотые часы съ цѣпочкою, украшенные бриллiантами, рубинами и жемчугомъ, стоимостью въ тысячу шестьсотъ рублей [1]).

Новый Валахійскій митрополитъ однако очень скоро вооружилъ противъ себя бояръ, духовенство и народъ. Еще въ Февралѣ 1811 года, при своемъ посѣщеніи Бухареста, митрополитъ Гавріилъ слышалъ словесныя жалобы на новопоставленнаго митрополита, но не назначилъ оффиціальнаго разслѣдованія, разсчитывая на то, что отношенія между паствою и ея архипастыремъ въ Валахіи съ теченіемъ времени уладятся. Между тѣмъ Валахійскіе бояре отправили жалобу на преосвященнаго Игнатія въ Св. Сѵнодъ. При семъ произошло одно непріятное обстоятельство, сильно повредившее и самому экзарху въ глазахъ Валахійскихъ бояръ. Послѣдніе отправили свою жалобу чрезъ экзарха, но преосвященный Игнатій перехватилъ эту жалобу, о чемъ совершенно ничего не было извѣстно экзарху; а народъ думалъ, что экзархъ прикрываетъ своего подчиненнаго, когда не даетъ хода поданной ими жалобѣ [2]).

Преосвященный Игнатій умѣлъ себя хорошо поставить къ главной квартирѣ главнокомандующаго, чрезъ которую шла вся корреспонденція. Вотъ здѣсь-то Валахійскій митрополитъ и нашелъ себѣ сторонниковъ. Мало того, Игнатій, познакомившись съ содержаніемъ жалобы и лицами, ее подписавшими, началъ мстить и преслѣдовать этихъ лицъ, что̀ ему легко и удавалось дѣлать при содѣйствіи главной квартиры. Жалоба бояръ на Игнатія все-таки дошла до Святѣйшаго Сѵнода и даже до Государя. Она напечатана у Стадницкаго [3]). По поводу ея назначено было строжайшее разслѣдованіе. Въ основѣ жалобы Валахійскихъ бояръ лежитъ вопросъ національный: давняя вражда къ Грекамъ. Греческое управленіе, говорили Валахійскіе бояре, причина бѣдности нашего отечества, а Грекъ Игнатій всюду давалъ предпочтеніе Грекамъ предъ національными боярами. Осенью 1811 года экзархъ Гавріилъ уѣхалъ въ Петербургъ. Около этого же времени жалобы Валахійскихъ бояръ поступили въ Св. Сѵнодъ. Сѵнодальный оберъ-прокуроръ обратился къ митрополиту Гавріилу съ просьбою о разъясненіи дѣла. Экзархъ отличался такою осторожностью и дальновидностію, что еще предъ отъѣздомъ въ Петербургъ поручилъ первоприсутствующему члену экзаршеской дикастеріи протоіерею Куницкому отправиться въ Бухарестъ для ознакомленія съ ходомъ церковныхъ дѣлъ

[1]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 4096.
[2]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 3605.
[3]) Стр. 190—191. Приложенія № 2 стр. V—XI.

въ Валахійской митрополіи. По отзыву Куницкаго, въ управленіи Валахійской митрополіи доминирующую роль игралъ секретарь Валахійскаго митрополита Мостра, который открыто продавалъ протопопскія и игуменскія мѣста и лишалъ мѣстъ тѣхъ, кто ему не хотѣлъ платить, или платилъ мало. Всѣ земли, принадлежащія скитамъ, отданы откупщикамъ. «Болѣе всего», писалъ о. Куницкій въ своемъ рапортѣ, «народное неудовольствіе на митрополита Игнатія состоитъ въ томъ, что онъ наполнилъ митрополію Греками, Нѣмцами, Французами, а національныхъ, и даже Русскихъ, въ должностяхъ при себѣ терпѣть не можетъ, что въ Среду и Пятницу и даже въ Великій постъ онъ и весь штатъ его публично ѣдятъ мясо, и тотъ изъ чиновниковъ, кто бъ онъ ни былъ, домашній или гость, почитается дуракомъ и суевѣромъ и не удостоивается обѣдать съ ними, кто въ Среду или Пятницу скоромнаго не ѣстъ; всѣ важныя должности, которыя должны отправлять патріоты, замѣщены Греками. Я видѣлъ на опытѣ, что самыя лучшія келіи заняты Французскими и Итальянскими учителями, даже и одинъ пасторъ лютеранскій есть якобы для библіотеки; а бѣдному Русскому учителю дали одну комнату, столь тѣсную и съ такимъ низкимъ сводомъ, что онъ безпрестанно боленъ отъ стѣсненія воздуха. Столъ вообще для митрополита, для учителей и даже для лакеевъ сплошь скоромный. Любимѣйшее занятіе преосвященнаго Игнатія компанія съ иностранными и Французскія книги... По другимъ дѣламъ его преосвященство ни холоденъ, ни тепелъ: что̀ поднесутъ, то и подпишетъ. Священно - церковнослужители, въ превеликой бѣдности и угнетеніи отъ земскихъ чиновниковъ, защиты ни отъ кого нѣтъ. Нарядъ подвода для перевоза провіанта съ духовенства довершилъ несчастіе ихъ. Плачъ беретъ, смотря на бѣдность Валахійскаго духовенства; нѣкоторые ушли въ горы, не будучи въ состояніи болѣе давать подати въ митрополію... Одинъ Богъ и ходатайство вашего высокопреосвященства у монаршаго престола могутъ облегчить участь сего несчастнаго духовенства».

10 Января 1812 года, еще въ бытность свою въ Петербургѣ, экзархъ представилъ оберъ прокурору копію съ рапорта протоіерея Куницкаго 27 Марта 1812 года состоялся рескриптъ объ увольненіи Игнатія отъ митрополіи и о немедленномъ выѣздѣ его въ Крымъ. По порученію Св. Сvнода преосвященный Гавріилъ изъ Петербурга далъ предписаніе протоіерею Куницкому доставить митрополиту Игнатію высочайшій рескиптъ объ его увольненіи и присутствовать при сдачѣ имъ митрополіи временно управляющему преосвященному Іосифу епископу Аржисскому. 8 Мая протоіерей Куницкій прибылъ въ Бухарестъ и представилъ главнокомандующему графу Кутузову отношеніе экзарха по этому предмету. Главнокомандующій отвѣчалъ протоіерею, чтобы онъ приступилъ къ исполненію возложеннаго на него порученія. Съ своей стороны митрополитъ Игнатій заявилъ, что онъ готовъ сдать епархію тѣмъ болѣе, что ему самому хотѣлось по своему болѣзненному состо-

янію оставить Валахію. Куницкій сдѣлалъ предварительныя распоряженія къ принятію митрополіи. Прошло нѣсколько часовъ, и дѣло приняло совершенно другой видъ. Митрополитъ Игнатій пользовался расположеніемъ главнокомандующаго графа Кутузова. Онъ обладалъ большимъ свѣтскимъ лоскомъ, прекрасно владѣлъ Французскимъ языкомъ, былъ человѣкомъ всесторонне образованнымъ и при всемъ этомъ позволялъ себѣ вольно держать себя относительно уставовъ православной церкви касательно постовъ и нѣкоторыхъ обрядовъ. Всѣми этими качествами онъ, при своей, чисто Греческой вкрадчивости, сумѣлъ войти въ милость и благоволеніе Русскаго главнокомандующаго. Когда дѣло жалобы на Игнатія приняло въ Петербургѣ неблагопріятный для него оборотъ, 19 Апрѣля 1812 года Кутузовъ писалъ князю Голицину.

«Валахійскій митрополитъ Игнатій на сихъ дняхъ объяснился со мною о затруднительномъ положеніи, въ которое будетъ онъ поставленъ въ случаѣ возвращенія княжества сего Оттоманской Портѣ, у которой сдѣлался ненавистнымъ по явной приверженности своей къ Россійскому Престолу. Сіе самое содѣлываетъ пребываніе его здѣсь послѣ выступленія войскъ нашихъ невозможнымъ; ибо самое малое угнетеніе, которое бы могъ онъ ожидать отъ правительства Турецкаго, было бы заточеніе, каковому подверженъ былъ нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ митрополитъ Гавріилъ, хотя онъ не столь значущею былъ тогда особою и не столь явно показалъ преданность свою къ Россіи. Сверхъ того, митрополитъ Игнатій по связямъ своимъ съ Али-Пашею Янинскимъ и по усердію, явленному во время пребыванія его въ Артѣ къ Іонической республикѣ, занятой тогда войсками нашими, навлекъ на себя неудовольствіе министерства Порты, которое безсомнѣнно употребитъ вліяніе свое у султана, дабы погубить его. Будучи самъ свидѣтель многихъ опытовъ усердія и ревности, являемыхъ на пользу службы Государя Императора преосвященнымъ митрополитомъ Игнатіемъ, зная приверженность его ко Всеавгустѣйшему Монарху нашему, и входя въ положеніе его, долгомъ моимъ поставляю просить васъ, милостивый государь мой, снестись съ нимъ письменно для собственнаго успокоенія его, о мѣрахъ, которыя принять онъ долженъ на случай возвращенія Валахіи Портѣ Оттоманской и при выѣздѣ его отсюда, и, если возможно, обезпечить будущее его пребываніе въ Россіи, гдѣ уже отъ щедротъ монаршихъ зависѣть будетъ поставить его въ положеніе соотвѣтственное званію его и чувствахъ приверженности, коимъ оживленъ онъ къ особѣ его Императорскаго Величества».

Теперь, когда дѣло Игнатія было проиграно, онъ самъ является къ главнокомандующему, представляетъ себя несчастною жертвою интригъ экзарха въ столицѣ противъ него и проситъ защиты. У самого главнокомандующаго наболѣло противъ экзарха, который обнаружилъ его злоупотребленія высочайшимъ именемъ, благодаря чему главнокомандующій долженъ былъ отписываться и кривить душой. Игнатій попалъ въ самое чувствительное мѣсто графа Кутузова, который рѣ-

шился на дерзкій шагъ—на отмѣну высочайшаго рескрипта. Въ тотъ день (8 Мая) онъ объявилъ свое распоряженіе о продолженіи пребыванія преосвященнаго Игнатія въ Бухарестѣ и неудаленіи отъ епархіи, а Куницкаго немедленно выслалъ въ Яссы. На такой смѣлый и необдуманный поступокъ графъ Кутузовъ отважился, можетъ быть, и подъ вліяніемъ недовольства имъ въ Петербургѣ, откуда онъ со дня на день ждалъ себѣ отставки. И дѣйствительно, четыре дня спустя послѣ описаннаго происшествія, Кутузовъ былъ отозванъ изъ Дунайской арміи. Значитъ, ему терять было нечего.

Протоіерей Куницкій сообщилъ экзарху въ Петербургъ о неудачной своей миссіи въ Бухарестъ. Митрополитъ Гавріилъ все дѣло представилъ князю Голицыну и въ своемъ отношеніи къ нему писалъ, что «остановлять высочайшаго рескрипта главнокомандующему не слѣдовало тѣмъ паче, что сіе произвело въ тамошнихъ жителяхъ непріятныя заключенія на счетъ подчиненныхъ, которые осмѣливаются сами собою остановлять высочайшія повелѣнія.» На самомъ дѣлѣ вышло еще хуже. Неблагодарный Игнатій, поднятый изъ нищеты и ничтожества Александромъ I, имѣлъ на столько наглости и безстыдства, что позволялъ себѣ открыто смѣяться надъ своимъ благодѣтелемъ. Оставшись послѣ отмѣны главнокомандующимъ высочайшаго рескрипта въ Бухарестѣ, онъ публично смѣялся и говорилъ: «Императоръ Александръ отнялъ у меня епархію, а я удержалъ оную мечемъ.» Еще болѣе ругательствъ со стороны озлобленнаго Игнатія сыпалось, хотя менѣе всего заслуженныхъ, на голову экзарха Гавріила.

Уѣзжая съ береговъ Дуная, графъ Кутузовъ поручилъ м. Игнатія особенной милости новаго главнокомандующаго адмирала Чичагова, который представилъ его въ ряду другихъ духовныхъ особъ, особо преданныхъ Россіи, къ ордену Св. Александра Невскаго *), и онъ былъ, сверхъ всякаго чаянія, имъ удостоенъ. Во время своего послѣдняго пребыванія въ Бухарестѣ (съ Мая по Августъ) митрополитъ Игнатій постарался враждебно настроить новаго главнокомандующаго противъ высокопреосвященнаго Гавріила. «Увѣдомляю ваше сіятельство», писалъ по этому поводу экзархъ князю Голицыну, «что преосвященный Игнатій въ Валахіи успѣлъ съ помощію своего друга г. Каподистріи и другихъ ему подобныхъ разстроить противъ меня г. Чичагова.» Предъ очищеніемъ Валахіи Русскими войсками Игнатій уѣхалъ изъ Бухареста въ Австрію, не сдавши никому митрополіи, и не представивъ никому отчетности. Отъѣздъ Игнатія въ Австрію былъ не случайнымъ. Онъ не поѣхалъ въ Крымъ, хорошо зная, что, нахо-

*) Дѣла канцеляріи оберъ-прокурора, № 4797 и 3605.

дясь въ Россіи, онъ всегда можетъ подвергнуться суду за злоупотребленія по должности, а потому онъ счелъ за лучшее уѣхать въ Австрію, хотя не отказался отъ Русской пенсіи, которую ему выхлопотали его благодѣтели, Русскіе генералы.

По возвращеніи изъ Петербурга экзархъ хотѣлъ лично переговорить съ новымъ главнокомандующимъ адмираломъ Чичаговымъ, но послѣдній уклонился отъ личнаго съ нимъ свиданія. На сообщеніе предсѣдателя въ диванахъ сенатора Красно-Милашевича о бѣдственномъ состояніи Бухарестской митрополіи, въ которое она вовлечена была бывшимъ митрополитомъ Игнатіемъ, экзархъ изъ Яссъ отвѣчалъ отъ 16-го Сентября слѣдующее: «Митрополитъ Игнатій послѣ отмѣненія высочайшаго рескрипта перестаДъ вовсе почитать себя зависимымъ отъ экзаршескаго начальства, во-первыхъ поелику ни по какимъ уже дѣламъ не относился ко мнѣ, но и находящагося тамъ члена экзаршеской дикастеріи протоіерея Георгія Родостата обругалъ и хотѣлъ наказать тѣлесно за то, что слѣдовавшія на экзаршескій штатъ деньги отправилъ въ Яссы, а не отдалъ ему, отзываясь, что онъ знать не хочетъ экзархіи; во-вторыхъ, что отъѣхалъ въ Вѣну безъ моего вѣдома, равно какъ и г. главнокомандующій отпустилъ его туда безъ всякаго со мною сношенія. По таковымъ обстоятельствамъ я почитаю себя совсѣмъ устраненнымъ отъ распоряженія по дѣламъ Валахійской митрополіи тѣмъ паче, что поелику митрополитъ Игнатій отпущенъ изъ Валахіи въ Вѣну безъ моего вѣдома и безъ сдачи митрополіи, то симъ отнятъ у меня весь способъ чинить какія-либо по сему предмету распоряженія».

Главнокомандующій Чичаговъ увѣдомлялъ государственнаго канцлера, графа Румянцева, о томъ, что Государь пожаловалъ митрополиту Игнатію орденъ Св. Александра Невскаго и просилъ, чтобы ему былъ высланъ высочайшій рескриптъ на этотъ орденъ, который и подписанъ былъ Государемъ 28 го Ноября 1812 года. Этотъ рескриптъ Игнатій получилъ, будучи уже въ Австріи.

Изъ Бадена (въ Австріи) 1 Іюня 1813 года преосвященный Игнатій прислалъ князю Голицыну слѣдующее письмо, написанное на изящномъ Французскомъ языкѣ и только не особенно хорошо характеризующее его автора: «Я ожидалъ окончанія дѣлъ, чтобы писать вамъ, но моя опала опередила; одинъ изъ приверженцевъ экзарха передалъ мнѣ высочайшее повелѣніе и я долженъ былъ молчать, такъ какъ все, что я бы теперь ни сказалъ, не могло болѣе быть пріятно. Я не знаю за собой другихъ преступленій кромѣ тѣхъ, что я значительно уменьшилъ силы великаго визиря, пріобрѣлъ приверженцевъ Россіи и далъ возможность главнокомандующему атаковать и истребить Турецкую армію и заключить миръ настолько же блестящій, насколько и выгодный, не смотря на то, что число войска, имѣвшагося въ его распоряженіи, едва было въ состояніи защитить Валахію отъ вторженія непріятеля. Тутъ не воображаемыя заслуги: это признаніе, которое этотъ Русскій генералъ, побуждаемый

честью и справедливостью, сдѣлалъ своему преемнику, и вотъ причина, по которой не могли обойтись безъ меня. Пусть говорятъ, что я принесъ вредъ странѣ, когда среди слѣдовъ опустошенія, неизбѣжныхъ послѣдствій войны, виденъ совершенно возобновленный монастырь митрополита, школы повсюду, хорошо устроенный лицей въ Бухарестѣ [1]), музыкальная школа для духовныхъ, литературное общество, которое новыми трудами и полезными переводами оказываетъ пользу всѣмъ христіанскимъ народамъ, подданнымъ Турціи, литературная газета, которая способствуетъ пропагандѣ просвѣщенія, печатающаяся въ Вѣнѣ на счетъ общества и получаемая даромъ школами двухъ княжествъ и Греціи, частные ученые и ученыя общества принимаютъ въ ней участіе; довольно многочисленная библіотека, составленная изъ лучшихъ классическихъ авторовъ, большое заведеніе для больныхъ и нищихъ, которые раньше мерли на улицахъ Бухареста, гдѣ ихъ и оставляли, пока не набиралась съ прохожихъ денегъ для ихъ погребенія. Развалины Валахіи будутъ со временемъ возстановлены; но эти знаки благодѣяній, послѣ прибытія господаря, должны навсегда утвердиться офиціальнымъ путемъ.

Его превосходительство г. адмиралъ Чичаговъ имѣлъ случай видѣть вліяніе, которымъ я пользовался въ этой странѣ, что я былъ способенъ сдѣлать и интересъ, какой высказывалъ Валахскій народъ, видѣть меня во главѣ ихъ церкви, даже послѣ очищенія страны отъ войска [2]).

Экзархъ перевелъ съ Русскаго языка нѣкоторыя молитвы, которыхъ мы не имѣли на нашемъ языкѣ, лишенные поводовъ служить молебны; затѣмъ въ Молдавіи онъ измѣнилъ скуфьи и обязалъ своею властію экзарха бѣдныхъ духовныхъ дорого платить за эти брошюры и скуфьи [3]). Странная и нелѣпая манера, которою началъ свое служеніе этотъ духовный, его капризы, его заблужденія относительно истинныхъ правилъ добраго архіерея, навлекли на него презрѣніе [4]). Я единственный оказывалъ ему почести и всякаго рода вниманіе; достаточно

---

[1]) Для того, чтобы видѣть, насколько справедливы слова Игнатія, приведемъ выдержку изъ рапорта Куницкаго отъ 6-го Ноября 1811 года, поданнаго митрополиту Гавріилу о Бухарестскомъ лицеѣ: „Училище Бухарестское", говоритъ о. Куницкій, „при всемъ томъ, что учителей много находится, въ совершенномъ безпорядкѣ; даже системы или плана, по которому должно было слѣдовать учителямъ и ученикамъ, нѣтъ, начало безъ цѣли, работа безъ фасона; кто что хочетъ преподаетъ, кто что хочетъ слушаетъ. Таковъ лицей Бухарестскій, существующій только въ листахъ Греческаго журнала, въ Вѣнѣ печатаемаго, вѣроятно на счетъ Валахійской митрополіи". Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 3605.

[2]) Здѣсь Игнатій совершенно забываетъ жалобу, поданную на него Государю Валахійскимъ народомъ.

[3]) Митрополитъ Гавріилъ выхлопатывалъ духовнымъ лицамъ въ Молдавіи и Валахіи награды: скуфьи, камилавки, наперсные кресты. Дѣло канцеляріи оберъ - прокурора № 4806. Игнатій не могъ подыскать болѣе серіознаго повода къ клеветѣ на экзарха.

[4]) Лживость словъ Игнатія подтверждается заявленіемъ Молдавскихъ бояръ Святѣйшему Сvноду, въ которомъ они, въ 1811 году. благодарили Сvнодъ и митрополита Гавріила за благоустройство Молдавской церкви. Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 4224.

просмотрѣть нашу переписку, чтобы видѣть, до какой степени я простиралъ свое послушаніе. Никогда я не давалъ ему никакихъ изъясненій; все, чтò онъ говорилъ и писалъ, было священно, но вліяніе, которымъ я пользовался среди Русскихъ и здѣшняго народа, оскорбляло его самолюбіе, и если я не заслужилъ расположеніе этого человѣка, то не моя въ томъ вина. Если бы я зналъ характеръ этого архіерея, то я не принялъ бы назначенной мнѣ епархіи, но самъ бы предложилъ занять мѣсто близъ главнокомандующаго, такимъ образомъ я бы не сталъ ничего претерпѣвать и выигралъ бы по службѣ.

Покойный графъ Каменскій сожалѣлъ, что не познакомился со мной до кампаніи. Этотъ достойный генералъ, который нашелъ много справедливаго и вѣрнаго въ запискахъ, представленныхъ ему мною по моемъ прибытіи въ Валахію, былъ очень привязанъ ко мнѣ и не предпринималъ ничего не посовѣтовавшись со мной. Онъ былъ храбръ, въ его распоряженіи была грозная армія; но миръ ушелъ изъ его рукъ, благодаря неопытности и хорошимъ совѣтамъ (?); если бы онъ прожилъ еще три мѣсяца, онъ бы исправилъ свои ошибки. Вторая кампанія начата была заблаговременно; краткій промежутокъ времени въ три мѣсяца былъ бы для него болѣе чѣмъ достаточенъ для того, чтобы уничтожить силы Турціи, продиктовать ей миръ и повести затѣмъ побѣдоносное воинство въ Польшу. Ранняя смерть лишила Россію хорошаго патріота и храбраго воина, который долженъ былъ когда-нибудь затмить величайшихъ полководцевъ Европы, замедлила миръ и снова оставила эти прекрасныя страны подъ властію варваровъ. Если я имѣю причины быть недовольнымъ вашими духовными, которыхъ я всегда все-таки уважаю, Дунайская армія мнѣ все же очень дорога, и я бы послѣдовалъ за ней въ ея новомъ назначеніи, какъ того желалъ адмиралъ Чичаговъ, если бы я былъ способенъ въ этихъ странахъ приносить туже пользу, какую я могу принести странѣ, въ которой на каждомъ шагу имѣю друзей и знакомыхъ, которой языкъ мнѣ извѣстенъ, и гдѣ я знаю нравы и обычаи народа и способъ, посредствомъ котораго иноземная держава можетъ привлечь его на свою сторону».

Милости Русскаго правительства продолжали изливаться на митрополита Игнатія. 1-го Октября 1813 года Государь приказалъ, чтобы пенсія его (3 тыс. р.) производилась съ добавленіемъ вексельнаго курса, «доколѣ онъ не помѣщенъ будетъ къ мѣсту, приличному его сану» [1].

Упорную борьбу Гавріилу пришлось вести въ своемъ экзархатѣ съ безпорядками мѣстной монастырской жизни. Молдавія и Валахія были положительно усѣяны монастырями. Даже и въ настоящее время маленькая Румынія насчитываетъ у себя около двухсотъ монастырей, а въ 1810 году число ихъ простиралось до четыреста семи [2].

---

[1]) Исторія митрополита Игнатія изложена нами по преимуществу на основаніи дѣлъ канцеляріи оберъ-прокурора № 3605; см. дѣла Сунода 1808 г. № 571; 1809 г. № 971; 1810 г. № 140, 772; 1812 г. № 343. Митрополитъ Игнатій умеръ въ монастырѣ Авиноза, близъ Карпатскихъ горъ. Стадницкій, стр. 193.

[2]) Стадницкій, стр. 194.

Монастыри Молдавіи и Валахіи рѣзко различались между собой. Одни изъ нихъ назывались мѣстными или *національными* монастырями и находились въ полной церковной зависимости отъ своей церковной іерархіи, тогда какъ другіе монастыри назывались «*преклоненными*», и эти послѣднія были подчинены разнымъ духовнымъ общинамъ, находящимся на Востокѣ, и стояли внѣ всякой церковной зависимости отъ мѣстной церковной власти, управляясь духовными лицами, назначаемыми по распоряженію восточныхъ духовныхъ общинъ.

У г. Стадницкаго не представлено статистическихъ данныхъ относительно тѣхъ и другихъ монастырей, между тѣмъ онѣ весьма часто говорятъ сами за себя и не требуютъ особенныхъ выводовъ и заключеній. По статистическимъ даннымъ, имѣвшимся подъ руками и у г. Стадницкаго, *національныхъ* монастырей въ разсматриваемое время было: въ Валахіи—37 мужскихъ, 3 женскихъ, 85 скитовъ и 15 женскихъ; въ Молдавіи—17 мужскихъ, 2 женскихъ, 120 мужскихъ скитовъ и 15 женскихъ[1]).

Осенью 1808 года экзархъ, сообщая Святѣйшему Сvноду о состояніи національныхъ монастырей во ввѣренномъ ему экзархатѣ, между прочимъ говорилъ, что они «*доходами послѣдніе* (т. е. бѣдные), которые однакожъ и нѣкоторый монашескій порядокъ соблюдаютъ и довольное число монашествующихъ содержатъ, да притомъ и на содержаніе духовнаго училища возможное пособіе даютъ.»[2])

Диванъ принималъ участіе въ избраніи игуменовъ, провѣрялъ и контрилировалъ монастырское имущество, вводилъ игуменовъ въ должность, что̀ весьма часто сопровождалось на дѣлѣ вредными послѣдствіями для монастырской жизни. Въ 1809 году преосвященный Гавріилъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы диванъ и вообще никакая свѣтская власть въ монастырскія дѣла не вмѣшивались. Диванъ счелъ себя обиженнымъ и потому обратился съ жалобой на экзарха къ сенатору Кушникову, который предписалъ дивану вообще не вмѣшиваться въ дѣла духовныя и въ частности монастырскія, такъ какъ всѣ они состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣніи одного экзарха.[3])

Внутренняя жизнь монастырей Молдавіи и Валахіи также требовала большихъ заботъ и попеченій духовной власти. Игумены принимали число послушниковъ безъ разбору лицъ, свободныхъ или рабовъ, вслѣдствіе чего въ монастыряхъ иногда находили себѣ пріютъ различные бродяги, бѣглые солдаты. Нѣкоторые игумены при постриженіи своихъ послушниковъ не подвергали ихъ установленному трехлѣтнему испыта-

---

[1]) Дѣло Св. Сvнода 1811 г., № 442. 1808 г. № 571.

[2]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 3550.

[3]) Стадницкій, стр. 207.

нію. Многіе монахи самовольно переходили изъ монастыря въ монастырь безъ всякой уважительной причины. Экзархъ издалъ инструкцію для игуменовъ, которою они обязывались не принимать никого въ число послушниковъ безъ письменнаго удостовѣренія въ томъ, что они свободные, безсемейные и пр.; не постригать послушниковъ ранѣе трехъгодичнаго испытанія и въ этомъ случаѣ не иначе, какъ съ предварительнаго письменнаго разрѣшенія епархіальнаго архіерея, и наконецъ они обязывались строго слѣдить за тѣмъ, чтобы монахи безъ вѣдома игуменовъ не выходили изъ монастыря, а на переходъ изъ одного монастыря въ другой они должны были испрашивать благословеніе епархіальнаго архіерея и пр.

Такъ называемые преклоненные монастыри получили свое начало въ Молдавіи и Валахіи въ концѣ XV вѣка. Древніе благочестивые Молдавскіе и Валахскіе князья и бояре, устрояя монастыри, жертвовали имъ недвижимыя имущества, земли и вотчины, но съ тѣмъ, чтобы доходы съ нихъ употреблялись на нужды монастыря, а также на устройство школъ и пріютовъ для престарѣлыхъ и сиротъ. Съ конца XV вѣка жертвователи кромѣ указанныхъ условій вносятъ еще одно новое: нѣкоторые монастыри ставились въ извѣстную зависимость отъ восточныхъ монашескихъ учрежденій. Такіе монастыри получили отсюда названіе «преклоненныхъ». Зависимость ихъ отъ восточныхъ общинъ выражалась первоначально въ томъ, что эти монастыри, упрявляясь мѣстными игуменами по законамъ своей страны и употребляя доходы съ своихъ имѣній на содержаніе обителей, а также на иконы и вообще на дѣла мѣстной общественной благотворительности, только остатки своихъ доходовъ посылали въ тѣ духовныя общины, которымъ они были преклонены. Право собственности на монастырскія имущества составляло принадлежность мѣстныхъ монастырей. Съ начала XVIII вѣка на княжескихъ престолахъ Молдавіи и Валахіи утверждаются Греки-фанаріоты. Благодаря содѣйствію ихъ, преклоненные монастыри вступили въ полное безотчетное распоряженіе восточныхъ духовныхъ общинъ, которыя начали управлять ими чрезъ своихъ повѣренныхъ монаховъ и совершенно изъяли ихъ изъ вѣдѣнія и зависимости мѣстныхъ церковныхъ и гражданскихъ властей. Таково было положеніе преклоненныхъ монастырей при учрежденіи второго Русскаго Молдавлахійскаго экзархата.

Въ сочиненіи г. Стадницкаго не указано общаго количества бывшихъ при митрополитѣ Гавріилѣ преклоненныхъ монастырей, между тѣмъ этотъ предметъ немаловажный, потому что онъ показываетъ ту силу протеста, съ которымъ выступили противъ него начальники преклоненныхъ монастырей. Въ Молдавіи такихъ монастырей находилось:

десять монастырей и одинъ скитъ (при 64 монашествующихъ во всѣхъ) принадлежали Гробу Господню или патріарху Іерусалимскому; Синайской горѣ принадлежали четыре монастыря и одинъ скитъ съ 15 монашествующими; Аѳонской горѣ преклонено было 23 монастыря и 8 скитовъ при 184 монашествующихъ. Итого въ одной Молдавіи преклоненныхъ монастырей было 37 и 10 скитовъ. Приблизительно такое же число было ихъ и въ Валахіи. Всего въ Молдавіи и Валахіи преклоненныхъ монастырей насчитывалось 72 и 35 скитовъ. Это такая громадная сила, вести борьбу съ которой одному лицу, хотя бы располагающему большими полномочіями, было очень трудно.

Осенью 1808 года м. Гавріилъ сообщалъ въ Петербургъ. «Монастырей какъ въ Валахіи, такъ и въ Молдавіи много и съ довольными выгодами, но большая часть и самые лучшіе и вотчинами богатѣйшіе посвящены иные Гробу Господню въ Іерусалимѣ, иные Аѳонской горѣ, иные Синайской, а иные другимъ патріаршескимъ престоламъ и монастырямъ, въ Греціи находящимся. Въ монастыряхъ сихъ игуменствуютъ или архіереи, или архимандриты, или игумены, а индѣ и простые монахи, отъ тѣхъ мѣстъ опредѣляемые, которые, перемогши другихъ въ торгу возвышеніемъ цѣнъ и взнесши рѣшительную сумму въ тѣ мѣста, куда какой монастырь посвященъ, располагаютъ онымъ и имѣніемъ его по своей волѣ какъ хотятъ, не давая никому отчета. Сверхъ сего оные игуменствующіе, *дабы сократить расходы, ради своего прибытка, монашествующей* братіи не держать, даже и въ первенствующихъ монастыряхъ, а имѣютъ нанятыхъ по одному или по два бѣлыхъ священниковъ, лишь бы какое нибудь служеніе въ церкви производилось; а сами никогда почти не служатъ и о благолѣпіи и порядкѣ церковномъ не радятъ совсѣмъ, а занимаясь токмо вотчинами, умножаютъ долги и оставляютъ церкви въ такомъ положеніи, что въ нѣкоторыхъ иконостасы и утвари какъ сначала боголюбивыми строителями устроены, такъ и доселѣ остаются безъ поновленія. Ибо имѣніе, отписанное строителями на содержаніе монастырей, идетъ не въ пользу оныхъ и не на содержаніе братіи, но въ прибытокъ посылаемыхъ игуменовъ, какъ откупщиковъ, которые никакой надъ собой власти не имѣютъ и никому не даютъ отчета. По сей уважительной причинѣ, не угодно ли Святѣйшему Правительствующему Сѵноду повелѣть сихъ начальниковъ или игуменовъ: 1-е) Подчинить экзарху и по управленію монастырей, дабы они, наравнѣ съ начальниками Молдавскихъ монастырей, исполняли всѣ распоряженія и предписанія тамошняго духовнаго начальства и изъ послушанія бы не выходили; непослушныхъ же и неблагонадежныхъ предоставлять экзарху мѣнять навсегда и опредѣлять на мѣсто или другихъ достойныхъ по мѣстному усмотрѣнію начальниковъ, давъ только за извѣстіе знать въ тѣ мѣста, гдѣ каковые монастыри подчинены и предоставивъ посылать туда такую сумму, какую прежніе посылали. 2-е) Истребовать отъ нихъ отписныя грамоты, или хрисофы по тамошнему называемые, гдѣ означены воля и богоугодное намѣреніе строителей, и понудить ихъ начальниковъ или игуменовъ, чтобы они точное по тѣмъ отпис-

нымъ грамотамъ исполненіе чинили и для священнослуженія не бѣлыхъ священниковъ въ монастыряхъ, но монашествующую братію, на обыкновенныхъ монастырскихъ правилахъ, соотвѣтственное съ состояніемъ монастыря, число содержали, каковой братіи довольно находится по скитамъ, нуждаясь иногда въ дневномъ пропитаніи. 3-е) За отсылкою въ тѣ мѣста, куда монастыри посвящены положенной въ годъ суммы, прочіе доходы употреблять на содержаніе братіи, на благолѣпіе церковное, на починки монастыря и на уплатѣ долговъ, гдѣ оные есть; а изъ остальной суммы по примѣру нѣкоторыхъ Молдавскихъ монастырей употреблять по обстоятельствамъ времени на богоугодныя дѣла, яко то на школы, на сиропитательные дома и прочее. 4-е) Подтвердить, чтобы они игуменствующіе подавали экзарху ежегодно о приходѣ и расходѣ подробные отчеты, на каковый конецъ выдать имъ изъ экзаршеской дикастеріи шнурупечатанныя книги. 5-е) За введеніемъ таковаго въ монастыряхъ порядка, находящіеся въ немаломъ количествѣ по лѣсамъ и вертепамъ скиты, получающіе содержаніе себѣ отъ единаго токмо по міру собираемаго подаянія, гдѣ часто сумнительные люди укрываются и другіе безпорядки происходятъ, упразднить, а монашествующихъ размѣстить по монастырямъ, вотчины же ихъ, гдѣ есть приписывать къ другимъ мѣстамъ для богоугодныхъ заведеній, оставя только самыя благоучрежденнѣйшія, гдѣ братія примѣрнымъ своимъ житіемъ подаетъ образъ порядочнаго монашескаго житія и другимъ. 6-е) Начальниковъ предоставить присылать отъ тѣхъ мѣстъ, куда какой монастырь посвященъ, только въ такіе монастыри, кои единственно строены для посвященія туда, а кои отданы послѣ уже господарями во владѣніе Грековъ подъ разными благовидными предлогами, безъ предложенія строителей, что̀ видѣть можно будетъ изъ отписныхъ грамотъ; въ таковые опредѣлять епархіальнымъ архіереямъ изъ отечественныхъ духовныхъ чиновниковъ, которые отправляютъ какую-нибудь общественную должность, яко то въ училищахъ, въ консисторіяхъ и прочее. Ибо большая часть лучшихъ монастырей находятся подчиненными Грекамъ. Отечество же кромѣ однихъ хлопотъ въ тяжбахъ ихъ по вотчинамъ и другимъ дѣламъ никакой отъ нихъ и ихъ начальниковъ пользы не имѣетъ. *)

Указомъ отъ 23-го Декабря 1808 года экзарху предоставлялась полная власть надъ преклоненными монастырями. Онъ получилъ право поставлять и смѣщать игуменовъ этихъ монастырей, контролировать всѣ стороны монастырской жизни, требовать представленія себѣ каждогодныхъ подробныхъ отчетовъ о приходахъ и расходахъ суммъ каждаго монастыря и вести ихъ по выданнымъ изъ экзаршеской дикастеріи шнуровымъ книгамъ. Въ концѣ 1808 года розданы были по всѣмъ монастырямъ такія книги для записыванія приходовъ и расходовъ.

Игумены преклоненныхъ монастырей встрѣтили съ большимъ нерасположеніемъ новыя распоряженія экзарха. Особенную же нена-

*) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 3550.

висть ихъ возбудили шнуровыя книги, которыми полагался предѣлъ безконтрольному ихъ хозяйничанью въ монастыряхъ. Какъ враждебно отнеслись къ шнурозапечатаннымъ книгамъ нѣкоторые изъ Греческихъ игуменовъ, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ Августѣ 1809 года м. Гавріилъ въ рапортѣ Св. Суноду писалъ: «Изъ числа игуменовъ Греческихъ монастырей, архимандритъ монастыря Формозы, принадлежащаго Синайской горѣ, Іоакимъ принять таковыхъ книгъ не захотѣлъ и сказалъ посланному къ нему изъ дикастеріи подканцеляристу Ильѣ Сребакулу, что онъ о сихъ книгахъ знать не хочетъ и никогда ихъ не приметъ. Вслѣдствіе чего, сего Августа 1-го дня оный архимандритъ Іоакимъ, будучи призванъ въ присутствіе дикастеріи, на вопросъ, для чего противится чинимому на основаніи указнаго повелѣнія распоряженію, отвѣчалъ, что сей монастырь принадлежитъ Синайской горѣ и никакого посторонняго распоряженія не пріемлетъ; когда же сказано было ему, что сіе дѣлается для пользы тѣхъ мѣстъ, куда какой монастырь принадлежитъ, дабы игуменствующіе не могли расточать монастырскаго имѣнья и доводить монастыри до совершеннаго разоренія и неоплатимыхъ долговъ (какъ и есть множество таковыхъ очевидныхъ примѣровъ), то онъ сказалъ: пусть и такъ, однако книгъ не пріемлетъ и въ пріемѣ оныхъ не распишется, хотя бы и съ игументства смѣненъ былъ; ибо де-сіе клонится къ тому, чтобы отобрать отъ нихъ монастыри и ихъ имѣнія. По сему сказано ему, что онъ въ семъ мнѣніи своемъ ошибается, и что Россійское правительство не только объ отобраніи монастырей не мыслитъ, но еще объ утвержденіи и благосостояніи оныхъ печется, на что онъ отвѣчалъ: какъ бы то ни было, но такъ говорятъ, и онъ такъ думаетъ, а потому и книгъ не приметъ. На вопросъ же, кто такъ говоритъ, онъ не только не сказалъ кто, но еще добавилъ свое заключеніе, что сіи книги съ описаніемъ имущества, прихода и расхода, для того раздаются, дабы при отобраніи знать, какъ принимать. И въ таковомъ упрямствѣ вышелъ изъ присутствія, не принявши книгъ» *). Архимандритъ Іоакимъ за ослушаніе начальству и по дряхлости своей (ему было 90 лѣтъ) удаленъ отъ должности игумена, а на его мѣсто назначенъ другой.

Особенно рѣзко выступилъ противъ распоряженій экзарха игуменъ монастыря Галаты, преклоненнаго Св. Гробу Господню, митрополитъ Апомейскій Паисій. Онъ изобличенъ былъ экзаршеской дикастеріей въ продажѣ монастырской собственности и въ утайкѣ монастырскихъ денегъ. Экзархъ, уважая его санъ, оставилъ его на мѣстѣ; но самъ Паисій открыто заявилъ, что онъ, кромѣ Іерусалимскаго патріарха, не признаетъ надъ собой никакой власти. Когда Гавріилъ послалъ ему правила для управленія монастыремъ, Паисій возвратилъ ихъ ему назадъ съ заявленіемъ, что онъ подчиненъ не экзарху, а патріарху Іерусалимскому. Недовольные игумены составили тайный за-

*) Дѣло Св. Сунода 1808 г. № 571. л., 34—36.

говоръ противъ экзарха и подали на него доносъ В. И. Красно - Милашевичу въ трехъ экземплярахъ: одинъ для представленія Государю, другой въ Сѵнодъ и третій для главнокомандующаго. Кромѣ того, такой же доносъ они подали на экзарха и въ диванъ. Въ диванѣ игумены заявили, что они писали въ Царьградъ къ своимъ патріархамъ и просили ихъ защиты. Въ своемъ доносѣ на экзарха Греческіе игумены не только высказывали жалобы на его распоряженія и мнимо-самовольныя дѣйствія, но уподобляли его какому-то языческому сторукому божеству *). Милашевичъ отправилъ копію съ доноса къ экзарху съ просьбою о разъясненіи. Гавріилъ, опровергнувъ взведенныя на него обвиненія, въ доказательство правоты и законности своихъ дѣйствій препроводилъ къ Милашевичу въ копіи указъ Сѵнода отъ 23-го Декабря 1808 года; тогда Милашевичъ объявилъ игуменамъ, что всѣ предпринятыя Гавріиломъ мѣры вполнѣ согласны съ предписаніями высшей церковной власти. Графъ Каменскій сдѣлалъ игуменамъ строжайшій выговоръ и далъ распоряженіе, какъ гражданскому, такъ и военному начальству строго слѣдить за поведеніемъ и дѣйствіями ихъ. Одесскому же градоначальнику въ Одесскомъ карантинѣ велѣно наблюдать за перепискою Греческихъ монаховъ, живущихъ въ Молдавіи, и если будутъ получены письма изъ Константинополя на имя кого-либо изъ монашествующихъ и на случай, что окажется подозрительнымъ, доставлять письма къ графу Каменскому.

28-го Октября 1810 года экзархъ писалъ князю А. Н. Голицыну:

«Сіи гордые и корыстолюбивые Греки съ самаго начала показывали нѣкоторое неудовольствіе противъ нынѣшняго правительства, при раздачѣ имъ приходо - расходныхъ книгъ обнаружили оное больше, а по разсмотрѣніи счетовъ и открытіи ихъ злоупотребленій, открыли совершенно ядъ злобы, гнѣздившійся въ сердцахъ ихъ противъ меня и нынѣшняго правленія. Доселѣ я старался любовію, кротостію и благотвореніемъ исправить ихъ; но, наблюдая за ихъ поведеніемъ, всегда замѣчалъ въ нихъ болѣе склонности къ Турецкому правленію, нежели къ Россійскому. Привыкши къ безпорядкамъ и безотчетнымъ поступкамъ, они предпочитаютъ то правленіе, которое довольствуется деньгами, а о порядкѣ и благоустройствѣ церкви не безпокоится. Теперь осмѣливаюсь утвердительно сказать, что сихъ буйныхъ самовольцевъ, недоброхотствующихъ Россійской имперіи, исправить иначе никакъ не можно, какъ только отставить всѣхъ составляющихъ бунтующую шайку отъ должностей, а на мѣсто ихъ опредѣлить другихъ, по мѣстному усмотрѣнію, Молдавскихъ и Русскихъ игуменовъ съ тѣмъ, чтобы они отсылали въ тѣ мѣста, куда какой монастырь принадлежитъ, уреченное число денегъ, какъ по отписнымъ грамотамъ значится, или и больше, судя по возвышенію цѣнъ на вотчины; или по крайней

*) Стадницкій, стр. 214.

мѣрѣ зачинщиковъ сего заговора, отрѣшивъ отъ должностей, предать законному сужденію за противленіе власти, за язвительныя рѣчи и за соблазнъ, учиненный не только всему духовенству, но и міряпамъ».

Экзархъ отправилъ въ Петербургъ, съ новымъ письмомъ къ князю Голицыну, протоіерея Куницкаго.

«Представляя при семъ реестръ зачинщиковъ сего на меня возмущенія, всенижайше прошу избавить паству мою отъ сей опасной заразы и меня отъ опасности злобы и ненависти ихъ и приказать выслать ихъ въ Турцію за Дунай къ своимъ мѣстамъ: ибо, будучи они креатуры Фанаріотскихъ Грековъ, и имѣя съ ними сношеніе и одинаковыя мысли и желанія, будутъ какъ для духовнаго, такъ и для гражданскаго правительства всегда подозрительны и опасны».

Въ другомъ письмѣ экзархъ просилъ наградить Куницкаго митрою. Въ Петербургѣ Куницкій удостоился высочайшей аудіенціи и принималъ участіе въ богослуженіи въ Зимнемъ Дворцѣ во время крещенскаго парада; 10-го Декабря 1810 года ему пожалована изъ Императорскаго Кабинета драгоцѣнная митра *).

14-го Декабря 1810 года Сѵнодъ предписалъ экзарху, чтобы онъ указалъ всѣхъ главныхъ зачинщиковъ противленія духовной власти для высылки ихъ въ Россію и устранилъ бы ихъ отъ должностей, опредѣливъ на ихъ мѣста новыхъ игуменовъ по своему непосредственному усмотрѣнію. Между тѣмъ нѣкоторые игумены, видя, что имъ грозитъ опасность, рѣшились отдаться подъ защиту Французскаго правительства и объявили себя Французскими подданными. Французскій консулъ въ Бухарестѣ Ледуль принялъ Греческихъ игуменовъ подъ защиту, но и это не спасло ихъ отъ ссылки. 29-го Марта 1811 года Св. Сѵнодъ указалъ мѣста для ихъ удаленія: Иринопольскому Григорію Рязанскій Спасскій монастырь, Евхаитскому митрополиту Ѳеоклиту первоклассный Свіяжскій Богородицкій монастырь, архимандриту Трехсвятительскаго монастыря Серафиму Нижегородскій Печерскій монастырь, архимандриту Побратскаго Николаевскаго монастыря Анѳиму Новгородъ-Сѣверскій Преображенскій монастырь, архимандриту Ясскаго Святославскаго монастыря Григорію Пафнутьевъ Боровскій монастырь и Кипріановскому Пречистенскаго монастыря архимандриту Анѳиму Троицкій Калязинъ монастырь. Паисій, митрополитъ Анамійскій, игументствовавшій въ Вознесенскомъ Галатскомъ монастырѣ, еще раньше предназначенъ былъ къ ссылкѣ въ Спасоевѳиміевскій монастырь Владимирской епархіи. Государь 17-го Апрѣля 1811 года утвердилъ опредѣленіе Св. Сѵнода о возмутившихся игуменахъ. Два игумена, Анѳимъ Кипріановскій и Анѳимъ, архимандритъ Побрат-

*) Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости 1861 года, № 18.

скаго монастыря, вслѣдствіе своего раскаянія и болѣзни, по ходатайству экзарха, были освобождены отъ высылки въ Россію *). Остальные отправлены были въ мѣста ихъ ссылки подъ воинскимъ конвоемъ. Какъ отправка, такъ и самое содержаніе сосланныхъ игуменовъ въ Русскихъ монастыряхъ по распоряженію экзарха сдѣланы были не на счетъ казны, а на счетъ монастырей, которыми они управляли.

Изъ сосланныхъ игуменовъ наиболѣе хлопоталъ о своемъ возвращеніи въ Молдавію преосвященный Григорій Ириночольскій. Онъ самъ писалъ изъ Рязани къ экзарху, доказывая свою невинность. О томъ же неоднократно увѣряли экзарха и почитатели Григорія въ Молдавіи. Особенно усерднымъ ходатаемъ за него выступилъ племянникъ его професоръ Говдела, который неоднократно утруждалъ князя Голицына своими просьбами. Наконецъ, Говдела обратился на высочайшее имя съ прошеніемъ, которое препроводилъ къ Сперанскому при особомъ письмѣ. Сперанскій бумаги, полученныя имъ отъ Говдела, передалъ князю Голицыну, который спрашивалъ экзарха, при какихъ условіяхъ возможно возвращеніе Григорія въ Молдавію. Гавріилъ, находившійся въ это время въ С.-Петербургѣ, отвѣчалъ:

«По отправленіи Григорія въ Россію, пріятели его въ Яссахъ неоднократно приступали ко мнѣ съ просьбами, дабы я исходатайствовалъ ему дозволеніе возвратиться въ Молдавію на жительство, говоря мнѣ, что онъ по принужденію и устрашенію прочихъ сотоварищей подписалъ на меня извѣстные доносы: ибо-де угрожали ему, что ежели не будетъ съ ними согласенъ и не подпишетъ сочиненные противъ меня доносы, то они пошлютъ на него жалобу султану въ Цареградъ, чтобы онъ султанъ приказалъ, по окончаніи войны, казнить его смертію, яко предавшаго ихъ монастыри Русскимъ и, потому, устрашась таковаго монаховъ покушенія, вступилъ съ ними въ комплотъ. Тоже самое подтвердилъ мнѣ здѣсь и г. Говдела. Да и самъ преосвященный Григорій въ одномъ изъ Рязани ко мнѣ письмѣ пишетъ, что онъ увѣдомился отъ пріятелей своихъ изъ Яссъ, что я уже узналъ его невинность. Я не могу знать справедливость сдѣланнаго ему сего устрашенія отъ сотоварищей его; но ежели ваше сіятельство заблагоразсудите освободить его изъ Рязани, я охотно согласенъ; только прежде освобожденія за нужное почитаю учинить съ нимъ слѣдующую предосторожность. Чтобы онъ въ Рязани учинилъ присягу, хотя временную, на вѣрность Государю Императору Всероссійскому, и чтобъ, по крайней мѣрѣ, пока будетъ имѣть пребываніе въ землѣ находящейся подъ защитою Россійскаго оружія, обязался письменно признавать законнымъ, какъ духовное, такъ и мірское Россійское правленіе, и что не будетъ имѣть

*) Эти два архимандрита обманули митрополита своими притворными болѣзнями, а одинъ изъ нихъ по выходѣ Русскихъ изъ Молдавіи подалъ даже жалобу на экзарха Гавріила. Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 4602.

никакой корреспонденціи съ Цареградскими или съ другими Турецкими подданными, или съ находящимися его сотоварищами, подъ строгимъ взысканіемъ за противный поступокъ; да при томъ, что не будетъ вмѣшиваться ни въ какія дѣла правленія или имѣть съ монахами скрытныхъ противъ учрежденнаго порядка сношеній, а будетъ жить спокойно и послушно и будетъ доволенъ отъ экзарха даннымъ мѣстомъ и опредѣленнымъ пропитаніемъ. Ежели таковое дастъ онъ вашему сіятельству письменное обѣщаніе, можетъ явиться ко мнѣ съ свидѣтельствомъ о данномъ таковомъ обѣщаніи письменно, и я, принявъ его къ себѣ, по прибытіи въ Молдавію, буду стараться успокоить его по возможности»[1]).

Григорій соглашался принять Русское подданство, но не хотѣлъ подписать остальныхъ требованій и потому остался еще въ Рязани.

При вступленіи въ командованіе Дунайской арміей адмирала Чичагова вопросъ объ удаленныхъ съ должностей Греческихъ игуменахъ поднятъ былъ снова. «Мнѣ настала надобность, писалъ м. Гавріилъ князю Голицыну, изъясниться предъ г. Чичаговымъ въ моемъ поведеніи по управленію мною здѣшнимъ духовенствомъ. Онъ между прочимъ прислалъ повелѣніе изъ Валахіи г. президенту Милашевичу въ Яссы, чтобы всѣхъ Греческихъ настоятелей, удаленныхъ по высочайшему повелѣнію отъ управленія за возмущеніе, возвратить на прежнія мѣста и должности. Сіе, кажется, было по ходатайству г. Стурдзы и жены его. По пріѣздѣ г. Чичагова въ Яссы я ему сказалъ, что нѣкоторые изъ нихъ высланы въ Россію; на сіе онъ мнѣ отвѣчалъ, что объ нихъ писалъ Государю. Насилу выпросилъ я коммиссію для разсмотрѣнія счетовъ и поведенія мною опредѣленныхъ, дабы не остались въ поруганіи и похищеніи прежде удаленныхъ. Сія коммиссія, составленная изъ Молдаванскихъ бояръ, продолжалась до моего изъ Яссъ выѣзда, посрамила многихъ изъ первыхъ и оправдала опредѣленныхъ мною. Въ бытность г. Чичагова въ Яссахъ, кажется, онъ узналъ мою невинность, и мы разстались друзьями»[2]).

По миру съ Портой Молдавія и Валахія отошли снова къ Турціи. 27 Августа 1812 года Комитетъ Министровъ постановилъ дать свободу высланнымъ во внутрь Россіи Греческимъ игуменамъ возвратиться въ тѣ самые монастыри, въ которыхъ они игуменствовали. Объ этомъ высочайше утвержденномъ положеніи дано было знать Св. Сѵноду и экзарху его въ Молдавіи и Валахіи. Мало того, по распоряженію Русскаго правительства игуменамъ назначены были, соотвѣтственно ихъ сану, отъ казны прогоны: на десять лошадей—митрополитамъ, на шесть—архимандритамъ, и кромѣ того дано было каждому игумену на путевыя издержки по пятисотъ рублей.

Труды м. Гавріила по устроенію порядка нашли себѣ достойную оцѣнку среди самаго Молдавскаго общества. Въ 1811 году первостатейные бояре и патріоты Молдавскаго княжества писали въ Св. Сѵнодъ:

---

[1]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 3550.

[2]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 3605.

«Въ сей земли, равно и въ другихъ христіанскихъ государствахъ, нѣкоторые князья и бояре, коихъ Богъ благословилъ могуществомъ и достаткомъ, по благоговѣнію, какое имѣли къ Богу, и любви къ отечеству своему, сотворили многія дѣла во славу Божію и въ пользу общественную; паче же имѣли нѣкоторую особенную ревность къ созданію Божественныхъ храмовъ и монастырей, которые и снабдили вотчинами и другими имѣніями, какъ для содержанія монастырскаго чина, такъ и для нѣкотораго пособія бѣднымъ и для другихъ общеполезныхъ заведеній отечественныхъ. И сіе богоугодное пожертвованіе утвердили грамотами и духовными завѣщаніями, въ которыхъ обстоятельно изъяснили мысль и намѣреніе, для котораго созидали и снабдили оныя святыя обители. И сначала сохранялось и исполнялось во всемъ желаніе православныхъ ктиторій, имѣли монастыри довольное число монаховъ, и наблюдался въ оныхъ во всемъ добрый порядокъ по правиламъ св. отцевъ въ отношеніи житія монашескаго, со исполненіемъ и всего прочаго по содержанію грамотъ. Но потомъ по разнымъ обстоятельствахъ и чрезъ разныя лица начало мало-по-мало ослабѣвать исполненіе, и стали употребляться другіе обычаи съ уничтоженіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, заключающихся въ грамотахъ и духовныхъ завѣщаній ктиторскихъ, а наипаче въ тѣхъ монастыряхъ, которые посвящены другимъ мѣстамъ внѣ предѣловъ сея земля, и дошло до того, что ни монаховъ при нѣкоторыхъ нѣтъ, ни добрый порядокъ не соблюдается, ни намѣреніе, для котораго блаженные ктиторы созидали сіи обители и снабдили вотчинами и строеніями (лишивъ нѣкоторые потомковъ своихъ наслѣдія для пользы общей и по усердію къ религіи) не исполняется. Но извѣстно, что всѣ монастыри, находящіеся въ семъ краю и посвященные другимъ мѣстамъ, посвящены тѣмъ мѣстамъ отъ блаженныхъ ктиторей только для нѣкотораго пособія онымъ по тамошней скудости въ потребностяхъ, а не для того, чтобы совсѣмъ были отдѣлены отъ мѣстнаго правленія, и чтобъ игумены были самовольны, не исполняя того, что̀ въ грамотахъ духовныхъ содержится. Хотя же, можетъ быть, по времени сдѣланы разныя постановленія въ отношеніи тѣхъ монастырей стараніемъ игуменовъ для ихъ интереса, но никакое постановленіе не можетъ уничтожить то, что̀ располагаетъ кто нибудь въ собственномъ стяжаніи своемъ и трудахъ. И потому весьма тягостно было имъ смотрѣть глазами своими на злоупотребленія, каковыя были въ монастыряхъ, принадлежащихъ другимъ мѣстамъ; поелику забыто было все содержаніе завѣщаній ктиторскихъ, и оставались монастыри безъ монаховъ и безъ должнаго порядка, а отдавались игуменамъ въ аренду, какъ нѣкоторые постоялые дворы, что̀ было постыдно для святой церкви и для отечесва. *Теперь, видя благоисправленіе, каковое по волѣ благочестивѣйшаго Монарха отъ Св. Сѵнода чрезъ экзарха онаго въ земли сей совершается возобновленіемъ и улучшеніемъ состоянія церковнаго на основаніи правилъ св. отцевъ, какъ было издревле, они возрадовались*, и получили души ихъ нѣкоторую отраду и спокойствіе. И для того просятъ они бояре и патріоты Св. Сѵнодъ продолжать отеческую свою любовь къ ихъ отечеству, не переставая управлять и улучшать во всемъ порядкѣ въ св. церквахъ и монастыряхъ тамъ находящихся, какъ сдѣлано начало. И разсмотрѣвъ

грамоты и завѣщанія всѣхъ монастырей, посвященныхъ другимъ мѣстамъ, которыя сдѣланы самими созидателями, предками ихъ, велѣть по инымъ поступать въ точности, а не по тѣмъ, которыя, можетъ быть, въ послѣдствіи времени отъ разныхъ лицъ чрезъ посредство интереса сдѣланы, которые никакого права не имѣли перемѣнять завѣщаніе блаженныхъ ктиторей и дѣлать другія постановленія, несогласныя съ намѣреніемъ и желаніемъ тѣхъ богобоящихся особъ, которыя истинною своею собственностію пожертвовали для благолѣпія церкви и для пользы общей.» Св. Сvнодъ 17 Мая 1811 года постановилъ о представленіи Молдавскихъ бояръ довести до свѣдѣнія Государя, а м. Гавріилу поручилъ объявить означеннымъ благомолящимъ боярамъ и патріотамъ благословеніе Св. Сvнода.

Очень жаль, что г. Стадницкій, изложившій въ своемъ сочиненіи краткую исторію преклоненныхъ монастырей, не продолжилъ ея до настоящаго времени. Эта исторія свѣжа въ памяти; она завершилась почти на нашихъ глазахъ и въ наши дни. Тогда виднѣе было бы, насколько былъ правъ м. Гавріилъ въ своихъ отношеніяхъ къ монастырямъ, преклоненнымъ святымъ мѣстамъ Востока. М. Гавріилу волею судебъ еще разъ пришлось столкнуться съ этими же монастырями. При устроеніи епархіи въ Бессарабіи онъ приписалъ, съ разрѣшенія Св. Сvнода, для содержанія каѳедры епископа, къ Кишиневскому архіерейскому дому вотчины Кипріановскаго монастыря и самый монастырь, принадлежавшій до сихъ поръ Аѳонскому Зографскому монастырю. Кипріановскій монастырь, такъ понравился Кишиневскому митрополиту что онъ обновилъ и обстроилъ его и даже завѣщалъ похоронить себя въ немъ. Между тѣмъ взглядъ Русскаго правительства на право преклоненныхъ монастырей сталъ измѣняться. Въ 1817 году подтверждено было право заграничныхъ монастырей владѣть вотчинами. На этомъ основаніи и Кипріановскій монастырь перешелъ въ полное владѣніе Зографскаго монастыря. Къ счастью для м. Гавріила это произошло уже послѣ его кончины. Такимъ образомъ прахъ его оказался во владѣніи тѣхъ самыхъ людей, противъ которыхъ онъ такъ настойчиво боролся при жизни.

По удаленіи Русскихъ изъ Молдавіи и Валахіи на каѳедру Молдавскаго митрополита вступилъ прежній митрополитъ Веніаминъ, котораго экзархъ обвинялъ въ недоброхотствѣ къ Россіи и къ Русскимъ. При занятіи Молдавскаго княжества Русскими войсками въ 1808 году Веніаминъ отказался отъ каѳедры и удалился на покой въ Нямецкій Вознесенскій монастырь.Князь Прозоровскій секретно поручалъ экзарху Гавріилу слѣдить за поведеніемъ м. Веніамина и особенно стараться открыть переписку его и его единомышленниковъ бояръ съ Французскимъ правительствомъ, которую они производили чрезъ Варшаву, о чемъ прежде

всѣхъ узнали находившіеся въ Яссахъ Австрійскіе агенты. Веніаминъ конечно не могъ не знать своего поднадзорнаго положенія. Занявъ снова каѳедру митрополита Молдавскаго, онъ прежде всего сталъ на сторону Греческихъ игуменовъ, подвергавшихся высылкѣ въ Россію, и началъ систематически преслѣдовать преданныхъ Россіи духовныхъ лицъ и особенно тѣхъ игуменовъ, которые назначены были на эти мѣста экзархомъ. Этихъ ни въ чемъ неповинныхъ лицъ безъ всякой причины подвергали судебному слѣдствію и, если не находили никакой вины, то всетаки намѣренно тянули дѣло для того, чтобы подвергнуть подсудимыхъ всякимъ невзгодамъ и лишеніямъ. Особенно пострадали Григорій митроп. Іеропольскій, бывшій настоятель Іерусалимскаго Четадуйскаго монастыря; архимандритъ Кириллъ, бывшій при м. Гавріилѣ намѣстникомъ Ясской митрополіи; другой архимандритъ Кириллъ, настоятель Галатскаго монастыря; Бенедиктъ, бывшій игуменъ Бутушанскаго монастыря и др. Эти лица, доведенныя до крайности притѣсненіями Веніамина, рѣшились вовсе оставить Молдавію и просили Кишиневскаго митрополита принять ихъ въ свою епархію. М. Гавріилъ принялъ ихъ и размѣстилъ въ своей епархіи, а нѣкоторымъ изъ нихъ выхлопоталъ даже пенсіи отъ Русскаго правительства *).

Гавріилъ, въ почти четырехлѣтнее управленіе Молдавлахійскою церковью, снискалъ себѣ общую любовь своей паствы въ Молдавіи какъ и въ Валахіи. Всѣ Русскіе главнокомандующіе единогласно свидѣтельствовали объ особенной популярности экзарха среди Молдаванъ и Влаховъ. Любовь и довѣріе Молдавскаго народа къ Гавріилу особенно обнаружились по возвращеніи Молдавіи во власть Порты. Первостатейные Молдавскіе бояре, опасаясь жестокости и насилія со стороны Турокъ, рѣшились просить себѣ защиты у Русскаго Государя и посредникомъ своимъ въ этомъ дѣлѣ избрали Гавріила.

Государь получилъ просьбу въ Декабрѣ 1813 года, будучи за границею. По поводу ея онъ приказалъ князю Голицыну объясниться съ государственнымъ канцлеромъ Н. П. Румянцевымъ и руководиться его мнѣніемъ. Но канцлеръ въ это время пересталъ заниматься дѣлами Иностранной Коллегіи, подавъ просьбу объ увольненіи отъ должности. Просьба Молдаванъ безъ всякаго мнѣнія или заключенія государственнаго канцлера переслана была Государю снова за границу. 1-го Мая 1814 г. въ Парижѣ Государь написалъ на прошеніи: «симъ дѣломъ никакого способа нѣтъ заниматься, и для того представить по моемъ возвращеніи». 13-го Апрѣля 1816 года князь Голицынъ передалъ ее

---

*) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 5210.

графу Каподистріи, въ канцеляріи котораго оно навсегда было похоронено.

Въ 1814 году по взятіи Парижа, потекли пожертвованія на инвалидовъ, служились торжественныя молебствія, церемоніально перевозились отбитыя въ сраженіяхъ непріятельскія знамена, театры потрясались отъ рукоплесканій при видѣ военныхъ героевъ.

Гавріилъ болѣлъ горестями Россіи и утѣшался ея радостями. Еще въ 1812 году онъ писалъ князю Голицыну: «Почто скорблю и унываю нижайшій, когда вся Православная Россійская церковь и весь великодушный Россійскій народъ страждетъ отъ главнаго на свѣтѣ обманщика и злодѣя, когда самъ миролюбивый Всероссійскій Государь сокрушается сердцемъ о страданіи народа своего? Но вѣсть Господь, избавитъ отъ лукаваго и прославитъ благочестивѣйшаго Императора и народа своего». Надежды митрополита Гавріила сбылись, и онъ привѣтствовалъ Государя съ побѣдою письмомъ 21-го Іюня 1814 года.

Нельзя не удивляться дѣятельности м. Гавріила. Едва стало извѣстно объ условіяхъ мира съ Турціей, по которому къ Россіи отходила Бессарабія, какъ онъ составилъ уже проэктъ объ управленіи новоприсоединеннымъ краемъ и просилъ князя А. Н. Голицына поднесть Государю свою записку съ проэктомъ.

Князь Голицынъ записку м. Гавріила отправилъ къ Государю въ главную квартиру; но она оставлена была безъ разсмотрѣнія, о чемъ нельзя не пожалѣть: Бессарабія, можетъ быть, не подверглась бы тѣмъ бѣдствіямъ, какія выпали на ея долю по присоединеніи ея къ Россіи. Въ 1814 году Бессарабскіе жители ходатайствовали предъ правительствомъ о дарованіи имъ тѣхъ правъ, какія еще въ 1812 году проэктировалъ для нихъ хорошо знавшій нравы и обычаи Бессарабскаго края митрополитъ Гавріилъ.

20-го Сентября 1812 года сдалъ онъ особо-учрежденной коммиссіи Молдавскую митрополію въ блестящемъ сравнительно съ прежнимъ положеніи, за что получилъ благодарность и письменное одобреніе Молдавскихъ бояръ и духовенства. Св. Сѵнодъ съ своей стороны объявилъ ему признательность за труды, подъятые имъ во время управленія Молдавлахійской церковію. Въ послѣднихъ числахъ Сентября со всѣмъ своимъ штатомъ переселился онъ въ Кишиневъ. Это было въ то время небольшое мѣстечко, гдѣ трудно было найти подходящее помѣщеніе, и особенно для такого многочисленнаго штата, какой находился при экзархѣ. Въ силу необходимости преосвященный Гавріилъ размѣстился со своимъ штатомъ «въ тѣснѣйшихъ квартирахъ».

В. Жмакинъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО ОТЦУ, ИЗЪ НЕАПОЛЯ ВЪ МОСКВУ [1]).

1804-й годъ.

Неаполь, 2-го Генваря 1804 года.

Въ прошломъ году около сего времени отправили меня въ Вѣну, и я не могъ слѣдовательно видѣть славящихся въ Римско-католическомъ свѣтѣ Неаполитанскихъ crèches, здѣсь именуемыхъ presepj или capanuce; а по-русски, не зная какъ ихъ имя, назову *креши* [2]). Онѣ представляютъ иной разъ цѣлую округу со всѣми прелестями природы, сдѣланы изъ дерева, земли, моха, корки древесной, пробки etc. и суть для Неаполитанцевъ предметомъ безумной и весьма убыточной роскоши. Нѣтъ земли, гдѣ бы столь много тратили денегъ на сіе. Князь Шкители имѣлъ крешу, которая стоила ему до 40.000 дукатовъ. Сіе изобрѣтеніе не имѣетъ, мнѣ кажется, иной цѣли, какъ напоминаніе и празднество Рождества Христова, которое во всѣхъ крешахъ нашелъ я изображеннымъ; тѣмъ болѣе, что сіи только къ сему празднику и дѣлаются. Хозяева, составивъ одинъ разъ сіи креши, потомъ перемѣняютъ только украшенія: тѣже матеріалы служатъ, но расположены иначе, и кукламъ даютъ иныя позиціи, такъ что всякій годъ все кажется ново. Креша церкви Donna Romana имѣетъ сажени 4—5 длины и хороша. У книгопродавца Тереса была преславная, но теперь разобрана; онъ намъ показывалъ нѣкоторыя куклы, быковъ и проч., надъ которыми художникъ три мѣсяца работалъ; но надобно признаться, что нельзя видѣть ничего совершеннѣйшаго. Креша купца Cinque есть теперь славнѣйшая здѣсь. Представьте себѣ прекраснѣйшій пейзажъ: горы, у подошвы ихъ зеленые луга, на которыхъ стада быковъ, лошадей, коровъ, барановъ, козловъ, овецъ, свиней; пастухи съ волынками, крестьянки, молодыя, прекрасныя собою, пляшутъ тарантеллу; далѣе три человѣка работаютъ около котла, въ коемъ варится обѣдъ ихъ. Съ другой стороны видны между горъ каскады ручья; съ третьей

---

[1]) См. выше стр. 223.

[2]) Т. е. ясли.

поле со всякимъ хлѣбомъ, жатва, сѣнокосъ, возы, нагруженные сѣномъ и пр. Направо худое зданіе, почти совсѣмъ открытое; въ немъ Богородица съ Іисусомъ въ рукахъ. Восточные цари приходятъ на поклонъ, одѣты великолѣпно, осыпаны всякими каменьями, съ большими свитами и верблюдами, нагруженными рѣдкими вещами, серебряными (въ самомъ дѣлѣ) сосудами, однимъ словомъ со всею Азіатическою роскошью, приближаются для обожанія Спасителя. Смотрящій со вниманіемъ на сіе живое изображеніе бываетъ исполненъ столь святою набожностію, что готовъ молиться. Вся сія картина представляетъ глазамъ наисовершеннѣйшее подражаніе прекрасной природы, украшенной всѣми художествами. Но Неаполитанцамъ врожденное шутовство все сіе портитъ, и набожность исчезаетъ. Двадцать шаговъ отъ Спасителя, на бочкѣ сидя, два лазароица играютъ въ карты, а возлѣ нихъ родъ трактира, столъ. Половина напивается; а другая, поднявъ вверхъ руку, наполненную макаронами, кидаетъ оныя въ разинутый ротъ; всякая рожа дѣлаетъ особенную гримасу, одинъ обжегся. Есть съ чего до сыта насмѣяться! Вы не повѣрите старанію, съ коимъ всякая фигура сдѣлана; всѣ черты лица изображены, какъ въ лучшей Рафаелевой картинѣ, одѣянія натуральны, превосходны. Но одна вещь, которая тотчасъ не примѣчается, но противна здравому разсудку, есть глупая смѣсь въ сихъ крешахъ всѣхъ временъ года, одеждъ, обычаевъ, народовъ и пр. Возлѣ поля, цвѣтами и травою покрытаго, видѣнъ прудъ замерзшій, и мальчики катаются на конькахъ; далѣе куча народа окружаетъ медвѣдя, который пляшетъ, а за ними недалеко Китайскій императоръ со свитою своею ѣдетъ на охоту (какъ то у васъ въ круглой диванной на стѣнахъ). Сія глупая смѣсь отымаетъ нѣкоторымъ образомъ достоинство крешъ. Зачѣмъ бы не представить, напримѣръ, житіе Христово отъ Рождества до Распятія, не вмѣшивая другихъ околичностей, чудеса Его, страсти, мученія и проч.? Все сіе, будучи изображено съ тѣмъ же стараніемъ, могло бы весьма хорошее вліяніе имѣть надъ простымъ народомъ здѣсь, который по природѣ наклоненъ къ набожности и даже суевѣренъ. Подобныя изображенія болѣе трогаютъ народъ, нежели проповѣди. Удивляюсь также, что никто не подумалъ копировать окружности Неаполя, представляющія прекрасные ландшафты. Нечувствительно вошелъ я въ столь подробную и пространную диссертацію; впрочемъ вещь того стòитъ, и я люблю вамъ описывать все то, что̀ вижу и чего, думаю, въ Россіи и не знаютъ. Не знаю, есть ли креши въ Германіи или другихъ земляхъ; но въ Неаполѣ онѣ стòятъ того, чтобъ ихъ видѣть.

Нѣсколько дней назадъ встрѣтился я у Скавронской съ г-номъ Гейтеромъ, вамъ уже извѣстнымъ; посадили меня играть съ нимъ въ

вистъ, и я все время съ нимъ проболталъ. Онъ нашелъ между Геркуланскими манускриптами отрывки исторіи, отъ коихъ великія ожидаетъ поясненія. Ему въ первый разъ попадается свертокъ съ подобнымъ содержаніемъ: всѣ прежнія касались до музыки, медицины, астрономіи и пр., весьма недостаточныхъ, ибо все сіе съ тѣхъ поръ усовершенствовалось. Одинъ древній писатель утверждаетъ, напримѣръ, что земля неподвижна и всѣ прочія звѣзды, кромѣ солнца и луны. Въ новоразвернутыхъ рукописяхъ есть похвала Титу Ливію etc. Гейтеръ хочетъ напечатать это, какъ оно есть, съ переводомъ. Я постараюсь вамъ достать или, лучше сказать, переслать экземпляръ; ибо послѣднее только трудно.

Черезъ двѣ недѣли идетъ отсюда корабль Русскій маіора Панделли, прямо въ Петербургъ; я не упущу сей хорошей оказіи и пришлю то, что̀ нельзя бы дать по величинѣ куріеру. Хитровъ посылаетъ весь Пестумскій храмъ, сдѣланный изъ пробки и пр., но весьма сходно: всякая скважина, всякій упадшій камень храма означенъ въ сей модели, имѣющей болѣе шести аршинъ окружности. Онъ накупилъ здѣсь множество всякой всячины.

Чуть не забылъ я вамъ сказать, что Карповъ получилъ письмо отъ своего двоюроднаго брата, который его увѣдомляетъ, что умершая какая-то дальняя родня Макшеева оставила наслѣдство въ 15.000 рублей (около), что нашъ Карповъ, яко ближняя родня, имѣетъ законное на это право, безъ чего имѣніе то вступитъ въ казну. И такъ просятъ у него вѣрющее письмо, дабы хлопотать о семъ дѣлѣ. Я насилу Карпова склонилъ на сіе. Онъ все говорилъ: «не хочу; можетъ быть, есть бѣдный человѣкъ болѣе меня право имѣющій на сіе наслѣдство, но безъ протекціи не можетъ получить; я не хочу отнять у него хлѣба кусокъ» и пр. Я, наконецъ, убѣдилъ его, говоря, что ежели таковой явится и представитъ свои права, имѣніе и тогда можно ему будетъ передать. Карповъ бѣдный человѣкъ, для него 15000 р. много; но это доказываетъ вамъ доброту и благородство его души. Я охотно согласился на просьбу его переслать вамъ то вѣрющее письмо для доставленія куда слѣдуетъ. Какъ дѣло будетъ вѣроятно производиться въ Москвѣ, можетъ въ Сенатѣ, то постарайтесь за него у Ивана Володимировича, Петра Петровича Нарышкина и прочихъ вамъ знакомыхъ сенаторовъ. Ежели что̀ основано на несправедливости, то можете увѣрить всѣхъ, что Карповъ о томъ неизвѣстенъ, а судитъ по тому, какъ дѣло ему представлено было и отрицается отъ того, что̀ ему не слѣдуетъ. Отъ времени до времени буду ожидать отъ васъ извѣстія о успѣхахъ дѣла сего. Я радъ, что могу, хотя немного и слабо, заплатить ему за всѣ его ласки и дружбу. Въ Римѣ всѣ Русскіе въ

негодованіи на Кассинія: онъ допустилъ Римское правительство, по прихотямъ Французскаго посла, посадить въ тюрьму кавалера Дювернега, натюрализованнаго Русскимъ и имѣющаго пенсію отъ нашего двора, какъ преступника, за то, что онъ не по дудкѣ Бонапартія пляшетъ. Изъ Рима посланъ куріеръ въ Петербургъ; но Кассинію, можетъ, дадутъ хорошій урокъ. Говорятъ, что и первый консулъ недоволенъ своимъ дядею и что кардиналъ Фешъ будетъ имѣть въ Римѣ особаго чиновника при себѣ для руководства дѣлъ и миссіи.

*

Неаполь, 10-го Генваря 1804 года.

Что до коллежскаго штата касается, то правда, что весь мнѣ не нуженъ, а вотъ что прошу васъ велѣть выписать: 1) Канцлера и членовъ, службу ихъ, жалованье и все касающееся до нихъ. 2) Всѣхъ министровъ, ихъ вступленіе въ службу, жалованье etc. etc. 3) Всѣхъ статскихъ совѣтниковъ до Карпова (включительно), также съ означеніемъ вступленія ихъ въ службу и другихъ подробностей. 4) Всѣхъ ассесоровъ до насъ съ братомъ etc. 5) Les summa summarum des conseillers privés actuels, des conseillers privés, des conseillers d'état actuels, des conseillers d'état et ainsi de suite, qui sont au Collége ou employés aux missions etc.; puis en général le nombre de tous les employés au Collége et missions depuis le chancelier jusqu' au dernier сторожъ. За сіе буду вамъ очень благодаренъ и надѣюсь, что г. Малиновскій*) сдѣлаетъ мнѣ сіе одолженіе.

Портретъ мой годится вамъ на дорожную табакерку; будетъ готовъ къ 15-му сего мѣсяца и отправленъ къ брату въ Вѣну съ однимъ моимъ пріятелемъ, Австрійскимъ офицеромъ, пріѣхавшимъ сюда въ отпускъ. Живописецъ истощаетъ свое художество, чтобы блеснуть въ Россіи; une tempête pourra, dit-il, me jeter dans ce pays-là; mon ouvrage y sera connu. Всѣ находятъ портретъ весьма похожимъ; я одинъ только не видалъ его. Изъ портрета мудрено узнать положеніе того, котораго онъ представляетъ, ибо всегда они прикрашены, какъ мой Вѣнскій и теперешній будетъ, полагаю.

Я вамъ уже писалъ, что Хитровъ здѣсь и уже уѣхалъ. Три или четыре дня передъ отъѣздомъ прихожу къ нему; обѣдаетъ и четверо другихъ; одинъ изъ нихъ говоритъ мнѣ, что мое лицо ему не незнакомо; а мнѣ показалось, что я его гдѣ-то видѣлъ. Кто жъ это, какъ

---

*) Алексѣй Өедоровичъ, служившій въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, впослѣдствіи его директоръ.

вы думаете? Пентарелли, о коемъ вы мнѣ писали почты три назадъ. Я загонялъ его вопросами объ васъ и всѣхъ нашихъ Московскихъ. Онъ только что пріѣхалъ и не узналъ еще, гдѣ я живу; онъ пробудетъ здѣсь до весны и опять къ вамъ возвратится въ Москву. Съ тѣхъ поръ я его еще не видалъ, будучи все дома занятъ.

12-го сего большой съѣздъ при дворѣ: имянины короля, который будетъ публично ѣсть макароны.

*

Неаполь, 24 Генваря 1804.

Поздравляю васъ съ Польскою труппою. У насъ также труппа Поляковъ не комедіантовъ, но путешествователей; всѣ васъ или лично знаютъ, или много слыхали: графъ Стройновскій съ фамиліею, Скорницкій съ прекрасною женою и многіе другіе. Все это ново, нравится, и я не удивляюсь Кажинскаго[1]) успѣхамъ.

Карнавалъ у насъ начался; но увы! Неаполитанцы въ глубокой печали. Публичные балы и маскарады въ сіе время даются всегда въ огромномъ театрѣ S. Carlo. Нашлась на потолкѣ скважина, которая грозитъ паденіемъ всего зданія, и оное, не смотря на безумныя жалобы публики, по приказанію короля заперто, а праздники даются въ маленькомъ театрѣ Al Fondo, гдѣ духота, вонь и страшная тѣснота; а притомъ все дворянство не могло имѣть ложъ, коихъ не 200, какъ въ С. Карлѣ. Это бы не обратило вниманіе въ другомъ городѣ; но здѣсь, гдѣ карнавалъ есть тріумфъ праздности, говорятъ о семъ происшествіи, какъ о голодѣ или чумѣ. Вчера былъ первый маскарадъ; я не былъ, будучи званъ на балъ къ графу Турау, начальнику всѣхъ морскихъ силъ здѣшнихъ. Мало проходитъ дней безъ танцевъ; но по сіе время нахожу, что понятіе мое объ Итальянскихъ карнавалахъ было весьма увеличено; всѣ мнѣ говорятъ: bisogna da vedere il carnevale primo della revoluzione[2]). А правда, что вліяніе революціи было чрезмѣрно здѣсь, какъ во всей Италіи, которая потеряла свою безпечность, дѣлающую Итальянцевъ столь наклонными ко всякимъ утѣхамъ и празднествамъ: всѣ заботливо чувствуютъ иго Французовъ. Я не забуду никогда словъ одного трактирщика въ Тосканіи, который, говоря о Французахъ, сказалъ мнѣ, указывая на прекрасное небо: Ah! signore, questo solo non hanno patuto levarci[3]). Сіе было произнесено столь утѣшительнымъ го-

---

[1]) Музыканта, пріѣзжавшаго тогда въ Москву. У Я. И. Булгакова, по службѣ его въ Варшавѣ и потомъ въ Вильнѣ, было много связей съ Поляками, которыхъ тогда вражда къ Россіи еще не была такъ раздуваема Нѣмцами и Французами, какъ впослѣдствіи.

[2]) Пришлось видѣть первый карнавалъ революціи.

[3]) Что-жъ, господинъ, этой земли не отнять!

лосомъ, что показало мнѣ, сколь много цѣнятъ Тосканцы климатъ ихъ. Смѣшно здѣсь видѣть всѣхъ, даже послѣдняго нищаго, въ большомъ плащѣ; отъ чего? Оттого, что дуетъ маленькій сѣверный вѣтеръ.

Бибиковъ здѣсь, а скоро будутъ и Тутолмины изъ Рима.

*

Неаполь, 29-го Генваря 1804.

На прошедшей недѣлѣ пріѣхалъ сюда генералъ - маіоръ Николай Селиверстовичъ Муромцевъ, который, проживъ съ нами мѣсяца полтора, хотѣлъ пуститься въ Царьградъ любоваться нашему Буюкдерскому саду и мраморной лѣстницѣ. Сегодня вдругъ пріѣзжаетъ къ намъ, прося пашпорта: полученныя имъ письма заставляютъ его непремѣнно, оставя всѣ свои планы путешествія, возвратиться поспѣшно въ Москву. Я сегодня обѣдалъ у него съ Карповымъ, но почелъ нескромнымъ спросить у него причину, для которой насъ оставляетъ. Какъ онъ ѣдетъ прямо въ Москву, то не могу не воспользоваться симъ случаемъ, чтобы не написать вамъ хотя пару словъ, любезный батюшка, хотя и можете отъ него изустно узнать все то, что̀ до меня касается. Жаль очень, что онъ ѣдетъ непремѣнно завтра съ разсвѣтомъ; а то я бы могъ вамъ кое-что послать; а ежели бы помѣшкалъ дни два, то и портретъ мы бы спроворили. Что̀ дѣлать? Такъ и быть! Скажите Фасту, что я въ отчаяніи: нельзя бы желать лучшаго случая прислать ему струнъ. Сегодня званъ я на балъ, который я бы пропустилъ охотно, дабы накупить оныхъ; но сегодня Воскресенье, и всѣ лавки заперты. Ежели паче чаянія непредвидимое обстоятельство, къ радости моей, задержитъ Муромцева завтра хоть до полудня, то исполню Фастову просьбу; въ противномъ случаѣ не останется мнѣ, какъ жалѣть, что столь хорошимъ случаемъ не могъ воспользоваться. Княгинѣ скажите мой поклонъ; по той же причинѣ и ей ничего не посылаю.

На поѣздку вашу въ Италію я слабо разсчитаю. Братъ предлагаетъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ въ Москву на будущую зиму; славная мысль безъ l'homme propose et Dieu dispose. Татищева не можемъ мы дождаться. Скавронская увѣряетъ по письмамъ ея изъ Петербурга, что онъ въ началѣ весны отправится къ намъ; но это такъ часто уже говорили, что я и вѣрить пересталъ. Карповъ былъ все боленъ и недавно началъ выѣзжать; всѣ въ кашляхъ и насморкахъ кромѣ меня одного. Время чрезвычайно перемѣнчиво: 24-го сего мѣсяца поутру многіе отъ жару купались, а послѣ обѣда падалъ снѣгъ съ страшнымъ вѣтромъ; со всѣмъ тѣмъ надобно признаться, что рѣдкой климатъ.

Здѣсь о многомъ поговариваютъ: что Французы изъ Корсики готовятъ высадку на Сардинію, что займутъ (поссорясь съ нами) Неаполь;

а Англичане, дабы не отстать отъ непріятелей, завладѣютъ Сициліею. Первое по всѣмъ извѣстіямъ вѣроятно очень; но прочее не думаю, чтобъ сбылось: ничто не подаетъ по сю пору повода вѣрить сему. Миссія наша тогда могла бы быть перемѣщена, а можетъ быть и совсѣмъ истреблена, чтò меня совсѣмъ бы не огорчило. Неаполь—самая азбука для нашего брата, и я давно успѣлъ дойти до ижицы. Быть здѣсь 20 лѣтъ или годъ—все тоже:большая часть дѣлъ производится въ Петербургѣ чрезъ Серракапріолу*). Сколь бы я ни желалъ, не могу въ Неаполѣ найти всѣхъ нужныхъ средствъ для употребленія времени съ великою пользою. Мало людей ѣздятъ въ Италію учиться чему нибудь, развѣ музыкѣ; но и то правда, что не отъ насъ зависитъ быть, гдѣ хочется и лучше. И такъ, надобно терпѣть до пріѣзда Татищева; увидимъ, какъ пойдутъ дѣлà. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ онъ меня взялъ къ себѣ: ибо квартира и столъ очень дорого мнѣ стоятъ теперь; но моя вина: могъ бы жить похуже. Лучше меня или насъ никто здѣсь не живетъ. Я не могу избавиться сихъ малыхъ издержекъ, не разставшись съ Карповымъ; а сего я не хочу, ибо очень къ нему привыкъ, и онъ ко мнѣ.

Неаполь, 6 Февраля 1804.

Въ письмѣ въ моемъ, съ Муромцевымъ посланномъ, не успѣлъ я приписать, что посылаю вамъ три рисунка на опахала; изъ надписи вы увидите сюжетъ. Это три товарища для картинъ (опахалообразныхъ), прибитыхъ въ голубой гостиной возлѣ карниза. Желаю, чтобъ вамъ полюбилось; славнаго ничего нѣтъ, ибо два стоили 3 реала, а Везувій 2 дуката. Жалѣю, что не успѣлъ ничего хорошаго послать; сіи рисунки случились у меня, не знаю какъ.

Мы живемъ во второмъ этажѣ; подъ нами князь Трабіа, оберъ-шталмейстеръ короля, человѣкъ добрый и отмѣнно ко мнѣ ласковъ.

Чарторижскій будетъ управлять, говорятъ, въ отсутствіе канцлера; съ первымъ Карповъ былъ въ той же связи, какъ со мною. Увидимъ, вспомнитъ ли Чартор. о человѣкѣ заслуженномъ и коему онъ многимъ обязанъ. Всей Куракинской шайкѣ мои поклоны: Боголюбову, Ив. Петр. etc., а князю мое истинное почтеніе, ежели они всѣ ужъ не уѣхали изъ Москвы. Вѣчная бы слава князю, ежели бы выходилъ мнѣ мѣсто хорошее! Говорятъ, что въ Берлинѣ одинъ только Лашкаревъ работаетъ; славно бы туда попасть! Мнѣ хочется князю при случаѣ намекнуть о семъ. Я слышалъ, что Бреверпъ боленъ, но гдѣ? Не добьюсь по сю пору. Свѣтъ не свѣтъ, видно: Фризельша въ Москвѣ, а Фаста нѣтъ. Сего понять не могу. Фастъ первый влюбленный, который

*) Неаполитанскаго посла, обжившагося въ Петербургѣ и женатаго на княжнѣ Вяземской.

не имѣетъ конфидентовъ и шпіоновъ. Тургеневой лентѣ я болѣе радуюсь, какъ всѣмъ здѣшнимъ баламъ, начинающимъ мнѣ докучать; поздравляю его искренно со св. Анною; пожелалъ бы ему Андрея, но сей не въ состояніи замѣнить того, котораго онъ потерялъ! Безъ изумленія вспомнить не могу. Чтò его Александръ дѣлаетъ? Видно изъ насъ двухъ я, а не онъ, великій; ибо о немъ ни слуху, ни духу.

Вчера видѣлъ я Людольфа; онъ ѣдетъ скоро въ Вѣну, а оттуда въ Петербургъ. Видно, что свадьба, о которой я вамъ уже писалъ, состоится. Dites, je vous prie, à m-r votre père, сказалъ онъ мнѣ, qu'en allant à Pétersbourg, je passerai peut-être par Moscou, et ce sera uniquement pour voir une personne pour laquelle j'ai autant de respect que d'attachement; car à Moscou je ne connais personne, et puis je n'ai rien à y faire. Онъ весьма хорошій человѣкъ и всѣми здѣсь любимъ.

Время безподобно у насъ; я, право, не увеличиваю, увѣряя васъ, что сіе утро затѣмъ былъ принужденъ воротиться домой, что слишкомъ жарко на улицѣ отъ солнца. Жаль, что погода въ сихъ мѣсяцахъ не постоянна: вдругъ откуда возмется вѣтръ сѣверный, дождь и градъ, даже снѣгъ. Сегодня былъ во дворцѣ La Fovorita; можно сказать: за семь верстъ ѣхалъ киселя ѣсть. Завтра надѣюсь отдохнуть. Писавъ цѣлый день, столько не устанешь, какъ пропрыгавъ.

7-го. Вчера довольно было весело на балѣ. Дворецъ La Favorita убранъ съ отмѣннымъ вкусомъ, безъ пышности; стѣны обвѣшаны большими видами Неаполя, писанными славнымъ Гакертомъ. Есть зала продолговатая, коей полъ есть тотъ самый, который былъ въ одномъ изъ Тиберовыхъ дворцовъ на островѣ Капри, куда онъ, какъ вы знаете, удалился подъ конецъ. Сей полъ составленъ изъ кусковъ мрамора разныхъ цвѣтовъ и величины, дѣлающихъ весьма хорошій рисунокъ. Все прочее въ залѣ взято изъ Геркуланума. Есть большой столъ, сдѣланный изъ одного куска окаменѣлаго дерева и пр.

Неаполь, 13 го Февраля 1804.

Братъ пишетъ, что Кудрявскому выпрошено 200 р. съ курсомъ жалованья. Хорошій знакъ: авось либо и ему будетъ что нибудь; скоро пять лѣтъ, чтò служитъ безъ копейки. У меня хоть пятачки да все таки есть.—Мнѣ пишетъ Долгорукой (адъютантъ государевъ, бывшій здѣсь, теперь во Флоренціи и переписывается со мною по-итальянски, малый пречестный, лѣтъ 24-хъ, а по сю пору самъ еще трудится надъ своимъ воспитаніемъ и примѣрно учится), что Панины проѣхали черезъ Флоренцію и очень ему хорошо обо мнѣ говорили. Я обрадо-

вался сему, ибо такими людьми лестно быть хвалиму, особливо графомъ, который весьма молчаливъ и рѣдко даетъ мнѣніе свое о людяхъ, ему знакомыхъ. 10-го ввечеру прибыли они сюда; я былъ у нихъ съ Карповымъ. На другой день мы сидимъ за столомъ; вдругъ входитъ графъ, засталъ въ négligé и видѣлъ наше маленькое хозяйство, спрашивалъ объ васъ и такимъ тономъ, какъ будто бы васъ опять хотятъ въ службу. Онъ былъ вчера представленъ, а сегодня мы вмѣстѣ на балѣ въ загородномъ дворцѣ La Favorita. Графиня велѣла къ себѣ бывать всякой день. Тутолмины вчера или третьяго дня ночью пріѣхали.

Въ Субботу готовились мы къ славному позорищу, о которомъ столь много говорено во всѣхъ календаряхъ и газетахъ, т. е. къ солнечному затменію. Оно должно было быть совершенно, но небо столь было покрыто тучами, что мы не видали ничего; однакожъ два раза очищалось мѣстечко неба, и мы видѣли солнце только такимъ образомъ ⊖ и когда затменіе начинало проходить; жаль, что не прежде. Пріѣхавшій Аглинской капитанъ увѣрялъ, что 20 миль отсюда на морѣ столь совершенно было затменіе, что звѣзды можно было считать. Лазароны ожидали землетрясенія, наводненія, конецъ свѣта и такъ сильно жаловались, требуя наказанія тѣхъ, которые навлекли на Неаполь несчастія, коими онъ угрожаемъ, что правительство принуждено было разставить пикеты по всѣмъ улицамъ и площадямъ. Все кончилось безъ всякой бѣды, и къ S. Genaro прибавилось болѣе почтенія. Экой народъ!

Читали ли вы Gli animali parlanti del abbate Casti[1]), о правительствахъ вообще и особливо въ Италіи? Что̀ вы думаете о сочиненіи семъ, которое по моему мнѣнію не должно бы было быть написано въ стихахъ?

*

Неаполь, Февраля 20-го дня 1801.

Поздравляю Москву съ новымъ явленіемъ. Просіяетъ теперь наша Слобода [2]), а особливо Плетешки, и возгордится вся бѣлокаменная Москва. Фасть, я думаю, успѣлъ вырубить всѣ лѣса̀ и вспахать всѣ пустоши; теперь пріѣхалъ удивлять столицу деньгами своими. Не достаетъ, чтобъ дать балъ струнъ и контрабасовъ; но о семъ печется корреспондентъ его въ Неаполѣ.

Мы сегодня у Панныхъ говорили о Замбекаріи. Тутолминъ, который видѣлъ его и съ нимъ говорилъ, увѣрялъ, что, не смотря на всѣ

---

[1]) „Говорящія животныя", аббата Касти. Авторъ (1711—1803) получилъ отъ Іосифа II-го титулъ poeta cesareo. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ подражалъ Боккачіо и Лафонтену. Вышеприведенная поэма—политическая сатира, полная блестящаго остроумія. Байронъ весьма ее цѣнилъ. У Пушкина, въ посланіи къ кн. Юсупову: „И твой безносый Касти."

[2]) Т. е. Нѣмецкая, по близости которой жилъ Я. И. Булгаковъ. Плетешками называется въ Москвѣ мѣстность близъ Богоявленія въ Елоховѣ и улицы Покровки.

свои несчастія, онъ трудится надъ новыми опытами[1]). Паниныхъ здѣсь пребываніе подаетъ мнѣ ежедневно случаи имъ прислуживаться. Они уже много разъ изъявляли мнѣ благодарность свою за разныя препорученія, которыя исправно и скоро я исполнилъ. Мы почти всякій вечеръ вмѣстѣ, а иной разъ поутру хожу съ графомъ пѣшкомъ, зная лучше его городъ. Графиня Скавронская вамъ кланяться велѣла, я у ней сегодня былъ, и мы наединѣ до полуночи проболтали. Русская теперь масляница, а у ней вчера былъ балъ и spectacle de société для имянинъ баронессы Актонъ. Я отшутился отъ роли, которую было мнѣ дать хотѣли: отказать просто было бы неприлично какъ для графини, такъ и для племянницы.

Французскія войска, здѣсь пребывающія, весьма дворъ безпокоятъ, и сіи безпокойства умножатся, ежели мы поссоримся съ первымъ консуломъ. Боятся, что Тулонская эскадра имѣетъ въ виду здѣшнее королевство. Впрочемъ извѣстно несомнительнымъ образомъ, что Французы покушаются на Сардинію. Въ Корсикѣ все готовится къ высадкѣ на помянутый островъ, который есть послѣднее имущество несчастнаго короля Сардинскаго. Генералъ Сенъ-Сиръ, здѣсь командующій, запасается множествомъ сухарей и пр.; спросили—зачѣмъ? Но Французскій посолъ отвѣчалъ пустяками. Въ Римѣ ждутъ съ великимъ нетерпѣніемъ развязку дѣла съ Вернегомъ, Россійскимъ подданнымъ, заключеннымъ въ крѣпость по требованію кардинала Феша.

Не вздоръ ли въ газетахъ напечатали, что князь Репнинъ въ Венгріи по особенной коммиссіи Государя Императора?

*

Неаполь, 6-го Марта 1804.

Здѣсь даже у первыхъ богачей нѣтъ никогда копейки наличной, которую купцы предпочитаютъ пятаку бумажному. Ежели бы я былъ богатъ, въ прошломъ году могъ бы за 600 дукатовъ купить картину, которая стоитъ 5000 дукатовъ; ежели не ошибаюсь, то купилъ ее за цѣну эту Луціянъ Бонапарте во время проѣзда своего здѣсь. Она представляетъ Богородицу съ ребенкомъ. Работа и красота лицъ превосходны. Италинскій [2]) пожалѣлъ сихъ денегъ и послѣ раскаивался. Всякій человѣкъ имѣетъ какую-нибудь прихоть, которая его увеселяетъ; для меня ничто не можетъ сравниться съ удовольствіемъ посылать гостинцы тѣмъ, кого люблю.

---

[1]) Графъ Франсуа Замбеккари (1756—1812) трудился надъ усовершенствованіями аэростатовъ, желая управлять ихъ полетомъ; во время одного своего опыта онъ погибъ.

[2]) Андрей Яковлевичъ, бывшій передъ тѣмъ нашъ посолъ въ Неаполѣ.

Благодарю за матушкино письмо. Она меня разстрогала описаніемъ обстоятельствъ своихъ съ тѣхъ поръ, что имѣетъ Гансклу и другихъ на своей шеѣ; но теперь прибавкою, которую вы сдѣлали, все устроится. Она насъ благодаритъ за это, думая, что мы просили; но сердце ваше слишкомъ добро, чтобъ имѣло нужду быть возбуждаемымъ добро дѣлать. Цѣлую ручки ваши, любезнѣйшій батюшка; благодарю за сію милую милость, оказанную нѣжной матери, питающей къ вамъ вѣчную благодарность и умѣющей цѣнить вашъ поступокъ. Уроды были бы мы, ежели бы не любили васъ отъ всего сердца! [1])

Что̀ бы сказать о Неаполѣ? Теперь, ради поста, во всѣхъ театрахъ поютъ ораторіи, но съ декораціями и всѣми дѣйствіями, какъ въ операхъ. Въ театрѣ Al Fondo даютъ Саула, музыка славнаго Андреоци. Я отъ нея безъ ума: ни одного вечера еще не пропускалъ, когда могъ. Впрочемъ всѣ моего мнѣнія, или я мнѣнія всѣхъ; ибо театръ набитъ всегда. Сегодня дается у кн. Караманики для Паниныхъ; но не знаю, удастся ли освободиться отъ почты ко времени. На той недѣлѣ будетъ «Сотвореніе міра» Гайдена. Разсудите, что не могутъ набрать нужнаго числа музыкантовъ! Я познакомился съ кн. Боргеземъ, le nouveau beau-père de Bonaparte; но онъ мнѣ показался очень глупъ; третье слово: Парижъ и ma femme.

Сейчасъ воротился отъ Панина, для котораго переписалъ нѣсколько писемъ, а другія писалъ подъ диктованіемъ; всѣ по-французски. Онъ, кажется, былъ доволенъ моею работою, хвалилъ мою руку и прибавилъ: je ne serais pas du tout fâché d'avoir un secrétaire comme vous; vous êtes sûrement accoutumé à écrire sous la dictée, car la plus grande partie du monde se trompe souvent. Я отвѣчалъ, что, напротивъ, не помню, чтобъ писалъ когда-либо такъ. Это правда: всѣ мои начальники давали переписывать готовое. Графъ говорилъ о своихъ подчиненныхъ, о канцелярской работѣ и проч., однимъ словомъ, былъ очень ласковъ и отпустилъ меня предовольнымъ имъ и собою. Я знаю отъ Бибикова и многихъ другихъ, что Панинъ хорошо объ насъ отзывался [2]). Прилагаю вамъ при семъ письмо, которое Софья Петровна Тутолмина проситъ вручить княгинѣ Лобановой въ Москвѣ.

*

---

[1]) Мать братьевъ Булгаковыхъ, Француженка Эмбѐръ, жила въ это время еще въ Петербургѣ вдовою доктора Шумлянскаго, отъ котораго у нея было двѣ дочери, тогда малолѣтнія, впослѣдствіи жившія и скончавшіяся въ Таврическомъ дворцѣ.

[2]) Очевидно, что опала графа Н. П. Панина въ это время былъ еще тайною. Многіе и въ Петербургѣ думали, что онъ (за три года передъ тѣмъ первый сотрудникъ Государя) снова займетъ подобавшее его отмѣннымъ дарованіямъ и образованности мѣсто.

Неаполь, 11-го Марта 1804.

Графиня Скавронская, зная, что я до каши гречневой охотникъ, часто меня оною кормитъ (у ней есть Русскій поваръ). Сегодня велѣла мнѣ отписать, que je suis son enfant gâté. И подлинно, я очень ея ласками доволенъ.

Сегодня мы опять получили письмо отъ канцлера, который похваляетъ ревность Карпова въ одномъ дѣлѣ касательно коммерціи нашей съ здѣшнимъ дворомъ.

Неаполь, 27-го Марта 1804.

Маіоръ Николай Панделли, кавалеръ ордена св. Анны 3-го класса (бывшій въ послѣднюю войну нашимъ корсаромъ), идетъ на сихъ дняхъ съ собственнымъ своимъ судномъ, именуемымъ «Графъ Суворовъ», прямо въ Петербургъ, не останавливаясь нигдѣ. Подобныя оказіи весьма рѣдко случаются; сія пришлась мнѣ очень кстати: пользуюсь оною для пересылки вамъ нѣкоторыхъ вещей. Ящикъ мой отданъ будетъ съ письмомъ моимъ Петру Ивановичу Литке [1]). Я его прошу принять все подъ вѣдомство свое и сохранять, покуда не потребуется Иваномъ Алексѣевичемъ [2]). Спишитесь съ послѣднимъ, любезный батюшка, и попросите Литку, чтобъ ящикъ не былъ свидѣтельствованъ таможнею; ибо все перепортится, ежели не будетъ точно такъ уложено, какъ прежде. Мы съ Карповымъ цѣлое утро укладывали сами, и лучше уложить не удастся первому искуснику въ свѣтѣ. Въ ящикѣ, кромѣ упоминаемыхъ вещей, ничего нѣтъ; а кажется, онѣ не запрещены. A propos, Панделли мнѣ сказывалъ, что судно его, будучи слишкомъ нагружено, въ Петербургъ быть не можетъ, а станетъ въ Кронштадтѣ. Не худо, ежели бы Литке послалъ туда приказъ объ ящикѣ, на его имя адресованномъ по-русски и холстомъ обшитомъ. Иванъ Алексѣевичъ потрудится прислать вамъ оный въ Москву, лишь бы не по почтѣ и не на тряской повозкѣ. Панделли увѣряетъ, что прежде 40 дней будетъ въ Ригѣ; но все зависитъ отъ вѣтровъ. Кажется, корсаровъ Фрацузскихъ и Аглинскихъ нашему флагу бояться нельзя. Но теперь нѣтъ вещи, которая бы свята была для сихъ господъ: первые хотятъ, кажется, пожрать всю землю, а вторые всѣ моря; изъ чего заключаю, что которому нибудь да придется лопнуть. Бѣдныя суда, плавающія въ сихъ моряхъ, безпрерывно дѣлаются жертвами которой нибудь изъ воюющихъ державъ. Тяжбы по симъ насиліямъ здѣсь безчисленны.

---

[1]) Служившій въ таможнѣ отецъ славнаго мореплавателя и президента нашей Академіи Наукъ, П. И. Литке. (сынъ содержателя пансіона, гдѣ учился кн. Потемкинъ) нѣкогда былъ управляющимъ Воронежскихъ имѣній фельдмаршала князя Репнина и уже потому близко знакомъ былъ Я. И. Булгакову.

[2]) Сенаторомъ Алексѣевымъ, другомъ Я. И. Булгакова.

Постъ прервалъ всѣ удовольствія; къ сему способствуетъ даже время, которое очень дурно съ недѣлю, такъ что Панины не могли всего объѣздить и, не видавши Пестумъ, Капри и другія примѣчанія достойныя мѣста, уѣхали 26-го поутру въ Римъ, желая тамъ провесть великую недѣлю. Графъ остался, дабы откланяться королю, котораго нѣтъ въ Неаполѣ, но также скоро ѣдетъ. Я у графа нѣсколько разъ былъ въ почтовые дни; диктовалъ мнѣ по-русски и по-французски, давалъ мнѣ переводить, какъ напримѣръ, статуты ордена Св. Фердинанда, коего онъ кавалеръ. Будучи увѣренъ, что графъ имѣетъ уже сей переводъ, не сомнѣваюсь, что хотѣлъ меня экзаменовать. Я отдалъ ему черный переводъ, прося поправить для переписанія набѣлò. Онъ сталъ читать и, оконча, сказалъ: il n'y a rien à corriger. Я съ удовольствіемъ видѣлъ по содержанію диктованныхъ имъ писемъ, что онъ имѣетъ ко мнѣ довѣренность и былъ столь деликатенъ, что никогда мнѣ не говорилъ: je vous prie de ne pas en parler. Все сіе отмѣнно было мнѣ пріятно и даетъ мнѣ поводъ имѣть въ графѣ великую надежду, ежели онъ паки вступитъ въ управленіе прежней своей должности. Я о графѣ имѣю великое мнѣніе; не говорю о умѣ его, ни о нравственности. Письмо его къ аббату старшаго сына[1]), въ Женевѣ оставленнаго, тронуло меня до слезъ. Онъ говоритъ, какъ истинно должно дѣлать добро, а не даваемыми на улицѣ милостынями; входитъ въ другія подробности воспитанія сына своего и пр.

Иванъ Васильевичъ Тутолминъ[2]) проситъ васъ прилагаемое письмо вручить въ Москвѣ; я думаю, это къ его матери, которую, бывало, видалъ я у покойнаго князя Репнина и въ собраніи. Вотъ также письма мои къ матушкѣ и къ княгинѣ, а съ Фаста будетъ сей разъ и щелчка.

*

Неаполь, 2-го Апрѣля 1804 года.

Третій разъ насталъ тотъ праздникъ, который я, бывало, проводилъ съ любезными моими родными; третій разъ долженъ вамъ сказать письменно: Христосъ воскресъ! Но не одинъ этотъ праздникъ всякій день напоминаетъ мнѣ пространство, насъ разлучающее. Богъ знаетъ, когда эта разлука кончится, и я не знаю, изъ чего дѣлать заключенія. Вчера разгавливались мы у Скавронской. На Страстной я говѣлъ, т.-е. ѣлъ постное. Здѣшняя церковь Греческая уніатская, и служба производится на Греческомъ языкѣ, который я болѣе не разумѣю.

---

[1]) Старшій сынъ графа Н. П. Панина, Александръ Никитичъ, впослѣдствіи помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа.

[2]) Женатый на сестрѣ графа Н. П. Панина, Софьѣ Петровнѣ.

Неаполь, 10-го Апрѣля 1804 года.

Какъ нѣтъ радости безъ печали, то и былъ я огорченъ неожиданнымъ извѣстіемъ о смерти Вязмина[1]); сія потеря очень будетъ чувствительна семьѣ его, которая полагала въ немъ всю надежду свою. Братъ пишетъ, что послѣ смерти Тургенева ничто его не поражаетъ и не дивитъ, и правда! Я вспомнить о семъ не могу.

Князь Александръ Борисовичъ очень милостивъ на обѣщанія, и я заранѣе предвидѣлъ, что все оными кончится. Карповъ много потерялъ удаленіемъ канцлера[2]), который въ письмахъ своихъ часто ему оказывалъ довѣренность и похвалы, которыя бы вѣрно кончились какимъ-либо награжденіемъ. Я матушкѣ пишу всякіе 20 дней, по крайней мѣрѣ; братъ тоже, такъ что она всякую недѣлю должна получать письма отъ котораго-нибудь и слѣдовательно быть спокойною.

Ивана Петровича[3]) письмо жду съ нетерпѣніемъ, а еще болѣе Александра его, котораго заставлю молиться во всѣхъ древнихъ храмахъ и спущу въ бездны буйнаго Везувія.

Гейтеръ въ своей столицѣ, т.-е. около Геркуланума; я его давно не видалъ и слѣдовательно при первомъ свиданіи узнàю что-нибудь новаго. Впрочемъ, о всемъ семъ буду вамъ сообщать по мѣрѣ, что̀ узнаю что-нибудь, и будьте увѣрены, что будете первые имѣть экземпляръ манускрипта, коего переводъ Гейтеръ обѣщаетъ напечатать. Жаль, что онъ отмѣнно медлителенъ.

Неаполь, 24-го Апрѣля 1804 года.

Ежели не поздно, то скажу вамъ, что Приклонскій пишетъ, что послалъ ужъ мнѣ весь коллежскій штатъ съ актуаріусомъ Татариновымъ, причисленнымъ къ Бутурлиновой миссіи[4]). И такъ, вамъ безпокоиться по сему ужъ не нужно. Приклонскій при семъ случаѣ оправдываетъ свое поведеніе, радуется ходатайству, которое вы предлагаете въ дѣлѣ и пр. Ежели бы все, что̀ онъ говоритъ, было чистосердечно, заслуживалъ бы со гнѣвомъ и сожалѣнія; но я во всемъ вижу противорѣчіе. Не хочу распространяться въ семъ дѣлѣ, сожалѣю только о тетушкѣ: огорченія ея старости причиняемы тѣмъ, который бы болѣе всѣхъ стараться долженъ сдѣлать оную спокойною и благополучною.

---

[1]) Алексѣй Петровичъ Вязминъ директоръ Заемнаго Банка и писатель † 24 Янв. 1804.

[2]) Т. е. графа А. Р. Воронцова.

[3]) Тургенева.

[4]) Т. е. къ посольству графа Д. П. Бутурлина въ Римъ, не состоявшемуся вслѣдствіе преобладанія въ Римѣ Французовъ.

Это больно! Должно заключать, что Приклонскій не любитъ мать, по его поступкамъ. Молодому человѣку можно легко сдѣлать шалость, но это минута; составить же цѣлый планъ, слѣдовать оному долгое время, таить оное отъ матери, и только тогда раскаиваться, когда все открыто: все сіе не доказываетъ ни хорошихъ наклонностей, ни добраго сердца, ни искренняго почтенія и любви къ матери.

Карпова здѣсь пребываніе было для меня величайшей пользы; я вамъ описать сего довольно не могу. Послѣ всякой его конференціи, возвратившись домой, пересказывалъ мнѣ до слова все, говорилъ о побужденіи, причинахъ, пользѣ, слѣдствіяхъ всякаго дѣла, какія мѣры нужно брать, для чего; однимъ словомъ, какъ говорится, il m'a mis au fait de tout. Во время его послѣдней болѣзни посылалъ меня разъ къ генералу Актону съ бумагами; я думалъ, что буду замѣшанъ, но нѣтъ: генералъ былъ ласковъ, проводилъ до двери и пр.

О Пентарелли я ничего не знаю и не слышу, разъ видѣлъ издалека въ театрѣ, со шляпою, съ большимъ Мальтійскимъ бантомъ.

На сихъ дняхъ думали мы, что Везувій проснулся. Представьте себѣ ужасный вѣтръ, густой туманъ, градъ, дождь, темнота около полдня и землетрясеніе въ Резинѣ. Но все вышло пустяки. Но каково времячко въ Неаполѣ въ концѣ Апрѣля?! Лазаронцы голые, всѣ плачутъ. Дворъ переѣхалъ въ Портичи. Мнѣ попалась весьма хорошая книга въ руки: Tableau historique de l'Europe etc., par Ségur; въ оной объ васъ говорено, т.-е. о пребываніи вашемъ въ Царьградѣ въ послѣднюю войну и пр. Я жду изъ Флоренціи нѣкоторыя книги, выписанныя мною; здѣсь, кромѣ Mille et une nuit et Donquichotte, édition fraîche de 1645, ничего найти нельзя.

*

Неаполь, 9-го Мая 1804 года.

Здѣсь даютъ странное лѣкарство отъ подагры: велятъ во все время, чтò можно найти, ѣсть клубнику, сколько оной желудокъ вмѣстить можетъ, и увѣряютъ, что больной освобожденъ бываетъ симъ на цѣлый годъ отъ боли.

Я перешелъ 2-го числа на новую квартиру. Столъ мнѣ не будетъ стоить ничего, или очень мало. Мнѣ непремѣнно должно обѣдать по почтовымъ днямъ у Карпова, въ Воскресенье у Скавронской, а прочіе дни у Аглинскаго посланника и князя Траббіа, кои ко мнѣ отмѣнно ласковы и тысячу разъ сего требовали. Всѣ сіи домы пять минутъ ходьбы отъ меня, и время не теряется, ибо послѣ обѣда могу

уходить безъ церемоніи. Слѣдовательно, мои финансы будутъ процвѣтать. А ежели Татищевъ возметъ меня къ себѣ, то заживу бариномъ.

Карповъ меня отговариваетъ отъ намѣренія перемѣститься къ другой миссіи, и это часто бываетъ поводомъ нашихъ разговоровъ. Вотъ что̀ онъ мнѣ твердитъ: Вы здѣсь ужъ давно, много завели знакомствъ; какъ дѣла̀ дѣлаются и прочія мелочи, все сіе вамъ извѣстно, какъ мнѣ; сношенія Неапольскаго двора съ нашимъ также. Татищевъ можетъ почерпнуть отъ васъ свѣдѣнія, кои не могутъ быть извѣстны всякому, кого бы онъ изъ Петербурга съ собою ни привезъ; чѣмъ рыться ему въ архивѣ, спрося у васъ, можетъ тотчасъ узнать все, что̀ хочетъ: было ли когда такое-то дѣло, чѣмъ оно кончилось? и пр. Всѣ лица здѣсь будутъ ему неизвѣстны, равно обыкновенія, этикетъ, особы, пользующіяся довѣренностью публики, двора или министерства, цѣна вещей и тысяча другихъ мелочей. По сей самой причинѣ, ежели дѣло будетъ идти объ опредѣленіи новаго секретаря на мѣсто Леонтьева, вы будете имѣть шагъ надъ всѣми, здѣсь находящимися, и надъ Петербургскими всѣми, кои не выше васъ чиномъ, хотя бы и выше старшинствомъ. Напротивъ того, перейдя въ новую миссію, надобно много времени для сысканія довѣренности министра, а оная здѣсь для васъ, какъ наслѣдственна по возобновляющимся при всякой перемѣнѣ рекомендаціямъ. Сверхъ того, при новой миссіи вы будете имѣть всѣ неудобства школьниковъ, которыхъ, можетъ быть, Татищевъ съ собою привезетъ. Итальянскій языкъ вы знаете хорошо, а Аглинскій, Шведскій, Турецкій, Гишпанскій и пр. надобно будетъ выучить. Продолжайте лишь, какъ начали; сдѣлайтесь только пріятнымъ Татищеву, а нужнымъ вы ему будете, и даже необходимымъ. Вотъ почти слова г-на Карпова, и я признаюсь, что они меня нѣсколько обнадежили. Мои опроверженія также основательны, но слабы, и я ихъ не упоминаю. Сто̀итъ только подать карту, показать гдѣ Неаполь, гдѣ Москва, и знать, какого мы имѣемъ отца; а природа всегда будетъ брать верхъ надъ разумомъ. Я кончу письмо чѣмъ началъ, что смерть хочется въ Москву и что минута, въ которую обойму любезнаго батюшку, будетъ одна изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни. Я очень помню, когда обнялъ васъ послѣ освобожденія изъ Семи Башенъ: на васъ былъ темный сертукъ, борода нѣсколько дней не брита, и туфли, и коса заплетена. Дай Богъ, чтобъ мое здѣсь заключеніе не болѣе вашего продолжалось. Обнимаю васъ, какъ то было на Рагузейскомъ кораблѣ въ 1788 году.

*

Неаполь, 22-го Мая 1804.

Намедни явился въ канцелярію за пашпортомъ человѣкъ, который, узнавъ мое имя, спросилъ у мѣня: сынъ ли я Булгакова, бывшаго посланникомъ въ Константинополѣ; говорилъ, что очень васъ знаетъ, что во время заключенія вашего въ Семи Башняхъ былъ у васъ тайно, для врученія вамъ письма отъ князя Потемкина, коему доставилъ и отвѣтъ вашъ, что много рисковалъ и пр. Онъ изъ Грековъ и называется Николай Панголо, высокій ростомъ. Онъ меня позабавилъ многими другими подробностями о Царьградѣ, кои я помнить хорошо не могъ. Теперь былъ онъ посланъ въ Корфу съ бумагами; но имѣлъ несчастіе потерять все имущество на большомъ Аглинскомъ кораблѣ, сгорѣвшемъ близъ Гишпанскихъ береговъ и везшемъ Нельсону разные морскіе припасы. Агличане сдѣлали потерю почти 400 т. фунтовъ стерл. въ семъ кораблѣ, и Нельсонъ въ затрудненіи теперь.

*

Неаполь, 17 (29-го) Мая 1804 года.

Вчера былъ я цѣлый день въ Баѣ, Кумѣ и Пуццоли и нашелъ безподобные пункты, показалъ тамошнія достопамятности двумъ Русскимъ, находящимся для наученія морской службы на Англинскомъ 80-ти пушечномъ кораблѣ «Кентъ», отряженномъ отъ Нельсоновой эскадры и недавно сюда прибывшемъ для нѣкоторыхъ нужныхъ починокъ. Я въ седьмой разъ вижу сіи прекрасныя мѣста и всякій разъ нахожу новую красоту. Только мѣсто, называемое Виргиліемъ Елисейскими полями, не достойно нимало сего прекраснаго имени; впрочемъ, съ того времени, можетъ быть, все не то видимъ; тѣмъ болѣе, что озеро Аверно, названное древними адомъ, теперь мѣсто весьма пріятное, и воздухъ не такъ зараженъ, что пролетающія птицы падаютъ въ воду, какъ древніе пишутъ.

Актонъ оставилъ службу и уѣхалъ въ Палерму; на его мѣсто нѣтъ никого еще, да и некого посадить, къ несчастію. Нѣкоторые министры трактуютъ съ королевою, которая всѣмъ теперь хочетъ управлять. Королевство сдѣлало потерю большую въ особѣ Актона. Король за 26-тилѣтнюю службу пожаловалъ ему въ Сициліи имѣніе, 30.000 дукатовъ приносящее въ годъ, кромѣ ежегодной пенсіи также 30.000 дукатовъ. Сія перемѣна можетъ имѣть важныя слѣдствія для Неаполя.

Неаполь, 7-го Іюня 1804 года.

Не думаю, чтобъ спокойствіе продолжалось долго: сіе королевство поддерживаетъ себя нашимъ покровительствомъ, и ежели послѣдуетъ разрывъ между нами и Франціею, то сдѣлается оно неминуемо жертвою Французской алчности. Титулъ императора, можетъ быть, насытитъ тщеславіе Бонапарте и доставитъ миръ Европѣ. Дай Богъ! Это и несчастному Людовику [1]) не грѣшно желать, ежели любитъ человѣчество. Надобно признаться, что Французъ существо непонятное. Чтὸ за смѣсь! Теперь надобно у нихъ спросить, за что они десять лѣтъ кровь проливали?

Званъ на большой обѣдъ къ шталмейстеру князю Траббіа, гдѣ графиня Скавронская также будетъ, и это большая диковинка: ибо она ни съ кѣмъ изъ здѣшнихъ не знается и ни дамъ, ни мущинъ Неаполитанскихъ не принимаетъ въ домъ свой.

*

Неаполь, 12-го Іюня 1804 года.

Карповъ очень апробуетъ все вами совѣтуемое и не хочетъ торопиться продавать. Въ присланной ему Дьяковымъ генеалогіи фамиліи Карповыхъ нашелъ онъ ошибку одну: имя отца его есть Иванъ Антоновичъ, слѣдовательно, дѣдъ назывался не Данило, какъ въ табели показано. Сіе даетъ ему маленькое сумнѣніе, нѣтъ ли фальши; но я его увѣрилъ, что вѣрно ошибка переписывавшаго.

Вчера пріѣхалъ сюда молодой графъ Паленъ, бывшій при Парижской миссіи. Я его только разъ видѣлъ, но онъ показался мнѣ малымъ весьма здраво разсуждающимъ и очень пріятнаго обхожденія. Поступокъ нашихъ Москвитянъ въ церкви [2]) столь меня удивилъ, что я бы оному не повѣрилъ, ежели бы не отъ васъ то слышалъ. Я бы, какъ Спаситель, погналъ зачинщиковъ веревкою вонъ изъ храма. Сей наглый поступокъ меня изумляетъ. Въ нашей развращенной Италіи, въ которой музыка и голоса вѣрно сто разъ превосходнѣе Казаковыхъ пѣвчихъ, никогда бы не осмѣлился никто забыться до такой крайности; а народъ здѣсь очень къ музыкѣ пристрастенъ.

Неаполь мало-по-малу начинаетъ опустошаться: всѣ по деревнямъ

---

[1]) Т. е. Людовику XVIII-му, жившему тогда у насъ въ Митавѣ.

[2]) Въ церкви Дмитрія Солунскаго у Тверскихъ воротъ, пѣвчіе за обѣднею такъ хорошо пѣли, что раздались въ церкви рукоплесканія (см. Дневникъ Жихарева). Впослѣдствіи митрополитъ Филаретъ строго наблюдалъ, чтобы пѣніе въ церквахъ не заглушало словъ и не напоминало собою оперу.

пустились, и я часто ѣзжу въ Портичи къ Аглинскому посланнику Эллiоту, гдѣ всякiй вечеръ общество весьма прiятное.

Актоны отсюда уѣхали, и у Скавронской довольно пусто теперь.

Государь Императоръ оказалъ благодѣянiе всѣмъ Грекамъ здѣсь находящимся. Они имѣли по сю пору Унiатскую церковь; теперь повелѣлъ онъ выбрать мѣсто, построить церковь ни отъ кого не зависящую и предложилъ охотно участвовать во всѣхъ издержкахъ. Всѣ приняли сiю монаршескую милость съ чувствительностiю, и мы хотимъ храмъ соорудить во имя Святаго Александра Невскаго *).

*

Неаполь, Iюня 7 (19-го) дня 1804 года.

Гордитесь, любезнѣйшiй батюшка: къ вамъ пишетъ теперь не канцелярскiй служитель, но тотъ, который управляетъ всѣми дѣлами миссiи Неапольской. Г. Карповъ боленъ, и слабость его до того дошла, что не можетъ подписывать бумагъ. Всѣ исходящiя отъ насъ подписываю я. Сегодня посылаю первое мое донесенiе къ князю Чарторижскому, коего увѣдомляю о болѣзни г. Карпова, о полученiи имъ отъ князя разныхъ писемъ, о исполненiи всѣхъ заключавшихся въ оныхъ предписанiй и, наконецъ, о происшествiяхъ, достойныхъ вниманiя князева. Я не могъ прочесть депеши Карпову, ибо онъ былъ въ безпрестанномъ жарў; но надѣюсь, что все апробуетъ, тѣмъ болѣе, что все содержанiе оной имъ мнѣ внушено. У насъ есть теперь дѣлъ съ пять нерѣшенныхъ, по коимъ надобно вести безпрерывную переписку съ здѣшнимъ министерствомъ, съ нашими консулами въ Сицилiи и Корфу и другими особами. Я очень занятъ, потому что надобно все самому сочинять, переписывать, печатать, отправлять и проч., принимать прiѣзжающихъ за дѣлами, къ онымъ ѣздить и проч. Дай Богъ, чтобъ слухи о произведенiи насъ оправдались; не грѣшно бы: вотъ два года и болѣе, что̀ мы работаемъ одни при миссiяхъ нашихъ. Ежели Татищевъ привезетъ въ секретари какого-либо молокососа, я ни съ чего не останусь подъ нимъ; надѣюсь, что не окажутъ мнѣ такой несправедливости, которая должна истреблять всякую ревность къ службѣ вмѣсто того, чтобы ободрять. Я здѣсь сдѣлалъ большую навычку и со всѣми на мѣстахъ находящимися коротко знако̀мъ, зная также языкъ Италъянскiй; мнѣ кажется, могу льститься предпочитанiемъ, и Карповъ мнѣ это сказалъ, дабы отговорить отъ намѣренiя перейти къ другой миссiи.

*) Церковь наша въ Неаполѣ доселѣ существуетъ и на лучшемъ мѣстѣ (на набережной Св. Луцiи), но, кажется, что службы въ ней не бываетъ съ тѣхъ поръ, какъ скончалась графиня Сухтеленъ (ур. Ланская), Неаполитанская старожилка и домовладѣлица.

Хочется вамъ отмѣнно въ Москву; но, видно, вы своихъ дипломатовъ тогда только отзовете, когда они доставятъ Европѣ миръ и тишину. Я боюсь, не смотря на отличныя ихъ дарованія, что старанія ихъ долго будутъ безуспѣшны, ибо въ теперешнемъ вѣкѣ все дѣлается одними пушками.

Я не могу вамъ описать, сколь я радуюсь видѣть матушку довольною новымъ вашимъ распоряженіемъ. Мои доходы только что достаточны для меня; но я отыму частицу, ежели нужно, чтобы ей давать. Въ моихъ лѣтахъ нужду терпѣть ничего; у нея семья, цѣлый домъ на рукахъ. Мы очень далеки отъ того, чтобы сокрушаться, что расходы ваши умножились немного; напротивъ того, мы было сбирались васъ просить, но доброе ваше сердце предупредило желанія наши.

Я прочелъ вашъ пассажъ графинѣ Скавронской. Elle dit, que si vous n'avez pas d'argent pour venir ici, ce n'est pas une excuse: elle vous en prêtera et sans intérêts; qu'elle ferait de vous aussi son enfant gâté, et qu'elle était assez vieille pour pouvoir vous nommer comme cela. Вы знаете, я думаю, что у нея портретъ государыни Елисаветы Петровны[1]). Я ожидаю съ великимъ нетерпѣніемъ подтвержденія о нашемъ производствѣ; мнѣ будетъ это величайшей пользы, ибо прочитъ секретарское мѣсто и 1.500 рубл. съ курсомъ жалованья. Слава Богу, что пожаръ миновалъ нашъ садъ. Для купчихи наука; впередъ свѣчъ ставить не будетъ.

Скажите Біанки, что одинъ Римлянинъ на вопросъ: non è vero che tutti i Francesi sono briconi? отвѣчалъ: Tutti i Francesi nò, ma Bonaparte (buona parte)[2]). Счастливый отвѣтъ, который ему дорого сталъ однакожъ. Его здѣсь очень ненавидятъ, и войска, въ семъ королевствѣ находящіяся, отказали присягать императору; большая часть офицеровъ идетъ въ отставку, прочіе публично говорятъ, что и во Франціи найдется Брутъ.

Неаполь, 15 (27) Іюня 1804.

Посылаемая при семъ Фасту табакерка изъ лавы острова Искіи съ мозаикою, представляющею развалины храма Jupiter tonnant près du Capitole à Rome. Чтобы не прогнѣвался, что подарокъ не важенъ; но въ Россіи можно имъ пощеголять, а говорить, что заплачено 300 р., вмѣсто 10 піастровъ, которые мнѣ онъ сталъ. Въ табакеркѣ найдете вы раковину, представляющую извѣстную marchande d'amours. Это

---

[1]) Мужъ графини Марьи Николаевны Скавронской, ур. баронессы Строгановой († 1805), графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій, былъ двоюроднымъ братомъ императрицы Елисаветы Петровны.

[2]) Правда ли, что всѣ Французы мошенники?—Не всѣ Французы, но большая часть.

для княгини Елисаветы Васильевны *); скажите ей, что носять это дамы здѣсь на головѣ просто, съ черною лентой.

*

Неаполь, 3-го Іюля 1804 года.

Я пользуюсь минутами, въ кои малое облегченіе позволяетъ Карпову давать мнѣ нужныя наставленія и совѣты, дабы сходственно съ оными вести нужныя переписки и посылать двору мои донесенія. Будучи новичекъ въ семъ новомъ упражненіи, вы легко поймете, съ какою осмотрительностью долженъ все дѣлать и какъ много отъ того теряю времени. Болѣзнь Петра Ивановича меня огорчаетъ. Вотъ три недѣли, что̀ онъ все въ одномъ положеніи. Доктора здѣшніе пренесвѣдущіе и препалачи; у него три уже перебывало; второй поправилъ глупости перваго, какъ увѣрялъ; а вмѣсто того третій его глупости теперь поправляетъ.

Біанки при первомъ случаѣ пришлю не только макароновъ, но и *каноликовъ*. Спросите у него: знаетъ ли онъ что̀ это? C'est une coquille exactement pareille à une manche de coûteau et dont il sort (quand on presse) un long ver blanc tout vivant et fort dégoûtant, que les lazzaroni mangent en se léchant les doigts. Quelque fois l'animal rébelle entre dans le nez, mais cela ne fait rien: on lui fait rebrousser chemin, et ce petit retard ne le fait avaler qu'avec plus d'appetit. Il n'y a pas de vilaine vermine que le lazzaroni ne mange. On peut bien dire de lui: il vit de rien et pour ne rien faire, au moins ce qu'il fait est presque toujours mauvais. Immaginez vous un jeune homme de 18 ans, qui tue son père et son frère; c'est un fait arrivé il y a peu de jours; ce monstre a été pendu avant-hier. Le père mourra un de ces jours de sa blessure. Peut-on être dans une situation plus terrible? Voir un de ses enfants mourir par la main du bourreau, l'autre par la main de son propre frère et attendre une mort dont un fils est l'auteur. Бѣдный отецъ! Надобно пріѣхать въ Италію, чтобы увѣриться, что это не басни. Сіе происшествіе разсказывается съ толикимъ холоднокровіемъ, что въ ужасъ меня привело. Нельзя себѣ вообразить, до какой степени развращеніе здѣсь дошло; надобно послушать разговоры поповъ и монаховъ, видѣть обхожденіе подчиненныхъ съ начальниками, дѣтей съ родителями, слугъ съ ихъ господами. Кто этого не видалъ, не можетъ себѣ вообразить, что̀ это. Сто разъ счастлива благополучная наша Россія быть отдаленною отъ столь дурныхъ примѣровъ. Ежели

*) Княгини Голицыной, ур. Приклонской, двоюродной сестры А. Я. Булгакова.

въ этомъ состоитъ образованіе, то дай Богъ, чтобы мы вѣчно остались въ невѣжествѣ нашемъ. Русакъ, право, штука достойная почтенія, любви, удивленія и зависти со всѣхъ сторонъ. Здѣсь былъ одинъ Мекленбургскій камергеръ, человѣкъ много ѣздившій и читавшій; у насъ споры до слезъ доходили. Онъ непремѣнно хочетъ выучить нашего мужика читать и писать; я всякій разъ у него указку изъ рукъ вырывалъ, увѣряя его, что мужикъ, у коего понятіе не останавливается у забора его сосѣда, человѣкъ пренесчастный, ибо онъ недоволенъ тѣмъ, что̀ имѣетъ, а ползетъ куда не надобно. Филантропы и философы не моего мнѣнія. Мы видѣли, что̀ философія сдѣлала во Франціи. Всѣ думаютъ здѣсь, что нашъ мужикъ несчастнѣйшее твореніе въ свѣтѣ и очень ошибаются: онъ сто разъ довольнѣе, здоровѣе, богаче, гостепріимчивѣе и добрѣе всѣхъ прочихъ мужиковъ. Много и у насъ врутъ пустого, и для сего не худо посмотрѣть своими глазами, что̀ и какъ у другихъ все дѣлается и есть. Павелъ І-й, возвратясь послѣ путешествій своихъ въ Россію, сказалъ, говорятъ: Eh, nous ne sommes pas tant à plaindre[1]). Теперь можно бы болѣе сказать.

Сегодня былъ я во второй разъ у директора департамента иностранныхъ дѣлъ кавалера Мишеру̀.

Ванѣ [2]) мой поклонъ. Что̀ имъ вздумалось выбрать Дрезденскую миссію? Ханыковъ[3]) самъ школьникъ.

Поѣздка братова въ Брестъ-Литовскій куріеромъ не причинитъ никакой разстройки въ нашей перепискѣ.

Сардинскій король прибылъ недавно въ Гаету, откуда ея величество отправится къ банямъ въ Искію. Очень умно сдѣлали, что оставили Римъ, гдѣ Французы совершенно господствуютъ. Лизакевичъ остался тамъ; но, думаю, не замедлитъ сюда быть. Увижу Толстаго, Козловскаго, сдѣлавшагося пресеріозною особой.

Здѣсь танцуетъ теперь Beaulieu, Парижскій танцовщикъ, восхищающій всѣхъ. Une dame me disait hier: Mon Dieu, qu'il est léger!— Il n'y a rien d'étonnant, lui répondis-je: tout ce qu'il y a de plus léger, vient de Paris.—Vous êtes donc aussi de ce pays là? répliqua-t-elle.

*

---

[1]) Да, мы не такъ жалки!

[2]) Графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину?

[3]) Нашъ посланникъ въ Дрезденѣ.

Неаполь, 10-го Іюля 1804.

Желаю княжнѣ Натальѣ*) перваго жениха Россіи, съ тѣмъ только, что она не перестанетъ пѣть.

Здѣсь тоже штукарь одинъ вздумалъ дать на театрѣ піесу, въ коей primo buffo съ любовницею своей улетаютъ съ самой сцены подъ облака; но худо удалось, и шаръ чуть не упалъ въ партеръ и не задавилъ всѣхъ зрителей.

Валуево напомнило мнѣ прошедшія времена. Давно не видалъ я порядочной деревни, ибо я наши Русскія никакъ не равняю съ Итальянскими, въ коихъ нѣтъ совсѣмъ природы.

Ежели Наст. Вас. Долг. умреть, будетъ большой подрывъ тетушкиной торговлѣ снурками. Я вамъ пришлю чѣмъ отдарить экранъ княжны Хованской.

Изъ Парижа пишутъ, что сюда ѣдутъ Демидовъ, Диковъ, князь Вас. Вас. Долгорукой и многіе другіе Русскіе, какой-то генералъ Бороздинъ, женатый, изъ Флоренціи; это, я думаю, братъ бывшаго здѣсь съ войсками нашими.

*

Неаполь, Іюля 17-го дня 1804 года.

Князь Лихтенштейнъ пріѣхалъ, наконецъ, сюда дня съ три тому назадъ и привезъ мнѣ вашу мозаику. Предложеніе его переслать оную вѣрно въ Вѣну съ отъѣзжающимъ туда какимъ-то ему весьма знакомымъ человѣкомъ принялъ я съ великимъ удовольствіемъ. Мозаика удивительной красоты, сюжетъ весьма пріятенъ и отдѣлка такова, что я по сію пору подобной не видалъ. Желаю весьма, любезнѣйшій батюшка, чтобы вамъ полюбилась, сколько мнѣ; не отдавайте ее никому; право, жаль. Вообразите, что она стала вамъ только 40 піастровъ, или около 18 чер. Гол.; никто вѣрить тому не хочетъ. Я вамъ уже писалъ, что она представляетъ гробницу de Cecilius Metellus.

Je suis en correspondance avec m-r Becker, notre consul en Sicile, au sujet d'une certaine affaire. Dans sa dernière lettre il me dit: «Faites moi la faveur de me rappeler au souvenir de s. e. m-r votre père, lorsque vous lui écrirez; j'ai eu l'honneur de servir sous ses ordres pendant tout le tems qu'il était ministre à Varsovie; les bontés dont il m'a comblé sont continuellement présentes à ma mémoire, et

---

*) Хованской, будущей первой супругѣ своей.

les hommages de reconnaissance que je lui porte sont éternels. Исполняю симъ Бекерову просьбу; мнѣ отмѣнно чувствительно видѣть, что и въ Сициліи есть люди облагодѣтельствованные вами.

*

Неаполь, 12 (24) Іюля 1804 года.

Книги изъ Марселіи выписывать очень убыточно и теперь даже ненадежно. У меня есть корреспондентъ одинъ, книгопродавецъ во Флоренціи, у коего все можно найти и по довольно сходной цѣнѣ. Разскажу вамъ, любезнѣйшій батюшка, черту Аглинскаго посланника, очень меня тронувшую. Онъ ѣхалъ изъ Портичи на аудіенцію къ королевѣ; видитъ у морского берега кучу людей; останавливается. Чтò такое? Не знаютъ. Выходитъ вонъ изъ кареты, не смотря на ужасный вѣтръ и бурю, и узнаетъ, что поводомъ стеченія людей есть несчастный монахъ, купавшійся въ морѣ; буря застигла его въ водѣ, плавать не умѣетъ, и волны то выносятъ тѣло его на поверхность воды, то скрываютъ оное изъ вида. Чтò дѣлаетъ Элліотъ? Скинувъ кафтанъ, рубашку и все, чтò короткость времени позволила, кидается въ воду и спасаетъ бѣднаго, несчастнаго человѣка, приведеннаго въ чувство съ великимъ трудомъ. Каково вамъ это кажется, и чтò вы скажете о кучѣ безчеловѣчныхъ людей, стоявшихъ у берега и смотрѣвшихъ на смерть несчастнаго человѣка, какъ на увеселительное позорище? А надобно при томъ знать, что народъ здѣсь какъ рыба плаваетъ. Чтò болѣе дѣлаетъ честь г. Элліоту, есть, что онъ отъ всѣхъ таилъ все сіе происшествіе. Это, право, чуть не лучше ли удачнѣйшей негоціаціи, ежели судить человѣчески. Я у него обѣдалъ третьяго дни, и онъ это разсказываетъ comme un conte pour rire.

Я получилъ преласковое письмо отъ графини Паниной изъ Франкфурта.

*

Неаполь, 7-го Августа 1804.

Вчера цѣлый день я прогулялъ: былъ въ деревнѣ у г. Элліота. Карповъ встаетъ уже съ постели, но отъ величайшей слабости рука такъ трясется, что не могъ сдѣлать порядочной буквы. И такъ, большія мои упражненія продолжатся еще недѣли двѣ, послѣ коихъ войду опять въ прежнюю свою сферу. Это была маленькая проба; въ другой разъ ничто не будетъ для меня ново. Г-нъ Мишеру́, директоръ департамента иностранныхъ дѣлъ, былъ у двора въ немилости съ заключеннаго имъ съ Французами во Флоренціи мира, найденнаго предосудительнымъ для здѣшняго двора, какъ будто миръ не въ силу данныхъ

инструкцій заключается. До отъѣзда Актона всѣ довольно сухо обходились съ г. Мишеру. При всякой съ нимъ встрѣчѣ оказывалъ я ему всегда учтивости, предвидя, что когда-нибудь да будетъ онъ употребленъ; и точно, по моему сбылось. Онъ не забылъ ласковое мое обхожденіе и платитъ оное интересными сообщеніями всякій разъ, что̀ у него бываю. Это теперь великой для меня важности; и хорошая наука—со всѣми въ свѣтѣ хорошо обходиться.

Видно, жары Неапольскіе перешли къ вамъ. Вчера былъ первый жаркій день у насъ; я говорю жаркій à la napolitaine, то-есть *душный*. Съ Іюня мѣсяца дуетъ у насъ благословенный свѣжій вѣтерокъ, а schiroko, не знаю, куда дѣвался; со всѣмъ тѣмъ я почти всякій день купаюсь и учусь плавать. На той недѣлѣ Французскій здѣсь посолъ подалъ новые кредитивы. Грустно было смотрѣть эту церемонію. Сколько можно было дѣлать размышленій! Тотъ же человѣкъ, который вотировалъ смерть короля своего и установленіе республиканскаго правленія, акредитуетъ себя посломъ императора. И кто этотъ императоръ? Мы видимъ. Королева, выслушавъ рѣчь послову, сказала съ выраженіемъ: Dites à l'empereur, *votre maître*, que mes sentimens sont conformes à ceux du roi. Король же увѣрилъ посла, отвѣчая ему поитальянски, что его величество не перемѣнитъ чувствованія свои къ императору Франціи. Оба отвѣта хороши; но къ чему это служитъ? Главное сдѣлано, и мы видимъ, что двѣ Бурбонскія фамиліи, Неаполь и Гишпанія, были первыя, признавшія самозванца. Изъ Рима пишутъ, что папа получилъ отъ Бонапарте приглашеніе ѣхать въ Парижъ его короновать, на что его святѣйшество согласенъ подъ тремя условіями: 1) Чтобы католическая вѣра была одна и господствующая во Франціи; 2) что Бонапарте будетъ признанъ первыми въ Европѣ державами, и 3) qu'il se soumettra au serment que fit Charle Magne à son couronnement. Сіе путешествіе, ежели совершится, можетъ подать великія боязни Риму и потрясти святой его престолъ. Я не распространяюсь съ вами о политикѣ, ибо письма мои были бы безконечны. Надобно только признаться, что положеніе Россіи, какъ оное ни взять, есть счастливѣйшее между всѣми державами Европы.

*

Неаполь, 2 (14) Августа 1804.

Пишу вамъ сегодня для сообщенія важнаго происшествія; отгадайте—что̀ такое? Скажу вамъ, что оно половину города встревожило, а другую обрадовало. Но не безпокойтесь: я въ числѣ послѣднихъ. Происшествіе сіе многимъ отымаетъ охоту спать; оно занимаетъ тысячу живописцевъ; тысяча несчастныхъ бѣгутъ отъ того, что̀ прима-

пиваетъ множество любопытныхъ изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ. Я въ восхищеніи; но чувство сіе легко превратилось бы въ отчаяніе, ежели бы я предвидѣлъ Неаполю жребій Геркуланума и Помпеи. Ежели вы желаете мнѣ царства небеснаго, то увѣренъ, что хотя и имѣете великое почтеніе къ Плинію, но не захотите, чтобы вашъ Александръ пошелъ по одной съ нимъ дорогѣ. Много я вамъ наболталъ, и секретъ мой давно ужъ вылетѣлъ. Дѣло идетъ слѣдовательно о Везувіи. Начну вамъ подробную реляцію. 11-го числа сего мѣсяца ужиналъ я съ дамами на противолежащей Везувію сторонѣ, именуемой Позилипо; въ часъ мы разъѣхались, а въ половинѣ второго поѣхалъ я водою домой. Ровно въ два часа видѣлъ я на вышинѣ горы дымъ. Но какъ часто принимаемъ мы за дымъ покрывающія его облака, то и продолжалъ я путь мой, занимаясь болѣе показавшеюся прекрасною луной, нежели Везувіемъ, какъ вдругъ услышалъ престрашный и глухой громъ; секунда послѣ того, вылетѣлъ изъ отверстія горы большой огненный шаръ, который вдругъ исчезъ. Дымъ продолжалъ идти сильно, но пламя рѣдко показывалось. Въ семъ положеніи была гора всю ночь и слѣдующій также день; ввечеру казалось, что все погасло; но около полуночи возобновился опять пожаръ, и въ Портичи было землетрясеніе. Съ того времени выходятъ безпрестанно огненные столбы, прегустой черный дымъ, лава, каменья, зола и пр.; но все сіе падаетъ опять въ кратеръ, который сталъ шире и до половины засыпанъ. Пирамида, стоящая надъ верхомъ Везувія, не имѣетъ, однакожъ, болѣе вышины какъ половину самой горы, но, очевидно, умножается. Мнѣ предлагалъ одинъ натуралистъ взойти на верхъ безъ всякой опасности; но я не разсудилъ за благо склониться на его ласковое предложеніе (онъ тамъ былъ). Пламя выходитъ изъ двухъ отверстій. Стрѣльба внутри горы ужасна. Какъ Везувій десять лѣтъ въ тишинѣ, всѣ проходы заперлись; огненныя матеріи, находя къ выходу ихъ большое сопротивленіе, производятъ оный трескъ и частыя потрясенія; сдѣлавъ же себѣ пространную дорогу, будутъ выходить во множествѣ. Мнѣніе знатоковъ есть, что Везувій будетъ десять дней въ семъ положеніи, послѣ чего послѣдуетъ престрашное изверженіе, которое покроетъ всѣ окружности золою, лавою и огнемъ. Не смотря на солнце и полдень, теперь даже вижу пламенныя облака, и мнѣ кажется, что они очень умножились со вчерашняго вечера. Я радуюсь какъ ребенокъ и, сидя покойно въ волтеровыхъ креслахъ, смотрю на это страшное позорище, для описанія коего мое слабое перо недостаточно. Въ Torre del Greco всѣ жители готовы въ одну минуту оставить свои домы и бѣжать. Завтра ѣду на цѣлый день къ Элліоту, который у подошвы Везувія живетъ. По будущей почтѣ увѣдомлю васъ о успѣхахъ нашего славнаго богатыря, котораго съ глазъ не спускаю.

Неаполь, 16 (28-го) Августа 1804.

Карповъ доволенъ всѣмъ тѣмъ, что̀ я дѣлалъ и писалъ во время его болѣзни. По прошествіи года, ежели не будетъ здѣсь никакой перемѣны, я рѣшился писать къ канцлеру, Чарторижскому и Татищеву, просить не милости, но того, что̀ мнѣ слѣдуетъ: я не хочу имѣть преимуществъ ни надъ кѣмъ, но не хочу также быть обиженнымъ. Я три года на мѣстѣ канцелярскаго служителя съ 400 р. и во всѣ три года исправлялъ должность секретаря, не имѣя ни званія сего, ни жалованья. Въ архивѣ служилъ два года безъ копейки; Каменскій Н. Н. можетъ сказать: работали ли мы? Неужели вы не примѣтили, любезнѣйшій батюшка, что вашъ Константинъ великій философъ? Его письма меня иной разъ удивляютъ и заставляютъ стыдиться быть его старшимъ братомъ. Какъ пустится разсуждать, такъ только слушай и замѣчай. Онъ между молодежью всегда слылъ Платономъ.

Ежели увидитесь съ канцлеромъ Воронцовымъ, намекните ему слово объ насъ; онъ, кажется, отмѣнно справедливъ и расположенъ дѣлать добро.

*

Неаполь, 30 Августа (11 Сентября) 1804 года.

Завидно мнѣ слышать, что Фастъ всюду съ вами разъѣзжаетъ; бывало, мы такъ ѣздили по Субботамъ въ Воронцово[1]). Какую мы пріятную тогда вели жизнь! Все Воронцово казалось было братьями, ибо всѣ мы имѣли въ князѣ благодѣтеля. Когда пишите къ кн. Алекс. Никол.[2]), не забывайте иной разъ и отъ насъ что-нибудь ей шепнуть. Поздравляю кн. Никиту[3]) искренно съ камергерствомъ, а Петра Петровича Нарышкина съ новорожденною дочерью. Все то, что̀ вы мнѣ пишете о милыхъ Хованскихъ, возбудило во мнѣ сильное желаніе ихъ видѣть. Я все боюсь, чтобъ не явился княжнѣ Натальѣ женихъ, не любящій музыки; въ такомъ случаѣ прошу князя отказать: а не то прощай прекрасный голосъ, прощай ritorni, коего, видно, братъ за меня послушаетъ. Я очень вѣрю, что окружности Москвы прекрасны; всѣ со мною въ спорѣ, никто вѣрить не хочетъ, что наша природа превосходнѣе здѣшней. Скоро три года, что̀ я здѣсь, и жилъ по деревнямъ; повѣрьте мнѣ, что я не видалъ еще ни зеленый лугъ, ни ручейка, ни большаго густаго дерева, ни древесной тѣни, ни травы, не слышалъ

---

[1]) Подмосковная князя Н. В. Репнина за Калужской заставой.

[2]) Дочери князя Репнина, княгини Волконской.

[3]) Супруга славной княгини Зинаиды Волконской.

ни разу пѣнія птицъ, ни журчанія воды. Что̀ это за природа, и какъ ее сравнить съ нашею? Одно только небо здѣшнее есть вещь, которую понять нельзя и никакая кисть представить не можетъ. Pour le reste je vous l'abandonnerais, si je ne vous réservai pas toujours ce qu'il y a de mieux. Что̀ еще здѣсь несносно: куда ни поѣзжай за городъ, вездѣ мостовая бѣлая, вездѣ солнце на нее свѣтить и безпокоитъ весьма зрѣніе, причиняетъ даже боль глазамъ, которые отъ время до времени дѣлаются красными. Опять, какъ нашихъ бородачей сравнить съ погаными лазаронцами? Здѣсь насъ худо знаютъ, и я бьюсь день и ночь надъ просвѣщеніемъ Неаполитанцевъ. Пушкинъ здѣсь всѣми очень любимъ, и полагаютъ, что смерть отца позволитъ ему быть въ Неаполь. Здѣсь нѣтъ другого разговора теперь какъ о Везувіи. Dans les sociétés, celui, qui y a été le dernier, est le mieux reçu. Depuis Naples jusqu' au Vesuve vers le soir c'est une file de voitures: il est du bon ton d'y aller tous les soirs, et comme je n'ai pas d'équipage et que je vois tout de mon balcon, je n'aspire pas au bon ton et jouis sans incommodité de ce spectacle *horriblement beau*. On me dit que la lave a déjà traversé le grand chemin de Portici pour aller se jeter dans la mer. Adieu donc la communication entre Naples et tout ce qui est au delà du Vesuve! Je ne verrai plus une jolie dame Polonaise qui demeure à Castellamare à moins d'aller par eau.

Мнѣ пишутъ, что велѣно штатскихъ только разъ въ годъ (въ Декабрѣ) производить. Я намѣренъ писать Татищеву; не означаю, что̀ хочу, а буду только просить, чтобы меня, яко подчиненнаго своего, не оставилъ; сошлюсь во всемъ на Карпова и пр. Я это пообдумаю и вамъ напишу въ другорядь.

Неаполь, 19-го Сентября (1-го Октября) 1804 года.

Фастъ говоритъ, что въ Москвѣ пѣли вѣчную память 80 т. праведнымъ, погибшимъ здѣсь отъ Везувія съ частію города Неаполя. Ну, Москва! Не любитъ шутить: тотчасъ отхватила часть цѣлаго города, погубила 80 т. душъ, а на мѣсто горы Везувія поставила пространное озеро.

Болѣзнь Ивана Петровича Тургенева отмѣнно меня огорчила. Можно ли быть несчастливѣе бѣднаго его сына, который, потерявъ брата, каковъ былъ Андрей, теряетъ отца, нѣжнаго и столь добродѣтельнаго? Жаль мнѣ несказанно молодого сего человѣка! Ожидаю дальнѣйшихъ извѣстій съ крайнимъ нетерпѣніемъ. А Александръ, вмѣсто Неаполя, поѣхалъ въ Венгрію. Братъ пишетъ, что сюда ѣдетъ С. И. Лисовской, который женился. Не менѣе Тургенева, жаль мнѣ

разстройки Ивана Владимировича; но это сожалѣніе другого рода; все, что̀ вы о семъ говорите, весьма основательно.

29-го прошедшаго мѣсяца пріѣхала сюда посольша графиня Разумовская; она мнѣ привезла отъ брата прекрасный гостинецъ, портретъ его, коимъ я чрезмѣрно доволенъ и на который не налюбуюсь. Везувій было утихъ немного, но дня съ три назадъ произвелъ въ Портичи малое потрясеніе и гнѣвается пуще прежняго: лава течетъ гораздо скорѣе и въ бо̀льшемъ множествѣ; удивительно, откуда берется такое множество. Я воображаю, что подъ Везувіемъ должна быть большая пустота или сводъ, который когда нибудь да провалится отъ тяжести горы; ибо очень натурально, что все выкидываемое изъ нѣдръ горы оставляетъ въ ней непремѣнно пустоту.

*

Неаполь, 27 Сентября (9-го Октября) 1804 года.

Я вамъ уже писалъ, что первый мой Аглинскій учитель умеръ; второй, рекомендованный мнѣ женою Аглинскаго посланника, другой мѣсяцъ ко мнѣ ходитъ, очень хорошъ, и я начинаю пристращаться къ сему языку. Знаніе Нѣмецкаго языка было мнѣ великою помощію; я разумѣю все то, что̀ читаю, но говорить очень трудно. Учитель весьма доволенъ моимъ посвистомъ: произношеніемъ это называть нельзя.

Мы ждемъ теперь родовъ наслѣдной принцессы и, по полученіи извѣстія, мнѣ за Карпова надобно ѣхать тотчасъ во дворецъ въ Портичи; такъ что я, всякій разъ что выхожу, долженъ сказаться куда, дабы могли тотчасъ меня отыскать. Этотъ этикетъ взятъ отъ Гишпанцевъ, гдѣ даже показываютъ тотчасъ новорожденнаго всему дипломатическому корпусу. Каково, ежели намъ бѣднымъ придется ночью вставать, чесаться, да ѣхать за 7 верстъ киселя ѣсть! Везувій почти погасъ: огня и лавы болѣе нѣтъ, а дыму очень мало; но за то потрясенія внутри горы чаще повторяются. Я вамъ, кажется, писалъ, что королева пригласила графиню Скавронскую въ Портичи, гдѣ дала ей прекрасный домъ возлѣ дворца. Она будетъ давать всякую недѣлю балы королевской фамиліи, и завтра первый; пригласила меня заранѣе на всѣ. Городъ совершенно опустѣлъ, и въ театрахъ даже никого не бываетъ; есть многія труппы и въ Портичи. На сихъ дняхъ будетъ сюда княгиня Долгорукая, наша Петербургская сосѣдка; она теперь въ Римѣ, такъ что эту зиму будемъ мы здѣсь имѣть препріятное общество.

*

Неаполь, 4 (16-го) Октября 1804 года.

Въ прошлый Четвергъ былъ у графини Скавронской первый балъ. Вся королевская фамилія была; впрочемъ мало людей, и отъ того немного безпокойно. Ея величеству былъ сдѣланъ малый surprise, пѣли ей куплеты, и наконецъ бюстъ ея былъ увѣнчанъ цвѣтами и проч. Я познакомился короче со вторымъ королевскимъ сыномъ, принцемъ Леопольдомъ, который малый преострый. Сіи праздники будутъ повторяться всякую недѣлю.

Новаго у насъ здѣсь то, что папа, какъ ни отбояривался, но наконецъ рѣшился 3-го Ноября отправиться во Францію для коронованія самозванца, отъ котораго прибылъ въ Римъ адъютантъ Cafarelli для понужденія его святѣйшества скорѣе рѣшиться на сей опасный прыжокъ. Онъ беретъ съ собою четырехъ кардиналовъ, именно: Antonelli, Borgio, Caselli и Dipietro, дюка Braschi, принца Altieri, маркиза Sachetti и четырехъ прелатовъ, не помню кого. Публиковалъ, что въ три мѣсяца возвратится; но воленъ ли онъ симъ располагать, когда не отъ него зависѣло остаться въ Римѣ или ѣхать? Онъ соглашался сперва подъ тремя кондиціями; но Фешъ и Кафарелли заставили его оныя забыть. Изъ благодарности Бонапарте объявилъ папѣ, что Французскія войска займутъ Анкону, Чивиттавекію и проч.

Третьяго дня въ театрѣ видѣлъ я славнаго Паіезіеллу, возвратившагося изъ Парижа, sans avoir pu parvenir à faire galopper la vâche avec grâce; il avoue que les Français ont un goût tout particulier et que leur langue ne prête pas à la musique.

*

Неаполь, Октября 16 (28) дня 1804.

Здѣсь этикетъ, что какъ скоро королева или другая принцесса изъ фамиліи чувствуетъ приближеніе родовъ, всѣ придворные, чужестранные министры и генералитетъ должны тотчасъ явиться во дворецъ и ждать разрѣшенія отъ бремени; о семъ были мы извѣщены двѣ недѣли ужъ назадъ. Въ прошлый Вторникъ, только-что задумалъ было къ вамъ писать, прислалъ ко мнѣ Карповъ сказать, чтобы я тотчасъ одѣвался въ мундиръ. Я догадался, о чемъ дѣло шло. Карповъ будучи еще слабъ, я поѣхалъ вмѣсто его въ Портичи, гдѣ дворъ находится. Съ 11 часовъ утра по самую полночь прождали мы понапрасну: принцесса не родила, и я бы проголодался, ежели бы Элліотъ, живущій близко отъ дворца, меня не увезъ къ себѣ и не накормилъ. Насъ

всѣхъ распустили, и велѣно воротиться при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ изъ крѣпостей, что̀ воспослѣдовало на другой день поутру въ 6 часовъ. Я опять явился, присутствовалъ при крещенiи принцессы, нареченной Луиза-Каролина и пр. и пр. (всего 18 именъ) и сдѣлалъ ея величеству мое привѣтствiе, на которое она ласково отвѣчала. Все сiе очень хорошо обошлось, хотя я съ непривычки немного и робѣлъ; но что̀ меня обезпокоило, былъ Французскiй посолъ, отъ котораго не могъ скрыться: онъ меня поймалъ у окна и началъ говорить. Мнѣ неловко о другомъ говорить, какъ о погодѣ и подобныхъ важностяхъ; но онъ разговоръ привлекалъ на теперешнiя обстоятельства политическiя въ Европѣ. Одного человѣка называли мы: онъ — его величествомъ, императоромъ, а я — Бонапартомъ или первымъ консуломъ. Сей разговоръ очень меня женировалъ, и посолъ, который умный человѣкъ, перемѣнилъ рѣчь и заговорилъ о другомъ, а именно о придворныхъ дамахъ, которыя всѣ обветшалыя и очень непригожи. Вотъ какъ обошлась сiя церемонiя, коею мы съ столь давняго времени угрожаемы. Теперь я свободенъ: иду, не сказываясь, куда хочу. Къ счастiю, что не вздумалось принцессѣ родить ночью.

Боясь отъ малаго упражненiя забыть Нѣмецкiй языкъ, который зналъ очень хорошо, вотъ что̀ я надумалъ. Есть здѣсь одинъ аббатъ, писавшiй много на Нѣмецкомъ и Итальянскомъ языкахъ и хорошо; онъ будетъ ко мнѣ ходить, я стану съ нимъ переводить и сочинять на сихъ двухъ языкахъ, отчего въ первомъ утвержусь, а во второмъ усовершенствуюсь. Аглинской идетъ хорошо, всѣ довольны моимъ произношенiемъ; надобно большую охоту и терпѣнiе, чтобы учиться языку, на коемъ ни единое слово не пишется, какъ произносится, и который всѣмъ гласнымъ буквамъ далъ голосъ, противный голосу во всѣхъ прочихъ языкахъ въ свѣтѣ.

*

Неаполь, 1 (13) Ноября 1804 года.

Ваше письмо меня, право, до слезъ тронуло; читая оное, мнѣ казалось, что писано оно не отцомъ моимъ, но какимъ-либо другомъ, не имѣющимъ надо мною никакой власти, но нѣжно меня увѣщевающимъ. Будьте спокойны, полагайтесь на насъ, любите насъ, какъ по сiе время; ежели въ три года нашей разлуки не дали мы вамъ повода къ неудовольствiю, то видно, что намъ неравнодушно: хорошо или дурно себя вести. Впрочемъ, кому же отъ того болѣе пользы, ежели не намъ самимъ?

Тучкову мой поклонъ; я радъ, что онъ не остался въ Парижѣ; тамъ нѣтъ ничего легче, какъ попасть въ императоры; а въ семъ вы-

сокомъ званіи забылъ бы онъ, можетъ быть, о Неапольскомъ своемъ пріятелѣ.

Въ Италіи свирѣпствуетъ родъ заразительной желтой лихорадки; но взятыя предосторожности имѣютъ желаемый успѣхъ, и болѣзнь очень уменьшилась, сюда не дошла, да и не допустятъ: протянутъ кордонъ, прерывающій комуникацію съ Ливорною, Малагою, Гибралтаромъ и прочими мѣстами зараженными. И такъ, ежели вѣстовщикамъ или газетчикамъ, или Фастову корреспонденту (сдѣлавшему озеро изъ Везувія) вздумается переморить половину Неаполя, то смѣйтесь смѣло надъ тѣми, кои будутъ сіи бредни разсказывать или онымъ вѣрить. Скавронская была больна болѣзнію, безпокоющею ее болѣе 30 лѣтъ,—старостію, да не на шутку; но видно ей легче, ибо прислала звать къ 15-му на балъ, который вся королевская фамилія удостоитъ своимъ присутствіемъ.

P. S. Послѣ отъѣзда папы на воротахъ Ватикана прибили надпись: *si locca.* Si Bianchi veut rire, voilà de quoi.

*

Неаполь, 15 (27) Ноября 1804 года.

Я бы конечно могъ отъ Везувія закоптѣть, ибо видѣлъ его очень вблизи. 22 го ввечеру, возвращаясь изъ оперы съ однимъ пріятелемъ, былъ я немало удивленъ, видя окна домовъ на берегу S-ta Lucia освѣщенными, взглянулъ на Везувій; тутъ удивленіе мое удвоилось, видя огненную рѣку, текущую изъ вершины горы до средоточія ея, тогда какъ наканунѣ все было въ совершенной тишинѣ. Лава текла съ очевидною скоростію, что̀ дало мнѣ желаніе видѣть ее вблизи и особливо, какъ она кинется въ море. Я взялъ тотчасъ коляску и поскакалъ съ моимъ товарищемъ Пини въ Портичи, гдѣ ревъ Везувія начиналъ уже быть очень слышенъ. Въ Torre del Greco оставили мы нашу колесницу и пошли съ однимъ изъ сихъ важныхъ особъ, коимъ Неаполитанцы осмѣливаются приписывать имя *Cicerone.* Въ полчаса или менѣе дошли мы до лавы, которая отъ большой дороги тогда отстояла не болѣе какъ на малую здѣшнюю милю или нашу версту съ небольшимъ. Вы не можете себѣ вообразить, какое безподобное зрѣлище представилось предъ нами. Ежели растопленный текущій свинецъ былъ бы живаго огненнаго цвѣта, онъ могъ бы дать вамъ понятіе о лавѣ, которая въ теченіе своемъ пожирала все то, что̀ осмѣливалось ей встрѣчаться. Мы мѣряли и нашли, что она въ 5 минутъ протекала 35 шаговъ. У источника ея было безчисленное множество отраслей, кото-

рыя потомъ соединялись въ двѣ большія; наша, текшая прямо на домъ кардинала здѣшняго, имѣла конечно 200 шаговъ ширины. Къ счастію нашему вѣтръ дулъ намъ въ спину, такъ что мы могли Везувіемъ любоваться, не опасаясь жару, дыма и пр. Однакожъ сей разъ я не осмѣлился подойти ближе какъ на 10 шаговъ; опасность была та, что за нами могъ бы найтиться большой ровъ, черезъ который бы, можетъ быть, не возможно было ни перейти, ни перескочить, и тогда мы бы были между двумя бѣдами безъ средства спастись. Видя, что лава шла прямо на домъ одного бѣднаго садовника, мы дождались, чтобы видѣть, что̀ изъ этого будетъ. Лава, вошедъ черезъ дверь въ комнату и наполня оную, начала течь съ чрезмѣрною быстротою изъ окна внизъ на дворъ. Какая безподобная картина! Огненная каскада, падающая съ чрезмѣрнымъ шумомъ съ вышины 5 или 6 саженей. Подъ окномъ находилось скопище воды и колодезь. Не знаю, отъ воды ли это или что лава встрѣтила въ теченіи своемъ какое-либо сильное сопротивленіе, но все пространство земли, застроенной симъ домомъ, взорвало на воздухъ. Мы очень перепугались, думая, что открылась подъ нами новая бездна и начали бѣжать, что̀ есть духу; шляпа моя зацѣпилась за дерево; не смѣя за нею воротиться, оставилъ ее тамъ. Чему я еще очень любовался—была разнообразность огней: видны были голубые, желтые, лиловые, синіе и пр., смотря по дереву или травѣ, которая горѣла. Напримѣръ, фиговое дерево, примѣтилъ я, давало прекраснѣйшій свѣтло-зеленый огонь. Сердце мое было объемлемо столь различными чувствованіями, что я не знаю, которое въономъ господствовало: ужасъ, удивленіе, страхъ, жалость, все сіе было во мнѣ смѣшано. Я взглянулъ съ удивленіемъ на равнодушіе иллюминованнаго Неаполя, въ коемъ въ ту минуту никто, можетъ быть, не думалъ о страшномъ своемъ сосѣдѣ. Вы не повѣрите, какъ я доволенъ, что видѣлъ сіе ужасно-прелестное зрѣлище своими глазами; ибо всѣ описанія, которыя я читалъ, недостаточны и не даютъ даже понятія о вещи.

*

Неаполь, 28 Ноября (10 Декабря) 1804 года.

Всѣ мы сидимъ дома, закутаны отъ худой погоды; волны разбиваются подъ самыми моими окнами съ великимъ шумомъ, всякій день дождь, сѣверный вѣтръ; намедни вошло въ ночь въ портъ здѣшній Американское военное судно и чуть не погибло: темнота была велика; капитанъ, будучи въ Неаполѣ въ первый разъ, принялъ огонь Везувія за фаналъ, и безъ даннаго ему скораго увѣдомленія взъѣхалъ бы на гору. Въ прошлый Вторникъ княгиня Долгорукая лазила на Везувій; я ради почтоваго дня извинился, да при томъ сильный вѣтръ, ту-

манъ и холодъ не возбуждали во мнѣ ни малѣйшаго желанія видѣть въ шестой разъ сіе чудо. Мое предсказаніе сбылось, а они чуть было не погибли. Вѣтръ всѣ камни гналъ на ихъ сторону; одинъ, двухъаршиннаго діаметра, палъ на аббата, гувернера дѣтей княгини, сшибъ его съ ногъ и ушибъ больно грудь. Онъ теперь въ постели; но отъ кровопусканія ему теперь гораздо легче. Ежели бы камень не концомъ задѣлъ, а упалъ бы во всемъ своемъ пространствѣ, бѣдному аббату другой разъ Везувія не видать. Сей неудачный опытъ рѣшилъ княгиню дождаться, чтобъ Везувій совсѣмъ погасъ и тогда идти ему на поклонъ. Дворъ и всѣ уже воротились изъ Портичи въ Неаполь; приближается время веселій; мы обѣщаемъ себѣ славный карнавалъ. Бѣдная графиня Скавронская очень больна, и боятся, что она не переживетъ сего мѣсяца; болѣзнь ея та, коею 40 лѣтъ какъ страдаетъ — старость. Сіе несчастіе произведетъ здѣсь немалую суматоху, дѣла ея будучи въ довольномъ безпорядкѣ; она не хочетъ дѣлать ни духовной, никакихъ либо распоряженій. Ея домъ будетъ большая потеря для всѣхъ иностранцевъ, сюда пріѣзжающихъ. Я теперь совершенно раздѣляемъ между графинею, Долгорукою и Разумовскою, у коихъ мы обыкновенно вечера проводимъ въ маленькомъ обществѣ.

*

Неаполь, 6 (18) Декабря 1804 года.

Желаю очень, чтобы Ладомирская дѣйствительно наконецъ вышла замужъ и была бы счастлива. Во время нашей платонической любви я получалъ записки отъ неизвѣстныхъ особъ, кои давали мнѣ совѣтъ вамъ открыться: vous êtes jeune, сказано тамъ, mais cela ne fait rien, à votre retour de l'étranger tout s'arrangera etc. На все это я отвѣчалъ молчаніемъ и какъ уѣзжалъ, то почелъ даже излишнимъ васъ о семъ увѣдомить. Многіе думали, что я разстроилъ Герардову съ нею свадьбу. Большой бы я былъ болванъ помѣшать молодой, прекрасной дѣвицѣ, любящей меня, выйдти за стараго мужа, коего ненавидитъ. Я слышу, что меня сватаютъ за княжну Наталью; подобныя разглашенія, сколь ни безосновательны, очень меня льстятъ; но знаетъ ли Москва, что ко мнѣ ходятъ еще учители?

Полька, живущая здѣсь, есть г-жа Скотницкая, коей мужъ боленъ и лѣчится; оба молодые люди и знаютъ васъ только по слуху. Какой-то почтенный старикъ, графъ Конарскій, вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе и говоритъ, что былъ съ вами въ связи. Мнѣ всѣ Поляки милы, ибо говорятъ объ васъ всѣ генерально съ чистосердечнымъ чувствомъ почтенія и привязанности. Сладко быть обязану счастіемъ своимъ отцу, другу или благодѣтелю; но быть обязану онымъ особѣ, со-

единяющей въ себѣ всѣ сіи три званія, это, право, величайшее благо; кажется, Богъ малому числу людей позволяетъ оное ощущать. Я увѣрился въ семъ съ пребыванія моего въ Неаполѣ или, лучше сказать, въ Италіи. Кто самъ того не видалъ, не можетъ понять безпорядковъ и ненавистей въ семействахъ существующихъ. Я намедни сталъ, какъ болванъ: на одномъ большомъ обѣдѣ, молодежь, послѣ обѣда, разрѣзвилась, и мы начали прыгать. Вы знаете, что здѣсь старшій сынъ всему имѣнію наслѣдникъ, прочіе имѣютъ прескудную пенсію; по смерти перваго сына, ежели онъ не имѣетъ дѣтей, наслѣдуетъ второй и такъ далѣе. Повѣсили платокъ, черезъ который надлежало перепрыгивать; пришла моя очередь; прыжокъ былъ опасенъ. Вдругъ одинъ князёкъ, второй въ фамиліи, остановилъ меня за руку, говоря: se fosse al mio primo genito a saltare non dicei niente, ma non tarrei che voi vi rompiaste il colo [1]). Отецъ былъ тутъ и первый захохоталъ. Аббатъ гувернеръ произнесъ важно слова: ha spirito il giovine [2]). Молодой человѣкъ съ такими чувствами, что̀ обѣщаетъ? Сей анекдотъ, который я вписалъ тотчасъ въ мой журналъ, можетъ служить примѣромъ братской любви отца къ своимъ дѣтямъ и хорошаго воспитанія, которое здѣсь дается. Вы скажете: въ семьѣ не безъ урода. Всѣ (можно почти сказать) генерально мыслятъ, какъ князёкъ. Я ему очень грубо выговорилъ его поступокъ. Онъ отвѣчалъ, что любитъ брата, но что себя любитъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ. E permesso, сказалъ я ему, di pensare in se cosi indignamente, ma non è permesso di dire queste cose ín presenza di venti persone [3]).

Мои размышленія меня завели далеко. Удивительно, какъ здѣсь всѣ генерально развращены, и надобно имѣть весьма твердыя правила чести и добродѣтели, чтобы не заразиться худыми примѣрами, ежеминутно встрѣчающимися.

---

[1]) Я бы ничего не сказалъ, если бы пріѣхалъ мой старшій братъ; но не потерплю, чтобы вы сломали себѣ шею.

[2]) Молодой человѣкъ уменъ.

[3]) Позволительно про себя думать недостойныя вещи; но не позволительно говорить подобныя вещи въ присутствіи постороннихъ.

КЪ ИСТОРІИ БЫТОВЫХЪ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ СНОШЕНІЙ.

Письмо Француза-винодѣла Моета къ Русскому генералъ-майору Р. Е. Ренни *).

1821.

Monsieur le général,

J'ai bien reçu par monsieur Dulivier la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 1-er Juin dernier avec les objets que vous lui aviez confiés. Je n'ai pu vous en accuser réception plutôt; j'etais dans le Nivernois et sur les bords de cette belle Loire qu'on appelle avec raison le jardin de la France. Je ne saurais vous exprimer, comme nous l'avons éprouvé, le plaisir que nous a fait votre lettre. Loin d'avoir pu oublier les moments que vous avez passés avec nous, nous n'avons cessé de parler de vous et du bon général Rayesky. Les égards, les bons procedés et la délicatesse que vous avez su mettre avec nous dans un tems si malheureux ne peuvent jamais sortir de notre mémoire; et encore c'est vous, général, qui venez nous remercier et faire à madame Moet le plus joli cadeau. Elle me charge d'être auprès de vous son interprête, de vous remercier de tout son coeur et de vous dire qu'elle conservera jusqu'à la fin de ses jours le joli et précieux présent que vous lui faites, comme un témoignage de votre bon souvenir et de l'amitié que vous voulez bien nous conserver. Nous ne formons plus qu'un voeu: ce serait de vous revoir et de vous récevoir dans une meilleure situation et dégagé des privations et des tribulations de ces temps malheureux.

M-e Gujot a reçue la boîte que lui était destinée. Elle n'est plus ici: elle a éprouvé des malheurs qui ont englouté sa fortune. Elle s'est retirée auprès de ses parents, qui la soulagent et la consolent. Pour moi, plus heureux, j'ai réparé toutes mes pertes, et c'est véritablement

---

*) Романъ Егоровичъ Ренни, ученый генералъ и картографъ, род. 12 Апрѣля 1778 † 26 Октября 1832. Его біографія находится въ изданіи „Императоръ Александръ I-й и его сподвижники" (выпускъ 93-й) Моета упоминаетъ и Пушкинъ:

Вдовы Клико или Моета
Благословенное вино.

Можетъ быть, послѣ этого письма, Шампанское полилось къ намъ еще обильнѣйшею струею. П. Б.

à votre grande nation qui je dois la conservation de ma fortune. Tous les étrangers ne peuvent concevoir, en visitant mes caves qu'elles ayent été respectées, et je répète à tous qu'à la premiere invasion j'ai été pendant 3 mois occuppé par des armées de cosaques, dont les cheveaux, jours et nuits dans ma cour, étaient attachés aux portes et aux grilles des soupireaux donnant ouverture aux caves, sans qu'aucun ait tenté ni demandé même l'ouverture. C'est le plus bel éloge qu'on puisse faire de la politesse et de la modératon des chefs, quoiqu'en guerre, comme de la bonne discipline de vos armées.

Puisque vous avez la bonté de demander des nouvelles de ma famille, je dois vous dire que mes deux filles sont mariées, l'aînée à un riche propriétaire de Bourgogne, et l'autre à un colonel d'un corps de la maison du Roy. Elles sont toutes deux fort heureuses. L'aînée a deux petits garçons, elle reste avec moi; la seconde, établie à Paris, a aussi deux enfants, garçon et fille. Cette jolie progéniture fait les délices de ma vie. Mon fils est à ce moment dans votre ville. Je reçois sa première lettre qui m'annonce son arrivée. Je le charge d'avoir l'honneur de vous voir et de vous parler lui-même de ma reconnaissance et de tous mes sentiments pour vous.

Je reçois assez souvent des nouvelles de monsieur le général Rayesky, qui tous les ans me demande des vins pour lui et ses amis. Avec tous les nôtres nous parlons bien souvent de vous et de la société militaire qui nous consolaient si bien des malheurs de la guerre. Tout le pays au bout d'un an a été refait de toutes les calamités, et tout le peuple ici, parfois maltraité par des soldats d'une autre nation, ne parle des vôtres qu'avec admiration et reconnaissance. Ils ont si bien imité leurs chefs qu'ils ont été regrétés. C'est une justice à rendre à la bonne garnison que vous commandiez.

Actuellement il me reste une grâce à vous demander, c'est de me permettre de vous adresser non seulement les deux caisses de mes meilleurs vins, mais aussi deux autres, que je vous prie d'agréer avec autant de plaisir que j'en éprouve à vous les offrir. Vous voudrez en boire parfois à ma santé, et le réssentiment en viendra jusqu'à moi. Je les adresserai à mon fils qui est chez m-r Geiger, afin de vous sauver les embarras de la réception aux douanes et au navire. Il vous les offrira lui-même de ma part. J'aurai encore l'honneur de vous écrire pour vous aviser du départ.

Permettez moi de vous offrir, au nom de mon excellente femme, de mes bons enfants, de tous les miens et de tous ceux qui ont eu ici l'avan-

tage de vous voir, l'hommage de tous les sentiments de haute estime et de reconnaissance que vous savez si bien inspirer. J'y joindrai ceux particuliers d'attachements que vous me permettez de vous consacrer et avec lesquels je ne cesserai d'etre, monsieur le général, etc.

Votre très humble et très obéissant serviteur Moet.

Épernay, 20 Juillet 1821.

Je pense avoir une occasion pour faire partir les quatre caisses au commencement du mois prochain; ainsi elles arriveront avant l'hiver.

Переводъ. Милостивый государь, генералъ! Имѣлъ я удовольстіе черезъ г-на Дюливье получить письмо отъ 1-го Іюня, которымъ вы меня почтили, равно и посылку, вами ему ввѣренную. Я не могъ раньше увѣдомить васъ о получени, находясь въ Ниверпуа, на берегахъ прекрасной Луары, справедливо называемыхъ садомъ Франціи. Я не умѣю вамъ выразить удовольствія, доставленнаго намъ письмомъ вашимъ. Не въ силахъ будучи забыть про время, когда вы были у насъ, мы безпрестанно говорили о васъ и о добромъ генералѣ Раевскомъ. Внимательность, любезность и вѣжливость, которыя вы намъ оказывали въ столь злополучное время, никогда не могутъ быть нами забыты. И теперь вы же, генералъ, благодарите насъ и посылаете г-жѣ Моетъ прекраснѣйшій подарокъ! Она поручаетъ мнѣ быть толмачомъ ея предъ вами и сказать вамъ, что она благодаритъ васъ отъ всего сердца, и до конца дней своихъ будетъ хранить вашъ прекрасный и драгоцѣнный подарокъ, какъ свидѣтельство доброй вашей памяти и дружбы, которую вы продолжаете ей оказывать. У насъ одно желаніе: снова увидѣть васъ и принять у себя въ лучшей противъ прежняго обстановкѣ, безъ лишеній и тревогъ злополучнаго времени.

Г-жа Гюжо получила назначенный ей ящикъ. Ея здѣсь нѣтъ Ее постигли бѣдствія, отъ которыхъ она лишилась своего состоянія. Родные, къ которымъ она уѣхала, берегутъ и утѣшаютъ ее. Что до меня, то я счастливѣе. Всѣ мои убытки покрыты, и по истинѣ сохраненіемъ состоянія моего обязанъ я вашему великому народу. Всѣ иностранцы, посѣщающіе мои погреба, не могутъ надивиться, какъ они уцѣлѣли, и всѣмъ я повторяю, что въ первое нашествіе у меня въ теченіе трехъ мѣсяцевъ стояли казаки, лошади которыхъ днемъ и ночью бывали привязаны къ воротамъ и рѣшеткамъ у погребныхъ входовъ, и ни одинъ казакъ не пытался и даже не просилъ открыть ихъ. Это наилучшая похвала вѣжливости и умѣренности, проявленныхъ въ военное время начальниками, равно какъ и отличной выдержки вашего войска.

Вы такъ добры, что спрашиваете извѣстій о моемъ семействѣ. Долженъ сообщить вамъ, что двѣ мои дочери вышли замужъ, старшая за богатаго собственника въ Бургундіи, а другая за полковника дворцоваго Королевскаго полка. Онѣ обѣ весьма счастливы. У старшей два крошечныхъ

мальчика, и она живетъ со мною. У второй дочери, поселившейся въ Парижѣ, также двое дѣтей, сынъ и дочь. Это прекрасное потомство составляетъ отраду моей жизни. Сынъ мой теперь въ вашемъ городѣ, и я получилъ первое его письмо съ увѣдомленіемъ, что онъ туда прибылъ. Я пишу ему, чтобы онъ имѣлъ честь увидѣть васъ и выразить вамъ лично мою признательность и мои къ вамъ чувства.

Довольно часто получаю я извѣстія отъ г-на генерала Раевскаго, который ежегодно выписываетъ отъ меня винъ, для себя и своихъ друзей. Мы и всѣ наши очень часто говоримъ про васъ и офицерское общество, столь утѣшавшее насъ въ бѣдствіяхъ войны. Къ концу года край нашъ поправился отъ всѣхъ злоключеній, и все населеніе его, терпѣвшее иной разъ обиды отъ солдатъ другой націи, отзывается о вашихъ съ удивленіемъ и признательностью. Жалѣли объ ихъ уходѣ: до того умѣли они подражать своимъ начальникамъ. Эту справедливость надо отдать хорошему гарнизону, которымъ вы здѣсь командовали.

Теперь мнѣ остается попросить у васъ милости. Позвольте мнѣ прислать вамъ не только два ящика лучшихъ моихъ винъ, но еще два другіе, которые прошу васъ принять съ тѣмъ же удовольствіемъ, какое ощущаю я, препровождая ихъ къ вамъ. Вы иной разъ попьете ихъ за мое здоровье, и я буду это чувствовать здѣсь. Я ихъ отправлю къ моему сыну, который у г-на Гейгера, для того, чтобы вамъ не безпокоиться на таможнѣ и на кораблѣ. Онъ самъ вамъ привезетъ ихъ отъ меня, а я буду имѣть честь еще написать къ вамъ, чтобы увѣдомить васъ объ отправкѣ.

Позвольте мнѣ представить вамъ, отъ имени моей отличной жены, моихъ добрыхъ дѣтей, всѣхъ моихъ и ото всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ удовольствіе знать васъ здѣсь, увѣренія въ высокомъ уваженіи и признательности и пр. I. Мостъ. Эпернс, 20 Іюля 1821. Я думаю, что выйдетъ случай отправить четыре ящика въ началѣ слѣдующаго мѣсяца; слѣдовательно, они дойдутъ раньше зимы.

*

Подлинникъ на большомъ почтовомъ листѣ, сложенъ пакетомъ и съ надписью на оборотѣ: Monsieur le général Renny; maison de hardes vis-à-vis le Sénat, № 204. A S-t Pétersbourg. Другою рукой: „Его превосходительству г. генералу Ренни, противъ Сената, № 204“. Сообщено въ „Русскій Архивъ“ внукою Р. Е. Ренни, Александрою Васильевной Протасовой, той самою, которой Москва обязана за большое денежное пожертвованіе въ новостроющійся Музей Изящныхъ Искусствъ, отъ имени покойнаго супруга ея Сергія Яковлевича Протасова. П. Б.

ЕПИФАНСКАЯ СТАРИНА.

I.

Л. Д. Измайловъ.—Остатки Епифанскаго канала.

Въ бытность мою Епифанскимъ предводителемъ дворянства, еще въ началѣ 70-хъ годовъ, я ознакомился съ остатками архивовъ Епифанской дворянской опеки и сравнительно-недавно закрытыхъ уѣзднаго и земскаго судовъ. Хотя я немного особенно интереснаго добылъ изъ нихъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя найденныя мною дѣла не лишены извѣстнаго бытового интереса и рисуютъ провинціальное тогдашнее дворянское житье - бытье довольно ярко.

Къ таковымъ дѣламъ отношу я и дѣло Льва Дмитріевича Измайлова, взятаго въ опеку за жестокое обращеніе со своими крѣпостными людьми. Но объ Измайловѣ такъ много уже писали, что читателямъ историческихъ журналовъ личность эта извѣстна, какъ извѣстны были его легендарныя похожденія и драки съ исправниками, попами, а пуще со своими же крѣпостными людьми. Про Измайлова и про нихъ еще Грибоѣдовъ вложилъ въ уста Чацкому слова:

Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ!
Усердствуя ему въ часы вина и драки,
И жизнь и честь его не разъ спасали, вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки.

Къ слову пришлось: и Грибоѣдовъ посѣщалъ Епифанскій уѣздъ, гдѣ въ селѣ Екатерининскомъ жилъ его пріятель Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ, у котораго и сохранялась подлинная рукопись „Горя отъ ума“. Въ Екатерининскомъ сочинено Грибоѣдовымъ нѣсколько сценъ безсмертной комедіи. Между прочимъ сцена Платона Михайловича съ женой...

Въ Тульскихъ архивахъ вообще объ Измайловѣ мало сохранилось документовъ, ибо по высочайшему повелѣнію императора Николая Павловича въ 1828 году, въ виду продажности присутственныхъ мѣстъ Тульской губерніи, дѣла объ Измайловѣ были переданы въ Рязанскую губернію. Но указъ

этотъ, столь лестный для администраціи и суда Тульской губерніи, сохранился.

Само знаменитое село Хитровщина, гдѣ Измайловъ творилъ свои чудеса и звѣрства, когда-то принадлежало любимцу Петра Великаго Лефорту, коему было подарено царемъ, и самъ царь заѣзжалъ въ Хитровщину, когда бывалъ на работахъ канала, который Петръ проектировалъ для соединенія Дона съ Волгой черезъ Иванъ-озеро. Изъ этого озера выходитъ въ Епифанскомъ уѣздѣ съ одной стороны Донъ, а съ другой рѣка Шатъ, впадающая въ рѣку Упу близъ Тулы, Упа же въ Оку и въ Волгу.

Петръ надѣялся посредствомъ Епифанскаго канала (такъ назывался онъ въ старину), канализируя истоки Шата и Дона, соединить Донъ съ Волгой. Каналъ былъ прорытъ, но не оказался судоходнымъ. Слѣды его видны доселѣ, и нѣкоторые шлюзы сохранились. Иванъ - озеро лежитъ въ 30-ти верстахъ приблизительно отъ Хитровщины. Иванъ - озеро и Куликово поле, на коемъ великій князь Дмитрій Іоанновичъ разбилъ полчища Мамая, принадлежатъ къ первѣйшимъ достопримѣчательностямъ Епифанскаго уѣзда. Въ церкви села Монастырщины, при впаденіи Непрядвы въ Донъ, построенной на братской могилѣ павшихъ 8-го Сентября 1380 года воиновъ, сохранились царскіе золотые врата, присланные великимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ изъ Москвы. Преданіе гласитъ, что Донской монастырь предполагали построить на мѣстѣ, гдѣ теперь Монастырщинская церковь; но вдова Дмитрія Іоанновича Евдокія передумала и построила монастырь въ Москвѣ. По случаю 500-лѣтія Куликовской битвы пожертвованы были новые царскіе врата въ Монастырщинскую церковь въ 1880 году, такіе же какъ бывшіе, государемъ Александромъ III (тогда наслѣдникомъ-цесаревичемъ).

II.

Литературный процессъ Епифанскихъ дворянъ 1827 года.

Въ сѣверной части Епифанскаго уѣзда, недалеко отъ границы Михайловскаго уѣзда Рязанской губерніи, верстахъ въ 12 отъ Хитровщины и 35 отъ Иванъ-озера, лежитъ село Клекотки, издавна населенное однодворцами, село, въ коемъ и доселѣ три господскія усадьбы помѣщиковъ средней руки и одна четвертая богатаго владѣльца С-ва. Теперь близъ Клекотокъ построена желѣзнодорожная станція того же имени, слѣдующая за Епифанью, когда ѣдешь по Сызрано-Вяземской желѣзной дорогѣ отъ Тулы къ Ряжску. Это торговый пунктъ и пользуется уже благами просвѣщенія, а въ 1827 году, въ коемъ произошло нижеописуемое происшествіе, это была порядочная глушь. Жили въ Клекоткахъ разные помѣщики и въ томъ числѣ отставныхъ два военныхъ брата, Дмитрій и Петръ Ѳедоровичи Страховы со своею матерью-старушкой, кои своимъ писаньемъ и вызвали уголовное дѣло, производившееся въ Епифанскихъ судахъ, уѣздномъ и земскомъ, въ архивѣ коихъ я оное и обозрѣлъ. Уголовный процессъ разыгрался между Клекотковскими дворянами братьями Страховыми съ одной и штабсъ - капитаномъ

Ефимомъ Артамоновымъ Нечаевымъ и женою мѣщанина Ольгой Александровной Колосовой съ другой (Колосова была изъ дворянъ Левашевыхъ за мужемъ за Московскимъ мѣщаниномъ Колосовымъ). Сосѣдъ братьевъ Страховыхъ (отставныхъ военныхъ) былъ нѣкто штабсъ-капитанъ Ефимъ Артамоновичъ Нечаевъ, который своимъ пьянствомъ и дебоширствомъ, какъ выражались въ старину, надоѣдалъ и причинялъ непріятности сосѣдямъ, такъ что старушка Страхова уже однажды жаловались на него исправнику Епифанскому Панову, и земскій судъ командировалъ въ Клекотки засѣдателя своего и кавалера (Нечаева, родного брата жившаго въ Клекоткахъ Ефима) для вразумленія Ефима Артамоновича Нечаева, таскавшагося съ церковнымъ причтомъ села Клекотокъ по крестинамъ и свадьбамъ и пугавшаго своими выходками сосѣдей, въ томъ числѣ и мать Страховыхъ. И вотъ вздумалъ Петръ Страховъ воспѣть въ стихахъ, и весьма пространныхъ, своего сосѣда Ефима Нечаева подъ именемъ Ефима Нечесы и также Ольгу Колосову, жену мѣщанина Колосова, имѣя въ виду экстравагантность ея, своеобразные костюмы и неравный бракъ дворянки съ мѣщаниномъ. Страховъ выставилъ обоихъ въ весьма неприглядномъ видѣ. Писанье стиховъ вообще было въ модѣ между тогдашними помѣщиками. Кто кто, послѣ 1812 года и подъ обаяніемъ Пушкина, не писалъ стишковъ въ то романтичное время, а Тульская губернія особенно отличалась своими литературными произведеніями и поэзіей, такъ что въ рѣдкой усадьбѣ не было доморощеннаго піиты.

Стихи Петра Страхова представляютъ собою довольно толстую тетрадь in 4, прекраснымъ почеркомъ переписанную, такъ что читается она какъ печатанная и въ сущности обнимаетъ лишь два періода цѣлой поэмы, обѣщанной читателямъ; но окончанію ея не пришлось видѣть свѣта Божьяго вслѣдствіе начатаго уголовнаго дѣла объ оскорбленіи чести лицъ, воспѣтыхъ въ двухъ первыхъ частяхъ поэмы. Уголовное дѣло было начато Нечаевымъ и Колосовою противъ братьевъ Страховыхъ, отчасти и противъ матери ихъ и жившаго у нихъ въ домѣ семинариста, дьячковскаго сына изъ села Мочилъ Веневскаго уѣзда, Якова Михайлова Прозоровскаго. Послѣдняго подозрѣвали въ перепискѣ стиховъ, такъ какъ прекрасный почеркъ не былъ руки Страхова. Въ заглавіи тетрадки написано: „Дѣянія знаменитѣйшихъ мужей, владѣтелей участныхъ, въ странѣ Клекоткахъ, на Сѣверѣ лежащей, и современная исторія ихъ 1827 г.“ съ виньеткой, изображающей пляшущаго господина съ бутылкою въ рукахъ, которую онъ прижимаетъ къ сердцу. Тетрадь эту, въ большомъ конвертѣ, запечатанную пятью печатями, Страховъ, послѣ обѣдни 24 Апрѣля въ церкви с. Клекотокъ, отдалъ, съ шутовски написаннымъ адресомъ на имя сосѣда же своего Жильцова, крестьянину такъ же сосѣда въ Клекоткахъ Зыкова, Савелью Шароухову. Сей послѣдній, взявъ конвертъ для доставленія, и не заставъ дома Жильцова, отдалъ конвертъ своему помѣщику Зыкову, въ домѣ коего Жильцовъ квартировалъ, а Зыковъ не постѣснился распечатать конвертъ и прочесть вложенные въ него стихи. Послѣ сего онъ написалъ

г-жѣ Страховой по этому поводу письмо, а самую тетрадь со стихами передалъ Нечаеву и Колосовой, вслѣдствіе чего весь сыръ боръ и загорѣлся. На вопросъ, почему онъ открылъ не ему адресованный конвертъ, Зыковъ отозвался, что сдѣлалъ это потому, что конвертъ былъ запечатанъ *не гербовою печатью,* а по срединѣ рублевою монетою, а по четыремъ концамъ 2-хъкопеечною мѣдяшкой. Страховъ же утверждалъ, что конвертъ былъ печатанъ его печатью и кто перепечаталъ его монетами, неизвѣстно. Но между строкъ видно, что причиною всего дѣла, должно быть, былъ прапорщикъ Зыковъ, распечатавшій чужой конвертъ и сообщившій содержаніе стиховъ Нечаеву и Колосовой, которые узнали себя въ Ефимѣ Нечеѣ и проч. Оба они и подали въ Маѣ 1827 года жалобу на братьевъ Страховыхъ въ Епифанскій уѣздный судъ, обвиняя ихъ въ оскорбленіи чести стихами и требуя, чтобы со Страховыми было поступлено по всей строгости уголовныхъ законовъ, при чемъ представили въ судъ какъ тетрадь со стихами, позорящими ихъ честь, такъ и самый конвертъ, въ коемъ находились тѣ стихи.

Получивъ обѣ жалобы Нечаева и Колосовой, Епифанскій уѣздный судъ началъ дѣло противъ Страховыхъ.

Приводимъ дословно журналъ Епифанскаго уѣзднаго суда отъ 29 Іюля 1827 года, по сему, если можно такъ выразиться, литературному дѣлу.

1827 года Іюля 29-го дня, въ Епифанскомъ уѣздномъ судѣ, въ журналѣ записано. Сей уѣздный судъ, разсматривая дѣло, производимое по поданнымъ въ сей судъ, сего года Мая 27-го дня, прошеніямъ отъ живущихъ здѣшняго уѣзда въ селѣ Клекоткахъ, отставнаго штабсъ-капитана Ефима Артамонова Нечаева и изъ дворянъ мѣщанской жены Ольги Александровой Колосовой, о поступленіи по законамъ порядкомъ уголовнаго суда со штабсъ-ротмистромъ Димитріемъ и подпоручикомъ Петромъ Ѳедоровыми Страховыми за сочиненіе въ поношеніе чести ихъ стиховъ, которыми прошеніями прописывали: Нечаевъ, что сего года, Апрѣля 24 числа, живущіе въ селѣ Клекоткахъ штабсъ-ротмистръ Дмитрій Ѳедоровъ сынъ Страховъ, бывши того числа въ церкви, во время литургіи, вмѣстѣ съ братомъ его подпоручикомъ Петромъ Страховымъ и живущимъ у нихъ Страховыхъ для обученія дѣтей семинаристомъ, уроженцемъ Веневскаго уѣзда, села Мочилъ, Яковымъ Михайловымъ, и по окончаніи литургіи оный штабсъ-ротмистръ Димитрій Страховъ отдалъ тому учителю Михайлову конвертъ, который тотъ конвертъ отдалъ крестьянину капитана Нила Зыкова, Савелью Широухову, и приказалъ доставить по надписи жительствующему у Зыкова прапорщику Жильцову; и какъ по приносѣ означеннымъ крестьяниномъ Широуховымъ того конверта Жильцова въ домѣ не было, то онъ Широуховъ тотъ конвертъ и отдалъ означенному господину его, Зыкову, и какъ оный конвертъ былъ запечатанъ пятью печатями, а именно въ срединѣ клеймомъ серебрянаго рубля, а по угламъ клеймомъ мѣдной 2-хъ копеечной

монеты: то означенный г. Зыковъ распечаталъ оный пакетъ и нашелъ въ ономъ тетрадь, въ коей были *первая*, надпись: *„Дѣянія знаменитыхъ мужей владѣтелей, участныхъ въ странѣ Клекоткахъ, на Сѣверѣ лежащей, и современная исторія ихъ 1827 года“*. На второмъ листѣ той тетради: „Его благородію милостивому государю Степану Потаповичу Жильцову, члену Академіи Наукъ и Художествъ, профессору Астрологіи и Физики и прочихъ изящныхъ наукъ, приношеніе“, что̀ совершенно ему Жильцову не принадлежатъ, слѣдовательно, очевидная есть насмѣшка. На томъ же листкѣ на оборотѣ написано: „Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ цензурный комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для цензурнаго комитета, другой для департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ“. На третьемъ листѣ писано къ неизвѣстному лицу относительно пріема предложенія; на четвертомъ заглавіе къ читателямъ, и изъ смысла и словъ въ странѣ Клекоткахъ должно разумѣть насмѣшку жителямъ онаго селенія. На оборотѣ пятаго — портретъ человѣка съ бутылкою и подписью: *„Ефимъ Нечеса“* и проч. На шестомъ— начало современной исторіи, написано стихами, въ коихъ смыслъ насмѣшной и описаніе разбойника, и все оное отнесено къ имени Ефима Нечаева, названнаго въ сихъ стихахъ „нашъ сосѣдъ“. Имя Ефимъ уподоблено нечистому духу, вѣдьмѣ и прочему злому творенію. Во второмъ отдѣленіи заглавіе—періодъ второй, также писаны стихи, и ими описано происхожденіе пожилой женщины изъ рода Левашевыхъ и замужество ея съ Грецовымъ. Потомъ описаны въ весьма развратномъ и поносительномъ видѣ дочери ея Акулина и Ольга; все оное въ селѣ Клекоткахъ. А потомъ разные пороки Колосова и подобіе имъ — описаніе гонителя православной христіанской вѣры. Почему онъ Зыковъ, видѣвши эти дерзости, и писалъ къ матери ихъ Страховыхъ, того жъ 24 числа, письмо, которая въ отвѣтъ прислала къ нему Зыкову, съ его же человѣкомъ, письмо, писанное рукою кого-либо изъ дворовыхъ ея людей, въ коемъ писано о тѣхъ стихахъ, о ругательствѣ его Колосова, что̀ самое и доказываетъ вымышленіе тѣхъ стиховъ ими, господами Страховыми. Почему онъ, господинъ Зыковъ, того же числа позвавъ его, господина Нечаева и мѣщанина Колосова, тотъ конвертъ со стихами и письмомъ отдалъ ему Нечаеву, поелику содержаніе тѣхъ стиховъ во всѣхъ частяхъ отнесено было къ нему, Нечаеву, и женѣ мѣщанина Колосова. А послѣдняя, Колосова, что въ означенныхъ стихахъ Страховыми описана она, Колосова, якобы рождала бывши еще въ дѣвушкяхъ, уподоблена Мегерѣ, подземнымъ фуріямъ развратности; да и въ письмѣ, писанномъ матерью Страховыхъ къ капитаншѣ Авдотьѣ Павловнѣ Зыковой, дѣлано ей, Колосовой, ругательство, которое письмо въ случаѣ требованія въ поношеніе чести ихъ, Нечаева и Колосовой, стихи и письмо къ Зыкову присланное съ человѣкомъ его, отъ г-жи Страховой при сихъ прошеніяхъ представили.— Противъ сего поданные штабсъ - ротмистру Дмитрію и подпоручику Петру Страховымъ вопросные пункты въ отвѣтахъ изъяснили: 1) Дмитрій, что

онъ на просителей Нечаева и мѣщанку Колосову никогда таковыхъ стиховъ не сочинялъ, ни къ посрамленію ихъ чести никогда и нигдѣ не касался, а потому и приклеенная картинка съ надписью *Ефимъ Нечеса штабсъ-капитанъ въ кабакѣ,* равно какъ и перепечатанный конвертъ пятью печатями, сдѣланъ не знаетъ кѣмъ, и будучи 24 Апрѣля 1827 г. въ церкви у литургіи, по окончаніи коей тотчасъ возвратился домой и въ означенномъ конвертѣ, онъ Дмитрій Страховъ не имѣлъ ни малѣйшаго участія; ибо онъ Дмитрій всячески старался убѣгать г-на Нечаева: ибо онъ, будучи поведенія самаго дурного, отчего неоднократно ему, Дмитрію, случалось терпѣть отъ его ругательствъ; но онъ Дмитрій пренебрегалъ. Тоже сего года Апрѣля 3 го числа, мать его, Страхова, проѣзжала черезъ село Клекотки къ вечернѣ, поравнялись съ домомъ Алтухова, гдѣ находились означенный г-нъ Нечаевъ и мѣщанинъ Колосовъ. Едва увидавъ коляску, какъ кто изъ нихъ, не знаетъ, выбилъ окошко, началъ кричать и ухать во все горло, матери его, будучи тѣмъ такъ обижена, что вернулась и разсказала ему Дмитрію все происшедшее и просила узнать тому причину. Вслѣдствіе чего онъ Дмитрій Страховъ отправился въ домъ Алтухова и вызывалъ Колосова, но тотъ спрятался, а вышелъ штабсъ-капитанъ Нечаевъ смертельно пьяный въ самомъ развратномъ видѣ, почему онъ и счелъ за нужное и лучшее удалиться. А послѣдній, подпоручикъ Петръ, что представленные въ сей судъ отъ просителей Нечаева и Колосова стихи и картина съ надписью „Ефимъ Нечеса штабсъ-капитанъ въ кабакѣ, періодъ первый и второй“ и все прописанное онъ Петръ Страховъ одинъ сочинялъ и переписывалъ и, запечатавъ конвертъ собственными своими печатями, адресовалъ на имя Жильцова, но кто оный конвертъ рублевикомъ и грошевиками перепечаталъ, не знаетъ и Апрѣля 24-го числа, по окончаніи литургіи и даже внѣ погоста вручилъ не братъ его штабсъ-ротмистръ Дмитрій и не семинаристъ Яковъ Михайловъ Прозоровскій, но онъ, Петръ, самъ крестьянину помѣщицы Зыковой Савелью Широухову для доставленія по адресу Жильцову, живущему у нихъ, господъ Зыковыхъ, не для выпуска въ свѣтъ, но по надѣянности на вышесказаннаго Жильцова, что онъ, прочитавъ оное, не передастъ ихъ кому-либо. Сочинялъ ихъ и переписывалъ онъ Петръ Страховъ, для собственныхъ забавъ, но не для публичнаго оглашенія. Причины, побудившія его, Петра Страхова къ тому, были слѣдующія:

1) Сего года Апрѣля 3-го числа, т. е. въ первый день Пасхи, мать его, проѣзжая къ вечернѣ мимо дома Николая Борисова Алтухова, гдѣ находились Ефимъ Артамоновъ сынъ Нечаевъ съ мѣщаниномъ Иваномъ Гавриловымъ сыномъ Колосовымъ, упражняясь въ развратѣ и пьянствѣ, когда же его мать, успѣвъ лишь поровняться съ домомъ тѣмъ, упомянутый мѣщанинъ Колосовъ, выбивъ окончину, сопровождалъ ее крикомъ и уханьемъ. Вслѣдъ за тѣмъ братъ его Петра, отставной штабъ-ротмистеръ Дмитрій, желая узнать причину оскорбленія, нанесеннаго имъ матери ихъ, пріѣхавъ къ тому дому, просилъ его выйти, на каковой вызовъ мѣщанинъ Колосовъ,

не хотѣвъ показаться, укрылся. Товарищъ же его шт.-кап. Нечаевъ, выбѣжавъ въ развратномъ и буйномъ видѣ, произносилъ брату его оскорбительныя слова. Братъ же его, Петра, Дмитрій почелъ приличнымъ презрѣніе и удалился.

2) Того же Апрѣля 5 числа, мать его Петра, ѣхавши къ маіоршѣ Максимовой по улицѣ, на коей происходила драка между отставнымъ шт.-кап. Нечаевымъ и отставнымъ кап. Зыковымъ и мѣщаниномъ Колосовымъ, при чемъ Нечаевъ преслѣдовалъ ее крикомъ и бранными словами, почему, не желая переносить таковыя обиды и къ предохраненію впредъ могущихъ произойти, къ избѣжанію таковаго буйства, мать написала къ Епифанскому исправнику письмо, описывая буйство Нечаева и Колосова, по поводу чего былъ присланъ дворянскій засѣдатель, сказаннаго Нечаева родной братъ, маіоръ и кавалеръ Нечаевъ и нашелъ справедливою оную жалобу. Онъ же Петръ оными стихами обезчестить его не могъ, когда онъ своимъ поведеньемъ давно уже себя обезчестилъ, и имя Ефима Нечесы не самъ ему Нечаеву далъ, а слышалъ, проѣзжая селомъ Клекотками, отъ шедшихъ мужиковъ съ нимъ же изъ кабака, кои его симъ именемъ называли. И могутъ ли безславить его Петра Страхова стихи того дворянина, который неоднократно дрался въ кабакѣ, гдѣ ведетъ картежную игру, изъ чего не разъ случались драки; и ходитъ съ церковнымъ причтомъ на крестины къ однодворцамъ, гдѣ, упиваясь до безчувственности, дѣлаетъ разныя неприличности? Таковые дѣлаемые имъ неприличные поступки посрамляютъ званіе дворянина и безславятъ дворянское достоинство, о чемъ могутъ показать подъ присягою священникъ села Клекотокъ Симеонъ Сергѣевъ и онаго села виноторговецъ Иванъ Никитинъ, а сверхъ того, что Нечаевъ пьяной жизни, то оные также уповательно не отрекутся подтвердить близъ с. Клекотокъ живущіе дворяне, даже родственникъ его, заслуженный и удрученный на полѣ брани отъ ранъ двоюродный его Нечаева братъ, маіоръ и кавалеръ Николай Ивановъ, сынъ Максимовъ, который самъ отъ буйствъ его терпитъ многія безпокойства.

Относительно же мѣщанской жены Колосовой, что она бывши дѣвушкой рождала, несбыточное дѣло, то сіе онъ, Петръ, не въ поношеніе ея чести писалъ, а выражалъ, какъ она, бывши еще дѣвушкой, была рѣзва, гадала на святкахъ, съ замѣтнымъ вкусомъ всегда одѣвалась. Служитъ ли сіе къ поношенію? Къ единому смѣху. Написанное же, что его, Петра Страхова, печатать дозволяется цензурнымъ комитетомъ съ представленіемъ экземпляровъ въ цензурный комитетъ для Императорской публичной библіотеки и проч.: то сіе онъ Петръ выписалъ изъ книгъ допрежде, а нечаянно вмѣстилъ оное въ его Страхова стихи; къ тому жъ сія статья подписывается членомъ онаго комитета, а въ его не подписано никѣмъ.

Сказано въ заглавіи 3-го періода нападеніе и гоненіе на православную Грекороссійскую церковь; подъ тѣмъ онъ Петръ Страховъ разумѣлъ ихъ Нечаева и Колосовой распри съ церковнымъ причтомъ.

Приказали: Епифанскому земскому суду съ прописаніемъ всего вышепрописываемаго, предписать указомъ и велѣть отобрать объясненіе: Во 1-хъ отъ шт.-кап. Ефима Нечаева, такъ ли точно онъ ведетъ ббразъ жизни, какъ Страховы въ отвѣтахъ пишутъ; дѣлалъ ли онъ сего года Апрѣля 3 и 5 чиселъ матери Страховыхъ, титулярной совѣтницѣ, непріятности, значащіяся въ оныхъ же отвѣтахъ? Во 2-хъ, отъ означенной г-жи Страховой, какія ей оскорбленія дѣлалъ сказанный Нечаевъ, Апрѣля 3 и 5 чиселъ; кто сему свидѣтели, и не была ли она сама поводомъ къ сочиненію ругательскихъ стиховъ, написанныхъ сыномъ ея, Петромъ Страховымъ; также кѣмъ писано изъ людей ея къ капитану Нилу Дмитріеву Зыкову, представленное Нечаевымъ и Колосовой письмо? Буде сіе письмо съ приказанія ея, то кого именно назвала пьяными Клекотовскими бродягами? И въ случаѣ, если Страхова въ томъ отзовется незнаніемъ, то сдѣлать дознаніе, не имѣется ли у кого изъ рукъ ея людей съ тѣмъ письмомъ, для чего его въ подлинникѣ препроводить въ земскій судъ. Также потребовать оному суду отъ просительницы Колосовой, коя обязалась представить въ судъ и еще другое писанною оною Страховою къ капитаншѣ Зыковой въ ругательствѣ ея письмо и какое также, что̀ будетъ нужно, Страхова объяснила-бы. Потомъ противъ оныхъ и всего вышеобъясненнаго отобрать къ посылкѣ ихъ отъ маіора Максимова, дворянина Алтухова и отъ священника и еще виноторговца Никитина, семинариста Прозоровскаго, мѣщанина Колосова, крестьянина Широухова и прочихъ людей, что̀ откроется, нужнымъ, отъ кого въ чемъ слѣдуетъ показаній и въ случаѣ давать очныя ставки, для чего означенныхъ: священника, причтъ его, семинариста Прозоровскаго и виноторговца Никитина истребовать оному суду, отколь слѣдуетъ, при депутатахъ. Также отъ г-на исправника Панова и дворянскаго засѣдателя Нечаева потребовать свѣдѣніе въ томъ: г. Страхова о какихъ буйствахъ Ефима Нечаева писала изъ нихъ къ первому, а что по развѣдыванію послѣднихъ дознано? И, наконецъ, какъ объ шт.-кап. Нечаевѣ, такъ и постороннихъ, какого они поведенія, произвести повальные обыски: во 1-хъ черезъ жителей села Клекотокъ, во 2-хъ черезъ дворянъ Епифанскаго уѣзда. А какъ для бытія при приводѣ къ присягѣ свидѣтелей, такъ и къ повальному обыску призванныхъ людей означенные Дмитрій и Петръ Страховы должны находиться и подъ присяжными листами подписываться, что они при приводѣ были, то они Страховы обязаны подпискою, чтобы изъ города Епифани не отлучались до рѣшенія дѣла, и въ сей судъ каждодневно являлись; а потому объявить тѣмъ Страховымъ чтобы они до окончанія производства слѣдствія въ земскомъ судѣ являлись уже въ тотъ судъ, о чемъ оному дать знать и велѣть, чтобы тотъ судъ, при производствѣ слѣдствія поступилъ согласно Уложенія 10 главы 158—161 и 173 ст. Воинскаго Процесса 2 части главы III—6 и 7 ст. и указовъ 1753 г. Іюля 30 и 1806 г. Іюля 30 чиселъ и открылъ бы онымъ: 1) не участвовали ли въ сочиненіи тѣхъ стиховъ кромѣ Петра Страхова и братъ его Дмитрій, мать его, или кто еще изъ семейства его, также семинаристъ Прозоровскій? 2) оный Прозоровскій получилъ ли конвертъ къ прапорщику

Жильцову отъ кого именно и съ какими печатями. 3) Что̀ дѣлаетъ Нечаевъ, ходя съ церковнымъ причтомъ на поминки, и дѣйствительно ли онъ ходитъ въ кабакъ, дерется и играетъ въ карты и 4) Какія точно непріятности дѣлаетъ онъ Нечаевъ Страховымъ? И по окончаніи оное слѣдствіе доставить въ сей судъ.

Подлинный за подписомъ всѣхъ присутствующихъ и за скрѣпкой секретаря.

*

Такимъ образомъ шуточные стишки Петра Страхова начали облекаться въ нешуточное дѣло, особенно въ виду озлобленія жалующихся, которые придавали какое-то особенное значеніе надписи, сдѣланной на первыхъ страницахъ тетради (дозволено цензурою и пр.) и хотѣли сдѣлать изъ этого что-то въ родѣ подлога или тому подобное, хотя видно было, что Страховъ ничего серьезнаго не затѣвалъ, пославъ, шутки ради, тетрадь со стихами Жильцову, чествуя его профессоромъ Астрологіи, и не будь Зыкова все бы обошлось благополучно. Да и для Нечаева, при всей его безобразной жизни, не особенно былъ пріятенъ повальный обыскъ, результаты коего не оказались благопріятны для него Ефима. Кромѣ друзей его и церковнаго причта, съ коимъ онъ таскался на поминки да на свадьбы, народъ вообще отозвался неодобрительно о немъ; общій отзывъ былъ таковъ: посѣщаетъ, молъ, частенько кабакъ и картежничаетъ. Къ присягѣ приводилъ всѣхъ сосѣдняго села священникъ изъ Нагишей, и опросъ дѣлалъ самъ исправникъ Пановъ. Неизвѣстно, какой изо всего этого выводъ сдѣлалъ бы уѣздный судъ, а вообще въ то время съ судами опасно было вѣдаться. Дворовый человѣкъ, лакей Страховыхъ, подъ присягою подтвердилъ, что Ефимъ Нечаевъ оскорбилъ его госпожу и Дмитрія Страхова. Все это не обѣщало ничего хорошаго, тѣмъ болѣе, что о Страховыхъ отзывъ былъ хорошій. И смирилися Ефимъ Нечаевъ и Колосова, да подали въ Октябрѣ 1827 г., когда результаты слѣдствія стали выясняться въ пользу Страховыхъ, прошеніе въ Епифанскій уѣздный судъ о прекращеніи дѣла миромъ. Для поддержанія собственнаго достоинства въ прошеніи своемъ они мотивировали мировую просьбою старухи Страховой, титулярной совѣтницы, якобы умолявшей Колосову и Нечаева прекратить дѣло съ ея сыновьями, такъ какъ ей на старости лѣтъ тяжело видѣть сыновей своихъ подъ судомъ.

На этомъ и кончилось дѣло со стихами Страхова, взволновавшее было мирныхъ обитателей Епифанскаго уѣзда вообще, а обывателей Клекотокъ въ особенности. Но что дѣло надѣлало немало шуму въ свое время, я сужу по тому, что̀ мнѣ разсказывалъ о немъ старикъ-чиновникъ въ началѣ 70-хъ годовъ, то-есть лѣтъ почти полвѣка послѣ происшествія въ Клекоткахъ, и съ его словъ я сталъ искать и нашелъ въ архивѣ дѣло объ оскорбленіи чести гг. Нечаева и Колосовой стихами, сочиненными Петромъ Страховымъ *).

Князь Дмитрій Оболенскій.

Сентябрь 1898 года.

*) Стихи безграмотны и потому не печатаются. П. Б.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ Г. В. ГРУДЕВА.

12-го Декабря 1895 года скончался въ Москвѣ тайный совѣтникъ Геннадій Владимировичъ Грудевъ, не доживъ десяти мѣсяцевъ до столѣтняго возраста. Онъ родился 21 Октября 1796 года, т.-е. еще при Екатеринѣ II-й. Имя этого почтеннаго человѣка и достопамятнаго общественнаго дѣятеля хорошо извѣстно не только въ Москвѣ и Петербургѣ, но также и во многихъ городахъ Россіи. Не оставилъ онъ послѣ своей многотрудной жизни никакихъ письменныхъ воспоминаній. Много разъ друзья просили его диктовать свои записки, но онъ отвѣчалъ, что другаго рода надо оставлять по себѣ воспоминанія (добрыя дѣла), а въ своихъ запискахъ легко и незамѣтно можно восхвалить себя.

Въ «Русскомъ Архивѣ» 1896 года (тетр. 1-я) напечатанъ очеркъ жизни Г. В. Грудева. Здѣсь приводимъ его записку объ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, продиктованную имъ по желанію одного высокопоставленнаго лица, и нѣкоторые его разсказы, записанные жившею съ нимъ его родственницею.

*

Усиливаюсь вспомнить нѣкоторые случаи, доставившіе мнѣ счастіе видѣть частнымъ образомъ императрицу Елисавету Алексѣевну, супругу императора Александра I-го. Крайне сожалѣю, что старость ослабила мою память, и я, вѣроятно, не вполнѣ точно представлю то, что̀ передамъ. Послѣ великихъ военныхъ событій 1812—1814 годовъ многія семейства осиротѣли. Желая помочь имъ, императрица Елисавета Алексѣевна образовала въ Петербургѣ, съ очень малыми средствами, *Патріотическое Общество*, главными учрежденіями котораго явились *Патріотическій Институтъ* для дѣвицъ-дворянокъ и *Домъ Трудолюбія* нынѣ *Елисаветинскій Институтъ* (для дѣвицъ разныхъ сословій). Помощницей себѣ Императрица избрала княгиню Варвару Алексѣевну Репнину (ур. графиню Разумовскую). Но та вскорѣ уѣхала въ Полтаву, куда мужъ ея былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, и ее замѣнила сестра ея, Екатерина Алексѣевна Уварова, супруга тогдашняго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, Сергія Се-

меновича Уварова, въ канцеляріи котораго я находился въ это время на службѣ. Это было въ 1817 году. Начальницею Дома Трудолюбія была баронесса Ховенъ, а дѣлопроизводителемъ извѣстный Александръ Ивановичъ Тургеневъ, тогда директоръ департамента духовныхъ дѣлъ. При учрежденіи Дома Трудолюбія, для него наняли на Васильевскомъ островѣ домъ генерала Яхонтова, но безъ подробной описи. Когда черезъ пять лѣтъ пришлось мѣнять этотъ домъ, то Яхонтовъ началъ тяжбу о поврежденіяхъ дома въ суммѣ болѣе 20 тысячъ. Е. А. Уварова, по приказанію Императрицы, взяла всѣ дѣла у Тургенева и поручила мнѣ разобрать ихъ, такъ какъ я уже пользовался довѣріемъ ея супруга. Разсмотрѣвъ всѣ документы, касающіеся этого учрежденія, контрактъ по найму дома и бумаги по возникшему иску, я увидѣлъ, что взысканіе за неисправности въ домѣ, по освидѣтельствованію суда, были законныя: рѣшеніе вошло въ полную силу, такъ какъ всѣ сроки по объявленію рѣшенія остались безъ отвѣта со стороны канцеляріи Дома Трудолюбія.

Вотъ поводъ, по которому однажды я былъ призванъ въ кабинетъ Е. А. Уваровой, гдѣ находилась тогда и императрица Елисавета Алексѣевна. Она сидѣла въ глубинѣ комнаты и подъ вуалью, такъ какъ тогда у нея уже начиналась раздражительность кожи на лицѣ. Тутъ я доложилъ, что безъ особаго высочайшаго повелѣнія нельзя опровергнуть взысканія. Уварова по-французски говорила Императрицѣ, что нужно просить Государя или объ этомъ, или объ уплатѣ требуемыхъ Яхонтовымъ денегъ. Императрица то и другое отвергла, чтò и показало, какъ мало она надѣялась на успѣхъ дѣла въ этомъ направленіи. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, деньги присланы были Императрицей съ довѣреннымъ ея камердинеромъ Крыловымъ.

Бывая ежедневно по службѣ моей въ домѣ С. С. Уварова, я довольно часто видалъ Императрицу, которая посѣщала его супругу (бывшую ея фрейлину) въ Петербургскомъ ея домѣ и на дачѣ на Петербургской сторонѣ, на рѣчкѣ Карповкѣ. Помню особенно одинъ случай. Карета ея величества завязла въ одномъ изъ немощеныхъ проѣздовъ Каменноостровскаго проспекта, о чемъ узнали на дачѣ Уваровыхъ и послали легкій экипажъ, въ которомъ и пріѣхала Императрица съ дамой, ее сопровождавшей. Ни одного слова гнѣва или неудовольствія не слышали отъ нея; напротивъ, она просила Уваровыхъ никому не говорить о случившемся, чтобы не пострадали ея люди.

Въ памяти моей сохранился еще одинъ случай. Это концертъ, данный Патріотическимъ Обществомъ въ филармонической залѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Кусовниковыхъ, нынѣ Кононова, у Полицейскаго моста. Присутствовали ихъ величества, вся императорская

фамилія и вся Петербургская знать. Весь городъ находился еще подъ обаяніемъ патріотическихъ чувствъ, послѣ окончанія Отечественной войны. Въ Петербургѣ была тогда знаменитая пѣвица Каталани. Кромѣ Итальянскихъ арій, она пропѣла по-русски популярнѣйшій въ то время романсъ Державина на возвращеніе императора Александра І-го изъ-за границы.

Ты возвратился, благодатный,
Нашъ кроткій Ангелъ, лучъ сердецъ!
Намъ возсіялъ твой ликъ прекрасный,
Нашъ царь, Отечества отецъ!

Необыкновенное пѣніе талантливѣйшей пѣвицы, въ присутствіи того, къ кому обращены восторженныя слова, произвело въ собравшихся восторгъ невообразимый. Затѣмъ г-жа Лунина и вдова генерала Уварова (помолвленная за полковника Льва Алексѣевича Перовскаго) играли на двухъ фортепіано. Участвовалъ еще молодой скрипачъ Львовъ, будущій сочинитель духовной музыки; потомъ дѣвица Колосова, только-что возвратившаяся изъ-за границы и впослѣдствіи вышедшая замужъ за трагика Каратыгина, исполнила драматическую сцену. Игралъ придворный оркестръ и пѣлъ полный хоръ придворной пѣвческой капеллы, въ парадныхъ кафтанахъ и въ напудренныхъ парикахъ, подъ управленіемъ регента ихъ, знаменитаго Бортнянскаго. Этотъ концертъ доставилъ значительную сумму. По приказанію Императрицы, онъ устроенъ былъ Уваровою, а я былъ однимъ изъ ея помощниковъ. Въ день концерта мнѣ поручено было наблюденіе за раздачею входныхъ билетовъ. Наканунѣ концерта, когда всѣ билеты уже были розданы, многіе предлагали, какъ пожертвованіе, по 100 и по 200 р. за право стоять, гдѣ бы то ни было. Главный интересъ, безъ сомнѣнія, составляла возможность видѣть разомъ и близко всю царскую фамилію и обожаемаго героя Европы, Александра І-го*). Величественное благодушіе и высокое спокойствіе на лицѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны внушали всякому благоговѣйный восторгъ. Въ селѣ Порѣчьѣ графовъ Уваровыхъ находится ея портретъ, работы Дау, чрезвычайно близкій къ оригиналу: тоже спокойное, но какъ будто грустное выраженіе.

*

*) Не разъ случалось мнѣ слышать отъ Г. В. Грудева, какъ въ Петербургѣ нарочно собирались къ тому мѣсту на Невской набережной, гдѣ Государь, окончивъ свою пѣшую прогулку, садился въ коляску. Коляска была съ откидною подножкою; ставъ на нее одною ногою, Александръ Павловичъ изящно оборачивался и милостиво раскланивался съ народомъ. Старики всю жизнь помнили про обаяніе его улыбки, а Сперанскій отзывался про него: сущій прельститель! П. Б.

Костромичка Клавдія Θедоровна Нелидова, рожденная Челищева, пріѣхала въ Петербургъ хлопотать по тяжебному дѣлу. Ей объяснили, что дѣло очень трудное и нужно обратиться къ самому Аракчееву, который тогда былъ все. Какъ приступить къ нему, она не знала. Одинъ изъ сослуживцевъ Г. В. Грудева сказалъ ему, что у Аракчеева пріемъ въ 6 часовъ утра, и кладутъ прошенія въ окошечко. Геннадій Владимировичъ отправился на Литейную, въ собственный домъ Аракчеева. (На мѣстѣ этого дома теперь огромное зданіе офицерскаго собранія всѣхъ гвардейскихъ полковъ). Войдя въ домъ, Грудевъ нашелъ все въ стрункѣ, все на чеку въ 6 часовъ утра. Миновавъ нѣсколько комнатъ, Грудевъ достигъ той, гдѣ, дѣйствительно, находилось небольшое окошечко, задернутое зеленою занавѣской. Нѣсколько времени спустя, окошечко открылось, и въ немъ появилась рука самого Аракчеева, которая и взяла прошеніе. Скоро по этой просьбѣ послѣдовало удовлетворительное разрѣшеніе. Въ другихъ комнатахъ находилось множество генераловъ и разныхъ сановниковъ, которые должны были записываться въ книгу; случилось, что эти лица приходили по семи разъ и по семи разъ записываться, пока Аракчеевъ не назначитъ времени пріема, отмѣчаемаго имъ собственноручно въ книгѣ противъ фамиліи записывавшагося.

Является вопросъ, чѣмъ объяснить такое возвышеніе Аракчеева и что̀ именно чувствовалъ къ нему Александръ. Объясненіе таково: Александръ вступилъ на путь реакціи; ему казалось, что сильная строгость необходима, она была однакоже противна его характеру. Нуженъ былъ человѣкъ, преданный ему и дѣлавшій все за него; такимъ и былъ Аракчеевъ. На него Государь и въ душѣ, и предъ людьми возложилъ все жестокое, дѣланное по необходимости.

*

Въ началѣ царствованія Николая Павловича управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ былъ Г. Государь на докладахъ писалъ карандашемъ «*согласенъ*», но при этомъ нерѣдко дѣлалъ такія возраженія, что выходило «несогласенъ». Г., по своимъ соображеніямъ, нѣкоторыя резолюціи вытиралъ. Государю донесъ объ этомъ нѣкто Безкоровайный. При первомъ докладѣ Г—го, Государь спросилъ его, всѣ ли резолюціи его исполнены и всѣ ли цѣлы? Г. отвѣчалъ утвердительно. Тогда Государь вынулъ изъ стола доклады съ вытертыми резолюціями. Г. упалъ на колѣни и старался объяснить, что онъ это сдѣлалъ потому, что выходило противорѣчіе въ резолюціяхъ. Государь схватилъ Г. за грудь, при чемъ сильно накололъ руку о звѣзду (которыя тогда не привинчивались, а прикалывались къ фраку большою булавкой). Отъ

боли Государь вышелъ изъ себя... Бенкендорфъ, бывшій тутъ, заслонялъ собою Г., а тотъ только могъ сказать: «Я виноватъ, судите меня, Государь!» Судъ былъ назначенъ военный, и виновный былъ приговоренъ къ разжалованію въ солдаты въ Сибирскіе баталіоны. Государь на докладѣ написалъ: «согласенъ», но съ тѣмъ, чтобы виновный приведенъ былъ въ рекрутское присутствіе и поставленъ подъ мѣрку. Въ присутствіи, между прочими, долженъ былъ сидѣть нѣкто Желѣзновъ, подчиненный Г—го и очень его любившій. Онъ пріѣхалъ къ Бенкендорфу и просилъ позволенія заболѣть на этотъ день; но тотъ отвѣчалъ, что не смѣетъ разрѣшить. И вотъ Г—го, тайнаго совѣтника съ двумя звѣздами, приводятъ въ присутствіе. Князю Кочубею и Бенкендорфу удалось только чрезъ нѣсколько времени упросить Государя зачислить Г—го солдатомъ въ Финляндію. При совершеннолѣтіи Наслѣдника ему дали офицерскій чинъ, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ.

*

Императоръ дѣлалъ смотръ войскамъ гдѣ-то на Югѣ. По военнымъ правиламъ солдатъ долженъ во фронтѣ стоять неподвижно. Вдругъ Государь замѣтилъ, что въ одномъ мѣстѣ солдатъ засмѣялся. Онъ вызвалъ его и строго спросилъ: «Ты сейчасъ смѣялся?»—«Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество», отвѣчалъ солдатъ.—«Я видѣлъ, признавайся; ты смѣялся?»—«Никакъ нѣтъ».—«Сквозь строй прогоню! Признавайся, ты смѣялся?»—«Никакъ нѣтъ».—«Разстрѣлять его! Признавайся, ты смѣялся?»—«Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество». Гнѣвъ государя дошелъ до послѣдней степени; онъ усиленно дышалъ, снялъ каску и вытирался платкомъ. Наконецъ, онъ вызвалъ всю ту группу солдатъ, въ которой стоялъ смѣявшійся, какъ ему показалось, солдатъ. «Признавайтесь, кто смѣялся?» Выступилъ одинъ солдатъ и сказалъ, что это былъ онъ. «Прощаю тебя за твое признаніе» и затѣмъ, обратившись къ первому, Государь положилъ ему обѣ руки на плеча, со словами: «Простишь ли ты меня?» Солдатъ стоялъ въ стрункѣ. «Понимаешь ли ты, продолжалъ Государь, я прощенія у тебя прошу при всѣхъ?» Солдатъ все стоялъ не шевелясь, пока ему Государь не сказалъ «иди!»...

*

Императоръ пріѣхалъ разъ къ графинѣ Орловой, когда у нея былъ архимандритъ Фотій, которому графиня сказала, что, по обычаямъ двора, всѣ другіе посѣтители удаляются, когда пріѣзжаетъ Государь и имѣетъ въ виду свиданіе только съ хозяиномъ дома. Фотій не ушелъ, а всталъ предъ образами неподвижно, какъ бы въ созерцательной молитвѣ. Вошелъ Государь съ хозяйкой, выходившей къ нему

на встрѣчу и, увидя Фотія спросилъ, кто это? Орлова объяснила. Фотій не двигался съ мѣста. «Что-жъ ты, сказалъ Государь, хочешь молиться, такъ молись».— «Можетъ быть, ему бы хотѣлось дать благословеніе Вашему Величеству», робко замѣтила графиня. «Ну, нѣтъ, этого не будетъ», былъ отвѣтъ. Затѣмъ Государь отвернулся, а Фотій поспѣшилъ удалиться.

*

Въ 1839 году Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву для открытія Бородинскаго памятника и для закладки храма Христа Спасителя. Былъ составленъ планъ маневровъ, и войска располагались приблизительно такъ, какъ это было въ Бородинскую битву. Ермолову, приглашенному на маневры, посланъ былъ этотъ планъ для повѣрки. «Что же мнѣ смотрѣть, замѣтилъ онъ. Вѣроятно, все прекрасно придумано; но я тутъ ничего не понимаю. Я понимаю войну, а маневровъ я не понимаю.» На маневрахъ, весьма удавшихся, Государь обратился къ Ермолову: «Ну, Алексѣй Петровичъ, что̀ ты скажешь?» Онъ далъ такой загадочный отвѣтъ: «Удивляюсь настоящему и вспоминаю прошедшее». Одной изъ колоннъ командовалъ графъ де-Виттъ и какъ-то очень отдалился. «Что̀ это дѣлаетъ колонна де-Витта?» замѣтилъ Государь. «Графъ де-Виттъ вѣроятно такъ увлекся, отвѣчалъ Ермоловъ, что вообразилъ себя среди настоящей войны и отступилъ» (т.-е. отступилъ въ страхѣ). Языкъ создалъ Ермолову много враговъ. При Александрѣ I-мъ онъ позволялъ себѣ еще больше. Были большіе артиллерійскіе маневры. Ермоловъ и Аракчеевъ носили одинаковое званіе генераловъ-отъ-артиллеріи. «Ну, что̀ вы скажете, Алексѣй Петровичъ?» спросилъ Аракчеевъ.—«Я бы прежде желалъ узнать мнѣніе вашего сіятельства?»—«Я нахожу, замѣтилъ Аракчеевъ, что люди хороши, но лошади дурны».—«Да, замѣтилъ Ермоловъ, часто репутація людей зависитъ отъ скотовъ».

*

Однажды на парадѣ графъ Орловъ не такъ передалъ какое-то приказаніе Николая Павловича, и на сердитое замѣчаніе Государя извинился тѣмъ, что онъ не разслышалъ. «Меня вся Европа слышитъ, а мой генералъ-адъютантъ меня не разслышалъ», сказалъ Государь. Это было послѣ успѣховъ Венгерской кампаніи.

*

С., имѣвшій литературный салонъ въ Москвѣ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, раньше былъ гдѣ-то губернаторомъ, по плохимъ. Въ одномъ изъ отчетовъ на высочайшее имя онъ, между прочимъ, написалъ: *Безъ жеманства я долженъ сказать, что протоколовъ Губернскаго Правленія я*

не читаю. Императоръ противъ этихъ словъ написалъ: *И я безъ жеманства такого губернатора увольняю.*

*

А. П. Ермоловъ въ 1825 г. былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ. Фельдегеръ прибылъ съ манифестомъ о возшествіи на престолъ Николая I и съ ордеромъ военнаго министра о приводѣ войска къ присягѣ. Зная свою силу на Кавказѣ и боготвореніе, которое ему оказывали солдаты, въ тоже время недовольный воцареніемъ Николая, Ермоловъ сказалъ: «Я не попъ; для этого должно быть предписаніе духовенству отъ Синода». Пока сносились съ Синодомъ, что̀ заняло времени немало, Ермоловъ предпринялъ какую-то рекогносцировку вглубь Кавказа. Государь сильно опасался, чтобы Ермоловъ съ подначальными ему войсками не отложился, и съ тѣхъ поръ его не взлюбилъ. Черезъ нѣсколько времени прислали на Кавказъ Дибича. Ермоловъ обидѣлся и вышелъ въ отставку. Сколько ни дѣлали ему за тѣмъ предложеній, онъ отъ всего отказывался. Онъ былъ очень уменъ, очень талантливъ, но интриганъ и большой завистникъ.

*

Въ 1832 году Николай Павловичъ, не видавшій Ермолова съ тѣхъ поръ, какъ сталъ Императоромъ, пріѣхавъ въ Москву, послалъ ему сказать, что желаетъ его видѣть и не во фракѣ, а въ мундирѣ его времени. Императрица Александра Θеодоровна, никогда не видавшая Ермолова, хлопотала, чтобы свиданіе его съ Государемъ непремѣнно состоялось. Ермоловъ пріѣхалъ во дворецъ, и Государь встрѣтилъ его словами: «Забудемъ старое; мы оба были виноваты, и ты болѣе меня потому что я былъ молодъ». «Не будемте этого вспоминать, Государь, отвѣчалъ Ермоловъ «Пріѣзжай въ Петербургъ, заключилъ Государь» и послужи еще». Онъ дѣйствительно пересилился въ Петербургъ. По этому поводу Ермоловъ говорилъ: «Я всегда защищалъ военныхъ, а теперь меня заставляютъ ихъ казнить». Присутствуя въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ отстаивалъ какой то вопросъ, который былъ рѣшенъ большинствомъ противъ мнѣнія Ермолова. По окончаніи засѣданія онъ всталъ вмѣстѣ съ другими, сталъ молиться передъ образами и произнесъ: «Господи, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ». Объ этомъ донесли Николаю Павловичу, который сказалъ: «Нѣтъ, съ нимъ ничего не сдѣлаешь!» Вскорѣ Ермоловъ отпросился опять въ Москву на покой.

*

Въ сороковыхъ годахъ С. С. Уваровъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, а Паскевичъ намѣстникомъ въ Варшавѣ, гдѣ дѣло просвѣщенія было подчинено министерству. Паскевичъ однако самъ вводилъ какія-то распоряженія, довольно крутыя, такъ какъ тогда было въ ходу держать Поляковъ въ кулакѣ. Уваровъ нашелъ, что это есть вторженіе въ кругъ его власти, а Паскевичъ считалъ себя въ Польшѣ чуть не самодержавнымъ правителемъ. По этому поводу возникли между ними неудовольствія. При посѣщеніи Паскевичемъ Петербурга Николай Павловичъ, желая помирить ихъ, назначилъ обоимъ докладъ въ одинъ день. Пріѣхавъ въ зимній дворецъ, Уваровъ узналъ, что Паскевичъ уже у Государя, а ожидающими въ пріемной нашелъ Меншикова и Туркула, которые состояли въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго. Уваровъ, разговаривая про обстоятельства, ихъ собравшія, сказалъ, между прочимъ, такую фразу: «они (т. е. Государь и Паскевичъ) намѣрены пускать кровь и думаютъ, что я стану держать имъ тазъ». На другой день, служившій въ Варшавѣ при Паскевичѣ, Ильяшевичъ просилъ одно близкое лицо къ Уварову передать ему, чтобы онъ былъ осторожнѣе и, разсказавъ разговоръ Уварова съ Туркуломъ во дворцѣ, прибавилъ, что это уже извѣстно Государю. И Меншиковъ, и Туркулъ были люди благородные, и конечно не они передали Государю слова Уварова, третьяго же лица и вообще никого въ залѣ не было. Остается одно предположеніе: въ Зимнемъ дворцѣ были ниши подъ обоями, въ которыя помѣщались люди для того, чтобы слушать, что̀ говорится рядомъ. Съ этого дня Николай Павловичъ не взлюбилъ Уварова.

Въ сороковыхъ годахъ у графа Уварова, въ его имѣніи Порѣчьи, Московской губерніи, Можайскаго уѣзда, лѣтомъ, гостили сынъ его съ товарищами, графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ*) и Астромовымъ; кромѣ того, были профессора Московскаго университета: Грановскій, Шевыревъ, Перевощиковъ, Ив. Ив. Давыдовъ, Погодинъ, скульпторъ Рамазановъ и пр. Кромѣ самаго широкаго гостепріимства въ царски-роскошномъ Порѣчьѣ, ученые читали поочереди лекціи для собравшагося общества. Читалъ и самъ хозяинъ о томъ, какъ Италія и Греція, своей природой возбуждая воображеніе и мягкостію климата развивая нѣжность чувствъ, спобствовали образованію геніальныхъ художниковъ.

*

---

*) Въ это лѣто графъ Д. А. Толстой (будущій министръ) сдѣлалъ перечневую опись библіотеки села Порѣчья. Графъ Уваровъ однажды сказалъ ему, что видитъ въ немъ себѣ преемника. (Слышано отъ графа Д. А. Толстаго). П. Б.

Въ 1847 году императоръ Николай, на основаніи ноты Метерниха о томъ, что молодые ученые наши ѣздятъ по Славянскимъ землямъ и толкуютъ про объединеніе, приказалъ Уварову разослать циркуляры всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ имѣть наблюденіе за этимъ. Попечитель Московскаго округа графъ Строгановъ нашелъ циркуляръ этотъ невыполнимымъ и вышелъ въ отставку послѣ ссоры съ Уваровымъ и полученнаго замѣчанія Государя. Строганова замѣстилъ его помощникъ Голохвастовъ, которому Государь, пріѣхавшій въ Москву, сказалъ: «Вы были 12 лѣтъ помощникомъ человѣка, которому я вѣрилъ; но и онъ меня не понялъ въ томъ, что молодежь университета есть другая, чѣмъ молодежь прочихъ заведеній». Голохвастовъ смутился и сталъ многорѣчиво что-то объяснять. Государь нахмурился и прервалъ его словами: «Я все сказалъ». Голохвастовъ захворалъ и скоро подалъ въ отставку.

*

Модестъ Корфъ, Ростовцевъ и членъ Государственнаго Совѣта Бутурлинъ желали занять мѣсто Уварова. Какъ лица близкія къ Наслѣднику Александру Николаевичу, они внушили ему, что графъ Уваровъ распустилъ цензуру и преподаваніе въ университетахъ и гимназіяхъ. Государь назначилъ комиссію, для изслѣдованія дѣла, изъ враговъ Уварова и въ числѣ ихъ Бутурлина. Комиссія однакоже ничего въ дѣйствіяхъ Уварова заслуживающаго порицанія не нашла. Черезъ два мѣсяца назначили новую комиссію, которая составила обширную записку, гдѣ указывались книги и направленіе нѣкоторыхъ профессоровъ, найденныя предосудительными. Кокошкинъ, Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, къ которому былъ близокъ камердинеръ государевъ, досталъ со стола эту записку и привезъ ее Уварову, который и поручилъ нѣкоторымъ, бывшимъ у него въ то время лицамъ, снять съ нея копію. Всѣ обвиненія были легко отразимы; но великая княгиня Елена Павловна пріѣхала къ Уварову и посовѣтывала ему подать въ отставку, говоря, что Государь вообще сердитъ на него, между прочимъ и за то, что нѣкая дѣвица Фанъ - деръ - Фуръ хлопотала о раздачѣ мѣстъ своимъ родственникамъ.

*

Фрейлина Нелидова однажды разсказала Государю, что у нея есть сестра, заболѣвшая душевною болѣзнію и живущая въ Швейцаріи съ Француженкой компаньонкой; что сестра пишетъ, что теперь она совершенно выздоровѣла, но Француженка скрываетъ это ради своихъ выгодъ и дурно съ нею обходится, поэтому Нелидова хотѣла бы послать туда какое-нибудь довѣренное лицо для разузнанія дѣла. «Кого же пошлете?» спросилъ Государь. — «У меня есть человѣкъ, кото-

рому я довѣряю,» отвѣчала Нелидова, женатый на моей родственницѣ, Свиньиной. Это г.-м. Бугайскій, инженеръ; онъ служилъ у Клейнмихеля, а теперь безъ мѣста». Ему приказали явиться, дали наставленіе, и отправили его за границу. Скоро онъ привезъ въ Петербургъ сестру Нелидовой, совершенно поправившуюся. Тогда Нелидова спросила Бугайскаго, чѣмъ бы могла его поблагодарить? «Мнѣ нужно мѣсто, отвѣчалъ тотъ; открылась вакансія попечителя Одесскаго Округа, я южанинъ и стремлюсь на Югъ; рекомендуйте меня министру Уварову». Какъ разъ на слѣдующій день былъ пріемъ у Уварова. Нелидова велѣла Бугайскому ѣхать къ нему, а сама написала письмо такъ, чтобы оно попало Уварову передъ самымъ пріемомъ. Бугайскій явился къ министру; но сказать, что онъ рекомендованъ Нелидовою, было нельзя, и онъ, просто назвавъ себя, объявилъ, что явился просить мѣста попечителя Одесскаго округа. Уваровъ отступилъ шага на два, смѣрилъ Бугайскаго глазами и отвѣчалъ, что онъ его не знаетъ, удивляется, какъ могъ онъ явиться съ такой просьбой и ушелъ. Бугайскій былъ ошеломленъ и почти безсознательно шелъ назадъ по министерскимъ комнатамъ, наконецъ дошелъ до передней, одѣлся и вышелъ на улицу. Вдругъ за нимъ бѣгутъ и просятъ воротиться въ кабинетъ министра. «Вышло недоразумѣніе», встрѣтилъ его Уваровъ, «письмо Варвары Аркадіевны объ васъ получилъ я только сейчасъ; скажите ей, что я все сдѣлаю по ея просьбѣ, что̀ только въ моихъ силахъ. (Надобно замѣтить, что графъ Воронцовъ, генералъ-губернаторъ Одессы, представлялъ своего кандидата). Я не имѣю опредѣленныхъ дней для доклада у Государя, но завтра же попрошу пріема.» А на завтра уже отъ самаго Государя пришла повѣстка о томъ, что Уварову назначенъ докладъ, послѣ котораго онъ приглашается къ обѣду Государя. На докладѣ Уваровъ, между другими дѣлами, объяснилъ, что на открывшуюся вакансію попечителя въ Одессѣ есть два кандидата: одинъ Фабръ, представляемый графомъ Воронцовымъ, другой Бугайскій, представляемый имъ, Уваровымъ. Въ Одессѣ предполагается постройка зданія для университета, и Бугайскій, какъ инженеръ-строитель, былъ бы тутъ очень полезенъ; но утвержденіе зависитъ отъ воли Императора. Государь все слушалъ молча, наконецъ сказалъ, что утверждаетъ Бугайскаго. «Но что̀ отвѣчать графу Воронцову, спросилъ Уваровъ, человѣку гордому и много сдѣлавшему для Одессы?»—«Ученаго учить только портить, возразилъ Государь; вы сумѣете отвѣчать Воронцову». И Уваровъ, вмѣстѣ съ офиціальной бумагой, послалъ Воронцову записку, въ которой объяснилъ все дѣло. Воронцовъ все понялъ. Скоро Уваровъ получилъ графское достоинство

*

Въ 1854 году, когда Англо-Французскій флотъ стоялъ подъ Петербургомъ, астрономъ Струве получилъ увѣдомленіе, что Императоръ пріѣдетъ на Пулковскую обсерваторію посмотрѣть изъ телескопа на непріятельскія суда. Съ утра присланы были офиціанты и сообщили, что ѣдетъ также и Императрица и что будутъ кушать чай. Струве пригласилъ туда молодаго графа А. С. Уварова, академика Давыдова и Г. В. Грудева. По пріѣздѣ Императоръ тотчасъ же сѣлъ за телескопъ и, внимательно наблюдая, не говорилъ ни слова, не оборачивался, и только дѣлалъ знаки рукою, чтобы кругомъ было тихо; а между тѣмъ лицо его все болѣе и болѣе омрачалось. Такъ прошло довольно много времени. Императрица видимо встревожилась, оставалась молчаливою и неподвижною. Наконецъ Государь всталъ, рѣзко крикнулъ «коляску» и, не сказавъ Императрицѣ и никому ни слова, уѣхалъ. Очевидно, онъ не ожидалъ видѣть такую силу непріятельскаго флота.

*

Министръ Левъ Алексѣевичъ Перовскій былъ женатъ, но очень короткое время, на вдовѣ генерала Уваровой, урожденной кн. Горчаковой. Скоро послѣ свадьбы они отправились за границу, и мужъ заподозрилъ склонность жены къ одному Итальянцу, котораго она еще знала во время болѣзни перваго мужа. Министръ двора князь Волконскій вызвалъ Перовскаго въ Петербургъ, чтобы поручить ему Департаментъ Удѣловъ. Жена же его долго не возвращалась и требовала возврата ввѣреннаго ему своего капитала. Перовскій медлилъ отдавать. Тогда жена его пріѣхала въ Россію на Югъ и тамъ умерла. Перовскій велѣлъ сдѣлать вскрытіе трупа, чтобы убѣдиться въ ея беременности. Послѣдствія неизвѣстны.

*

Шульгинъ, оберъ-полицеймейстеръ Москвы въ 20-хъ годахъ, искусный гаситель пожаровъ и ловкій сыщикъ, въ отместку за что воры продѣлывали съ нимъ множество штукъ, воспоминаніе о которыхъ еще живо въ памяти Москвичей, сдѣлался любимцемъ великаго князя Константина Павловича, и его взяли въ Петербургъ оберъ-полицеймейстеромъ. Въ ночь на 14-е Декабря ему пришлось много потрудиться, такъ какъ полиція знала о приготовленіяхъ къ бунту, а онъ, подкрѣпляя силы, переложилъ и днемъ былъ совсѣмъ плохъ. Въ такомъ видѣ попался онъ Николаю Павловичу, который хотѣлъ отдать ему какое-то приказаніе. «Ну, мы завтра поговоримъ», сказалъ Государь. На другой день Шульгинъ былъ уволенъ. Кончилъ онъ жизнь въ Москвѣ и въ бѣдности, хотя служа не клалъ охулки на руку.

*

А. А. Перовскій былъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа. Инспекторомъ судентовъ состоялъ при немъ нѣкій Байковъ, кораго студенты разъ побили. Перовскій просилъ брата своего Льва взять Байкова на службу въ удѣлы, гдѣ Левъ Алексѣевичъ былъ вице-директоромъ и полнымъ хозяиномъ, такъ какъ директоръ, министръ двора князь Волконскій, не занимался этою частію. Байковъ скоро овладѣлъ довѣріемъ Льва Алексѣевича и убѣдилъ его основать удѣльное училище для удѣльныхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы они готовились управлять имѣніями. Училище было основано за Выборгской заставой (нынѣ Удѣльный паркъ съ психіатрическою больницею Св. Пантелеймона), и Байковъ нажилъ при этомъ милліоны. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ неожиданно умеръ послѣ какой-то неважной болѣзни. Левъ Алексѣевичъ, будучи уже министромъ внутреннихъ дѣлъ, при извѣстіи объ этой смерти, въ минуту собрался на Удѣльную, чтобы взять къ себѣ всѣ бумаги Байкова.

*

Американецъ графъ Толстой наплевалъ на полковника Дризена. Была дуэль, и Толстого разжаловали. Тогда онъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе подъ командой Крузенштерна. Его наклонности скоро обнаружились, и онъ такую развелъ игру и питье на кораблѣ, что Крузенштернъ рѣшился ото него отдѣлаться. Сдѣлана была остановка на Алеутскихъ островахъ; всѣ сошли и разбрелись по берегу. Сигналъ къ отъѣзду былъ поданъ какъ-то неожиданно; всѣ собрались и отплыли, какъ бы не найдя Толстого. При немъ была обезьяна; съ нею онъ пошелъ гулять, а потомъ разсказывалъ для смѣха, что первые дни своего одиночества онъ питался своей обезьяной. Адмиралъ Рикордъ проходилъ мимо острова, на которомъ оставленъ былъ графъ Толстой и взялъ его въ Россію. (Въ тотъ же разъ Рикордъ взялъ изъ Японіи Головнина, отца министра Головнина). Шкуна, на которой совершалось путешествіе, во время бури врѣзалась въ берегъ, разбилась, и всѣ матросы погибли, спасся только Головнинъ съ тремя людьми и провелъ нѣсколько времени въ большой нуждѣ и опасности на берегу Японіи. Въ Москвѣ у графа Толстого былъ домъ на Староконюшенной улицѣ. На чей-то вопросъ: «вѣдь ты играешь на вѣрняка», Толстой отвѣчалъ: «Только одни дураки играютъ на счастье». Онъ говаривалъ, что у него есть *шавки* *), всегда нужные бульдогу. Разъ шавки привезли къ нему пріѣзжаго купца. Начали играть, сначала какъ бы шутя на закуски, ужинъ и пуншъ. Эта обстановка сдѣлала свое дѣло: купецъ захмелѣлъ, увлекся и проигралъ 17 тысячъ и когда потребова-

*) Преданные ему люди.

лась расплата, онъ объявилъ, что такихъ денегъ съ собою не имѣетъ. Ничего, замѣтили ему: все предусмотрѣно, есть гербовыя бумаги, и нужно написать только обязательство. Купецъ отказался наотрѣзъ, но опять сѣлъ за игру и еще проигралъ 12 тысячъ. Тогда съ него опять потребовали два обязательства; но когда онъ снова отказался, то его разложили и, не смотря на сильное сопротивленіе, жестоко высѣкли; но и послѣ этого несчастный отказался отъ выдачи обязательствъ. Тогда его посадили въ холодную ванну, и вотъ, совершенно истерзанный и обезсилившій отъ вина, онъ подписалъ наконецъ требуемыя обязательства. Его уложили спать, а на утро онъ все случившееся съ нимъ забылъ. За нимъ стали ухаживать и предлагать снова попробовать счастье. Ему дали выиграть три тысячи, заплатили наличными, а съ него взяли обязательство на 29 тысячъ.

*

Г. В. Грудевъ дѣлалъ много добра. Кромѣ помощи деньгами, онъ опредѣлялъ престарѣлыхъ въ богадѣльни, дѣтей помѣщалъ въ заведенія. Часто мудрымъ совѣтомъ и знаніемъ жизни и людей онъ направлялъ просителей именно куда слѣдовало и такъ, чтобы получался успѣхъ. Скажемъ здѣсь о трехъ крупныхъ его добрыхъ дѣлахъ, которыя останутся навсегда.

Когда въ 1875 г. онъ сдѣланъ былъ президентомъ комитета о нищихъ въ Москвѣ, то, разбирая всѣ дѣла этого заведенія, узналъ слѣдующее. Генералъ Лопухинъ владѣлъ имѣніемъ, селомъ Авдотинымъ-Тихвинскимъ, принадлежавшимъ извѣстному Новикову. Павелъ I, освободившій Новикова изъ крѣпости, дозволилъ ему жить вмѣстѣ съ его другомъ Гамалеемъ въ этомъ имѣніи, гдѣ оба они умерли и погребены. Имѣніе это было продано наслѣдниками Новикова и досталось Лопухину отъ его тетки, Заборовской, которая передала его и 70 т. капитала племяннику своему съ завѣтомъ устроить въ немъ богодѣльню для престарѣлыхъ людей той мѣстности. Лопухинъ полюбилъ прекрасное имѣніе и медлилъ исполненіемъ, да и не зналъ, какъ приняться за дѣло. Онъ былъ друженъ съ сенаторомъ Степ. Дмитр. Нечаевымъ, тогдашнимъ президентомъ комитета о нищихъ. Нечаевъ далъ ему совѣтъ отказать имѣніе въ комитетъ и ему Нечаеву поручить устроить тамъ богодѣльню. Лопухинъ такъ и сдѣлалъ и скоро умеръ. Но затѣмъ умеръ и Нечаевъ. Прошли годы, и президенты комитета, замѣстившіе Нечаева, не думали объ исполненіи завѣщанія Лопухина. Имѣніе пришло въ полное разстройство. Въ 1872 г. президентъ Томашевскій представилъ генералъ-губернатору, князю В. А. Долгорукову, о необходимости испросить высочайшее разрѣшеніе на продажу имѣнія съ тѣмъ,

чтобы богодѣльня была устроена въ Москвѣ, находя, что комитетъ о нищихъ не можетъ взять на себя хлопоты по устройству богадѣльни въ Бронницкомъ уѣздѣ. При назначенiи Грудева разрѣшенiе это было уже получено; но Грудевъ весьма справедливо нашелъ, что нельзя такъ нарушать волю завѣщателей: Заборовская и Лопухинъ были благодѣтелями той мѣстности, для которой желали увѣковѣчить свои добрыя дѣла; въ Москвѣ много богодѣлень, а тамъ ихъ нѣтъ ни одной. Грудевъ представилъ князю Долгорукову, что, не смотря на престарѣлые года свои, онъ берется устроить богадѣльню въ селѣ Тихвинскомъ. И вотъ, съ ранней весны 1878 года, имѣя уже 9-й десятокъ лѣтъ отъ роду, онъ ѣздилъ всякое лѣто и до самой поздней осени, до Октября, въ село Тихвинское смотрѣть за хозяйствомъ. Отъ станцiи Бронницъ Рязанской желѣзной дороги до имѣнiя 30 верстъ весьма дурного пути (только въ послѣднее время сдѣлано шоссе на протяженiи 10 верстъ до города Бронницъ). Былъ разобранъ старый домъ Новикова, перестроенъ и приспособленъ къ богадѣльнѣ. Въ одной половинѣ помѣщается 15 мужчинъ, въ другой 15 женщинъ. Такой прiютъ, близъ прекрасной церкви, составляетъ дѣйствительное благодѣянiе мѣстнымъ жителямъ. Отведено помѣщенiе для аптеки, при которой живетъ фельдшеръ. Докторъ изъ сосѣдняго села Троицкаго прiѣзжаетъ еженедѣльно и подаетъ безплатные совѣты приходящимъ. Грудевъ завелъ скотъ, возобновилъ полевое хозяйство, и запущенное село Тихвинское ожило и стало снова красивымъ.

При комитетѣ о нищихъ Г. В. Грудевъ устроилъ женскую богадѣльню кромѣ имѣвшейся тамъ мужской. Для этого онъ многое измѣнилъ въ старинномъ домѣ князя Юсупова, гдѣ помѣщается комитетъ, раздѣлилъ залы въ двухсвѣтлыхъ залахъ, навелъ полы и потолки, продалъ пустопорожнiй участокъ земли и на сумму эту ремонтировалъ всѣ зданiя заведенiя, выстроилъ новое зданiе небольшаго ремесленнаго училища для нищихъ дѣтей, разрѣшенiе на открытiе котораго уже имѣлось; оно названо «Долгоруковскимъ».

Состоя предсѣдателемъ совѣта Глазной больницы, Грудевъ постоянно болѣлъ о тѣхъ несчастныхъ, которымъ операцiи не возвратили зрѣнiя. При нынѣшнихъ несогласiяхъ въ крестьянскихъ семьяхъ положенiе безполезнаго слѣпаго члена семьи почти не переносимо, и вотъ Геннадiю Владимировичу, при помощи членовъ, удалось привлечь крупныя пожертвованiя отъ почетнаго гражданина Сергѣя Ивановича Корзинкина и отъ полковника Казакова. При больницѣ надстроенъ лѣвый уголъ дома, и устроено помѣщенiе на 20 мужчинъ неизлѣчимослѣпыхъ. Мѣста эти всегда заняты, освобождаются только смертью призрѣваемыхъ, и на каждое имѣется по нѣскольку кандидатовъ.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.

1855.

Въ Россію вѣруя, на бой съ лукавой ложью,
Въ честь правды и добра, безъ страха ты идешь.
Вѣрь въ истину и свѣтъ, люби свободу Божью:
Свѣтъ нуженъ истинѣ, *мракъ* прикрываетъ ложь.

*

Любовь и истину дать Русь тебѣ готова;
Любовь и истина надежнѣй всякихъ узъ.
Ты возвратишь, о Царь, землѣ свободу слова,
И Богъ благословитъ съ народомъ твой союзъ!

Константинъ Аксаковъ.

*

Стихи эти написаны К. С. Аксаковымъ вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Александра Николаевича и тогда же получены нами въ спискѣ, сдѣланномъ для насъ И. С. Аксаковымъ. Льготы милостиво данныя покойнымъ Государемъ Русскому печатному и общественному слову, оправданы исторіею, которая свидѣтельствуетъ, какъ много и дѣятельно наша печать помогала правительству въ исполненіи его предначертаній на благо Россіи. П. Б.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Предисловіе къ разсказамъ Мопасана.

Библіографическая замѣтка *).

Одно изъ свойствъ произведеній великихъ талантовъ состоитъ въ томъ что интересъ и значеніе ихъ не преходящи. Время есть дѣйствительно наилучшій судія достоинства всѣхъ дѣлъ человѣческихъ и художественно-мыслительныхъ по преимуществу. Четыре года тому назадъ (въ 1894 году) вышла въ свѣтъ книга разсказовъ Гюи-де-Мопасана въ Русскомъ переводѣ съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого. Весь интересъ книги конечно заключается въ предисловіи. О разсказахъ Мопасана не стоило бы упоминать такъ долго спустя послѣ ихъ появленія; но предисловіе графа Толстого не утратило нисколько своего значенія и вѣроятно никогда его не утратитъ. Книга озаглавленная „На водѣ", сдѣлалась мнѣ извѣстной только на дняхъ; сказать же нѣсколько словъ о предисловіи графа Толстого кажется мнѣ не неумѣстнымъ и сейчасъ, не смотря на четырехлѣтнюю давность со времени обнародованія онаго.

Предисловіе это въ настоящее время получаетъ даже сугубый интересъ, благодаря возможности сопоставить его съ статьями графа объ искусствѣ, появившимися въ теченіе прошедшей зимы. Оно можетъ служить какъ бы продолженіемъ къ нимъ, хотя и написано гораздо раньше. Статьи объ искусствѣ излагаютъ принципіальное воззрѣніе на искусство, какъ таковое; а предисловіе къ разсказамъ Мопасана служитъ нагляднымъ примѣненіемъ этихъ принциповъ къ отдѣльному художественному явленію, не совсѣмъ заурядному. Взглядъ свой на искусство авторъ статьи о немъ видимо довелъ до совершенной зрѣлости и полноты только въ послѣднее время; онъ выработалъ его продолжительнымъ анализомъ множества отдѣльныхъ художественныхъ произведеній всѣхъ видовъ искусства. Въ предисловіи къ Мопасану заключается одинъ изъ тѣхъ критическихъ этюдовъ, которые послужили для позднѣйшаго обобщенія взгляда графа Толстаго на искусство, и въ настоящее время это предисловіе получило то значеніе, которое имѣютъ этюды и подготовительныя работы, послѣ того когда сдѣлались извѣстными законченныя произведенія, для которыхъ они были сдѣланы.

*) Историческое значеніе сочиненій графа Л. Н. Толстого такъ велико, что они уже теперь входятъ въ область „Русскаго Архива" и его библіографіи. П. Б.

Какъ извѣстно, графъ Толстой основываетъ искусство на началѣ исключительно-этическомъ, подчиняя вполнѣ идею красоты понятію добронравственнаго. Искусство, не имѣющее твердыхъ нравственныхъ основъ, есть искусство мнимое; мнимое же искусство не только не полезно, но въ высшей степени вредоносно [1]). Во сколько искусство истинное служитъ облагороженію духа, просвѣтлѣнію его, во столько мнимое искусство развращаетъ умъ и чувство, вводя въ нихъ всей силой своихъ чаръ начало самой низкой, грубой чувственности, вытравливающей въ душѣ человѣка всѣ начала высшія, духовныя.

Это воззрѣніе, столь вѣрное и вмѣстѣ съ тѣмъ столь простое, впервыя высказано у насъ графомъ Толстымъ и высказано съ тѣмъ мастерствомъ и ясностью, которыя даютъ всѣмъ вообще его произведеніямъ ихъ увлекательность и заманчивость. Тоже воззрѣніе давно началъ проводить въ Англійской литературѣ извѣстный Рöскинъ (Ruscine); но онъ, въ своихъ слишкомъ многочисленныхъ (это ихъ главный недостатокъ) сочиненіяхъ, ограничивается, кажется, областью одного искусства образовательнаго и не всегда отличается достаточной точностью основныхъ положеній [2]). Въ нашей литературѣ онъ почти неизвѣстенъ.

Предисловіе къ книгѣ Мопасана примѣняетъ къ оцѣнкѣ этого писателя именно эти самыя начала этически-художественной критики, и на конкретномъ примѣрѣ одного художника слова показываетъ съ необыкновенной силой и ясностью всѣ неизбѣжныя для самого художника послѣдствія совершеннаго въ немъ отсутствія твердыхъ, нравственныхъ основъ, благодаря чему его недюжинный талантъ могъ дать лишь одно или два произведенія сколько-нибудь порядочныхъ и только потому, что въ нихъ проглядываетъ то прирожденное чувство нравственной правды, которое, по Апостолу, послужитъ оправданіемъ въ день суда даже не вѣдущимъ закона Христова. Но затѣмъ и эти обрывки нравственнаго запроса все болѣе и болѣе стушевывались въ умѣ и въ душѣ Мопасана, и его произведенія обратились въ грубую апологію чувственности, отнявшую всякій смыслъ у самой формальной,

---

[1]) Въ статьяхъ объ искусствѣ графъ Толстой произноситъ строгій судъ надъ своими собственными беллетрическими произведеніями, исключая очень немногія; большинство изъ нихъ онъ относитъ къ разряду произведеній мнимаго искусства. Едва ли многіе съ нимъ въ этомъ согласятся. Но во всякомъ случаѣ нельзя не выразить удивленія, зачѣмъ же онъ, почитая свои произведенія вредными, допускаетъ ихъ распространеніе путемъ полныхъ изданій.

[2]) Замѣчательно, что, перечисляя выдающихся Англійскихъ писателей объ искусствѣ, графъ не упомянулъ о самомъ выдающемся и самомъ извѣстномъ Джонѣ Рöскинѣ. Такое умолчаніе о немъ не объясняется ли его религіозной ортодоксальностью, малоодобряемой, какъ увидимъ ниже, графомъ Толстымъ?

внѣшней талантливости, посвятившей себя, въ угоду низкимъ и грубымъ похотямъ читающей толпы, описанію такихъ явленій жизни, которыя, извѣстнымъ образомъ освѣщенныя, возбуждаютъ лишь самыя низкія страсти и тѣмъ самымъ утрачиваютъ всякое право на художественное значеніе. Таковымъ является Мопасанъ въ своихъ романахъ. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является продуктомъ воздѣйствія на него среды, утратившей всякія понятія объ истинномъ смыслѣ жизни, даже утратившей всякій запросъ на какое бы то ни было пониманіе онаго. До чего не доходили никогда никакіе изъ народовъ древности, часто извращавшіе смыслъ жизни, но всегда по своему съ нимъ считавшіеся до того дошли современные народы высшей будто бы культуры. Лишь въ мелкихъ своихъ разсказахъ Мопасанъ сохранилъ нѣкоторое непосредственное чувство жизненной правды, по причинамъ очень хорошо объясненнымъ у графа Толстого, и вотъ къ сборнику таковыхъ разсказовъ, переведенныхъ на Русскій языкъ, онъ счелъ возможнымъ написать это чудное предисловіе, имѣющее цѣлью показать, какъ отсутствіе нравственнаго начала доводитъ талантъ почти до самоубійства.

Хотѣлось бы, такъ оно хорошо, посовѣтовать каждому любителю изящной литературы ознакомиться съ этимъ предисловіемъ, глубоко вдуматься въ него; хотѣлось бы, болѣе того, дать его въ руки юношеству, какъ вѣрное и благое руководство въ заманчивой, но столь опасной области искусства словеснаго, болѣе всѣхъ другихъ искусствъ захватывающаго умъ и душу, какъ по силѣ того орудія, которымъ оно владѣетъ, такъ и потому, что оно доступнѣе, распространеннѣе всякаго иного искусства. Но исполненію именно такого пожеланія препятствуетъ пока одно выраженіе, употребленное графомъ въ заключеніи своего предисловія. Оно конечно не можетъ отнять у всего разсужденія его великихъ достоинствъ. Такъ сказать, справочное значеніе статьи останется; но практическая общеполезность ея значительно измѣнится, если это выраженіе будетъ сохранено въ будущихъ изданіяхъ либо всей книги, либо одного предисловія, когда оно включится въ періодически появляющіяся полныя собранія сочиненій графа Льва Николаевича.

Никакого сомнѣнія (говоритъ графъ) въ смыслѣ жизни не можетъ быть съ тѣхъ поръ, какъ онъ открытъ въ полной ясности и чистотѣ назадъ тому 1800 лѣтъ христіанствомъ; и конечно великій смыслъ этого открытія или, пожалуй, откровенія, не могъ бы затемниться до той степени, какъ мы это теперь видимъ, по примѣру той среды, къ которой принадлежатъ Мопасаны и ему подобные, если бы не явились злые люди, которые затемнили это истинное христіанство и измѣнили его до такой степени, что оно обратилось въ источникъ совершеннаго извращенія пониманія того, что само по себѣ оно призвано было на вѣки уяснить и освѣтить. Эти злые люди обратили постепенно христіанство въ нѣчто ненавистное, а все теперешнее кривоблужданіе умовъ есть ничто иное, какъ протестъ возмущенной человѣческой души, бросающейся во всякія отвратительныя крайности,

лишь бы избѣжать общенія съ этимъ лжехристіанствомъ. Извратитель чистаго христіанства есть, по мнѣнію графа, Римскій католицизмъ, котораго атрибутами или симптомами онъ почитаетъ, Лурдъ (то-есть чтимое католиками святилище этого наименованія, съ чудесами тамъ будто бы совершающимися), папу, догматъ безсѣменнаго зачатія (sic) и т. д. Первые два составляютъ дѣйствительно принадлежность одного Римскаго католицизма; но послѣдній (авторъ не можетъ этого не знать) есть ученіе, на которомъ основана вся христіанская догматика, безъ различія исповѣданій; а слѣдовательно, не есть отличительное ученіе одного Рима и папы. Судя по контексту, надо бы думать, что графъ хотѣлъ сказать „непорочное зачатіе", то-есть упомянуть о догматѣ дѣйствительно исключительно - Римскомъ, что̀ послужило бы. къ вящему опредѣленію того, что̀ онъ почитаетъ пагубнымъ лжеученіемъ. Но напечатано очень отчетливо „безсѣменное зачатіе". Видѣть ли въ этомъ описку (опечатки быть не можетъ по совершенному несходству словъ) или сознательное употребленіе выраженія, опредѣляющаго не одно Римское, но и все христіанское догматическое ученіе? Всѣ эти извращенія христіанства, говоритъ дальше графъ (поясняя свою мысль необычайно-пластическимъ уподобленіемъ, на каковыя онъ такой великій мастеръ), обратили христіанство изъ чистой кристальной воды въ „вонючую грязь".

Для всякаго будетъ конечно ясно, что разсужденіе, заключающееся такимъ отзывомъ о христіанствѣ, проповѣдующемъ догматъ безсѣменнаго зачатія, весьма не удобно для обращенія между православными читателями, а еще менѣе годно для назиданія Русскаго юношества. Если же это выраженіе есть описка, и оно должно быть замѣнено другимъ, почерпнутымъ изъ одной Римско-католической догматики, то этимъ устранится само собою препятствіе къ признанію этой статьи общеполезной; хотя конечно изъ этого нельзя заключить, что можно подписаться подъ обвиненіями, возводимыми графомъ хотя бы на одинъ Римскій католицизмъ, такъ какъ они вовсе ничѣмъ не доказаны и по крайней мѣрѣ въ настоящей статьѣ представляются вовсе не убѣдительными для тѣхъ, которые не „jurant in verba magistri".

Хотѣлось бы вѣрить въ описку. Но тогда ее надо прежде всего оговорить и исправить *).

Д. Хомяковъ.

*) Сейчасъ только я справился съ послѣднимъ изданіемъ сочиненій графа Л. Н. Толстого 1897 г. Указанное мною выраженіе оставлено въономъ безъ измѣненія (ч. XIV, стр. 160).

ПИСЬМА А. С. СМИРНОВОЙ КЪ Я. П. ПОЛОНСКОМУ [1]).

I.

Венеція, 5 (17) Генваря 1857 г.

Любезный Яковъ Петровичъ.

Отчего это вы не поздравили меня съ Новымъ годомъ и новымъ счастьемъ, по Русскому обычаю? Вы однако знаете, какъ пріятно получать письма, особенно отъ своихъ домашнихъ или родныхъ по сердцу. Вѣдь мы съ вами не можемъ быть чужіе, по крайней мѣрѣ не должны быть чужіе: у васъ на рукахъ мой милый и добрый Миша, котораго вы любите и за котораго вы, какъ и я, должны отдать когда-нибудь отвѣтъ Богу. На дняхъ я получила письмо отъ Сони или князя Андрея Васильевича [2]), которому Николай Михаиловичъ его препоручилъ за неимѣніемъ времени имъ заняться [3]). Не знаю, какъ это все у васъ клеится и ладится, потому что прошлой зимой пробѣжала межъ вами какая-то черная кошка. Вообще, какъ это грустно, что мое болѣзненное состояніе отвлекаетъ меня отъ дому, даже когда я и дома. Но такъ какъ все это дѣлается по особенному предусмотрѣнію Божію и вѣроятно къ лучшему, хотя мы это видимъ только въ послѣдствіи, то не смѣю даже и тужить объ этомъ. Я слышу, что здоровье ваше поправилось. Берегите его: утрата этого сокровища имѣетъ такое сильное вліяніе на всю жизнь нашу. *In corpore sano mens sana*, говоритъ древнимъ языкомъ мудрость, которая никогда не говорила безъ основанія. И много истины въ этихъ словахъ. Для христіанина, конечно, болѣзнь получила другой смыслъ, потому что ему даются свыше смыслъ и сила стать выше тѣлесныхъ недуговъ; но этотъ трудъ великъ и неудобоносимъ. Не желаю его вамъ. У васъ много силъ и дѣла впереди. У васъ есть способность передавать мысль посредствомъ слова, и хотя слово ваше не всегда выражаетъ мысли и чувства сходныя съ моими, не менѣе того совѣтую вамъ имъ дорожить.

---

[1]) Съ подлинниковъ, сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ" въ 1876 году самимъ Я. П. Полонскимъ. Печатаются съ дозволенія Надежды Николаевны Соренъ (дочери А. О. Смирновой). П. Б.

[2]) Трубецкаго, женатаго на старшей дочери А. О. Смирновой, Софьѣ Николаевнѣ. П. Б.

[3]) Н. М. Смирновъ служилъ тогда Петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ. П. Б.

Отвѣтъ вашъ Аксакову я прочитала уже напечатанный; мнѣ его передала графиня Сальясъ, которая поселилась въ Венеціи. Она, какъ вы, принадлежитъ по своимъ понятіямъ и убѣжденіямъ къ Западу. Вы какъ будто жалуетесь и сожалѣете, что есть трезвые люди посреди нашего пьянаго общества. Аксаковъ человѣкъ трезвый, а вы еще въ чаду ложныхъ чувствъ или вѣрнѣе призраковъ, которые принимаете за чувства. Западный человѣкъ такъ завязъ въ нихъ устройствомъ всего состава общества, въ которомъ онъ вращается, что не можетъ никакъ вырваться изъ этого омута. Русскій же обладаетъ сокровищемъ истины въ своей церкви, и когда вникнетъ въ нее попристальнѣе и пойметъ ея законы, становится выше заносчивой и растлѣвающей лжи. Вы коснулись въ своихъ стихахъ величайшаго слова; слово это *любовь*. Этимъ словомъ мы играемъ, а міръ зиждется имъ, міръ имъ держится. Если же мы Русскіе затеряемъ его смыслъ божественный, гдѣ отыщетъ его будущее общество? Аксаковъ и другіе—наши передовые; они на аванпостахъ нашей будущности, если Богу угодно, чтобы сосуды не разбились объ наше окаменѣніе. Какъ жаль, что Гоголя глава, разсказъ Чаграновой, совершенно сгорѣлъ! Тамъ былъ отвѣтъ на этотъ вопросъ о страстной нашей земной любви къ призракамъ, созданнымъ нами самими. Мои слова точно также черствы, какъ стихи Аксакова; но вѣдь и истина черства, не только изъ чужихъ устъ, но даже когда мы, по милости Божіей, сами себѣ ее говоримъ. Когда, стоя на молитвѣ или въ церкви, вдругъ вспомнишь себя и увидишь себя точно такимъ какъ есть, когда совѣсть сильнѣе постучится, ужъ какъ дѣлается непріятно! Не знаю, имѣете ли вы привычку всякій день молиться? Это покажется исповѣдь? Если нѣтъ, то обѣщайте мнѣ, что будете только читать Отче Нашъ со вниманіемъ. Собственныя слова нашего Спасителя содержутъ такую силу, что для васъ откроется цѣлый міръ; они заключаютъ все, что намъ нужно. Дастся такая благодать, что захочется болѣе и болѣе читать. Тогда вы примиритесь съ собою и съ своимъ положеніемъ, которое вамъ тяжко, въ этомъ я убѣждена.

Западные народы внѣ себя дѣлали революцію. Русскій человѣкъ дѣлаетъ въ себѣ революцію, и посредствомъ этой внутренной душевной и благодатной революціи долженъ произвести медленное, спокойное и законное преобразованіе общества. Вотъ, кажется, задача Русскаго, если онъ остается вѣренъ своей церкви, безъ которой ничто не созиждется, и своему характеру. Вотъ въ какомъ смыслѣ я хочу вести своего Мишу, и вамъ, любезный Яковъ Петровичъ, какъ его лучшему другу, передаю свое убѣжденіе. Вы скажете, что я ошибаюсь;

но я убѣждена, что всѣ мои выводы вѣрны, сознавая затрудненія, которыя насъ окружаютъ. Таковъ уже удѣлъ человѣка—трудиться. Иному трудъ легче, другому тяжелѣ; претерпѣвый же до конца той спасенъ будетъ. Пожалуйста, продолжайте мнѣ писать, сообщайте подробнѣе объ Мишѣ и Сережѣ и о себѣ. Кого вы видаете за отсутствіемъ Михайлова, Тургенева и Толстова.

«Фауста» Ивана Сергѣевича я прочла. Онъ разбилъ драгоцѣнный сосудъ и сознаетъ всю важность своего проступка; это хорошо, но и только. А я нашла, что это то, что называется un fatras romanesque, очень пошлый. Все это пошло отъ его «Записокъ Охотника» и «Постоялаго Двора». Доказательство пошлости и глупости свѣтскихъ отношеній то, что авторы, чтобы заинтересовать читающихъ, должны переносить читателя въ кругъ людей болѣе трезвыхъ и живыхъ. Салонныя страсти черезчуръ приторны и похожи на игру въ кошку и мышку.

Евгенія Туръ пишетъ тутъ какую-то повѣсть, но занемогла на дняхъ и, говорятъ, серіозно. Она очень добрая и умная женщина и болтаетъ легко и много. Здѣсь есть очень хорошій и пріятный Русскій, Квитка, племянникъ Основьяненки, большой пріятель Ивана Аксакова; но я его рѣдко видаю. Онъ тоже критикуетъ «Фауста» Тургенева и недоволенъ «Фаустомъ» Струговщикова. Гдѣ Кулишъ? Его «Ѳеклуша» не дурна. Я жалѣю, что не встрѣтилась съ Толстымъ и что онъ въ Петербургѣ не бывалъ у меня; онъ человѣкъ интересный. За талантомъ у него много кроется въ душѣ, если только Петербургъ и путешествіе не заглушатъ хорошаго.

Прощайте, любезный Яковъ Петровичъ. Христосъ съ вами, пишите о себѣ и Мишѣ подробно. Какъ идутъ уроки у отца Михаила? Вамъ много и искренно благодарная А. С.

У насъ погода хорошая, солнце и небо свѣтло-голубое, но гондола мнѣ страхъ надоѣла; я ея поэзіи не понимаю. Вчера была въ церкви, поэзія Греческой обѣдни мнѣ болѣе по душѣ и, благодаря Padre Spiro, я все понимаю отъ слова до слова. Дьяконъ читаетъ съ каѳедры какъ въ древней церкви; съ дарами выходятъ за амвонъ. Графиня Фикельмонъ, семейство миссіонера Зина, мы, Якунчикова*), нѣсколько незнакомыхъ Русскихъ и Греки, Славяне, составляютъ приходъ въ 200 человѣкъ. M-me Сальясъ говоритъ, que cela dérange ses habitudes и не ходитъ въ церковь. А между тѣмъ сѣверные Нѣмцы и Швейцарцы отыскиваютъ церковь и читаютъ Хомякова брошюру о православіи, соглашаясь съ нимъ. Здѣсь графъ Пурталесъ про-

*) Извѣстная въ то время красавица. П. Б.

силъ у меня Филарета проповѣди. Странное время! Ищутъ истины, она у насъ, а мы ея не видимъ.

*

Приводимъ стихи Я. П. Полонскаго И. С. Аксакову. П. Б.

Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.
Въ негодованіе души твоей вникая,
Собратъ, пойму ли я тебя?
На смѣлый голосъ твой откликнуться желая,
Какимъ стихомъ откликнусь я?
Не внемля шопоту соблазна, строгій геній
Ведетъ тебя инымъ путемъ—
Туда, гдѣ нѣтъ уже ни жалкихъ увлеченій,
Ни примиренія со зломъ.
И если ты блуждалъ, съ тобой мы врозь блуждали:
Я силы сердца не щадилъ,
Ты не щадилъ труда, и—оба мы страдали:
Ты больше мыслилъ, я—любилъ.
Общественнаго зла ты корень изучая,
Стоялъ надъ нимъ съ ножомъ, какъ врачъ,
Я выжалъ сокъ его, пилъ, душу отравляя
И заглушая сердца плачъ.
Къ чему оно влеклось, кого оно согрѣло?
Зачѣмъ измучено борьбой?
О братъ! пойму ли я при звукахъ лиры, смѣло,
Законно поднятой тобой?
Быть-можетъ, знать добро не значитъ зла не видѣть,
Любить—не значитъ тосковать?..
Что искренно нельзя и тьмы возненавидѣть
Тому, кто самъ не могъ сіять?
Вотъ почему, когда звенитъ, какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Вотъ что написалъ И. С. Аксаковъ, прочтя стихи Полонскаго (см. его „Письма", III, 304). „Прочелъ стихи Полонскаго ко мнѣ. Это было для меня совершеннымъ сюрпризомъ, я ничего не зналъ объ этомъ, да и съ Полонскимъ вовсе не знакомъ. Стихи—какъ стихи превосходные, особенно первый стихъ; но послѣднія четыре строфы довольно темны; я въ свою очередь не понимаю, что именно онъ хочетъ сказать ... Пусть потерпятъ немного и *не мѣшаютъ* мнѣ вырабатываться, идти свободно и спокойно закон-

нымъ ходомъ своего развитія; пусть только не насилуютъ мою душу, не стѣсняютъ моей воли насиліемъ чужой воли! Стихи Полонскаго вызываютъ меня къ отвѣту, но я не буду отвѣчать ему собственно," (24 Ноября 1856. Харьковъ).

Въ 1857 году написанъ былъ этотъ отвѣтъ И. С. Аксакова Я. П. Полонскому. Приводимъ и его. П. Б.

Я знаю—въ часъ тоски тревожной
Мой жесткій стихъ тебя смутилъ,
И ты хвалой неосторожной
Мои стремленья оскорбилъ.
Ты миръ души не видишь тайный,
Ты за вседневный принялъ строй
Восторга мигъ необычайный,
Порывъ поэзіи живой.
Нѣтъ! пусть дары ея высоки,
Но даже лучшіе жрецы
Во храмѣ—вѣщіе пророки,
Внѣ храма—жалкіе слѣпцы!
Пускай поэтъ небесъ избранникъ;
Но, къ долу снидя съ высоты,
Онъ снова узникъ, рабъ и данникъ
Страстей и мелкой суеты!
Такъ, въ громкихъ звукахъ пѣснопѣнья
Сокрыты всѣмъ мои борьбы,
Мои нечистыя влеченья
И сердца тайныя судьбы....
Все то, что̀ жарко ненавидѣлъ,
Всю власть общественнаго зла,
Въ себѣ самомъ я съ дѣтства видѣлъ,
Во мнѣ самомъ она жила!...
И вотъ, тоской объятъ душевной,
Изъ хора всѣхъ доступныхъ музъ,
Я съ музой бодрой, строгой, гнѣвной,
Вступилъ въ воинственный союзъ!
Сурово пѣснь ея звучала,
Ничто не грѣло сердца въ ней,
Ревниво пламень охраняла
Она поэзіи своей.
Не прелесть празднаго мечтанья,
Не нѣга сладостныхъ молитвъ,
Но злой порывъ негодованья,
Жестокій судъ, призывы битвъ,
Отвага дерзко молодая

Въ ней вдохновляли пѣсенъ строй,
И каждый разъ, къ другимъ взывая,
Она глумилась надо мной.
Ко мнѣ, за каждый проблескъ нѣжный,
Былъ обращенъ ея укоръ,
Меня въ стихахъ ея мятежный
Казнилъ такъ часто приговоръ....
Но никогда на гибель брата,
Неправдѣ въ честь, во славу зла,
Она наперсницей разврата
Въ моемъ паденьи не была.
Порока темное жилище
Не огласилъ веселый стихъ.
Ее хвали—умнѣй и чище
Она и дѣлъ и чувствъ моихъ!
Но муза строгая нѣмѣетъ,
Тоской смущенная моей.
Мой черствый стихъ души не грѣетъ!
Другаго слова нужно ей.
Въ моихъ строфахъ насмѣшку злую
Читаю я; я слышу въ нихъ
Души разладъ и боль нѣмую
Сердечныхъ судорогъ моихъ.
Но, какъ плащемъ, рядясь борьбою,
Пустой, не давшею плода,
Стою предъ жизнію живою
Безъ животворнаго труда.
Порывъ, упрекъ, негодованья,
Какъ мнѣ наскучилъ вашъ причетъ!
Увы, путь мертвый отрицанья
Плодовъ живыхъ не принесетъ!...
Отвергнуть путь ... Рѣшить не смѣю;
Въ стремленьи новомъ есть ли толкъ?
Но съ музой гнѣвною моею
Теперь надолго я умолкъ.

II.

Венеція, 30 Марта 1857 г.

Отвѣчаю, любезный Яковъ Петровичъ, на ваше письмо отъ 20 Генваря. Мы, кажется, съ вами забрели въ метафизику, а это вовсе не мое поприще. Въ жизни, когда я была молода, неопытна, я дѣйствовала какъ-то по инстинкту, слѣдуя естественному влеченію; а когда обрѣла опытомъ жизни трудной убѣжденія, они очутились діаметрально

противоположными тому, во что̀ вѣрили меня окружающіе люди. Эти убѣжденія создались на развалинахъ; имъ я пожертвовала многимъ изъ того, что̀ называется благомъ жизни, и въ борьбѣ съ привычкой, съ увлеченіями утратила свое здоровье. Я то и дѣло что вливала вино новое въ мѣхи старые; они и прорвались. Какъ неопытное дитя, я полагала, что связанная моимъ положеніемъ, я могу стать выше его, забывая, что это же положеніе опять свяжетъ меня съ средой мнѣ антипатичной. Столкнулась съ этою средой и опять занемогла. Это безсиліе моей нравственной и физической природы послужило мнѣ урокомъ и сдѣлаетъ впередъ осторожнѣе; научитъ не ручаться за другихъ и не налагать другимъ своихъ убѣжденій. Однако, если я могу дочерямъ своимъ болѣе не говорить о томъ, что̀ такъ сильно обняло мою душу при воспитаніи сына, т.-е. если Богу угодно, дѣятельнаго члена нашего любезнаго отечества, я должна стараться передать то, что̀ считаю кореннымъ началомъ и несомнѣннымъ залогомъ силы и жизненности нашего общества. Вамъ я и передаю свои убѣжденія, сознавая въ васъ способность ихъ понять, себѣ ихъ усвоить и себя пересоздать.

Графиня Сальясъ говоритъ, что у васъ добрая, любящая и нѣжная натура. Съ доброю и любящей я примиряюсь, но съ нѣжной не могу примириться. Нѣжность, или нѣжненность, предполагаетъ именно способность увлекаться западными ложными понятіями о любви и отношеніяхъ съ женщинами. Подъ вліяніемъ этой разнѣженности, вы переводили Гейне и Рюкерта, писали стихи о плечахъ, о вечернихъ свиданіяхъ при свѣтѣ луны и пр. Бѣдная луна! Зачѣмъ дѣлаютъ ее свидѣтельницей самыхъ вредныхъ, пошлыхъ или преступныхъ сценъ, придавая грубой дѣйствительности оттѣнокъ чего-то поэтическаго? Конечно, не вы виноваты, что васъ нетрезво вели сызмала, что вы жили въ нетрудовомъ обществѣ; но согласитесь, что очень натурально мнѣ желать, чтобы отъ Миши были устранены тѣ впечатлѣнія, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ его окружаютъ, по моему мнѣнію. Я вамъ не пишу упрека, но продолжаю разговоръ начатый въ Петербургѣ; пишу въ томъ же духѣ, въ которомъ всегда говорила до̀ма, когда всѣ мои домашніе и знакомые говорили *que je suis exagérée.* Представьте себѣ, что, живя на Западѣ, не примиряясь ни съ чѣмъ, я не огорчаюсь, потому что здѣсь все это ложное есть логичный выводъ, начатый на ложныхъ началахъ цивилизаціи. Меня это ложное огорчаетъ только въ Россіи, когда я вижу, что тамъ, гдѣ истину почти можно рукой схватить, ложь, какъ пожирающее пламя, овладѣла лучшими и умнѣйшими людьми, и дѣлаетъ ихъ не двигателями полезнаго, а то, что̀ называется у насъ *толочь воду.*

Ожидаю съ нетерпѣніемъ выѣзда вашего за границу и впечатлѣнія, которое на васъ произведетъ Европа. Я считаю этотъ выѣздъ воспитательнымъ и полезнымъ для васъ и для Миши. Въ подробности вашего письма не имѣю силъ, ни времени входить. Когда вы выѣдете, запаситесь Русскими книгами, для продолженія уроковъ Миши. Русскую Исторію и Грамматику, однимъ словомъ, берите то, что̀ будете полагать нужнымъ для продолженія ученія въ теченіе года. Сегодня мы получили письмо отъ Н. М., въ которомъ онъ объявляетъ, что вы ѣдете втроемъ, безъ человѣка. Передайте ему, что необходимо взять съ собой повара Трубецкихъ, и тогда мы избавимся отъ Портелли [1]), который дѣлается невыносимъ и причина̀ многихъ расходовъ. Мы всегда и вездѣ болѣе другихъ расходуемъ, а живемъ хуже другихъ. Притомъ онъ старъ и ужасный ворчунъ. Прилагаю печатныя проповѣди іезуита Джунковскаго, которыя передайте Н. М. Вы увидите, что̀ за путаница и безсиліе въ нихъ. Западъ выболтался и высказалъ, кажется, все. Будемъ ожидать слова изъ другаго источника. Вчера мы получили Мишины письма и стихи къ Надѣ, не безъ вашей поправки я полагаю. Скажите Н. М., что когда Буль [2]) здѣсь проѣзжалъ; его спросили, въ какихъ сношеніяхъ онъ съ нами? Онъ отвѣчалъ: Nous ne sommes pas même à l'indifférence. Здѣсь теперь графиня Тизенгаузенъ. Императрица занемогла въ Ниццѣ и отложила на время поѣздку въ Римъ, куда наѣхало гибель Русскихъ. Здѣсь же ихъ мало. Прощайте, пишите, не смущайтесь нѣкоторыми явленіями нашей общественной жизни. Если они въ грубыхъ формахъ, это тѣмъ лучше; хуже гораздо подъ утонченною формой безнравственная логика, сама себя ублажающая и возводящая до добродѣтели свою ложь. Остаюсь вамъ искренно преданная А. С.

О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ.

Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени. СПБ. 1898. 80 стр.

Графъ С. Д. Шереметевъ сообщалъ нѣкоторыя изъ своихъ изслѣдованій о Смутномъ времени К. Н. Бестужеву-Рюмину, который дѣлалъ на нихъ замѣчанія, выражалъ недоумѣнія, просилъ разъясненій. Такимъ образомъ между ними образовалась за 1892—7896 года довольно обширная переписка. Изданная вполнѣ, переписка эта была бы цѣннымъ вкладомъ въ Русскую историческую науку; но, къ сожалѣнію, обнародованы одни письма покойнаго академика. Однако, и въ настоящемъ видѣ своемъ, книга писемъ К. Н. Бестужева - Рюмина является незамѣнимымъ пособіемъ для лицъ, занимающихся Смутнымъ временемъ. Правда, приходится многое понимать по намекамъ; доводы, заставившіе почтеннаго профессора принять самыя, съ перваго взгляда, невѣроятныя положенія своего совопросника, остаются неизвѣстными; но за то довольно ясно выступаетъ постановка вопросовъ, и для знакомаго съ тою эпохой открываются совершенно неожиданные горизонты. Попытаемся, дать себѣ отчетъ, въ чемъ состоятъ особенности изслѣдованій графа Сергѣя Димитріевича и тѣ взгляды, съ которыми, наконецъ, согласился покойный академикъ.

Особенность изслѣдованія—подробнѣйшая разработка взаимныхъ отношеній дѣятелей на основаніи общихъ условій времени. Разбираются событія предшествующія Смутѣ и происшествія послѣдующія; возстановляется, такъ сказать духовная атмосфера дѣйствующихъ лицъ и семей; благодаря этому, многое предположительное становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Такого рода изслѣдованія сами по себѣ весьма цѣнны, но, конечно, требуютъ великой точности и отчетливости.

Центральнымъ вопросомъ является личность того, кто 11 мѣсяцевъ сидѣлъ на Московскомъ престолѣ. И дѣйствительно, не рѣшивъ этого вопроса такъ или иначе, нельзя понять Русской исторіи конца XVI и начала XVII столѣтій. О личности „названнаго царя“ могутъ быть лишь три предположенія: *первое*—онъ былъ, „заворовавшійся и впавшій въ ересь“ монахъ Чудова монастыря, Гришка Отрепьевъ (лѣтописное, древне - Русское, традиціонное мнѣніе); *второе*—лицо неизвѣстнаго происхожденія: или Польско - Литовскій шляхтичъ, или Русскій (Нѣмецко-Голландское мнѣніе, представителемъ коего назовемъ, къ примѣру, Буссова); *третье*—истинный сынъ Ивана Васильевича Грознаго (Польско-католи-

ческое мнѣніе, главнымъ представителемъ котораго является Маржеретъ).

„Царь Дмитрій Іоановичъ" не былъ *сознательнымъ* обманщикомъ: въ этомъ теперь согласны всѣ историки; а критическій разборъ источниковъ показываетъ съ несомнѣнностью, что онъ не могъ быть Отрепьевымъ. Противъ Литовскаго происхожденія имѣются тоже убѣдительныя доказательства. Послѣ письма Дмитрія, изданнаго о. Пирлингомъ, сторонники сего мнѣнія должны отъ него отказаться. И такъ „первый самозванецъ" убѣжденный въ своей подлинности, былъ исконный Русакъ. Истинность Маржеретова утвержденія становится болѣе чѣмъ вѣроятною, и наши совопросники твердо убѣждены, что онъ былъ истинный, прирожденный царь.

Но тогда надлежитъ объяснить, какимъ образомъ спасся царевичъ 15-го Мая 1591 года. Извѣстно современно-записанное преданіе, что убійство произошло ночью, царевича-де спрятали за печку, а убійцы закололи въ постели подставного мальчика. Разсказъ этотъ противорѣчитъ государственному слѣдственному дѣлу, въ которомъ ясно сказано, что царевича „не стало" днемъ. Это противорѣчіе доселѣ кажется намъ однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ противъ правдоподобности спасенія царевича.

Нашъ изслѣдователь отрицаетъ существованіе подосланныхъ убійцъ и утверждаетъ, что былъ совершенъ подмѣнъ, и подставной мальчикъ (насколько мы понимаемъ намеки) *былъ убитъ самими Нагими*; царевичъ же съ дядею своимъ Аѳанасіемъ Нагимъ скрылся, а всѣ тѣ, кто могъ дать свидѣтельство о подмѣнѣ, были умерщвлены. Этимъ разъясняются многія несообразности и странности въ событіи 15-го Мая (какъ оно изображено въ слѣдственномъ дѣлѣ) и въ образѣ дѣйствій царя Ѳеодора Іоанновича.

Дѣйствительно, при чтеніи слѣдственнаго дѣла удивляешься, зачѣмъ тѣло убитаго мальчика тотчасъ же было перенесено „ко Спасу" и лежало прикрытымъ: зачѣмъ бѣжавшій Волоховъ возвратился и *былъ приведенъ въ соборъ*; зачѣмъ была, два дня спустя, убита „юродивая женка"? Всѣ эти неясности при допущеніи подмѣна устраняются. Но почему же оставили въ живыхъ мамку, и для чего Нагимъ потребовалось прибѣгать къ столь ужаснымъ мѣрамъ, если Борисъ Годуновъ не затѣвалъ убійства Димитрія?

Можно допустить, что царь Ѳеодоръ зналъ истинное положеніе дѣла; по крайней мѣрѣ мы не видимъ никакихъ вкладовъ за упокой души погибшаго младенца. Если бы таковые были, навѣрное во время Шуйскаго на нихъ было бы указано. Этимъ объясняется, почему благочестивый царь не поѣхалъ въ Угличъ на открытіе мощей святаго князя Романа. Но во всякомъ случаѣ все это пока одни гаданія.

Совершенною новостью является сообщеніе, что о существованіи царевича было извѣстно уже въ 1598 году, и намъ досадно, что мы не можемъ выяснить себѣ, почему Димитрій не объявился уже въ это время; а К. Н. Бестужевъ-Рюминъ таковыя разъясненія получилъ.

Изъ Московскаго государства церевичъ бѣжалъ подъ именемъ инока Леонида. Для насъ и раньше было предположительно, что этотъ-то бѣглецъ Леонидъ и былъ „первымъ самозванцемъ“; но графу Шереметеву удалось найти въ синодикѣ Макарьевскаго монастыря среди лицъ царскаго рода имя инока Леонида. Совпаденіе знаменательное!

Какъ однако допустить подлинность царя Димитрія, когда, по свидѣтельству многихъ сказаній, самозванство его не разъ вызывало обличенія Московскихъ людей?

Эти „обличенія разстриги“ всегда казались намъ подозрительными, и по нашему мнѣнію нетрудно доказать, что они придуманы впослѣдствіи. Весьма жаль, что доказательства графа Шереметева намъ неизвѣстны. Для него царь Дмитрій Іоанновичъ является предшественникомъ Петра Великаго, въ чемъ онъ сходится съ А. С. Хомяковымъ (трагедія „Димитрій Самозванецъ“), а дѣло его связывается съ вопросомъ о Русско - Литовскомъ единеніи. По этому поводу графъ говоритъ слѣдующія знаменательныя слова: „Когда будетъ ясное представленіе, что такое катастрофа 1606 года, тогда Польскій вопросъ въ настоящемъ его видѣ долженъ пасть. Но зло 1606 года *непоправимо*, и сѣмя, посѣянное В. И. Шуйскимъ, даетъ плоды и до нынѣшняго дня“ (стр. 54).

Кромѣ вышеизложеннаго, внимательный читатель найдетъ въ книгѣ писемъ Бестужева - Рюмина цѣлый рядъ домысловъ и предположеній, всегда оригинальныхъ, мѣткихъ, бросающихъ порой яркій свѣтъ на темные вопросы того времени.

Пожелаемъ же, чтобы изслѣдованія графа С. Д. Шереметева появились въ печати. Не сомнѣваемся, что они будутъ драгоцѣннымъ вкладомъ въ исторію Смутнаго времени. Попсгинѣ Смутнаго! До сихъ поръ мы принуждены вращаться въ области зыбкихъ предположеній и недоумѣній. Пора приняться за подробное изученіе этой эпохи; она важна потому, что именно въ это время стали нараждаться тѣ вопросы, разрѣшенію коихъ посвящена дальнѣйшая исторія Россіи. Начало такому изученію должно быть положено изданіемъ государственныхъ актовъ „царя Димитрія“ въ хронологическомъ порядкѣ; оно дастъ твердую почву для изслѣдователей, которые, побуждаемые примѣромъ графа С. Д. Шереметева, захотятъ потрудиться надъ пересмотромъ Русской исторіи конца XVI и начала XVII вѣковъ. Впрочемъ почипъ собранію документовъ того времени уже сдѣланъ „Сборникомъ матеріаловъ по исторіи XVII в.“ Балдакова, изданіемъ графа С. Д. Шереметева; но мы не видѣли этой книги, а судимъ лишь по словамъ К. Н. Бестужева - Рюмина (стр. 65) и ссылкамъ профессора Евгенія Щепкина въ его статьѣ „Wer war Pseudo-Demetrius I“. Разборъ этой обстоятельной работы мы дадимъ въ 12-й книжкѣ „Русскаго Архива“.

Юрій Бартеневъ.

*

Въ письмахъ Бестужева-Рюмина, (стр. 21—22) сказано: „Бартеневъ заявилъ о происхожденіи Гермогена

слишкомъ голословно. Странно, если Соловьевъ говорилъ ему это, почему онъ не заявилъ печатно и не сказалъ никому другому. Бычковъ, который былъ близокъ съ Соловьевымъ, никогда отъ него это не слыхалъ".

Когда я поселился на Садовой, въ приходѣ Св. Ермолая, покойный С. М. Соловьевъ, посѣтивъ меня, сказалъ мнѣ: „А знаете, отчего ваша церковь во имя Св. Ермолая? Это свѣтское имя патріарха Гермогена, который былъ изъ рода князей Голицыныхъ, и родственники его построили эту церковь въ память его. Князь Ермолай Голицынъ былъ сначала священникомъ въ Казани". Позднѣе, передавалъ я о томъ графу М. В. Толстому, знатоку церковности. Онъ отозвался невѣдѣніемъ и впослѣдствіи сказывалъ мнѣ, что обращался съ распросомъ къ С. М. Соловьеву, который сказалъ ему тоже, что и мнѣ, но не могъ указать, откуда именно взялъ онъ это извѣстіе, прибавивъ, что оно помѣщено въ одномъ изъ изданій Московскаго Общества Исторіи и Древностей. Къ сожалѣнію, эти изданія печатаются безъ азбучныхъ указателей. Немудрено, что С. М. Соловьеву не пришлось говорить о происхожденіи Гермогена А. Ѳ. Бычкову; да кромѣ того, съ нимъ въ послѣдніе годы своей жизни видался онъ рѣже, нежели со мною.

Стр. 22. „Когда я спросилъ у Бартенева, гдѣ портретъ патріарха Филарета, онъ отвѣчалъ что-то неясное". Объ этомъ портретѣ помѣщена особая замѣтка въ „Русскомъ Архивѣ" 1863 года.

Стр. 50 и 61. Бестужевъ-Рюминъ смѣшиваетъ два портрета патріарха Филарета: одинъ безъ бороды, подлинникъ его въ Московской Оружейной Палатѣ; а гравюра другаго, съ мѣдной доски, заказанной съ неизвѣстнаго намъ подлинника княземъ А. М. Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, приложенъ къ „Русскому Архиву" 1882 года.

Петръ Бартеневъ.

ПОПРАВКА и ДОПОЛНЕНІЕ.

Во второй книгѣ „Русскаго Архива", стр. 476, вмѣсто *Курляндскомъ* надо Курминскомъ. На стр. 477, вмѣсто *Тупиковъ* надо *Туниковъ*.

Въ третьей книгѣ, стр. 189. Дочь А. И. Левшина, Ольга Алексѣевна, нынѣ здравствующая, въ 60-хъ годахъ вышла за мужъ за Дмитрія Николаевича Шауфуса.

Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Часть третья. Москва 1898. Большая 4-ка, VIII+263.

П. И. Щукинъ продолжаетъ неутомимо издавать историческіе матеріалы, поступающіе въ рукописное отдѣленіе его прекраснаго Музея.

Третій выпускъ книги съ вышеприведеннымъ заглавіемъ по содержанію однороденъ съ первыми двумя, о которыхъ уже сообщено въ „Русскомъ Архивѣ". Въ книгѣ П. И. Щукина читатель не найдетъ документовъ первостепенной важности; но если у него есть интересъ къ тому, что́ называется культурной исторіей, то онъ съ пользою прочтетъ книгу отъ доски до доски. Онъ получитъ живую, безхитростную повѣсть о „разбойственномъ вторженіи" иноземцевъ въ Москву. Какъ живые, пройдутъ передъ нимъ и „ругатели" Россіи, и ея вѣрные слуги, и блестящій генералъ князь Горчаковъ, и неизвѣстные солдаты-герои: егерь Ѳедоръ Потаповъ, по прозвищу Самусь, образовавшій партизанскій отрядъ, и солдатъ Черновъ, съ одра болѣзни упросившійся въ сраженіе и отъ истощенія силъ скончавшійся; и на ряду съ ними канцеляристъ Родіоновъ, съ подложнымъ листомъ собирающій деньги, якобы для раненныхъ; крестьяне, грозящіе заколоть на смерть вилами Московскихъ бѣглецовъ за то, что „они-де Москву на чаю пропили", и мужики-грабители, отъ которыхъ столица потерпѣла, пожалуй, болѣе, чѣмъ отъ непріятельскихъ мародеровъ, Французскій гренадеръ, торгующій ассигнаціями, и бойкая Парижанка, открывшая куплю-продажу платья, съ ея буйными соотечественниками, грабящими посѣтителей незатѣйливой лавочки.

Черезъ канцелярскія донесенія и полицейскіе допросы живо выписуется передъ нимъ и рачительный приказчикъ, и безпутный одичавшій челядинецъ, и жалкая дворовая дѣвка, и комерсантъ, понесшій огромные убытки, и торговецъ, желающій вернуть дюжину похищенныхъ рубашекъ. Читатель получитъ понятіе о лихорадочной дѣятельности Растопчина и о Московскимъ разореніи; познакомится съ возраждающеюся жизнью города; увидитъ, какъ спускаютъ воду изъ Краснаго пруда, чтобы достать затопленныя орудія и т.-п. Словомъ, получается картина яркая и полная. Мы убѣждены, что будущіе историки и бытописатели Московскаго разгрома принесутъ вмѣстѣ съ нами живѣйшую благодарность почтенному издателю.

Ю. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году будетъ выходить **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три большія книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

12.

Стр.

Предувѣдомленіе.

Гг. подписчики на „Русскій Архивъ“ 1899 года благоволятъ означать, при подпискѣ, какую именно книгу „Архива Князя Воронцова“ желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ къ „Русскому Архиву“ 1899 года.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1898.

КЪ ИСТОРІИ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМОМЪ.

(Посылка поручика Зубарева въ Бахчисарай).

1747.

При разборѣ дѣлъ Астраханскаго губернскаго архива, мнѣ удалось отыскать переписку подъ заглавіемъ „Столпъ о Трухменцахъ“ (нач. 1745 и оконч. 1747 года), гдѣ, кромѣ свѣдѣній о сношеніяхъ нашихъ съ Мангышлакскими Туркменами, о ихъ желаніи быть Русскими подданными и о посылкѣ къ нимъ въ 1745 г. съ этою цѣлію капитана Копыловскаго, имѣются еще нѣкоторыя показанія о сношеніяхъ Астрахани съ Крымомъ.

Какъ извѣстно, ханство Крымское съ давнихъ поръ причиняло немало вреда Россіи. За дѣйствіями и замыслами его владѣтелей предписывалось зорко слѣдить не только ближайшему пограничному начальству, но даже отдаленной Астрахани. Хотя, послѣ мирнаго трактата, заключеннаго съ Турціей въ 1739 году, Крымцы не дѣлали явныхъ вторженій въ предѣлы Русскаго государства, но они имѣли большое вліяніе на подданныхъ нашихъ Черкесъ и Калмыкъ, враждебно настраивая ихъ противъ Русскихъ. Особенно ненадежными подданными были Закубанскіе горцы и Кабардинцы. Постоянныя ихъ ссоры между собою, доносы другъ на друга, выпрашиваніе подачекъ—все это доставляло намъ немало хлопотъ. Близость Крыма и Ногайской орды къ этимъ новымъ нашимъ владѣніямъ еще болѣе усложняла дѣло; ибо Ногайцы, какъ и Крымцы, всегда неожиданно могли явиться въ Кабарду, чтобы произвести тамъ переворотъ и заставить выйти горцевъ изъ подъ власти ненавистныхъ „Урусовъ“, такъ какъ Турки все еще не могли примириться съ мыслію, что мусульманскіе народы состоятъ подъ главенствомъ христіанъ. Бояться же имъ упрека въ нарушеніи мирнаго трактата было нечего: въ случаѣ неуспѣха вся вина падала на вассала Порты, Крымскаго хана, и на Ногайцевъ, какъ людей безпокойныхъ, не слушающихъ даже велѣній султана. Въ виду этого, такъ какъ Астрахань была ближайшимъ Русскимъ поселеніемъ къ Кавказу, отъ мѣстнаго (Астраханскаго) начальства требовалось неукоснительно и внимательно слѣдить за Кабардой и другими горскими народами и всячески вывѣдывать о намѣреніяхъ Крымскаго хана. Губернаторы Астраханскіе пользовались каждымъ благопріятнымъ случаемъ посылать къ хану „пословъ“ и тамъ развѣдывали о состояніи Крыма и его замыслахъ.

Въ концѣ 1746 года у Мангышлакскихъ Туркменъ было выкуплено пять плѣнныхъ Турокъ. Астраханскій губернаторъ Брылкинъ съ цѣлію узнать о настроеніи Бахчисарайскаго и Константинопольскаго дворовъ (такъ какъ стало извѣстно, что въ Ногайскихъ степяхъ и на Кубани „происходятъ нѣкоторыя неустройства"), рѣшилъ послать этихъ Турокъ къ Крымскому хану Селимъ-Гирею, „какъ знакъ своего къ нему расположенія".

Исполненіе этого порученія было возложено на поручика Астраханскаго гарнизона Терскаго полка Петра Зубарева. Ему дана была инструкція о томъ, какъ „принять Турокъ отъ Татарскаго судьи, адъютанта Григорьева, и ѣхать до Царицына на каюкахъ", которые одновременно посылались до Саратова, „съ командированною изъ Астраханскаго гарнизона ротою, къ „солянымъ дѣламъ", какъ везти ихъ въ дальнѣйшій путь и какъ сдать въ Бахчисараѣ. Онъ былъ снабженъ отъ губернатора надлежащимъ паспортомъ и письмомъ „къ сіятельнѣйшему Крымскому хану, главнокомандующему и оберегателю Бахчисарайскому". Съ нимъ командировали толмача Ѳедора Матвѣева и выдали ему на всю поѣздку изъ казны 30 рубл., да впередъ жалованье за Январьскую и Майскую трети, на переводчика 10 рубл. и на пропитаніе Турокъ до Царицына „провіанта противъ солдатскихъ дачъ, на полмѣсяца по одному четверику (итого 5 четверик.), да сверхъ того на харчъ каждому по рублю". Изъ Царицына плѣнные отправлены далѣе на подводахъ [1]) подъ конвоемъ до Донскихъ станицъ Царицынскихъ казаковъ, а потомъ до крѣпости Св. Анны казаковъ Донскихъ.

Въ концѣ Мая 1747 г. Зубаревъ выѣхалъ изъ Астрахани, а 8 Сентября возвратился назадъ, привезя съ собою отвѣтное письмо Селимъ-Гирея и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ губернатору путевой журналъ, который онъ велъ со дня выѣзда изъ крѣпости Св. Анны [2]) по день возвращенія.

Журналъ этотъ хотя въ общемъ болѣе похожъ на дневникъ-маршрутъ съ показаніемъ мѣстъ, рѣчекъ и даже колодцевъ, чрезъ которые поручикъ проѣзжалъ, тѣмъ не менѣе въ немъ есть и личныя любопытныя и довольно своеобразныя наблюденія автора, относящіяся главнымъ образомъ къ возложенному на него порученію, а также его переговоры съ ханомъ и съ его приближенными и свѣдѣнія о замыслахъ Крыма, имѣющія нѣкоторый интересъ для исторіи. Почему мы и рѣшаемся привести здѣсь данныя этого дневника въ сокращеніи и въ исправленномъ видѣ [3]).

Выѣхавъ 2-го Іюля изъ крѣпости Св. Анны и переправившись чрезъ рѣки Васильевку и Аксай на другую сторону, въ урочищѣ Казитеринѣ Зубаревъ ночевалъ. На другой день онъ проѣхалъ рѣчки Темеринку и Марісъ-Чюкеле, потомъ 4-го числа переправился чрезъ рѣки Міусъ въ Камен-

[1]) Двѣ подводы самому Зубареву, одна подъ толмача и одна подъ Турокъ. Здѣсь же имъ выданы прогонныя деньги.

[2]) „Которая по рѣкѣ Дону неподалеку Азова обрѣтается".

[3]) О поѣздкѣ этой поручика Зубарева хотя писалъ В. В. Александровъ (см. „Отчетъ Петровскаго Общества". Астрах. 1897 г., стр. 77—80), но въ слишкомъ сокращенномъ видѣ, и при томъ авторъ допустилъ нѣкоторыя ошибки въ числахъ.

номъ бродѣ и Некле и 5-го рѣки Самородку и Еланчикъ Первый. Прибывъ 6-го Іюля на р. Другой Еланчикъ, онъ ѣздилъ съ письмами отъ коменданта крѣпости Св. Анны Качинскаго и Донского атамана Ефремова на устье р. Калміуса къ одному Запорожскому полковнику, который стоялъ тутъ со своимъ отрядомъ, и взялъ у него двухъ казаковъ „для конвоя до Турецкой границы“, до которой было только два дневныхъ перехода (рѣки Колецъ, вершина буерака Самарина и р. Камышеватая).

8-го числа Зубаревъ достигъ р. Берды и отпустилъ отъ себя Запорожцевъ. Тутъ былъ „рубежъ“. За Бердой начинались уже Крымскія степи, пока еще пустынныя и безлюдныя. Скотскіе табуны туземныхъ жителей начали появляться только послѣ двухъ дней пути (чрезъ рѣки Бердинку, Курсакъ и Кягіику) близъ Молочныхъ водъ, куда поручикъ со своими плѣнниками прибылъ 10 Іюля. А за копанями *) Азизъ и Каракуй, въ степи по обѣимъ сторонамъ дороги до Перекопа, уже кочевали многіе аулы Ногайскихъ Татаръ, которыми завѣдывалъ Тинмамбеть-мурза Нураліевъ.

Отпустивъ 14-го числа съ урочища Енче впередъ обозъ съ командою, Зубаревъ, въ сопровожденіи трехъ казаковъ и своего переводчика, отправился къ этому мурзѣ съ просьбой дать надежнаго проводника „для лучшаго и безопаснаго проѣзда чрезъ Сивашъ (то-есть Гнилой заливъ).

Нураліевъ жилъ отдѣльно отъ аула, саженяхъ въ двухстахъ. У него была своя кибитка, лучше другихъ убранная, и особый палаточный наметъ. Во время пріѣзда Зубарева онъ сидѣлъ въ кибиткѣ съ двумя знатными Татарами. „Съ обыкновеннымъ респектомъ и учтивостію“, поручикъ вошелъ въ кибитку и, „поздравляя мурзу съ благополучнымъ пребываніемъ“, чрезъ переводчика „представилъ ему слѣдующее“.

„По высочайшему ея императорскаго величества моей всемилостивѣйшей государыни указу отправленъ я изъ Астрахани ея императорскаго величества отъ дѣйствительнаго камергера, кавалера и Астраханскаго губернатора Ивана Онуфріевича Брылкина къ сіятельнѣйшему Крымскому хану въ Бахчисарай, а къ вамъ, пріятелю моему, пріѣхалъ для требованія, чтобы вы, по находящейся между обѣими имперіями дружбѣ, пожаловали мнѣ, для провожанія моего до Перекопа, знающаго дорогу чрезъ Сивашъ провожатаго“. *Мурза:* „За пріѣздъ вашъ дружескій благодарствую, а по надобности вашей провожатый вамъ приготовленъ будетъ“.

Поручикъ, поблагодаривъ мурзу „съ надлежащимъ почтеніемъ“, вышелъ изъ кибитки, и не успѣлъ онъ доѣхать до обоза, какъ посланный провожатый Ногаецъ уже явился къ нему.

Въ тотъ же день, во время отдыха, верстахъ въ 20-ти отъ аула Нураліева, близъ дер. Янпы, пріѣхали на станъ къ поручику Зубареву какіе-то Татары, оказавшіеся впослѣдствіи Очаковскими жителями. Увидя среди чужеземныхъ людей своего Ногайца, они приступили къ нему съ распросами.

— Съ какими людьми и куда ты ѣдешь?

*) Такъ назывались колодцы.

Проводникъ: Ѣдетъ это Россійскій офицеръ съ нашими Турками въ Бахчисарай, а я посланъ отъ мурзы проводить ихъ чрезъ Сивашъ.

Пріѣзжіе: Въ аулѣ ли находится мурза Тинмамбеть? Слышно, что у него будетъ банкетъ. Готово ли войско, которое собиралось въ походъ, и какъ оно скоро пойдетъ?

Проводникъ: Банкетъ у нашего мурзы будетъ и нынѣ и завтра; войско уже собралось и выступитъ послѣ банкета дня черезъ два или три.

Получивъ такую пріятную вѣсть, Татары „не мѣшкавъ", направились въ аулъ къ Нураліеву. Послѣ ихъ отъѣзда поручикъ чрезъ переводчика „развѣдывалъ" отъ Ногайца „о какомъ содержаніи они разговаривали", и проводникъ, ничего не подозрѣвая, разсказалъ все на чистоту.

Упоминаемое войско было собрано изъ Ногайскихъ улусовъ съ намѣреніемъ идти въ Большую и Малую Кабарды „для взятія съ нѣкоторыхъ тамошнихъ владѣльцевъ ясырю"; ибо уже лѣтъ 20-ть минуло, какъ Кабардинцы состояли „подъ владѣніемъ Турецкаго султана и съ нихъ надлежащая дань въ Царьградъ всегда была собираема ясыремъ" *). За *половину* прошлаго года владѣльцы эти отдали только *половину* дани, и больше, видимо, не хотѣли ничего давать. Вслѣдствіе этого, чтобы наказать ихъ и взять слѣдуемый съ нихъ ясырь, посылалось туда 5 тыс. Ногайцевъ, да съ Кубани нѣсколько тысячъ Татаръ, подъ начальствомъ „главнаго мурзы" вышепоказаннаго Нураліева („котораго Крымцы славятъ у себя великимъ батыремъ"). Дня черезъ три послѣ „банкета", который устраивался Тинмамбетемъ въ честь восьмилѣтняго сына Крымскаго хана, отданнаго ему на воспитаніе, войска выступали на Кубань. Посему проѣзжіе Очаковскіе Татары и спѣшили поскорѣе попасть въ аулъ Нураліева, чтобы съ одной стороны не упустить пиршества, а затѣмъ проститься и проводить своихъ родственниковъ въ дальній походъ.

Слѣдомъ за ними, при переѣздѣ чрезъ Сивашъ, Русскому офицеру попались, ѣхавшіе изъ Перекопа въ двухъ коляскахъ, четверо знатныхъ Турокъ (оказавшіеся Янычарскими агами), которые также направлялись къ мурзѣ „для совѣта объ отправленіи войска".

Къ вечеру того же 14-го Іюля, поручикъ Зубаревъ достигъ до „самой Перекопской линіи". У крѣпостныхъ воротъ, „въ которыя въѣзжаютъ", караульные Янычары его остановили. „Спрося обыкновенно", изъ какого онъ мѣста и куда ѣдетъ, одинъ изъ нихъ тотчасъ же отправился „внутрь линіи къ каймакану" (командиру крѣпости). Не позже, какъ черезъ часъ Янычаръ возвратился и предложилъ поручику отправиться на отведенную квартиру въ Греческой слободкѣ (въ сопровожденіи того же Янычара). Вскорѣ къ нему явился отъ каймакана „толмачъ Армянской породы" поздравить его съ пріѣздомъ. Поблагодаривъ послѣдняго „за пріятность съ учтивостью", поручикъ просилъ доложить коменданту о своемъ желаніи ему представиться. Черезъ полчаса переводчикъ явился съ отвѣтомъ. Тогда Зу-

*) То-есть натурою, людьми. Ясырь—Арабское слово, собственно означаетъ плѣнникъ. Въ старину называли ясыремъ невольниковъ.

баревъ, захвативъ съ собой трехъ казаковъ и своего толмача, поѣхалъ въ Перекопъ. Но каймаканъ, какъ бы оказывая большую Русскому офицеру учтивость, а въ сущности, не желая допустить его въ крѣпость, самъ вышелъ къ нему изъ городскихъ воротъ, съ нѣсколькими своими приближенными знатными Крымцами, и встрѣтилъ его приблизительно саженяхъ въ 50-ти отъ крѣпостной стѣны. Поручикъ, конечно, съ разу уразумѣлъ, для чего сдѣлана такая пышная встрѣча, но не настаивалъ пробраться во внутрь Перекопа. Лишь, учиня съ подлежащею учтивостію „поклонъ", онъ подошелъ къ коменданту и подалъ ему свой паспортъ.

— Почтенный господинъ каймаканъ, сказалъ онъ при этомъ, вѣдая васъ, яко пограничной крѣпости коменданта, объявляю вамъ мой „паспортъ", по которому я отправленъ по высочайшему ея императорскаго величества указу къ хану въ Бахчисарай.

— По паспорту вашему, что̀ вамъ въ отправленіи хану подводъ принадлежитъ, отвѣчалъ каймаканъ, то число дано будетъ.

Поручикъ: Для отправленія моего прошу пожаловать тринадцать лошадей и двѣ арбы, а остающихся здѣсь лошадей, казаковъ моей команды, благоволите приказать принять, чтобы оные до моего пріѣзда, гдѣ принадлежитъ, содержаны были; а для проѣзда безопаснаго (прошу) пожаловать мнѣ конвой.

Каймаканъ: Лошадей, которыя имѣютъ быть вамъ въ подводы, велю собрать чрезъ своего почтмейстера и вамъ пришлю. Оставшихъ отъ васъ лошадей надлежитъ отдать ему же, которому отъ меня приказано будетъ, чтобы оныя отданы были для пастьбы въ находящійся здѣсь ханскій табунъ. А конвою брать вамъ много не совѣтую, ибо нынѣ вездѣ тихо, и въ проѣздѣ обидъ никому не чинится. Съ вами будетъ (послано) трое сеймаковъ, которые и проводятъ васъ до Бахчисарая.

Послѣ этого комендантъ Перекопской крѣпости тутъ же подъ открытымъ небомъ приказалъ подать кофе и „чрезъ своихъ знатныхъ" угощалъ имъ поручика. Зубаревъ выпилъ только одну чашку, еще разъ „повторилъ ему о скорѣйшемъ отправленіи" и, „отдавъ съ учтивостію комплиментъ", поѣхалъ на свою квартиру. Болѣе часа Турецкій вѣжливый каймаканъ продержалъ его на лонѣ природы, подъ палящимъ южнымъ солнцемъ.

На другой день поручикъ сдалъ 28 казачьихъ лошадей присланному почтмейстеру. Вскорѣ къ нему явился комендатскій переводчикъ, въ сопровожденіи туземныхъ музыкантовъ. Послѣдніе были присланы отъ каймакана, „яко здѣшняго главнокомандующаго", поздравить съ пріѣздомъ Русскаго офицера, по Турецкому обыкновенію, „музыкой". Какъ ни жался поручикъ, а надо было дать имъ два рублевика, „съ настоящимъ благодареніемъ за пріятность каймакана".

Музыканты ушли, переводчикъ остался и, между разговорами, повѣдалъ Зубареву, что „на сихъ дняхъ полученъ отъ хана Селимъ-Гирея фирманъ (указъ), которымъ повелѣвалось кочующіе за линіею по степи къ Россійской границѣ аулы Ногайскихъ Татаръ сбить на Кубань, потому,

будто бы, что отъ нихъ чинятся проѣзжающимъ Великороссійскимъ и Малороссійскимъ купцамъ грабежи и убійства; на самомъ же дѣлѣ оные-де чинятся ни отъ кого иного, какъ отъ казаковъ Запорожскихъ: „не токмо къ проѣзжающимъ, но и къ нашимъ (то-есть Крымскимъ) мѣстамъ они воровски подъѣзжаютъ и причиняютъ несносныя обиды".

Послѣ ухода толмача, чтобы получше разузнать о замыслахъ Крымцевъ, Зубаревъ послалъ одного казака Доломановской станицы въ Перекопъ „подъ нѣкоторымъ претекстомъ для секретнаго развѣдыванія". Но послѣдній, походивъ по лавкамъ мѣстныхъ купцовъ, будто бы „для пріисканія нужныхъ товаровъ", узналъ очень немного. Какой-то торговецъ Арнаутъ „въ разговорахъ хвалился только, что нынче у нихъ крѣпость Очаковская не въ примѣръ лучше укрѣплена и вооружена, такожде и Азовская крѣпость будетъ возобновлена лучше прежней".

Въ тотъ же день къ Зубареву были присланы просимыя подводы и сеймаки для конвоя. 16-го числа онъ выѣхалъ изъ Перекопа на деревню Кошъ-Кура-Адля, въ д. Худжанбачъ, гдѣ „отъ хана определенъ мезиръ" (почтовый дворъ). Здѣсь, перемѣнивъ данныхъ ему 13 лошадей, Зубаревъ на слѣдующій день отправился далѣе чрезъ д. Курулы, въ гор. Козлевъ, въ которомъ и ночевалъ на постояломъ дворѣ.

Близъ этого города чрезъ р. Салгиру построенъ изъ дикаго камня мостъ. Городъ расположенъ около самаго Чернаго моря, и въ немъ „изрядная пристань для флота". Въ описываемое время въ гавани стояло 14-ть „партикулярныхъ судовъ Константинопольскихъ купцовъ", которые сбывали „разные товары" въ Бахчисарай, Кефу, Карасу, Перекопъ и другія мѣстности Крыма.

18-го Іюля поручикъ со своими плѣнниками прибылъ, наконецъ, въ столицу Крымскаго ханства. Видимо, о его пріѣздѣ уже заранѣе было извѣстно тамъ, потому что „въ первой же улицѣ къ городу" его встрѣтили три ханскихъ чауша, посланные повелителемъ Бахчисарайскимъ для указанія Русскому офицеру квартиры, которая была отведена въ Греческой слободѣ. Тутъ, „учиня обыкновенное съ пріѣздомъ поздравленіе", чауши объявили, что ханъ „съ начала нынѣшняго дня выѣхалъ съ птичною охотою на поля".

Часа черезъ два съ такимъ же поздравленіемъ явился къ Зубареву ханскій переводчикъ Асанъ-ага, „природы Польской", по фамиліи Мировичъ. Въ разговорахъ онъ жаловался на Запорожскихъ казаковъ, что тѣ „нестолько Великороссіянамъ, сколько Крымцамъ великія грабительства и притѣсненія чинятъ". Происходитъ-де это не иначе, какъ отъ попустительства Русскихъ властей „по ихъ нестерпимости, какъ нарушеніе заключеннаго трактата".

Между тѣмъ, отъ жившихъ въ Бахчисараѣ Грековъ поручикъ получилъ иныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ самихъ Крымцевъ. Будучи 19-го числа не принятъ ханомъ, по случаю болѣзни послѣдняго, онъ весь день оставался дома. Узнавъ объ этомъ, его посѣтили дьяконъ Бахчисарайской церкви св. Нико-

лая Георгій и нѣсколько Греческихъ купцовъ, жившихъ къ Константинополѣ; люди эти подтвердили прежде слышанную Зубаревымъ вѣсть о сборѣ Ногайскихъ войскъ съ посылкой ихъ за Кубань „въ Черкесы для взятія за нынѣшній (1747) годъ ясырю". Кромѣ того дьяконъ сообщилъ, что въ Бахчисараѣ въ качествѣ аманатовъ живутъ Черкесскій „князекъ Кайбулатъ и при немъ 10 человѣкъ біевъ". Находятся они на свободѣ, но за ними учрежденъ строгій надзоръ. Годъ же тому назадъ, „по самой ханской жестокости", ихъ содержали „подъ крѣпкимъ карауломъ". „Тогда они, не хотя того ханскаго нападенія къ нимъ терпѣть, за тотъ годъ и отдали мужскимъ и женскимъ поломъ ясыря малолѣтнихъ 1300 душъ, почему и освободились отъ того караула"." Крымцы имѣли даже особливое намѣреніе" съ помощью Черкесъ, построить крѣпость на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ городъ „Копылъ" (?), при устьѣ рѣки Кубани: „разломать прежнюю, а новую увеличить и умножить артиллерію и припасами противъ крѣпости Азовской"; ибо хотя послѣдняя была „велика" и сильно укрѣплена, но они на нее не надѣялись въ случаѣ „нечаянной опасности отъ Россіи", которой очень боялись. Такъ, напримѣръ, когда въ 1746 году прошелъ слухъ о посылкѣ „Русской арміи въ немаломъ числѣ для разоренія Крыма", то среди Турокъ и особенно между Крымцевъ „было великое смятеніе". Поэтому, пользуясь мирнымъ временемъ, они и спѣшили возводить на границахъ новыя крѣпости.

За такое сообщеніе поручикъ „съ благодарностью" подарилъ дьякона рублевикомъ.

На слѣдующій день, 20-го Іюля, въ 1 часъ дня, чрезъ присланнаго ханскаго пристава Ардо-баши, Зубареву была назначена аудіенція. Взявъ съ собою письма, плѣнныхъ, толмача и конвой изъ трехъ казаковъ, онъ отправился въ Бахчисарайскій диванъ. Приставъ шелъ впереди и указывалъ ему дорогу.

За нѣсколько шаговъ до ханскаго дворца, навстрѣчу ему вышелъ переводчикъ Асанъ-ага, который потомъ также шелъ впереди. Въ самыхъ же воротахъ двора его встрѣтили полковникъ сеймаковъ и ханскій адъютантъ, которые, подобно переводчику, поздравивъ его съ прибытіемъ, шли передъ нимъ до самаго дивана. Дойдя до той „палаты", въ которой засѣдалъ ханъ, вышепоказанные ханскіе чиновники стали по обѣимъ сторонамъ дверей и мимо себя пропустили поручика съ его переводчикомъ въ комнату. Селимъ-Гирей былъ окруженъ своими приближенными, знатными Турками, до 50-ти человѣкъ „стоящими и сидящими персонами". По правую руку на особомъ мѣстѣ сидѣлъ его племянникъ Сафа-Гирей, а по лѣвую—Бахчисарайскій визирь. Войдя въ „палату" и „отдавъ съ принадлежащею учтивостью поклонъ хану", поручикъ привѣтствовалъ Селимъ-Гирея: „Ея Императорскаго Величества, моей всемилостивѣйшей Государыни дѣйствительный камергеръ, кавалеръ и Астраханскій губернаторъ И. О. Брылкинъ вашему сіятельству объявляетъ чрезъ меня свой пріятельскій поклонъ".

Ханъ, выслушавъ, чрезъ переводчика своего, „пріятно благодарилъ".

Тогда поручикъ продолжалъ: „По высочайшему указу отправленъ я къ вашему ханскому сіятельству отъ Астраханскаго губернатора съ письмомъ, и при мнѣ Порты Оттоманской пять плѣнныхъ Турокъ, приведенныхъ въ Астрахань съ Мангышлака", при чемъ поднесъ хану письмо, которое отъ него принялъ стоявшій по лѣвую руку ханскій секретарь.

Селимъ-Гирей „паки" выразилъ свою благодарность Астраханскому губернатору и тотчасъ же приказалъ подать поручику стулъ, на которомъ послѣдній сидѣлъ до конца аудіенціи, продолжавшейся около часа.

Потомъ ханъ спрашивалъ его, когда онъ выѣхалъ изъ Астрахани? Поручикъ отвѣтилъ: „24-го Мая".

Послѣ этого Селимъ-Гирей приказалъ принять отъ Зубарева Турокъ. Поручикъ при этомъ просилъ хана „о полученіи тѣхъ плѣнныхъ увѣдомить Астраханскаго губернатора, а также коменданта крѣпости Св. Анны и Донского войскового атамана".

Ханъ. Какъ только разсмотрю поданное вами письмо, то не замедлю дать вамъ извѣстіе.

Аудіенція кончилась. Зубаревъ „со всякою учтивостью" откланялся и, въ сопровожденіи тѣхъ же чиновниковъ, вышелъ изъ дивана. Приставъ ханскій провожалъ его до самой квартиры.

Вскорѣ къ нему пришелъ священникъ Николаевской Греческой церкви, чтобы, по обыкновенію Турецкому, поздравить его съ „благополучнымъ бытіемъ у хана".

Онъ тоже разсказалъ кое-что о Крымскихъ и Турецкихъ дѣлахъ. Пришлось дать рублевикъ и ему *).

На слѣдующій день ханъ опять уѣхалъ на соколиную охоту, почему прощальная аудіенція поручику дана была только 22-го числа, также въ 1 часъ дня, какъ и прежде. Съ той же церемоніей и съ тѣми же встрѣчами онъ явился въ диванъ хана. Слѣдомъ за нимъ „ханскими людьми" былъ внесенъ стулъ, на которомъ поручикъ сидѣлъ все время аудіенціи. Потомъ подали конфекты и кофе для угощенія посла, и только послѣ этой церемоніи Зубаревъ сталъ говорить хану: „Я до Порты Оттоманской подданныхъ представилъ благополучно, напротивъ же того, прошу, если со стороны Россійской поддан-

---

*) Священникъ подтвердилъ о сборѣ Ногайцевъ для похода на Кубань, при чемъ добавилъ, что „прошлаго года войска Крымскія въ походъ не ходили"; только Селимъ-Гирей съ 300 Татарами ѣздилъ въ Стамбулъ къ султану. — Въ томъ же (1746) году взятые въ ясырь отъ „Черкесъ" 1300 малолѣтнихъ мужского и женскаго пола, по ханскому повелѣнію, сначала были розданы въ Бахчисараѣ „на пропитаніе Грекамъ, Армянамъ и Татарамъ", а потомъ мѣсяца черезъ два по фирману султанскому ихъ на судахъ отправили въ Стамбулъ ко двору.

Въ тотъ же день казакъ Доломановской станицы узналъ на базарѣ отъ знакомаго Некрасовца, что „на томъ мѣстѣ, гдѣ они (Некрасовцы) живутъ", вмѣсто мѣстечка Копола, будетъ строиться крѣпость. Мѣсяца четыре назадъ туда было привезено лѣса до 300 бревенъ, а для вооруженія ея нѣсколько пушекъ и мортиръ доставлено моремъ изъ Трапезонда въ Козлевъ и сложено тамъ „до указу".

ные люди въ Крыму, Кубани или въ кочующихъ ордахъ плѣномъ, или другою какою причиною попались, или впредъ попадутся, равномѣрное благодѣяніе учинить и со стороны Порты, дабы такіе высылаемы (были) къ границамъ Россійской имперіи главнымъ командирамъ, чрезъ что не иное воспослѣдуетъ, какъ вѣрное и твердое содержаніе заключеннаго между обѣими имперіями высочайшаго трактата и пребудетъ истинная сосѣдственная ненарушимая дружба".

Ханъ: Въ 5 пунктѣ мирнаго трактата положено: если подданные Россійской имперіи или Порты Оттоманской случатся во время кампаніи въ плѣну и по другимъ причинамъ, таковыхъ высылать къ пограничнымъ командирамъ; почему отъ меня многажды и по нѣскольку человѣкъ, какъ въ Кіевъ къ тамошнему губернатору, такъ и въ Черкаскъ къ атаману Данилѣ Ефремову со всякимъ удовольствіемъ высылаемы и провожаемы были, да и впредъ таковое стараніе отъ Порты Оттоманской по сосѣдственной дружбѣ не оставится, о чемъ къ его превосходительству Астраханскому губернатору отъ меня писано [1]).

Поручикъ „съ подлежащимъ респектомъ" хана благодарилъ.

Ханъ. На письмо его превосходительства Астраханскаго губернатора, также на письма коменданта крѣпости Св. Анны и атамана Ефремова съ вами посылаю отвѣты, которые прошу, при объявленіи отъ меня дружескаго и вѣрнаго поклона, вручить.

Тотчасъ же секретаремъ ханскимъ поручику были „поднесены" три письма. Тогда Зубаревъ просилъ о своемъ „отправленіи въ безопасномъ конвоѣ до границы Россійской".

Ханъ: Отъ Бахчисарая до Перекопа съ вами поѣдетъ приставъ Ардобаши, а объ отправленіи вашемъ изъ Перекопа до границы съ нимъ посылается къ тамошнему каймакану фирманъ.

Аудіенція продолжалась два часа. Поручикъ всталъ и, поблагодаривъ „хана съ пристойной учтивостію и респектомъ за содержаніе пріятельское" [2]), вышелъ изъ дивана.

На дворѣ два ханскихъ человѣка подвели ему коня, засѣдланнаго простымъ Черкесскимъ сѣдломъ „безъ оправы и узды, лишь съ мѣднымъ небольшимъ наборомъ". То ханъ „презентовалъ" Русскаго офицера. Поручикъ просилъ переводчика Асана передать его сіятельству благодарность, а служителей пригласилъ къ себѣ и подарилъ имъ пять рублевиковъ.

[1]) Въ письмѣ къ И. О. Брылкину дѣйствительно ханъ писалъ тоже самое. Письмо это написано „1160 года, мѣсяца Реджеба 27 числа (1747 г., Іюля 21) изъ Бахчисарая". На подлинномъ письмѣ печать чернильная имени Капланъ-Гирея, ханова сына, Селимъ-Гирея-хана.

[2]) Какъ пишетъ Зубаревъ въ реестрѣ издержекъ своихъ, „въ бытность въ Бахчисараѣ, по приказу ханскому, довольствовали его съ командою первые три дня, по ихъ обычаю, Христіане (Греки и Армяне) и Жиды „давали на каждый день по полубарана, сверхъ того, калачи пшеничные, лукъ, чеснокъ, пшено сорочинское, масло коровье, уксусъ, да вина бѣлаго и краснаго по пяти окъ каждаго. А послѣ трехъ дней, по тому же числу довольствованъ отъ казны ханской".

Спустя часа два, тотъ же Асанъ пришелъ къ Зубареву на квартиру, чтобы по порученію ханскому развѣдать „о намѣстникѣ ханства Калмыцкаго Дондукъ-пашѣ, въ какихъ мѣстахъ онъ со всѣми его улусы нынѣ кочуетъ?“ Но поручикъ, смекнувъ, что эти разспросы неспроста, отозвался незнаніемъ, потому-де, что самъ въ Астрахани пробылъ недолго. Тогда Асанъ, чтобы, устранить всякія подозрѣнія, сообщилъ Зубареву: „оные Калмыки, какъ нынѣшній, такъ и прошлый годъ единодушно проискиваютъ; однимъ словомъ сказать, нѣкоторые отъ намѣстника пріѣзжали и просили, чтобы они были приняты на Кубань и присовокуплены въ протекцію нашу [1]), о чемъ Кубанскій сераскиръ писалъ хану. Однако, ханъ, вѣдая, что они состоятъ подъ протекціей Россійской, всегда имъ въ томъ отказывалъ“ [2]). Да и то разсудить можно: чрезъ такіе происки не иное что воспослѣдуетъ, какъ нарушеніе между обѣими имперіями вѣчнаго мира“, въ заключеніе, уже отъ себя, добавилъ Асанъ.

Послѣ того онъ приказалъ „своимъ людямъ“ принести ружье и, вынувъ изъ „нагалища“, показалъ поручику:

— Сіе ружье, сказалъ онъ, ханское сіятельство посылаетъ, въ знакъ дружбы, къ Астраханскому губернатору въ презентъ.

Ружье было Турецкой работы, стволъ насѣченъ золотомъ и на ложѣ положены бляхи серебряныя.

Въ заключеніе всего, поручика „четверть часа“, по Турецкому обыкновенію, опять поздравляли присланные ханомъ музыканты, и онъ далъ имъ 3 рубля.

На другой день, провожаемый приставомъ Ардо-баши, Зубаревъ выѣхалъ изъ Бахчисарая въ Козлевъ. Верстахъ въ 10-ти за д. Худжембагъ ему повстрѣчался, въ коляскѣ, мурза Тинмамбетъ съ ханскимъ сыномъ, въ сопровожденіи конвоя изъ 40 Татаръ. Онъ ѣхалъ въ Бахчисарай, чтобы отдать хану его сына, а потомъ возвращался къ войску, которое тогда выступало на Кубань.

Войско это — аулы Ногайцевъ, кочевавшіе ранѣе при путешествіи поручика въ передній путь за Перекопской линіей ближе къ Русской границѣ, теперь въ числѣ 15 тыс. кибитокъ, со всѣмъ скотомъ и лошадьми, перешли по другую сторону Перекопа къ Бахчисараю.

При прохожденіи войска этого, 18-го Іюля, чрезъ Перекопъ, впереди его, съ ханскимъ сыномъ, ѣхалъ мурза Тинмамбетъ. При войскѣ было 2 большихъ и 10 малыхъ знаменъ, всѣ одинаковаго желтаго цвѣта, только на первыхъ (двухъ) „по тремъ сторонамъ были пущены большіе бѣлые клинья“. „Какъ только Ногайцы стали подходить къ Перекопу (за версту) изъ двухъ крѣпостныхъ пушекъ данъ былъ сигналъ для предосторожности обывателей“. Два дня они простояли въ крѣпости и 20-го Іюля выступили далѣе.

---

[1]) Т. е. Крыма.

[2]) По этимъ даннымъ явствуетъ, что Калмыки, за долго еще до своего бѣгства (въ 1771 г.) въ Китай, намѣревались отложиться отъ Россіи.

Около Перекопа поручикъ встрѣтилъ еще „множество Малороссіянъ на волахъ, превеликіе обозы и великія фуры, что паръ до 15 и болѣе запряжено, для взятія соли, а иные съ солью съ находящагося близъ Перекопа озера“. По увѣренію пристава ханскаго, Малороссы пріѣзжали за солью „изо всюду“ и платили за нее въ Перекопѣ по 4 рубля съ воза.

Съ 24 по 26 Іюля Зубаревъ пробылъ въ Перекопѣ „на квартирѣ въ Армянской слободѣ“ и отпустилъ отсюда пристава Ардобаши во-свояси „съ благодарностью“, давъ ему 5 рублей *).

Дальнѣйшій путь Русскаго офицера прошелъ безъ приключеній и наблюденій. Между копаней Каракуй до рѣки Берды съ 27 по 31 Іюля, только изрѣдка попадались пасущіеся табуны Крымскихъ жителей, но ни одной кочевой кибитки при нихъ и въ степи, „и никакого войска“.

На р. Бердѣ къ Зубареву явился какой-то человѣкъ верхомъ въ Татарскомъ платьѣ и назвался Русскимъ, взятымъ въ плѣнъ еще съ дѣтства, съ отцомъ и съ матерью, во время войны Бахты-Гирея. Поручикъ взялъ его съ собой и 7-го Августа сдалъ въ крѣпость Св. Анны коменданту.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того (8-го Сентября) Зубаревъ добрался наконецъ до Астрахани, издержавъ на свою поѣздку, кромѣ асигнованныхъ ему 30 р., еще 25 р. 14 коп., изъ „собственныхъ“, которые потомъ ему были возвращены изъ казны.

П. Юдинъ.

*) Далѣе до Русской границы его провожалъ присланный отъ Перекопскаго каймакана переводчикъ Ага-Амонъ, которому поручикъ подарилъ 3 рубл. Помимо того, въ „реестрѣ издержкамъ“ у него показаны слѣдующіе подарки: 1) По вступленіи въ Турецкія границы посланному отъ Тинмамбеть мурзы до Перекопа провожатому данъ 1 руб., 2) въ Перекопѣ почтмейстеру, „при отдачѣ ему лошадей команды“, 4 руб., 3) въ Бахчисараѣ 3-мъ чаушамъ за указаніе квартиры—3 руб., шести сеймакамъ—6 руб.; ханскому толмачу Асанъ-агѣ Персидскій кушакъ съ серебромъ въ 10 рубл. и, наконецъ, на почтовыхъ Турецкихъ дворахъ „подводчикамъ“, по ихъ просьбѣ, какъ у нихъ то въ обыкновеніи—10 рублей.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ОТЦУ ЕГО ЯКОВУ ИВАНОВИЧУ ИЗЪ НЕАПОЛЯ ВЪ МОСКВУ [1]).

1805-й годъ.

Неаполь, 1-го Генваря 1805 года.

Прибылъ къ намъ изъ Корфу 74-хъ пушечный корабль «Прасковья» подъ командою командора Салтанова; также тутъ полковникъ Преображенскій Д. В. Арсеньевъ и нашъ старинный пріятель Францъ Ивановичъ Кличка. Не знаю, вамъ извѣстенъ ли онъ; но онъ мнѣ много говорилъ о тетушкѣ, которую видѣлъ прошлую зиму въ Москвѣ. Насъ весьма обрадовало сіе Русское населеніе, вдругъ какъ будто съ неба упадшее. Княгиня Долгорукая и графиня Головкина даютъ намъ часто балы; первая меня отмѣнно ласкаетъ и премилая женщина, дѣлающая честь Россіи. Вторая моя новость печальна; но какъ быть? Третьяго дни въ 6 час. утра скончалась графиня М. Н. Скавронская стеченіемъ многихъ болѣзней, а главная—ракъ на груди, который она таила долго ото всѣхъ, даже отъ своего доктора; ему открыла она это только мѣсяца два передъ смертію, но поздно было помощь подать. Не хотѣла дѣлать духовной, никакого завѣщанія; люди ея остаются въ жалкомъ положеніи. Доктору запретила себѣ сказывать, когда будетъ безъ надежды. Между нами сказано, она умерла, какъ совершенная безбожница, не подумавъ ни о покаяніи, ни о причастіи; увѣряютъ, что она лѣтъ 20 не видала церкви и не крестилась. Намъ сія смерть даетъ весьма непріятныя хлопоты и лишнюю переписку. Очень бы было желательно, чтобы кто-либо Литтѣ[2]) внушилъ дать бѣднымъ оставшимся людямъ пропитаніе: многіе служили покойницѣ лѣтъ 40 съ ревностію.

Благодарю васъ за записку княжны Хованской; оставляю оную у себя comme souvenir. Я такъ часто о ней упоминаю, что нѣкая любезная principessa, съ коею я (съ вашимъ позволеніемъ) въ тѣсной связи, ревнуетъ меня къ ней и называетъ ее la vostra sposa[3]). Очень я радъ, что мой крестикъ былъ княжнѣ по вкусу.

---

[1]) См. выше, стр. 379.

[2]) Т. е. графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Литта, которая въ первомъ бракѣ была за сыномъ покойной графини, графомъ Павломъ Мартыновичемъ Скавронскимъ. П. Б.

[3]) Ваша невѣста.

Наконецъ настало у насъ прекрасное время: весь городъ по утрамъ гуляетъ на Villa Reale, гдѣ стоитъ Фарнезскій быкъ, окруженный фонтанами. Однако эта статуя меня не прельщаетъ. M-r Elliot dit qu'il n'y a là de véritablement antique qu'une des cornes du taureau, et je crois qu'il ne se trompe pas. Ce qu'il y a de remaquable c'est que ce groupe fut porté à Rome d'Athènes dans une incursion des barbares; pour le sauver, on le jetta dans le Tibre, où il resta ignoré pendant quatre siècles. Un hasard le fit découvrir; malgré les restaurations, il fut impossible de lui rendre sa première beauté.

*

Неаполь, Генваря 8-го дня 1805 года.

Ежели свадьбы у васъ будутъ продолжаться, какъ теперь, то не останется для меня невѣсты. Бѣда не велика! Состояніе холостого молодого человѣка есть, мнѣ кажется, пріятнѣйшее; ежели же и въ немъ встрѣчаются заботы, то что̀ должно быть у женатыхъ? Я выбралъ средину и имѣю здѣсь связь, которая, отклоняя меня отъ свойственной нашимъ лѣтамъ разсѣянности и наклонности ко всѣмъ безъ разбору удовольствіямъ, заставляетъ меня вести образъ жизни порядочный, одинаковый и не препровождаемый всѣми хлопотами, заботами и непріятностями супружества. Прекрасному же здѣшнему полу можно прощать чрезвычайную его ревность за всѣ получаемыя отъ него жертвы. Принцесса Монтесаркіо (la dame en question) часто у меня спрашивала, писалъ ли я вамъ о ней? Не помня о томъ точно, обѣщалъ сегодня же вамъ писать и держу слово, надѣясь, что вы утаите отъ Московскихъ моихъ красавицъ измѣну мою. Вы дали мнѣ, любезнѣйшій батюшка, позволеніе писать все, что̀ въ голову идетъ. Итакъ пеняйте на себя, ежели говорю вамъ о вздорахъ, коими бы могъ я только Фаста забавлять. Вы ѣздите на саняхъ, а мы третьяго дни, въ наше Рождество Христово*) были всѣ у обѣдни, ѣздили послѣ на нашъ корабль, катались въ шлюпкѣ; такъ было жарко, что княгиня Долгорукая имѣла на себѣ одно кисейное платье, а гребцы были въ рубашкахъ. Ежели можно, сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ съ Пандеміемъ сочиненія Ломоносова и парочку другихъ Русскихъ книгъ.

*

Неаполь, 21-го Февраля (5-го Марта) 1805 года.

Никогда не было столь великаго здѣсь стеченія Русскихъ, какъ теперь: цѣлый домъ Долгоруковыхъ, Головкина, Балкова, Турчанинова (Елмптъ), Демидова, которая больна, Николай Гагаринъ, Гурьевъ, Буд-

*) А. Я. Булгаковъ позабылъ, что это было не Рождество, и Крещенье.

бергъ, Фирксъ, много другихъ Лифляндцевъ, Курляндцевъ и проч. и цѣлый военный корабль, на коемъ много любезныхъ молодыхъ офицеровъ.

Приписанному вами нравоученію очень вѣрю, хотя и не препровождаете оное примѣрами. Воспоминаніе добродѣтельной жизни при старости нашей должно быть неоцѣненное благо и мысль столь утѣшительная, что самое приближеніе смерти не должно, кажется, ее ослабить и ей подчинено. По сіе время не навлекъ я на себя ничью непріязнь и принимаю ласковое всѣхъ со мною обхожденіе несумнительнымъ доказательствомъ благорасположенія: вѣдь льстятъ всемогущимъ вельможамъ; а я столь маловаженъ, что не стоитъ, кажется, труда вводить меня въ заблужденіе. И такъ я приписываю сіе нѣкоторымъ хорошимъ качествамъ сердца, основаннымъ на хорошихъ правилахъ, къ коимъ навычку сдѣлали мы съ малолѣтства, препорученнаго попеченіямъ нѣжной и чувствительной матери. Веселитъ меня слышать ото всѣхъ, изъ Вѣны пріѣзжающихъ: vous êtes bon, comme votre frère; il est impossible de ne pas vous aimer tous les deux. Кажется, я взялся писать себѣ похвальную рѣчь; въ другомъ случаѣ было бы это надменное самолюбіе; но здѣсь, наединѣ съ вами, любезнѣйшій батюшка, это у мѣста. Ежели другимъ никогда до того не дойдемъ, до чего вы дошли, то будемъ по крайней мѣрѣ походить на васъ добродѣтельнымъ сердцемъ. Не сомнѣвайтесь въ истинѣ послѣднихъ строкъ письма вашего; мы ее оправдаемъ совершенно.

*

Неаполь, 14-го (26-го) Марта 1805 года.

Я бы очень былъ любопытенъ прочесть Лубяновскаго путешествіе по Италіи; теперь ее лучше его я знаю и слѣдовательно лучше о ней судить могу.

Болѣзнь прекрасной княжны Софіи *) меня огорчаетъ; но надѣюсь, что великій постъ загладитъ всѣ шалости и неустройства карнавала, коимъ будетъ другой разъ пользоваться умѣреннѣе. Всѣ Русскія дамы, которыя теперь здѣсь, отмѣнно любезны. La pr. Dolgorouky m'a dit hier: je rencontrerai sûrement Tatistheff en chemin et lui dirai tout ce que vous méritez qu'on dise de vous. Демидова также. Я довольно пожилъ въ свѣтѣ, чтобы примѣтить, что протекція женщинъ, особливо называемыхъ à la mode, отмѣнно полезна и болѣе иной разъ дѣлаетъ, чѣмъ рекомендаціи начальниковъ.

---

*) Хованской, будущей супруги Прок. Ѳед. Соковнина. П. Б.

Жаль, ежели безъ Татищева наймутъ домъ графини Скавронской покойной, который меблированъ хорошо, что̀ здѣсь довольно рѣдко; боюсь, чтобы не былъ только малъ для г. Татищева; но все-таки для pied-à-terre, кажется, лучше ничего желать нельзя. А въ трактирахъ дерутъ здѣсь немилосердно, особливо съ министровъ. Послѣ графини остались также лошади, кареты и пр. и пр. Это мимоходомъ можете даже сказать, я думаю, ему.

*

Неаполь, 28-го Марта (9-го Апрѣля) 1805 года.

Жаль мнѣ, что Панинъ совсѣмъ службу оставилъ; я было имѣлъ счастіе снискать его благосклонность.

Намедни съ Демидовою былъ я въ первый разъ въ *катакомбахъ* Св. Януарія (есть ли Русское имя?). Онѣ не столь пространны, какъ Римскія, но менѣе опасны, будучи просѣчены въ камнѣ; первыя вырыты въ землѣ, которая часто обваливается и зарываетъ навѣки любопытныхъ путешественниковъ. Вамъ извѣстно, что древніе христіане туда скрывались отъ гоненій варваровъ, и видно даже безчисленное множество череповъ, костей человѣческихъ и пр. Изъ сихъ катакомбовъ идутъ разныя отверстія въ окружности Неаполя. Мнѣ пришла мысль, ходя тамъ: ежели, Боже избави, оказалась бы чума, сіи подземелья могутъ очень служить кладбищемъ, безъ малѣйшей опасности. Вышина ихъ сажени три, а пространство съ версту и раздѣлены на множество комнатъ съ каменными полками, или лучше сказать съ просѣченными въ камнѣ отверстіями, въ кои клали мертвыя тѣла̀. Вотъ все, что̀ умѣю вамъ сказать о катакомбахъ.

*

Неаполь, 4-го (16-го) Апрѣля 1805 года.

Не заставляйте меня бѣднаго долго воздыхать по поѣздкѣ моей въ Россію; попросите Татищева, чтобы первое куріерство было для меня непремѣнно; мнѣ самому отмѣнно хочется лѣтомъ у васъ побывать: Москва тогда пуста, и чаще можно будетъ сидѣть дома. А я вижу, что бѣднаго Константина затормошили. Вы хотите меня подарить чѣмъ-нибудь въ замѣну моего гостинца. Я самъ лучше всѣхъ долженъ знать, что̀ мнѣ по сердцу и скажу вамъ, что мнѣ ничего не надобно: я по милости вашей доволенъ и иного не желаю, какъ скорѣе быть въ Москву. Надѣюсь, что любезный батюшка не только мнѣ сего не отказываетъ, но будетъ даже хлопотать, чтобы скорѣе все совершилось. Je partirai au risque de justifier les sobriquets de volage, de traître, de perfide qu'une certaine personne, dont je vous ai déjà parlé

avant, commence à me donner dès ce moment. Je veux suivre l'exemple d'Enée, d'autant plus que les Italiennes ne sont pas si difficiles à se consoler du départ de leurs amants que les Carthaginoises. Je peux vous assurer sérieusement que dans la personne dont je vous parle plus haut et qui est la princesse Montesarchio, veuve et belle fille du marquis de Vasto, grand maître de la cour, j'ai une véritable amie. C'est une personne sensée et qui jouit de l'estime de tout le monde. Elle me demande toujours ce que vous me dites d'elle et si vous vouliez m'écrire quelque chose que je puisse lui faire voir et qui la rassure, cela nous ferait plaisir à tous deux. Вы не воображаете, можетъ быть, что теперь Пасха католическая, что мы только на Страстной недѣлѣ и что я для того исповѣдываюсь. Когда къ вамъ пишу, чувствую внутреннее побужденіе говорить все то, что̀ на сердцѣ; иной разъ останавливаюсь, говоря себѣ: какъ можно батюшкѣ писать такіе вздоры? Сегодня далъ я себя увлечь, надѣясь на вашу снисходительность.

Боголюбова мѣстопребываніе непріятно, но всѣмъ прочимъ долженъ быть онъ очень доволенъ: хорошее имѣетъ жалованье, милостиваго и пречестнѣйшаго начальника, вся переписка на его рукахъ и при концѣ коммиссіи получитъ вѣрно и чинъ, и другое награжденіе. Че‹мъ› лучше желать? Сего однакоже не заключаю по его письмамъ. Очень радуюсь успѣхамъ добрыхъ ребятъ Карнѣева и Лубяновскаго. Мое почтеніе И. Д. Волкову; что̀ бы онъ сказалъ, видя меня обритаго и безъ пудры? Но какъ пудриться въ здѣшнихъ климатахъ, гдѣ потѣешь, какъ въ банѣ Русской? Ежели будетъ къ намъ, то попросите его пріѣхать зимою: тогда все найдетъ въ исправности.

*

Неаполь, 26-го Апрѣля (7-го Мая) 1805 года.

Три года живу здѣсь, а еще не видалъ извѣстное чудо Св. Януарія*). Имѣя удобный къ тому случай, пошелъ я намедни посмотрѣть съ сестрою посольши Разумовской и съ Гагаринымъ. Не любопытство видѣть чудо къ тому меня понудило, но желаніе посмотрѣть, какъ народъ оное принимаетъ и какими смотритъ на то глазами. Право, удивился! Удивительно, какъ въ церемоніи, основанной совершенно на одномъ только ослѣпленіи и глупомъ суевѣріи народа, не наблюдаютъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую благопристойность и наружную важность. Ничего не бывало: все дѣлается по сигналу и крику полдюжины ста-

*) Св. Януарій былъ обезглавленъ при Діоклетіанѣ. Нѣкія христіанскія матроны благоговѣйно сохранили его главу и запекшуюся кровь. Онѣ покоятся въ Неаполитанскихъ катакомбахъ и, по народному убѣжденію, кровь эта закипаетъ въ день праздника святаго и передъ грозящими народными бѣдствіями. Ю. Б.

рыхъ бабъ, выдающихъ себя за кормилицъ Св. Януарія. Долго вамъ разсказывать всю церемонію. Растопленіе чернаго тѣла, находящагося въ маленькой кругловатой бутылочкѣ и превращающагося въ кровь, продолжалось 11 минутъ. Во все это время и особливо подъ конецъ, бабы не переставали ругать святого немилосердно, говоря: faccia gialla faccia brutta, perchè non fai il miracolo? Gesù Cristo preghi S. Gennaro di *fare il miracolo*! Santo nostro bennedetto non ci fai perdere il cervello[1]) и другія подобныя нелѣпости. Когда зазвонятъ въ колокольчикъ, знакъ, что чудо совершилось, весь народъ въ восхищеніи; мальчики бѣгутъ вонъ изъ церкви и кричатъ по улицамъ: è fatto il miracolo[2])! Тутъ бабы начинаютъ хвалить святого, но столь глупымъ и непристойнымъ образомъ, какъ прежде ругали. Сіе злоупотребленіе, можетъ быть, въ старину разъ вкралось, и теперь оно сдѣлалось родомъ закона. Бабы сіи занимаютъ первое и лучшее мѣсто въ церкви. Un Français, qui était en extase de la musique et se trouvait à côté de moi, me dit: chez vous il n'y a point de musique à l'eglise?—Non, monsieur.—Et pourquoi?—C'est que chez vous, lui répondis-je, on fête le bon Dieu et chez nous on l'adore seulement. Да и правда, у насъ въ священныхъ обрядахъ такая тишина, благоговѣніе, набожность, а здѣсь шумъ, концерты, иллюминаціи, процессіи и пр. Не натурально, чтобъ музыка, и хорошая, не болѣе трогала всѣ наши чувства, чѣмъ голосъ и молитвы попа, коего даже и не слыхать. Ежели бы я вамъ хотѣлъ говорить о проповѣди, которую слушалъ намедни, вы бы, право, не повѣрили мнѣ. Я доволенъ, что хорошо видѣлъ церемонію, которая столь въ Европѣ знаменита, и нелишнимъ почелъ сказать вамъ пару словъ о семъ, по обыкновенію моему разсказывать вамъ все то, что̀ вижу.

*

Неаполь, 9 (21) Мая 1805 года.

Во все это время былъ я, слава Богу, здоровъ, хотя ходилъ по городу родъ *гриппа*. Что̀ касается до несчастій, коими одѣляютъ насъ газетчики, то объ оныхъ увѣдомлялъ я васъ въ свое время; но и теперь повторю, что отъ наводненій хотя и погибло здѣсь судовъ съ пять, но люди спаслись всѣ, выключая весьма малаго числа. Сія буря продолжалась только одну ночь. Теперь тоже сдѣлалось въ Римѣ: Тибръ разлился и прорвалъ мостъ.

[1]) Желтое лицо, безобразное лицо, почему ты не дѣлаешь чуда? Іисусъ Христосъ проситъ св. Дженнаро сдѣлать чудо. Благословенный нашъ святой, не допусти, чтобы мы сошли съ ума.

[2]) Чудо сдѣлано.

Ежели Полетика получитъ мѣсто секретаря, то мнѣ совершенно здѣсь дѣлать нечего. Вотъ три года, что̀ я дворомъ, министерствомъ и всѣмъ городомъ почитаемъ второю особой въ миссіи, вдругъ съѣхать въ канцеляристы больно; во всемъ не поддамся не только Полетикѣ, но кому бы то ни было изъ православной коллегіи. Я не говорю вообще, но для здѣшней миссіи, къ которой успѣлъ совершенно себя образовать. Я вамъ буду все описывать, какъ то пойдетъ съ Татищевымъ.

Въ концѣ письма вашего изъявляете вы желаніе имѣть одного изъ насъ при себѣ. Я давно готовилъ себя къ подобному предложенію и чувствую, что не должно быть утѣшительно для васъ имѣть насъ всегда за глазами. Ежели не доставимъ вашему самолюбію удовольствіе, которое вкусилъ дѣдушка, то за то будете видѣть сами всякой день изъ опыта, что наша любовь, благодарность и почтеніе не могутъ внушать намъ иного желанія, какъ то, чтобъ жить всегда неразлучно съ нѣжнымъ нашимъ отцомъ и благодѣтелемъ; что, доставляя ему всевозможныя удовольствія и утѣшенія, будемъ мы сами благополучные протекать дни. Я никогда не смѣлъ вамъ о семъ писать, боясь, чтобы вы не приняли это за подлогъ, прикрывающій лѣнь служить или что̀ иное. Пожалуйте, не оставьте ваше намѣреніе безъ исполненія. Вы сами лучше это обдумаете и устроите; а мы съ братомъ легко можемъ согласиться.

*

Неаполь, 16 (28) Мая 1805.

Братъ крайне меня утѣшилъ извѣстіемъ, что ему дано 600 рубл. жалованья съ курсомъ, также и мнѣ выхлопоталъ прибавки 200 р., ce qui est toujours quelque chose; но болѣе всего меня радуетъ, что отдали ему, наконецъ, справедливость; а похвала, сдѣланная намъ изустно княземъ Чарторижскимъ, должна насъ утѣшать и ободрять для переду. Не токмо прежніе 500 р., но и послѣдніе до меня дошли въ братовомъ письмѣ. За всѣ сіи милости не знаю какъ васъ благодарить, любезнѣйшій батюшка; а деньги буду беречь какъ можно болѣе.

*

Неаполь, 6 (18) Іюня 1805.

Я второй день径 запертъ въ канцеляріи, какъ по экспедиціи, такъ и по причинѣ фрегата нашего *Венусъ*, отправляемаго обратно въ Корфу. Мы всѣ раскисли отъ жару; теперь недосугъ, а какъ скоро можно будетъ, стану купаться.

*

Неаполь, 7-го Іюля 1805 года.

Воротясь вчера съ Казертской ярмонки, первымъ долгомъ поставляю подробно вамъ отвѣчать на два ваши письма. Я очень бы охотно посмотрѣлъ Китай: народъ мудрый, обычаи ихъ, науки, художества, все имѣетъ нѣчто особенное, и тѣмъ болѣе любопытны, что мало людей имѣютъ случай тамъ побывать.

Жары и *широко* насъ закоптили и задушили; но, боясь непостоянности времени, я еще не началъ купаться; многіе поторопились и простудились. Куда бы желалъ видѣть Русское лѣто: оно грѣетъ, а не жжетъ. Здѣсь пожить долго—сдѣлаешься Африканцемъ; есть лазаронцы, которыхъ, право, хоть Арапами одѣть, да поставить за карету. Какъ ни говори, но здѣсь нѣтъ ни одного гульбища, которое бы можно сравнить съ гуляньемъ нашимъ перваго Мая. Въ Неаполѣ не имѣютъ понятія о рощахъ, лугахъ и тѣни. Жаль мнѣ бѣднаго Ивана Володимировича. Все это умножаетъ печальныя напоминанія, коими и безъ того человѣкъ довольно окруженъ. На вопросъ вашъ: весело ли мнѣ было на ярмонкѣ? отвѣтствую, что время провелъ довольно пріятно; ничего не купилъ, но разорился на лимонадѣ и мороженомъ. Множество было знакомыхъ, кои давали обѣды, ужины и балы. Король, просто одѣтый, вездѣ шатался, со всѣми очень ласково говорилъ и самъ всѣмъ распоряжался. Было освященіе церкви, коей построеніе есть обѣтъ, сдѣланный имъ по изгнаніи его Французами въ Сицилію. По покореніи сего королевства паки, заложилъ онъ церковь ту во имя Св. Богородицы и теперь ее освятилъ. Въ тотъ же день была скачка, а ввечеру балъ, фейерверкъ и иллюминація. Бо́льшая часть здѣшнихъ купцовъ туда переселилась съ товарами своими, но мало продали; ибо по причинѣ жаровъ и по моему примѣру болѣе нашлось покупщиковъ въ кофейныхъ домахъ, нежели въ лавкахъ. Забылъ я вамъ сказать, что музыка, которую пѣли въ церкви, сочинена нарочно для сего случая Паизіеллою, который самъ дирижировалъ оркестромъ; но я отмѣннаго ничего не нашелъ. За четверку лошадей платили до 50 и 60 піастровъ; но намъ съ Гагаринымъ удалось съѣздить за 15, ибо хватились заранѣе.

Поутру пришелъ Аглинской бригъ; я говорилъ съ капитаномъ, который два часа позже Татищева выѣхалъ изъ Мессины 2-го сего мѣсяца и, обогнавъ его миль сто отъ Неаполя, благополучно сюда прибылъ. Теперь подняли на крѣпостяхъ сигналъ военнаго судна; оно столь далеко, что съ трубкою даже нельзя различить флага, по по сказкамъ капитана Аглинскаго, нѣтъ сумнѣнія, что показанное судно

есть фрегатъ *Крѣпкій*, везущій г-на Татищева, котораго увидимъ ежели не ввечеру, то вѣрно въ эту ночь; какъ онъ ѣдетъ изъ Корфу, то подверженъ будетъ 28-дневному карантину. Я ожидаю его съ большимъ нетерпѣніемъ. Боголюбовъ мнѣ пишетъ, что онъ говорилъ ему обо мнѣ хорошо. То-то у меня сердце забьется, когда появится сигналъ Русскаго корабля, а крѣпость Св. Ельмо видна изъ моихъ окошекъ. Окончу это письмо по прибытіи Дмитрія Павловича.

*

9-го Іюля.

Третьяго дни весь день фрегатъ *Крѣпкій* былъ у насъ въ виду; но по причинѣ продолжавшагося цѣлые сутки штиля, токмо вчера прибылъ, наконецъ, въ Неаполь и кинулъ якорь на здѣшнемъ рейдѣ. Какъ скоро фрегатъ былъ на разстояніи версты, взялъ я шлюпку и поѣхалъ ему на встрѣчу. Какъ онъ не имѣлъ еще позволенія сообщаться, то могъ я только на близкомъ разстояніи говорить съ Дмитріемъ Павловичемъ, но на корабль взойти не смѣлъ. Онъ меня отмѣнно обласкалъ и прочелъ сообщеніе Коллегіи, коимъ она даетъ ему знать, что мнѣ прибавлено 200 р. съ курсомъ жалованья. Ce n'est qu'à vous que je suis redevable de cette grâce, lui dis-je. Il me répondit qu'il espérait à l'avenir m'être plus utile. Comme il y avait beaucoup de témoins et que c'était notre première entrevue, il n'y a eu proprement qu'un change de paroles obligeantes. Mais ce matin j'ai prévenu tout le monde et je suis allé chez lui de bonne heure; nous étions seuls et nous avons parlé à notre aise. Il m'a témoigné le désir qu'il a de pouvoir contribuer à mon avancement et de m'aider à faire mon chemin, d'autant plus que rien ne me manquait pour cela, qu'on me voyait déjà de bon oeil etc. etc. Je lui dis que son dessein était de m'envoyer tout de suite comme courrier. Mon dessein? répondit-il, Dieu m'en garde; c'est le désir de m—r votre père; quant à moi, je ne désire rien autant que de vous voir auprès de moi. Послѣ того распрашивалъ много о здѣшнемъ дворѣ, его матадорахъ, о дипломатическомъ корпусѣ, объ образѣ жизни въ Неаполѣ, этикеты, другія мелочи, далъ мнѣ много препорученій домашнихъ; однимъ словомъ, все его обхожденіе показываетъ великую довѣренность, которую я еще не заслуживаю, но постараюсь всѣми силами оправдать. Не знаю, когда выпустятъ его изъ карантина; онъ долженъ продолжиться 28 дней, но вычитаютъ для военныхъ судовъ все время, которое они были въ дорогѣ, фрегатъ же былъ 17 дней; но мы льстимся, что, не смотря на это, черезъ два-три дни съѣдетъ Дм. Павловичъ на берегъ и на первый случай станетъ въ трактирѣ, потомъ займетъ домъ покойной Скавронской.—Ѣду сейчасъ къ Татищеву,

отъ котораго долженъ принять письмо къ князю Чарторыжскому, но такъ, чтобы карантинные пристава, окружающіе корабль, того не видали.

*

Неаполь, 11 (23) Іюля 1805.

Лучше теперешняго моего житія и положенія мнѣ ни желать, ни вообразить даже невозможно: благосклонность особенная, безчисленныя милости и, могу сказать, пристрастіе Дмитрія Павловича ко мнѣ, не оставляютъ мнѣ ничего болѣе желать, развѣ какъ чтобы сіе навсегда продолжилось, и въ семъ не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія. Обо всемъ ономъ займу васъ подробно и обстоятельно въ будущемъ моемъ письмѣ; теперь имѣю только время вамъ сказать, что дѣла у насъ тьма, а бóльшая часть на моихъ плечахъ. Полетика занимается возстановленіемъ слабаго своего здоровья и рѣдко даже бываетъ у министра. Ce rival me donne extrêmement peu d'ombrage; mais je ne crois pas que la confiance et l'amitié que le ministre me témoigne préférablement à tous les autres lui soient indifférentes, quoiqu'il le dissimule et soit on ne peut pas mieux avec moi. Все идетъ отмѣнно хорошо.

Демидовъ уѣхалъ къ водамъ въ островъ Искію; но часто бываетъ въ Неаполѣ. Переговорю съ нимъ объ дѣлѣ, вами мнѣ препоручаемомъ *).

*

Неаполь, Іюля 1805.

Я столь боюсь, чтобы ложные слухи меня не предупредили, что прежде всего займу васъ ужаснымъ происшествіемъ, отъ котораго Неаполь весь еще въ смятеніи. 26-го сего мѣсяца, въ 10 часовъ и 6 минутъ вечера, было здѣсь большое землетрясеніе, продолжавшееся немного болѣе минуты. Не занимая васъ подробнымъ описаніемъ несчастій, имъ причиненныхъ, довольствуюсь сказать, что наши всѣ, слава Богу, живы и здоровы. Въ самомъ городѣ погибло человѣкъ съ 12; но около Капуи, въ казармахъ, убило 73 солдата и много изувѣченныхъ. Въ домѣ Серра - Капріолы развалился верхній этажъ; весь берегъ Chiaia, гдѣ мы живемъ, очень пострадалъ, но только одинъ человѣкъ былъ убитъ. Вообще нѣтъ почти дома во всемъ городѣ, который бы болѣе или менѣе не треснулъ; въ семъ исключеніи надобно положить мой домъ, который, будучи въ одинъ низкій этажъ, остался совершенно неповредимъ. Славный Казертскій дворецъ, коего стѣны не имѣютъ въ свѣтѣ подобныхъ, во многихъ мѣстахъ треснулъ; это доказываетъ, что тамъ потрясеніе было еще сильнѣе здѣшняго. Вы,

---

*) Т.-е. о прикупкѣ его земли, сосѣдней съ домомъ Я. И. Булгакова въ Москвѣ.

можетъ быть, будете любопытны узнать, гдѣ я въ ту минуту находился и что̀ я дѣлалъ? Сидѣли мы всѣ очень покойно у графини Разумовской; Вѣнская посланница была между мною и однимъ Шведомъ. Я вижу, что она мнѣ смотритъ пристально въ глаза. Je lui demande: que me voulez-vous? Elle répond: pourquoi remuez-vous ma chaise? Je me disposais à lui répondre, lorsqu'il vint une secousse si forte que je me levai de ma chaise en criant: Sauvous-nous, c'est un tremblement de terre! Un marquis d'ici, qui était avec nous, voulut soutenir que c'était une voiture qui entrait dans la cour; mais à la troisième secousse il ne fut plus possible de douter. Nous vîmes le lustre aller en se balançant ça et là et les cristaux battaient l'un contre l'autre. La grande cloche de l'auberge, qui aura peut-être un archine, à moins près, de circonférence, par la force du mouvement commença à sonner d'elle-même. La première idée qui me vint dans la tête fut le désastre de Lisbonne et des Calabres; je m'attendais à être enterré sous la maison. Пустился бѣжать со всѣхъ ногъ, нашелъ лѣстницу, наполненную людьми, искавшими также спасенія бѣгствомъ; крикъ всеобщій, вопль! Новость сего ужаснаго происшествія для меня кинула меня въ потъ; я почувствовалъ какое-то содроганіе, отъ котораго только сегодня совершенно избавился; всѣ сіи дни чувствовалъ какое-то уныніе, коего описать не умѣю. Дмитрій Павловичъ, оставя меня у Разумовской, пошелъ на часъ къ Демидову, который пріѣхалъ сюда на костыляхъ съ сильною подагрою; онъ лежалъ въ постели; не смотря на это, видя, что Татищевъ бросился вонъ изъ комнаты, всталъ съ постели и побѣжалъ за нимъ, забывъ подагру, костыли и все. Съ тѣхъ поръ чувствуетъ облегченіе и ходитъ. Странно!

Везувій какъ будто ни въ чемъ не бывало, и сіе доказываетъ, что сіе землетрясеніе не имъ произведено; въ противномъ случаѣ имѣли бы мы эрюпцію. Улицы были всѣ сіи дни наполнены процессіями, чудотворными образами, Св. Януаріями и Мадоннами. Не знаю, откуда взяли, что землетрясенія повторяются черезъ 24 часа; отъ этого весь городъ въ Субботу не спалъ, и всѣ площади были биткомъ набиты людьми и заставлены каретами, въ коихъ барыни спали. Я благополучно провелъ ночь въ постели, приготовя душу свою на всякое происшествіе. Во всю мою жизнь не забуду этой суматохи. Гагаринова комната не знаю какъ спаслась; ее только одна стѣна раздѣляетъ отъ дома князя Скителли, въ коемъ много было бѣдъ. Надобно было посмотрѣть въ театрѣ суматоху; разъѣздъ дурной, узкій. Одна бѣдная дюшесса Андріа выкинула отъ страху, и не осталось ниже одного человѣка, чтобы ей помочь. Однимъ словомъ, страхъ, безпорядокъ, сума-

тоха, визгъ, процессіи, освященные образа, увѣщеванія монаховъ на улицахъ, волненіе лазаронцевъ, требовавшихъ, чтобъ кровь Св. Януарія появилась и успокоила ихъ чудомъ, покушенія ихъ на дома, вовсе жителями оставленные, пикеты солдатъ, разъѣзды повсюду кавалеріи, все это представляло зрѣлище, впечатлѣвавшее чувствованія совсѣмъ противорѣчащія. Вотъ вамъ, любезнѣйшій батюшка, слабое описаніе ужаснаго нашего происшествія, которое, вѣрно, еще болѣе будетъ увеличено; но вы не вѣрьте. Ученые здѣшніе увѣряютъ, что нѣтъ примѣра, чтобъ землетрясеніе продолжалось 67 секундъ и что спасеніе Неаполя должно приписать сводамъ и пустотамъ, которые подъ нимъ находятся. Еще забылъ я вамъ сказать, что около Фарнезскаго быка, на Villa Reale, есть бассейнъ съ водою; много оной вылилось отъ землетрясенія; а надобно знать, что есть вѣрно 6 вершковъ разстоянія отъ воды до верхней самой окружности бассейна, въ коемъ вода никогда выше не бываетъ. Изъ этого можно вычислить силу потрясенія.

Теперь мы ожидаемъ всякій день Панделія: онъ везетъ много вещей Дм. Павл.*) Что̀ до куріерства моего касается, то я вижу съ нѣкоторымъ огорченіемъ, что оно только со временемъ состоится. Я отъ того и терплю и выигрываю. Я сказалъ Дм. П. намедни, что имѣю отъ васъ письма. A propos, отвѣчалъ онъ, мнѣ еще надо къ вашему батюшкѣ писать и извиниться, что по сіе время не сдержалъ слова; но мнѣ поистинѣ невозможно безъ васъ обойтись. Я васъ увѣряю, что это послужитъ, конечно, къ истинному вашему благу — не отлучаться теперь отсюда. Я ему сказалъ, что вы желаете меня имѣть лѣтомъ. —Ну! Вотъ, чего же лучше? Вотъ еще резонъ остаться здѣсь, отвѣчалъ онъ мнѣ. Мы чрезвычайно поладили. Когда меня не видитъ полдня, тотчасъ присылаетъ за мною. Обхожденіе его есть наипріятнѣйшее: кажется, имѣешь товарища въ немъ, а не начальника. Я имѣлъ счастіе столь скоро и хорошо поддѣлаться подъ его обыкновенія и маневры, что онъ меня предпочтительно во всемъ употребляетъ не только предъ Полетикою, но и предъ Карповымъ, который здѣсь, кажется, остается. Вы почувствуете сами, любезнѣйшій батюшка, сколь для меня важно питать въ немъ сіе благорасположеніе; а отсутствіемъ въ столь скоромъ времени могло бы оное остыть и тѣмъ легче, что оно не основано на долговременной опытности, но скорѣе на называемой bonne étoile. Я бы вамъ могъ дать множество доказательствъ довѣренности и ласки Дм. Павл. Намедни сказалъ мнѣ нельзя ласковѣе: il me paraît que je commence à ne pouvoir avoir rien de caché pour vous, и потомъ показалъ мнѣ портретъ, присланный ему одною дамою

*) Т. е. Татищеву.

изъ Россіи. Что до дѣлъ касается, то все очень слегка предписываетъ. Но первый разъ, чтò придешь, спрашиваетъ: готово-ли? Ежели нѣтъ, говоритъ: нужды нѣтъ, можно оставить до другого разу. Но сіи слова хуже выговора. Я одинъ только первый разъ былъ пойманъ на этомъ «нужды нѣтъ», и вѣрно никогда его болѣе не услышу. Первую свою реляцію велѣлъ мнѣ написать, объясня содержаніе. Я принесъ ему, прочелъ; очень былъ доволенъ и не поправилъ ниже слова. Только признаюсь, что безъ привычки трудно мнѣ очень и справляться, тѣмъ болѣе, что дѣла отмѣнно умножились съ пріѣзда его; но когда-нибудь да надобно же путемъ работать. Полетику онъ болѣе употребляетъ по своимъ собственнымъ дѣламъ; но нельзя не сказать, что его уважаетъ и часто мнѣ даже говорилъ о его достоинствахъ. Дм. П. живетъ по сіе время въ трактирѣ. Вчера мнѣ говорилъ: Je viens de voir la maison de Serra-Capriola qui me conviendrait beaucoup: elle est grande, je pourrais vous y loger aussi. Покуда не найдетъ порядочный домъ, переѣдетъ въ бывшій гр. Скавронской, который по несчастію очень пострадалъ отъ землетрясенія.

Я здѣшнія окружности и достопамятности знаю лучше чѣмъ Нѣмецкую Слободу; со всѣмъ тѣмъ вездѣ долженъ еще по разу побывать въ угодность Дм. Павл. Еще обстоятельство одно насъ связываетъ: мы оба страстные охотники до музыки. Онъ взялъ ложу въ театрѣ Buffo. Вы знаете, что у меня ухо очень хорошо и, пріѣзжая домой, заставляетъ меня играть на клавикордàхъ любимыя имъ аріи. Не повѣрите, сколь меня радуетъ видѣть, что вы съ удовольствіемъ читаете письма наши; а мнѣ, право, весело писать; какъ принимаюсь за перо, такъ идетъ, какъ по маслу.

Я самъ отмѣнно удивился, увидя здѣсь Лассія: пріѣхалъ лѣчиться; но не видно, чтобъ по сіе время разстроенное его здоровье поправилось. Хорошій человѣкъ, но страненъ во всемъ: по старому обѣдаетъ прежде часу и лòжится спать въ сумерки, а встаетъ съ солнцемъ. Исторія Щербатова возбудила великое негодованіе. Горестно было видѣть Императору неблагодарность, столь явную за всѣ его благодѣянія; но умѣренность потребованной имъ сатисфакціи дѣлаетъ честь рѣдкой его душѣ. Мы подлинно должны были выѣхать отсель, но дворъ здѣшній очень раскаялся и удовлетворилъ нашъ. Карповъ посылалъ меня къ министру Мишерý (недавно скончавшемуся) на переговоры касательно отвѣтной ихъ ноты; дѣло явное: вся справедливость на одной сторонѣ, а глупость на другой. За то ужъ и наговорилъ я такъ и съ такимъ жаромъ, что тотъ не зналъ чѣмъ еще возражать болѣе.

Я получилъ отъ брата планы земель нашихъ, смежныхъ съ Демидовыми; сему намекнулъ я слегка, и онъ, кажется, не прочь, говоря: для Якова Ивановича радъ все сдѣлать. На сихъ дняхъ переговорю путемъ съ нимъ и покажу планъ, который онъ желаетъ видѣть. Говоритъ, что князь Лопухинъ имѣетъ въ вѣдомствѣ имѣнія его и что ему напишетъ. Постараюсь, чтобы въ письмѣ сказалъ князю, чтобы онъ уполномочилъ кого-либо въ Москвѣ трактовать съ вами продажу сію, и письмо для доставленія князю П. В. постараюсь вамъ прислать: тогда и вамъ будетъ хорошій поводъ съ нимъ войти въ переписку. — Отвѣтъ мой Французу въ разсужденіи музыки въ церкви внушила мнѣ моя башка; иначе сказалъ бы я вамъ, изъ чьей онъ истекъ, ежели бы слышалъ; но это сравненіе очень просто и натурально для человѣка, который бывалъ въ нашихъ и въ здѣшнихъ церквахъ.

Въ Неаполѣ у насъ кромѣ воплей ничего не слыхать; всѣ спятъ на площадяхъ, въ каретахъ, думая, Богъ знаетъ, зачѣмъ, что покуда не прошло недѣли, все есть сомнѣніе, что землетрясеніе повторится. Я всѣ ночи спалъ порядочно въ моей постели. Впрочемъ, мой домъ будучи очень низокъ, мнѣ нечего бояться.

1-го Августа. Слышу, что изъ близостей столицы получены наиплачевнѣйшія извѣстія: цѣлыя селенія провалились, между прочимъ, въ Campobasso и Isernia погибло нѣсколько тысячъ душъ; въ тѣхъ мѣстахъ землетрясеніе было въ большей своей силѣ, и разстройства, имъ причиненныя, безчисленны. Говорятъ, что король поѣдетъ осматривать тѣ мѣста. Въ какомъ-то мѣстѣ открылся новый Везувій; это было бы очень хорошо. Все, что̀ я вамъ описалъ, нимало не утѣшительно; но вы не вѣрьте слухамъ, которые будутъ носиться и вѣрно будутъ все чрезмѣрно увеличивать. Въ столицѣ самой очень мало убито людей, что̀ должно приписать чуду. Два или три дома совершенно провалились; но много очень и, можно сказать, всѣ почти болѣе или менѣе повреждены.

*

Неаполь, 8 (20) Августа 1805.

Поздравляю княгиню*) съ сынкомъ; но будетъ ли конецъ князькамъ? Надѣюсь, что вы вкусили причины, побудившія меня отсрочить поѣздку мою въ Россію, тѣмъ болѣе, что въ одномъ изъ предыдущихъ вашихъ писемъ вы сами говорите, что нехудо прежде поладить съ Татищевымъ, а потомъ ѣхать въ Москву. Намедни, говоря со мною очень

---

*) Двоюродную свою сестру, княгиню Елисавету Васильевну, ур. Приклонскую, жену князя Сергія Ивановича Голицына.

дружески и откровенно, сказалъ мнѣ между прочимъ: Ну, зачѣмъ тебѣ спѣшить! Я, ежели пошлю тебя, то ужъ съ такими депешами, за которыя получишь хорошее награжденіе; это ужъ мое будетъ дѣло. Дѣла же теперь такъ запутываются, и Италія столь наполнена всякою сволочью, что безъ опасности ѣздить нельзя или должно брать большія предосторожности въ дорогахъ, особливо курьеромъ. Вчера въ театрѣ вхожу я въ ложу Цесарскаго министра; Т., увидя меня, сказалъ: Ah, voilà mon Pilade! Я часто не знаю, что̀ и отвѣчать. Часто подъ вечеръ, уставъ отъ работы, сядетъ отдыхать и заставляетъ меня бренчать на клавикордахъ; тутъ не забываю я играть любимыя его аріи изъ оперъ, которыя мы всякой вечеръ почти слушаемъ и которыя по извѣстному вамъ хорошему моему уху остаются въ памяти моей. Общества здѣшнія всѣ мнѣ извѣстны; не хотя одинъ тамъ бывать, беретъ меня всегда съ собою, тѣмъ болѣе, что видитъ, что меня довольно любятъ. Множество таковыхъ бездѣлицъ дѣлаетъ меня пріятнымъ ему; а я только то и желаю, чтобъ быть какъ можно чаще вмѣстѣ. Братъ мнѣ все это предсказалъ, но я не ожидалъ дойти до того въ столь короткое время. Говоря слишкомъ много о себѣ самомъ, боюсь впасть въ непріятную привычку пріятеля нашего князя Д. И. Лобанова.

По состоянію, въ которомъ я васъ оставилъ и въ которомъ дай Богъ всякому быть въ ваши лѣта, не могу себѣ вообразить, чтобы вы въ три года нашей разлуки очень состарились. Всѣ мнѣ говорятъ, что вы очень здоровы, а мы видимъ и молодыхъ людей безъ волосъ, глазъ и даже зубовъ. Какъ бы то ни было, гдѣ бы я ни встрѣтилъ дорогаго моего батюшку, сколь бы онъ ни перемѣнился, ежели не глаза, то сердце скажетъ: это онъ! Впрочемъ, сколь я ни крѣпился съ моею философіею, но размышленія ваши немного печальныя повергнули меня въ грусть, тѣмъ болѣе что я знаю, сколь вы не любите ничего увеличивать. На что̀ вамъ оплакивать старыхъ друзей, наживать новыхъ, когда все то что̀ васъ окружаетъ, что̀ васъ знаетъ, любитъ и любитъ васъ чистосердечно?

Стану вамъ теперь говорить о штукарѣ нашемъ Везувіи. 13-го сего мѣсяца сидимъ мы всѣ въ канцеляріи за отправленіемъ курьеровъ въ Петербургъ и Вѣну, вдругъ слышимъ мы шумъ на улицѣ, видимъ, что весь народъ толпою бѣжитъ къ приморской части города, называемой S-ta Lucia. Что̀ бы это было? Всякій даетъ свое мнѣніе, но никому не пришелъ панъ Везувій въ голову. Мы сошли, побѣжали розинями, сами не зная, куда, ни за чѣмъ; но не успѣли зайти за уголъ улицы, какъ представилась намъ превеликолѣпная картина—весь Везувій въ огнѣ. Огненная рѣка лавы текла съ самой маковки до моря,

въ которое бросалась съ страшнымъ трескомъ. Не можно себѣ вообразить ничего любопытнѣйшаго сраженія Вулкана съ Нептуномъ; казалось, что огонь пренебрегалъ первенство непримиримаго своего врага, и лава дотекала раскаленною почти до дна морскаго, откуда выбрасывала пребольшіе камни. Море было тепло въ разстояніи, можетъ быть, 50-ти саженъ и сильно шипѣло. Менѣе двухъ часовъ употребила лава, чтобы съ верху съ самаго дойти до моря. Семеро несчастныхъ были въ домѣ своемъ ею окружены и тамъ погибли; всѣ прочіе спаслись, хотя и спали, ибо эта эрюпція началась вдругъ въ 10 часовъ вечера. Лава въ трехъ мѣстахъ перешла черезъ большую дорогу изъ Помпеи, Портичи etc. сюда, и теперь сообщеніе между Неаполемъ и тою стороною прервано; такъ что королева, бывшая въ Кастеламарѣ, не могла быть въ столицу для празднованія своего рожденія. Уповаютъ, что землетрясеніе было поводомъ сей эрюпціи; оно можетъ быть и правда. Въ Везувіи теперь три отверстія: изъ одного идетъ огонь и течетъ все лава, хотя не въ такомъ множествѣ и съ силою, какъ 13-го; изъ другаго идетъ дымъ, а третье пышетъ золою. Сіи три колонны разныхъ цвѣтовъ представляютъ прекрасную картину. Дмитр. Павл. былъ восхищенъ симъ новымъ для него зрѣлищемъ. Онъ сидѣлъ, писалъ, а окошко его кабинета ведетъ прямо на Везувій, который видѣнъ во всемъ его пространствѣ. Онъ видѣлъ самое начало, что̀ должно быть любопытно. Однакожъ всѣ сіи прелести могутъ худо кончиться для окружностей самыхъ близкихъ горы. Королю поданъ вчера рапортъ, что Везувій осѣлъ на 140 пальмовъ; глазами я однакожъ не могъ примѣтить сей перемѣны. Кто бы меня ни звалъ на Везувій, назову его сумасшедшимъ; удивляюсь: не выходитъ запрещенія даже туда пускать. Спѣшу васъ извѣстить, что куріеръ, прибывшій къ намъ, привезъ Карпову отъ Государя золотую табакерку, осыпанную бриліантами и 1.200 р. пенсіи кромѣ получаемаго имъ жалованья.

*

Неаполь, 15 (27) Августа 1805.

Сію минуту вышелъ отъ меня Дмитрій Павловичъ. Вчера легъ я рано спать, чувствуя себя не очень хорошо; узнавъ это, сегодня самъ пришелъ меня навѣстить и сидѣлъ болѣе часа. Вотъ и это можетъ вамъ служить новымъ доводомъ хорошаго ко мнѣ расположенія. Вчера доставилъ я ему прекрасную копію съ Корреджіевой головы Спасителя за 8 черв., но преславной миніатюрной работы; у насъ стоило бы это сотни. Описаніе университетскаго юбилея читалъ я съ любопытствомъ. Мнѣ все кажется, что и я тамъ учился и имѣю къ нему великое почтеніе.

На сихъ дняхъ ѣздилъ я съ министромъ въ Кастеламаре, гдѣ королева съ частію фамиліи. Вы знаете, что въ трехъ мѣстахъ лава перешла черезъ большую дорогу; пришлось черезъ нее переѣзжать. Какая вонь, чадъ; лава еще тепла и дымится; жалко смотрѣть на раззореніе ею причиненное. Дорогу не принимаются очищать, ибо можетъ старая шутка опять повториться, а Везувій по сіе время въ безпрестанномъ волненіи и ворчитъ.

*

Неаполь, 3 (15) Сентября 1805.

Дмитрій Павловичъ, по особенной своей ко мнѣ милости, старается выжить изъ дому своего нѣкоторыхъ жильцовъ, дабы дать мнѣ покои, желая непремѣнно имѣть меня подъ рукою. Пожалуйте, скажите канцлеру словечко за всѣ милости его племянника; даже благодарилъ бы я васъ очень написать министру письмецо, ежели вамъ не хлопотно, а ему, вѣрно, будетъ это пріятно. При всякомъ куріерскомъ отправленіи онъ мнѣ все съ улыбкой говоритъ: Ну, что̀ скажетъ Москва, когда узнаетъ, что я отправилъ куріера, а ты все здѣсь?—Скажетъ, отвѣчалъ я ему вчера, что мнѣ худо у васъ жить.

*

Неаполь, 12 (24) Сентября 1805.

Поручикъ Реди, воротившійся изъ Вѣны, куда посылали мы его курьеромъ, описалъ намъ подробно всѣ опасности, коимъ куріеры подвержены въ переѣздѣ черезъ мѣста, занимаемыя непріятелями рода человѣческаго; такъ что я очень доволенъ, что посылка моя отложена до другаго времени.

Хотя я и не знаю Головкина, но радъ за него государеву приказанію—не брать женщинъ въ Китай; напрыгался бы онъ, взявъ жену съ собою въ такое путешествіе. Поздравляю Мартынова съ фортуною; ежели голова его будетъ соотвѣтствовать пензелю*), то вотъ случай много хорошаго сдѣлать для себя, да и для другихъ охотниковъ до живописи. Вчера получилъ я отъ матушки два письма вдругъ; она меня ждетъ все, и я не знаю чѣмъ отшутиться, ибо женщины рѣдко резоны принимаютъ, когда очень желаютъ что-нибудь. Я отъ вашего Архаровскаго праздника столь былъ въ восхищеніи, что прочелъ это Дм. Павл., который очень засмѣялся, когда дѣло дошло до пустынника Николая Петровича. Праздникъ этотъ наполненъ вкуса, и что̀ называется d'une aimable recherche; какъ не придумывай, ничего прибавить не найдешь.

*) Живописецъ Мартыновъ — двоюродный братъ А. Я. Булгакова по его матери. Пензель—кисть для рисованья.

Неаполь, 7 (19) Октября 1805.

Французы очень торопятся выйти изъ здѣшнихъ областей на помощь къ Массенѣ. Отъ сего не только паче умножится здѣсь безопасность, но возстановится совершенно тишина.

*

Неаполь, 2 (14) Ноября 1805.

Съ начатія военныхъ дѣйствій, сношенія здѣшняго края съ Германіей ежели не совсѣмъ пресѣклись, то сдѣлались, по крайней мѣрѣ, весьма затруднительными: почта вездѣ задерживается, а часто и вовсе не пропускается. Вотъ что̀ весь свѣтъ говоритъ. Не смотря на это, я всякую почту пишу брату. Не знаю, имѣютъ ли и мои письма подобную участь; но его всѣ исправно, хотя и поздненько, до меня доходятъ. Здѣшній дворъ отправляетъ на сихъ дняхъ курьера въ Вѣну; пользуюсь съ жадностью симъ случаемъ, дабы наговориться съ вами до посылки новаго куріера; а тамъ посредствомъ пакетботовъ учредитъ Дмитрій Павловичъ порядочное и регулярное сношеніе между Тріестомъ и Манфредоніей, или Барлетою и Рагузою, откуда письма могутъ быть посылаемы сухимъ путемъ до Вѣны. Вообразите, что мы отъ васъ первыхъ узнали радостную вѣсть о пожалованіи Карпова въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Пріятно бы мнѣ было о семъ ему объявить; но я менажировалъ это удовольствіе Дмитрію Павловичу, который ему то сказалъ. Къ намъ поѣхало три курьера изъ Вѣны, которые еще не бывали по сю пору. Карповъ не могъ счесть сію пріятную вѣсть слухомъ, ибо, къ счастію, прислали вы копію съ указа. Везувій нашъ теперь опять совершенно утихъ; а въ самый день землетрясенія вспыхнула Этна и открылись три новыхъ отверстія. Это должно, кажется, доказывать, что есть подземельныя сообщенія между сими горами. Благодарю за новости. Приключеніе съ Оленинымъ сыномъ ужасно. Бѣдные родители сколь должны быть огорчены! Что̀ можетъ выйти изъ подобнаго изверга? Какой ударъ для отца и матери, давшимъ бытіе подобному чудовищу! Что̀ до Ржевской касается, то подобные примѣры не рѣдки: здѣсь сдѣлала точно тоже принцесса Villafranca, вдова пребогатая, набожная, лѣтъ за 50, имѣющая внучатъ и всю здѣшнюю знать роднею, вышла, вопреки всѣхъ, даже увѣщаній королевы, за бѣднаго офицеришку, который всегда ее трактовалъ грубо, даже до брака. Я матушку предупредилъ, что такъ часто, какъ прежде, мнѣ къ ней писать невозможно, чтобы она, слѣдственно, не безпокоилась о молчаніи моемъ, тѣмъ паче, что Приклонскаго теперь нѣтъ, и что я долженъ ей писать черезъ васъ; со всѣмъ тѣмъ, всякій мѣсяцъ будетъ она имѣть извѣстіе обо мнѣ. Дмитрію Пав-

ловичу надобно было одного изъ насъ, Полетику или меня, отдать Виленскому знакомцу для исправленія при немъ дѣлъ и переписокъ. Я боялся, чтобы выборъ не палъ на меня; но, слава Богу, отданъ Полетика, въ чемъ имѣлъ я новый опытъ благосклонности моего начальника, который желалъ охотнѣе потерять Полетику, нежели меня. Это очень меня радуетъ, хотя и умножаетъ очень для меня работу, которая была раздѣлена между двоими; а теперь вся лежитъ на мнѣ. Сколь бы жаль мнѣ было удалиться нѣкоторымъ образомъ отъ Дм. Павл., столь и мудрено бы мнѣ было управиться съ тѣмъ, коего странный нравъ и обыкновенія вамъ довольно извѣстны; я же къ той части и работѣ не привыкъ. Недавно призвалъ меня министръ къ себѣ и сказалъ: Vous vous acquitez, mon cher, si bien de tous les devoirs du service, que j'ai une prière amicale à vous faire et qui est de vous charger de mes finances auxquelles je n'ai jamais pû me resoudre à penser sérieusement, encore moins à présent que j'ai tant à faire. Prenez, je vous prie, chez vous la clef de mon argent et donnez m'en à mesure que je vous en demanderai etc. etc. Я не могъ отказаться и, выдавая деньги, беру отъ него собственноручныя расписочки, которыя, по истеченіи суммъ, представляю. Онъ просилъ меня также повѣрить счеты дворецкаго, что̀ я также исполнилъ, радуясь имѣть случаи угодить ему въ собственныхъ дѣлахъ, которыми онъ, повидимому, никогда не любилъ заниматься. Я ему часто говорилъ: Je m'étonne toujours du bonheur que j'ai eu de mériter en si peu de temps la bienveillance de v. e.; sur quoi il m'a répondu hier encore: Je vous dirai la chose. D'abord j'étais très bien prévenu sur votre compte, je savais que vous avez du goût pour le travail; le chancelier m'a beaucoup parlé de vous, Наталья Алексѣевна *m'a ordonné* de vous traiter en ami dès le premier moment; et puis je vous avoue que vous avez une de ces physionomies qui préviennent beaucoup en leur faveur.

*

Неаполь, 22 Декабря 1805.

Дворъ здѣшній посылаетъ внезапно куріера въ Германію; пользуюсь симъ случаемъ, дабы вамъ на-скоро сказать, что я, слава Богу, здоровъ. Больно сердцу моему, что сношенія мои съ вами прервались послѣ несчастій, въ сей войнѣ послѣдовавшихъ. Гдѣ Провидѣніе? Это, я думаю, второй потопъ: человѣчество развратилось, и небо его наказываетъ. Но зачѣмъ избрало руку изверга и виновнѣйшаго изъ людей? Вотъ печальныя размышленія; но они рождаемы слухами, кои здѣсь носятся, коимъ, однакожъ, полно вѣрить нельзя.

МИТРОПОЛИТЪ ГАВРІИЛЪ БОДОНИ [1]).

Со времени переѣзда въ Кишиневъ экзархъ митрополитъ Гавріилъ вмѣстѣ со всѣми своими чиновниками оставался нѣкоторое время внѣ закона и безо всякаго содержанія. Адмиралъ Чичаговъ, изыскивая способы къ содержанію митрополита и его штата, предписалъ Бессарабскому губернатору С. Стурдзѣ опредѣлить на этотъ предметъ извѣстную часть доходовъ съ Бессарабской области, но Стурдза не сдѣлалъ съ своей стороны никакихъ распоряженій, благодаря чему Гавріилъ въ теченіе почти года не получалъ отъ казны никакого содержанія. Тогда Гавріилъ обратился съ просьбою къ князю Голицыну и просилъ, чтобы ему за годъ его пребыванія въ Кишиневѣ отпущена была хотя бы половинная сумма противъ того, чтò онъ получалъ въ Яссахъ, то-есть 20 т. левовъ. По положенію Комитета Министровъ въ 1814 году выдана была просимая имъ сумма [2]).

Устроившись кое-какъ въ Кишиневѣ, Гавріилъ со свойственною ему энергіею принялся за составленіе проекта объ образованіи новой епархіи въ предѣлахъ присоединенной области. До учрежденія епархіи онъ все-таки продолжалъ управлять духовенствомъ Бессарабской области, какъ частью бывшаго своего владѣнія; только онъ не имѣлъ въ своемъ титулѣ названія епархіи, а во всѣхъ офиціальныхъ бумагахъ подписывался вообще: «митрополитъ и экзархъ».

Въ новоприсоединенной области насчитывалось до 749 церквей; къ нимъ составитель проекта просилъ присоединить около ста церквей Екатеринославской епархіи, прилегающихъ къ новоучреждаемой епархіи. Для устройства архіерейскаго дома, консисторіи и семинаріи Гавріилъ не требовалъ отъ казны денегъ. Онъ просилъ только позволенія приписать къ архіерейскому дому Успенскій Кипріановскій монастырь съ его вотчинами. Какъ на новое подспорье для содержанія архіерейскаго дома митрополитъ просилъ приписать къ нему семь десятинъ бывшихъ Турецкихъ садовъ въ Аккерманѣ.

---

[1]) См. выше, стр. 309.

[2]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 4796.

Въ образѣ правленія новообразуемой епархіей митрополитъ ходатайствовалъ предъ Св. Сунодомъ и просилъ позволенія приспособляться къ мѣстнымъ обычаямъ, если только эти послѣдніе не будутъ идти въ разрѣзъ основнымъ законамъ церковнымъ и гражданскимъ.

Съ особенною силою въ проектѣ объ учрежденіи епархіи проводилась мысль о необходимости полнаго освобожденія духовенства отъ всякихъ повинностей и сборовъ, а также о полномъ невмѣшательствѣ гражданскаго начальства въ дѣла церковныя. «Осмѣливаюсь доложить вашему сіятельству, писалъ экзархъ къ сунодальному оберъ-прокурору кн. Голицыну, что я изъ инструкціи г. Чичагова къ здѣшнему губернатору Стурдзѣ подозрѣваю (главы III, пункта II), что онъ подвергаетъ дѣла духовныя разбирательству и рѣшенію гражданскаго суда; почему представляя вашему сіятельству точную копію оной инструкціи объ управленіи Бессарабскою областью на усмотрѣніе, нижайше прошу васъ, милостивый благодѣтель, защитить Церковь Святую отъ такого притѣсненія и предписанія, совсѣмъ противнаго какъ церковнымъ, такъ и государственнымъ законамъ. Да хотя мысли г. Чичагова суть не таковы, однако, по сему поводу сіе Грекомолдавское правительство несомнѣнно будетъ толковать оное предписаніе на свою сторону. Сіе же, повидимому, причина, что пренебрегается и угнетается здѣсь духовенство отъ свѣтскихъ, что исправники сами собою по волѣ ихъ рѣшать распри между духовными и мужиками стали безъ духовнаго депутата. Того ради паки слезно прошу ваше сіятельство не оставить здѣшнее духовенство своимъ покровительствомъ и защитою. По моему къ г. губернатору представленію видно никакого распоряженія не сдѣлалось, ибо вопли духовенства болѣе и болѣе умножаются. Я довольно замѣчаю холодность и политику г. Стурдзы къ намъ: ибо и то, что приказано г. Чичаговымъ о помоществованіи мнѣ и штату при нынѣшнихъ обстоятельствахъ въ дровахъ и прочемъ такъ обходятся, какъ бы изъ милости ихъ доставляютъ, и то все недостаточно, почему долженъ я купить все своими деньгами» *).

Проектъ учрежденія епархіи, посланный въ Петербургъ осенью 1812 года, не скоро тамъ получилъ надлежащій ходъ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ кн. Голицынъ увѣдомлялъ экзарха, что Государь надолго выѣхалъ изъ столицы и потому дѣло утвержденія епархіи должно замедлиться. Митрополитъ Гавріилъ не остановился на этомъ. Въ Январѣ 1813 года онъ отправилъ въ Петербургъ извѣстнаго уже опытнаго дѣльца-протоіерея Куницкаго и далъ ему отъ себя полную довѣренность входить съ представленіями и ходатайствовать по всѣмъ дѣламъ,

*) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 3605 л. 133.

касающимся Бессарабской церкви. Протоіерей Куницкій дѣйствительно много помогъ личными своими указаніями дѣлу открытія и устройства новой епархіи. Такъ, напримѣръ, гражданское начальство отклонило было ходатайство объ отводѣ Аккерманскихъ садовъ на томъ основаніи, что эти сады не имѣли описанія; но протоіерей Куницкій еще ранѣе заручился описью ихъ, найденною имъ въ канцеляріи коменданта Аккерманской крѣпости [1]).

21 Августа 1813 года въ Теплицѣ Государь утвердилъ доклады Св. Сvнода объ открытіи въ Бессарабской области новой епархіи согласно съ предложенными митрополитомъ Гавріиломъ положеніями. Новооткрытая епархія получила названіе Кишиневской и Хотинской съ титуломъ митрополіи и экзархіи по уваженію къ личности митрополита Гавріила, назначеннаго первымъ архипастыремъ новоучрежденной епархіи [2]).

По составу національностей Бессарабія представляла собою смѣсь народностей, въ числѣ которыхъ находилось немало Сербовъ. Главный вождь Сербовъ извѣстный Георгій Черный ходатайствовалъ за своихъ единоплеменниковъ предъ Кишиневскимъ архипастыремъ и 10 Ноября 1814 года написалъ ему слѣдующее письмо:

«По милости нашего великаго благотворителя и избавителя, Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, подъ защиту его прибыло нѣкоторое число бывшихъ Сербскихъ обывателей съ семействами своими въ Бессарабскую область, ввѣренную паствѣ вашего святѣйшества, о чемъ симъ я за долгъ себѣ поставляю, яко бывшій ввѣреннаго правленію моему онаго народа вождь, ваше святѣйшество всепокорнѣйше просить принять оныхъ въ архипастырское правленіе ваше касательно до закона нашего православно-восточнаго исповѣданія, яко своихъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ, въ чемъ себѣ за счастье поставлю, что они будутъ въ паствѣ единоплеменнаго архипастыря своего. Не оставляю чрезъ сіе всепочтеннѣйше донести вашему святѣйшеству о прибывшемъ епископѣ Леонтіи, находившемся архіереемъ въ Сербіи, коему была одна епархія поручена отъ меня въ Сербіи паствѣ его, и какъ онаго я не желаю имѣть нынѣ въ свитѣ моей, равнымъ образомъ и до семействъ Сербскихъ прибывшихъ въ предѣлы своего избавителя, чтобъ помянутый епископъ Леонтій не

---

[1]) Въ это же самое время митроп. Гавріилъ ходатайствовалъ о награжденіи Куницкаго двумя тысячами десятинъ пустопорожней земли въ Бессарабіи, но ему вмѣсто того пожалованы были алмазные знаки ордена Анны 2 го класса (см. Дѣло канцеляріи № 4963). Въ 1816 году Гавріилъ повторилъ свое ходатайство о пожалованіи Куницкому трехъ тысячъ десятинъ пустопорожней земли, но также ходатайство осталось безуспѣшнымъ. (Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 5689). Но лишь только за это дѣло взялся начальникъ края князь Воронцовъ, протоіерею Куницкому пожалована была и земля, но не пустопорожняя, а населенная крестьянами (Херсонск. Епарх. Вѣдомости 1861 г. № 20).

[2]) Дѣло Св. Сvнода 1812 г. № 942 и канцеляріи оберъ прокурора № 4704.

имѣлъ отнюдь никакого бъ дѣла, въ никаковомъ видѣ, касательно до Сербовъ, о чемъ ваше святѣйшество весьма меня одолжите удовлетворительнымъ отзывомъ на всепокорнѣйшее предложеніе мое, съ коимъ и себя отдаю и препоручаю святѣйшимъ молитвамъ съ истиннымъ высокопочитаніемъ моимъ».

Преосвященный Гавріилъ предписалъ Хотинскому духовенству, чтобы оно въ случаѣ требованія живущихъ тамъ Сербовъ безотговорочно исполняло по единовѣрію съ ними всѣ христіанскія требы. Что же касается до преосвященнаго Леонтія, то митрополитъ поставилъ въ непремѣнную обязанность духовенству воздавать ему, какъ православному архіерею, подобающую честь и смотрѣть на него какъ на гостя въ его епархіи. Св. Сѵнодъ подтвердилъ эти распоряженія *).

На долю преосвященнаго Гавріила выпало много хлопотъ по устройству въ Кишиневѣ архіерейскаго дома, такъ какъ ему не дано было отъ казны на этотъ предметъ ни копейки денегъ. Кишиневскій архипастырь горячо принялся за трудное, крайне сложное и дорого стоющее дѣло. Безо всякихъ пособій отъ казны въ одинъ годъ возвелъ онъ двѣнадцать построекъ: это примѣръ, достойный удивленія. Всѣ эти многочисленныя зданія возводились на средства совершенно случайныя и крайне неопредѣленныя, каковы напримѣръ «пособія доброхотныхъ дателей, епаршескіе доходы» и личныя средства строителя, Въ главномъ зданіи архіерейскаго дома, получившаго съ самаго начала своей постройки названіе митрополіи по сану его строителя, устроена была церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, довольно вмѣстительная. Внутренность церкви по стѣнамъ и по своду расписана была церковною живописью; новоустроенную церковь митрополитъ снабдилъ ризницею, священными сосудами и четырьмя колоколами. Изо всѣхъ проектированныхъ построекъ къ осени 1814 года остались неоконченными только двѣ: домъ для викарія и семинарія. Для этихъ двухъ построекъ заготовлено было достаточное количество матеріаловъ, а для дома викарія заложенъ фундаментъ.

Въ Ноябрѣ 1814 года митрополитъ Гавріилъ представилъ въ Св. Сѵнодъ рапортъ, въ которомъ сообщалъ объ окончаніи постройки зданій митрополіи, при чемъ приложилъ планъ и фасадъ всѣхъ возведенныхъ имъ построекъ. Въ заключеніе своего рапорта экзархъ посвящалъ новоустроенную архіерейскую резиденцію Св. Сѵноду и препоручалъ себя и свою резиденцію со всею своею паствою милостивому покровительству и благословенію Св. Сѵнода. 8 Февраля 1815 года Св. Сѵнодъ за дѣятельное попеченіе и примѣрный подвигъ въ благоуспѣшномъ устроеніи зданій Кишиневской митрополіи объявилъ

*) Дѣло Св. Сѵнода 1815 г. № 20.

свою признательность преосвященному Гавріилу и поручилъ ему объявить благословеніе Св. Сvнода всѣмъ тѣмъ, которые доброхотными своими пожертвованіями способствовали совершенію общеполезнаго дѣла. Кромѣ того о замѣчательныхъ трудахъ преосвященнаго Гавріила, подъятыхъ ихъ при постройкѣ въ Кишиневѣ митрополіи, какъ выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, Св. Сvнодъ довелъ до свѣдѣнія Государя.

Въ письмѣ къ сvнодальному оберъ-прокурору, Гавріилъ ходатайствовалъ о награжденіи одного изъ главныхъ своихъ сотрудниковъ по постройкамъ—архимандрита Серафима.

«Съ радостнымъ восторгомъ спѣшу донести вашему сіятельству, что начатое строеніе Кишиневской митрополіи нынѣ уже съ помощію Всевышняго кончено. Сіе окончаніе новоустроенной митрополіи ознаменовано освященіемъ выстроенной при корпусѣ архіерейскаго дома церкви во ими Покрова Пресвятой Богородицы, при присутствіи здѣшняго гражданскаго начальника и сословія Молдавскихъ бояръ и Россійскихъ чиновниковъ и при стеченіи прочаго народа, сего Ноября 12-го дня. Предоставляю нѣжному благочестивому чувству вашего сіятельства измѣрить состояніе душевнаго восторга моего въ сей день, когда по окончаніи всѣхъ трудовъ и бывшихъ неудобствъ возглашено въ первый разъ въ семъ новозданномъ храмѣ: Слава Святѣй, Единосущнѣй и Нераздѣльной Троицѣ, и проч. теперь я уже спокоенъ душевно и тѣлесно. На будущее лѣто остается еще выстроить семинарію и покои для викарнаго епископа; нынѣ же на первый случай преосвященный епископъ помѣщается въ томъ корпусѣ, гдѣ я, а семинарія въ церковномъ домѣ при каѳедральномъ соборѣ. Возсылая теплыя моленія и благодаренія Богу, благопоспѣшествовавшему мнѣ въ семъ благомъ и благоугодномъ Ему дѣланіи и принося вашему сіятельству чувствительнѣйшую благодарность за исходатайствованіе высокомонаршаго благоволенія на учрежденіе сей митрополіи, не могу умолчать и о сотрудникахъ моихъ при строеніи, а наипаче объ архимандритѣ здѣшняго Успенскаго Гербовецкаго монастыря Серафимѣ. Сей добрый и благочестивый старецъ опытностію своею и прямо-христіанскимъ расположеніемъ ко благу церкви, раздѣлялъ со мной труды и попеченія отъ начала до конца въ созиданіи съ фундамента толикихъ зданій на чистомъ полѣ въ теченіе менѣе двухъ лѣтъ, почему и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Для того покорнѣйше прошу ваше сіятельство не оставить исходатайствовать ему наименованіе намѣстника Кишиневской митрополіи и, какой заблагоразсудить изволите, знакъ отличія. Утѣшивъ его симъ, утѣшите самого меня, желающаго видѣть заслуги его вознагражденными».

Ходатайство Кишиневскаго владыки поставило въ затрудненіе сvнодальнаго оберъ-прокурора, и онъ спрашивалъ Гавріила: «на какомъ правѣ можно дать архимандриту Серафиму титло намѣстника митрополіи, не заключало ли это названіе въ себѣ какихъ - либо особенныхъ преимуществъ и совмѣстно ли оно съ званіемъ архимандрита?» «Имѣю честь объясниться», такъ отвѣчалъ экзархъ на запросъ князя Голи-

цына, «что я испрашивалъ архимандриту Серафиму именованіе намѣстника митрополіи не на какомъ-либо другомъ правѣ, какъ на правѣ главнаго и полнаго распорядителя по одной только хозяйственной части митрополитанскаго имущества, по примѣру бывшаго у меня въ Яссахъ намѣстника архимандрита Кирилла, тоже единственно по хозяйственной части Молдавской митрополіи. Впрочемъ, что̀ касается до сего титла, то я предоставляю на благоусмотрѣніе и милостивое уваженіе Святѣйшаго Синода и вашего сіятельства, дать ли оное или нѣтъ, ибо на милость образца нѣтъ. Но относительно знака отличія всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство, не оставить добрѣ трудившагося и еще трудящагося архимандрита Серафима, немолода уже суща, утѣшить и ободрить; касательно же качества сего знака отличія, оставляю на ваше, милостивый благодѣтель, благоусмотрѣніе, о чемъ по совѣту вашего сіятельства, представляю прямо въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ».

Вопросъ о наименованіи Серафима намѣстникомъ митрополіи заглохъ въ Св. Сѵнодѣ. Въ докладѣ князя Голицына Государю, равно какъ въ перепискѣ его съ свѣтскими учрежденіями Серафимъ титуловался намѣстникомъ митрополіи, но въ дѣлопроизводствѣ самаго Св. Сѵнода умалчивается объ этомъ названіи. 21 Января 1817 года Государь пожаловалъ митрополиту Гавріилу панагію съ драгоцѣнными камнями, а архимандриту Серафиму наперсный крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями *).

При устройствѣ новой епархіи представителю ея приходилось наталкиваться на разныя затрудненія. Особенно скоро обнаружился недостатокъ въ низшемъ клирѣ. Въ Тираспольскомъ уѣздѣ, напримѣръ, при ста шестнадцати церквахъ не доставало тридцати пяти дьячковъ и тридцати двухъ понамарей. Въ этихъ видахъ экзархъ въ Апрѣлѣ 1814 года обратился въ Св. Сѵнодъ съ представленіемъ, въ которомъ сообщалъ, что за выходомъ семинаристовъ по окончаніи курса въ военную, статскую или медицинскую службу, въ Бессарабіи чувствовался большой недостатокъ въ кандидатахъ на причетническія мѣста, и потому просилъ разрѣшенія Св. Сѵнода назначать на эти мѣста изъ увольняемыхъ свѣтскаго званія разночинцевъ. Св. Сѵнодъ отклонилъ ходатайство Кишиневскаго митрополита, и вмѣсто того предложилъ ему обратиться къ преосвященнымъ сосѣднихъ съ Кишиневскою епархій съ просьбою о выдѣленіи излишнихъ церковниковъ. Сѵнодъ обосновывалъ свой отказъ на опасеніи, чтобы чрезъ пріемъ разночинцевъ не умножилось духовенство, а излишекъ его могъ вызвать новый разборъ

*) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора X—4780.

его, какъ и прежде, для отсылки въ военную службу. Между тѣмъ, Гавріилъ, не дожидаясь синодальнаго разрѣшенія, принялъ, за неимѣніемъ лицъ духовнаго званія, въ число своего штата нѣсколько разночинцевъ и теперь отказомъ Сѵнода поставленъ былъ въ крайне-затруднительное положеніе. Тогда онъ обратился къ князю Голицыну и просилъ его ходатайства предъ Сѵнодомъ, при чемъ по поводу даннаго ему Синодомъ порученія писалъ, что добрый причетникъ едва ли пожелаетъ перейти въ другую епархію, а если пойдутъ, то одни худые. которые, конечно, вигдѣ нежелательны. Въ Ноябрѣ того-же 1814 года князь Голицынъ вошелъ съ предложеніемъ въ Синодъ и высказался въ пользу удовлетворенія ходатайства Кишиневскаго владыки. 1 Февраля 1815 года Св. Сѵнодъ не только дозволилъ зачислить въ духовное званіе ранѣе принятыхъ въ штатъ, но и далъ болѣе широкое разрѣшеніе митрополиту Кишеневскому принимать въ духовное вѣдомство тѣхъ изъ свободнаго свѣтскаго состоянія людей, которые, не бывъ обязаны никакими государственными повинностями, будутъ уволены гражданскимъ начальствомъ *).

Митрополитъ Гавріилъ, положившій твердыя основы церковнаго управленія въ Бессарабіи, внесъ значительную долю своего участія и въ гражданское устройство новоприсоединенной области. 23-го Іюня 1812 года высочайше утверждено было составленное бывшимъ главнокомандующимъ Дунайскою арміей Чичаговымъ временное правительство для Бессарабіи, которое имѣло ту особенность, что положительно исключало всякое вмѣшательство Русской администраціи во внутреннюю жизнь страны. Губернаторомъ новоприсоединенной области назначенъ былъ Скарлатъ Стурдза. Жители Бессарабіи получили права внутренняго самоуправленія по своимъ прежнимъ законамъ и обычаямъ и въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ освобождались отъ платежа всѣхъ повинностей и на опредѣленное время отъ рекрутскаго набора. Дѣятельность новообразованнаго правительства не сопровождалась добрыми послѣдствіями для края. Губернаторъ Стурдза, слабый, едва передвигавшій ноги, осьмидесятилѣтній старикъ обнаружилъ полную несостоятельность управлять краемъ и скоро счелъ за лучшее удалиться на покой (17 Іюля 1813 г.). Митрополитъ Гавріилъ, близко знавшій особенности страны и радѣвшій объ интересахъ Русскаго правительства, 31 Октября 1813 года писалъ князю Голицыну:

«Новоприсоединенный къ Россіи отъ Порты Оттоманской край Заднѣпровскій требуетъ особливаго вниманія и устроенія какъ въ разсужденіи разнонаціоннаго народонаселенія, такъ и въ разсужденіи сопредѣльности съ такою державою, подъ которой оный находился, гдѣ

*) Дѣло Св. Сѵнода, 1814 года. № 469.

здѣшніе обыватели имѣють родныхъ и знаемыхъ, готовыхъ или последовать имъ вступленіемъ въ Россійское подданство, когда усмотрятъ преимущественныя выгоды здѣшняго обитанія, или привлекать ихъ къ себѣ за границу, когда услышатъ отъ нихъ какія нибудь насчетъ правительства жалобы; при томъ и въ разсужденіи казенныхъ имуществъ и доходовъ, каковыя область сія имѣетъ въ изобиліи, кромѣ главныхъ посемейныхъ податей, которыя по мирному трактату досрочнаго времени не взимаются.

Соображая сіи обстоятельства съ обстоятельствами нынѣшняго временнаго правительства Бессарабскаго, я по долгу присяги не могу смотрѣть равнодушно на все происходящее. И потому осмѣливаюсь довесть до свѣдѣнія вашего сіятельства, яко члена Государственнаго Совѣта и истиннаго патріота, что весьма нужно образовать и улучшить правительство здѣшнее по гражданской части; паче же всего необходимо надобенъ губернаторъ, имѣющій полное свѣдѣніе о дѣлахъ до гражданскаго правленія касающихся; ибо отъ качества гражданскаго правительства будетъ зависѣть, по пограничности, и умноженіе населенія въ семъ краю, и уменьшеніе онаго, а потому и польза государственной казны и убытокъ ея. И для того не оставьте, ваше сіятельство, для блага края сего и дабы казенный интересъ и приверженность сопредѣльныхъ народовъ къ Россійской Имперіи не потерпѣли ущерба, сообщить о семъ моемъ объясненіи, которое я, по долгу присяги, осмѣливаюсь представить министерству, и содѣйствовать, дабы благоволено было безъ дальняго отлагательства опредѣлить способнаго по гражданской части губернатора.

Здѣшній пограничный комиссаръ г. генералъ-маіоръ и кавалеръ Илія Филипповичъ Катаржи сего мѣста желаетъ и ищетъ. Я, будучи во многихъ случаяхъ свидѣтелемъ очевиднымъ истинной преданности его къ Россіи и къ интересамъ государственнымъ, и замѣчая въ немъ, при честномъ поведеніи, способность къ управленію сей губерніи по всѣмъ отношеніямъ, а при томъ и по знанію языка здѣшнихъ обитателей, такъ какъ онъ есть изъ первостатейныхъ Молдавскихъ бояръ, поступившій еще въ . . . . . году въ Россійское подданство и службу, и какъ за прежнія заслуги, такъ и за способствованіе въ послѣднюю войну къ занятію Бендерской крѣпости Россійскими войсками награжденъ чинами до генеральскаго достоинства, да и нынѣ, исполняя самъ должность пограничнаго комиссара, имѣетъ въ арміи противъ непріятеля двухъ сыновъ офицерами и зятя генераломъ, осмѣливаюсь рекомендовать его, яко добраго и способнаго патріота въ сію должность, будучи, между прочимъ, побужденъ къ сему и таковыми мыслями, что можетъ быть по неизвѣстности начальству о способномъ для сего мѣста человѣкѣ медлится опредѣленіе настоящаго гражданскаго губернатора» *).

Русское правительство, къ сожалѣнію, не обратило никакого вниманія на рекомендацію испытаннаго человѣка, Кишиневскаго митро-

*) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 6284.

полита, чѣмъ нанесло вредъ и себѣ, и Бессарабскому краю. Оно повторило свою прежнюю ошибку, назначивъ губернаторомъ въ Бессарабію генералъ-маіора Гартинга. Новый губернаторъ съ необыкновенною энергіей взялся за управленіе областью и искорененіе утвердившихся въ ней злоупотребленій; но его энергическая дѣятельность не принесла краю никакой пользы, вслѣдствіе того, что она не согласовалась съ обычаями и нравами жителей. Мало знакомый съ мѣстными обычаями и законами, генералъ Гартингъ совершенно не признавалъ за ними никакого значенія, и въ своей административной дѣятельности сталъ примѣнять Русскіе законы, отрицая всякое значеніе старинныхъ мѣстныхъ законоположеній. Въ этомъ смыслѣ онъ составилъ въ 1814 году проектъ гражданскаго управленія Бессарабіей и представилъ его на утвержденіе высшей власти *). Такое открытое посягательство на дарованныя высочайшею властью преимущества возбудило всеобщее негодованіе среди населенія Бессарабіи. Высшій и болѣе интеллигентный классъ ея, бояре, рѣшились искать защиты своихъ правъ у высшей власти и даже у царскаго трона. Они добыли копію съ отношенія генерала Гартинга къ министру юстиціи, съ проектомъ преобразованія управленія Бессарабскимъ краемъ и, сдѣлавъ разборъ его, представили все это въ Комитетъ Министровъ. Кромѣ того, они составили письмо на имя Государя, въ которомъ ходатайствовали о защитѣ своихъ старинныхъ правъ. Не имѣя возможности непосредственно представить это всеподданнѣйшее письмо Государю, Молдавскіе бояре обратились, по изстари установившемуся у нихъ обычаю, къ своему архипастырю съ глубоко-трогательною просьбой о томъ, чтобы онъ принялъ на себя трудъ отправить ихъ письмо Государю Императору. При этомъ они представили особое письмо къ преосвященному Гавріилу, въ которомъ просили ходатайства и его самого предъ Государемъ о томъ, вопервыхъ, чтобы ихъ архипастырь былъ и теперь, какъ и издревле, во время Турецкаго владычества, первоприсутствующимъ лицомъ въ высшемъ мѣстномъ судебномъ учрежденіи; вовторыхъ о томъ, чтобы гражданскимъ правителемъ Бессарабской области назначенъ былъ природный Молдаванинъ, и какъ на самое подходящее лицо для этой должности, они указывали на генерала И. Р. Катаржи, того самаго, котораго Кишиневскій митрополитъ рекомендовалъ Русскому правительству еще раньше, въ 1813 году. Гавріилъ препроводилъ всѣ полученныя имъ отъ Бессарабскихъ бояръ бумаги къ оберъ-прокурору князю Голицыну, съ приложеніемъ своего собственнаго письма въ которомъ, съ своей стороны, признавалъ справедливыми жало-

*) Стадницкій, стр. 279—280.

бы и опасенія Молдавскихъ бояръ, и просилъ ходатайствовать за нихъ самого князя предъ Государемъ [1]). Князь Голицынъ всеподданнѣйшее письмо бояръ Бессарабской области представилъ Государю, и дѣло приняло быстрый ходъ. Губернаторъ Гартингъ немедленно получилъ увольненіе отъ должности, было подтверждено гражданское самоуправленіе Бессарабіи, съ сохраненіемъ въ ней прежнихъ обычаевъ и законовъ; въ Бессарабію командированъ былъ особый чиновникъ, для ознакомленія съ нуждами края. 26-го Мая 1816 года состоялся высочайшій указъ о назначеніи Бахметева полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабіи [2]). Всѣ эти распоряженія обнародованы были въ особомъ высочайшемъ рескриптѣ, адресованномъ непосредственно на имя первосвятителя Бессарабіи. Этотъ замѣчательный рескриптъ, напечатанъ въ книгѣ Стадницкаго [3]). Вмѣстѣ съ нимъ Гавріилъ получилъ отъ Государя и бриллiантовую панагію [4]). Высочайшій рескриптъ, согласно выраженной въ немъ волѣ Государя, прочитанъ былъ во всѣхъ церквахъ Бессарабіи и произвелъ благотворное дѣйствіе на всѣхъ жителей. Это видно изъ письма Кишиневскаго архипастыря къ синодальному оберъ-прокурору отъ 4-го Апрѣля 1816 г.: «Его Императорскаго Величества высочайшій рескриптъ отъ 1-го числа Апрѣля сего года, присланный ко мнѣ при почтеннѣйшемъ отношеніи вашего сіятельства, мною 29-го того же мѣсяца полученъ. И во исполненіе священнѣйшей воли всемилостивѣйшаго Монарха, оный рескриптъ того же числа переведенъ на Волоскій языкъ, а на другой день, т.-е. 30-го числа, въ воскресный день, читанъ въ Кишиневскомъ каѳедральномъ Михайловскомъ соборѣ и во всѣхъ приходскихъ церквахъ послѣ литургіи, съ отправленіемъ, по прочтеніи, Господу Богу благодарственнаго молебствія. Знатнѣйшіе дворяне и граждане собрались въ митрополитанскую Покровскую церковь и, по выслушаніи всемилостивѣйшаго рескрипта, приступили ко мнѣ и просили читать на молебнѣ молитву съ колѣнопреклоненіемъ, что̀ и исполнено; для таковаго же исполненія и во всей епархіи напечатано должное по числу церквей количество экземпляровъ и разослано при предписаніяхъ къ цинутнымъ протопопамъ. О чемъ спѣшу донести вашему сіятельству, съ добавленіемъ, что симъ всемилостивѣйшимъ благоволеніемъ Государя Императора такъ восхищены обыватели Бессарабіи, что изобразить радость ихъ едва воз-

---

[1]) Всѣ бумаги, какъ-то: письма къ Государю, жалоба въ Комитетъ Министровъ, письмо къ митрополиту Гавріилу и другія, находятся въ дѣлѣ канцеляріи оберъ-прокурора № 5220.

[2]) Дѣло Св. Синода 1815 г., № 630.

[3]) Стр. 288—290. Онъ имѣется въ дѣлѣ канцеляріи оберъ-прокурора, № 4788. Сравни Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, кн. I, стр. 157.

[4]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора, № 5689.

можно». Потребность глубокой благодарности Государю, милостиво отнесшемуся къ ихъ нуждамъ, побудила Бессарабскихъ жителей подать Государю благодарственный адресъ. Подъ адресомъ, во главѣ всѣхъ, подписался митрополитъ Гавріилъ, который, кромѣ того, по просьбѣ Бессарабскихъ бояръ, не имѣвшихъ своей общественной печати, приложилъ къ нему и свою епархіальную печать. И здѣсь сыны Бессарабіи не обошлись безъ участія своего архипастыря. Они обратились къ нему съ просьбою о томъ, чтобы онъ препроводилъ по назначенію ихъ благодарственный адресъ. Гавріилъ исполнилъ ихъ просьбу и препроводилъ адресъ синодальному оберъ-прокурору.

Между разными сторонами административной дѣятельности Гавріила по управленію Бессарабскою церковью предметомъ особенныхъ его попеченій было, конечно, образованіе духовенства. Съ этою цѣлью вмѣстѣ съ учрежденіемъ епархіи онъ поднялъ вопросъ объ открытіи семинаріи, которая и получила свое бытіе 21 Января 1813 года. Она первоначально помѣщалась въ тѣсномъ и ветхомъ наемномъ домѣ. Предстоялая настоятельная необходимость устройства собственнаго дома для семинаріи. Гавріилъ началъ постройку безъ пособія отъ казны, прибѣгалъ къ частнымъ пожертвованіямъ, не имѣя лишнихъ своихъ средствъ, входилъ въ долги и всетаки въ короткое время устроилъ прекрасное помѣщеніе. Къ какимъ иногда мѣрамъ приходилось прибѣгать Кишиневскому архипастырю для ускоренія дѣла постройки семинаріи, показываетъ письмо его къ князю Голицыну отъ 18 Мая 1814 г. «Съ наступленіемъ будущей весны приступаю я къ окончанію нѣкоторыхъ неотдѣланныхъ при архіерейскомъ домѣ нужныхъ строеній и къ начатію строенія семинаріи съ учитель скимикельями, сиротскимъ для церковнослужительскихъ дѣтей домомъ и со всѣми потребными службами; при семъ располагаю выстроить и пансіонъ для дѣтей свѣтскихъ, имѣя въ виду высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе, изъясненное мнѣ въ указѣ Святѣйшаго Синода, что все намѣреваю произвести каменнымъ строеніемъ такъ, дабы зданіе сіе соотвѣтствовало сколько возможно ожиданію начальства моего, на каковой конецъ какъ нужный матеріалъ мною уже заготовленъ въ близкомъ отъ Кишинева разстояніи, такъ и мастера пріисканы. И хотя семинарію сію я надѣюсь выстроить, не требуя отъ казны никакихъ денежныхъ пособій, подобно архіерейскому дому; однакожъ за всѣмъ тѣмъ я, приступая къ строенію семинаріи, встрѣчаю крайнюю нужду въ подводахъ для вывоза камня и лѣсу, и безъ пособія гражданскаго правительства предвижу великое въ доставкѣ матеріала затрудненіе, а потому и въ работѣ остановку. Здѣшнее правительство, конечно, легко могло бы въ семъ пособить мнѣ, да и не должно бы, кажется, отказаться отъ сего, принявъ въ уваженіе между прочимъ и то, что строеніе сіе предпринимается для пользы не одного духовенства, а всѣхъ обитателей здѣшняго края; но я безъ особаго вашего, милостивый го-

сударь и благодѣтель, содѣйствія, самъ собою вовсе не могу успѣть въ просьбѣ моей по сему дѣлу у здѣшняго по гражданской части начальника, господина инженеръ-генералъ-маіора и кавалера Ивана Марковича Гартинга, потому что онъ, не будучи Русскій и при томъ другаго исповѣданія, по образу мыслей своихъ, не можетъ обратить столько вниманія на сіе богоугодное дѣло, сколько бы нужно было для споспѣшествованія оному здѣсь при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, и на всѣ мои по сей части усилія и напряженія смотритъ равнодушно. Таковое расположеніе его дознаяъ я на опытѣ. По личному прошенію моему его превосходительство обѣщалъ мнѣ пособіе въ перевозкѣ матеріала, а вслѣдъ за тѣмъ господамъ здѣшнимъ національнымъ исправникамъ представилъ затрудненія къ исполненію просьбы моей, что и понудило господъ исправниковъ совѣтовать мнѣ, просить у вашего сіятельства въ семъ дѣлѣ вспомоществованія; они же съ своей стороны готовы сдѣлать все зависящее отъ нихъ. По симъ причинамъ я пріемлю смѣлость всепокорнѣйше просить васъ, не отказать мнѣ въ вашемъ по сему дѣлу содѣйствіи, исходатайствованіемъ къ здѣшнему по гражданской части начальнику отзыва отъ его высокопревосходительства господина министра полиціи Сергѣя Кузьмича Вязмитинова, коему г. Гартингъ подвѣдомъ, дабы со стороны здѣшняго гражданскаго начальства сдѣлано было мнѣ пособіе въ строеніи, перевозкою заготовленнаго мн оюнедалеко отъ Кишинева камня, извести и лѣсу. Перевозка сія тѣмъ удобнѣе можетъ быть произведена, что здѣшніе жители сами признаютъ пользу устраиваемаго мною заведенія и смотрятъ на оное съ удовольствіемъ и радостію; къ тому же они нынѣ отъ всѣхъ казенныхъ повинностей свободны, и потому нужно только для сего одно содѣйствіе гражданскаго правительства» [1]).

Князь Голицынъ однакоже уклонился отъ исполненія нѣсколько оригинальной просьбы Гавріила, ссылаясь на то, что для того нѣтъ никакихъ ясныхъ основаній въ законѣ.

Основанная въ Кишиневѣ семинарія была единственнымъ въ то время учебнымъ заведеніемъ для цѣлаго новоприсоединеннаго края и по ходатайству предъ Государемъ Бессарабскаго губернатора Стурдзы сдѣлана была заведеніемъ всесословнымъ. Въ 1816 году преосвященный Гавріилъ, по желанію Бессарабскаго дворянства, съ высочайшаго соизволенія, открылъ при семинаріи благородный пансіонъ для воспитанія дѣтей Бессарабскихъ дворянъ, который существовалъ до 1834 года и замѣнялъ собою областную гимназію въ краѣ. Какъ быстро увеличивалось число учениковъ семинаріи, показываетъ то, что на другой годъ по ея открытіи въ ней уже было семьдесятъ восемь учениковъ при четырехъ учителяхъ, ректорѣ и префектѣ [5]), а въ 1820 году — уже сто восемьдесятъ два. Въ 1820 году благородный пансіонъ при семинаріи состоялъ изъ осьмнадцати учениковъ, изъ которыхъ восемь были дѣти мѣстныхъ дворянъ.

---

[1]) Дѣло канцеляріи об.-прокурора № 4704 и 49—50.

[2]) Дѣло Сунода 1815 года № 630.

Съ пменемъ митрополита Гавріила тѣсно связапо возникновеніе и устройство Успенскаго монастыря въ Одессѣ. Еще въ бытность свою тамъ на покоѣ въ 1804 году, онъ познакомился съ однимъ благочестивымъ Молдаваниномъ-дворяниномъ Александромъ Теутуломъ, который имѣлъ небольшой участокъ земли на берегу Чернаго моря, въ семи верстахъ отъ города, въ предмѣстьѣ его, называемомъ Большой Фонтанъ. Теутулъ началъ разводить у себя фруктовый садъ, при чемъ неоднократно повторялъ своему знакомцу - архипастырю, что онъ это дѣлаетъ для того, чтобы устроить здѣсь для спасенія своей души церковь и поставить маякъ съ фонаремъ для освѣщенія почью пути мореходцевъ. Гавріилъ не придалъ на первыхъ порахъ этимъ словамъ особеннаго значенія. Теутулъ продолжалъ разработывать свой садъ и не думалъ измѣнять разъ принятаго рѣшенія отдать его Церкви. Гавріилу пришлось случайно (для погребенія главнокомандующаго графа Каменскаго) побывать въ Одессѣ, когда онъ уже состоялъ Молдавлахійскимъ экзархомъ. Дворянинъ Теутулъ обратился тогда къ нему съ просьбою принять разведенный имъ садъ въ свое вѣдѣніе и устроить тамъ церковъ и фонарь. На замѣчаніе экзарха о томъ, что онъ имѣетъ жену и дѣтей, жертвователь настойчиво отвѣчалъ, что то, чтò онъ единожды обѣщалъ, то онъ непремѣнно и долженъ исполнить. Все-таки экзархъ на этотъ разъ отклонилъ отъ себя это пожертвованіе подъ тѣмъ предлогомъ, что Одесса не принадлежала тогда къ его экзархату, а входила въ составъ епархіи Екатеринославской. При устройствѣ новой Кишиневской епархіи, Одесса вошла въ ея составъ. Тогда Теутулъ сдѣлалъ уже формальное завѣщаніе и явился къ Гавріилу съ письменною просьбою о принятіи его помѣстья въ пользу Кишиневской митрополіи. 14 Мая 1814 года митрополитъ обратился въ Сѵнодъ съ репортомъ, въ которомъ сообщалъ о пожертвованіи Теутула и о томъ, чтò онъ намѣренъ сдѣлать съ этимъ пожертвованіемъ. Кишиневскій архипастырь предполагалъ пожертвованное помѣстье обратить въ архіерейское подворье съ церковію: «ибо», какъ писалъ онъ въ Сѵнодъ, «епархіальный Кишиневскій архіерей долженъ имѣть подворье при такомъ городѣ, какъ Одесса, имѣя по разнымъ случаямъ необходимости бывать тамъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщалъ, что согласно волѣ жертвователя, онъ предполагаетъ устроить тамъ маякъ съ фонаремъ для ночного освѣщенія опасныхъ мѣстъ, около которыхъ нерѣдко бывали случаи кораблекрушеній. Устройство и содержаніе маяка Гавріилъ бралъ на счетъ доходовъ съ открываемаго архіерейскаго подворья. Въ Декабрѣ 1814 года Св. Сѵнодъ постановилъ испросить высочайшее соизволеніе на совершеніе купчей крѣпости на жертвенную землю. Въ Февралѣ 1815 года состоялось на то разрѣшеніе.

Полученное отъ Теутула помѣстье состояло изъ пятидесяти десятинъ, изъ нихъ двадцать пять было подъ фруктовымъ садомъ, а остальныя двадцать пять представляли собою великолѣпную сѣнокосную и пахотную землю. Начались постройки и приспособленія для предназначенной цѣли. Прежде всего митрополитъ взялся за устройство маяка. Всѣ каменныя и деревянныя принадлежности его дѣлались на счетъ митрополіи. На дѣлѣ оказалось, на сколько большіе расходы требовались на его устройство. Доходовъ отъ пожертвованнаго имѣнія покуда никакихъ не получалось, а расходы все увеличивались. Одесское гражданское начальство торопило устройствомъ маяка. Поставленный въ затруднительное положеніе, митрополитъ обратился съ просьбою къ Одесскому гражданскому начальству о томъ, чтобы оно взяло маякъ въ свое вѣдѣніе. Гражданское начальство охотно на это согласилось.

При постоянномъ руководствѣ Гавріила, на Большомъ Фонтанѣ заложена была каменная церковь съ колокольнею во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Постройки на Фонтанѣ шли и вмѣстѣ съ ними увеличивались издержки, а существенной пользы Одесское подворье не приносило. Уже на закатѣ дней своихъ м. Гавріилъ пришелъ къ сознанію въ безполезности и неудобоисполнимости задуманнаго имъ плана. «Шестилѣтній опытъ показалъ мнѣ», такъ писалъ онъ къ министру духовныхъ дѣлъ 27 Ноября 1820 года, «что по отдаленности митрополіи отъ подворья сего и по встрѣчающемуся часто затрудненію въ сообщеніи, по причинѣ Днѣстровскихъ карантиновъ, прекрасное мѣсто сіе не только не можетъ приносить митрополіи выгодъ, но и состоя во владѣніи оной, часъ отъ часу будетъ приходить въ опустошеніе; потому что людей способныхъ для содержанія въ порядкѣ столь обширнаго сада, рыбной ловли и другихъ хозяйственныхъ заведеній митрополія здѣшняя не имѣетъ, самому же мнѣ единственно для сего отлучаться туда и проживать тамъ никакъ невозможно. Убѣждаясь съ одной стороны сими обстоятельствами, а съ другой видя, что въ прилежащей къ Черному морю части Кишиневской епархіи, отъ Буга до Дуная нѣтъ ни одного монастыря, и соображая, сколько бы прилично было имѣть таковой близъ многолюдной торговой Одессы, на вышесказанномъ мѣстѣ, мимо коего проходятъ всѣ суда, идущіе въ Одесскій портъ и изъ онаго, тѣмъ болѣе, что мореходцы и мѣстные здѣшніе жители исполнены особымъ благоговѣніемъ къ обители, я пріемлю смѣлость обратиться къ вашему сіятельству со всепокорнѣйшею просьбою употребить ходатайство ваше у всемилостивѣйшаго Государя Императора о томъ, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству повелѣть, принявъ помянутое мѣсто отъ Кишиневской митрополіи со всѣми хозяйственными на нихъ заведеніями, устроить на ономъ штатный монастырь въ такомъ классѣ, какъ заблагоразсуждено будетъ. Двадцать пять десятинъ пашенной и сѣнокосной земли, рыбная ловля, обширный виноградный и фруктовый садъ на пріятнѣйшемъ мѣстоположеніи при Черномъ морѣ, подлѣ многолюднаго торго-

ваго города и, наконецъ, строющаяся церковь съ другими нѣкоторыми заведеніями представляютъ уже готовое основаніе для будущаго монастыря. Настоятелями же онаго, по мнѣнію моему, весьма прилично быть законоучителямъ Ришельевскаго Лицея, кои по личному своему всегдашнему тамъ пребыванію могутъ и споспѣшествовать при сооруженіи обители сея, и по сооруженіи содержать оную въ надлежащемъ порядкѣ» [1]).

Преосвященный Гавріилъ умеръ, не дождавшись открытія Успенскаго монастыря. Вскорѣ послѣ его кончины въ Успенскомъ подворьѣ окончена была Успенская церковь съ двумя престолами, построены вновь трапеза, кухня, ограда, вѣтряная мельница и пріобрѣтены отъ города къ прежнимъ еще тридцать три десятины земли. Св. Сѵнодъ представилъ Государю докладъ объ обращеніи архіерейскаго подворья въ Одессѣ въ Успенскій второклассный монастырь, который и утвержденъ Государемъ 1 Іюня 1824 года. При семъ замѣчательно то, что настоятелю этого новоустроеннаго монастыря дано было такое право въ священнослуженіи, какимъ пользовались только архимандриты ставропигіальныхъ монастырей. Архимандритъ Успенскаго монастыря можетъ служить на коврѣ съ дикиріями и трикиріями, на великомъ выходѣ принимать дискосъ и потиръ по архіерейски въ царскихъ вратахъ. Гавріилъ и не мечталъ хлопотать о такихъ привиллегіяхъ настоятелю такого монастыря, который былъ только въ зачаткѣ. Объясняется это дѣло тѣмъ, что въ Одессѣ въ разсматриваемое время проживалъ, занимая должность законоучителя Ришельевскаго лицея, любимецъ князя Голицына архимандритъ Ѳеофилъ, назначенный первымъ архимандритомъ Успенскаго монастыря. Для этого архимандрита министръ духовныхъ дѣлъ и выхлопоталъ особыя привиллегіи при богослуженіи. Судьба впрочемъ судила иначе. Вскорѣ послѣ отставки князя Голицына, архимандритъ Ѳеофилъ въ Декабрѣ 1824 года былъ по высочайшему повелѣнію высланъ изъ Одессы [2]).

Весьма много хлопотъ и безпокойства выпало на долю перваго Кишиневскаго архипастыря въ дѣлѣ защиты имъ матеріальныхъ интересовъ своей епархіи. По присоединеніи Бессарабіи къ Россіи, при предоставленіи мирнымъ трактатомъ права жителямъ переходить въ предѣлы Турціи и обратно, землевладѣльческій вопросъ въ новоприсоединенной области принадлежалъ къ числу самыхъ важныхъ, но въ тоже время сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ. Нѣкоторые болѣе практическіе люди постарались воспользоваться запутанными обстоятельствами для своей наживы. Находились, напримѣръ, такіе помѣ-

---

[1]) Дѣло Св. Сѵнода 1821 г. № 100. л. 1—4.

[2]) Исторію странствованій этого архимандрита по разнымъ монастырямъ можно читать въ Христіанскомъ Чтеніи 1872 г. Апрѣль. стр. 673—675.

щики, которые забирали принадлежавшія разнымъ Бессарабскимъ монастырямъ земли и присвоивали ихъ себѣ. Кишиневскій архипастырь выступилъ на защиту правъ монастырей. 28 Іюня 1815 года онъ писалъ князю Голицыну:

«Между многими безпокойствами, сопряженными съ новымъ устроеніемъ епархіи, часто доходятъ ко мнѣ жалобы отъ монастырей о притѣсненіи ихъ сосѣдственными помѣщиками отторженіемъ отъ монастырскихъ помѣстьевъ значительныхъ частей или присвоеніемъ себѣ управленія въ такихъ мѣстахъ, гдѣ по правамъ и документамъ должны владѣть монастыри. И хотя я по принадлежности отсылаю просителей въ гражданское правительство, да и дикастерія, съ моего вѣдома, часто относится въ оное правительство по порядку о защищеніи монастырей отъ обиды, но какъ прошенія настоятелей, такъ и отношенія дикастеріи остаются безъ уваженія, а между тѣмъ присвоившіе себѣ какую-нибудь часть монастырскаго имущества владѣютъ спокойно. Вслѣдствіе чего я въ необходимости нашелъ себя представить вашему сіятельству и просить, не благоугодно ли будетъ, въ пресѣченіе таковыхъ безпокойствъ и неправильнаго присвоенія нѣкоторыми помѣщиками частей монастырскаго достоянія, принять на себя великодушно ради Церкви Святой трудъ: 1-е) снестись съ кѣмъ слѣдуетъ, дабы благоволено было отрядить нарочнаго короннаго чиновника съ полномочіемъ разсмотрѣть документы монастырскихъ вотчинъ и, ограничивъ справедливыя межи, рѣшить единожды навсегда споры и безпокойствія между нѣкоторыми помѣщиками и монастырями. 2-е) чтобы по всѣмъ вообще до здѣшнихъ монастырскихъ и священно и церковнослужительскихъ имуществъ касающимся дѣламъ здѣшнее правительство дѣлало производство при депутатѣ со стороны духовнаго правительства, какъ для избѣжанія проволочекъ, такъ для защиты духовной стороны въ правомъ дѣлѣ.

Сверхъ того, чтобы предписано было здѣшнему областному правительству, дабы оное, по примѣру другихъ губернскихъ правленій, принимало во вниманіе отношенія дикастеріи, яко ровнаго мѣста, и давало бы соотвѣтственные существу дѣлъ, по которымъ будетъ дикастерія сноситься, отзывы, безъ чего никакъ не могутъ дѣла имѣть должнаго порядка и успѣха въ производствахъ и рѣшеніяхъ».

По поводу донесенія митрополита Гавріила князь Голицынъ 13 Сентября 1815 года входилъ особымъ предложеніемъ въ Св. Сѵнодъ, который постановилъ снестись съ Сенатомъ. 25 Мая 1816 года. Сенатъ сообщилъ Св. Сѵноду, что онъ предписалъ исправляющему должность Бессарабскаго гражданскаго губернатора Гартингу принять возможныя мѣры къ разсмотрѣнію и рѣшенію споровъ между тамошними помѣщиками и монастырями, допустивъ съ духовной стороны къ дѣламъ, до монастырскихъ имуществъ касающимся, депутата, а также, чтобы обращено было всякое вниманіе на законныя требованія экзархшеской дискастеріи. Но предписаніе Правительствующаго Сената мало

помогло дѣлу. 23 Февраля 1818 года Гавріилъ опять обращался къ заступничеству князя Голицына: «Поражаютъ меня скорбію непрестанныя почти обиды, причиняемыя Св. Церкви отнятіемъ собственности у монастырей, а паче Забужскихъ, Бессарабскими помѣщиками, изъ коихъ нѣкоторые, бывъ въ Молдавіи, по своему малозначущему состоянію, въ неизвѣстности, переселились въ область сію съ тѣмъ единственно, кажется, намѣреніемъ, чтобы улучшить на счетъ монастырей свой жребій. Скорбь сія тѣмъ для сердца моего болѣзненнѣе, что противу таковой наглости нѣтъ ни защиты, ни покровительства въ здѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ; ибо судьи, будучи большею частію или сами утѣснителями, или состоя въ родственныхъ и другихъ связяхъ съ сими послѣдними, нимало не внемлютъ гласу справедливости, соглашаются между собою по дѣламъ симъ предварительно въ домахъ своихъ, и потомъ какъ въ департаментахъ, такъ и въ общемъ собраніи, большинствомъ голосовъ рѣшаютъ самымъ неправеднѣйшимъ образомъ, поставляя основаніемъ своихъ приговоровъ не законъ Божій и монаршій, не совѣсть и справедливость, но единственно одно большинство голосовъ своихъ, такъ что прочіе благонамѣренные чиновники, при всѣхъ условіяхъ въ пользу невинно-утѣснительныхъ монастырей, не могутъ противустоять сему стремительному потоку неправды. Съ таковою вопіющею несправедливостію недавно рѣшено и дѣло о цынутахъ Запрутскаго Добровецкаго монастыря, имѣющаго здѣсь свои вотчины. Хотя справедливость монастыря для всякаго безпристрастнаго была очевидна; хотя здѣшній гражданскій губернаторъ, а также исправляющій должность вице-губернатора и два предсѣдателя департаментовъ признали оную письменными своими мнѣніями: за всѣмъ тѣмъ однакожъ въ общемъ собраніи неправда восторжествовала, и по одному большинству голосовъ монастырь лишился собственности своей. Простите мнѣ, сіятельнѣйшій князь, что я дерзаю симъ безпокоить васъ. Не видя никакого здѣсь успѣха по прежнему представленію моему, обращенному отъ вашего сіятельства къ здѣшнему главному начальнику и при всѣхъ напряженіяхъ моихъ не обрѣтая здѣсь преграды возрастающему злу сему, я, среди таковой крайности, по пастырскому долгу моему, въ полномъ упованіи на ревность вашего сіятельства къ правдѣ и Церкви Святой, рѣшился паки обратиться къ вамъ, милостивый государь и благодѣтель, и со слезами умолять, не дать Святой Церкви въ попраніе злонамѣренныхъ, и вопли ея довести до слуха всемилостивѣйшаго Государя Императора, при вожделѣннѣйшемъ для насъ предстоящемъ нынѣ проѣздѣ Его Величества чрезъ здѣшнюю область *). Князь Голицынъ не далъ отвѣта. Только какой-то маленькій чиновникъ, противъ письма Гавріила отмѣтилъ карандашомъ: «оставлено безъ движенія».

Въ присоединенной къ Россіи Бессарабіи находились земли, принадлежавшія монастырямъ Молдавскаго и Валахскаго княжествъ. Эти монастыри начали промѣнивать и продавать принадлежавшія имъ въ

*) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 5170.

Русской Бессарабіи земли, при чемъ они конечно терпѣли большіе убытки, а Бессарабскіе бояре пользовались этимъ случаемъ въ своихъ личныхъ интересахъ. Гавріилъ неоднократно писалъ объ этомъ мѣстному губернатору и сунодальному оберъ-прокурору, прося ихъ защитить церковную собственность. Правительство соглашалось съ доводами Кишиневскаго владыки, но на дѣлѣ не предпринимало никакихъ мѣръ. Въ 1817 году Кишиневскій экзархъ писалъ князю Голицыну слѣдующее: «Сіятельнѣйшій князь, Молдавская и Бессарабская церковь отъ единственнаго предстательства вашего сіятельства и высокомонаршаго престола ожидаетъ всякой помощи и защиты, безъ чего важная часть достоянія церковнаго поступитъ въ частныя руки самымъ неправильнымъ образомъ, къ удивленію даже и заграничныхъ единовѣрныхъ намъ бояръ Молдавскихъ. Я и прежде просилъ о назначеніи особеннаго государственнаго чиновника для разбирательства и рѣшенія дѣлъ до монастырскихъ имуществъ касающихся со здѣшними помѣщиками, и теперь покорнѣйше прошу, дабы учреждена была коммиссія изъ двухъ духовныхъ чиновниковъ и двухъ здѣшнихъ свѣтскихъ бояръ, которыхъ я укажу, подъ предсѣдательствомъ государственнаго чиновника, которая бы рѣшила навсегда споры и притѣсненія». И это ходатайство осталось безъ всякаго движенія.

Чѣмъ объяснить безучастное отношеніе князя Голицына къ ходатайствамъ Гавріила, которое особенно стало обнаруживаться съ 1817 года? Можно только дѣлать разныя догадки и предположенія по этому поводу. Съ одной стороны князь Голицынъ все болѣе и болѣе погружался въ мистическій туманъ и закрывалъ глаза предъ дѣйствительными нуждами церкви. Съ другой стороны часть вины во взаимномъ охлажденіи падаетъ и на митрополита Гавріила, который нерѣдко надоѣдалъ князю Голицыну разными мелочными, не имѣющими никакого отношенія къ церкви, ходатайствами. Такъ въ 1816 году онъ просилъ ходатайства князя Голицына предъ Государемъ о пожалованіи двумъ своимъ пріѣхавшимъ изъ-за границы племянникамъ Флоровымъ трехъ тысячъ десятинъ пустопорожней земли въ Бессарабіи, на что ему не было никакого отвѣта[1]); въ другой разъ онъ просилъ ходатайства кн. Голицына предъ Государемъ о награжденіи орденомъ Анны 2-го класса своего племянника флота капитанъ-лейтенанта Левенца, въ чемъ ему прямо было отказано[2]).

1817 годъ для Бессарабіи принесъ много хлопотъ, а для областнаго города въ особенности. Въ этомъ году, какъ извѣстно, Русское правительство признало право заграничныхъ монастырей на владѣнія вотчинами въ предѣлахъ Россіи. Послѣ этого распоряженія весь городъ Кишиневъ оказался построившимся на чужой землѣ. Часть

---

[1]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 4963.

[2]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 5689.

мѣстности, на которой расположенъ городъ, принадлежала Ясскому Галатскому монастырю, преклоненному Гробу Господню, а другая часть городской земли принадлежала Ясскому Фромамовскому, преклоненному Синайской Горѣ. Вопросъ о мѣстности Кишинева первоначально такъ круто обострился, что поднималась уже рѣчь о перенесеніи административнаго центра области въ городъ Бендеры. Но дѣло устроилось иначе. Въ 1817 году Русское правительство предложило Іерусалимскому патріарху и Синайскому архіепископу или обмѣнять принадлежавшія имъ подъ Кишиневомъ земли на другія вотчины, или же продать. Тогда Іерусалимскій патріархъ Поликарпъ и Синайскій архіепископъ Констанцій подарили принадлежавшія имъ земли лично Государю. Переписка по этому поводу велась чрезъ Гавріила, который своимъ личнымъ участіемъ немало помогъ уладить это дѣло [1]).

Съ 1817 года и Кишиневская митрополія также оказалась на чужой землѣ, принадлежавшей Аѳонскому Зографскому монастырю. Но вопросъ объ этомъ тогда почему-то не возникалъ. Очень можетъ быть, это произошло отъ того, что Гавріилъ, взявши Успенскій монастырь въ вѣдѣніе митрополіи, все-таки акуратнѣйшимъ образомъ выплачивалъ Зографскому монастырю особую пошлину подъ названіемъ эмбатикъ, въ количествѣ полутора тысячъ левовъ въ годъ.

Гавріилъ много заботъ посвятилъ на устройство православныхъ храмовъ въ своей малоустроенной епархіи, равно какъ старался и о проведеніи въ болѣе благолѣпный видъ церквей, прежде существовавшихъ. За время святительства его въ Бессарабіи въ теченіе восьми лѣтъ построено было около двухъ сотъ церквей [2]). Быстрое умноженіе церквей въ Бессарабіи вызвало затрудненіе, обнаружившееся въ недостаткѣ св. мощей для антиминсовъ. Еще въ 1817 году Кишиневскій архипастырь доносилъ Св. Сѵноду, что по новости его епархіи устрояются и новыя церкви въ довольномъ количествѣ, а сверхъ того во всѣхъ почти старыхъ церквахъ, особенно въ Хотинскомъ уѣздѣ и Бессарабіи, нужно было перемѣнить антиминсы за ветхостію ихъ и по неимѣнію въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вовсе св. мощей, и потому просилъ Св. Сѵнодъ прислать въ его епархію св. мощей для шестидесяти антиминсовъ. Св. Сѵнодъ отнесся къ Новгородскому митрополиту Амвросію, который выдалъ изъ Невской Лавры шестьдесятъ частицъ св. мощей: св. архидіакона Стефана, всехвальныя Евѳиміи и мученицы Марины [3]).

---

[1]) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 5.220.

[2]) Стадницкій 321.

[3]) Дѣло Св. Сѵнода, 1817 г. № 339.

Большимъ препятствіемъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа служили повсемѣстные базары въ воскресные дни, которые отвлекали народъ отъ богослуженія. Митрополитъ Гавріилъ боролся противъ этого зала въ продолженіе всего своего святительства въ Кишиневѣ. Въ книгѣ г. Стадницкаго (стр. 325—341) дѣятельность митрополита Гавріила по вопросу о достойномъ препровожденіи воскреснаго дня представлена со всею обстоятельностью. Этотъ отдѣлъ книги г. Стадницкаго можно признать самымъ лучшимъ и интереснымъ. Не останавливался Гавріилъ ни предъ какими препятствіями, и труды его могутъ служить поучительнымъ примѣромъ и для современныхъ архипастырей.

Точно также очень любопытный отдѣлъ книги г. Стадницкаго представляетъ изображеніе заботъ Гавріила по исправленію Молдавской Библіи. Этотъ отдѣлъ вноситъ собою совершенно новый и далеко не свѣтлый колоритъ въ исторію Россійскаго Библейскаго Общества, которое въ 1817 году издало новый завѣтъ на Молдавскомъ языкѣ со множествомъ несообразностей и пропусковъ въ текстѣ, на что при самомъ печатаніи указывалъ Кишиневскій митрополитъ. Въ 1819 году явилось изданіе всей Библіи на Молдавскомъ языкѣ, во многомъ несогласное ни съ Греческимъ, ни съ Славянскимъ текстомъ, и противъ напечатанія которой особенно настойчиво возражалъ Гавріилъ. Дѣятели Библейскаго Общества однако не обратили на это вниманія и издали Молдавскую Библію «по благословенію Св. Сѵнода».

Въ 1818 г. имп. Александръ въ первый разъ посѣтилъ новоприсоединенный край и пробылъ около трехъ дней въ Кишиневѣ, при чемъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ митрополита Гавріила, въ покояхъ котораго изволилъ кушать чай. Съ пріѣздомъ Государя въ Кишиневъ связано одно событіе, которое окончилось не въ томъ направленіи, въ какомъ хотѣлось Кишиневскому архипастырю. Въ двадцати пяти верстахъ отъ города Киліи, Бендерскаго уѣзда, открылся колодезь съ цѣлительной водой при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Одинъ пастухъ, житель города Измаила, по имени Прокопій, устроилъ для своего скотоводства на пустопорожнемъ мѣстѣ шалашъ. Вблизи шалаша находился колодезь, заваленный съ самыхъ давнихъ поръ. Турки называли этотъ колодезь святымъ, а Молдаване и Валахи—источникомъ богинь-Наядъ. Пастухъ долгое время болѣлъ и неоднократно видѣлъ сонъ, внушавшій ему открыть колодезь. Онъ съ большимъ трудомъ открылъ колодезь, заваленный большими камнями и когда началъ умываться и пить воду изъ него, то скоро совершенно выздоровѣлъ. Увѣренный вполнѣ въ томъ, что онъ получилъ исцѣленіе отъ благодати Божіей, пастухъ и открытіе свое—колодезь съ цѣлительной водой

отдалъ на богоугодное заведеніе, именно въ пользу новоустроенной Кишиневской семинаріи. Воспользовавшись пріѣздомъ Государя въ Кишиневъ, Гавріилъ представилъ ему докладную записку, въ одномъ изъ пунктовъ которой заключалась просьба «утвердить навсегда пожертвованный пастухомъ Прокопіемъ колодезь въ собственность семинаріи, отведши къ оному колодезю и нѣкоторое число десятинъ пустопорожней земли вокругъ сего колодезя для необходимой надобности, какъ живущихъ приономъ, такъ и пріѣзжающихъ къ исцѣленію, отъ доброхотнаго подаянія коихъ на богоугодное заведеніе семинарія можетъ имѣть нѣкоторую выгоду.» Совершенно ничего неизвѣстно о томъ, какая судьба постигла эту записку. Между тѣмъ слухъ объ открытіи цѣлительной воды распространился и вызвалъ большое стеченіе народа къ колодезю. Митрополитъ самъ рѣшился освидѣтельствовать колодезь и для этой цѣли прожилъ близъ него нѣсколько дней. По личному наблюденію его оказалось, что «нѣкоторые, пріѣзжавшіе туда больные, исцѣлились однимъ или двукратнымъ умываніемъ и питіемъ сей воды отъ сильной лихорадки и горячки, соединенной съ сумашествіемъ, отъ глухоты и отъ разныхъ ранъ и наростовъ.» Митрополитъ для изслѣдованія свойства цѣлительной воды вызвалъ изъ ближайшаго города искуснаго медика г. Фишера, который, послѣ сдѣланныхъ имъ наблюденій и опытовъ, призналъ воду безспорно минеральною и очень полезною въ разныхъ болѣзняхъ. Получившіе исцѣленіе отъ болѣзни стали требовать священниковъ для служенія благодарственныхъ молебновъ. Митрополитъ, исполняя желаніе народа, благословилъ устроить у колодезя часовню и опредѣлилъ къ ней для служенія молебновъ одного стараго заштатнаго священника. А одинъ изъ Аккерманскихъ жителей обратился къ своему преосвященному съ просьбою о дозволеніи выстроить у колодезя на свой собственный счетъ церковь. Митрополитъ одобрилъ благое намѣреніе жертвователя и съ своей стороны высказалъ личное желаніе выстроить при цѣлительномъ колодезѣ больницу съ церковію и гостиный домъ для пріѣзжающихъ больныхъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ приступить къ какому-нибудь дѣлу, осторожный Гавріилъ чрезъ министра духовныхъ дѣлъ, въ Августѣ 1818 года, обратился за разрѣшеніемъ и указаніями въ Св. Сѵнодъ. Здѣсь взглянули на дѣло совершенно иначе. 21 Октября 1818 года Св. Сѵнодъ постановилъ слѣдующее опредѣленіе: «Изъ соображенія обстоятельствъ, изложенныхъ въ донесеніи экзарха, усматривая, что цѣлебное дѣйствіе воды означеннаго колодца есть натуральное, и поэтому ему, преосвященному экзарху, предписать указомъ, чтобы онъ всякое отправленіе молитвословій приономъ кладезѣ пресѣкъ вовсе, съ уничтоженіемъ часовни и съ удаленіемъ оттуда священника немедленно; также употребилъ бы надлежащія мѣры къ уничтоженію въ народѣ раз-

глашенія будто о чудотворной водѣ того колодезя, дабы положить симъ преграду распространенію и утвержденію въ народѣ суевѣрія.» Но Св. Сvнодъ пошелъ еще далѣе: онъ отказалъ Кишиневскому митрополиту въ правѣ принятія колодезя, какъ пожертвованія, въ пользу семинаріи.

Гавріилъ подалъ поводъ къ изданію нынѣ дѣйствующаго законоположенія о способѣ принятія въ Православіе духовныхъ лицъ Католическаго вѣроисповѣданія, желающихъ оставаться въ мірскомъ званіи. Въ 1811 году къ нему обратился одинъ Католическій священникъ съ прошеніемъ о принятіи его въ Православіе, только уже въ мірскомъ званіи. Гавріилъ препроводилъ прошеніе его въ Св. Синодъ, который постановилъ по этому поводу слѣдующее опредѣленіе: «Какъ означенный Римско-Католическій священникъ N объявляетъ желаніе присоединиться къ Православной Греко-Россійской церкви, но съ тѣмъ, чтобы считаться ему послѣ въ мірскомъ званіи, не бывъ разрѣшенъ отъ духовныхъ обязанностей, съ настоящимъ саномъ его сопряженныхъ, отъ того начальства, коимъ онъ произведенъ въ санъ сей: то посему Св. Синодъ на присоединеніе его къ Православію, съ оставленіемъ его потомъ въ свѣтскомъ званіи, дозволенія нынѣ дать не можетъ». Далѣе Св. Синодъ поручалъ преосвященному Гавріилу объявить просителю, чтобы онъ «о снятіи съ него настоящаго сана предварительно обратился къ своему начальству, въ вѣдѣніи коего онъ нынѣ по исповѣданію состоитъ, и если онъ получитъ отъ онаго на сложеніе сана надлежащее разрѣшеніе, то можетъ о присоединеніи къ Православію просить особо» *).

Такое опредѣленіе Св. Синода фактически преграждало доступъ въ Православную церковь всѣмъ тѣмъ изъ духовныхъ лицъ Католическаго вѣроисповѣданія, которыя выражали желаніе, принявъ Православіе, остаться въ мірскомъ званіи. Понятное дѣло, Католическіе епископы, къ которымъ отсылалъ Синодъ всѣхъ священниковъ, желавшихъ перейти въ Православіе, употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы не выпустить ихъ изъ своей власти. И по другимъ епархіямъ бывали примѣры того, что ксендзы выражали свое желаніе принять Православіе; но лишь только имъ ставили условіе—обратиться сначала къ своему духовному начальству, то они наотрѣзъ отказывались отъ принятія Православія. Иные ксендзы, не достигая своей цѣли этимъ заявленіемъ о желаніи принять Православіе, только вредили себѣ и вызывали противъ себя преслѣдованія своего епархіальнаго начальства. И тѣмъ страннѣе кажется постановленіе Св. Синода 1811 года относительно принятія Католическихъ духовныхъ лицъ, съ условіемъ перехода ихъ въ свѣтскую жизнь, что раньше, именно въ 1805 году, Св. Синодъ не

---

*) Дѣло Св. Синода 1811 г., № 955.

требовалъ отъ нихъ снятія сана ихъ духовнымъ начальствомъ [1]). Время показало неудобопримѣнимость синодальнаго опредѣленія. Св. Синодъ нашелъ необходимымъ непосредственно самъ снестись съ Католическимъ митрополитомъ и предлагалъ ему запросъ относительно снятія имъ съ одного ксендза духовнаго сана. Католическій митрополитъ Сестренцевичъ, поставленный въ крайне-затруднительное положеніе запросомъ Синода, который предлагалъ ему роль духовнаго палача своего рода, дипломатически молчалъ. Синодъ повторилъ свой запросъ, на который опять не послѣдовало никакого отвѣта. Между тѣмъ, въ 1818 году къ митрополиту Гавріилу обратился съ просьбою о принятіи въ Православіе, съ оставленіемъ его потомъ въ мірскомъ званіи, другой ксендзъ. Въ 1820 году Синодъ постановилъ: въ виду того, что Римско-Католическій митрополитъ не давалъ до сихъ поръ никакого отвѣта на запросъ Синода о снятіи съ оного ксендза предварительно сана священства, дозволить митрополиту Гавріилу принять ксендза N въ Православіе въ мірскомъ званіи. Чрезъ нѣкоторое время послѣдовалъ отвѣтъ митрополита Сестренцевича. Послѣдній, не прибавляя отъ себя ничего, представилъ въ Св. Синодъ выписку изъ законовъ Католической церкви, относящихся къ лицамъ, оставляющимъ свой духовный санъ. По практикѣ Католической церкви, лицо, желающее оставить духовный санъ, подвергается слѣдующимъ наказаніямъ: 1) отлучается, и если поялъ жену, то отлученіе его доводится до всеобщаго свѣдѣнія, 2) безчестится; 3) дѣлается вовсе неспособнымъ къ занятію никакой церковнослужительской должности; 4) теряетъ всѣ преимущества, сопряженныя съ званіемъ служителя церкви; 5) если по увѣщаніи не обратится въ прежнее состояніе, то *ввергается въ темницу*, такъ что остается ему токмо бѣдственная жизнь, которая, однакоже, должна быть внѣ опасности» [2]). Послѣ этого вполнѣ становится ясно, что всякое духовное лицо Католическаго исповѣданія, заявившее своему начальству желаніе снять санъ, съ цѣлію принять Православіе, никогда не могло достигнуть желаемаго.

Къ митрополиту Гавріилу обращались за содѣйствіемъ и помощью разные представители Греческой церкви. Въ 1815 году Іерусалимскій патріархъ Поликарпъ обратился къ нему съ просьбой о матеріальномъ пособіи церкви Іерусалимской. Гавріилъ представилъ письмо патріарха въ Св. Синодъ, къ которому присоединилъ и свое собственное ходатайство. Синодъ ассигновалъ Іерусалимскому патріарху двадцать пять тысячъ рублей и, кромѣ того, ходатайствовалъ предъ Государемъ о за-

[1]) Дѣло Св. Синода 1805 г., № 878.

[2]) Дѣло Св. Синода 1818 г., № 1034.

щитѣ правъ и преимуществъ Православныхъ въ Іерусалимѣ предъ другими вѣроисповѣданіями [1]).

Кишиневская епархія, какъ пограничная съ Турціей, служила мѣстомъ убѣжища для лицъ Греческой церковной іерархіи, которыя часто подвергались преслѣдованіемъ со стороны Турокъ за приверженность ихъ къ Россіи. Такъ въ 1814 году прибылъ въ Одессу съ нѣкоторыми изъ своихъ родственниковъ Рущукскій митрополитъ Неофитъ. Этотъ архипастырь оказывалъ немаловажныя услуги Русскимъ главнокомандующимъ во время войны Россіи съ Турціей въ 1806—1812 годахъ. Онъ изъ подвѣдомственныхъ себѣ Болгаръ образовалъ особый отрядъ, содержаніе и вооруженіе котораго принялъ на свой собственный счетъ. Этотъ Болгарскій отрядъ охранялъ Рущукъ отъ вторженія Турецкихъ войскъ и давалъ Русскимъ войскамъ большую свободу дѣйствій, освобождая ихъ отъ заботъ по обезпеченію своего тыла. Кромѣ того, Неофитъ склонилъ около двадцати тысячъ Болгаръ поселиться въ Южной Россіи. Ясное дѣло, по прекращеніи войны онъ не могъ оставаться въ Турціи. Прибывши въ Одессу, онъ купилъ тамъ, и то въ долгъ, небольшой хуторокъ, гдѣ земледѣліемъ поддерживалъ свое существованіе. Въ 1814 году Неофитъ обратился къ Кишиневскому митрополиту съ просьбою о ходатайствѣ за него предъ Русскимъ правительствомъ. Добрый, отзывчивый Бессарабскій архипастырь сочувстенно отнесся къ бѣдственному положенію бывшаго Рущукскаго митрополита и препроводилъ его просьбу, равно какъ и всѣ представленные имъ документы о его званіи, заслугахъ и пр., къ синодальному оберъ-прокурору. По высочайшему повелѣнію, Неофиту выдано было пять тысячъ рублей единовременно и по три тысячи рублей пенсіи каждогодно. Митрополитъ Неофитъ скончался въ Одессѣ въ 1817 году [2]).

Осенью 1816 года явился къ Гавріилу въ Кишиневъ одинъ Грекъ, назвавшійся епископомъ Леонтіемъ. Видъ его былъ самый жалкій. Обстриженный и полунагой, онъ внушалъ къ себѣ невольное сострадаціе. По его словамъ, онъ бѣжалъ отъ преслѣдованія Турокъ и, чтобы лучше укрыться отъ нихъ, остригся и надѣлъ на себя мірское платье. Нашлись въ Кишиневѣ Греческіе купцы, которые удостовѣрили личность и санъ Леонтія. Кишиневскій митрополитъ, «по долгу христіанскаго страннопріимства», одѣлъ, обулъ пришельца, далъ ему содержаніе и приличное пристанище въ домѣ одного священника. Мало того, онъ, по обыкновенію, обратился къ синодальному оберъ-прокурору съ ходатайствомъ о назначеніи прибывшему епископу Леонтію какого-нибудь

---

[1]) Дѣло Св. Синода 1815 г., № 597.

[2]) Дѣло Св. Синода 1815 г., № 21.

содержанія. Но покуда шло ходатайство Гавріила въ Петербургъ, за это короткое время епископъ Леонтій успѣлъ заявить себя въ такихъ непривлекательныхъ чертахъ, что Кишиневскій митрополитъ вынужденъ былъ отправить новую бумагу въ Св. Синодъ, въ которой, сообщивъ о дурномъ, пьянственномъ и буйномъ поведеніи своего гостя, увѣдомлялъ, что, по наведеннымъ имъ, Гавріиломъ, справкамъ, тотъ ушелъ изъ Греціи не отъ страха Турковъ, но отъ правильнаго опредѣленія Константинопольской церкви содержать его въ заключеніи въ монастырѣ Метеорскомъ, какъ человѣка соблазнительнаго и неспокойнаго нравомъ. Леонтій былъ высланъ за границу *).

Митрополитъ Гавріилъ скончался 30 Марта 1821 года и погребенъ въ Кипріановскомъ Успенскомъ монастырѣ. Вопросъ о преемникѣ почившему митрополиту разрѣшился не обыкновеннымъ путемъ чрезъ избраніе Св. Синода, а помимо его. Исправлявшій должность полномочнаго намѣстника Бессарабской области, генералъ-лейтенантъ Инзовъ, вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ о смерти Гавріила, писалъ графу Каподистріи: «Преосвященный экзархъ Гавріилъ, митрополитъ Кишиневскій и Хотинскій, послѣ продолжительной болѣзни, неразлучной съ совершенною преклонностью его лѣтъ, къ общему сожалѣнію, 30-го минувшаго Марта окончилъ свою жизнь. О семъ случаѣ я увѣдомилъ князя Александра Николаевича Голицына, и вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ считаю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору, какъ о смерти преосвященнаго экзарха, такъ равно и объ общемъ желаніи всѣхъ сословій, къ здѣшней епархіи принадлежащихъ, имѣть у себя архипастыремъ викарнаго епископа Дмитрія, пріобрѣтшаго во время десятилѣтняго тутъ пребыванія въ таковомъ званіи, при точномъ познаніи Молдавскаго языка, а также правъ и обычаевъ края сего, истинное къ себѣ отъ всѣхъ расположеніе. Я не считаю себя въ правѣ ходатайствовать за особу духовнаго вѣдомства, но справедливою обязанностью поставляю представить мнѣніе мое, что врученіе здѣшней церкви въ управленіе преосвященнаго Димитрія, пользующагося точною извѣстностью ему обычаевъ земли и нелицемѣрнымъ каждаго изъ жителей почтеніемъ, обѣщаетъ дѣйствительную пользу для духовенства и вообще народа, для коего, какъ не озареннаго еще свѣтомъ просвѣщенія, сей мужъ, достойный носить званіе архипастыря, совершенно необходимъ.

Вышеизложенное общее желаніе, и въ особенности мое, какъ душевно почитающаго отличныя правила означеннаго преосвященнаго, ревностно содѣйствующаго къ искорененію по возможности мрака невѣжества, въ которомъ народъ сей доселѣ пребываетъ, и къ утвержденію онаго въ законахъ святой нравственности духомъ кротости и направленіемъ самаго духовенства, въ примѣръ паствѣ, къ точному исполненію благихъ поученій церкви нашей, я пріемлю честь покор-

*) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора № 1091, лл. 28—29.

нѣйше просить васъ, милостивый государь, повергнуть на высочайшее благоуваженіе Его Императорскаго Величества». Графъ Каподистрія письмо Инзова отправилъ къ министру духовныхъ дѣлъ, князю Голицыну, который доложилъ его Государю 11-го Іюня 1821 года. Въ тотъ же день состоялся высочайшій указъ о назначеніи Дмитрія епископомъ Кишиневскимъ *).

Послѣ митрополита Гавріила осталось небольшое имущество. Это открытіе крайне озадачило его наслѣдниковъ. Одинъ изъ нихъ, помѣщикъ Полтавской губерніи, надворный совѣтникъ Степанъ Тимофеевичъ Левенецъ, племянникъ покойнаго митрополита, даже обратился къ князю Голицыну съ жалобой на Кишиневскую духовную дикастерію, что-де «кроткая жизнь и акуратное сбереженіе митрополита, при щедротахъ всемилостивѣйшаго Государя и достоинствѣ экзарха, даютъ наслѣдникамъ право думать о томъ, что многое не вошло въ опись». Главное имущество митрополита составляли высочайше пожалованные ему два брилліантовые креста на клобукъ, брилліантовый Андреевскій крестъ съ брилліантовою звѣздой и брилліантовая панагія. Всѣ эти предметы поступили въ Императорскій Кабинетъ, который выдалъ за нихъ наслѣдникамъ преосвященнаго Гавріила 13.300 рублей.

*

Мы старались внести въ біографію митрополита Гавріила по преимуществу то, что не вошло въ книгу г-на Стадницкаго. Мы черпали свои свѣдѣнія изъ архива Синода, а г. Стадницкій почерпалъ данныя изъ мѣстныхъ архивовъ. Но и теперь не все исчерпано вполнѣ. Остается еще цѣлая незатронутая область: это *частная переписка Гавріила*, о которой до сихъ поръ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, но которая могла бы пролить яркій свѣтъ на разныя стороны его дѣятельности.

Протоіерей **Василій Жмакинъ**.

---

*) Дѣло канцеляріи оберъ-прокурора, № 5705 лл. 7—8.

ПИСЬМО П. М. КАПЦЕВИЧА КЪ Д. Н. БАНТЫШУ-КАМЕНСКОМУ.

1827.

Помѣщаемое ниже письмо писано бывшимъ извѣстнымъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири генераломъ-отъ-артиллеріи Петромъ Михайловичемъ *Капцевичемъ,* во время его пребыванія по дѣламъ службы въ Петербургѣ, къ Тобольскому губернатору *Дмитрію Николаевичу Бантышу-Каменскому,* который въ отсутствіе Капцевича изъ Сибири исправлялъ должность генералъ-губернатора.

П. М. Капцевичъ, занимая съ 1819 г. мѣсто командира Сибирскаго отдѣльнаго корпуса, въ 1822 году, съ раздѣленіемъ Сибири на двѣ части, Восточную и Западную, назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, и ему пришлось вводить на мѣстѣ только что изданное тогда, такъ называемое „Сибирское учрежденіе 1822 г.", выработанное подъ руководствомъ М. М. Сперанскаго и заключавшее въ себѣ рядъ уставовъ и положеній объ управленіи Сибирскими губерніями. Восточно-Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ *Александръ Степановичъ Лавинскій.*

П. М. Капцевичъ принадлежалъ къ числу выдающихся дѣятелей царствованія императора Александра I-го, и разносторонняя дѣятельность его по управленію Западной Сибирью и войсками въ ней расположенными заслуживаетъ особеннаго вниманія и подробной оцѣнки. Здѣсь мы скажемъ только, въ поясненіе печатаемаго письма, что П. М. Капцевичъ, по выходѣ въ 1792 году изъ артиллерійскаго и инженернаго корпуса поручикомъ въ Гатчинскую артиллерійскую команду, попадаетъ подъ начальство всесильнаго Аракчеева, особенное вниманіе и покровительство котораго и проложили молодому и энергичному офицеру дорогу къ быстрому повышенію: черезъ пять лѣтъ службы въ Гатчинскихъ войскахъ Капцевичъ былъ уже на 25 году своей жизни произведенъ въ генералъ-майоры, а черезъ два года въ генералъ-лейтенанты.

Въ 1826 году, будучи уже Западно-Сибирскимъ генералъ - губернаторомъ, Капцевичъ отправился въ Москву на коронацію императора Николая I, въ Сибирь уже болѣе не возвращался, жилъ въ Петербургѣ, а въ 1828 году назначенъ былъ командиромъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.

Этимъ временемъ, по особому высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 4-го Февраля 1827 года, назначена была сенаторская ревизія въ губерніяхъ Западной Сибири, которая, между прочимъ, должна была на мѣстѣ провѣрить и разслѣдовать разные доносы и обвиненія, направленные лично противъ Капцевича. Ревизія эта была поручена сенаторамъ *Василію Кириловичу Безродному* и *князю Борису Алексѣевичу Куракину*, и объ нейто въ нижеслѣдующемъ письмѣ писалъ Капцевичъ своему сослуживцу и

сотруднику Д. Н. Бантышъ-Каменскому, который съ 1825 по 1828 г. былъ Тобольскимъ губернаторомъ.

Сенаторская ревизія не набросила тѣни на дѣятельность Капцевича въ Сибири и не имѣла дурныхъ послѣдствій для него. Удостоиваемый и потомъ не разъ высочайшихъ милостей и наградъ, П. М. Капцевичъ скончался 3-го Іюля 1840 года на 69 г. отъ рожденія, въ имѣніи генерала Тимашева близъ Оренбурга, и похороненъ въ селѣ Никольскомъ, въ 50 верстахъ отъ этого города.

Н. Г. Путинцевъ.

Милостивый государь мой Дмитрій Николаевичъ!

Уваженіе мое къ благороднымъ чувствамъ вашего превосходительства и истинное усердіе ваше къ службѣ всемилостивѣйшему Государю обязали меня поступать съ вами, достойный мой сотрудникъ, со всею искренностью.

Вы получите офиціально предписаніе съ симъ письмомъ, что назначены сенаторы въ Сибирь князь Куракинъ и 3-го класса Безродродный, согласно мнѣнію достойнѣйшаго министра юстиціи князя Дмитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго. Изъ указа Правительствующаго Сената, при семъ посылаемаго, усмотрите цѣль посылки сенаторовъ. Въ числѣ причинъ сей ревизіи есть также обозрѣніе Сибирскаго учрежденія 1822 года, до какой степени оно въ нѣкоторыхъ уставахъ неудобоисполнительно. Въ бумагахъ канцеляріи Главнаго Управленія вы увидите изъ дѣла объ открытіи внѣшнихъ округовъ*) въ 1824 году мои отношенія къ Сибирскому Комитету и графу Карлу Васильевичу, Нессельроде, что уставъ о Сибирскихъ Киргизахъ измѣненъ мною. Въ тѣхъ же дѣлахъ можно найти и другія переписки; но въ дополненіе къ симъ неудобствамъ суть уставы о ссыльныхъ и уставъ о сухопутныхъ сообщеніяхъ. Неудобства сихъ уставовъ описаны и генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, съ мнѣніемъ коего и я совершенно согласенъ; до какой же степени уставъ о сухопутныхъ сообщеніяхъ неудобоисполнителенъ, прилагаю при семъ копію съ журнала Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, № 49, Ноября 26-го дня 1825 года, который разсматриванъ въ Государственномъ Совѣтѣ и высочайше утвержденъ, и записку о земскихъ денежныхъ повинностяхъ по Восточной Сибири. Обѣ сіи копіи, мною скрѣпленныя, какъ они, такъ и другія, въ дѣлахъ возраженія на неудобства нѣкоторыхъ уставовъ и параграфовъ Сибирскаго учрежденія, будутъ необходимы для сенаторовъ, ѣдущихъ въ Сибирь. Отчетъ мой, Государю представленный противу обвиненій Сибирскаго Комитета на журналъ

*) Кокчетавскаго и Каркалинскаго, Омской области.

его, опровергъ всѣ взводимые доносы. Изъ нихъ самое важное не доказано, что вино было смертоносно и что люди умирали. Это обстоятельство болѣе всего оскорбляетъ званіе начальника и должно быть обнаружено, кто именно ложно доносилъ и такъ смѣло сказать могъ, что Главное Управленіе Сибири равнодушно смотрѣло на сіе преступленіе. Другое-стѣсненіе крестьянъ въ продажѣ хлѣба. Это также опровержено моимъ отчетомъ достаточно. Не нужно искать дальнѣйшихъ на сіе доводовъ, а только обратить вниманіе, почему же крестьяне молчали и не жаловались четыре года на мнимое стѣсненіе въ покупкѣ у нихъ хлѣба, тогда такъ были и есть сотни просьбъ отъ крестьянъ на возвышеніе земскихъ повинностей по новому учрежденію Сибири, объ ясачныхъ, коихъ до 40 тыс. душъ обращено изъ 65 копеечнаго ясака въ крестьянскій окладъ? Отъ крестьянъ же подавались просьбы и по спорамъ о землѣ, для чего они присылали даже повѣренныхъ въ Петербургъ Государю. Какъ же послѣ сего молчать крестьянамъ четыре года и не жаловаться на стѣсненіе въ продажѣ хлѣба? Это неестественно, чтобы молчалъ тотъ, у кого кусокъ хлѣба вырывать будутъ.

Всѣ сіи бумаги и дѣла необходимы будутъ къ возраженію на доносы, а болѣе къ убѣжденію ревизующихъ гг. сенаторовъ противу тѣхъ, кои, подъ предлогомъ выполненія своей обязанности, вздумали идти противу власти и опорочивать дѣйствія и труды начальниковъ по одной перепискѣ.

Долженъ вашему превосходительству сказать искренно, что я по тяжкой болѣзни моей сугубо разстроилъ здоровье и прошу у Всемилостивѣйшаго Государя на одинъ годъ отпуску поправить мое здоровье для того единственно, дабы не только въ Сибирь, въ Камчатку и вездѣ ѣхать служить Государю. *Не мнѣ писать законы, но и не мнѣ учиться служить вѣрно Царю.* Ежели я не соблюлъ формы, то сознаюсь передъ вами и хвалюсь сею виною; за то, сохранивъ до сего край мнѣ ввѣренный и безмолвныхъ крестьянъ отъ притязаній, а Казенную Тобольскую Палату отъ безпорядка въ ея запутанностяхъ, остаюсь въ совѣсти спокойнымъ. Кромѣ слабаго здоровья, которое требуетъ отдохнуть, мнѣ приличнѣе не быть на сей разъ въ Сибири (т. е. во время сенаторской ревизіи), дабы моимъ присутствіемъ и властію не сдѣлать вліянія на моихъ подчиненныхъ. Знаю, что найдутся ябедники; но они отвѣчать будутъ такъ, какъ бы тотъ, кто обваруженъ въ злоупотребленіяхъ доводами и свидѣтелями ясно.

Примите мое совершенное почтеніе и истинное къ вамъ уваженіе, съ коими пребуду и пр.

П. Капцевичъ.

С.-Петербургъ.
27-го Февраля 1827 года, № 144.

ЮРІЙ НИКИТИЧЪ БАРТЕНЕВЪ [1]).

1843.

Жизнь въ Крыму.

1-го Января 1843 года знакомые сосѣди Юрія Никитича поспѣшили принести ему свои поздравленія, а также пріѣхалъ въ первый разъ директоръ Никитскаго сада Гартвисъ. Своими познаніями въ ботаникѣ и живою интересною бесѣдой больной Юрій Никитичъ очаровалъ своего гостя. День закончился чтеніемъ Méditations religieuses и слѣдующею записью въ дневникѣ: «Сегодня я развлекся, оживотнился и не безъ упрековъ совѣсти... Мнѣ извѣстно, что я понравился директору Никитскаго сада. Нравлюсь ли я Господу? Вотъ это витальный вопросъ для меня. Господи, не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, ибо не оправдался предъ Тобою всякій изъ живущихъ.» И тутъ же довольно наивно прибавлено: «Дозволь мнѣ осмотрѣть Никитскій садъ и всѣ здѣшнія дачи! Или участь моя будетъ одинакова съ тѣми, которые не увидѣли обѣтованной земли?»

На слѣдующій день пришелъ къ Юрію Никитичу самъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, долго сидѣлъ у него и давалъ читать собственноручное Французское письмо Государя. Въ немъ Государь называлъ князя любезнымъ другомъ своимъ; пенялъ, что тотъ не пишетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ; говорилъ, что весь царскій домъ его не только помнитъ, но и чувствуетъ въ немъ недостатокъ. «Съ сердечнымъ огорченіемъ», писалъ Государь, «смотримъ мы на то мѣсто, на тотъ стулъ, гдѣ ты сиживалъ, и все еще думаемъ видѣть тебя, но тебя уже нѣтъ съ нами».

Неудача Печерской компаніи [2]) сильно заботила Юрія Никитича, и онъ рѣшился написать по этому поводу письмо къ министру государственныхъ имуществъ, графу Киселеву, а чтобы привлечь особое вниманіе на свое дѣло вліятельнаго сановника, съ которымъ онъ былъ мало знакомъ, просилъ графа Воронцова замолвить свое вѣское слово.

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" 1898, II, 67.

[2]) См. тамъ же, II, 67—68.

Письмо къ графу М. С. Воронцову.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Беру смѣлость представить вниманію вашего сіятельства повтореніе той покорнѣйшей просьбы моей, которую я имѣлъ честь лично объяснить вамъ во время проѣзда вашего изъ Петербурга въ Ялту. Она состоитъ въ томъ, чтобы вы, сіятельнѣйшій графъ, высоконачальническою волею вашею ускорили дѣло извѣстной вамъ Печорской компаніи (въ которой я состою однимъ изъ первоначальныхъ ея основателей), продолжающейся уже почти два года. Я бы, конечно, не позволилъ себѣ утруждать васъ, если бъ, во-первыхъ: не былъ увѣренъ въ колоссальной пользѣ, имѣющей отъ того развиться для общей родины нашей, Россіи; а во-вторыхъ: если бъ вы сами обязательно-благосклоннымъ вниманіемъ вашимъ не дали мнѣ того простора и той увѣренности, что для широкаго Русскаго сердца вашего не чуждо все человѣческое...

Осмѣлюсь ли сказать вамъ нѣсколько словъ и о себѣ? Угодно-ли вамъ будетъ узнать, что, на другой день пріѣзда моего на южный берегъ Крыма, я заболѣлъ тяжкою болѣзнію и съ этого несчастнаго втораго дня я лежу по сіе время на скорбномъ ложѣ страданія? Благодатный старецъ очень часто посѣщаетъ меня, сидитъ у моей кровати подолгу, и о чемъ мы съ нимъ не перебесѣдовали! Частная его корреспонденція, факты прошедшаго времени, личные и государственные, чтеніе, современная политика, словомъ, все перебрали мы и перебираемъ до нынѣ въ уединенныхъ нашихъ агапіяхъ.

Князь постоянно ко мнѣ милостивъ и вѣренъ той доблественной истинѣ, гдѣ утверждается, что любовь оплачивается одною только любовію. Я сказалъ, что и политика служитъ предметомъ бесѣдъ нашихъ, и точно мы не могли не остановить вниманія на томъ яркомъ современномъ событіи, гдѣ сердечная стачка цѣлаго иноплеменнаго государства единодушно захотѣла избрать Русскаго дворянина въ свои владыки и повелители и что даже иностранный публицизмъ, наиболѣе независимый въ изложеніи своего мнѣнія, поддерживаетъ и раздѣляетъ это чаяніе языковъ *). Представляя себѣ съ одной стороны такую лестную овацію, гдѣ васъ, какъ втораго Цинцината, требуютъ на пользу и благо общее; съ другой, припоминая дорожный разсказъ вашъ, гдѣ христіанское смиреніе ваше удивлялось и тому, что при проѣздѣ черезъ

*) Конечно, слова эти могутъ относиться только къ Франціи, гдѣ М. С. Воронцовъ пользовался общимъ сочувствіемъ: но мы никогда не слыхали ничего подобнаго и просимъ лицъ знающихъ разъяснить намъ, о чемъ именно здѣсь идетъ рѣчь. Ю. Б.

нѣкогда облагодѣтельствованный вами край, васъ еще въ немъ не забыли—привожу въ удивленіе душу мою. Простите здѣсь моему провинціализму, но я возму смѣлость приложить печатный листокъ, достигнувшій и до нашего уединенія, гдѣ, какъ выше упомянуто, этотъ независимый публицизмъ выражаетъ свое мнѣніе. Беру смѣлость думать, что вы его не читали; ибо знаю, что тѣ, кто наиболѣе и безпристрастнѣе трудится для блага общаго, мало обращаютъ вниманія на похвалу или осужденіе толпы. Доказательствомъ тому служитъ нынѣшній король Швеціи, которому неизвѣстно даже и то, что̀ печатается о немъ похвальнаго въ школьныхъ книгахъ его государства. Но Богъ да сохранитъ васъ для нашей святой родины; но святое Его Провидѣніе да допуститъ окончить все то многоразличное добро, которое задумала свѣтлая душа ваша для блага ввѣренной вамъ паствы; но высокая чреда, на которую вызваны вы волею мудраго и прозорливаго Государя, безъ сомнѣнія, подавитъ въ васъ это внутреннее сладкое сознаніе для человѣка, что вѣрятъ любви его къ святому человѣчеству, вѣрятъ его добродѣтели: ибо что̀ и добродѣтель, какъ не любовь облеченная въ дѣйствованіе?

Вспомните, добрый Русскій сановникъ, что во время золотого вѣка Антониновъ истинные Римскіе патриціи не хотѣли ни Египта, ни Испаніи, ни Азіи...

Простите меня, что глубокое, отдѣленное отъ всѣхъ уединеніе заставило меня вылить душу мою предъ вами, человѣкъ по моему сердцу! Въ водоворотѣ міровой дѣтельности вашей, вамъ некогда обслѣдить мое намѣреніе; я выскажу его вамъ словами Нестора изъ поэтовъ нашихъ:

Почувствовать добра пріятство
Такое въ свѣтѣ есть богатство
Какого Крезъ не собиралъ!

Еще одно слово, ваше сіятельство, послѣднее слово сердечной благодарности за тотъ благосклонный отзывъ, который вы сдѣлали обо мнѣ старцу моему, во время пребыванія вашего въ Москвѣ. Я сложилъ его въ память сердца, исполненнаго къ вамъ живѣйшей признательности, высокаго уваженія и той совершенной преданности, съ которыми и пребыть честь имѣю.

Извините меня и не разсмѣйтесь за готическій почеркъ пера: я пишу письмо лежа, по причинѣ моей болѣзни.

4-го Генваря 1843 года.
Селеніе Кореисъ.

Подъ 4-мъ числомъ, Января въ дневникѣ находится слѣдующая забавная запись, показывающая, какъ этотъ человѣкъ умѣлъ соединять въ себѣ самыя противоположныя склонности и пополнять свои научныя познанія при совершенно неподходящихъ случаяхъ.

«Передъ обѣдомъ получилъ я корзину съ фруктами отъ директора Гартвиса изъ Никиты; въ корзинѣ находились также двѣ бутылки ихъ производства на пробу. При каждомъ изъ фруктовъ, завернутомъ въ бумажку, лежала цыдулка съ Латинскимъ его названіемъ. Желая соединить влеченіе лакомства съ наукою, я началъ повѣрять монографіи фруктовъ съ описаніемъ имѣющагося у меня трактата Ноазетова [1]); нѣкоторыхъ фруктовъ не нашелъ, а три вида отыскалъ и замѣтилъ крестикомъ. Одну изъ грушъ хотѣлъ свѣрить съ описаніемъ, но жестокая Катя [2]) поторопилась облупить ее и, такимъ образомъ, не пропавъ для желудка, она пропала для науки».—Въ тотъ же день онъ получилъ отъ графа Воронцова, при ласковомъ письмѣ, два экземпляра календаря Новороссійскаго и по этому поводу написалъ графу въ Одессу слѣдующее:

«Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 29-го Декабря и приономъ два экземпляра Новороссійскаго календаря на текущій годъ, имѣлъ честь получить. Одинъ изъ нихъ, по желанію вашему, я уже и успѣлъ представить его сіятельству, нѣсколько разъ посѣтившему меня на праздникахъ.

Нужно ли много распространяться въ увѣреніяхъ сердечной моей преданности къ вамъ, сіятельнѣйшій графъ, за обязательность вниманія вашего и за ту христіанскую память, которая не обронила моего имени изъ любви исполненнаго сердца вашего? Пріятенъ мнѣ вашъ подарокъ, какъ знакъ благоволительнаго привѣта; но еще пріятнѣе потому, что моя признательность, вѣроятно, и въ этой эфемеридной книгѣ, отыщетъ какое-нибудь новое привношеніе труда, новую вашу вкладу на пользу края, гдѣ такъ возвышенно красуется благословенная дѣятельность ваша.

Мудрые язычники утверждали, что жизнь есть должность; а для васъ, возлюбленный графъ, должность есть жизнь. Пусть же продлитъ Провидѣніе жизнь эту на долгое и долгое время; пусть она радуетъ всѣхъ и каждаго, кто имѣетъ счастіе знать васъ лично, чего отъ сердца вамъ желаетъ страждущій больной, равномѣрно, какъ желаетъ всякаго

---

[1]) Louis Claude Noisette (1772+1849), Французскій агрономъ. Вѣроятно Ю. Н. имѣлъ его Manuel complet du jardinier. Paris 1825—1827, 4 vs. Ю. Б.

[2]) Супруга Ю. Н. Бартенева, Екатерина Степановна.

добра и достойной, сочувствующей вамъ во всемъ подругѣ вашей и всему благодатному дому вашему.

5-го Генваря 1843 года.
Селеніе Кореисъ.

5-го Января опять пришелъ къ Бартеневу князь А. Н. Голицынъ. «Между прочимъ», записано въ дневникѣ, «я попросилъ его помолиться обо мнѣ. «Пытаю я за тебя молиться, отвѣчалъ князь; но видно грѣшная моя молитва не доходитъ къ Богу». Это сказалъ онъ, и слезы брызнули изъ глазъ его. Какъ же мнѣ послѣ того не любить его, какъ не быть предану? Научи только, Господи, научи исполнить въ отношеніи его волю Твою!»

А исполнять добросовѣстно свои обязанности къ одряхлѣвшему начальнику становилось весьма трудно: сестра князя дѣлала все, чтобы охладить его къ Юрію Никитичу, который, будучи боленъ, не могъ противиться навѣтамъ, не могъ разорвать ту тонкую сѣть обмановъ и интригъ, которая все болѣе и болѣе опутывала престарѣлаго сановника, со зрѣніемъ терявшаго и духовныя силы.

Смущаемый предчувствіями недобраго, Ю. Н. видѣлъ тревожные сны; онъ сдѣлалъ слѣдующую запись въ дневникѣ, которая любопытна по тому, что даетъ подробности о князѣ Голицынѣ. «Видѣлъ я, будто бы князь прислалъ мнѣ свой крестъ, тотъ самый, который онъ носитъ на груди. Этотъ крестъ украшенъ драгоцѣнными каменьями и подаренъ ему Іерусалимскимъ патріархомъ. Не предзнаменуетъ ли мнѣ этотъ сонъ какой-нибудь бѣды? Да будетъ воля Божія! Катя моя прекрасно сказала, что если крестъ пришлютъ, то и силы дадутъ; худо если мы сами чему нибудь виноваты, то крестъ, произвольно нами призванный, есть тяжелъ и несносенъ». Находясь въ «ожесточеніи сердца, съ душею потерпѣвшею крушеніе», Юрій Никитичъ не переставалъ дѣлать добро, представилъ своему благодѣтелю воспитанницу управительницы Кореиса, бѣдную дѣвушку Лизаньку Франкъ, и выпросилъ для нея позволеніе посѣщать домъ князя, хлопоталъ о наградѣ для князя Козловскаго и пр.

Князь Александръ Николаевичъ все болѣе и болѣе поддавался вліянію одной ясновидящей*), которая письменно давала ему врачебные совѣты, и Юрій Никитичъ находился въ «maximum своего смущенія». Онъ записалъ въ дневникѣ: «Утромъ всталъ помолиться—нѣтъ молитвы, нѣтъ возращенія, нѣтъ благоговѣнія, нѣтъ страха Божія, нѣтъ ничего хорошаго. Во всякомъ случаѣ я великій грѣшникъ, но грѣшникъ Бо-

*) Дѣвицы Висковатовой. Объ ней придется говорить ниже. Ю. Б.

жій, какъ сказалъ мнѣ схимникъ Кіевскій». Стали ему приходить въ голову мысли объ отставкѣ, такъ какъ онъ не видѣлъ возможности быть полезнымъ своему князю.

Одно время дѣла Печерской компаніи поправлялись, въ ея члены-учредители избранъ баронъ Корфъ, и Юрій Никитичъ пріободрился; но отъѣздъ изъ Крыма князя Мещерскаго повергъ его въ великое уныніе: не стало человѣка, который защищалъ его передъ благодатнымъ старцемъ отъ нападковъ «дѣвицы Кологривой».

Тянулись томительные дни, оживляемые лишь посѣщеніями князя, приносившаго больному то описаніе рая Ѳомы Бромлея, то романы Евгенія Сю, да чтеніемъ то Тертуліана, то Арабскихъ сказокъ, то географіи Малте-Брюна, то Цшокковыхъ размышленій, то Гиббона. «Господи», жаловался онъ самъ, «чего только я не читаю! Прости мнѣ мое разсѣяніе по окружности!» Великое утѣшеніе доставляла ему психологія Ботеня; онъ даже «цѣловалъ книгу въ признательность къ автору, берегъ ее, какъ сокровищницу разумѣнія». А Ботень заставлялъ перелистывать Малебранша, Малебраншъ—Декарта.

За 24-ое Генваря читаемъ слѣдующую запись: «Князь Александръ Николаевичъ посѣтилъ меня послѣ обѣдни и принесъ съ собою письмо Вѣры Алексѣевны [1]), которая увѣдомляетъ его, что Константинопольскій патріархъ служилъ въ церкви молебствіе о благополучномъ пребываніи князя на южномъ берегу Крыма; патріархъ такъ древенъ, что его принесли въ церковь. Такое усердіе было пріятно князю . . . . Пригласилъ своего доктора къ столу, говорили о философіи; онъ давалъ мнѣ знать подъ рукою, что фабрика идей въ человѣкѣ происходитъ въ его организмѣ [2]), а я отстаивалъ идеалы Платона и Малебранша».

Къ 11-му Февраля Ю. Н. на столько уже оправился, что могъ ходить гулять, а внезапный пріѣздъ князя Мещерскаго привелъ его въ радостное возбужденіе.

16 Февраля исполнился ему 51 годъ. «Довольно пожито для міра», записалъ онъ въ дневникъ свой, «натѣшилась душа всѣми феноменическими благами..; а она однако доселѣ впиваетъ въ себя спорадическій угаръ, я безумствую—прогнѣвляю Господа. Князь Александръ Николаевичъ былъ у меня и приносилъ письмо отъ Императрицы собственноручное; письмо ласковое и дружеское, гдѣ между прочимъ писано

[1]) Муравьевой. Ю. Б.

[2]) Тогда былъ въ модѣ слѣдующій афоризмъ: „Мозгъ выдѣляетъ мысль, какъ печень—желчь“. Около этого времени пріѣзжалъ въ Россію В. Пальмеръ. Онъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ (см. Рус. Архивъ 1894, III, 78) сообщаетъ о великомъ удивленіи одного Русскаго священника, узнавшаго изъ бесѣды съ нимъ, Пальмеромъ, что въ Англіи докторъ не есть синонимъ безбожника. Ю. Б.

было: прошелъ годъ, какъ князь лѣчится у ясновидящей, успѣха нѣтъ, нельзя ли обратиться къ извѣстному окулисту? Государыня даетъ сей совѣтъ со всѣмъ увлеченіемъ милостиваго, даже, скажу, дружескаго чувства; вмѣстѣ съ этимъ она хвалитъ сестру князя, какъ единственную и дѣйственную жертву самоотверженія. Меня огорчаетъ, что не признаны заслуги и другихъ, показавшихъ если не болѣе того самоотверженія. У меня обѣдали обитатели нижняго этажа [1]); послѣ обѣда принесли письмо и лѣкарство отъ графа Воронцова: письмо его, обязательное, вѣжливое, навѣвающее кротость. Съ нимъ онъ прислалъ извѣстное, обѣщанное имъ, лѣкарство и формулярный свой списокъ, гдѣ одни походы составили бы цѣлую эпопею. Я былъ грустенъ въ августѣйшій день моего рожденія, не читалъ по обыкновенію Псалтиря и наканунѣ имѣлъ замѣчательный сонъ. Ночью вставалъ по обычаю [2]), но какъ-то трудно, вѣроятно отъ пластыря, въ которомъ положенъ опіумъ. Я принялъ намѣреніе убѣгать фамильярности и праздной бесѣды съ молодыми женщинами».

Приводимъ письмо графа Воронцова.

Милостивый государь Юрій Никитичъ!

Отъѣздъ С. Т. Ягницкаго [3]) даетъ мнѣ случай, давно ожидаемый, чтобы доставить вамъ бутылочку Индѣйскаго масла, которую, по правиламъ почты, черезъ оную послать вамъ было невозможно. Помня между тѣмъ желаніе ваше узнать подробно о моихъ похожденіяхъ на службѣ, посылаю вамъ съ симъ же случаемъ и мой формулярный списокъ [4]); ежели же удастся мнѣ окончить ту записку о себѣ, которую я обѣщалъ одной изъ моихъ племянницъ, то также пришлю къ вамъ копію, не потому, что подробности такія достойны таковой чести, но потому, чтобы не ослушаться вашего требованія. Всѣ родившіеся въ такіе годы, чтобы жить и служить послѣднія десять прошедшаго и первыя пятнадцать лѣтъ текущаго столѣтія, неминуемо видѣли много любопытнаго; по этому самому, и безъ всякаго отличнаго достоинства, мы, можетъ быть, попали въ люди интересные.

Я надѣюсь и желаю отъ всего сердца, чтобы Ягницкій нашелъ васъ въ совершенномъ здоровіи; по послѣднимъ извѣстіямъ, вамъ было гораздо лучше. Климатомъ вы должны быть довольны, ибо въ этомъ

---

[1]) То-есть О. К. Ницъ и Лизанька Франкъ. Ю. Б.

[2]) На молитву. Это дѣлалось для того, чтобы препобѣждать „толщу матеріальности.“ Правила аскетики не позволяютъ предаваться глубокому, продолжительному сну. Ю. Б.

[3]) Генералъ-майоръ, боевой товарищъ графа М. С., управлявшій его имѣніями. Ю. Б.

[4]) Напечатанъ въ XXXV-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“

году и у насъ здѣсь о сію пору совсѣмъ нѣтъ зимы. Я надѣюсь недѣль черезъ шесть быть у васъ на южномъ берегу и провести праздники съ вами. Дай Богъ, чтобы почтенный нашъ князь А. Н. рѣшился весною на операцію; князь И. Ѳ. Паскевичъ недавно писалъ ко мнѣ, что въ прошломъ году въ Варшавѣ одна дама, десятью годами старѣе князя А. Н. и точно въ такомъ же положеніи, выписала изъ Вѣны окулиста Егера (Iaeger); операція была легкая и удачная, и она съ тѣхъ поръ совершенно хорошо видитъ. Фельдмаршалъ очень желаетъ, чтобы этотъ случай послужилъ примѣромъ для нашего князя.

Прощайте, почтеннѣйшій Юрій Никитичъ; прошу васъ отъ меня поклониться любезному вашему семейству; жена моя вамъ усердно кланяется; вѣрьте истинной моей къ вамъ преданности. Графъ М. Воронцовъ.

Одесса, 3 Февраля 1843 г.

Продолжимъ выписки изъ дневника: «17-е Февраля. Чтеніе мое было сегодня христіанская философія Дю-Туа, исторія герцоговъ Бургундскихъ [1]), Благоговѣйныя размышленія Цшоке. Вечеромъ занимался практикой. Ночью подъ утро тоже. Ногу и спину мажу барсуковымъ жиромъ, который вытопилъ изъ живого барсука, принесеннаго мнѣ Татариномъ вслѣдствіе совѣта даннаго мнѣ обывателемъ Крыма, княземъ Голицынымъ [2]). Вечеромъ и ночью были слабыя возношенія къ Источнику всякаго помилованія и утѣшенія. Все грустно, все боленъ, изъ воли Господа все хочу выйти; занимался и вздоромъ, читалъ свои Арабскія сказки; настоящій кавардакъ въ жизни и дѣлахъ. Прости, Господи, за душевную пустоту и внутреннюю суету.

22 Февраля. Князь Мещерскій приходилъ прощаться и принесъ мнѣ сыра. Мы ѣли постный столъ. Разсматривалъ трактатъ объ Индѣйцахъ и буддизмѣ Даніеля [3]). Перебиралъ Сенеку, пробѣгалъ газеты и въ нихъ продолженіе повѣсти Евгенія Сю. Вечеромъ страшный и опасливый помыселъ посѣтилъ меня; иногда Провидѣніе наказываетъ наши къ Нему невѣрности. Сегодня заходилъ ко мнѣ помощникъ Керченскаго почтмейстера, объѣзжающій станціи, и я распрашивалъ его о Черкесахъ и золотомъ курганѣ. Онъ сказывалъ мнѣ, что и при отъѣздѣ его изъ Керчи разрыли богатую могилу и нашли золотой вѣнецъ и таковые же браслеты, кромѣ того печать, вырѣзанную на агатѣ или тому подобномъ камнѣ. Идея подавляющая своею тяжестью, когда вспом-

---

[1]) Извѣстнаго Баранта.

[2]) Это князь Дмитрій Григорьевичъ, женатый на графинѣ Марѳѣ Ивановнѣ Платовой. П. Б.

[3]) Это сочиненіе совершенно намъ неизвѣстно. Ю. Б.

34*

нишь, что эти тѣла были нѣкогда одушевлены жизнью, что страсти гнѣздились въ нихъ, что мышленіе озаряло ихъ самосознаніемъ и самовѣдѣніемъ, что воля произволяла и что теперь нѣтъ имъ имени и памяти. Эти люди жили до Рождества Христова. Кто они? Гдѣ они? Какъ были они? Все теперь мракъ и неизвѣстность.

Гдѣ всѣ тѣ, что̀ прежде насъ
Ходили по свѣту?
Отошли они къ Харону
Въ Елисей или къ Плутону,
Только здѣсь ихъ нѣту. [1])

Замѣчательно, что при раскопаніи гробницы сводъ сдѣланъ изъ чистыхъ бѣлыхъ камней такъ крѣпко, что нынѣ не умѣютъ такъ дѣлать, и камни такъ еще свѣжи, какъ будто сегодня сдѣланы. Господи, упокой души неизвѣстныхъ, давно отошедшихъ людей, ради имени великой Маріи!»

Около этого времени Ю. Н. познакомился съ вдовою Михаила Ѳеодоровича Орлова, дочерью Раевскаго; она жила на южномъ берегу Крыма. Изъ разговора съ нею, совершенно незначительнаго, мы узнаемъ, что Ю. Н. уже тогда былъ знакомъ съ Чаадаевымъ.

Благопріятель Ю. Н. Таврическій губернаторъ Александръ Ивановичъ Казначеевъ не забывалъ его и писалъ ему слѣдующія письма.

Письма А. И. Казначеева.

28 Февраля 1843 г. Симферополь.

Любезнѣйшій Юрій Никитичъ! Не сѣтуйте на меня, если я доселѣ не успѣлъ усладить Крымскую горечь вашу Крымскими сластями [2]): не болѣе 4-хъ дней, какъ удалось мнѣ возвратиться изъ Мухалатки, прямо на новую квартиру, гдѣ нашелъ я весь мой скарбъ еще въ хаосѣ, какъ бы вынесенный отъ пожара; а вы помните принципію Франклина: перемѣщеніе съ квартиры на квартиру стоитъ пожара. Едва я успѣлъ выбрать и прибрать самыя необходимыя для меня вещи, бумаги и книги, тотчасъ принялся за наши сласти, которыя при семъ къ вамъ и посылаю съ реестромъ: кушайте на здоровье! Цѣлую ручки у супруги вашей и В. Петровнѣ дѣлаю книксенъ, а васъ отъ добраго

[1]) Переводъ извѣстной пѣсни Gaudeamus igitur, намъ неизвѣстно кѣмъ сдѣланный; самъ Ю. Н. мало грѣшилъ стихотворствомъ. Ю. Б.

[2]) А. И. Казначеевъ присылалъ Ю. Н. пробы разныхъ вареній и пастилъ изъ айвы, яблокъ, кизиля. „Все, замѣчаетъ Ю. Н. въ дневникѣ, дурно и недобросовѣстно приготовлено. Въ Крыму практическая жизнь въ младенчествѣ". Ю. Б.

сердца обнимаю и прошу сказать мое глубокое почтеніе благодатному князю. Искренно любящій васъ А. Казначеевъ.

8 Марта 1843. Симферополь.

Любезнѣйшій и почтенный Юрій Никитичъ! Не взыщите, если поздно посылаю вамъ Мирошева*). Я только перебрался на другую квартиру, и все еще у меня въ хаосѣ; а устроивать порядокъ приходится мнѣ своими руками. Поэтому не имѣлъ я времени ранѣе послать Мирошева и не имѣю времени болѣе писать на этотъ разъ. Получили ль вы сласти? Мирошева, по прочтеніи, прошу возвратить мнѣ сохранно, потому что книги не мои. Варвара Петровна можетъ прочесть и князю, если онъ еще не знаетъ Мирошева. Въ немъ тѣже достоинства и тѣже недостатки автора: герои всегда не тѣ, коихъ именами авторъ величаетъ свои творенія. Но что до этого? Достоинства велики, а недостатки малы. Весь вашъ А. Казначеевъ.

Мое почтеніе супругѣ вашей; поклонъ Варварѣ Петровнѣ».

Лишь 4 Марта собрался Ю. Н. отвѣчать князю Воронцову на его любезное письмо.

«Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 3-го Февраля, при немъ баночку съ лекарствомъ и списокъ о службѣ, я имѣлъ честь получить въ 16-й день того же мѣсяца, день моего рожденія. Князь Александръ Николаевичъ переслалъ мнѣ это письмо уже вечеромъ, и я встрѣтилъ его, какъ милаго гостя въ моемъ глубокомъ уединеніи.

Сейчасъ же прочиталъ послужной списокъ вашъ и, подивившись сперва такому значительному количеству иностранныхъ орденовъ и отличій, которые скромность ваша припрятала за замокъ, потомъ еще болѣе удивился тому обширному раздолу и разгулью военныхъ подвиговъ вашихъ, достаточныхъ, пожалуй, и для обширной области, дабы составить ея эпопею.

«Всѣ родившіеся, чтобы жить и служить послѣднія десять прошедшаго и первыя пятнадцать лѣтъ текущаго столѣтія, неминуемо много видѣли любопытнаго; по этому самому, и безъ всякаго отличнаго достоинства, мы, можетъ быть, попали въ люди интересные» ect.

Вотъ какъ вы отзываетесь о своей эпопеѣ, истинно сіятельный графъ. Но я не такъ смотрю, и послужной списокъ, какъ онъ ни сухъ и кратокъ, однако ясно для меня разоблачаетъ ваше не смиреніе уже, а смиренномудріе.

---

*) Кузьма Петровичъ Мирошевъ. Русская быль временъ Екатерины II, сочиненіе М. Загоскина. 4 части. Москва 1842. Эта повѣсть очень понравилась Бартеневу. Ю. Б.

Что̀ вами сказано о себѣ, къ вамъ вовсе не относится, а развѣ къ характерамъ пассивнымъ, къ той аристократической дремотѣ, которую обыкновенно на своемъ хребтѣ выносятъ волны случайныхъ обстоятельствъ; онѣ, то-есть обстоятельства, малюютъ и раскрашиваютъ своихъ любимцевъ, а толпа безотчетно уже усвоиваетъ имъ и начало и успѣхъ всякаго подвига доблественнаго, будто бы предпринятаго на пользу службы, царя и отечества.

Но тотъ, который по сказкѣ формулярнаго списка стряхнулъ съ себя блестящій камергерскій мундиръ, чтобы встрѣтиться съ шашкою дикаго Черкеса и, бывши поручикомъ, искалъ, какъ истинный Славянинъ, изъ-за добра-ума, изъ-за простора жизни, изъ-за всякаго удобства нѣги и самонаслажденія, искалъ, говорю, браннаго похмѣлья, столь сладкаго Русскому молодецкому сердцу, *тотъ не случайно попалъ въ интересные люди и пр. и пр*

Но тотъ, который по сказкѣ формулярнаго списка, принадлежа къ одной изъ почетнѣйшихъ династій въ отечествѣ, и могущій даже по самому призванію средствъ и удобствъ различныхъ растянуть цѣлую жизнь свою въ dolce far niente, столь сладостное прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ камергерамъ и многимъ (скажу тихонько) поручикамъ гвардіи, выбираетъ по свободному произволу подвигъ тяжкій, смотритъ на службу какъ на цѣль, а не средство, *тотъ не случайно попалъ въ интересные люди и пр. и пр.*

Но тотъ, который по сказкѣ формулярнаго списка, съ живымъ какимъ-то увлеченіемъ, не пропускаетъ ни одного малѣйшаго дѣла военнаго, въ которомъ бы самому не поучаствовать, который изъ ущелья Осетинцевъ, наскоро надѣвъ на себя семимильные сапоги бойкаго, нетерпѣливаго Русскаго чувства, добровольно перебѣгаетъ въ нихъ въ Шведскую Померанію, чтобъ ознакомиться покороче и съ Европейскимъ образомъ войны, *тотъ не случайно попалъ въ интересные люди и пр. и пр.*

Но тотъ, который уже не по сказкѣ формулярнаго списка, а по словамъ Наполеона, этого Агамемнона полководцевъ, названъ генераломъ по превосходству, когда при Краонѣ, сражаясь со всѣми его силами, Бонапартъ, умѣвшій отдавать и достойному врагу справедливость, сказалъ: Русскіе уступили битвѣ, но выиграли генерала, *тотъ*, повторю, *не случайно попалъ въ интересные люди и пр. и пр.*

Но *тотъ, который,* опять *не по сказкѣ формулярнаго списка,* а по наглядному наведенію, холодный и будто бы медленный во внѣшнихъ движеніяхъ, прикрываетъ, однако, кипучее, ищущее сердце для всякаго достойнаго подвига, который волю свою въ преслѣдованіи этого подвига, умѣетъ возвышать до высоты мономаніи, безъ которой

ничего не дѣлается, ничего не созрѣваетъ великаго въ мірѣ, *тотъ*, повторю, *не случайно попалъ въ интересные люди etc.*, *etc...*

Берегъ, сіятельнѣйшій графъ, берегъ! Стыжусь своего акаѳиста; стыжусь офанатизованнаго сердца своего; стыжусь Византійскаго сгиба рѣчей моихъ; стыжусь попасть въ густую Македонскую фалангу поклонниковъ, обыкновенно сопутствующихъ вельможѣ дѣятельному, великодушному, любознательному; стыжусь, и даже опасаюсь, чтобы мнѣ, какъ нѣкогда библейскому Исаву, не продать старшинства сердца своего, незамѣняемыхъ сокровищъ воли моей, за блюдо временнаго сочива; боюсь увлеченья темпераментальнаго, иногда разхолаживающагося; но за всѣмъ тѣмъ не стираю словъ моихъ: ибо, не смотря на опасенія самомнительности, я все, однако, повторю и повторю торжественно *что доблъственный субъектъ формулярнаго списка не случайно попалъ въ интересные люди и пр. и пр...* Dixi.

Благодарю васъ за пріятную надежду, въ которой и остаюсь нѣкогда получить отъ васъ копію съ той записки о жизни вашей, которую вы пріуготовляете для вашей племянницы; очень бы одолжили, еслибъ подарили меня этою запиской до отъѣзда еще вашего въ чужіе края.

Искренно благодарю васъ за милостивое вниманіе къ здоровью моему. Увы! вотъ пятый мѣсяцъ, какъ я его лишился. Когда боль въ ногѣ поутихла, тогда спина и бока заболѣли, и притомъ такъ, какъ у меня сроду не бывало. Въ концѣ Генваря все это поугомонилось, и когда я осмѣлился раза три прогуляться на свѣжемъ воздухѣ, дойти до ближней станціи, или до мосточка, то вдругъ получаю новую простуду, родъ неотступнаго коклюша, который, обыкновенно начинаясь въ часъ пополуночи, продолжается во всю ночь; я лишился сна и грудь мою разбило. Вотъ причина почему медлилъ я отвѣтствовать на почтеннѣйшее письмо ваше: какъ начну писать, грудь заломитъ, нельзя нагибаться. Вы безъ сомнѣнія повѣрите, видя, какъ я дорожу вашимъ безцѣннымъ для меня вниманіемъ, и какъ бы я былъ готовъ показать вамъ всю мою преданность и признательность. Предчувствую, что скоро лестное для меня знакомство съ вами будетъ только сладостнымъ для души воспоминаніемъ, и потому дорожу продлить минуты усѣченнаго и мимолетящаго, но всегда отраднаго для меня, знакомства съ вами. Кажется, что внутреннее чувство, внѣшнія обстоятельства, безполезность настоящей жизни моей соединяются съ болѣзнію и съ безотрадною будущностью, чтобъ заставить меня оставить навсегда южный берегъ Крыма, оставить этотъ улыбавшійся мнѣ аттицизмъ вашего общества, къ которому, такъ-сказать, я только что могъ прикоснуться; наконецъ, что̀ всего для меня болѣе, оставить старца, оставить бла-

годатнаго старца, съ которымъ столько лѣтъ я былъ въ свѣтломъ единеніи....

За нѣсколько часовъ до полученія вашего письма его сіятельство посѣтилъ меня и заставилъ прочитать собственноручное къ нему письмо отъ Государыни Императрицы. Ея величество тоже самое изволитъ писать къ князю, чтò и вы въ вашемъ письмѣ, которое я передалъ ему на другой же день. Князь усердно благодаритъ васъ за извѣщеніе, но врядъ ли рѣшится на благоразумный и согрѣтый участіемъ совѣтъ вашъ...

Семейство мое благодаритъ васъ, достопочтенная и свѣтлая чета, за обязательную память къ нему, а я вновь свидѣтельствую и повторяю тысячу искреннихъ обѣтовъ и желаній привѣтливой супругѣ вашей, и вмѣстѣ съ симъ извиняясь въ провинціальномъ многоглаголаніи письма моего, при желаніи всему дому вашему мира, здравія и удовольствія, съ высокимъ уваженіемъ и нелицемѣрною преданностію пребыть честь имѣю вашего сіятельства и пр.

4-го Марта 1843.
Селеніе Кореисъ.

6-го Марта князь, зайдя по обыкновенію къ Юрію Никитичу, давалъ ему читать неизвѣстныя письма и бумаги Суворова, въ томъ числѣ планъ взятія или завоеванія Царьграда. *) Не смотря на ласки и самое нѣжное участіе князя, въ Юріѣ Никитичѣ все болѣе и болѣе укоренялось намѣреніе ѣхать лѣчиться и затѣмъ окончательно выйти въ отставку, тѣмъ болѣе что 9-го Марта пришло извѣстіе о назначеніи князя Козловскаго чиновникомъ при князѣ А. Н. Голицынѣ. Все это сдѣлано было помимо Ю. Н., чѣмъ онъ былъ немало обиженъ, хотя самъ всячески выдвигалъ до сихъ поръ своего теперешняго сослуживца. Положеніе Ю. Н. становилось трудно, какъ это видимъ изъ слѣдующей записи отъ 10-го Марта.

«Посѣтилъ меня князь Александръ Николаевичъ. Разговоръ касался до одного изъ слугъ его, у котораго отнялся языкъ. Князь жалѣлъ объ немъ, смотрѣлъ на этотъ случай, какъ на событіе непредвидѣнцое, видѣлъ въ этомъ слугѣ нравы и кротость монашескую, между тѣмъ всѣ мы знаемъ, что этотъ человѣкъ потерялъ языкъ отъ паралича, пришедшаго къ нему послѣ неумѣреннаго и отъявленнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. А князь сказывалъ намъ, что онъ его посѣтилъ. Всѣ его приближенные стакнулись обманывать бѣднаго старика, и въ первомъ планѣ этой системы сестра его, дѣвица Кологривая,

---

*) Объ этомъ планѣ мы ничего не знаемъ. Ю. Б.

въ причину поставляетъ, что не надо-де разочаровывать старца. Признаться я находилъ себя въ фальшивомъ положенiи, состоящемъ въ томъ, что я зналъ обманъ и не могъ сказать ему. Еслибы я сказалъ ему, тогда бы Спирра *) повторила свои увѣренiя и я въ глазахъ его остался бы если не лжецомъ, то по крайней мѣрѣ одержимымъ докучливою мнительностью».

Однако надо было подумать о средствахъ къ жизни, еслибы отставка осуществилась. И вотъ Ю. Н. со свойственною ему стремительностью строитъ планы о возможности поддерживать свою жизнь торговлею: открыть въ Одессѣ комиссiонную контору по продажѣ хлѣба, сала и т. п.

14-го Марта посѣтилъ его генералъ Раевскiй, прiѣхавшiй повидаться съ княземъ. Въ дневникѣ своемъ Бартеневъ записалъ слѣдующее: «Раевскiй былъ начальникомъ войскъ, сражавшихся съ Черкесами; онъ бодро и гульливо водилъ строи наши противъ яростныхъ дикарей Европы. Полифемъ ростомъ и дородствомъ, онъ соединяетъ въ себѣ совершенно противоположныя влеченiя: страсть повелѣвать фалангами со страстью и увлеченiемъ къ растенiямъ, цвѣтамъ, садоводству, вообще ко всѣмъ мирнымъ занятiямъ. На вопросъ, можно ли покорить Черкесовъ, онъ отвѣчалъ мнѣ, чтобы выбрали человѣка еще нестараго, сподручнаго: такой человѣкъ, положившiй для себя идеаломъ покоренiе Черкесiи, могъ бы, можетъ быть, достигнуть сего идеала и усвоить Россiи область внутри ея владѣнiй равную по величинѣ съ Французскимъ королевствомъ.»

Однако Юрiй Никитичъ въ это время еще пользовался большимъ значенiемъ. Мы это видимъ изъ того, что нѣкто Горяиновъ, котораго Ю. Н. и въ глаза не видалъ, просилъ его похлопотать передъ княземъ Голицынымъ о пожалованiи его, Горяинова, въ камергеры. Письмо это весьма Бартеневу польстило; однако онъ, прослышавъ о предполагаемомъ прiѣздѣ Государя на Вознесенскiе маневры, рѣшилъ просить черезъ Голицына пенсiона и выхода въ отставку.

18 Марта Ю. Н. вышелъ на пѣшую прогулку и повстрѣчался съ княземъ А. Н.; тотъ поспѣшилъ сообщить подробности о совершившемся чудѣ, служитель Семенъ, о которомъ мы говорили выше, получилъ вдругъ голосъ. Случилось это, восторженно говорилъ князь, черезъ откровительный сонъ. Присутствовавшiй здѣсь Горяиновъ, братъ ищущаго камергерства, человѣкъ вполнѣ самостоятельный, поддакивалъ обманутому старцу; но Ю. Н. прямо разъяснилъ обманъ, чѣмъ крайне опечалилъ и озадачилъ бѣднаго князя.

---

*) Т. е. сестра князя. Что значитъ *Спирра*, не знаемъ. Вѣроятно дѣйствующее лицо въ какомъ-нибудь изъ тогдашнихъ романовъ. Ю. Б.

Около этого времени, стоя на полуночной молитвѣ, Ю. Н. «въ первый разъ началъ только постигать, что ежели хотѣть быть христіаниномъ настоящимъ, то надлежитъ умереть міру и себѣ». Живо почувствовавъ «это обстоятельство», онъ рѣшилъ «безвозвратно отдать всего себя Господу». Это рѣшеніе придало ему духа; на слѣдующій день онъ былъ веселъ и шутливъ, но «шутка моя», пишетъ онъ, «была похожа на Сентябрьское солнышко, случайно посвѣтившее на отсырѣвшую и замокшую землю». Скоро явилось и «указаніе свыше» на то, что слѣдуетъ дѣлать. Пріѣхавшая въ гости Зинаида Амвросіевна Цейеръ посовѣтовала Ю. Н. ѣхать лѣчиться не въ Одессу, а въ Симферополь. И еще явилось утѣшеніе. Видимо графъ Воронцовъ исполнилъ просьбу Ю. Н. и замолвилъ свое вѣское слово: графъ Киселевъ прислалъ ласковое письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что «объ дѣлѣ Печерской компаніи, которое столь обширно, ничего не можетъ сказать рѣшительнаго, но что если оно окажется полезнымъ для отечества, то онъ не преминетъ привести его къ существованію».

Утѣшило Ю. Н. и письмо А. И. Казначеева.

Молчаніе ваше, любезнѣйшій Юрій Никитичъ, начинаетъ меня безпокоить на счетъ вашего здоровья. Но Богъ милостивъ. Отвѣтовъ на свои письма не требую; лишь бы я зналъ, что вы здоровы и благополучны. Безкорыстіе мое распространяется на все и всѣхъ: люблю людей, не помышляя о томъ, любятъ ли они меня такъ же, какъ я ихъ. Любятъ—радуюсь; не любятъ—не сѣтую. Это, впрочемъ, до васъ не относится; эта общая моя идея и чувство.

Податель сего Григорій Матвѣевичъ Манчичъ, назначенъ почтмейстеромъ въ Ялту. Прошу васъ принять его благосклонно и не оставлять, въ случаѣ нужды, своими совѣтами и покровительствомъ. Мнѣ онъ рекомендованъ за очень добраго и хорошаго человѣка, людьми достойными. Мое почтеніе супругѣ вашей и поклонъ В. Петровнѣ. Душевно васъ любящій: А. Казначеевъ.

P. S. Мы ожидали вчерась пріѣзда графа и графини Воронцовыхъ; но вчерась же узнали, что они отложили выѣздъ свой изъ Одессы до вчерашняго дня по случаю сѣвшаго на глазъ графа огненнаго ячменя. Итакъ мы ожидаемъ ихъ въ среду. Отсюда они поѣдутъ на южный берегъ. Извѣстно ли благодатному князю, что въ Августѣ назначенъ высочайшій смотръ войскамъ у Вознесенска и что, говорятъ, Государь пожалуетъ оттуда въ Севастополь? Прошу васъ изъявить князю мое высокое почитаніе.

22 Марта 1843.
Симферополь.

27 Марта посѣтилъ Ю. Н. графъ Воронцовъ и долго сидѣлъ у него, при чемъ тотъ не преминулъ попросить у графа дать мѣсто въ Ореандѣ нѣкоему Николаю Григорьевичу Бухарину, съ которымъ Ю. Н. служилъ въ кампанію 1812 года. 30-го князь Голицынъ принесъ къ Ю. Н. бумаги, полученныя отъ Воронцова и заставилъ его читать ихъ. «Первая изъ нихъ была записка, поданная императору Павлу графомъ Растопчинымъ. Растопчинъ описываетъ Государю современное отношеніе Европейскихъ державъ къ Россіи. Говоритъ, что начинанія Павловы ни къ чему его не привели, что недобросовѣстность и медленность Австріи помѣшали многому, что одна лишь Англія въ торговомъ своемъ махіявелизмѣ болѣе всѣхъ выиграла. Растопчинъ предлагаетъ Императору свои услуги, состоящія въ томъ, чтобъ будто бы подъ видомъ гнѣва государева онъ долженъ отлучиться за границу; тайно пріѣхавъ въ Парижъ, онъ потребовалъ бы тайнаго свиданія съ Наполеономъ и предложилъ бы ему совокупный съ Австріей раздѣлъ Турецкой имперіи, предоставляя Египетъ Франціи, нѣкоторыя области Австріи, а Румелію, Булгарію и Молдавію Россіи; оттуда онъ также бы тайно отправился въ Вѣну и проч. Эта секретная нота приправлена собственноручными замѣчаніями самого Павла; они отличаются Спартанской краткостью и Русскимъ остроуміемъ. Вторая бумага составляетъ записку, написанную вслѣдствіе желанія объявленнаго графу Растопчину в. кн. Екатериной Павловной объ обществѣ Мартинистовъ. Здѣсь ничего дѣльнаго не написано, кромѣ ругательствъ и остротъ. Растопчинъ понятія не имѣлъ объ этомъ предметѣ и клеветалъ на него, какъ только умѣлъ. Послѣдняя состояла въ копіи съ письма графа Орлова Екатеринѣ II, гдѣ тотъ признается передъ Государыней и приноситъ ей повинную свою голову вмѣстѣ съ другими, разсказывая, что̀ случилось на ужинѣ, бывшемъ у Петра III 6-го Іюля 1762 года *). Это письмо замѣчательно тѣмъ, что совершенно избавляетъ мудрую Монархиню отъ нареканія потомства. Но странно то, о чемъ утверждаетъ графъ Растопчинъ, какъ самовидецъ, что письмо на старенькой бумагѣ видѣлъ онъ въ рукахъ Павла и тотъ, изорвавъ его, бросилъ въ каминъ. Вчера графъ прислалъ мнѣ копію также съ замѣчательной бумаги, это было представленіе императору Александру о состояніи ввѣреннаго корпуса графу Воронцову при вступленіи въ Россію послѣ трехлѣтняго пребыванія или стоянія его во Франціи». День этотъ Юрій Никитичъ закончилъ чтеніемъ «Загробнаго супружества» Сведенборга.

---

*) См. Архивъ князя Воронцова, кн. XXI-я.

На слѣдующій день опять пріѣхалъ графъ Воронцовъ, долго сидѣлъ у Ю. Н. и говорилъ вполнѣ откровенно, пенялъ на то, что въ Одессѣ заводили женскій монастырь, и радовался о «богатой и неисчерпаемой находкѣ въ здѣшнихъ безлѣсныхъ краяхъ антрацита, который, по его словамъ, много прибыльнѣе для государства, чѣмъ копи золота».

Къ князю А. Н. въ скоромъ времени должны были пріѣхать двѣ гостьи: Турчанинова, извѣстная своимъ чудодѣйственнымъ лѣченіемъ, и В. А. Муравьева, дальняя родственница князя. Пріѣздъ послѣдней былъ весьма нежелателенъ для Бартенева и онъ рѣшилъ хоть на время удалиться изъ Кореиса, чтобы полѣчиться и пожить въ спокоѣ, не раздражаясь на злоупотребленія лицъ окружавшихъ князя. Онъ велѣлъ себѣ подыскивать квартиру въ Симферополѣ, гдѣ жилъ его благопріятель А. И. Казначеевъ, и исподволь сталъ укладывать свои книги. 4-го Апрѣля онъ записалъ «Сегодня я чувствовалъ себя безъ корня, безъ Бога; душа моя искала на что̀ бы упереться, чѣмъ бы заняться; все шатко, все ограничено, все неудовлетворительно, все испорчено». Пріѣхалъ около этого времени Казначеевъ и обѣщалъ Ю. Н. отыскать квартиру. 7-го Апрѣля собрались у Ю. Н. князь А. Н. Голицынъ, графъ Воронцовъ со своею женою и другіе. Много было говорено между прочимъ объ обществѣ вольныхъ матросовъ, которое было учреждено въ 1834 году графомъ вопреки большому сопротивленію его противниковъ при Государѣ. Основаніемъ сего общества, по мнѣнію Ю. Н., графъ сдѣлалъ себѣ безсмертный памятникъ. А мы ничего не знаемъ объ этомъ обществѣ и его судьбѣ!

Здоровье Ю. Н. настолько поправилось, что онъ говѣлъ и причащался, хотя и принужденъ былъ сидѣть въ алтарѣ; обѣдню же 11-го Апрѣля онъ выстоялъ почти всю и среди дня поѣхалъ къ своему князю. «Князь очень мнѣ обрадовался», писалъ Ю. Н., и щупалъ лицо мое, желая извѣдать, какъ похудѣлъ я. Вскорѣ пріѣхали къ нему графъ и графиня Воронцовы съ генераломъ Ѳедоровымъ, военнымъ губернаторомъ Бессарабіи; этотъ Ѳедоровъ обыкновенно правилъ должность графа Воронцова, когда тотъ уѣзжалъ въ чужіе края или въ долгій отпускъ.

«Графъ сейчасъ же обратился ко мнѣ и сказалъ, что онъ вздумалъ съ Ѳедоровымъ ко мнѣ заѣхать и познакомить сего послѣдняго со мною. Графиня также со мною была очень обязательна, подсѣла ко мнѣ, показывала мнѣ участіе. Генералъ Ѳедоровъ сказывалъ мнѣ между прочимъ, что графъ имѣетъ привычку его, то-есть Ѳедорова, знакомить съ тѣми, кого онъ, графъ, любитъ или начинаетъ любить и вслѣд-

ствіе этого «графъ и хотѣлъ, чтобы я, продолжалъ Ѳедоровъ, съ вами познакомился».

Все это было весьма пріятно и «наполнило душу Юрія Никитича какимъ-то удовольственнымъ настроеніемъ».

12 Апрѣля Ю. Н. поѣхалъ въ Алупку. Дадимъ повѣствовать ему самому: «Мы ѣхали по верхней дорогѣ; виды очаровательно - величественные. Алупка казалась у самаго моря; мы поворотили налѣво и стали спускаться къ церкви, отъ церкви къ зàмку. Въ то время у Воронцова сидѣлъ нашъ князь; общество было многолюдно - пестрое. Графъ принялъ меня обязательно и самъ подалъ мнѣ кресло, графиня также немножко приласкала. Графъ повелъ меня по комнатамъ зàмка въ свой кабинетъ, въ кабинетъ графини; въ послѣднемъ стоитъ въ углу родъ кивота, въ которомъ сохраняется собственноручное письмо императрицы Александры Ѳеодоровны къ хозяевамъ дома. Между тѣмъ явились Татары съ своей серенадой, явились Русскіе мужички, началась тарабарская музыка, пѣсни, пляска въ присядку. Послѣ князя графъ куда-то отлучился, и я, видя, что нечѣмъ больше заняться, пригласилъ случившагося здѣсь Гартвиса идти въ верхній садъ. Видѣлъ два прекрасныхъ кипариса, посаженныхъ будто руками Потемкина, видѣлъ нѣсколько водопадовъ, игриво скачущихъ со скалъ, видѣлъ раздробленныя горы какимъ-то незапамятнымъ событіемъ и около разбитыхъ частей пробѣгающія дорожки, въ угловатостяхъ которыхъ виднѣются прелестнѣйшіе, величественнѣйшіе, разнообразные ландшафты, въ основаніи коихъ Черное море, бурное или спокойное, но всегда прекрасное. Верхній садъ можно назвать весь циклопической развалиной. Иногда встрѣчаются идиллическіе виды, лужайки съ подтропичными растеніями. Такимъ образомъ, мнѣ удалось видѣть три кедра Ливанскихъ, двѣ Калифорнскихъ сосны; послѣднія завязываютъ плодъ. Иногда встрѣчались вѣковыя деревья, но непокрытыя еще зеленью. Описывать мудрено вслѣдствіе извѣстнаго стиха

Не пей Пермесскихъ водъ,
Иль выпей ихъ до дна.»

А въ заключеніе Ю. Н. вписалъ слѣдующее замѣчаніе: «Душа моя, напитавшись земнымъ величіемъ, была въ какомъ-то величественномъ настроеніи, которое однако переходило въ кисло-сладкое, когда напоминалъ себѣ нахлестанную обязательность почтенныхъ хозяевъ».

Квартира въ Симферополѣ подыскивалась очень хорошая, недалеко отъ собора, съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ, съ платою по 25 р. серебромъ въ мѣсяцъ, начиная съ 1-го Мая. Нѣкто Зоммерфельдъ, арендаторъ имѣнія великой княгини Елены Павловны, предложилъ своихъ

лошадей и экипажи для переѣзда. Юрій Никитичъ ликовалъ, а тутъ еще пріѣхалъ графъ Воронцовъ. «Онъ взошелъ со своимъ фаворитомъ Щербининымъ. Я предъ вами виноватъ, сказалъ графъ, въ моей неумышленной неучтивости, что я оставилъ васъ, когда вы меня посѣтили, и пріѣхалъ навѣдаться о вашемъ здоровьѣ. Я васъ потому оставилъ, что мнѣ нужно было подписать нѣкоторыя не терпящія отлагательства бумаги. Я отвѣтствовалъ ему, что я гулялъ по его верхнему саду и провелъ время очень хорошо... Графъ сказалъ мнѣ, что онъ отправляется въ чужіе края на 15 мѣсяцевъ и хотѣлъ еще разъ заѣхать проститься со мною».

Юрій Никитичъ неумѣренно радовался въ присутствіи князя Козловскаго тому, что ему удастся скоро переѣхать въ Симферополь; а этотъ, креатура самого Бартенева, передалъ все сестрѣ князя Е. М. Кологривовой.

Старый знакомый Ю. Н. Өедоръ Александровичъ Голубинскій не забывалъ его и прислалъ письмо о Шеллинговой философіи *); это письмо напомнило Ю. Н. о смиренномудріи христіанина церкви апостольской. А письмо Александры Петровны Хвостовой, «почти слѣпой и мастито-дряхлой женщины» совершенно его растрогало. Приведемъ это своебытное, свѣжее письмо полностью.

Письмо А. П. Хвостовой.

«Давно ожидаемое, но все милое письмо твое получила я недавно, другъ мой Юринька. Скорбно мнѣ видѣть изъ него, что ты хвораешь. Что же это за чудо въ земномъ человѣкѣ, что онъ никогда не можетъ помириться съ стихіями? Не доказательство ли это, что *перстный не возобладахъ* еще ими, и что онъ не царь еще, но подданный падшей природы? Другъ милый, въ болѣзняхъ и скорбяхъ неотъемлемыхъ, неизбѣжныхъ въ горестномъ пришельствіи нашемъ, надо, *съ помощью Божіей,* поступать *владычественно* съ тѣломъ нашимъ. Скажи ему грозно: ты хочешь болѣть; ну боли, коли тебѣ хочется, а я все, уповая на Господа, покланяюсь наказанію Его, а твоему пищанію не внемлю. Повѣрь, что оно замолкнетъ; и возобладавъ приключайся(?), ты отучишь шалуновъ стихій тревожить тебя по соизволенію ихъ. *Вѣрь,* что и природа и *стихіи ищутъ еще падшаго царя своего.* Когда нагрянутъ на плѣнника, на него изливаютъ ярость свою; но когда попадутъ на истиннаго раба Божія, на человѣка, если не совсѣмъ еще возрожденнаго, но прозрѣвшаго уже въ *пакибытіе,* они сами, какъ собачки, ложатся къ ногамъ господина своего; и если по собачьей привычкѣ, и

*) Письма этого къ сожалѣнію не сохранилось. Ю. Б.

укусятъ иногда для пробы, то улягутся, когда баринъ погрозитъ имъ. Вѣрь, другъ мой, что я не сказку, а истину открываю тебѣ, и добрый, безцѣнный князь нашъ тебѣ въ томъ доказательство.

Теперь, для забавы, разскажу тебѣ наши Кіевскія происшествія. Жидъ и монахъ (не странная ли гармонизація?) пропустили въ народъ, что прошедшее 14-го Марта будетъ такое землетрясеніе, что не только Кіевъ, но и многіе города повергнутся участи Лиссабона. Представь себѣ волненіе легковѣрныхъ. Кто придумывалъ, куда-бы уѣхать, кто снималъ зеркала и чашки съ этажерокъ. Мошенники въ одеждѣ десятскихъ ходили по домамъ, будто уговаривая укладываться; въ церквахъ повороту не было отъ говѣющихъ. На 14-е весь Кіевъ не спалъ. Но какую же глупую фигуру представили изъ себя легковѣрные, когда утомясь, проснулись 15-го въ своихъ постеляхъ какъ и всегда. Смѣхъ замѣнилъ страхъ. Въ добавку и комета съ длиннымъ хвостомъ своимъ куда-то убѣжала. Вотъ какъ бѣдный, виноватый міръ, чувствуя вину свою, *боится,* не исправляется!—Такъ и у васъ морозы. Бѣдныя камеліи, лавровыя, миндальныя, оливковыя и прочія чудеса, и вы узнали непостоянство счастія! Наши смиренные тополи, каштаны и бѣлыя акаціи, хотя и хмурятся немного отъ необычной перемѣны воздуха, но стоятъ весело, въ ожиданіи лучшаго. Вотъ какъ и изъ природы мы можемъ извлечь подтвержденіе святымъ словамъ Писанія: «Господь гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать». Пожалуйста, полюби смиреніе, другъ мой; ахъ какъ благовонно цвѣтетъ оно передъ Господомъ!!!

Вотъ и праздникамъ праздникъ и торжество изъ торжествъ! Поздравь отъ меня милаго моей душѣ князя; голубушку Ел. Мих. и всѣхъ твоихъ съ тобою всѣхъ объемлю. Каждой птичкѣ, каждому звѣрьку, каждой травкѣ, говорю радость общую: Христосъ воскресъ! Покинемъ соревнованіе, досады, низкія мѣстности и личности человѣка падшаго. *Обнимемъ сердечно во Христѣ другъ друга*, чтобъ быть участниками Его воскресенія. Не всѣ ли мы вѣрующіе, едино тѣло, единъ духъ о Христѣ Господѣ нашемъ? Щиплетъ ли рука руку, или нога попираетъ ли съ досадой другую ногу? Скотскіе члены наши взаимствуютъ, помогаютъ между собою домостроительству своему. Ужели духъ забудетъ единство возрожденія? Прими, вмѣсто краснаго яичка, отъ духа къ твоему духу воззваніе это. Ахъ, какъ бы была я рада, если бы была умнѣе! Поучи и ты меня, другъ мой, о Христѣ Іисусѣ.

Погода у насъ не постоянная. Третьяго дня было лѣто; вчера выпало снѣга на два вершка; сегодня опять солнце. Всѣ бѣдствія міра говорятъ, что близъ уже, при дверяхъ, Господь избавитель нашъ. Но все это начало только болѣзнямъ, заглавный только листокъ всесвя-

того Евангелія вѣчности! Другъ милый; помолись, чтобы мнѣ, глупой старицѣ, въ пустякахъ послѣдніе дни изживающей, сподобиться радостно встрѣтить грядущаго возлюбленнаго! О крестъ всесвятый, радость моя и упованіе, возсіяй мнѣ еще радостнѣе, какъ ношу тебя всечастно въ сердцѣ моемъ!!!

Прощай, другъ мой Юринька. Скажи милому, доброму князю моему, что я ношу его въ сердцѣ моемъ. Буди милость воскресшаго Господа со всѣми вами. Прощай.

А.

29 Марта 1843.
Кіевъ.

Письма «разцвѣтили однообразіе жизни» нашего сангвиника, и онъ опять ликовалъ; но слѣдующій случай превратилъ радостное настроеніе въ «кислое, во внутреннюю скорбь, близкую къ ипохондріи». Зачитавшись романа Сю, Ю. Н. не успѣлъ ни умыться, не выбриться, какъ вдругъ графъ съ графиней пріѣхали къ нему прощаться. Пришлось принять ихъ въ халатѣ. Графъ сталъ требовать обратно донесеніе свое къ Александру Павловичу, говоря, что у него нѣтъ другой копіи съ этой бумаги. Но Ю. Н. весьма огорчился на «сію прикрытую недовѣрчивость» онъ увидѣлъ тутъ «остуженное чувство вельможи, недовѣряющее чести своего ближняго». «Его предупредили обо мнѣ», замѣчаетъ Ю. Н., «и можетъ быть оклеветали».

Подъ 24 числомъ находимъ слѣдующую запись: «Не успѣлъ я одѣться и умыться, какъ вдругъ нечаянно приходитъ ко мнѣ князь А. Н. Голицынъ. Онъ пожаловалъ ко мнѣ съ тѣмъ, чтобъ позвать меня обѣдать къ себѣ. Я прочиталъ ему повѣсть, переведенную изъ новаго журнала Illustration подъ названіемъ: Лекарь по неволѣ. Князь очень остался доволенъ занимательнымъ разсказомъ этой повѣсти. Мы вмѣстѣ изъ Кореиса пошли къ нему пѣшкомъ. Катя сопровождала насъ и когда она воротилась назадъ, то князь вызвался вести меня и далъ мнѣ свою руку; такимъ образомъ слѣпой велъ хромого. До обѣда пріѣхалъ навѣстить его одинъ Англійскій лордъ, большую часть своей жизни путешествующій по чужимъ странамъ, а Россію онъ изъѣздилъ по всѣмъ направленіямъ, былъ въ Астрахани, Грузіи, Закавказьи и гдѣ только онъ не былъ. Онъ другъ и школьный совоспитанникъ графа Воронцова и большею частью живетъ съ нимъ вмѣстѣ въ Одессѣ или въ Алупкѣ. Полу-старикъ благородной наружности. Говорили о Людовикѣ XVIII; онъ разсказывалъ о немъ занимательный разговоръ, слышанный имъ отъ Дюпеитрена *). Обѣдъ у князя былъ изобильный,

*) Guillaume Dupuytren 1777+1835, извѣстный Французскій хирургъ, врачъ Людовика XVIII. Ю. Б.

была, между прочимъ, зеленая каша и ранеты. Послѣ обѣда пріѣзжала прощаться съ княземъ вдова Орлова съ семействомъ ея брата, генерала Раевскаго. Потомъ пріѣхала графиня Воронцова, чтобъ почитать князю. Она довольно времени при мнѣ читала и растолковывала мнѣ предшествующія мѣста разсказа. Вечеромъ долго сидѣлъ у меня князь Козловскій. Пробовали вино, присланное мнѣ Гартвисомъ; оно оказалось достойнымъ царскаго вкуса—ароматъ, крѣпость, сладость его похожи на люнель. Сестра князя была предметомъ домашняго разговора, который навелъ на меня несказанное уныніе. Неизвѣстность моей участи, обстановка себя людьми загадочнаго расположенія, все развивало во мнѣ грусть, которая прекратилась однимъ сномъ».

25 Апрѣля Ю. Н. собрался въ церковь. Послѣ обѣдни пѣли молебенъ для отъѣзжавшей графини Елисаветы Ксаверьевны Воронцовой. «Мы размѣнялись вѣроятно послѣдними взаимными пожеланіями», записалъ Ю. Н.; «она отправляется въ чужіе края на 15 мѣсяцевъ, а я, если не умру, то не захочу, когда Богу угодно будетъ позволить, остаться здѣсь въ Крыму еще и на полгода. Дай Богъ ей счастливый путь! Эта женщина бросила мнѣ нѣсколько цвѣтковъ утѣшенія; положимъ, что они были и поблеклые, но все-таки цвѣтки, а не иглистыя и терновыя вѣтви, которыя бросаютъ мнѣ даже тѣ, которыхъ я одолжалъ въ жизни».

Одной изъ такихъ тернистыхъ вѣтвей была какая-то сплетня, которая наполнила его душу «невыразимымъ смятеніемъ и скорбью».

Наступилъ Май; дни дождливые и ненастные тянулись однообразно; чтеніе, посѣщенія князя, бесѣды съ нимъ, приготовленіе къ отъѣзду занимали Ю. Н.; а князь Козловскій между тѣмъ платилъ зломъ за добро. Стакнувшись съ сестрою князя, онъ всячески старался чернить въ его глазахъ Юрія Никитича. И вотъ Ю. Н. окончательно рѣшается, послѣ лѣченія въ Симферополѣ, отправиться въ Петербургъ и заняться дѣлами Печерской компаніи. Князь же ничего ему не говорилъ объ его отъѣздѣ, напротивъ усиливалъ свое вниманіе, что̀ и было особенно для него больно.

Къ 12-му Мая почти всѣ вещи, которыя надлежало взять, были уложены въ 18 ящиковъ, и въ этотъ же вечеръ пріѣхала къ князю Голицыну извѣстная своимъ магнетическимъ лѣченіемъ, производившимъ якобы чудеса, Анна Александровна Турчанинова. Князь нетерпѣливо ожидалъ ея и желалъ познакомить съ нею Юрія Никитича, который и самъ интересовался этой необыкновенной женщиной. А пока онъ ожидалъ свиданья съ прибывшею знаменитостью, пришло письмо изъ Кіева отъ его любвеобильнаго друга, Александры Петровны Хвостовой. Не вѣрится, что письмо это писано 70-тилѣтней старухой.

Письмо А. П. Хвостовой.

Милое письмо твое дунуло на меня пáхомъ любви, и сердце узнало тотчасъ добраго прежняго моего Юриньку. Уже ли подлинно было въ письмѣ моемъ что-нибудь такое, которое, какъ вѣяніе духа, раздуло въ тебѣ потухающую искру единодушія? Если такъ, ахъ какъ желала бы я быть умнѣе, богатѣе силами духа, чтобъ раздуть въ тебѣ тотъ *пожаръ* любви, которымъ сгорать такъ сладко и къ которому твое сердце способно, если ты выгонишь изъ него феноменическій призракъ, Юринька. Намѣреніе твое купаться въ Саккскихъ грязяхъ мнѣ что-то не по сердцу. Въ артретическихъ болѣзняхъ сѣрныя ванны, особливо баня самопреданія и терпѣнія—лучшее и дѣйствительнѣйшее лѣченіе. Подумай самъ, другъ мой: болѣзни наши тѣлесныя не чистилище ли наше въ премудрости святого, всесвятого Провидѣнія? Естьли бы кусокъ золота заупрямился идти въ горнило, гдѣ взялъ бы онъ блескъ и красу? И всѣ лѣченія слѣпого человѣчества нашего превозмогутъ ли когда предопредѣленіе всесвятого Врача Небеснаго, который, пзведя болѣзнь по силамъ, не отступитъ отъ спасительнаго плана своего? Мой материнской, дружеской, на опытѣ основанный совѣтъ—покинуть чрезвычайныя средства и надежды; онѣ не только безполезно обманчивы, но задерживаютъ процессъ очищенія неминуемаго. Артретическія болѣзни, хотя онѣ залогъ долгой жизни, не менѣе неизлѣчимы. Я сама не 30-ли лѣтъ подагра съ головы до ногъ? Она у меня отняла лѣвый глазъ, лѣвое ухо, почти обѣ ноги; но я живу еще, люблю, помня и прославляя правду и милость Божію; между тѣмъ, когда сводитъ ноги или руки, помазываю ихъ чѣмъ-нибудь елейнымъ, и «терпя, терплю Господа, да спасуся».

Максимовичъ твой недоволенъ мною, какъ я вижу. Когда-то попалась мнѣ ректорская рѣчь его о философіи. Прекрасная по дрянной системѣ звѣздной учености, но нѣмая, ипотезная, истинно ничего не опредѣляющая. Философія *есть превосходная наука жизни* по словамъ его, и точно правда. Но гдѣ же и въ чемъ найдемъ эту жизнь? На которой же изъ тысячи системъ, ни одна съ другою несогласующихся, найдемъ мы ту Аріаднину нить, которая вывела бы насъ изъ лабиринта спорящихъ между собою умозаключеній? Не знаю, какой-то шатунъ дернулъ меня написать къ нему возраженіе по чувствамъ моимъ. Мнѣ кажется, что всѣ философы міра похожи на Донкишота Ламанскаго. Всѣ ищутъ какую-то Дульцинею Тобозскую. Всѣ воображаютъ видѣть въ ней принцессу обвороженную. Но кто же эта принцесса завороженная?... Глупая крестьянка, толстая, которая мѣситъ

пироги или на рѣчкѣ моетъ замаранныя тряпки свои. И даруй Богъ, чтобъ ошибка эта была только смѣшна, а не губительна. Хочешь ли, чадо, познать истинное любомудріе? Ищи его въ единомъ Богѣ. Разбери въ себѣ, кто ты и откуда. Сотворя тебя изъ земли, Творецъ твой и Богъ, вся Троица Святая, вдунула въ тебя образъ свой и подобіе; на что же они? Отецъ Всесвятый даровалъ умъ свой, то есть, око недремлющее внутреннее, которымъ, всегда вникая во всевидящее око Божіе, человѣкъ почерпалъ бы изъ онаго повелѣній, какъ хранить и воздѣлать порученную ему природу. Сынъ Единородный даровалъ ему любовь и послушаніе свое Богу. Се Духъ Всесвятый осѣнилъ его силами своими, которыми и понынѣ человѣкъ все можетъ о помогающемъ ему Господѣ. Вотъ гнѣздо, гдѣ зиждется премудрость! Но бѣдному Максимовичу оно не полюбилось. Воскресимъ образъ Божій и подобіе его въ себѣ, другъ мой!... Помолись о семъ и обо мнѣ грѣшной, и тогда Дульцинеи наши исчезнутъ и съ почитателями своими.

У насъ погода ни на что не похожая. Нѣтъ никакого сезона опредѣлительнаго. Комета все перепутала. Что-то у васъ? Что-то камеліи ваши, розы безпрестанно цвѣтущія, и всѣ прелести Юга, которыя рѣзвушка комета помяла хвостомъ своимъ? Охъ какъ и объ нихъ болитъ сердце мое! Природа двойнишная сестра человѣку, и какая еще? За шалости братца наказанная. Можемъ ли безъ скорби видѣть ея страданія? Въ массѣ преступныхъ и я сколько вздоховъ извлекла отъ несчастной! Сколько живыхъ существъ погибло, можетъ быть, отъ тлетворнаго моего дыханія! Другъ Юринька, поклонись за меня вашимъ милымъ страдалицамъ и скажи имъ тайно, что я сердечно признаю вину мою: авось имъ будетъ отъ того полегче.

Мнѣ сказалъ нѣкто, что графъ Воронцовъ будетъ къ вамъ на праздники. Какъ рада я за нѣкоторые часы дня милаго моего князеньки. Но ему такъ хорошо самому съ собой, что все постороннее— эпизоды человѣческіе.

Сашу все еще дожидаю: и это не крестъ ли? Но что жизнь безъ креста!!! Городскіе слухи обѣщаютъ Прянишникова нашего сюда для обзора. Говорятъ, что онъ даже и до Крыма пустится; но я отъ нихъ ничего объ этомъ не слышу.

Если ex-rector нашъ М... не искуснѣе въ философіи, какъ въ нумизматикѣ, добро ему, что онъ оставилъ каѳедру. Онъ въ грёзахъ своихъ окрестилъ сѣдока Татарина въ Георгія Побѣдоносца, приплелъ къ нему Генуэзцевъ и вывелъ цѣлый романъ фантастической *). Но здѣсь, гдѣ Генуэзцы не бывали, найдены точно такіе же и серебряные и золотые

*) Говорится о М. А. Максимовичѣ.

перстни и всѣ розыски ученыхъ соглашаются признать, что перстни эти должны были принадлежать какому-нибудь начальнику легіона Татарскаго; и такъ и талисманъ М... сдѣлался, какъ и философія его, Дульцинеею Тобозскою. Но такъ какъ грёзы человѣческія прилипаютъ одна къ другой, какъ атомы пыли въ комнатѣ, и мнѣ пригрезилось *окрестить* духъ убитаго въ перстнѣ его. Во имя Бога живаго, предъ Которымъ нѣтъ ничего несуществующаго, я окрестила духъ бѣднаго Татарина и надѣла перстень *на указательный палецъ Хвостовой*, чтобъ и онъ ограждался знаменіемъ Животворящаго Креста. Вотъ и мои грёзы, другъ мой! Но кромѣ любви, что̀ не грёза въ мірѣ грёзовъ земныхъ? Ты получишь перстень послѣ меня, а если угодно и теперь. Дѣло мое сдѣлано, и бѣдный духъ давно уже крестится о Господѣ Іисусѣ.

Безцѣнному князю хотѣла бы найти что сказать изъ приверженнаго духа, но слова человѣческія такъ оподлились, что говорить ими о любви совѣстно. Пусть Господь любвей кипетъ изъ сердца моего какой-нибудь атомъ въ его сердце!

Прощай, любезный сердцу моему, Юринька! Люби и живъ будешь любовью; она одна безсмертна. Прощай».

13-го Мая пришелъ къ Юрію Никитичу князь Голицынъ и звалъ къ себѣ обѣдать; погода была не хороша, и Ю. Н. отказывался, но добрый старецъ сталъ перечислять кушанья, и «сочиво ветхозавѣтное плѣнило меня», пишетъ Ю. Н. «Я пошелъ съ нимъ, и князь повелъ меня, дабы представить А. А. Турчаниновой».

«Я нашелъ ее, эту женщину прославленную въ столицѣ, даже въ цѣлой Россіи, чудодѣйственными силами врачеванья магнетическаго, лежащею въ постели, что̀ она дѣлаетъ уже нѣсколько лѣтъ. Разговоръ начался въ духѣ психологическомъ. Хозяйка взяла тетрадку и прочитала намъ въ оной свое воззрѣніе на человѣчество. Взглядъ ея былъ психолого-физіологическій, логика твердая, умозаключеніе ясное, и все проникнуто возвышенными озареніями. Слушая, по мѣрѣ чтенія, я въ душѣ своей говорилъ ей аминь на все.

Турчанинова хочетъ передать таинство врачеванія Берлинской Академіи Наукъ; для нея-то она приготовила и эту тетрадку. Свойство ея лѣкарства таково, что оно само сражается въ тѣлѣ съ сокрытымъ недугомъ и изъ затаеннаго болѣзненнаго застоя обнаруживаетъ болѣзнь въ видимость и врачуетъ. Давши лѣкарство, Анна Александровна сама не знаетъ, какія оно окажетъ послѣдствія и что̀ станетъ дѣлать въ тѣлѣ человѣческомъ. Госпожа Турчанинова женщина болѣе 50 лѣтъ, довольно полная, съ физіономіей благородной; типъ лица Турецкій. Она позволила мнѣ ходить къ себѣ и привести жену мою».

Всегда быстро увлекающійся, Ю. Н. написалъ о Турчаниновой восторженное письмо А. П. Хвостовой. Та отвѣчала ему слѣдующее:

«Смотри, какъ ты сдѣлался влюбчивъ, дружокъ мой Юринька! Явилась на Югъ А. А., и ты тотчасъ обворожился ею. Я сама очень жалѣю, что съ ней не познакомилась. Любезность и умъ и въ мужчинѣ плѣнительны; но въ женщинѣ они какой-то радужностію облекаются, отъ которой и свѣтло и радостно; изъ всѣхъ умницъ, которыхъ я въ поприщѣ жизни моей перевидѣла, одна только m-me Stael оцѣпеняла сердце мое. Она не такъ, какъ тебя нѣкто, липовой банею обдавала меня, но какимъ-то инеемъ Мартовскимъ, который скрючивалъ меня въ три погибели; изъ подъ ея чепчика мнѣ мерещился le bonnet quarré du docteur de Sorbonne. Напрасно искала я въ ней милаго, неизмѣнявшагося облика любезности женской: она любезничала иногда, но спазмодически. Эта сухая любезность исчезала мгновенно, et le bonnet quarré, oublié un moment, reprenait ses droits. Я тебѣ говорю это не въ осудъ г-жи Сталь, но въ мѣру моего невѣжества; можетъ быть, и я поумнѣла бы съ нею.

Философія человѣческая похожа на дремучій лѣсъ, по которому блуждавшіе пробили тысячи тропинокъ, пересѣкающихъ другъ друга. Нерѣдко случается, что тотъ, который силится идти впередъ, попавъ на перекрестную тропинку, снова попадаетъ на туже точку, съ которой тронулся или, что̀ и еще хуже, упадаетъ въ яму безвѣрія; а въ нашемъ философскомъ вѣкѣ примѣры тому на каждомъ шагу встрѣчаются. Что же прибыли въ тезахъ и антитезахъ лжеучителей вѣка? Добрѣе ли, нравственнѣе ли стали человѣки? Скажи, счастливѣе ли они?.. Ты не можешь не признаться, что мы и въ примѣръ не можемъ стать съ простодушными, по счастію невѣдавшими Лейбница, прадѣдами нашими. Не по плоду ли познаютъ дерево? Какой плодъ принесли намъ философскіе вѣка? Не оправдался ли въ насъ великій ученикъ славнаго Гамаліила, въ дерзновеніи о Богѣ дерзнувшій сказать «мы же умъ Христовъ имамы!» Прочти, что̀ пишетъ онъ къ Колос. гл. 2, ст. 8. Тотъ, кто самъ возращенъ былъ философомъ и философіей, не похвалялъ ли бы систему прежнюю, еслибы умъ Христовъ не отверзъ ему очи духовныя? Гдѣ же найдемъ мы путь, выпутаемся изъ лабиринта умозаключеній пагубнаго вѣка нашего? Нигдѣ, другъ мой Юринька, кромѣ того источника, изъ котораго такъ богато испилъ познавшій во Христѣ ничтожность ученія по стихіямъ міра.

Вотъ и я разболталась, вотъ и изъ-подъ моего чепца высунулся le bonnet quarré du doct. de Sorbonne. Чувствую, что опроверженія мои дунутъ тебѣ пахомъ перца и уксуса. Но если благословитъ Господь любовей, ты со временемъ почувствуешь въ нихъ и елейность любящаго сердца

моего. Другъ мой и сынъ души моей, сама превѣчная, всесовершенная любовь Господа Іисуса Христа не всегда по головкѣ гладитъ насъ: не тотъ любитъ, кто балуетъ. Пути Господни остріями ложатся съ начала, но благо претерпѣвающему: остріе это скоро въ пути гладкіе обращается. Слава милосердому Господу! Поглупѣй, Бога ради, другъ мой. Брось подъ столъ безжизненныхъ твоихъ учителей. Это сальныя плошки, которыя только очадаютъ голову; а мнѣ прости дружескую болтовню мою. Ахъ, какъ бы хотѣлось видѣть все и всѣхъ счастливыми о Христѣ! Ибо въ Немъ одномъ и покой, и вѣдѣніе, и жизнь.

Какъ рада я, что добрый князенька нашъ окруженъ теперь пластическими существами по сердцу его. Замѣть, что я учусь у тебя фразировать. Смотри, какъ всякая философія, даже и сердечная, ошибочна. Философія любящаго князя сердца моего представляла мнѣ пучину горестныхъ возможностей, я и воздухъ и землю перевѣсила въ страхѣ любви; и что же, и тутъ разумъ осѣкся объ кремень вѣры: добрый князь мой завернулся въ броню вѣры, покрылся шлемомъ упованія и умница моя—разумъ, не въ первыя принужденъ былъ опустить крылышки. Слава обезумливающему безпрестанно падшій разумъ нашъ Господу! На досугѣ прочти въ Ис. Сиринѣ параллель его разума и вѣры; а между тѣмъ вытащи изъ ученой твоей головушки всѣ возможные физіологическіе, психологическіе и прагматическіе доводы. Увѣрь безцѣннаго князя нашего, что онъ глубоко живетъ въ сердцѣ моемъ.

Прощай Юринька, другъ мой, люби дружочекъ всѣхъ и вся! Жизнь безъ оболочки любви—сухой остовъ, мертвецемъ припахивающій. Прощай еще.—Комета и меня со всѣми любопытными занимаетъ. Неимовѣрно длинный хвостъ ея на Западъ указываетъ; не будетъ ли тамъ чего?...»

Далѣе въ дневникѣ Юрія Никитича читаемъ:

«Тоска посбавилась съ сердца, извѣстное занятіе*) сосредоточиваетъ меня съ собою: я не тяготился въ продолженіе цѣлаго часа. Слава Богу, поразившему вражій міръ! Слава любви и сердцу Божьему! Слава, благодареніе и поклоненіе жемчужинѣ вѣнца Божія, его безпримѣрному и безприкладному милосердію!»

Въ ближайшее Воскресенье Ю. Н. съ своей женой отправился къ Турчаниновой, къ которой пришелъ и князь Голицынъ. Хозяйка разсказывала гостямъ о поразительныхъ врачеваніяхъ своихъ и даже

---

*) Полуночная молитва, совершаемая при извѣстныхъ пріемахъ, практикуемыхъ всѣми, даже и не христіанскими аскетами. Много времени спустя, Ю. Н. подавалъ одному весьма высокопоставленному лицу записку, гдѣ разъяснялъ всю важность такой молитвы. Дошла ли она по назначенію, не знаемъ, но во всякомъ случаѣ она не оказала воздѣйствія: времена были уже другія. Ю. Б.

показывала аттестаты отъ излѣченныхъ. Особенно обратилъ ихъ вниманіе случай выздоровленія отъ ревматизма столь сильнаго, что у паціента рука и нога стали сохнуть. «Видимо», замѣчаетъ Ю. Н. «она не противъ того, чтобы и я у нея полѣчился; князь также мыслитъ; но если рѣшиться лѣчиться у нея, тогда надобно будетъ слечь въ постелю на неопредѣленное время. Пришедши домой, признаюсь, я поколебался въ своемъ намѣреніи ѣхать въ Симферополь, но предоставилъ волѣ Божіей; что̀ она всеблагая внушитъ въ меня, то и дѣлать надлежитъ».

Наконецъ, 19-го Мая послѣдовало у Юрія Никитича объясненіе съ княземъ Александромъ Николаевичемъ.

«Я представилъ ему обо всѣхъ нуждахъ моихъ и моемъ истинномъ положеніи; но по слѣпотѣ князю мудрено было обнять всю полноту моей неловкости и неудовлетворительности моего состоянія. Онъ, какъ вельможа, многаго не могъ понять изъ моего состоянія. Князь во многомъ и во многихъ случаяхъ находилъ затрудненія; можетъ быть, онъ былъ и правъ. Но порѣшили тѣмъ, чтобъ я написалъ къ нему письмо, гдѣ бы описалъ свое состояніе и изобразилъ бы два рода условій: первое, что ежели здѣсь оставаться въ Крыму, то пусть прибавятъ къ моему содержанію; ежели же нѣтъ, то пусть дадутъ мнѣ на лѣченье нѣкоторую сумму и когда выздоровлю, то чтобы Государь благоволилъ пожаловать мнѣ какое нибудь мѣсто въ столицѣ. Письмо мое князь обѣщался въ оригиналѣ препроводить въ собственныя руки Государя. Князь на нѣкоторые отзывы мои, замѣченные въ отношеніяхъ ко мнѣ, называлъ меня мнительнымъ и подозрительнымъ: старый адажъ или припѣвъ, которымъ обыкновенно меня потчуютъ. Этотъ день я и обѣдалъ у князя и послѣ обѣда слушалъ всенощную въ его домѣ. Поздно уже я возвратился домой и погруженный въ думы. Неизвѣстность и болѣзнь смущаютъ меня; ночью я худо спалъ, и загадочные сны тревожили душу мою. Мнѣ приснилось между прочимъ, что будто бы у Московскаго книгопродавца Семе́на я покупалъ изюмъ и черносливъ, я ѣлъ этотъ черносливъ, и мнѣ онъ показался киселъ. Все это болѣе или менѣе нехорошо», прибавляетъ Ю. Н., бывшій великимъ мастеромъ толковать сны.

Продолжимъ выписки изъ дневника.

20 Мая. «У насъ былъ праздникъ; церковь наша празднуетъ храмовое торжество; былъ церковный ходъ вокругъ церкви, народу множество. Я былъ за обѣдней и молебномъ и радовался, что въ отдаленномъ уголкѣ нѣкогда Татарской земли празднуется православное торжество и столько народа находится въ церкви. Погода прекрасная— вѣяніе Майскаго зефира освѣжительное. Я, поздравивши въ церкви князя

А. Н., пошелъ съ поздравленіемъ къ Турчаниновой; мы залетѣли сюда съ Сѣвера, почему же не размѣниваться христіанской вѣжливостью? Я нашелъ Турчанинову нездоровою, дѣвочка ея также заболѣла лихорадкою. Скоро пришла сестра князя и почти выслала меня; я не спорилъ и возвратился домой. Я не хочу входить въ подробности ненавидѣнія, которое питаетъ эта женщина ко мнѣ съ давнихъ лѣтъ. Признаюсь, она много пролила и проливаетъ скорби на жизнь мою. Терпѣніе и упованіе на Бога! Я сомнѣваюсь, чтобы братъ ея все это зналъ: онъ-бы не допустилъ ея».

День былъ посвященъ составленію письма къ князю и прогулкѣ по Татарской деревнѣ. Ю. Н. посѣтилъ хату муллы и просилъ его помолиться Богу, дабы прошла его болѣзнь. «Татары», замѣчаетъ Ю. Н., «не умѣютъ слова по-русски. Бѣдственное состояніе народа непросвѣщеннаго, безотчетность воли и отсутствіе мышленія есть лишеніе личное и общее. Все это наводило на меня острую и глубокую думу. Возвратившись домой, я увидѣлъ, что народъ собирается на комедію, которую ломать пріѣхалъ кто-то. Народъ былъ гульливъ и пьянъ; признаюсь, неотрадное зрѣлище Русскій праздникъ въ maximum своего развитія. Ходилъ посѣщать больную, что̀ лѣчится по методѣ Турчаниновой; какія-то чудныя дѣйствія съ нею происходятъ: у нея, по ея словамъ, такъ вытягиваетъ руки, какъ будто бы вырвать ихъ кто хочетъ. Посмотримъ далѣе».

21-го Мая князь посѣтилъ Ю. Н. и былъ очень ласковъ, но сказалъ, что письма́, о которомъ выше говорили, писать не надо, такъ какъ Государь уѣзжаетъ изъ Петербурга. Это весьма огорчило Бартенева, и онъ искалъ утѣшенія въ чтеніи Исаака Сирина; чтеніе это навело его на мысль, что къ молитвѣ надо присоединить и постъ для тѣла, «нѣкоторое крестное лишеніе, отверженіе праздныхъ помысловъ». «Вѣроятно, замѣчаетъ онъ, «эта мысль внушена мнѣ благоизволяющимъ мнѣ существомъ.»

Во время прогулки 25 Мая Ю. Н. съ женою своею осматривалъ винные подвалы и спиртовую фабричку. Перегонка спирта изъ прокислаго вина привела его «въ изумленіе, когда онъ поразмыслилъ и приложилъ этотъ простой процессъ къ человѣку».

«Новый и смрадный» проискъ князя Козловскаго судорожно сжалъ сердце Юрія Никитича. «Но Богу — судъ», умиротворенно замѣчаетъ онъ.

«27 Мая князь, продолжаетъ Бартеневъ дневникъ свой, посѣтилъ меня и приказалъ прочитать проектъ извѣстнаго письма къ нему. Письмо онъ нашелъ совмѣстнымъ, только въ двухъ мѣстахъ велѣлъ перемѣнить. Потомъ завязался между мною и его сіятель-

ствомъ интересный разговоръ, гдѣ мнѣ князь доказывалъ, что онъ любитъ много и постоянно. Князь всегда, по его словамъ, готовъ бы былъ поручить мнѣ что нибудь важное, если-бы появилась въ томъ надобность; но въ пустынной и отшельнической жизни что̀ поручать? Князь долго и убѣдительно говорилъ мнѣ о своей привязанности, и я не могъ не поддаться очарованію столь обаятельному и для дворянина, и для чиновника. Онъ взялъ мою руку и держалъ ее очень долго. Слѣдствіе этого разговора было то, что мнительность моя улеглась; но на долго-ли?... Господи, научи чистой молитвѣ, научи покаянію, дай вѣру, дай любовь! Сквозь дремоту вижу, что безъ Тебя нѣтъ жизни, нѣтъ самосознанія, нѣтъ ничего. Для Тебя только одного надобно жить, Тебя только одного любить и въ природѣ, и въ искусствѣ, и въ людяхъ!»

29 Мая, въ родительскую Субботу, Ю. Н. самъ читалъ листъ о своихъ усопшихъ предъ жертвенникомъ, и священникъ опускалъ части тѣла Господня въ сосудъ. Послѣ обѣдни князь посѣтилъ Ю. Н., и весь день былъ проведенъ ими вмѣстѣ, а вечеромъ была сдѣлана запись:

«Я замѣчаю, что я напачканъ, такъ сказать, всякою нечистотою; первородный грѣхъ на каждую минуту даетъ себя чувствовать. Сегодня тщеславіе и упоительный взглядъ на самого себя отравляли духъ мой. Господи, много Ты терпишь отъ насъ, гнусныхъ и изворотливыхъ лицемѣровъ. Человѣкъ грѣха на крѣпкихъ ногахъ витаетъ въ душѣ моей; да побѣдитъ благость Божія сего исполина!»

2 Іюня князь передавалъ Ю. Н. проектъ своего письма къ Государю и давалъ читать письмо княгини Голицыной, которая описываетъ ему подробности о свѣтломъ духѣ, являющемся сомнамбулѣ Любинькѣ*). «Не знаю, что̀ на это сказать, пишетъ Ю. Н. Господь, вѣроятно, не допуститъ, чтобъ такое свѣтлое искушеніе принесло окончательный вредъ нашему доброму князю».

Извѣстіе о новыхъ продѣлкахъ и безстыдномъ хвастовствѣ князя Козловскаго Бартеневъ принялъ хотя со скорбью и сжиманіемъ сердца, но кротко, какъ «испытаніе, посланное свыше для его очищенія, ибо и его сердце засорено гордостью и всякимъ хламомъ».

5 Іюня онъ гулялъ съ женой, Лизанькой Франкъ и управителемъ Кореиса близъ моря; управитель убилъ двухъ змѣй, и по этому поводу Ю. Н. пишетъ: «Въ феноменическомъ мірѣ нѣтъ рая; если климатъ и природа доставляютъ болѣе процентовъ къ наслажденію, за то сколько гадовъ, нестерпимыхъ для взгляда и холодныхъ для прикосновенія».

---

*) Висковатовой.

Князь Козловскій становился все болѣе и болѣе нахаленъ, такъ что Ю. Н. нетерпѣливо желалъ ѣхать въ Симферополь, гдѣ его уже съ перваго числа ждала квартира. Гартвисъ усердно звалъ его пожить въ Никитскомъ саду.

Къ 8-му Іюню была взята подорожная, и домашній скарбъ былъ отправленъ впередъ; князь, посѣтивши Ю. Н., прочелъ ему свое письмо къ Государю, гдѣ писалъ все то, о чемъ было условлено. Это обстоятельство и чтеніе госпожи Гюйонъ до той степени настроили на мирный ладъ душу Бартенева, что когда принесли съ почты подпечатанныя письма *), онъ мало негодовалъ и горячился.

Послѣдній день передъ отъѣздомъ изъ Кореиса Юрій Никитичъ провелъ такимъ образомъ:

«Отправился обѣдать и прощаться къ князю. Прежде я прочиталъ ему двѣ занимательныя главы изъ продолжительнаго разсказа Евгенія Сю. Князь громко выражалъ свое удовольствіе и оставался очень доволенъ. Обѣдъ былъ очень обильный. Послѣ онаго я кое-что сообщилъ князю: я коснулся завѣтныхъ думъ его и осмѣлился немножко разоблачить ему истину. Онъ первый началъ со мной матерію и увидѣлъ все офанатизированное малодушіе руководительницы его, Московской сомнамбулы. Сестра князева очень также была для меня ласкова, озаботилась отправить въ домъ нашъ для моей жены импровизированный ею обѣдъ. Я очень доволенъ ею съ нѣкотораго времени и разстался съ княземъ и его сестрой съ чистосердечнымъ расположеніемъ. Оттуда зашелъ я къ Турчаниновой и у нея довольно таки посидѣлъ. Говорили о философіи, о наукахъ, о химіи. Она хотѣла открыть мнѣ сдѣланную ею находку изъ растительнаго царства: воспроизвождать искусственно молоко, масло, творогъ и при томъ такимъ образомъ, что нельзя отличить все это отъ настоящаго. Вотъ я простился и съ госпожей Турчаниновой!... Богу благодареніе! Великодушія истиннаго, типическаго искать надлежитъ въ одномъ Богѣ, и я не отчаеваюсь найти въ Немъ мое блаженство и раздѣлить его впослѣдствіи съ моими присными.»

На слѣдующее утро 15-го Іюня Юрій Никитичъ выѣхалъ съ семьей своей въ Симферополь.

*) Князь Козловскій управлялъ почтовою конторою въ Ялтѣ. П. Б.

ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНІЕ М. С. ЩЕПКИНА НА СЦЕНѢ МОСКОВСКАГО ТЕАТРА.

Ни въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, посвященныхъ двумъ юбилеямъ [1]) Михаила Семеновича Щепкина, ни въ статьяхъ, написанныхъ по случаю неожиданной его кончины, ни въ воспоминаніяхъ о немъ его современниковъ, ни даже въ „Запискахъ“ самого М. С. Щепкина, намъ не удалось найти точныхъ указаній на день его перваго дебюта на сценѣ Московскаго театра, и на время, съ котораго онъ былъ зачисленъ въ составъ Московской труппы [2]). Очень неопредѣленно о первомъ дебютѣ М. С. Щепкина говоритъ Араповъ въ „Драматическомъ Альбомѣ“ [3]): „Въ 1822 году (Щепкинъ) пріѣхалъ въ Москву. Здѣсь его дебюты въ Богатоновѣ и въ Лакейской войнѣ (Мареа и Угаръ) столько были удачны, что театральная дирекція тотчасъ заключила съ нимъ контрактъ, и М. С. Щепкинъ поступилъ на амплуа первыхъ комиковъ. Съ 1823 года онъ уже принадлежалъ къ Императорской Московской труппѣ“. Отчасти вѣрное указаніе о времени поступленія его на службу при Московскомъ театрѣ даетъ авторъ статьи въ журналѣ „Афиши и Антрактъ“ [4]): „срокъ службы (Щепкина) положено считать съ 6 Марта 1823 года“.

Въ архивѣ старыхъ дѣлъ Московскаго Губернскаго Правленія сохранилось дѣло „Объ опредѣленіи отпущеннаго на волю Михайлы Щепкина въ актеры здѣшняго театра“ [5]). Дѣло это даетъ точныя данныя, какъ для опредѣленія дня перваго дебюта, такъ и тѣхъ условій, при которыхъ М. С. Щепкинъ подписалъ контрактъ съ дирекціей Московскаго театра.

На другой день послѣ перваго дебюта М. С. Щепкина, управлявшій конторою Императорскаго Московскаго театра, Алексѣй Сухопрудскій, сдѣлалъ слѣдующее представленіе Московскому генералъ-губернатору, князю

---

[1]) Въ 1855 г — пятидесятилѣтнему со дня перваго дебюта на провинціальной сценѣ, а въ 1888 г. — столѣтнему со дня его рожденія.

[2]) Мы пользовались указаніями А. Ярцева въ его брошюрѣ „М. С. Щепкинъ въ Русской литературѣ“.

[3]) Москва 1850, стр. LXXXIV.

[4]) 1863 г., № 41.

[5]) Дѣла Моск. воен. ген.-губернаторовъ за 1822 г., дѣло № 82.847.

Дмитрію Владимировичу Голицыну: „Отпущенный вѣчно на волю, дворовой человѣкъ Михайло Щепкинъ, послѣ дебюта, сдѣланнаго по волѣ вашего сіятельства на сценѣ Императорскаго Московскаго театра, вчерашняго числа, въ комедіи Г. Богатоновъ или Провинціялъ въ столицѣ, ролью Богатонова и въ комедіи Мароа и Угаръ ролью Угара, поданнымъ въ контору сію прошеніемъ изъявилъ желаніе на поступленіе въ службу по Императорскому Московскому театру въ число актеровъ на общемъ основаніи, съ жалованьемъ по 2500 рублей, на квартиру по 500 рублей въ годъ и одинъ ежегодно бенефисъ въ зимнее время, съ тѣмъ, чтобы выдать ему единовременно въ первый только годъ безъ возврата 600 рублей на проѣздъ его съ семействомъ въ Москву; затѣмъ онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ останется въ службѣ театра на вышеизъясненномъ положеніи и не будетъ требовать никакой прибавки ни къ жалованью, ни къ прочему содержанію. А какъ онъ по личнымъ своимъ надобностямъ и семейнымъ обстоятельствамъ долженъ теперь отправиться въ Тулу, откуда не можетъ прежде возвратиться, какъ въ великомъ посту, то проситъ, опредѣляя его къ театру, снабдить до 6-го Марта будущаго 823-го года отпускомъ; а когда онъ явится и вступитъ въ службу, съ того дня начать ему производство жалованья и считать начало его службы. Контора Императорскаго Московскаго театра долгомъ поставляетъ представить о семъ вашему сіятельству, предавая опредѣленіе его къ театру на изъясненныхъ основаніяхъ благоразсмотрѣнію вашего сіятельства и ожидая въ семъ случаѣ приказаній вашихъ. Сентября 21 дня 1822 года, № 1431“.

Изъ этого представленія ясно, что первый дебютъ М. С. Щепкина состоялся 20 Сентября 1822 года. Благодаря этому указанію, намъ удалось найти въ № 75 Московскихъ Вѣдомостей за 1822 годъ, отъ Среды 20 Сентября, слѣдующее объявленіе: „Сего дня, 20 Сентября, Императорскими Россійскими актерами въ театрѣ на Моховой *), представлено будетъ для перваго дебюта пріѣхавшаго изъ Тулы актера, бывшаго прежде на Полтавскомъ театрѣ, г. Щепкина Г. Богатоновъ: или Провинціялъ въ столицѣ, комедія въ 5 дѣйст., соч. М. Н. Загоскина, въ коей роль г. Богатонова будетъ играть г. Щепкинъ; за оною послѣдуетъ: Мароа и Угаръ, или лакейская война, комедія въ 1 дѣйст., въ коей роль Угара будетъ играть г. Щепкинъ“.

Въ газетахъ и журналахъ того времени не сохранилось отзывовъ о первомъ дебютѣ М. С. Щепкина. Что дебютъ его былъ удаченъ, можно видѣть изъ „предложенія“, которое въ тоже число, т.-е. 21 Сентября, сдѣлалъ князь Д. В. Голицынъ „Конторѣ Имп. Московскаго театра“, сохранившагося въ копіи при дѣлѣ. Въ немъ, перечисляя въ началѣ тѣ условія, которыя

*) Императорскій Московскій театръ въ то время помѣщался на углу Моховой и Никитской улицъ, въ домѣ, который арендовала дирекція у извѣстнаго богача Пашкова и гдѣ нынѣ новое зданіе Университета.

были приведены въ вышеприведенномъ „представленіи“, князь Д. В. Голицынъ говоритъ: „Находя пріобрѣтеніе сего отличнаго артиста весьма полезнымъ для здѣшняго театра, предлагаю конторѣ его (Щепкина), на всѣхъ вышесказанныхъ условіяхъ, въ число актеровъ Императорскаго Московскаго театра принявъ, уволить его по собственнымъ его надобностямъ отправиться въ Тулу, и для свободнаго проѣзда и проживанія въ оной губерніи снабдить до шестого Марта будущаго 1823 года отпускомъ; жалованье же ему роизводить и считать его въ дѣйствительной службѣ съ того дня, когда онъ возвратится въ здѣшнюю столицу и вступитъ въ исправленіе своей должности“.

При этомъ же дѣлѣ сохранилось еще одно „представленіе“ управляшаго конторой Московскаго театра князю Д. В. Голицыну отъ 25 Ноября 1822 года: „Ваше сіятельство на словесное представленіе г. статскаго совѣтника Сухопрудскаго изволили изъявить вашу волю на счетъ выдачи опредѣленному къ Императорскому Московскому театру актеру Щепкину на прогоны изъ Тулы до Москвы и обратно, на содержаніе въ пути и прочія издержки, двухсотъ рублей ассигнаціями, вслѣдствіе чего контора Императорскаго Московскаго театра, выдавъ ему, Щепкину, сказанныя 200 р., долгомъ поставляетъ донести о семъ вашему сіятельству“.

И такъ, первый дебютъ Михаила Семеновича Щепкина на сценѣ Московскаго театра состоялся 20 Сентября 1822 г. Въ томъ же мѣсяцѣ того же года онъ былъ зачисленъ въ труппу Московскаго театра; официально служба его считалась съ 6 Марта 1823 года.

Спустя 41 годъ, 20 Сентября 1863 г., Москва встрѣчала, прибывшее изъ Ялты тѣло неожиданно скончавшагося геніальнаго артиста *).

В. Н. Рогожинъ.

---

*) Моск. Вѣдомости 1863 г., № 207, „Похороны. М. С. Щепкина“.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

(Письмо К. И. Герна къ М. М. Лазаревскому).

Общее горе сближаетъ людей! Я не считаю васъ чужимъ, мой добрый знакомый-незнакомецъ; какъ могу и на сколько могу, исполню желаніе ваше о доставленіи свѣдѣній о времени бытности нашего дорогого покойника Тараса въ Оренбургскомъ краѣ. Такъ какъ свѣдѣнія эти предназначаются его друзьямъ, то, вѣроятно, за подробности на меня сердиты не будете. Многія изъ нихъ, безъ сомнѣнія, вамъ уже извѣстны изъ изустныхъ разсказовъ покойника.

Тарасъ прибылъ въ Оренбургъ лѣтомъ 1847 года, съ приказаніемъ назначить его на службу въ одну изъ отдаленныхъ крѣпостей; выбрали крѣпость Орскую, куда онъ тотчасъ же отправился. Первый сообщилъ мнѣ объ этомъ полусумасшедшій нашъ начальникъ штаба Прибытковъ, у котораго, по болѣзни его, я занимался. «Вообразите себѣ, К. И., какого господина къ намъ сегодня прислали: ему запрещено и пѣть, и говорить, и еще что-то такое! Ну какъ же ему при этихъ условіяхъ можно жить?».

Хотя я впослѣдствіи узналъ, что запрещеніе касалось вовсе не пѣнія, но, сознавая, что *жить* дѣйствительно ему будетъ трудно, отправился къ добрѣйшему бригадному генералу, Логину Ивановичу Ѳедяеву, и вмѣстѣ съ нимъ настрочили посланіе къ командиру батальона, въ который назначенъ былъ Тарасъ, маіору Мѣшкову, прося его, чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе на несчастнаго сосланнаго и помогалъ ему въ чемъ можетъ.

Мѣшковъ понялъ просьбу нашу по своему: принялся самолично, по нѣскольку часовъ въ день, мучить бѣднаго Тараса солдатскою выправкой, учебнымъ шагомъ въ три пріема и другими тонкостями строевой науки, выбиваясь изъ силъ, чтобы образовать изъ него хорошаго фронтовика. Пытка эта продолжалась до весны 1848 года, въ которую доброму Алексѣю Ивановичу Бутакову удалось прикомандировать Тараса къ командѣ, назначенной для плаванія по Аральскому морю.

Пробывши въ экспедиціи этой безъ малаго три года, Тарасъ привезъ съ собою множество эскизовъ, снятыхъ имъ во время пути, степью и во время плаванія по морю, частью карандашемъ, частью же слегка тронуты акварельными красками, гдѣ понадобилось выразить особенности степнаго колорита. Онъ воротился уже не въ Орскую, а прямо въ Оренбургъ; жилъ сначала вмѣстѣ съ Бутаковымъ, и по отъѣздѣ Бутакова въ Петербургъ перешелъ жить ко мнѣ.

Что за чу́дная душа у этого Тараса! И померъ же! Видно, не сто́имъ мы, поганцы, того, чтобы онъ жилъ между нами!

Живя у меня, онъ много рисовалъ, въ особенности портреты, и сдѣлалъ нѣсколько превосходныхъ пейзажей акварелью изъ привезенныхъ съ Аральскаго моря эскизовъ; началъ масляными красками писать портретъ мой и жены моей. Въ числѣ посѣтителей его довольно часто навѣщалъ Левицкій, съ которымъ они въ два голоса пѣли Малороссійскія пѣсни. Кажется, братъ вашъ Ѳеодоръ тоже принималъ иногда участіе въ этихъ импровизированныхъ концертахъ; но я не слыхалъ ничего восхитительнѣе этого пѣнія.

Не долго утѣшались мы: опять подула на бѣднаго Тараса невзгода! Какой-то подлый человѣкъ написалъ губернатору доносъ о томъ, что Тарасъ рисуетъ. Предупрежденный друзьями, онъ успѣлъ скрыть слѣды рисованія, при чемъ мой несчастный портретъ былъ сожженъ; но доносъ этотъ имѣлъ два бѣдственныхъ послѣдствія: найдено было письмо Левицкаго, писанное въ весьма неосторожныхъ выраженіяхъ, по которому бѣдный впослѣдствіи сильно пострадалъ, и самого Тараса опять перевели на Сыръ-Дарью, а потомъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе на Мангишлакѣ. Много онъ тутъ перенесъ горя и скуки!.. Сначала напуганное начальство строго смотрѣло за тѣмъ, чтобы онъ не писалъ и не рисовалъ; но потомъ строгости эти смягчились и, какъ мы узнали, онъ успѣлъ нѣсколько превосходныхъ акварельныхъ и рисованныхъ сепіей картинъ переслать въ Малороссію, откуда, по горячему сочувствію преданныхъ друзей, притекали къ нему и средства къ жизни. Онъ, впрочемъ, жилъ постоянно такъ скромно, что ему немного было надобно.

Оттуда я получилъ отъ него превосходный акварельный рисунокъ песчанаго бурьяна въ Мангишлакской пустынѣ, который храню, какъ единственную оставшуюся у меня дорогую память о покойномъ; всѣ бывшіе у меня на сохраненіи эскизы, бумаги и книжечку съ Малороссійскими его стихотвореніями я ему возвратилъ. Осталось только черновое письмо его къ Жуковскому, писанное въ весьма грустномъ расположеніи духа, предъ отправленіемъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе. Въ концѣ письма я вамъ сниму копію съ этого документа, въ

которомъ такъ рельефно выражено положеніе несчастнаго страдальца и сѣтованіе на К. П. Б. (вѣроятно Карла Павловича Брюлова).

У Тараса, въ веселую минуту, въ особенности послѣ стакана добраго вина, часто срывались съ языка идеи скептическія и неморальныя; но въ глубинѣ души, какъ истый поэтъ и артистъ, онъ былъ проникнутъ самымъ великимъ религіознымъ чувствомъ. Ему прислали изъ Малороссіи, не помню Репнина или Лизогубъ, переводъ Сперанскаго: «О подражаніи Христу». Превосходное твореніе это мы съ нимъ прочли и въ грустныя минуты часто къ нему прибѣгали; но кто-то его, къ большому горю нашему, у насъ похитилъ или зачиталъ.

Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи Тарасъ попытался лѣпить. Первый опытъ были два барельефа: одинъ изображалъ внутренность Киргизской кибитки, съ двумя сидячими фигурами, мужчиной и женщиной; другой—молящагося Спасителя; нѣсколько отливокъ этихъ барельефовъ онъ прислалъ Оренбургскимъ своимъ друзьямъ; а мнѣ—самыя формы ихъ. Къ сожалѣнію, я ихъ не взялъ съ собою въ Орду, а оставилъ у себя на хуторѣ; а то бы можно было на память друзьямъ его отлить этихъ барельефовъ сколько угодно. Впрочемъ, время на это еще не ушло: когда-нибудь же Богъ дастъ мнѣ вернуться домой и вырваться изъ этой мертвой пустынной Орды, въ которую, вѣроятно, за какіе-нибудь тяжкіе грѣхи мои судьба меня засадила.

Предъ отправленіемъ въ Ново-Петровскъ, Тарасъ, сидя уже подъ арестомъ на гауптвахтѣ, узналъ о существованіи въ Оренбургѣ бѣднаго мѣщанина Хлѣбникова съ необыкновеннымъ дарованіемъ къ живописи; добрался до него, удостовѣрился въ дѣйствительно замѣчательныхъ способностяхъ этого молодого человѣка, и отъѣзжая передалъ его на мои руки. Къ сожалѣнію, мы могли помочь Хлѣбникову только матеріальными средствами: онъ впослѣдствіи былъ освобожденъ мѣщанскимъ обществомъ, сдѣланъ учителемъ рисованія въ уѣздномъ училищѣ и, съ горемъ пополамъ, существовалъ, поддерживая крайне-бѣдное свое семейство. Во время послѣдней бытности моей въ Оренбургѣ, осенью прошлаго года, я видѣлъ Хлѣбникова и узналъ отъ него, что онъ успѣлъ, наконецъ, собрать нѣсколько деньжонокъ, чтобъ отправиться въ Петербургъ и тамъ, съ помощью Тараса, поступить въ Академію Художествъ. Засталъ ли бѣдный человѣкъ этотъ Тараса еще въ живыхъ и что̀ съ нимъ дѣлается, и какъ онъ успѣлъ себя пристроить, я не знаю, потому что не получилъ отъ него обѣщаннаго письма изъ Петербурга. Если онъ у васъ не былъ, то отыщите его пожалуйста. Могу васъ увѣрить, что покойникъ принималъ въ немъ самое искреннее участіе и, помогая этому несчастному бѣдняку, мы исполнимъ завѣтную мысль Тараса, и онъ намъ за это съ того свѣта спасибо ска-

жетъ. Вы и мнѣ дайте возможность участвовать въ этомъ добромъ дѣлѣ.

Теперь спишу вамъ письмо Тараса къ Жуковскому (покойному знаменитому поэту нашему); оно было писано въ то время, когда Жуковскій находился въ Женевѣ, чуть ли не вскорѣ послѣ женитьбы его на m—lle Reitern. (Тарасъ въ это время по доносу, о которомъ сказалъ выше, сидѣлъ на гауптвахтѣ).

«Я три года крѣпился, не осмѣливался васъ безпокоить; но мѣра моего крѣпленія лопается, и я въ самой крайности прибѣгаю къ вамъ, великодушный благодѣтель мой. Я писалъ еще въ первый годъ моего изгнанія К. П. Б., и никакого результата; бѣдный онъ великій человѣкъ! При всей своей великости, самой малости не хочетъ сдѣлать; говорю не хочетъ, потому что онъ можетъ; позволяю себѣ думать и первое добро (написаніе вашего портрета) было сдѣлано случайно. (Простите мнѣ подобное нареканіе на великаго человѣка. Печально, что съ великимъ геніемъ не соединена великая разумная добродѣтель).

Былъ я по долгу службы въ Киргизской степи и на Аральскомъ. морѣ, при описной экспедиціи, два лѣта; видѣлъ много оригинальнаго, еще нигдѣ невиданнаго, и больно мнѣ, что ничего не могъ нарисовать, потому что мнѣ рисовать запрещено. Это самое большое изъ всѣхъ моихъ несчастій! Сжальтесь надо мною! Исходатайствуйте (вы многое можете!) позволеніе мнѣ только рисовать—больше ничего и надѣяться не могу и не прошу больше ничего. — Сжальтесь надо мной! Оживите мою убогую, слабую, убитую душу! Ежели вы (въ чемъ я не сомнѣваюсь) напишите графу Орлову, или кому найдете лучше, то, Богъ милостивъ, и я взгляну на Божій свѣтъ, хотя передъ смерт;ью потому что казарменная жизнь и скорбутъ разрушили мое здоовье. — Да, я теперь могъ бы описать бытъ Русскаго солдата не хуже всякаго нравоописателя. Печальный бытъ!.. Что дѣлать?.. Таковы люди вообще, а ваши особливо. И скорбутъ, и казарменная жизнь совершенно разрушили мое здоровье. Для меня необходима была бы перемѣна климата; но я на это не долженъ надѣяться: рядовыхъ такихъ, какъ я, не переводятъ. Мнѣ бы хотѣлось въ Кавказскій корпусъ, и врачи тоже совѣтуютъ; а меня посылаютъ опять на Сыръ-Дарью, потому только, что тамъ расположенъ баталіонъ, въ которомъ я записанъ. Для моего здоровья этотъ походъ самый убійственный: новыя укрѣпленія еще не совсѣмъ устроенныя, плохая вода и жизнь самая однообразная. Еслибъ можно было рисовать, я могъ бы ее разнообразить, хоть самому грустно. Бога ради и ради прекраснаго искусства сдѣлайте доброе дѣло, не дайте мнѣ съ тоски умереть! Я постараюсь, ежели мнѣ будетъ позволено, нарисовать для

васъ все, что̀ есть интереснаго въ этомъ неинтересномъ, но пока таинственномъ краѣ. Тарасъ».

Тутъ же другое черновое письмо—почти того же содержанія — писанное, какъ мнѣ кажется, другому лицу, потому что общій колоритъ его церемоннѣе и лицо это титулуется: ваше пр—во! Къ тому же въ немъ ссылается на авторитетъ А. И. Бутакова; стало быть лицо это, въ то время, было въ Петербургѣ. Надѣюсь не надоѣмъ вамъ, списавши вамъ и съ этого письма копію, не смотря на то, что оно почти повтореніе прежняго.

«Я не умѣлъ воспользоваться вашимъ благодѣяніемъ. Сдѣлавъ слабые успѣхи въ Академіи Художествъ, былъ я выпущенъ съ аттестатомъ на званіе художника—не больше — и отправленъ на службу въ Кіевъ, гдѣ предложили мнѣ мѣсто рисовальнаго учителя при университетѣ. Недолго пробылъ я въ Кіевѣ. Въ припадкѣ сумасшествія написалъ я пасквилъ и, въ 1847 году, былъ сосланъ въ солдаты, въ Оренбургскій край, съ запрещеніемъ писать стихи и рисовать, что̀ бы то ни было. Мнѣ грѣхъ бы было, облагодѣтельствованному такъ великодушно вами, вновь васъ безпокоить, но несчастія мои переходятъ всякую мѣру. Я уже третій годъ, вооружаясь терпѣніемъ, живу самою бѣдною жизнью, былъ въ Киргизской степи и былъ два лѣта на Аральскомъ морѣ при описной экспедиціи; видѣлъ много новаго, оригинальнаго, еще невиданнаго въ Европѣ и ничего не могъ нарисовать, потому что мнѣ рисовать запрещено. Это самое большое изъ моихъ несчастій! Умоляю васъ, сжальтесь надо мною, исходатайствуйте мнѣ позволеніе. Вы это можете—только рисовать! Оживите меня убитаго. Напишите графу Орлову обо мнѣ или кому вы найдете лучше; авось Богъ милостивъ, и я взгляну на Божій свѣтъ! Походъ въ Киргизскую степь и двухлѣтнее плаваніе по Аральскому морю даютъ мнѣ смѣлость вторично безпокоить ваше превосходительство моею просьбою. Я вполнѣ сознаю мое преступленіе и отъ души раскаеваюсь. Командиръ мой А. И. Б., ежедневный свидѣтель моего поведенія въ продолженіе двухъ лѣтъ, подтвердитъ истину словъ моихъ, ежели будетъ угодно вашему пр — ву спросить у него. Я прошу милостиваго ходатайства вашего предъ всемилостивѣйшимъ Государемъ нашимъ, прошу одной великой милости: позволенія рисовать портреты и пейзажи. Я въ жизни не рисовалъ ничего преступнаго, свидѣтельствуюсь Богомъ. Умоляю васъ! Вы какъ слѣпому раскроете глаза и оживите меня, упавшаго духомъ. Лита (лѣта) и мое здоровье, разрушенное скорбутомъ въ Оренбургскомъ краѣ, не позволяютъ мнѣ надѣяться на военную службу. Прошу васъ принять хотя малѣйшее участіе въ судьбѣ мо-

сй, и Богъ васъ наградитъ за доброе дѣло. Возлагающій единственную надежду на Бога и на ваше прев—во. Т.»

Оканчиваю письмо это, мой добрый Михаилъ Матвѣевичъ, одною меня всегда поражавшаго странностію. Вы повѣрите, что Тарасъ былъ со мною совершенно откровененъ; разсказывая о происшествіи, погубившемъ его, онъ подтверждалъ тоже, что̀ написано въ сообщенныхъ мною письмахъ, т. - е., что онъ однажды, подкутивши порядкомъ въ пріятельской компаніи, написалъ пасквильные стихи, которые сознавалъ до того глупыми и мерзкими (какъ покойникъ самъ, въ бѣшенствѣ при воспоминаніи объ этомъ происшествіи, выражался), что никакъ не хотѣлъ сообщить мнѣ ихъ; да можетъ и дѣйствительно онъ ихъ уже не помнилъ. Это *единственный* его проступокъ. Самъ покойный Императоръ не признавалъ его черезчуръ важнымъ, потому что разжалованіе Тараса послѣдовало «*до отличной выслуги*». Между тѣмъ покойный графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, на котораго мы такъ много надѣялись за Тараса, при назначеніи его къ намъ генералъ - губернаторомъ, рѣшительно отказался отъ всякаго къ нему участія. Между тѣмъ, графъ былъ человѣкъ истинно-великодушный и съ ангельски-добрымъ сердцемъ. Когда я ему показалъ подаренный мнѣ Тарасомъ рисунокъ «буранъ», то онъ мнѣ, между прочимъ, сказалъ: «Мнѣ Чернышевъ (художникъ) еще въ Петербургѣ говорилъ о Шевченкѣ, и я готовъ былъ сдѣлать для него все, что̀ можно—попросилъ для этого у Дуббельта подлинное о немъ дѣло, прочелъ его самъ отъ доски до доски и убѣдился только въ томъ, что мнѣ за него вступиться и просить объ немъ Государя нельзя! И васъ прошу впередъ меня никогда ни о чемъ до него касающемся не просить; я уже это и Глѣбову, и Середѣ, и Павлову сказалъ.»

Отчего такая немилость и въ какой степеин искажени дѣло о Тарасѣ, я узнать не могъ.

К. Гернъ.

12-го Апрѣля.

(Сообщено П. М. Тереховымъ).

ИЗЪ ПИСЕМЪ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Письма, изъ которыхъ печатаются здѣсь выдержки, писаны Ѳ. И. Тютчевымъ къ супругѣ его Эрнестинѣ Ѳедоровнѣ. При жизни Тютчева она была ему отзывчивымъ другомъ и ангеломъ-хранителемъ, и за тѣмъ двадцать слишкомъ лѣтъ вдовства своего жила памятью о необыкновенномъ человѣкѣ, съ которымъ соединила ее судьба.

Э. Ѳ. Тютчева происходила изъ знатной семьи Французскаго Эльзаса. Она родилась 8 (20) Апрѣля 1810 года, въ Дрезденѣ, гдѣ отецъ ея, баронъ Пфефель (Pfeffel), находился Баварскимъ повѣреннымъ при Саксонскомъ дворѣ (въ послѣдствіи былъ онъ Баварскимъ посланникомъ въ Лондонѣ и потомъ въ Парижѣ, гдѣ и скончался). Эрнестина Ѳедоровна рано лишилась матери своей, урожд. графини Теттенборнъ. Она недолго была въ бракѣ за графомъ Дорнбергомъ, дѣтей отъ него не имѣла и въ 1839 году, въ Швейцаріи, вышла за нашего Ѳ. И. Тютчева. Она скончалась въ Петербургѣ 17 (29) Апрѣля 1894 г., въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Нижеслѣдующія выдержки сдѣланы самою Э. Ѳ. Тютчевой. Неоднократно удостоивала она прочтеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ пишущаго эти строки и на просьбы напечатать ихъ въ „Русскомъ Архивѣ“ всякій разъ отвѣчала: Après ma mort (послѣ моей смерти). Наслѣдникамъ ея обязаны мы благодарностью за позволеніе обнародовать эти живыя черты для жизнеописанія вѣщаго поэта. Немногими изъ нихъ воспользовался И. С. Аксаковъ въ прекрасной статьѣ своей о Ѳ. И. Тютчевѣ, появившейся черезъ годъ по кончинѣ Тютчева въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 года (съ гравированнымъ на стали портретомъ). То что ниже слѣдуетъ печатается впервыя. Читатели простятъ намъ ошибки и неточности (иногда невольныя) Русскаго перевода. П. Б.

23 Апрѣля 1846 года скончался отецъ Тютчева Иванъ Николаевичъ въ селѣ своемъ Овстугѣ, Орловской губерніи, Брянскаго уѣзда. Оба сына его, Ѳедоръ и Николай, ѣздили въ Овстугъ, откуда Ѳедоръ Ивановичъ писалъ къ своей супругѣ:

Owstoug, 31 Août. La chambre où je t'écris est le cabinet de mon père, la chambre même où il est mort. A côté est sa chambre-à-

coucher, où il n'est plus entré. Derrière moi est le canapé formant l'encognure, où il s'est couché pour ne plus se relever. Tout autour de la chambre sont de vieux portraits, bien connus de mon enfance et qui ont moins vieillis que moi. En face de moi est cette vieille relique de maison que nous avons jadis habitée et dont il ne reste plus que le corps de logis que mon père avait précisément fait conserver pour qu' un jour, à mon retour dans le pays, je puisse encore retrouver quelque trace, quelque débris de notre existence d'autrefois... En effet, dans le premier moment de mon arrivée j'ai eu un souvenir très vif et comme une vision de ce monde enchanté de mon enfance, depuis si longtemps abîmé et anéanti. L'ancien jardin, quatre gros tilleuls bien connus dans les environs, une assez chétive allée d'une centaine de pas de long et qui me paraissait incommensurable, tout le magnifique univers de mon enfance si peuplé et si varié, tout cela renfermé dans un enclos de quelques pieds carrés... Enfin, j'ai éprouvé là, pendant quelques instants, ce que de milliers d'êtres semblables à moi ont éprouvé en pareille occurence, ce que tant d'autres éprouveront après moi et ce qui après tout n'a de valeur que pour la personne qui le ressent et aussi longtemps qu'elle est sous le charme. Mais ce charme n'a pas tardé à s'évanouir, et l'émotion est allée bien vite s'éteindre dans un sentiment d'ennui complet et définitif.

Переводъ. Овстугъ, 31 Августа. Комната, гдѣ я къ тебѣ пишу—кабинетъ моего отца. Въ ней онъ и скончался. Рядомъ его спальня, въ которую онъ уже не входилъ. Позади меня угловой диванъ, на который онъ легъ, чтобы не вставать болѣе. Вокругъ всей комнаты старинные портреты, столь знакомые мнѣ съ дѣтства, и менѣе меня постарѣвшіе. Вижу передъ собою ветхіе останки дома, въ которомъ мы прежде жили. Уцѣлѣла только середина. Отецъ мой не давалъ ей разваливаться для того, чтобы я могъ когда-нибудь, возвратясь въ здѣшнія мѣста, найти какіе-нибудь слѣды и воспоминанія нашего прежняго житья. И дѣйствительно, въ первое время меня охватило въ высшей степени живое воспоминаніе: передо мною носился, какъ видѣніе, этотъ волшебный міръ моего дѣтства, такъ давно погибшій и исчезнувшій. Старый садъ съ четырьмя большими липами, которыя славятся въ округѣ, довольно жалкая аллея во сто шаговъ длиною, казавшаяся мнѣ когда-то безконечною, весь великолѣпный міръ моего дѣтства, столь разнообразный и населенный, все это на пространствѣ въ нѣсколько сажень.... Словомъ, нѣкоторое время я испытывалъ тоже, что испытывали тысячи людей и будутъ послѣ меня испытывать другія тысячи въ подобной обстановкѣ и что, конечно, имѣетъ только личное значеніе и продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока обаяніе не исчезнетъ. Оно и для меня скоро пропало, не замедливъ перейти въ ощущеніе полной и рѣшительной скуки.

Читатели припомнятъ тогдашніе стихи Тютчева:

И такъ опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста немилыя, хоть и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервыя,
И гдѣ теперь туманными очами,
При свѣтѣ вечерѣющаго дня,
Мой дѣтскій образъ смотритъ на меня...

*

По возвращеніи въ Москву изъ Овстуга, онъ писалъ 13 Сентября.

Voici un passe-temps pour le prince Wiasemsky, à qui j'envoie une pièce de vers du jeune Aksakoff, celui qui est auprès de m-me Smirnoff. Ces vers, à ce qu'il paraît, ont été écrits à la suite d'une orageuse discussion, où l'indulgence quelque peu intéressée de la dame pour les faiblesses humaines est venue se heurter contre la vertueuse intolérance du jeune homme. Ces vers seraient assurément une impertinence pour la personne à qui ils sont adressés, s'il n'était pas convenu et accepté qu'en vers, comme sous le masque, on peut dire à peu près tout impunement. En effet les vers n'ont jamais prouvé qu'une chose: c'est le plus ou le moins de talent de celui qui en fait... et ceci commence à devenir vrai même pour la prose.

Переводъ. Вотъ князю Вяземскому для развлеченія стихи молодаго Аксакова, того, что̀ у Смирновой*). Повидимому, они написаны послѣ бурнаго спора, въ которомъ нѣсколько своекорыстная снисходительность большой барыни къ людскимъ слабостямъ столкнулась съ доблестною нетерпимостью молодаго человѣка. Стихи эти конечно должны бы считаться дерзостью относительно той особы, къ которой они обращены, если бы не было принято и условлено, что въ стихахъ, какъ подъ маскою, можно безнаказанно говорить почти все. Въ самомъ дѣлѣ, стихи всегда доказывали только бо̀льшую или мѐньшую даровитость того, кто ихъ написалъ, и это начинаетъ оправдываться и относительно прозы.

*

1847.

Лѣтомъ 1847 года Эрнестина Ѳедоровна Тютчева уѣзжала въ Гапсаль, куда мужъ писалъ ей.

Pétersbourg, 19 Juin. Il est impossible d'être meilleur que cet excellent couple Colobiano: lui le mari tout-à-fait bon et distingué, elle la femme tout-à-fait bonne... A mon retour de Peterhof j'ai trouvé Anna

*) Въ 1846 году И. С. Аксаковъ (впослѣдствіи зять Ѳ. И. Тютчева) служилъ въ Калугѣ, гдѣ губернаторшею была А. О. Смирнова. См. подробности въ 1-й части книги: „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“.

si bien installée chez eux qu'elle ne songeait plus à rentrer en ville, qu'eux ne voulaient entendre parler de la laisser partir. Non contents d' héberger Anna, ils se mirent en tête de m'y associer aussi, et leur insistance pour m'y faire consentir fut si amicale qu'après leur avoir opposé une résistance convenable, je me décidai à venir coucher sous leur toit Dimanche, au sortir d'un grand bal, qui s'est donné ce jour-là chez la comtesse Julie Strogonoff et où nous avions tous été conviés. Depuis je ne les ai plus quitté, dînant tous les jours avec eux et passant mes soirées soit chez les Wiasemsky, soit ailleurs. Aujourd'hui je dîne chez le ministre Ouvaroff, qui n'a plus voulu me laisser partir sans avoir rempli une certaine promesse qu'il se souvenait de m'avoir faite depuis longtemps. A propos de mon voyage, voici ce que j'ai de nouveau à t'apprendre. L'autre jour je suis mandé à la chancellerie (des affaires étrangères), où l'on me propose de la part du chancelier de me charger, outre une expédition pour Berlin, d'en porter une autre à Zurich. Mon premier mouvement à été de refuser par instinct de paresse, quoique la proposition était tout-à-fait acceptable, puisque l'expédition pour Zurich défrayait mon voyage à Bade. Aussi rentré chez moi, je me ravisai. Mais il aurait fallu faire des démarches. Cela m'ennuya, je laissai tomber la chose. Heureusement je rencontrai hier le c-te Nesselrode à la promenade. Je lui ai parlé, j'acceptai, et maintenant me voilà en route pour Zurich; mais je passerai toujours par Weimar...

Переводъ. Петербургъ, 19 Іюня. Какая это чудная чета Колобіано [1]). Онъ добрый и достойный супругъ, она—совершенная доброта. По возвращеніи моемъ изъ Петергофа, я нашелъ, что Анна [2]) устроилась у нихъ какъ нельзя лучше: она и не помышляла о возвращеніи въ городъ, да и они не хотѣли слышать о томъ. Мало того, что Анна живетъ у нихъ, они вздумали и меня водворить у себя, и настойчивость ихъ была такъ дружески привѣтлива, что я рѣшился, послѣ нѣкотораго вполнѣ приличнаго сопротивленія, пріѣхать къ нимъ ночевать въ Воскресенье, послѣ большаго бала, который давала графиня Юлія Строганова и на который всѣхъ насъ звали. Съ тѣхъ поръ я съ ними не разставался, ежедневно съ ними обѣдалъ, а вечера мы проводили то у Вяземскихъ, то у другихъ... Сегодня обѣдаю у министра Уварова. Онъ вспомнилъ, что уже давно далъ мнѣ одно обѣщаніе, и не хотѣлъ, чтобы я уѣхалъ прежде его исполненія. О предстоящемъ мнѣ путешествіи еще сообщу тебѣ слѣдующее. Намедни пригласили меня въ канцелярію Министер-

---

[1]) Колобіано, Сардинскій посланникъ при нашемъ дворѣ, женатый на графинѣ Грубенъ. П. Б.

[2]) Старшая дочь Тютчева отъ перваго брака его съ вдовою Петерсонъ, ур. графиней Ботмеръ, съ 11 Января 1866 г. супруга И. С. Аксакова. П. Б.

ства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ я узналъ, что канцлеръ предлагаетъ мнѣ отвезти депеши, кромѣ Берлина, еще въ Цюрихъ. Въ первую минуту я отказался изъ лѣности, хотя предложеніе выгодно: поѣздкою въ Цюрихъ покрылись изъ расходы на поѣздку въ Баденъ. Поэтому, возвратившись домой, я передумалъ. Но приходилось объ этомъ заводить рѣчь, что̀ скучно, и я остался при своемъ отказѣ. По счастію, на прогулкѣ встрѣтился мнѣ графъ Нессельроде, я переговорилъ съ нимъ, согласился, и теперь на пути въ Цюрихъ. Во всякомъ случаѣ проѣду чрезъ Веймаръ.

*

Pétersbourg, 21 Juin. Hier je suis rentré en ville, et je suis allé prendre congé du chancelier. Il m'a touché par sa bonhomie. Il m'a très naïvement conjuré de n'aller voir sa femme à Bade qu'après avoir remis mon expédition à Zurich... car elle est un peu pressée, a-t-il ajouté.

Переводъ. С.-Петербургъ, 21 Іюня. Вчера я возвратился въ городъ и пошелъ проститься съ канцлеромъ. Съ трогательнымъ добродушіемъ и очень наивно убѣждалъ онъ меня не ѣхать въ Баденъ на свиданіе съ его женою, прежде чѣмъ я отвезу депеши въ Цюрихъ, которыя, прибавилъ онъ, довольно спѣшны.

*

Berlin, 9 Juillet. Notre entrevue avec Clotilde à Swinemünde avait manquée par suite de je ne sais quel malentendu, et j'étais déjà sur le point d'emmener Anna jusqu'à Berlin, lorsque nous vîmes accourir ce matin la femme de chambre de la Maltitz, qui nous avait suivis à la piste jusqu' aujourd'hui.

J'ai dîné ici chez les Meyendorf avec Max Lerchenfeld, et tout un monde d'impressions connues s'est de suite réformé autour de moi. Je ne haïs pas, tant s'en faut, ces résurrections: cela renoue la chaîne. Demain, en partant d'ici à midi, j'irai coucher à Weimar. Les chemins de fer sont un véritable enchantement: les villes se donnent la main, on va aux unes sans quitter les autres.

Переводъ. Берлинъ, 9 Іюля. Въ Свинемюнде наше свиданіе съ Клотильдой*) не состоялось вслѣдствіе какой-то путаницы, и я уже готовъ былъ везти Анну до Берлина, какъ сегодня утромъ вдругъ явилась къ намъ горничная Мальтицевъ (она все время слѣдовала за нами по пятамъ). Здѣсь я обѣдалъ у Мейндорфовъ съ Максомъ Лерхенфельдомъ, и тотчасъ цѣлый міръ привычныхъ впечатлѣній окружилъ меня. Я не прочь отъ подоб-

---

*) Клотильда Мальтицъ, супруга нашего посланника въ Веймарѣ, родная сестра первой супруги Тютчева, по смерти которой у нея нѣкоторое время воспитывались три ея племянницы, Анна, Дарья и Екатерина Өедоровны Тютчевы. П. Б.

наго рода воскрешеній: ими порванное возстановляется *). Завтра уѣду отсюда въ полдень и буду ночевать въ Веймарѣ. Желѣзная дорога—просто очарованіе: города подаютъ одинъ другому руку, ѣдешь въ одинъ городъ, какъ будто не покидая другаго.

*

Bade-Bade, 22 Juillet. De Berlin j'allais par le chemin de fer jusqu'à Weimar... Ah, ne blasphémons pas le chemin de fer! C'est une admirable chose maintenant, surtout que le réseau se noue et se complette de tous côtés. Ce qu'il a de si particulièrement bienfaisant pour moi, c'est qu'il rassure mon imagination contre mon plus terrible ennemi, *l'espace*, cet odieux espace, qui vous noie et vous anéantit corps et âme sur les chemins ordinaires. A Francfort je n'ai point trouvé d'autres connaissances que la famille Oubril. Joukoffsky et Gogol, pour qui j'avais lettres et paquets, étaient partis le jour même de mon arrivée.

Переводъ. Баденъ-Баденъ, 22 Іюля. Изъ Берлина поѣхалъ я по желѣзной дорогѣ въ Веймаръ. Ахъ, не станемъ проклинать желѣзную дорогу! Это удивительное теперь дѣло, особливо съ тѣхъ поръ, что рельсы соединяются между собою и дополняютъ другъ друга со всѣхъ сторонъ. Для меня въ особенности это просто благодѣяніе, ибо воображеніе мое успокоивается относительно самого страшнаго моего врага—*пространства*, ненавистнаго пространства, которое на обыкновенныхъ дорогахъ вяжетъ тебя и уничтожаетъ душу и тѣло. Во Франкфуртѣ я никого не нашелъ знакомыхъ кромѣ семейства Убри. Жуковскій и Гоголь, къ которымъ у меня были письма и посылки, уѣхали оттуда въ самый день моего пріѣзда.

*

Carlsrouhe, 29 Juillet. Beaucoup de personnes de ma connaissance se disposent à aller à Ostende, ce lieu se trouvant tout naturellement au pied de cette pente, sur laquelle une fois qu'on est sur les bords du Rhin il est si difficile de ne pas se laisser glisser. La chancelière elle-même doit y aller... Les frères Мухановъ, mes commensaux et fidèles compagnons de Bade, y seront aussi, ainsi que deux de nos notabilités littéraires: Катковъ et Гоголь. Mais je suis las de faire le journal de choses et de personnages, qui me sont aussi indifférents que je le suis pour eux. Le fond de mon humeur présente—c'est la conviction qui ressort de tout pour moi, que j'ai fait mon temps et que rien dans le présent ne m'appartient en propre. Ces pays que j'ai revus ne sont plus les mêmes. Puis-je oublier qu'autrefois, quand je les

---

[1]) Разумѣются прежнія Мюнхенскія знакомства. П. Б.

visitai une première, une seconde, une troisième fois, j'étais encore jeune, et maintenant je suis vieux.... et seul, bien seul!

Переводъ. Карлсруэ, 29 Іюля. Многіе мои знакомые собираются отсюда въ Остенде. Это мѣсто находится у самаго края той наклонной плоскости, по которой невольно катишься, какъ только очутишься у береговъ Рейна. Сама канцлерша должна туда ѣхать. Мои сотрапезники и вѣрные Баденскіе спутники, братья Мухановы, направляются туда же, а также двое изъ нашихъ извѣстныхъ словесниковъ Катковъ*) и Гоголь... Но мнѣ скучно перечислять предметы и лица, къ которымъ я также равнодушенъ, какъ и они ко мнѣ. Въ глубинѣ моего нынѣшняго настроенія господствуетъ убѣжденіе, подтверждаемое безпрестанно, что я отжилъ мое время и ничто въ настоящемъ мнѣ собственно не принадлежитъ. Я снова увидалъ эти мѣста, но они уже не тѣ. Какъ мнѣ забыть, что когда я пріѣзжалъ сюда въ первый, во второй, въ третій разъ, я еще былъ молодъ, а теперь я старъ..., и одинокъ, очень одинокъ!

*

Francfort, 17 Août. Quand tu verras le prince Wiasemsky, dis lui que j'ai passé de bien bons moments avec Joukowsky, à Ems d'abord, où nous avons passé six jours ensemble à lire son Odyssée et à parler de toutes choses au monde du matin au soir. Ce sera vraiment une grande et belle oeuvre que son Odyssée, et je lui dois d'avoir retrouvé en moi la faculté, assoupie depuis très longtemps, de m'associer pleinement et franchement à une jouissance purement littéraire. Aussi a-t-il paru satisfait de la sympathie que son oeuvre m'a fait éprouver, et il avait raison: c'était de la sympathie sans phrase.

J'en ai aussi beaucoup pour sa femme, une noble et douce créature, descendue tout exprès pour lui de quelque bon tableau de la vieille école allemande. Hier, 28 Août, Joukowsky et moi nous avons dîné ensemble à l'Hôtel de Russie. C'était hier, le 98-ème anniversaire de la naissance d'un assez célébre bourgeois de Francfort, de Göthe. Mais je crois vraiment que nous avons été les deux seuls individus dans cette ville qui ayons eu la bonhomie de nous rappeler cet illustre anniversaire.

---

*) Любопытно, что Ѳ. И. Тютчевъ уже въ 1847 году замѣтилъ М. Н. Каткова, дарованія котораго тогда были извѣстны очень немногимъ (и между прочими А. С. Хомякову, у котораго онъ нѣкогда жилъ, и Аксаковымъ). Впослѣдствіи Тютчевъ содѣйствовалъ успѣхамъ Каткова, между прочимъ тѣмъ, что посовѣтовалъ канцлеру князю Горчакову испросить у Государя дозволеніе Каткову писать и печатать о Герценѣ и его Колоколѣ. П. Б.

Aujourd'hui Joukowsky est à Darmstadt, où il assiste aux noces de G. Gagarine.

Переводъ. Франкфуртъ, 17 Августа. Когда увидишь князя Вяземскаго скажи ему, что я провелъ очень пріятные часы съ Жуковскимъ. Сначала въ Эмсѣ мы жили шесть дней вмѣстѣ, читая его Одиссею и съ утра до вечера разговаривая обо всемъ на свѣтѣ. Его Одиссея будетъ по истинѣ твореніемъ великимъ и прекраснымъ, и я обязанъ Жуковскому тѣмъ, что во мнѣ пробудилась давно заснувшая способность свободно и безраздѣльно предаваться наслажденію исключительно литературному. Повидимому и онъ остался доволенъ моимъ сочувствіемъ къ труду его, и онъ былъ правъ. потому что я сочувствую искренно. Очень мнѣ нравится и его жена, созданіе благородное и кроткое, сошедшее нарочно для него съ хорошей картины старинной Нѣмецкой школы... Вчера, 28 Августа, Жуковскій и я обѣдали вмѣстѣ въ гостиницѣ „Россія". Это была 98 лѣтняя годовщина со дня рожденія довольно знаменитаго Франкртфускаго гражданина — Гёте. Но, право, я полагаю, что во всемъ Франкфуртѣ только мы имѣли благодушіе вспомнить объ этой славной годовщинѣ. Сегодня Жуковскій въ Дармштатѣ, гдѣ онъ на свадьбѣ Григорія Гагарина.

1853.

Moscou, 26 Janvier 1853. Aujourd'hui je dîne chez Ouvaroff, où je rencontrerai quelques personnes de connaissance et apprendrai quelques nouvelles de Pétersbourg. La nouvelle la plus saillante que j'ai apprise hier au club c'est le passage par Moscou du p-ce Меншиковъ, le ministre de la marine, se rendant à Constantinople porteur d'un ultimatum. Les bruits de guerre se maintiennent et augmentent. Les gazettes russes, pour la première fois de leur vie, se sont permis de faire attention à la prophétie pour 1853, et le grand événement couvé par moi avec tant de sollicitude va éclore au moment même où il m'est devenu à peu près indifférent. Il est donc dit que rien jamais ne viendra en temps opportun, pas même la prise de Constantinople!..

Переводъ. Москва, 26 Января 1853. Сегодня обѣдаю я у графа Уварова, гдѣ встрѣчу нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ и услышу вѣстей изъ Петербурга. Самая громкая новость, которую я узналъ вчера въ клубѣ, это проѣздъ черезъ Москву морскаго министра князя Меншикова, который везетъ въ Константинополь нашъ ультиматумъ. Слухи о войнѣ держатся и усиливаются, и Русскія газеты въ первый разъ въ своей жизни рѣшились обратить вниманіе на предсказаніе о 1853 годѣ, и великое событіе, мною чаемое съ такою заботою, нарождается, когда я сталъ къ нему почти

что равнодушенъ. Сказано же, что ничто никогда не приходитъ своевременно, даже и взятіе Константинополя!

*

S-t Pétersbourg, 11 Février 1853. Avant-hier lundi je me suis trouvé à l'église catholique assistant à une triste cérémonie, celle de l'enterrement de la pauvre comtesse Wielhorsky, réunissant pour la dernière fois autour d'elle la plus brillante société de Pétersbourg. Il y avait là les quatre G-ds-Ducs, tout le corps diplomatique, les grandes charges etc. et les artistes au grand complet. La famille y était aussi, mais je n'ai aperçu que Vénévitinoff, chargé de faire les honneurs de cette triste cérémonie aux invités. Pendant la durée de la cérémonie entre un feldjäger, qui s'approche résolument du chancelier, qui y assistait, et lui dit quelques mots en particulier. Aussitôt celui-ci s'éclipse et ne reparait plus... On n'a pas tardé à apprendre dans le courant de la journée la teneur du message qui avait occasionné cette disparition. C'était une dépêche télégraphique annonçant une tentative d'assasinat sur la personne du jeune empereur d'Autriche. C'est un coup de poignard qui lui a été donné par derrière; mais la blessure, à ce qu'il paraît, n'a pas une grande gravité. On sait que l'assassin a été arrêté, mais on ignore encore qui il est et à quel pays il appartient. Ce qui ne fait pas de doute c'est la coïncidence de l'attentat avec une tentative d'insurrection à Milan.... Eh bien, toutes ces nouvelles politiques ont à peine fait diversion à ce qui préoccupe et absorbe tout Pétersbourg: c'est l'affaire *Politkovsky*, celui dont on a tant parlé et que l'ont avait nommé le *Monte-Christo* à cause de ses prodigalités et de ses dépenses effrénées, dont personne ne s'expliquait la source. Et voilà ce mystère vient de s'expliquer. Cet homme, qui était directeur de la caisse des invalides, est mort il y a quelques jours, et aussitôt après sa mort on a été à même de constater dans la dite caisse un déficit de 1.200.000 roubles. Depuis ce moment la terreur est à l'ordre du jour. Quatre généraux-aide-de-camp, les collègues, si non les complices, du défunt ont été privés de leurs aiguillettes et mis à jugement. Un tas de turpitudes à été sinon dévoilé, au moins pressenti, et de tristes révélations ne tarderont pas à se faire jour...

Переводъ. С.-Петербургъ, 11 Февраля 1853. Позавчера, въ Понедѣльникъ, былъ я въ католической церкви на печальномъ обрядѣ отпѣванія бѣдной графини Вьельгорской. Тутъ она въ послѣдній разъ собрала вокругъ себя самое блестящее Петербургское общество. Были четверо великихъ князей, весь дипломатическій корпусъ, главные сановники и артисты въ полномъ составѣ. Изъ семейства, которое тоже было, я видѣлъ только Веневитинова; онъ взялъ на себя заботу о тѣхъ, которые прибыли къ от-

пѣванію по приглашенію. Во время богослуженія входитъ въ церковь фельдъегерь, прямо направляется къ канцлеру, тихонько что-то говоритъ ему; канцлеръ тотчасъ вышелъ и болѣе не возвращался. Въ тотъ же день не замедлила огласиться причина этого исчезновенія: пришло по телеграфу извѣстіе о покушеніи на жизнь молодаго Австрійскаго императора. Его кто-то поразилъ сзади кинжаломъ; но, кажется, что рана не опасна. Знаютъ, что преступникъ схваченъ; но еще остается въ неизвѣстности, кто онъ такой и какого народа. Несомнѣнно, что покушеніе въ связи съ попыткою къ возстанію въ Миланѣ.... И что же? Всѣ эти политическія извѣстія едва на минуту отвлекли Петербургъ отъ того, чѣмъ онъ теперь почти исключительно занятъ. Это дѣло Политковскаго, о которомъ такъ много было толковъ и котораго прозвали Монтекристо, потому что никто не вѣдалъ, откуда бралъ онъ денегъ на свою широкую жизнь и на свои безумные расходы. И вотъ тайна обнаружилась. Нѣсколько дней тому назадъ умеръ этотъ директоръ инвалидной кассы, въ которой немедленно обнаружился недочетъ въ 1.200.000 рублей. Съ этихъ поръ всѣ объяты страхомъ. Четыре генералъ-адъютанта, сослуживцы, если не соучастники, покойника, лишены аксельбантовъ и отданы подъ судъ. Множество гнусностей, если не обнаружено еще, то предчувствуется, и мы наканунѣ печальныхъ раскрытій *).

*

S-t Pétersbourg, 3 Octobre. Je suis tout honteux de ne pouvoir dire écrivant d'ici, si nous sommes en guerre, oui ou non. Ah, le singulier milieu que celui où je vis. Je parie que le jour du jugement dernier il y aura des gens à Pétersbourg qui feront semblant de ne pas s'en douter. Voilà pourtant ce qui paraît certain: une sommation vient d'être envoyé par les Turcs au p-ce Горчаковъ pour qu'il eût à évacuer les *Principautés* dans le plus bref délai. Ce serait assurément une chose parfaitement bouffonne, si ce n'était le commencement de quelque chose de tellement grave et de tellement fatal que nulle pensée d'homme actuellement vivant ne saurait en mesurer ni en déterminer la portée. Je reviens de Tsarskoé-Sélo, où j'avais été chercher des nouvelles; mais tout ce que j'ai pu y recueillir ce sont des détails, très curieux assurément, sur les tables tournantes et *écrivantes*, et il paraît qu'il n'y a qu'elles qui se préoccupent des événements du jour: car c'est une table qui, en réponse à une question, m'a écrit de sa plus belle écriture que c'est Jeudi prochain, c'est à dire le 8 (20) de ce mois, que paraitrait le manifeste pour la déclaration de guerre. Voilà donc deux grandes questions qui vont du même coup être décidés dans cinq jours au plus tard: la question de la guerre d'abord, puis celle de la véra-

*) Говорили тогда, что императоръ Николай Павловичъ заболѣлъ съ горя и воскликнулъ: Рылѣевъ и его сообщники со мною этого бы не сдѣлали! Камергеръ И. А. Яковлевъ внесъ похищенную сумму въ инвалидный капиталъ. П. Б.

cité des tables... Ici, dans les salons s'entend, l'incurie, l'indifférence, la torpeur d'esprits est quelque chose de phénoménal. On dirait que ces gens-là sont dans les mêmes conditions, pour apprécier les événements qui vont remuer le monde, où sont les mouches qui sont au bord d'un vaisseau à trois ponts pour apprécier le roulis du bâtiment... Heureusement tout ceci n'est que de l'écume qui flotte à la surface, et d'une manière ou d'une autre nous ne tarderons pas à voir ce qui est au fond.

Переводъ. С.-Петербургъ, 3 Октября 1853. Мнѣ стыдно, что не могу сообщить тебѣ, хотя и пишу изъ Петербурга, въ войнѣ ли мы или нѣтъ. Ахъ, въ какой странной средѣ живу я! Можно навѣрное сказать, что въ день страшнаго суда найдутся въ Петербургѣ люди, которые станутъ прикидываться, что имъ ничего о немъ неизвѣстно. Однако, вотъ что кажется вѣрно. Турки прислали князю Горчакову требованіе объ очищеніи княжествъ въ наиболѣе короткій срокъ. Конечно это было бы не болѣе какъ забавно, если бы тутъ не зачиналось нѣчто важное и роковое, чего ни измѣрить, ни опредѣлить не въ силахъ нынѣшнее поколѣніе. Я возвратился изъ Царскаго Села, куда ѣздилъ за новостями, но тамъ узналъ только весьма курьезныя подробности о вертящихся и пишущихъ столахъ. Кажется, что современными событіями заняты только эти столы. Одинъ изъ нихъ, своимъ наилучшимъ почеркомъ, отвѣчалъ мнѣ, что въ слѣдующій Четвергъ, т. е. 8 (20) сего мѣсяца появится манифестъ о войнѣ. И такъ не далѣе какъ черезъ пять дней, разрѣшатся однимъ разомъ два великіе вопроса: вопросъ о войнѣ и о правдивости столовъ. Здѣсь же, т. е. конечно въ гостиныхъ, безпечность, равнодушіе и тупость умовъ просто феноменальны. Можно сказать, что эти люди во столько же могутъ оцѣнять событія, отъ которыхъ потрясется міръ, во сколько мухи на трехпалубномъ кораблѣ могутъ опредѣлять колебаніе судна. По счастію, все это не болѣе какъ пѣна, плавающая на поверхности, и такъ или иначе обнаружится скоро то, что̀ на днѣ.

*

26 Octobre. Hier j'ai été *faire le service* à Tsarskoé auprès de la G-de-Duchesse Marie, à la cérémonie de baptême de l'enfant nouveau né de sa belle-soeur. Il est d'usage dans cette cérémonie du baptême que les prières soient chantées à demi-voix, sotto voce, et cette harmonie tempérée et comme appropriée à la faiblesse de l'enfant nouveau-né, cette sourdine mise sur toutes ces belles et riches voix de la chapelle impériale, tout cela était très beau et très émouvant. Il y a aussi eu, à un certain moment de la Messe un mouvement d'émotion généralement ressorti, mais où la musique n'entrait pour rien: c'est le moment où l'église, en offrant des prières pour l'Empereur, demande pour lui: *На враги же побѣду и одолѣніе...* et on savait sourdement dans le public que la veille un courrier, arrivé de Londres, avait apporté des

nouvelles, qui ne laissaient aucun doute sur l'attitude décidément hostile que les deux grandes puissances occidentales allaient prendre contre nous. La figure de l'Empereur, que je voyais là à dix pas de moi, était parfaitement calme et digne; mais on sentait qu'il priait, et il ne manquait jamais de faire un signe de croix des plus articulés chaque fois où revenait la prière pour le *Христолюбивое воинство*. C'est hier Dimanche qu'à l'exception des chapelles impériales, le nouveau manifeste de guerre a été lu dans toutes les églises. On m'a assuré qu'il avait produit peu d'effet, et cela ne pouvait guère être autrement, attendu qu'il était déjà connu depuis plusieurs jours et que d'ailleurs cette pièce, rédigée dans notre ministère, est pâle et incolore comme tout ce qui en émane... La seule considération qui me console et me rassure un peu, c'est de penser que déjà à l'heure qu'il est la question a échappé à la main des hommes et va rouler par son propre poids vers le but qui lui est fatalement assigné.

Переводъ. 26 Октября. Вчера я былъ *по службѣ* въ Царскомъ Селѣ у великой княгини Маріи [1]), на крещеніи новорожденнаго младенца ея невѣстки [2]). Обыкновенно, при крещеніи, молитвы поются вполголоса, sotto voce [3]), и эта сдержанная гармонія, сжатые звуки всѣхъ этихъ прекрасныхъ и сильныхъ голосовъ императорской капеллы, все это было очень прекрасно и очень трогательно. Въ извѣстномъ мѣстѣ литургіи, но уже безъ пѣнія, была минута общаго одушевленія: это когда, въ молитвѣ за Государя, церковь проситъ ему *на враги же побѣду и одолѣніе.* Всѣ предстоявшіе знали про себя, что наканунѣ прибылъ изъ Лондона курьеръ съ извѣстіемъ, послѣ котораго уже не оставалось сомнѣнія въ томъ, что обѣ большія державы Запада рѣшили дѣйствовать противъ насъ враждебно. Я стоялъ шагахъ въ десяти отъ Государя. На лицѣ его было полное достоинства спокойствіе, но чувствовалось, что онъ молится, и всякій разъ, когда произносились слова *Христолюбивое воинство,* онъ не пропускалъ истово креститься. Вчера, въ Воскресенье, во всѣхъ церквахъ, кромѣ дворцовыхъ, читался манифестъ о новой войнѣ. Меня увѣряли, что сильнаго впечатлѣнія онъ не произвелъ; оно и быть не могло иначе, такъ какъ о немъ уже нѣсколько дней какъ знали; да къ тому же онъ написанъ въ нашемъ министерствѣ, блѣденъ и безцвѣтенъ какъ все, что оттуда выходитъ... Меня утѣшаетъ и обнадеживаетъ нѣсколько лишь то, что въ настоящую минуту дѣло уже вышло изъ рукъ человѣческихъ и движется собственною силою къ той цѣли, которая ему опредѣлена судьбою.

---

[1]) Великой княгини Маріи Николаевны. П. Б.

[2]) 5 Октября этого 1853 года родилась герцогиня Эдинбургская Марія Александровна. П. Б.

[3]) Музыкальное выраженіе: пониженнымъ голосомъ. П. Б.

11 Décembre. Au dire de témoins oculaires, jamais plus d'élan et plus de dévouement ne s'est rencontré dans la troupe sur terre comme sur mer, que dans cette guerre, que l'on fait faire à la Russie sans lui permettre, pour ainsi dire, de se lever de sa chaise. Les particularités que l'on raconte de cette dernière affaire de pr. Béboutoff contre l'armée du séraskir, où 10 mille hommes ont taillé en pièce toute 50 mille, sont vraiment admirables. Mais aussi et comme par manière de coup d'épée, à toute cette mollesse dans la direction politique, l'acharnement du soldat sur le champ de bataille a été terrible. Dans cette déroute complète de l'armée turque il n'est resté entre nos mains que *treize* prisonniers: tout le reste a été passé au fil de la bayonette, et on entendait le soldat à chaque coup de bayonette répéter toujours la même parole: *вотъ вамъ за Николаевскій фортъ,* en faisant allusion à toutes les atrocités que les Turcs y ont commises. Un autre mot souvent répété par le soldat exprime bien le sentiment qui l'anime et l'idée qu'il s'est faite de cette guerre: *Лишь бы до гроба Господня дойти, а тамъ хоть умереть!*

Переводъ. По словамъ свидѣтелей-очевидцевъ, войско и на сушѣ, и на морѣ никогда не обнаруживало столько усердія и преданности, какъ въ эту войну, къ которой принудили Россію, не позволивъ ей, такъ сказать, выпрямиться. О послѣднемъ дѣлѣ князя Бебутова противъ арміи сераскира, гдѣ десять тысячъ человѣкъ разбили на голову пятьдесятъ тысячъ, ходятъ разсказы поистинѣ изумительные. Солдаты, во время сраженія, были ужасно ожесточены: это какъ будто въ противоположность нашей мягкости политической. Послѣ окончательнаго разгрома Турецкой арміи, въ нашихъ рукахъ осталось всего тринадцать человѣкъ плѣнныхъ; все остальное переколото, и съ каждымъ ударомъ штыка солдаты непремѣнно повторяли: *вотъ вамъ за Николаевскій фортъ,* что̀ относится къ жестокостямъ, которыя тамъ совершались Турками. Другимъ словомъ, которое часто повторяютъ солдаты, выражаются отлично одушевляющее ихъ чувство и понятіе, которыя они составили себѣ объ этой войнѣ: „Лишь бы до гроба Господня дойти, а тамъ хоть умереть!“

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. П. ПОЛИВАНОВА О ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

I.

Въ Апрѣлѣ 1859-го пріѣхалъ я въ Иркутскъ. Въ то время въ полномъ разгарѣ была исторія о дуэли двухъ чиновниковъ, состоявшихъ по особымъ порученіямъ при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ. Дуэль эта раздѣляла все Иркутское общество на два враждебныхъ стана. Кромѣ несчастной жертвы дуэли и лишившаго себя жизни Иркутскаго полицеймейстера, еще пострадалъ Петрашевскій, сосланный на поселеніе въ 1849 году; въ Иркутскѣ онъ редактировалъ неофиціальный отдѣлъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и статьей своей о дуэли сталъ во главѣ партіи, порицавшей дѣйствія въ этомъ дѣлѣ мѣстной административной власти. Слѣдствіемъ этого было выселеніе Петрашевскаго изъ Иркутска въ Минусинскъ, гдѣ онъ и умеръ *).

Я торопился оставить Иркутскъ. Получивъ отъ начальника штаба бумаги, для доставленія губернатору Забайкальской области, Михаилу Семеновичу Корсакову, я отправился въ путь и на пароходѣ переплылъ Байкалъ, который только-что очистился ото льда. Отъ Посольскаго монастыря, лежащаго на Восточномъ берегу Байкала, до гор. Верхнеудинска дорога почти не оставляетъ р. Селенгу. Переправа у города, по случаю разлива, была затруднительна. За Верхнеудинскомъ мѣстность постепенно возвышается и постепенно переходитъ въ предгорье Яблонова хребта; наибольшая возвышенность его въ этомъ мѣстѣ четыре тысячи футъ. Хребетъ этотъ составляетъ водораздѣлъ Ледовитаго океана и Восточнаго. Съ Западнаго склона берутъ начало притоки рѣки Лены: Хилокъ и Витимъ, вытекающій изъ Иванъ-озера. Растительность здѣсь большею частью хвойный лѣсъ; переваливши

*) Слѣдствіе о дуели производилось въ отсутствіи графа Муравьева. Возвратившись въ Иркутскъ и потребовавъ бумаги о дуели, онъ бросилъ ихъ въ каминъ и велѣлъ переслѣдовать. П. Б.

хребетъ, березы, липы, дубы, и мало видно хвойнаго лѣса. Тутъ климатъ теплѣе, зелень ярче, живѣе. Съ Восточнаго склона берутъ начало рѣки, составляющія систему рѣкъ, изъ которыхъ образуется рѣка Амуръ: это Ингода, Чита, Ононъ, вливающія свои воды въ р. Шилку, которая, сливаясь съ Аргунью, образуетъ р. Амуръ. Проѣхавъ Кононское озеро, мы въѣхали въ долину р. Читы. Недалеко отъ впаденія Читы въ Ингоду лежитъ г. Чита. Въ 1859 году онъ былъ очень невеликъ, жителей не болѣе 2 т. душъ, одна деревянная церковь, площадь базарная, постройки почти всѣ одноэтажныя, за городомъ острогъ, на краю города выдѣляется одно зданіе своею обширностью: это атаманскій домъ, куда я и въѣхалъ.

Хотя я былъ назначенъ въ Амурское казачье войско, но Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ оставилъ меня у себя въ Забайкальѣ, давъ мнѣ назначеніе вмѣстѣ съ чиновникомъ особыхъ порученій Е. И. Рагозинымъ по переселенческимъ дѣламъ, при чемъ я долженъ былъ имѣть въ виду, что мнѣ же поручатъ сплавъ переселенцевъ изъ Забайкалья на Амуръ въ навигацію предстоявшаго 1860 года.

Я воспользовался нѣсколькими днями отдыха съ дороги, чтобы оріентироваться въ новомъ для меня краѣ, познакомиться съ окружающей меня средой и подробно узнать наше положеніе на дальнемъ Востокѣ.

Въ обширномъ домѣ военнаго губернатора, называемомъ атаманскимъ, жилъ М. С. Корсаковъ. Тогда онъ былъ еще не женатъ, ему едва было 40 лѣтъ, на лицо же и того нельзя было дать. Въ Восточной Сибири онъ началъ свою дѣятельность, когда еще идея о занятіи Амура была мечтою адмирала Невельскаго и генералъ - губернатора Восточной Сибири Муравьева. Какъ ближайшій помощникъ Муравьева, Корсаковъ участвовалъ во всѣхъ трудахъ этого великаго и важнаго для Россіи пріобрѣтенія. Преданный этому дѣлу, дѣятельный и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени гуманный, готовый всегда на все хорошее, доброе, онъ заслужилъ любовь въ краѣ.

Тутъ же въ атаманскомъ домѣ жили два адъютанта его, Муравьевъ и Ротчевъ, чиновникъ особыхъ порученій Рагозинъ, инженеръ путей сообщенія Шишковъ и я; позднѣе пріѣхалъ Головинъ (мой боевой товарищъ по Кавказу) и маіоръ Тимротъ. Всѣ мы жили какъ въ родной семьѣ, благодаря радушію Корсакова, и каждый, сколько могъ, усердно работалъ на пользу общаго дѣла. Но рѣдко мы всѣ бывали на лицо въ атаманскомъ домѣ: каждый изъ насъ имѣлъ въ своей дорожной сумкѣ подорожную по казенной надобности и готовый для дороги небольшой чемоданчикъ. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ по пріѣздѣ моемъ, я сдѣлалъ по Забайкалью 2632 версты, что̀ дало

мнѣ возможность познакомиться съ частью Забайкальской области на пространствѣ между рѣками Шилкою и Аргунoю. Я посѣщалъ заводы Нерчинскіе, Шилкинскіе, Каріезскіе, спускался въ рудники, видѣлъ добываніе серебра на глубинѣ 50 саженей въ Зерентуевскомъ рудникѣ, присутствовалъ при промывкѣ золота. За недостаткомъ свободнаго времени, на все это я смотрѣлъ какъ на весьма интересные предметы, но не имѣвшіе прямого отношенія къ моимъ обязанностямъ, и не могъ долго останавливаться на нихъ, такъ какъ главное данное мнѣ порученіе брало все мое время по дѣламъ переселенія. Былъ я разъ командированъ съ вице-губернаторомъ А. А. Лохвицкимъ верстъ за сто отъ Читы на заводы купца Юдина, для осмотра устроеннаго имъ новаго помѣщенія для рабочихъ. Заводы эти, свѣчной, мыловаренный, кожевенный, клееварный, войлочный, лѣсопильня, всѣ дѣйствуютъ водяной силой; но Юдинъ намѣревался устроить паровую, когда изъ Америки водными путями будетъ возможно доставлять машины и котлы, устраивалъ онъ и стеклянный заводъ; объясненія давали намъ техники, командированные по этому же дѣлу.

II.

Дѣла съ Японіею и Китаемъ.

Съ открытія навигаціи 1859 года графъ Н. Н. Муравьевъ отправился на Амуръ, оттуда въ Японію, гдѣ предстояло еще домогаться уступки намъ южной части острова Сахалина, котораго лишь сѣверная часть принадлежала Россіи, а южная Японіи. При такомъ совладѣніи нельзя было разсчитывать, что проливъ Ла-Перуза всегда будетъ открытъ для Русскихъ судовъ, а слѣдовательно и путь въ Великій океанъ большую часть года можетъ быть для насъ отрѣзанъ, такъ какъ Татарскій проливъ долго бываетъ загроможденъ льдами.

Съ Китаемъ тоже дѣла не подались и значительно затормозились. По Айхунскому трактату весь лѣвый берегъ Амура отдается Китаемъ въ единственное владѣніе Россіи отъ р. Аргуни до устья, а все пространство между р. Уссури и морскимъ берегомъ должно быть въ общемъ владѣніи Россіи и Китая впредъ до разграниченія, и предоставлено свободное плаваніе для Русскихъ судовъ и свободная торговля по Сунгари, Уссури и Амуру. Трактатъ этотъ вызвалъ сильное раздраженіе Китайскаго императора, который одного изъ своихъ уполномоченныхъ, подписавшихъ трактатъ, казнилъ, а другого не казнилъ олько потому, что онъ ему родственникъ, но отнялъ все имущество въ казну, и отъ ратификаціи отказался.

Вотъ подлинный текстъ Айхунскаго трактата:

16 Мая 1858 года. Г. Айхунь.

Великаго Россійскаго государства главнокомандующій надъ всѣми губерніями Восточной Сибири, Его Императорскаго Величества Госу-

даря Императора Александра Николаевича генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, и Великаго Дайцинскаго государства генералъ-адъютантъ, придворный вельможа, Амурскій главнокомандующій князь И.-Шань, по общему согласію, ради большей, вѣчной, взаимной дружбы двухъ государствъ, для пользы ихъ подданныхъ и для охраненія отъ иностранцевъ, постановили:

1. Лѣвый берегъ р. Амура, начиная отъ Аргуни до морского устья Амура да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства, а правый берегъ, считая внизъ по теченію до р. Уссури—владѣніемъ Дайцинскаго государства. Отъ р. Уссури далѣе до моря находящіяся мѣста и земли, впредъ до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ да будутъ въ общемъ владѣніи Дайцинскаго и Россійскаго государствъ. По рр. Амуру, Уссури и Сунгари могутъ плавать только суда Дайцинскаго и Русскаго государствъ, всѣмъ же прочимъ иностраннымъ судамъ по симъ рѣкамъ плавать не должно. Находящихся по лѣвому берегу р. Амура отъ р. Зеи на Югъ до деревни Хоршанзинъ, Маньчжурскихъ жителей, оставить вѣчно на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства подъ вѣдѣніемъ Маньчжурскаго правительства съ тѣмъ, чтобы Русскіе жители имъ обидъ и притѣсненій не дѣлали.

2. Для взаимной дружбы подданныхъ двухъ государствъ дозволяется взаимная торговля проживающимъ по рр. Уссури, Амуру и Сунгари подданнымъ обоихъ государствъ, и начальствующіе должны взаимно покровительствовать на обоихъ берегахъ торгующимъ людямъ двухъ государствъ.

3. Что уполномоченный Россійскаго государства генералъ-губер. Муравьевъ и уполномоченный Дайцинскаго государства Амурскій главнокомандующій И.-Шань по общему согласію постановили, да будетъ исполняемо въ точности и ненарушимо на вѣчныя времена, для чего Россійскаго государства генералъ-губернаторъ Муравьевъ, написавши на Русскомъ и Манчжурскомъ языкахъ передалъ Дайцинскаго государства главнокомандующему кн. Н.-Шань, а Дайцинскаго государства главнокомандующій князь Н.-Шань, написавши на Манчжурскомъ и Монгольскомъ языкахъ, передалъ Россійскаго государства генералъ-губернатору Муравьеву. Все здѣсь написанное распубликовать на извѣстіе пограничнымъ людямъ двухъ государствъ. 1858 года, Мая 16-го дня. Городъ Айхунь.

На подлинномъ подписались: Николай Муравьевъ и ст. сов. П. Перовскій. Амурскій главнокомандующій И.-Шань. Помощникъ дивизіоннаго начальника Дзирольшинъ.

Фактически года за три до Айхунскаго трактата Россія распоряжалась на Амурѣ совершенно самостоятельно и невозбранно; въ это время успѣли заселить все теченіе Амура переселенцами изъ Забайкальскаго казачьяго войска; нѣсколько станицъ было и по Уссури. Возникли и города, какъ областной городъ Благовѣщенскъ при устьѣ рѣки Зеи, въ нижнемъ теченіи Амура Софійскъ, Маріинскъ и при устьѣ Амура Николаевскъ, съ верфью для построекъ судовъ, осно-

ванный адмираломъ Невельскимъ въ 1854 году. Устье Амура на столько обширно и глубоко, что военныя суда входятъ на Николаевскій рейдъ, который поэтому можетъ считаться приморскимъ, но большую часть года нельзя пользоваться имъ по причинѣ льдовъ; поэтому еще Невельской, а затѣмъ Муравьевъ обратили вниманіе на заливъ Де-Кастри, лежащій къ Югу отъ устья Амура и представляющій много удобствъ для стоянки судовъ и для соединенія его съ Амуромъ желѣзной дорогой; тогда возникли на Амурѣ города Софійскъ и Маріинскъ.

Въ Николаевскъ стали заходить Американскіе пароходы, преимущественно изъ Санъ-Франциско. Безпошлинная торговля пошла бойко: одинъ изъ Американскихъ пароходовъ дошелъ даже до Шилкинскаго завода и, оттуда перегрузясь на небольшой пароходъ, вошелъ въ Ингоду. Изъ всѣхъ товаровъ привезенныхъ въ Читу большой спросъ былъ на сахаръ, который въ Читѣ дошелъ до 75 к. за фунтъ. Сигары же Гаванскія продавались по 3 руб. за сотню. Изъ остальныхъ товаровъ распродали много Американцы по Амуру бумажныхъ ткацкихъ товаровъ; но вина, привезенныя ими, всѣ были плохи. Привезли также Герценовскія изданія, и «Колоколъ», какъ запрещенный плодъ, конечно живо раскупился. Изъ Забайкалья Американскій пароходъ повезъ картофель, который нагрузили на пароходъ и на буксирную баржу, и распродалъ съ барышомъ нашимъ переселенцамъ на Амурѣ.

Китай не рѣшался остановить наше наступательное движеніе на Амурѣ. Наши побѣды въ Камчаткѣ подъ Петропавловскомъ, гдѣ отражено было нападеніе Англо-Французской эскадры и въ заливѣ Де-Кастри, гдѣ въ 1854 году отбитъ былъ ихъ десантъ, на столько были внушительны для Китайскаго правительства и для Китайцевъ, что въ Русскихъ они видѣли своихъ защитниковъ отъ несправедливыхъ дѣйствій Англіи и Франціи, требованія которыхъ становились болѣе и болѣе настойчивы и грозны. Китайское правительство обратилось чрезъ своихъ представителей съ просьбой посредничества къ Россіи, когда соединенная эскадра Англо-Французская вошла въ заливъ Пейхо.

Вотъ текстъ секретнаго предписанія, врученнаго представителямъ Небесной Имперіи отъ имени членовъ Государственнаго ея Совѣта.

(Переводъ съ Китайскаго).

Членовъ Государственнаго Совѣта секретное предписаніе.

Высочайше посланнымъ Даціоми, Гуйляну и предсѣдателю Инспекторской палаты Хуамана, правленія Сянъ-Фэнъ 8 года 5-й луны 4-го числа (2 Іюня 1858 года), данъ слѣдующій высочайшій указъ.

Гуйлянъ съ товарищемъ докладываетъ о полученіи печати и объясняетъ положеніе текущихъ дѣлъ. Сегодня же полученъ докладъ И. Шана (главнокомандующаго войсками Амурской области) о томъ, что по трактату, который онъ заключилъ съ Муравьевымъ, границею

между двумя государствами назначена р. Уссури до морскихъ портовъ, и открыты мѣста для торговли. Гуйлянъ пусть немедленно сообщитъ это Русскому посланнику, чтобы онъ заблаговременно имѣлъ объ этомъ надлежащее свѣдѣніе и пусть скажетъ ему: Срединное государство съ вашимъ государствомъ двѣсти лѣтъ состоитъ въ дружбѣ, потому и оказываетъ вамъ особое вниманіе. Что касается до Англичанъ и Французовъ, то завтра же можетъ послѣдовать разрывъ, и всѣ усилія ваши къ примиренію ихъ съ нами останутся тщетными. Они пришли въ Тянь-Цзинъ, конечно основываясь на тѣхъ слухахъ, что Русскіе приходили сюда для переговоровъ, не имѣя впрочемъ никакихъ дурныхъ намѣреній. Непонятно, почему они до сихъ поръ ничего не рѣшили еще Теперь Русскимъ дозволено торговать въ пяти портахъ, и на Амурѣ утверждено все, о чемъ ведены были переговоры. Справедливость требуетъ, чтобы и они въ пользу Срединнаго государства употребили усилія усовѣстить Англичанъ и Французовъ и положить предѣлъ ихъ несправедливымъ требованіямъ. Надобно ускорить это дѣло, чтобы отплатить Среднему государству. Если Русскіе не будутъ въ состояніи отвлечь ихъ назадъ, то посланнику трудно будетъ доказать, что онъ дѣйствительно желалъ намъ добра. Принять это съ должнымъ уваженіемъ!

(Перевелъ съ Китайскаго архимандритъ Аввакумъ).

III.

Переселенческія дѣла.

Забайкальское казачье войско сформировано лишь со вступленія Н. Н. Муравьева въ должность генералъ-губернатора Восточной Сибири; жители Забайкалья были горнозаводскіе крестьяне, ихъ-то и переименовали въ казачье войско. Раздѣлено оно на пѣшее и конное войско: между Шилкой и Аргунью пѣшіе батальоны, а западнѣе конные полки. Собственно говоря, они остались такими же крестьянами, какъ и были. Обучили молодыхъ строевой службѣ, дали имъ одѣть казачью амуницію, въ чемъ имъ выходить на ученіе, на парады, на смотры; бытъ же ихъ остался тотъ же. Въ рукахъ администраціи явилась значительная сила для обязательныхъ работъ хотя и за плату, а благодаря этой силѣ и можно было начать такое обширное дѣло, какъ пріобрѣтеніе и заселеніе Амурскаго края. Вообще населеніе Забайкалья жило привольно, въ довольствѣ: скота много, пастбища хорошія, урожаи богатые. Восточная часть Забайкалья гориста, и горы покрыты лѣсами, изобилующими бѣлками, куницами, медвѣдями; присутствіе звѣря, конечно, развило охотничій промыслъ. Тутъ пѣшіе казачьи батальоны. Въ западной части обиліе пастбищъ и луговъ развило скотоводство; цѣлые табуны лошадей пасутся круглый годъ на обширныхъ пространствахъ, гдѣ на зиму дѣлается иногда нѣсколько крытыхъ загоновъ. Въ Забайкальѣ морозы бываютъ сильные,

но осадковъ мало, снѣгъ мелкій даже не покрываетъ жнитва и травы; лошади копытами выбиваютъ снѣгъ и кормятся всю зиму въ табунахъ. Тутъ Забайкальское конное войско.

Все Амурское и Уссурійское войско составлено изъ переселенцевъ Забайкальскихъ. По жребію пять тысячъ казачьихъ семействъ должны были быть переселены въ теченіе трехъ лѣтъ; на 1860 годъ оставалось 1.200 семействъ. Для этихъ переселенцевъ надо было заготовить лѣсу на постройку паромовъ, баржей и прочихъ мелкихъ судовъ и особый отрядъ баржъ для сплава сѣмянъ. Каждую семью, назначенную на переселеніе, надо было спросить о количествѣ скота и имущества, которое они разсчитываютъ взять съ собой, полагая грузить по 500 пудовъ на каждый паромъ; надо было по этому разсчету вычислить число паромовъ, опросить каждую семью, не имѣетъ ли какихъ-либо уважительныхъ причинъ отложить свое переселеніе на годъ; нѣтъ ли больныхъ въ числѣ переселяющихся, въ особенности заразными болѣзнями, въ какую мѣстность семья желаетъ переселиться, при этомъ однако сообразоваться съ нормой, опредѣленной для каждой станицы; затѣмъ опросить каждую семью о нуждахъ ея.

Въ началѣ Августа посемейные списки переселенцевъ я представилъ Корсакову, который ихъ и утвердилъ. Къ этому времени Ев. Ив. Рагозинъ закончилъ покупку муки; требовалось какъ для переселенцевъ прежнихъ лѣтъ, такъ и для предстоящихъ въ будущемъ году, закупить одинъ милліонъ двѣсти тысячъ пудовъ муки. Урожай 1859 года былъ не изъ хорошихъ, потребность была велика, къ тому же явились скупщики, цѣна поднялась, и надежда была плохая на успѣхъ; предполагалось еще закупъ сдѣлать въ Верхнеудинскѣ на запасъ и сложить тамъ въ магазинѣ. Однако, благодаря энергіи Рагозина, закупъ совершился благополучно, задатки розданы и по зимнему пути, какъ оказалось. все было исполнено, хотя и пришлось нѣсколько поднять первоначальную цѣну, которая была 30 коп. за пудъ.

Окончивъ данное мнѣ порученіе по составленію списковъ переселенческихъ семей, получилъ я другое: провѣрить лѣсные склады по заготовкѣ матеріаловъ для постройки плотовъ, баржъ и мелкихъ судовъ. Это порученіе заняло меня на всю осень. Постройкою судовъ назначенъ завѣдывать маіоръ Тимротъ I-ый.

Какъ заготовка лѣсного матеріала, такъ и постройка судовъ производились Забайкальскими казаками. Хотя за всѣ работы, какъ и за конныя подводы, уплачивалась поденная плата, тѣмъ не менѣе Амурское дѣло было большимъ бременемъ для Забайкальскихъ казаковъ. Вся тяжесть первыхъ шаговъ на Амурѣ легла на Забайкалье, какъ въ силу географическаго положенія, такъ равно и въ силу необ-

ходимости. Тяжесть увеличивало то, что средства, отпускаемыя правительствомъ на это великое дѣло, были скудны, между тѣмъ нельзя было останавливаться ни передъ какой необходимостью. Надо было намъ торопиться стать твердой ногой на дальнемъ Востокѣ. Все должно было исполняться спѣшно и точно.

Никто изъ служащихъ не отговаривался неумѣніемъ или незнаніемъ; всякій работалъ, прилагая къ дѣлу всю свою энергію, всю способность, видя, на сколько это необходимо при данныхъ обстоятельствахъ. Такая лихорадочная дѣятельность конечно имѣла и свои слабыя стороны, происходившія ужъ конечно не отъ недостатка доброй воли піонеровъ Амурскаго дѣла. Многіе изъ экономическихъ вопросовъ были затронуты и разбираемы въ литературѣ того времени, что̀, конечно, не только не вредило дѣлу, но даже помогало ему, хотя къ сожалѣнію иногда замѣтки не были лишены неправды и желчнаго раздраженія: иногда прочтя такую замѣтку, можно было получить ложный взглядъ и на край, и на дѣятелей. Въ Читѣ жилъ въ то время Димитрій Иринарховичъ Завалишинъ; онъ помѣстилъ цѣлый рядъ такихъ статей въ Морскомъ Сборникѣ (Май, Іюнь, Іюль 1859 года), указывая на недостатки дѣла, на нераспорядительность, на разные случаг, о которыхъ до него доходили слухи, о промахахъ мѣстной администраціи.

IV.

Чита.

Небольшимъ кружкомъ Читинскаго общества учреждена была общественная библіотека. Членами ея были служащіе въ Забайкальѣ, въ числѣ которыхъ былъ и М. С. Корсаковъ; библіотекаремъ избранъ былъ Е. И. Рагозинъ. Библіотечные вечера велись обыкновенно подъ предсѣдательствомъ библіотекаря. Конечно интересовались мы полемикой по поводу статей Завалишина, читали ихъ на вечерахъ, разбирали, обсуждали ихъ въ присутствіи Корсакова и часто обращались къ нему съ вопросами за разъясненіемъ, и всегда онъ съ готовностью разъяснялъ намъ то или другое обстоятельство, въ которомъ часто обвинялись онъ или графъ Муравьевъ. Въ моей записной книжкѣ сохранилось нѣсколько возраженій на статьи Завалишина.

1) Правильное и безостановочное плаваніе по Амуру не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока не будетъ промѣренъ фарватеръ и не будутъ устроены водныя станціи.—Есть надежда, что все это будетъ черезъ годъ.

2) Причина дороговизны всѣхъ продуктовъ на Амурѣ заключается не въ недостаткѣ распорядительности, а въ недостаткѣ средствъ для

снабженія переселенцевъ всѣмъ нужнымъ, частью отъ недавности переселенія. Переселенцы еще едва устроили свои жилища, еще не успѣли распахать достаточно земли, чтобы продовольствоваться своимъ хлѣбомъ, частью отъ недостатка частной торговой предпріимчивости.

3) Трудность сухопутнаго сообщенія по берегу Амура происходитъ отъ малаго еще числа жителей, отъ скудности надѣленія ихъ рабочимъ скотомъ, отъ недостатка лошадей, а тѣ лошади, которыя есть, въ зиму до переселенія были изнурены вывозкой лѣса для постройки судовъ. Затѣмъ затрудняютъ сухопутное движеніе многія мѣстныя причины. Рѣчки, впадающія въ Амуръ, овраги и пр. требуютъ мостовъ; по огромности разстоянія нельзя въ такое короткое время отстранить неудобства берегового сообщенія; поэтому лѣтнее сообщеніе между мѣстностями, лежащими по берегу Амура, производится или на пароходахъ, которыхъ пока всего три, или на лодкахъ внизъ по Амуру на веслахъ, а вверхъ на бичевѣ; зимой же движеніе свободное по льду по всему Амуру.

4) До настоящаго времени Амуръ много требуетъ и немало будетъ требовать. Тяжесть, которою онъ лежитъ на Забайкальѣ, есть зло, которое избѣгнуть нельзя было; но это «не неизлѣчимое зло», какъ говоритъ Завалишинъ. Съ привлеченіемъ свободныхъ переселенцевъ, когда усилятся частная предпріимчивость, торговля, когда край устроится, когда разовьется сельское хозяйство, производительность Амурскаго края поднимется, край оживится; тогда онъ будетъ имѣть огромное благотворное вліяніе не на одно Забайкалье; оно же первое воспользуется плодами тѣхъ трудовъ и лишеній, которые настоящее поколѣніе положило въ основу великаго дѣла, а будущія поколѣнія не забудутъ трудовъ своихъ отцовъ и дѣдовъ.

5) По переселенческому движенію изъ Европейской Россіи на Амуръ нельзя не пожелать, чтобы это движеніе имѣло правильную организацію и чтобы не было оно предоставлено на произволъ всѣхъ случайностей, которыя встрѣчаются на пути слѣдованія. Двигаясь на протяженіи пяти тысячъ верстъ, на свои средства, съ семьями, съ имуществомъ, не находя на пути ни пріюта, ни врачебной помощи, переселенцы доходили часто до Красноярска или Иркутска именемъ Христовымъ, больные, истощенные; отсюда ужъ дальнѣйшее слѣдованіе ихъ обезпечено, и насущныя нужды ихъ удовлетворяются въ равной мѣрѣ какъ и переселенцевъ Забайкальскихъ.

Сдѣлавъ нѣсколько сотъ верстъ по Забайкалью въ командировкѣ, мы возвращались въ атаманскій домъ; здѣсь мы находили свѣжія вѣсти изъ «Россіи», письма отъ своихъ, библіотеку съ новыми журналами

(новыми мы называли тѣ, которые не болѣе трехъ недѣль были въ пути).

Устраивали мы кавалькады въ загородныя, красивыя, дикія мѣста. Въ одномъ изъ такихъ уголковъ М. А. Бакунинъ устроилъ себѣ дачу на берегу рѣки, среди вѣкового лѣса; тамъ жилъ онъ съ своей женой Антониной Ксаверьевной и ея сестрой дѣвушкой. Артилерійскіе офицеры устраивали тамъ па утесахъ фейерверки, зажигали Бенгальскіе огни; съ собою конечно привозили мы для дамъ сладости, а для себя не забывали захватить нѣсколько бутылокъ, раскладывали костеръ, и тутъ же любезныя хозяйки готовили намъ ужинъ, Кавказскій шашлыкъ, яичницу и что нибудь подобное. Хоръ нашихъ пѣсенъ звонко раздавался среди горной лѣсистой мѣстности. На многихъ деревьяхъ замѣтили мы надписи: «Concordia», «Discordia». Антонина Ксаверьевна объяснила намъ значеніе ихъ.—«Тутъ я помирилась съ Мишелемъ, а тутъ опять поссорились», и такъ вперемежку. Много было надписей даже на деревьяхъ довольно отдаленныхъ отъ жилья.

Въ Читѣ устраивался пріютъ для сиротъ, и мы надумали устроить въ пользу его спектакль. Я предложилъ себя въ декораторы, Корсаковъ уступилъ для представленія залу атаманскаго дома. Роли какъ нельзя болѣе подходили къ нашимъ любителямъ сценическаго искусства. При первой же читкѣ, роль Чацкаго взялъ Анненскій, Фамусова—Любимовъ, Софья—г-жа Миллеръ, Лиза—Бакунина, Молчалинъ—Чеховичъ и пр. Еще поставили какой-то водевиль. Все удалось превосходно; даже одинъ Москвичъ сказалъ, что забылся, думая, что въ Маломъ театрѣ. А когда Лиза произнесла: «ахъ, амуръ проклятый», вся публика расхохоталась. Частенько же бывало это выраженіе на языкахъ у возвращающихся «на бичевѣ». Собрали болѣе ста рублей въ пользу пріюта.

Въ теченіе всего лѣта въ городскомъ саду каждое Воскресенье игралъ атаманскій оркестръ, въ павильонѣ затѣвались танцы; молодежь не пропускала случая повеселиться.

Объѣзжая Забайкалье, я посѣщалъ училища. Ихъ было церковно-приходскихъ и при батальонныхъ штабахъ 52 училища: 40 приходскихъ и 12 войсковыхъ; въ нихъ учителей и законоучителей 74, учащихся 1590 человѣкъ. Кромѣ этихъ школъ было 13 школъ начальныхъ гражданскаго вѣдомства, да 8 такихъ же предполагалось къ открытію. Въ Читѣ тоже вскорѣ должны были открыться двѣ школы; женскихъ училищъ нѣтъ, и дѣвочекъ не отдаютъ въ училище. Въ приходскихъ школахъ преподавали священники, въ нѣсколькихъ преподавали дьячки или дьяконы. Преподаваніе начиналось съ Церковно-славянскаго. На другой годъ ученія читали еще по складамъ; знали молитвы наизусть, но безъ

всякаго объясненія. Въ войсковыхъ школахъ обученіе шло много лучше; тамъ часто дѣйствительными учителями были офицеры, а у нихъ помощниками учителя, развитіе которыхъ было не велико, по большею частью окончившіе курсъ въ семинаріи. Средствъ у этихъ училищъ было достаточно, содержались они на батальонныя суммы; на эти школы особенно обращалъ вниманіе наказной атаманъ и изъ областныхъ средствъ выдавалъ пособіе па каждую школу. Училища, такъ называемыя гражданскаго вѣдомства, содержались на общественныя средства; учителя получали сто руб.*) годового жалованья, священникъ 45 руб., и на все содержаніе училища и на учебники отпускалось 200 руб.; они были въ вѣдѣніи инспектора училищъ. Учебниковъ покупать на всю школу не на что было,и потому сами ученики откуда-то добывали.

V.

Вѣсти съ Амура.

Въ Октябрѣ обыкновенно возвращаются со сплавовъ и привозятъ свѣжія вѣсти съ Амура. Гвоздевъ, адъютантъ графа, довелъ свой сплавъ довольно хорошо, но при началѣ же сплава, бывшіе на работѣ у него человѣкъ 60 каторжныхъ разбѣжались. Баржи мало садились на мель, но запоздалъ транспортъ съ мукой, такъ что едва ли дойдетъ до Хабаровки. Скотъ сухимъ путемъ идетъ хорошо, сытъ и не болѣетъ. Въ Николаевскѣ все очень дорого, мука 5 пуд. 6 руб. (въ Забайкальѣ 1 р. 50 к. и 2 р.), 1 пудъ картофеля 1 р. 50 к. Наши отношенія съ сосѣдями Манчжурами, Китайцами и прочими очень хороши; охотно берутъ наши деньги, даже кредитные билеты; наши купцы закупили соболей лучшихъ отъ 20 до 25 рубл. Въ Хонганѣ опять появились тигры, часового заѣлъ тигръ. Всѣ пріѣзжающіе съ Амура въ восторгѣ отъ природы Амура. Тѣ, которые два года тому назадъ были на Амурѣ, не узнали его. Болѣе 30 верстъ нѣтъ разстоянія между станицами; поля около нихъ вспаханы и засѣяны, колосья тучные, трава такая, что лошади въ ней не видать. Позднихъ морозовъ не было, раннихъ заморозковъ тоже; при устьѣ же климатъ холоднѣе, зима суровая.

Извѣстія изъ Китая не радостныя; Китайскій императоръ все еще не хочетъ ратификовать трактата. Членъ нашего посольства въ Пекинѣ Усольцевъ на дняхъ проѣхалъ изъ Пекина въ Петербургъ съ депешами отъ Н. П. Игнатьева, который замѣнилъ Перовскаго, бывшаго нашего посланника въ Пекинѣ; говорятъ, Перовскій очень испортилъ наши от-

---

*) Цѣны на жизненные продукты въ Забайкальѣ въ то время были слѣдующія: говядина фун. 3 коп., мука 1 пуд. 30 к., чай фунтъ 1 руб., сахаръ отъ 40 до 75 коп. за фунтъ.

ношенія къ Китайскому правительству. Англійская эскадра лѣтомъ зашла въ заливъ Пейхо, стала угрожать Пекину, настаивая на исполненіи своихъ требованій, при чемъ одинъ пароходъ подъ посольскимъ флагомъ противъ Пекина сѣлъ на мель. Съ Пекинскихъ батарей онъ былъ разбитъ, при чемъ погибъ весь экипажъ. Англія требуетъ удовлетворенія; Китай готовится къ войнѣ съ Англіей и Франціей.

5-го Ноября пріѣхалъ чин. особ. пор. Бютцовъ съ депешами отъ Муравьева къ Государю о Японскихъ дѣлахъ и о Китаѣ. Графъ Муравьевъ пробылъ въ Іедо 20 дней. Всѣ старанія графа добиться присоединенія южной части Сахалина безуспѣшны. Японія открыла для Русской торговли три порта, но мѣнять трактатъ, заключенный съ адмираломъ Путятинымъ, не желаетъ, говоря, что прошло всего два года, Россія тогда была довольна, новаго не заключаетъ. Одинъ нашъ морской офицеръ убитъ и съ нимъ матросъ. Графъ требовалъ удовлетворенія, убійцу разыскали и казнили какъ разбойника. Съ Китаемъ графъ домогается всего Уссурійскаго края съ гаванью Посьетъ. На обратномъ пути графа встрѣтилъ на Уссури Китайскій посланникъ, заявившій, что «Небесная Имперія» желаетъ быть въ дружбѣ съ Россійской Имперіей. Китай увѣренъ, что если Россія не поможетъ Англіи и Франціи, то Китай ихъ побѣдитъ. Объ Уссури онъ передалъ графу рѣшительный отказъ Китайскаго правительства. Графъ сильно былъ раздраженъ и, говорятъ, нагналъ страхъ на посланника «Небесной Имперіи».

Графъ теперь ѣдетъ въ Благовѣщенскъ, гдѣ будетъ трактовать съ другимъ посланникомъ отъ Китайскаго императора, который дожидается графа въ Айхунѣ. 24-го Ноября пріѣхалъ изъ Петербурга Хитрово, который ѣдетъ съ депешами къ графу. По словамъ Хитрова, Горчакову удалось вразумить Англію и Францію, что ихъ требованія, относящіяся къ Китаю, несправедливы. Возстаніе въ Индіи отвлекаетъ вниманіе Англіи отъ Китая, а у Франціи осложнились дѣла въ Марокко; надо намъ воспользоваться этимъ и оказать услугу Китаю, отвлечь союзный флотъ отъ его береговъ и тѣмъ сдѣлать Китайское правительство уступчивѣе въ интересахъ Россіи. Н. П. Игнатьевъ удачно дѣйствуетъ въ Пекинѣ.—Графа ожидаемъ въ Читу въ концѣ Декабря. Зима стоитъ холодная, вьюги и мятели. Проѣхали въ Петербургъ баронъ Розенъ. Графъ въ Благовѣщенскѣ. Переговоры графа съ Китайскимъ уполномоченнымъ успѣшны, но все-таки объ Уссурійскомъ краѣ не рѣшено.

VI.

Поѣздка въ Иркутскъ по кругоморскому тракту.

6-го Декабря командированъ я Корсаковымъ въ Иркутскъ; поручено мнѣ привезти 50 тысячъ. Байкалъ еще не сталъ; надо ѣхать кругоморскимъ трактомъ. Я поѣхалъ на Кяхту, гдѣ догналъ барона Розена, котораго засталъ у тамошняго градоначальника, Деспонъ-Зеновича. Вмѣстѣ отправились мы осмотрѣть Маймачинъ. Глубокій ровъ, черезъ который перекинутъ подъемный мостъ, обозначаетъ границу Россіи и Китая. Оригинальность улицъ, построекъ, товаровъ, жителей, все конечно привлекаетъ вниманіе человѣка, не видавшаго этой своеобразной жизни обитателей «Небесной Имперіи». Накупивъ бездѣлушекъ, торопились мы въ дальнѣйшій путь. Погода была холодная; пять станцій пришлось намъ ѣхать верхомъ; дикая природа, голыя обнаженныя скалы; бушующій Байкалъ вздымаетъ громадныя льдины и разбиваетъ ихъ объ утесы. Узенькая тропа надъ обрывомъ вьется около голой скалы, двумъ верховымъ на ней трудно разъѣхаться; мѣстами дорога была такая обледенѣлая, что лошади наши скользили; мы предпочитали въ такихъ мѣстахъ идти пѣшкомъ. Многое на этомъ пути напоминаетъ мнѣ Кавказъ.

Въ Иркутскѣ я пробылъ два дня, пока начальникъ штаба Болеславъ Казимировичъ Кукель приготовлялъ все для моего отправленія. Въ эти два дня я успѣлъ быть на балу и въ театрѣ, куда пригласилъ меня Кукель въ свою ложу съ его семействомъ. Курьерская тройка уже стояла у его подъѣзда; поужинавъ у него, я получилъ бумаги и 50 тысячъ; выѣхалъ я въ 2 часа ночи изъ Иркутска. Погода была ужасная, вьюга такъ и завывала, кругоморскимъ трактомъ пришлось ѣхать верхомъ верстъ сто слишкомъ. Морозъ былъ сильный (32°/₀ Реомюра). На мнѣ были маленькій полушубчикъ, Кавказская бурка и Сибирская мѣховая шапка; мѣстами приходилось идти пѣшкомъ. Со мною ѣхали казакъ и ямщикъ Бурятъ. Въ мѣховыхъ переметныхъ сумахъ, въ торокахъ за сѣдломъ съ моими вещами, лежалъ и казенный мѣшокъ съ 50 т. руб. Метель была сильная; казакъ, ѣхавшій за мною, замѣтилъ, что сумки нѣтъ; оказалось, что тороки оборвались. Мы остановились и пошли по слѣду искать сумку; я боялся, что она скатилась въ кручу. Отъ волненія я послѣ нѣсколькихъ шаговъ отказался идти дальше, остался съ лошадьми и плохо провелъ полчаса, пока не услышалъ голосъ казака «нашелъ»! Сумку почти совсѣмъ ужъ замело снѣгомъ. Послѣ этого я привязалъ ее впереди себя. Въ курной избѣ, гдѣ мы должны были мѣнять лошадей, станціонный казакъ сказалъ мнѣ, что на дняхъ проѣхалъ преосвященный Иннокентій ко вновь обращеннымъ

Бурятамъ.—Какъ? Въ такую погоду, по такой дорогѣ! Да въ чемъ же ѣхалъ онъ? спросилъ я.—Верхомъ съ однимъ монахомъ.—Господи, вотъ подвижникъ! воскликнулъ я.—Тутъ есть нѣсколько семей, которыя недавно приняли христіанство.

Только что я въѣхалъ во дворъ атаманскаго дома, какъ замѣтилъ необычайное движеніе. Пріѣхалъ графъ. По обыкновенію прямо изъ саней вошелъ я въ пріемную; вышелъ Корсаковъ, принялъ отъ меня сумку и мѣшокъ съ деньгами и тутъ же представилъ меня графу. Тутъ узнали мы о благополучномъ окончаніи дѣла по Айхунскому трактату.

Еще за нѣсколько времени до пріѣзда графа мы надумали передъ баломъ, который назначенъ былъ въ атаманскомъ домѣ на 21 Декабря, устроить живыя картины. Залъ весь былъ убранъ военными арматурами, знаменами, съ надписями всѣхъ замѣчательныхъ мѣстъ по Амуру, Уссури и берегу океана, а на хорахъ зала живыя картины:

1) Дѣвочка съ крынкой молока на головѣ, и она же передъ разбитой крынкой. (Г-жа Подгурская).

2) Русская пляска. (Г-жа Лапина и г. Рагозинъ).

3) Аллегорія: р. Амуръ, въ видѣ амура, m-elle Проперъ, одной рукой облокотилась на Амурскаго казака (Головинъ), а въ другой рукѣ лукъ и стрѣла. Передъ ней рѣка, черезъ которую Китаецъ (Шишмаревъ) передаетъ Русскому крестьянину (мнѣ) корзину съ плодами.

4) Всѣ народы Восточной Сибири въ національныхъ костюмахъ, передъ ними Русскій крестьянинъ держитъ на блюдѣ хлѣбъ-соль. При этомъ оркестръ игралъ Амурскій маршъ.

Картины чрезвычайно удались, графъ Муравьевъ былъ очень доволенъ и благодарилъ всѣхъ насъ. Танцы и ужинъ продолжались до 4 часовъ. Утромъ графъ и Корсаковъ уѣхали въ Иркутскъ; мы всѣ, человѣкъ 15, провожали ихъ до первой станціи верхомъ, при чемъ джигитовали на славу. На первой станціи была прощальная закуска съ Шампанскимъ. Изъ Иркутска графъ Муравьевъ уѣхалъ въ Петербургъ и за границу, а Корсаковъ остался исправлять должность генералъ-губернатора и впослѣдствіи утвержденъ въ этой должности.

ГРАФЪ В. А. БОБРИНСКІЙ.

Его поѣздка въ Балтійскій край.

1864.

Дѣятели 60-хъ годовъ сего столѣтія, сотрудники императора Александра II-го, одинъ за другимъ сходятъ съ жизненной арены. Въ нынѣшнемъ 1898 году скончался въ Кіевской губерніи бывшій министръ путей сообщенія, графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринскій [1]). Министромъ былъ онъ недолго, но оставилъ за собою широкій слѣдъ своей честной и безупречной дѣятельности. Онъ первый понизилъ поверстную цѣну со 100 и 85 тысячъ на 50 и 35 тысячъ, наложивъ узду благоразумія на безпредѣльные аппетиты гг. концессіонеровъ. Трата казною непроизводительныхъ десятковъ милліоновъ на прихоти желѣзнодорожныхъ строителей кончилась при немъ.

Назначенный въ свиту его императорскаго величества, 24 Апрѣля 1855 года за отличіе въ сраженіяхъ во время Крымской кампаніи, графъ Бобринскій, будучи лично извѣстенъ его величеству, какъ безукоризненно-честный и безупречный человѣкъ, весьма часто получалъ серьезныя порученія и посыланъ былъ въ провинціи въ экстренныхъ случаяхъ. Къ одной изъ такихъ серьезныхъ и важныхъ командировокъ относится, конечно, его поѣздка въ Балтійскій край, для выясненія положенія Латышей и Эстовъ, перешедшихъ въ Православіе; но, къ сожалѣнію, его изслѣдованіе оказалось не на пользу Русскаго дѣла [2]). Въ высшія административныя сферы поступали массами просьбы и записки всякаго рода о желаніи Латышей и Эстовъ обратно

---

[1]) См. статью о немъ князя Д. Д. Оболенскаго, въ „Р. Архивѣ“ сего года, II, 462.

[2]) Есть люди, для которыхъ слово Россія стоитъ такъ высоко, что Русскимъ дѣломъ они признаютъ лишь дѣло честное, справедливое, и не называютъ Русскимъ дѣломъ того, что̂ бываетъ дѣломъ людей пристрастныхъ и основано на извращеніи истины и на оффиціальномъ обманѣ. Покойный графъ В. А. Бобринскій принадлежалъ именно къ этого рода бойцамъ за Русское дѣло и оставался вѣренъ ему и въ траншеяхъ передъ Силистріею, и на бастіонахъ Севастополя, и при исполненіи данныхъ ему Государемъ порученій. Онъ былъ изъ тѣхъ,

Кого не обольстятъ толпы рукоплесканья,
Кого не уязвитъ нахальной черни свистъ. *Б.*

вернуться въ Лютеранскую и Реформатскую вѣру. Православныхъ батраковъ и арендаторовъ гг. бароны прямо-таки безжалостно лишали крова и хлѣба. Извѣстный въ Европѣ Евангелическій Союзъ особенно покровительствовалъ этому возвращенію въ Лютеранство и, конечно, наши Балты были того же мнѣнія и помогали Союзу всячески, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ къ тому средства. Этотъ Евангелическій Союзъ, въ лицѣ одного своего члена, весьма вліятельнаго, Вюрстенбергера, распространялъ во всей Европѣ ужасы объ угнетеніи якобы Лютеранской вѣры и насиліи, дѣлаемомъ Православными, чего никогда не было. Изъ рапорта же графа Бобринскаго Вюрстенбергеръ дѣлалъ выводы и заключенія, совершенно не соотвѣтствующіе истинному положенію дѣла, т.-е., другими словами, клеветалъ на Православное духовенство и писалъ то, чего не было въ рапортѣ графа Бобринскаго, подлинника котораго онъ и не видалъ: на просьбу его сообщить ему копію съ подлинника онъ получилъ отъ графа Бобринскаго отказъ въ довольно даже рѣзкой формѣ *).

Положеніе Православныхъ было крайне тяжко. Князь А. А. Суворовъ принялъ сторону пасторовъ и бароновъ и вошелъ въ крупныя пререканія съ мѣстными Православными епископами, сперва съ Филаретомъ (удаленнымъ по его просьбѣ изъ Риги), а затѣмъ и съ Платономъ. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, Д. Г. Бибиковъ, былъ недоволенъ дѣйствіями князя Суворова. Отношенія, образовавшіяся между баронами и Лютеранскими пасторами съ одной, и перешедшими въ Православіе Латышами и Эстами съ другой стороны, дѣлались день ото дня все хуже и невозможнѣе, и вотъ, въ 1864 году, былъ командированъ свиты его величества генералъ-маіоръ, графъ Владимиръ Алексѣевичъ Бобринскій, въ Балтійскій край. Отношенія эти и германизаторская пропаганда нашихъ бароновъ разработаны до тонкости въ четырехъ томахъ „Нашихъ Окраинъ", Юріемъ Ѳеодоровичемъ Самаринымъ, который отнесся весьма строго къ рапорту графа Бобринскаго императору Александру II-му. По словамъ Ю. Ѳ. Самарина, графъ Бобринскій, принадлежа къ высшему аристократическому Петербургскому кругу, нисколько не былъ знакомъ съ вопросомъ, по которому онъ былъ командированъ. Онъ очутился въ Балтійскомъ краѣ въ высшемъ Нѣмецкомъ обществѣ, подъ вліяніе коего и подпалъ, которое видѣло въ переходѣ кореннаго населенія въ Православіе *преграду* своимъ германизаторскимъ тенденціямъ, а потому усиленно тормозило этотъ переходъ и препятствовало ему. А Нѣмцамъ это было легко сдѣлать: вся власть административная и судебная была

*) По возвращеніи изъ Балтійскаго края, графъ Бобринскій немедленно призвалъ военнаго писаря, для переписки своего рапорта и записки на бѣло. Изъ осторожности переписка эта происходила у него въ комнатѣ и при немъ. Черновую онъ передалъ на храненіе одному изъ своихъ братьевъ, который ее заперъ въ ящикъ, гдѣ она и по сей день лежитъ. Черезъ очень короткій срокъ, къ общему удивленію, записка эта появилась напечатанною въ Берлинѣ! *Б.*

въ ихъ сословныхъ рукахъ, также и матеріальное богатство, *земля*, съ которой они гнали преимущественно всѣхъ Православныхъ, очутившихся въ безвыходномъ положеніи, а потому готовыхъ вернуться въ Лютеранскую а пожалуй и въ какую угодно вѣру, лишь бы спасти отъ голодной смерти себя и семьи свои, вытолкнутые на улицу. „Рапортъ графа Бобринскаго“, пишетъ Ю. Ѳ Самаринъ, „находится за границею у всѣхъ въ рукахъ и принимается за непререкаемое свидѣтельство. Да и можетъ ли быть иначе? Изо всей многотомной переписки о Православныхъ Латышахъ и Эстахъ выхваченъ и обнародованъ одинъ этотъ документъ, по фактическому содержанію самый бѣдный, а по характеру выраженныхъ въ немъ сужденій доказывающій только, какъ легко человѣкъ, не приготовленный къ дѣлу *) серьезнымъ, предварительнымъ изученіемъ и не наученный опытомъ сомнѣваться въ безошибочности личныхъ своихъ впечатлѣній, поддается вліянію совершенно новой для него среды и усвоиваетъ себѣ ея воззрѣнія. О цѣломъ же рядѣ другихъ документовъ, предшествовавшихъ и позднѣйшихъ, объ отчетахъ трехъ оберъ-прокуроровъ, пяти генералъ-губернаторовъ, трехъ архіереевъ, многихъ другихъ должностныхъ лицъ, подолгу жившихъ въ Лифляндіи, не принимавшихъ прямого участія въ обращеніи Латышей и Эстовъ и разновременно свидѣтельствовавшихъ о тѣхъ пріемахъ, посредствомъ которыхъ новообращенные частью переманивались, частью подгонялись обратно въ Лютеранство, никто за границей не имѣетъ понятія. Не отъ г-на Бокка же и не отъ Эккарта ожидать намъ, чтобы они вывели наружу и огласили темныя интриги своихъ земляковъ“.

Однимъ изъ самыхъ жестокихъ явленій въ Балтійскомъ краѣ было право помѣщика отказать *во всякое время* арендатору отъ аренды, т.-е. отъ земли, и этимъ правомъ особенно широко пользовались Балты въ отношеніи несчастныхъ жителей, перешедшихъ въ Православіе. Куда было имъ дѣваться? И вотъ явилась мысль поселять ихъ на казенныхъ земляхъ, коими располагало тамъ Министерство Государственныхъ Имуществъ.

Первая мысль о водвореніи безземельныхъ Православныхъ крестьянъ на казенныхъ земляхъ возникла по мысли епископа Рижскаго Платона не ранѣе, какъ въ 1849 году, т.-е. когда не только прекратилось стремленіе перехода изъ Лютеранства въ Православіе, но когда уже обнаружились признаки обратнаго движенія, и когда епархіальное управленіе стало заботиться о предупрежденіи отпаденія отъ Православной вѣры. Но до 1849 года не было ни одной попытки оказать хотя бы косвенное продиводѣйствіе систематическому разоренію, коему подвергались крестьяне, въ отмщеніе за переходъ въ Православіе. Когда дѣло дошло до того, что обезземеленное Православное населеніе стало отворачиваться отъ церкви, бывшій преосвященный Рижскій Платонъ написалъ въ Декабрѣ 1849 года конфиденціальное отношеніе князю Суворову, гдѣ изобразилъ въ яркихъ краскахъ бѣд-

*) Люди, находившіеся въ сношеніяхъ съ графомъ В. А. Бобринскимъ, знаютъ, что въ немъ была нравственная подготовка ко всякому честному дѣлу, съ которымъ связана любовь къ родинѣ и преданность вѣрѣ Православной. *Б.*

ственное положеніе крестьянъ, ихъ беззащитность „въ судахъ и холодное ожесточеніе помѣщиковъ, коихъ не могли умилостивить ни слезы несчастныхъ, ни его ходатайство, ни даже заступничество вашей свѣтлости". Князю Суворову непріятенъ былъ возбужденный преосвященнымъ Платономъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что сей послѣдній написалъ о томъ же графу Киселеву, который принялъ видимо дѣло къ сердцу. Но все же князю Суворову удалось затормозить дѣло о поселеніи крестьянъ на казенныхъ земляхъ на нѣсколько лѣтъ, до отъѣзда графа Киселева въ Парижъ посломъ изъ министровъ государственныхъ имуществъ. Уже долго спустя, дѣло это получило движеніе, при сочувствовавшемъ ему министрѣ, генералъ-адъютантѣ Зеленомъ, когда князя Суворова уже не было въ краѣ. И то какихъ это стоило усилій! И черезъ многіе годы, при дѣятельномъ участіи Эстляндскаго губернатора Н. М. Галкина-Враскаго и управлявшаго Палатой Государственныхъ Имуществъ С. Н. Шафранова, лишь часть Православныхъ крестьянъ была водворена на казенныхъ земляхъ Балтійскаго края. Всѣ генералъ-губернаторы почти обходили этотъ вопросъ, не желая ссориться съ Балтами.

Донесеніе графа Бобринскаго, правдивое по его крайнему разумѣнію, было на руку Балтамъ. Воспроизводимъ его дословно.

Князь Д. Оболенскій.

1898. Октябрь.

Донесеніе графа В. А. Бобринскаго о Балтійскомъ краѣ.

Его Императорскому Величеству

Свиты Вашего Величества генералъ-маіора графа Бобринскаго

Рапортъ.

При исполненіи возложеннаго на меня Вашимъ Величествомъ порученія въ Лифляндіи я объѣхалъ Феллинскій и Перновскій уѣзды, изъ которыхъ многіе Православные подавали уже прошенія о предоставленіи имъ права исповѣдывать Лютеранскую религію и въ коихъ болѣе всего до сихъ поръ обнаруживалось уклоненіе жителей отъ крещенія дѣтей и принятія Святого Причастія по обрядамъ Православной церкви.

Въ другіе уѣзды я не рѣшился ѣхать, зная достовѣрно, что одно только мое появленіе возбудитъ демонстрацію въ пользу Лютеранства.

Въ Феллинскомъ уѣздѣ я видѣлся съ семью Русскими священниками, въ Дерптѣ съ двумя, въ Перновскомъ уѣздѣ съ пятью. Я спрашивалъ у каждаго изъ нихъ: можетъ ли онъ мнѣ указать на Православный приходъ, въ которомъ большинство прихожанъ не изъявило бы желанія перейти обратно въ Лютеранство. Всѣ отвѣчали мнѣ порознь отрицательно.

Около села Гельмета я вытребовалъ по 2 человѣка изъ 12-ти различныхъ мызъ; вмѣсто 24 человѣкъ явилось около 400. Слухъ о моемъ пріѣздѣ распространился по губерніи, и я нашелъ въ Оберъ-Паленѣ болѣе 600 человѣкъ, которые ждали моего прибытія; въ г. Феллинѣ я засталъ уже болѣе 1000 человѣкъ.

Для избѣжанія подобныхъ сборищъ въ Перновскомъ уѣздѣ, я просилъ мѣстное начальство сдѣлать самое строгое распоряженіе, чтобы никто не являлся ко мнѣ въ уѣздный городъ, кромѣ опредѣленнаго числа лицъ, вызванныхъ мною изъ различныхъ приходовъ. Въ Перновѣ я вытребовалъ изъ 10-ти разныхъ мѣстъ по 15-ти человѣкъ.

Вездѣ крестьяне убѣдительно и со слезами просили меня передать Вашему Величеству ихъ просьбу о томъ, чтобъ дозволено было имъ самимъ или по крайней мѣрѣ ихъ дѣтямъ исповѣдывать Лютеранскую вѣру. При этомъ поразилъ меня одинъ фактъ, что изъ всѣхъ явившихся ко мнѣ крестьянъ ни одинъ не подавалъ мнѣ просьбъ не касающихся вѣроисповѣданія, за исключеніемъ только десяти или пятнадцати человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ изъявленіемъ желанія остаться Православными, просили объ улучшеніи ихъ матеріальнаго быта.

Я говорилъ не съ массою крестьянъ, а вызвавъ поочередно по шести человѣкъ въ комнату, бесѣдовалъ съ ними въ присутствіи Русскаго священника и орднунгсрихтера.

Нравственное положеніе этихъ несчастныхъ семействъ, отставшихъ отъ Лютеранства, не приставшихъ въ душѣ къ Православію и не исповѣдывающихъ дѣйствительно никакой религіи, самое жалкое, самое безотрадное.

Отпуская крестьянъ, я объявлялъ имъ, что существующіе законы на счетъ Православныхъ не отмѣнены, что Православные не могутъ переходить обратно въ Лютеранство, и что дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ должны быть окрещиваемы въ Православіе.

Это объясненіи они выслушивали съ глубокою, непритворною горестью, но съ полною покорностью. Они на колѣняхъ еще разъ умоляли меня передать Вашему Величеству ихъ надежды на Ваше, Государь, милосердіе.

Изъ обвиненій, возводимыхъ Православнымъ духовенствомъ противъ Лютеранскихи пасторовъ и ихъ пропаганду, оказались достойнымъ вниманія отдѣльные два случая: одинъ пасторъ по просьбѣ крестьянъ написалъ нѣкоторымъ изъ нихъ прошенія о предоставленіи имъ права вернуться въ Лютеранство; другой записалъ фамиліи крестьянъ, явившихся къ нему съ такою же просьбой.

Подобнаго рода случаи рѣшительно не могли возбудить нынѣшняго общаго и единодушнаго настроенія народонаселенія. Факты, собранные мною при посѣщеніи всѣхъ вышеозначенныхъ приходовъ и позаимствованные мною единственно изъ разговоровъ съ Православными священниками и Православными крестьянами, я изложилъ въ главныхъ чертахъ въ прилагаемой при семъ запискѣ. Совокупность этихъ фактовъ приводитъ меня къ положительному убѣжденію, что изъ

числа 140,000 Православныхъ, числящихся по оффиціальнымъ даннымъ въ Лифляндіи, едва $^1/_{10}$ часть можетъ быть дѣйствительно исповѣдуетъ Православную вѣру; остальные же не только никогда душою не были Православными, но и въ исполненіи внѣшнихъ своихъ религіозныхъ обязанностей придерживаются и понынѣ, по мѣрѣ возможности, обычаевъ и обрядовъ Лютеранской церкви.

Ваше Величество, тяжело мнѣ было и какъ Православному, и какъ Русскому, видѣть своими глазами униженіе Русскаго Православія яснымъ обнаруживаніемъ этого оффиціальнаго обмана.

Не искреннія слова этихъ несчастныхъ семействъ, обращающихся къ Вашему Величеству съ смиренною, но пламенною просьбой предоставить имъ право исповѣдывать религію по влеченію ихъ совѣсти, не эти откровенныя и трогательныя выраженія ихъ чувствъ произвели на меня тяжелое впечатлѣніе, но то именно, что это насиліе совѣсти и всѣмъ извѣстный оффиціальный обманъ соединены неразрывно съ мыслію о Россіи и Православіи.

18 Апрѣля 1864 года.

Записка о состояніи Православія въ Лифляндіи въ 1864 году.

Настоящее волненіе Православнаго народонаселенія, клонящагося къ возвращенію въ Лютеранство, не имѣетъ характера временнаго увлеченія, но есть естественное послѣдствіе постепеннаго развитія тѣхъ же элементовъ, кои имѣли вліяніе на религіозную и нравственную жизнь народа съ 1845 года.

Крестьяне, кои въ Лифляндской губерніи перешли въ 1845 году къ Православію, воспитанные въ правилахъ Лютеранской вѣры, не были увлечены религіозными убѣжденіями, но лишь надеждою улучшить вообще свой матеріальный бытъ. Это фактъ неоспоримый, вполнѣ сознаваемый Русскимъ духовенствомъ.

Движеніе это не было сосредоточено въ одной или въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; такъ что тѣ, кои приняли Православіе, оставаясь на прежнихъ мѣстахъ жительства, нигдѣ не составляли ни сплошной массы, ни большинства, а большею частію были разбросаны по всему пространству губерніи отдѣльными личностями или семействами, живущими посреди народонаселенія, оставшагося вѣрнымъ Лютеранству.

При столь неблагопріятныхъ началахъ и данныхъ единственными средствами для утвержденія и упроченія Православія были бы: 1) дѣятельное сближеніе Русскихъ священниковъ съ своими новыми прихожанаии, 2) устройство и поддержаиіе церковныхъ учрежденій Православія на уровень съ учрежденіями Лютеранства.

Къ несчастію, оба эти условія не были соблюдены.

1) Малочисленность назначенныхъ въ Лифляндіи Православныхъ священниковъ и вслѣдствіе этого отдаленіе священниковъ отъ мѣста жительства прихожанъ положили непреодолимыя препятствія ко всякому сближенію между духовенствомъ и народомъ.

Какъ сельское народонаселеніе въ Лифляндіи поселено не въ деревняхъ, а проживаетъ большею частію въ отдѣльныхъ домахъ или группахъ домовъ, построенныхъ посреди полей, то при малой числительности Православнаго народонаселенія, повсюду разбросаннаго между Лютеранами и при ограниченномъ числѣ назначенныхъ Православныхъ приходовъ — оказывается, что приходы обнимаютъ пространство земли отъ 300 до 1000 квадратныхъ верстъ и что посему мѣста жительства многихъ прихожанъ отдалены отъ церквей и мѣста жительства священниковъ на 20, 30 и даже на 50 верстъ.

Мы видимъ съ одной стороны: бывшихъ Лютеранъ, принявшихъ Православіе безъ религіознаго убѣжденія въ надеждѣ улучшить свой матеріальный бытъ и горько обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ, съ другой же стороны: духовенство, лишенное возможности сблизиться съ вновь обращенными и пріобрѣсти посредствомъ постоянныхъ сношеній съ прихожанами нравственное вліяніе на нихъ.

При подобныхъ условіяхъ Православіе не могло окрѣпнуть посреди Лютеранскаго края.

2) Въ періодъ времени отъ 1845 до 1864 года Лютеранское духовенство и вообще Лютеранское народонаселеніе употребило всевозможныя усилія для усовершенствованія нравственнаго и матеріальнаго состоянія своихъ церковныхъ учрежденій, и въ продолженіе этого 19-лѣтняго періода каждый шагъ впередъ въ общемъ уровнѣ образованія и благосостоянія края отозвался и въ отношеніи ко всему религіозному быту Лютеранства.

Не то явленіе представляетъ исторія Православія въ Лифляндіи въ продолженіе этого же самаго періода времени. Средства, данныя правительствомъ, до того были скудны, что рѣшительно всѣ религіозныя учрежденія Православія не только во всѣхъ отношеніяхъ уступаютъ Лютеранскимъ, но даже носятъ до сихъ поръ отпечатокъ бѣдности и временнаго непрочнаго устройства. Православіе нигдѣ не пустило корней, нигдѣ не сроднилось ни съ убѣжденіями, ни съ привычками, ни съ образомъ жизни народа.

До сихъ поръ изъ предназначенныхъ для Лифляндской губерніи 113 церквей выстроено всего 46; многія изъ церковныхъ зданій, наскоро и дурно построенныя и мало ремонтируемыя, приходятъ уже въ ветхость; эти церкви такъ бѣдны, что едва удовлетворяютъ чувство приличія посѣтителя. 54 церкви помѣщаются до сихъ поръ въ наня-

тыхъ для сего домахъ, сараяхъ, амбарахъ, иконостасы изъ сколоченныхъ досокъ, помѣщенія грязныя, тѣсныя, бѣдныя.

Въ 13 приходахъ вовсе нѣтъ ни церквей, ни священниковъ, и прихожане присоединены временно къ сосѣднему приходу.

Лютеранскія церкви въ цѣлой Лифляндіи каменныя, красивыя зданія.

Православные священники, получая 400 р. жалованья и 250 р. на разъѣзды, живутъ бо́льшею частью въ нанятыхъ помѣщеніяхъ, въ крестьянскихъ избахъ, живутъ бѣдно, будучи лишены всякихъ сельскихъ удобствъ (въ родѣ пастбищныхъ мѣстъ, выгоновъ, хорошихъ огородовъ и т. д.). Они притомъ совершенно отчуждены отъ общественной жизни высшихъ классовъ (Лютеранскаго) народонаселенія. До сихъ поръ не всѣ Русскіе священники хорошо владѣютъ Эстонскимъ языкомъ, единственнымъ языкомъ, понятнымъ для народа.

Лютеранскіе пасторы живутъ въ приличныхъ домахъ, пользуются доходами съ земли пастората (отъ 1500 до 3000 р. с.), всѣ они кончили курсъ ученія въ университетахъ со степенью кандидата или дѣйствительнаго студента; они занимаютъ почетное мѣсто въ обществѣ и составляютъ, такъ сказать, одно звено въ общей системѣ политическихъ учрежденій края.

Православныхъ школъ въ Лифляндіи въ настоящее время 310; онѣ помѣщаются въ крестьянскихъ избахъ; въ нѣкоторыхъ частяхъ Лифляндіи школы эти, за неимѣніемъ другого помѣщенія, находятся въ курныхъ избахъ.

По причинѣ малаго числа школъ и раскинутому мѣсту жительства прихожанъ, весьма обременительно для родителей посылать своихъ дѣтей въ школы на большія разстоянія. Учителя (шульмейстеры) получающіе самое ничтожное содержаніе, далеко неудовлетворительны (нѣкоторые изъ бывшихъ шульмейстеровъ отклоняются даже теперь отъ Православія).

Лютеранскихъ школъ въ Лифляндіи 1000; онѣ помѣщаются въ хорошо построенныхъ для этой цѣли домахъ; шульмейстеры, подготовленные для своей должности, въ особыхъ, назначенныхъ для сего учебныхъ заведеніяхъ, соотвѣтствуютъ большею частью своему назначенію; они дорожатъ своими мѣстами, соединеными съ матеріальными преимуществами.

Школы вообще играютъ важную роль въ жизни Лифляндскаго крестьянина; въ нихъ дѣти его обучаются грамотѣ и догматамъ вѣры; въ Лютеранскихъ же школахъ родители, по отдаленности церквей, собираются по Субботамъ и Воскресеньямъ на молитвы, и слушаютъ проповѣди, читаемыя имъ шульмейстеромъ или однимъ изъ прихожанъ.

При преимуществѣ всѣхъ Лютеранскихъ учрежденій надъ учрежденіями Православной церкви, при невозможности всякаго сближенія между Русскими священниками и народомъ, наконецъ при самой

отдаленности церквей отъ мѣста жительства прихожанъ, при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, самые обряды и вся внѣшняя религіозная жизнь Православія остались совершенно чуждыми новообращеннымъ.

Русское духовенство такъ хорошо поняло всю шаткость положенія Православія въ Лифляндіи, что оно разрѣшило многія отступленія отъ правилъ церковныхъ, только для того, чтобы принаровиться къ закоренѣлымъ привычкамъ Лютеранства въ народѣ.

Посты не соблюдаются, огромное большинство прихожанъ не ходитъ въ церкви по воскреснымъ днямъ; обращенные продолжаютъ дома молиться по Лютеранскимъ молитвеннымъ книгамъ и постоянно посѣщаютъ Лютеранскія кирки; нѣкоторые священники разрѣшили даже пѣть въ Православныхъ церквахъ Лютеранскіе гимны; наконецъ, къ принятію Святаго Причастія духовенство, по малой вмѣстительности Православныхъ церквей, созываетъ по очереди въ продолженіе года своихъ прихожанъ посредствомъ сельской полиціи (большая часть прихожанъ совершаетъ до сихъ поръ безъ сопротивленія этотъ обрядъ).

Послѣ всего вышеизложеннаго, выписаннаго мною *единственно* со словъ Православныхъ священниковъ и Православныхъ крестьянъ, рождается невольно вопросъ, на какомъ основаніи правительство полагаетъ, что лица, записавшіяся въ 1845 году въ Православіе и ихъ дѣти, исповѣдывали и до сихъ поръ исповѣдуютъ Православную вѣру, тогда какъ въ дѣйствительности вновь обращенные не только не имѣютъ понятія о догматахъ и ученіяхъ вѣры, но даже не исполняютъ церковныхъ обрядовъ.

Всѣ Русскіе священники, съ коими я имѣлъ случай говорить, вполнѣ сознаютъ, что, при предоставленіи каждому свободы вѣроисповѣданія, едва ли значительная часть обращенныхъ осталась бы вѣрною Православію.

Примѣры уклоненія отъ исполненія церковныхъ обрядовъ и отъ самаго Православія приняли такіе размѣры, что Русское духовенство постоянно обращается къ мѣстнымъ властямъ съ требованіями о принятіи мѣръ къ прекращенію этого движенія.

Къ несчастію, мѣры, коими мѣстныя власти могутъ располагать для сего, ограничиваются мѣрами полицейскими.

Вмѣшательство полиціи въ подобныя дѣла, не уничтожая причинъ глубокаго нерасположенія большинства народонаселенія и роняя достоинство Православія, не можетъ имѣть благопріятныхъ послѣдствій въ религіозномъ отношеніи и повредитъ только политическому положенію правительства въ Прибалтійскомъ краѣ.

Принятіе же строгихъ экстренныхъ мѣръ можетъ довести многочисленныхъ уклоняющихся отъ Православія до крайности и до отчаянныхъ

попытокъ противъ Русскихъ церквей и священниковъ: тогда пришлось бы строгимъ взысканіемъ, направленнымъ противъ массы, вышедшей изъ законности, навести страхъ на все народонаселеніе, для того, чтобы продлить еще нѣкоторое время нынѣшнее положеніе дѣлъ.

Но рано или поздно теперешнее движеніе народа неизбѣжно проявится вновь и съ бо́льшею силой.

Отложить рѣшеніе вопроса трудно и опасно. Шаткость и неопредѣленность въ религіозной жизни народа должны неизбѣжно отозваться и на его нравственную и политическую жизнь. Притомъ же нѣтъ причинъ полагать, чтобы нынѣшнее движеніе не приняло еще болѣе широкихъ размѣровъ.

Для поддержанія Православія въ Лифляндіи оставалось бы только одно средство, а именно: поднять всѣ религіозныя учрежденія Православія на одинаковый уровень съ Лютеранскими учрежденіями. Къ несчастію, это средство стоило бы правительству огромныхъ денежныхъ пожертвованій, и успѣхъ онаго былъ бы сомнителенъ послѣ 19-лѣтняго пропущеннаго періода времени и при теперешнемъ взволнованномъ и въ отношеніи къ Православію непріязненномъ настроеніи умовъ крестьянъ.

Если же правительство не можетъ теперь употребить значительныхъ денежныхъ средствъ на новую попытку водворенія Православія въ Лифляндіи, или не желаетъ начать эры религіозныхъ гоненій, то тѣмъ не менѣе предстоитъ необходимость выйти изъ нынѣшняго, смѣю сказать, унизительнаго для Православія положенія, при которомъ масса народонаселенія, отвергающая въ душѣ Православіе, числится лишь для счета на спискахъ Православныхъ приходовъ и въ офиціальной перепискѣ правительства.

Чтобы выйти изъ этого положенія, открывается только одинъ исходъ: сохранить на лонѣ Православной церкви лишь тѣхъ изъ мѣстныхъ жителей, которые дѣйствительно исповѣдуютъ Православіе, съ предоставленіемъ всѣмъ прочимъ возможности слѣдовать, при исполненіи ихъ религіозныхъ обязанностей, одному влеченію ихъ совѣсти.

Для достиженія этой цѣли, разрѣшится ли родителямъ право крестить дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ въ Православную или въ Лютеранскую религію по ихъ выбору, или же разрѣшится пересмотръ и пересоставленіе въ широкихъ размѣрахъ списковъ вновь обращенныхъ, но во всякомъ случаѣ всѣ эти средства, хотя клонящіяся къ матеріальному уменьшенію числительности Православныхъ, поддержали бы нравственное достоинство вѣры болѣе, чѣмъ религіозныя гоненія, или же нынѣшнія попытки правительства удерживать уклоняющихся отъ Православія безуспѣшными полицейскими мѣрами.

ИСТОРІЯ ДОНСКОЙ ИСТОРІИ.

Напечатанная ниже сего записка моя была подана двумъ Донскимъ атаманамъ: генералу Краснокутскому въ 1877 и князю Святополкъ-Мирскому въ 1883 годахъ. Первый изъ нихъ, по началу, сочувственно отнесся къ моей мысли; а когда я сказалъ ему, что въ скоромъ времени буду видѣться съ Н. И. Костомаровымъ, то поручалъ передать ему, какъ земляку его, душевный привѣтъ и просьбу взять на себя трудъ составленія Исторіи Дона, прибавивъ, что онъ, атаманъ, со своей стороны, окажетъ дѣлу самую широкую поддержку. Въ Февралѣ или Мартѣ 1877 года я бесѣдовалъ съ Костомаровымъ, который радостно принялъ это предложеніе, заявивъ, что вознагражденіе за трудъ онъ предоставляетъ опредѣлить войсковому начальству, а на расходы по добыванію матеріаловъ назначалъ по 5 тысячъ рублей въ годъ. Съ такою хорошей вѣстью я возвратился въ Новочеркасскъ и обрадовалъ ею атамана, который, видимо, уже готовъ былъ перейти отъ словъ къ дѣлу. Но въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ загорѣлась война съ Турціей, и Краснокутскій, пригласивъ меня обождать нашимъ дѣломъ до ея окончанія, высказалъ надежду, что кстати въ скоромъ времени прибавится новая блестящая страница Донской Исторіи. Новая страница дѣйствительно скоро прибавилась; но атаманъ, по окончаніи войны, почему-то охладѣлъ къ предпріятію, которому, по началу, по крайней мѣрѣ на словахъ, такъ горячо сочувствовалъ. Въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ атаманства этого генерала, я не смотря на видимое равнодушіе его къ этому дѣлу, рѣшился одинъ разъ напомнить ему о Донской Исторіи, но, получивъ сухой отвѣтъ, состоявшій въ томъ, что Военное Министерство навѣрное не согласится тратить войсковыя суммы на литературное предпріятіе, я замолкъ до смѣны Краснокутскаго съ должности, въ 1881 году.

Покойный князь Н. И. Святополкъ-Мирскій, принявшій послѣ Краснокутскаго атаманскую власть, отличался своеобразнымъ, чтобъ не сказать болѣе, взглядомъ на гражданское развитіе Донского края. Ему все казалось, что поощреніе этого развитія непремѣнно должно нанести ущербъ военной сторонѣ казачьей жизни, а потому на всякую гражданскую мысль онъ если соглашался, то не скоро, частично, съ большою неохотою; если же на какой нибудь гражданскій шагъ требовались расходы изъ войскового сундука, то своеобразность его взгляда на дѣло проявлялась еще болѣе рельефно. Достаточно указать, съ какою скоростью возникъ въ Новочеркасскѣ Кадетскій

корпусъ и закрыты: классическая и женская гимназіи въ Усть-Медвѣдицкой т классическія же прогимназіи въ Нижне-Чирской и Каменской станицахъ, ичобы удостовѣриться, что этотъ генералъ, управлявшій Донскою областью 17 лѣтъ, былъ другомъ только военной стороны въ жизни Донского населенія. Не смотря на категорично и не разъ высказанныя покойнымъ княземъ мысли объ управленіи Донскимъ краемъ, я, однако, рѣшился попробовать и въ 1883 году туже самую записку о Донской Исторіи, только съ перемѣною титула, года, мѣсяца и числа, подалъ его сіятельству. Когда я, при этомъ, сказалъ атаману объ условіяхъ, на которыхъ Костомаровъ брался за составленіе Исторіи Донского казачества, то князь ужаснулся суммы, въ которую это сочиненіе обойдется войсковой казнѣ. По общему нашему съ нимъ приблизительному разсчету оказывалось, что итогъ расходовъ на это дѣло (предварительныя издержки, вознагражденіе за трудъ, печать и проч.) долженъ былъ нѣсколько превысить 40 тысячъ рублей, при чемъ разсчитывалось на выручку отъ продажи сочиненія половинной суммы; слѣдовательно, войсковая казна должна была поступиться на хорошее дѣло только 20-ю тысячами рублей. Князь обѣщалъ подумать, поразспросить, поразузнать. Прошелъ значительный промежутокъ времени, въ продолженіе котораго я вновь вошелъ въ переписку съ Костомаровымъ. Покойный историкъ предложилъ тѣже условія, при чемъ прибавилъ: 1, чтобы войсковое начальство исходатайствовало высочайшее соизволеніе на предоставленіе ему такого же широкаго права пользованія государственными архивами, какое давалось историку Соловьеву и 2, чтобы ему сообщенъ былъ списокъ всѣхъ печатныхъ сочиненій, относящихся къ Донской Исторіи. Послѣдній пунктъ я исполнилъ немедленно, а когда о первомъ требованіи профессора доложилъ князю Мирскому, то получилъ отъ него *прямой* отказъ, мотивированный какъ недостижимостью исполненія требованій Костомарова, такъ громадностью суммы, которую нужно было затратить на дѣло и безнадежностью возврата ея чрезъ продажу *будущихъ* книжекъ Донской Исторіи... На томъ и остановилось дѣло, которое я обязанъ сдать въ „Архивъ", такъ какъ на осуществленіе мысли, взлелѣянной не мной однимъ, потеряна всякая надежда.

Записка, поданная атаману Краснокутскому въ Январѣ 1877 года.

Исторія Донского войска, какъ обширной Русской области, имѣющей своеобразное устройство, слишкомъ интересна во многихъ отношеніяхъ. Донской край, съ самаго начала своей политической жизни, имѣлъ большое вліяніе на судьбу Русскаго царства, служа ему сначала оплотомъ отъ дикихъ ордъ Юга, а впослѣдствіи доставляя ему богатый и дешевый матеріалъ для всѣхъ войнъ, которыя вела уже собранная во едино Россія съ Европейскими и Азіатскими народами. Самое начало Донскихъ казаковъ, т. е. образованіе на Югѣ Россіи вольной, никому, по началу, не подчиненной военной общины, выработавшей

себѣ совершенно особое отъ другихъ провинцій устройство, составляетъ важную задачу для историка, ограничивающагося покуда догадками или прямо опускающаго завѣсу на причину происхожденія казаковъ и особенностей ихъ жизни. Мы не говоримъ уже о новѣйшихъ фазисахъ Донской Исторіи. Служа дополненіемъ къ исторіи Русскаго царства и какъ бы послѣдствіемъ или отраженіемъ Всероссійскихъ явленій въ жизни народа, эти фазисы не представляютъ собою той особенности, которая присуща имъ по самому свойству казачьей жизни. Всѣ эти особенности, «тѣни и полутѣни» Донской Исторіи, скрыты подъ спудомъ и еще не выглянули на свѣтъ Божій. «Историческое описаніе земли войска Донского», монографіи Ригельмана, Броневскаго и другихъ лицъ, открывая только офиціальныя и далеко неполныя стороны дѣла, не бросаютъ всесторонняго взгляда на исторію уголка, въ которомъ болѣе 300 лѣтъ развѣвается знамя «Бѣлаго Царя и Православной вѣры», знамя, на которомъ, при легкой зависимости Донской жизни отъ слабаго правительства, могла бы начертаться совсѣмъ иная надпись. «Историческое описаніе» — трудъ почтенный, но угнетенный существовавшими во время его составленія и теперь уже отжившими историческими пріемами и отсутствіемъ тѣхъ подробностей, которыя, при суровомъ взглядѣ на дѣло печати, не могли появиться на страницахъ этого сочиненія. Извѣстно, что множество матеріаловъ, добытыхъ для этого сочиненія въ разныхъ архивахъ, не вошло въ этотъ трудъ и возвращено туда, откуда было взято. Кромѣ всего этого, «Историческое описаніе» молчитъ о многознаменательныхъ событіяхъ почти всего 18 и начала 19 столѣтій, въ продолженіе которыхъ воинскія доблести Донцовъ били ключомъ и жизнь края вынесла такія органическія измѣненія, которыя просятся подъ перо историка, опирающагося на подлинные документы. Исторія Ригельмана—собственно не исторія, а историческій очеркъ, важный въ отношеніи домашней жизни Донскихъ казаковъ конца прошлаго столѣтія. Исторія Броневскаго есть грустная компиляція со всѣхъ сочиненій, изъ которыхъ что-нибудь говорилось о Донѣ. Къ числу поименованныхъ изданій по исторіи войска Донского можно указать еще на исторію, составленную, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, бывшимъ директоромъ Новочеркасской гимназіи, Поповымъ. Но эта книга, начинающаяся съ описанія самыхъ древнѣйшихъ обитателей Придонской страны, мало пополненная новыми матеріалами, не выдерживаетъ и самой снисходительной критики. Кромѣ упомянутыхъ сочиненій, есть еще нѣсколько очерковъ, даже не претендующихъ на историческій характеръ. Вотъ вся бѣдность, доставшаяся въ удѣлъ богатой Донской жизни, оригинальной, самобытной, кровавой.

Мысль, что истинная и пространная исторія Дона находится подъ сводами государственныхъ столичныхъ архивовъ—не новая мысль. Еще дѣятели «Положенія» 1835 года, начавшіе свою работу въ началѣ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, обратили на нее вниманіе.

Въ 1821 г. начинается усиленная дѣятельность по отысканію и собиранію матеріаловъ для Донской Исторіи. Руководить этимъ дѣломъ (подъ начальствомъ генерала Богдановича) поручено было В. Д. Сухорукову. Самъ Сухоруковъ занимался осмотромъ архива Новохоперской крѣпости и архивовъ станичныхъ; въ тоже время собирались имъ и народныя преданія на Дону. Одинъ изъ его сотрудниковъ (М. Г. Кучеровъ) былъ командированъ для осмотра архивовъ Астраханскаго, Царицынскаго и Дубовскаго; другой (А. К. Кушнаревъ), при участіи самого Сухорукова, работалъ въ крѣпости Св. Дмитрія (Ростовъ на Д.), гдѣ находились архивы крѣпостей Аннинской, Таганрогской и Азовской; третьему (Посвову) порученъ былъ архивъ Донской (въ Новочеркасскѣ). Не смотря на поспѣшность, съ какою производились эти работы, въ 5 мѣсяцевъ было собрано до 863 актовъ, относящихся ко времени съ 1646 по 1808 г. и 33 экземпл. плановъ, чертежей и картъ. Но этихъ актовъ было недостаточно для составленія полной Исторіи Донского края. И вотъ, съ перенесеніемъ Комитета по устройству войска Донского изъ Новочеркасска въ С.-Петербургъ, по ходатайству генералъ-адъютанта Чернышова, разрѣшено было допустить къ отысканію матеріаловъ для Донской Исторіи въ Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Сюда, въ 1823 году, былъ командированъ одинъ изъ сотрудниковъ Сухорукова, Кучеровъ. При содѣйствіи управлявшаго тогда Московскимъ архивомъ, сенатора Малиновскаго, и при участіи архивныхъ чиновниковъ, въ этомъ архивѣ собранъ былъ громадный запасъ матеріаловъ. Такъ было выписано изъ дѣлъ дворовъ: Турецкаго, Крымскаго и Персидскаго, а также дѣлъ Ногайскихъ, Донскихъ, Малороссійскихъ, кабинетныхъ—1558 актовъ и двѣ книги выписокъ изъ актовъ за время съ 1514 по 1742 годъ на 359 листахъ и нѣсколько списковъ съ рукописей, хранившихся въ библіотекѣ графа Толстого.

Группировка всего такимъ образомъ собраннаго и составленіе «Историческаго описанія» земли войска Донского возложены были на Сухорукова. Эти матеріалы дали Сухорукову возможность помѣстить, въ 1824 году, въ «Русской Старинѣ» Корниловича, обстоятельную историческую статью о Донѣ, совершенно измѣнившую существовавшій до того взглядъ на этотъ предметъ.

Но работы Сухорукова по исторіи перерывались другими занятіями и по Комитету, и по особой канцеляріи генералъ-адъютанта

Чернышова, а потому шли медленно. Въ концѣ 1825 года Сухоруковъ возвратился на Донъ и здѣсь уже посвятилъ весь свой досугъ «Историческому и статистическому описанію земли войска Донского». Трудъ этотъ былъ оконченъ имъ въ Іюлѣ 1827 года и, вмѣстѣ съ матеріалами, сданъ въ распоряженіе генерала Богдановича.

Несчастная судьба Сухорукова *) оторвала его совсѣмъ отъ этого дѣла. «Историческое и статистическое описаніе», вмѣстѣ съ матеріалами (пріобрѣтенными, по словамъ одного современнаго акта, *съ усиленными трудами и значительными для войска издержками*), уложено было въ «сундуки». Впослѣдствіи, съ 1830 года, «Описанія» подверглись пересмотру и исправленію по указаніямъ генерала Богдановича Эти послѣднія работы окончены къ 1835 г. Но отъ нихъ остались только: «Историческое», доведенное до начала восемнадцатаго столѣтія, и статистическое описаніе Донской области. Первое изъ этихъ описаній издано областнымъ статистическимъ Комитетомъ (въ 2-хъ томахъ), а послѣднее до сихъ поръ остается въ рукописи. Самые же матеріалы, собранные въ 20-хъ годахъ, утрачены, и всѣ попытки къ отысканію ихъ остались напрасными.

Послѣ 1835 года, въ теченіе почти 30 лѣтъ, для Донской Исторіи было сдѣлано весьма немного. Изрѣдка только появлялись въ мѣстныхъ «Войсковыхъ Вѣдомостяхъ» отдѣльные акты или описи нѣкоторымъ актамъ и мелкія статьи историческаго содержанія.

Съ 1863 года замѣчается болѣе оживленная дѣятельность на пользу историческаго дѣла. Первый починъ принадлежитъ бывшему редактору «Донскихъ Вѣдомостей» И. П. Прянишникову, напечатавшему сначала въ «Вѣдомостяхъ», а потомъ отдѣльнымъ Сборникомъ высочайшія грамоты на Донъ, какія только сохранились въ подлинникахъ или выпискахъ отъ 1571 года до 1863 года включительно.

Вслѣдъ за этими грамотами печатались въ «Вѣдомостяхъ», а потомъ на страницахъ «Донского Вѣстника» (съ 1866 г.) и «Донской Газеты» различные акты, описи актамъ и статьи, касающіяся той или другой стороны мѣстной исторіи. Появились двѣ-три монографіи, въ числѣ которыхъ болѣе видное мѣсто занимаетъ сочиненіе А. М. Савельева: «Трехсотлѣтіе войска Донского 1570—1870 гг.».

Въ 1866 году отъ Статистическаго Комитета командированъ былъ членъ его Х. И. Поповъ въ Хоперскій округъ для разборки тамошняго окружного архива и осмотра архивовъ станичныхъ. Поповымъ выбрано изъ окружного архива и доставлено въ Комитетъ довольно значитель-

---

*) Человѣкъ этотъ, бывшій правою рукою генералъ-адъютанта Чернышова, разомъ впалъ въ немилость и былъ имъ преслѣдуемъ до конца его жизни.

ное число дѣлъ, въ нѣсколькихъ связкахъ, и въ станичныхъ архивахъ немало интересныхъ актовъ, начинающихся 1681 годомъ. Часть этихъ актовъ издана въ трудахъ Статистическаго Комитета вып. I, 1867 г.; но большая ихъ часть остается до сихъ поръ не разработанною.

Впослѣдствіи вышелъ 2-й выпускъ трудовъ Статистическаго Комитета, и въ немъ помѣщено еще нѣсколько другихъ актовъ, хранившихся въ Комитетѣ. На этомъ пока дѣло и остановилось.

Изъ краткаго перечня трудовъ по исторіи Дона ваше превосходительство изволите усмотрѣть: 1) что собранные въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія матеріалы для Донской Исторіи, при измѣнившемся теперь взглядѣ на историческую науку, могутъ служить надежнымъ основаніемъ для серіозныхъ трудовъ по этой части, а къ тому же, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не всѣ они пошли въ дѣло; 2) что составленное изъ нихъ «Историческое Описаніе», не выполняя самыхъ незатѣйливыхъ требованій, молчитъ о Донской жизни за 18 и 19 столѣтія, 3) что труды Ригельмана, Попова, Броневскаго и отдѣльныя историческія монографіи въ одномъ случаѣ не выдерживаютъ самой слабой критики, а въ другомъ трактуютъ объ отдѣльныхъ проявленіяхъ Донской жизни, имѣя характеръ описанія историческихъ эпизодовъ и 4) что изъ собраннаго въ 20 хъ годахъ нынѣшняго вѣка историческихъ матеріаловъ одна часть вошла въ устарѣвшее и неполное «Историческое Описаніе», другая послужила основаніемъ только для нѣкоторыхъ монографій, а третья, самая серіозная, безслѣдно исчезла.

Общій государственный патріотизмъ слагается изъ патріотизмовъ частныхъ. Нельзя предположить, чтобы любящій Россію болѣе того не любилъ уголка, гдѣ онъ родился, вскормленъ и получилъ первоначальное воспитаніе. Эта, такъ сказать, частная любовь къ родинѣ покуда существуетъ на Дону, вмѣстѣ съ немногими другими Русскими окраинами, сильнѣе, нежели въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ общность интересовъ давно уже взяла верхъ надъ частностью ихъ. Донскія особенности не совсѣмъ еще уничтожены всесглаживающею рукою времени; въ Донской средѣ есть еще много дѣятелей, правда, далекихъ отъ мысли смотрѣть на свою страну какъ на государство въ государствѣ, но нетерпѣливо желающихъ сохранить для исторіи то, что̀ Донскіе казаки совершили за все время своей слишкомъ замѣтной роли въ объединеніи и укрѣпленіи Русскаго царства. Но съ каждымъ годомъ количество такихъ дѣятелей уменьшается: рука государственной централизаціи хотя незамѣтно, но съ неотразимою твердостью сглаживаетъ особенности Русскихъ окраинъ и, можетъ быть, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ на Дону уже трудно будетъ найти такихъ людей, которые, съ горячей любовью къ разъясненію родного бытописанія, отдадутъ себя

этому дѣлу. Тогда Донская исторія сдѣлается только эпизодомъ изъ исторіи Россіи, потерявъ колоритъ исторіи отдѣльной общины, политическое устройство которой, бытъ ея жителей, а также оригинальность и самобытность отношеній ея къ метрополіи заслуживаютъ, въ историческомъ смыслѣ, болѣе счастливой участи.

Въ этихъ видахъ я беру на себя смѣлость утверждать, что необходимо возобновить собираніе не добытыхъ или утерянныхъ историческихъ матеріаловъ для Донской Исторіи, употребивъ на это дѣло частицу войсковыхъ средствъ, которыя нимало не оскудѣютъ отъ ничтожной траты, имѣющей такую важную задачу, а потому полагалъ бы:

1) Испросить у правительства дозволеніе на открытіе столичныхъ государственныхъ архивовъ тѣмъ лицамъ, которыя будутъ назначены войсковымъ начальствомъ для собиранія матеріаловъ по Донской Исторіи.

2) Ходатайствовать объ ассигнованіи изъ войсковыхъ средствъ какъ на содержаніе назначенныхъ лицъ, такъ и на расходы по снятію копій, суммы, которая по разсчету окажется необходимою на время, приблизительно, не менѣе трехъ лѣтъ.

3) По собраніи этими лицами всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, или напечатать ихъ отдѣльнымъ сборникомъ или, для храненія ихъ, принять болѣе серіозныя мѣры сравнительно съ тѣми, какія принимались относительно матеріаловъ, собранныхъ въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, и

4) теперь же войти въ переговоры съ лицами, труды которыхъ по отечественной исторіи извѣстны всей Россіи (Костомаровъ, Иловайскій и другіе), относительно принятія ими на себя какъ руководства при собираніи матеріаловъ, такъ и составленія Исторіи Донского войска.

Представляя вышеизложенныя мысли мои на благоусмотрѣніи вашего превосходительства, я остаюсь въ увѣренности, что онѣ встрѣтятъ съ вашей стороны полное сочувствіе и именно потому, что имѣютъ цѣлью благо и пользу высочайше ввѣреннаго вашему управленію Донского войска.

А. Карасевъ.

Стихотворныя шутки С. А. Соболевскаго.

1.

Сколь ни обширна и пространна
Наука стряпать и варить,—
Ее Марія, Софья, Анна
Успѣли вѣрно изучить.
Угодно было имъ на волѣ
Постигнуть безъ большихъ трудовъ
Соленье въ уксусѣ, въ разсолѣ,
Варенье ягодъ и плодовъ.

2.

Когда-жъ Степанъ, Димитрій, Юрій
Мнѣ будетъ доля та дана,
Чтобъ съ вами за столомъ рогъ турій
Наполнить зеленà вина?
Облизывать мы будемъ губки,
Припасы разъѣдимъ всѣ въ пухъ,
И осушимъ съ наливкой кубки
За здравіе стряпухъ!

Г-НУ МИХЕЛЬСОНУ.

Въ Ноябрьской книжкѣ „Русской Старины" г. Михельсонъ указываетъ на Bibliothèque Universelle и Revue Suisse въ подтвержденіе того, что̀ имъ передано въ его статьѣ объ Авраамѣ СергѣевичѣНоровѣ (Май, „Русская Старина"). Остается нерѣшеннымъ вопросъ: какія побужденія руководили г. Михельсономъ въ разглашеніи недостойныхъ подробностей, которыя перешли отъ него и въ иностранную печать?

Г. Михельсонъ говоритъ, что я въ моемъ ему возраженіи („Русскій Архивъ" № 9) имѣлъ цѣль дать иной смыслъ его статьѣ, потому что я отождествилъ ошибочно личность домашняго секретаря съ камердинеромъ Авраама Сергѣевича, и по этому поводу онъ, г. Михельсонъ, ставитъ себя въ роль *защитника А. С. Норова*! Это новая насмѣшка надъ человѣкомъ, которымъ гордятся Русскіе люди, котораго уважали всѣ, отъ вельможи до простолюдина, который извѣстенъ былъ всему Европейскому ученому міру, который уже тридцать лѣтъ какъ сошелъ въ могилу и не можетъ объ полъ стукнуть своей Бородинской деревяшкой и произнести укоръ г. Михельсону.

Н. Поливановъ.

27-го Ноября 1898 года.
С. Надеждино, Дмитровскаго уѣзда, Моск. губ.

ВНИМАНІЮ ГОСПОДЪ ІЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ.

ИХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіе многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности.

Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются, вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ: въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю нелишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ, т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году будетъ выходить **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три большія книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.